

Российская ассоциация политической науки (РАПН)

Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России

**Политическая наука
перед вызовами
современной политики**

Материалы

**VII Всероссийского конгресса политологов,
Москва, 19–21 ноября 2015 г.**

Под общей редакцией

*О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова,
Л. Н. Тимофеевой*

**Москва
2015**

УДК 327
ББК 66.4
П50

Редакционно-издательская подготовка осуществлена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
грант № 15-03-14127

При реализации проекта используются средства государственной
поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением
Президента Российской Федерации
от 01.04.2015 №79-рп и на основании конкурса,
проведенного Обществом «Знание» России».

Организационный комитет:

О. В. Гаман-Голутвина (*председатель*), Л. Н. Тимофеева (зам. председателя), В. Г.
Барановский, А. Д. Воскресенский, К. В. Гонцов, А. П. Клемешев,
А. И. Никитин, Л. Е. Ильичева, А. П. Кочетков, С. В. Патрушев,
А. В. Соколов, А. К. Сорокин, А. Ю. Сунгуров,
М. Н. Шестакова (*ответственный секретарь*)

Программный комитет:

Л. В. Сморгун (председатель), А. В. Артемов, А. А. Дегтярев, М. В. Ильин, В. Г.
Лапкин, О. Ю. Малинова, Е. В. Морозова, М. М. Мчедлова,
Л. И. Никовская, Ю. С. Пивоваров, О. В. Попова, И. С. Семененко,
А. И. Соловьев, А. Ю. Мельвиль, Л. А. Фадеева, С. В. Чугров,
О. Ф. Шабров, В. Л. Шаповалов, Е. Б. Шестопал

П50 **Политическая наука перед вызовами современной политики.** Материалы VII
Всероссийского конгресса политологов, Москва, 19–21 ноября 2015 г. /
Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофее-
вой — Издательство «Аспект Пресс», 2015. — 1403 с. — Электронное изда-
ние в формате PDF.

ISBN 978–5–7567–0825–7

Сборник состоит из двух книг и содержит тезисы докладов и выступлений
российских и зарубежных участников VII Всероссийского конгресса политоло-
гов (Москва, 19–21 ноября 2015 г.) и IV Форума молодых политологов.

Тезисы даны в авторской редакции.

РАПН не несет ответственность за содержание статей. Мнение авторов не
обязательно совпадает с точкой зрения Организационного и Программного
комитетов VII Конгресса политологов.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0825–7

Электронное издание в формате PDF

© МГИМО (У) МИД России, 2015

© РАПН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 35

КНИГА 1

<i>В. Э. Абелинскайте, В. Е. Ганьшина.</i> Женщина в современной России: государственная политика и общественный дискурс.....	37
<i>В. С. Авдонин.</i> Об изучении политической науки в институтах РАН.....	38
<i>В. А. Авксентьев.</i> Этнополитические процессы на Северном Кавказе, политика идентичности и «энозис» Крыма.....	41
<i>Г. И. Авцинова.</i> Гражданское общество и государство в России как агенты социализации в условиях информационной войны.....	42
<i>С. Г. Айвазова.</i> Гендер как категория анализа массовой политики.....	45
<i>А. В. Акимов.</i> Разработка прогнозных сценариев развития стран Востока до 2050 г. и их экспертная оценка.....	47
<i>Т. С. Акопова.</i> Механизмы формирования политической повестки дня на примере Ярославской области.....	48
<i>А. С. Алексанян.</i> Профсоюзы и стратегическое управление трудовой миграцией в странах Евразийского экономического союза.....	50
<i>Д. В. Алексеев.</i> Общественно-политические СМИ как субъект влияния и формулирования информационных политических конфликтов.....	51
<i>Е. С. Арляпова.</i> ЕАЭС и Сербия: партнерство на расстоянии.....	53
<i>В. Н. Архангельский.</i> Оценка результативности демографической политики в отношении рождаемости в России на основе показателей для реальных поколений.....	55
<i>В. А. Ачкасов.</i> Этническое многообразие и политика интеграции в российских мегаполисах: решения и проблемы.....	57
<i>В. А. Ачкасова.</i> Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации.....	59
<i>Т. Б. Бадмацыренов.</i> Политизация буддизма в интернет-пространстве.....	61
<i>Е. У. Байдаров.</i> Национальная идея и идеология в Казахстане: к постановке вопроса.....	62
<i>К. Ш. Байсултанова.</i> Формирование модели взаимоотношений государства и гражданского общества в Казахстане.....	64
<i>А. В. Баранов.</i> Кризис украинской национальной идентичности как фактор фрагментации государства.....	66
<i>А. Л. Бардин.</i> Патриотизм как дискурс идентичности.....	68
<i>И. Н. Барыгин.</i> Эволюция крайне правых политических идеологий в современной Европе.....	70
<i>Ю. М. Баскакова.</i> Одна страна, одна мечта: на чем держится политический консенсус масс.....	72

<i>Д. В. Басова.</i> Пространственные идентичности в постмодернистской парадигме. Пример Выборга и Кронштадта.....	74	<i>И. А. Быков.</i> Телевидение, социальные сети и политическая коммуникация в студенческой среде.....	114
<i>Е. Г. Бахтеева.</i> Политические риски трансформации формирования и восприятия образов женщины и мужчины в политике.....	76	<i>Н. А. Васильева.</i> Евразийский экономический союз: имиджевый фактор для России.....	115
<i>М. И. Безбородов.</i> Государство и церковь в современной России: региональное измерение (на примере Республики Карелия).....	78	<i>В. Н. Ватиль.</i> Евразийская интеграция: место и роль идейно-символического дискурса.....	117
<i>В. Я. Белокриницкий.</i> Пространственная организация мира и трансформация Южноазиатского региона.....	80	<i>А. Б. Вебер.</i> Что препятствует консолидации российского общества?.....	119
<i>О. С. Березкина.</i> Политическая теория как поле перереформирования господствующих дискурсов.....	82	<i>А. И. Веревкин.</i> Политическая мобилизация и «чуткое» правительство в контексте проблемы управляемости государства.....	121
<i>А. О. Берман.</i> Механизмы и каналы рекрутирования и ротации политических элит в Израиле.....	84	<i>И. А. Ветренко.</i> Роль средств массовой информации в деятельности региональной власти (на примере Омской области).....	123
<i>С. В. Беспалов.</i> Административные реформы в России и перспектива перехода к мультимодальной системе государственного управления.....	86	<i>М. Г. Власова.</i> Профессионализация разведывательного анализа для обеспечения национальной безопасности: мировая практика и проблемы России.....	125
<i>Т. В. Беспалова.</i> Трансформация идеологии и ценности государственного патриотизма: политологический анализ.....	88	<i>П. А. Вовкодав.</i> Кризис государственной политики регулирования иммиграции и интеграции иммигрантов в Великобритании: сложности и перспективы преодоления.....	127
<i>М. И. Богачев.</i> Бремя выборов: голосование за «Единую Россию» среди разновозрастных православных верующих.....	91	<i>К. Г. Водопьянов.</i> Пост-постъялтинская система международных отношений: что дальше?.....	129
<i>И. В. Богдан.</i> Бессознательные аспекты репрезентации политических ценностей: некоторые результаты эмпирического исследования.....	93	<i>В. А. Волков.</i> Политическая экология как вектор развития государственной политики.....	131
<i>В. С. Бойко.</i> Политика России в Афганистане в контексте новой геополитической ситуации 2000 — середины 2010-х годов.....	95	<i>А. В. Волкова.</i> Особенности формирования и развития политико-административных институтов развития: сравнительный анализ Индии и России.....	133
<i>А. Г. Большаков.</i> Рейтинг межэтнической напряженности и стабильности в российской региональной политике: параметры научной достоверности исследования конфликтов.....	98	<i>М. А. Володина.</i> «Бельгийские кружева» европейской политики с точки зрения опыта Марокко.....	136
<i>Н. А. Борисов.</i> Модели президентализма в государствах постсоветского зарубежья в условиях демократии и авторитаризма.....	100	<i>А. Г. Воржецов.</i> Россия — особая цивилизация или стержневое государство в православной цивилизации?.....	138
<i>Н. В. Борисова, К. А. Сулимов.</i> «Разрыв повестки» и проблема субъектности политических акторов: реформа МСУ в современной России.....	102	<i>А. Д. Воскресенский.</i> Практика глобальности и локальности мирового пространства регионов.....	140
<i>Е. В. Бродовская.</i> Отношение россиян к политическим функциям глобальной сети: результаты всероссийского социологического исследования.....	104	<i>О. А. Габриелян.</i> Идеология в культуре повседневности.....	142
<i>Е. Г. Брындин.</i> Благополучие БРИКС.....	106	<i>М. В. Гаврилова.</i> Сопоставительный анализ концептуальной структуры инаугурационной речи российских президентов (на примере концепта «народ»).....	144
<i>А. Ю. Бубнов.</i> Проблема определения идеологических позиций сообществ Рунета.....	108	<i>Л. И. Газизова, А. М. Шахметов.</i> Региональные различия в образах власти.....	146
<i>Д. А. Будко.</i> Политический юмор как отражение повестки дня (на примере политических анекдотов на тему санкций).....	110	<i>А. А. Галкин.</i> Общественное сознание и политическая стабильность.....	148
<i>И. М. Бусыгина.</i> «Державы на подъеме»: характер феномена и его устойчивость.....	112	<i>Х. С. Галстян.</i> Перспективы урегулирования этнополитических конфликтов в рамках евразийского интеграционного проекта.....	150
		<i>И. И. Гамилов.</i> Стратегия и внешняя политика: некоторые теоретико-методологические проблемы.....	152
		<i>А. В. Глухова.</i> Политическая наука в регионе: воронежский пульс.....	154

<i>А. А. Гнедаш.</i> Теория и практика становления институтов гендерного равенства на территории Краснодарского края	156
<i>К. А. Говорухина.</i> Средства и технологии политической пропаганды и PR в условиях глобального информационного пространства	158
<i>Ю. А. Головин.</i> Развитие политической мысли в Ярославле в XIX в.	161
<i>И. Б. Гонтарева.</i> Политическое доверие: концептуальное измерение	163
<i>М. В. Горбачев.</i> Цивилизация как дискурсивный проект современной России: политические аспекты.....	165
<i>М. Б. Горный.</i> Общественный контроль за органами власти в России: правовое регулирование и реальная практика	166
<i>М. Н. Грачев.</i> Онлайн-делиберация как сетевой компонент демократии будущего.....	169
<i>Г. Д. Гриценко.</i> Региональная безопасность на Северном Кавказе: эксперты о рисках и угрозах.....	171
<i>Н. В. Гришин.</i> Могут ли институты обеспечить демократический характер выборов?.....	172
<i>О. Е. Гришин.</i> Политическая стабильность: факторы и инновации	174
<i>Е. В. Гулина.</i> Проблемы и перспективы гармонизации евразийских интеграционных проектов России и Китая	176
<i>В. А. Гуроров.</i> Возможен ли консенсус в теоретической интерпретации проблемы возникновения политики?	178
<i>Э. Д. Дагбаев.</i> Политическое сознание монгольской молодежи в современных условиях	180
<i>Ю. В. Даниюшина.</i> Мемы как орудие «мягкой силы» в гибридных войнах (на материале Украины)	182
<i>А. В. Дахин.</i> Россия в современном мире стратегий и уязвимостей: подход в свете <i>Intermestic</i>	184
<i>А. В. Девятков.</i> Максимумы «восточной политики» Германии и их последствия для России.....	185
<i>Н. В. Дергунова.</i> Доверие политическим институтам как фактор политического поведения (по результатам региональных исследований).....	188
<i>Ж. Х. Джунусова.</i> Этнополитический процесс: опыт сравнительного анализа.....	190
<i>Ф. А. Джураев.</i> Проблемы сотрудничества и народной дипломатии в СМИ.....	192
<i>А.-Н. З. Дибиров.</i> К вопросу о легитимных основаниях государственности	195
<i>Е. Г. Довбыш.</i> Социокультурные и социально-экономические конфликты в глобальных городах: возможные пути предотвращения, разрешения и урегулирования.....	197
<i>С. П. Донцев.</i> Демократия и демократические ценности в публичном дискурсе российских религиозных организаций	199

<i>Г. И. Досагамбетова.</i> Местное самоуправление как институт публичной власти в Казахстане.....	201
<i>В. В. Дубицкий.</i> Оценка региональной и муниципальной политической элиты ключевыми социальными группами регионального сообщества Омской области	203
<i>А. В. Дука.</i> Элита между публичностью и приватностью	205
<i>Е. Г. Дьякова.</i> Развитие электронного правительства в Китае: «административная мода» и национальная специфика.....	207
<i>Н. А. Евдокимов.</i> К вопросу об основных политических признаках современного левого движения	209
<i>М. Г. Евтодьева.</i> Украинский кризис и обвал системы военно-политического и военно-технического сотрудничества России со странами ЕС и НАТО	211
<i>Р. В. Евстифеев.</i> Российская государственность: <i>Past Path Dependency</i> и (или) веер альтернатив.....	213
<i>С. М. Елисеев.</i> Политическая наука и многомерность современного мира.....	215
<i>Е. В. Ефанова.</i> Радикализация молодежных общественно-политических движений в условиях структурных изменений в России.....	217
<i>В. Н. Ефремова.</i> Символическая политика государства в отношении российских праздников после 2012 г.	219
<i>З. А. Жаде.</i> Сложносоставной характер политико-правовой идентичности	221
<i>В. В. Желтов.</i> Эксперты как акторы публичной политики (к постановке проблемы).....	223
<i>К. Женгота.</i> Калининградская область — регион сотрудничества России и Европейского союза	228
<i>М. А. Завадская, А. В. Гилёв.</i> Основания электорального клиентелизма: модернизация, институты и ценности.....	230
<i>Н. А. Завершинская.</i> Техники гендерной деконструкции событий Второй мировой войны.....	232
<i>К. Ф. Завершинский.</i> Политико-антропологические измерения современных политических коммуникаций.....	234
<i>О. И. Зазнаев.</i> Манипуляции с формами правления как политический ресурс	236
<i>Д. Н. Замятин.</i> Сопространственность политики: место и политический дискурс.....	238
<i>А. О. Зиновьев.</i> Возвращение «государства и права» в исследования политики и изучение политических идеологий	240
<i>Е. С. Зиновьева.</i> Цифровая дипломатия в контексте международной безопасности	242

<i>В. Г. Иванов.</i> <i>Charts power</i> — страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент «мягкой силы»	243
<i>М. В. Иванова.</i> Способы измерения выборов в электоральном авторитаризме: индекс диспропорциональности или кооптации?	246
<i>А. В. Игнатов.</i> Инструменты повышения международного авторитета новых независимых государств	248
<i>А. М. Игнатова.</i> Особенности взаимодействия государства и общества в современной России: стратегическое направление «Открытые данные»	250
<i>Н. П. Игнатьев.</i> Эволюция модели взаимоотношений власти и бизнеса в Республике Татарстан в условиях экономического кризиса	253
<i>А. Ю. Ильин.</i> Модернизация политического образования: проблемы и перспективы	255
<i>Л. Е. Ильичева.</i> Механизм торга в достижении согласия между бизнесом и государством в системе ГЧП.....	257
<i>В. А. Иноземцева.</i> Роль экспертного сообщества в публично-властных коммуникациях (опыт Республики Карелия).....	259
<i>Ю. В. Ирхин.</i> Неопостмодернистские подходы и виртуальное проектирование в политической коммуникативистике.....	261
<i>Б. А. Исаев.</i> Геополитический статус, геополитическое развитие и современная геополитика	263
<i>Е. А. Исаева.</i> Роль Общественных палат и жителей региона в формировании общественных советов в субъектах Российской Федерации	266
<i>Ю. А. Кабанов.</i> «Открытое правительство» в странах ОЭСР и БРИКС: оценка и сравнительный анализ	268
<i>А. А. Казаков.</i> Фрейминг и установление атрибутивных повесток дня как механизмы редакционной политики печатных массмедиа (на примере освещения конфликта на юго-востоке Украины «Российской газетой», «Новой газетой» и «Нью-Йорк таймс»).....	270
<i>В. М. Капицын.</i> Этнизация политики и политизация этнической идентичности	272
<i>А. Ю. Карпова.</i> Веская сила (solid power) как доктринальная основа новой внешнеполитической стратегии России.....	274
<i>М. Е. Карягин.</i> Открытые данные в федеральных органах исполнительной власти как механизм (инструмент) открытости	277
<i>В. А. Касамара.</i> Представления российских студентов о ключевых событиях истории России	279
<i>Ш. Р. Кашаф.</i> Россия и мусульманский мир: векторы модернизации и ретрадиционализации в общественном идентитарном пространстве.....	281

<i>А. А. Кинякин.</i> Суверенные фонды благосостояния как глобальные политико-экономические акторы: к оценке политического воздействия.....	283
<i>Д. И. Кисеев.</i> Новые формы экономического взаимодействия на пространстве СНГ в условиях изменившихся геополитических реалий.....	285
<i>И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова, К. Г. Храброва.</i> Отсутствие поддержки внешнеполитического курса как фактор внутривнутриполитических потерь лидера.....	288
<i>Е. Г. Кожин.</i> Системное понимание азиатско-тихоокеанского регионализма.....	290
<i>Н. Н. Козлова.</i> Модель анализа политической теории с позиций гендерного подхода (на материалах политической философии российского консерватизма XIX в.).....	291
<i>Е. В. Колдунова.</i> Нормативные культуры: региональное и глобальное измерения	293
<i>В. А. Колосов.</i> Опыт изучения региональных конфликтов в постсоветском пространстве методами критической геополитики	295
<i>А. И. Кольба.</i> Event-менеджмент в политическом управлении конфликтами	297
<i>В. С. Комаровский.</i> Формирование национально-государственной идентичности России: выбор модели.....	299
<i>Б. М. Кондорский.</i> Использование концепции революционного периода для анализа важнейших политических явлений и событий	301
<i>А. Е. Коньков.</i> Крым как новый институт развития.....	303
<i>Г. А. Копп.</i> Проблема европейской интеграции в дискурсе крайне правых политических сил современных ФРГ и Великобритании	305
<i>А. И. Корюшкин.</i> Наука и политика в современной американской науке о политике	307
<i>А. И. Костин.</i> Глобализация и мировой порядок в условиях кризиса международных отношений	309
<i>А. П. Кочетков.</i> Усиление противоречий в российской политической элите в условиях возрастания конфронтации с Западом	311
<i>Е. В. Кочкина.</i> Финансово-бюджетные ограничения для политики социального равенства в субъектах РФ	313
<i>О. В. Красильникова.</i> Особенности политической адаптации русскоязычных мигрантов в ФРГ	315
<i>Ю. А. Красин.</i> Императивы консолидации и плюрализм сознания	317
<i>Л. В. Кубанова.</i> Общественное представительство этнического меньшинства абазин в Карачаево-Черкесской Республике: реалии и перспективы	319

<i>Н. Ю. Кудеярова.</i> Латиноамериканская миграция в США в фокусе межпартийной политической борьбы	321
<i>И. В. Кудряшова.</i> Арабское государство до и после «арабской весны»	323
<i>С. И. Кузина.</i> Инверсии теории справедливой войны в современном мире.....	325
<i>Д. В. Кузнецов.</i> Россия, США и Китай в современном мире: взаимные представления российской, американской и китайской молодежи	327
<i>А. М. Кузьмина.</i> Контрактный выбор как механизм публичной политики	330
<i>Е. С. Куква.</i> Состояние идентификационного пространства молодежи Северного Кавказа и перспективы национальной консолидации.....	332
<i>А. С. Кулина</i> Влияние украинского кризиса 2014 г. на российско-испанские отношения	334
<i>А. Н. Кулик.</i> Справедливость в современном обществе: гибкий баланс между свободой и равенством	336
<i>Л. М. Куракина.</i> Отношение современной студенческой молодежи к факторам победы в Великой Отечественной войне (по материалам сравнительного исследования).....	339
<i>Д. Д. Курносков.</i> Правый экстремизм в Великобритании как вызов национальной безопасности	341
<i>А. М. Кучинов.</i> Рефлексия и подражание в гражданских и политических практиках: на пути к эмпирической операционализации	342
<i>М. Л. Лагутина.</i> Глобальная регионализация в XXI в.: к миру регионов?.....	344
<i>Д. А. Ланко.</i> Региональный подход в теории и практике международных отношений	346
<i>С. А. Ланцов.</i> Этапы эволюции идеологии украинского национализма	348
<i>В. В. Ланкин.</i> Украинский казус постсоветской политической эволюции ...	350
<i>О. В. Латышева.</i> Политический дискурс сетевых коммуникативных площадок: инструментальные характеристики.....	352
<i>М. М. Лебедева.</i> Многоуровневая дипломатия в современном глобальном управлении (на примере урегулирования конфликтов).....	355
<i>Ю. Г. Лебедева.</i> Специфика формирования метадискурсивных практик в российском электоральном процессе посредством технологий массовой культуры	357
<i>В. Г. Ледаев, А. Е. Чирикова.</i> Муниципальная реформа и распределение власти в малом российском городе	359
<i>В. П. Макаренко.</i> О советских традициях Ростовского отделения РАПН.....	361
<i>Е. Г. Маклашова.</i> Конструирование идентичности в национальном регионе России (на материалах Республики Саха (Якутия))	363
<i>А. В. Макухин.</i> Основные факторы, влияющие на течение электорального процесса в современной республике Молдова	365

<i>О. Ю. Малинова.</i> Современные практики политического использования прошлого как предмет исследования	367
<i>Е. М. Малышева.</i> Национальные интересы и государственная безопасность Российской Федерации в современных геополитических реалиях	369
<i>А. Н. Маринович.</i> Потенциал Интернета для реализации сетевой политики	371
<i>В. С. Мартьянов.</i> Политический порядок демократии в рентной перспективе.....	373
<i>Д. С. Мартьянов.</i> Ценности постматериалистских партий второй волны (на примере пиратских партий).....	375
<i>А. Н. Марчуков.</i> Основные препятствия для развития «публичной дипломатии 2.0» в российской внешнеполитической деятельности.....	377
<i>М. Э. Меджитов.</i> Внеочередные парламентские выборы в Украине 2014 г. (политологический анализ)	379
<i>Г. А. Меньшикова.</i> Экспертиза деятельности государственных учреждений и органов власти как современный институт социального контроля.....	382
<i>М. Ю. Мизулин.</i> Методика расчета и трансляции рейтинга государственного суверенитета	384
<i>И. В. Мирошниченко.</i> Научная школа «Публичная политика и государственное управление» в Кубанском государственном университете	386
<i>О. А. Мирясова.</i> Влияние включенности в общественную и политическую активность на восприятие выборов и протестов «За честные выборы».....	388
<i>Т. Н. Митрохина.</i> Проектирование политики: объяснительные возможности концепта «политический проект».....	390
<i>Т. А. Михайлова.</i> Национальные интересы России и международное сотрудничество в Арктическом регионе	392
<i>В. А. Михеев.</i> Социальные конфликты в условиях кризиса: проблемы регулирования.....	395
<i>И. В. Моисеева.</i> Анализ содержания образов реального и идеального парламента в массовом сознании	397
<i>М. А. Молокова.</i> Дисфункции публичной сферы и публичной политики как источники социально-политических напряжений в региональной политике (на примере Курской области).....	399
<i>С. И. Морозов, Н. С. Черных.</i> Россия в условиях современных модернизационных вызовов: технологии формирования инновационных групп.....	401
<i>Е. В. Морозова.</i> Эвристический потенциал теории фронта в исследовании идентичности	403

<i>Е. Г. Морозова.</i> Эффективность государственного управления: соотношение экономического и политического подходов	405	<i>Т. В. Павлова.</i> Современная демократия и массовая политика: проблемы теории.....	449
<i>Г. И. Мусихин.</i> Политический миф: между идеологией и утопией.....	407	<i>М. Ю. Павлютенкова.</i> Трансформация концептуальных основ электронного правительства.....	451
<i>Н. И. Мустафаева.</i> Основные тренды реформы ООН.....	409	<i>Н. В. Панкевич.</i> Трансформация мировой политической системы и эволюционные альтернативы для муниципалитетов в глобальном мире.....	453
<i>Д. З. Мутагиров.</i> К вопросу о соотношении прав народов и государств	411	<i>В. И. Пантин.</i> Проблемы консолидации российского общества в условиях возрастания политических рисков и угроз	455
<i>У. К. Мутаев.</i> Понятие Родины в сознании дагестанцев как ресурс политического управления	413	<i>С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова.</i> Политика множества vs политика граждан vs политика масс: развитие институциональной модели массовой политики	457
<i>Н. М. Мухарямов.</i> Языковая политика: некоторые аналитические дистинкции	414	<i>В. Ф. Пенькова.</i> Коммуникативные ресурсы политики	459
<i>Д. С. Мухортов.</i> Прагмасемантическая интерпретация вербальных характеристик политического лидера (на примере Б. Клинтона и Дж. Буша-мл.)	417	<i>Н. В. Плотичкина.</i> Социология политического просьюмеризма: основные исследовательские концепты и практики	461
<i>М. М. Мчедлова.</i> Религия и светскость: вызовы и угрозы современности.....	419	<i>Д. С. Плотников.</i> Украинский кризис и эволюция межэтнической политики Казахстана.....	463
<i>Е. О. Негров.</i> Реализация «мягкой силы» в приграничных регионах РФ: анализ регионального внешнеполитического дискурса в Северо-Западном федеральном округе	421	<i>Я. А. Пляйс.</i> К вопросу о формировании новой элиты в России	465
<i>А. В. Некипелов.</i> Социально-культурное продвижение гражданских инициатив в современной молодежной политике	423	<i>Т. А. Подшибякина.</i> Форсайт: возможности сетевых методов анализа	467
<i>С. В. Нестерова.</i> Динамика восприятия В. В. Путина (третий президентский срок)	425	<i>Н. В. Полякова.</i> Политика памяти в современной Франции: между коллаборационизмом и сопротивлением.....	469
<i>О. А. Нестерчук.</i> Основания конструирования российско-московской культурной идентичности в контексте современной молодежной политики.....	428	<i>И. А. Помигуев.</i> Особенности применения теории вето-игроков при изучении законодательного процесса в России.....	471
<i>Д. Н. Нечаев.</i> Управленческая парадигма централизации–децентрализации в отношении сельских поселений как органов МСУ (на примере областей ЦЧР)	430	<i>Е. Г. Пономарева.</i> Балканы как зона (дез)интеграции.....	472
<i>А. А. Никифоров.</i> Общественная повестка и волны протеста в эпоху социальных медиа	432	<i>М. Е. Попов.</i> Региональные конфликты как вызовы социокультурной интеграции: российская специфика	474
<i>Л. И. Никовская, В. Н. Якимец.</i> О роли публичной политики в отстаивании общественных интересов.....	434	<i>О. В. Попова.</i> Политическая идентичность российской молодежи	477
<i>А. Н. Николаев.</i> Социокультурные аспекты противостояния России с Западом.....	436	<i>В. И. Постол.</i> О гражданском обществе сквозь призму неолиберализма	478
<i>Г. Ю. Носаненко.</i> «Третий сектор» в публичной политике города (по материалам эмпирического исследования НКО в Республике Татарстан).....	438	<i>С. П. Поцелуев.</i> Уровни и формы идентификации с идеологией: к теоретическим предпосылкам одного социологического исследования	481
<i>О. Г. Овчарова.</i> Гендерная асимметрия политики: тенденции региональных и глобальных трансформаций	440	<i>Л. Я. Прокопенко.</i> Институт первой леди: африканский вариант	483
<i>И. Ю. Окунев.</i> Методологический синтез в современной геополитике: навстречу неоклассической (посткритической) геополитике.....	442	<i>В. Пророк.</i> Глобализация и ценности цивилизаций	485
<i>О. В. Оношко.</i> Государственная политика мифотворчества на Украине в сфере европейской интеграции: после «Евромайдана»	444	<i>И. Л. Прохоренко.</i> Меж- и трансрегионализм в политике Европейского союза и проблема формирования новых политических идентичностей.....	487
<i>Г. И. Остапенко.</i> Столица как инструмент продуцирования символов.....	446	<i>К. А. Пунина.</i> Университет в региональном политическом пространстве	489
		<i>Ю. А. Пустовойт.</i> Идеологи, политики и менеджеры в системе городской власти: история и современность	491
		<i>Г. В. Пушкарева.</i> Субъективный политический мир как категория политической психологии	493

<i>М. В. Пчельников.</i> Исследование потенциала коммунитарных (муниципальных) обязанностей местного сообщества в области обеспечения благоприятной окружающей среды	495
<i>С. Н. Пишизова.</i> Политические коммуникации как инструмент легитимации государственной политики.....	497
<i>Н. К. Радина.</i> Трансформации солидарности и альтруизма контексте региональной идентичности (на материале Нижегородского региона, 2002–2014 гг.)	499
<i>Н. М. Ракитянский.</i> Политико-психологическое рассмотрение феномена русского исламизма	501
<i>З. Л. Расулзаде.</i> Геополитика США на Кавказе	504
<i>В. А. Родионов.</i> Формальные институты и неформальные практики политического процесса в постсоциалистической Монголии.....	506
<i>С. С. Рожнева.</i> Мифологема «национальная идея» в программах политических партий современной России	508
<i>Д. Ю. Романова.</i> Политическая реакция стран на угрозы со стороны тоталитарных религиозных культов	510
<i>А. А. Романовский.</i> Практика организации местного самоуправления в Воронежской области.....	513
<i>Д. В. Руденкин.</i> Смысловые коннотации проблемы справедливости в российском сегменте Интернета: результаты онлайн-опроса	515
<i>О. Ф. Русакова.</i> Европейский дискурс политики памяти: конфликты и реформы	517
<i>М. И. Рыхтик.</i> Транснациональные государственно-частные партнерства в современном политическом процессе на глобальном уровне	519
<i>О. В. Рябов.</i> «Родина-мать» в легитимации и делегитимации власти в современной России.....	521
<i>Т. Б. Рябова.</i> «Столкновение маскулинностей»? Репрезентации мужественности лидеров государств в современном геополитическом дискурсе	523
<i>Н. А. Рябченко.</i> Социальные сети и сетевые сообщества в социально-политических исследованиях: стохастическое моделирование поведения.....	525
<i>Р. В. Савенков.</i> Слабости современной левой политической оппозиции в постсоциалистических странах (на примере России, Украины, Польши).....	527
<i>Л. В. Савинов.</i> Реализация стратегии государственной национальной политики в региональном содержании: базовые направления и перспективы	530
<i>Е. В. Саворская.</i> Европейский союз в глобальном экологическом управлении	532

<i>В. Т. Сакаев.</i> Россия в глобальной политике: политико-демографический анализ	535
<i>И. В. Самаркина.</i> История и современность: современные технологии реконструирования политической картины мира.....	537
<i>Е. Н. Самбурова.</i> Роль Китая в трансформации мирового хозяйства на глобальном и региональном уровнях	539
<i>Т. Н. Самсонова.</i> Динамика политического лидерства в современном мире	541
<i>И. И. Санжаревский.</i> Инверсионно-ресурсная модель власти: демократия как политический режим конвертации ресурсов во власть.....	543
<i>В. А. Сапрыка.</i> Ценностно-смысловые паттерны в российско-украинском приграничье: возможности общественной дипломатии.....	545
<i>Н. П. Сащенко.</i> Медиаресурс в символическом пространстве легитимности власти России	548
<i>С. А. Севастьянов.</i> Политические партии в условиях трансформации системы партийно-политического представительства: региональное измерение	550
<i>А. В. Селезнева.</i> Современный российский социум: состояние и динамика ценностных изменений	552
<i>Е. С. Селиванова.</i> Кластерный подход в деятельности акторов общественного контроля по противодействию коррупционным проявлениям на региональном уровне (на примере Воронежской области)	554
<i>И. С. Семеновко.</i> Природа межнациональной конфликтности и ресурсы ее регулирования: потенциал гражданской идентичности	556
<i>С. А. Сергеев, А. В. Кузнецова.</i> Национализм и революция: сложная взаимосвязь	558
<i>О. А. Сиденко.</i> Политическое измерение технологий	560
<i>В. В. Сидоров.</i> Формирование предвыборных партийных коалиций.....	562
<i>О. С. Скороходова.</i> Муниципальная власть в Саратовской области: городское измерение	564
<i>В. Г. Скочилова.</i> Исследование влияния культурно-символического «контекста» на политическую социализацию томской студенческой молодежи	566
<i>В. Б. Слатинов.</i> Трансформация систем управления муниципалитетами в ходе нового этапа реформы местного самоуправления: условия, факторы, эффекты.....	568
<i>В. С. Слобожникова.</i> Религиозный фактор в партийном строительстве современной России (с 2012 г.)	570

<i>А. Г. Смирнова.</i> Восприятие «иранской ядерной угрозы» президентами США Дж. У. Бушем и Б. Обамой: сравнительный анализ	573	<i>И. Н. Трофимова.</i> Особенности и противоречия консолидации российского общества в условиях кризиса 2014–2015 гг.	615
<i>Л. В. Сморгунюв.</i> Инклюзивное развитие и интеграция в БРИКС	575	<i>А. А. Трущева.</i> Консервативные ценности в массовом сознании: к вопросу о смысловом наполнении содержания (на примере ценностей «сильного государства», «традиций», «патриотизма» и «стабильности»).....	617
<i>Н. В. Смутькина.</i> Избирательная кампания: значимость контекстных факторов политического восприятия	577	<i>Р. Ф. Туровский.</i> Местное самоуправление в России: неудавшийся проект?	620
<i>А. В. Соколов.</i> Рационализация политического протеста в России	579	<i>Р. Х. Усманов.</i> Кавказско-Каспийский регион — трансформация современной политики: региональное измерение вызовов нового цикла развития	622
<i>А. И. Соловьев.</i> Государство как проектировщик политических стратегий	581	<i>Л. А. Фадеева.</i> Политическая наука и политологическое сообщество: пермский случай	624
<i>А. Г. Соломатин.</i> Либеральная идеология в российском обществе конца XX — начала XXI в. (аксиологический аспект).....	583	<i>А. С. Фалина.</i> Государственное управление: проблема политической ренты и сетевой коррупции.....	626
<i>Е. О. Сони́на.</i> Институциональные факторы функционирования современного государства: есть ли кризис?	585	<i>А. Е. Фоминых.</i> Экологическая публичная дипломатия: опыт США и перспективы для России	628
<i>А. А. Сорокина.</i> Синдром политической ностальгии у российских студентов	587	<i>А. А. Фролов.</i> Тенденции развития гражданской активности в современной России.....	630
<i>Д. В. Сосунов.</i> Региональная экспертиза политико-управленческих решений (на примере Воронежской области).....	589	<i>Е. А. Хан.</i> Опыт Организации Объединенных Наций по созданию системы раннего предупреждения конфликтов в Крыму.....	632
<i>А. Ю. Сунгуров, Е. А. Глухова.</i> Взаимодействие Уполномоченного по правам человека и экспертного сообщества: опыт российских регионов.....	591	<i>О. А. Харина.</i> Основные тенденции в политике Китая в Южной Азии	634
<i>Ц. Сунь.</i> Трансформация образа героя и изменения национально-государственной идентичности в современном китайском обществе.....	593	<i>Е. М. Харитонова.</i> Программы содействия развитию: взгляд сквозь призму идентичности	636
<i>Е. В. Суслов.</i> От Вестфаля до Ялты и Потсдама: эволюция способов предупреждения и разрешения международных конфликтов.....	595	<i>М. В. Харкевич.</i> Глобальное управление как функциональная дифференциация глобального общества.....	638
<i>Н. В. Сухов.</i> Русскоязычные сообщества как фактор общественной дипломатии на Ближнем Востоке	598	<i>В. А. Харченко.</i> Конституционный статус русского языка в Таджикистане: миф или реальность?	640
<i>И. Н. Тарасов.</i> Ксенофобия и правый радикализм в современной Венгрии	600	<i>К. Х. Хас.</i> Общественная дипломатия как необходимость в российско-турецких отношениях.....	642
<i>П. В. Тарусин.</i> Трансформация региональных элит Крыма и Донбасса в ходе кризиса на Украине	602	<i>Л. Л. Хопёрская.</i> Миграционная политика России: новые факторы трансформации	644
<i>Л. Н. Тимофеева.</i> Власть в проекции коммуникации	604	<i>Н. А. Цветкова.</i> Смена парадигмы в публичной дипломатии США: от «мягкой силы» к «стратегической коммуникации»	646
<i>А. С. Титков.</i> Символическая политика «Майдана» и «народных республик»: сравнительный анализ ритуалов наказания в украинском конфликте 2014–2015 годов	606	<i>О. В. Цветкова.</i> Субнациональные границы в политическом пространстве России: формальные правила и неформальные практики	648
<i>В. В. Титов.</i> Историческая политика как инструмент формирования национально-государственной идентичности на постсоветском пространстве.....	609	<i>В. Г. Циватый.</i> Тренды мирового политического развития и Украина: внешнеполитические дилеммы и институционально-дипломатическое измерение XXI века	651
<i>А. Д. Трахтенберг.</i> Эксперты-технократы и реформа государственного управления: формирование и бюрократизация «открытого правительства»	611	<i>А. М. Черданцева.</i> Партийно-политические ценности современных парламентских и непарламентских партий России: сравнительный анализ	653
<i>Н. А. Трегубов.</i> Анализ мотивов голосования российских избирателей: некоторые эмпирические возможности.....	613		

<i>Т. С. Черемная.</i> Государственно-частное партнерство в условиях новой экономической и политической реальности России: проблемы и перспективы	655
<i>Е. И. Черненко.</i> Инструменты общественного участия в системе публично-властного управления в Республике Карелия	657
<i>Ю. Г. Чернышов.</i> Губернаторские блоги как попытки региональной власти вести диалог с обществом	659
<i>Н. А. Чес.</i> Концептуальная метафора: невидимое оружие информационной войны (о специфике функционирования концептуально-метафорических систем в политическом дискурсе в условиях масштабного конфликта)	661
<i>Н. Б. Чувиллина.</i> Электоральный процесс в Республике Башкортостан в избирательных кампаниях 2013–2014 гг.	663
<i>А. Ю. Шадже.</i> Политика российской национальной идентичности на Северном Кавказе	666
<i>Н. Е. Шалаев.</i> Численные методы поиска аномалий в данных электоральной статистики	668
<i>В. И. Шацкая.</i> Основные тенденции политики США и НАТО в области противоракетной обороны в Европе и их роль для России.....	669
<i>Я. Ю. Шашкова.</i> Символический капитал российских партий на региональном уровне (на примере Алтайского края)	671
<i>А. М. Шаяхметов.</i> Формирование различных моделей политического лидерства на постсоветском пространстве в условиях смены институциональной парадигмы	673
<i>Н. А. Шведова.</i> Женское лидерство: от «стеклянного потолка» — к «лабиринту»	675
<i>И. К. Шевцова.</i> Патронаж vs неопределенность: взаимодействие бизнеса и власти в жилищно-коммунальной сфере городов и регионов РФ	677
<i>А. В. Шевченко.</i> В чем сила власти Сети: три постулата М. Кастельса.....	679
<i>С. А. Шейн.</i> Великобритания: на пути от «батскеллизма» к «большой коалиции»?	681
<i>А. С. Шерстобитов.</i> Координационные стратегии в сетевом городском управлении: лидерство, сотрудничество и конфликт	683
<i>Д. Д. Ширяева.</i> Стратегии политической субъективации и проблема представительства в контексте теории прекариата	685
<i>А. В. Шумилов.</i> Молодежная политика и современная молодежь в России: новые поиски	687
<i>О. Г. Щенина.</i> Разрывы политических коммуникаций: к постановке проблемы	689
<i>А. И. Щербинин.</i> Предельные ценности в борьбе за идентичность России	691
<i>Н. Г. Щербинина.</i> Ценностная оптика нашего времени.....	693

<i>И. В. Юрченко.</i> Актуализация базовых научных концептов в политической науке как ответ на вызовы современности.....	695
<i>Н. Н. Юрченко.</i> Политико-экономические трансформации и проблемы пространственного развития инфраструктуры региона	697
<i>Н. Н. Ягодка.</i> Гражданская инициатива как инструмент диалога между государством и гражданским обществом в России.....	699
<i>М. С. Яницкий, А. А. Зеленин, А. В. Горелкин, С. А. Пфетцер, М. С. Иванов.</i> Представления молодежи об информационной безопасности в зависимости от направленности на различные системы политических ценностей	701
<i>О. Б. Януш.</i> Русскоязычное пространство: тенденции и внешнеполитические практики	703

ФОРУМ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

<i>М. А. Агаев.</i> Идеологический спектр партий в Турции.....	706
<i>Я. А. Беляев.</i> Либерализация политического режима в Китайской Народной Республике в 1982–1989 гг. как фактор этнополитических конфликтов в КНР в 2000-х годах.....	708
<i>С. В. Гаврюсов.</i> О выявлении взаимозависимости муниципальных институтов общественного контроля и активности интернет-сообществ муниципальных образований (на примере Республики Карелия).....	710
<i>Х. А. Гаджиев.</i> Институт президента на постсоветском пространстве как фактор устойчивости политических режимов	712
<i>А. А. Галиуллина.</i> Электоральная активность российских избирателей: причины роста и упадка	714
<i>С. А. Геращенко.</i> Гражданское общество и власть в современной России: между патернализмом и самоорганизацией.....	717
<i>В. В. Гильманов.</i> Партии в процессе рекрутирования политических лидеров в Республике Башкортостан.....	718
<i>Е. М. Гильманова.</i> Причины и особенности усиления евроскептицизма в странах ЕС	721
<i>М. С. Головин.</i> Феномен электоральной популярности праворадикальных партий в современной Европе (на примере Австрийской партии свободы)	723
<i>К. А. Головченко.</i> Особенности восприятия лидерства В. В. Путина в немецкой и американской прессе в условиях обострения международной обстановки.....	725
<i>К. В. Гонцов.</i> Государственная политика социально-политической стабильности	727
<i>А. А. Гуркин.</i> Деятельность глав субъектов Российской Федерации (на примере Саратовской области)	729

<i>А. Д. Дерендяева.</i> Детерминанты, влияющие на уровень политического участия современной российской молодежи.....	731	<i>А. В. Меллем.</i> Основные направления пропагандистской работы в освещении зимней Олимпиады в Сочи.....	774
<i>Е. В. Долженкова.</i> Секьюритизация и десекуритизация во внешней политике Латвийской Республики	733	<i>О. Н. Мельник.</i> Политическая субъектность «новых» партий в современной России.....	776
<i>М. С. Единова.</i> Миграционная политика в мегаполисах: эффективность сетевого взаимодействия	735	<i>А. Г. Мокеева.</i> Факторы влияния процесса формирования региональной идентичности (на примере сравнительного анализа Испании и Италии)	778
<i>А. Р. Закиров.</i> Практика GR-стратегий в современных условиях	737	<i>Д. А. Мясинченко.</i> Политическая власть и политическое насилие	780
<i>А. Р. Зарипова.</i> Инструментальная сущность этнорегионального сепаратизма в Каталонии	739	<i>С. П. Новикова.</i> Родина в восприятии российских старшеклассников: к методологии социологического анализа.....	782
<i>Л. А. Зюзина.</i> Предпринимательский лоббизм как инструмент экономической политики	741	<i>А. А. Песков.</i> Новые формы гражданской интернет-активности в пространстве публичной политики: вызовы и перспективы.....	784
<i>Д. А. Казанцев.</i> Высшая школа в процессе политической модернизации	743	<i>В. В. Полторацкая.</i> Влияние «закона о монетизации льгот» на степень децентрализации в современной России	786
<i>Ю. Ф. Калимуллина.</i> Влияние СМИ на формирование политического имиджа государства	744	<i>К. Д. Распопов.</i> Влияние культуры на региональную политику в постиндустриальном обществе.....	788
<i>Н. С. Ковыляева.</i> Консоциативная теория А.Лейпхарта как инструмент регулирования этнополитических конфликтов	747	<i>Е. Н. Романенко.</i> Содействие прозрачности и подотчетности городского управления с помощью ИКТ, социальных медиа и электронного правительства.....	790
<i>М. С. Кожневникова.</i> Развитие институтов посредничества в современной России на примере GR-структуры компании «Балтика»	749	<i>А. Э. Рудакова.</i> Репутационный капитал государства как политический ресурс: технологии формирования и реализации.....	7920
<i>А. А. Кондратьева.</i> Интеграционные процессы на постсоветском пространстве.....	751	<i>М. В. Рыбалов.</i> Межобщинный конфликт суннитов, шиитов и курдов в постоккупационном Ираке	794
<i>А. Ю. Красноперов.</i> Коммуникативные проблемы реализации электронной демократии.....	753	<i>А. С. Сакулин.</i> Развитие теоретических моделей политико-административного управления в политической науке Германии второй половины XX в.	796
<i>Д. А. Кругляков.</i> Формирование стратегии выхода из духовно-нравственного кризиса современного российского общества (на примере политических идей И. А. Ильина)	755	<i>А. В. Самусевич.</i> Концепция жизненного цикла политических элит как инструмент политического анализа.....	797
<i>О. А. Кузнецова.</i> Общественная дискуссия вокруг фильма «Гуд бай, Ленин!» в контексте проблемы национальной интеграции Германии.....	757	<i>А. С. Солдатова.</i> Идентичность жителей современных городских пространств (на примере городов Поволжья)	799
<i>Г. И. Кутырев.</i> Внешняя политика Испании в эпоху холодной войны.....	759	<i>Е. А. Степанова.</i> Гендерное квотирование в современном мире: дилемма применения в РФ.....	801
<i>И. А. Латышов.</i> Политический кризис на юго-востоке Украины в оценках общественного мнения (на примере молодежи города Архангельска).....	762	<i>Ф. К. Табакаев.</i> Политико-культурные аспекты территориальной имиджевой политики	803
<i>В. С. Лебедев.</i> Политизация религии: «прокрустово ложе» концептуализации понятия.....	764	<i>М. И. Тисленко.</i> Пространственные идентичности на русско-китайской границе: случай Благовещенска и Хэйхэ.....	806
<i>И. А. Левченко.</i> Модель мобилизации граждан в протестной деятельности.....	766	<i>О. А. Фролова.</i> Сравнительный анализ внешней политики администраций Дж. Буша-младшего и Барака Обамы	808
<i>Д. С. Литвинов.</i> Влияние кризиса среднего класса на систему международных отношений	768	<i>С. В. Шестаков.</i> Социально-экономические предпосылки для либерально-демократических преобразований китайского общества	810
<i>О. М. Литвишко.</i> Региональная интеграция в Каспийском регионе: проблемы и перспективы	770		
<i>А. А. Маслова.</i> Технологии политического манипулирования в информационном обществе	772		

КНИГА 2

<i>И. Е. Абрамова.</i> Некоторые проблемы состояния и перспектив развития органов местного самоуправления в условиях современных политических процессов в России	812
<i>Г. Г. Авдонина.</i> О коммуникативной природе политической власти.....	814
<i>С. В. Аверин.</i> Отношения общества и государства: формы политического участия	815
<i>Г. Ш. Адиатулина.</i> Вызовы и перспективы информационной политики России в условиях режима санкций и информационного противоборства	818
<i>О. В. Аксенова.</i> Политика модернизации в России: традиции и результаты	820
<i>Б. В. Аксюмов.</i> «Имперский синдром» как цивилизационный потенциал современной России	822
<i>А. В. Алейников, А. Г. Пинкевич.</i> Конфликты в гибридных политических режимах.....	824
<i>Е. С. Алексеева.</i> Политика России в условиях современной информационной войны: как сохранить суверенитет и территориальную целостность?	827
<i>С. Я. Алибекова.</i> Радикальные идеологии и современный экстремизм.....	829
<i>А. С. Артюхин.</i> Роль войны как геополитического фактора в условиях трансформации мирового порядка	831
<i>Л. А. Асоян.</i> Роль и значение стратегического партнерства в обеспечении информационной безопасности.....	834
<i>А. В. Атаев.</i> Пропаганда терроризма и исламского радикализма в социальных сетях	837
<i>А. О. Ахиев, В. Э. Абелинскийте.</i> Эффективность бюрократии внутри и за пределами культурного ареала Запада: норма о безличности vs институционализированное взяточничество.....	839
<i>С. Ф. Ахматнурова.</i> Политическая активность сторонников власти и оппозиции в современной России	841
<i>Е. Л. Бадмацыренова.</i> Политическая модернизация российского общества в XX веке и расширение политического участия женщин	844
<i>Н. А. Баранов.</i> Евразийский вектор России: поиск собственных возможностей	846
<i>Г. М. Барашков.</i> Противоречия концептуализации политического опыта гражданских обществ	848
<i>А. М. Барсуков.</i> Влияние электоральных механизмов на институционализацию регионального политического режима в новосибирской области.....	850
<i>И. А. Батанина.</i> Поведенческие модели гражданского участия: региональный аспект	852

<i>Е. В. Бобровская.</i> Дихотомия мифопространств современной российской политики: истоки и угрозы	854
<i>А. В. Богачев.</i> Новые тенденции в развитии партийной системы современной России	856
<i>А. В. Богданов.</i> Проблема формирования политической идентичности современной российской молодежи: рассогласованность научных позиций	858
<i>С. И. Бойко.</i> Проект «глобальная демократия» и проблема справедливости	860
<i>Н. Б. Бокова (Воропаева).</i> Психологические аспекты политической культуры: теоретический аспект прикладных исследований	863
<i>В. В. Бондарь.</i> Государственные органы по развитию гражданского общества в северо-кавказском федеральном округе	865
<i>С. Н. Шкель.</i> Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе	867
<i>А. М. Борисов.</i> Гражданское общество России и общественная гражданская служба.....	883
<i>М. Е. Борисов.</i> Институализация предпринимательской среды на постсоветском пространстве как фактор демократизации	885
<i>М. Г. Бреслер.</i> Трансформации стратегии пропаганды в условиях информационного общества.....	887
<i>М. В. Буланов.</i> Обратная сторона «мягкой силы».....	889
<i>М. В. Бутырина.</i> Актуальные проблемы развития местного самоуправления	891
<i>Т. В. Вакулова.</i> Социокультурное многообразие в мире и политика конструирования коллективной памяти	893
<i>Ван Бэйбэй.</i> Исследование политической культуры в современном Китае	896
<i>В. А. Васильченко.</i> Модернизационный проект российской цивилизации: проблемы и противоречия	898
<i>Н. В. Ватиль.</i> Социальная справедливость как условие реализации правовой государственности в политическом учении И. А. Ильина.....	900
<i>А. М. Вафин.</i> Личная идеология versus политическая идеология.....	902
<i>М. И. Ведерникова.</i> Место образа лидера в восприятии власти и роль СМИ в формировании образа власти в современной России.....	904
<i>А. В. Веретевская.</i> Политическая эффективность как фактор, определяющий выбор интеграционной парадигмы в поликультурном государстве	906
<i>А. В. Виловатых.</i> Политическое управление информационно-телекоммуникационными сетями в условиях глобальной нестабильности	908

<i>А. Н. Воробьев.</i> Пол Лазарсфельд и становление колумбийской школы электоральных исследований	910	<i>Т. В. Евгеньева.</i> Роль мифологических образов в формировании политических идентичностей в современной России.....	958
<i>О. А. Воронкова.</i> Консолидация российского общества: национальное единство или социальное согласие?.....	912	<i>А. В. Егунов.</i> Современные аспекты реформирования организационных основ местного самоуправления в Российской Федерации.....	960
<i>Е. В. Галкина.</i> Инновационные и традиционные политические практики взаимодействия государства и гражданского общества	915	<i>Т. С. Ермолаев.</i> Единство и борьба идентичностей в условиях новой индустриализации Южной Якутии	962
<i>Г. А. Галушко.</i> Общественная дипломатия как движущая сила развития современных международных отношений	917	<i>Н. В. Ерофеева.</i> К вопросу о формах исследования политической стабильности стран мира	964
<i>В. Г. Гельбрас.</i> Власть и общество в Китае	921	<i>В. А. Жексембекова.</i> Проблемы демократизации выборного процесса в Республике Казахстан.....	966
<i>А. О. Игнатенко.</i> Мотивация женщин в органах местного самоуправления (на материалах исследования администрации МО «Бологовский район» Тверской области).....	923	<i>И. К. Жуков.</i> Регионы Сибири как территория потенциального конфликта: факторы риска, основные угрозы	968
<i>Е. А. Глухова.</i> Экспертное сообщество как механизм общественного участия в процессе принятия политических решений в сфере прав человека.....	925	<i>С. Р. Закирова.</i> Роль политики памяти в формировании гражданской идентичности в России.....	970
<i>Д. В. Гончаров.</i> Гражданское общество в условиях тоталитарной политики	927	<i>И. А. Заранкин.</i> Существующие подходы к исследованию каналов рекрутации политических элит	972
<i>Н. А. Григорьев.</i> Государственная региональная политика на Дальнем Востоке в условиях российского федерализма	929	<i>Н. А. Заусаева.</i> О моральной слабости в России	973
<i>Е. Б. Григорьева.</i> Особенности российской политики: проявление авторитарного синдрома	931	<i>А. Л. Зверев.</i> Политическое восприятие институционального дизайна президентства Путина 3.0.....	976
<i>К. А. Гусев.</i> Отечественный и западный новый либерализм: возможность диалога	934	<i>О. В. Зиневич, А. В. Мирча.</i> Гендерная политика и гендерное равенство в российском и японском обществе.....	978
<i>А. Л. Гуторова.</i> Толерантность как характеристика современной политической культуры: проблемы и перспективы	936	<i>М. С. Зинченко.</i> Политико-психологические аспекты феномена русских мусульман и русского ислама в контексте современных трансформаций русского ментального кода.....	980
<i>М. В. Данилов.</i> Трансформация образов будущего как фактор политизации общественных отношений в постсоветской России	938	<i>Д. Ю. Знаменский.</i> Системно-динамический подход к исследованию государственной политики	982
<i>Е. А. Данилова.</i> Национальная безопасность как актуализированная политическая ценность в современной России	940	<i>Ю. А. Зуляр.</i> Университетская матрица для российских регионов	984
<i>Е. Ю. Дан-Чин-Ю.</i> Политические коммуникации в системе местного самоуправления	942	<i>Ю. В. Иванишкина.</i> Проблемы визуализации культуры в контексте мировой политики	986
<i>С. А. Денисов.</i> Использование конституционного права в имитационной политике государства	944	<i>А. А. Иванова.</i> Политические технологии взаимодействия политических партий с целевой аудиторией в рамках политического дискурса.....	988
<i>К. Б. Джгмадзе.</i> Концептуальное значение политических ценностей в процессе формирования образа страны.....	946	<i>С. Ю. Иванова.</i> Система национальных интересов России в контексте нового миропорядка.....	990
<i>Н. И. Бобровская.</i> Экономический иммунитет, цели государства и проблемы	949	<i>Д. И. Игонин.</i> Понятие миграции в политологическом контексте.....	993
<i>С. В. Докучаева.</i> Роль и функции политической элиты как фактора, влияющего на уровень развития социума в политической сфере	951	<i>Л. О. Игумнова.</i> Общее и особенное имперских моделей Евросоюза и России	995
<i>А. Ю. Домбровская.</i> Методология киберметрического анализа ценностных и социально-политических профилей российских молодых пользователей социальных сетей.....	953	<i>Г. К. Искакова.</i> Региональная безопасность в Центральной Азии: глобальное, региональное и национальное измерение	997
<i>Ю. В. Дьяченко.</i> Конституционализм как показатель развития культуры демократии: методический аспект	954	<i>Д. Б. Казаринова.</i> Некоторые проблемы изучения мягкой силы в российской политической науке.....	999
		<i>В. Ю. Калугина.</i> Изменение имиджа СССР в отечественном сознании в ситуации международных санкций	1001

<i>Д. А. Каплунова.</i> Государство versus глобализация: разнообразие сохраняется.....	1003
<i>А. А. Карнаухова.</i> Сравнительный анализ повесток дня информационных агентств «Саратов24» и «Свободные новости» в отношении региональной власти	1005
<i>Е. А. Кашина.</i> Нефтегазовое лобби в геополитике России (случай Крыма).....	1007
<i>А. А. Киреева.</i> Структурирование регионального пространства: подходы к определению регионального порядка	1009
<i>Р. Г. Кирсанов.</i> Санкционная политика США в отношении СССР в 1980-х годах: законопроект сенатора Гарна.....	1011
<i>Е. Г. Кирсанова.</i> России в XXI веке: перспективы инновационного развития	1013
<i>С. А. Кислицын.</i> Проблемы и перспективы интеграции постсоветского пространства	1015
<i>М. М. Кисляков.</i> Региональный политический маркетинг — современные взгляды и подходы к исследованию	1019
<i>В. А. Ковалёв.</i> Кризис, неравенство и территориальные диспропорции российских регионов	1022
<i>Л. Г. Коваленко.</i> Проблема справедливости, ее влияние на политический процесс.....	1024
<i>Д. М. Ковба.</i> Структурная декомпозиция концепта «мягкой силы»: технологические аспекты взаимодействия.....	1026
<i>О. И. Коврикова.</i> Политико-методологические мотивы апелляции к мифологемам общественного мнения	1028
<i>А. С. Кожемяков.</i> Мир политики и мир политологии: некоторые уроки современности.....	1030
<i>В. Н. Колесников.</i> Модернизация форматов легитимации власти: герменевтика против научного анализа	1031
<i>Г. А. Колобова.</i> Государственные корпорации как предмет исследования экономической политологии.....	1033
<i>А. Ю. Колянов.</i> Абсолютизм и секуляризация в религиозно-политических спорах XV—XIV вв.....	1035
<i>В. Н. Коновалов.</i> Гражданская социализация как основа гражданской идентичности в российском обществе.....	1037
<i>И. Н. Коновалов.</i> Социокультурные основы электоральных предпочтений	1039
<i>М. С. Константинов.</i> Фашизм: операционализация признаков	1041
<i>А. В. Коротаев.</i> Революционная волна 2013—2014 гг.: количественный анализ. Или — что общего между президентом Мурси и президентом Януковичем?.....	1043
<i>О. А. Коряковцева.</i> Основные характеристики гражданской идентичности преподавателя университета: региональный аспект.....	1047

<i>Г. В. Косов.</i> Региональные выборы как зеркало политической жизни современной России (на примере выборов губернатора Ставропольского края)	1050
<i>Е. А. Коханская.</i> Ренессанс «патриархата» и архаизация политики.....	1052
<i>А. Л. Кочурова.</i> Доверие к институтам как фактор эффективного развития политической системы России.....	1053
<i>П. Л. Крупкин.</i> Государственность Российской Федерации в первой трети XXI века.....	1055
<i>А. В. Крутов.</i> Значение диалектики и синергетики в развитии современной политической науки	1057
<i>П. В. Кузьмин, В. Э. Вейсова.</i> Противоречия процесса формирования профессиональной культуры политолога в условиях вуза.....	1059
<i>А. Н. Курюкин.</i> Цивилизационные параметры консолидации общества «Восток—Запад—Россия»	1061
<i>А. А. Лаврикова, О. Е. Шуилова.</i> Особенности самоорганизации местных сообществ	1063
<i>В. С. Лебедев.</i> Религия в дискурсивных практиках политических лидеров Чечни и Дагестана	1065
<i>М. Л. Лебедева.</i> Модель региональной политики Франции в условиях российского федерализма	1067
<i>И. Я. Леваш.</i> Постдисциплинарная методология исследования войны	1069
<i>С. Ю. Лисова.</i> Политическая риторика: интегрирующий потенциал или кризис духовности?	1071
<i>Б. С. Литовченко.</i> Социальные сети как инструмент политического манипулирования.....	1073
<i>Л. В. Логинова.</i> Миграционные вызовы современной России и задачи миграционной политики	1075
<i>Г. В. Лукьянова.</i> Стратегии позиционирования современных российских политиков в социальных медиа (на примере <i>Instagram</i>).....	1077
<i>С. И. Лунев.</i> Индия как один из новых мировых центров.....	1079
<i>А. А. Лысак.</i> Спорт как политический ресурс акторов мировой политики	1080
<i>В. П. Любин.</i> Движение 5 звезд: новый феномен итальянской политики	1082
<i>А. Х. Мавликасов.</i> Социокультурный подход к изучению электорального поведения: возможности применения к российской действительности	1083
<i>С. А. Магарил.</i> Смыслы патриотизма — исторические трансформации	1085
<i>В. П. Макаренко.</i> Внеконтекстуальные проблемы системы организованной лжи.....	1087
<i>М. В. Мамонов.</i> Неполитический протест в России: новые масштабы и угрозы	1089

<i>Т. З. Мансуров.</i> Южный Кавказ в системе национальной безопасности Российской Федерации.....	1092
<i>Е. А. Марков.</i> Влияние ценностей западного мира на деятельность российских СМИ	1094
<i>Т. В. Мармитова.</i> Полиэтнический социум в контексте процессов глобализации и регионализации.....	1096
<i>Р. А. Матвиенко.</i> Американский неоконсерватизм: периодизация и институциональное выражение	1098
<i>И. В. Мирошниченко.</i> Сетевой ландшафт как пространственное измерение современной публичной политики	1100
<i>А. А. Морозова.</i> Результативность разворота к Латинской Америке во внешней политике России в современном мировом контексте...	1102
<i>О. С. Морозова.</i> Практика квотирования в государственном регулировании избирательного процесса.....	1103
<i>А. В. Назаренко.</i> Российская политика: суверенитет без идентичности или наоборот	1105
<i>С. Ф. Некрасов.</i> Жизненные ориентиры будущих госслужащих.....	1109
<i>Е. Н. Никитина.</i> Экологические проблемы России как стимулятор технологической революции.....	1111
<i>Л. И. Никовская.</i> Особенности консолидации российского общества на уровне общественного сознания	1113
<i>А. Г. Савойский.</i> Россия в новом измерении Политики, Времени и Пространства.....	1115
<i>А. Н. Окара.</i> Модернизация для всех. Возможен ли в России солидаристский проект развития?	1117
<i>И. Ю. Окунев.</i> Роль столицы в процессе государственного строительства	1120
<i>Е. С. Оленицкая.</i> Инструменты анализа социальных медиа.....	1122
<i>О. М. Орлинская.</i> Механизмы воздействия институтов парламентаризма на взаимоотношения центра и регионов в федеративных государствах.....	1124
<i>И. В. Орлова.</i> Участие институтов гражданского общества в формировании эффективной социальной политики: гражданская активность и общественный контроль	1126
<i>Н. В. Отческая.</i> Трансформация политических режимов Латинской Америки на рубеже XX—XXI вв.	1128
<i>А. А. Очеретяный.</i> К вопросу о предмете политологии (методологические аспекты)	1130
<i>И. С. Палитай.</i> Возможности личностного анализа политических лидеров.....	1132
<i>С. А. Панкратов.</i> Антикоррупционная политика в Волгоградском регионе: стратегии и практики реализации.....	1135
<i>Л. Г. Панов.</i> Проблема институционализации в исследованиях социальных движений.....	1138

<i>Ю. Ю. Парикова.</i> Развертывание противоракетной обороны США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: причины, ход и последствия	1140
<i>О. В. Паслер.</i> Технологии реализации «концепции управляемого хаоса» в современной политической практике	1142
<i>А. В. Пересада.</i> Муниципальная культура участия как фактор стратегического развития муниципального образования.....	1144
<i>А. Ю. Петухов.</i> Математическое моделирование в современной политической науке: возможности и границы применимости	1147
<i>Е. В. Пинюгина.</i> Особенности политической науки в страноведческих институтах РАН	1149
<i>В. С. Авдонин.</i> Институт сити-менеджера в Рязани: конфликты и эволюция на фоне реформы МСУ	1150
<i>Н. П. Поливаева.</i> Политикокультурные тренды в современном глобализирующемся мире	1153
<i>Е. М. Поляков.</i> Терроризм и структурное насилие на Северном Кавказе: тенденции развития.....	1157
<i>Ю. М. Почта.</i> Интеграция Крыма и Севастополя в российское общество как вызов российской модели федерализма	1160
<i>Е. Д. Пронякина.</i> Межкультурные конфликты как фактор мировой политики в эпоху глобализации	1162
<i>И. М. Прядкина.</i> Современный этап политической модернизации России.....	1164
<i>И. В. Радиков.</i> Повседневность и ее влияние на гражданскую и политическую активность	1166
<i>А. А. Реан.</i> Философские предпосылки теории инновационного процесса	1170
<i>В. В. Регнацкий.</i> Ценностные основания формирования национально-государственной идентичности молодежи.....	1172
<i>Е. Ю. Редькина.</i> Механизмы консоциации в недемократических режимах: возможности и проблемы реализации	1174
<i>О. В. Репинская.</i> Культура как инструментарий противодействия терроризму	1176
<i>В. Л. Римский.</i> Содействуют ли органы власти росту социальной напряженности и агрессивности в российском социуме?	1178
<i>А. И. Рогозарь.</i> Образ власти в сознании российских граждан: содержательные характеристики.....	1180
<i>А. Э. Руденкова.</i> Модели легитимности политической системы Европейского союза	1182
<i>А. П. Рудницкая, К. В. Сагакова.</i> Образ России в условиях социально-политической дестабилизации мирового взаимодействия: проблемы и перспективы	1184
<i>А. В. Рыбаков.</i> Государственная политика РФ в области повышения конкурентоспособности авиационной отрасли.....	1187

<i>Г. В. Рябцовский, Т. С. Болховитина.</i> Акциденция этничности в российском политическом дискурсе	1189	<i>В. М. Терехин.</i> Антрополитика — государственная гуманитарная политика: пролегомены к проектированию концепции.....	1234
<i>И. А. Савченко.</i> Направления развития системы политико-правового обеспечения борьбы с терроризмом в современной России	1191	<i>М. И. Тисленко.</i> Молдавия на распутье: национальная идентичность как детерминант геополитического выбора	1236
<i>Д. Р. Сагатаева.</i> Развитие толерантности как составляющей успешности социальной интеграции	1193	<i>О. А. Толыгина.</i> Динамика идеологической функции Российских политических партий	1239
<i>Д. Н. Салыков.</i> Характер российских партий в контексте законодательных новации за период 2010—2015 гг.	1196	<i>О. В. Троицкая.</i> Теория внутригосударственных конфликтов: к синтезу позитивистского и интерпретативного подходов	1241
<i>Н. А. Самохвалов.</i> Участие молодежи в политических процессах российского государства на современном этапе	1198	<i>Е. А. Трофимов.</i> Современное российское государство: взгляд через призму политического процесса.....	1244
<i>А. В. Глухова.</i> Современный глобальный конфликт и его национальные проекции.....	1200	<i>В. А. Труханов.</i> Ответственность политической элиты: роль гражданского общества	1246
<i>Д. Г. Сельцер.</i> Местное самоуправление в малых городах современной России: трансформация локальных элит	1202	<i>И. А. Тумысов.</i> Исследование проблемы национально-государственной идентичности в России с 1991 по 2014 год	1249
<i>А. В. Семенов, В. Д. Бедерсон.</i> Институциональное предпринимательство и организационный изоморфизм на локальном уровне: сравнительный анализ случаев Пермского края и Тюменской области.....	1204	<i>Д. А. Ульянова.</i> Межсекторное взаимодействие региональной и муниципальной власти с субъектами малого и среднего бизнеса (на примере г. Санкт-Петербург)	1251
<i>Е. В. Сергеева.</i> Риски делигитимации власти в процессе формирования механизмов «электронной демократии» в России.....	1205	<i>И. Б. Фан.</i> Представительство в России: от демократического к монархическому?.....	1253
<i>У. И. Сересова.</i> Социальный патронат как незаконченная политическая реформа	1207	<i>С. Фань.</i> Развитие обороноспособности Китая и его решимости к защите суверенитета	1255
<i>Н. С. Синякова.</i> Правый сектор в ФРГ и Франции: сравнительный анализ влияния на политическую систему и перспективы развития государств	1211	<i>Р. Ф. Фатихов.</i> Концепция правового государства как реальная детерминанта государственной политики	1257
<i>Н. А. Скобелина.</i> Политические возможности развития общественных движений в российской институциональной среде	1213	<i>Е. Н. Федорченко.</i> Проблемы суверенитета современного российского государства	1259
<i>Е. А. Слинько.</i> Феномен правого радикализма в политической системе Украины: тенденции и перспективы развития	1215	<i>В. М. Хабибуллина.</i> Здравоохранительная политика: страховой статус трудовых мигрантов в России и в США	1261
<i>Н. А. Слука.</i> «Архипелаг городов» как пространственная форма организации мировой экономики.....	1217	<i>А. М. Халбаева.</i> Многоуровневое управление миграционными процессами: зарубежный опыт	1263
<i>Д. К. Смагулова.</i> Глобализация и регионализация: единство и различие	1219	<i>И. А. Халий.</i> Государственная политика в отношении современного российского приграничья: существует ли она?.....	1265
<i>Р. Г. Смирнов.</i> Политическая юриспруденция в современной России.....	1224	<i>О. Г. Харитонова.</i> Что мы знаем и не знаем о способах смены политических режимов?	1267
<i>Д. А. Сорокина.</i> Основные этапы развития публичной дипломатии в России.....	1226	<i>В. Е. Хвоцев.</i> Основы политической деятельности, политики и методология политической науки	1269
<i>П. А. Софронов.</i> Политическая социализация малочисленных народов Севера в условиях промышленного освоения Арктики.....	1228	<i>Е. В. Храмова.</i> Взаимодействие субъектов формирования государственной политики (на примере современной российской высшей школы).....	1270
<i>М. В. Стрежнева.</i> Перспективы парламентаризации регионального и глобального хозяйственного управления	1230	<i>Э. В. Чекмарев.</i> Молодежь и молодежная политика в современной России: вызовы и перспективы развития.....	1273
<i>И. Э. Стрелец.</i> Персонология политического лидерства: в. В. Путин, Б. Обама, А. Меркель, Ф. Олланд, Д. Кемерон	1232	<i>С. Л. Чепель.</i> Перспективы консолидации «новых демократий» в условиях глобализации	1275

<i>М. И. Черников.</i> Транзит к постлиберальной России: политологическое измерение.....	1277	<i>Д. В. Алексеев.</i> Украинский кризис в контексте освещения российскими СМИ (на примере «Российской газеты», «Независимой газеты», «Новой газеты»).....	1321
<i>А. Г. Чернышов.</i> Современная политика и политическая наука в тисках прежних стереотипов и новых мифов: парадоксы взаимного сосуществования	1279	<i>А. Е. Антипова.</i> Теория политики	1323
<i>А. В. Чичкова.</i> Лингвистические спекуляции в международной политике на примере крымского ирредентизма	1281	<i>Н. А. Антюшин.</i> Фашистский элитаризм: будет ли запрос на концептуальное приращение теории политической элиты?	1325
<i>Н. И. Чувашова.</i> Факторы социального протеста в современном российском обществе.....	1284	<i>А. В. Артемов.</i> Перестройка в официальном дискурсе М. С. Горбачева с 1985 по 1991 год.....	1327
<i>Г. И. Шаймерден.</i> Евразийский союз: pro et contra	1286	<i>Е. С. Афанасьева.</i> Методология исследования национальной идентичности С. Хантингтона и применимость ее к исследованиям России.....	1329
<i>В. Н. Шамшина.</i> Факторы формирования политики КНР в отношении стран Латинской Америки и Карибского бассейна на современном этапе	1289	<i>А. А. Ашмарина.</i> Ресурсные войны как одна из форм международных конфликтов.....	1331
<i>И. А. Шкурихин.</i> Делиберативный путь к свободе в российской политике	1292	<i>Я. В. Барский, А. В. Соколов.</i> Гражданская активность в современной России.....	1333
<i>С. А. Шпагин.</i> Устойчивость партийных систем: новые возможности изучения	1294	<i>А. Т. Батов.</i> Антисламский геополитический проект и экстремизм	1335
<i>Д. В. Шеглова.</i> Политические партии современной России: обзор работ зарубежных авторов за 2007–2015 гг.	1296	<i>А. В. Брянцев.</i> Электоральная география России (по результатам выборов 2011–2012 гг.)	1337
<i>Е. А. Шербина.</i> Имиджевая политика Российской Федерации на Северном Кавказе	1298	<i>М. Ю. Волков.</i> Развитие социально-конструктивистской парадигмы в исследованиях национализма	1339
<i>В. М. Юрченко.</i> Обеспечение глобальной и региональной безопасности в контексте противодействия терроризму и экстремизму: российские инициативы и предложения.....	1301	<i>А. Е. Волкова.</i> Дихотомия в выборе «друзей»: внешнеполитические и внутриполитические партийные предпочтения политического режима современной России	1341
<i>А. М. Юсупов.</i> «Начала» государства: теоретико-методологические основания исследования	1303	<i>А. И. Гимранова.</i> Сравнительный анализ представителей профсоюзов в общественной палате	1343
<i>О. Ю. Яхшиян.</i> Широкое понимание «русскости»: диалектика этнического и цивилизационного в русской идентичности.....	1305	<i>И. Ю. Гнатышин.</i> Конструктивистские основания политической субъективации.....	1345
<i>А. В. Яшина.</i> Анализ эффективности деятельности локальных сообществ в городской политике.....	1307	<i>К. М. Горожанова.</i> Динамика места России в международных индексах измерения демократии	1347
<i>Т. А. Яшкова.</i> Геополитические вызовы и угрозы современной России....	1310	<i>А. Е. Денисов.</i> Сравнительный анализ региональных политических культур Краснодарского края и города федерального значения Санкт-Петербурга	1349
<i>Euméri-Douzans Jean-Michel.</i> Title of the communication: «Is a Minister still an individual? Insights from the case of France».....	1313	<i>В. О. Деткина.</i> Феномен политики двойных стандартов в современных международных отношениях	1352
<i>Ф. П. Казула.</i> Russia's Foreign Policy after the Crimean Crisis: Sovereignty or Security?.....	1314	<i>Д. Б. Ефимов.</i> Государственные перевороты в современном мире: типологии, причины, факторы.....	1354
<i>Pogacian Adrian.</i> European Union's uncertain future. The state of Romanian — Russian relations and the importance of a bilateral dialogue.....	1316	<i>С. К. Калашикова.</i> Современный подход к пониманию политического маркетинга	1357
<i>К. Г. Шерьяданова.</i> Central Asia and the world community: interests of the European Union.....	1316	<i>А. В. Клименко.</i> Образование в Украине как фактор политической социализации гражданина	1359
ФОРУМ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ		<i>О. Е. Комаров.</i> Политический краудсорсинг в современной России.....	1361
<i>К. А. Акимова.</i> Трансформация подходов к изучению категории доверия в науке: от философии — к политике: от веры — к доверию	1319	<i>А. И. Конюхова (Руденкина).</i> «Иностраннный агент влияния»: проблемы дефиниции в политической науке.....	1363

<i>А. О. Кривцов.</i> Элементы анализа общества состояния Постмодерна в России: элитологический аспект	1365
<i>Т. А. Латыпов.</i> Политические аспекты лоббизма и лоббистской деятельности (на примере Республики Татарстан).....	1367
<i>А. О. Лепехина.</i> Концепции гибридных режимов в современной политической науке	1369
<i>С. С. Монгуш.</i> Роль политических партий в трансформации политического режима в РФ	1371
<i>А. А. Новосельцева.</i> Патриотизм в современном политическом дискурсе России	1373
<i>Ю. М. Ноздрякова.</i> Будущее цифровой дипломатии: «цифровая дипломатия 3.0.»	1375
<i>А. В. Огурцова.</i> Мягкая сила: особенности форм проявления и реализации.....	1377
<i>Ж. Ю. Орешкина.</i> Общероссийский народный фронт как новая политическая сила	1379
<i>Г. С. Попов.</i> Влияние политики на экологическую ситуацию в Тюменской области	1381
<i>С. В. Путимцев.</i> Гражданское общество в России: проблемы и перспективы развития на местах	1384
<i>А. В. Садилова.</i> Роль сервисов-спутников электронного правительства РФ в формировании гражданской активности	1386
<i>А. В. Соболев.</i> Демократия в России, Белоруссии, Украине: сравнительный анализ	1388
<i>Е. М. Степовенко.</i> Символическая политика новых российских политических партий	1391
<i>Е. А. Филиппова.</i> Электронное правительство в России	1393
<i>К. В. Шамиев.</i> Роль военнослужащих в контексте политического режима современной России: пределы лояльности (на примере Западного военного округа)	1395
<i>Б. Н. Шестов.</i> Аналитический потенциал регрессионного анализа при изучении медиатекстов	1397
<i>Н. А. Манжина.</i> Особенности пространственной идентичности приграничного города Благовещенск	1399
<i>А. С. Фасюра.</i> Factors that can influence on dynamic of children placement in foster care families	1400

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская ассоциация политической науки (РАПН) проводит 19–21 ноября 2015 г. очередной, седьмой Всероссийский конгресс политологов — «ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ», который проходит в Москве, в Московском институте международных отношений — Университете (МГИМО-У).

Конгресс собирается в год 60-летия Российской ассоциации политической науки (1955–2015), началом организации которой явилось участие отечественных политических исследователей в третьем Всемирном конгрессе Международной ассоциации политической науки в 1955 г. в Стокгольме, Швеция.

Организация Конгресса предполагает проведение юбилейных мероприятий, пленарных, тематических и специальных заседаний, круглых столов, лекций ведущих зарубежных и отечественных политологов, дебатов, презентаций, рабочих встреч исследовательских комитетов РАПН и проектных групп, профессиональных сообществ, научно-организационных структур и др. Составной частью Конгресса являются мероприятия (круглые столы, специальные заседания, семинары и симпозиумы), организуемые другими профессиональными ассоциациями (Академия политической науки, Международная ассоциация конфликтологов, Российское общество социологов, Социологическое общество им. М. М. Ковалевского и др.), а также ведущими научно-исследовательскими центрами и фондами (РГНФ, РФФИ, ФОН, ВЦИОМ и др.). Традиционно проводятся заседания Экспертного совета ВАК по политологии, Учебно-методического совета по политической науке и регионоведению.

В последние годы наблюдаются заметные трансформации политики на национальном, региональном и международном уровнях. Современный мир создает условия для развития, но одновременно порождает новые вызовы и угрозы, опасные очаги напряженности и конфликтов. Требуют переосмысления прежние критерии прогресса и изучения развивающихся регионов и стран, демонстрирующих потенциал будущего. Осуществляется поиск справедливых и эффективных решений возникших проблем. Политическая наука стоит перед вызовами современной политики и должна ответить на них новыми подходами и теориями.

Основные темы Конгресса:

- Трансформация современной политики: глобальное измерение.
- Трансформация современной политики: региональное измерение.
- Трансформация современной политики: национальное измерение.
- Человек и вызовы трансформирующейся политики.
- Терроризм и глобальное сотрудничество в вопросах безопасности.

Экологические вызовы современной политике.
Экономические кризисы и политика экономического роста.
Социокультурное многообразие в современном мире и политика.
Глобальное политическое управление: теоретические модели и политическая реальность.
Современное государство: суверенитет и взаимозависимость.
Неравенство и борьба за справедливость: национальные и международные политические стратегии.
Россия в современном мире: национальные интересы и международное сотрудничество.
Вызовы и перспективы политики развития России.
Современные политические коммуникации в условиях войны и мира.
Политика евразийского экономического сотрудничества.
Украинский кризис: национальное, региональное и международное измерения.

Европейский союз и европейские исследования.
Седьмой Всероссийский конгресс политологов призван продемонстрировать лучшие традиции российской политической науки, ее экспертный потенциал и ответы на вызовы современной политики, масштабы сотрудничества российского и мирового политологических сообществ, значение политической науки для политического образования, идейные, теоретические и методологические инновации, чувствительность к проблемам изменяющегося мира. Конгресс, надеемся, позволит оценить уровень отечественных исследований, наметит пути решения возникающих проблем, определит ближайшие и перспективные задачи развития политической науки в стране. Конгресс направлен на укрепление и развитие Российской ассоциации политической науки и ее сотрудничество с другими отечественными и международными профессиональными сообществами.

*О. В. Гаман-Голутвина,
Л. В. Сморгунюв,
Л. Н. Тимофеева*

КНИГА 1

В. Э. Абелинскойте, В. Е. Ганьшина
Москва

ЖЕНЩИНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС

Достижение гендерного баланса и равенства традиционно считается показателем развития социального поля обществ и государств; однако этот процесс затрагивает траекторию собственно политического развития лишь в незначительной степени или же в весьма конкретных областях, чаще всего связанных с количественной оценкой представленности женщин в структурах и институтах государственной власти. Мы же полагаем, что ряд особенностей реализации феномена гендерного равенства не только имеет непосредственное отношение к тенденциям в трансформации политического поля, но и связан с ними причинно-следственными связями. Мы исходим из очевидности фактов государственного (и даже политического) вмешательства в гендерные вопросы, касающиеся распределения ролей в обществе, экономике и политике.

Современная женщина, в том числе и российская, неизбежно сталкивается с необходимостью самоидентификации во множестве ролевых ситуаций и моделей, значительная часть которых определяется как особыми инструментами государственной политики в сфере семейной и трудовой политики, так и ценностными ориентациями общества, диктующего гендерные роли и модели поведения.

Под гендерным равенством мы понимаем такое состояние общества, при котором женщины и мужчины имеют равные возможности для самореализации и реализации своих прав и свобод, равный доступ к общественным и экономическим ресурсам; они могут пользоваться равными гражданскими и политическими правами, правами в области труда и образования и равны перед законом и судом. Нарушение этого принципа в современной России зачастую парадоксально связано с декларируемыми попытками его обеспечить.

В России в сфере общественной жизни и государственной политики по ее регулированию протекают два взаимосвязанных процесса: реализация утилитарных потребностей государства, которая идет по большей части в государственной семейной и трудовой политике, и реальная практика политической и государственной власти, подразумевающая такие меры, ко-

торые позволяют говорить о намеренном нарушении принципа гендерного равенства в деятельности ряда политических и общественных институтов.

Однако структура этих процессов требует некоторых уточнений. Первый «полюс», трактуемый нами как утилитарные потребности государства, является по меньшей мере двухсоставным. Потребности государства в женщине как исходной единице человеческого капитала не ограничиваются лишь потребностью в способном к самостоятельной трудовой деятельности индивиде, они включают в себя также необходимость сохранения женщины как репродуктивной единицы, реализующей декларируемую государством цель улучшения демографических показателей (в частности, рост рождаемости). Так, мы можем констатировать разнонаправленность государственных интересов по отношению к гендерной роли женщины.

Мы выдвигаем гипотезу об особой ситуации столкновения сложной системы государственных целей, включающих в себя в том числе и достижение гендерного равенства, и реализуемые практики нарушения этого принципа. Отдельной частью наших рассуждений является идея о приоритете ценностного обоснования в объяснении этой ситуации рассогласования. Также мы полагаем, что начало этого процесса связано, кроме прочих причин, с консолидацией политического режима современной России и сопутствующей ей трансформацией российской государственной стратегии в области обеспечения гендерного равенства (этот процесс мы предположительно характеризуем как «патриархальный поворот»).

Трансформация ценностных ориентаций российского общества, подкрепляемая рядом мер государственной политики и особым патриархальным маскулинным дискурсом, формируемым при активном участии представителей политико-административного класса, создает ситуацию перекося в сторону доминирования репродуктивных функций женщины, характерного для традиционных обществ, из ряда которых Россия на первый взгляд в силу исторического времени и местоположения уже должна вырваться.

В. С. Авдонин
Москва

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИНСТИТУТАХ РАН¹

Проект «Политическая наука в институтах РАН», отдельные результаты которого будут представлены ниже, опирается на комплексную методологию исследования науки, предполагающую ее анализ во взаимосвязи

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект №14-03-00808 «Политическая наука в институтах РАН».

институциональных, когнитивно-содержательных, исторических и контекстуальных аспектов. Задачи проекта — изучить методами науковедения, социологии и методологии науки состояние, особенности и проблемы политической науки в институтах РАН, определить тенденции и перспективы ее дальнейшего развития.

В большинстве исследований российской политической науки убедительно показан ее академический исток, в том числе роль академических институтов в ее становлении. В дальнейшем, однако, эта роль в силу целого ряда факторов стала снижаться. Наряду с резким сокращением финансирования академической науки в 1990-е годы важным обстоятельством было изменение в модели организации науки в целом, а также ряд ситуативных моментов, связанных с политикой реформ.

В настоящее время в РАН нет какого-то профильного учреждения или института, в котором была бы сосредоточена деятельность в области политической науки. Исследовательская активность в этой сфере представлена примерно в 20 учреждениях, входящих в структуру четырех отделений Академии и Президиума: Отделения общественных наук, Отделения глобальных проблем и международных отношений, Отделения историко-филологических наук, Президиума РАН, Уральского отделения, а также Санкт-Петербургского научного центра и Южного научного центра.

По основным наукометрическим показателям РИНЦ (публикационной активности и цитируемости) ведущими институтами по политической науке в РАН являются ИМЭМО, Институт социологии, ИНИОН, а за пределами Москвы — Институт философии и права УрО РАН в Екатеринбурге. Значительна также публикационная активность ряда институтов странового и регионального профилей (Институт США и Канады, Институт Европы, Институт востоковедения), а также Института этнологии и антропологии. В других институтах РАН она заметно ниже.

Наше исследование позволяет отметить, что на фоне существенно возросших показателей публикационной активности по политической науке в отдельных крупнейших вузах (МГИМО, МГУ, НИУ ВШЭ и др.) академические институты в чисто количественном плане им уступают. Но по ряду качественных измерений публикаций (цитируемость, зарубежные публикации и др.) их показатели выше, что ведет к общему выравниванию баланса наукометрических показателей. Например, из 100 наиболее цитируемых российских авторов в области политической науки 46 связаны с институтами РАН, а в рейтинге журналов по политической науке лидирующую группу составляют академические издания.

Что же позволяет поддерживать в институтах РАН высокий уровень публикаций и более тесные связи с мировой наукой? На наш взгляд, этому

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ, ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И «ЭНОЗИС» КРЫМА¹

прежде всего помогают академические традиции, которые сохраняют сотрудники институтов (научная автономия, фундаментальность, преемственность научных школ выдающихся ученых, более тесные связи с международным научным сообществом, опыт подготовки научных публикаций, а также организации научных проектов и др.). Как показывает наш проект, в области политической науки в институтах РАН эти традиции в основном поддерживаются. Данные качества востребованы и в вузах, где преподают многие сотрудники институтов Академии. Так что упоминавшийся рост вузовской науки в области политических исследований происходит в определенной мере и за счет вклада работников РАН.

Что касается содержательно-тематического и методологического аспектов политической науки в институтах РАН, то проект обнаруживает здесь тенденции сегментации и дуализма. И это также связано с академической традицией узкой специализации исследовательских учреждений и особым статусом в этой системе институтов международного профиля, работавших для реализации внешней политики. Высокая тематическая и субдисциплинарная сегментация поля исследований затрудняет коммуникацию и координацию между институтами и даже между подразделениями внутри институтов, что создает проблемы для формирования научного сообщества в академических институтах и повышения его роли в развитии науки. Еще сложнее с дуализмом, который выражает институциональное разделение основного научного потенциала Академии в области политической науки между институтами международного профиля и другими, условно говоря, ориентированными на внутреннюю проблематику. Эта тенденция сохраняется и может вести к разделению этих областей исследований, в том числе и в дисциплинарном плане (с разделением предмета, методологии, практической значимости и т.д.).

В этих условиях большое значение приобретают структуры и тенденции, способствующие интеграции поля политических исследований в институтах РАН. Это организационные, коммуникационные и содержательно-тематические компоненты, которые выделяются и рассматриваются в ряде публикаций нашего проекта с точки зрения их интеграционных возможностей и перспектив. Определенные проблемы здесь могут быть связаны также с реформой РАН и изменением правового статуса институтов. Некоторое снижение научной активности и усиление бюрократического влияния в институтах уже зафиксировали отдельные статистические показатели. И эти процессы в связи с развитием политической науки в институтах РАН также должны изучаться.

Северный Кавказ, вытесненный с первых газетных полос украинскими событиями, остается «наиболее сложной внутривосточной проблемой России». В 2009 г. состоялся переход региона на негативный конфликтологический сценарий. В 2014 г. ситуация на Северном Кавказе стала стабильнее: снизилось количество терактов, число жертв (убитых и раненых) сократилось на 46,9%². Однако сохраняются факторы дестабилизации длительного действия. Выравнивание ситуации к 2014 г. произошло по следующим причинам: проведение Олимпиады—2014, потребовавшие исключительных мер безопасности; уничтожение главаря имарата «Кавказ» Умарова; ИГИЛ, оттянувшее часть «пассионариев» с Кавказа; стабилизирующий эффект украинского кризиса как внешнего конфликта. Однако главным в стабилизации был силовой компонент: выросло число контртеррористических операций, на некоторых территориях режим КТО вводился неоднократно и на длительные сроки.

Хотя стабилизация и была достигнута не за счет изменения основ жизни, что считалось главным при создании Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), можно констатировать возвращение ситуации в Северокавказском макрорегионе с негативного на умеренно-негативный конфликтологический сценарий. Закрепление региона на этом векторе во многом связано с тем, насколько эффективной будет политика идентичности как на федеральном, так и региональном уровне. Успехи в этом направлении имеются, приходит медленное осознание необходимости двигаться в направлении цивилизационной идентичности России.

Важнейшим фактором, влияющим на развитие российской идентичности, стал украинский кризис, что требует учета новых трендов, одна часть из которых направлена на укрепление общероссийской идентичности, другая — создает риски. Остановимся на последних.

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 13-03-323а «Формирование цивилизационной идентичности как стратегия преодоления межэтнических и межконфессиональных противоречий в современной России».

² По итогам 2014 г. Чечня стала единственным регионом СКФО с ростом числа жертв конфликта // Интернет-СМИ «Кавказский узел». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.g.kavkaz-uzel.ru/articles/256507>.

Первое — актуализация сепаратизма в контексте возвращения Крыма в Россию: была воплощена идеология энозиса, основанная на сепаратизме. Россия в 1990-е годы испытывала проблемы с сепаратизмом на Кавказе, его легализация создает риски, которые сегодня невелики: сепаратизм не имеет широкой базы. Однако в блогосфере, прежде всего московской, создается теоретическая основа нового сепаратизма.

Второй сюжет — апелляция к феномену *соотечественников* как легитимация присоединения Крыма к России. Эта проблема особенно актуальна в адыгской среде: неоднократно предпринимались попытки возвращения зарубежных адыгов. С началом войны в Сирии возник вопрос о возвращении на родину адыгов со всего Ближнего Востока. Большого потока адыгов-репатриантов не было, но обращение российского руководства к концепту соотечественников поставило вопрос о критериях соотечественников, о распространении этого статуса на людей всех национальностей, имеющих этническую родину в Российской Федерации.

Третий сюжет — обращение руководства России к идее «русского мира». Эта идея — мощный, но противоречивый идентификационный концепт — не была популярной до крымских событий и отсутствует в документах по национальной политике. Концепт «русского мира» относительно нейтрален для северокавказской проблематики, но терминологически созвучен идее «адыгского мира», более разработанной и овладевшей умами идеологов адыгского движения. Идея адыгского мира вполне конструктивна и не конфликтна, но, как часто бывает, на ее основе возникли различные гипертрофированные варианты, ориентированные на этнизацию и традиционализацию.

Таким образом, украинские события изменили конфигурацию идентификационных процессов на Северном Кавказе и имеют как консолидирующие импульсы, так и новые риски. Рискогенный потенциал украинского кризиса пока имеет латентный характер, в регионе наступила относительная стабилизация.

Г. И. Авцинова
Москва

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В РОССИИ КАК АГЕНТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

В современных условиях наблюдаются беспрецедентные масштабы информационной войны. Корреляции этого феномена с информационным превосходством, нанесением ущерба и получением каких-либо

преимуществ в материальной, технической и информационной сферах не отражают его сущности в полной мере. Информационные атаки противника направлены на подрыв государства изнутри, дискредитацию всей системы ценностей и общественных отношений, разрушение имиджа и международного авторитета страны. Их цели — изменение жизненных смыслов и принципов, откровенное навязывание и латентное культивирование чуждых ценностных ориентаций, делегитимация власти, дезориентация населения, эрозия и распад системы государственных институтов. Информационная война является неотъемлемой частью государственной информационной политики. Она осуществляется посредством научно разработанной, целенаправленной и перманентно реализуемой деятельности специальных институтов государства и гражданского общества, направленной на изменение общественного мнения, дискредитацию политики и ценностей противника с помощью информационных ресурсов и сетей с целью защиты собственных национальных интересов, укрепления социально-политической системы, обеспечения национальной безопасности, достижения гражданской сплоченности и солидарности.

Условия информационной войны вносят существенные коррективы в процесс социализации. В подавляющем большинстве трактовок внимание фокусируется на приобщении и адаптации человека к обычаям, ценностям и традициям общества. Выработка умений и навыков их защищать и развивать, противостоять разрушительным идеям и ценностям особенно важна для подрастающего поколения, становящегося объектом информационных атак противника. Социализация — это перманентный процесс формирования и мониторинга усвоения личностью базовых коллективных ценностей, выработки умений и навыков их трансляции и защиты на всех уровнях взаимодействия личности и общества, осуществляемый государством, гражданскими институтами и личностью с целью воспитания гражданина с активной жизненной позицией, способного сделать осознанный выбор и нести за него ответственность. Человек может и должен быть не только объектом, но и субъектом воздействия, оказывать влияние на структурирование ценностей, жизненных позиций и ориентиров других акторов. Без формирования у молодежи умений и навыков противодействия информационным атакам, трансляции национальных ценностей и традиций устойчивые мировоззренческие и поведенческие позиции невозможны.

Характер воздействия на человека тех или иных агентов социализации существенно трансформируется в зависимости от того, государство или гражданское общество играет доминирующую роль в этом процессе. Государство аккумулирует взаимодействие всех агентов социализации, определяет их общий вектор действий, который направлен на формирование

и усвоение ценностей господствующей политической идеологии и культуры, лояльное отношение к правящему режиму. Гражданское общество усиливает состязательность и конкурентность этого процесса, что обуславливает возрастание вероятностного характера социализации. Различные социальные группы имеют специфические оценки политических реалий, обладают разными ресурсами воздействия на власть и взаимодействия с ней, степенью политической активности. Они выстраивают отношения агентов социализации исходя из своих предпочтений, возможностей и убеждений включения личности в политическую жизнь. Нередко конкуренция агентов социализации между собой и с государством рассматривается как однозначно позитивный фактор. Плюрализм позволяет человеку иметь альтернативные варианты выбора и реализации индивидуальной жизненной траектории развития. Важно, чтобы главные институты социализации создавали единую иерархическую систему, действовали в единой системе ценностей и координат. Трансляция акторами процесса социализации прямо противоположных смыслообразующих идей и ценностей приводит к «разорванности» этого процесса, что представляет большую опасность с точки зрения социальных аномалий и девиаций, дисфункций и дестабилизации. Еще в 1990-е годы автор высказывал идею о том, что для России теоретически дискуссионным и политически недальновидным является антагонистическое противопоставление двух ведущих акторов общественно-политической жизни, ассоциирование зрелости гражданского общества только со степенью его критичности и оппозиционности в отношении государства, размахом протестных акций. Перманентный диалог, выявление и преодоление возникающих противоречий, поиск оптимальных путей их решения суть взаимодействия государства и гражданского общества, что не исключает, а предполагает конструктивную критику. Их конструктивное взаимодействие должно быть направлено на формирование патриотизма, сопричастности общему делу, самостоятельности личности, способной на социально значимые поступки и деятельность на благо Отечества, ответственности за судьбу страны. Умение гармонично сочетать личные и общественные интересы через осознание государственных интересов, понимать свою роль в событиях и процессах государственной значимости, блокировать разрушительные тенденции и поддерживать созидательные приобретает особую значимость в условиях информационной войны.

С. Г. Айвазова
Москва

ГЕНДЕР КАК КАТЕГОРИЯ АНАЛИЗА МАССОВОЙ ПОЛИТИКИ

Исследования последних лет фиксируют существенные различия в формах бытования массовой политики, выделяя в них «политику масс» и «политику граждан»¹. Если главным агентом политики масс является толпа — безликая, гомогенная, лишенная субъектности и подчиненная «внешней» политической воле, то субъект политики граждан плюралистичен и самостоятелен. Он сконструирован как набор действующих лиц — мужчин и женщин, пожилых и молодых, высоко и не слишком образованных представителей различных этносов и рас, включен во множественные отношения, которые тем не менее предопределены общими для всех принципами прав человека и гражданина, равенства, свободы и справедливости.

Различия в формах массовой политики возникают во многом благодаря вторжению в массовую политику новых акторов, институционально преобразующих ее, подвергая критическому переосмыслению наследие прошлого и меняя ее практики. Такое переосмысление многим обязано теоретикам, работающим в русле как нового институционализма, постмодернизма, дискурс-анализа, так и гендерных исследований. Всех их объединяет критический подход к таким моделям политики, которые сопровождаются доминированием одних лиц и дискриминацией других. В числе прочего ими была убедительно продемонстрирована взаимосвязь таких внешне разведенных сфер, как «гендер» и «политика», подчеркнута эвристическая ценность «гендера» как особой категории анализа массовой политики.

В рамках нашей темы важно отметить, что гендер концептуализируется как институт, предопределенный внешними, нормативными процессами. С этой точки зрения гендер понимается как исполнение должного, предписанного извне. Вместе с тем гендер — это конкретное взаимодействие мужчин и женщин. Только вместе индивиды создают разделяемые культурные схемы, или «смыслы», влияющие на тот или иной характер их взаимодействия. Эти «смыслы» во многом предопределяются теми практиками, в условиях которых они возникают.

¹ Такой подход предложен коллективом авторов под руководством С. В. Патрушева (ИС РАН) в процессе реализации исследовательского проекта РГНФ 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия».

Одно из самых очевидных доказательств взаимосвязи «гендера» и «политики» — исключение женщин из института гражданства в ходе великих революций XVIII–XIX вв. Это политическое решение, по словам одного из теоретиков гендерной политической теории, Д. Скотт, «связало гражданство с маскулинностью и ввело различие полов там, где его нет и не должно быть»¹. Таким образом, женщины «стали видимыми в своем различии в сфере политики только тогда, когда были исключены из нее»². Политика как способность самоопределения, выбора, обладания правами по традиции оставалась делом исключительно мужчин. Даже тогда, когда женщины врывались в толпы бунтующих масс, как это было во времена крупных исторических потрясений, они не выделялись в них, их требования, их лозунги были теми же, что у всей толпы. Только некоторые из них, такие, например, как француженка Олимпия де Гуж, осмеливались заговорить о правах женщин как неотъемлемой части прав человека. Их поведение объявляли девиантным, не свойственным «их полу» — «другому» полу, лишённому политических полномочий.

Только постепенная реализация идей равенства всех людей перед законом, **всеобщих прав человека и гражданина** в корне меняет традиционную конструкцию гендерных ролей в политике. Массовая мобилизация женщин в политику не как «невидимого другого», а как самостоятельного субъекта права, сознательно заявляющего о своей способности быть ответственным гражданином (способности к «эмпваэрменту» — овладению определенными полномочиями и правами гражданина), как соучастника в процессе принятия решений, становится знаком преобразования «политики масс» в «политику граждан». В этой политике **идентификация** граждан осуществляется **не по признаку гендерной принадлежности, а в соответствии с этико-политическими принципами** современной демократии — принципами свободы, равенства, справедливости. Тем самым за «другим» признается право на полноценное существование в массовой политике, основанной на «субъектном разнообразии».

Концепт «субъектного разнообразия» предполагает, что политика может и должна строиться не путем исключения «другого», а, напротив, путем его включения, наделения гражданским статусом, полномочиями гражданского участия. Таким образом, ставится под сомнение сам принцип иерархического соподчинения и доминирования как единственно эффективный при отправлении властных полномочий, что, в свою очередь, расширяет поле возможностей для освоения сетевых, неиерархических, форм политической коммуникации и мобилизации.

¹ Скотт Дж. Некоторые размышления по поводу гендера и политики // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Харьков: ХЦГИ. СПб.: Алетейя, 2001. С. 955.

² Там же.

В докладе, представленном на Конгрессе, автор, используя данную сетку анализа, рассматривает вопрос о том, какой тип политики преобладает в нынешнем российском обществе. Источниками являются материалы опросов общественного мнения, в частности, опроса 2014 г., проведенного Отделом сравнительных политических исследований ИС РАН.

А. В. Акимов
Москва

РАЗРАБОТКА ПРОГНОЗНЫХ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ СТРАН ВОСТОКА ДО 2050 Г. И ИХ ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА

В Институте востоковедения РАН проведена разработка прогнозных сценариев развития основных стран и регионов Востока (Япония, Китай, Индонезия, Индия, Афганистан и Пакистан, Иран, Турция, арабские страны — экспортеры нефти, прочие арабские страны) до 2050 г. и дана коллективная экспертная оценка вероятности их реализации.

При составлении сценариев, которые анализировали эксперты, использовались разные ключевые переменные, которые определяют наиболее актуальные вопросы развития этих стран. Целью опроса было установить долгосрочные тенденции, проблемы и возможные пути их решения.

Группы экспертов также формировались по разным схемам. Проблемой применения классических методов экспертного анализа, рассчитанных на статистическую обработку результатов опроса большого числа экспертов в страноведческих исследованиях, является малое число специалистов. Его, как правило, недостаточно для получения надежных статистически значимых оценок. Количество экспертов и их состав определяли сами страноведы.

Участники опроса могли выбирать между двумя вариантами ответов. Первый — просто проставить вероятность реализации того или другого сценария. Второй — помимо оценки вероятности сценариев, дать свой комментарий тех процессов, которые являются объектом прогноза. Комментарии экспертов позволили исправить неточности постановки вопросов, выявили дополнительные варианты развития, а также конкретизировали проблемы стран и пути их решения.

Результаты опроса экспертов демонстрируют интересные особенности. В целом можно отметить, что оценки перспектив развития стран Восточной и Юго-Восточной Азии оптимистичны. Для Японии, КНР и Индонезии, по оценке экспертов, наибольшую вероятность имеют сценарии,

описывающие успешное развитие этих стран. В Южной Азии экспертами признаны достаточно вероятными негативные сценарии развития для Пакистана и Афганистана, а также вероятность экологической катастрофы в Индии.

При анализе сценариев по странам Ближнего и Среднего Востока эксперты невысоко оценили вероятность тех сценариев, которые основаны на идеологии исламских политических движений, хотя опрос проводился в разгар их подъема, а также на пике «арабской весны». Эксперты реалистично оценивают тенденции развития изучаемых стран и не склонны переоценивать важность текущих событий. Такие положительные черты экспертного сообщества виднее при коллективных оценках.

В целом экспертное сообщество востоковедов провело большую коллективную работу. В опросе приняли участие 43 эксперта. Это показывает потенциал дальнейших исследований как долгосрочных тенденций развития, так и других встающих перед востоковедами экономических и политических проблем.

Т. С. Аكوпова
Ярославль

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

Политическая повестка дня как составная часть процесса принятия политического решения включает сбор и обработку информации о политической обстановке, ранжирование полученных данных по степени важности, выявление проблем, требующих первостепенного внимания и срочного решения политическими средствами и методами в конкретный период времени для принятия наиболее эффективного политического решения, выгодного субъекту.

В региональной политической практике формирование повестки дня начинается с возникновения проблемы. При этом используются два основных механизма. Первый механизм условно можно обозначить как «общественный». В названной ситуации общественность определяет важность проблемы, осознает невозможность самостоятельного ее решения и привлекает для этого региональные органы власти. Такой способ может предусматривать различные способы стимулирования власти: использование обращений граждан или привлечение внимания при помощи СМИ. На практике эффективность такого механизма невысока, так как требует

больших усилий, продолжительна во времени и носит фрагментарный характер.

Второй механизм, условно обозначенный нами как «властный», предполагает инициативу органов власти в решении выявленных ими проблем на основе показателей эффективности деятельности и, как правило, без учета мнения общественности. Риски такой ситуации связаны с тем, что актуальная для населения проблема может быть не включена в политическую повестку и, следовательно, не разрешаться, в свою очередь, выявленные властью проблемы могут не отвечать запросам общества. Таким образом, в политическую повестку могут быть включены не только действительно актуальные проблемы, но и проблемы-симулякры, важность которых для регионального сообщества не является очевидной.

Ранжирование по степени важности общественных проблем в сравнении с количеством законов (решений, постановлений), принятых органами власти Ярославской области в определенной сфере, показывает, что работа предприятий ЖКХ в регионе меньше всего устраивает население и является первостепенной проблемой. Но в политической повестке дня и принятых властью решениях эта проблема не входит в топ-5. На первое место власть выдвигает обсуждение социального обслуживания и поддержки социально незащищенным слоям населения.

Необходимо отметить, что социальная поддержка является достаточно обширной темой политической повестки дня. Она включает в себя вопросы оказания помощи молодым семьям, малообеспеченным гражданам, инвалидам и несовершеннолетним детям, оставшимся без опеки. Поэтому выделение ее как основной в политической повестке может быть обоснованным. Но при анализе документов было выявлено, что принимаемые по проблеме решения чаще касались сокращения целевых программ и бюджетного финансирования в данной сфере.

Рассмотрение организационных вопросов в политической повестке (следующих по важности) может быть обосновано необходимостью структурирования и регламентации системы органов власти для упрощения возможности ее функционирования. Соответственно политическая повестка дня не может исключать организационные вопросы, но если пренебречь ими и вопросами, касающимися назначений должностных лиц, то в политическую повестку дня дополнительно войдут темы предоставления государственных и муниципальных услуг и образования.

В настоящее время происходит формирование нового механизма актуализации политической повестки дня через институты общественного контроля (общественные палаты и общественные советы при органах власти). Новый механизм позволяет снизить риски включения в повестку «мнимых» проблем, наладить диалог общества и власти и очертить круг наиболее важных общественных проблем.

Таким образом, в зависимости от политической конъюнктуры и степени политической коммуникации механизмы формирования политической повестки определяются субъектами политического взаимодействия (заинтересованными акторами): населением, некоммерческими организациями, органами власти, средствами массовой информации, институтами общественного контроля, которые обладают возможностью переноса центра формирования политической повестки дня в публичное пространство.

А. С. Алексанян
Ереван, Армения

ПРОФСОЮЗЫ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИЕЙ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

На современном этапе социально-экономической интеграции проблемы стратегического управления трудовой миграцией в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) остаются весьма актуальными. Активное участие профсоюзов в процессе корпоративного управления трудовой миграцией и защиты социальных прав и свобод трудовых мигрантов на Евразийском пространстве может иметь стратегическое значение. Трудовая миграция как способ функционирования социально-экономической системы может стать ресурсом эффективного управления рынком труда ЕАЭС. Социальное и правовое измерения трудовой культуры требует стратегических исследований миграционной политики стран ЕАЭС. При корпоративном социальном управлении оборотом рабочей силы потоки трудовой миграции на Евразийском пространстве могут стать важным фактором сбалансированности рынка труда и развития человеческого капитала. Качество управления миграционными процессами во многом обусловлено развитием рыночных отношений, социального партнерства, трудоустройства и социальной поддержки сферы занятости. Договор о ЕАЭС регулирует вопросы трудовой миграции: сотрудничество государств-членов в сфере трудовой миграции; трудовую деятельность трудящихся государств-членов; права и обязанности трудящихся государства-члена (раздел XXVI, ст. 96–98). Договор о ЕАЭС дает возможность профсоюзам стран-участниц активно защищать права и свободы трудовых мигрантов. В соответствии с пунктом 5 статьи 98 Договора «Трудящийся государства-члена имеет право вступать в профессиональные союзы наравне с гражданами государства трудоустройства». В этом плане для интеграции социальной модели ЕАЭС необходимо способствовать развитию

Евразийского социального диалога и партнерства. Развитие социального партнерства будет также позитивно влиять на интеграционные процессы профсоюзов государств — членов ЕАЭС, становясь важным фактором корпоративной социальной ответственности. Поэтому столь важное значение имеет обеспечение конструктивного взаимодействия Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП) с ЕАЭС и профсоюзами стран-участниц. В рамках ЕАЭС необходимо расширять накопленный опыт сотрудничества ВПК с органами СНГ и ЕвразЭС, а также с национальными профсоюзами государств-участников. Институциональная и правовая база ЕАЭС должна способствовать развитию ВПК и профсоюзного движения, тем самым реформируя системы социального партнерства государств-участников и евразийскую мобильность трудовых ресурсов. На межгосударственном уровне евразийский социальный диалог будет обеспечивать эффективную имплементацию новых проектов социальной модернизации, а также поиск долгосрочных решений и совершенствование системы управления трудовой миграцией ЕАЭС. Политика контроля трудовой миграции ЕАЭС должна соответствовать основополагающим принципам правового регулирования Международной организации труда (МОТ) и краткосрочным/долгосрочным вызовам международной миграции. В условиях глобализации социальное партнерство с профсоюзами позволит ЕАЭС эффективно регулировать внутренние и внешние процессы трудовой миграции, учитывая социально-экономические риски нелегальной миграции и основные угрозы гражданской стабильности.

Д. В. Алексеев
Москва

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СМИ КАК СУБЪЕКТ ВЛИЯНИЯ И ФОРМУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Средства массовой информации в современном обществе являются основным субъектом формирования политической реальности. Общество сталкивается с таким явлением, как медиатизация или виртуализация политики. Нередко политика творится с помощью медиа, хотя на самом деле политики не совершают никаких практических шагов. Действует один из законов коммуникативного процесса: событие не произошло, но если о нем рассказали в прессе, оно начинает «жить» в сознании общества. В рамках существующей системы постмодернизма человек воспринимает

реальность сквозь набор сконструированных образов, то есть через интерпретации явлений. Ключевыми интерпретаторами являются СМИ. Д. Аптер пишет о том, что в рамках демократического политического режима информационный обмен свойствен каждому аспекту функционирования этой системы; демократизация есть технологический переход к развитым информационным системам. Таким образом, возможность беспрепятственного обмена информацией — это важнейшая предпосылка появления демократии. В подобной системе СМИ являются «вместилищем» разного рода дискурсивных практик. Причем эти практики конкурируют друг с другом, составляя динамичную систему повестки дня.

Однако возросшая роль СМИ создает и ряд существенных рисков. Ведь с ростом информационных технологий растут и возможности манипуляции общественным сознанием. С. Льюкс пишет о том, что такие условия порождают новые возможности для политических элит: «...наиболее коварная форма осуществления власти — это предотвращение в той или иной степени возможного недовольства людей путем формирования у них таких восприятий, знаний и предпочтений, которые обеспечивали бы принятие людьми своих ролей в существующем порядке — в силу того, что они не видят альтернативы этому порядку...»¹. Таким образом, СМИ становятся лишь средством в руках властных структур: «...любые формы отправления власти неминуемо сопрягаются с проведением пропагандистски-символической политики в публичном пространстве»². Главными агентами проведения такой политики являются общественно-политические СМИ. Основная проблема заключается в том, что подобная деятельность часто способствует разжиганию политических конфликтов, а не поиску компромиссов и совместных решений. Так происходит по ряду причин.

Во-первых, это поиск СМИ «горячих» тем с целью удержания собственной аудитории. Общественно-политические СМИ часто сами формулируют содержание конфликтов в виртуальной реальности, в то время как в действительности фактические события не происходят. Наилучшим примером такой ситуации является конфликт на Украине. Большинство СМИ, как украинских, так и российских, работают на пропаганду интересов определенных групп, что не ведет к поиску компромиссных альтернатив. Конкуренция на современном медиарынке (как рыночная, так и идеологическая) столь велика, что порой случаются горизонтальные конфликты и непосредственно между самими СМИ. Таковым является столкновение «Известий», с одной стороны, и РБК и «Дождя» — с другой. «Известия» выпустили материал с упоминанием ряда СМИ как носителей «ярко выраженной антиго-

сударственной позиции»¹. В этой ситуации имели место и идеологический подтекст, и, вполне вероятно, манипулирование повесткой дня со стороны властной элиты, и рыночная конкуренция. Во-вторых, современные СМИ в сильной степени зависят от инвестора. Они являются каналом продвижения его интересов (можно привести множество примеров СМИ, принадлежащих крупным бизнесменам. Так, М. Прохоров владеет медиахолдингом РБК). В-третьих, даже в самом демократическом обществе имеет место «мягкое» давление на СМИ. Эти процессы неизбежны, поскольку такова природа власти². В-четвертых, объективность СМИ всегда находится под вопросом, так как человеческое мнение априори субъективно в отношении интерпретации фактически произошедшего события.

Несмотря на все вышесказанное, СМИ, несомненно, обладают «миротворческим» потенциалом. Так, в европейских СМИ все чаще звучат призывы прислушаться к позиции России в международных отношениях, а у нас все громче слышны голоса в пользу адекватного диалога (в том числе об этом говорил и В. В. Путин). Для реализации этих возможностей необходимо снизить милитаристские настроения внутри общества, а также вести применительно к СМИ более демократичную политику, стимулируя рост плюрализма мнений и разнообразие повестки дня.

Е. С. Арляпова
Москва

ЕАЭС И СЕРБИЯ: ПАРТНЕРСТВО НА РАССТОЯНИИ

Ценность нового интеграционного проекта на пространстве Евразии для немногих союзников России на Западе состоит прежде всего в появлении альтернативной модели взаимодействия и развития. Если исходить из того, что тренд к обязательному объединению с тем или иным сообществом государств в наши дни становится доминирующим, и факта, что большинство не осуществивших вступление куда-либо стран соглашается с правилами этой игры, то наличие альтернативы, несомненно, дает им дополнительные преимущества. Как минимум, это повод для торга в уже выбранном формате интеграции. Сказанное прямо иллюстрирует случай Сербии — традиционного форпоста России на Балканах.

¹ Роспечать профинансировала телеканал «Дождь» на 30 млн рублей. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/585059>.

² Журналистика в мире политики: Исследовательские подходы и практика участия / Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2004.

¹ Леднев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 36–37.

² Соловьев А. И. «Институциональные сети» российского государства и стратегия самолегитимации правящего режима // ПОЛИТЭКС. 2012. № 3. С. 5–20.

Российско-сербские внешнеэкономические связи характеризуются относительным постоянством: Россия входит в тройку крупнейших партнеров Сербии. В товарообороте между странами превалирует российский экспорт — в первую очередь из-за значительной сырьевой составляющей. Однако последние пять лет наблюдается наращивание сербского экспорта в Россию, чему в немалой степени поспособствовали введенные в отношении РФ санкции Евросоюза. Анализ объема и структуры торгового сотрудничества между Россией и Сербией позволяет заключить, что экономические стратегии внешних партнеров Сербии по другим направлениям ее внешнеэкономической деятельности реализуются и быстрее, и эффективнее; товарооборот между нашими странами мог быть больше. Кроме того, важно превалирование двусторонних соглашений между Москвой и Белградом в партнерстве на внешнеэкономической площадке. Много скромнее пока выглядят результаты подобных инициатив в расширенном формате: например, Сербия и ЕАЭС (Сербия — Таможенный союз ранее и т.д.), хотя правовой основой для эффективного взаимодействия они обеспечены.

Осознание новых возможностей медленно, но проявляется в публичном дискурсе. В настоящее время статус данной тематики в Сербии корректно будет определить следующим образом: проблематика Евразийского экономического союза отсутствует в актуальной политической повестке дня правящего истеблишмента Сербии, но присутствует в более широком общественно-политическом дискурсе. В стране немало политических сил (в том числе партий), поддерживающих и/или представляющих тему ЕАЭС в общественно-политическом дискурсе, но их индивидуальное и совокупное влияние невелико, в том числе из-за ограничительного доступа к ресурсам трансляции.

В числе внепарламентских партий, имеющих шанс пройти в сербский парламент, за присоединение Сербии к ЕАЭС открыто выступают Сербская радикальная партия, партия-движение «Двери», Сербская народная партия. Демократическая партия остается открытой к такой возможности, одновременно твердо выступая против ЕС и НАТО. В пользу ЕАЭС в настоящее время выступает еще целый ряд организаций, движений и партий, которые будут все активнее участвовать в политической жизни — как самостоятельно, так и в коалиции с тремя упомянутыми выше партиями. В их число входят: «Восточная альтернатива», Движение за Сербию, «Заветники», «Наши», «Сербский образ».

В числе неправительственных организаций стоит выделить Центр стратегических альтернатив, предоставляющий интернет-площадку для экспертного общения по теме взаимодействия Сербии и ЕАЭС. К числу альтернативных медиа, по мнению сербской стороны, могут быть отнесены: «Факты» и «Новая сербская патриотическая мысль». Это дает надежду на новый этап и новое качество сотрудничества с Сербией, возможно, не

только в прежнем, доминирующем до сих пор двустороннем формате, но и в более широком — в рамках ЕАЭС, по опыту уже присоединившейся Армении, стремительно идущей на экономическое сближение Турции и активизирующей свои связи с Россией и ЕАЭС Грецией.

В. Н. Архангельский
Москва

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ НА ОСНОВЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Влияние реализуемых в России с 2007 г. мер помощи семьям с детьми на динамику текущих показателей рождаемости для условных поколений (в той или иной степени) практически никто не отрицает. Однако следует, конечно, иметь в виду, что изменение суммарного коэффициента рождаемости может быть обусловлено «тайминговыми» сдвигами, т.е. более ранним рождением детей. Более надежную оценку дают здесь показатели рождаемости для реальных поколений женщин.

Значительная часть женщин, на репродуктивное поведение которых могли повлиять реализуемые меры, еще находится в репродуктивном возрасте, и говорить об итоговом числе рожденных детей у них преждевременно. Но уже сейчас, с учетом показателей рождаемости до 2013 г. включительно, можно говорить по крайней мере о стабилизации среднего числа вторых рождений на уровне 0,50, начиная с поколения женщин 1970 г. рождения, после длительного периода снижения величины этого показателя в предшествующих поколениях (с 0,67–0,68 у женщин 1957–1959 гг. рождения).

Если в отношении среднего числа вторых рождений пока реально можно говорить о его стабилизации в более молодых поколениях, то доля женщин, родивших второго ребенка среди родивших первого, увеличивается. Достигнув минимума в поколении 1971 г. рождения (54,0%), у более молодых женщин она уже несколько выше (1972 г. — 54,5%, 1973 г. — 55,0, 1974 г. — 55,6, 1975 г. — 55,9, 1976 г. — 56,1, 1977 г. — 55,9%). При этом у них можно ожидать еще некоторого увеличения этого показателя, ибо вероятность рождения второго ребенка в оставшиеся годы до окончания репродуктивного возраста у них существенно выше, чем первого.

Начиная с поколения женщин 1967 г. рождения, можно говорить об увеличении доли женщин, родивших третьего ребенка, среди родивших второго. Если у женщин 1965 г. рождения этот показатель составляет 23,9%, а у женщин 1966 г. рождения — 24,0%, то у женщин 1967 г. рождения — 24,2, 1970 г. рождения — 24,8, 1974 и 1975 гг. рождения — 25,6%.

О наличии или отсутствии сдвигов в календаре рождений косвенно можно судить на основе данных о динамике соотношения возрастов при рождении детей разной очередности рождения в реальных поколениях женщин. Разница между двумя этими показателями неуклонно увеличивается вплоть до поколения женщин 1974 г. рождения (1960 г. рождения — 3,57 года, 1965 г. рождения — 3,46, 1968 г. рождения — 4,31, 1970 г. рождения — 4,99, 1971 г. рождения — 5,28, 1972 г. рождения — 5,49, 1973 г. рождения — 5,62, 1974 г. рождения — 5,66 года). Некоторое ее сокращение у более молодых женщин (1975 г. рождения — 5,59 года, 1976 г. рождения — 5,47, 1977 г. рождения — 5,22, 1978 г. рождения — 4,94 года), безусловно, не позволяет говорить о сближении возраста при рождении второго и первого ребенка. Дело в том, что процесс деторождения в этих поколениях продолжается, и, следовательно, средний возраст матери при рождении детей будет расти. В поколениях женщин конца 1970 — начала 1980-х годов рождения вероятность рождения второго ребенка, видимо, несколько выше, чем первого. Следовательно, средний возраст матери при рождении второго ребенка может увеличиться в большей степени, чем при рождении первого, и, значит, вероятно увеличение разницы между ними.

Однако судить о наличии или отсутствии тайминговых сдвигов только на основе разницы между средним возрастом матери при рождении второго и первого ребенка не совсем правомерно, ибо эта разница не вполне адекватна величине первого интергенетического интервала, т.е. интервала между рождением первого и второго ребенка. Необходимо учитывать не просто средний возраст матери при рождении первого ребенка, а величину этого показателя только для тех женщин, у которых впоследствии родился второй ребенок. Статистическая информация не дает таких сведений, поэтому для оценки величины первого интергенетического интервала необходимо использовать данные социологических исследований.

По результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проведенного Росстатом в 2012 г. в 30 регионах России, средняя величина интервала между рождением первого и второго ребенка у состоящих в первом браке женщин, у которых все рожденные дети от данного брака, практически не различается у родивших второго ребенка в 2000–2006 (64,9 месяца) и в 2007–2012 гг. (67,1 месяца).

Нет существенных различий между женщинами, родившими второго ребенка в 2000–2006 и 2007–2012 гг., не только в средней величине интервала между рождением первого и второго ребенка, но и в распределении

по величине этого интервала. У тех, у кого второй ребенок родился в 2007–2012 гг., с одной стороны, на 3,5 п.п. выше доля тех, у кого он появился менее чем через 4 года после рождения первенца, а с другой — на 3,4 п.п. выше доля тех, у кого этот интервал составил 12 лет и более.

Таким образом, ориентируясь на представленные данные, нет оснований говорить о том, что происходит сокращение интервалов между рождением первого и второго ребенка, т.е. «тайминговые» сдвиги.

Наряду с оценкой результативности мер демографической политики на общероссийском уровне важно, используя показатели рождаемости по реальным поколениям, провести сравнительный межпоселенческий и межрегиональный анализ.

В. А. Ачкасов
Санкт-Петербург

ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ И ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ: РЕШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Мегаполисы представляют собой место, куда направлены миграционные потоки, где большое число людей живет в тесном контакте друг с другом и где возникает большинство социальных проблем. Пространственная концентрация всегда была источником как социальных стрессов, так и социальных инноваций, т.е. одновременно и силой, и слабостью города. Сегодня любой крупный город неизбежно сталкивается с беспрецедентно массовой транснациональной иммиграцией и со сложнейшими задачами инструментальной, экономической, культурной и социальной интеграции мигрантов, поскольку иммиграция и интеграция — это две стороны одной медали. Это предполагает разрушение барьеров, существующих между мигрантами и принимающим обществом, и изменение их идентичности.

Однако в России в решении задач интеграции возникают дополнительные трудности. Советская практика поддержки и спонсирования этнонационализма, создание квазигосударственных этнонациональных образований, практическая реализация концептов «дружбы народов» и «многонационального» государства, состоящего из этнонаций, оставили в наследство ряд сложных проблем. Следствием их является то, что официальный дискурс в России, имеющий отношение к так называемой национальной и иммиграционной политике, развивается под влиянием представлений (зачастую не рефлекслируемых) об этнических общностях

как своего рода «коллективных индивидах», наделенных волей, интересами и способностью делать выбор. При подобном подходе российское общество воспринимается как сообщество национальных сообществ, сумма «коллективных личностей», а стратегической целью государства объявляется создание механизмов, обеспечивающих баланс групповых интересов. Разумеется, эта цель может быть достигнута путем оформления этнических групп и территориальных общностей как субъектов права и участников политического процесса.

В результате «национальная» и иммиграционная политика в РФ и связанный с ней дискурс развиваются по двум основным направлениям. Первое — декларирование и отстаивание «региональных/национальных интересов», т.е. некоего суммарного, кумулятивного «интереса» «коренных жителей» / «титულიной нации» региона. Эта идея сегодня публично высказывается в контексте проблем противодействия массовой иммиграции. Второе — предупреждение и урегулирование так называемых межнациональных конфликтов.

В больших российских городах «национальная политика» прежде всего понимается как патронаж в отношении «национально-культурных объединений». В результате контрагентами чиновников выступает крайне ограниченный круг «национальных лидеров», руководствующихся в своих действиях преимущественно личными амбициями, но выступающих от имени «национальных общин». Однако «...все разговоры о цельных и структурированных «национальных общинах», отношения между которыми и государством якобы надо «регулировать», — не более чем продукт воображения»¹.

Причем носителями такого рода иллюзий являются и российские политики. Так, в открытом письме Оксаны Дмитриевой к ВРИО губернатора Санкт-Петербурга предлагалось следующее: «Есть простейшие способы в кратчайший срок избавить петербуржцев от чувства раздражения тем, что происходит сегодня в миграционной политике города. Заключите публичный общественный договор со всеми национальными диаспорами. Они наведут порядок в своих рядах быстрее, чем наша доблестная полиция. По своим — неписаным, но жестко соблюдаемым — национальным законам»². В октябре 2013 г. такого же рода призыв прозвучал и в речи В. В. Путина перед мэрами российских городов.

Однако от такого «простого решения» сложной проблемы так и веет популизмом. Социологи обнаружили, что этнические диаспоры в Санкт-Петербурге, в частности азербайджанская, «состоят из различных соци-

альных сред, которые относительно замкнуты и слабо взаимодействуют между собой. Обнаружились жесткие границы между двумя сообществами. Первое состоит из хорошо интегрированных и достигших определенного статуса в различных сферах деятельности петербуржцев, которые в свободное от основной работы время могут позволить себе быть «азербайджанцами»... Одни из них сделали этничность своим хобби, другие — профессией. Они претендуют на то, чтобы представлять интересы «всех азербайджанцев Петербурга», выступать в качестве посредников между «диаспорой» и государственными/городскими властями¹. Однако миграционный прирост в городах России сегодня происходит за счет второго сообщества (новые трудовые мигранты), которое не интегрировано в принимающий социум и сложившиеся диаспоры, подвергается дискриминации, что подталкивает их к сплочению на этнической/конфессиональной основе.

В. А. Ачкасова
Санкт-Петербург

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Изучение мобилизационных процессов давно уже стало предметом научных исследований за рубежом. Западные ученые активно анализируют механизмы и практики социальной мобилизации, рассматривая методы экономического стимулирования, политического контроля, формирование национальной, социальной и культурной идентичности в качестве составляющих мобилизационной динамики. При этом наряду с работами фундаментального характера, изучающими природу и базовые основания мобилизации, существует целый корпус исследований, посвященных отдельным аспектам этого явления. Так, в работах Ш. Фицпатрик, Д. Л. Хоффмана изучаются поведенческие образцы и мировоззренческие установки, лежащие в основе модели мобилизационных отношений между обществом и государством. Рассмотрению инструментов мобилизационного процесса (роли СМИ, пропагандистскому воздействию) посвящены публикации М. Леное, Дж. Лемерта, Л. Мартина, Е. Брамштедте, С. Френкеля, Р. Манвелла и других авторов. В целом можно констатировать, что в зарубежной научной мысли сложилась довольно стройная картина, си-

¹ Этнические процессы в столичном мегаполисе / Отв. ред. В. Р. Филиппов. М., 2008. С. 7.

² Справедливая Россия. Петербург. 2011. Август. № 7 (24). С. 1.

¹ Панченков О. В. Роль «этнической идентичности» в исследованиях миграции и ответственность социального ученого // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2008. № 1. С. 169.

стемно описывающая не только сущность, но и разнообразные формы проявления мобилизации.

В российском научном сообществе традиции исследования социальной (и политической в первую очередь) мобилизации только начинают складываться, что объясняется целым рядом факторов. Речь идет прежде всего о том, что мобилизация — явление весьма неоднозначное, его проявления многообразны, а сами мобилизационные установки и технологии укоренены с разной степенью как в структурах власти, так и в целом в политической практике любого социума. Кроме того, одним из основных факторов является наличие разрыва между концептуальными построениями, создаваемыми на макроуровне, и конкретными эмпирическими исследованиями, т.е. отсутствием теоретических моделей среднего уровня, связывающих исследовательскую конкретику с макромоделями.

Последний фактор свидетельствует о *парадоксальной* ситуации: из фокуса исследователей выпадает изучение технологической составляющей мобилизационных процессов. Безусловно, пропагандистские и иные приемы и методы находили место в исследовательских проектах, рассматривающих мобилизацию, однако их анализ носил весьма общий характер. Во-первых, в изучении технологий коммуникативного воздействия и последствий их применения превалировала фрагментарность: отдельные способы и приемы, прежде всего пропагандистского толка, привлекали внимание исследователей, другие же, напротив, были обойдены таким вниманием. Во-вторых, активная социально-политическая динамика последнего десятилетия породила целый комплекс новых мобилизационных средств, которые требуют специального изучения (корпус работ, посвященный «цветным» революциям, подтверждает актуальность этого тезиса).

В этих условиях системное и непредвзятое исследование коммуникативных технологий в процессах политической мобилизации является своеобразным вызовом научному сообществу. Эксперты говорят об острой необходимости изучения так называемых прагматических коммуникаций, под которыми понимаются процессы направленной передачи информации, жестко ориентированные на получение адекватного эффекта в виде консолидации массовых аудиторий¹. Мобилизационная технология при этом рассматривается как целенаправленная и системно организованная, часто протестная (гражданское сопротивление) деятельность по организации и координации социальных субъектов, консолидации общественности для достижения политической цели, осуществляемая в основном посредством СМИ и социальных сетей и рассчитанная на достижение быстрого и максимального результата.

¹ Ситников А. П., Гундарин М. В. Победа без победителей: Очерки теории прагматических коммуникаций. М.: ИМИДЖ-Контакт, 2003. С. 14.

Исследование именно технологических аспектов социально-политической мобилизации в значительной степени дает ответ на вопрос о причинах активной поддержки и соучастия социума в событиях и процессах современной социально-политической жизни.

Т. Б. Бадмацыренов
Улан-Удэ

ПОЛИТИЗАЦИЯ БУДДИЗМА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Все большее количество людей активно используют Интернет в поиске и передаче религиозной информации. В нем происходит развитие новых форм религиозной деятельности, а все более значимой частью процесса конструирования виртуальной идентичности становятся образы. Интернет формирует среду для «слабой» религиозной идентичности — гибкой и фрагментарной. Он позволяет создать глобальную «внепространственную» организацию религиозного взаимодействия с координацией религиозной деятельности и даже управлением ею. Через Интернет происходит трансляция религиозных идей, создание образа религиозных групп и организаций, вовлекаются новые верующие, формируется политико-религиозный дискурс. Технологии «Web 2.0» позволяют организовывать массовые обсуждения с множеством отдаленных друг от друга независимых участников в режиме реального времени, организуемые на специализированных интернет-ресурсах, в любой социальной сети, а также в блогах. Коллективное обсуждение социально значимых проблем, формирование консолидированных позиций часто способствует тому, что в интернет-среде начинают складываться так называемые сетевые сообщества. В ряде случаев такая форма общения может выступать своеобразным аналогом объединений и собраний граждан, уличных пикетов, митингов, шествий или демонстраций. Интернет-сообщества также используются их участниками как удобное средство планирования и организации реальных мероприятий. Большую популярность получили так называемые флэш-мобы, а также акции протеста. События, получившие название «арабской весны», также образно назывались *facebook*-революциями, причем существенную роль в них играли религиозные политические группы.

Буддизм занимает прочные позиции в сети Интернет, перешагнув собственно религиозные границы и приобретая черты массовой культуры. Буддийские идеи и символы проникают в массмедиа и популярную литературу, зачастую лишаясь своего изначального содержания. В зарубежных исследованиях уже сформировалось целое научное направление, изучаю-

щее виртуальный буддизм. Русскоязычные исследования буддизма в Интернете только начинаются, хотя некоторые аспекты этой проблематики и затрагивались отдельными исследователями.

В политическом поле виртуального буддизма важными пунктами являются проблема Тибета и деятельность Далай-ламы XIV. Религиозные практики всегда были важнейшим элементом тибетской идентичности, и тибетская диаспора использует виртуальный буддизм для сохранения общих целей и структур лидерства в условиях вызовов «множественной современности». Деятельности тибетских лам и связанных с ними групп в России часто приписывается политический характер. Используя Интернет, тибетская диаспора и сочувствующие ей группы смогли сформировать глобальный дискурс *Save Tibet*, в котором связываются демократия, гражданские свободы и тибетская политическая проблематика. Такая постановка вопроса создает основу для критики многих действующих правительств, прежде всего КНР, со стороны гражданских активистов. В России буддизм прочно связан с этнополитическим процессом в «буддийских» регионах — Бурятии, Тыве и Калмыкии, а также с активностью довольно большого числа религиозных групп во многих городах России.

Кроме того, Интернет стал полем активного взаимодействия буддизма с иными религиозными направлениями, причем зачастую оно приобретает характер конфронтации. Отмеченные здесь направления политизации буддизма в Интернете не охватывают всей сложности картины виртуального пространства «буддийской» политики, и исследование этой проблематики представляется весьма перспективным и актуальным.

Е. У. Байдаров
Алматы, Казахстан

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ИДЕОЛОГИЯ В КАЗАХСТАНЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Транзитный характер развития Казахстана на современном этапе обострил внимание и интерес к проблеме выработки национальной идеи/идеологии, призванной вывести страну в разряд высокоразвитых цивилизованных государств мира. Отсюда и та «мышьяная возня», которая происходит вокруг данной проблемы.

Несмотря на то что руководство страны нацеливало с начала 1990-х годов экспертов на выработку национальной идеи/национальной идеологии, сущность ее понимается по-разному. Одна из главных причин — недоверие общества к власти, разрыв между ценностями и идеалами народа и государства.

Синтезируя основные подходы к определению онтологической сущности феномена идеологии, полагаем, что он представляет собой утопическую, интеллектуальную, но не духовную доктрину, оправдывающую притязания группы на власть.

Ценностное значение идеологии в том, что она представляет собой набор социально-психологических инструментов и манипулятивных техник, с помощью которых власть пытается предотвратить осознание массами своих интересов. Управление с помощью идеологии подразумевает искусство извлекать выгоды из эмоций, парализуя при этом способность к критическому мышлению. Идеология замещает массовое сознание, отражая групповую точку зрения на ход развития нации, и потому отличается определенной предвзятостью оценок. Тогда как национальная идея имеет этическое и духовное измерения, являясь своего рода субстанцией, создающей сложную и многогранную мировоззренческую систему нации, ее душой, продуктом векового духовного взросления нации.

В этом смысле «*Мәңгілік Ел*», предложенная Президентом РК Н. А. Назарбаевым в Послании народу Казахстана «Казахстанский путь-2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» в качестве национальной идеи, соответствует всем требованиям в отношении данного понятия, так как несет в себе главные ценности, объединяющие всех казахстанцев, и составляет фундамент будущего страны.

В Казахстане сегодня сформировались разноплановые идеологические системы, каждая из которых не может поставить и решить проблему общекзахстанской идентичности, так как проблема самоидентификации современного Казахстана требует более широкой трактовки идеологии: в первую очередь это связано с преодолением стереотипа, в соответствии с которым устанавливается жесткая связь идеологии с политическими интересами и властью. Конечно, идеология реализуется в политике и в практике государственного управления, но это скорее внешний уровень функционирования идеологии. Более глубокими и скрытыми ее уровнями выступают идея, культурная самобытность, национальный характер, базовые ценности данного общества и народа.

Именно поэтому объективной потребностью казахстанского социума является поиск такой идеологии, которая способствовала бы объединению казахстанцев в единое целое и могла бы служить новой системе власти эффективным средством управления страной и выработки социально-политической стратегии в происходящих процессах глобализации. Перефразируя выдающегося российского мыслителя XX в. А. Зиновьева, мы должны осознать, что в современной ситуации Казахстан не может сохраниться в качестве исторически значимой величины, если не сумеет выработать

идеологию, сопоставимую по эффективности с той, какая имели место в советские годы»¹.

Отсутствие в Казахстане общегосударственной идеологии (хотя многие на эту роль сегодня выдвигают «Стратегию “Казахстан-2050”». — *Е. Б.*) не только тормозит развитие демократичности и формирование гражданского общества, но и оказывается связанным с неустойчивостью и конфликтностью межэтнических отношений, что стимулирует проявление и практики разных вариантов политического радикализма. Именно поэтому «формирование общегосударственной и общегосударственной идеологии оказывается важным механизмом перевода исходной «воли к бытию»... в потребность развития именно совместного, коллективного социокультурного пространства»².

Таким образом, можно сказать, что идеология, все больше расширяя пространство своего воздействия на казахстанское общество, должна стать вместе с тем и формой самореализации общества, культивирования в нем тех принципов гуманизма и человечности; духовности и культуры, реально обеспечивая социальный и культурный прогресс страны, а вместе с этим — и реальное освоение всех тех направлений инновационной стратегии, к которым переходит сегодня казахстанское общество.

Уточнение социокультурного контекста данной проблемы важно не только для выяснения предпосылок развития политологии в Казахстане, но и для понимания существующего разрыва эпистемологических основ казахстанской и мировой политологии. Осознание данной проблемы, ее обсуждение, несомненно, позволят ускорить интеграцию казахстанской политологии в мировую науку и ее институционализацию адекватно современным когнитивным тенденциям.

К. Ш. Байсултанова
Алматы, Казахстан

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КАЗАХСТАНЕ

Известно, что развитое гражданское общество является индикатором экономически сильного правового государства, открытого общества. Построение демократически сильного государства является важнейшей

¹ *Зиновьев А. А.* Философия как часть идеологии // Государственная служба. 2002. № 3. С. 20–27 (20).

² *Моисеева Н. А.* Национальный характер как воля к бытию в зеркале идеологии // Вопросы культурологии. 2011. № 7. С. 75–81 (80).

задачей, стоящей перед каждой страной. Взаимодействие общества и государства, партнерские взаимоотношения между государством и гражданским обществом выступают гарантом развития государства, его экономической стабильности и благосостояния населения.

Мировой опыт построения гражданского общества показывает, что динамичное взаимодействие государства и гражданского общества является важным фактором устойчивого социально-экономического развития и политической модернизации страны.

Для Республики Казахстан построение гражданского общества — одно из наиболее приоритетных направлений демократизации и формирования социально ориентированной рыночной экономики. Президент РК Н. А. Назарбаев в своем Послании 2012 г. отметил, что на пути социальной модернизации действенными инструментами реализации социальных инициатив граждан являются институты гражданского общества. Президент подчеркнул, что для этого необходимо создать эффективную модель социально-трудовых отношений, в основе которой будут механизмы партнерства государства, частного сектора и профессиональных объединений¹. В главе «О взаимодействии гражданина и государства» политической доктрины партии «Нур Отан», принятой на XV съезде, отмечено, что роль государства в развитии общества была и остается ключевой. При этом нам необходимо сформировать совершенно новый характер взаимоотношений государства и граждан². Задачи Республики Казахстан предусматривают выработку определенных концепций в экономической политике для формирования ответственного гражданского общества, развития бизнеса, укрепления взаимосвязи государства и гражданского общества.

Современные реалии требуют критического анализа роли государства в рыночной экономике, пересмотра приоритетов и направления политического и экономического развития страны. Государство в разработке экономических преобразований и регулировании общественных процессов играет важную роль. А также именно государство выступает в роли координатора общественных отношений, создает условия для предпринимательского дела, обеспечивающие равный доступ к созданию нового дела и расширению своего бизнеса. В связи с этим возрастает роль государства в укреплении институтов гражданского общества для решения важнейших задач развития страны.

При реализации социально значимых программ и государственных услуг между государством, частным сектором и институтами гражданско-

¹ *Назарбаев Н. А.* Послание Президента РК народу Казахстана от 2012 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://akorda.kz/ru/page/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan>.

² Доктрина партии «Нур Отан». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nurotan.kz/>.

го общества должна быть конкуренция, основанная на принципе равных. На сегодняшний день в Казахстане идет процесс формирования собственной модели сотрудничества государства и гражданского общества. На наш взгляд, для выработки отечественной модели можно ориентироваться на две существующие в мире модели: модель функционального представительства, которая предполагает оценку динамики влияния объединений бизнеса на государство, и системную модель, по которой политическая система определяет поведение людей в политической жизни, люди активно участвуют в процессе принятия и реализации решений.

По мнению автора, для эффективного партнерства государства и институтов гражданского общества необходим постоянный диалог между ними не только по социальным вопросам, но и по принятию важных решений для политико-экономического развития страны.

А. В. Баранов
Краснодар

КРИЗИС УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ФРАГМЕНТАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Актуальность темы в том, что в Украине устойчиво проявляются идентификационные размежевания. Неудача конструирования национальной идентичности стала фактором дезинтеграции украинского государства в 2013–2015 гг. Цель тезисов — определить роль кризиса украинской национальной идентичности в качестве фактора фрагментации государства.

Ярко проявляется «многослойность» пространства, вызванная «молодостью» государственных границ, экономическими диспропорциями. На юге и востоке сосредоточено 80% промышленного потенциала страны¹. Юг и восток производили в 2004 г. 58% валовой добавленной стоимости, давали 54,4% налоговых поступлений в бюджет, 3/4 объема реализованной промышленной продукции, 64% экспорта².

Известна конфессиональная разнородность. На западе страны преобладает униатская церковь, в центре — Украинская православная церковь Киевского патриархата, на юге и востоке — Украинская православная церковь Московского патриархата.

¹ «Оранжевая революция». Украинская версия. М., 2005. С. 44.

² Кошук А. Экономические противоречия между регионами: миф или реальность? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.analitik.org.ua.

Важный аспект — мнение респондентов о статусе языков. Судя по анкетному опросу, проведенному Центром региональных исследований и стратегий, на юге Украины весной 2011 г. доля считающих родным языком русский достигала 95–97%, а выступали за русский язык в роли регионального 43%, второго государственного — 41% респондентов¹.

Этнополитические размежевания проявляются в оценке событий истории: выбора веры, Переяславской Рады, Руины, И. Мазепы, «Голодомора», Великой Отечественной войны.

Прочная украинская идентичность (и в государственном, и в этническом аспекте) не сформирована. В 2002 г. 37% респондентов на первое место ставили региональную, а не национальную идентичность².

Эскалация конфликта началась с лета 2012 г. Опрос Центра Разумкова (27 июля — 9 августа 2012 г., выборка 10 979 человек) выявил различия. На западе доминировала националистическая приверженность (29%). В центре — равенство националистической (15%) и социал-демократической (13%) приверженности. На юге и востоке преобладала поддержка союза с Россией (14%)³. Результаты опроса, проведенного Центром «Социальный мониторинг» в ноябре 2012 г., в вопросе геополитических ориентаций зафиксировали размежевания: на западе преобладали сторонники ассоциации с Евросоюзом (66%); соотношение ее сторонников и противников равно в центре; преимущество сторонников Таможенного союза — на востоке (54%) и юге (74%)⁴.

Киевский международный институт социологии провел опрос 8–18 февраля 2014 г. (выборка 2032 человека, погрешность 2,2%). В качестве основной причины конфликта 30% указали «влияние Запада, стремящегося втянуть Украину в орбиту своих политических интересов». Но мнения резко дифференцированы: на востоке и юге так считали 57 и 44%, в центре и на западе — 17 и 5%. Наибольший удельный вес сторонников «Евромайдана» на западе (80%) и в центре (51), на юге — 20, на востоке — 8%⁵.

¹ Мартынюк В. Точку в вопросе единения России и Украины ставить рано! [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.km.ru/ukraine/2011/07/01/istoricheskoe-edinstvo-rossii-i-ukrainy/>.

² Попов Э. А. Польско-американское влияние на Юге России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.win.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id>.

³ Парламент і парламентські вибори в Україні 2012 р.: політична ситуація, суспільні настрої та очікування (робоча версія). Київ, 2012. С. 60–61.

⁴ 46% населения считают, что Украина должна стать полноправным участником Таможенного союза. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20121221/203597047.html>.

⁵ Отношение жителей Украины и России к событиям в Украине. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/03-03-2014/otnoshenie-zhitelei-ukrainy-i-rossii-k-sobytiyam-v-ukraine>.

Анкетный опрос 8–16 апреля 2014 г., проведенный КМИС в восьми областях юга и востока, доказал резкое размежевание внутри региона. Отчетливо выделялись Донецкая и Луганская области, где в 1,5–2 раза ниже признание легитимности захватившего власть националистического режима. По восьми областям считали «Евромайдан» оправданным протестом 41,7%, а в Донецкой и Луганской областях — 20 и 26,8%. Респонденты в этих областях видели решение в федерализации и тесном сотрудничестве с Россией, а 58,1–62,9% поддерживали воссоединение Крыма с РФ (в целом по югу и востоку за реинтеграцию 43,0 при 44,3% против)¹.

Украина — «глубоко расколотое» общество. Отсутствует устойчивая национальная идентичность. Устойчиво проявляются долгосрочные размежевания: центр–периферия (с преобладанием региональной идентичности), тип религиозности, язык. Пространственное распределение расколов совпадает, усиливая их конфликтогенность. Политико-культурное деление на запад, центр, юг и восток — упрощенное. Речь идет о «ядрах» ареалов идентичности и их перифериях, переходных от одного типа к другому. Стремление режима навязать этнократический проект поощряет фрагментацию государства.

А. Л. Бардин
Москва

ПАТРИОТИЗМ КАК ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ²

Патриотизм — одна из ключевых и наиболее многогранных категорий коллективной идентичности. Не вызывает сомнения, что укрепление российской идентичности и чувства патриотизма имеет важнейшее значение как для внутреннего развития современной России, так и для ее способности утвердиться в качестве равноправного участника нового мирового порядка, обретающего на наших глазах свои контуры³. Следует согласиться с М. К. Горшковым в том, что «на глобальном уровне сохране-

¹ Мнения и взгляды жителей Юго-Востока Украины: апрель 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zn.ua/UKRAINE/mneniya-i-vzglyady-zhiteley-yugovostoka-ukrainy-aprel-2014-143598.html>.

² Подготовлено при поддержке РГНФ, проект «Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)».

³ Симония Н. А., Торкунов А. В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. 2015. № 3. С. 27.

ние российской идентичности способствует успешному интегрированию России в мировое сообщество и ее позиционированию на международной арене. На личностном же — утверждению жизненных ориентиров, формированию чувства защищенности в рамках “своего” общества, подавлению тревоги и фрустрации¹. Последний, внутривнутриполитический аспект представляется здесь даже более значимым: это связано с проблемой наличия в российском обществе целого ряда расколов, препятствующих его единению в том числе в патриотической плоскости, таких как раскол между более чем скромным уровнем жизни большинства россиян и существенно отдаленной от них в этом и других аспектах элиты и т.д.

Понимание этой проблемы на государственном уровне в начале 2000-х годов обрело форму комплекса программ по «патриотическому воспитанию» граждан РФ, в реализации которых принял участие целый ряд различных институтов — от партии «Единая Россия», молодежных организаций и общественных объединений до Русской православной церкви. Термины «идентичность» и «патриотизм» прочно вошли в общественно-политический дискурс, выступления ведущих государственных деятелей страны. Так, В. Путин неоднократно заявлял, что «в стране нужно культивировать чувство патриотизма, чтобы сохранить национальную идентичность. Без этого страна не будет существовать, она просто изнутри развалится [...]. Это чрезвычайно важная вещь. И наоборот, если кто-то хочет развалить страну, он должен с этого начать»².

Таким образом, актуальным представляется вопрос о концептуальном наполнении и характере данных программ по развитию патриотизма, их влиянии на российское общество. Данный вопрос многогранен, как и сам концепт патриотизма, и, в свою очередь, вызывает целый ряд других вопросов, таких как:

- какие ценности и смыслы транслируются государством в рамках программ по развитию патриотизма, какова динамика этого процесса;
- как воспринимается гражданами государственная политика в данной сфере, каким образом она отражается на сфере «личного» индивида;
- как тематика патриотизма воспроизводится в российских СМИ, каковы дискурсивные особенности ее репрезентации;

¹ Горшков М. К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // Власть. 2013. № 1. С. 10.

² Путин: патриотизм нужно культивировать, чтобы сохранить национальную идентичность // Вести. 2013.03.12. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1162801>.

- в каких случаях концепт патриотизма отличен, а в каких наблюдается его взаимосвязь с концептом национального сознания, их взаимопроникновение;
- каким образом патриотизм проявляется в конкретных действиях российских граждан;
- в чем заключаются основные противоречия между группами российского общества относительно тематики патриотизма, и т.д.

С одной стороны, попытка ответить на данные вопросы требует обращения к данным различных социологических исследований, а также работам отечественных и зарубежных политологов и социологов. Одной из площадок для дискуссий по данной теме, заслуживающей отдельного внимания, выступает блогосфера, в том числе «Живой журнал». Отдельным кейсом, к анализу которого обращается автор, выступают дискурсивные аспекты празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне.

С другой стороны, представляется значимым не ограничиваться лишь исследованием ситуации в России. Так, автор рассматривает изложенные вопросы применительно к Федеративной Республике Германия и сопоставляет кейсы России и ФРГ, выделяя общее и различное, а также обращаясь к внешнеполитическому измерению патриотизма.

И. Н. Барыгин
Санкт-Петербург

ЭВОЛЮЦИЯ КРАЙНЕ ПРАВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

23 января 2015 г. исполнилось уже 100 лет со дня институционализации фашизма в Италии как одного из самых чудовищных порождений человеческой цивилизации. Этот юбилей основания в Милане «фаши (отрядов) революционного действия» прошел без особых торжеств даже в среде крайне правых. И это не случайно. В политическом сознании большинства современных правых радикалов нет прямой преемственности между «классическим фашизмом», «нацизмом» и современными крайне правыми политическими партиями, движениями и организациями. Хотя некоторая, незначительная часть членов этих весьма пестрых и далеко не однородных политических партий, движений и организаций продолжает сохранять верность принципам «старых борцов».

Процесс «приватизации Гитлера, Франко или Бандеры» приносит политические дивиденды и в сегодняшнем мире. Так, международный характер имеют ежегодные демонстрации правых радикалов в различных странах Европы в связи с днем рождения А. Гитлера. Если рассматривать тенденции эволюции крайне правых политических партий, движений и организаций в современной Европе, то за послевоенный период прослеживается стойкая тенденция возрастания влияния крайне правых в регионе. До распада СССР эта тенденция проявляется в странах Западной Европы, в первую очередь во Франции, Италии, Германии, Австрии, Великобритании, на Украине, где представители этого политического крыла постепенно завоевывают места в региональных парламентах, парламентах стран, а их лидеры в некоторых странах хотя и безуспешно, но заявляют о себе, баллотировавшись на выборах президента страны.

В настоящее время в Европе сложились четыре взаимодополняющие тенденции эволюции крайне правой идеологии. Первая из них — евроскептицистская и пророссийская, наиболее яркий представитель — французский Национальный фронт (*FN*) во главе с Марин Ле Пен.

Вторая — еврооптимистская и антироссийская, наиболее яркие представители — партии «Свобода» и «Правый сектор» на современной Украине.

Третья — евроскептицистская, но без радикальных тезисов по поводу России и Украины. Это, например, мелкие праворадикальные (франкистские, карлистские, фалангистские) партии и группы в современной Испании, мелкие партии в современной Португалии и ряде других европейских стран.

В особую — четвертую — группу выделим современных российских крайне правых. В России сегодня прослеживаются противоречивые тенденции относительно деятельности правых радикалов. С одной стороны, в 90-е годы XX в. в стране сформировался конгломерат крайне правых партий, костяк которого составили такие влиятельные политические силы, как ЛДПР, РНЕ, НБП и др. Однако ЛДПР в середине 90-х покинула праворадикальное поле, остальные политические силы этого спектра по мере формирования «вертикали власти» были вытеснены на обочину политической жизни, а многие вполне обоснованно запрещены.

Применительно к этим партиям и организациям современной российской властью проводится политика «управляемого национализма». Она предусматривает контролирование этих организаций силами спецслужб, создание управляемых организаций, таких как «Идущие вместе», «Молодежь за Россию», «Сталь», «Русский образ» и др. События 11 декабря 2010 г. в Москве, кровавая бойня, в которой не оказалось победителей, показали, что эта политика неэффективна, а реальный контроль демократического сообщества, который в зачаточном состоянии существ-

вовал в России в 90-е годы XX в., гораздо эффективнее контроля «управляемой демократии».

Государственный переворот на Украине и развернувшаяся за этим гражданская война в стране не добавили единства российским крайне правым. Среди них можно выделить группы еврооптимистов и европессимистов, сторонников и противников отделения Крыма, украинооптимистов и украинопессимистов, что порой переплетается с язычеством, а порой с элементами псевдоправославной политической культуры и идеологии (например, «Союз православных хоругвеносцев»).

Ю. М. Баскакова
Москва

ОДНА СТРАНА, ОДНА МЕЧТА: НА ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС МАСС¹

Политические события последнего года поляризовали социально-политическую ситуацию в России: на фоне экономических потрясений с потенциально драматичным продолжением рейтинги одобрения власти бьют рекорды и с трудом поддаются рациональным объяснениям. Пресловутые 86% поддержки президента, создающие образ счастливой и довольной властью однородной мобилизованной массы, вызывают у многих экспертов понятный скепсис: подобные оценки плохо соотносятся с наблюдаемыми и прогнозируемыми экономическими проблемами.

История учит, что режимы, опирающиеся на восторженную эйфорию арифметического большинства населения в отсутствие репрессий или тотального идеологического контроля, обречены на короткую жизнь (до наступления экономического или политического коллапса). В ракурсе подобных прогнозов представляет интерес выявление структуры исполненной восторгом массы и оценка перспектив последующей трансформации ее настроений и запросов.

В рамках доклада представлены структурный анализ концепта массы² на основе выделения базовых социальных общностей, характеризующихся через сходство текущих установок, и фиксируемое единство политических

¹ Выполнено в рамках проекта РГНФ, проект № 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия».

² Патрушев С. В., Филиппова Л. Е. Массовая политика в России: к проблеме изучения и концептуализации // Политическая наука. 2014. № 4.

оценок и действий. Каждая общность может условно рассматриваться как политический агент со своими установками и оценками, имеющий ряд измеряемых характеристик: объем, активность, сплоченность, организованность. Наряду с параметрами структуры общности могут быть разграничены и по динамике их поведения, отражающей, с одной стороны, инерционность их изменения, а с другой — кинетику взаимодействия с другими общностями.

Конкретная масса очевидным образом выходит на первый план в рамках иррегулярного политического процесса как одна из его форм (революция), но не единственная (перевороты и пр.). Масса обычно уже существует или возникает путем присоединения к некоторому идеологическому или организационному ядру, крайне редко происходит обратное: ядро формируется из стихийно возникших массовых акций. Введение понятий «масса» и «общности» позволяет структурно проблематизировать роль, отводимую населению в политике, в частности разграничивать стихийные и навязанные идентичности, выделять программируемые и самоорганизованные массы.

С данных позиций удобно рассмотреть основные линии, по которым происходит формирование массы и общностей, отслеживать их взаимное наложение и проектировать их возможную динамику. К примеру, большая площадь пересечения «партии телевизора» (в поле политических предпочтений) и «партии холодильника» (в поле ценностей) в результате падения курса рубля и роста цен снижается и меняет численность обеих названных общностей с известной по опыту 2008–2011 гг. скоростью. В реальных условиях ограниченности ресурсов в задачи власти входит поддержка оптимального баланса интересов, который для разных типов общностей существенно различается.

Результаты опросов позволяют характеризовать провластное большинство как неоднородное и фрагментарное, состоящее из неустойчивой комбинации разнородных общностей с различающимися запросами, которые слабо учитываются в рамках монополизированного властью политического дискурса (это признается и формально порицается даже Президентом России), в результате чего возникает спрос на альтернативы, не предусмотренные в современном политическом меню.

На основе проведенного структурного анализа рассмотрены возможные направления и сценарии размывания легитимности политической системы в условиях инерционного курса власти. Неустойчивость крайних состояний делает его практически неизбежным, вопросом является только характер траектории.

Эмпирическую базу исследования составляют регулярные мониторинговые опросы ВЦИОМ, данные которых открыты и публикуются на сайте wciom.ru, а также серии фокус-групп и глубинных интервью 2014–2015 гг.

Д. В. Басова
Москва

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ. ПРИМЕР ВЫБОРГА И КРОНШТАДТА

В октябре 2013 г. на базе клуба геополитических исследований МГИМО (У) МИД России была проведена научно-исследовательская экспедиция в Выборг и Кронштадт¹. Первоначально идея проведения данного проекта основывалась на предположениях о том, что интерпретация географического пространства непосредственным образом влияет на самовосприятие людей, проживающих на определенной территории. Для этого было решено рассмотреть пространственные идентичности в рамках постмодернистской парадигмы. В качестве объекта исследования были взяты два города, находящиеся на приграничных территориях, — Выборг и Кронштадт. Выбор именно этих городов был обусловлен следующими факторами: 1) их история представляет собой процесс «перехода» от одного государства к другому; 2) относительная изолированность этих городов и их удаленность от влиятельного центра — Санкт-Петербурга.

Исследовательские цели были сформулированы таким образом:

- 1) выделить корреляцию между пространством и идентичностью жителей, населяющих это пространство;
- 2) проследить соотношение национальной и местной идентичностей и выявить преобладающую;
- 3) сделать прогноз относительно влияния доминирующей идентичности на развитие того или иного города в культурном и политическом плане.

Для реализации поставленных целей необходимо было разрешить следующие задачи: собрать письменные и устные источники информации для выявления идентификационных маркеров; провести социологические опросы среди местного населения; провести экспертные интервью (работники музея, туристических офисов и т.д.); фиксировать настроения среди местных жителей относительно самоидентификации и развития города; проанализировать полученные данные и интерпретировать собранные пространственные мифы.

¹ Петербургская экспедиция клуба геополитических исследований НСО. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mgimo.ru/news/social_news/document242370.phtml.

В качестве теоретико-методологического базиса исследования взят конструктивистский подход в рамках критической геополитики — труды В. А. Колосова и О'Тоала¹. Используются логико-интуитивный метод и дискурс-анализ.

Кейсы Выборга и Кронштадта. В обоих городах их жителям на улице были заданы конкретные вопросы²: Кем вы себя ощущаете в первую очередь (европейцем, россиянином или жителем Кронштадта/ Выборга)? Каким товарам, продуктам, музыке вы чаще всего отдаете предпочтение (европейским/отечественным)? Где бы вы предпочли путешествовать (Европа/Россия)? Как часто вы обсуждаете события в Европе? Доверяете ли вы федеральной власти?

Количественное исследование полученных данных показало, что существует определенная связь между определением жителями доминирующей идентичности и их предпочтениями в бытовых практиках. Так, жителями Кронштадта/ Выборга себя назвали 49,5% респондентов, россиянами — 46,2%. Иными словами, локальная идентичность оказалась первичной в обоих городах. Однако культивирование локальной идентичности осуществляется на различных основаниях в двух городах. Сбор письменных и устных источников, под которыми подразумевались устные мифы и легенды о городе, названия улиц и предприятия городов, выявил следующую картину. Кронштадт до сих пор воспринимается как город-крепость, прошлая слава российского (а затем советского) флота. Морская тематика присутствует практически повсеместно: в названиях улиц, магазинов, а также газет и заголовков в них (к примеру, «Кронштадтский муниципальный вестник», «Цитадель»)³. Кроме того, на основе рассказов музейных работников о периферийности Кронштадта можно сделать вывод о том, что у его жителей сохраняется психология «осажденной крепости».

Иная идентификационная картина была получена в Выборге. Восприятие Выборга связано прежде всего с морской тематикой, которая в наибольшей степени проявила себя в названиях улиц и уличных вывесках⁴. Помимо этого, в Выборге остаются сильными мультикультурные тенденции, а именно: жители Выборга помнят о прошлом названии города и шведском и финском наследии, которое уже стало неотъемлемой частью городской культуры.

¹ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. М.: Аспект Пресс, 2001; O'Tuathail G. Critical geopolitics: The politics of writing global space. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1996.

² Критическая геополитика: Сб. ст. Вып. № 1 / Отв. ред. И. Ю. Окунев, С. О. Савин. Ногинск: Аналитика родис, 2014.

³ Кронштадтский муниципальный вестник: газета муниципального образования, город Кронштадт. — Кронштадт: ИД «Сатори». № 12 (69). 19 сентября 2013.

⁴ Критическая геополитика. Указ. соч.

Результатом наших исследований стало выявление идентификационных характеристик Выборга и Кронштадта, а также подтверждение тезиса, что от интерпретации географического пространства зависит выбор идентичности людей. Помимо прочего, исследовательской группой было *сформулировано* предположение о том, что разное восприятие пространства отражается, вероятно, на политическом процессе.

Е. Г. Бахтеева
Саратов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗОВ ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В ПОЛИТИКЕ

Современный социум можно охарактеризовать как трансформационное общество, целью которого становится формирование эффективно функционирующей модели развития всех сфер общественно-политической жизни. В настоящее время достаточно большое количество исследователей занимаются изучением трансформационного процесса. Многие из них акцентируют внимание не только на изучении его этапов и стадий, но и на анализе возможных политических рисков как его последствий. Трансформационные риски можно определить как вероятность неблагоприятного и благоприятного исходов самого процесса трансформации, имеющая место в условиях начальной (и последующей) неопределенности как базового состояния социальной системы трансформирующегося общества¹.

Процесс политической трансформации носит всеобъемлющий характер, и субъекты политического процесса, их сущностные и функциональные особенности претерпевают изменения. В рамках сложившихся современных трансформационных условий мы наблюдаем некоторые изменения в восприятии обществом женщин и мужчин (в том числе в политике) с точки зрения феминных и маскулинных характеристик их образов и свойственных им гендерных ролей.

В данный момент можно выделить две основные тенденции определенного восприятия женщин и мужчин в обществе и политике. Во-первых, это формирование образа маскулинизированной женщины, а во-вторых, феминизация мужчины². Следует понимать, что данные тенденции несут в себе

¹ Шупленков О. В. К вопросу понимания издержек и рисков политических реформ // *ВВ: Экономика, тренды и управление*. 2014. № 3. С. 20.

² Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003. С. 25.

особый рискогенный потенциал, включающий возможные угрозы в трансформации иных общественно-политических подсистем и изменения функционирования традиционных политических институтов общества.

В рамках первой тенденции женщины в политике часто для самореализации и отстаивания собственной позиции в политической деятельности используют своего рода мимикрирование (подражание) мужской половине политиков, а также применяют исключительно мужской стиль поведения и методы управления. Более того, при условии, что женщина-политик в начале карьеры в собственном образе могла использовать сочетание как феминных, так и маскулинных качеств, то в ходе своей политической деятельности маскулинные становятся преобладающими. Это приводит к тому, что женщина-политик осознанно использует именно образ, подобный мужскому, и считает его не методом «проходного билета» в политику, а естественным образом, в рамках которого ей комфортно осуществлять свои полномочия. Приведем примеры возможных последствий маскулинизации образа женщин в политике.

Если рассматривать вопрос мотивации выбора электоратом, то здесь возможен перевес в сторону женщины-политика с маскулинными характеристиками, нежели женщины, которая предпочитает в своем образе феминную составляющую. Впоследствии это может привести к некоторому «обесцениванию» основы гендерной дифференциации политики, когда методы управления женщин и мужчин различаются, каждый может «занимать свою нишу», а также привносить в политику свой опыт.

Следствием маскулинизации женщины-политика становятся политические риски, возникающие на основе авторизации и ужесточения методов принятия решений и проводимой политики. Данные последствия можно проиллюстрировать на примере отношения к России бывшего госсекретаря США (2008–2013 гг.) Хиллари Клинтон, которая официально объявила о своем участии в президентской гонке 2016 г. и у которой, по мнению достаточного большинства экспертов, шансы на победу вполне убедительные¹. Касаемо перспектив российско-американских отношений, многие политологи придерживаются точки зрения, что при условии победы Хиллари Клинтон она будет придерживаться «жестких» мер в отношении России.

Тенденции маскулинизации женщины и феминизации мужчины являются предпосылками кризиса восприятия гендерных ролей и дифференциации характеристик образов женщины и мужчины в общественном сознании. Данные явления начинают свое развитие в социальной сфере, где могут протекать без явных последствий и на протяжении длительного

¹ Полушин А. США примерят юбку. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://svpressa.ru/issue/news.php?id=118620&aam=1>.

периода времени. В политической сфере они приобретают динамический и гипертрофированный характер.

Общество, государство и политическая система ориентированы на сохранение стабильности и безопасности, так как данные потребности являются основополагающими и приоритетными. Последствия подмены гендерных ролей в обществе в целом и в политике в частности могут быть самыми непредсказуемыми. В европейских странах одним из оснований для возникновения конфликта между иммигрантами и гражданами страны является разница в оценке существующего гендерного порядка. Многие переселенцы не могут принять складывающийся в западных странах гендерный уклад, и речь в данный момент идет уже не столько о дискриминации или равноправии полов, сколько о смене гендерных ориентиров и традиций восприятия гендерных ролей. Интересным становится тот факт, что одни страны, где по сей день существует ограничение прав женщин (и не только политических), начинают путь к гендерному равенству. А другие, пройдя данный этап уже достаточно давно, «манипулируют» и «используют» данное равенство для осуществления абсолютно сторонних интересов. Под эгидой гендерного равенства осуществляются попытки завуалировать и заретушировать зарождающиеся проблемы, например, сексуальных меньшинств в политике.

Гендерный аспект современной политики приобретает новые очертания. Если в период становления гендерной проблематики мы акцентировали внимание на изучении гендерной дифференциации политики, дискриминации политических прав женщин, различиях в методах управления представителями разных полов, то сейчас актуализируется вопрос трансформации гендерного порядка с характерными последствиями и политическими рисками данного процесса для традиционного порядка функционирования общества.

*М. И. Безбородов
Петрозаводск*

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (на примере Республики Карелия)

В Республике Карелия политика в области государственно-конфессиональных отношений заложена в «Основных направлениях реализации государственной политики в сфере национального развития, межнациональных отношений и взаимодействия с религиозными объединениями на территории Республики Карелия до 2020 года».

Приоритетом в сфере взаимодействия с религиозными организациями выступает создание условий для удовлетворения гражданами своих духовных и образовательных потребностей, укрепление межнационального и межрелигиозного мира и согласия; профилактика экстремизма и ксенофобии; воспитание патриотизма и формирование общероссийской гражданской идентичности¹.

В целях развития диалога власти и общества в октябре 2007 г. подписана Концепция партнерства органов государственной власти, местного самоуправления, бизнеса, неправительственных организаций по развитию гражданского общества в Республике Карелия. Приоритетами Концепции являются расширение форм общественного участия в осуществлении государственной социальной политики и укрепление взаимодействия органов власти, институтов гражданского общества, бизнеса. Одним из значимых общественных институтов выступает Русская православная церковь (далее — РПЦ).

На 2015 г. в Карелии действуют 203 религиозных организации (из них 85 представлены РПЦ) и 20 конфессий из 66, действующих в Российской Федерации. 29 мая 2013 г. Петрозаводская и Карельская епархия РПЦ преобразована в Карельскую митрополию. Из состава Петрозаводской и Карельской епархий выделена самостоятельная Костомукшская и Кемская епархия. В пределах Республики Карелия создана Карельская митрополия, включающая в себя Петрозаводскую и Костомукшскую епархии.

За реализацию государственно-конфессиональной политики и церковно-государственных отношений в Республике Карелия отвечает Министерство Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными, религиозными объединениями и средствами массовой информации (ранее — Государственный комитет по делам национальностей и связям с религиозными объединениями). Наличие в структуре органов власти республики такого ведомства говорит о важности для государственной власти координации сферы конфессиональных отношений и поддержания диалога с религиозными организациями.

Это способствует сохранению межрелигиозного мира и согласия, формированию установок толерантного сознания и поведения в обществе, профилактике различных видов экстремизма и развитию потенциала религиозных организаций как институтов гражданского общества.

Государственная политика Республики Карелия по взаимодействию с религиозными организациями, в том числе с Карельской митрополией,

¹ Об Основных направлениях реализации государственной политики в сфере национального развития, межнациональных отношений и взаимодействия с религиозными объединениями на территории Республики Карелия до 2020 года // Карелия официальная: официальный портал органов государственной власти Республики Карелия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gov.karelia.ru/gov/Legislation/lawbase.html?lid=1571>.

выстраивается по четырем основным направлениям: *государственная поддержка сохранения объектов культурного наследия культового назначения; участие в мероприятиях, проводимых органами государственной власти Республики Карелия; участие в мероприятиях, проводимых Карельской митрополией* (праздничные богослужения, концерты, выставки); *участие в реализации совместных общественно значимых проектов в рамках региональной целевой программы* «Гармонизация национальных и конфессиональных отношений, формирование гражданского согласия в Республике Карелия на 2007–2011 годы» («Карелия — территория согласия»). В настоящее время данная целевая программа утратила силу. С 2012 г. принята новая региональная долгосрочная целевая программа «Сохранение единства народов и этнических общностей Карелии на 2012–2016 годы» («Карьяла — наш дом»). Одной из основных задач программ являлось формирование и развитие духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания, а также укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей в республике. Здесь прослеживается общая линия с федеральной политикой в области укрепления духовно-нравственных ценностей, т.к. без этого невозможно патриотическое отношение граждан к своей стране, а также развитие общества.

Взаимоотношения РПЦ и государства в Республике Карелия выстраиваются по направлениям, заявленным федеральной государственной политикой. В республиканских государственных программах в сфере национального развития, межнациональных отношений и взаимодействия с религиозными объединениями признаются важными роль РПЦ в формировании духовного единства и общей системы нравственных ценностей общества, а также необходимость сохранения культурного наследия региона. О культурном и духовном значении региона для страны свидетельствовало название «Русская Фиваида», означавшее вклад региона в историю страны и подчеркивавшее его уникальность.

В. Я. Белокриницкий
Москва

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МИРА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮЖНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

В период после окончания Второй мировой войны мир прошел через несколько этапов пространственной организации. Первый крупный этап определялся условиями холодной войны, второй наступил в по-

стбиоплярную эпоху. Особую структуру пространственной организации на втором этапе создала глобальная война с террором, начавшаяся после событий 11 сентября 2001 г. Антитеррористическая кампания в Афганистане, а затем в Ираке привела к трансформации мирового политического (геополитического) пространства вследствие перемещения в его центр региона Ближнего и Среднего Востока. Свержение режима талибов в Афганистане и С. Хусейна в Ираке создало хронически острую ситуацию на всем пространстве от Суэца до Синьцзяна, укрепив возникший на предыдущем этапе феномен исламского экстремизма и максимализма. Охватившие с 2011 г. одну за другой арабские страны антиправительственные выступления и манифестации усилили искривление мирового политического пространства за счет гипертрофированной роли региона БСВ или ББВ (Большого Ближнего Востока).

Южноазиатский регион сложился на первом этапе послевоенной организации мира на развалинах английской империи в Индостане. В течение первой четверти века он состоял из двух главных элементов — Индии и Пакистана. После отделения от Пакистана в 1971 г. Бангладеш и укрепления внешнеполитических позиций Шри-Ланки, Непала, Бутана и Мальдив композиция региона усложнилась. Однако главную системообразующую роль здесь продолжала играть Индия, а Пакистан сохранил за собой функции регионального оппонента Индии, пользующегося значительной поддержкой извне.

Отмеченные выше изменения политической организации мира сказались и в Южноазиатском регионе. Пакистан с 2001 г. оказался, как никогда ранее, тесно привязан к Афганистану. Это вызвало рост заинтересованности Индии в судьбе Афганистана и конфликт интересов двух государства-антагонистов на афганском поле. Прием Афганистана в 2006 г. в существующую с 1985 г. Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) наглядно «притянул» Южноазиатский регион к БСВ, еще раз отнеся возросшую роль большого геополитического пространства к западу от Индии.

Вместе с тем на втором этапе трансформации политического пространства мира имело место и усиленное движение Южноазиатского региона на восток — в сторону Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. В этом движении главную роль играла Индия, стремящаяся уравнять свои шансы на морских океанических просторах с другой мощной быстрорастущей державой Азии — КНР.

Таким образом, Южная Азия на данном историческом этапе оказывается в своеобразном, раздвоенном состоянии. Одновременно она повернута как на Запад, так и на Восток.

Сложная внутренняя структура региона усиливает двойственность его положения. Безусловный экономический лидер — Индия — не обладает

гегемонией в военной области, имея равные с Пакистаном возможности в сфере ракетно-ядерного оружия. Неразрешенные споры между двумя государствами (Кашмир), хотя и не имеют ныне былой остроты, могут в перспективе серьезно отравить двусторонние отношения. Еще более опасным может быть воздействие процессов в регионе БСВ. Радикальные исламисты угрожают безопасности не только Афганистана и Пакистана, но и Индии, а также Бангладеш. Демографические тенденции (увеличение в достаточно близкой временной перспективе доли мусульман в регионе до трети из почти 2 млрд человек) создают подоплеку серьезного осложнения ситуации в сфере безопасности.

Нарастающие угрозы в этой сфере сочетаются с ограниченными возможностями для создания регионального торгово-экономического блока. Причины ограничений — слабая взаимодополняемость экономик вследствие их базовой однотипности, низкой покупательной способности основной массы населения и жесткой конкуренции на формирующихся рынках капитала.

Таким образом, регион, хорошо демаркированный географически и социокультурно, геополитически занимает промежуточное положение. Индия предпринимает усилия для сплочения региона вокруг себя, но это станет возможно лишь при условии ее уверенного и устойчивого экономического роста, ослабления трений с Пакистаном и успешного сопротивления деструктивным воздействиям со стороны БСВ.

О. С. Березкина
Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК ПОЛЕ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ГОСПОДСТВУЮЩИХ ДИСКУРСОВ

Понятие дискурса используется сегодня чрезвычайно широко в самых разных контекстах. В данном случае имеется в виду проблема парадигматики знания, тот факт, что реальность всегда классифицируется и представляется в соответствии с определенными принципами, что любое восприятие зависит от дискурсивного режима, устанавливающего правила отделения истинного от ложного, причем дискурсы конкурируют за возможность определить мир в своих понятиях.

Идеологически значимые дискурсы продуцируются в целях установления доминирования и формирования «заданных» идентичностей. Борьба за идентичности активно ведется на поле мировоззренческом, там, где

ставятся фундаментальные вопросы существования и развития современного общества. Значительную роль в этом процессе играют общественные науки, где содержатся определенные нормативные системы, с которыми связаны категориальный аппарат и методы исследования. Недооценка данного факта в ряде случаев ведет к некритическому восприятию теорий, сложившихся в западной науке, и к последующим негативным оценкам отечественного политического опыта на основе этих теорий. Между тем любой дискурс потенциально открыт, то есть обнаруживает варианты значений, способные его «переформатировать», преобразовать его структуру.

В контексте доминирующих теорий политологии российская история и современность предстают «ущербными» практически по всем параметрам: оснований власти, характера государства, уровня демократии и пр. Однако необходимо поставить вопрос не только о способностях России играть по заданным правилам, но и о самих правилах игры, их адекватности для вынесения оценок. Именно в дискуссии о правилах игры может выкристаллизовываться самостоятельная российская политическая наука.

Рассмотрим несколько известных политологических концепций в качестве примеров. Согласно популярной теории «волн демократизации» С. Хантингтона лишь «третья волна» имеет прямое отношение к России, что может быть оспорено. В ходе первой волны Россия ускоренно развивалась в направлении демократизации, функционировали парламент и политические партии. Другой вопрос, что конечным результатом не стала западная модель: Россия свернула в сторону «тоталитарной демократии». В основе негативных оценок российского опыта — не отсутствие процесса демократизации как такового, а ценностное неприятие параметров советской модели. В данном случае нужно ставить вопрос шире — о самом понятии демократизации, в интерпретации которой на деле проблема свободы заместила ключевую проблему участия.

С обозначенными вопросами тесно связан вопрос о модернизации. В России в XX в. за короткий период была построена альтернативная западной модель индустриального общества, в котором модернизация была осуществлена по всем параметрам — индустриализация, экономический рост, социальная мобильность, расширение политического участия. Однако зачастую отечественный пример в контексте проблематики модернизации вовсе не упоминается, что ведет к искаженному восприятию исторического прошлого России и ее места в современном мире.

Показательным является распространенное отсутствие упоминания российского опыта в контексте проблемы социального государства, в то время как именно наша страна стала первым примером такого государства, провозгласив масштабные гарантии в социальной сфере в советский период. Эгалитарная в своей основе советская модель дополнялась корпоративными привилегиями, распространявшимися в той или иной мере на боль-

шинство работающего населения страны. Сегодня социальное государство также присутствует, хотя и в «усеченном» и трансформированном виде.

Столь же очевидна неадекватность, искусственность отделения понятия гражданской культуры от отечественной почвы (констатируется ее якобы исторически обусловленное отсутствие). Неясно, почему активистская культура советского человека, считавшего своей обязанностью участвовать в общественной жизни и разделявшего советские ценности, не являлась гражданской? Политическая апатия постсоветского периода во многом связана с разочарованием в политической модели 1990-х годов, усугубившимся в процессе перехода к современной модификации «управляемой демократии».

Приведенные примеры призваны проиллюстрировать возможности переформатирования господствующих дискурсов, заложенные в самом дискурсивном поле. К сожалению, политологические концепции отражают не только факты, но и ограниченный опыт исследователей, идеологические пристрастия и политические интересы. В перспективе важна более активная работа отечественных политологов над базовым категориальным аппаратом и методологией, включающая обязательный анализ природы и динамики интерпретирования тех или иных политологических понятий. Без корректировки дискурсивного режима, включая программы восприятия действительности, вряд ли возможно дальнейшее самостоятельное развитие национальной политической науки.

А. О. Берман

Москва

МЕХАНИЗМЫ И КАНАЛЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ И РОТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ИЗРАИЛЕ

Актуальность темы обусловлена тем, что механизмы и каналы рекрутирования и ротации политической элиты Израиля в значительной мере определяют эффективность функционирования режима государственной власти в этой ближневосточной стране, находящейся в эпицентре региональной политики мирового масштаба.

Само понятие правящей элиты в элитологии принято подразделять на политическую, экономическую и военную. С точки зрения структуры власти политическая элита формулирует и принимает основные государственные решения, а экономическая и военная элита оказывает влияние на процесс принятия государственных решений.

К правящей элите принято относить виднейших политиков, высший эшелон политико-управленческой иерархии, руководителей крупнейших корпораций, финансовых и экономических институтов страны, военное руководство.

Израильская правящая элита не представляет собой единого организма и не имеет четкой структуры. Ядро правящей элиты Израиля составляет достаточно узкий, замкнутый круг людей. Представители израильской элиты хорошо знают друг друга, они в основном происходят из одних социальных слоев, получают схожее образование, разделяют одинаковые ценности, но их личные амбиции приводят порой к политическому противоборству.

Влияние политической элиты в Израиле достаточно велико. Ее состав и условия функционирования тесно связаны с партийным руководством страны, что зависит от уникальной роли израильских политических партий и партийной элиты.

Чрезвычайно большим влиянием на процесс принятия государственных решений в Израиле обладает военная элита. В истоках такой ситуации — неурегулированность арабо-израильского конфликта, высокая степень милитаризации и особо важное значение задачи обеспечения безопасности страны и ее граждан.

Военная элита осуществляет политическое влияние в качестве группы давления на правительство и кнессет. Однако военное ведомство Израиля, получающее львиную долю необходимых средств от США, не является диктатором на высшем уровне власти в Израиле.

Экономическая элита, будучи в гуще финансово-экономических проблем хозяйственного комплекса страны, играет подчиненную по отношению к политической элите роль.

С точки зрения происхождения израильская элита относительно однородна и состоит в основном из евреев западного происхождения (ашкенази). Представители восточных евреев (сефарды) все еще с трудом прокладывают себе дорогу в израильский истеблишмент, хотя их доля в политике, крупном частном бизнесе, военном руководстве возрастает. Особую группу населения составляют выходцы из СССР.

Не секрет, что партии, в социальном плане ориентировавшиеся прежде всего на средний класс, предлагают его русскоязычному сегменту ограниченный круг благ. Кроме того, среднее и молодое поколения выходцев из бывшего СССР, интегрируясь в израильское общество, уже в меньшей степени нуждаются в «своих» депутатах¹.

¹ Цит. по: Ханин В. «Русские» иммигранты и электоральный процесс в Израиле: состояние и перспективы // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета / Сост. и ред. М. Кенигштейн. Иерусалим; М., 2007. С. 322.

Сегодня русскоязычная элита, указывая на большой вклад «русских» в культуру Израиля, высокотехнологичные отрасли, в образовательную сферу, на их активное участие в укреплении обороноспособности страны, претендует на престижные, высокооплачиваемые места, которые, с точки зрения ее представителей, должны принадлежать им не из снисхождения, а по праву.

В результате последнего избирательного цикла «русские», хотя и понесли потери в том, что касается количества мест в парламенте и правительстве, не снизили качество своего представительства. Даже если А. Либерману не удастся вернуть себе Министерство иностранных дел, заместителем министра в этом ведомстве назначен молодой выходец с Украины З. Элькин, возглавлявший в предыдущем кнессете фракцию «Ликуда». Ю. Эдельштейн, бывший россиянин, сделавший политическую карьеру в «Ликуде», стал спикером кнессета, вытеснив с этой очень влиятельной должности ликудовского ветерана Р. Ривлина. Таким образом, как выразился Б. Нетаньяху, последний «стеклянный потолок» разбит, репатрианты из СНГ стали его полными партнерами в управлении государством.

С. В. Беспалов
Москва

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВА ПЕРЕХОДА К МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В системе государственного управления происходит накопление внутренних и внешних проблем, что существенным образом сказывается на падении эффективности управления и, одновременно, на качестве принимаемых кратко- и долгосрочных решений.

Во многом имеющиеся проблемы связаны с незавершенностью или противоречиями осуществлявшейся в несколько этапов административной реформы в РФ.

Реформы в ряде случаев привели к заметным улучшениям в отдельных сферах государственного управления, но в то же время оставили нерешенным ряд проблемных вопросов. К числу этих не получивших окончательного разрешения проблем по-прежнему относятся управленческие сферы деятельности, имеющие ключевое значение для современных форматов государственного управления. При этом российскому управлению приходится решать задачи, относящиеся к разным историческим фазам, ликви-

дируя дефициты предыдущих периодов и одновременно вводя в обращение новые управленческие практики, апробированные в самые последние десятилетия.

Новые вызовы, возникшие перед российским государством и его системой управления, обостряют традиционные проблемы и порождают новые. Характер этих вызовов варьируется от вполне очевидных и общих для всех без исключения государств до весьма специфических, исходящих из особого национального или макрорегионального контекста:

1. Глобальная конкуренция и возросшая степень интеграции в международное пространство.
2. Усложнение объекта управления.
3. Исчерпание прежних источников экономического роста и переход к новым механизмам развития.
4. Новые требования к управлению человеческими ресурсами в условиях демографического кризиса.
5. Растущие общественные запросы к системе госуправления.

В целом комплекс проблем и вызовов современного госуправления России свидетельствует об их дифференцированном характере. Так, значительная часть текущих задач управления требует последовательной реализации исключительно процессуально-процедурных подходов (модель «рациональной бюрократии»). Ряд задач развития требует методов (разрабатывавшихся главным образом в русле *New Public Management*), характерных для проектно-целевой модели управления, особенно в кратко- и среднесрочном планировании в рамках достижения индикативных показателей, либо привязанных к конкретному времени событий. Наконец, существует пласт задач, для которых безусловным приоритетом является активизация общественных энергий — общественно-политическая коммуникация государственных органов с целевыми группами граждан, бизнеса, НКО и иными акторами, что требует активного использования модели участия (*New Governance*).

На практике к настоящему времени в высокоразвитых странах сложилась система управления, в разных пропорциях сочетающая элементы каждой из основных моделей. Исторически системы госуправления в развитых странах мира были сформированы на основе процедурной модели, которая в настоящее время отчасти *дополняется* и отчасти *заменяется* проектно-целевыми и «партиципативными» подходами.

Современная система государственного управления в России сформирована в юридических рамках процедурной модели, но при отсутствии ряда базовых механизмов, которые нужны для обеспечения эффективности процедурной администрации. Неполная реализация этой основной модели государственного управления существенно затрудняет реформы, требующие гораздо более сложных и современных механизмов управления.

Несмотря на наличие успешных примеров реализации принципов каждой из трех указанных моделей в условиях современной России, для системы госуправления в целом можно констатировать дефицит ряда механизмов и институтов, которые относятся к разным управленческим практикам.

Мультимодальный подход к госуправлению предполагает отказ от механического переноса готовых систем из мирового или регионального опыта в Россию. Необходимы последовательная прагматическая инвентаризация и реинжиниринг сложившихся механизмов, нормативных и институциональных основ государственного управления в сочетании с активным использованием пилотных проектов и переносом успешного отечественного опыта в системе исполнительной власти, а также в частных и государственных корпорациях.

Ключевыми условиями успешного реформирования системы государственного управления на основе мультимодального подхода в среднесрочной перспективе являются:

- а) четкое выделение возможностей и ограничений каждой из моделей для решения соответствующего круга задач, закрепленное в системе подготовки и продвижения кадров;
- б) системное использование соответствующих управленческих механизмов по всей цепочке — от системы отбора кадров до межведомственного взаимодействия и нормативной базы, обеспечивающих каждую из трех моделей и регулирующих их взаимодействие;
- в) внимание на фазу внедрения новых процедур, норм (*управление изменениями*), включающее систематическую работу с сопротивлением изменениям и необходимую коррекцию конкретных решений, последующее тиражирование и институционализацию успешных образцов.

Т. В. Беспалова
Ростов-на-Дону

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ И ЦЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТРИОТИЗМА: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Одухотворение власти является необходимым условием конструирования государственной идеологии, моральные основания которой должны соответствовать социокультурным запросам общества. Патриотизм, являясь важнейшим элементом идеологической культуры, в отдель-

ные периоды нашей истории выступает самостоятельно как политическая и государственная идеология, приобретая статус государственной.

Проблема формирования патриотизма в современной России имеет множество контекстов, один из которых связан с возрождением и конструированием патриотической памяти нашего народа. Длительное отрицание русской идентичности и ценности патриотизма, их инструментальное использование в управляемой протестной деятельности современной России привели к противоборству смыслов. В период трансформации российского общества мы столкнулись с борьбой политических сил, которые по-разному представляют будущее России (федерация, империя и пр.). Эти политические проекты обусловлены встроенностью принципа патриотизма в определенные идейно-политические конструкции и его подчинением приоритетным идеологическим ценностям (либеральным, евразийским, коммунистическим и пр.).

Теоретико-методологический поиск интеграционных оснований идентичности российского общества переходного периода включает стратегии определения, во-первых, приоритетного типа идентичности, во-вторых, социокультурных форм конструирования доминирующей идентичности (гражданской, национальной, конфессиональной, патриотической и т.п.), в-третьих, социально-политических технологий разрешения конфликтов этнонациональных интересов и ценностей.

Три момента, на наш взгляд, определяют специфику форм проявления организованной патриотической памяти:

- формирование востребованного государством («официального») патриотизма;
- правовое обоснование этого процесса;
- непосредственно сама реальность — патриотические практики и социокультурный запрос на определенное содержание патриотизма.

Государственный («официальный») патриотизм 2014 г. полностью изменил представления политической элиты о будущем России и актуализировал идею «русского мира». Реализация проекта «русский мир» (присоединение Крыма) началась раньше, чем возникла необходимость ее философско-политологического и правового обоснования. Критерии русскости были четко обозначены в Декларации русской идентичности: «русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа». В данном случае речь идет в большей степени о русском народе (не нации), что представляется исторически обоснованным, т.к. политизации русской

этничности не происходило ни разу за всю историю России. Очевидно, что православная составляющая вызовет максимальное количество дискуссий, хотя русскому человеку (даже атеисту) должно быть понятно, что в данном случае речь идет о глубинном религиозном коде русской цивилизации.

Вызывает серьезные опасения декларативное использование русской риторики в современном российском политическом пространстве без ее адекватного идеологического обоснования и подкрепления политическим действием. Впервые в современной политической истории России русская тема стала легитимной (почти легальной).

Особенно важными в период социокультурной трансформации общества становятся ритуалы, мифы и культы. «Новая» мифология связывается с русской идентичностью и востребована в ином качественном измерении. Русскость выступает, таким образом, и дискурсивным, и презентативным символом одновременно. С одной стороны, возникают разработки идеи «русского мира», русской цивилизации, становятся востребованными ценности православного мировоззрения, а с другой — создаются различные картины-образы, раскрывающие разные смыслы русскости: «русская весна», «русское молчание», «русский Крым», «Новороссия как символ русского мира», «русское пространство» и т.д. Таким образом, создаются патриотические символы, возрождающие коллективную историческую память нашего народа.

«Русский мир» — это русская цивилизация, которая определяет новый вектор развития нашей государственности. «Русский мир» — это новый геополитический статус России, это возможность реализации глобального политического проекта, связанного с воссоединением разделенного русского народа. «Русский мир» как наднациональное мировоззрение должен выступить новой государственной идеологией, аксиологическим содержанием государственного патриотизма современной России.

Формы организованной патриотической памяти (мифы, ритуалы, культы, клятвы, символы и пр.) будут воспроизводить содержание собственных патриотических практик в новом идеологическом измерении, ориентируясь на привычный имперский тип российской государственности, коллективистские ценности, симфонию властей, державность, соборность и русский дух.

БРЕМЯ ВЫБОРОВ: ГОЛОСОВАНИЕ ЗА «ЕДИНУЮ РОССИЮ» СРЕДИ РАЗНОВОЦЕРКОВЛЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ

Постановка проблемы. Специфика современного социального пространства являет нам феномен использования религиозной «принадлежности» в качестве культурно-идентификационного элемента. Уравнивание политических предпочтений лиц, идентифицирующих себя как православные верующие, но никогда не посещающих религиозные службы, и предпочтений православных, регулярно посещающих службы, приводит к «усредненным» и содержательно ничего не выражающим результатам. В связи с этим *актуализируется* потребность в изучении предпочтений православных верующих, дифференцированных по степени воцерковленности, и поиске взаимосвязи между этими феноменами. Таким образом, выкристаллизовывается следующая **проблема**: существует ли взаимосвязь между воцерковленностью и политическими предпочтениями православных верующих в России?

Разработанность проблемы. На сегодняшний день академическое общество располагает незначительными сведениями о различиях в политических предпочтениях представителей разных религиозно-мировоззренческих групп россиян. Данная тематика поднималась в работах С. Б. Филатова, Д. Е. Фурмана, К. Каарияйнена, М. П. Мчедлова. Однако научно подтвержденной информации о существовании различий или же идентичности политических предпочтений православных верующих, дифференцированных по степени воцерковленности, практически нет. Попытка приподнять «вуаль неведения» с данной проблемы была предпринята В. В. Локосовым, Ю. Ю. Синелиной и А. В. Ситниковым. Однако выводы авторов оказались неоднозначными, а их осмыслению не было уделено должного внимания.

В связи с тем что анализ работ предшественников не позволил нам сформировать однозначного мнения о взаимосвязях между воцерковленностью и политическими предпочтениями православных верующих, мы решили провести собственное исследование.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что воцерковленность взаимосвязана с политическими предпочтениями православных верующих.

При этом под термином «воцерковленность» мы понимали степень проникновения религиозных убеждений в сознание человека, фиксируемую прежде всего через частоту посещения религиозных служб, а под политическими предпочтениями — электоральный выбор православных верующих.

Эмпирическая база. Эмпирической базой исследования стал массив «Социальная стратификация современного российского общества» ($N=15\,000$ человек), данные для которого были собраны в 2005–2006 гг. Вместе с тем в работе использовались массивы данных *European Social Survey (ESS)* 2006, 2008, 2010 и 2012 гг. и массив данных *World Value Survey (WVS)* 2011 г., а также массив проведенного нами интернет-опроса ($N = 6259$).

Мы стратифицировали православных верующих в зависимости от степени их воцерковленности и провели *кросс-табуляционный и логистический регрессионный анализ*.

Результаты. Результатом нашего исследования стало подтверждение гипотезы. Между воцерковленностью, операционализируемой через посещение религиозных служб, и политическими предпочтениями, выраженными в голосовании за партию на федеральных парламентских выборах, была выявлена статистически значимая слабая функциональная взаимосвязь (коэффициент сопряженности признаков Пирсона = 0,131).

Однако характер выявленной взаимосвязи разошелся с нашими априорными представлениями — монотонного увеличения электоральной поддержки «Единой России» по мере учащения посещения религиозных служб обнаружено не было. Взаимосвязь оказалась более сложной.

Так, кросс-табуляционный анализ показал, что учащение посещения религиозных служб от «раза в год и реже» до «раза в месяц» положительно взаимосвязано с электоральной поддержкой «Единой России», в то время как учащение посещения служб от «раза в месяц» до «каждую неделю» и непосещение служб вообще отрицательно взаимосвязаны с поддержкой «Единой России».

Построение модели логистической регрессии, в свою очередь, позволило сделать вывод о том, что учащение посещения религиозных служб от «не посещаю» до «раз в месяц» увеличивает шансы (соотношение вероятности успеха и вероятности неуспеха) голосования за «Единую Россию».

Сравнительный анализ распределения голосов православных верующих, деленных на группы в зависимости от степени воцерковленности, на парламентских выборах 2003, 2007 и 2011 гг. позволил выявить устойчивый тренд в голосовании за «Единую Россию».

Таким образом, между воцерковленностью (частотой посещения религиозных служб) и голосованием на федеральных парламентских выборах нами была выявлена статистически значимая слабая взаимосвязь.

Она может быть описана как выпуклая парабола — доля голосующих за «Единую Россию» увеличивается по мере учащения посещения служб с «не посещаю» до «раз в месяц» и уменьшается при учащении с «раз в месяц» до «каждую неделю».

И. В. Богдан
Москва

БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной научной литературе отводится мало места исследованиям некогнитивных составляющих репрезентации политических ценностей в массовом сознании, в первую очередь ценности рассматриваются исключительно как понятия. Особенно мало внимания уделяется бессознательным аспектам репрезентации политических ценностей, тогда как ввиду фундаментального единства психики репрезентация политических ценностей в массовом сознании связана не только с когнитивными процессами, но и с некогнитивными, в том числе процессами бессознательными.

В рамках исследования кафедры социологии и психологии политики МГУ 2013–2014 гг. автор изучал представленность политических ценностей на бессознательном уровне, отношение к ним и связь их с политическим поведением.

Представленность политических ценностей замерялась по проективным рисункам респондентов, по специфической инструкции. На рисунках были выделены темы, мотивы, которые на основании интервью респондентов соотносились с определенными политическими ценностями. Основных мотивов было восемь, и они были связаны со следующими ценностями: материальный достаток, порядок, единство, безопасность, свобода, ценности «зеленых», государственный патернализм, религиозные ценности.

На бессознательном уровне можно было видеть, что политические ценности существуют в массовом сознании не только по отдельности, но и организуются в наборы: так, ряд указанных ценностей объединялись в «традиционно-материалистический кластер» (включал в себя безопасность, материальный достаток, государственный патернализм, порядок), полностью аналогичный тому, который мы выделили на осознаваемом уровне по результатам обработки 2037 анкет.

Отношение к ценностям измерялось по цветовым ассоциациям с ценностями¹. Было обнаружено, что ценности, отношение к которым очень позитивно на осознаваемом уровне, преимущественно ассоциируются со спокойными, холодными цветами: синим и зеленым, антиценности осознаваемого уровня ассоциируются с активными, теплыми цветами, в первую очередь с красным. Ценности, занимающие промежуточное положение, характеризовались и «теплыми», и «холодными» ассоциациями.

Интересно, что преобладание «холодных» ассоциаций с позитивно оцениваемыми ценностями было характерно в наибольшей степени для молодежи, в наименьшей — для пожилых, у последних в ассоциациях с политическими ценностями преобладал красный цвет. Аналогично единственной яркой спецификой, что касается связи отношения к политическим ценностям на бессознательном уровне и *политического поведения*, являлось преобладание «красных» ассоциаций с позитивно оцениваемыми политическими ценностями у электората КПРФ, что, так же как и в старшей возрастной группе, было вызвано ассоциациями с коммунистическим прошлым. Электорат других партий яркой специфики не продемонстрировал.

В исследовании был сделан вывод о переходе в современной России от «красной», связанной с советским символизмом политической культуры СССР к аполитичной «сине-зеленой», стремлении к консерватизму и стабильности сегодняшнего дня. Полученные данные находятся в согласии с полученными кафедрой социологии и психологии политики МГУ данными о том, что «практически все эффективные российские политики видятся в темной, холодной и тусклой гамме цветов»². Таким образом, и на уровне образов политиков, и на уровне представлений о ценностях ассоциации с холодными цветами указывают на положительное отношение к политическому явлению.

Выраженная «холодными» ассоциациями усталость, тяга к стабильности, вероятно, является отголоском тревожных и нестабильных 1990-х годов в массовом бессознательном.

Исследование показало перспективность предложенного подхода к изучению политических ценностей с позиций их репрезентации в массовом сознании населения как многокомпонентного явления, а не только как понятий. В том числе оно выявило, что набор ценностей, который является консенсусным для населения России на осознаваемом уровне, далеко не всегда является консенсусным на бессознательном уровне, что особенно

¹ Обоснование см., напр.: *Фолемеева Т. В.* Использование проективных методик для повышения эффективности фокус-групп // Социология: методология, методы и математическое моделирование. 2003. № 17. С. 98; *Сикевич З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А.* Социальное бессознательное. СПб., 2005. С. 243.

² Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е. Б. Шестопаля. М., 2012. С. 67.

актуально, например, в случае политического поведения. Бессознательное оказывает на последнее большее влияние, чем осознаваемые психические процессы.

В. С. Бойко
Барнаул

ПОЛИТИКА РОССИИ В АФГАНИСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ 2000 — СЕРЕДИНЫ 2010-Х ГОДОВ¹

В условиях объявленного вывода войск международной коалиции из Афганистана и пролонгации западного военно-политического присутствия в этой стране в экспертных кругах активно обсуждаются сценарии дальнейшего развития в Центрально- и Южно-Азиатском регионах, а также текущие проблемы афганского конфликта и позиции отдельных государств, международных организаций.

Несмотря на участие России в решении афганской проблемы с момента распада СССР, тем не менее его нельзя назвать значительным. Это отчасти объясняется ее положением как правопреемницы СССР и связанной с этим инерционной критикой советского военного вторжения в эту страну. При этом игнорируется, что афганская проблема, приобретающая международное звучание после ввода советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г., имеет свои глубокие внутренние корни. Она возникла в ходе решения чрезвычайно сложных задач укрепления государственности в первой половине XX в. и в 1970-е годы. Это плата за прорыв Афганистана в XX в., а также результат сохранявшейся длительное время узурпации власти пуштунской элитой, усугубленной ее внутренним расколом. Одним из сильнейших негативных факторов прерывного политического развития Афганистана после Второй мировой войны стал неудачный эксперимент по созданию политических партий в конце 1940 — начале 1950-х годов, приведший к возникновению радикальных политических движений левого и исламистского толка. К середине 1970-х власть, частично перегруппировавшая свои ряды (республиканский переворот 1973 г.), стала проигрывать оппозиции, хотя многоликость последней позволяла авторитарному

¹ Подготовлено при частичной поддержке РГНФ, проект 15-01-00440 «Афганистан в 1910–2010 гг.: проблемы и противоречия постколониальной модернизации в контексте взаимодействия внутренних и внешних факторов».

режиму М. Дауда маневрировать и добиваться тактических побед. Непосредственная угроза жизни ряду руководителей оппозиционной НДПА спровоцировала их сторонников на спонтанное выступление, завершившееся физическим устранением законного президента Афганистана, многих членов его семьи и сторонников, и приход к власти леворадикальной партии, раздираемой фракционной борьбой.

Произошедшая в течение 1970-х годов серия государственных переворотов (1973, 1978) означала углубление раскола афганского общества на фоне минимального иностранного вмешательства. Однако уже на протяжении 1978–1979 гг. это вмешательство стало существенным фактором борьбы, стремительно приобретающей военно-политические формы и переросшей в гражданскую войну. События первой половины 1990-х (падение режима НДПА, переименованной в «Ватан», ее центристские попытки достичь национального примирения, прорыв к власти военно-политических группировок моджахедов, заявивших о победе «исламской революции») и приход/возвращение в Центрально-Азиатский регион США привели к усилению напряженности в этой части Азии. Уже в середине 1990-х в Афганистане на роль государственно-политического гегемона начинает претендовать движение «Талибан» — религиозно- и военно-политическая группировка, созданная США совместно с Пакистаном и другими их союзниками как инструмент наведения порядка и обеспечения масштабных геоэкономических и политических проектов. Но быстро став подобием государственной власти и провозгласив теократический эмират в Афганистане, талибы уже к концу последнего десятилетия XX в. потерпели сокрушительное поражение в этом качестве — в их рядах завелась коррупция, очевидной была неспособность решать текущие и стратегические вопросы жизни страны. Начало антитеррористической кампании международной коалиции во главе с США осенью 2001 г. вдохнуло в талибов новую жизнь — они стали позиционировать себя как национально-освободительное движение, их боевые формирования добивались ощутимых результатов в ходе партизанских действий против оккупационных сил.

Особую активность на протяжении 2000 — начала 2010-х годов демонстрирует Индия — одна из ведущих держав Азии, кровно заинтересованная в афганских делах в контексте ее отношений с Пакистаном и общей ситуации с безопасностью в Южной Азии. Индийский подход к Афганистану характеризуется не только масштабным вкладом в развитие социальной сферы, инфраструктуры и в целом экономики этой страны, но и стремлением укрепить доверие всех сторон конфликта — внутренних, региональных и внерегиональных. Для этой цели используется потенциал политико-дипломатических и иных, в том числе негосударственных, средств — индийская сторона не раз выступала с миротворческими инициативами различного формата и уровня. Они должны повысить роль Индии до статуса ведущего

стратегического партнера США в Афганистане в постконфликтный период. Именно индийцам отводится роль ослабления Пакистана как катализатора региональных конфликтов — и афганского, и индо-пакистанского. Кроме того, им же предстоит найти каналы более тесного взаимодействия в Афганистане с Ираном — как на двустороннем, так и на многостороннем уровне.

Решение этой сложнейшей задачи или даже частичные успехи на этом пути должны показать Китаю — очень влиятельному экономически, но пока по преимуществу «теневому» игроку на афганском «поле», — что реальная перспектива для второй потенциальной супердержавы — изоляция, с которой он должен смириться и готовиться к разделу сфер влияния в мире. Россия в этой схеме, как и другие постсоветские государства Центральной Азии, выглядит как маргинал или же участник отдельных, «разрешенных» Западом проектов. Такой ход событий стал возможен в условиях ослабления международных/региональных организаций, их стагнации (и ООН, и ШОС, и ОДКБ, и др.), а также эволюции элит во многих странах зарубежной, в том числе постсоветской, Азии. Это характерно и для Индии, все более ассоциирующейся с США не только в сфере экономики, информационных технологий, ядерной энергетики, военного дела и пр. Эволюцию переживает и российская элита, поглощенная внутривнутриполитическими проблемами и тяжелым соревнованием с сильнейшими государствами мира, как западными, так и восточными. Пока приходится констатировать индифферентность российских профильных ведомств и структур к кропотливой работе на афганском направлении, хотя кредит доверия к России еще не потерян. Однако сохранение российского присутствия на «поле» афганской проблемы во всех ее проявлениях — политическом, военно-техническом, экономическом, культурном и пр. — требует концентрации усилий и кадров, и прежде всего адресного использования немногих профессионалов академической и прикладной афганистики. Нынешняя ситуация в Афганистане и вокруг него побуждает Россию не уповать на двусторонние связи (как это было в 1990-е годы с Индией и Ираном), а включаться в многосторонние проекты. И если ее участие в работе группы государств «Сердца Азии» (участников Стамбульской конференции 2011 г.) еще не сложилось, то общий курс соответствует принципам Кабульской декларации о добрососедских отношениях (2002 г.). При этом ей приходится учитывать геополитические амбиции США и их союзников, их желание сохранить свое влияние в Центральной Азии. Соответственно оптимальным в афганских делах был бы курс на сотрудничество России в формате квадратуры — с Индией, Ираном и Пакистаном, в дополнение к традиционному партнерству с постсоветскими странами Центральной Азии в рамках двусторонних и многосторонних связей с ними, а также к налаживающемуся взаимодействию с самим Афганистаном.

А. Г. Большаков
Казань

РЕЙТИНГ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ПАРАМЕТРЫ НАУЧНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

В последнее время в РФ стали приобретать особую популярность рейтинги региональной межэтнической напряженности. Наибольшую известность приобрели выпуски доклада «Гроздь гнева», появляющиеся два раза в год на официальном сайте Центра изучения национальных конфликтов и сайте РИА «Клуб регионов».

Доклад представляет собой разновидность политико-технологического продукта и не носит научный характер (критики называют его «желтым мониторингом»). По сути дела это пилотажное исследование, результаты которого обсуждаются широко и публично, но руководители проекта признают, что для достоверных результатов необходим симбиоз количественных и качественных методов, и справиться с этим могут только «государственные структуры».

Сомнительна эмпирическая база доклада, основанная на мнениях 69–70 федеральных и региональных экспертов. Опроса подобной совокупности экспертов для получения значимых общероссийских результатов в сфере межэтнической напряженности различных регионов недостаточно, причем некоторые эксперты дают оценки сразу по нескольким регионам.

В докладе принципы формирования экспертной панели не ясны, критерии отбора экспертов, которые воспроизводились авторами в публичных дискуссиях — наличие работ по конфликтам и метод «снежного кома», — не всегда корректны. Критерии отбора экспертов могут быть разными, но они обязательно должны включать принципы интеллектуальности и компетентности, наличия научного или прикладного бэкграунда, серьезных аналитических, экспертных материалов, научных публикаций.

Некоторые эксперты проекта заявили о том, что их спрашивали о другом, слова получили вольную интерпретацию, а некоторые отказались признать сам факт своего участия в исследовании. Такой сбор информа-

ции и вольное обращение с контентом «экспертизы» позволили руководителям тенденциозно интерпретировать полученные результаты.

Авторы доклада вольно интерпретируют факты социальной напряженности. Сюда относят, например, арест экстремистов и создание Экспертного совета при университете. Число интернет-ресурсов, которые анализируют авторы доклада, не превышает 50 для всех российских регионов, чего явно недостаточно. С концептуальной точки зрения важно, что авторами изучается только напряженность (конфликтность) в регионах, а факты стабильности в сфере межэтнических отношений просто игнорируются.

На мой взгляд, рейтинг региональной межэтнической напряженности и стабильности, проводимый во всероссийском масштабе, должен включать экспертную оценку не менее 200–300 экспертов из ведущих научных центров России, включая экспертов-практиков. Желательно сопровождение экспертного исследования контент-анализом СМК и изучение результатов людьми, которые имеют опыт проведения мониторингов, экспертной оценки, составления рейтингов.

Обычно «желтые рейтинги» противопоставляют системным мониторингам, которые уже проводят несколько субъектов Федерации на государственном уровне. Предполагается, что постепенно такой опыт будет распространен на всероссийский уровень. Подобные мониторинги включают не только различные социологические исследования, но и учитывают данные экономической статистики, взаимодействия граждан с органами власти и управления через систему электронного правительства. Однако рейтинг измерения напряженности (конфликтности) и стабильности имеет ценность сам о себе. Поэтому важна академическая составляющая той методологии, по которым должны проводиться подобные исследования.

Возможно, целесообразно начинать с исследований в отдельных регионах, а затем уже этот опыт переносить на всероссийский уровень. Например, темой исследования может быть «Измерение социальной стабильности и напряженности в Республике Татарстан». Основными параметрами измерения этого исследования будут: этничность, религиозность, политика, социокультурная сфера, СМК.

Предпочтительными методами являются экспертная оценка, контент-анализ республиканского сегмента СМИ и интернет-порталов. Сроки проведения подобного исследования — 2 раза в год, экспертную оценку дают 50 профессионалов за год. Панель экспертов формируется не только из специалистов Республики Татарстан, но и из представителей экспертного сообщества ведущих научных центров России.

Представляется, что подобное исследование позволит выявлять реальные точки социальной напряженности, предотвращать деструктивную конфликтность в республике, создать исследовательскую модель для других регионов, а в перспективе — всероссийского исследования.

Н. А. Борисов
Москва

МОДЕЛИ ПРЕЗИДЕНЦИАЛИЗМА В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИИ И АВТОРИТАРИЗМА

Многочисленные режимные трансформации на постсоветском пространстве поставили перед исследователями проблему прогнозирования политической стабильности и управляемости, которая по своей научной и практической актуальности значительно превосходит проблему «демократизации» постсоветских политических систем. Обозначившийся в последнее десятилетие «распад» постсоветского пространства и дальнейшая дивергенция постсоветских политических режимов (даже в пределах групп географически близких государств) актуализировали проблему объяснения разных политических векторов «постсоветского» мира.

Более того, стало очевидно, что анализировать постсоветские трансформации как «демократизацию» оказывается непродуктивным и приводит к неверным исследовательским выводам. В связи с этим формируется понимание «нелинейности» трансформационных процессов на постсоветском пространстве и концепция «режимных циклов». Справедливо и то, что конкуренция в постсоветских полициях определяется не столько степенью развития гражданского общества и демократических институтов, сколько возможностью инкубентов контролировать выборы, средства массовой информации и применять силовые стратегии по отношению к оппозиции. При этом именно институт президентства становится фактором, определяющим степень политической конкуренции в государствах постсоветского зарубежья. При его анализе вновь должна быть обозначена ключевая теоретико-методологическая проблема изучения процесса режимных трансформаций: проблема соотношения «структуры» и «агента», роли структурных и процедурных (объективных и субъективных) факторов трансформации. В недавних исследованиях на первый план выходит признание определяющей роли именно субъективных факторов, то есть конкретных действий политических элит, в том числе прежде всего глав государств, способных нейтрализовать или значительно уменьшить влияние объективных структурных факторов.

Понятие «президентализм» не сводится к понятию «президентская республика», а включает в себя совокупность формальных и неформальных практик, определяющих функционирование института президентства.

Соответственно модели президентализма — это не разновидности президентских республик, а разные практики функционирования института президентства.

Исследовательская проблема заключается также в анализе корреляции государственной состоятельности и стабильности политических режимов.

В качестве методологии анализа постсоветского президентства можно использовать концепцию патронажного президентализма, предложенную Г. Хейлом¹. Под патронажным президентализмом он понимает, во-первых, наличие института президентства, при котором выборы президента проходят всенародно и президент обладает широкими конституционными полномочиями, во-вторых, высокую степень неформальной власти президента, основанную на развитых патрон-клиентских отношениях.

За время существования на постсоветском пространстве независимых государств в них в силу разных причин сложились разные модели президентализма, которые влияют на траектории режимных трансформаций. При этом, несмотря на ряд государственных переворотов, смену власти и обновление политических элит, каждая из моделей оказалась чрезвычайно устойчивой и продемонстрировала тенденции к воспроизводству. Это свидетельствует о том, что мы имеем дело не просто с личной властью того или иного человека, замещающего пост президента, а с формированием устойчивых и воспроизводящихся моделей, в очень малой степени зависящих от конкретных лиц — иными словами, с институтом, который нуждается в объяснении и концептуализации.

Институт президентства, как показано в ряде исследований, является одним из важнейших факторов трансформации политических режимов. Проблема заключается в том, что постсоветский президентализм развивается в условиях политических режимов, которые можно определить как неконсолидированные демократии, соревновательный авторитаризм либо консолидированный авторитаризм.

В целом для модели постсоветского президентализма характерны развитые патрон-клиентские отношения, опора на неформальные институты и постоянное расширение конституционных полномочий как де-юре, так и де-факто. На основе анализа политических процессов можно выделить и специфические модели президентства, различающиеся по степени его институционализации и характерные для авторитарных режимов, основанных на личной власти (Узбекистан, Беларусь, Туркменистан); институционализированных авторитарных режимов (Казахстан, Таджикистан, Азербайджан); неконсолидированных конкурентных режимов (Украина, Молдова, Армения, Грузия). Выделение и уточнение моделей возможно на основе анализа через единую систему критериев институционализации.

¹ См.: Hale H. Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-soviet Eurasia // World Politics. 2005. № 58. P. 133–165.

Н. В. Борисова, К. А. Сулимов
Пермь

«РАЗРЫВ ПОВЕСТКИ» И ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ: РЕФОРМА МСУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Весной 2014 и в начале 2015 года были существенно изменены общие принципы организации местного самоуправления (МСУ) в Российской Федерации (путем внесения изменений в № 131-ФЗ). Федеральный законодатель предоставил субъектам РФ возможность существенно увеличить свою роль в принятии институциональных решений касательно МСУ на своей территории. Речь идет о: 1) распределении полномочий и ресурсов между уровнями публичной власти внутри субъекта РФ; 2) территориальной организации МСУ — возможно создание муниципальных образований новых типов; 3) институциональной структуре органов МСУ — право установления порядка избрания глав муниципальных образований (включая принципиально новую схему с определением глав через конкурс) и способа формирования представительных органов муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением.

Процесс реализации институциональных новаций развернулся во всех субъектах РФ, при этом можно видеть, что протекает он по-разному. Соответственно встают два больших блока исследовательских вопросов: 1. Как, в каких условиях, под влиянием каких факторов, в кругу каких участников и т.п. принимаются решения, о которых идет речь? 2. К каким последствиям и эффектам они приведут?

Одна из базовых и широко распространенных интерпретаций происходящего заключается в фиксации усиления зависимости муниципальных властей от региональных с неким возможным изменением зависимости от населения собственных муниципалитетов. Вопрос, однако, касается необходимости перехода к собственно исследовательскому ракурсу, который может состоять в рассмотрении проблемы субъектности в реформировании и функционировании местного самоуправления в современной России.

Проблема субъектности в процессе принятия политических решений является одной из значимых и при этом фактически неконцептуализированной в современной политической науке. Если следовать логике секци-

¹ Выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-13-59006 «Дифференциация стратегий региональных властей в отношении муниципалитетов в Пермском крае: факторы, условия, результаты и эффекты».

онной традиции исследования политической власти¹, то власть есть неравное, асимметричное отношение между субъектом и объектом. Однако отношения власти, включающие в том числе процесс принятия решений, многомерны и разновекторны. Субъектность акторов, включенных в эти отношения, носит относительный характер, определяемый стратегиями и ресурсами, избираемыми акторами в контексте политического взаимодействия, с одной стороны, и влияющий на позиции акторов в системе политико-властных отношений — с другой. Как представляется, субъектность политического актора должна, кроме прочего, проявляться тем или иным образом в наличной повестке дня.

Исследователи Говлет и Рамеш отдельно выделяют системную (или публичную) и институциональную (или формальную/административную) «повестки»². Важно, кто выступает субъектом повестки. И если в случае системной повестки ее субъектом является общество³, поскольку она затрагивает в первую очередь важные для общества вопросы, то институциональная повестка задается властью.

Возможны три варианта соотношения повесток:

- 1) совпадение повесток, когда проблемы, актуальные для общества (групп), поддерживаются властью через принятие решения;
- 2) ситуация, когда власть идет на некоторые уступки, что обеспечивает частичную трансформацию публичной повестки в институциональную, причем такой вариант скорее всего допускается властью в целях легитимации существующего политического порядка;
- 3) ситуация, когда происходит «разрыв повестки». В «нулевые» годы установилось определенное равновесие между двумя противоположными оценками положения дел. Согласно одной оценке «дела в стране идут в правильном направлении», согласно другой «события ведут нас в тупик». Социальное неравенство, столкновение интересов, идейных позиций затрудняют консолидацию общества, особенно если дело доходит до взаимной нетерпимости радикальных «краев» с обеих сторон.

В случае с местным самоуправлением мы имеем сложную конфигурацию публичных и институциональных повесток в силу многоуровневости и местных сообществ (населенный пункт, поселение, район, регион), и соответству-

¹ Ледяев В. Концептуальные основания эмпирического исследования власти // Политическая концептология. 2011. № 4. С. 50.

² См.: Казаков А. А. Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня»: возможности и ограничения // Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2012. № 1 (21). С. 139.

³ Под обществом подразумеваются составляющие его элементы: социальные группы, группы интересов, гражданские организации, общественность в широком смысле этого слова, индивидуумы и т.п.

ющей им публичной власти. Трансформация субъектности может в пределе приводить к «разрыву повесток» в пространстве этой многоуровневости.

Представляется, что концептуализация этого феномена позволит увязать существенные характеристики локального режима, системы взаимоотношений региональных и местных властей, практик межэлитных отношений с логикой процесса принятия решений. Речь идет о том, чтобы сосредоточить внимание на вопросах о том, кто является субъектами публичной и административной повесток, обеспечивается ли и как/кем «преемственность» между повестками, или же возникает ситуация «разрыва повестки».

Е. В. Бродовская
Москва

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ПОЛИТИЧЕСКИМ ФУНКЦИЯМ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Глобальная сеть все увереннее приобретает статус одного из наиболее мощных инструментов политической коммуникации и мобилизации. Это наиболее актуально для российской пользовательской аудитории, уверенно растущей численно и повышающей свою вовлеченность в интернет-коммуникацию. Значимой задачей в этой связи видится измерение отношения россиян к политическим функциям Интернета.

Опыт последних лет показывает, что наиболее интенсивная и эффективная политическая коммуникация происходит в социальных сетях. Настоящее исследование нацелено на анализ отношения российских граждан, использующих и не использующих социальные сети, к возможностям Интернета как инструмента политического участия.

Обоснование и описание метода исследования. Всероссийский опрос методом формализованного интервью² осуществлен в рамках Мирового

¹ Исследование финансировалось Министерством образования и науки Российской Федерации в рамках реализации государственного задания «Выявление закономерностей взаимосвязи развития политических систем и интернет-коммуникации» на 2014–2016 гг. Код государственного задания 2816.

² В массовом опросе (2014 г.) использовалась многоступенчатая стратифицированная выборка, репрезентирующая население РФ по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта. Всего опрошено 2030 респондентов. Ошибка выборки 4%. Единицы отбора первой ступени — субъекты РФ. Отбор регионов осуществлялся на основе вычисления их «ранга представительности», т.е. порядка, в котором регионы оптимальным

интернет-проекта — 2014¹. Базой проведения исследования WIP в России (2012 г. — по н.в.) является Институт гуманитарных технологий в сфере социального компьютеринга Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. В процессе анализа базы данных этого исследования были произведены:

- группировка опрошенных по критерию восприятия политической коммуникации и политического участия в Интернете;
- сопряжение мнения выделенных групп с их отношением к политической коммуникации и политическому участию в Интернете;
- выявление социально-демографических характеристик выделенных групп;
- выявление сопряженности между использованием социальных сетей и отношением к политической коммуникации и политическому участию в Интернете.

Результаты. Совместный анализ ответов на вопросы: В какой степени Вы согласны со следующими высказываниями «Такие люди, как Вы, имеют больше возможностей для реализации политических прав и свобод», «Такие люди, как Вы, имеют больше возможностей для обсуждения действий правительства», «Такие люди, как Вы, имеют возможность лучше понимать действия политиков», «Государственные чиновники вынуждены больше обращать внимания на то, что о них думают такие люди, как Вы» — позволил разделить всех россиян на три группы в зависимости от их восприятия потенциала политической субъектности в глобальной сети.

Чуть менее половины россиян (43,4 %) уверены, что Интернет служит эффективным средством политической коммуникации и мобилизации, чуть более трети (35,3 %) считают, что глобальная сеть не может быть инструментом реализации политической субъектности, и пятая часть россиян (21,3 %) не определились с оценкой Интернета в указанном контексте.

Исследование показало, что пользователи социальных сетей почти вдвое чаще, чем непользователи сетей, высоко оценивают потенциал реализации политической субъектности в Интернете. Это говорит об ориентации участников социальных сетей на использование политических функций сетей, политической коммуникации в сетях и позитивной оценке возможностей политической мобилизации в социальных сетях.

образом репрезентируют население России. На второй ступени для каждого региона рассчитывалась доля респондентов, пропорциональная численности его населения. На третьей ступени путем ротации избирательных участков и списка улиц проводился отбор начальной точки маршрутной выборки в конкретном населенном пункте. На четвертой и пятой ступенях осуществлялся отбор домохозяйства и респондента.

¹ World Internet Project. — URL: <http://www.worldinternetproject.net/>

Анализ также показал, что наиболее значимыми социально-демографическими факторами, определяющими отношение к политическим функциям Интернета, являются возраст и в некоторой степени образование. Так, респонденты в возрасте 25–44 лет и имеющие высшее образование наиболее позитивно оценивают потенциал Интернета как инструмента политической коммуникации и политического участия в глобальной сети.

Таким образом, наиболее представительная доля россиян в целом позитивно относится к Интернету как средству реализации политической субъектности. Наиболее оптимистично потенциал политического участия в Интернете воспринимает молодежь, люди с высшим образованием и пользователи социальных сетей. Исходя из этого социальные сети следует рассматривать как потенциально эффективный инструмент политической коммуникации и мобилизации граждан.

*Е. Г. Брындин
Новосибирск*

БЛАГОСОСТОЯНИЕ БРИКС

Потенциал БРИКС. Россия в блоке БРИКС выступает политическим локомотивом, Китай — финансовым. Бразилия богата сельскохозяйственной продукцией; в России — богатые минеральные ресурсы; Индия обладает дешевыми интеллектуальными ресурсами; Китай — мощной производственной базой; Южно-Африканская Республика — природными ресурсами. Эти страны занимают более чем 25 % суши в мире, 40 % населения. Страны БРИКС производят около 20% мирового ВВП. Совокупная внешняя торговля составляет 17% всего глобального товарооборота. Страны БРИКС входят в пятерку стран, которые транснациональные корпорации считают наиболее привлекательными для размещения зарубежных инвестиций.

Институализация БРИКС. Страны БРИКС подписали соглашение о взаимодействии в области инноваций, определен ряд направлений, по которым возможно создать совместные предприятия при поддержке банков развития. В присутствии лидеров БРИКС подписаны соглашения о сотрудничестве в сфере «зеленой экономики» и Декларация о создании Делового совета БРИКС.

Пул валютных резервов — новая структура, которая будет выполнять роль «мини-МВФ», т.е. финансовой организации, призванной реагировать на отток капитала, предоставив ликвидность в свободно конвертируемой валюте. Создание нового банка развития и Пула условных валютных резервов стран БРИКС позволит этим странам координировать макроэко-

номическую политику. Банк развития будет финансировать инфраструктурные проекты стран-участниц.

Развитие БРИКС. Основной стратегической целью союза является экономическое развитие стран-участниц. В настоящее время БРИКС объединяет наиболее активно развивающиеся страны мира, обладающие собственными ресурсами для развития и имеющие перспективы дальнейшего экономического роста.

Основой развития реального сектора экономики является промышленное развитие, которое осуществляется на базе национальных планов и программ. Реализация национальных программ промышленного развития требует не только собственных усилий стран БРИКС, но и активизации международного промышленного сотрудничества. Перспективные направления международного промышленного сотрудничества находят отражение в национальных программах промышленного развития стран БРИКС.

Системные, комплексные предложения потенциальных технологических партнеров стран БРИКС позволят создать Технологическую платформу.

Для стимулирования развития экономики создаются системные формы поддержки внедрения технологий в промышленность на всех уровнях — от идеи до технологии и от технологии до производства на основе консолидации усилий частного и государственного секторов экономики в рамках частно-государственного партнерства.

Стратегической целью международного промышленного сотрудничества между странами БРИКС является активное содействие развитию среднего бизнеса и среднего класса для укрепления экономической устойчивости. Новые игроки среднего бизнеса создают более здоровую конкурентную обстановку на внутреннем рынке и повышают международную конкурентоспособность страны. Странам БРИКС развитие среднего бизнеса в промышленной сфере позволяет выполнить задачи государственных программ развития, включая сокращение импорта за счет собственного производства и создание экспортного потенциала. Новые предприятия решают социально-экономические задачи, создавая рабочие места и обеспечивая подготовку местных специалистов. В целях развития БРИКС создается единое Министерство планирования и прогнозов производственных мощностей и компетенций комплексных долгосрочных стратегий.

Международное благосостояние. Общественное благосостояние определяется тем, как нужды представителей общества отражаются в его коллективных решениях, от которых зависит и наша жизнь, и наше благополучие. Страны БРИКС ориентируются на решение насущных внутренних ресурсных, экологических, социально-экономических проблем. Экологическая осознанность, приоритет здоровья и благосостояния стали ком-

плексной и сбалансированной системой управления — от критериев принятия решений по инновационным проектам до контроля деятельности организаций. Здоровье населения и навыки молодого поколения являются потенциальным дивидендом устойчивого развития. Им можно пользоваться, если эффективно обеспечить переход населения на здоровый образ жизни и профессиональную подготовку молодых кадров. Масштабные инвестиции в социальную инфраструктуру и программу развития профессиональных, культурных и оздоровительных навыков приведут к эволюции жизненного цикла с точки зрения здоровой культурной профессиональной предпринимательской самозанятости трудоспособного населения. Деловой совет БРИКС намерен решить задачу повышения уровня экономической инклюзивности, чтобы обеспечить стабильное и долгосрочное качество жизни всех слоев населения и его благосостояние.

А. Ю. Бубнов
Москва

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ СООБЩЕСТВ РУНЕТА

Теоретические модели распространения идеологий в современном обществе связаны с двумя важными представлениями, вызванными влиянием неомарксизма, постструктуралистской методологии и теории коммуникаций. Идеологии существуют преимущественно в пространстве медиадискурсов, они все менее связаны с официальными программами политических сил и все более — с информационным пространством традиционных и новых медиа. Информационную среду можно интерпретировать в духе теории Грамши о «культурной гегемонии», как арену противоборства политических сил в системе власть—оппозиция. Из этих двух предположений следует, что одним из наиболее перспективных направлений изучения политических идеологий является киберпространство.

После серии «цветных революций» последнего десятилетия, с широким использованием ИКТ, изучение политического сегмента блогосферы и социальных сетей стало рассматриваться как способ мониторинга текущего состояния общественного мнения и материал для составления прогноза относительно грядущей повестки. Анализ российских и зарубежных исследований свидетельствует о складывании методологических и теоретических моделей в изучении политико-идеологического сегмента Рунета. Три крупные группы: националисты, либералы и левые — сходно определяются всеми исследователями на всех онлайн-платформах (включая блоги, микроблоги

и социальные сети). Однако, как показала практика, существует возможность грубых ошибок контент-анализа, обусловленная, в частности, ироничностью блогосферы и контекстуальностью русского языка, что можно обозначить как проблему идентификации дискурса.

Традиционно для исследования дискурсов в социальных сетях применяются подходы, лежащие в русле критического дискурс-анализа (КДА). Представляется, однако, что более перспективным является подход, разработанный в рамках теории «открытого» дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф¹. Эта модель основывается на представлении об «узловых точках» идеологического дискурса, под которыми понимаются концептуальные обобщения, циркулирующие в публичном пространстве и вступающие в противоборство за право определять смыслы и осуществлять «культурную гегемонию». Применение этой модели может быть продемонстрировано на примере исследования националистического дискурса Рунета.

Изучение националистических сообществ осенью 2012 г., после поражения протестного движения, показало, что националистический дискурс в целом гомогенен, ему сопутствует обязательный минимум — этническое государство русских, кавказофобия, исламофобия, мигрантофобия, западофобия, американофобия и пропаганда здорового образа жизни². Напротив, исследование, проведенное под руководством автора в марте — апреле 2014 г. по следам крымских событий, но еще до начала активной фазы событий на Донбассе, дало иную картину. Было показано, что внутри идеологии сетевого национализма существуют как минимум три «узловые точки», которым соответствуют три разновидности националистического дискурса. Главной разновидностью национализма выступает национал-демократия, которая совпадает с узловой точкой национализма как такового и характеризуется сочетанием антисоветских и патриотических взглядов. Национал-демократия противостоит национал-патриотизму, расходясь с ним в оценке имперского опыта существования России. Существенную роль для национал-патриотов играет также антизападная и антиамериканская риторика, в отличие от западничества национал-демократов. В социальных сетях также существует маргинальная, но тем не менее заметная часть националистического интернет-сообщества, условно определяемая как «белые расисты», или «национал-социалисты». Таким образом, схожее маркирование позиций («национализм») и даже совпадение ряда важных дискурсивных стратегий (мигрантофобия, кавказофобия) могут создавать ложное представление о единой идеологии национализма.

¹ Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. L.: Verso, 1985.

² Паин Э. А., Мохов С. В., Поляков Е. И., Простаков С. А., Федюнин С. Ю. Этнополитические процессы в зеркале Рунета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 142.

Хорошим примером для проверки точности определения идеологических позиций в националистическом сегменте стали события на Украине. На начальном этапе национал-демократы и национал-социалисты приветствовали «украинскую революцию» в духе лозунга «за нашу и вашу свободу», проводя параллели между «коррупцированными режимами» здесь и там. Однако уже посткрымская ситуация оценивалась положительно основной частью национал-демократов, которые перешли на позиции «революционного оборончества» — временный отказ от критики режима ради оказания помощи русским в Крыму и на Донбассе. Однако другая часть национал-демократов и национал-социалисты отвергли такую возможность. Возникли два тактических союза среди националистов: поддерживающие консолидирующую общество идею «русского мира» и те, для кого перманентное противостояние власти занимает ведущую позицию в системе ценностей. Очевидно, что все остальные дискурсивные и артикуляционные стратегии показали свою вторичность. Главным оказалось принципиальное расхождение в наполнении содержанием узловой точки «нация».

Д. А. Будко
Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЮМОР КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОВЕСТКИ ДНЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ НА ТЕМУ САНКЦИЙ)

Среди российских исследователей политической науки тема политического юмора не является распространенной. Между тем политический юмор отображает как стереотипы, существующие долгие годы и демонстрирующие особенности менталитета того или иного народа, так и актуальные тренды, создающие политическую повестку дня. Его изучение как элемента неформальной коммуникации позволяет рассмотреть не только особенности отношения граждан к политической системе, но и само представление о ней по причине того, что политический юмор представляет собой кривое зеркало, отображающее актуальные события, причем делает это в рамках общепринятых практик. С этой точки зрения возможно анализировать как воздействие комического на взгляды индивидов, так и особенности отдельных произведений юмористического жанра, связывая их с существующими дискурсивными практиками, политическими сюжетами и ситуациями, ставшими поводами для шуток. В этом контексте большой

интерес представляет изучение политического фольклора, например политических анекдотов.

Политический анекдот — текст, являющийся средством передачи политической информации в комической форме, что позволяет ему выступать как вариантом политической идентификации, так и средством политической социализации¹. При этом героями и темами могут быть политические лидеры, какие-либо события, политическая ситуация и т.д.

Позиционирование «свой—чужой» в политических анекдотах зачастую является их значимой функцией. Таким образом, исследователь (и просто внимательный наблюдатель) может заметить, что анекдоты, посвященные лидерам других государств, отношениям стран, показывают, кто «друг», а кто «враг». Весьма четко это демонстрируется на примере анекдотов, посвященных теме санкций Запада в отношении Российской Федерации.

На основании анализа 277 анекдотов, представленных в Интернете на развлекательных порталах, форумах, в социальных сетях, можно выделить несколько направлений их тематики, характеризующих восприятие данной проблемы индивидами и отношение к ней.

1. Собственная значимость («Для народа, победившего в мировой войне, колющего орехи дверью и готовящего борщ, санкции, как щекотка для мертвого слона») — самая разнообразная группа по сюжетам (от личной борьбы против западных санкций до подчеркивания превосходства смекалки россиян над европейской и американской логикой); дискурс анекдотов сводится к следующему: никакие санкции не могут сломить «русский дух».

2. Сведение к абсурду («Бананы есть?» — Да, белорусские!» — «А кокосы?» — «Тоже». — «И семга?» — «Ага!» — «А батька весь мир покорил или фуагру в теплице выращивает?» — «В колхозе всегда так — что в плане, то и выращивают!»). Данная категория отражает скорее роль санкций в повседневной жизни россиян и трудности, с которыми им приходится сталкиваться.

3. Обличение «врага» («По сообщениям «Euronews», ЕС уже подготовил новый пакет санкций в отношении России, но пока не принимает его. Экономисты ЕС просчитывают, сможет ли он выжить после этих санкций»). В этой группе подчеркивается слабость представителей политической элиты Запада и непродуманность их действий, которые оборачиваются против них и граждан их государств.

4. Критика российских политических реалий («Полгода западные лидеры вводили санкции против России и удивлялись, что они не работают, пока кто-то им подсказал, что без отката в России вообще ничего не работает»). Это самая малочисленная группа; в данном случае санкции выступают

¹ См.: Дмитриев А. В. Социология политического юмора: Очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 161–165.

лишь поводом для выражения недовольства существующей политической ситуацией в общем, не отступая от обычного оппозиционного дискурса.

5. В. Путин vs. Б. Обама и лидеры ЕС («Мистер Путин, ЕС ввел очередную пакет санкций. Что Россия собирается делать?» — «Ждать». — «Но чего ждать, мистер Путин?» — «Холодов...») Дискурс этой категории соотносим с группами 1 и 3: позиционируется слабость политических сил Запада как перед авторитетом В. Путина, так и перед «русским духом», который он олицетворяет.

Таким образом, тема санкций стран Запада против России в политических анекдотах во многом соотносится с «народным» восприятием элит этих стран как «врага», а их граждан как более наивных в житейском плане и пасующих перед житейской мудростью обычного россиянина.

И. М. Бусыгина
Москва

«ДЕРЖАВЫ НА ПОДЪЕМЕ»: ХАРАКТЕР ФЕНОМЕНА И ЕГО УСТОЙЧИВОСТЬ

Неотъемлемой чертой развития мира — территорий, зон, регионов, стран — является его неравномерный характер, одно из проявлений этой неравномерности — появление группы стран (регионов), демонстрирующих быструю и позитивную динамику развития, т.е. находящихся на подъеме. Как отмечает Танк, эти «державы на подъеме» изменяют характер распределения силы в современном мире и активно стремятся в увеличению своего влияния в системе МО¹. При этом вызовам подвергаются доминирующие позиции великих держав². Однако дискуссии о феномене «держав на подъеме» важны не только в контексте изменения баланса сил на мировой арене в сторону большей многополярности и плюрализма, но и в связи с другими процессами мирового масштаба — беспрецедентным подъемом Юга³ и вызовами, которые «державы на подъеме» ставят перед структурами глобального управления⁴. Я утверждаю, что феномен «держав на подъеме» — это отражение растущего разнообразия современного мира, в том числе в отношении форматов межгосударственных отношений и типов силы.

¹ Tank P. The concept of «rising powers» // NOREF Policy Brief, June 2012. P. 1.

² Stuenkel O. Rising Powers and the Future of Democracy Promotion: The Case of Brazil and India // Third World Quarterly. 2013. Vol. 34, No 2. P. 339–355.

³ The Rise of the South. Human Development Report 2013. N.Y.: UNDP, 2013.

⁴ Rising Powers and the Future of Global Governance / Ed. by Kevin Gray and Craig N. Murphy. Routledge, 2014.

До сих пор ни единого определения, ни общепризнанного списка «держав на подъеме» не существует. В этот список эксперты обычно включают Бразилию, Россию, Индию, Китай и ЮАР (т.е. всех членов БРИКС), а также Турцию и Мексику. Объединяя эти страны в одну группу, эксперты указывают на рост их национальных экономик и признание их в качестве региональных лидеров. Однако помимо экономических и политических индикаторов (которые, несомненно, чрезвычайно важны), концепт «держав на подъеме»: 1) указывает не на состояние государства, но на его динамику; 2) концепт относится не только к государствам: державы, отличные от государства и располагающие новыми типами ресурсов, также могут находиться на подъеме. Кроме того, будущее положение «держав на подъеме» в глобальной политике, т.е. поддержание ими этого статуса, в сильной степени зависит от того, насколько устойчивы их рост и развитие.

Таким образом, ключевой стратегической задачей всех «держав на подъеме» является конвертация их объективных «валовых» преимуществ (большой размер территории, крупная экономика, ресурсы, молодое население и т.п.) в долгосрочное устойчивое развитие, т.е. переход от догоняющей модели развития к опережающей¹. Для каждой из держав характерна собственная комбинация основных проблем, обусловленная национальным контекстом, однако существуют и общие проблемы². Во-первых, острой системной проблемой является уровень коррупции. В рейтинге Индекса восприятия коррупции на 2014 г. Мексика занимает 103-е место, Китай — 100-е, Индия — 85-е, Турция и Бразилия — соответственно 64-е и 69-е места³. Во-вторых, крайне остро стоит проблема социального и территориального неравенства. При этом если для Китая, Мексики, Турции, Бразилии масштабные диспропорции существуют между развитым побережьем и структурно слабыми внутренними районами, то для Индии ключевой является проблема общей бедности населения. Наконец, третья проблема связана с очевидным дефицитом эффективного высококачественного образования. Между тем образование — это инвестиции в будущее, поэтому именно вклад в решение этой проблемы позволит повысить уровень эффективности национальных экономик и уровень социальной мобильности. Образование связано и с другим фактором, объективно ограничивающим устойчивый рост. Речь идет о создании новых технологий и производстве инноваций. От того, насколько устойчивый рост смогут обеспечить «державы на подъеме», будет зависеть, сохранятся ли они в списке таких держав в долгосрочной перспективе.

¹ Данный тезис не касается Европейского союза как «державы на подъеме». Для ЕС существует свой набор ограничений развития, принципиально отличный от других «держав на подъеме».

² Cox M. Power Shift, Economic Change and the Decline of the West? // International Relations, 2012. 26 (4). P. 369–388.

³ <http://www.transparency.org/cpi2014/results>.

И. А. Быков
Санкт-Петербург

ТЕЛЕВИДЕНИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Стремительное развитие интернет-коммуникаций оказывает все более заметное влияние на современную политику. В первую очередь оно распространяется на молодежь. Однако если в случае с влиянием средств массовой информации на политические процессы существуют значительные наработки, то эмпирических исследований по проблеме влияния интернет-коммуникаций, и особенно коммуникаций в социальных сетях, на политику в отечественной научной литературе относительно мало. Существующие работы относятся скорее к интернет-технологиям в целом, тогда как сегодня наиболее популярными сервисами в Интернете являются социальные сети. Наше исследование предполагает активизацию эмпирических наработок в этой области, так как замена традиционных каналов политической коммуникации новыми в конечном итоге приводит к реформатированию любой политической системы.

Отправной точкой исследования стало предположение о том, что интернет-коммуникации, представленные социальными сетями, фактически вытеснили традиционные каналы коммуникации (телевидение) в качестве основного способа получения политической информации. Представляется, что уровень доверия к каналу коммуникации влияет на пользовательские предпочтения. В данном случае ситуация сходна с давно наблюдаемой закономерностью о доверии и политических предпочтениях¹. Вполне логично предположить, что пользователи предпочитают пользоваться теми каналами коммуникации, которым они доверяют. К примеру, исследование Левада-Центра «Российский медиаландшафт: телевидение, пресса, Интернет» показало, что телевидение в России в целом обладает и большим влиянием, и большим уровнем доверия одновременно². Для проверки этого фактора в анкету был включен вопрос о доверии социальным сетям и телевидению. Также нас интересовал уровень интереса к политической информации.

¹ Быков И. А. Исследование взаимосвязи ценностной сферы молодежи с доверием к политической власти // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1. С. 845–56.

² Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт: телевидение, пресса, Интернет // Левада-Центр, 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/sites/default/files/levadareportmedia.pdf>.

В качестве объекта исследования нами была выбрана студенческая молодежь Санкт-Петербурга. Было опрошено 400 студентов в 2013 г. Исследование показало, что студенческая молодежь Санкт-Петербурга значительно чаще обращается за информацией к социальным сетям, нежели к телеприемникам. В частности, всего 20% респондентов отметили, что смотрят телевизор каждый день, тогда как к социальным сетям каждый день обращаются 80,75%.

Основываясь на наших данных, мы выяснили, что доверие к социальным сетям находится примерно на том же уровне, что и к телевидению. При этом существуют значимые различия между полами. Было установлено, что студенты женского пола больше доверяют телевидению, а высокий уровень доверия телевидению, в свою очередь, влияет на интерес к политической информации. В то же самое время надо признать, что студенты женского пола интенсивнее пользуются социальными сетями, а не телевидением. В этом можно обнаружить парадоксальность наших результатов: студенты женского пола больше пользуются социальными сетями, но доверяют телевидению, и при этом именно телевидение влияет на повышение интереса к политике.

В случае со студентами мужского пола высокий уровень доверия к социальным сетям не продуцирует интереса к политической информации. Студенты мужского пола больше пользуются социальными сетями, больше им доверяют, но при этом именно социальные сети не влияют на повышение интереса к политике. Очевидно, что студенты мужского пола, которые имеют такой же высокий интерес к политической информации, как и студенты женского пола, вероятно, проявляют свой интерес к политике благодаря другим факторам. К таким факторам можно отнести социальные группы первичной и вторичной политической социализации, межличностную коммуникацию и т.п.

Н. А. Васильева
Санкт-Петербург

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ИМИДЖЕВЫЙ ФАКТОР ДЛЯ РОССИИ

1. В XXI в. значительно повысилась значимость конструирования имиджевых характеристик государств как необходимая составляющая их успеха в глобальном и региональном политическом и экономическом конкурентном развитии. Большинство развитых стран мира стремится управлять своей репутацией, что дало название целому направлению в маркетинге — *reputation management* (С. Анхольт).

2. Если имидж страны определяет ее конкурентные преимущества, то брендинг страны можно рассматривать как стратегический план по реализации имиджевых позитивных характеристик государства. Имидж страны должен включать в себя брендинговые кампании как внутри страны (объединение народа общим чувством оптимизма, движением к общим идеалам и целям, национальной гордостью и пр.), так и вовне (формирование образа миролюбивого, справедливого, экономически успешного, с глубокими культурными корнями государства).

3. Сегодня наиболее популярной идеей, глубоко укоренившейся в архетипах и кодах российской политической культуры, является идеология евразийства, поскольку, согласно многочисленным опросам социологов, большинство россиян (около 74%) по-прежнему считают Россию особой евразийской цивилизацией. Россия как мост между Европой и Азией, как цивилизация на рубеже культур, обращенная в своем творческом политическом диалоге как к миру Востока, так и к миру Запада, дорога и понятна и самим россиянам, и зарубежной политической аудитории. В этом можно усмотреть и цивилизационную миссию нашей культуры, и позитивный внешнеполитический имидж государства (И. А. Василенко).

4. Формируя представление о себе как о структурообразующей державе евразийского пространства, Россия должна усиленно работать над повышением международного статуса таких международных организаций, как СНГ, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), ШОС и др. Для этого важно использовать различные каналы влияния на общественное мнение (СМИ, публичная дипломатия и пр.), чтобы укрепить в мировом общественном мнении образ России как связующего звена между Западом и Востоком, а также как срединную державу Евразии, призванную быть стабилизирующим фактором развития этого глобального региона. Поэтому евразийская идентичность имеет для России принципиальное политическое и геополитическое значение.

5. По мнению ряда экспертов, в современных международных отношениях уже разворачивается «всемирная битва имиджей государств», что нашло свое выражение в появлении такого феномена, как «контрмаркетинг». Фактически речь идет о создании с помощью СМИ и публичной дипломатии негативного имиджа тех государств, которые по тем или иным причинам (политическим, экономическим, туристической привлекательности и т.д.) конкурентно опасны. Существенный вклад в маркетинг государств, и в том числе в контрмаркетинг, вносят международные и национальные институты, разрабатывающие соответствующие шкалы оценок тех или иных видов деятельности государств. Например, индексы Всемирного экономического форума, Института развития менеджмента в Лозанне, индекс *GMI-Anholt* и многие другие.

6. Именно поэтому Россия должна активно и наступательно бороться за создание своего позитивного международного имиджа. В современных условиях Россия представляет собой динамично развивающуюся страну, богатую природными и человеческими (интеллектуальными) ресурсами, что делает ее очень привлекательной для мирового бизнес-сообщества, поэтому необходимо работать над формированием устойчивых стереотипов в сознании международного сообщества, чтобы иностранные потребители ее товаров и услуг (инвесторы, туристы, студенты и пр.) благодаря эффективно работающему позитивному российскому имиджу предпочитали именно Россию как место приложения своих капиталов и удовлетворения своих разнообразных интересов.

В. Н. Ватыль
Гродно, Беларусь

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: МЕСТО И РОЛЬ ИДЕЙНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Актуальная практика евразийских интеграционных процессов ставит вопрос: какие ресурсы и механизмы могут способствовать решению проблем и достижению желаемых интеграционных целей? Один из таких ресурсов — идейно-символический.

Новейшие исследования показывают, что идейно-символическое пространство политики имеет многомерное измерение¹. Соглашаясь с подобными оценками, в анализе дискурса идейно-символического пространства политики в системе европейской интеграции мы будем учитывать не только изменения среды, в которой эти идеи и смыслы производятся, распространяются и соперничают друг с другом, но и конфигурации политических идей и символов во взаимосвязи с институциональными и дискурсивными условиями, определяющими правила игры и стратегии акторов, которые эти идеи и смыслы производят, и с политическими коммуникациями, обеспечивающими обращения последних.

Следует рассматривать возможность формирования общего идейно-символического пространства между Беларусью, Россией, Казахстаном и Арменией как вполне реальную в настоящий период. Идейно-символическое пространство для них является духовно-практическим образо-

¹ Малинова О. Ю. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс // Символическая политика: Сб. научн. тр. Вып. 1 / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 15–17; Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под ред. О. Ю. Малиновой. М.: РОССПЭН, 2013.

ванием, представляющим собой систему идей, поддерживаемых актором региональной интеграционной политики, имеющих непосредственно деятельно-установочное значение и идеологический механизм (механизм внедрения этих идей в общественное сознание). Оно выступает существенным ресурсом и для интегрирующей общности в целом, и для разных акторов, реализующих интеграционную политику в частности. Оно также обеспечивает функционирование государственно организованного общества как целостного образования в системе евразийской интеграции.

Общее идейно-символическое пространство в системе евразийской интеграции включает в себя взаимодействие мировоззренческих, ценностно-смысловых и социокультурных установок и соответствующих практик. Его общность есть качественная характеристика, так как указанное взаимодействие смыслов и практик рождает общие преимущества, общие проблемы и пути их решения. В процессе такого взаимодействия также происходит содержательная унификация идейно-символического пространства. При этом также не исключены конфликты интерпретаций, однако при разумно организованном идеологическом пространстве эти конфликты могут быть преодолены через открытый дискурс.

Общее идейно-символическое пространство в системе евразийской интеграции — это коммуникативная ценностно-идейная среда, которая определяется характером взаимосвязи политико-правовой идеологии Беларуси, России, Казахстана и Армении как независимых международных акторов. В общее идеологическое пространство входят базовые ценности стран евразийской интеграции и связанные с ними политико-правовые и социокультурные практики¹.

Символы интеграционных евразийских процессов — социальные конструкции, способствующие ориентации граждан евразийского пространства на принятие базовых ценностей, мотивирующих социальные группы на поддержание безопасности личности, общества, государства, а также на развитие интеграционной общности. Конституционализация национальных и объединительных интересов есть формирование принципов и норм, сопровождаемое артикуляцией «общественного договора» интеграционного процесса; это есть гласный поиск сочетания общественных и партикулярных интересов; это есть интерпретация знаков, раскрывающих состоятельность государства в формате интеграции, выстраивание иерархии нормативно-правовых актов в соответствии с конституциями стран, создающих пространство евразийских интеграционных процессов.

¹ Лукин А. В. Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции // Полис. 2014. № 6. С. 102–114; Барабанов О. Н., Клименко А. И. Перспективы формирования идеологического пространства России и Европейского союза / МГИМО (У) МИД России, каф. политики и функционирования Европейского союза и Совета Европы. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 36–37.

ЧТО ПРЕПЯТСТВУЕТ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА?

Противоречия переходного общества. Российское общество находится в переходном состоянии — от прежнего государственного социализма, наследие которого ощутимо в настоящем, к формирующемуся рыночному порядку, не достигшему пока адекватной ему институциональной формы. Отсюда особенности массового сознания россиян — в нем совмещаются и память старших поколений о ценимых ими сторонах советского образа жизни, и приверженность «новых русских» к рыночным ценностям вкупе с пренебрежением к так называемым совкам.

Прошлое, даже при самых радикальных поворотах истории, не исчезает. После 1917 г. при внешне бескомпромиссном разрыве со «старым миром» некоторые его черты воспроизвелись в новых формах. А в постсоветской России у многих сохранилась ностальгия по советскому образу жизни. Идеализированное представление о нем передается и части молодых людей, родившихся уже после распада СССР.

Даже сейчас сторонников советской политической системы почти столько же, сколько и тех, кто отдает предпочтение существующей политической системе. Широко распространены патерналистские настроения — убеждение в том, что государство обязано обеспечить всем «нормальный» уровень благосостояния. Те же, кто больше адаптировался к рыночным условиям, предпочитают рассчитывать на свои силы, будучи уверенны, что люди должны заботиться о себе сами, не ожидая помощи от государства.

В «нулевые» годы установилось определенное равновесие между двумя противоположными оценками положения дел. Согласно одной оценке «дела в стране идут в правильном направлении», согласно другой «события ведут нас в тупик». Социальное неравенство, столкновение интересов, идейных позиций затрудняют консолидацию общества, особенно если дело доходит до взаимной нетерпимости радикальных «краев» с обеих сторон.

Две ипостаси консолидации. Предпосылки консолидации можно рассматривать двояко: как согласие большинства с основами общественного устройства или как солидарную реакцию на внешние угрозы или давление. В 2014 г. последнее обстоятельство вышло в России на первый план.

Большинство россиян восприняло бесчинства украинских националистов с возмущением, а принятое по результатам народного волеизъявления крымчан решение о воссоединении Крыма с Российской Федерацией —

как восстановление исторической справедливости. Политика руководства страны в связи с украинским кризисом получила широкую поддержку.

Произошли существенные подвижки в оценке общего положения дел: соотношение ответов на вопрос — правильным или неправильным путем идет страна — с начала марта 2014 г. установилось в пропорции 2,5:1. Схожий результат имел место в 2008 г., но в то время динамика экономического развития была положительной (до наступления финансового кризиса), тогда как в 2014 г. ситуация ухудшилась, особенно после введения западных санкций и падения цен на нефть.

Сказалось влияние подъема патриотических чувств. Повысилась самооценка у людей, что обусловило более оптимистическое восприятие социального и экономического положения, готовность временно мириться с невзгодами. До рекордного уровня поднялся рейтинг доверия Путину, одобрения его деятельности.

Однако такая консолидация таит в себе риски: сплочение против «внешних врагов» влечет за собой нетерпимость к инакомыслию и угрозу праворадикального национализма, а ухудшение экономического положения — разочарования и недовольство, чреватые возникновением кризисных ситуаций.

Дуализм частного и общего. Индивидуальное и групповое поведение людей определяется их интересами — частными и общими. В рыночных отношениях доминируют частные интересы. Культ частного не способствует консолидации общества.

Действительной основой консолидации могут быть только общие интересы. Они даны объективно — как взаимозависимость людей, как потребность во взаимодействии, в совместном решении задач, которые превосходят возможности отдельного человека.

Продвижение общих интересов является в принципе функцией публичных институтов гражданского общества и государства. Большинство россиян поддерживает существующую политическую систему, отдавая предпочтение порядку, стабильности, социальной защите перед ценностями либеральной демократии.

Разношерстная внесистемная оппозиция фактически выражает главным образом частные интересы, в особенности интересы предпринимательских кругов, среднего класса, маргинальных элементов. Стремление либеральных политиков навязать России идеализируемые ими «западные ценности», не учитывая опыта отечественной истории, положения страны в мире, особенностей российского менталитета, обрекает их на маргинальное положение.

Политические системы не конструируются на основе каких-то идеальных моделей, они — продукт исторического развития нации, общества, государства. Поиск подходов к назревшим реформам посредством диалога

с властью, а не против нее — более продуктивный путь, чем нагнетание конфронтации. Встречная готовность власти к диалогу с «вменяемой» оппозицией повысила бы шанс на консенсус во имя будущего России.

А. И. Веревкин
Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И «ЧУТКОЕ» ПРАВИТЕЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЯЕМОСТИ ГОСУДАРСТВА¹

Традиционно в качестве институтов представительства интересов различных социальных групп рассматривали политические партии, которые через институты представительной демократии обеспечивали защиту интересов своих сторонников. Однако с течением времени под воздействием как объективных, так и субъективных факторов ситуация существенно изменилась. С одной стороны, эволюция теории и практики государственного управления привела к тому, что в развитых странах правительства все больше и чаще пытаются включить в процесс выработки и принятия политических решений представителей ключевых заинтересованных групп².

С другой стороны, исследователи замечают существенные трансформации и в поведении самих политических партий, которые, по мнению некоторых авторов, отрываются от гражданского общества и начинают бороться за собственное выживание за счет ресурсов государства³. В своем исследовании Р. Пелиццо справедливо формулирует ряд вопросов, касающихся так называемого кризиса политических партий. В частности, он задается вопросом о том, с какой ситуацией мы имеем дело: партии не справляются с выполнением их традиционных (исторических) функций из-за своей функциональной неадекватности, либо они не желают больше

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00816 «Управляемость и конкурентоспособность государства в условиях неопределенности: сравнительный анализ стран БРИКС».

² Сморгунев Л. В. В поисках управляемости: трансформации теории публичного управления в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. Вып. 4. С. 85–96.

³ Katz R. S., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // Party Politics. 1995. Vol. 1. Issue 1. P. 5–28; Katz R. S., Mair P. The Cartel Party Thesis: A Restatement // Perspectives on Politics. 2009. Vol. 7. No 4. P. 753–766.

выполнять эти функции, или же необходимость в выполнении этих функций как таковая исчезла¹.

Так или иначе, но снижение значимости представительской функции политических партий, с одной стороны, и переориентация системы государственного управления на прямые контакты с гражданским обществом — с другой, приводят к тому, что роль органов власти в процессе поиска баланса интересов различных социальных групп существенно повышается, что делает наличие способности эффективно реагировать на требования «извне» одним из ключевых факторов управляемости государства.

Нередко группы интересов, лишенные каких-либо значимых материальных или институциональных ресурсов, вынуждены обращаться к массовой мобилизации с целью привлечь внимание органов власти к значимой для этой группы проблеме.

Очевидным фактом является то, что неспособность органов власти эффективно взаимодействовать с подобного рода примерами политической мобилизации будет вести к кризису доверия граждан к системе государственного управления и, как следствие, к снижению легитимности принимаемых решений. Все это в конечном счете будет снижать управляемость государства.

В попытке выделить конкретные факторы, которые могли бы быть использованы в качестве переменных для измерения и сравнения уровня управляемости государства в разных странах, мы концентрируем свое внимание на способности органов власти эффективно взаимодействовать с мобилизованными группами граждан. В качестве методологической основы мы предлагаем использовать концепцию «чуткого» / «отзывчивого» правительства (*responsive government*), которая фиксирует важность способности и готовности правительства быть чутким и отзывчивым на требования «окружающей среды» в период между выборами². В качестве одного из главных факторов, определяющих отзывчивость правительства, мы предлагаем рассматривать модель выработки и принятия политико-административных решений, которая характеризуется определенным типом взаимодействия органов государственной власти с внешней средой.

Не менее важным фактором является политический режим, который, с одной стороны, формирует набор принципов взаимодействия органов власти и протестных групп, а с другой — оказывает большое влияние на выбор доминирующей модели выработки и принятия политико-административных решений на всех уровнях государственного управления.

¹ Pelizzo R. Cartel Parties and Cartel Party System (A dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy). Johns Hopkins University, 2003. P. 15.

² Morales L. A Conceptual And Theoretical Approach To Governmental Policy Responsiveness Between Elections (Paper prepared for presentation at the ECPR General Conference Glasgow, 4–6 September 2014). — URL: <http://www.responsivegov.eu/images/documents/MoralesECPR2014.pdf>.

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ (на примере Омской области)

Первостепенным значением для политики сегодня обладает массовая информационно-коммуникационная система. Именно она характеризует взаимосвязи власти и общества, правящих элит с гражданами, населением страны, отражает взаимодействие их интересов, раскрывает институты и технологии коммуникации, которые используются обеими сторонами для поддержания политического общения. Массовая коммуникация в целом предназначена для формирования и передачи от власти к обществу (и в обратном направлении) определенных образов и смыслов.

Структура современной российской медийной системы состоит из трех уровней. Первый уровень — общенациональные электронные СМИ: федеральное телевидение, создающее общенациональное информационное пространство и единую повестку дня; общероссийская пресса, радиоканалы. Второй уровень — это региональные теле- и радиоканалы, электронные или печатные СМИ, часто контролируемые региональной администрацией и решающие узконаправленные интересы своих инвесторов. Третий уровень медийной системы России — Интернет.

Все эти уровни широко представлены на пространстве Омска и Омской области, где было проведено социологическое исследование, основным методом в котором стало прямое формализованное интервью 1000 жителей в возрасте от 18 лет и старше. При этом выборка была репрезентативна по полу, возрасту и месту проживания. Целью социологического исследования было выявление наиболее востребованных каналов получения информации жителями административных округов города Омска и Омского муниципального района Омской области и определение их воздействия на восприятие указанной группой граждан действий власти.

Следует отметить, что население Омска и Омской области предстает достаточно информированным о деятельности органов исполнительной власти. Сами респонденты в ходе интервьюирования так оценили достаточность получаемой ими информации о деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации: 50% полностью и скорее удовлетворены имеющимися каналами получения подобной информации, а 34% совсем или частично не удовлетворены информированием, что составляет треть опрошенных.

ПРОФЕССИОАЛИЗАЦИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МИРОВАЯ ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

Крайние показатели удовлетворенности информированием о деятельности органов исполнительной власти показывают такие группы населения, как молодежь и люди 30–39 лет, группа старше 60 лет на третьем месте, в отношении неудовлетворенности — группы 40–49-летних и 50–59-летних. Но в целом по всем возрастам удовлетворение (полное и частичное) выше в среднем в два раза, чем неудовлетворенность (полная и частичная). Показательно, что с увеличением возраста растут негативные оценки и уменьшаются позитивные. Более всего позитивна в оценках молодежь, меньше всего — представители старшего возраста. Группы респондентов, оценивающие свой материальный уровень от очень хорошего до плохого, едины в переживании полной удовлетворенности информированием о деятельности органов исполнительной власти (по каждой группе около четверти респондентов). В группах с очень хорошим и хорошим материальным положением велик компромиссный показатель — частичная удовлетворенность, — который выше, чем показатель частичной неудовлетворенности. Но начиная с респондентов со средним материальным положением, эти компромиссные показатели снижаются, за счет чего увеличиваются показатели неудовлетворенности. И респонденты с плохим и очень плохим материальным положением демонстрируют преобладание негативного оценивания. И в этих двух последних группах довольно высоко число затруднившихся ответить, что заставляет предполагать неосведомленность респондентов о властных институтах.

С позиции социального статуса самые высокие показатели однозначной удовлетворенности у студентов, служащих, работников бюджетных организаций, безработных и предпринимателей. Предприниматели и работники бюджетных организаций оказываются самыми категоричными оптимистами: их оценки идут строго сверху вниз от однозначного одобрения до однозначного недовольства информированием о деятельности органов исполнительной власти.

Проведенное исследование позволило сформулировать рекомендательные позиции, значимые для освещения деятельности региональной власти: проводить интернет-конференции с населением по определенным темам, создать дополнительный (помимо официального портала) интернет-ресурс для общения заинтересованных граждан с представителями региональной исполнительной власти, использовать наиболее популярные ресурсы сети (социальные сети) для отсылки пользователей к полезным информационным интернет-ресурсам власти; распространяя информацию о деятельности институтов исполнительной власти, следует ориентироваться на группы, имеющие невысокие социально-образовательные характеристики: эти группы предстают наиболее критичными по результатам исследования, и соответственно именно они накапливают информационное, социальное и иное недовольство, что может представлять угрозу общественно-политической стабильности.

В сегодняшнем мире деятельность разведки во всех странах мира стоит перед лицом серьезных вызовов, среди которых:

- взрывной рост объема информации благодаря развитию технологий сбора данных;
- количественное увеличение угроз и противников;
- усиление хаотичности и непредсказуемости международной среды;
- все большая публичность и политизированность деятельности разведки.

Эксперты полагают, что в период с 1989 по 2003 г. произошла революция в разведывательном деле, аналогичная революции в военном деле. Научная дискуссия, развернувшаяся в связи с этим в мировом экспертном сообществе, отчетливо демонстрирует, что улучшение возможностей разведки в XXI в. по предоставлению лидерам достоверной информации требует в первую очередь профессионализации сферы разведывательного анализа и развития методологии.

Для РФ в связи с возросшими угрозами безопасности в ходе украинского кризиса актуальность получения своевременных и надежных разведанных высока, как никогда.

Автором было проведено исследование эволюции разведывательного анализа в развитых странах Запада и в России, по итогам которого были выявлены общемировые тенденции, а также сформулированы специфические проблемы РФ в данной сфере. Выводы изложены ниже.

Профессионализация сферы разведывательного анализа начинается в мире в 2000-е годы, сегодня эта область постепенно превращается в полноценную академическую дисциплину. Основные направления развития:

- 1) разработка и внедрение общих стандартов аналитической работы в практику спецслужб;
- 2) появление специальных образовательных программ по обучению аналитической работе, как в самих спецслужбах, так и в граждан-

ских вузах в рамках программ «исследования разведки» и «стратегические исследования»;

- 3) разработка и усовершенствование аналитических методик, создание учебников по разведывательному анализу. Разработка методик базируется на двух основаниях: это методы общественных наук и изучение стратегических провалов и роли разведки в обеспечении национальной безопасности (проблематика научного направления «исследования разведки» — одной из субдисциплин науки о международных отношениях).

Основные проблемы России, которые затрудняют совершенствование аналитической компоненты разведки:

1. Слабая связь между научным и профессиональным сообществом. Практики не вполне осознают, каким образом на улучшение работы разведки могут повлиять научные разработки, а ученые не берутся за темы разведки не только по причине понятной ограниченности источниковой базы, но и из-за отсутствия четких представлений о действительных потребностях спецслужб. В России проблематика разведки разрабатывается, как правило, в рамках исторической науки или страноведения. Бывшие сотрудники спецслужб, которые во всем мире составляют основу исследовательского сообщества по проблемам разведки, не имеют соответствующих научно-исследовательских навыков и плохо знакомы с современными концепциями общественных наук.

2. Дефицит соответствующих образовательных программ. Одна из немногих программ в гражданском вузе — «Стратегические исследования» в СПбГУ.

3. Отсутствие российских учебников, а также новых переводных изданий по проблематике разведывательного анализа. Доступные работы по разведывательному анализу ограничены переизданиями американских книг 1950-х годов, переведенных и опубликованных еще в СССР.

4. Отсутствие серьезного академического дискурса по описанной тематике и актуальной (после окончания холодной войны) российской эмпирики в сфере «исследований разведки».

Из этих проблем только последняя представляется трудноразрешимой усилиями со стороны академического сообщества. На других направлениях возможно сделать следующее для совершенствования работы разведки.

1. Привлечение внимания лидеров к важности развития методологии разведанализа и демонстрация ресурсов общественных наук.

2. Разработка собственных образовательных программ и учебников с учетом мирового опыта и специфики России.

3. Инициирование научной дискуссии в сфере «исследования разведки и безопасности». Настоящие тезисы в первую очередь преследуют эту цель.

КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИММИГРАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: СЛОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Для населения Великобритании иммиграционная политика в течение последних нескольких лет является едва ли не самой актуальной проблемой, решения которой ожидают от власти. Одновременно иммиграционная политика в настоящий момент выступает не только вопросом сиюминутного конъюнктурного интереса, но и оформившимся компонентом долгосрочной стратегии социального развития. Структура британского общества стремительно меняется, а потому проблемы, затрагивавшие ранее в основном только иммигрантов, стали вопросами национального значения.

Опросы общественного мнения в последние годы демонстрируют рост негативного отношения к иммиграции. Общественное мнение при этом весьма разноречиво и во многих аспектах отражает искаженное представление о действительности. Отношение к иммиграции и иммигрантам сильно варьируется и в зависимости от того, кем является респондент. Однако анализ особенностей индивидуального восприятия проблемы и влияющих на него факторов не отвечает на главный вопрос: какую политику должно проводить правительство.

Задача, стоящая перед властями, действительно весьма нетривиальна: отвечать на запросы населения они обязаны, но при этом в расчет должен приниматься реальный социальный и экономический климат.

В манифесте консервативной партии, опубликованном в 2010 г., было заявлено несколько первостепенных мер, необходимых для выправления положения. В основном они были направлены на снижение притока нежелательных иммигрантов и привлечение в страну только тех людей, кто мог бы принести экономике наибольшую выгоду. К настоящему моменту далеко не все из этих пунктов воплощены в жизнь в полной мере, и их результативность и эффективность находятся под большим вопросом.

На фоне постепенного выхода британской экономики из кризиса чистый приток иммигрантов только увеличивается, причем наблюдается рост

численности иммигрантов из новых стран — членов ЕС. При этом текущего ресурса общества для интеграции всех приезжающих явно недостаточно. Эффективная ассимиляция в таких условиях невозможна, а политика мультикультурализма находится в явном кризисе.

Недовольство населения действиями правительства канализируется в поддержке радикально настроенных сил, причем как автохтонным населением, так и теми гражданами, которые имеют иностранное происхождение. Существующие требования политкорректности практически исключают возможность открыто заявлять и обсуждать проблемы, касающиеся вопросов этнической идентичности, вероисповедания и ценностных противоречий. В общественной дискуссии доминирует позиция, выраженная в терминах экономических показателей, нейтральная по своей сути, демонстрирующая выгоды от иммиграции, но не затрагивающая многих актуальных проблем, а потому далекая от реальности.

При этом дискуссия консолидируется вокруг проблем интеграции в общество представителей иного цивилизационного ареала, хотя сложности в основном касаются и выходцев из относительно недавно присоединившихся к Евросоюзу государств, чья культура достаточно близка образу жизни местного населения. Во многом это является свидетельством более серьезной проблемы кризиса британской идентичности.

Уязвимыми сторонами политической системы умело пользуются политические силы популистского толка, такие как Партия независимости Соединенного Королевства (UKIP). Не желая терять часть электората, партии политического мейнстрима вынуждены вносить соответствующие коррективы в собственные программы. Наиболее подверженными такому давлению оказываются правоцентристские партии, в случае Великобритании — консерваторы. В этом смысле партия лейбористов более устойчива, но их позиции недостает простоты и ясности, что ограничивает возможности привлечь дополнительные голоса.

Характер проведения предвыборной кампании позволяет по-иному взглянуть на многие ключевые для государства проблемы, в том числе и на иммиграционную политику. Движение по пути сплочения нации и ужесточения регулирования иммиграции пока вызывает сомнение в перспективах и долгосрочной целесообразности такой повестки дня. Еще более ожесточенные споры ведутся вокруг заявленного в случае победы консерваторов референдума о выходе страны из состава ЕС. На самом деле поддержка населением националистических и изоляционистских настроений есть лишь отголосок неспособности политической системы в ее текущем виде эффективно справляться с вызовами нынешнего этапа общественного развития.

ПОСТ-ПОСТЪЯЛТИНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

2014 год оказался особенно знаковым для всех занимающихся теорией и методологией международных отношений. С полной уверенностью можно сказать, что мир вступил в новую эпоху, основные правила и принципы существования в которой еще только предстоит выработать.

Прежние «правила», правила условные, пришедшие *ad hoc* на смену выверенным в течение десятилетий нормам сосуществования двух систем, окончательно ушли в прошлое. В настоящее время, приходится признать, нет согласия по ключевым аспектам международной жизни. Что такое суверенитет — абсолютная ценность или уходящее понятие? Где пролегают границы глобализации?

Кроме основных, существуют и другие вопросы, относящиеся скорее не к стратегии, но к тактике. Насколько универсален принцип *responsibility to protect*, прямо влияющий, заметим в скобках, на понятие суверенитета? Что дает участие страны в военно-политических союзах? Может ли быть успешным авторитарное государство? Почему демократизация зачастую ведет к всплеску национализма (примеры преобразований стран Центральной и Восточной Европы на рубеже 80–90-х годов)?

Какими, наконец, могут быть методы решения ключевых вопросов международной жизни и ответы на возникающие вызовы?

В ходе кризиса на Украине было наглядно продемонстрировано, что, во-первых, на гарантии крупных стран не всегда можно рассчитывать (нарушение духа и буквы Соглашения об урегулировании политического кризиса на Украине от 21.02.2014 со стороны ЕС), во-вторых, что, несмотря на мессианскую риторику, стороны по-прежнему исходят из норм и практик внешнеполитического реализма, а для периферийных стран игнорирование задачи национального строительства, *nation-building*, чревато ошеломляюще быстрой дезинтеграцией государства.

Влияние украинского кризиса на современную мировую политику и международные отношения еще только начинают сказываться, но некоторые выводы можно сделать уже сейчас. Для третьих стран этот кризис — причина: а) начать гонку вооружений; б) обратить пристальное внимание на усиливающуюся в данном контексте роль ядерного оружия, которое в современном мире становится единственной гарантией сохра-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Экологический кризис не только обнажил проблемы экономического развития, но и обнаружил существенные дефекты в понимании человеком себя, природы и окружающего мира. Несмотря на многочисленные описания угроз экологической катастрофы, практически отсутствуют конструктивные концепции выхода из создавшейся ситуации. В рамках становления политической экологии складываются основные установки, которые дают возможность субъектам политики концептуально осмыслить существующую реальность и ставить задачи развития. Проблема экологического кризиса носит двойственный характер. С одной стороны, угрозы и риски техногенного характера, нагрузка на окружающую среду придают экологическому кризису глобальный характер. С другой — глобальная проблема экологического кризиса рассматривается под углом зрения многочисленных политических акторов, стремящихся к экономическому превосходству и имеющих для этого различные материальные, институциональные, коммуникационные ресурсы. Экологическая политика постоянно застревает либо в отстаивании или ущемлении особенных эгоистичных интересов, либо в общих проблемах глобального экологического кризиса.

Политическая экология — это концептуальное осмысление жизненного мира человека, в котором экологический кризис разделяет сообщества на противоборствующие политические единства. В сфере экологии интересы политических субъектов вращаются возле контроля над природными ресурсами, возле установления и лоббирования норм и стандартов, фиксирующих нанесение экологического ущерба от производственной деятельности, создания эффективных институтов международного экологического мониторинга и контроля, формирования политико-правовой базы для управления экологическими проблемами.

Политическая экология рассматривает государства в качестве главных субъектов внешней экологической политики. Понятие эколополитического суверенитета указывает на обеспечение государством гарантий доступности для него природных ресурсов и безопасности их эксплуатации, независимо от того, вовне или внутри политических границ они находятся.

Для того чтобы экологические задачи глобальной охраны окружающей среды и деятельность государства были успешно соединены и развивались,

нения существующего государственного строя и национального суверенитета; в) в более широком смысле — задуматься об обеспечении гарантий собственной безопасности.

В ходе этого кризиса под ударом так или иначе оказались авторитет США, поскольку события на Украине повлияют на восприятие военно-политического присутствия США в различных регионах мира, а также роль и место России на постсоветском пространстве, поскольку между форматом ЕАЭС и концепцией «Русского мира» есть фундаментальные противоречия. Кроме того, санкционной политикой ЕС, США и некоторых других государств было продемонстрировано наглядное подтверждение тезиса об односторонних выгодах глобализации.

Одной из основных опасностей, с которыми столкнулись все стороны на Украине, является сплав внешней либерально-демократической риторики и подъем радикального национализма, который, по всей видимости, серьезно дискредитировал значительную часть политики *soft power* ЕС.

В ходе последних событий на Украине Россия проявила себя как государство, с одной стороны, недовольное сложившимся статус-кво и готовое пойти на серьезную конфронтацию при неучитывании ее интересов, а с другой — понимая, что существующий «вес» России в системе международных отношений (место постоянного члена Совбеза ООН, участие в ключевых переговорных форматах и т.д.) несопоставим с ее реальными экономическими и политическими возможностями, и стремясь продлить его насколько возможно и извлечь максимум выгод.

При такой двойственности, разнонаправленности, непросчитываемости внешней политики закономерно возникает вопрос о долгосрочной внешнеполитической стратегии России и отношениях с ближайшими союзниками и партнерами. Вдобавок существует риск трансформации подходов к тем или иным событиям международной жизни под влиянием серьезных и скоординированных военно-политических и экономических вызовов.

Ключевым вызовом для России, по всей видимости, является, помимо общего и прогнозируемого с самого начала ухудшения отношений с Западом, необходимость выстраивать долгосрочную многостороннюю политику на постсоветском пространстве, официально признанном российским внешнеполитическим приоритетом, а также в АТР, при стремлении не допустить чрезмерной зависимости страны от отношений с Китаем.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИТИКО- АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНДИИ И РОССИИ¹

необходимо поставить вопрос о дополнительном статусе государства — о том, что современное государство должно стать экологическим. Внутри государства также нарастают противоречия экологического характера. Ископаемые виды топлива, нефть требуют создания централизованных иерархических инфраструктур для обеспечения добычи, транспортировки, переработки. Создание монополий, транснациональных корпораций приводит к развитию противоречий между государством и бизнесом. Олигархические структуры конкурируют с государством в формировании как внутренней политики, так и внешней. Контроль над запасами сырьевых ресурсов является главной заботой государств и экономических структур. Так, одной из самых драматичных для России коллизий стала длительная борьба вокруг Соглашения о разделе продукции «Сахалин-1», «Сахалин-2» и деятельности «ТНК — ВР», в результате которой удалось переломить ситуацию с контролем над нефтяными ресурсами. Главными субъектами политики во внутригосударственных отношениях по поводу экологии являются: органы государственной власти, бизнес, СМИ, МСУ, политические партии, экологические НПО, научно-исследовательские институты, университеты.

Государство пытается соотнести интересы населения, народа, который является носителем всеобщего интереса, и ограничивает особый интерес бизнеса посредством принятия нормативов, стандартов и штрафов. В то же время государство является крупным игроком современной экономики и заинтересовано в высокой конкурентоспособности своих активов на мировом рынке, что лимитирует его в законодательской экологической инициативе.

С другой стороны, бизнес также представляет интересы народа и является его частью. Государство создает условия для благоприятного развития бизнеса, его конкурентоспособности на международной арене.

Экологические НПО, политические партии часто встают на позицию абстрактной защиты природы в максимальном объеме, что делает их трансляторами интересов глобальных экономических конкурентов.

Вследствие этого интересы субъектов политики переплетаются и взаимно противоречат друг другу. Гражданское общество в лице политических партий и экологических НПО защищает конституционное право всех граждан России на благоприятную окружающую среду. Государство должно выполнять эту функцию, но в полном объеме она невыполнима. Государство должно защищать население в социальном плане, а это требует максимально возможного экономического развития регионов и страны в целом, что неблагоприятно сказывается на экологической обстановке. Нахождение баланса между потребностями и интересами социального, экономического и экологического характера является насущной проблемой экологической политики.

В последние два десятилетия вопросы взаимосвязи управляемости с самоорганизацией общества и властью оказались крайне актуальными как в теории государственного управления, так и на практике. К важнейшим составляющим ее понимания могут быть отнесены: способность государства использовать свои стратегические ресурсы для повышения конкурентоспособности в мире; координация государством ответственных интересов в публичном пространстве; высокая степень социального сплочения и способность к политическому действию на основе компромисса. Анализ процессов современной публичной политики подтверждает тенденцию возрастания различных форм взаимовыгодного сотрудничества государственных и частных акторов, что объясняется не только необходимостью выработки простых и адекватных для всех участников правил игры на рынке, но и заинтересованностью государства в развитии информационно-коммуникационных технологий и переходе к информационному обществу.

На наш взгляд, современная концепция управляемости должна быть дополнена исследованиями формирования и функционированием институтов развития в сфере политико-административного управления, под которыми мы будем понимать: институты субсидиарности (или взаимодействия в многоуровневом управлении); институты «бесшовного правительства» (или интероперабельности органов государственного управления); институты «открытого правительства» (обеспечивающие взаимодействие государства, общества и бизнеса).

Усиление внимания к проблеме государственной управляемости в странах БРИКС, актуализировавшееся в связи с кризисными явлениями 2014–2015 гг., связано с поиском моделей политического и административного управления, способных стимулировать кардинальные изменения

¹ Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-03-00816 «Управляемость и конкурентоспособность государства в условиях неопределенности: сравнительный анализ стран БРИКС».

идеологии и практик взаимодействий аппарата государства и общества. Другим важным моментом для этой группы стран является вопрос инклюзивного экономического роста и реализации принципа справедливости в публичной политике.

В настоящее время и Индия, и Россия, как и большинство современных государств, осуществляют административные реформы на основе идей нового публичного менеджмента (*new public management*) и концепции «надлежащего управления». Комплекс реформ, начатых в 1991 г., имеет основополагающее значение для современного государственного устройства обеих стран. В Индии в ходе преобразований государство (система государственного управления) должно было содействовать функционированию рыночных механизмов и регулировать отклонения для идеального функционирования рынка, которое рассматривалось в качестве панацеи от всех бед, поразивших экономику и общество. Но они оказались совершенно неспособны решить вопросы равенства и справедливости: слишком большое количество социальных, экономических и экологических бед осталось без внимания. По сути, общественное благо было принесено в жертву экономическому росту.

Экономически рыночные реформы 1991 г. привели к буму в индийской экономике, страна вышла на новый уровень развития, однако результат этой активности неоднозначен. Кроме того, административное поведение в Индии характеризуется отсутствием единства целей и эффективности, злоупотреблениями, отсутствием публичной отчетности, коррупцией, политизацией бюрократии на высоком уровне и т.д. Проблемы управления обусловлены не только неспособностью государственных учреждений оказывать услуги в условиях постоянно растущих ожиданий, но и слабостью гражданских способностей отстаивать свои интересы и выдвигать требования к системе.

Практически все исследователи современных социально-экономических процессов в Индии сходятся в ряде моментов, принципиально важных для формирования и функционирования политико-административных институтов развития, а именно:

- признание важности роли государства во всех сферах;
- достаточно высокое внимание к инновационной инфраструктуре и научно-техническим инновациям;
- наличие своеобразного гражданского общества (довольно значительный по численности средний класс), а также всесторонне развитая система общественных наук. Важным моментом стала деятельность правительства Индии по внедрению электронных услуг в 2004 г. в различных департаментах, что сегодня является предпосылкой развития институтов «бесшовного правительства» и «открытого правительства».

Обратившись к опыту современной России, нельзя не отметить, что в ходе современных административных реформ произошли изменения в соотношении государства и общества: прослеживается стремление государства к политико-административной автономии как от партикуляристских интересов отдельных социальных групп, так и от корпоративных интересов бюрократии или региональных политико-экономических кланов, созданы определенные предпосылки для развития институтов гражданского общества. Однако из всего перечня возможных функций гражданских структур (аккумуляция и агрегация общественных интересов, участие в формировании государственной политики, продвижение интересов профсоюзов и т. д.) доминирующей оказалась функция контроля над деятельностью государственных органов, которая часто носила лишь формальный характер. В условиях курса «управляемой демократии», постепенного изменения избирательного законодательства 2004–2011 гг., происходит снижение уровня политической конкуренции, появляются имитационные процессы в государственном управлении, «управляемая партийность». Ключевой ценностью реформ, направленных на развитие способности государства к адаптации, эффективному управлению, ответственности, к взаимодействию с гражданским обществом, на практике стало обеспечение стабильности и устойчивости исключительно властной вертикали. Фактором, способствующим патерналистским настроениям в России, является идея борьбы с внешней угрозой (внешними врагами), которая необходимо и немедленно меняет коммуникации как внутри чиновничества и политического класса, так и внутри гражданского общества, привнося разделение «свои—чужие» и мобилизационный тип мышления, минимизируя возможность идейного плюрализма.

Тем не менее постепенный процесс развития гражданского общества приводит к тому, что государство вынуждено принимать меры социального характера: во многих регионах России развиваются разнообразные практики взаимодействия общества и власти, которые не могут быть сведены только к имитационным практикам. Поскольку управляемость государства сегодня определяется его способностью организовать эффективный коммуникативный процесс с гражданским обществом для определения системы публичных ценностей и повышения управляемости государства, развитие институтов публичной политики должно идти в направлении:

- повышения уровня управляемости без нарушения открытого пространства гражданских коммуникаций;
- вовлечения граждан в публичность не на основе мобилизации, а на основе идеи сопричастности;
- повышения внимания к внутренним площадкам арены принятия решений в системе государственного управления;

— движения от идеи формирования публичных ценностей к разработке технологий гражданского оценивания действенности процессов публичной политики и ее конкретных результатов.

Сложность процессов публичной политики актуализирует соответственно проблему формирования *институтов посредничества*. В сложных социально-экономических и внешнеполитических условиях российская власть заинтересована в поиске эффективного способа управления, фактически мы наблюдаем применение в публичной политике различных механизмов, что позволяет делать выводы о гибридном характере политико-административного режима.

М. А. Володина
Москва

«БЕЛЬГИЙСКИЕ КРУЖЕВА» ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОПЫТА МАРОККО

Несмотря на необычный выбор для сравнения двух стран — Бельгии и Марокко, — стоит отметить множество сходств и отличий, которые вполне укладываются в контекст политического исследования. Сложный, многоуровневый характер политического и культурного наследия Бельгии давно вызывает интерес у исследователей и обывателей. Однако на Арабском Востоке существуют особенности, которые можно сопоставить для выявления схожих процессов в Европе и на Востоке и рассмотреть их динамику и механизмы их адаптации к реалиям этих стран.

На первый план выступает *фактор королевской власти* и ее роль в современном обществе. В Марокко король — не только правящий монарх, контролирующий социальную, политическую и культурную жизнь страны, но и духовный лидер общества. Особое почитание среди населения вызывает тот факт, что королевская династия ведет свою родословную от самого пророка Мухаммеда. В повседневной жизни марокканцев король пользуется большим авторитетом. В Бельгии король отделен от реальных политических полномочий — он царствует, но не правит. Среди бельгийцев нет особого отношения к королю как к лидеру страны, и формально монарх являет собой историческую фигуру — потомка основателей единого Королевства Бельгия.

Второй фактор, отражающий наиболее глубокие противоречия, с которыми сталкиваются оба эти государства, — *два крупных этнокультурных компонента*. В Бельгии это фламандцы и валлоны. В Марокко — арабы и берберы (автохтонное население Северной Африки). В Марокко бер-

беры расселены по всей территории, особенно в условиях урбанизации, когда многие представители берберского населения выезжают в крупные города в поисках работы, тем самым меняя этнический состав населения этих городов. Несмотря на сложные отношения арабов и берберов, вызванные недовольством последних проводимой политикой королевства, полной арабизации и исключения берберского компонента из культурной и социальной жизни общества не происходит. Никогда конфликты между арабами и берберами не переходили в стадию открытого противостояния: во многом по причине разумной политики правящей династии — каждый король по традиции берет себе в жены девушку из берберской семьи, что создает устойчивость марокканского общества и единства нации. В последнее время в стране произошли значительные перемены — осознавая и принимая растущее культурное и политическое самосознание берберов, руководство страны провело конституционные реформы с признанием берберского языка государственным наравне с арабским. Также с недавних пор выходят многочисленные книги и учебники по изучению истории и культуры берберской традиции. Фактически исключена языковая дискриминация берберов, составляющих около 60% марокканцев. (Статистика разнится, поскольку в течение многих веков происходил процесс арабизации берберов, а в настоящий момент вопрос стоит о самосознании и самоидентификации берберов — связывают ли они свою жизнь с культурным и историческим наследием берберов. Более точные данные касаются исконно берберских районов — это пресахарские регионы, юго-западные города Марокко, Атласские горы.) Можно сказать, что политика королевского двора способствует поступательному формированию гражданского общества в Марокко с политическим представительством двух основных компонентов общества — арабов и берберов — в жизни страны.

В Бельгии, напротив, два основных компонента проживают обособленно, с четко очерченными политическими и культурными границами. В Валлонии культивируется обособленность этой области от Бельгии, и основным ее критерием выступает французский язык. Фактически страна поделена надвое и основным камнем преткновения выступает Брюссель. Вполне вероятно, что именно ЕС, его базирование в бельгийской столице спасает страну от раздела на два государства.

Третьим фактором научного интереса является *политическая специфика двух стран*. В Марокко с момента обретения страной независимости был взят курс на активное участие арабов и берберов в политической жизни страны. Были созданы на общенациональном уровне берберские партии, хотя и выражавшие в основном интересы сельского населения страны (преимущественно берберского), однако эти партии и поныне активно присутствуют на политической арене Марокко, стремясь заинтересовать и привлечь марокканскую молодежь. Таким образом, в Марокко пред-

ставлен весь спектр политического и культурного наследия страны и тем самым поддерживается реальное политическое представительство различных слоев населения королевства.

В Бельгии происходит обратный процесс — создаются многочисленные партии, представляющие ту или иную область страны; исполнительные функции переданы в областные и районные правительства, тем самым происходит децентрализация власти, представляющая угрозу целостности страны.

Таким образом, кажущаяся устойчивость двухкомпонентной модели национального строительства европейской Бельгии уступает в гибкости марокканскому опыту, рожденному в модернизирующемся восточном обществе.

А. Г. Воржецов
Казань

РОССИЯ — ОСОБАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИЛИ СТЕРЖНЕВОЕ ГОСУДАРСТВО В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

Россия продолжает оставаться расколотой страной по проблеме поиска оптимального пути развития. В 2011 г. по результатам всероссийского опроса, проведенного сотрудниками Института социологии РАН, 41% опрошенных предпочли особый путь, а 30% — европейский¹. Проведенный в 2014 г. сотрудниками Института социологии РАН всероссийский опрос среди представителей среднего класса страны показал, что сторонниками особого пути России являются 67% респондентов, а сторонниками европейского пути — 33%². Таким образом, налицо раскол как среди россиян в целом, так и среди представителей среднего класса в частности. Причем преобладают сторонники особого пути России.

Поэтому определенным силам в стране представлялось логичным закрепить такие взгляды юридически. Так, в 2011 г. коллективом Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования под руководством проф. Сулакшина был разработан полномасштабный научный макет новой Конституции России. Авторы проекта новой Конституции РФ сделали акцент на российской цивилизационной модели: «Россия является самостоятельной страной-цивилизацией — русской (российской)

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): Аналитический доклад / Под ред. М. К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 175.

² Цит. по: Российская газета. 2014. 30 мая.

цивилизацией»¹. А «потому государство выступает гарантом...» и «...ответственно за поддержание и защиту русской (российской) цивилизационной идентичности»².

Во-первых, неоднозначным является вывод о том, что Россия — это самостоятельная цивилизация. Известные иностранные ученые-специалисты по проблемам цивилизаций придерживаются другого мнения. Английский исследователь А. Тойнби одним из пяти живых обществ (цивилизаций) считал «православно-христианское...общество, расположенное в Юго-Восточной Европе и России»³. Американский ученый С. Хантингтон выделил восемь цивилизаций: китайскую, индустриальную, исламскую, западную, православную, латиноамериканскую и африканскую. Причем, по его мнению, «в интересах США и европейских стран признать Россию как стержневую страну православной цивилизации»⁴.

Во-вторых, обращение авторов проекта новой Конституции России к российской цивилизационной модели связано со стремлением обосновать замену в действующей Конституции РФ стратегической цели России — формирование демократического государства — на другую цель, создание нравственного государства. Авторы проекта новой Конституции РФ «исходили из концепта ценностного государственного управления, нравственного государства, а также подконтрольности государственной власти и ответственности ее перед народом, что подразумевает гарантии истинного народовластия, а не демократию по западному образцу»⁵. Авторы пытаются «обосновать» свою точку зрения тем, что «демократия в настоящее время — это всего лишь политический лозунг, не носящий явного нормативного и ценностного характера и содержания»⁶.

На наш взгляд, авторы декларативно пытаются убедить, что нравственное государство для страны лучше, чем демократическое, а демократия — это «всего лишь политический лозунг». Следует иметь в виду, что «цивилизации являются культурными единствами, а не политическими... Причем цивилизации могут быть городами-государствами, империями, многонациональными государствами, и у всех них могут быть различные формы правления»⁷.

Так, в рамках православной цивилизации существуют как демократические, так и недемократические государства. Поэтому, на мой взгляд, более

¹ Научный макет новой Конституции России / Под ред. С. С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2011. С. 262.

² Там же. С. 291.

³ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 33.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 213.

⁵ Научный макет новой Конституции России. С. 11.

⁶ Там же. С. 88–89.

⁷ Хантингтон С. Цит. соч. С. 19.

конструктивным представляется процесс подготовки и проведения конституционной реформы в РФ, направленной на реализацию принципа оптимального разделения власти и формирования правительства на партийной основе при условии формирования крупных центристских партий, а не принятие новой конституции.

А. Д. Воскресенский
Москва

ПРАКТИКА ГЛОБАЛЬНОСТИ И ЛОКАЛЬНОСТИ МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНОВ

В реальной жизни реальное наполнение понятия «место» постоянно меняется, его атрибуты находятся в динамике, границы — изменчивы и определяются непрерывно меняющейся динамикой взаимодействия факторов человеческой деятельности и внешней среды. Конкретная «наполняемость» понятия места формирует человеческие жизни и определяет скорость и направление изменений в социуме. Понятие места как конкретизированного пространства формирует установления повседневной жизни человека и общественных отношений, т.е. определяет структуру взаимодействия членов семьи, отношения между людьми на производстве и в офисе, в социальной жизни, вне работы, на отдыхе, в политической деятельности. Место, где протекает жизнь человека, оказывает сильнейшее воздействие на материальное благополучие людей, образ их жизнедеятельности, стратегии жизненного выбора, возможности для их реализации и др. Место также формирует коллективную память людей, может становиться мощным эмоциональным и культурным символом. Кроме этого, место может иметь особый смысл для каждого конкретного человека: место рождения, место учебы и др. Понятийная «многослойность» места означает, что это понятие может быть социально сконструировано, его можно «брендировать» — сделать брендом, т.е. с понятием места могут атрибутироваться разные смыслы и разные значения для разных групп людей с целью достижения разных целей. В современном экономическом и политическом пространстве конкретные локальности — «места» — конкурируют друг с другом по привлекательности, наполняемой разными (политическими, культурными и др.) смыслами, каждый из которых может иметь и вполне экономическое выражение. Поскольку место играет такую важную роль в жизни человека, оно может влиять и даже в определенных случаях определять идентичность человека или группы людей, т.е. фор-

мировать чувство самоопределения, основанного на каждодневном жизненном опыте и каждодневных общественно-политических отношениях. Кроме этого, место может стать пространством инноваций и изменений, а может — местом конфликтов и сопротивления развитию.

Понятие места как локальной части территории и пространства, являющегося структурообразующим в мировом комплексном регионоведении, формирует необходимость для этой дисциплины соотносить свое предметное поле с предметными полями других научных дисциплин, которые в той или иной степени занимаются изучением пространства или пространственных факторов каких-либо аспектов человеческой деятельности. Поскольку предметное поле мирового комплексного регионоведения формируется из специфических именно для этой дисциплины вопросов — выявления международных аспектов и последствий региональной деятельности человека и комплексного понимания многогранной и многоформатной деятельности человека, в том числе и политической, в конкретных регионах, а также вопросов, которые в той или иной степени затрагиваются предметными полями сопредельных с мировым комплексным регионоведением дисциплин (международной политической экономией, политической географией, политической регионалистикой и др.), то можно сформулировать основную номенклатуру проблем, находящихся в сфере интересов мирового комплексного регионоведения. Это следующие основные содержательные блоки проблем, затрагивающие:

- 1) понимание, как формируется глобальная экономическая, политическая, цивилизационная общность человечества через синтез общности регионально-географического и локального понимания глобальной цивилизационной истории, представляющей собой определенным образом структурированную историческую взаимозависимость мест и регионов в едином глобальном временном потоке; как исторически происходит формирование государственности и каковы структурные и геополитические принципы взаимоотношений между государствами на международной арене;
- 2) понимание внутренних форм эволюции государственной и политической организации; определение того, что в них подчиняется глобальным закономерностям, что определяет региональную вариативность и определяется региональной вариативностью;
- 3) понимание принципов и теоретических основ взаимоотношений между государствами и негосударственными международными и региональными акторами;
- 4) определение путей выявления регионально-географической специфики все усложняющихся мировых социально-политических и экологических проблем;

- 5) Определение научных путей формирования границ районов, округов, автономий и других административно-политических единиц; формирование соответствующей законодательной базы таким образом, чтобы обеспечить равное представительство вне зависимости от расового, национального, политического состава населения, даже если наличествуют существенные миграции населения или население меняет свой состав внутри административно-политических единиц;
- 6) определение принципов и методов анализа связи конкретной локальной и региональной специфики и глобальных закономерностей экономического и политического развития; выявление формирования конкретной локальной взаимосвязи экономических, пространственных, политических и культурных факторов развития конкретных районов и регионов; разработка и формирование успешной стратегии локального, национального, регионального развития, гармонично вписанной в стратегию мирового развития и соответствующей закономерностям общемирового развития;
- 7) обеспечение понимания специфики функционирования локальных и региональных процессов разного рода; выявление слабых и сильных мест регионов; понимание взаимосвязи локального места, региона и их положения в глобальной системе мировых отношений.

О. А. Габриелян
Симферополь

ИДЕОЛОГИЯ В КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Мифологичность человеческого сознания является его природной особенностью, онтологическим основанием и методологическим принципом теоретических социальных и антропологических построений. Миф и сегодня продолжает выполнять все те же трансграничные функции в сознании, что и в архаическую эпоху своего бытия. Мы понимаем миф как «вещественно-жизненную реальность». Миф есть самая «подлинная и максимально конкретная реальность» именно для мифологизированного сознания. Собственно, иного сознания и нет в реальности (А. Ф. Лосев).

Идеология, как и мифология, объективно существует как регулятор человеческого поведения и регламентирует повседневную жизнь как образ желательного настоящего и будущего. Миф как история о мире и месте человека в нем — по сути, объяснительная модель мира, то есть умное

и чудесное миропостроение, творческое созидательное мировоззрение, продолжающее свое инобытие в идеологии как технологии политического процесса, практически неотделимого от социальной жизни. Идеология есть технологизация мифологии, процесс доведения ее в качестве конечного продукта до потребителя. Мифологема как сюжет мифа, сквозь который просвечивает архетип, фундаментальна, в то время как идеологема — окончательный, готовый к потреблению продукт политического процесса. Поэтому миф и мифологема онтологичны, а идеология и идеологема повседневы.

Нет правильных или неправильных идеологий. Они конкурируют между собой, так как предлагают проект обустройства общества. Эффективна та идеология, которая достигает общественного развития через согласие, а не насилие, пусть даже легитимное. Технологический процесс идеологизации на уровне конкретного человека одухотворяется им и становится для него ценностно значимым. Таким образом, приобретенный идеологией креативный потенциал обретает общезначимое качество и эстетизируется. Идеологии удается подняться на самый высокий уровень — смысла жизни. Поэтому идеологию можно рассматривать как универсальный антропологический аспект жизни современного общества.

Экзистенциализация (проживание и переживание), рационализация (осмысление) и эстетизация (воображение) идеологии сохранились и в нашу постмодернистскую эпоху. Ее роль в личной идентификации не уменьшилась, а стала еще более очевидной. Однако произошли и кардинальные изменения, почему наша эпоха и получила название постмодернистской.

«Миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее и будущее. Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую» (Леви-Строс К. Структурная антропология). Идеология выступает реальным механизмом претворения мифа в социальную жизнь. Принятие идеологии происходит на индивидуальном уровне в культуре повседневности человеческого бытия. Разделение «повседневности» и идеологии несет «опасность игнорирования концептуальной подоплеки жизни и жизненных целей в конкретный исторический период» (Йохен Хелльбек. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме). Очевидно, что повседневность не только проявляет себя в поведении и социальных отношениях, но и опредмечивается. Ввиду того что в обществе с неизбежностью и необходимостью возникают властные отношения, вся повседневность в той или иной степени несет на себе печать идеологии.

Культура повседневности идеологизированна, так как идеология дает ей поведенческую, смысловую и когнитивную карту. Будучи носителем и проводником идеологии, повседневность в то же время выступает ее критиком, если отмеченная карта неадекватна действительности. Но кри-

тический уровень наступает тогда, когда исчерпываются возможности повседневности к самообъяснению и самоинтерпретации.

Однако сверхзадача идеологии в повседневности не в том, чтобы посредством культуры и ее продуктов (вещей) воздействовать на человека, определять нужное власти его социальное поведение, но стать эстетически и этическими правилами, неписаными законами общества. В треугольнике идеологии, культуры и повседневности разыгрывается драматическая жизнь общества и человека в нем. Повседневность выдвигает потребности и интересы, культура продуцирует смыслы для их творческого удовлетворения, а идеология старается предложить алгоритмы социального поведения. Идеология старается обеспечить социальную стабильность, но если ей это не удастся, например, оскудел ее культурный проект, то другая радикальная идеология ее обязательно свергнет. За примером не надо ходить далеко. Мы сами это пережили, когда на смену социалистическому проекту нам был предложен проект современного капитализма с его мифическими «рыночной экономикой» и «демократией». Вот почему тезис о смерти идеологии преждевременен. Более того, идеология в эпоху информационного противостояния и гибридных войн, активного применения мягкой силы актуальна, как никогда.

М. В. Гаврилова
Санкт-Петербург

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ РОССИЙСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ (на примере концепта «народ»)

Концептуальный анализ языка политики призван выяснить, как в лингвистических структурах проявляются структуры знаний человека о мире; политические представления, присущие человеку, социальной группе или обществу в целом. Материалом исследования являются преимущественно инаугурационные речи, поскольку именно эти идеологически значимые тексты призваны ответить на главные вопросы: Кто мы? Каково наше прошлое и будущее? Какова наша цель? Общими семантическими макропозициями жанра являются утверждения: избрание на пост главы государства — это высокое доверие и честь; народ выразил свою волю, избрав президентом именно этого кандидата; президент будет действовать в соответствии с Конституцией, выполняя присягу; цель деятельности

главы государства — повышение благосостояния народа; для достижения цели важна помощь и поддержка всех граждан; основные задачи президента — государственные интересы и служение народу. Таким образом, инаугурационная речь предполагает обращение к теме народа и позволяет выявить смысловое развитие концепта «народ» в постсоветский период.

Изменение государственного устройства России определило необходимость номинации общности людей, проживающих на территории страны, поскольку в связи с изменением политического строя исчезла ключевая идентификационная номинация — советский человек. Мы наблюдаем последовательную смену номинации: советский народ (советский политический дискурс) — народы России (Б. Н. Ельцин, 1991) — многонациональный российский народ = россияне (Б. Н. Ельцин, 1996) — народ России (В. В. Путин, 2000) — единая нация (В. В. Путин, 2004) — народ России (Д. А. Медведев, 2008) — (наш) народ (В. В. Путин, 2012). Таким образом, в начале XXI в. ведущим фактором объединения становится организованность народа (различных народов) в государство. В новейшем политическом дискурсе для номинации новой общности людей используются словосочетания *русский народ*, *русская нация*, *российский народ*, *россияне*, *российская нация*. Мы считаем правильным употребление выражений *русский народ* и *российская нация* с точки зрения законов лексической сочетаемости в русском языке.

Наши наблюдения показывают, что в постсоветской России представление о народе формируется при помощи частотных слов, эксплицирующих концепт: *граждане*, *народ(ы)*, *люди*. Но семантические векторы этих слов различные: 1) принадлежность государству, 2) собирание в роде, 3) живое существо, обладающее речью и мышлением, способностью создавать орудия труда и пользоваться ими в процессе общественного труда. При этом в системе политических представлений Б. Н. Ельцина слово *народ(ы)*, являясь наиболее частотным, составляет ядро концепта. В речах В. В. Путина и Д. А. Медведева слово *(со)граждане* является доминантой концепта «народ». Иными словами, происходит идеологически значимый переход от актуализации этнического признака к преобладанию характеристики «принадлежность государству».

Президенты актуализируют в общественном сознании положительные характеристики народа: миролюбие, справедливость, нравственность, созидание (Б. Н. Ельцин); энергичность, ум (В. В. Путин); талант (Д. А. Медведев). Б. Н. Ельцин и В. В. Путин создают интертекстуальные связи, подчеркивая, что народ обладает волей и мудростью, народ сплочен, прославляют величие народа, рассматривают многонациональный состав России как ресурс развития страны.

В ходе сопоставительного анализа инаугурационных речей мы выявили прототипическую структуру, формирующую содержание концепта «на-

род» в конце XX — начале XXI в.: 1) народ выбирает определенный политический курс, голосуя за президента; 2) народ оказывает большую честь человеку, избирая его на высший государственный пост; 3) выбор главы государства осуществляется по воле народа; 4) президент прославляет величие и достоинства народа; 5) народ обладает большими возможностями, у народа «есть ресурсы, свой собственный опыт, полное понимание приоритетов развития <...> огромный потенциал, огромная энергия, интеллектуальный потенциал <...> для лучшей жизни»¹.

Л. И. Газизова, А. М. Шаяхметов
Уфа

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБРАЗАХ ВЛАСТИ

Образ власти, будучи интегративным и системным понятием, при детализации его содержания распадается на взаимодополняющие и взаимозависимые структурные компоненты. Причем такое деление можно осуществлять по различным параметрам. Это могут быть каналы восприятия и формирования образа (вербальный, визуальный); психологическое измерение образа, представленное когнитивным, эмоциональным и поведенческим компонентами. При факторном анализе могут выявляться различия в образе власти по социальному, образовательному, гендерному основаниям. Разнообразие структурной территориальной и политико-культурной организации регионов позволяет произвести всесторонний анализ региональных различий, выявить особенное в структуре сложного явления и уже на основе проведенного анализа через обобщение и типизацию определить общие доминанты в структуре восприятия власти в целом.

В рамках данного исследования образ современной российской власти анализируется с позиции региональных различий по ряду параметров:

- наиболее властные и значимые политические институты и персоналии: фигура, группа людей или институциональное образование, с которым ассоциируется власть в России;
- ценностное понимание демократии: региональные особенности и возможные причины, их порождающие;
- приверженность россиян ценностям социально ориентированного государства, отношение к несоблюдению законности в государстве;

- политическая самоидентификация граждан: региональные различия в политической самоидентификации граждан;
- поведенческие установки россиян: наличие протестного потенциала в регионах. Поведенческие установки наряду с эмоциональными и когнитивными компонентами являются неотъемлемой частью образа власти.

В силу сложившихся политических традиций образ власти в России персонафицируется в конкретной политической фигуре — лидере. Исследование подтвердило сохранение в общественном сознании россиян этой политико-культурной особенности. Респонденты из всех регионов отметили в качестве наиболее влиятельной фигуры Президента РФ В. В. Путина. Самые высокие показатели выявились в Москве и Башкирии.

Второе место в рейтинге влиятельности, согласно результатам опроса во всех регионах, занимают силовые структуры (ФСБ и МВД). Законодательная и судебная ветви власти показали традиционно низкие рейтинги влияния. Администрацию Президента, Правительство Российской Федерации во главе с Премьер-министром россияне также не считают весомыми политическими игроками.

Респонденты всех регионов в первую тройку ценностей демократии в разном порядке включили права человека, соблюдение законов, свободу личности. Саратов выделил ценность свободы в качестве главной. В Республике Башкортостан замыкает тройку ценностного набора «сильное государство». Это обстоятельство отличает данный регион от всех остальных, т.к. ни один из них не включил данную ценность в число приоритетных в понимании демократии.

Таким образом, в идеальный образ власти респонденты включают правовое, демократическое, социально ориентированное государство со значительной государственной поддержкой нуждающихся граждан. Такую позицию озвучили 86,3% опрошенных в регионах. При этом граждане не видят себя активными акторами политических процессов, способствуя тем самым отдаленности власти от общества.

Определяя свои политические взгляды, респонденты из представленных регионов отмечают демократическо-либеральные симпатии. Больше всего демократически ориентированных граждан оказалось в Башкирии (38,7%), Краснодаре (38,4%), Московской области (35,7%). Большинство «либералов» проживает в Москве (24,5%) и Челябинске (19,8%). Высокий процент аполитичных граждан выявился в Томске (20,8%).

Формы участия в политической жизни (массовые акции, высказывания в СМИ и социальных сетях, выдвижение в качестве депутата) приемлемы для еще меньшего количества респондентов (от 10 до 20%). Самой непопулярной формой политической активности стала возможность участия в качестве депутата в различного уровня региональных или федеральных

¹ Путин В. В. Обращение к гражданам страны при вступлении в должность Президента России. 07.05.2004. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2004/05/07/1240_type63374type82634_64130.shtml.

выборах. Разброс ответов по данному вопросу оказался весьма существенным. Если в Краснодаре 20,2% опрошенных выразили такую готовность, то в Саратове подобных оказалось только 4,8%.

Граждане предпочитают молчаливое отчуждение или эпизодические эмоциональные всплески конкретным конструктивным общественным или политическим мероприятиям и действиям. Помимо этого, общая пассивность избирателей свидетельствует о том, что органы власти в большинстве своем самостоятельно принимают ключевые решения, без опоры на общественное мнение.

Российское общество постепенно адаптируется и перенимает демократические и либеральные идеи, включая их в образ идеальной власти. С другой стороны, они не являются доминирующими в обществе, оставляя поле для аполитичности, традиционализма и высокой степени персонификации власти.

А. А. Галкин
Москва

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

1. Рассмотрение предложенной темы предполагает предварительное уточнение основных используемых понятий. Это тем более важно, что относительно содержания каждого из них пока еще не стихли дискуссии.

2. Под общественным сознанием в данном случае подразумевается исторически сложившаяся, в своей основе устойчивая совокупность ценностных установок и ориентаций, свойственная каждой более или менее оформившейся национальной или национально-государственной общности. Эта совокупность обладает крайне сложной структурой, которая определяется, во-первых, исторической длительностью, а следовательно, и высокой степенью преемственности составляющих ее ценностных ориентаций и установок, во-вторых, спецификой жизненного опыта, накопленного данной общностью за годы ее существования, и, в-третьих, характером ее внутреннего членения. Значимость этого феномена определяется прежде всего высоким уровнем его воздействия на политические процессы, протекающие в данной общности, а следовательно, на утвердившуюся в ней политическую ситуацию, реализуемого либо прямо, либо опосредованно, через формируемые мнения, настроения и предпочтения.

3. Не менее сложным представляется и понятие политической стабильности. Его трактовка в значительной степени определяется условиями возникновения и становления рассматриваемой общности и, не в последнюю

очередь, уровнем ее развития. Предпосылки стабильности при этом различны. В одних случаях она может быть навязана внешними силами, в других — диктатом авторитарного режима, в третьих — покоиться на устойчивой пассивности основного массива общности. В данном случае речь пойдет о политической стабильности сравнительно развитого общества, политический режим которого зиждется на согласии и поддержке большинства, выявляемого в результате регулярно проводимых выборов. Стабильность такого рода предполагает не неизменность некогда сложившихся, традиционных политических структур, не их неуклонную приверженность ставшим привычными формам и методам управления обществом, но, напротив, неизменную, последовательную способность к преобразованиям, ставшим необходимыми ввиду перемен, происходящих в современном обществе: в его структуре, интересах, установках и потребностях. Только такое движение может сделать желаемую стабильность устойчивой и органичной.

4. Переходя к анализу взаимоотношений общественного сознания и политической стабильности, следует уделить особое внимание членению составных элементов этого сознания на сплачивающие и разъединяющие. Сплачивающие элементы как бы цементируют соответствующую общность, делая возможным само ее существование. Разъединяющие элементы в зависимости от их конкретного содержания либо подрывают стабильность, либо придают ей должный динамизм, способствуя, таким образом, ее самоутверждению. При этом в зависимости от ситуации отдельные элементы общественного сознания могут меняться местами: прежние, безусловно сплачивавшие, превращаться в разъединяющие, и наоборот. Следовательно, при переходе к конкретному эмпирическому анализу перспектив политической стабильности рассматриваемой общности решающей предпосылкой успешного продвижения вперед неизбежно должно стать четкое уяснение той роли, которую в сложившихся условиях играют те или иные элементы общественного сознания. Эта необходимость актуальна не только для исследовательских усилий. Представляется, что именно игнорирование отмеченной стороны дела сыграло немалую роль в том, что привело в свое время к распаду Советского Союза.

5. Обратимся теперь к реальной ситуации, складывающейся ныне в России. Не претендуя на всесторонний анализ, при подходе, изложенном выше, можно, в частности, констатировать следующее. Совокупность хорошо известных исторических событий конца XX — начала XXI в. привела к тому, что в общественном сознании населения утвердилось чувство ущемленного национального достоинства. На бытовом уровне оно стимулировалось массовой, плохо регулируемой и чаще всего нелегальной иммиграцией. Возвращение России Крыма существенно ослабило это чувство. Однако некоторые его элементы сохранились. Этому в значительной степени способствовала развязанная рядом стран Запада, и прежде всего

Соединенными Штатами, экономическая и информационная война против России. Она создала в массовом общественном сознании населения России ощущение враждебного окружения, которое, в свою очередь, породило ответное, негативное отношение к угрожающим внешним силам. Последствия этого могут быть двоякими. При умеренном уровне доминирования данного элемента общественного сознания он может сыграть роль фактора, сплачивающего российское общество. Если же он обретет крайние формы, при которых национальное самосознание преобразуется в агрессивный национализм, то его воздействие на складывающуюся стабильность неизбежно приобретет негативный характер.

Обратную эволюцию может обрести нарастающая ныне критическая оценка все более заметной частью общества уязвимой экономической политики. При игнорировании этого обстоятельства она может лечь в основу мощных разъединительных воздействий. Своевременный же учет этих настроений и вытекающие из него практические действия могут преобразовать установки общественного сознания из разъединяющих в сплачивающие — тем самым, в важнейшее условие сплочения общества.

*Х. С. Галстян
Ереван, Армения*

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА

В деле урегулирования этнополитических конфликтов одной из эффективных моделей является интеграционный подход. В рамках данной парадигмы считается, что интегрирование конфликтующих сторон в единое объединение является важным механизмом, стимулирующим нахождение взаимовыгодных решений, сближение позиций противоборствующих сторон, снижение конфликтного восприятия и повышение уровня доверия между сторонами. В истории мировой политики и международных отношений есть немало удачных примеров урегулирования этнических противоречий на основе интеграционной парадигмы.

В этом отношении не составляет исключения и евразийский интеграционный проект, который кроме экономического компонента, по нашему мнению, имеет и другой, немаловажный, но до конца не раскрытый потенциал. И этот потенциал касается перспектив урегулирования старых, наболевших этнополитических конфликтов на евразийском пространстве.

Действительно, Евразийский союз — это прежде всего экономическое объединение, где интеграционные субъекты на основе равноправия, уважения суверенитета друг друга, исходя из экономической целесообразности решили создать общие механизмы экономической регуляции и углублять сотрудничество в рамках единого экономического поля. Но одновременно надо признать, что успешная экономическая интеграция со временем может привести к политической, а в будущем — и к интеграции на цивилизационной основе. В этом плане очень актуальным становится вопрос перспектив урегулирования этнополитических конфликтов на евразийском пространстве. Ведь не секрет, что после распада Советского Союза мы стали свидетелями усиления дезинтеграционных процессов на всем Евразийском континенте, в частности на Южном Кавказе, где в географическом плане на относительно небольшой территории существуют три независимых государства, три самопровозглашенные и частично признанные республики, ряд реальных и потенциальных конфликтогенных очагов.

В плане урегулирования конфликтов позитивную роль может сыграть экономическое сотрудничество и стимулирование интеграционных процессов между конфликтующими субъектами в рамках единого экономического пространства.

С геополитической точки зрения интеграционные процессы в рамках Евразийского союза тоже могут оказать позитивное влияние на процесс урегулирования этнополитических конфликтов. Особенно если учесть тот факт, что Россия последние 300 лет постоянно присутствовала в регионе в качестве ведущего геополитического игрока, у которого сложились традиционные связи со всеми конфликтующими сторонами карабахского конфликта, и если добавить к этому тот факт, что именно Россия является основным локомотивом евразийской интеграции, то у нее появляются дополнительные преимущества в посреднической деятельности по урегулированию. Учитывая свои «особые отношения» с конфликтующими сторонами, с 1991 по 1994 г. и после этого Россия всегда вела активную посредническую деятельность как отдельно, так и в рамках Минской группы ОБСЕ. А сочинская инициатива Президента России в августе 2014 г. и переговоры при посредничестве России лидеров Армении и Азербайджана были своевременными политическими решениями в плане недопущения будущей эскалации карабахского конфликта.

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения перспектив урегулирования этнополитических конфликтов и на третьем — цивилизационном уровне. Как уже отмечалось, нельзя рассматривать Евразийский союз только с экономической точки зрения. По нашему глубокому убеждению, в недрах Евразийского союза таятся и глубокие цивилизационные корни. Выдвигая данную амбициозную концепцию, Россия берет на себя некую цивилизационную миссию — поддержать мир, стабильность

и справедливость во всем мире. Именно Россия сегодня в мировом масштабе выступает против однополярной системы международных отношений, за создание справедливого миропорядка. Многие народы и этносы именно в лице России видят тот цивилизационный центр силы, который может противостоять западной глобализационной модели, стандартизированным и унификационным тенденциям западной культуры.

В этом случае бесспорным преимуществом России может стать именно справедливый подход в деле урегулирования этнополитических конфликтов, поиск общей евразийской цивилизационной идентичности, мирное сосуществование и процветание всех народов Евразийского союза.

Так что в плане евразийской интеграции все только начинается, и нас впереди ожидают очень интересные времена — геоэкономические, геополитические и цивилизационные трансформации планетарного масштаба, в ходе которых, по нашему глубокому убеждению, страны и народы евразийского интеграционного проекта окажутся на передовых позициях общемирового прогресса.

И. И. Гамилов
Москва

СТРАТЕГИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Стратегия — одно из самых часто используемых понятий во внешнеполитических исследованиях. Однако, на наш взгляд, грамотное употребление данного концепта осложнено рядом теоретико-методологических проблем.

Во-первых, зачастую авторы, оперирующие понятием «стратегия» в своих работах, имплицитно или эксплицитно исходят из традиции изучения стратегии, которая сложилась в военном деле и военной науке. Однако концепт стратегии достаточно глубоко осмыслен и изучен в таких дисциплинах, как теория игр, корпоративный менеджмент, политические технологии. Следовательно, для превращения стратегии в «рабочий инструмент» анализа необходимо синтезировать сложившиеся традиции понимания феномена стратегии *per se*.

Во-вторых, возникает острая проблема построения эффективной методологии изучения процесса формирования и реализации стратегии как таковой. К сожалению, в работах по международно-политической проблематике не было предложено научно обоснованных методов анализа страте-

гии. Данный пробел был в какой-то степени восполнен известным теоретиком стратегического менеджмента Генри Минцбергом, который исходя из посылок теории организации выстроил методологию изучения стратегий в прикладном аспекте. Однако применимость методологии Минцберга в сфере внешней политики требует скрупулезного критического анализа.

В-третьих, использование понятия «стратегия» в исследованиях по внешней политике и международным отношениям сопряжено с серьезной терминологической путаницей. Американские авторы, а вслед за ними некоторые российские исследователи используют понятие «большая стратегия» (*grand strategy*). Однако ни в западном, ни в российском дискурсе не сложилось единого понимания данного понятия, хотя изначально большая стратегия означала всего лишь использование всех имеющихся в распоряжении государства ресурсов (дипломатических, торгово-экономических, военных и т.д.) для достижения победы в военном конфликте. В литературе также используется термин «стратегия национальной безопасности», однако он невольно вызывает ассоциации с соответствующим документом, публикуемым правительствами ряда стран (в первую очередь речь идет о правительстве США). Российские авторы в отличие от своих заокеанских коллег часто оперируют термином «внешнеполитическая стратегия», не обосновывая и не концептуализируя его. Единственным исключением из общего правила является книга американского автора Терри Дейбела «Foreign Affairs Strategy» (2007), в которой он попытался «разложить по полочкам» понятия «большая стратегия», «стратегия национальной безопасности» и «стратегия внешней политики» (*foreign affairs strategy*).

В-четвертых, существует концептуальная неясность по поводу соотношения понятия стратегии в сфере внешней политики с некоторыми другими терминами и концептами. Прежде всего необходимо выяснить, как точно соотносятся друг с другом стратегия и политический курс/политика (*policy*). В этом плане примечательна классическая работа известного американского историка Джона Льюиса Гэддиса «Стратегии сдерживания» (2005), в полном названии которой одновременно присутствуют слова «стратегия» и «политика». Также с теоретико-методологической точки зрения необходимо выявить разницу между терминами «стратегия» и «стратегическое планирование».

В-пятых, мнения разнятся насчет «коннотации», придаваемой понятию «стратегия». С одной стороны, в некоторых работах подчеркивается: стратегия возникает тогда, когда цели и средства, ресурсы и задачи хотя бы минимально соотнесены друг с другом, хотя бы минимально предвосхищают действие. Сторонники данной, условно «позитивистской» точки зрения утверждают: элементы стратегии существуют в любом социально-политическом действии. С другой стороны, часто выдвигается тезис (особенно в работах по дипломатической истории), что стратегия отличается

от «нестратегии» такими характеристиками, как долгосрочность, холизм, высочайшее по филигранности «калькулирование» целей и средств и т.д.

Подводя итог, заметим: обозначенные выше пункты — лишь часть существующих, на наш взгляд, теоретико-методологических проблем, связанных с применением понятия «стратегия» во внешнеполитических исследованиях. Решение этих проблем будет иметь значение не только для внешнеполитического анализа, но и для всех политологических дисциплин, имеющих дело с изучением поведения и действий политических субъектов. Задача на перспективу — сформировать общую теорию стратегии, что потребует взаимодействия со стороны представителей широкой социально-гуманитарной общественности.

А. В. Глухова
Воронеж

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В РЕГИОНЕ: ВОРОНЕЖСКИЙ ПУЛЬС

Становление политической науки в конце 1980 — начале 1990-х годов в вузах Центрального Черноземья происходило в рамках общего тренда на демократизацию общественных отношений в СССР, а затем — в Российской Федерации. Поскольку этот процесс по мере своего разворачивания обретал все более конфликтные формы, завершившись в конце концов распадом СССР, возник серьезный теоретический и практически-политический запрос на исследование противоречий и конфликтов трансформирующегося общества, на разработку соответствующих рекомендаций управленческим структурам (органам) всех уровней. В Воронежском государственном университете имела определенная традиция в изучении конфликтных и кризисных общественных состояний в сфере массовой политической психологии (докторская диссертация В. С. Рахманина) и опыт кросснациональных сравнительных исследований (кандидатская диссертация А. В. Глуховой), защищенные в 1990 г.

1990-е годы отмечены появлением на базе Воронежского госуниверситета Диссертационного совета по политическим наукам (специальность 23.00.02 — «Политические институты, процессы и технологии»), сыгравшего значимую роль в подготовке квалифицированных кадров для вузов Воронежа и области, а также соседних областей ЦЧР. В рамках учебного плана исторического факультета появляется специализация по политологии, привлекающая многих студентов истфака. С конца 1990-х годов на историческом факультете открывается специальность «Политология» и начинается подготовка квалифицированных кадров для управленческих и образо-

вательных структур региона, общественных организаций и политических партий. Многие выпускники-политологи сегодня работают в структурах областного правительства, в департаменте образования и науки, в Общественной палате, в молодежном правительстве и парламенте Воронежской области. Кафедра социологии и политологии обновилась и сегодня на 50% состоит из своих бывших выпускников.

Масштабы и интенсивность научно-исследовательской работы в последние полтора десятка лет осложнялись недостаточным финансированием. Однако сотрудники кафедры активно включились в конкурсы на получение грантов, в том числе и в качестве участника коллективной общеуниверситетской заявки. Громадным прорывом в организации и финансировании научных исследований последнего времени стало создание в 2001 г. при Воронежском государственном университете Межрегионального института общественных наук (ВМИОН). Кафедра активно включилась в его работу в рамках двух научных направлений: «Социокультурная природа конфликтов» (научный руководитель — проф. А. В. Глухова), и «Культура демократии и толерантности общественного сознания и отношений» (научный руководитель — проф. В. С. Рахманин).

За годы существования МИОНа было проведено 2 научных симпозиума, 2 научные и 4 научно-практические конференции, участниками которых стали известные ученые, представляющие научные центры и академические институты Москвы, Ставрополя, Ростова-на-Дону, Н. Новгорода, Курска, Липецка, Тамбова, Волгограда и других городов России, а также Украины и Белоруссии. Это позволило придать научным направлениям не только весомый международный статус, но и обеспечить достаточно перспективный сравнительный метод в исследовании актуальных социальных и политических проблем.

С переходом МИОНов на другую форму организации научной деятельности, а именно к разработке научных проектов, финансовая поддержка которых осуществлялась на конкурсной основе, большая часть воронежских политологов приняла участие в проекте «Конфликты и стабильность в условиях трансформаций постсоциалистических общественных систем» (научный руководитель проекта — проф. А. В. Глухова). Благодаря поддержке западных научных фондов — Института перспективных российских исследований им. Кеннана (США), фонда Корпорации Карнеги, Фонда Дж. Д. и К. МакАртуров (США), а также Московского общественного научного фонда совместно с Министерством образования РФ был опубликован ряд монографий, посвященных актуальным проблемам теории и практики современного общественного развития. В их числе — коллективная монография «Политическая конфликтология перед новыми вызовами» (под ред. А. В. Глуховой. Воронеж, 2001), посвященная теоретическим проблемам конфликтологического знания; коллективная монография «Демократия:

конфликтность и толерантность» (под ред. В. С. Рахманина. Воронеж, 2002), исследовавшая наиболее острые проблемы толерантной культуры поведения, пути, методы, исторический опыт ненасильственного урегулирования конфликтов. В целом кафедра социологии и политологии — как основа регионального отделения РАПН — ежегодно публикует от 50 до 70 печатных листов научной продукции (монографии, статьи, учебные пособия, тезисы), является участником и организатором международных, российских и региональных конференций и стабильно входит в тройку лидирующих кафедр исторического факультета.

В последние годы коллектив кафедры активно работает в рамках политической регионалистики, проводит исследования с целью активизации происходящих в Воронежской области преобразований и эффективной реализации стратегии социально-экономического развития региона. Значимым явлением стало выполнение в 2011 — 2012 гг. научно-исследовательского двухгодичного проекта РГНФ № 11-13-36001а/Ц «Модернизационный потенциал Воронежской области: опыт исследования и условия реализации» при финансовой поддержке департамента по образованию, науке и молодежной политике региона. По результатам исследования была издана монография с одноименным названием, содержащая большой эмпирический социологический материал. Книга удостоена первой премии областного правительства за 2013 г. и презентована в рамках научно-практической конференции с участием представителей администрации Воронежской области.

А. А. Гнедаш
Краснодар

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТОВ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ¹

Институты гендерного равенства, по мнению ряда ученых, включают в себя следующее: национальный/региональный механизм (организационно-структурные подразделения в системе органов законодательной и исполнительной власти, занимающиеся вопросами гендерного равенства), политическое участие женщин (представленность женщин в органах власти и управления), развитие женских НПО.

¹ Выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук по проекту № МК-6036.2014.6 «Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества».

Рассмотрим региональные звенья национального механизма по улучшению положения женщин/гендерному равенству в Краснодарском крае. Глубинные интервью с государственными гражданскими служащими выявили следующие особенности построения карьеры и продвижения в органах власти и управления:

- женщины и мужчины госслужащие при планировании и реализации профессиональной деятельности учитывают семейные потребности, т.е. оба статуса (профессионал и жена/муж) для госслужащих являются важнейшими и определяют общее стремление личности к высокому социальному статусу, независимости и самореализации;
- профессия и карьера для госслужащих выступает как важнейший социально-экономический ресурс, который они оценивают как более высокий, чем у других профессий;
- семья госслужащих все в большей мере становится нуклеарной и малодетной;
- женщины-госслужащие имеют достаточно выраженные традиционные гендерные стереотипы, считая, что продвижение по карьерной лестнице ограничивает их возможности заботиться о семье, поэтому в ситуациях карьерных продвижений ориентируются на мнение и одобрение близких;
- у женщин-госслужащих наблюдается так называемый эффект самодискриминации, и они недооценивают социальные факторы, а именно отношение (гендерные предубеждения) руководства к женщинам «у власти»: опрошенные женщины-госслужащие объясняют свое «непродвижение» по карьерной лестнице скорее своим несоответствием роли руководителя, чем ощущениями, что им не предлагают повышение в связи с их полом и оценкой места и роли данного пола в структуре органа власти;
- мужчины в профессиональной деятельности изначально ориентированы на продвижение по карьерной лестнице и составляют сильную конкуренцию друг другу и женщинам.

Для преодоления гендерных диспропорций в сфере власти и управления на первом этапе необходимы институциональные новации. Например, учреждение специального ведомства (государственной, региональной, муниципальной структуры), которое будет осуществлять соответствующие разработку и реализацию программ в сфере гендерного равенства. Данные структуры должны образовывать единую систему органов власти, основной целью функционирования которой будет организация условий и механизмов гендерного равенства в регионах и муниципалитетах. Решения данных органов вначале могут носить рекомендательный характер, чтобы постепенно приучить как органы власти, так и бизнес-структуры учиты-

вать гендерную составляющую в своей деятельности. Например, стимулировать политические, коммерческие, некоммерческие организации заниматься разработкой программ карьеры для мужчин и женщин с учетом особенностей биологических функций (что может вписаться в концепцию улучшения демографической ситуации).

На втором этапе можно расширять масштабы деятельности системы органов гендерного равенства: включить в их компетенцию выравнивание гендерного разрыва в оплате труда и ликвидацию гендерной профессиональной сегрегации, поднятие престижа «женских» профессий, введение регулярного открытого состязательного процесса для занятия вакантных должностей на государственной и муниципальной службе, регистрация уровня гендерного партнерства во всех сферах жизни.

В дальнейшем сфера деятельности национальных органов гендерного равенства должна включать создание центров подготовки женщин к участию в общественно-политической жизни страны, а также идеологические изменения (поднятие статуса отцовства и перераспределение семейных функций и обязанностей; преодоление стереотипов внутри социализирующих систем для достижения гендерного равенства и улучшения информированности о значении гендерного равенства; изменение гендерных стереотипов в отношении ценности женщины как работника и ее роли в обществе; распространение гендерной чувствительности среди населения; изменение гендерной политики СМИ).

Формирование и развитие институтов гендерного равенства невозможно без постепенного развития гендерной чувствительности не только органов государственной власти и управления, но и самих граждан, как женщин, так и мужчин. Реализация данной меры невозможна без наличия отдельных граждан и общественных организаций, заинтересованных в развитии гендерного равенства не только на региональном, но и на федеральном уровнях.

К. А. Говорухина
Краснодар

СРЕДСТВА И ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И PR В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

В современной цивилизации состояние информационной среды считается одним из основных интеграционных компонентов: развитие средств массовых коммуникаций, формирование глобального инфор-

мационного пространства, компьютеризация разных сфер деятельности личности и общества. В содержание понятия «информационное пространство» входит поддержка свободного потока информации и независимости средств массовой информации.

В постиндустриальном обществе информация может принимать разные формы:

- ресурс, необходимый для всего населения;
- метод быстрого восприятия целей и содержания любого доступного объекта изучения;
- средство влияния на сознание (от индивидуального до массового).

В эпоху глобализации современные средства и информационные технологии повсеместно увеличивают пространственную сферу деятельности, расширяют одновременно свободу информации и ее анонимности, часто неконтролируемости со стороны общества. В таких условиях усиливается роль пропаганды и PR как средств, умело манипулирующих привычками и вкусами населения.

Политическая пропаганда считается также идеологическим ресурсом, помогающим быстрому распространению важной политической информации, расширению круга сторонников определенных идей и их решительных защитников. Любые актуальные направления в области управления, политики, финансов, образования и др. в последнее время нуждаются в пропаганде.

Так, «особенностью сегодняшнего информационного общества является то, что без пропагандистских технологий не обходится ни одно общественное мероприятие: от выхода кинофильма и спортивных состязаний (чемпионат мира, Универсиада, Олимпиада и т.п.) до выборов (как депутатов местного самоуправления, так и президента)»¹. С течением времени (на протяжении века) изменялась значимость средств политической пропаганды: если в начале XX в. наиболее важной была пропаганда печатными средствами массовой информации, пропаганда в прессе, в 50–60-е годы — радио- и телепропаганда, экранная, наружная, печатная стали преобладающими, то XXI в. полноправно считается «веком интернет-пропаганды».

В информационном пространстве Интернет — теперь первая область столкновений индивидов, социальных групп и общностей, действующих в соответствии со своими интересами и целями. Расширение сферы свободы человека и сужение сферы ответственности стали основой проблемы информационной безопасности общества, государства и всего человечества в целом. Одна из пропагандистских технологий, часто используемых

¹ Говорухина К. А. Глобальное информационное общество: новые политические PR и пропагандистские технологии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2. С. 143.

коммуникаторами, — разработка стратегии «длительной кампании, в ходе которой можно было бы осторожно внедрить, а потом культивировать новые идеи и образы»¹. В дальнейшем при использовании манипулятивной технологии политической пропаганды пропагандист осуществляет следующие действия:

- 1) анализ аудитории, использование статистики, техник и методик выявления фактов и мнений;
- 2) диагностика общественным мнением, представляющая механизм изменения общества.

В условиях глобализации пространства специалисты по *PR*-технологиям часто применяют адресное управление общественным политическим мнением, ориентированное на создание благоприятного общественного климата для деятельности разных общественных структур, и т.д. Кроме того, использование *PR*-технологий большей частью связано с оформлением сообщений так, чтобы они соответствовали новостным ценностям.

Новые политические реалии и процессы глобализации немного изменяют традиционные представления о *PR* и пропагандистских технологиях. Современное информационное пространство помогает быстрому внедрению вербальных, визуальных воздействий и других сообщений, а также облегчает взаимодействие участников коммуникационного процесса. РФ стала активным актором глобализирующегося информационного пространства. Можно выделить три основные тенденции настоящего периода:

- 1) постепенный приход в российское информационное общество зарубежных медийных институтов (газет, журналов, радиостанций и т.п.);
- 2) включение в глобальную сеть Интернет;
- 3) изменение характера внутрироссийских СМИ.

XXI век стал эпохой ускоренного развития средств и новых информационно-коммуникационных технологий, а также все более широкого их использования применительно к потребностям общества. Исследование проблем управления массовыми информационными процессами с учетом духовной ментальности российского народа становится стратегическим и важным направлением формирования российского информационного пространства.

¹ Бакулев Г. П. Массовая коммуникация. Западные теории и концепции. М., 2010. С. 40.

Ю. А. Головин
Ярославль

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ЯРОСЛАВЛЕ В XIX В.

Ярославское Демидовское училище высших наук было основано 18 июня 1803 г. императором Александром Первым по просьбе и на средства известного предпринимателя П. Г. Демидова.

За годы существования Демидовского юридического лица в нем работали известные ученые, профессора: Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов, Андрей Алексеевич Исаев, Илья Яковлевич Гурлянд, Роман Михайлович Орженцкий, Николай Львович Дювернуа, Порфирий Леонтьевич Карасевич, Иван Иванович Дитятин, Михаил Николаевич Капустин, Николай Николаевич Ворошилов.

Выпускниками лица были: Николай Ильич Подвойский, Александр Романович Беляев, Максим Адамович Богданович, Илья Яковлевич Гурлянд, Алексей Антипович Потехин, Валериан Николаевич Ширяев, Владимир Александрович Гаген и многие другие.

Ученые Ярославского юридического лица внесли свой вклад в развитие российской политической мысли. Среди них были выпускники факультета нравственно-политических наук Московского университета, одного из центров, выражаясь современными категориями, политологического образования России. Среди них — Александр Павлович Воинов, Алексей Фомич Клименко, Михаил Григорьевич Падерин, Федор Андреевич Бекетов, Герасим Федорович Покровский, Василий Степанович Смирнов¹. В числе преподавателей Демидовского юридического лица были выпускники Санкт-Петербургского и Казанского университетов.

Наиболее значимые работы по юридическим и государственным наукам публиковались во «Временнике Демидовского Юридического Лицея». В первых же книгах «Временника» была опубликована работа Н.Н. Ворошилова «Критический обзор учения о разделении властей». Автор выделял актуальность исследования проблемы разделения властей как отношения двух наисущественнейших, необходимейших и стоящих друг против друга элементов государства — власти и свободы. Н. Ворошилов обращал внимание на то, что, утверждая принцип разделения властей, нельзя забывать о принципе единства власти.

¹ Очерки истории политической науки в Московском университете (1755–1835). М.: Аспект Пресс, 2009. С. 275–287.

В четырех книгах «Временника Демидовского Юридического Лицея» (Кн. 5–8) размещена работа ординарного профессора лицея Н. К. Нелидова «Юридические и политические основания государственной службы». Н. Нелидов подробно раскрыл сущность государственной службы в Германии и Франции в различные периоды их развития. По его мнению, чиновничество в Германии и Франции в период абсолютизма было сильной опорой монархической власти и верным проводником ее планов и целей.

Существенный вклад в развитие понимания роли и места городского самоуправления в России внес профессор Демидовского юридического лицея И. И. Дитятин. В своем фундаментальном труде «Устройство и управление городов России» (Ярославль, 1875, 1877) И. Дитятин подробно и скрупулезно исследовал правовые основы, практическую деятельность органов самоуправления городов России, показал нерешенные проблемы, отличия реальной деятельности от предписанной законами.

Среди крупных научных работ по государственным наукам следует отметить историко-юридическое исследование профессора В. Г. Щеглова «Государственный совет в России» в двух томах, где подробно исследована история развития и деятельности Государственного совета в России с момента его создания Александром Первым в 1801 г.

Традиции политологических исследований сегодня продолжают политологи — преподаватели Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. В 1990 г. было принято решение об открытии в Ярославском государственном университете специальности «Политология», была образована выпускающая кафедра социально-политических теорий, заведующим кафедрой стал Петр Федорович Янкевич, доктор исторических наук, профессор. В 1991 г. осуществлен первый набор на специальность «Политология» по очно-заочной форме обучения, а в 1992 г. по очной форме. Первый выпуск специалистов-политологов проведен в 1997 г. В настоящее время кафедру возглавляет Юрий Алексеевич Головин, доктор политических наук, профессор. На базе кафедры были образованы и успешно работали кандидатский диссертационный совет по политической социологии, кандидатский, а затем докторский диссертационный совет по политическим наукам. Председателями диссертационных советов являлись профессор П. Ф. Янкевич и профессор Ю. А. Головин. Создана научная школа по политической науке (руководитель профессор Ю. А. Головин). Подготовлены научные труды, монографии и научные статьи по актуальным проблемам политической науки. Преподаватели кафедры активно участвуют в деятельности политологических организаций: Российской ассоциации политической науки, Российского общества политологов, Академии политической науки, Национальной коллегии политологов, неоднократно избирались в состав Общественной палаты Ярославской области и Общественной палаты города Ярославля.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Измерение уровня политического доверия граждан к политикам, их действиям, политическим институтам представляется сложным уже потому, что установить некий стандарт с индексом «выше-ниже» в принципе невозможно, но можно определить доверие относительно конкретного времени, данного государства, института и т.п. на основе следующих подходов.

1. Рациональный/эмоциональный подходы как антиномии: с позиции рационального подхода доверие — «гибкое», меняющееся отношение к политике, с одной стороны, зависящее от знаний об уже достигнутых результатах, с другой — покоящееся на личном убеждении, что позитивные результаты непременно будут достигнуты; эмоциональное доверие основано на общепринятых ценностях и нормах, выражено в форме социальных связей, групповой лояльности и идентичности. Если рациональное доверие не особо стабильно, поскольку связано со специфическим опытом объекта доверия, то эмоциональное доверие, напротив, отличается своим постоянством. Здесь важно то, что оба эти подхода не исключают друг друга, скорее взаимозаменяют и благодаря этому выравнивают слабые места властно-общественных отношений. Оба эти измерения имеют разные источники: если в основе эмоционального доверия лежат социальные нормы и связи, идентичность и т.п., то источником рационального доверия является уже достигнутый или ожидаемый результат/эффективность на «выходе».

2. Элитистско-демократический подход определяет основу доверия через выборность политической элиты, представляющей интересы большинства и признающей необходимость «всеобщего блага». Считается, что демократическая политическая элита, зависящая от голосов избирателей, будет управлять так, чтобы уровень доверия большинства по крайней мере не снижался. Недостаток этого подхода — слабый контроль общества над элитой. Кроме того, сторонники конституционно-либерального подхода как оппоненты демократического элитизма выражают скепсис в отношении эффективности высокого уровня доверия к политической элите, так как видят в этом предпосылку политических злоупотреблений и коррупции.

3. Институциональный подход в данном случае опосредован теорией рационального выбора: доверие измеряется моделью поведения «потребность — издержки — расчет», лежащей в основе поведения классического *homo oeconomicus*, субъективно оценивающего ситуацию с точки зрения

ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ПРОЕКТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

собственных интересов и целей. Поведение *homo oeconomicus* отражается и на политическом доверии: он отдает свое доверие в обмен на услуги, удовлетворяющие его запросы. Так, политические институты могут удовлетворить потребности индивидов в той мере, в какой последние получают ожидаемые результаты. В странах новой демократии, как показывают исследования, политические и экономические критерии приобретают большее значение при учете удовлетворения личных потребностей, поскольку новая политическая система находится в состоянии формирования, т.е. «испытывается на прочность»; связь между потребностями и уровнем политического доверия в данном случае очевидна.

4. Неинституциональное измерение политического доверия основано на концепциях политической социализации Г. Алмонда и др., социального капитала Р. Патнэма и др.

Политическая социализация способствует динамизму трансформации авторитарных институтов в демократические. Успех демократии зависит от степени активности политического участия, форм общественного консенсуса, института переговоров и т.д. Особенно актуальна политическая социализация для переходных обществ, несущих отпечаток авторитарной социализации, поэтому здесь неизбежен конфликт систем ценностей, а потенциал доверия, заложенный в политической социализации, может не только не раскрыться, но и стать источником недоверия.

Социальный капитал — это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, рационально и целенаправленно складывающийся в межличностном пространстве. Р. Патнэм, например, считал, что членство в социальных сетях формирует доверие граждан друг к другу, что способствует выработке общественных ценностей и норм. Из всех элементов социального капитала именно сетевое членство может оказывать определенное воздействие на политическое доверие. Но несмотря на значимость политической социализации и социального капитала в подготовке граждан к демократии, исследования их влияния на политическое доверие в странах Восточной Европы показали, что они оказывают на него лишь косвенное влияние.

С точки зрения неинституционального подхода доверие — восходящий процесс, так как оно генерирует общие ценности, нормы, социальные связи. А в рамках институционального метода политическое доверие — нисходящий процесс, в основе которого лежит социальный обмен доверия на результаты на «выходе». Оба эти подхода дополняют друг друга при раскрытии функции доверия. Замечено, что в новых демократиях, особенно на начальных стадиях, превалирует доверие, основанное на нормах обмена. Но в процессе успешной демократизации доверие больше измеряется социальными связями и участием.

Концепт «политические проекты» является достаточно популярным словосочетанием в современной политике и политологии. Он активно используется политическими лидерами и экспертным сообществом в процессе объяснения как сложившихся общественно-политических практик, так и новейших тенденций в «мире политической власти», контуры которых существуют только на уровне общих повесток дня. В настоящих тезисах анализируются общие вопросы и проблемы, связанные с таким политическим проектом, как цивилизация. Выделяются ключевые дискурсивные тренды цивилизационной идентификации России. Отдельное внимание уделяется принципам построения цивилизационных дискурсов, основанных на политических проектах и проектном мышлении в целом. Затрагивается также достаточно дискуссионный вопрос относительно борьбы и столкновения различных цивилизационных дискурсов в выступлениях современных российских политических лидеров, в зависимости от меняющейся внешнеполитической ситуации.

Политические дискурсы, затрагивающие цивилизацию как политический проект, становятся все более интенсивными в последние два десятилетия как в России, так и в мире. Это может быть объяснено следующими факторами. С одной стороны, глобальные экономические, политические, культурные, коммуникационные и миграционные процессы способствуют формированию единой картины миропорядка. Границы между крупными культурами, называемыми цивилизациями, стираются. Возникает эффект так называемой глобальной, общечеловеческой цивилизации, которая основана если не на единых, то на общеразделяемых ценностях. В то же время не все крупные культуры готовы отказаться от ряда своих специфических особенностей и войти в состав нового макрокультурного образования (как полностью, так и частично). Как следствие, возникает эффект межцивилизационных противоречий (в крайней форме — «межцивилизационного конфликта»).

Государственные и надгосударственные (в частности, региональные и международные организации различных уровней) институты оказались перед вызовами новой политической реальности — цивилизационной. Она потребовала объяснения природы множества политических событий исходя не только из национальных интересов государств и их блоков, а исходя из их

самоидентификации как определенной цивилизационной сущности. Кроме того, теория и практика «локальных цивилизаций», которая на протяжении многих столетий существовала в общественно-политических и научных дискурсах, продемонстрировала в конце XX — начале XXI в. определенную ограниченность. В частности, в плане объяснения экономических и политических успехов ряда государств современного мира, таких как США, Канада, Япония и др. Поэтому происходит постепенная ориентация на общемировой цивилизационный дискурс, а затем уже на локально-цивилизационный.

Обозначенные выше факторы потребовали от политических лидеров государств и обществ большего внимания к глубинным социокультурным процессам, происходящим не только в их странах, но и в глобальном мире. Как следствие политические лидеры России в течение последних двух десятилетий (президенты, премьер-министры, министры ключевых министерств) стали активнее использовать проектный цивилизационный дискурс в своих публичных выступлениях. Контентом этих дискурсов являются следующие параметры: во-первых, к какой цивилизационной модели могут быть отнесены дискурсивные практики политических лидеров. Во-вторых, какое место занимает эта модель в современной цивилизационной парадигме. В-третьих, какие возможности для политического и экономического роста может дать выбранный цивилизационный вектор. В-четвертых, с какими вызовами и угрозами могут столкнуться государство и общество, следуя данному цивилизационному выбору. Изучение обозначенных аспектов представляется актуальным и востребованным, так как Россия, несмотря на длительную историю, находится в начале пути восхождения к новым горизонтам идентичности в глобальном альянсе цивилизаций. В связи с этим выбор идентификационной модели имеет значение для самоопределения России не только в «цивилизационном альянсе», но и в контексте выбора дальнейшего вектора политических преобразований.

М. Б. Горный
Санкт-Петербург

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ОРГАНАМИ ВЛАСТИ В РОССИИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И РЕАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Взаимодействие власти и общества происходит в двух направлениях: участие граждан и их объединений в решении проблем государства; государственная поддержка общественных объединений.

С государственной поддержкой все ясно: на федеральном и региональном уровнях принимаются программы государственной поддержки, проводятся конкурсы, СОНКО получают финансирование. Политика государственной поддержки НКО (законодательство и программы финансирования СОНКО) реально позволяет НКО осуществлять социально значимые проекты, заменяя таким образом иностранное финансирование. Однако, во-первых, все НКО делятся на «хорошие» — СОНКО, и «не совсем хорошие» — не СОНКО, а во-вторых, даже среди «хороших» финансируются другие НКО, лояльные власти, и другие проекты, главным образом социальные. Так осуществляется изменение состава институтов гражданского общества, что делает его все более подконтрольным органам власти. Таким образом, второе направление тесно связано с первым: государство регулирует, кто и как может участвовать в решении государственных проблем. После всплеска гражданской активности в 2011—2012 гг. принимаются законы об «НКО — иностранных агентах», проводятся прокурорские проверки. В реестре НКО — иностранных агентов уже более 50 организаций. В результате НКО отсекаются от иностранного финансирования, резко ослабляют свою деятельность, связанную с критикой действий власти.

Теперь обратимся к участию граждан и их объединений в решении проблем государства. Политика властей в области обеспечения участия в решении государственных проблем откровенно препятствует гражданам и НКО реально участвовать в формировании социальной политики государства и решении его проблем. Все НКО рассматриваются как поставщики социальных услуг и только в этом качестве могут участвовать в решении государственных проблем: обсуждать программы государственной поддержки СОНКО и реализовывать проекты в рамках данных программ.

На сегодняшний день законодательно урегулировано участие граждан и их объединений в решении одной из важнейших проблем взаимодействия общества и власти: контроля за деятельностью органов власти, касающейся соблюдения прав и законных интересов граждан.

В 2011 г. принят и действует в настоящее время закон Пермского края, регулирующий общественный (гражданский) контроль в регионе. В законе гражданам и их объединениям предоставлено право самостоятельно определять формы общественного контроля и осуществлять его.

В это же время началась работа над проектом федерального закона. Такой проект в начале 2014 г. был подготовлен Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека совместно с Общественной палатой РФ (далее — проект СПЧ). Проект был направлен в Администрацию Президента и радикальным образом переработан.

21 июля 2014 г. был принят и вступил в силу Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее — ФЗ №212).

ФЗ № 212, на наш взгляд, в отличие от проекта СПЧ имеет следующие принципиальные недостатки:

- исключает граждан и НКО из числа субъектов общественного контроля, делает главным действующим лицом по организации и осуществлению данного процесса общественные палаты различных уровней (ОП) и общественные консультативные структуры при органах исполнительной власти (ОКС). Между тем и ОП, и ОКС в подавляющем большинстве случаев в нашей стране являются подконтрольными органам власти и не могут объективно осуществлять общественный контроль;
- исключает избирательный процесс и судебные акты из объектов контроля. Между тем именно избирательный и судебный процессы подвержены наиболее вопиющим нарушениям прав и законных интересов граждан, о чем свидетельствуют, например, результаты выборов 14.09.2014 г. и судебные иски по ним;
- исключает наиболее перспективные формы общественного контроля, такие как общественное расследование, публичные отчеты должностных лиц и др.

Имеется уже и правоприменительная практика, которая подтверждает факт препятствия властями осуществлению общественного контроля на основании норм принятого ФЗ № 212. Осенью 2014 г. Главное управление Министерства юстиции РФ по Нижегородской области отказало в государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы Межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток», где сказано, что организации могут осуществлять общественный контроль. Основанием для отказа послужило отсутствие в ФЗ № 212 прямой нормы, предоставляющей такое право общественным объединениям.

Федеральный закон ФЗ № 212 повлечет разработку и принятие соответствующих региональных законов. Есть опасение, что региональное законодательство будет воспроизводить все отмеченные недостатки ФЗ № 212.

В Санкт-Петербурге разрабатывается законопроект, свободный от описанных недостатков. Он учитывает опыт городских НКО и общественного совета при проведении независимой оценки деятельности учреждений, предоставляющих социальные услуги населению.

М. Н. Грачев
Москва

ОНЛАЙН-ДЕЛИБЕРАЦИЯ КАК СЕТЕВОЙ КОМПОНЕНТ ДЕМОКРАТИИ БУДУЩЕГО

В современных государствах, где властно-управленческие функции в соответствии с принципами представительной демократии делегируются выборным органам и должностным лицам, у граждан нередко возникает чувство отчуждения по отношению к решениям, затрагивающим непосредственную жизнь отдельно взятого человека, вследствие невозможности оказать влияние на процесс их выработки и принятия. Одним из перспективных способов преодоления такого отчуждения видится использование механизмов делиберативной (или совещательной) демократии, делающих акцент на роли общественных дискуссий в формировании общей основы для понимания существующих проблем и дальнейшего достижения политического консенсуса, что предполагает для участников обсуждения возможность не просто слушать, но и быть услышанными. Принципиально важно, что процедуры делиберативной демократии нацелены на обогащение или даже на возможную коррекцию мнения индивида после знакомства с позициями других участников дискуссии, и в этом плане они существенно отличаются от традиционных дебатов, главная задача которых заключается в том, чтобы отстоять свою точку зрения через доказательство несостоятельности аргументов оппонента.

С середины 1990-х годов Центром делиберативной демократии при Департаменте коммуникации Стэнфордского университета под руководством Дж. Фишкина проводятся регулярные эксперименты, преследующие цель получить представление о том, каковы будут суждения общественности по тому или иному вопросу государственной политики в условиях лучшего информирования и возможности взвешенного и обдуманного обмена мнениями. Первоначально такие эксперименты проводились в формате «делиберативных уикендов», участники которых отбирались посредством случайной выборки из базы данных переписи населения. Каждый из участников после предварительного собеседования и анонимного анкетирования получал тщательно сбалансированные и выверенные информационные материалы, обеспечивавшие основу для развертывания диалога, направлялся в одну из малых дискуссионных групп, возглавляемую подготовленным модератором, и в ходе обсуждения получал стимул к тому, чтобы в дальнейшем на больших пленарных заседаниях задавать вопросы экспертам и политикам, представлявшим различные точки зрения. В конце «делиберативного уикенда» участники заполняли такую же анонимную анкету, что и при

первой встрече. Анализируя полученные данные, Дж. Фишкин отмечал, что в результате экспериментов до двух третей их участников могли существенно изменить свое мнение по поводу обсуждавшихся проблем¹.

Дальнейшие эксперименты, проводившиеся различными исследовательскими учреждениями в разных странах, были связаны преимущественно с использованием возможностей Интернета для проведения масштабных «делиберативных опросов». В последние годы стала заметно развиваться совокупность различных видов практической деятельности, научных исследований и разработок программного обеспечения, содействующих обстоятельным и результативным сетевым дискуссиям, направленным на выработку и принятие политико-управленческих решений, за которой закрепилось название «онлайн-делиберация». Данная проблематика стала предметом обсуждения уже девяти специализированных международных научных конференций и семинаров.

Как отмечает Дж. Фишкин: «Пока, очевидно, онлайн-версия делиберативного опроса обладает более скромным воздействием, чем та, которая проводится в формате “лицом к лицу”. Вместо напряжения делиберативного уикэнда, который полностью поглощает участников, часовые дискуссии происходят в домашних условиях. В период между сессиями участники находятся под воздействием всех своих повседневных привычек, источников новостей и собеседников. Эти факторы, вероятно, ослабляют результирующее воздействие»².

На наш взгляд, более высокие показатели «делиберативного уикэнда» по сравнению с онлайн-делиберацией можно истолковать с позиций проявления «хоторнского эффекта», когда необычность условий проведения эксперимента и проявление повышенного внимания к его участникам существенно повлияли на поведение и мнения респондентов. Поэтому результаты воздействия сетевой версии «делиберативного опроса» в действительности оказываются ближе к истине. Тем не менее есть основания полагать, что онлайн-делиберация открывает новые возможности для взвешенного и обдуманного участия граждан в управлении государственными и общественными делами на всех уровнях власти и на протяжении всего цикла подготовки и принятия политико-управленческих решений в соответствии с принципами демократии. Вопрос, однако, заключается в том, в какой степени эти возможности смогут реализоваться в будущем, поскольку проявления гражданской активности совещательного плана в сетевой среде пока еще заметно уступают интернет-коммуникации, более ориентированной на развлечения, а также скорее на личные, чем на общественные потребности.

¹ См.: *Fishkin J. S. Virtual public consultation: prospects for Internet deliberative democracy // Online Deliberation: Design, Research, and Practice / Eds. T. Davies, S. P. Gangadharan. Stanford CA, 2009. P. 27.*

² См.: *Fishkin J. S. Op. cit. P. 27.*

Г. Д. Гриценко
Ставрополь

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ЭКСПЕРТЫ О РИСКАХ И УГРОЗАХ

Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе за последние двадцать—тридцать лет стала одним из приоритетных объектов исследования этнологии, конфликтологии и иных наук. Используется для анализа как этнологическая исследовательская парадигма, так и конфликтологическая, особенность которой — признание конструктивности конфликта как инструмента саморазвития социальных систем. Такая интерпретация конфликта была использована в эмпирических исследованиях 2006—2014 гг. с целью изучения и прогнозирования рисков и угроз региональной безопасности на Северном Кавказе.

Согласно исследованию 2007 г., ситуация в Северо-Кавказском регионе будет обостряться, поскольку «кризисные и конфликтные процессы в этнополитической сфере продолжают существовать»¹.

Результаты опроса 2014 г. подтвердили данный прогноз: этнополитическая напряженность на Северном Кавказе, за исключением 2014 г., оценена в 4,3 до 4,8 балла по пятибалльной системе. Самыми кризисными годами были 2011-й и 2012-й, в которых этнополитическая напряженность приблизилась к пяти баллам. Это обусловлено в 2011 г. эскалацией локальных конфликтов в Дагестане, КБР и КЧР: например, в Карачаево-Черкесии произошло резкое ухудшение ситуации, что выразилось более чем в восьмикратном увеличении числа жертв; в 2012 г. был совершен ряд громких убийств общественных и религиозных деятелей, адвокатов, в частности шейха Саида Афанди.

Наибольшей эвристической ценностью с точки зрения результатов экспертного опроса 2014 г. обладают прогностические суждения экспертов: в ближайшие два года в Северо-Кавказском регионе может произойти обострение этнополитической ситуации: прогнозируется рост напряженности в 2015 и 2016 гг. — от умеренно высокого, как в 2014 г. (3,5 балла), до высокого (3,8 балла).

Несмотря на атомарность этнополитической ситуации в Северо-Кавказском регионе, эксперты назвали факторы, которые по-прежнему игра-

¹ *Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М.: Альфа-М, 2008. С. 174.*

ют и будут играть первостепенную роль в эскалации современной этнополитической напряженности.

К числу наиболее разрушительных факторов, являющихся своеобразным вызовом стабильности, была отнесена коррупция. На первый взгляд организована мощная антикоррупционная «война» со стороны государства. Однако, как полагают эксперты, в частности М. А. Аствацатурова, «она сводится к отдельным показательным политическим прецедентам — дело ЮКОСа, дело Лужкова, дело Сердюкова, а также смене состава глав субъектов...».

Рискогенным фактором региональной безопасности, с точки зрения экспертов, стало ухудшение социально-экономического положения значительной части населения, обусловленное объективными процессами, а именно: внутренними структурными проблемами российской экономики, отягченными экономическими санкциями в отношении России.

Серьезной угрозой стабильности и безопасности на Северном Кавказе эксперты считают радикализацию религии, что обусловлено, согласно экспертному мнению, главным образом внешними обстоятельствами: «усилением позиций террористических и экстремистских организаций, прежде всего ИГИЛ, которое обозначило своей целью построение халифата с включением в него территорий Чечни и Дагестана. Интерес ИГИЛ к северокавказским исламским сообществам, предполагают эксперты, будет проявляться в усилении пропагандистского, вербовочного воздействия на молодежь с целью приобщения ее к оживлению непосредственной террористической деятельности на территории Северного Кавказа».

Таким образом, результаты экспертного опроса свидетельствуют о сохранении внутривосточных вызовов и рисков, осложненных геополитическими угрозами, что актуализирует необходимость постоянного мониторинга этнополитической ситуации с опережающим эффектом как единственного средства отслеживания этнополитических явлений и процессов.

Н. В. Гришин
Астрахань

МОГУТ ЛИ ИНСТИТУТЫ ОБЕСПЕЧИТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ВЫБОРОВ?¹

Вплоть до начала XXI в. в политической науке существовали методологические препятствия для осознания важности вопроса об институциональном обеспечении выборов.

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00153 «Государственная политика и управление в сфере избирательного процесса: концептуализация научного направления».

Продолжительное время выборы рассматривались как институт, существование которого само по себе способствует демократизации политической системы. Представления о том, какой должна быть организация этого института, чтобы он мог выполнять эту функцию, в целом исчерпывались базовыми международными стандартами. Данная тенденция получила наиболее яркое воплощение в традиции электорализма.

События третьей волны демократизации и противоречия политического процесса в транзитивных странах заставили пересмотреть взаимосвязь выборов и демократии. Вышедшая в 1999 г. статья Й. Элклита имела подзаголовок из английской пословицы — «Можно привести лошадь к водопою, но нельзя заставить ее пить». Избранная автором аналогия отражала важную вежу: было признано, что институт выборов сам по себе не может привести к демократическому эффекту, если отсутствуют иные условия в политической культуре, отношении правящих элит и т.д.

После провозглашенного в 2002 г. Т. Каротерзом «конца» парадигмы транзита возникает дискуссия о том, в какой степени выборы способствуют демократии. Именно в результате этой дискуссии политическая наука впервые может выйти к постановке вопроса — как именно должны быть организованы выборы и каким они должны обладать институциональным обеспечением, чтобы быть демократическими.

В рамках самой дискуссии выделяются три основные линии. К первой из них можно отнести «скептиков» (Дж. Ганди, Э. Ласт-Окар, Б. Магалони, Л. Ракнер и Х. Роннинг и др.), которые разрабатывают новаторскую идею о том, что некоторые внешне демократические институты (в том числе выборы) служат укреплению авторитарного режима. Таким образом, выборы не только не обеспечивают демократизации «гибридных режимов», но препятствуют ей.

Вторая линия представлена в теории «электорального авторитаризма» А. Шедлера: выборы при данном подходе трактуются как присущие демократическому режиму, но при этом в условиях авторитарной системы не оказывающие демократического эффекта.

Представители третьей линии обосновывают идею о том, что выборы даже в условиях недемократического режима все-таки способствуют демократическим изменениям (С. Линдберг, М. Ховард, Ф. Ресслер и др.).

Выход из дискуссии возможен путем уточнения представлений о феномене выборов как таковом. Ведь различия в демократическом эффекте выборов в разных странах можно объяснить не только влиянием внешней среды (режима в целом и т.д.), но и непосредственной организацией выборов и их институциональным обеспечением. В связи с этим в повестке дня возникает вопрос о том, есть ли институциональные отличия в проведении и организации выборов в тех странах, где выборы являются эффективным инструментом демократизации, от тех случаев, где они таким качеством не обладают.

Таким образом, скептикам, разочарованным в том, что выборы сами по себе не способствуют демократии, можно возразить: а были ли созданы достаточные институциональные основания выборов в тех случаях, когда они оказались неэффективны? Достаточно ли ясно мы представляем, какая именно организация института выборов необходима для их демократического функционирования?

Представления об институциональном обеспечении демократических выборов не должны исчерпываться традиционными «международными стандартами».

Решение данной научной задачи может существенно повлиять на понимание феномена выборов как в недемократических странах, так и в странах устойчивой демократии.

Можно пересмотреть вопрос о том, можно ли за счет институционального дизайна повысить демократический эффект выборов в условиях неблагоприятной политической системы. Именно в этом направлении движутся эксперты Венецианской комиссии, изучающие демократический потенциал конкретных электоральных институтов, например предельного размера сбора подписей для регистрации кандидатов и т.д.

Но еще интереснее, что можно выявить отдельные элементы в организации выборов, которые практикуются в условиях демократической среды, но имеют скрытый авторитарный потенциал, не проявляющийся именно потому, что он компенсируется внешними факторами. Примером этого можно назвать практику закрытых партийных списков на выборах: его негативный для демократии потенциал пребывает в «спящем режиме» в Германии, но вызывает гораздо больше проблем в Испании и Португалии и тем более — в неевропейских странах.

О. Е. Гришин
Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: ФАКТОРЫ И ИННОВАЦИИ

Политическая стабильность часто рассматривается как ключевой фактор социальной стабильности. Социальная стабильность является ключевым аспектом в функциональной теории общества, объясняющим эту стержневую категорию и, как правило, связанность с социальной интеграцией и/или состоянием определенного социального равновесия. Стабильность определяется в терминах социального равновесия («круговорот» элит, гармония, баланс сил в обществе и т.п.), характеризующего

ся небольшим количеством конфликтов, незначительной степенью хаоса и наличием относительно устойчивого развития.

Наиболее важными факторами, угрожающими социальной стабильности современного общества, являются: безработица, нищета, социальное неравенство, увеличение пожилого населения и иммиграция. Политическая стабильность коррелируется с социальной стабильностью, как правило, в сочетании с прочностью и постоянством конкретных государственных программ развития, которые могут быть реализованы с помощью различных правительственных решений при отсутствии серьезного дисбаланса в социальной сфере и резких возражений со стороны общества.

Политическая стабильность является изменчивой (моделируемой) категорией, которая определяет и фиксирует желаемое состояние политических отношений. Исследователи при анализе политической стабильности используют различные рейтинги и индексы, например показатели эффективности политического управления, характеристики политических режимов, уровни политической нестабильности, критерии политических рисков, величины недееспособности государств и др.

Для интерпретации политической стабильности необходимо прогнозировать предсказуемость функционирования основных элементов политической системы. Политическая стабильность является особым свойством функционирования политической системы. Оно характеризуется тем, что поведение групп с конфликтными и/или расходящимися интересами более или менее предсказуемо. Такое допущение основано на институциональном подходе и, как правило, не подвергает сомнению фундаментальные принципы организации современного общества.

Стабильность политической системы зависит от степени совместимости целей коллективных и индивидуальных субъектов политики. Совместимость определяется конфигурацией формальной структуры политической системы и степенью заинтересованности политической элиты в адекватном восприятии социальной реальности всеми членами общества.

При анализе факторов, определяющих стабильность политической системы, рассматриваются коллективные интересы и социально-политические ориентации личности сквозь призму ригидности мышления и фиксации аспектов функционирования основополагающих экономических и политических институтов. Оценивается уровень дивергенции групповых интересов и их влияние на политическую стабильность. Коллективные интересы необходимо исследовать на основе достижений и выводов политической географии и социологии конфликтов.

Механизм стимулирования инновационного развития создает различные типы комплексных программ (например, «Инновационная Россия-2020»), направленных на изменение важных экономических отношений, новой конфигурации многообразных методов распределения ресурсов

и т.п. Такие трансформации направлены прежде всего на формирование социального государства, его реструктуризацию и развитие. Во всех этих начинаниях источником новых идей выступает качественная трансформация политической системы. Поэтому демократические институты можно рассматривать как мощный источник экономической перестройки, организационных инноваций в пользу социально-политического развития.

Устойчивые параметры политической системы при условии сохранения ее структуры, обуславливающие эффективность ее функционирования и развития, при влиянии внешних и внутренних факторов (воздействий) формируют политическую стабильность. Специфика политической стабильности зависит от социального равновесия и интеграции в обществе, ценностей, традиций и интересов различных его групп. Основными механизмами достижения стабилизации политической сферы в современных условиях являются исследование будущей деятельности субъектов политики, снижение степени политического отчуждения, координирование влияний групп интересов, применение инноваций в политике. Среди последних актуальными для России можно назвать: изменение условий функционирования избирательной системы, ослабление правил получения гражданства, отход от сырьевой экономики, развитие высокотехнологичных производств и т.п. Совместные и согласованные усилия гражданского общества и государства приводят к эффективному функционированию политической системы и ее стабильности. Государство с учетом российских традиций, как правило, стимулирует, управляет и регулирует инновационные процессы, а общество участвует в формулировании их целей и задач, формируя, таким образом, идеологическую и социально-политическую платформу инновационных преобразований.

Е. В. Гулина
Москва

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ЕВРАЗИЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ И КИТАЯ

Курс на углубление евразийской интеграции неоднократно подчеркивался в заявлениях первых лиц и концептуальных документах России. При этом значимая роль в процессах интеграции в Евразии отводится именно государствам Центральной Азии, а создание ЕАЭС так или иначе влияет на расстановку сил в регионе.

Китай в силу своих интересов проводит активную центральноазиатскую политику, укрепляя свое присутствие в регионе. Так, например, за 20 лет его торговля с государствами ЦАР выросла более чем в 100 раз¹. Данный курс привлекателен и для государств Центральной Азии, поскольку Китай предоставляет дешевые кредиты, он верен принципу «невмешательства во внутренние дела» и не выдвигает каких-либо политических условий.

С учетом активности Китая в Центральной Азии возникает вопрос: отвечает ли его национальным интересам создание ЕАЭС? По мнению Лю Гучана, бывшего посла Китая в России, этот процесс будет только способствовать углублению российско-китайского сотрудничества, создавая новые возможности и для самого Китая².

Однако единое таможенное пространство в рамках ЕАЭС может стать препятствием для реализации китайских торговых интересов в Центральной Азии. Кроме того, возможно даже обострение противоречий между Россией и Китаем в случае проведения государствами ЕАЭС единой энергетической политики.

Россия, в свою очередь, сталкивается с проблемой адаптации к стремительному росту Китая. В частности, в докладе о проблемах социально-экономического развития России «Стратегия-2020» подчеркивается, что основные риски для нашей страны связаны с «усилением новых центров силы, в частности Китая, завоевывающего доминирующие позиции на товарных рынках, в том числе и “традиционно российских”...»³.

В Китае же распространено мнение, что Россия предпочитает опираться именно на ЕАЭС, чтобы успешнее балансировать в ШОС, поскольку там экономически доминирует Пекин. Поэтому Россия выступает против создания в ШОС зоны свободной торговли, в то время как Китай пытается углубить экономические связи в Организации. С началом функционирования ЕАЭС степень экономической интеграции в регионе повышается, что скажется и на возможности экономической интеграции в пределах ШОС, и на интересах Китая.

Нельзя не учитывать и тот факт, что в настоящее время Китай активно продвигает свой проект — «Экономический пояс Шелкового пути», в рамках которого возможна прокладка нескольких маршрутов, в том числе и через Россию. Согласно официальной позиции Пекина реализация проекта способна наполнить существующие механизмы (ШОС, ЕАЭС) «новым со-

¹ Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия: рабочая тетрадь / Российский совет по международным делам. М., 2013. С. 35.

² Цит. по: Ван Шуцунь, Вань Чинсун. Перспективы Евразийского интеграционного проекта и Китай // Обозреватель-Observer. 2013. № 4 (279). С. 51.

³ Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>.

держанием и придать им дополнительный импульс...»¹. Близкую позицию занимает и российское правительство, выражая уверенность в наращивании сотрудничества, в том числе путем сопряжения «Экономического пояса Шелкового пути» с процессами евразийской интеграции².

Тем не менее реализация Китаем данного проекта может привести к уменьшению роли России в Центральной Азии, поскольку он затронет все республики региона. Кроме того, правительство КНР высказало идею об интеграции «Экономического пояса Шелкового пути» с проектом «Морского Шелкового пути XXI века» в Азиатско-тихоокеанскую зону свободной торговли³. При таком развитии событий ЕАЭС фактически может раствориться в данном проекте.

Все это говорит о необходимости создания такой модели реализации российских и китайских проектов евразийской интеграции, в которой они стали бы дополняющими друг друга, а не конфликтующими, интеграционными объединениями.

Необходимо учитывать также и то, что Китай и Россия заинтересованы в статусе «стратегического партнерства», однако это не означает, что они откажутся от своих интересов в Центральной Азии. Китай будет продолжать укреплять двусторонние отношения с государствами региона. России же необходимо найти способ, как использовать рост китайской экономики для собственного развития и обеспечения национальной безопасности.

В. А. Гуторов
Санкт-Петербург

ВОЗМОЖЕН ЛИ КОНСЕНСУС В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛИТИКИ?

В научном и политико-теоретическом дискурсах, сформировавшихся во второй половине XIX — XX в., обычный ход мысли и порядок аргументации на протяжении долгих десятилетий определялся принципом «взаимозависимости» процессов возникновения политики и государства. Такой

¹ Посол КНР в Москве: надеюсь на улучшение инвестиционного климата в России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.interfax.ru/400597>.

² Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова газете «China Daily», опубликованное 15.04.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/C0CE36DCDAABF0E444257CBV0020E494.

³ Си Цзиньпин: Азиатско-тихоокеанская зона свободной торговли не противоречит существующим условиям свободной торговли. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cntv.ru/2014/11/11/ARTI1415665426764693.shtml>.

подход, несомненно, являлся определенной формой рационализации аристотелевской телеологической трактовки примата рационального политического начала над всеми другими формами человеческой деятельности, неотделимой от идеи превосходства греческого полиса и образа жизни над «варварскими» деспотиями. По утверждению Ханны Арендт: «Полис, собственно говоря, не есть город-государство в смысле его физического положения на определенной местности; это организация людей, возникающая непосредственно из их совместной деятельности и разговора друг с другом, и ее истинное пространство находится между людьми, совместно живущими для этой цели, независимо от того, где это происходит»¹. Аналогичный принцип, по-видимому, определил характерное название фундаментального труда Кристиана Мейера «Открытие греками политики»².

Однако подобный подход вступает в явное противоречие с современными научными представлениями о сущности государства и его базовых исторических характеристиках. «Государства, — отмечает Ч. Тилли, — являются крупнейшими и сильнейшими образованиями вот уже 5000 лет. Мы определяем государства как организации, осуществляющие принуждение (организации принуждения), отличные от домохозяйств и родственных групп и имеющие несомненное преимущество сравнительно со всеми другими образованиями на определенной территории. Понятие “государство” в таком случае включает города-государства, империи, теократии и многие другие формы правления, но не включает племена, роды, фирмы и церкви как таковые»³.

Подобного рода противоречия и явные теоретические «несостыковки» заставляют по-новому взглянуть на сложившиеся традиции и методологию анализа происхождения феноменов государственности и политики в европейской и мировой культуре. Например, Макс Вебер, характеризуя греческий полис, исходил из своей концепции западной рациональности, проявляющейся прежде всего в способности к дифференциации различных сфер социальной организации — публичной и частной, религиозной и светской, политической и экономической, в разработке теоретических методов анализа основных ее аспектов. В соответствии с такой характеристикой создание греками политики было первым шагом в процессе достижения того, что Вебер называл «формальной рациональностью»⁴. Альтернативным

¹ *Arendt H.* The Human Condition. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1958. P. 198.

² *Meier Chr.* The Greek Discovery of Politics. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1990.

³ *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М.: ИД «Территория будущего», 2009. С. 21–22; см. подробнее: *Гуторов В. А.* К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций // Полис. 2014. № 3. С. 91–110.

⁴ *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Köln; Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1964. passim; ср: *Nafissi M. R.* On the Foundations of Athenian Democracy: Marx's Paradox and Weber's Solution // Max Weber Studies. 2000. No 1. P. 56–83.

веберовскому является холистский подход, сформировавшийся на основе изучения древних и новых примитивных обществ и основывающийся на представлении о рациональности как внутреннем свойстве социальной системы, проявляющемся в интеграции различных сфер деятельности вокруг главного системообразующего признака. У одного из основателей этой теории — Э. Дюркгейма — таким стержнем была религия¹.

Дюркгеймовский подход в настоящее время более соответствует современной концепции политогенеза по сравнению с веберовской парадигмой. Само понятие «политогенез», используемое вместо традиционного, более узкого по смыслу понятия «процесс формирования государства», предполагает, во-первых, глубокую преемственность ранних государств с предшествующими политическими институтами первобытного общества и, во-вторых, что феномен политики исторически является более древним по происхождению и многообразным по форме по сравнению с феноменом государственности. Использование данного понятия подкрепляет принципиальное убеждение в том, что анализ возникших задолго до классической полисной культуры типов политики и государственности в методологическом плане должен вписываться в общенаучные определения политики, имеющие универсальный характер. Аналогичным образом адекватное понимание природы ранних государств существенно затрудняется, если имеющиеся в научной литературе определения их особенностей будут противоречить универсальным определениям. Только на их основе возможно достигнуть согласования теоретических и научных позиций, которые сравнительно недавно выглядели как совершенно непримиримые.

Э. Д. Дагбаев
Улан-Удэ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Проблема изучения политического сознания современной монгольской молодежи представляется очень своевременной для научного исследования и решения практических задач международного сотрудничества и новых отношений между Россией и Монголией. Актуальность исследования заключается в том, что оно позволяет выявить содержание и факторы, влияющие на характер и тенденции в развитии политического сознания современной монгольской молодежи, а значит, является очень важным для понимания и прогнозирования политического поведения гра-

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 162 сл.

ждан страны. К большому сожалению, выявление ценностей, установок и стереотипов молодежи восточных стран в настоящее время находится на периферии отечественной политической науки, хотя поворот российской политики и экономики на Восток совершенно очевиден.

Практически впервые в постсоветский период автор и его коллектив осуществляют комплексное описание политического сознания современной монгольской молодежи, что стало исследованием в принципиально новой тематической области. Совместное исследование с монгольской стороной позволяет развить новое междисциплинарное направление общественной науки, которое находится на стыке политологии, социологии, востоковедения и регионоведения.

В рамках социологического подхода разрабатывается методика исследования молодежи и неинституциональных аспектов социально-политических процессов в Монголии в постсоветский период. Для сбора, обработки и анализа социологического материала будут использоваться методы математической статистики, современные информационные технологии, а также впервые на основе геоинформационных технологий будут созданы различные карты для пространственного анализа ценностных ориентаций монгольской молодежи.

Проведенное пилотное исследование позволило получить целый ряд результатов, в той или иной мере характеризующих содержание и факторы, влияющие на политическое сознание монгольской молодежи. Надо сказать, что современная Монголия находится в серьезном поиске глобальной и региональной политической идентичности. Сегодня на уровне мировой политики идет борьба между различными акторами, реализующими на постсоветском пространстве свои региональные проекты. Влияние в регионе и влияние в стране для современных региональных лидеров определяется возможностью предлагать набор маркеров и принимать решение о соответствии им другого государства. В случае с Монголией за это право борются США, КНР, Россия и Южная Корея.

В настоящее время политическое сознание монгольской молодежи характеризуется стремлением к демократии, желанием заимствовать лучшие образцы политических идей и политического поведения, открытостью к миру, но в то же время стремлением к сохранению традиций и обычаев своего народа. В итоге вопрос о политическом сознании монгольской молодежи — это вопрос о том, чьи и какие маркеры будут доминирующими в процессе выстраивания Монголией своей региональной идентичности. Текущее многообразие этих маркеров будет определяться современной политической ситуацией вокруг Монголии и освоением ее природных ресурсов, за которые конкурируют транснациональные корпорации. Такая неопределенность порождает целый набор вероятных сценариев трансформации политического сознания монгольской молодежи.

Ю. В. Данюшина
Москва

МЕМЫ КАК ОРУДИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ГИБРИДНЫХ ВОЙНАХ (на материале Украины)

Рассматривается использование мемов в качестве орудия «мягкой силы» в гибридных войнах. В условиях тотальной дигитализации интернет-мемы служат действенным орудием информационного воздействия и активными инструментами мифологизации общественного сознания, формируя современные социальные мифы.

В докладе описываются и классифицируются мемы и целые комплексы мемов (мемплексы), появившиеся и созданные в ходе событий начала украинского кризиса (конец 2013 г. — начало 2014 г.).

Проведено когнитивное картирование мемплекса «(Евро)майдан» и определены составляющие его основные семантические поля:

- 1) участники (субъекты) — люди (а иногда и животные), организации, стороны (например, «онижедети», «укропы», «сепары»);
- 2) артефакты / объекты (например, «золотой батон», «печеньки Нунланд»);
- 3) события (например, «ленинопад», «оккупендум»);
- 4) местности (например, «Внаукраина», «Луганда»);
- 5) девизы, идеи (например, «Стабильняку на гяляку, здравый смысл на ножи!»).

Причем каждое когнитивно-семантическое поле, в свою очередь, распадается на две подобласти, обозначающие противодействующие стороны конфликта (Майдан и Антимайдан), и эти две подобласти выступают во взаимоотношениях пейорации и троллинга друг к другу.

Так, в число мемов, обозначающих противников «старой власти» (свергнутого в феврале 2014 г. президента), первого семантического поля «участники», входят следующие мемы: *майданищики*, *майдауны*, *майданутые*, *онижедети*, *мирные протестанты* (особенно как подписи к изображениям людей, вооруженных дубинами и цепями), *побиті діти* (*избитые дети* — визуальным символом этого мема стало фото американской актрисы Хлои Морец с постера к фильму «*Sadie*» с окровавленным лбом и украинским флагом на щеке, добавленным с помощью фотошопа), *западенцы*, *свидомые*. Сюда же входят *сотник*, *сотня*, *небесная сотня*, *киберсотня*, *псы*, *правосеки*, *нацики* (*или нацагады*), *хунта*; *крымчанка — дочь офицера*; *баунти-хантеры*. Еще одним элементом этого поля являются троллинг-име-

нования представителей Западной и Центральной Украины: *укры*, *укропы*, *каклы*.

В число мемов, обозначающих противников Майдана, входят следующие: *антимайданищики*, *Беркут*, *беркутята*, *киберберкут*, *титущики*, *Злочинна Влада*. С переходом событий от Киева на юго-восток страны добавились *сепаратисты*, *федералисты*, *Бабай*, *Стрелок*, *ватники*, *колорады* (*колорадские жуки*). Два последних представляют особенный социолингвистический интерес: во-первых, они являются чрезвычайно яркими примерами «расчеловечивания» противника — спецприема, используемого в пропаганде и в информационных войнах, при котором специальная номинация представляет противника не как человека, а как неодушевленный предмет или животное, тем самым ликвидируя естественный гуманизм в отношении к этому противнику.

Во-вторых, эти два интернет-мема в последнее время наглядно демонстрируют явление, которое мы предлагаем назвать «вторичным осваиванием с мелиорацией значения»: эти изначально отрицательные мемы были взяты на вооружение («освоены») теми, кому они предназначались, и блогеры — противники Майдана гордо разместили на своих аватарках и в демотиваторах изображения символов американского штата Колорадо, флагов испанского сопротивления (обыгрывая исторические смыслы слова *colorado*), и даже колорадского жука, побеждающего клопа или таракана. Нередко встречаются и соответствующие сетевые ники и мем-фразы (например, *ватник* часто рифмуется с названием нового защитного военного обмундирования «*Ратник*»), а также текстовые и визуальные материалы, в которых *ватник* ассоциируется с трудовыми и военными победами простого народа.

Проиллюстрированы явления наложения мемов («вежливая кошка»).

Отдельно проанализирован мемплекс «*вежливые люди*», показано, как — помимо своей двойной пользы («деликатная номинация» тех, кого прямым текстом называть было нежелательно, и формирование положительных коннотаций) — данный мем был еще и эффективно противопоставлен другому мему, «онижедети», который утратил свою функцию формирования позитивного общественного мнения (поскольку уже не ассоциировал майдановцев с побитыми полицией детьми, вызывая прежнее сочувствие, а создавал уже сатирические противоречия в сознании граждан, видящих в протестантах опасных боевиков, но не мирных подростков). При этом новый мем *вежливые люди* стал выполнять именно эту важную роль, тем самым воплощая социальную функцию мема как инструмента коммуникативного воздействия на умы, чувства и поведение людей, как средства конструирования общественного мнения.

Проведенный социодискурсивный анализ позволяет сделать вывод о том, что мем является мощным орудием информационной войны и механизмом конструирования общественного сознания.

А. В. Дахин
Нижний Новгород

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ СТРАТЕГИЙ И УЯЗВИМОСТЕЙ: ПОДХОД В СВЕТЕ INTERMESTIC

Инициированная США санкционная антироссийская волна, поводы для которой были созданы на почве Украинского политического кризиса 2014 г., позволяет заключить, что «первую скрипку» в современной геополитике играют страны, руководство которых уверенно таргетирует цели на расстояниях, превышающих любые сроки правления конкретных президентов, т.е. на периоды от 50 до 100 лет. Россия строит свой глобальный путь развития иначе. Она строго вписывает его в президентский политический цикл, за пределами которого реального целеполагания не ведется. Особенность президентской формы власти в России, в которой просматриваются явные признаки советской системы пожизненного верховного правления, ведет к тому, что все официальные стратегии мыслятся как «стратегии Путина», а более длинных стратегий — «стратегий после Путина» — нет. Аналогичная ситуация имеет место в Казахстане, Беларуси, Туркменистане, Узбекистане, Азербайджане. Горизонт реалистического стратегического таргетирования этих стран ограничен продолжительностью жизни действующих президентов. За пределами этого «президентского» горизонта остается пространство почти полной неопределенности. Отмеченная особенность президентской системы власти в России, таким образом, действует как фактор существенного понижения горизонта реального стратегического планирования и соответственно образует зону уязвимости России. Санкционная волна Запада в 2014 г. тестирует эту зону уязвимости, публично вскрывает ее масштаб, а также проверяет способность России генерировать или регенерировать защитные социальные ткани в местах уязвимости, к которым следует отнести еще и следующие особенности российской международной политико-экономической реальности.

— Сильная зависимость государственного бюджета от «нефтедолларов». В результате бюджетная основа президентской власти в России оказывается избыточно зависимой от спекулятивных, неуправляемых процессов на глобальном рынке нефти, валют и технологий. Риски, связанные с уязвимостью этого типа, хорошо известны по событиям 1985–1991 гг. и отмечены в послании Президента 2000 года.

— Слабая система пророссийского международного коллективизма. В ситуации обострения конфликта интересов России и Запада у России нет прочных союзников, готовых публично поддерживать и коллективно от-

стаивать пророссийскую позицию. Одинокая Россия более уязвима перед лицом коллективизма Запада.

— Сильная зависимость отношений России со странами бывшего СССР от меркантильных двусторонних договоренностей высших государственно-политических элит. Отношения с ближайшими соседями строились и строятся почти исключительно на коммерчески мотивированных договорах с высшими чиновниками Украины (В. Янукович), Беларуси (А. Лукашенко), Казахстана (Н. Назарбаев), Азербайджана (И. Алиев), Узбекистана (И. Каримов), Армении (С. Саргсян) и др. Иные каналы международных коммуникаций — медийные, научные, просветительские, социально-сетевые, бизнес-сетевые — на уровне «средних классов» развиты слабо, почти не действуют, а простонародные родственные связи на постсоветском пространстве недостаточны для придания всему этому сегменту российских международных отношений институциональной устойчивости. Политический кризис в Украине свидетельствует о непрочности и высокой уязвимости отстроенной таким образом системы международных отношений России.

— Сильная зависимость массового потребительского спроса в России от зарубежного производства товаров массового потребления.

— Слабость отечественного промышленно-производственного спроса и сильная его зависимость от импортных технологий, оборудования и расходных материалов.

— В сфере военной безопасности последнее обстоятельство сказывается в виде зависимости отечественного ВПК от импортных кибер-информационных технологий, информационно-вычислительной техники и навигационного оборудования.

Внезапность антироссийской санкционной волны и неподготовленность к ней со стороны России заставляет задуматься о деятельности служб, предназначенных для упредительного выявления данных о готовящихся антироссийских ударах по зонам уязвимости.

А. В. Девятков
Тюмень

МАКСИМЫ «ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ» ГЕРМАНИИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ¹

Немецкая *Ostpolitik* («восточная политика») вовсе не является исключительно историческим феноменом, который имел место в Герма-

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 15-37-01204 ««Восточная политика» Германии: современные дискурсивные рамки и институциональные практики».

нии в период национал-социализма, а затем канцлерства Вилли Брандта. Понятие «*Ostpolitik*» было на официальном уровне возвращено в политический дискурс речью министра иностранных дел ФРГ Гидо Вестервелле, носившей название «Восточная политика в эпоху глобализации»¹. Хотя и ранее немецкие и иностранные эксперты, журналисты использовали это понятие с целью демонстрации особо близких отношений между Москвой и Берлином, которые описывались не иначе как «стратегическое партнерство»². Политика санкций против России, поддержанная А. Меркель, оказалась для многих экспертов и политиков неожиданной.

Основные максимы немецкой «восточной политики» таковы.

— Приоритет Германии состоит в обеспечении мира на европейском континенте. При этом мир, с точки зрения Берлина, может быть обеспечен за счет международных институтов, определения правил игры. Но достижение мира в случае разрушения институтов может достигаться и за счет силового балансирования. Так, вследствие постепенного разрушения механизма ДОВСЕ, российской политики в отношении стран «Восточного партнерства», а позднее и украинского кризиса Берлин постепенно стал склоняться к необходимости балансирования России в Восточной Европе. В частности, Германия стала активно спонсировать финансово и политически программу «Восточное партнерство», а сегодня постепенно склоняется и к необходимости укреплять военную инфраструктуру НАТО в регионе.

— Германия должна проявлять гибкость в плане признания расклада сил, сложившихся в данный момент «реалий». Так, еще Вилли Брандт писал о том, что необходимо признать реалии, которые заключаются в становлении Советского Союза как мировой державы и встройке ГДР в определенный расклад сил в Европе³. И сегодня Ангела Меркель вынуждена была признать «реалии», которые состоят в наличии ДНР и ЛНР как политических субъектов, военно-политического преимущества России в регионе и возможности эскалации конфликта в случае поставок в Украину американского летального оружия⁴.

В связи с этим можно понимать склонность Германии к «стратегическому партнерству» с Россией до 2014 г. не только в контексте экономических интересов, но и как следствие признания того факта, что в России по-

сле 2005 г. начал доминировать «дискурс суверенитета», который находит свое отражение и в российском общественном мнении.

— Германия дистанцируется от идеологической политики, в частности концепции *regime change*, а также сверхполитизации вопросов, связанных с правами человека. Апофеозом такого подхода стал концептуальный документ германского МИД, выпущенный в 2012 г. и предлагавший западным экономическим гигантам, прежде всего, входящим в G20, совместно с Германией играть роль «структурирующих сил» в рамках складывающегося многополярного мира¹. Такое видение мира воплотилось в известной Мезебергской инициативе Германии, которая была согласована с партнерами по ЕС скорее постфактум.

— Германия предпочитает играть роль медиатора. Так, в ходе украинского кризиса Берлин сочетал политику санкций с интенсивными переговорами с Москвой и другими акторами конфликта, демонстрируя политику «открытых дверей».

— Основа послевоенной немецкой идентичности — европейская и евроатлантическая интеграция. Любые действия Германии должны максимально возможным образом опираться на систему согласований внутри ЕС, в особенности с Польшей, странами Прибалтики, Францией и Великобританией. И в ходе украинского кризиса, и в ходе кризиса зоны евро укрепление европейской интеграции продолжает оставаться незыблемым приоритетом, что показали и инициированные министром иностранных дел Ф. В. Штайнмайером в 2014 г. экспертные обсуждения стратегии немецкой внешней политики².

— Немецкая внешняя политика должна создавать максимально комфортные условия для экспорто-ориентированного немецкого бизнеса.

Таким образом, матрица немецкой «восточной политики» является гибкой и содержит большое количество возможностей для российской дипломатии. Тем не менее в случае, если контрагент, по ее мнению, не проявляет таких качеств, как договороспособность, исполнение взятых на себя обязательств, Германия готова и к умеренному конфронтационному курсу и сдерживанию даже в отношениях со «стратегическим партнером».

¹ Rede von Außenminister Guido Westerwelle „Ostpolitik im Zeitalter der Globalisierung“ vor dem Politischen Club der Evangelischen Akademie Tutzing. URL: http://www.auswaertigesamt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2013/130629-BM-EA_Tutzing.html.

² См., напр.: How disputes are exposing the limits of German «Ostpolitik» // Financial Times. 2007. 17 May.

³ Brandt W. German policy toward the East // Foreign Affairs. 46 (April 1968). P. 480–481.

⁴ Die laengste Nacht // Spiegel. 2015. 14. Februar. S. 22–28.

¹ Globalisierung gestalten. Partnerschaften ausbauen — Verantwortung teilen. Konzept der Bundesregierung. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/608384/publicationFile/190261/Gestaltungsmachtekonzzept.pdf>

² Review 2014. Außenpolitik weiter denken. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Broschueren/Uebersicht_node.html?https=1.

Н. В. Дергунова
Ульяновск

ДОВЕРИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ (по результатам региональных исследований)

Недоверие к государственной и муниципальной власти и к процедурам их формирования выражается прежде всего в снижении реального участия граждан в выборах всех уровней. По данным избирательной комиссии, процент явки избирателей в Ульяновске на выборах регионального парламента в 2013 г. составил 19,8%. Эта цифра свидетельствует о реальном нежелании горожан принимать участие в выборах, что неизбежно ведет к снижению эффективности деятельности органов власти, утрате ими реальной представительности и легитимности в глазах общества. Цель проведенного прикладного исследования — выяснить, в какой мере фактор доверия (недоверия) населения государственным и политическим институтам оказывает влияние на политическое и, в частности, электоральное поведение¹.

Э. Гидденс и Н. Луман подчеркивают, что очень важно различать доверие к людям от доверия к институтам: доверие этих двух типов имеют разный характер, отличающиеся механизмы формирования и функционирования. Главным отличием в случае доверия к институтам выступает невозможность индивидуализации отношений и появления нормы взаимности². Как считают многие современные исследователи, роль доверия в повышении политической и электоральной активности достаточно велика, однако взаимосвязь доверия и электорального поведения имеет определенно нелинейный и сложносоставной характер. Стоит отметить, что на данный момент практически нет полномасштабных социологических исследований, посвященных изучению данной взаимосвязи³.

Чтобы узнать мнение респондентов о том, насколько, по их мнению, являются честными выборные процедуры, им было предложено отметить уровень честности по шкале от 0 до 6 (где 0 — абсолютно нечестные и 6 — абсолютно честные) в разрезе федеральных, региональных и муниципальных

выборов. На основе формулы расчета средней арифметической взвешенной были составлены индексы честности выборов (ИЧ), значение которых варьируется от 0 до 1. Данные индексы приняли следующие значения: ИЧ федеральные = 0,424; ИЧ региональные = 0,397; ИЧ муниципальные = 0,386¹. Как мы можем заметить, уровень честности выборных процедур, по мнению респондентов, варьируется от 0,386 до 0,424. Больше доверие вызывают федеральные выборы, далее идут региональные и муниципальные выборы. Вывод: более половины респондентов мало верят в честность даже федеральных выборов, что, в свою очередь, подтверждает их мнение о наличии фальсификаций, нарушений и т.п.

Чтобы узнать мнение респондентов о том, насколько они доверяют государственным и политическим институтам, было предложено отметить уровень доверия по шкале от 0 до 6 (где 0 — абсолютно не доверяю и 6 — полностью доверяю). Аналогично индексам честности выборов на основе формулы расчета средней арифметической взвешенной были составлены индексы доверия (ИД), значение которых также варьируется от 0 до 1. Из полученных данных видно, что большим доверием респондентов пользуется президент (ИД = 0,56). Далее по уровню доверия следует Правительство РФ (индекс равен 0,44). Достаточно низкие уровни доверия демонстрируют судебная-правовая система, парламент, институт выборов и партии. Партии по результатам проведенного исследования имеют наименьший уровень доверия (индекс доверия равен всего лишь 0,26). Наблюдается определенный разрыв, к примеру, в уровнях доверия президенту и институту выборов, партиям, что, в свою очередь, говорит об определенной специфике политического доверия российского населения.

Для определения наличия и характера взаимосвязи между уровнем доверия государственным и политическим институтам в рамках нашего исследования был проведен кластерный анализ. В результате него были получены данные, подтверждающие нелинейный характер данной взаимосвязи. Первый кластер включает 50,3% респондентов, электоральная активность которых наиболее высокая. Соответственно ей респонденты выражают доверие в достаточно высокой степени ряду институтов, таких как президент, правительство, судебная-правовая система и др., что значительно выше среднего по выборке. Они считают, что их голос в большей степени может изменить сложившуюся политическую и социально-экономическую ситуацию.

Следующий кластер включает 22,2% респондентов и по большинству позиций является противоположностью первого кластера. Электоральная активность опрошенных, которые его составляют, довольно небольшая

¹ Стоит оговориться, что индексы, рассчитанные по формуле средней, следует принимать с некоторой осторожностью ввиду того, что существует в определенной степени разброс признака в вариационном ряду.

¹ Выборочный опрос по Ульяновской области. Выборка 501 человек, квотная, репрезентативная по полу и возрасту; апрель 2014 г.

² Гидденс Э. Последствия современности. М.: Практикс, 2011. С. 281.

³ Иваненко К. А. Динамика взаимосвязи установок общественного мнения и электорального поведения: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2013.

или вообще отсутствует. Респонденты выражают крайне низкие показатели доверия практически всем институтам. Как мы можем наблюдать, в рамках данных кластеров зависимость между доверием и электоральной активностью имеет в большей степени линейный характер. Высокому уровню доверия соответствует высокая электоральная активность, и наоборот — при низких значениях доверия ведущим институтам электоральная активность низка или вовсе отсутствует.

Однако больший интерес представляет последний кластер, который вносит в общую закономерность характер нелинейности. Последний кластер представляет исследовательский интерес ввиду того, что он составляет около 28% всех опрошенных и выпадает из выделенной линейной зависимости электоральной активности от уровня доверия институтам. Респонденты, составляющие кластер, выражают доверие большинству институтов на уровне средней по выборке и выше (президент, парламент). Однако стоит отметить тот факт, что их электоральная активность остается на довольно низком уровне или вовсе отсутствует. Это в первую очередь позволяет сделать вывод о сложности такого явления, как доверие. Выделенные в результате анализа три кластера подтверждают тезис о фрагментарности российской политической культуры, о которой часто говорят не только отечественные, но и зарубежные социологи. Как мы можем заметить, каждому кластеру присущ определенный тип политической культуры с соответствующим уровнем доверия и электоральной активности.

Ж. Х. Джунусова
Астана, Казахстан

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Опыт азиатских государств в решении межэтнических проблем актуален для Казахстана. Несмотря на разницу стартовых условий, значительные цивилизационные отличия, Казахстан, Малайзия и Сингапур имеют общее в этнополитических процессах.

Модернизации — основа решения межэтнических отношений. Малайзийская «Концепция 2020» Махатхира Мохамеда определяет, что реальное национальное единство возможно лишь в условиях демократического равенства, когда граждане любой национальности ощущают себя в первую очередь именно малайзийцами. А сами малайзийцы соответственно — лишь равными среди равных¹.

¹ Mahathir bin Mohamad. The Malay Dilemma. Singapore, 1970.

Политика «нациестроительства» осуществлялась в Сингапуре в два этапа. В качестве объединяющей идеи первого этапа был лозунг «выжить» в ЮВА как суверенное независимое государство. Центральное место на втором этапе занимает государственный национализм и патриотизм, активная пропаганда самобытности Сингапура.

Приверженность демократии была провозглашена Республикой Казахстан с первых дней независимости. «Стратегия “Казахстан-2050”» подчеркивает: «Все мы являемся казахстанцами, имеющими равные права и равные возможности. Не будет и не должно быть никаких преференций никаким этносам, права и обязанности у всех одинаковы»¹.

Гражданская идентичность. Стратегической целью «Концепции 2020» является дальнейшее ускорение процесса национальной интеграции различных этнических групп Малайзии. Впервые в истории страны ее лидер поставил цель построения единой нации, чтобы любой малайзиец мог испытывать чувство национальной гордости за прогрессивное и процветающее государство, в котором нет места этнической, конфессиональной и межобщинной розни.

В основе формирования национальной идентичности Сингапура лежало стремление правительства обеспечить лояльность своих граждан и сохранить политическую стабильность путем внедрения моральных принципов, освящающих авторитет существующей власти и социального порядка в обществе. Политика «нациестроительства» направлена на создание гражданской идентичности «сингапурского Сингапура» — объединения под эгидой сингапурской нации всех этнических групп, составляющих население этого государства.

Аналогичную задачу призвана выполнить «Стратегия “Казахстан-2050”». «Новый казахстанский патриотизм — основа успеха нашего многонационального и многоконфессионального общества. ...Всеказахстанская идентичность должна стать стержнем исторического сознания нашего народа»².

Проблема языка. Сознвая важность приобщения малайзийцев к достижениям мировой науки и техники, с конца 1980-х годов мероприятия правительства Махатхира Мохамеда были направлены на более активное использование гражданами английского языка. Параллельно шло расширение использования малайского (малайзийского) языка.

¹ Назарбаев Н. А. «Стратегия “Казахстан-2050”»: новый политический курс состоявшегося государства». Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. 14 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.akorda.kz>

² Назарбаев Н. А. Казахстанский путь — 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. 17 января 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.akorda.kz/>.

Государственный язык Республики Сингапур — малайский, официальные языки — китайский, малайский, тамильский и английский, причем последний является административным языком. Ли Куан Ю подчеркивал: «Если бы мы продолжали говорить только на родных языках, то не смогли бы выжить. Использование только английского языка тоже было бы шагом назад, ибо мы утратили бы свою культурную самобытность, спокойную уверенность в себе и понимание нашего места в мире. Использование английского языка в качестве нашего рабочего языка предотвратило конфликты, возникавшие между людьми различных национальностей»¹.

В мире не много стран, где большинство населения говорит и думает, как минимум, на двух языках. Казахстан в их числе. В настоящее время создаются условия, чтобы дети активно изучали казахский, русский и английский языки. Третьязычие поощряется на государственном уровне. При этом в «Стратегии “Казахстан-2050”» особо подчеркивается, что «казахский язык — это наш духовный стержень. «Наша задача — развивать его, активно используя во всех сферах. К 2025 г. 95% казахстанцев должны владеть казахским языком».

Сравнительный анализ путей модернизации различных государств позволяет выделить общезначимые черты, сближающие цивилизации в XXI в.

Ф. А. Джурев
Худжанд, Таджикистан

ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В СМИ

Медиаclub «Согдиана» организован представительством российской некоммерческой организации Фонд Развития «Институт Евразийских исследований» в Республике Таджикистан и действует при поддержке областной газеты «Согдийская правда». Основной целью работы медиаclubа является объединение и консолидация журналистского сообщества с целью обучения и обмена опытом, взаимодействия с представителями органов государственной власти и экспертного сообщества, улучшения качества информирования населения России и Таджикистана о развитии процесса евразийской интеграции.

Медиаclub «Согдиана» — постоянно действующая площадка для проведения пресс-конференций, круглых столов, семинаров, тренингов. В го-

стях у медиаclubа бывают депутаты и чиновники, директора предприятий и организаций Худжанда и области, представители различных сфер — банковской и туристической, строительства и недвижимости, поэты, артисты. Заседания медиаclubа проходят дважды в месяц. Первое заседание состоялось 7 октября 2014 г.

В ходе заседаний за круглым столом как опытные, так и начинающие журналисты собираются для обсуждения наиболее важных тем российско-таджикского сотрудничества, вопросов развития журналистики в республике, обмена опытом. Большое внимание уделяется работе с молодежью — постоянными участниками дискуссии являются студенты высших учебных заведений.

В нашем быстро меняющемся мире, в эпоху глобализации и интенсивного развития информационного общества возрастает роль международных связей. Они становятся важнейшим инструментом налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами. Такое сотрудничество — важнейшая сфера деятельности гражданского общества, народной, или, как сегодня принято говорить, общественной дипломатии.

Что же такое народная (общественная) дипломатия сегодня и в чем ее отличие от дипломатии государственной? Начнем с того, что понятие народной дипломатии вмещает в себя международные связи и контакты посредством реализации культурных, научных, образовательных программ (обмены делегациями, художественные выставки, музыкальные фестивали, праздники искусств и т.п.) — всю многообразную деятельность по взаимодействию с гражданским обществом и аудиториями зарубежных стран. Это сфера деятельности, которую любое прогрессивное и демократическое государство поддерживает и поощряет.

Народная дипломатия имеет разнообразные формы широкого общественного движения людей разных стран в целях общения, познания друг друга, развития отношений между людьми вне политики и каких-либо экономических рамок. Народная дипломатия настроена против войн и развития радикального национализма.

По мнению консула Российской Федерации в Худжанде В. Бондаренко: «Народная дипломатия имеет ряд преимуществ по сравнению с дипломатией государственной. Это та форма общения, посредством которой народы проявляют свои чувства намного шире и глубже, чем позволяет регламентированный язык дипломатов, говорят без всяких преград, искренне. А именно искренность больше всего скрепляет народы. Например, в Согдийской области действуют русские культурные центры, которые свободно распространяют среди населения, в том числе и коренного, русский язык и культуру русского народа, тем самым укрепляя дружеские отношения между Таджикистаном и Россией».

¹ Ли Куан Ю. Сингапурская история: Из «третьего» мира в «первый» (1965–2000). М.: Изд-во МГИМО, 2005.

На примере развития отношений между таджикским и киргизским народами, между двумя государствами, представитель Ошской и Баткенской областей в Согдийской области Аскарали Мирмахмедов замечает: «Общественная дипломатия необходима для развития гражданского общества и является частью демократического механизма в стране. Уровень развития народной дипломатии, несомненно, является показателем демократизма политической системы общества в целом. Ее эффективное осуществление призвано гуманизировать международные отношения, быть инструментом “мягкой силы” государства и народа в продвижении интересов, укреплении своего образа и авторитета за рубежом».

Сегодня очевиден круг задач, в решении которых важная роль отводится общественной дипломатии и СМИ, призванных правдиво и своевременно освещать ее итоги. В основном эти задачи касаются участия неправительственных организаций в деятельности международных организаций, актуализации национальных интересов в культуре, экономике и экологии, защиты прав соотечественников за рубежом, продвижения и сохранения русского языка в мире, укрепления добрососедских отношений с приграничными странами, налаживания культурных и образовательных обменов, нераспространения оружия, наркотиков, эпидемий и других социально опасных явлений, профилактики экстремизма и ксенофобии.

Понимание народами друг друга возможно при принятии и толерантном отношении к ценностям, на которых базируется их мировоззрение. Донесение этих ценностей до сознания людей других культур и цивилизаций в формах, посредством которых они могли бы быть лучшим образом поняты и приняты, — одна из основных задач СМИ.

СМИ, журналистам необходимо объективно, правдиво и своевременно освещать итоги народной дипломатии, которая получает все большее распространение. Это союзы народов, а не государств, и сами собой такие союзы не образуются, этому способны помочь СМИ. Журналисты могут и должны помогать в налаживании связей между регионами разных стран. Поэтому так важно уделять внимание образованию современных журналистов.

Очень важна роль региональных СМИ в формировании общественного мнения. Люди больше доверяют местной прессе, и это вполне объяснимо. Ведь именно региональные СМИ сегодня уделяют внимание отдельно взятому человеку и его насущным проблемам, именно в местной прессе сохранились традиционные жанры журналистики.

А.-Н. З. Дибиров
Махачкала

К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМНЫХ ОСНОВАНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Либеральная теория исходит из того, что гражданское общество — это независимое от государства структурирование интересов различных социальных групп и общностей, выступающее эффективным противовесом авторитарным поползновениям со стороны государства. Предполагается при этом, что гражданское общество обеспечивает учет в политике государства всего спектра общественно значимых интересов и воле, аккумулирует общественное недовольство и легитимирует смену властных элит. Вместе с тем институты гражданского общества, понятые в либерально-демократическом духе и достаточно эффективные в западных обществах, с трудом утверждаются в обществах с иной традицией и иной политической культурой. Идеологи либерализма видят в этом чаще всего злонамеренную политику правящих кругов стран транзита. Мы же полагаем, что опасения в отношении демократического перехода, существующие у политических элит этих стран, имеют под собой серьезные основания. Проблема в том, что многие ответственные политические элиты этих стран видят изъяны современной либеральной теории и соответствующей демократической практики. В частности, акцент исключительно только на независимости гражданского общества от государства в либерально-демократической традиции представляется однобоким, абсолютизирующим очевидное, поверхностное. На наш взгляд, действительное содержание гражданского общества определяется тем, что *гражданское общество — это независимый от государства носитель идеи государственности*. Идея той или иной государственности вызревает в недрах гражданского общества, носитель этой идеи становится стержнем государственности, вокруг него оно формируется. Носитель идеи государственности формирует государство, охраняет и развивает его в соответствии со своей идеей государственности.

Какие же идеи государственности могут вызреть в недрах гражданского общества и приобрести легитимность? В качестве важнейшего легитимного основания государственной власти Ж. Боден, Т. Гоббс, Б. Паскаль, Б. Спиноза, Ш. Монтескье выдвигали **силу**, подчеркивая роль справедливой силы в обеспечении общественного порядка. **Традиция**, обычаи, давность играют ключевую роль в формировании справедливого общественного порядка, подчеркивали Конфуций, Сюнь-цзы, Н. Макиавелли,

Ла Боэсси, Д. Локк, Д. Юм. **Вера** народа рассматривалась как главное условие благоденствия общества Августином Блаженным, Ж. Ламетри. **Богатство** как основание порядка подчинения мы встречаем у Платона, Аристотеля. Роль **знаний** подчеркивали Мо-цзы, Сюнь-цзы, Платон, Аристотель, И. Кант, Т. Пейн. Макс Вебер говорил о традиции, **харизме** и рациональности как о легитимных основаниях господства. Элвин Тоффлер выделял в качестве легитимных оснований власти силу, богатство и знания.

Таким образом, выделяется пять идей или пять легитимных оснований государственности: **сила, традиция, вера — харизма — идеология, богатство и знание.**

Основной формой легитимации государственной власти выступает политический режим. Сила становится легитимирующим основанием там, где гражданское общество не выработало еще собственной идеи государственности. Такому основанию легитимности соответствует авторитарный политический режим. Традиция выходит вперед, когда гражданское общество слабо структурировано, в нем слабо представлены носители идеи государственности. Здесь мы имеем дело с консервативным режимом. Вера, идеология или харизма становятся легитимными основаниями государственности, если: а) в обществе преобладают устойчивые представления о том, что собственником власти является Бог и государство должно строиться по божеским законам; б) носителю определенной идеи государства удастся убедить подавляющее большинство общества в правоте своей идеологии; в) имеет место вера большинства во «внеобыденный дар личности», харизму лидера. На этих основаниях вырастает обычно тоталитарный режим. Богатство становится легитимным основанием государственности, когда собственность сосредоточена в руках небольшой группы или государственной бюрократии. Это либеральные режимы. Знание становится легитимным основанием государственности в обществах относительной гетерогенности, а зачастую и гомогенности гражданского общества, его высокой структурированности по интересам. Это демократические режимы. Эволюция легитимных оснований государства приводит к эволюционным изменениям режима, их же размывание приводит к перерождению режимов в их противоположности — деспотический, реакционный, террористический, олигархический и охлократический. Безусловно, чистых моделей легитимации или чистых политических режимов как основной формы легитимации государственной власти в природе не существует. Любой политический режим стремится использовать для легитимации государственной власти все главные основания господства и подчинения — силу, традицию, веру, идеологию, харизму, богатство и знание. Режимы различаются тем, в какой пропорции эти основания там присутствует и какие из них преобладают.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДАХ: ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ, РАЗРЕШЕНИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Главными мегатрендами мирового развития сегодня являются глобализация и урбанизация. Они взаимосвязаны и приводят к перемещению большого числа людей не только внутри отдельных стран. Усиливающаяся демографическая асимметрия современного мира способствует стремительному нарастанию миграционных потоков с Юга на Север, из бедных регионов в страны так называемого золотого миллиарда, далекие от них не только в географическом, но и в этническом и культурном отношении². Порождаемая этими процессами нестабильность еще сильнее обостряет противоречия между социокультурной и ценностной унификацией современных обществ и противоположной ей тенденцией утверждения культурного разнообразия, его закрепления во множественных идентичностях.

Глобализация мира стала причиной появления глобальных городов — городов, выполняющих функции командных точек глобальной экономики и мировой политики. В таких городах наиболее ярко проявляются все издержки как урбанизации, так и глобализации. Их основными проблемами являются социокультурные конфликты и социально-экономические противоречия.

Еще в 1970-х годах в постколониальных исследованиях стали уделять внимание анализу проблемы мигрантов в крупных городах. Исследователи отмечали, что с середины XX в. основной проблемой бывших империй и их столиц стало растущее число переселенцев из бывших колоний, что вызвало ответную реакцию в виде роста ксенофобии.

¹ Выполнено в рамках проекта РНФ «Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)».

² Семенов И. С., Цепенко И. П. Транскультурная миграция и будущее мультикультурализма // Глобальная перестройка / Отв. ред. акад. А. А. Дынкин, акад. Н. И. Иванова / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2014. С. 229.

ДЕМОКРАТИЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Новая модель государственно-конфессиональных отношений, начавшая формироваться после распада Советского Союза, позволяет религиозным организациям более активно участвовать в публичном политическом дискурсе, являться одним из его продуцентов, при этом оставаясь в рамках существующей модели светскости. Особый интерес представляет включение в публичный дискурс, продуцируемый религиозными организациями, политических категорий, осмысление которых является относительно новым для соответствующей религиозной традиции. К их числу относятся «демократия» и «демократические ценности».

Из всех религиозных объединений, участвующих в формировании демократического дискурса, особый интерес будут представлять те, которые обладают статусом централизованной религиозной организации и могут вести наиболее интенсивные взаимодействия с государственными институтами (к таковым относятся те, чьи представители работают в составе Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ).

Среди них по интенсивности продуцируемого дискурса выделяется Русская православная церковь Московского патриархата (далее — РПЦ), интерпретации понятия демократии и демократических ценностей в программы общественно значимых проектов, в которых она принимает участие, согласовать их с иными элементами общественно-политического дискурса, которые являются сегодня доминирующими для РПЦ (защита традиционных ценностей, патриотизм). Целостной концепции демократии у РПЦ в настоящее время нет (речь пока идет только о первых попытках концептуализации этой категории и ее сопряжения с православной традицией), однако целостные интерпретации отдельных элементов «демократических ценностей» уже присутствуют в публичном дискурсе. К ним относятся такие понятия, как «права человека» и «свобода совести». В виде полноценной концепции они были озвучены в Декларации о правах и достоинстве человека¹ и развивались в последующих комментариях

¹ Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского народного собрания // Официальный сайт РПЦ. [Электронный ресурс].— Режим доступа: www.mospat.ru.

Сегодня на территории глобальных городов взаимодействуют миллионы людей с разным социальным и культурным прошлым, что порождает не только экономические выгоды, но и социокультурные конфликты. Как показывают исследования, изменение миграционной политики страны слабо отражается на ситуации с инокультурными мигрантами в больших городах. Города как центры экономической деятельности остаются привлекательными для приезжих даже во время кризиса.

В условиях большой плотности населения, характерной для городов, социокультурные конфликты налагаются на социально-экономические противоречия, что усложняет поиск возможных путей их разрешения. Глобальные города предлагают своим жителям как большие возможности, так и большие риски; они порождают пространство, где, с одной стороны, особенно ярко выражено социальное неравенство, а с другой — существуют возможности для социальной мобильности¹. Тем не менее проблемы имеются в той или степени во всех глобальных городах.

Характерной особенностью глобальных городов является образование гетто. Такие относительно замкнутые сообщества внутри городского сообщества формируются в том случае, если принимающее общество не в силах инкорпорировать инокультурные элементы без вреда для обеих сторон. Для стран — членов Европейского союза насущной проблемой, например, становится интеграция выходцев с мусульманского Востока. По данным *Pew Research Center*, сегодня в ЕС проживает 13 млн мусульман, которые родились за пределами Евросоюза. Мусульмане-иммигранты расселяются преимущественно в крупных европейских городах, внутри которых формируют относительно закрытые сообщества — гетто. Формирование гетто — один из признаков того, что в миграционной политике той или иной страны есть проблемы.

Анализ практик профилактики конфликтов в глобальных городах показывает, что для предотвращения тяжелых последствий конфликтов необходим целый комплекс мер социально-экономической, социокультурной и политической направленности.

¹ См.: *Davis M. Planet of Slums*. New York: Verso. 2006.

иерархов РПЦ. Декларация дает новое прочтение концепции «прав человека» применительно к российским условиям, встраивает ее в контекст формируемой политической культуры, преломляет ее «через национальное, культурное сознание тех, кто имеет и свой взгляд на проблему»¹.

Совет муфтиев России и Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) России также регулярно включают понятия демократии и демократических ценностей в публичный дискурс, однако часто ограничиваются их констатацией, а не интерпретацией. Для мусульманских религиозных организаций в публичном дискурсе важно показать, что ценности ислама не противоречат демократическим ценностям, что ислам не антидемократичен априори.

Специфика публичного дискурса иудейских религиозных организаций (Федерации еврейских общин России (ФЕОР) и Конгресса еврейских религиозных общин и организаций России (КЕРООР)) состоит в том, что он направлен преимущественно на еврейское население России. Общероссийским он становится только при участии лидеров указанных организаций в публичных мероприятиях с участием представителей государства. Проблема демократии как таковой в этом дискурсе практически незаметна. Речь в нем больше может идти об отдельных демократических ценностях, защита которых представляется представителям иудейских религиозных организаций особо актуальной. Например, повышение уровня религиозной и этнической толерантности, а также борьба с теми явлениями, которые традиционно противопоставляются демократическим ценностям, — ксенофобией, шовинизмом и т.п.

Буддийская традиционная Сангха России продуцирует публичный общественно-политический дискурс преимущественно на региональном уровне — в Республиках Бурятия, Тува и Калмыкия, т.е. регионах традиционного распространения буддизма. Так же как и иудейские религиозные организации, Сангха становится заметна в общенациональном общественно-политическом дискурсе только при участии в публичных мероприятиях представителей государства. Но здесь упоминания о демократии и приверженности ее ценностям являются эпизодическими и не подразумевают каких-либо интерпретаций.

В целом активность религиозных организаций в продуцировании демократического дискурса (наиболее интенсивная в начале 1990-х годов) с 2005–2006 гг. постепенно идет на спад. Попытки целостной интерпретации понятий демократии и демократических ценностей применитель-

ru/index.php?page=30728.

¹ Кирилл, *митрополит*. Ни одна религия не призывает людей к ненависти. Официальный сайт РПЦ. [Электронный ресурс].— Режим доступа: www.mospat.ru/index.php?page=30865.

но к культурно-историческому контексту России предпринимает только РПЦ, остальные религиозные организации ограничиваются эпизодическим включением указанных понятий в продуцируемый общественно-политический дискурс.

*Г. И. Досмагамбетова
Астана, Казахстан*

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Вопрос эффективного функционирования местного самоуправления в Казахстане остается актуальным, поскольку становление данного института происходило неоднозначно. Предполагалось, что оно составит одну из основ конституционного строя, основополагающий принцип организации власти, выступит инструментом тесного взаимодействия с населением и использования общественного контроля за властью. Предпринимаемые меры не решали вопроса создания эффективной и работоспособной системы местного самоуправления в соответствии с конституционными требованиями в контексте общепризнанных ценностей народовластия и муниципального управления, закрепленных Европейской хартией местного самоуправления.

В Казахстане на государственном уровне до настоящего времени не сложилось единого видения сущности и целесообразности местного самоуправления. И в общественном сознании граждан в отношении формирующихся органов местного самоуправления существует стереотип восприятия их как способа сугубо хозяйственно-экономической организации. Местный уровень власти зачастую еще не представляется той силой, с помощью которой можно эффективно решать актуальные вопросы местного сообщества.

Вместе с тем последние поправки, внесенные в 2007 г. в Конституцию страны, и последовавшие изменения в законодательстве закрепили модель местного самоуправления, задали ее основные параметры, определили направление дальнейшего развития данного института. Важным моментом является тот факт, что внесенные изменения и дополнения создали основу для формирования структуры местного самоуправления на территории городов и районов в республике, которое возлагается на местные представительные органы — маслихаты¹.

¹ Конституция Республики Казахстан. Алматы, 1995.

Учитывая концептуальные подходы к развитию местного самоуправления, становление данного института возможно разделить на четыре периода, в ходе которых был проделан определенный путь по поиску собственной модели построения системы МСУ. Но неоднократные попытки создать эффективную законодательную основу МСУ наталкивались на конституционное ограничение, не допускавшее слияние общественных институтов и государственных органов власти. Поэтому все разрабатываемые проекты, в сущности, были различными вариантами модели параллельного сосуществования дублирующих друг друга представительных органов — маслихатов и органов местного самоуправления.

Достаточно сложная ситуация складывается и в связи с тем, что нет четкого разделения компетенции маслихатов и акимов¹: какие функции относятся к сфере местного государственного управления, а какие — к сфере местного самоуправления. Отсутствует четкая грань между «делами государства» и «делами местного сообщества».

До настоящего момента в Казахстане право на местное самоуправление реального воплощения на практике не получило, не произошло каких-нибудь значительных перемен в существующей системе управления. Маслихаты, являющиеся органами местного самоуправления, остаются зависимыми от исполнительных органов власти, в большей мере от акимов соответствующих административно-территориальных единиц в связи с фактической неподчиненностью последних маслихатам и населению. Отсутствуют четкие разграничения в полномочиях органов местного самоуправления и государственных органов. Не получили своего законодательного развития вопросы экономического и финансового обеспечения местного самоуправления, что является необходимым фактором функционирования реально действующего МСУ.

В то же время полагаем, что в настоящее время казахстанское местное самоуправление находится на пороге важного рубежа в своем развитии. Данное утверждение основано на том, что в принятой в 2012 г. Концепции развития местного самоуправления в РК изложены основные направления его развития. Определено, что реализовать Концепцию предполагается в два этапа: в 2013–2014 гг. проведена работа по расширению потенциала действующей системы на нижних уровнях управления. В ходе второго этапа, в 2015–2020 гг., предусматривается дальнейшее развитие местного самоуправления².

Авторы Концепции предполагают, что реализация всех ее положений позволит сформировать в Казахстане систему органов местного самоуправ-

ления, обладающих определенной экономической и финансовой самостоятельностью, способных решать различные вопросы местного значения.

При всех неизбежных издержках и оговорках нельзя отрицать главное: реформы в системе местного управления носят необратимый характер — они приняты всеми заинтересованными лицами и рассматриваются населением в основном как потенциал для дальнейшего развития. При этом не отрицается тот факт, что проблемы четкого разграничения ответственности, создания баланса власти так и не были решены.

В. В. Дубицкий
Тюмень

ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КЛЮЧЕВЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В ходе исследования, проведенного с использованием метода глубинного интервью, были получены данные, свидетельствующие о характере и особенностях региональной политической элиты, эффективности ее взаимодействий с ключевыми группами регионального сообщества.

К ключевым группам регионального сообщества исследовательской группой были отнесены общественные активисты, представители научной интеллигенции, творческой интеллигенции, бизнеса, средств массовой информации.

В результате исследования показано, что региональное сообщество обладает слабо выраженной политической субъектностью, имеющей тенденцию к усилению..

В оценке региональной и муниципальной элит, данной сообществом, присутствует ярко выраженный «стабильный» пессимизм, но при этом региональная политическая элита получает некоторое преимущество перед муниципальной, т.е., по сути, работает принцип «плохо и очень плохо», что связано, как мы полагаем, с большей «близостью» населению именно муниципальной элиты, имеющей определенный объем социальных обязательств и их не выполняющей.

Однако существенное различие установлено в оценках респондентами политических элит и их первых лиц. При относительно позитивном отношении к первым лицам оценки стоящих за ними политических элит

¹ Акимат — местный исполнительный орган.

² Указ Президента РК от 11 октября 2012 г. «Концепция развития местного самоуправления в Республике Казахстан». Астана, 2012.

чрезвычайно низки. Впрочем, восприятие первых лиц оценивается также неоднородно: существенно отличаются их морально-психологические и профессиональные оценки. Каждого из них оценивают весьма высоко с моральных позиций, отмечая честность, порядочность, неконфликтность, отсутствие высокомерия и мстительности, открытость.

Однако профессиональная оценка предстает в ином свете. Главы региона и города получили характеристики лиц, не соответствующих занимаемым должностям, а потому вынужденных преодолевать дополнительные психологические и организационные барьеры, а главное — нуждаться в квалифицированной команде, которую формирует элита. Но именно с последним компонентом возникают серьезные проблемы. Политическая элита оценивается, как правило, негативно с точки зрения профессионализма, эффективности, уважения. Респонденты указывают на то, что элиты «расколоты», причем на муниципальном уровне эти тенденции выражены ярче, для них в большей степени характерна профессиональная некомпетентность.

В то же время политическая элита заслужила положительные отзывы по таким показателям, как открытость и готовность к сотрудничеству, но при этом было отмечено отсутствие реальных результатов такого сотрудничества, сводящегося в большинстве случаев к обмену мнениями.

Одним из самых существенных нареканий к политической элите и первым лицам является отсутствие целеполагания и озвученной, обсужденной и нормативно закрепленной стратегии развития города и региона в целом. Неясность перспектив, непонимание, чего следует ожидать от политической элиты в ближайшем будущем, и у экспертов, и у простых граждан вызывает к ней недоверие, подозрения и неприязнь.

Необходимо отметить, что ключевые группы регионального сообщества независимо друг от друга обозначили несколько ориентиров, по которым в ближайшее время и будут оценивать в первую очередь мэра и губернатора: это кадровая политика (степень самостоятельности принимаемых решений); отношение к вопросу возвращения большей части налогов в областную бюджет от деятельности бывшей компании «Сибнефть», а также празднование 300-летия г. Омска.

Несмотря на негативные оценки, респонденты в то же время не считают правильным произвести немедленную смену власти, объясняя это необходимостью предоставить новому руководству время войти в курс дела и избежать «кадровой чехарды». Тем не менее, по мнению респондентов, одного срока пребывания на вершине как региональной, так и муниципальной власти вполне достаточно.

Рекомендации региональных сообществ включают, во-первых, разработку комплекса мероприятий, направленных на изменение инвестиционного климата в регионе и создание условий для пополнения бюджета

области за счет притока средств крупных налогоплательщиков; во-вторых, создание культурной среды в условиях актуализации проблемы эрозии культуры на всех уровнях взаимодействия власти и общественности; в-третьих, артикуляцию запроса на «сильного лидера» на уровне региона, обладающего политической волей и профессионализмом с одновременным включением в процесс принятия политических решений ключевых групп общественности, выступающих профессионалами в различных сферах, что будет способствовать эффективному политическому управлению регионом и городом.

А. В. Дука
Санкт-Петербург

ЭЛИТА МЕЖДУ ПУБЛИЧНОСТЬЮ И ПРИВАТНОСТЬЮ

Модерн как время буржуазии создает важное разделение и различие публичного и частного. Появляющаяся элита, приходящая на смену аристократии, избегает постоянного состояния публичной жизни (*publicness*), того, что можно описать русским выражением «жить на миру». Приватная сфера становится убежищем и местом автономии и индивидуализации. Для властных групп это и определенное пространство дистанцирования. Оно дополняет и содержательно наполняет отдаленность властных групп от основной массы населения в социальном пространстве, создаваемую институциональной средой, культурой и социальным структурированием.

Вместе с тем властные элиты в современном обществе претендуют на легитимность, связанную с сокращением социальной дистанции. И если, как отмечал К. Манхейм, в додемократической (аристократической или монархической) культуре «вертикальная дистанция является главным механизмом, посредством которого правящие круги удерживают в своих руках власть»¹, то в обществе, ориентированном на демократию, дистанция необходимо сокращается. Высокий уровень публичности легитимирует элиты. Открытость и демонстрация приватности и, тем самым, превращение ее в публичность становятся важной и неотъемлемой формой самопрезентации высших классов. Особенно данное явление стало очевидным и усилилось со времени появления электронных средств массовой информации и коммуникации. Шоу стало одной из сторон публичной политической сферы и публичного существования элит.

¹ Манхейм К. Эссе о социологии культуры // К. Манхейм. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 198.

Это противоречие, являющееся следствием объективной логики развития социума — между приватностью (одним из краеугольных камней буржуазного общества) и демонстрацией публичности (принципом современной политики), — создает элитам не только персонально-нравственные, но и институционально-функциональные проблемы. Угроза приватности подвергает испытанию такие ценности, как автономность личности, интимность, достоинство, персональная идентичность¹. Для наблюдающей публики существование и деятельность элит предстают как аморальность. «Фактически демократизация означает разрушение иллюзий; часто указывают на то, что демократические парламентские режимы не могут внушать уважение, поскольку общественность постоянно в курсе недостойных мелочных свар между партиями, в значительной степени определяющих характер парламентского процесса»². Другой важной проблемой является оппозиция «секретность — открытость». Стремление элит к закрытости, связанная как со стремлением избежать конфликта интересов и преждевременного обсуждения предварительных решений, так и с нарушением ими моральных и иных норм, а также с их желанием сохранить видимость малой социальной дистанции, находится в противоречии с принципом открытости политики и возможностью контроля основных акторов со стороны как общественности, так и институтов «сдержек и противовесов». Можно предположить, что разрешение этого противоречия на индивидуальном уровне проявляется в усиливающейся лицемерии властных элит, что отражается в публицистике. Политические скандалы, будь то сексуальные похождения президентов, губернаторов, прокуроров или их противоправные действия внутри страны или на международной арене, усиливают недоверие населения к институтам власти и группам доминирования и тем самым снижают их легитимность.

Надо отметить, что представления о приватности и публичности различаются в разных культурах. Отсюда поведение элит и реакция населения могут сильно различаться. Так, например, нежелание И. Сечина и В. Якунина декларировать свои доходы не вызвало никаких политических последствий.

Помимо индивидуального уровня разрешения указанного противоречия существует еще системный ответ. Как видится, он связан, во-первых, с развитием параллельных нормативных систем, регулирующих поведение элит и основной части населения³. Во-вторых, с появлением и развитием эластичных элитных сетей (*flex nets*) и соответствующих персон (*flexians*)⁴.

¹ См.: *Kukathas Ch.* Cultural Privacy // *The Monist*. 2008. Vol. 91. No 1.

² *Манхейм К.* Эссе о социологии культуры. С. 203.

³ См.: *Рейсмен В. М.* Скрытая ложь. Взятки: «крестовые походы» и реформы. М.: Прогресс, 1988.

⁴ *Wedel J. R.* Shadow elite: how the world's new power brokers undermine democracy, government, and the free market. N.Y.: Basic Books, 2009.

Суть — в персонализированности бюрократических связей, основанных на личной лояльности, в приватизации информации, в быстрой смене (в зависимости от обстоятельств) ролей и репрезентаций с целью максимизации влияния и использования ресурсов, в смягчении правил взаимоотношений официальных и частных институтов. Эластичность сетей и способов взаимодействия позволяет достаточно эффективно уходить от публичного контроля и ответственности. Элита уходит в тень.

Е. Г. Дьякова
Екатеринбург

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КИТАЕ: «АДМИНИСТРАТИВНАЯ МОДА» И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Глобальный статус концепции электронного правительства и наличие международных рейтингов приводят к тому, что национальная специфика рецепции информационных технологий в государственном управлении практически полностью игнорируется. Его сторонники исходят из того, что система государственного управления во всем мире устроена примерно одинаково и поэтому нуждается в примерно одинаковых средствах модернизации.

Поскольку на практике политические режимы и административные традиции могут достаточно сильно различаться, адаптация глобальных управленческих рекомендаций носит избирательный характер. В основе избирательной адаптации лежат уже сложившиеся административные традиции. Даже в том случае, если эти традиции считают устаревшими и малоэффективными, отбор решений, которые, по их мнению, способны скорректировать сложившуюся ситуацию, определяется локальным управленческим опытом.

Сказанное в полной мере относится к Китайской Народной Республике. Согласно данным мониторинга развития электронного правительства, который раз в два года публикует Департамент по социальным и экономическим вопросам ООН, Китайская Народная Республика занимает по интегрированному показателю 70-е место в мире (для сравнения: Российская Федерация находится на 27-м месте)¹.

¹ UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. UN, 2014. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf.

Сравнительно невысокие позиции КНР связаны с низким уровнем проникновения Интернета и столь же невысоким качеством развития человеческого капитала (= уровнем грамотности).

С самого начала целью электронного правительства в Китае провозглашалось «усиление центра», т.е. ужесточение контроля центральных органов власти над местными, что рассматривалось как эффективный инструмент предотвращения и пресечения коррупции¹. Основные усилия были направлены на формирование инфраструктуры обмена информацией между органами власти, а не на взаимодействие с гражданами. Информационные технологии были призваны обеспечить прежде всего возможность контролировать ежедневные действия нижестоящих чиновников.

Иными словами, выстраиваемая в КНР система электронного правительства изначально была ориентирована на традиционную конфуцианскую управленческую культуру, в рамках которой еще полторы тысячи лет назад были разработаны сложные схемы, обеспечивающие вышестоящим органам власти контроль за нижестоящими. Эти схемы веками успешно функционировали на основе традиционных носителей (шелковые свитки, записи тушью, система почтовых подстанций, обеспечивающих доставку информации в центр, и т.п.). Использование информационных технологий направлено на повышение легитимности власти путем роста ее эффективности, с упором на «порядок, а не демократические идеалы, на технократический контроль, а не гражданское участие (кроме низового), на управляемость, а не тип режима»².

Эффективнее всего данная стратегия реализуется в приморских провинциях. В качестве наиболее успешного примера использования информационных технологий для оказания гражданам электронных услуг в настоящее время приводится Шанхайский портал открытых данных (www.datashanghai.gov.cn), ориентированный на жителей наиболее успешного в экономическом плане китайского города. Портал предоставляет целый комплекс разнообразных услуг, включая оформление продажи и покупки недвижимости, регистрацию браков и рождений, запись на прием к сотрудникам органов власти, оплату штрафов и пошлин и т.п.)³.

Таким образом, переход к электронному правительству в Китае осуществляется в условиях выраженных региональных различий. Несмотря на

¹ *Kluver R.* The Architecture of Control: a Chinese Strategy for E-Governance // *Journal of Public Policy*. 2005. V. 25. No 1. P. 75–97.

² *Yang Dali L.* Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 2003.

³ *Noguera M.* Opportunities and Challenges of e-Governance: A Reality of Science Fiction for the Chinese Government // *Simposio Electronico Internacional Sobre Política China*, 2014. № 4. — URL: http://www.politica-china.org/imxd/noticias/doc/1393379930Mireia_Paulo_Noguera.pdf.

очень сильную централизацию системы государственного управления, на региональном уровне при принятии политических решений и разработке конкретных программ приходится учитывать уровень развития человеческого капитала, доступность информационных технологий и имеющиеся экономические ресурсы.

Н. А. Евдокимов
Уфа

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ СОВРЕМЕННОГО ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ

Несмотря на актуальность проблем массовых политических движений, в современной политической науке до сих пор нет единства по одному из наиболее принципиальных вопросов — каковы критерии принадлежности к левым и правым. Поэтому нам представляется целесообразным обратить внимание на политические критерии принадлежности тех или иных организационных структур или идеологических направлений к левому движению.

Наиболее сложной является классификация левых по политическим признакам. Это связано с тем, что позиции умеренно левых и радикально левых порой принципиально отличаются. Тем не менее некоторые из политических признаков можно выделить. Одним из них является ориентация левых на расширение политических прав и свобод граждан. Исторически социальной базой партий и объединений левого толка являлись малообеспеченные слои населения. В связи с этим идея расширения политических возможностей для этих групп граждан неизменно присутствовала в требованиях организаций и движений исследуемого политического направления.

Несмотря на имеющиеся противоречия между умеренными и радикальными представителями левого фланга, их в целом объединяет и признание революции как метода общественного переустройства. Хотя на практике умеренно левые отказались от революционных методов борьбы, тем не менее исторически именно революционный процесс привел левых в активную политическую среду. Во всяком случае, большинство направлений левого движения стоит на позициях признания общественного прогресса, отрицая консервативные тенденции и предполагая последовательное движение вперед.

Революционное прошлое и настоящее левого движения породили и специфическое отношение к такому значимому политическому инсти-

туту, как государство. Левое движение отрицает ценность государства, а в радикальных своих формах (анархизм) настаивает на его немедленном уничтожении. Это предопределяется тем, что государство в трудах идеологов левых выступает исключительно как инструмент подавления эксплуатируемых классов. Парадокс состоит в том, что, приходя к власти, представители левых сил кардинальным образом меняют позицию именно в отношении государственных структур. Не исключая возможность отмирания государства в перспективе, они в процессе непосредственной управленческой деятельности, наоборот, способствуют укреплению позиций государственных органов. На наш взгляд, причиной этого являются экономические и социальные позиции левых, которые фактически подчиняют себе элементы политической идеологии и выступают в качестве системообразующих.

Одними из признаков, агрегирующими умеренно левых и левых радикалов, являются антимилитаристские, а в некоторых случаях прямо пацифистские взгляды представителей этого политического фланга. Справедливости ради следует отметить, что это характерно лишь для тех организаций, которые находятся в оппозиции. Придя к власти, многие партии левой направленности отказываются от антимилитаристской риторики или существенно ее урезают. Неприятие милитаризма проистекает из сильных традиций интернационализма, присущих многим левым политическим организациям, чья консолидация шла не по национальному, а по социальному признаку. Как следствие, в левом движении крайне незначительное внимание уделяется этническим проблемам. Исключение составляет лишь национально-освободительная борьба, да и она рассматривается не с позиции усиления того или иного этноса, а с точки зрения необходимости освобождения от внешней зависимости.

С проблемой неприятия милитаризма тесно смыкается активное участие многих современных левых в антиглобалистском движении. Являясь достаточно аморфным и эклектичным явлением, антиглобализм выступает с целой группой требований как внутри- и внешнеполитического, так и социально-экономического и социокультурного характера. Значительная часть этих требований соответствует политическим позициям левых партий, причем как умеренного, так и радикального толка. Хотя левые радикалы занимают в антиглобализме куда более заметные позиции, что, в общем-то, и неудивительно, учитывая то, что движение носит характер внесистемной оппозиции.

Таким образом, категории левого движения, на наш взгляд, соответствуют политические силы, для которых характерны следующие критерии: ориентация на расширение политических прав и свобод граждан, признание революции как возможного метода общественного переустройства, опора на республиканскую форму правления как наиболее эффективную

и отвечающую чаяниям населения, отрицание ценности государства, а в радикальных своих формах — настаивание на его немедленном уничтожении, антимилитаризм и активное участие в антиглобалистском движении.

М. Г. Евтодьева
Москва

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И ОБВАЛ СИСТЕМЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ СО СТРАНАМИ ЕС И НАТО

Военно-техническое сотрудничество (ВТС), согласно Федеральному закону «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» от 19 июля 1998 г., — это «деятельность в области международных отношений, связанная с вывозом и ввозом, в том числе с поставкой или закупкой, продукции военного назначения, а также с разработкой и производством продукции военного назначения». ВТС является составляющей системы военно-политического сотрудничества между государствами, имеющего более широкий охват и включающего в том числе проведение совместных учений, дружеские визиты военных делегаций, переговоры по линии министерств обороны, совместное участие в миротворческих миссиях и другие виды деятельности.

Украинские события 2014 г., включившие присоединение к России Крыма и вооруженный конфликт в Донецкой и Луганской областях (самопровозглашенных ДНР и ЛНР), привели к самому острому за последние два десятилетия кризису в отношениях между Россией и США, а также странами ЕС/НАТО. С 1 июля 2014 г. Соединенные Штаты и с 1 августа — страны ЕС ввели в отношении России режим санкций. США в рамках так называемого пакета секторальных санкций был введен запрет на взаимодействие американских компаний и граждан с восемью крупнейшими российскими оборонными компаниями — НПО «Базальт», концернами «Алмаз-Антей» и «Калашников», корпорацией «Уралвагонзавод» и др. Решением Совета ЕС с 1 августа 2014 г. было введено эмбарго сроком действия на один год на «продажу, поставку, передачу или экспорт» в Россию компаниями или гражданами государств — членом ЕС «вооружений и связанных с ними всех типов материалов», а также «товаров двойного назначения, предназначен-

ных для использования в военных целях или использования военными конечными пользователями в России»¹. В начале сентября 2014 г. санкции ЕС в отношении компаний российской оборонной отрасли были расширены².

Санкции со стороны США и стран ЕС были дополнены рядом решений, связанных с приостановкой военного и военно-политического сотрудничества с Россией. 1 апреля 2014 г. решение о «приостановке практического сотрудничества» с Российской Федерацией было одобрено на заседании министров иностранных дел стран НАТО. Альянс прервал взаимодействие с Российской Федерацией по всем вопросам, ранее игравшим ключевую роль в повестке дня отношений Москвы и Брюсселя, — таким как ЕвроПРО и транзит грузов в и из Афганистана. Параллельно в связи с украинскими событиями произошли существенные изменения и в системе военного присутствия США и стран НАТО в Восточной Европе (Б. Обама объявил о программе в 1 млрд долл. по укреплению обороноспособности восточноевропейских стран, в руководстве НАТО сообщили о создании шести многонациональных управлений Альянса в Восточной Европе).

Вследствие политики санкций оказались заморожены либо отменены многие контракты с компаниями США и европейских стран в оборонной сфере и в сфере двойных технологий. Это при том, что именно страны Европейского союза до недавнего времени рассматривались Россией в качестве наиболее притягательных партнеров по развитию технологического сотрудничества и как ведущий источник заимствования технологий в целях дальнейшей модернизации промышленности³. Так, с Францией до 2014 г. находилась в стадии реализации сделка о строительстве двух вертолетоносцев «Мистраль», намечались закупка нескольких десятков французских легких бронированных машин и реализация проекта по раз-

¹ Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 (L229) concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine, Official Journal of the European Union, July 31, 2014. P. 13.

² В частности, были запрещены продажи и закупки продукции, а также ограничен доступ к рынкам капитала ЕС для компаний «Оборонпром», Объединенная авиастроительная корпорация (ОАК) и «Уралвагонзавод» и был введен полный запрет на «продажу, поставки, передачи и экспорт» продукции двойного назначения девяти российским предприятиям, включая «Калашников», НПО «Базальт», АО «Сириус», ОАО «Тульский оружейный завод», НПК «Технологии машиностроения» («Техмаш») и ОАО «Высокоточные комплексы».

³ В 2010 г. по итогам ростовского саммита Россия–ЕС российским руководством был одобрен курс «Партнерства для модернизации», а Президент РФ Д. Медведев подчеркивал значимость создания «специальных модернизационных альянсов», с тем чтобы привлечь передовые страны к «технологическому перевооружению российской промышленности». Подробнее см.: Военная реформа России: состояние и перспективы / А. Арбатов, В. Дворкин; Моск. Центр Карнеги. М., 2013. С. 17.

работке перспективной боевой машины пехоты «Атом». В рамках российско-германского сотрудничества было заключено соглашение с *Rheinmetall* по строительству центра боевой подготовки в Мулино. Почти все эти ключевые сделки (хотя они были заключены раньше, чем введены санкции) были отменены к концу 2014 г. по политическим причинам, т.е. вследствие недовольства европейских стран курсом Российской Федерации в отношении Крыма и ДНР/ЛНР.

В целом на сегодняшний день о перспективах развития сотрудничества России со странами ЕС в оборонной сфере можно говорить только с высокой долей неопределенности (несмотря на не раз высказывавшиеся экспертами предположения, что ЕС может пересмотреть в сторону смягчения свой режим санкций).

Безусловно, наиболее предпочтительным для Российской Федерации является сценарий полного снятия санкций, поскольку именно он позволит оборонной промышленности страны развиваться в наиболее комфортных условиях — сочетая осуществление собственных разработок в сфере вооружений и военной техники, а также технологий двойного применения с возможностью импорта ряда технологий. Двигаясь по такому пути, российская сторона могла бы в дальнейшем перейти к нормализации отношений с западными странами. В любом случае в интересах России — добиваться хотя бы частичной отмены санкций в оборонной сфере и сфере двойных технологий, что только способствовало бы успешной реализации программ импортозамещения в промышленности, в том числе в сфере ОПК.

Р. В. Евстифеев
Владимир

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: PAST PATH DEPENDENCY И (ИЛИ) ВЕЕР АЛЬТЕРНАТИВ

Доклад посвящен феномену российской государственности, рассмотренному в рамках исследовательского проекта с участием российских политологов, философов и историков¹.

В мировой науке явление государственности в силу его сложности и многосторонности изучено пока явно недостаточно, хотя работ и исследований по этой тематике выходило и выходит немало.

¹ Российская государственность в периоды кризисов, войн и революций: власть, ценности, институты (к 100-летию начала Первой мировой войны) / Под ред. Р. В. Евстифеева. Владимирский филиал РАНХиГС. Владимир, 2014.

Исследование группы российских авторов показало, что государственность — сложное и текучее понятие. Оно существует как нелинейное сложение и противоречивый результат взаимодействия, конкуренции и взаимопроникновения множества социальных институтов и, следовательно, исходя из данного понимания не может рассматриваться без учета теоретических наработок, осуществляемых в русле институциональных направлений в социальных науках.

Кроме того, проведенное исследование не показало жесткой исторической обусловленности и необратимости пути развития российской государственности. Напротив, часть изученных кейсов прямо показывает, что перед российской государственностью всегда стояло несколько альтернатив, особенно в периоды критических исторических событий, таких как войны и революции. Предопределенность пути развития российской государственности, по всей видимости, сильно преувеличена.

Изучение судьбы политических институтов показало, что российская государственность на широком историческом промежутке не отторгает полностью общеизвестные институты, такие как парламентаризм, демократия, выборы, федерализм. Однако в критические исторические периоды эти институты часто оказываются как бы «лишними» для некоторых политических сил, объявляются этими силами «тормозом» для выхода российской государственности из кризисной ситуации, отсюда их кажущийся «факультативный», необязательный, «мерцающий», «спящий» характер.

Результаты взаимодействия государственности с другими социальными институтами, включая общество, экономику и др., носят всегда конкретный и даже прикладной характер. Иными словами, оставаясь научно честными, у нас нет оснований делать обобщенный вывод о благотворном или разрушительном влиянии государства на какую-то сферу. Например, мы не можем однозначно утверждать, что влияние государства на экономику носит только позитивный или только негативный характер. В нашем арсенале, например, есть кейсы благотворного влияния ухода государства из частной сферы, но также есть и безусловно позитивные результаты вмешательства государства в экономику и общественную жизнь, например, в периоды войн и кризисов.

Важным выводом изучения исторических кейсов является утверждение о том, что специфика и особенности российской государственности обуславливались не столько конкретными историческими испытаниями, в изобилии выпавшими на ее долю, включая действия конкурентов и откровенных врагов, сколько комплексной трансформационной реакцией российской государственности на фундаментальные изменения в процессе нескольких важнейших переходов протекания государственногенезиса в значимые исторические эпохи.

Или, как в наиболее общем виде выразился известный российский исследователь М. Ильин: разные условия и способы ответа на хронополитические вызовы дают разные институциональные результаты. Таким образом, в центр внимания исследователей российской государственности попадает специфика институциональной реакции на важнейшие вызовы, причем, на наш взгляд, сами эти вызовы являлись и являются общими для государственных систем, развивающихся в едином хронополитическом пространстве, тогда как институциональные реакции как раз и создают уникальность того или иного государства.

Среди таких хронополитических вызовов можно было бы выделить следующие.

Во-первых, генезис государства, т.е. переход от догосударственного состояния к первым формам государства, очагам зарождения государственности и к попыткам объединения в единое государство. Во-вторых, переход к централизованному феодальному государству и первые попытки создания международных систем государств. В-третьих, переход к государству Нового времени, к построению национального государства/империи, включая процессы рационализации и индивидуализации веры. В-четвертых, переход к государству модерна, «открытие» общества. В-пятых, переход к позднему модерну и кризис государства модерна, кризис суверенитета, «исчезновение» и «возвращение» государства.

По всей видимости, изучение особенностей российской государственности и ее ответов на вызовы указанных переходов, как и само научное обоснование этих переходов, — дело уже следующего этапа нашего научного проекта.

С. М. Елисеев
Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА И МНОГОМЕРНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Проблемы развития политической науки в России остаются актуальной научной и практической задачей. Начало XXI в. ознаменовалось новыми дискуссиями о путях и методах научных исследований¹, адаптации социальных наук к «текущей современности»² и нелинейным моделям социального развития³.

¹ Новые идеи в социологии: монография / Отв. ред. Ж. Т. Тошенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

² Бауман З. Текучая современность. М.; СПб.: Питер, 2008.

³ Кравченко С. А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новыхязвимостей // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 3–11.

Корни проблем, с которыми столкнулась политическая наука в РФ, по нашему мнению, уходят в период, предшествующий распаду СССР. Советская наука описывала социальную реальность во многом уже «мертвым» языком марксизма-ленинизма и научного коммунизма. Среди обществоведов шел активный поиск нового языка, новых методологий анализа советской (российской) политики. По традиции в поисках нового знания российская наука обратилась на Запад. Обращение к западной социальной и политической мысли существенно модернизировало теоретико-методологический репертуар отечественной науки, да и сама российская действительность постепенно приобрела неподдельный интерес со стороны ученых западных стран. Первые попытки применить западные теории к российской действительности дали далеко не однозначные результаты. Как правило, теория расходилась с практикой. Но до поры до времени на это не обращали внимания. Ожидалось, что в ближайшем будущем практика вступит в соответствие с теорией. Расхождения между теорией и практикой объяснялись, как правило, либо незавершенностью процессов, либо их культурно-исторической особенностью, которая постепенно будет преодолена, по мере развития рынка и демократии¹.

В этот период многие ученые не осознавали того, что западная наука — плоть от плоти западного общества, что многие теории и сам язык западной науки прежде всего адекватно описывают западное общество. Но за его пределами они испытывают определенные трудности.

Успехи западной политической науки связаны, как правило, с одновременным решением исследовательских, методологических и практических задач. Новизна задач требовала создания как новых методологических подходов, так и оригинальных методов эмпирических исследований. В результате в период 1940–1960-х годов общественности были представлены такие известные работы, как «Политический человек. Социальные основы политики» [Lipset, 1960], «Первая новая нация. Соединенные Штаты в исторической и сравнительной перспективе» [Lipset, 1963] «Американский избиратель» А. Кэмпбелла, Ф. Конверса, У. Миллера, Д. Стокса [Campbell, Converse, Miller, Stokes, 1960], «Гражданская культура: Политические установки и демократия в пяти нациях» Г. Алмонда и С. Вербы [Almond, Verba, 1963].

Наряду с решением важных исследовательских и практических задач в этих работах была обоснована, в частности, идея «американской исключительности», которую на практике в настоящее время активно использует администрация Б. Обамы.

Описывая сегодня российскую действительность сквозь призму западных, преимущественно американских идей и теорий, созданных в 1950–

¹ Елисеев С. М. Выйти из «Бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // Полис. 2002. № 6. С. 71–82.

1970 гг., мы, по сути, попадаем в своеобразную научную колониальную зависимость, о необходимости преодоления которой недавно шла дискуссия между М. Буравым и П. Штомпкой.

Более того, находясь в зависимости от западных теорий, российская политическая наука вряд ли способна решить одну из своих главных задач — внести посильный вклад в описание динамично изменяющейся многомерной действительности. Сохранение научной колониальной зависимости приводит к искажению не только самой действительности, но и самих идей и теорий.

Подчеркнем еще раз: основные теории политики, созданные в период 1950–1970 гг., восходили к методологии либо бихевиорального, либо структурно-функционального исследования. Они опирались на линейную модель общественного развития.

В настоящее время многие политические процессы имеют нелинейную природу. Применение к ним теорий линейного анализа скорее дает искаженный результат и приводит к неверным решениям.

Российской политической науке и в теоретическом, и в практическом плане важно адаптироваться к многомерности и нелинейности современного мира, развивать собственные исследования, позволяющие адекватно описывать современную политику.

Е. В. Ефанова
Волгоград

РАДИКАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИИ¹

Наличие в современном мире радикальных настроений и проектов преобразования действительности связано с запаздыванием государственных институтов, их неспособностью адекватно реагировать на динамично развивающиеся процессы преобразования общественной жизни. Источником радикализма в ряде современных обществ является и весьма невысокий уровень политической культуры, отсутствие укоренившихся в сознании и психологии традиций гражданской жизни в условиях правового государства.

¹ Выполнено при поддержке РГНФ, проект №14-33-01202 «Идентификационные стратегии студенческой молодежи в РФ как инновационная основа политической стабильности».

Изменения, произошедшие в системе ценностей россиян после распада советской политической системы, способствовали проявлениям национальной нетерпимости и экстремизма, что нашло выражение в становлении новых общественно-политических движений радикального толка, вовлекающих в свою деятельность молодежь. В России уже длительное время существуют группы праворадикальной молодежи, которые обладают активностью и строят свою деятельность на соответствующих идеологических основаниях.

В целом радикализм можно рассматривать как тип политической практики или деятельности, основанный на крайних, предельно агрессивных идеологиях и действиях, направленных на коренное изменение существующей социально-политической системы. Радикализация общественно-политического движения есть процесс становления и укрепления политических групп, использующих экстремистские лозунги как идеологическую платформу в процессе борьбы со своими политическими оппонентами для насильственного насаждения изменений существующего общественно-политического строя.

Молодежные радикальные направления можно классифицировать на основании идейно-политического критерия и по функциональному признаку. Это указывает, с одной стороны, на мозаичность, неоднородность молодежных радикальных движений, с другой — на воспроизводство маргинальных политических позиций, связанных с обращением исключительно к «бунтарской» молодежи и риторическим политическим дискурсам. Современные молодежные праворадикальные движения проходят сложный процесс субкультурной идентификации. Реалии российского общества, вынуждающие их к маргинальному существованию, побуждают участников и лидеров этих движений к конструированию собственных коммуникативных систем и новых радикальных практик. Особое мировоззрение, специфическая ментальность, идеология, символика являются средствами трансляции групповой традиции и способами передачи информации. Социальной базой существования таких сообществ выступают определенные слои молодежи с отсутствием серьезного жизненного опыта и желанием утвердиться в обществе.

Проводя сравнительный анализ праворадикальных молодежных движений в современной России с аналогичными организациями в западноевропейских странах, мы видим, что современная Западная Европа переживает сложный процесс радикализации общественных настроений, связанный с нерегулируемым притоком мигрантов. Процесс радикализации взглядов проходит со стороны как принимающего общества, так и собственно мигрантов, особенно молодежи. Речь идет о состоянии сложного противостояния по поводу преодоления культурных, религиозных, этнических, национальных различий.

В России политические организации праворадикального толка в основном воспринимаются как допустимый элемент системы. Их лидерами являются признанные в определенных общественных кругах деятели, это легитимирует их политические амбиции и предоставляет ресурсы в борьбе за власть. В свою очередь, в плане субъективного отношения данные организации воспринимают себя как реально возможную альтернативу действующей власти. В отношении к доминирующей культуре у данного вида молодежных организаций отмечено критикой наличие крайних проявлений поп-культуры и западного образа жизни и мысли. Это выражается в запрете членам праворадикальных групп на увлечение творчеством западных исполнителей, создание в противовес собственным творческим коллективов. В свою очередь, реакция доминирующей культуры проявляется в запрете массового распространения подобных творческих продуктов. В идеальном мироустройстве представители праворадикальных молодежных движений ключевым выделяют этнический фактор. То есть новое, идеальное общество должно строиться с учетом и для удовлетворения интересов доминирующего этноса.

В результате в условиях демократических и модернизационных преобразований современного российского общества, процессов утверждения эффективной работы избирательной и партийной системы, преодоления социально-демографического и экономического кризисов невозможно полностью устранить проблему появления и развития правых молодежных общественно-политических движений. Однако для обеспечения стабильности и правопорядка в обществе необходима выработка адекватных методов профилактики радикализации молодежной среды.

В. Н. Ефремова
Москва

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКИХ ПРАЗДНИКОВ ПОСЛЕ 2012 Г.

Изучение неинституциональных аспектов политики представляется весьма значимым и перспективным направлением. В условиях отсутствия единой идеологии, как это было в Советском Союзе, изучение политики как символических актов может стать ключом к пониманию того, как конструируются и продвигаются смыслы, какие практики становятся востребованными, каким образом происходит эволюция политических курсов. Пожалуй, одними из главных маркеров социально-политических

и ценностных изменений и одновременно инструментом символической политики являются государственные праздники. Праздники строятся вокруг значимого для общества события в прошлом и призваны оказать влияние на текущее положение дел благодаря смыслам и ценностям, которыми они наделяются.

В центре внимания доклада — символическая политика государства в отношении современных российских праздников. Мы постараемся зафиксировать основные особенности использования российских государственных праздников властью, а также обозначить направления, по которым в дальнейшем вполне вероятно трансформация их смыслового содержания на новом этапе.

В целом трансформация государственных праздников в России начиная с 1990-х годов и до настоящего времени подчинялась общим закономерностям изменения символической политики государства и связанной с ней политики памяти¹.

Новый этап символической политики, начавшийся в 2012 г. и продолжающийся до сих пор, ознаменовала волна протестов, связанных с избирательной кампанией 2011–2012 гг. Он тесно связан с новой постановкой вопроса о национальной идентичности на фоне консервативного поворота в дискурсе власти и антизападнических настроений в обществе. Вопрос о национальной идентичности стал одной из центральных тем президентской кампании В. В. Путина и в дальнейшем перерос в символический курс новой власти. Новый президентский срок Путина ознаменовался конструированием идеологии, основанной на национальных ценностях.

В этом контексте были обозначены первые предпосылки для пересмотра потенциала существующих государственных праздников.

В первую очередь стала очевидна попытка задействовать потенциал Дня народного единства, который должен был связать события новейшей и дореволюционной истории. События 2014 г. внесли существенные коррективы в государственную политику России. Основной упор был сделан на категорию «Русский мир», «изобретение» которой было сопряжено с конструированием смыслов Дня народного единства. Власть в лице В. В. Путина на новом этапе сделала ставку на «духовные скрепы», заимствованные из православия. В «духовных скрепах» власть видела основу консервативной российской идентичности («Русского мира»), угрозу которой все чаще стал представлять Запад. В этих условиях заметен рост мобилизационных эффектов смыслов 4 ноября.

Произошло существенное расширение границ темы «нации», подвигов ее героев и истории России. Обращение к теме военных побед (на примере

¹ *Миллер А. И.* Россия: власть и история // Pro et Contra. М., 2009. № 3–4. Май–август. С. 7.

Дня Победы, Дня защитника Отечества и Дня народного единства) вписывалось в контекст задачи укрепления российского государства и отвечало на запрос общества в позитивных событиях.

Помимо этого, власть стала заметно больше внимания уделять событиям давней истории, особенно тем, которые связаны с ролью православной церкви.

В период третьего президентского срока В. В. Путина особую значимость приобрели социальные функции праздников как инструментов регламентации повседневной жизни. Изменения праздничного законодательства в 2012 г. дали возможность манипулировать праздничными выходными, что стало актуально при проведении инаугурации президента и согласовании протестных акций.

Центральным событием нового этапа символической политики стало празднование 70-летия Великой Победы в 2015 г. При нынешней международной конъюнктуре праздник выполняет значимую роль — сохранение и поддержание исторической памяти о великом подвиге, а также выступает в качестве важной узловой точки национальной идентичности.

Можно предполагать, что наиболее значимых эффектов от использования праздников в качестве инструментов конструирования России как сообщества власти удастся добиться с изменением повестки дня и актуализацией темы национальной безопасности. Революция на Украине позволила вынести эти вопросы в разряд важнейших. Это позволило временно «уйти» от нерешенных внутренних проблем и реализовать внешнеполитические амбиции, однако, по сути, не решило задачи по формированию идентичности в более долгосрочной перспективе, что существенно сужает возможности российских государственных праздников.

**З. А. Жаде
Майкоп**

СЛОЖНОСОСТАВНОЙ ХАРАКТЕР ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Теория идентичности за последние годы накопила обширный объем знаний, создала методологическую базу и тем самым доказала свое право на статус самостоятельной отрасли научного знания. Но предлагаемые данной теорией концепты, на наш взгляд, недостаточно учитывают политико-правовой аспект идентичности. Политологический дискурс позволяет обогатить существующие представления об идентичности, выявить новые тенденции ее исследования.

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РНФ № 15-18-00148.

В условиях перемен, преобразующих соотношение статусных воззрений индивидов и видоизменяющих их политико-правовые предпочтения и ценностные установки, идентичность подвержена изменениям. Тенденция к ее усложнению приводит к распространению практики двойной или даже сложносоставной идентичности.

Осмысливая возможности концептуализации синтеза оснований политического и правового действия, мы обратились к концепту «политико-правовая идентичность». Данное понятие предложено нами в качестве инструмента анализа идентификационных процессов, где сосуществуют разные типы сообществ, имеющих устойчивую политическую и правовую значимость. Для России, которая сменила вектор развития, задача определения новых координат и ориентиров формирования политико-правовой идентичности, безусловно, одна из актуальных.

В предложенном нами ранее опыте анализа мы исходили из представления о том, что она проявляется как институт и как механизм, причем доминирующая роль в ее формировании принадлежит конституционным ценностям, в основе которых лежит общепризнанная система нормативно-правовых и ценностных регулятивов¹.

Несмотря на достаточно внушительный перечень работ, в которых рассматриваются новые модели идентичности, анализируемая проблема практически не представлена в российской науке, исключением являются труды Н. В. Исаевой и Е. В. Резникова, посвященные анализу правовой идентичности, О. Ю. Малиновой, В. В. Пантина, О. В. Поповой, И. С. Семеновко, в которых анализируется проблема политической идентичности.

В современном дискурсе конструкция «политико-правовая идентичность» используется ограниченно, в большинстве работ содержание самой категории остается непроясненным, в основном ученые ведут речь о правовой и политической идентичности. Мы разделяем концептуальные суждения, согласно которым правовая идентичность рассматривается как «качество субъекта права, характеризующее его актуальное состояние посредством юридического самоопределения в категориях прав, свобод, обязанностей и ответственности, воспринимаемых как правовые ценности»²; политическая идентичность рассматривается также как «комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации»³.

¹ *Жаде З. А.* Проблемы политико-правовой идентичности в современной России. Майкоп: Изд-во ИП Солодовников А.Н., 2014. С. 6.

² *Исаева Н. В.* Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование): Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: Институт государства и права РАН, 2014. С. 14.

³ *Семеновко И. С.* Политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И. С. Семеновко. М.: РОССПЭН, 2012. С. 89.

Эти положения вполне могут быть применены к анализу политико-правовой идентичности. Поэтому, опираясь на данные суждения, заметим, что политико-правовую идентичность следует рассматривать в качестве интегративной характеристики человека в политическом и правовом пространстве. Данный уровень идентичности позволяет свести воедино все отдельные аспекты участия человека в политической и правовой жизни общества: политическое и правовое сознание, политический и правовой статус и политическое и правовое поведение личности.

Мы рассматриваем политико-правовую идентичность как пример сложносоставной идентичности, которая выстраивается на взаимодействии двух значимых для сообщества его носителей компонентов. Под сложносоставной идентичностью понимается «соотнесение индивида с такой референтной группой, в социокультурных паттернах которой неразрывно слиты две или более разнорядковые идентификационные характеристики»¹.

Политико-правовая идентичность — сложносоставной и комплексный концепт, в котором в той или иной степени соотносятся политическая и правовая составляющие. Как институт она представляет собой совокупность устойчивых политико-правовых черт, позволяющих гражданам как единой группе отличать себя от других, тем самым предопределяя свое место в системе политико-правовых взаимоотношений. Как механизм она представляет собой институциональную систему воспроизводства набора ценностей как отличительных политико-правовых признаков на основе сопринадлежности, с которой позиционируют себя граждане государства.

Структура идентичности и наполнение ее уровней постоянно модифицируются. Встроенная в систему многоуровневой идентичности, политико-правовая идентичность становится важным ресурсом интеграции общества. Она, как и другие уровни идентичности, демонстрирует многообразие модернизирующегося социума.

В. В. Желтов
Кемерово

ЭКСПЕРТЫ КАК АКТОРЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ (к постановке проблемы)

Исторически эксперт определялся как индивид, обладающий высокой компетенцией и (или) специализированными знаниями, что связано с определенной профессиональной деятельностью (медицина, финансы

¹ *Морозова Е. В.* Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 61.

и т. п.). Однако акторами публичной политики эксперты становятся только после того, как государство или, например, группа интересов стали обращаться к ним. Не меньшее значение имеет обладание мандатом, позволяющее тому или иному специалисту оказываться в «ситуации экспертизы», которая может быть определена как «соединение проблематичной конъюнктуры со специализированным знанием»¹.

Проблематичная конъюнктура связана с ситуацией, которую ее участники разрешить не могут. И потому они обращаются к третьему лицу, к эксперту. В итоге от экспертизы ожидают предложений, суть которых выражается «в диагностике, определенном мнении, предложениях (которые могут приобретать различные формы)»².

Такое определение экспертизы имеет четыре главных следствия. Первое из них вытекает из того факта, что *не существует экспертизы без ситуации экспертизы*. Эксперт не существует сам по себе. Он появляется только вследствие обращения к нему (к его знаниям) со стороны акторов публичной политики.

Вторым следствием является то, что *эксперт является посредником между пространством знания* (которое может быть форумом публичной политики) и *пространством решения* (арена публичной политики): эксперт располагается как бы между двумя этими полями.

Суть деятельности эксперта, по мнению П. Б. Джоли, заключается не в господстве над компетентностью — это привилегия ученого или научного работника; *сущность эксперта определяется экспортом знания и легитимностью, завоеванной им в научном поле, с тем, чтобы обосновывать решения по вопросам, которые обсуждаются в поле политики*³.

Иначе говоря, эксперт находится «между интеллектуальным полюсом и политическим полюсом»⁴, и он участвует в деятельности обоих пространств. Речь идет, значит, о том, что *эксперт является посредником между местами производства знания и местами власти*.

Третье следствие — *продукция экспертизы соответствует практическим знаниям*. Произведенные знания ориентированы на публичные решения, а потому они имеют целью осуществление перевода научного знания в конкретику в рамках публичной политики. Это значит, что на переднем

плане оказываются прагматические знания, как правило, прикладного характера, которые используются акторами публичной политики. А потому экспертиза может определяться как «наука действия»¹.

И наконец, четвертое следствие. Эксперты не могут проводить свои исследования в отрыве от взаимодействия с другими акторами публичной политики.

Эксперты в силу специфики своего труда являются участниками определенных взаимодействий. Подход к вопросу анализа взаимодействия с участием посредников в лице экспертов был разработан Ю. Хабермасом, который предложил три модели анализа:

- модель, связанная с решением;
- технократическая модель;
- прагматическая модель.

Первая модель основана на веберовском различии между ученым и политиком. Политик обращается к ученому для освящения своего решения. Знание, произведенное экспертом, подчинено *власти решения политика*. Это означает, что политик может учитывать, а может и не учитывать результаты экспертизы, произведенной по его же собственному обращению.

Вторая модель — технократическая — является противоположностью первой. Она характеризуется первенством экспертов перед политическими акторами. В соответствии с этой моделью решения политических акторов принимаются на основе мнения экспертов, опирающихся на их техническую компетенцию и научные знания. В то время как в модели решения, о чем речь шла выше, экспертиза находится в подчинении политики, в *технократической модели*, наоборот, *политика находится в подчинении экспертизы*. Именно экспертиза наделена в данной модели «институирующим» началом: она выстраивает проблему в соответствии с объектами действия, определяет нормы вмешательства и осуществляет выбор ценностей². Это позволяет экспертам играть первостепенную роль на уровне решения. Такая конфигурация встречается, в частности, в том случае, когда экспертиза становится централизованным ресурсом государства. Технократическая модель в наши дни получает распространение при реализации международных проектов.

Пример тому — так называемый Вашингтонский консенсус, получивший распространение среди экономических экспертов, работающих в международных экономических институтах. Он представляет собой некий свод неолиберальных правил экономической политики, которые были

¹ Delmas C. Pour une définition non positiviste de l'expertise // D. Damamme, T. Biremont (dir.). L'expertise et engagement politique. P. 21.

² Castiel R. L'expert mandate et expert instituant. Actes du colloque «Situation d'expertise et socialization de savoir» organize par le Cresal. Saint-Étienne, 1985.

¹ Cresal. Situation d'expertise et socialisation des savoirs. Actes du colloque organize par le Cresal. Saint-Étienne. P., 1985. P. 3.

² Ibid. P. 22.

³ Cf. Joly P.-B. La sociologie de l'expertise scientifique: les recherches françaises au milieu du gué // O. Borraz, C. Gilbert, P.-B. Joly. Risques, crises et incertitudes: pour une analyse critique? Cahiers du GIS. Risques collectifs et situation du crise, 2005. № 3. Grenoble. Publications de MSH-Alpes. P. 25.

⁴ Delmas C. Pour une définition non positiviste de l'expertise // D. Damamme, T. Biremont (dir.). L'expertise et engagement politique. P., 2001. P. 23.

предложены для преодоления кризиса в странах Латинской Америки. Эти идеи нацелены на уменьшение публичных расходов, на усиление влияния рынка и частного сектора в экономике, либерализацию обменов и движения капиталов, а также использование инструментов валютного регулирования.

В последнее время стратегия Вашингтонского консенсуса подвергается серьезной критике за то, что она оказывается неэффективной в новом мировом экономическом контексте.

Данная констатация повышает актуальность так называемой третьей модели Хабермаса — *прагматической модели*.

Эта модель связана с так называемой посреднической моделью поведения экспертов. В рамках этой модели экспертиза активно используется в публичных дебатах. Именно экспертиза вводит в оборот третью категорию акторов — граждан, которые благодаря экспертизе участвуют в формулировании ставок и в обсуждении всего комплекса вопросов публичного действия и публичной политики. *Политическое решение в таком случае воспринимается как результат коллективного обсуждения, в том числе граждан, а эксперты выполняют роль активного посредника между гражданами и политическими акторами.*

В таком подходе публичная политика получает отчетливо выраженный плюралистический характер. Роль экспертов определяется оглашением публичной политики в соответствии с тремя основными моделями:

- демонстрация новых ставок публичного действия;
- организация обсуждения этих ставок;
- широкое распространение результатов экспертизы.

Первая особенность связана с растущей неопределенностью некоторых областей публичной политики, в частности тех из них, что получили наименование «новые риски». Применительно к рискам, о которых идет речь, посредники из числа экспертов участвуют в построении и формулировании проблем и их включении в политическую повестку.

Вторая особенность связана с формированием новых форумов публичной политики, таких, например, как комиссии, комитеты, советы и т.д. Эти форумы вписываются в новый тип экспертизы — экспертизы консенсуса¹. Данная экспертиза отличается от экспертизы обслуживания (модель решения) и технократической (монополистическая или институциональная).

Прагматический аспект экспертизы консенсуса являет собой открытую экспертизу, основанную на диверсификации компетенций и используемых знаний для принятия политического решения. Можно даже

¹ Théry J. Expertise de service, de consensus, d'engagement: essai de typologie de la mission d'expertise en sciences sociales // Droit et société. 2005. № 60. P. 316.

говорить, что *экспертиза становится коллективной и коллегиальной в силу участия в ней разных акторов.*

Отсюда вытекают два следствия: с одной стороны, происходит гибридизация ролей тех экспертов, которые не являются специалистами, но являются посредниками, призванными производить разделяемый всеми смысл и обеспечивать достижение компромисса между расходящимися интересами, а с другой — проявляется растущая процедурализация экспертизы, которая строится на трех принципах:

- противоречивость (конфронтация между знаниями и интересами);
- транспарентность (публичность экспертизы);
- взаимозависимость экспертов¹.

При такой постановке вопроса эксперты обретают центральную роль в достижении компромисса между различными знаниями, акторами и процедурами. И этот компромисс призван устанавливать приемлемые для всех публичные нормы.

Посредническая роль экспертов вписывается в общую тенденцию развития публичной политики. Речь в данном случае идет о делегировании ответственности политических акторов другим акторам публичной политики. Это может вести, как отмечают некоторые специалисты, к деполютизации проблем, что позволяет предвосхищать политические конфликты. При этом «политический конфликт, перемещаясь, позволяет каждому из действующих лиц сохранить лицо»². В силу этого на фоне ослабления роли политических акторов усиливается роль экспертов в современном публичном действии.

Третья особенность растущего публичного характера экспертизы заключается в том, что результаты экспертизы получают широкое освещение в обществе, в частности в СМИ и сетях Интернета. Происходит в итоге рост *социализации знания, что сближает научное пространство с другими социальными полями. Поле науки все более сближается с политико-административными полями.*

Есть основания утверждать, что эксперты, как показывает политическая практика демократических стран, являются связующим звеном между академическим пространством и политико-административной средой, а также между различными уровнями публичного действия.

¹ Joly P.-B. Op. cit. P. 136–138.

² Jacob S., Genard J.-L. En guise de conclusion. Les metamorphoses de l'expertise // S. Jacob, J.-L. Genard (dir.) Expertise et l'action publique. Bruxelles, 2004. P. 153–154.

К. Женгота
Ольштын, Польша

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ — РЕГИОН СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Главной целью выступления является анализ роли Калининградской области в истории и актуальных вопросах взаимоотношений Европейского союза и Российской Федерации. Анализ касается как политических, так и международных детерминант отношений ЕС–Россия. Следует отметить уникальность условий развития Калининградской области в контексте отношений ЕС–Россия. Как следствие политических изменений на рубеже 80-х и 90-х годов XX в. область стала анклавом, окруженным польскими и литовскими территориями. После пятого официального расширения ЕС в 2004 г. Калининградская область — вследствие введения визового режима на польско-российской и литовско-российской границе — стала регионом, изолированным от других областей Российской Федерации. Опасения перед изоляцией области были основной высказанных в 90-х годах в правительственных кругах России неодобренных расширения на восток Европейского союза¹.

Несомненно, вопросы, связанные с функционированием Калининградской области, занимают важное место в отношениях ЕС–Россия. В этом смысле регион является своеобразным показателем качества и «температуры» этих отношений. Основные события в российско-европейских отношениях — это не только подписание соглашения о партнерстве и сотрудничестве (*Partnership and Cooperation Agreement — PCA*) 24 июня 1994 г., но и начало сотрудничества в рамках встреч Совета по сотрудничеству ЕС–Россия в 1998 г., а также подписание в декабре 2011 г. польско-российского соглашения о местном приграничном передвижении².

¹ См.: Zverev Y., Kropinova E. The Role of International Co-operation for the Regional Development of the Kaliningrad Region // Possibilities for Co-operation between Kaliningrad Region of Russia and Northern Poland within the EU-Enlargement Process, G. Fedorov, V. Komeevets, T. Palmowski (ed.). Kaliningrad, 2003; *Смординская Н.* Калининград в условиях объединения Европы: вызов и ответ // Вопросы экономики. 2001. № 11; *Кузнецов А.* Расширение ЕС и Калининградская область // Мировая экономика и международные отношения, 2001. № 2; *Baranovsky V.* Russian Views on NATO and the EU // *Ambivalent Neighbours. The EU, NATO and Price of Membership*, A. Lieven, D. Trenin (ed.). Wash., 2003.

² См.: Agreement on partnership and cooperation establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of one part, and the Russian Federation, of the other part. URL: <http://ec.europa.eu/world/agreements/prepareCreateTreatiesWorkspace/treatiesGeneralData.do?step=0&redirect=true&treatyId=201>.

Сегодня Калининградская область — это один из самых значительных вопросов в отношениях ЕС–Россия. Наиболее важные элементы российско-европейских отношений, в которых присутствует калининградский вопрос:

- транспортная доступность Калининградской области после расширения Европейского союза на восток в 2004 г.;
- либерализация визовой политики для жителей Калининградской области, а также жителей остальных регионов Российской Федерации;
- развитие научного, социального и экономического сотрудничества Калининградской области с соседними странами ЕС;
- Калининградская область как пилотный регион сотрудничества России и Европейского союза.

Вопросы, связанные с Калининградской областью, присутствовали в отношениях Европейского союза с Россией, особенно в период до расширения ЕС на восток в 2004 г. Вступление в ЕС Польши и Литвы, а также связанная с этим необходимость введения визового режима на границе с Калининградской областью оказали решающее влияние на ситуацию в анклав и, следовательно, на отношения между ЕС и Россией до 2004 г. Российская сторона подняла вопрос о значительных экономических потерях, связанных с изоляцией области от остальной части России границами Шенгенской зоны и, как следствие, появлением проблемы транзита через территорию Европейского союза¹.

Калининградский вопрос также присутствовал на переговорах по развитию научного, социального и экономического сотрудничества между Европейским союзом и Российской Федерацией. В этом контексте обе стороны считали Калининградскую область пилотным регионом в отношениях ЕС и России. Концепция пилотного характера Калининградской области в отношениях ЕС–Россия обсуждалась особенно интенсивно с 1999 г. Следует отметить, что такую роль региона оценила как российская сторона, так и Евросоюз. Важным инструментом для реализации вышеупомянутой концепции было привлечение денежных средств и организационных инструментов для программ, расширяющих приграничное сотрудничество на польско-литовско-российском пограничье с помощью трансграничных программ, софинансированных из фондов Европейского союза².

¹ *Cichocki B., Pełczyńska-Nałęcz K., Wilk A.* Obwód Kaliningradzki w kontekście rozszerzenia Unii Europejskiej, «Prace OSW» 2001. URL: <http://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/Prace-OSW?page=4>; *Vinokurov E.* Economic Prospects for Kaliningrad. Between EU Enlargement and Russia's Integration into the World Economy, «CEPS Working Document» 2004, No 201. С. 13–17.

² *Musiałowicz B.* Kaliningrad — pilot rosyjskiej polityki wobec UE? // *Bezpieczeństwo Narodowe*. 2006. № 2. С. 80; *Gemziak Ł.* Obwód Kaliningradzki — rosyjska enklawa wewnątrz Unii Europejskiej // *Dialogi Polityczne*. 2008. № 10. P. 346.

Одним из самых важных в последние годы событий в отношениях между ЕС и Россией в контексте Калининградской области было подписание польско-российского соглашения о местном приграничном передвижении. Стоит надеяться, что подписание соглашения будет являться важным импульсом в польско-российских экономических и общественных отношениях. В то же время следует отметить ряд важных вопросов в отношениях Европейского союза и России. Признаком охлаждения отношений между Россией и ЕС является не только прекращение диалога европейских и российских лидеров в результате политических и социальных беспорядков в Украине, но и приостановленный ранее процесс согласования по новому соглашению о партнерстве и сотрудничестве (РСА 2). В этих условиях, особенно в контексте отзывов, выражающих различные сомнения, соглашение о местном приграничном передвижении — это успех. Заключение нового соглашения между Россией и Европейским союзом о партнерстве и сотрудничестве — чего при нынешней ситуации не следует ожидать в ближайшее время — может создать реальную основу для дальнейшего развития сотрудничества также в контексте Калининградской области.

М. А. Завадская
Флоренция, Италия
А. В. Гилёв
Пермь

ОСНОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО КЛИЕНТЕЛИЗМА: МОДЕРНИЗАЦИЯ, ИНСТИТУТЫ И ЦЕННОСТИ

Электоральный патронаж, а также влияние клиентелистских сетей на устойчивость политического режима и голосование избирателей уже давно стали объектом сравнительных исследований в политической науке. Партийный патронаж наблюдается как в развитых, так и в развивающихся и более традиционных обществах. За последнее столетие в результате модернизационных процессов охват электорального патронажа существенно уменьшился после того, как голосование стало тайным и всеобщим¹. В то же время политическая и экономическая модернизация, протекавшая в различных обществах неравномерно, способствовала нелинейной динамике спроса и предложения электорального клиентелизма. Вопреки аргументу

¹ Stokes S., Dunning T., Nazareno M., Brusco V. Brokers, Voters, and Clientelism. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.

сторонников теории модернизации о том, что клиентелизм и патронаж — это рудимент отсталых обществ, в некоторых обществах клиентелистские практики, несмотря на модернизацию, только укрепились и оказались на редкость устойчивыми¹.

Почему мы все еще наблюдаем подобные практики в современных обществах? Различные теории связывают устойчивость клиентелизма с сохранением неравенства и низкого уровня благосостояния, индивидуальными ценностными установками или же особенностями политических институтов. Факторы, действующие на индивидуальном уровне, вкупе с факторами на уровне институтов всей политики в целом опосредуют макроэффекты модернизации и приводят к различным конфигурациям неформальных отношений в той или иной стране. Поскольку клиентелизм — это социетальный феномен, он может быть обнаружен лишь на пересечении характеристик индивидуального и макроуровня.

Действительно, как правило, мы обнаруживаем электоральный патронаж в наименее экономически развитых, более аграрных, традиционных обществах с низким уровнем деперсонализированного доверия². Но значит ли это, что все клиенты — исключительно бедные селяне и слабо урбанизированные субпролетарии с консервативными взглядами? Каковы на самом деле индивидуальные корреляты патронажного голосования? Наконец, насколько поддержка партий, предлагающих патронажные услуги, зависит от индивидуальных характеристик избирателей?

Отвечая на поставленные вопросы, (1) мы исследуем латентные факторы, связанные с различными ценностными установками на индивидуальном уровне, которые согласно теории должны коррелировать с клиентелистским поведением. Для этого мы используем опросные данные *World Values Survey* (5-я волна) и методы конфирматорного факторного анализа. Затем с помощью метода многоуровневого регрессионного анализа мы сравниваем (2) эффекты модернизации, политических институтов и макроэкономических переменных, а также персональных характеристик и ценностей респондентов и интерактивные эффекты. В качестве зависимой переменной мы используем голосование за ту или иную партию, которая, в свою очередь, характеризуется различной способностью предоставлять патронажные блага: рабочие места в бюджетном секторе, адресные социальные программы, конкретные объекты инфраструктуры и потре-

¹ Piattoni S. Clientelism, interests, and democratic representation: the European experience in historical and comparative perspective // Cambridge studies in comparative politics. — Cambridge; N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2001; Kitschelt H., Wilkinson S. I. Patrons, clients and policies: Patterns of democratic accountability and political competition: Cambridge Univ. Press, 2007.

² Scott J. C. Comparative political corruption / Prentice-Hall contemporary comparative politics series. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1972; Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R. Y. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton Univ. Press, 1993.

бительские товары¹. «Патронажный потенциал» партий измерен на основе данных *проекта Duke Democracy Project* Герберта Китчелла и коллег². В фокусе исследования — исключительно феномен партийного патронажа, в то время как организационный аспект остается за рамками данного исследования³.

Результаты анализа продемонстрировали, что (1) обнаруживается близость массовых и экспертных оценок распространенности патронажа; (2) не все конвенциональные корреляты электорального клиентелизма в действительности оказываются таковыми, предпочтения избирателями патронажных партий связано скорее не с их цинизмом или лоялизмом, но с недостатком информированности; (3) политические институты оказывают устойчивый, но при этом относительно слабый эффект на патронажное голосование.

Н. А. Завершинская
Санкт-Петербург

ТЕХНИКИ ГЕНДЕРНОЙ ДЕКОНСТРУКЦИИ СОБЫТИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Тема пересмотра исторической памяти итогов Второй мировой войны чрезвычайно актуализировалась в последнее время. Она буквально на глазах жизни одного поколения стала центральной проблемой современной идеологической борьбы. Ее актуализация связана с поисками на базе этнонационализма некоторыми восточноевропейскими странами своей новой цивилизационной и национально-государственной идентичности, что неизбежно сопровождается однобоким переосмыслением советской истории, в том числе такого значимого для советской истории события, как история Великой Отечественной войны. В этой связи под лозунгом возрождения национальной исторической памяти на постсоветском пространстве ведется масштабный демонтаж памятников и символов советской эпохи и русской истории. Позиция же России, предпринимающей попытки отстоять советское наследие от деконструкции, рассматривается идеологическими противниками как «идеологическая диверсия», поскольку, по их мнению, Россия занимается масштабным экспортом но-

стальгии о советском прошлом на территорию стран всего постсоветского пространства. За «советскими играми» России усматривается ими построение СССР версии 2.0 (с культом Великой Победы во главе).

Наряду с политиками и политизированными учеными в спекуляции вокруг событий Второй мировой войны активно включилось искусство ряда восточноевропейских стран. Достаточно вспомнить скандал вокруг хулиганской выходки Ежи Богдана Шумчика, студента Гданьской академии изобразительных искусств, установившего в ночь на 13 октября 2013 г. на аллее Победы в Гданьске рядом с танком Т-34 сотворенную им скульптуру «Насилие», изображающую советского солдата, насилующего польскую беременную женщину. Скульптура изображает советского солдата в форме и со звездой на шлеме, нападающего на лежащую женщину. В одной руке он держит пистолет, направляя его в рот женщине, а другой тянет ее за волосы.

В этот же ряд можно поместить трехсерийный фильм, показанный на немецком телеканале ZDF, «Наши матери, наши отцы» о Второй мировой войне, который реабилитирует немецких солдат на Восточном фронте. Михаил Мягков, доктор исторических наук, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН, следующим образом прокомментировал запущенный авторами этого фильма миф о том, что «советские войска, войдя на территорию Германии, были неуправляемыми и в массовом порядке насильствовали немецких женщин. Говорится о цифре в два миллиона немок. Она уже всплывала в немецких монографиях. Ее же озвучивал и английский историк Э. Бивор. В фильме «Наши матери, наши отцы» присутствует сцена, когда советские солдаты врываются в немецкий госпиталь, начинают расстреливать раненых и одновременно насильствовать санитарок. Впрочем, «зверски» ведут себя не только русские. Поляки в фильме сплошь антисемиты...»¹. Примеров подобного рода заидеологизированного искусства современность производит в избытке.

В отечественном дискурсе работ, посвященных гендерному переосмыслению Великой Отечественной войны, немного. Однако в тех немногочисленных публикациях, которые затрагивают эту тему, нередко вслед за мейнстримом враждебного идеологического дискурса под сомнение ставится официальная героизация войны, советской женственности как жертвенности и маскулинного героизма фронтовиков, в них усматривается преданность «отцу-Сталину» и советской власти².

¹ Цит. по: Новоселова Е. Обыкновенный фальшизм [Электронный ресурс] // Российская газета. 2013. 8 мая. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/23/istoria.html>.

² Суковатая В. А. От «маскулинности травмы» — к «маскулинности невроза»: гендерные политики в советской и постсоветской массовой культуре // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 5. С. 45.

¹ Brusco V., Nazareno M., Stokes S. Vote buying in Argentina // Latin American Research Review. 2004. N 39 (2). P. 66–88.

² Kitschelt H. Duke Democracy Project Democratic Accountability and Democracy Project. Department of Political Science Duke University, 2010. URL: <https://web.duke.edu/democracy/downloadingform.html>.

³ Kopecky P., Mair P., Spirova M. (eds.) Party Patronage and Party Government in European Democracies. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.

Действительно, война предписывала осознавать собственную субъективность в рамках гендерной роли, отводимой войной. Однако нельзя понять конструирование собственной идентичности советскими гендерами без учета символических значений Великой Отечественной войны для воевавшего советского народа. Ведь «нужда победы всех звала./и этим только то жили» (Е. Соколов). Как писал об этом в 1942 г. В. Некрасов в повести «В окопах Сталинграда», «за эту родину... он (советский человек. — Н. З.) будет драться до последнего патрона. А кончатся патроны — кулаками, зубами...»¹. Понятно, что гендеры в военной культуре США или Великобритании не могли не отличаться от гендерной ситуации военной поры СССР. Именно потому идеальной гендерной нормой в СССР стал военный героизм и героизм в тылу, а также женская жертвенность, а не эротизация отношений полов и половых ролей.

Таким образом, когда «сквозняк» истории скользит по душам и державам (И. Губерман), очень важно сохранить от деформаций, в том числе гендерных, священную память о недавнем советском военном прошлом.

К. Ф. Завершинский
Санкт-Петербург

ПОЛИТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

Современные теории политических коммуникаций, сконцентрированные на анализе специфики интернет-коммуникаций и глобализации политических сетей, нередко оставляют без должного внимания политико-антропологические измерения современных коммуникативных процессов. Теоретические экспликации коммуникативного процесса всегда включают в себя политико-антропологические послышки, представления о политической природе человека. Так, теории политической идентификации и современных политических сетей так или иначе отсылают к когнитивным и нормативным обоснованиям современных политических коммуникаций и поиску общих правил и норм, обеспечивающих становление отношений политического доверия. Однако подобные теоретические ремарки остаются в русле антропологии рационального и технологичного политического актора, использующего политическую архаику для осуществления политического доминирования посредством стратегий «мягкой власти».

¹ Некрасов В. П. В окопах Сталинграда. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://modernlib.ru/books/nekrasov_viktor_platonovich/v_okopah_stalingrada/read.

Вместе с тем нельзя не замечать, что в условиях медиатизации политических коммуникаций наряду с изменением качества «рациональности» гражданина в условиях сетевых структур меняется и качество антропологии «человека чувственного», требующей науки о «новой чувственности» (в терминах А. Филиппова — *эстеziологии*) и ее символических проекциях. Поскольку тот, «кто будет владеть словарем новой чувственности, будет владеть словарем мобилизации»¹. Процессы биологизации политического и политизации биологического, которые изначально сопутствовали коммуникативным процессам, в условиях расцвета медийных технологий продуцирования «политического воображаемого» обрели новое качество и значимость в практиках современного конструирования политической идентичности и политической легитимации².

Антропология «новой чувственности» и ее символические репрезентации в современных практиках политических коммуникаций в значительной мере зависят от коммуникативных структур современной политической памяти. Смысловые горизонты современной социальной памяти определяют появление и специфику политических идентичностей. Определяющую роль в подобном конструировании и структурировании политических событий (смысловых комплексов) играет «политическая память социальной системы» как динамическая взаимосвязь символических схем ретроспекций и проекций политических событий. Национальная память как историческая модификация политической памяти выступает наиболее эффективным способом поддержания и реконструкции семантически значимого прошлого в силу своей временной структуры. Важным звеном подобного процесса являются современные формы политического мифического нарратива как семантическое средство связи идеологических обоснований и практик фонового повседневного знания, когда идеологические символы и обоснования прошлого и будущего дополняются символизацией телесно-чувственного восприятия политического посредством символизации событий героического и жертвенного³. Выявление потенциала действительности современных символических фигур («героя», «жертвы», «преступника» и т.п.) позволяет перевести в плоскость конкретного анализа влияние политической памяти на конструирование политических идентичностей и в целом на политические коммуникации. Антропологизацией исследования «работы политической памяти» в современных политических коммуникациях становятся ее

¹ См.: Филиппов А. Ф. Чувственность и мобилизация. К проблеме политической эстеziологии // Defuturo, или История будущего / Под ред. Д. А. Андреева, В. Б. Прозорова. М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. С. 119–140.

² См.: Bottici C. Imaginal politics: images beyond imagination and the imaginary N.Y.: Columbia Univ. Press, 2014. P. 258.

³ См.: Bottici C. A Philosophy of Political Myth. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2007.

«фигурации»¹, как меняющиеся отношения между прошлым и настоящим, обусловленные взаимосвязью процесса символической борьбы «памятей» в коммуникативном пространстве и спецификой средств их передачи, жанров и профилей. Выявление потенциала действенности современных форм «политического воображаемого» в политических коммуникациях, их влияния на политический дизайн и режимы политических коммуникаций позволяет более комплексно описывать процесс социального конструирования политических коммуникаций в качественно отличных политико-культурных средах.

О. И. Зазнаев
Казань

МАНИПУЛЯЦИИ С ФОРМАМИ ПРАВЛЕНИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС

Проблема манипуляций с формами государственного правления актуальна для целого ряда государств современного мира. Стремясь сохранить власть или нейтрализовать своих соперников, политические лидеры пытаются приспособить конституцию под собственные интересы и прибегают к разнообразным манипуляциям с Основным законом, в результате которых меняются баланс политической власти и характер взаимоотношений между президентом, премьер-министром и парламентом.

Под манипуляцией с формами правления следует, на мой взгляд, понимать такое изменение формы правления, которое предпринимается для достижения односторонних целей политических акторов, то есть имеет скрытый смысл, при этом оно направлено на создание некоей иллюзии (забота о прямом волеизъявлении народа, стабильности, справедливом распределении власти в стране и пр.). Как известно, кредо любого фокусника (а фокус — это манипуляция зрителями) — «ловкость рук и никакого мошенничества». Мастерство и сноровка в обращении с конституцией позволяют сформировать обманчивые суждения относительно смысла политических новаций.

Как правило, инициаторы изменений не идут на смену президентской системы на парламентскую, или наоборот. Причина заключается в том, что институциональное расстояние между парламентаризмом и полупрезидентской формой правления, а также между президентской системой и полупрезидентской формой правления короче, чем расстояние между

¹ См.: Olick J. The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. N.Y.: Routledge. 2007.

парламентаризмом и президентской системой, а «преодолеть» большое расстояние гораздо труднее.

Цели манипуляций с формами правления — это укрепление своих собственных политических позиций или ослабление своих соперников. Конституционные изменения форм правления могут быть двух типов — усиливающие власть президента (*президент-ориентированный тип манипуляции*) и усиливающие власть премьер-министра (*премьер-ориентированный тип манипуляции*).

Переходы от парламентаризма к полупрезидентской форме правления, от премьер-президентской формы правления к президентско-парламентской и от полупрезидентской формы правления к президентской системе усиливают власть президента. Примером президент-ориентированного типа манипуляций является Турция. Будучи премьер-министром Турции, Реджеп Тайип Эрдоган и его Партия справедливости и развития инициировали поправки к конституции, согласно которым предполагалось усиление власти президента и избрание его прямыми выборами. В 2010 г. на референдуме эти поправки были приняты, и Турция превратилась из парламентской в премьер-президентскую систему. В 2014 г. Эрдоган был избран на всеобщих выборах президентом Турции. При этом и сама партия, и ее лидер подчеркивали, что цель этих новаций — движение страны к демократии, а не политические амбиции.

Переходы от президентской формы правления к полупрезидентской, от президентско-парламентской к премьер-президентской и от полупрезидентской к парламентской форме усиливают власть премьер-министра. На постсоветском пространстве некоторые уходящие с поста президенты (в связи с исчерпанием «лимита» на занятие должности главы государства) вынашивали идею пересест в кресло премьер-министра, для чего следовало предварительно существенно расширить полномочия главы правительства. При таких новациях президент становился номинальной фигурой, а реальная власть сосредоточивалась в руках главы правительства, представляющего партию, набравшую большинство голосов на парламентских выборах. При этом, как известно, нет никаких ограничений на переизбрание премьер-министра. Эта идея муссировалась на Украине (до ухода Л. Кучмы с должности президента), в России (накануне окончания второго срока В. Путина) и Армении (при Р. Качаряне). Попытка ее реализации имела место в Грузии. Президент М. Саакашвили в 2010 г. за три года до окончания своих полномочий смог провести через парламент поправки к конституции, меняющие конфигурацию власти от президентской к полупрезидентской системе. По мнению оппозиции, он не был намерен уходить из политики и пытался возглавить правительство, сохранив за собой власть.

Манипуляции с формами правления можно разделить на два типа, в зависимости от направленности. Если изменение формы правления

предпринимается «для себя», то такой тип манипуляции можно назвать «захватническим». Все вышеприведенные примеры изменения формы правления можно отнести именно к этому типу. Другой тип манипуляции — *охранительный*. Эти изменения формы правления предпринимаются «для ослабления других», а именно для сдерживания или сужения власти политических противников (на Украине и в Тайване произошло усиление премьер-министра с целью «борьбы» с оппонентами).

Определение того, является изменение формы правления манипуляцией или нет, требует выявления прежде всего мотивов лидеров и политических элит, что в конечном итоге позволяет узнать истинные «пружины» политики.

Д. Н. Замятин
Москва

СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ: МЕСТО И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

В контексте проблематики пространственности/сопространственности можно говорить о *политике места* и вытекающей из нее и тесно с ней взаимосвязанной проблеме *места политики*. Место здесь понимается нами как родовая онтологическая категория, объединяющая в семиотическом плане такие понятия, как территория, регион, страна, местность и т.д., а также «диктующая» в дискурсивном отношении содержательные стратегии и сценарии воображения и восприятия тех или иных локусов исходя из уже заданных онтологически «внутренних» императивов (интенций). Таким образом, место может выступать в качестве исходного онтологического «пункта» для выработки конкретных политических нарративов; место оказывается благодаря такому подходу политическим «узусом», позволяющим далее разрабатывать как стратегии политического анализа, так и более широкие экзистенциально ориентированные социокультурные стратегии.

Политика места — это целенаправленный когнитивный дискурс трансляции вовне (за пределы конкретного места) образов, мифов, ценностей, стереотипов, характеризующих данное место. Политика места является необходимой составной частью современных политик, в частности политик идентичности. Несколько расширяя это понятие, мы можем говорить также, что американская, китайская, французская внешние политики могут интерпретироваться как политики места, имея в виду их локально-цивилизационное дискурсивное происхождение. Другими словами, политика места может трактоваться и как целенаправленный локально-цивилизационный дискурс.

Исходя из вышесказанного, мы попытаемся определить место политики как специфической социокультурной деятельности, присущей локальным цивилизациям на определенных стадиях их развития. Политика в пространственном смысле есть разумная когнитивная деятельность, направленная на расширенное воспроизводство образов, символов и знаков принадлежности к месту. Иначе говоря, «настоящая» политика начинается тогда, когда отдельные индивидуумы и/или сообщества настолько четко привязываются к месту, настолько ясно становятся оседлыми, что у них возникает необходимость как в образном и знаково-символическом отношении присвоения места, так и в его дальнейшем увеличении (расширении). Данная характеристика не противоречит другим определениям политики, связанным с понятиями власти, насилия и господства. По сути дела, и власть, и насилие, и господство как онтологические концепты связаны с пространственностью; пространство — непосредственное поле осуществления властных отношений, арена насилия и предмет господства. Политика в данном случае оказывается ментальным процессом пространственной концентрации, дифференциации и сегрегации по поводу власти в ее прежде всего воображаемом аспекте, из которого проистекают и все остальные.

Место политики оказывается, как ни странно, достаточно размытым, достаточно слабо определенным тогда, когда начинаются активные процессы формирования территориальных идентичностей. Вновь формирующиеся иерархии территориальных идентичностей демонстрируют распад, разложение традиционной политики места постольку, поскольку растущие множества территориальных политических акторов создают разветвленные дискурсивно-коммуникативные сосуществующие каналы распределения, разделения, рассредоточения власти по поводу места; место присваивается сразу многими одновременно, воображение места очень быстро увеличивается и расширяется, становясь предпосылкой для становления сопространственностей. Параллельно мы можем говорить о дискурсивно-коммуникативном присвоении различных в физическом плане мест одними и теми же территориальными сообществами и/или социальными группами. Таким образом, нарастание онтологических процессов размывания, нечеткости традиционных мест политики в эпоху позднего модерна ведет к становлению сопространственностей, которые маркируют множественные ментальные границы отдельных сообществ/людей по поводу конкретных мест и стратегий их воображения. В таких условиях «хозяином» политического дискурса способен оказаться политический актер, который, с одной стороны, не имеет места (формально он может его обозначить, но фактический дискурс может явно или неявно продемонстрировать его отсутствие), а с другой — именно он может оказывать решающее или достаточно мощное воздействие на формирование множеств отдельных по-

литик мест и по поводу мест. По всей видимости, эти процессы являются ключевыми для осмысления политики/политик постмодерна.

А. О. Зиновьев
Санкт-Петербург

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ГОСУДАРСТВА И ПРАВА» В ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКИ И ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

Исследования политических идеологий порождают проблему отделения «фактов» от «ценностей» в изучении политики, поскольку вера в «научную позицию» политического ученого, которая может быть независимой от существующих политических идеологий, теперь утрачена. В известной классификации этапов в интерпретации политической науки в США, которую предложил Дэвид Истон, указанная вера была характерна для «поведенческого» этапа и оказалась утраченной на современном пространстве, или «постповеденческом» этапе политической науки. Современные исследования идеологии, как правило, ориентированы на методологию современной политической теории (например, на теоретическое наследие Мишеля Фуко) и критичны по отношению к экспансии экономической методологии в исследования политики. В то же время экономические исследования политики выявили важность «идеологий» в политической жизни и предложили собственную программу исследований «роли идей и идеологий» в жизни современных государств и обществ.

Проблематика «государства и права», то есть традиционная проблематика юридической науки, характеризовала «традиционный и формальный этапы» в американской политической науке, в классификации Дэвида Истона. Она была замещена исследованиями «политической системы» в результате перехода к «поведенческому этапу» в американской политической науке. В ходе данного перехода изучение «роли идей» было заменено изучением «роли ценностей». Проблематика политической философии и истории политико-правовой мысли была существенно сокращена за счет повышенного внимания к исследованиям поведения избирателей и их политической культуры в отдельных странах. Современный этап характеризуется критикой «системного подхода». Исследователи, ориентированные на использование идей Маркса, критиковали «системный подход» в науках об обществе за отказ от исследований общественных конфликтов, за фиктивность идеологической нейтральности «научной позиции» ученых в условиях капиталистического общества, за отказ от «нормативной по-

литической теории» в политических исследованиях. Странники Вебера критиковали «системный подход» за искажение исходных идей Вебера, развитием которых был «системный подход» Т. Парсонса. Речь шла о понимании бюрократизации как рационализации в качестве конфликтного исторического процесса, а не как «эволюции общества». В рамках данной критики отмечалась взаимосвязь «государства и права» и идеологической борьбы в обществе. Государственная бюрократия не только обладает «относительной автономией» от идеологической борьбы в обществе, но и выступает участницей идеологической борьбы.

Другая причина возвращения проблематики «государства и права» связана с исследовательской динамикой в экономической науке. Хотя экономисты были ориентированы на «научную позицию», как и сторонники «поведенческого» подхода в политической науке, они использовали экономическую методологию для изучения классических проблем «государства и права» (например, Д. Бьюкенен изучал роль конституции, а Э. Даунс предложил свою теорию политических идеологий). Несколько позже Дуглас Норт предложил теорию государства и институтов как «правил игры» в политике и экономике. Данная теория, в которой осуществлен синтез идей Маркса с теориями общественного договора, является наиболее сложной теорией «государства и права» в рамках современной экономической науки.

Исследования идеологий постепенно соединяются с исследованиями институтов в политике и экономике, то есть происходит возвращение к традиционным проблемам «государства и права», но с учетом сложной экономической природы «права» и сложной когнитивной природы политических идеологий как текстов, зависимых от социальных контекстов (в смысле Т. ван Дейка). Иначе говоря, речь идет о переосмыслении «системного подхода» к анализу политики в духе философии социального реализма, проблематика «государства и права» понимается как реально существующая в политической жизни, как реальное бюрократическое ядро «политической системы». Актуализация «государства и права» не означает возвращения юридического мышления, так же как когнитивные исследования политических идеологий не означают возвращения к политической философии в ее традиционном виде. Современный бельгийский правовед М. ван Хук в работе «Право как коммуникация» развивает идею необходимости «коммуникативного подхода» Ю. Хабермаса для «коммуникативной легитимации» права в современном обществе. Феномен «публичной сферы» соединяет проблематику «государства и права» с современными политическими идеологиями. Социальная герменевтика как метод изучения широко понятого (научного или идеологического) дискурса в многообразии его социального контекста может позволить изучать социальную реальность связанности практик бюрократического «государства и права» и идеологических практик (например, в области изучения «социального государства»).

Е. С. Зиновьева
Москва

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Термин *цифровая дипломатия*, распространенный наряду с понятиями *интернет-дипломатия*, *дипломатия социальных сетей* и *Web 2.0 дипломатия*, впервые начал использоваться применительно к внешней политике США. В частности, под ним подразумевалось широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе *новых медиа*, социальных сетей, блогов и тому подобных медиаплощадок в глобальной сети для содействия государственным органам в осуществлении функций и коммуникаций по вопросам, связанным с внешнеполитической повесткой дня. В настоящее время программы *цифровой дипломатии* реализуются целым рядом государств, в том числе Россией.

Цифровая дипломатия — одно из направлений публичной дипломатии, ориентированной на вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения, а не на взаимодействие с политической и дипломатической элитой зарубежных государств. Вместе с тем цифровая дипломатия направлена на реализацию национальных интересов государств с учетом особенностей новой цифровой среды.

Методами *публичной дипломатии Web 2.0* являются размещение радиопередач в сети Интернет, распространение в открытом доступе литературы по международно-политической тематике в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание персонализированных страничек членов правительства и дипломатов в социальных сетях, а также рассылка информации через мобильные телефоны и др.

Отправной точкой для активизации внешнеполитической деятельности государств в цифровой сфере стало осознание потенциала воздействия Интернета на значительное число пользователей персональных компьютеров и обладателей мобильных телефонов в мире. Действительно, на сегодняшний день более 30 % населения планеты являются активными пользователями Интернета, и цифра эта постоянно растет².

Вместе с тем можно выделить ряд государств-лидеров, наиболее активно использующих новые медиа и Интернет во внешнеполитической

практике, прежде всего США. Программы цифровой дипломатии США не ограничиваются распространением внешнеполитической информации, но предполагают интерактивное участие и вовлечение во внутриполитические процессы зарубежных государств, в том числе:

финансирование проектов по созданию и распространению новых технологий, позволяющих обходить цензуру в Сети;

создание информационных сервисов, направленных на поддержку оппозиции в авторитарных странах;

создание систем *теневого Интернета* и независимых сетей мобильной связи, развертывание которых на территории третьих стран позволит борцам с авторитарными режимами обмениваться информацией в режиме онлайн, обходя запреты властей¹.

Неудивительно, что подобная практика настороженно воспринимается многими государствами, прежде всего уступающими США в технологическом потенциале. После массовых протестов в ходе «Арабской весны», где социальные сети активно использовались в целях координации протестов, распространения информации и идеологического воздействия, социальные сети и интернет-технологии все чаще рассматриваются как одна из новых угроз национальной и международной безопасности, что находит свое отражение в том числе и в повестке дня ряда международных организаций, в том числе ООН (так, 17 апреля завершила свою работу Группа правительственных экспертов ООН по кибербезопасности). Программы цифровой дипломатии в этом контексте видятся как фактор дестабилизации международной среды. Вместе с тем конструктивный потенциал подобных инструментов с целью урегулирования конфликтов, превентивной дипломатии и постконфликтного урегулирования представляется недостаточно изученным.

В. Г. Иванов
Москва

CHARTS POWER — СТРАНОВЫЕ РЕЙТИНГИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ И ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В последние десятилетия в мире происходит своего рода «рейтинговая революция»: создание, стремительное распространение и постепенная легитимизация многочисленных межстрановых индексов, сравнивающих разные страны по огромному числу критериев: от политической стабиль-

¹ IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 Digital Diplomacy. U.S. Department of State. 2010, Sept. 1. URL: <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm>.

¹ Доклад подготовлен в рамках работы над проектом по гранту РГНФ «Структура, формы и методы взаимодействия официальной и публичной дипломатии для противодействия угрозам национальной безопасности России», № 15-37-11128.

² Internet Usage and Population Statistics. URL: Internetworldstats.org.

ности до уровня свободы слова, от качества государственного управления до привлекательности национальной культуры. Как правило, чем сложнее и абстрактнее рейтинг, чем шире в нем используются качественные методы, тем больше в нем доля спекулятивной и, возможно, идеологической составляющей. Рейтинговые организации радикально упрощают многообразие и сложность реальных процессов, предлагая своим потребителям схематичную и упорядоченную картину рассматриваемой области. При этом они, как правило, стараются казаться независимыми, демонстративно дистанцируясь от национальных правительств. Оценки рейтинговых агентств и аналитических центров все чаще используются при составлении прогнозов, принятии инвестиционных решений, выработке отдельных направлений государственной политики, в финансовой сфере, в консалтинговой, исследовательской деятельности, для сравнения университетов разных стран и т.д. В последние годы обращение к рейтинговым оценкам отчетливо форсируется, из удобного инструмента они превращаются в своеобразный довлеющий институт. Отсылки к популярным рейтингам закрепились и в публичном политическом дискурсе, они нередко звучат при критике правительств, задача повышения позиции страны в определенном рейтинге может заявляться в качестве ориентира государственной политики. Формируется даже особое «рейтинговое мышление», основанное на безоговорочном доверии к сравнительным индексам как удобным, признанным и достоверным инструментам изучения и интерпретации не только экономической, но и социально-политической реальности.

Появился значительный рейтинговый рынок, который практически с самого своего возникновения оказался монополизирован. Обращает на себя внимание тот факт, что процесс «рейтинговой революции» был инициирован и активно продвигается западными государствами, а также тесно аффилированными с ними международными организациями, компаниями и НКО. Не будет преувеличением утверждение, что ключевую роль в создании и внедрении глобальной «рейтинговой инфраструктуры» играют США, именно там расположены наиболее известные рейтинговые институты и организации, многие из которых контролируются, а то и напрямую финансируются американским правительством. Оправданно говорить о становлении и постепенной институционализации новой формы глобальной власти, которую можно назвать «властью (силой) рейтингов» или *charts power (index power)*. Без сомнения, данный тип власти можно отнести к разновидности «мягкой силы» в терминологии Дж. Ная, «третьего лица силы» С. Льюкса или «власти мониторинга» Дж. Келли и Б. Симмонс.

При первом приближении мы видим, что феномен *charts power* имеет три измерения, тесно связанных друг с другом:

1. Аккумуляция «рейтинговой силы» можно определить как деятельность, направленную на формирование и распространение идеоло-

гически детерминированных глобальных стандартов рациональности и нормативности (то, что П. Дуткевич называет «доминирующей рациональностью»), основанных на универсалистском и иерархически упорядоченном видении мира. Цель — создание легитимной «рейтинговой инфраструктуры» и формирование особого типа «рейтингового мышления» среди людей, принимающих управленческие решения или оказывающих воздействие на общественное мнение.

2. Второе измерение — это стратегия капитализации и использования в политических целях накопленного символического капитала рейтинговой силы. Здесь основную роль играют интерпретации и политизация оценок и данных рейтингов (даже нейтральных), управление рейтинговой инфраструктурой для реализации политических интересов. Таким образом, эффект *charts power* возникает именно вследствие политизации рейтингов.

3. Власть рейтингов можно определить как имплицитное влияние рейтинговой инфраструктуры и стоящих за ней идеологических конструкторов на мировоззрение элит и экспертного сообщества, а также общественное сознание. Данные сравнительных индексов могут приниматься на веру без сомнений и рефлексии и, таким образом, приобретают черты мифологизированного сознания. Обычно они имплицитно евроцентричны и соответственно дуалистичны, противопоставляя друг другу разные группы стран, соотнесенных с определенными образцами.

Таким образом, оправданно рассматривать международные рейтинги в качестве перспективных и влиятельных инструментов «мягкой силы» государств и глобальных институтов. Несмотря на то что к категории потенциального «экономического оружия» могут быть отнесены в первую очередь разнообразные суверенные рейтинги, а также индексы политического риска, не следует недооценивать потенциальные возможности и иных многочисленных сравнительных рейтингов как инструментов «мягкой силы». В текущий период обращает на себя внимание своеобразный «рейтинговый террор» со стороны соответствующих западных организаций, институтов и НКО в отношении России и ряда других стран, с которыми у официального Вашингтона существуют открытые разногласия (например, Китай, Иран, Белоруссия, Венесуэла и др.). В итоге в России теряется прежде практически безусловное доверие к сравнительным рейтингам.

Таким образом, возникает принципиальный вопрос определения критериев доверия к существующим на рынке рейтингам и ранжирования их в соответствии с этими критериями. Сегодня в мире отсутствует «рейтинг рейтингов», показывающий на основе объективных критериев, какие из сравнительных индексов заслуживают большего доверия, а какие являются инструментами политического, экономического или идеологического влияния.

М. В. Иванова
Пермь

СПОСОБЫ ИЗМЕРЕНИЯ ВЫБОРОВ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ АВТОРИТАРИЗМЕ: ИНДЕКС ДИСПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ ИЛИ КООПТАЦИИ?

Диспропорциональность выборов означает, что «правила игры», установленные при переводе голосов избирателей в мандаты, приводят к разной степени соразмерности результатов выборов. Избирательная система может «корректировать» выбор избирателя в зависимости от выбора правил. При этом механизмы корректировки, вполне очевидно, могут использоваться только элитами.

Считается, что в развитых демократиях перевод голосов избирателей в мандаты не сопровождается значительными трансформациями¹, в то время как при электоральном авторитаризме выбор избирателя сознательно искажается². Вместе с тем действенность таких механизмов зависит от способности государства поддерживать порядок³.

Разработанные для развитых демократий индексы диспропорциональности тем не менее могут быть использованы и для измерений при электоральном авторитаризме. Их результаты демонстрируют прежде всего, насколько формальные правила способны исказить выбор избирателя. Вместе с тем эти индексы не позволяют определить, к чему стремится «правящая группа». Именно поэтому необходим новый инструмент, способный измерять диспропорциональность при электоральном авторитаризме.

Согласно распространенной точке зрения выборы, партии и другие демократические институты служат в странах электорального авторитаризма инструментами кооптации элит⁴. Логично предположить, что если

¹ Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990. Oxford Univ. Press, 1994. P. 91–94.

² Schedler A. The menu of manipulation // Journal Of Democracy. 2002. Vol. 13. No 2. P. 37; Tan N. Manipulating electoral laws in Singapore // Electoral Studies. 2013. Vol. 32. No 4. P. 641.

³ Seeberg M. State capacity and the paradox of authoritarian elections // Democratization. 2014. Vol. 21. No 7. P. 1279; Schedler A. The Criminal Subversion of Mexican Democracy // Journal of Democracy. 2014. №1. P. 9.

⁴ Magaloni B. Voting for autocracy: hegemonic party survival and its demise in Mexico. Cambridge Univ. Press, 2006. P. 6; Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // Comparative Political Studies. 2007. Vol. 40. № 11. P. 1282.

связанные с партиями переменные не позволяют измерить диспропорциональность выборов, а субституты плохо поддаются подсчету, то следует ориентироваться на число представителей элит, принимающих участие в выборах (обычно их называют кандидатами, баллотирующимися на посты различного уровня).

Выдвигаясь от партии как по пропорциональной системе, так и по мажоритарному округу, кандидат заявляет о своей партийной идентификации и одновременно о лояльности существующему режиму. Для «правящей группы» выгодно вовлечь в выборы как можно больше представителей элит. Чем больше кандидатов, тем выше поддержка «правил игры» и тем выше лояльность элит. При этом не имеет значения, от какой партии баллотируется кандидат — от «правящей» или «оппозиционной».

Итак, в качестве ключевых переменных предполагается использовать число баллотирующихся кандидатов и число мандатов, распределенных на соответствующих выборах¹. Эти переменные позволяют оценить соответствие результатов выборов ожиданиям политических элит, или насколько политический режим способен кооптировать их представителей.

Отношение между числом баллотирующихся и избранных кандидатов показывает силу режима. Логично предположить, что, присоединяясь к той или иной партии, кандидаты способны достаточно точно предсказать результат, который они могут получить на выборах.

Для обеспечения сравнимости результатов расчета необходимо перевести цифры в относительную форму, разделив разницу между числом баллотирующихся и избранных кандидатов на число баллотирующихся кандидатов:

$$D = (D_k - D_m) : D_k,$$

где D — значение индекса диспропорциональности, D_k — число баллотирующихся кандидатов, D_m — число распределенных мандатов.

Для представления результатов получившееся значение нужно вычесть из единицы. В таком случае будет получено значение, которое можно будет описать как уровень диспропорциональности результатов или уровень кооптации элит выборов при электоральном авторитаризме:

$$D = 1 - (D_k - D_m) : D_k.$$

Очевидно, что данная формула должна быть преобразована в следующий вид:

$$D = D_m : D_k.$$

Итак, получилась формула индекса диспропорциональности для электорального авторитаризма или индекса кооптации элит.

¹ Для расчетов использовались данные ЦИК РФ.

Рассчитанный для электорального авторитаризма индекс диспропорциональности, или кооптации элит, позволяет показать, насколько соразмерен результат выборов ожиданиям элит. Его использование позволяет измерить уровень кооптации элит, определить, насколько «правила игры» и общий политический контекст привлекают элиты к участию в выборах, насколько они в конечном итоге поддерживают существующие «правила игры» и правящую группу и насколько полученный на выборах результат способствует сохранению *status quo*.

Сравнимость показателей индекса позволяет сопоставлять результаты выборов регионального и общенационального уровней, а также включать в исследование более широкий круг стран.

Индексы Рае и Лусемура—Хандби, метод наименьших квадратов, индекс Галахера позволяют измерить только то, насколько «правила игры» искажают выбор избирателя. Предложенный в данной статье индекс помогает определить, насколько результат выборов отвечает ожиданиям элит, что более актуально для стран электорального авторитаризма. В таких странах «правила игры» часто подвергаются модификации и используются как инструмент для искажения выбора избирателя.

Кроме всего прочего, рассчитанный для электорального авторитаризма индекс диспропорциональности позволяет проследить отклонение результатов выборов относительно ожиданий элит независимо от изменений избирательного законодательства, распространенных в странах «серой зоны».

А. В. Игнатов
Душанбе, Таджикистан

ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО АВТОРИТЕТА НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Авторитет государства традиционно принято определять по трем параметрам: военная мощь, экономический потенциал и политическое влияние. В современной науке используются различные индексы, на основании которых выстраиваются рейтинги государств, например Глобальный индекс военной мощи, Индекс человеческого развития, Индекс дипломатического влияния и др. Общим для них является выделение группы наиболее влиятельных государств, или государств-лидеров, которые составляют различные конфигурации отношений в системе международных отношений. Все чаще в последнее время можно услышать о том, что только одно государство — США — обладает статусом глобального лидера, при-

нимает на себя ответственность за все происходящие в мире процессы и определяет направления международной, прежде всего военно-политической, интеграции.

Возникает вопрос, как определить в системе международных отношений место новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР? Их основные макроэкономические показатели (ВВП, дефицит бюджета, внешний долг, доходы на душу населения), а также показатели, фиксируемые в Индексе человеческого развития (ИЧР), с классической точки зрения не позволяют пока говорить о весомом экономическом потенциале. Эти государства имеют крайне низкие индексы военной мощи и дипломатического влияния. Тем не менее они являются суверенными, самостоятельно определяют свои национальные интересы и угрозы национальной безопасности, к которым относят разрушение окружающей среды, глобальное изменение климата, экологические и техногенные катастрофы, исчерпание природных ресурсов, распространение ядерного и обычного вооружений, демографический взрыв, незаконную миграцию, терроризм, экстремизм, наркобизнес, приграничные конфликты и т.д.

Для противодействия глобальным и региональным угрозам новые независимые государства активно сотрудничают с авторитетными международными объединениями, которые не предъявляют предварительных требований к уровню их социально-экономического развития и военной мощи. Это в первую очередь ООН и ее различные подразделения, а также ШОС, СНГ, ОДКБ, НАТО, ОБСЕ, ОИК (ОИС).

Включаясь в систему международных отношений, новые независимые государства вступают в различные интеграционные объединения, налагающие достаточно жесткие обязательства на их участников в экономической и военно-политической сферах. Следует учитывать, что в состав этих объединений входят и зачастую образуют их ядро государства-лидеры с высокими военным, экономическим и дипломатическим рейтингами. Политическая элита некоторых новых независимых государств (например, Украины) считает, что европейский вектор интеграции автоматически повысит авторитет этого государства на мировой арене.

Другие постсоветские государства (Казахстан, Белоруссия, Армения, Киргизия, Таджикистан) в той или иной форме сформировали свое отношение к реализации евразийского интеграционного проекта: часть государств уже приняли решение, другие обсуждают вопрос о более глубокой степени интеграции, предполагающей создание и функционирование наднациональных органов. Надо особо отметить, что по ряду причин не все государства, в частности Таджикистан, готовы к немедленному вступлению в Евразийский экономический союз.

Еще одним инструментом повышения авторитета постсоветских государств в системе международных отношений выступают международные

инициативы, которые связаны с участием государства в процессе принятия значимых для него решений.

Примером крупнейших международных инициатив являются инициативы Президента Казахстана Н. Назарбаева о создании Евразийского союза государств (1994 г.) и Единого экономического пространства (2003 г.). Реализация этих инициатив привела к созданию новых интеграционных объединений, изменению конфигурации международных отношений, что, несомненно, повысило международный авторитет Казахстана.

Другой пример — международные инициативы Киргизской Республики. Так, по ее предложению с 2002 г. на основании решения Генеральной Ассамблеи ООН во всем мире 11 декабря отмечается Международный день гор. Основной целью этой даты является привлечение внимания мирового сообщества к проблемам горных регионов, нуждающихся в обеспечении устойчивого развития, улучшении благосостояния жителей и сохранении окружающей среды. Еще одна международная инициатива Киргизии — провозглашение Генеральной Ассамблеей ООН 20 февраля Всемирным днем социальной справедливости (отмечается ежегодно с 2009 г.).

Комплекс международных инициатив Таджикистана привел к формированию такого понятия, как «водная дипломатия».

Международные инициативы руководство новых независимых государств рассматривает не только как инструмент формирования положительного международного имиджа, но и как постановку насущных проблем, в решении которых могут успешно участвовать государства с различными уровнями экономического развития, с разными политическими и идеологическими системами.

А. М. Игнатова
Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ «ОТКРЫТЫЕ ДАННЫЕ»¹

Повышение эффективности и качества государственного управления и оказания государственными органами услуг населению стало важнейшей задачей для большинства стран мира. Россия относится к их числу,

¹ Выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00816 «Управляемость и конкурентоспособность государства в условиях неопределенности: сравнительный анализ стран БРИКС».

настойчиво внедряя различные инновации, направленные на снижение неэффективности государства. Открытые данные — одно из самых востребованных, динамичных и перспективных стратегических направлений для правительств различных стран как с развитой, так и с развивающейся экономикой. Именно на открытых данных строится вся система открытого правительства. Открытые данные раскрывают информацию о деятельности государственных органов на всех уровнях власти (федеральный, региональный, муниципальный). Это дает возможность активным гражданам и некоммерческим организациям использовать полученную информацию в различных общественных проектах и осуществлять гражданский контроль за деятельностью власти. Идеология открытых данных поддерживается крупнейшими международными организациями, такими как *Open Government Partnership*, *International Budget Partnership*, *W3C*, Всемирный банк, *ОСЭР*, *Open Knowledge Foundation*.

Принятая в 2003 г. странами Европейского союза директива *Reuse of Public Sector Information Directive* дала толчок к массовой публикации информации, располагаемой государственным сектором и созданной на деньги налогоплательщиков. К середине июля 2005 г. 25 стран — членов Европейского союза ввели соответствующие положения директивы в свои национальные законодательства. Однако с постепенным наращиванием публикуемых массивов информации пришло осознание, что для извлечения максимального эффекта бизнесом и гражданами недостаточно только публикации данных в виде таблиц, отчетов, графиков и т.д. на государственных порталах. Тот широкий спектр массивов информации, которыми владеют государственные органы, — от экономических, демографических данных до данных по историческим событиям и документам, книгам, произведениям искусства, может служить источником для производства инновационных продуктов и услуг, а также источником образовательной и культурной информации для огромного круга потребителей.

Цель и мотивы открытия данных у каждой страны могут быть разными. Например, Индия таким способом пытается бороться с коррупцией, США информирует граждан о том, откуда поступают и куда тратятся средства налогоплательщиков, в Великобритании открытие официальных данных используется для реформ в публичном управлении и роста инноваций в бизнесе.

Как показывает мировая практика, граждане, принимая участие в проекте «Открытые данные» и получая информацию о существующих проблемах и сложных ситуациях в той или иной сфере, с большим желанием принимают участие в их решении, а также способствуют противодействию коррупции. С использованием открытых данных у граждан появляется возможность получать качественные государственные услуги и извлекать выгоду в своей повседневной деятельности. Особо следует отметить, что

данные, которые могут быть полезны для граждан, касаются не только работы органов государственной власти, но и других сфер. Например, это статистика совершения криминальных и иных правонарушений; статистика происшествий по экологическим загрязнениям; статистика и характеристики объектов культуры и культурного наследия; статистика по объектам в сфере здравоохранения и образования и т.д. Получая информацию о деятельности органов государственной власти в конкретных областях, граждане могут контролировать их работу, поскольку в информационные массивы включаются данные о том, где, когда, что произошло, какие последствия или результаты были получены. По всем направлениям наборы открытых данных можно наращивать не только самим государственным органам, но и с помощью энтузиастов и равнодушных граждан. Граждане могут исправлять ошибки, касающиеся их персональной информации, а также снабжать новой информацией о происходящих или предстоящих событиях с помощью компьютеров, мобильных средств связи и другой техники. Участие граждан в проектах по открытым данным способствует созданию новых программных приложений, которые помогают им участвовать в реальном времени в любой сфере жизни общества. Такие приложения облегчают работу с большими массивами информации и повышают их качество. Имеющиеся данные зачастую требуют постоянной проверки и уточнения, а участие в данном процессе граждан путем публичного обсуждения требует значительно меньших усилий со стороны государственных органов, что снижает транзакционные издержки управления. Открытые данные помогают упростить профессиональным или любительским сообществам (например, любителям домашних животных, рыбакам, садоводам, байкерам и т.д.) решение своих проблем и воздействовать на общественное мнение. Кроме того, с помощью открытых данных бизнес получает возможность создавать новые полезные коммерческие продукты или совершенствовать имеющиеся. Для этого государство должно предоставлять всю информацию (данные) в машиночитаемом виде без лицензионных, юридических и иных ограничений на их дальнейшее использование потребителями. Таким образом, государство позволяет использовать открытые данные свободно, что особенно выгодно компаниям, не имеющим возможность покупать необходимые для своей деятельности данные такого рода (например, в сфере образования, транспорта, здравоохранения, экологии и т.д.). Открытые данные позволяют вовлекать активных граждан и представителей бизнеса в постановку, обсуждение и принятие решений по конкретным проблемам.

Выбранный курс многих правительств стран мира, в том числе и России, на открытую публикацию государственных баз данных ведет к появлению большого количества инновационных бизнес-проектов в различных областях, а также новых высокотехнологичных рабочих мест. Открытие

государственных данных способствует укреплению демократических институтов и стимулирует совершенствование процесса формирования политического курса, дает возможность контролировать власть и развивать гражданское общество.

Н. П. Игнатьев
Казань

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В постсоветской России проблемы взаимоотношений власти и бизнеса периодически приобретают особо значимый характер в зависимости от социально-экономического или социально-политического состояния общества.

Так, в преддверии выборов 2007–2008 гг. одной из приоритетных задач власти была поддержка и защита прав частного бизнеса. Минэкономразвития начало разработку программы развития малого и среднего бизнеса (МСБ). Д. Медведев уже в 2008 г. принял указ в защиту малого бизнеса. О необходимости ускоренного развития МСБ в условиях кризиса 2009 г. говорилось в Послании Президента на 2010 г. В преддверии президентских выборов 2012 г. эта проблема также была отражена в выступлениях В. Путина на съездах «Деловой России», РСПП, в статьях.

Сложившаяся с 2014 г. кризисная экономическая ситуация может быть преодолена, как подчеркнул в марте 2015 г. В. Путин на съезде РСПП, только через партнерство государства и бизнеса¹. В апреле этого года на заседании Госсовета по проблемам делового климата для МСБ было практически всеобщим признанием огромных трудностей, недоработок со стороны властей всех уровней в этом отношении. В связи с этим В. Путин особо отметил необходимость комплексных мер для реальной поддержки МСБ. Ключевым условием для его развития он определил создание благоприятной деловой среды **в каждом регионе и муниципалитете по всей России** (подчеркнуто мной. — *Н. П.*)².

¹ См.: *Путин В.* Выступление на пленарном заседании съезда РСПП. 19.03.15. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/47885>.

² См.: Заседание Госсовета по вопросам развития малого и среднего бизнеса 07.04.15. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49214>.

Модели управления региональными экономиками весьма отличаются, что сильно сказывается и на моделях отношений между властью и бизнесом.

Пример Татарстана интересен тем, что в этом регионе с его ярко выраженной моделью государственного патронажа устойчивая власть целенаправленно формировала бизнес-пространство как по линии государственных компаний, так и по линии частного бизнеса. В этом случае затруднительно провести границу между региональной и муниципальной властями и бизнесом, поскольку бизнес является порождением и одной из функций власти. Для подобных регионов формирование диалоговых площадок власти и бизнеса нехарактерно. Но в РТ за последние годы ситуация в этом отношении в связи со сменой республиканского руководства постепенно меняется к лучшему. По итогам 2014 г. практика диалога между предпринимателями и властью была признана одной из лучших в России. А по итогам исследования, проведенного «Опорой России» в 2014 г., Татарстан — один из немногих регионов, где предприниматели настроены позитивно: индекс 50,9 (9,7 в среднем по РФ).

В 2014 г. властью РТ был инициирован проект «Бизнес и власть: открытый разговор», в рамках которого проходят регулярные встречи бизнесменов с представителями республиканских и муниципальных властей. В марте текущего года во всех районах РТ прошли подобные встречи под лозунгом «Малый и средний бизнес — поддержка, развитие, защита».

В Татарстане с февраля этого года в рамках антикризисных мероприятий стартовала программа мониторинга предпринимательской среды — раз в две недели проводится обзвон 5 тыс. предпринимателей, а в планах нарастить клиентскую базу до 50 тыс.

Со стороны республиканских властей предпринимаются и конкретные, практические шаги по реализации программ развития МСБ. Так, Президентом РТ Кабмину поставлена задача вдвое увеличить объем МСБ в промышленности, а также развивать технопарки во всех районах республики. Планируется увеличить долю МСБ в региональном валовом продукте до 34%, а долю промышленного МСБ удвоить, снизить налоговые нагрузки с 6 до 1% для предприятий МСБ, занятых производством, инновационным или социальным бизнесом и находящихся на упрощенной системе налогообложения. Муниципалитет Казани в 5–6 раз увеличивает объем городской программы субсидирования банковской процентной ставки для МСБ и сроки кредитования (3 года вместо 2).

Объединения предпринимателей РТ, сообразуясь с положениями стратегии «Татарстан-2030», намерены двигаться к модели, которая предусматривает увеличение доли представителей бизнес-ассоциаций в советах директоров государственных инфраструктурных объектов, содействие МСБ в госзакупках, участие в разработке и мониторинге выполнения

госпрограмм поддержки МСБ и даже в качестве эксперимента передать в управление бизнес-ассоциациям несколько проблемных объектов инфраструктуры.

Кризисная ситуация настраивает власти республики мобилизовать и внутренние ресурсы бизнес-сообщества татар в разных регионах России и странах СНГ, предлагая им места резидентов в промышленных промпарках муниципальных образований РТ.

А. Ю. Ильин
Петрозаводск

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Заявленная тема предполагает дать первоначальные уточнения к используемым в ней понятиям. Термин «модернизация» в приближении к тем процессам, которые происходят с политическим образованием в России, вероятно, не совсем корректен. Точнее было бы говорить о процессах замещения — как в содержании, так и в формальном плане — в политическом образовании.

Более четверти века в России де-юре легализована политическая наука, и политическое образование строится на активном вовлечении в образовательный и научный оборот лучших достижений политической науки, накопленных поколениями ученых разных стран мира. И этот процесс следует только приветствовать и огорчаться лишь тем, что он идет медленно, а порой и вовсе превращается в имитацию или формальное усвоение выхолащенных форм научного знания или некритическое их потребление.

Осложняется процесс и внешними факторами. В частности, в процессе интеграции в мировое сообщество в стандарты образования вводятся новые формы и приемы обучения. Их внедрение предполагает, с одной стороны, быть понятными для мирового (как минимум западноевропейского) научного, образовательного сообщества, с другой — включение на равных в конкурентную борьбу в различных сферах производства.

На фоне всего происходящего реформирование системы образования в целом и политического в частности осуществляется достаточно активно, хотя не всегда последовательно и эффективно. Оно затрагивает фактически все подсистемы, уровни и стороны образовательного процесса: от содержания преподаваемых дисциплин до финансового обеспечения учебных заведений. И во всем этом просматривается стремление к обнов-

лению, желание стать сильными и самодостаточными, вписавшись в мировую, прежде всего европейский, процесс.

Информатизация общества в значительной степени изменила характер получения знания, а значит, требует и изменение модели образования.

Сегодня благодаря информационным технологиям и для преподавателей, и для студентов значительно расширился доступ к информации, в определенной степени сняты пространственные и временные барьеры коммуникации, что позволяет вводить новые формы обучения и контроля самого процесса обучения.

Реформирование-модернизация системы политического образования необходимы и неизбежны. Но что скрывается за фасадом модернизации образования? И первые вопросы, на которые следует дать ответ: *кто является объектами и субъектами политического просвещения и образования? Каково их качество как людей, способных к обучению, а также как граждан? Насколько существующие и предлагаемые содержание, формы, средства и методы политического образования соответствуют возможностям потребителей данного образования?* Сегодня информационные и технические возможности позволяют сократить непосредственный контакт между студентом и преподавателем, оставив преподавателю функцию модератора. А *гуманитарное образование* практически сведено к «общению через электронного посредника». При этом курс политологии в вузах или вовсе не ведется, или сокращен до небольших семестровых спецкурсов и курсов по выбору.

Ситуация усугубляется тем, что абитуриенты и студенты не только имеют незначительные представления о современной политической ситуации, но и плохо знают историю, в том числе политическую историю своей страны. Ограничивая свои познания уровнем лубочных штампов, карикатур, они имеют отрывочный характер знаний или совершенно ничего не знают — даже того, что должно составлять школьную образовательную программу. Мониторинг знаний студентов показывает катастрофические изменения. Как результат — образование скатывается к формализму в обучении, к подмене образования дистанционно-тестовым самообразованием и подготовке людей, в лучшем случае лишь знакомых с модными идеями, но готовых при этом вести любую дискуссию.

И это касается уже и студентов гуманитарных и социальных наук. Как следствие, политическая безграмотность и безответственность «недоучившихся» растет с каждым новым поколением людей, что может стать в ближайшее время серьезной угрозой уже государственной безопасности. Данное обстоятельство усугубляется тем, что под вывеской модернизации и экономии средств после ввода стандартов третьего поколения произошло реальное сокращение учебных дисциплин или полное изъятие политологии из учебных планов неполитологических образовательных направлений.

Вероятно, из процесса по формированию ответственного, самостоятельно и критически мыслящего гражданина и политика (хотя бы «по случаю») политологическое образование исключается. В противном случае требуется на государственном уровне незамедлительно внести изменения в систему подготовки специалистов всех направлений, где политическое образование не превратится в «пасынка», а будет способствовать формированию умений, навыков помнить *прошлое*, видеть *будущее* мира, страны, людей, человека, гражданина своей страны и для этого способствовать пониманию и изменению *настоящего*.

Но это только внешняя сторона вопроса...

Л. Е. Ильичева
Москва

МЕХАНИЗМ ТОРГА В ДОСТИЖЕНИИ СОГЛАСИЯ МЕЖДУ БИЗНЕСОМ И ГОСУДАРСТВОМ В СИСТЕМЕ ГЧП

В России имеется масштабный потенциал для развития многих форм государственно-частного партнерства (ГЧП), однако для его практической реализации необходимо решение ряда принципиальных вопросов. Во-первых, обеим сторонам партнерских отношений следует четко осознать, что эффективное государственно-частное партнерство нельзя рассматривать узко, только как привлечение дополнительных ресурсов в капиталоемкие проекты властей всех уровней. Нужно учитывать реальные интересы обеих сторон. Конкретные механизмы партнерства, выработанные многолетним мировым опытом, создают основу для взаимовыгодного и ответственного распределения правомочий сторон, не ущемляющего интересы каждой из них. Однако возможные преимущества не реализуются сами собой, после принятия соответствующего нормативного пакета. Сегодня в России наблюдается причудливый симбиоз элементов неолиберальной модели, госкапитализма, остатков олигархической модели. Эффективное партнерство реально только при условии полной ясности и предсказуемости стратегии дальнейшего развития страны. Без этого, без уверенности в стабильности «правил игры» от бизнеса нельзя ожидать ничего, кроме показного интереса и формального участия в крупномасштабных проектах государства в целях самосохранения. Фактор эффективного предпринимательства при этом может быть утрачен.

Необходим существенный прогресс в понимании и практической реализации публично-правовых функций государства. Пока российское за-

конодательство не выделяет специально публично-правовые функции и не устанавливает связи между ними и публичной собственностью. Конструкция права такова, что публично-правовые функции реализуются либо административно, либо через гражданско-правовые функции. Организовать на такой основе распределение правомочий между сторонами партнерства невозможно. В странах с развитой рыночной экономикой накоплен большой опыт успешного поиска ответов на «парадоксы публичных благ», который с учетом отечественной специфики можно использовать и в России.

В современной российской политической системе интересы крупного бизнеса пересекаются с интересами государства, и в результате происходит обмен административного ресурса на экономический капитал, выгоды и преференции.

Государство при всех условиях остается субъектом публично-правовых отношений. Это обстоятельство оказывается ключевым и для гражданско-правовых отношений, в которых государство как суверен не может выступать в качестве рядового субъекта гражданского права. Именно поэтому нельзя ставить вопрос об изначальном равноправии государственного и частного партнеров в проектах государственно-частного партнерства. Такое равноправие наступает только тогда, когда на основе суверенных прав государства в соглашении о государственно-частном партнерстве определены условия и особенности реализации гражданско-правовых отношений. Иными словами, государство как суверен становится особым субъектом гражданского права. Это выражается, во-первых, в том, что государство само определяет правовые рамки, которыми должны руководствоваться все остальные субъекты гражданско-правовых отношений; во-вторых, оно сохраняет властные функции, даже вступив на началах равенства сторон в указанные отношения, так как может принимать административные акты, это равенство игнорирующие. Предполагается, что государство участвует в гражданском обороте не в своих специфических интересах, а в целях наиболее эффективного отправления публичной власти.

В соответствии с этим проекты государственно-частного партнерства представляют собой не простое сложение ресурсов, а совершенно особую конфигурацию интересов и соответствующих правомочий партнеров. Во-первых, государство как одна из сторон партнерства выступает в роли носителя общественно значимых интересов и целей, причем исполняет не только целеполагающую, но и контрольную функцию. Во-вторых, выступая в роли участника хозяйственного оборота, оно заинтересовано как в эффективности общих результатов проекта государственно-частного партнерства, так и в обеспечении собственного коммерческого эффекта. Наконец, частный партнер, как всякий нормальный предприниматель, преследует цель максимизации прибыли. Поэтому в сегменте коммерческих (в отличие от сегмента реализуемых государством общественных)

интересов между партнерами вполне уместен и даже необходим торг о возможном разделе возникающих рисков, о характере делегируемых правомочий и условиях их передачи и использования. Механизм этого торга и технология достижения согласия находятся в центре политологических исследований.

Учитывая то, что государственно-частное партнерство можно рассматривать как результат взаимодействия групп интересов, где государство — лишь одна из них, а теория групп интересов в современном политологическом понимании рассматривается как теория взаимодействия акторов в рамках политической сети, исследование механизмов повышения эффективности государственно-частного партнерства следует проводить в том числе и в политической сфере.

Таким образом, суть технологий формирования и реализации государственно-частного партнерства состоит в согласовании участниками сети приоритетов деятельности (бизнес предоставляет финансовые и организационные ресурсы, государство — наряду с финансами информационные формы поддержки), разделении рисков и ответственности, равно как и выгод, получаемых в результате совместной деятельности.

В. А. Иноземцева
Петрозаводск

РОЛЬ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА В ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ (опыт Республики Карелия)

Республика Карелия традиционно характеризуется высоким уровнем развития человеческого и инновационного капитала. Высокая концентрация научных, образовательных и культурных учреждений, пространственная близость к Санкт-Петербургу, Москве и Финляндии столицы республики создают условия для развития экспертно-проектировочной деятельности и экспертных сообществ.

К основным центрам экспертной деятельности Республики Карелия относятся Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ), Институт экономики КарНЦ РАН, Карельский филиал РАНХиГС. Автономность функционирования этих институтов, их организация на принципах академичности и научной специализации определяют такую особенность экспертно-аналитической деятельности, как «цеховость», ориентацию на инсайдерскую стратегию, недостаточную развитость сетевого взаимодействия.

В республике некоторые темы экспертно-аналитической деятельности вышли на признанный конкурентоспособный федеральный уровень. В-первых, это внедрение ИКТ-технологий в систему управления, осуществленное под руководством проректора ПетрГУ Н. С. Рузановой. Сегодня регион стабильно входит в число лидеров различных федеральных рейтингов внедрения ИКТ.

Во-вторых, это стратегическое планирование, развитие которого обязано своим появлением редкому пункту региональной Конституции: высшее должностное лицо Карелии в течение полугода после своего избрания (утверждения) обязано представить Законодательному собранию программу социально-экономического развития республики. С 1998 г. задачи разработки соответствующих документов создали постоянную площадку для взаимодействия экспертно-аналитических сообществ (в первую очередь экономистов) с органами региональной власти.

В 2000–2001 гг. группа экспертов из Карелии принимала участие в подготовке «Доктрины развития Северо-Запада России». Были подготовлены две долгосрочные Стратегии развития республики (1998–2010 гг. и 2008–2020 гг.), раз в 4 года готовятся Концепции социально-экономического развития Республики Карелия, ведется мониторинг их реализации. Одним из последних событий привлечения экспертов к стратегическому планированию стала разработка и обсуждение Концепции социально-экономического развития Петрозаводского городского округа на период до 2025 г. Стабильно активным участие экспертов было в подготовке программ по гармонизации межэтнических отношений.

Наряду с созданием в Республике Карелия общественных экспертных структур, которые порой носят патрон-клиентский характер, происходят существенные изменения в формировании и функционировании общественных советов при органах исполнительной власти, особенно при министерствах социального блока, состав которых был расширен за счет независимых экспертов — представителей академической общественности и общественных организаций. Особенно же масштабно представители академических и вузовских центров включены в деятельность экспертного совета при Министерстве экономического развития Республики Карелия.

Примером межсекторального взаимодействия стало проведение с 2013 г. в Институте экономики КарНЦ РАН регулярных семинаров по направлениям: «Муниципальное развитие» и «Инвестиционный и предпринимательский климат региона». В апреле 2014 г. по инициативе директора института д-ра экон. наук Ю. В. Савельева был создан и активно развивается информационный портал «Эксперт Карелия». В создании портала проявилась необходимость преодоления разобщенности представителей экспертно-аналитических сообществ Республики Карелия и создания действенного инструмента влияния на региональные политико-управленческие процессы.

Среди независимых аналитических центров Карелии выделяются Центр политических и социальных исследований А. Цыганкова с уникальным аналитическим интернет-ресурсом www.politica-karelia.ru; фонд поддержки инновационных проектов «Новое измерение», который возглавляет один из ведущих экспертов Карелии — А. С. Сухорукова, а также «Центр публичной политики, гражданского образования и прав человека», который в 2014 г. провел исследование «Институт общественных слушаний в Петрозаводском городском округе». В медийном пространстве республики (интернет-издания, блогосфера) с регулярными экспертными оценками выступают политологи О. Ч. Реут и Г. О. Яровой.

Однако взаимодействия по линии «региональная/муниципальная власть — экспертно-аналитические сообщества» в основном иницируются «сверху» и имеют формализованный характер. Отсутствует система коммуникаций и конвенциональных соглашений между властью и аналитиками. Представители экспертно-аналитических структур Республики Карелия по заказу властных институтов занимаются в основном экспертными оценками отдельных управленческих решений на стадии их подготовки, но не реализации и оценки результатов, что в большей степени способствует повышению эффективности, но не открытости власти.

Ю. В. Ирхин
Москва

НЕОПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПОДХОДЫ И ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАТИВИСТИКЕ

В мире происходят важные изменения, которые находят соответствующее отражение в современных постмодернистских теориях. Учитывая качественный характер этих изменений, очевидно, уже можно говорить о современном, новом этапе постмодерна — неопостмодерне. Имеются в виду такие принципиально новые явления в обществах постмодерна, как: 1) глобальная виртуализация и сетевые миры; 2) переход от игры с реальностью к использованию возможностей Интернета для изменения реальности (управляемый хаос); 3) создание технообразов одними акторами и их изменение другими; 4) взрывной эффект глокализации в глобальном мире и др.¹

¹ См.: Ирхин Ю. В. Постмодернистская методология анализа и проектирования политики // Вестник РГГУ. Сер. Политология. Социально-коммуникативные науки. 2014. № 1. С. 23–42.

В обществе постмодерна и особенно неопостмодерна управление политическими символами становится решающим в политике. На этапе электронного обмена сообщениями знаки в значительной степени симулируют, подделывают действительность и теряют свой репрезентирующий характер. Средства электронной информации создают тот мир «виртуальной реальности» — имиджей, подобий, симулякров, — который зачастую вытесняет из сознания людей саму действительность, превращая человека в объект и продукт манипулирования.

Политика в XXI в. все больше превращается в подбор и ранжировку символического комплекта идентичностей, а возможный выбор состоит в следовании за актуальными символами, продуцируемыми СМИ, как музыка из дудочки сказочного крысолова, увлекающая за собой привороженных сладкими звуками и заманчивыми образами ничего не подозревающих жертв. Актеры политики становятся конструкторами идентичностей, они стремятся к «захвату символов» и управлению через их посредство обществом.

В методологии постмодернизма акцентируется внимание на:

- политико-управляющем значении информационных и психологических символов, кодов, смыслов, симулякров, рекламы, разнообразных индексов и рейтингов влияния в глобально-локальном обществе;
- расширении возможностей политического проектирования вследствие бурного развития информационных систем, интегрированных коммуникаций и их воздействия на сознание, предсознание и подсознание «молчаливого потребительского большинства»;
- сомнении в возможностях классической науки, противопоставлении ей или дополнении ее интерпретативными рассуждениями; рассмотрении социального мира как изменяющегося текста или интертекста, где сложно определить автора;
- повышении роли постматериальных ценностей, массовой культуры развлечений и эстетизации повседневной жизни в «молчаливом обществе потребления»;
- новом опыте и понимании эффектов ускорения времени и «сжатия» пространства и др.

Политика все больше приобретает черты виртуальности, воплощается в коммуникативных и символических по своему содержанию политических технологиях, позволяющих не только воздействовать на социальную реальность, но и конструировать ее. В качестве субъектов политики наряду с «классическими» социальными общностями (классами, нациями, иерархически организованными социальными группами) выдвигаются индивиды, взаимодействующие в сетевых структурах. Революции по марксистской схеме сменяются управляемыми сетевыми взаимодействиями акторов. Од-

нако кем в действительности направляются эти движения, взаимодействия и революции («цветные», «весенние» и др.) и каковы действительные стратегические цели их организаторов — обычно скрыто от общественности.

Постмодернистский проект связан с серьезной трансформацией социальных институтов в современных условиях. Ослабление централизации, иерархии и дисциплины меняет образ социальной и политической власти, коммуникации. Общество фрагментируется, начинает походить на мозаику, образованную малыми группами. Общественная организация дрейфует в сторону доминирования сетевых структур. Власть и политическая коммуникация приобретают значительную подвижность, гибкость, изменчивость.

Дискурс неопостмодерна определяет и навязывает Запад, он же получает от него и максимум выгод. Став на возможный путь ультралиберальной «постмодернизации», Россия подвергается опасности утраты собственной идентичности и растворения государственности.

Постмодернистские подходы и концепции содержат определенный потенциал для его возможного использования в политической коммуникации. Актуальны в этой связи учет и направленное использование проектируемых процессов символизации, создания нематериальных технообразов, манипулятивных идеологий, применение эффектов симулякризиса, театрализации, играизации и др.

Понятно, что при разработке проблем политической коммуникативистики неопостмодернистские подходы желательно рассматривать в тесной взаимосвязи с общепринятыми классическими, неклассическими и постклассическими методами и методиками изучения политики.

Б. А. Исаев
Санкт-Петербург

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС, ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Под геополитическим статусом мы понимаем положение государства в мировой геополитической иерархии. *Современную систему геополитических статусов* можно представить в виде шестиступенчатой пирамиды, в которой ступенями сверху вниз выступают:

- 1) США — глобальный лидер;
- 2) четыре постоянных члена Совета Безопасности ООН: Россия, Великобритания, Франция, КНР — наиболее влиятельные страны мира или мировые державы;

- 3) страны — региональные лидеры: Россия — среди стран СНГ и Центральной Азии, КНР — в Юго-Восточной Азии, Индия — в Южной Азии, Бразилия — в Южной Америке, ЮАР — в Южной Африке;
- 4) наиболее развитые страны, например члены Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР);
- 5) среднеразвитые страны, т.е. государства, в которых среднедушевой доход на одного жителя составляет не менее 15 тыс. долларов в год;
- 6) слаборазвитые страны.

Геополитический статус является важным показателем геополитического положения в мире, занимаемого данным государством. Но положение государства не есть величина неизменная. Постоянное изменение положения стран в борьбе за превосходство, повышение положения одних и снижение положения других держав в мире будем называть геополитическим развитием. Важно понимать, что геополитическое развитие бывает как со знаком плюс, так и со знаком минус. Например, в современном мире США явно теряют свой геополитический статус первой державы, хотя и отчаянно пытаются сохранить его. Другие акторы геополитики, в первую очередь КНР, ЕС и РФ, в последнее время повышают свои геополитические статусы. Изменение статусов сразу нескольких держав ведет к изменению всей геополитической картины мира. Например, в наши дни однополярный мир уступает место многополярному.

Геополитические статусы изменяются под воздействием геополитических характеристик. В наше время наиболее изменчивой характеристикой выступает экономика, а вместе с ней и военно-промышленный комплекс.

Таким образом, геополитическое развитие можно представить как движение государств с изменением скоростей, темпов развития. При этом кроме усилий самих государств существуют объективные факторы, ускоряющие или замедляющие геополитическое развитие сразу всех государств. На экономическое развитие сразу всех государств влияют мировая экономическая конъюнктура, осознание новых потребностей людей, создание новых отраслей промышленности и т.д.

Какие внутренние события и внутренние показатели ускоряют геополитическое развитие государства, а какие замедляют?

Из внутренних геополитических и социально-экономических процессов ускоряющими геополитическое развитие следует признать те, которые вели к консолидации общества и укреплению государства, например национальное освобождение, завершение гражданской войны или вооружен-

ной борьбы элит за власть. Внутренними замедляющими геополитическое развитие процессами следует признать экономический застой, отсутствие прогресса в развитии науки и технологий, а также гражданские войны и дворцовые перевороты.

Революции в геополитическом развитии играют двоякую роль. С одной стороны, они, раскалывая общество, замедляют его геополитическое развитие, с другой — открывая простор социальному, политическому и экономическому прогрессу, стимулируют одновременно и прогресс геополитический.

Следует различать *национальные* революции и *всемирные*, или, по А. Токвилю, «великие» революции¹. Если национальная революция *изменяет конкретное общество*, его политическую, правовую систему, социальные отношения и т.д., то *великая революция*, кроме того, оказывает существенное влияние на процесс изменений в других обществах, т.е. *изменяет мир*.

На геополитические, экономические, социальные, культурные изменения, например на зарождение и развитие индустриализма, на становление новой социальной структуры общества, новых политических институтов и политических партий индустриального общества, большое влияние оказали революционные события. Невозможно не видеть влияние великих революций — *нидерландской, английской, американской, французской* — на формирование новых экономических, социальных, религиозных и политических отношений, зарождение новых политических систем, политических движений и организаций, на геополитическое развитие как данных стран, так и мира в целом. Четыре отмеченные нами революции, а также такие «социалистические» революции, как Великая русская и Великая китайская, оказали значительное влияние на геополитическое развитие собственных, сопредельных и вообще всех стран мира.

Кроме того, на геополитические изменения и геополитическое развитие существенное влияние оказывают геополитические конфликты, под которыми мы понимаем обострение отношений между крупными державами, акторами геополитики в борьбе за пространство и гегемонию.

¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 144.

Е. А. Исаева
Ярославль

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ И ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Последние два года в субъектах Российской Федерации активно идет процесс формирования общественных советов при органах власти. Целью деятельности общественных советов является обеспечение участия граждан в выработке и реализации государственной политики в сфере деятельности органа исполнительной власти.

Важным актом при исследовании процесса формирования диалоговых площадок при органах исполнительной власти (ОИВ) является стандарт деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, утвержденный протоколом заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 29 мая 2014 г. № 4. Несмотря на то что стандарт деятельности рассчитан на федеральный уровень и является фактически типовым положением об общественном совете федерального органа исполнительной власти, положения его легко имплицитно переносятся и на региональный уровень. В качестве важных моментов типового положения стоит отметить роль Общественной палаты Российской Федерации в формировании общественных советов. Она заключается не только в формировании общественного совета (раздел 3 документа), но и в дальнейшем контроле за его деятельностью.

При анализе региональных положений о создании общественных советов мы выявили закрепление определенной роли общественной палаты субъекта в данном процессе. Но степень влияния общественной палаты на качественный состав членов совета серьезно различается в субъектах России. Как правило, нормативные акты предусматривают возможность общественной палаты выступить инициатором создания совета, т.е. палата может обратиться с инициативой к органу власти о создании при нем общественного совета (Владимирская, Калужская, Курская, Тамбовская, Псковская области, Краснодарский край и большинство других субъектов, приняв-

ших нормативные акты о порядке формирования общественных советов в субъекте). При этом орган власти имеет право отказать палате в реализации ее инициативы. А вот полномочий палат по контролю за работой общественных советов вообще не было обнаружено в текстах нормативных актов субъектов РФ.

Анализ текстов региональных актов на предмет закрепления обязанности органа власти согласовывать с общественной палатой субъекта членов будущего совета выявил разные подходы. В каких-то субъектах палата может предложить в совет своих членов в рамках установленной квоты, где-то члены палаты могут войти в комиссию по формированию совета, создаваемую органом власти, в иных роль палаты состоит в согласовании списка кандидатов в члены совета. В этом случае нормативные акты предусматривают, как правило, обязательное рассмотрение рекомендаций палаты органом власти.

Граждане региона практически ни в одном субъекте не участвуют в отборе кандидатов в члены общественных советов. Успешная практика была выявлена в Ярославской области, где с апреля 2014 г. формирование советов при ОИВах проводится в соответствии с постановлением Правительства Ярославской области №372-п от 22.04.2014 «О порядке образования общественных советов при органах исполнительной власти Ярославской области».

Нормативный акт ввел в региональную практику участие населения региона в процессе формирования общественных советов путем открытого интернет-голосования на портале народного правительства (<http://narod.yarregion.ru/>). Нормативный акт закрепляет за результатами голосования лишь рекомендательный характер, не обязывая при формировании совета считать его итоги решающими.

Также в регионе определена ключевая роль общественной палаты в процессе формирования общественных советов. В течение семи рабочих дней со дня завершения рейтингового интернет-голосования орган исполнительной власти формирует и направляет в Общественную палату Ярославской области:

- сводный список всех кандидатов (с указанием для каждого из них результатов рейтингового интернет-голосования и приложением его анкеты);
- предложения органа исполнительной власти по включению кандидатов в общественный совет (основанные на сведениях, указанных в анкетах кандидатов, и на результатах рейтингового интернет-голосования).

Общественная палата Ярославской области в срок не более 14 рабочих дней со дня получения списков кандидатов рассматривает их и проводит

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, грант №15-33-01262 «Оценка реализации нормативно предусмотренных механизмов активизации гражданского участия в современной России».

рабочую встречу с руководителем органа исполнительной власти, согласует состав общественного совета и уведомляет об этом орган исполнительной власти.

Орган исполнительной власти в течение 10 рабочих дней со дня получения согласования с Общественной палатой Ярославской области утверждает персональный состав общественного совета.

Практика формирования общественных советов в регионе демонстрирует реальную возможность Общественной палаты влиять на определение кандидатур, включаемых органом власти в общественный совет.

Ю. А. Кабанов
Санкт-Петербург

«ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» В СТРАНАХ ОЭСР И БРИКС: ОЦЕНКА И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Концепция «открытое правительство» (далее — ОП) постепенно оформляется в глобальную парадигму административных реформ. Получив развитие в США, принципы *подотчетности, участия и сотрудничества* нашли отражение в многочисленных международных и национальных инициативах. Отсюда следует актуальность межстрановых сопоставлений практик внедрения ОП в публичное управление.

Несмотря на ряд аналитических и прикладных проектов, вопрос измерений ОП в силу сложности феномена остается не до конца решенным. Концепция ОП предполагает как свободный доступ граждан к правительственной информации, так и их участие в принятии решений с учетом новых технологий: открытых данных и Web 2.0.

В работе представлена попытка построения агрегированного индекса ОП. На основе существующих показателей оцениваются: 1) законодательство о праве на информацию¹, 2) сервисы открытых данных², 3) «электронное участие» граждан³, 4) доля пользователей Интернета (потенциальный эффект новых инициатив)⁴. Каждый показатель составляет четверть ито-

говой оценки в диапазоне (0;1). Пилотное исследование включает страны ОЭСР и БРИКС, хронологические рамки — 2013–2014 гг.

Исходя из полученного индекса лидерами построения ОП в 2014 г. стали Великобритания (0,88), США (0,82) и Новая Зеландия (0,79) при средней оценке 0,64 (0,66 — для ОЭСР, 0,54 — для БРИКС). Показатели БРИКС ниже среднего, наилучшие результаты у Бразилии (0,62) и России (0,61). Корреляционный анализ по компонентам индекса показывает, что хотя страны ОЭСР могут уступать БРИКС в качестве законодательства (,402**)¹, в последних ниже развитие сервисов открытых данных (-,429**) и проникновения Интернета (-,583**). Причины отставания БРИКС представляется уместным связать с институциональным развитием (в условиях недемократического режима ОП рискует стать имитацией для поддержания легитимности власти)², проблемами обеспеченности финансовыми и технологическими ресурсами, а также нехваткой *policy learning* (из БРИКС лишь Бразилия и ЮАР участвуют в партнерстве «Открытое правительство»).

Для оценки возможных эффектов ОП проведен корреляционный анализ индекса ОП и показателей качества государственного управления Всемирного банка³. Были выявлены статистически значимые взаимосвязи по всем компонентам последнего (397**– 615**), что может указывать на позитивное влияние ОП на публичное управление (контроль коррупции, эффективность и подотчетность правительства и т.д.).

В дальнейшем планируется расширить исследование путем включения большего количества случаев и рассмотрения индекса как зависимой переменной, с целью выявления факторов (не-)успешности политики ОП в разных странах.

Разработанный индекс может служить инструментом оценки ОП *per se*, выступать независимой переменной сравнительных количественных исследований и служить отправной точкой для дальнейшей концептуализации ОП в контексте публичной политики.

¹ Здесь и далее по тексту: ** — значимость корреляции Пирсона на уровне 0,01 для 71–78 случаев.

² Соловьев А. И. Имитация публичности как инструмент консолидации авторитарной власти // Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития: Сб. статей. М.: Ключ-С, 2013. С. 98–100.

³ World Bank World Governance Indicators. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>.

¹ Global Right to Information Rating. URL: <http://new.rti-rating.org>.

² Open Data Barometer. URL: <http://barometer.opendataresearch.org>.

³ UN E-Participation Index. URL: <http://unpan3.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/E-Participation>.

⁴ Internet Users per 100 People. World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.P2>.

А. А. Казаков
Саратов

**ФРЕЙМИНГ И УСТАНОВЛЕНИЕ
АТРИБУТИВНЫХ ПОВЕСТОК ДНЯ
КАК МЕХАНИЗМЫ РЕДАКЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ ПЕЧАТНЫХ МАССМЕДИА
(на примере освещения конфликта
на юго-востоке Украины
«Российской газетой», «Новой газетой»
и «Нью-Йорк таймс»)**

Обострение внутривнутриполитической ситуации в Украине стало одной из доминант не только российского, но и зарубежного информационно-пространства. Сообщения о происходящих в Донбассе событиях уже более года регулярно появляются в средствах массовой коммуникации. При этом оценки и интерпретации описываемых журналистами процессов зачастую кардинально отличаются друг от друга.

В данном контексте настоящее исследование является одной из первых попыток сравнительного анализа специфики информационного освещения конфликта на юго-востоке Украины тремя качественными изданиями: «Российской газетой», «Новой газетой» и «Нью-Йорк таймс». Эмпирическую базу анализа составили статьи этих газет, опубликованные в период с 12 января по 15 апреля 2015 г. Методом сплошного просмотра номеров названных газет для изучения были отобраны только те публикации, в которых хотя бы косвенно упоминались интересующие нас события.

В общей сложности было проработано 245 статей: 68 из «Российской газеты», 137 из «Новой газеты» и 40 из «Нью-Йорк таймс». Для обработки отобранных материалов использовались отдельные методики контент- и дискурс-анализа. При этом предметное осмысление содержания публикаций осуществлялось в рамках теорий установления повестки дня и фрейминга¹.

Проанализировав содержание статей, мы сочли возможным условно разбить их на несколько групп. В зависимости от того, какому аспекту

кризиса на Украине был посвящен тот или иной материал, он был отнесен к одному из следующих блоков: дипломатия; боевые действия; жертвы среди мирного населения; Крым; российско-украинские отношения; связанные с кризисом на юго-востоке Украины события и процессы внутри России и самой Украины; история и прочее (сюда вошли статьи, которые сложно было отнести к какому-либо из выделенных сюжетов).

Подсчитав удельные доли каждого из тематических блоков, мы, по сути, сформировали атрибутивные повестки интересующих нас газет в отношении событий в соседней стране. Напомним, что атрибутивными повестками (или повестками дня второго уровня: *attribute / second-level agenda*) принято называть набор конкретных сюжетов или вопросов в рамках одной более общей темы, к которым массмедиа обращаются чаще всего¹. Считается, что, выбирая для освещения отдельные аспекты какой-либо темы, издание формирует вполне определенный образ действительности и тем самым воздействует на свою аудиторию².

Сопоставление удельных «весов» указанных выше блоков в материалах газет дало основания утверждать следующее. По сравнению с двумя другими изданиями «Российская газета» уделяла большее внимание таким темам, как дипломатия, российско-украинские отношения и история. «Новая газета» значительно чаще публиковала материалы о боевых действиях и жертвах среди мирного населения. «Нью-Йорк таймс» — о связанных с украинским кризисом событиях внутри России и о последствиях присоединения Крыма.

Формировавшиеся анализируемыми массмедиа фреймы зачастую были прямо противоположными. В «Российской газете» проводилась мысль о том, что вооруженное противостояние разгорелось по вине Киева, ополченцы справедливо отстаивают собственные интересы и единственно возможный выход из сложившейся ситуации — это прекращение огня и учет требований жителей Донбасса. Принципиально иные позиции отстаивались журналистами «Новой газеты» и «Нью-Йорк таймс»: война развязала Москва; на стороне сепаратистов воюют российские военные, потери среди которых весьма велики; аннексировав Крым, Россия однозначно нарушила нормы международного права, сознательно обрекла себя на серьезные экономические проблемы и понесла имиджевые потери.

Таким образом, очевидны, с одной стороны, схожесть подходов в отношении событий в Украине российского оппозиционного издания и одной из ведущих газет США, а также их кардинальное отличие от редакционной

¹ Golan G., Wanta W. Second-Level Agenda Setting in the New Hampshire Primary: A Comparison of Coverage in Three Newspapers and Public Perceptions of Candidates // Journalism and Mass Communication Quarterly. 2001. Vol. 78. P. 248–249.

² Kazakov A. Setting the Agenda: a View of Western Communication Scholars // World of Media: Yearbook of Russian Media and Journalism Studies. Moscow, 2014. P. 60–74.

политики официального печатного органа Правительства РФ — с другой. Кроме того, для сравнения характера освещения тех или иных событий различными массмедиа представляется целесообразным использовать возможности теории фрейминга и установления повестки дня не по отдельности, а параллельно.

В. М. Капицын
Москва

ЭТНИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В условиях глобализации и электронной революции возрос потенциал средств политизации этнических идентичностей. Этничность с уровня повседневности поднимается на уровень политики.

Доминанта этнической идентичности может быть положена в основание перестройки национального (исторического) нарратива. Такой конструкт подвигает контрэлиты и часть населения на разрушение власти «старой» элиты. Контриденности активного меньшинства, поддерживаемые внешними силами и националистами, захватывают сознание части населения, стремящегося сдержать злоупотребления властей.

Концепция «войны за идентичность» позволяет отвечать на вопросы: что является объектом «разборки» (разрушения) в процессе «войны за идентичность», каковы средства для такой «разборки». «Разбираются» сложные — национально-государственные, союзные, исторические идентичности, формировавшиеся у народа как «объединяющие», основанные на «большом» нарративе.

С помощью чего осуществляется «разборка» национально-государственной идентичности? Для «разборки» используются социально-когнитивные и институциональные средства. В качестве социально-когнитивных средств используются два их вида: некие «разрушители» и некий «образец», на который необходимо ориентироваться при «разборке». В качестве «разрушителя» используются «негативные идентичности» — ориентации сознания, общие для определенных групп, критически настроенных по отношению к госвласти. Применяется также образ «врага».

«Негативные» идентичности перерастают в контриденности на основе доминанты этнической идентичности. Происходит некая архаизация сознания. Но для критики нужен не только образ врага, но и определенный «образец», позитивный пример; ради стремления приблизиться к нему формируются контриденности на основе доминанты этнической иден-

тичности. В годы поздней перестройки таким «образцом» выступали образ жизни США и Европы. Европейский «образец» сочетался с архаичной этнической идентичности.

В качестве институциональных средств «разборки» «объединяющей» национальной (союзной, исторической) идентичности используются те же институты, которые способствовали формированию государств: школа, книга, музей, газета, церковь, школьные учебники по истории и литературе, а также государственные органы, сказки, памятники истории и культуры, праздники. Их используют для этнизации политики и политизации этнической идентичности.

Сразу после распада СССР перед постсоветскими государствами стала проблема отказа от старых учебников и обеспечения учащихся новыми учебниками по истории. Так, в школах Украины некоторое время занимались по учебникам, подготовленным в США. Затем были разработаны украинские учебники. Применена концепция М. С. Грушевского о независимом развитии Киевской Руси и Суздальско-Владимирской, а затем Московской Руси. Пребывание Украины в составе России трактуется как «препятствующее культурному и политическому развитию украинского народа», причина «отрыва от европейской цивилизации и деградации»¹. Учебник стал средством политизации этнических идентичностей².

Состав комитетов Верховной Рады влиял на этнизацию политики и политизацию этнических идентичностей. Экономические элиты из Центра и Юго-Востока Украины стремились направить «аффилированных» депутатов в комитеты по госуправлению, собственности, бюджету. А комитеты по культуре, образованию, науке долгое время контролировали националистические партии. В составе Верховной Рады V созыва Блок Ю. Тимошенко — БЮТ и блок «Наша Украина» (включал Народный Рух Украины, Конгресс украинских националистов) возглавляли 13 комитетов. БЮТ возглавил комитеты по вопросам семьи, молодежной политики, спорта и туризма, вопросам свободы слова и информации, вопросам культуры и духовности.

В Верховной Раде VI созыва представители партий БЮТ и блока «Наша Украина — Народная самооборона» возглавляли 14 комитетов, в том числе по вопросам культуры и духовности; науки и образования; семьи, молодежной политики, спорта и туризма; европейской интеграции. В Верховной Раде Украины VII созыва оппозиционные партии возглавляли 14 комитетов из 30, в том числе комитет по вопросам национальных меньшинств и национальной политики; свободы слова и информации; науки и образования;

¹ Струкевич О. К. Історія України. Підручник для 9-го класу. Київ, 2009. С. 26.

² Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках новых независимых государств / Ред. А. А. Данилов, А. В. Филиппов. М., 2009.

культуры и духовности, европейской интеграции. Все это в значительной степени способствовало этнизации политики, приведшей к Майдану, а затем к расколу страны по языковому и этническому принципу.

А. Ю. Карпова
Томск

ВЕСКАЯ СИЛА (SOLID POWER) КАК ДОКТРИНАЛЬНАЯ ОСНОВА НОВОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Идеолог концептов *soft power* и *smart power* Джозеф Най произнес: «Победа в традиционном смысле неуловима»¹. Действительно, как можно объяснить людям, в чем суть победы мягкой и умной силы? Такая победа неуловима для общества, поскольку нет символов победы, в отличие от победы в войне (как вооруженном конфликте). В то время как победа жесткой силы (*hard power*), которая фактически стала легитимным инструментом внешней политики США, сегодня имеет знаковые трофеи: захвачено, уничтожено, разбито, сожжено и т.п. ужасы. Но цена такой победы сегодня имеет название гуманитарной катастрофы. Можно ли в XXI в. политической экспансии «образцовой» американской демократии, доктринальной основой которой являются концепты мягкой и умной силы, ставшие прикрытием жесткого силового сценария США, противопоставить другой сценарий? Мы полагаем, что можно. Россия реализует новый сценарий, который определяем как *solid power* — **веская сила**².

Цель работы: обоснование и описание концептуальной метафоры *solid power* как основы новой внешнеполитической стратегии России.

Гипотеза автора: концепты *soft power* и *smart power* — опора для идеологического оформления политики *hard power*, завуалированной под идею продвижения демократических ценностей; они направлены на оправдание/поддержание военного вмешательства и экономического давления на другие страны при добровольном согласии/участии граждан. Кризис в Украине — индикатор переформатирования мироустройства, который обнажил проблемные места силовых сценариев. Политические просчеты

¹ «Victory in the traditional sense is elusive». Joseph S. Nye Jr. Smart Power Initiative. Crisis Commission on smart power. CSIS Press Center for Strategic and International Studies. 2007. P. 90. URL: http://csis.org/files/media/isis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf.

² *Solid* (англ.) — веский, твердый, авторитетный, убедительный, ощутимый, влиятельный.

американской администрации привели к дефляции ресурсов мягкой и умной силы и постепенному убыванию ее потенциала. Необходима новая консолидирующая сила, обеспечивающая управление, контроль, безопасность мироустройства. Эта сила строится на принципах взаимодействия, транспарентности и взаимответственности.

На просчеты американской администрации в украинском силовом сценарии указывают эксперты D. Simes, K. Schake, S. Cohen, P. Buchanan, I. Tharoor, и др.:

- эйфория от триумфа в холодной войне;
- ощущение собственного права и безнаказанности;
- отсутствие твердой последовательности в действиях;
- искажение и эксплуатация в собственных интересах существующих правил — как внутри страны, так и на международной арене;
- высокомерие по отношению к России, самообман, демонизация личности Путина, указывающие на личностный характер конфликта;
- игнорирование перегруппировки сил на международной арене, которая ведет к созданию новых альянсов.

Политические просчеты ведут к кризису политической власти в США, а это — к доктринальному коллапсу. И как следствие — дефляция ресурсов мягкой и умной силы. В том смысле, который вкладывал в понятие политической дефляции Т. Парсонс: понижение ожиданий в обществе, которое порождает недоверие к власти¹. Примеры: опросы общественного мнения².

Веская сила — новая форма политической власти, основа которой — **диалог, доверие, единение**.

Диалог, как форма коммуникации, в которой участники общения приходят к консенсусу (взаимопониманию и согласованности действий) в результате дискуссии при помощи убедительных, обоснованных, веских аргументов, а не при помощи военной или экономической мощи. Главные принципы такого диалога — это равноправие и уважение к любой из сторон.

Доверие, как форма воздействия на мировое сообщество, которая предполагает открытость к сотрудничеству, готовность следовать международным правилам, стремление учитывать интересы партнеров. «Есть только одно мерило власти — доверие людей. Никакого другого мерила не существует. Все остальное — это иллюзия власти, и это очень опасная иллюзия»³.

¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 233–234.

² Quinnipiac University National Poll. Obama Is First As Worst President Since WWII. URL: <http://www.quinnipiac.edu/news-and-events/quinnipiac-university-poll/national/release-detail?ReleaseID=2056>.

³ Putin Q&A: Full Transcript. Time. — Режим доступа: http://content.time.com/time/specials/2007/personoftheyear/article/0,28804,1690753_1690757_1695787-10,00.html

Единение, как форма взаимодействия, направленная на сплочение, укрепление связей, сближение между участниками диалога на основе доверия друг к другу.

Доктринальная основа новой внешнеполитической стратегии России заложена в «Валдайской доктрине», она подробно изложена в Мюнхенской речи В. Путина и корректируется с учетом темпоральности международной политики:

- приоритет правового политико-дипломатического урегулирования острых проблем;
- использование твердого, конструктивного и гибкого дипломатического инструментария — убедительная дипломатия;
- ясная и категоричная позиция по поводу формирования будущего мироустройства. «Однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна»¹;
- четко сформулирована роль России в международной политике: снижение/предотвращение острых кризисов, войн и локальных конфликтов во всем мире;
- убедительно доказана необходимость ведения диалога по любому международному вопросу, поиск консенсуса — прямое противопоставление «умной публичной дипломатии» и силовой американской политике;
- твердо обозначенный курс России, направленный на формирование независимой внешней политики.

Технологии *solid power*.

Стратегия внезапности — бескровное возвращение Крыма и Севастополя.

Тактика на опережение — договор между «Газпромом» и китайской компанией CNPC на экспорт российского газа в Китай (21.05.2014); договор о сотрудничестве в торгово-экономической, энергетической и гуманитарной сферах; совместное заявление по Украине, в котором лидеры двух стран осудили практику односторонних санкций и высказали твердое намерение противостоять вмешательству США во внутренние дела других государств².

¹ Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml.

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Администрация Президента РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642.

Политика притяжения — создание «пояса поддержки»: новые альянсы и укрепление уже имеющихся, таких как БРИКС, ШОС, ОДКБ.

Расширение «климата доверия» — шестой саммит БРИКС, курс на построение многополярного мира, основанного на финансово-экономическом партнерстве, а не на военном или политическом соперничестве.

Вывод: Россия создает силу, способную «заполнить тот вакуум, который образовался после очевидной несостоятельности традиционных идеологических систем»¹.

М. Е. Карягин
Санкт-Петербург

ОТКРЫТЫЕ ДАННЫЕ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК МЕХАНИЗМ (ИНСТРУМЕНТ) ОТКРЫТОСТИ

Размещение информации в формате открытых данных является одной из частей государственной информационной политики, реализуемой в рамках построения открытого правительства.

Являясь одним из главных агрегаторов информации, государство как институт обладает огромным потенциалом по реализации проектов различного уровня и различной тематической направленности, основанных на использовании информации, однако для реализации данных проектов необходимы не только сбор и систематизация самих данных, но и представление их в удобном формате, позволяющем производить их машинную обработку.

Сегодня в Российской Федерации существует несколько основных нормативно-правовых актов, регламентирующих публикацию информации в машиночитаемом формате. Условно их можно разделить на две основные группы:

НПА, регламентирующие процесс оформления и публикации открытых данных (форма)².

¹ Гаджиев К. Перспективы демократии в век информационной революции // Власть. 2014. № 8. С. 19–28.

² Основным документом здесь являются Методические рекомендации по публикации открытых данных государственными органами и органами местного самоуправления, а также технические требования к публикации открытых данных. Версия 3.0 (утв. протоколом заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого Правительства от 29.05.2014 № 4).

НПА, регламентирующие тематику обязательных для публикации наборов открытых данных (содержание)¹.

В данном исследовании мы проанализировали характер соблюдения графика раскрытия приоритетных социально значимых наборов данных. Исследование включало в себя анализ разделов сайтов федеральных органов исполнительной власти (далее — ФОИВ), на которых публикуется информация в формате открытых данных (далее — ОД), а также данных, размещенных на общедокументальном портале data.gov.ru. Кроме того, после обнаружения необходимого набора открытых данных проверялось форматное соответствие, а также выполнение требований методических рекомендаций по публикации информации в формате открытых данных.

Из 78 федеральных органов исполнительной власти к марту 2015 г. обязательные наборы должны были опубликовать 28 органов власти (остальные к этому периоду обязательных наборов данных не имели). Всего к марту 2015 г. федеральным органам исполнительной власти необходимо было опубликовать 174 набора открытых данных.

Из 28 ФОИВ ни одного набора из обязательного перечня не опубликовали 14 органов власти, частично разместили информацию 7 федеральных органов исполнительной власти и только 7 ФОИВ опубликовали все необходимые наборы открытых данных с соблюдением требований методических рекомендаций.

В абсолютном значении график раскрытия приоритетных социально значимых наборов данных по плану мероприятий «Открытые данные Российской Федерации» исполняется федеральными органами исполнительной власти на 36,448%².

Учитывая полученные результаты, можно утверждать, что работа по публикации открытых данных, которая является одним из десяти механизмов (инструментов) открытости, согласно Стандарту открытости федеральных органов исполнительной власти³, ведется в недостаточной мере. Федеральным органам исполнительной власти необходимо обратить особое внимание на данный вопрос, так как «долги» по данному направле-

¹ Основным документом, регламентирующим содержание информации в формате открытых данных, является график раскрытия приоритетных социально значимых наборов данных по плану мероприятий «Открытые данные Российской Федерации», утв. протоколом заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 25.12.2014 № 10.

² В качестве формулы расчета за основу взята методика Фонда свободы информации. Архив сайта Фонда свободы информации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://old.svobodainfo.org/ru/system/files/Metodika_Monitoring.pdf.

³ Сайт открытого правительства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://open.gov.ru/events/5508409>

нию будут только увеличиваться, программа рассчитана до декабря 2016 г.¹ и включает в себя множество иных наборов открытых данных.

В. А. Касамара
Москва

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ О КЛЮЧЕВЫХ СОБЫТИЯХ ИСТОРИИ РОССИИ

Данный доклад опирается на эмпирические данные, собранные в рамках исследования «Политические взгляды российского общества», осуществляемого научно-учебной лабораторией политических исследований факультета социальных наук НИУ ВШЭ. В эмпирической его части частично заимствуется методология Б. Шварца, современного исследователя коллективной памяти молодого поколения Америки, Германии, Израиля, Японии и Кореи (проект *Judging the Past*) [Schwartz, Kazuya, Sachiko, 2005; Schwartz, Heinrich, 2004; Schwartz, Kim, 2001; Zhang, Schwartz, 1997].

С сентября по декабрь 2014 г. были опрошены 1500 студентов трех ведущих московских вузов: МГУ им. М. В. Ломоносова, НИУ ВШЭ и МГИМО (У) МИД России (анкетирование с закрытыми и открытыми вопросами). Кроме того, со студентами было проведено 176 глубинных интервью. Сбор глубинных интервью проводился в рамках подхода *Grounded Theory* [Charmaz, 2006; Glaser, Strauss 2009; Glaser, 2008; Göran, Cronholm, 2010; Maxwell, 2004; Забаев, 2011; Страусс, Корбин, 2001]. Данный подход в последнее время активно применяется в рамках проведения качественного исследования. Он предполагает значительную корректировку стратегии исследования с приростом новых знаний, поэтому исследование проводится в несколько этапов и не предполагает традиционного выдвижения на первый план теоретической концепции.

Глубинные интервью состояли из следующих тематических блоков:

- восприятие политических лидеров СССР и современной России;
- восприятие СССР: основные позитивные и негативные характеристики;
- восприятие современной России и ее будущего.

¹ График раскрытия приоритетных социально значимых наборов данных. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://open.gov.ru/upload/iblock/28b/28b4b8a90bcca44af7713f96fd1fec4.pdf>

Результаты исследования показали, что знания истории у студентов крайне посредственны. Некоторые участники исследования сразу же предупредили интервьюера о том, что плохо знают историю России, а тем более ее советский и современный периоды.

Гордость за страну у российских студентов локализована в советском прошлом (победа в ВОВ — 64% опрошенных и полет Гагарина в космос — 30% опрошенных). Только одно событие относится непосредственно к современному периоду развития России — присоединение Крыма (10% респондентов).

Социальная память студентов достаточно сильно милитаризована. Ничто не вызывает у них таких ярких, эмоционально окрашенных переживаний, как военные победы, демонстрация государством силы и мощи. Достижения в культурной сфере студенты вспоминали крайне редко (всего 4% опрошенных респондентов).

Ключевым символическим событием, составляющим основу коллективных представлений студентов, является победа в Великой Отечественной войне.

Для многих участников исследования победа в Великой Отечественной войне значима еще и потому, что СССР отразил мировую агрессию, «спас весь мир» и, как следствие, превратился из второстепенного игрока в сверхдержаву. Высказывания этой группы респондентов пропитаны великодержавным пафосом. Победа, по мнению респондентов, «возвеличила нашу страну» и «показала всю ее мощь», «продемонстрировала всему миру, что мы можем противостоять любому врагу».

Анализ ответов о событиях, которые вызывают в студентах чувство стыда, показал, что относительное большинство респондентов не смогло назвать таких событий: 35% затрудняется с ответом и 9% считает, что таких событий нет.

Качественный анализ интервью показал преобладание среди студентов мнения о том, что если человек считает себя патриотом, то у него должен быть позитивный взгляд на историю России, согласно которому ни одно событие из жизни страны нельзя называть позорным. В истории государства могут быть «не самые хорошие повороты» и ошибки, на которых надо учиться, но их нельзя, по словам респондентов, считать «отвратительными».

Каждый пятый опрошенный респондент упомянул сталинские репрессии. Однако в дальнейшем содержательный анализ интервью показал, что отношение к этому периоду истории у респондентов крайне неоднозначное. Среди респондентов, называющих репрессии постыдной страницей нашей истории, условно можно выделить тех, кто испытывал псевдстыд за этот период истории, и тех, кто действительно осознал и прочувствовал всю трагичность произошедшего и поэтому испытывает чувство настоящего стыда. Так, одни студенты, называя репрессии «темным пятном нашей

истории», все же искали им оправдание. Некоторые респонденты придерживались мнения, что «Сталин поднял страну», и репрессии на тот момент действительно были необходимы государству для реализации проводимой политики, хотя, по их словам, наверное, можно было обойтись меньшим количеством жертв.

Социальная память студентов сфокусирована на одном «триумфальном» символическом событии — победе в Великой Отечественной войне. Причин же для гордости в настоящем студенты не видят. При этом респонденты заявляли, что их волнует отсутствие в современной России единой объединяющей идеи. Молодые люди не знают, что могло бы сплотить современное общество, они не знают, чем можно гордиться в современной России. Респонденты подчеркивали, что они выросли без идеалов и у них нет ориентиров. В данной ситуации, на наш взгляд, вполне правомерно говорить о том, что современная Россия отличается дефицитом событий, в отношении которых был бы общественный консенсус и осознание их значимости, что способствовало бы преодолению разобщенности молодежи.

Ш. Р. Кашаф
Москва

РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ВЕКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И РЕТРАДИЦИОНИЗАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ ИДЕНТИТАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Усиление тревог в мусульманских и неисламских государствах вследствие распада идентичности того, что С. Хантингтон именуется «смысл себя», наиболее очевидным образом перешло в категорию проблем, которые принято определять как «вызовы», в контексте активно идущего процесса глобализации. Когда произошедшие глубинные социальные сдвиги и смена характера воспроизводства общества, как утверждают эксперты, поставили вопрос об идентичности в актуальную повестку дня — сначала для большинства западных наций-государств, где произошла смена механизма воспроизводства общества на инновационный, а затем и в тех странах, где была избрана догоняющая (Запад) модель развития.

Но процесс «догоняния» в незападных странах мог при этом складываться и с учетом собственных традиций и культуры, без отказа от них в пользу заимствованных на западном направлении новых институцио-

нальных связей. Имея в виду, как пишет Ш. Эйзенштадт, что «не только западные образы современности являются «аутентичными» модернизации, даже будучи исторически прецедентными и продолжающими оставаться основными точками отсчета для других»¹.

Считается, что мусульманские политики на своем историческом пути к современности смогли избежать революционных переворотов и потрясений в секуляризации человеческого сознания, которыми на Западе было отмечено движение к модерну. Отождествляя модернизацию с тотальным раскрепощением, или, говоря словами В. Э. Багдасаряна, с «освобождением от государства, освобождением от традиции»², Запад в трактовке мусульманских интеллектуалов оказывается очень далеким от достижения истинной свободы. Так, крупный политический и духовный лидер Ирана М. Хатами считает, что преследующий только свои собственные интересы Запад в том случае, если «какой-то народ отворачивается от его системы ценностей и отказывается служить его интересам... обрушивает на него всю мощь своих средств, чтобы заставить таких людей сдаться, или они оказываются под угрозой уничтожения»³.

Исламский мир, в большинстве своем не жаждущий раствориться в Западе, отвергает и рожденную им ультралиберальную идею индивидуализма, отдающую приоритет человеческим представлениям и желаниям, в стремлении к удовлетворению которых истинно «свободный» индивид не встречает никаких препятствий. Отсюда и проистекает то явление, которое глава Духовного управления мусульман Российской Федерации Р. Гайнутдин называет нападками ультралиберализма на традиционные ценности⁴.

Сегодня, когда с признанием многообразия современностей «соотношение модернизации и традиции изменилось»⁵, победа инновации над традицией не рассматривается важнейшим признаком модернизации. Напротив, выяснилось, что она сама, как в каменных кариатидах Эрехтейона на Акрополе, нуждается в опоре на традицию. Поскольку традиционные символы и формы лидерства способны стать «жизненно важной частью ценностной системы, на которой основывается модернизация»⁶, формулируемые незападными странами принципы «недогоняющей» модернизации и развития на основе собственной идентичности, собственной культуры

¹ Eisenstadt Sh. N. Multiple Modernities. // Daedalus. 2000. Vol. 129. № 1. P. 3.

² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rusrand.ru/tv/meaning/modernizatsija>.

³ Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М.: РОССПЭН, 2001. С. 114.

⁴ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dumrf.ru/upravlenie/speeches/8803>.

⁵ Федотова Н. Г. Модернизация и традиция // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 81.

⁶ Паин Э. А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 44.

и традиций, обычаев и культурных кодов уже не кажутся столь архаичными, как это ранее всегда представлялось либеральной трактовкой.

При конструировании российской идентичности также нужно исходить из собственного капитала традиций. В президентском дискурсе В. В. Путина этот императив прочно связывается с историческим творчеством страны, соединением передового национального опыта и идеи, осмыслением культурных, духовных, политических традиций¹. В этом контексте движение к модерну мыслится как соединение преимуществ традиции и современности, осознанное возвращение к своему историческому «я», черпающему силу в прошлом цивилизации. Социальный процесс ретрадиционализации, предполагающий возвращение к старым традициям, — новый исторический тренд развития, ставший в последнее время характерным для духовно, культурно и цивилизационно близких мусульманского мира и России, в которой, по утверждению ее руководителей, ислам является «ярким элементом российского культурного кода».

А. А. Кинякин
Москва

СУВЕРЕННЫЕ ФОНДЫ БЛАГОСОСТОЯНИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АКТОРЫ: К ОЦЕНКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Современная глобальная политика предъявляет все новые требования к деятельности национальных государств по отстаиванию национальных интересов. В условиях растущей конкуренции в настоящее время традиционный геополитический подход, основанный на применении военной силы, все более уступает место другому — геэкономическому, в основе которого лежит использование «мягких» средств воздействия.

Среди последних особенно выделяются экономические механизмы. Наиболее эффективные экономические практики продвижения национальных интересов — это осуществление инвестиционной политики. Однако в условиях усиливающейся глобальной взаимозависимости инвестиционная политика требует особого подхода, в основе которого, помимо прочего, лежит использование специальных геэкономических агентов.

Одними из них являются суверенные фонды благосостояния (СФБ), которые представляют собой аффилированные с государством структуры,

¹ Путин В. Выступление на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сент.

цель которых — инвестирование и управление различными группами активов по всему миру. Фактически СФБ представляют собой структуры инвестиционного назначения (*Special Investment Vehicle*), призванные за счет осуществления инвестиций продвигать национальные интересы различных государств на глобальном уровне.

Впервые появившись еще в середине прошлого года, наиболее заметное развитие суверенные фонды получили в начале XXI в. и к настоящему моменту превратились в одних из наиболее мощных видов глобальных экономических агентов. По оценке *SWF Institute*, совокупная стоимость активов, которые находятся под управлением СФБ, по состоянию на март 2015 г. превышала отметку в 7 трлн долл. И эта сумма имеет тенденцию к постоянному увеличению.

При этом значительный объем активов, находящихся в управлении СФБ, как и львиная доля самих фондов, приходится на так называемые «сырьевые» суверенные фонды, сформированные в странах, занимающихся производством и продажей сырьевых товаров, в первую очередь углеводородов. В числе таковых следует отметить Норвегию, Саудовскую Аравию, Катар, Кувейт, Россию, Алжир, Казахстан, а также Китай.

Именно «сырьевые» СФБ в настоящее время развивают наибольшую активность в качестве глобальных инвесторов, вкладывая средства в различные активы (преимущественно промышленные) и оказывая при этом влияние не только на экономическую, но и на политическую сферу. Последнее, в частности, проявляется в попытках многих СФБ активно влиять на процесс принятия решений путем осуществления лоббистской деятельности в тех странах, где расположены интересующие активы.

Подобная активность не может не вызывать обеспокоенность правительств многих стран, стремящихся обеспечить экономическую безопасность и, в частности, не допустить усиления иностранного присутствия в стратегически важных секторах и отраслях экономики (к примеру, ТЭК, машиностроение, финансовый сектор).

В ряде случаев деятельность суверенных фондов и вовсе подвергалась жесткой критике как представляющая угрозу национальной безопасности государств, где действуют СФБ.

В частности, подобная ситуация возникла в США, власти которых активно противодействовали китайским СВФ и прежде всего крупнейшей — Китайской инвестиционной корпорации (*China Investment Corporation*), а также во Франции, где в 2010 г. разгорелась нешуточная дискуссия вокруг «вредоносной» деятельности ближневосточных суверенных фондов (в частности, Департамента инвестиций Кувейта (*Kuwait Investment Authority*), подписавшего инвестиционное соглашение с французским атомным концерном Areva).

С целью «снизить градус» дискуссии, а также задать определенные рамки деятельности СФБ, в 2008 г. был принят утвержденный Международной

рабочей группой государств, куда вошли представители стран, имеющих суверенные фонды, а также государств, являющихся получателями инвестиций СВФ, свод общепринятых принципов и практик, которые получили название «принципов Сантьяго».

Среди основных: инвестирование с учетом экономического и финансового риска (риск-менеджмент), а также соображений доходности; содействие поддержанию стабильности глобальной финансовой системы; соблюдение всех применимых нормативных требований (и особенно требований по раскрытию информации), предъявляемых в странах — получателях инвестиций; поддержание прозрачной и прочной структуры управления и деятельности.

На сегодняшний день именно последний пункт вызывает, с одной стороны, наибольший интерес, с другой — опасения при анализе не только экономического, но и политического влияния СФБ. Существующие методики оценки суверенных фондов (в частности, индекс прозрачности Линабурга—Мадзуэля, рассчитываемый *SWI Institute*, или рейтинг открытости, составляемый швейцарской консалтинговой компанией *GeoEconomica*), не до конца учитывают политические аспекты деятельности суверенных фондов как геоэкономических агентов.

Во многом это заставляет заняться выработкой новой методики, которая будет включать оценку не только степени политического влияния, рассчитываемую на основе экономических и политических ресурсов, находящихся в распоряжении СФБ, но и использования форм и механизмов продвижения интересов как в странах происхождения, так и государствах — получателях инвестиций. Во многом учет этих компонентов позволит оценить реальное политическое воздействие СФБ, активность которых на глобальной арене в дальнейшем скорее всего только продолжит увеличиваться.

Д. И. Кисеев
Комрат, Молдова

НОВЫЕ ФОРМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНИВШИХСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Политический ландшафт постсоветского пространства стремительно меняется, и процессы, которые характеризуют 2014 г., приближают тот момент, когда будет необходимо задаться вопросом: «А возможно ли сохранение экономических связей между странами Евразийского эконо-

мического союза, с одной стороны, и такими государствами, как Украина, Молдова и Грузия, стремящимися к более тесной кооперации с Европейским союзом, — с другой, а также с государствами, которые занимают определенный нейтралитет, как Азербайджан, Узбекистан и Туркмения.

Вопрос также состоит в том, как регулировать отношения укрупненных единиц, таких как Евразийский союз, с другими странами, которые не желают интеграции с этим союзом. Стоит ли пытаться сохранить сформировавшиеся десятилетиями экономические связи или же окончательно их разрубить, похоронив тем самым весь наработанный опыт в рамках СНГ.

Ведь абсолютно очевидно, что некоторые соглашения, принятые в рамках СНГ, не будут применяться в отношении, к примеру, тех государств, которые подписали соглашения о свободной торговле с ЕС. Помимо этого, возможно и применение защитных механизмов.

Международная практика показывает, что любое межгосударственное объединение переживает различные этапы в своем развитии, дополняется новыми формами сотрудничества. СНГ имеет существенные преимущества — высокую степень интегрированности экономики, сходные социально-политические структуры и ментальность населения, а также многонациональный состав большинства республик, общие исторические традиции.

Однако при этом стоит отметить, что в составе СНГ присутствуют государства, находящиеся на разном уровне интеграции в других международных организациях, что в отношении одних делает СНГ дублирующей структурой (страны Евразийского союза), а в отношении других СНГ представляет собой, по мнению властей этих государств, исчерпавшее себя политико-экономическое объединение (Украина, Грузия и Молдова).

Сложившиеся условия показывают, что наряду с совершенствованием механизмов СНГ его не следует рассматривать как единственную форму построения отношений между такими странами. Как показала практика, дальнейшее развитие стран СНГ сдерживается недостаточностью внутреннего потенциала каждой из них.

Все это свидетельствует о необходимости построения нового типа взаимодействия экономических единиц, бизнес-кругов, промышленных предприятий, крупных инвестиционных компаний, банков и других деловых элит, не основанного на политическом взаимодействии, а исходящего прежде всего из интересов самих субъектов хозяйствования и бизнес-структур.

Оставшиеся в наследство структуры единого народно-хозяйственного комплекса продолжают корродировать. Объективно отмирают отжившие формы экономических связей. Вместе с тем нарушаются отработанные технологические связи, отвечающие экономическим интересам наших стран в ближней и дальней перспективе.

Все это происходит в большей степени из-за нехватки координации общих действий на пространстве СНГ, когда, к примеру, в одном государстве простаивает предприятие, производящее сырье, а в другом государстве на грани банкротства находится перерабатывающее предприятие, которое могло бы завершить производственный цикл и поставить на рынок готовый продукт.

В этих условиях, возможно, является целесообразным рассмотрение вопроса о переходе от политических форм интеграции на постсоветском пространстве к экономическим формам взаимодействия, основанным на интересах создания единой технологической цепочки или же строящимся по принципам сегментарных, отраслевых объединений. И здесь можно привести пример того же Европейского союза, который изначально был сформирован в виде отраслевых сообществ, основанных либо на общих принципах деятельности одной отрасли, либо на построении единых производственных циклов, которые в конечном счете дали прирост в этих отраслях странам, состоящим в этих сообществах.

В этом смысле представляется возможным использование СНГ как своеобразного «зонтика», под защитой которого будут формироваться отраслевые сообщества, отстаивающие интересы определенных отраслей и способные оперативно реагировать на постоянно возникающие вызовы.

Не секрет, что политические структуры часто очень неповоротливы в процессе подготовки и принятия решений, особенно в экономической сфере, которая зачастую требует быстрого и эффективного вмешательства.

В практическом плане это может выражаться в том, что руководить и принимать конечные обязательные для исполнения решения будут, безусловно, политические структуры, обладающие соответствующими полномочиями, но участвовать в их разработке и анализе должны непосредственно сами участники производственных и деловых процессов.

Однозначно то, что в нынешней конъюнктуре экономические процессы необходимо наращивать не путем политических механизмов. Важнее создать устойчивые отраслевые объединения, интерес которых заключался бы лишь в том, чтобы наращивать производственные показатели и устанавливать общие правила игры.

Несомненно, что такого рода преобразования требуют полного и всестороннего реформирования СНГ, однако, по мнению большинства экспертов, это время пришло. Принципиальные различия могут состоять лишь в том, по какому пути пойдет реформа СНГ и какие конечные цели перед собой поставит.

По нашему мнению, важно не растерять колоссальный опыт, который был накоплен в рамках данной организации, и приумножить его уже в рамках новой системы экономического взаимодействия, которая должна быть основана на принципах непосредственного участия самих производственных единиц.

И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова, К. Г. Храброва
Ярославль

ОТСУТСТВИЕ ПОДДЕРЖКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ ЛИДЕРА¹

Важность общественного мнения в выработке и осуществлении внешней политики страны трудно переоценить. Представители разных теоретических направлений (концепция Дж. Д. Фиарона², полиэвристическая теория А. Минтса³, политический подход к принятию решений Б. Фарнхэм⁴) в качестве наиболее значимого внутриполитического фактора называют возможные потери, с которыми сталкивается политик, если принятое им решение не получает поддержки. При этом потери могут быть связаны, например, с риском проиграть выборы, быть отстраненным от власти, подвергнуться аресту. Механизм возникновения подобных потерь теоретически обосновывается особенностями функционирования демократических институтов, в частности тем, что решения принимаются политическими лидерами от имени доверителей, в качестве которых выступают избиратели. Они наделены возможностью одобрить или высказаться против проводимого курса, а также способны генерировать существенные затраты для политического лидера, отказывая ему в своей поддержке в ходе выборов. Однако результаты исследований зачастую не позволяют однозначно подтвердить подобный статус избирателей не только в авторитарных, но и в демократических государствах.

С целью изучения значимости общественного мнения в сфере принятия внешнеполитических решений проведено разведывательное эмпирическое исследование, направленное на изучение связи между уровнем возможных потерь лидера и неудачами в реализации основных категорий

¹ Выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00455 «Проблема отсутствия поддержки внешнеполитического курса как фактор формирования внутриполитических потерь лидера: экспериментальное исследование».

² *Fearon J. D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes // American Political Science Review, 1994. Vol. 88. No 3. P. 577–592.*

³ *Mintz A. Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making: A Poliheuristic Perspective // Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making / Ed. by A. Mintz. NY: Palgrave Macmillan, 2003. P. 1–9.*

⁴ *Farnham B. Roosevelt and the Munich Crisis: A Study of Political Decision Making. Princeton, NJ.: Princeton Univ. Press, 1997.*

национальных интересов: безопасность, устойчивое экономическое развитие, поддержание идентичности, влияние на международной арене. Основным методом исследования выступил квазиэксперимент.

Респондентам были представлены тексты, описывающие результаты внешнеполитического решения, которые содержат информацию о его последствиях для страны с точки зрения реализации национальных интересов. После ознакомления с описанием ситуации респонденты отвечали на вопросы, позволившие выявить: а) их мнения о проводимой политике, в частности о том, воспринимается ли она как сопряженная с выигрышами или потерями; б) установки, отражающие готовность совершать политические действия, которые могут быть связаны с потерями для лидера (отказ поддержать политика на выборах, протестные действия, требования отставки).

Отметим некоторые выявленные связи.

Во-первых, 61% респондентов выразили согласие с утверждением, что политик должен учитывать мнение граждан в процессе принятия внешнеполитических решений. При этом 90% опрошенных убеждены, что он может лишиться поддержки в случае неудач во внешней политике. По мнению респондентов, наиболее вероятные потери, с которыми может столкнуться лидер, связаны с отказом голосовать за него на выборах (73%), акциями протеста (54%), отставкой (30%).

Во-вторых, субъективная оценка респондентами результатов внешнеполитического курса с точки зрения соотношения выигрышей и потерь влияет на его поддержку. Если результаты внешней политики воспринимаются как приносящие «выигрыши» и «больше выигрышей, чем потерь», то респонденты склонны поддерживать ее, и наоборот (V критерий Крамера = 0,505; $p < 0,01$). При этом наиболее заметное влияние на уровень поддержки внешнеполитического курса оказывают успехи и неудачи в реализации экономических интересов. В частности, 80,9% респондентов склонны «поддержать» и «скорее поддержать» внешнеполитический курс, который принес выигрыши в этой области (V критерий Крамера = 0,264; $p < 0,085$).

В-третьих, субъективная оценка респондентами результатов реализации национальных интересов в области безопасности, экономического благополучия и поддержания идентичности не совпадает с той, которая была задана в ходе эксперимента. То есть респонденты опираются на субъективную систему критериев. Исключение составляют интересы экономического благополучия: в данном случае субъективная и заданная оценки совпадают (V критерий Крамера = 0,464; $p < 0,01$). Установленные закономерности означают, что последствия проводимой внешней политики для национальной экономики и благополучия граждан в меньшей степени корректируются успехами и неудачами в других сферах интересов и оказывают наиболее заметное влияние на появление внутриполитических потерь, связанных с отсутствием поддержки гражданами проводимого курса.

Е. Г. Кожин
Москва

СИСТЕМНОЕ ПОНИМАНИЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Азиатско-тихоокеанский регионализм (который мы будем понимать как совокупность всех процессов регионализации и региональной интеграции в пространстве АТР) привлекает внимание как исследователей-политологов, так и лиц, ответственных за принятие и исполнение внешнеполитических решений по отношению к региональным группам и державам АТР. Для первых регионализм Азии и Тихого океана — особая исследовательская единица, обладающая набором специфических свойств, отличающих этот регионализм от регионализма в Европе, Америке или Африке. Для вторых АТР — возможная арена сосредоточения материально-промышленной базы будущего мирового сообщества, а вместе с этим — арена противостояния экономических и политических интересов. И исследователи, и практики нуждаются в таком определении регионализма АТР, которое дало бы ключ к разработке надежного инструмента прогнозирования процессов регионализма АТР, а вместе с ним и планирования собственной политики.

Для того чтобы этот инструмент стал доступен, необходимо выбрать подход к процессам, определяющим азиатско-тихоокеанский регионализм: будем ли мы понимать его как «комплекс», то есть совокупность слабо связанных друг с другом государств и институтов, или «систему», то есть такую совокупность, поведение которой подчинено каким-либо подлежащим концептуализации/операционализации закономерностям.

Несмотря на то что региональные процессы в АТР достаточно разрозненны, о самом АТР все чаще говорят если не как о сформировавшейся, то формирующейся политической реальности. Об упорядоченности АТР говорит тот факт, что от устойчивости этой региональной подсистемы зависит состояние глобальной конъюнктуры.

Как политическая реальность АТР представляет собой зону противостояния между сторонниками так называемого вашингтонского консенсуса, пекинского консенсуса и странами и региональными группами, которые лавируют между интересами лидеров, не позволяя одному из них получить относительное преимущество. Этим объясняется применение инструментов сотрудничества и конкуренции со стороны каждого государства и региональной группы, вовлеченных в формирование регионализма

АТР, по отношению к одним и тем же вопросам. Нежелание допустить лидерства кого-либо из участников — один из важнейших, если не самый важный, интерес, объединяющий все без исключения державы АТР вне зависимости от их позиции по отношению к тому или иному «консенсусу», даже КНР и Японию.

Из этого интереса и наблюдающегося стремления к недопущению лидерства проявляется главное системное свойство региональных процессов АТР, определяющих специфику этого регионализма: непреклонное стремление к сохранению баланса сил. Противостояние, в ходе которого формируется баланс сил, наиболее явно проявляется на институциональном уровне. Таким образом, характер отношений между державами и региональными группами АТР определяет динамику институционального строительства, а институты и отношения между ними определяют структуру регионализма АТР.

Н. Н. Козлова
Тверь

МОДЕЛЬ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ С ПОЗИЦИЙ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА (на материалах политической философии российского консерватизма XIX в.)

В модели анализируются методологические, теоретические и аксиологические основания политической теории сквозь призму гендерного подхода. Гендерный подход дает возможность анализировать гендерную асимметрию как один из факторов системы производства знания, а гендер трактовать как компонент социокультурных оснований гуманитарной и, в частности, политической науки.

Модель анализа политической философии российского консерватизма XIX в. с позиций гендерного подхода позволяет выявить связи между представлениями мыслителей о свойствах и социальных ролях женщин и мужчин и их интерпретацией политических феноменов — власти, государства и т.д. Она включает характеристику нескольких тесно взаимосвязанных аспектов, вся совокупность которых может быть классифицирована в соответствии с четырьмя основными измерениями: 1) методологические, 2) институциональные, 3) культурные, 4) цивилизационные. Модель основана на поэтапном гендерном анализе выделенных автором составляющих (компонентов) политической философии российского консерватизма XIX в.:

ключевых понятий и концепций данной доктрины, политического дискурса мыслителей; концептуальных способов легитимации правления мужчин и женщин; трактовки гендерных ролей в процессе организации государственной власти; моделей мужественности и женственности; позиций представителей российского консерватизма по отношению к «женскому вопросу».

Итак, методологическими основаниями политической философии российского консерватизма XIX в. в понимании природы и социального назначения мужчин и женщин выступали органический и теологический подходы. Теоретическое структурирование политического пространства в отечественной консервативной мысли связано с решением проблемы половой идентификации, которое основано на фиксации принципиального различия природных и социальных характеристик мужчин и женщин.

Объектом анализа институционального измерения политической философии российского консерватизма XIX в. стала концептуальная разработка мыслителями социально-политических институтов. Мыслители рассматривали политику как монополию императорского дома с находившимися на государственной службе мужами. Гендерный анализ показывает наличие связи между теоретическим конструированием публичной жизни в трудах консерваторов и моделированием маскулинных ценностей и ролей, изоморфность и андроцентризм в конструировании публичного и приватного пространств в политических доктринах российских консерваторов XIX в. (самодержавие опиралось на основанную на авторитете власти отца патриархальную семью).

Реконструкция моделей мужественности позволяет выявить их связь с принципами сословности и этакратизма. Позитивные модели мужественности («аристократа—воина—богатыря», «русского мужика») консерваторы обосновывали необходимостью выполнения предписанных определенному сословию обязанностей, а также тесной связью с государством через несение военной и гражданской служб. Негативная модель мужественности («интеллигент») конструировалась путем наделяния представителей данной модели стремлением к разрушению монополии царствующей династии на политическую власть.

В культурное измерение политической философии российского консерватизма XIX в. была включена концептуальная разработка консерваторами проблем, которые можно свести к двум элементам Уваровской триады — «православию» и «народности». Консерваторы признавали только православного монарха, поскольку через православие проявлялась духовная связь государства и народа. Православная вера и чувство патриотизма являлись обязательными атрибутами модели маскулинности «аристократа—воина—богатыря». «Русский мужик» рассматривался как главный носитель народной культуры: он воплощал в себе и этнос (русский народ), и демос (простой народ).

В цивилизационное измерение политической философии российского консерватизма XIX в. включены теоретико-философские представления мыслителей об историческом пути России, отразившиеся в решении консерваторами проблемы «Россия—Европа». В политических идеях российского консерватизма были сформулированы основные принципы невестернизированной национально-ориентированной модели развития России — движение вперед на базе ценностей отечественной культуры. В трудах российских консерваторов «женский вопрос» рассматривался в контексте «борьбы» с Западом, а потому европейский путь борьбы женщин за экономические и политические права представлялся мыслителям как неприемлемый. Российские мыслители трактовали «женский вопрос» не как юридический, а как морально-нравственный, предлагая разработать идеальный образ русской женщины.

Таким образом, синтез методологических, институциональных, культурных, цивилизационных аспектов политической философии российского консерватизма XIX в. демонстрирует, что представления о присущих мужчинам и женщинам отличительных признаках и свойствах является основополагающим для данной доктрины.

Е. В. Колдунова
Москва

НОРМАТИВНЫЕ КУЛЬТУРЫ: РЕГИОНАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что любое теоретическое объяснение современных международных политических и экономических процессов не может считаться полным без анализа их специфики в незападных регионах мира, поскольку именно к этой части земного шара относится большинство участников международной системы. Вместе с тем на протяжении достаточно длительного времени теоретическое осмысление особенностей азиатских и африканских регионов с точки зрения комплексного политического и исторического анализа заметно отставало от рассмотрения аналогичных процессов в западном мире. Подобная ситуация зачастую приводила к тому, что теоретические подходы, основанные на западных реалиях, автоматически считались применимыми ко всем остальным частям земного шара, что в конечном итоге вызывало существенные искажения в понимании политических процессов в Азии и Африке, а искажения на уровне понимания вели к просчетам на уровне практики международного взаимодействия.

Интенсификация региональных процессов, в том числе в незападных частях земного шара, вызвала волну дискуссий о формах регионализации в международных отношениях. Многообразие траекторий региональной интеграции и различные реакции регионов на глобальные политические и экономические изменения также стали частью этих дискуссий. Однако в то время как вопросы экономической интеграции долгое время оставались исследовательским приоритетом в литературе о регионализме/регионализмах современного мира, нормативным и иным аспектам уделялось гораздо меньшее внимание. В то же время рост межгосударственного взаимодействия на региональном уровне в качестве значимой тенденции мирового развития стал определяться не только экономическими, но также политическими и культурно-цивилизационными факторами. В связи с этим весьма вероятен переход мировой системы именно к полицентричному миру, с усилением интеграции внутри регионов и проявлением противоречий между ними — культурными, экономическими, политическими и иными.

Еще в конце 1980 — начале 1990-х годов достаточно распространенным было мнение о том, что параметры международной политической динамики едины для всего мира, а регионы формируют международное взаимодействие «более низкого» уровня, идентичное по своим характеристикам глобальной системе. Однако подобный «глобалистский» взгляд очень скоро столкнулся с невозможностью объяснить целый ряд сложных тенденций, связанных с регионализацией мирового политического пространства.

В частности, до сих пор открытым остается вопрос о том, какое место регионы занимают в глобальной картине, связанной с формированием международной нормативной культуры и ценностных стандартов, которые сейчас позиционируются и продвигаются ведущими мировыми державами как глобальные. Зарубежный исследователь Амитав Ачария определяет две основные формы реакции регионов на так называемые глобальные нормы (в его объяснении — нормы, продвигаемые ведущими мировыми игроками)¹. Первая форма реакции предполагает «локализацию» этих норм. Случаи такой локализации/адаптации, в частности, связаны с глобальным распространением идеи суверенитета. Удачная локализация этой нормы была связана с процессами деколонизации, когда после окончания Второй мировой войны страны третьего мира с готовностью поддержали идеи равноправия в международных отношениях. Современный период международных отношений, однако, демонстрирует более сложные процессы в нормативной сфере и дает многочисленные примеры не только

локализации, но и отторжения «глобальных» норм. Подобная ситуация заставляет нас ставить вопросы: как рост регионализма и более четкое оформление региональных идентичностей повлияет на нормативную картину мира? Каким образом может быть преодолен наметившийся разрыв между странами Трансатлантического региона и другими международными игроками, в первую очередь Россией и Китаем, в понимании таких нормативных концептов, как суверенитет и невмешательство во внутренние дела других стран? В какой степени нормативные культуры регионального уровня могут повлиять на формирование глобальной нормативной системы?

В. А. Колосов
Москва

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕТОДАМИ КРИТИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Суть критического подхода заключается в сравнительном анализе так называемой «низкой» и «высокой» геополитики. Под «низкой» геополитикой подразумевается набор геополитических символов, образов и представлений о месте страны в мире, ее внешнеполитической ориентации, потенциальных союзниках и главных соперниках, содержащихся в сообщениях СМИ, рекламе и мультфильмах, кино и карикатурах. Неотъемлемый элемент «низкой» геополитики — образ страны в общественном мнении, взгляды граждан на «естественные» или «исторические» границы страны, сферу ее жизненных интересов, предпочтительную модель развития, историческую миссию, желательных союзников и внешние угрозы. Массовые геополитические представления формируются под воздействием многочисленных факторов — семейных традиций, образования, личного опыта человека, но особенно — СМИ.

«Высокую» геополитику составляют концепции, развиваемые государственными деятелями, политическими лидерами разных направлений, специалистами, видными интеллектуалами и т.д. Особый интерес представляет сопоставление дискурса и общественного мнения сторон международных конфликтов, проливающее свет на перспективы их разрешения.

Работа основана, во-первых, на изучении политического дискурса о Крыме, кризисе на Украине и непризнанных (частично признанных) государствах на постсоветском пространстве. Выполнен скрининг всех выпусков «Независимой газеты» за 2000–2014 гг. и обзорных публикаций за те же

¹ Acharya A. Rethinking Power, Institutions and Ideas in World Politics. Whose IR. Abington: Routledge, 2014.

годы в газетах «Советская Россия», «Завтра» и «Новая газета», репрезентирующих различные части российского политического спектра. Анализируются, в частности, происхождение, частота использования в разные периоды и в особенности интерпретация концепций «русского мира» и Новороссии.

Во-вторых, исследование опирается на представительный опрос по сопоставимой анкете, проведенный в конце декабря 2014 г. в шести областях Юго-Восточной Украины и непризнанных государствах на территории бывшего Советского Союза. Помимо обычных социодемографических тем, анкета включала вопросы, направленные на выяснение языковой ситуации, межнациональных отношений, идентичности респондентов, их отношения к присоединению Крыма к России, оценке ими концепций «русского мира» и «Новороссии», причин кризиса на Украине и роли России в его развитии, желательной внешнеполитической ориентации их страны. Специальный блок вопросов касался источников получаемой участниками политической информации, а также их отношения к основным игрокам на мировой политической сцене. Кроме того, респондентам были заданы специфические для каждого региона вопросы о возможных путях разрешения соответствующих конфликтов. Взгляды жителей этих регионов на международный кризис, порожденный событиями на Украине, и перспективы урегулирования региональных кризисов на Южном Кавказе и в Молдове, место своих стран в мире и их миссию сопоставляли с дискурсом политических лидеров.

В частности, установлено, что в конце 2014 г. большинство респондентов на Юго-Востоке Украины (кроме Донецкой и Луганской областей) не считало свои регионы частями «русского мира», а идею общности исторических судеб Новороссии полагало российской политической технологией или мифом. В этом легко просматривается влияние официального дискурса, распространяемого украинскими телевизионными каналами, из которых подавляющее большинство черпало политическую информацию.

Тем не менее в Харьковской области около 30% респондентов причисляют свой регион к «русскому миру», хотя доля этнических русских в населении областного центра, концентрирующего большую часть жителей, снизилась с 53% в 1989 г. до 33% в 2001-м. С «русским миром» этнические русские склонны отождествлять свои регионы и признавать их частью исторической Новороссии гораздо чаще, чем украинцы, независимо от языка предпочтения. Сходна ситуация в Одесской области. В этих двух областях 22–32% респондентов заявили, что возрождение термина «Новороссия» отражает борьбу местного населения за самоопределение.

В то же время в Днепропетровской области, также возглавляемой миллионным, преимущественно русскоязычным городом, с «русским миром» себя ассоциируют значительно меньше респондентов. Этот регион — полицентрический, и городское население рекрутировалось главным обра-

зом из более плотно заселенных сельских районов Центральной Украины. В Запорожской, Херсонской и Николаевской областях идеи «русского мира» и общности Новороссии не были популярными, несмотря на значительную долю русского населения. Одно из объяснений состоит в том, что их функциональная структура до сих пор основывается на промышленности, а социальная структура менее диверсифицирована. Однако в этих трех областях обращает на себя внимание очень высокий процент респондентов, не смогших, не пожелавших или побоявшихся дать ответ (в Запорожской области — 38%). В целом результаты опроса отразили большое разнообразие ситуаций в разных регионах Украины и растущий, новый для страны разрыв во взглядах между этническими русскими и остальным населением, между россиянами и гражданами Украины.

А. И. Кольба
Краснодар

EVENT-МЕНЕДЖМЕНТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ КОНФЛИКТАМИ

Концепции и терминология event-менеджмента традиционно используются в исследованиях социального управления. Как отмечают О. Томас, В. Хермес и П. Лос, в центре внимания подобных исследований находится понятие «специальное событие», находящееся «за пределами обычной программы», происходящее в публичном или корпоративном формате, планируемое и регулируемое¹. В политической сфере подобные события обычно создаются в ходе политических кампаний (брифинги, встречи с гражданами и т.д.)². Развивается и событийный подход в исследованиях политики, где отмечаются такие свойства политических событий, как нелинейность развития, принципиальная открытость результатов, формирование смысла и др.³ Применение технологий event-менеджмента в политическом управлении конфликтами пока что мало изучено. Между тем это направление исследований представляется перспективным, так как событийность является одной из важных черт процессов противоборства в сфере политики.

¹ Thomas O., Hermes B., Loos P. Reference model-based event management // International Journal of Event Management Research. 2008. Vol. 4. № 1. P. 39.

² Damster G., Tassiopoulos D. Event management: A professional and developmental approach. Lansdowne, South Africa: Juta Education, 2005. P. 468–469.

³ Сморгунов Л. В. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии // Полис. 2011. № 1. С. 125.

Анализ ряда конфликтов в современном внутри- и внешнеполитическом пространстве показывает, что «специальные события» играют в управлении ими значительную роль. Можно выделить три типа таких событий:

- целенаправленно создаваемые;
- возникающие стихийно, но подвергающиеся необходимой реинтерпретации;
- сочетающие в себе признаки первых двух типов.

В конфликтах между структурами власти и оппозиционно настроенной частью российской общественности можно увидеть примеры всех трех типов. К первому из них можно отнести значительную часть таких мероприятий, как митинги, шествия, официальные выступления. При их проведении реализуются задачи канализирования конфликта в определенное русло, донесение необходимых сообщений до сторонников и оппонентов и ряд других. Возникающие стихийно, предварительно не планируемые события (выход на экраны дискуссионных фильмов, проведение культурных мероприятий, социальные протесты), становясь частью процесса конфликтования, наделяются новыми смыслами всеми сторонами противоборства. Наконец, в определенных ситуациях планируемые события могут переформатироваться под влиянием непредвиденных обстоятельств (так, марш протеста превратился в траурное мероприятие в связи с трагической гибелью Б. Немцова).

Основной причиной распространения практик event-менеджмента в данной сфере является переход от реактивного управления конфликтами к проактивному, в частности — к инициированию конфликтов, обуславливающему необходимость создания событий в узловые моменты процесса конфликтования. Такие события призваны направить развитие конфликта в рамках разработанного базового сценария. Важным аспектом событийности в конфликтах становится и наличие их медийной проекции. Для ее формирования важна не столько содержательная сторона события, сколько наличие определенного набора его характеристик, позволяющих в дальнейшем показать его в нужном контексте. Разворачивается борьба интерпретаций. К примеру, власть и оппозиция никогда не сходятся во мнении относительно численности участников массовых акций — одни стремятся его преувеличить, другие — преуменьшить, так как это важно для интерпретации. Кроме того, возникает эффект театрализации политико-конфликтных процессов, что усиливает стремление к их режиссуре, способствует переходу потенциальных политических активистов в число зрителей.

Пределы использования технологий event-менеджмента связаны с принципиальными характеристиками политических конфликтов. К ним относятся нелинейность развития, возможность включения в конфликт

новых противоречий и акторов, наличие множества субъектов управления и др. По мере развития конфликта усиливается влияние поливариантности его сценариев, изменяется эмоциональный фон, усложняется структура, нарастает плотность событий и т.д. В этих условиях контроль над событийной стороной конфликта неизбежно утрачивается. Возможность контролировать течение масштабного политического конфликта на этапе его эскалации по сути является иллюзией, опасной в том случае, когда ей подвержены представители политического руководства конфликтующих сторон.

В. С. Комаровский
Москва

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ: ВЫБОР МОДЕЛИ

1. Неравновесное, подвижное состояние современного мира, которое специалисты определяют как «бытие на разломе», поставило под сомнение многие традиции, обычаи, образ мыслей и действий, ценности и нормы — все то, что позволило человеку и обществу ориентироваться, объединяться, консолидироваться, идентифицировать, отождествлять себя с себе подобными (или выделять среди других). Все это пришло в движение, потеряло свою прежнюю устойчивость и определенность. Гигантские политические, социальные и информационные изменения, произошедшие на рубеже веков, заставили по-новому взглянуть и на многие проблемы и понятия, долгое время казавшиеся незыблемыми. К их числу, несомненно, относится и идентичность, ее содержание и роль в жизни общества, отдельного человека.

2. Суть проблемы состоит в том, что без четкого осознания смысла своей национально-государственной идентичности, миссии своего бытия в мире невозможно выстроить долгосрочную стратегию развития страны. С другой стороны, невозможно выработать «формулу» национально-государственной идентичности в директивно определяемые сроки. Это длительный, эволюционный процесс, и попытка его подстегнуть, «пришпорить» может привести к непредсказуемым результатам, впрочем, равно как и отсутствие желания (умения) запустить процесс идентификации. При этом чрезвычайно важен выбор механизма запуска процесса. Необходимо широкое обсуждение проблемы национально-государственной идентичности страны, поиска путей и средств ее формирования. К дискуссиям о ее сущности и содержании должны быть подключены все политические

силы, представители самых различных слоев и групп населения, исключая, может быть, только маргиналов.

Смыслообразующие для нации элементы идентификации должны быть предметом достигнутого консенсуса. Только это и может обеспечить реальное, а не ситуативное единство и стабильность общества и государства.

3. Исходный момент формирования национально-государственной идентичности — выбор модели идентификации. Варианты выбора: концепт «нация-государство» (политическая нация, гражданская нация — Ю. Хабермас, многонародная нация — И. Ильин, В. Тишков — применительно к России) или особая цивилизация (политическая цивилизация, скрепленная русским культурным кодом (В. В. Путин, 2012).

Исторически «воображаемое сообщество», коллективное «мы» России формировалось по модели как нации-государства, так и особой цивилизации. При этом имперская и национальная идентичности не только не конкурировали, но и дополняли друг друга. В разные периоды на передний план выходила то одна, то другая составляющая, что можно было наблюдать даже в короткий (по историческим меркам) постсоветский период. В настоящее время акцент сделан на цивилизационной составляющей идентификации исходя из того, что Россия — это государство-цивилизация, подобно Китаю и Индии. Она занимает особое положение между Европой и Азией, являясь не только промежуточным географическим пространством, но и политическим, социокультурным, органичным образом соединяющим в единое новые цельные элементы европейской и азиатской культуры, ценностей, политико-государственного и социального устройства.

4. Два главных вопроса к этому выбору: а) достаточно ли у России ресурсов для того, чтобы двигаться по своей собственной, отличной от других траектории, претворять в жизнь «особый путь развития» (не говоря уже о том, есть ли понимание, в чем конкретно состоит этот «особый путь»)? б) как эта цивилизация соотносится с европейской, учитывая, что Россия в большей части своей христианская, европейская страна?

Наш ответ на первый вопрос: выбор для России «особого пути» развития во многом проблематичен. Автору уже приходилось убеждаться в том, что Россия на данный момент не самодостаточна как отдельная цивилизация, что она не располагает набором необходимых ресурсов (экономических, духовных и др.), социальных технологий, позволяющих воплощать в жизнь модель «особого пути». Попытка реализовать «особый путь» натолкнется на целый ряд препятствий и рискованна по своей сути, что, однако, не снимает с повестки дня проблему особенностей российской цивилизации. Она особая в рамках общеевропейской цивилизации, как ее подвид. И в том формате (как утверждают некоторые авторы — только в том) она может состояться. Таков выбор вектора национально-государственной идентификации России.

Б. М. Кондорский
Донецк, Украина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА ДЛЯ АНАЛИЗА ВАЖНЕЙШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И СОБЫТИЙ

Каждое важное событие, каждое явление в истории человечества является частью, элементом системы, развернутой в пространстве и во времени. И для того чтобы понять, что мы имеем сегодня и что нас ждет завтра, нужно проанализировать все основные события данной системы, обусловленные действием ее объективных законов.

Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют революционный период (РП) как целостную систему в пространстве и во времени, имеющую свои законы. Конкретные революции — лишь проявление этих процессов. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий.

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основные группы: страны первой генерации (СПГ), страны второй генерации (СВГ) и страны третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Нидерланды, Англию, Францию, США. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции — Третьей республикой в 1871 г., в США — гражданской войной. К СВГ можно причислить большинство европейских стран (в частности, Германию, Италию, Австрию, Венгрию) и Японию, где РП начался в середине XIX в. и закончился с окончанием Второй мировой войны. К СТГ — России, балканские государства, Китай, Турцию, Иран, Индию, Мексику.

РП ограничился рамками XX в. В арабских странах РП начался после Второй мировой войны. События «Арабской весны» как раз и стали проявлением этих революционных процессов.

Окончание РП знаменуется установлением политической и экономической систем определенного типа, гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой данной страны. Например, в Турции, где РП закончился в 90-е годы, вышеперечисленные институты имеют исламскую составляющую, которая носит еще более выраженный характер в Иране. В собственно РП его законы несовместимы с демократией. Попытки либерализации в этот период обычно заканчивались установле-

нием диктатуры. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру.

В России РП пришелся в основном на годы советской власти. Соответственно сформировался «советский» архетип политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. Это закон, от которого никуда не денешься. К тому же данный архетип невозможно изменить волевым способом, не разрушив при этом государства. В Китае это поняли еще в 80–90-е годы, что и обусловило успешное развитие этой страны. Если к настоящему времени в политической сфере российское руководство это осознало, то в экономической — пока недостаточно. Здесь реально имеют место кризисные явления. Не последнюю роль в излишней чувствительности экономики страны по отношению к западным санкциям сыграло несоответствие надстройки базису в этой сфере.

Кстати, относительная легкость перехода к исходному состоянию в европейских странах социалистического лагеря (Польше, Венгрии, Чехословакии) была обусловлена тем, что архетипический «фундамент», сформировавшийся здесь к середине XX в., носил буржуазный характер. Интересная ситуация в свое время сложилась в Югославии. Если Хорватия и Словения (основные инициаторы распада федерации) ближе к СВГ, то Сербия — к СТГ. То есть здесь не только цивилизационный (конфессиональный) фактор сыграл свою роль в распаде страны.

На Украине ситуация оказалась намного сложнее. Сформировавшийся архетип «советского» типа был полностью проигнорирован, и образовавшийся «вакуум» стал заполняться различными элементами и институтами этнической системы. Вместо реального пространства, имеющего естественные законы, стало формироваться искусственное — иллюзорно-мифологического типа. Возник глубокий кризис национальной идентичности.

Только с окончанием РП страна становится субъектом геополитического пространства. Самое интересное, что СССР, став после войны «сверхдержавой», согласно законам РП (в котором он находился) не мог быть таковой. Для поддержания своего статуса Советскому Союзу приходилось тратить несоизмеримо большие ресурсы по сравнению со странами, где РП уже закончился.

Основной причиной международной напряженности в начале XXI в. явилось то, что целый ряд крупных государств (в первую очередь страны БРИКС, Турция и Иран), став субъектами геополитического пространства после окончания в них РП, естественно стали претендовать на свою «законную» зону влияния. Это вызвало не совсем положительную реакцию со стороны западных стран. Последние события на Украине следует рассматривать именно в этом разрезе.

КРЫМ КАК НОВЫЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ

Крупные инфраструктурные проекты, инициируемые в последние годы в различных частях России, не только способствовали закреплению соответствующих территорий во внутрироссийском информационном пространстве, но и стимулировали формирование новых механизмов развития и политической рефлексии относительно динамики региональной жизни. Особое место в развитии России сегодня стал играть Крым и соответствующие меры по обеспечению его самодостаточности и интеграции в российское политико-экономическое пространство.

Новые субъекты Российской Федерации (Республика Крым и город Севастополь) ожидаемым образом окажут влияние на развитие технологий и процедур государственного управления и политической системы страны. Уже первое решение по образованию нового Крымского федерального округа придало дополнительный импульс такому, казалось бы, утрачивающему значимость административному элементу, как федеральный округ. Главная функция его формирования в Крыму — обеспечение политической интеграции полуострова в Российскую Федерацию, включая гармонизацию конституционного законодательства, формирование в соответствии с ним региональных и местных органов власти, организацию представительства интересов новых субъектов на федеральном уровне.

Особую остроту сразу же обозначили вопросы социально-экономической интеграции Крыма. В первую очередь это уровень доходов — как региона в целом, так и живущего там населения. Кроме того, инфраструктурная зависимость от Украины, внешнее давление. Немаловажен и национальный вопрос: в информационном противодействии самоопределению Крыма зачастую использовалось обращение к фактору крымских татар, которых активно позиционировали как противников воссоединения с Россией.

Множащиеся риски требовали вовлечения фактически всей системы российской исполнительной власти, что обусловило, по сути, ее мини-реформу. Для интеграции и развития полуострова был определен курирующий вице-премьер и сформирована Государственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя, включающая руководителей и представителей практически всех министерств и ведомств. В Правительстве Российской Федерации было создано отдельное Министерство по делам Крыма. Ему за довольно короткий срок удалось разработать федеральную целевую программу «Со-

ПРОБЛЕМА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ДИСКУРСЕ КРАЙНЕ ПРАВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ СОВРЕМЕННЫХ ФРГ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В последние годы под влиянием экономического кризиса в еврозоне и увеличения важности проблемы выбора пути дальнейшего развития интеграционных процессов на европейском континенте в общественно-политической повестке дня, на политическом ландшафте многих стран Европейского союза возникли новые (или активизировались существовавшие) радикальные политические силы, которые выбрали евроинтеграцию в качестве одной из основных мишеней для критики. Как показали последние выборы в Европейский парламент, радикальные евроскептики способны добиваться результатов в самых различных странах Европы — от Германии до Греции.

Особенную обеспокоенность вызывает тот факт, что большую часть из таких политических сил, добившихся успеха за счет резкой позиции в отношении ЕС, можно причислить к праворадикальным и националистическим. Степень их радикальности весьма неоднородна и варьируется от откровенно экстремистских и неонацистских движений вроде греческой «Золотой зари» до популистских и использующих националистические лозунги, но вполне уважаемых современных партий (как «Альтернатива для Германии») и политических движений, а также ультраправых партий, находящихся в состоянии активной трансформации своего образа, риторики и идеологии, как, например, выигравшее выборы в Европарламент по Франции движение Марин Ле Пен. Однако очевиден тот факт, что на фоне экономических и социальных проблем, поляризации и радикализации мнений по вопросу дальнейшего развития интеграционных процессов использование крайних лозунгов в отношении европейской интеграции может стать тем ключом к легитимации крайне правого и шовинистического дискурса, который способен привести к росту популярности националистических лозунгов и ультраправой риторики в целом.

Дополнительную актуальность в исследование вносит процесс эволюции партийно-политических систем ФРГ и Великобритании. Партийный ландшафт в обеих странах долгое время характеризовался доминировани-

циально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» — она была утверждена уже в августе 2014 г.

Для оперативного преодоления возникающих трудностей на местах и оказания текущей поддержки Правительством России была утверждена схема закрепления всех 14 районов Крыма, городов Керчи и Севастополя за 16 российскими субъектами. Это позволило быстрее наладить горизонтальные связи, привлечь лучшие региональные практики, установить торгово-экономическую кооперацию Крыма внутри Российской Федерации.

Несмотря на активное провоцирование и нагнетание информационного напряжения по поводу этнической обстановки в Крыму, официальная Россия изначально вела взвешенную и сознательную политику, направленную на обеспечение межнационального согласия и интеграцию в единое российское общество всех жителей полуострова, вне зависимости от их этнической принадлежности. Прежде всего, российское гражданство было предоставлено абсолютно всем крымчанам, без каких бы то ни было цензов, что весьма либерально как в историческом контексте, так и в сравнении с существующими практиками современного глобального общества. Кроме того, особое внимание было уделено именно крымским татарам. В апреле 2014 г. был подписан Указ Президента о реабилитации крымско-татарского и других народов Крыма, пострадавших от репрессий. Тем самым были созданы правовые основания для специальных мер поддержки и защиты прав представителей пострадавших народов — то, чего так и не было сделано ни поздним Советским Союзом, ни независимой Украиной.

Кроме того, после вхождения Крыма в состав России в республике было установлено три государственных языка: русский, украинский и крымско-татарский. О статусе последнего за все годы даже речи не было — настолько высока была политизация языкового вопроса прежде. Однако не менее примечателен и новый статус украинского языка. Украинцы являются третьим по численности этносом Российской Федерации, и теперь их язык тоже получил свой официальный статус в России — символично, что произошло это именно в Крыму. По большому счету, важно отметить, что для рядовых украинцев никаких негативных изменений в связи с самоопределением Крыма не наступило и наступить не могло.

Никакие эмоции сегодня не создают для Крыма препятствий в реализации избранной модели развития — вне зависимости от того, какие внешние игроки посчитают возможным к этой модели подключиться. Россия, невзирая на изменчивость внешней среды и нараставшие риски, смогла в оперативном порядке решить текущие проблемы и создать предпосылки для долгосрочного развития полуострова — эти же механизмы можно будет масштабировать для поиска новых моделей решения застарелых проблем регионального развития в других частях Российской Федерации.

НАУКА И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ НАУКЕ О ПОЛИТИКЕ

Политическая наука как самостоятельная академическая дисциплина изначально, непосредственно с момента своего возникновения во второй половине XIX — начале XX в., содержала в себе две важнейшие, до сих пор не разрешенные проблемы, заложенные в самом ее названии: в каком смысле и насколько она является наукой и в каком смысле и насколько эта наука является политической. Наиболее ярко и последовательно эти две важнейшие проблемы проявлялись на протяжении всей истории современной американской политической науки. Определяя свою науку о политике как науку о демократии, американские политологи утверждали тем самым не только глубоко политическую сущность предмета своего научного исследования, но и политический характер такого исследования, ориентированного на развитие, совершенствование этого предмета — политики как демократии.

Однако, приняв за основу позитивистские требования объективности научного исследования и вооружившись принципом методологического индивидуализма, американские политологи, начиная с Чарльза Мерриама, определяют в качестве конкретного объекта изучения поведение «политического человека», который, как это становилось все более очевидным, не обладает мерой рациональности, сущностно необходимой для демократического гражданина. Такая ситуация была определена Дэвидом Риччи как «трагедия политической науки»¹ — такая наука о политике отрицает себя в качестве науки о демократии, а объективизм научности обнаруживает свою несовместимость с нормативизмом политического. Для выхода из этой трагической ситуации Чарльз Мерриам предлагал повышение роли политического образования граждан и даже использование евгеники². Гарольд Лассуэлл писал о необходимости защиты демократии от авторитарно-тоталитарных угроз посредством демократической пропаганды³, а Сеймур Липсет утверждал, что американская демократия, как она есть,

¹ См.: Ricci D. M. The Tragedy of Political Science. Politics, Scholarship, and Democracy. New Haven and L.: Yale Univ. Press, 1984.

² См.: Merriam Ch. E. New Aspects of Politics. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1925.

³ См.: Lasswell H. D. Democracy Through Public Opinion. Menasha, Wisconsin: George Banta Publishing Company, 1941.

ем двух центристских партий — левоцентристских (соответственно СДПГ и лейбористов), и правоцентристских (ХДС/ХСС и консерваторов) при эпизодическом успехе третьей силы в лице СвДП или Либеральных демократов. Такая система, сложившаяся в послевоенный период, по сути, оставалась неизменной в течение десятилетий. Однако начиная с 1990-х годов ФРГ отходит от так называемой двух с половиной партийной системы и движется в сторону многопартийности. Последние выборы в Великобритании, когда консерваторы и лейбористы в сумме набрали минимальное за послевоенные годы число голосов, показали, что и Соединенное Королевство, вероятно, встало на этот же путь трансформации партийно-политического спектра. Трансформация партийно-политической системы ФРГ и Великобритании в сторону большей многопартийности дает шанс альтернативным, в том числе и радикальным, политическим силам. Претерпевают определенную трансформацию идеологии и практики и сами праворадикальные партии в обеих странах. Например, более молодые и современные популистские партии «Альтернатива для Германии» и Партия независимости Соединенного Королевства выглядят успешнее и добиваются большего, чем их не вставшие на путь подлинной модернизации предшественники из НДПГ и БНП. Подобные изменения также заставляют нас более пристально вглядываться в риторику праворадикальных партий в поисках скрытых или замаскированных идеологических смыслов, а также признаков идеологической эволюции.

Целью доклада является изучение источников роста популярности ультраправых партий в Европе через сравнительный анализ дискурса по вопросу евроинтеграции праворадикальных партий двух ведущих стран ЕС.

Главным инструментом исследования является дискурсивный анализ, при использовании которого мы руководствовались методологией, разработанной в рамках критической теории дискурсивного анализа Н. Фэркло, а также отдельными элементами постструктуралистской теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. Дискурсивный анализ используется для выявления и сопоставления основных мировоззренческих установок праворадикальных и националистических партий ФРГ и Великобритании в отношении интеграционных процессов на европейском континенте, а также социально-политического контекста, в который погружены исследуемые дискурсы.

представляет собой «благое общество в действии», нуждающееся лишь в его обосновании и защите со стороны политической науки¹.

Таковая метаморфоза преобразования американской науки о политике из во многом прогрессистского явления в преобладающей степени охранительное состояние середины XX в. объясняется как вышеупомянутой «трагедией политической науки», так и внутри- и внешнеполитической ситуацией в США, в результате чего в ходе произошедшей в американской политической науке бихевиоральной революции в ней стало больше науки (в смысле резкого возрастания меры применения математических, статистических и формально-модельных методов исследования) и много меньше собственно политики, замененной здесь в качестве предмета изучения политической технологией².

При этом наряду с психологией и социологией, наиболее преуспевшими в деле повышения своего научного статуса социальными науками и ставшими модельными для политической науки, все большее влияние начинает оказывать на нее экономическая наука, что проявилось сначала в книге Джорджа Кэтлина «Наука и метод политики»³, а затем в книге Энтони Даунса «Экономическая теория демократии»⁴, во многом предопределившей влияние и популярность в американской политологии теории рационального выбора. Осознавая иррациональность природы человека, Герберт Саймон вводит понятие «ограниченная рациональность»⁵, которой обладает человек применительно к его конкретным, прежде всего материальным, интересам. Дальнейшую линию развития этой логики трактовки рациональности продолжает Уильям Райкер, предложивший в рамках своего гипотетико-дедуктивного метода концептуальное понятие «постулируемая рациональность» для оценки реального политического поведения как отклоняющегося или следующего этой постулируемой рациональности⁶. Такая логика интерпретации человека и, следовательно, человеческого общества со всей его историей, культурой, страстями и чаяниями как объекта, но не субъекта политики, что отрицает понимание политики как демократии, остается, несмотря на все протесты, доминирующей в современной американской политической науке вплоть до сегодняшнего дня.

¹ Lipset S. M. Political Man. Garden City, NY: Doubleday and Co., 1959. P. 439.

² См.: Crick B. The American Science of Politics. Its Origins and Conditions. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1967.

³ См.: Catlin G.E.G. The Science and Method of Politics. N.Y.: Alfred A. Knopf Inc., 1927.

⁴ См.: Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y.: Harper, 1957.

⁵ См.: Simon H. A. Models of Man: Social and Rational. N.Y.: John Wiley and Sons, Inc., 1957.

⁶ См.: Riker W. H. The Theory of Political Coalitions. New Haven: Yale Univ. Press, 1962.

А. И. Костин
Москва

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИРОВОЙ ПОРЯДОК В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Первые десятилетия XXI в. продемонстрировали, что мир начал радикально меняться. Распространение модели современной цивилизации по всему миру подрывает разрыв в могуществе и власти между центром и периферией. Ныне период централизованного глобализма подходит к концу. Подъем развивающихся экономик, и в особенности Китая, стал символом этого процесса. Итогом же станет завершение эпохи западной гегемонии, которая длилась со второй четверти XIX в. до первой четверти XXI в. Мир переходит от централизованного глобализма к децентрализованному глобализму. Доминировать в современном мире одной сверхдержаве или связанным с ней державам становится уже трудно. По мнению ряда специалистов, эта тенденция будет продолжена, и ядро системы будет расширяться и становиться менее западным. Децентрализованный глобализм создает основы для новых международных отношений, весьма отличных от глобального порядка «центр—периферия» двух прошлых столетий. Например, в мире децентрализованного глобализма, вероятно, будет несколько великих держав и много региональных держав, но не будет сверхдержав. Главный идеологический вопрос, определявший геополитику XX в., состоял в поиске альтернативы капитализму. Однако после краха государственного социализма и перехода Китая и России на путь рыночного развития коренной идеологический вопрос ближайших десятилетий может звучать иначе: «Какой тип капитализма обеспечит устойчивое процветание и как управлять отношениями между различными типами капиталистического управления?» Например, по особенностям управления выделяются четыре основных типа капитализма: либерально-демократический, социал-демократический, конкурентно-авторитарный и государственно-бюрократический¹.

В формирующемся децентрализованном мире главной движущей силой международных отношений являются противоречия между Севером и Югом, необходимость решать проблемы глобального экологического кризиса и характер взаимодействия между конкурирующими формами

¹ См.: Buzan B., Lawson G. Capitalism and the emergent world order // Intern. affairs. L., 2014. Vol. 90. No 1. P. 71–91.

капиталистического управления в условиях острой борьбы за геополитический передел мира. Весьма актуальным становится вопрос, сможет ли децентрализованный мировой порядок создать необходимый уровень глобального управления, чтобы решать глобальные и общие мировые проблемы.

Среди экспертов-международников и специалистов по проблемам глобальной политики весьма настойчиво ставится вопрос о пересмотре состава членов Совбеза ООН и других институтов с целью привлечения к глобальному управлению новых игроков. Основным аргументом в пользу приглашения таких стран, как Бразилия, Индия и ЮАР, к глобальному управлению является тот факт, что сегодня они гораздо более соответствуют требованиям, предъявляемым кандидатам, чем в тот период, когда органы мирового управления только создавались. Предоставление быстро развивающимся странам больших возможностей влияния на международной арене сделало бы всемирный порядок более представительным. Продолжение игнорирования растущей роли этих государств может привести к возникновению нового мирового порядка, обозначаемого некоторыми исследователями термином «мир без Запада»¹. Ими выделяются две основные категории стран: «Запад» и быстро развивающиеся страны. К «Западу» относятся страны (члены ОЭСР), характеризующиеся приверженностью демократии и рыночной экономике; к другой группе причисляют страны, обладающие крупной, развивающейся экономикой, — Китай, Индию, Россию, Бразилию и др.

Сейчас многие развивающиеся страны выбирают для себя различные модели контролируемого государством капитализма, что становится еще более актуальным в период экономического кризиса. Власть в этом зарождающемся мировом порядке имеет своим источником владение ресурсами (энергетическими, товарными, благоприятным географическим положением), а не только знание или другие нематериальные факторы производства. В результате торговые правила и нормы будут меняться и соответствовать возникающему порядку, который называют «ресурсным национализмом». Наиболее опасным вариантом развития событий является геополитическая дестабилизация мировой периферии как последствие экономического и в целом международного кризиса.

Кризис современной системы международных отношений проявляется и в кризисе института глобального лидерства. В начале XXI в. стало очевидным, что США, сохраняя значительную мощь и оставаясь центром притяжения для многих государств, не являются общепризнанным глобальным лидером, но сохраняют мировое первенство в военной и научно-

технической сферах, в экономике, массовой культуре. Но сегодня и Евро-союз в целом, и страны БРИКС пока не могут по объективным показателям претендовать на роль коллективного глобального лидера.

Нарастающая стратегическая неопределенность усложняет политический процесс, требует формирования инновационного политического лидерства. Субъекты, акторы и участники глобального политического процесса учатся действовать в изменяющихся и слабо предсказуемых обстоятельствах¹. Инновационное политическое лидерство предполагает, во-первых, формирование инновационного подхода, то есть внедрение новых способов мышления и действий в условиях отсутствия информации или непредсказуемости; во-вторых, необходимо формирование инновационной политической культуры лидеров в условиях, когда все политические ресурсы сокращены и стеснены. В условиях стратегической неопределенности глобальное политическое лидерство не может не быть инновационным.

А. П. Кочетков
Москва

УСИЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЕ В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАНИЯ КОНФРОНТАЦИИ С ЗАПАДОМ

Осложнение международной обстановки, усиление конфронтации России с США и их союзниками из-за Украины, введение Западом санкций против России обострили противоречия между основными группировками российской политической элиты, связанные с разным видением дальнейшего позиционирования России в мире и развитием ее взаимоотношений с ведущими западными странами.

Современную политическую элиту России условно можно разделить на три основные, достаточно широкие группы, в число которых не входит так называемая питерская команда, так как она представлена во всех трех группах.

Первая группа — «западники», видными представителями которой являются А. Чубайс, А. Кудрин, а также большинство руководителей финансово-экономического блока правительства (И. Шувалов, А. Дворкович, А. Силуанов, А. Улюкаев и др.). Эта группа практически полностью контролирует экономическую и финансовую политику страны и через

¹ A world without the West? Empirical patterns and theoretical implications // Chinese j. of intern. politics. Oxford, 2009. Vol. 2. No 4. P. 525–544.

¹ См.: Leadership and Global Governance. Tokyo, N.Y.: United Nations University, 1999.

МВФ тесно связана с мировой финансовой элитой. Ее лидеры не мыслят будущего России без тесного союза с Западом, который является для них образцом для подражания в реформировании страны. Отсюда они считают, что наша страна должна проводить политику в контексте интересов ведущих западных держав, особенно США. Роль России как младшего партнера Запада их вполне устраивает. Поэтому «западники» не стремятся к реальному возрождению былой финансово-экономической и военной мощи страны. В условиях усиления конфронтации с Западом практическая реализация политических установок данной группы объективно способствовала бы ослаблению России и росту нестабильности внутри страны.

Вторая группа — национально-государственная. Наиболее видные политические фигуры этой группы — С. Иванов, Н. Патрушев, С. Шойгу, С. Лавров, а также председатели обеих палат Федерального собрания РФ С. Нарышкин и В. Матвиенко. Они национально более ориентированы, поскольку считают, что Россия по совокупности всех факторов имеет полное право на самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, должна активно противодействовать различным угрозам ее национальной безопасности. Поэтому представители этой группы выступают за усиление экономического и военного потенциала России, за возрастание ее роли на международной арене.

Третья группа — региональные, в первую очередь национальные, элиты. Сегодня данная группа уже не стремится, как в конце 80-х годов прошлого века, к выходу из состава России, т.к. получает от федерального центра серьезную финансово-экономическую помощь. Вот почему ее представители готовы поддержать любую сильную власть в Москве. Теоретически они более склонны примкнуть к «национал-государственникам», поскольку политика «западников» угрожает повышением уровня нестабильности, но будут до конца бороться за привилегии и доступ к бюджетным средствам. В любом случае региональные элиты — это серьезный ресурс главы государства в создании системы сдержек и противовесов, в поддержании баланса между двумя первыми группами.

Сегодня «западники» в соответствии с интересами мировой финансовой элиты продолжают активно стимулировать вывод капитала за границу, размещение наших резервов в долларовых активах (при этом есть серьезные шансы не получить эти деньги назад), недостаточно активно проводят политику импортозамещения, фактически ничего не делают для модернизации российской экономики. При этом они не только продолжают оставаться у власти, но официально их политика даже не осуждается, так как ликвидация «либералов» нарушит баланс во властных структурах и поставит В. Путина в полную зависимость от «национал-государственников», что почти автоматически лишает его свободы действий. Кроме того, увольнение «западников» фактически означает резкое усиление антиамер-

риканской линии, приход к власти контрэлиты, открытое противостояние с США. Мы к этому явно не готовы, прежде всего экономически.

Проблемы Украины последнего года обострили противоречия между «западниками» и «национал-государственниками». Если раньше последние никакой позиции по отношению к внешнему миру не имели, в общем, соглашались на тот дискурс, который предлагали «западники», то теперь они хотят играть более значительную роль во внутренней и внешней политике страны, вернуть России статус великой державы. Если «национал-государственникам» удастся консолидироваться и выступить единой сплоченной группой, то они станут той правящей группировкой российской элиты, на которую президент будет не только опираться, но и с мнением которой он будет считаться в первоочередном порядке.

Е. В. Кочкина
Москва

ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА В СУБЪЕКТАХ РФ

Рост социально-экономической дифференциации регионов РФ сопровождается ухудшением финансовой устойчивости региональных бюджетов и в конечном счете ростом политических рисков управления региональным развитием.

Нами был выделен ряд показателей эффективности бюджетного федерализма и проанализированы доступные экономические данные (Ростстата, ЕМИССа, Министерства финансов РФ, Казначейства РФ, Счетной палаты, Госдумы, Минюста, научной литературы¹).

Основные экономические показатели социально-экономического неравенства по субъектам РФ за 2012–2013 гг. отличались в несколько раз: среднедушевые денежные доходы — в 6 раз, среднемесячная заработная плата — в 4–5 раз, стоимость жилищно-коммунальных услуг — в 7–8 раз, стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг — более чем в 2 раза. Разница в объеме ВРП на душу населения между максимальным и минимальным значениями за 2012 г. — 48 раз.

¹ Список из 130 источников приведен по: Кочкина Е. В. Реформирование межбюджетных отношений в целях устойчивого социально-экономического развития субъектов РФ. М.: АНО «Совет по вопросам управления и развития» — ИСЭПН РАН — ООО «Вариант», 2014.

При построении динамического ряда любого из перечисленных выше показателей должны учитываться «сглаживающие поправки», которые применяются на практике. Так, например, разрыв между максимальным (ХМАО, ЯНАО, Москва) и минимальным (Республика Ингушетия и Чеченская Республика) значениями бюджетной обеспеченности до распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности снижается, но в целом остается высоким: в 2010 г. — 38 раз, в 2013 г. — 29,5 раза, в 2014 г. (оценка) — 15 раз, в 2015 г. (прогноз) — 13 раз. Очевидно, что за период 2002–2015 гг. этот показатель вырос в 4 раза.

В среднесрочной перспективе состав группы из 10 наиболее экономически развитых регионов (Республики Башкортостан и Татарстан, Красноярский и Краснодарский края, Московская и Свердловская области, города Москва и Санкт-Петербург, ХМАО и ЯНАО), в которых проживает лишь 30% населения страны, формирующих 52% совокупного объема ВРП, останется почти неизменным.

Доля населения, проживающего в регионах с уровнем бюджетной обеспеченности ниже среднего, существенно не менялась в течение 2003–2009 гг. (снизилась с 50 до 46,2%), к 2014 г. Минфином РФ прогнозировался ее рост до 69% (98,6 млн человек).

Только 15 регионов в планах Министерства финансов РФ к федеральному бюджету 2015–2017 гг. имели бюджетную обеспеченность выше средней, условной «красной линии», остальные не дотягивают до уровня средней бюджетной обеспеченности даже и после перераспределения дотаций на бюджетную обеспеченность.

За период 2002–2015 гг. доля регионов, которые имели не более 70% требуемых средств бюджетной обеспеченности, удвоилась — она увеличилась с 25% в 2002 г. до 54% в кризисном 2008 г. и прогнозировалась на уровне 45% в 2015 г.

Доля населения страны, которая проживала последние 14 лет в регионах, которые не могли обеспечить всем гражданам минимальные социальные стандарты, выросла с 50 до 70% к 2014 г. и, очевидно, не будет уменьшаться в следующий трехлетний бюджетный цикл.

Дисбаланс системы бюджетного федерализма формировался по трем политическим векторам построения федерализма:

- централизация доходных полномочий в рамках общего вектора унитаризации российской модели неконкурентного федерализма;
- децентрализация расходных обязательств (передача несоразмерных мандатов на региональный уровень);
- целевая диффузия межбюджетных трансфертов (МБТ).

Эти проблемы российской модели бюджетного федерализма стали политически «опасными» к осени 2012 г. — когда долг регионов уже до-

стиг почти 1,3 трлн руб. к 01.08.2012, а социальные расходы на майские указы предполагали увеличение расходов еще на 2–2,3 трлн руб. ежегодно (10 трлн руб. на 2013–2016 гг.). Проблема бюджетного федерализма, очевидно, уже приобрела системный характер — рост долговой нагрузки регионов за период 2008–2014 гг. увеличился в 4 раза (с 0,5 трлн до 2 трлн руб.).

Поэтому для формирования экономически обоснованной социальной политики необходимо решение фундаментальных политических проблем бюджетного федерализма. А уже в рамках изменения политической модели российского федерализма следует искать и решение частных вопросов — например, источники обеспечения выполнения всех социальных целевых показателей майских указов Президента РФ потребуют изменения сложившихся параметров горизонтального и вертикального дисбаланса бюджетной системы РФ.

Очевидно, что разработка адекватных мер новой бюджетной стратегии возможна лишь через пересмотр понятий «минимальная бюджетная обеспеченность» и «минимальные социальные гарантии», которые являются ключевыми в политэкономии распределительных отношений.

*О. В. Красильникова
Набережные Челны*

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МИГРАНТОВ В ФРГ

Проблема политической адаптации мигрантов остается в центре внимания специалистов уже довольно продолжительное время. Однако развитие конфликтной ситуации на Украине и многосторонняя активизация политических сил как на Западе, так и на Востоке актуализируют рост внимания к русскоязычным мигрантам и обуславливают устойчивый интерес к тем социальным слоям и категориям граждан, которые являются обладателями электоральных и иных политических прав и соответственно имеют потенциальные и реальные шансы оказывать влияние на проводимую государством внешнюю и внутреннюю политику, участвовать в политических акциях, открыто выступать с собственными политическими программами и требованиями.

В фокусе нашего исследования оказались мигранты (граждане и неграждане), участвующие в политической жизни страны, а также демонстрирующие так называемые абсентеистские настроения, т.е. равнодушие и уклоняющееся поведение, проявляющиеся в отказе от участия в политической жизни принимающего общества.

Усиление политизации в странах, открытых для массовой миграции, неизбежно приводит в движение различные силы и способно возродить к жизни, казалось бы, вовсе нежизнеспособные и индифферентные группы общества. Современная политическая обстановка стала той самой питательной средой, в которой происходит рождение новых и реанимация прежних политических акторов, выдвижение их на политическую арену как действенных и влиятельных, способных защищать собственные интересы и отстаивать самостоятельную позицию. Например, в ходе опроса А. Шмидт, переехавший в Германию по программе для поздних переселенцев, сказал: «Сама Россия по ментальности до сих пор остается для многих русских немцев намного роднее, чем холодная Германия, однако сильно пугает коррупция и прочее, ей сопутствующее, что зачастую становится главным препятствием на пути к возвращению. Но в связи с событиями на Украине большая часть наших здесь людей (русских немцев. — *Примеч. авт.*) очень даже рьяно принялись отстаивать интересы России, а не желающей оевропеиться Украины».

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы выяснить, какими путями происходит политическая адаптация мигрантов, оказавшихся в ценностном отношении между традиционной политической культурой своей родины (собственными навыками, представлениями, установками патриархального и подданнического типа) и новыми политическими ценностями и моделями поведения.

Нами был проведен интернет-опрос немецких русскоязычных мигрантов (в работе мы их называем просто немецкими или германскими мигрантами). Опрос проводился на базе кафедры гуманитарных наук Набережночелнинского филиала Казанского (Приволжского) федерального университета. В результате были опрошены более 100 респондентов-мигрантов (46 мужчин и 55 женщин), переехавших в ФРГ в период с 90-х годов XX в. до 2015 г. В выборку попали как граждане ФРГ, так и переселенцы, сохранившие прежнее гражданство. На вопросы ответили мигранты, контактирующие в российской социальной сети «Одноклассники», которая отличается широким диапазоном пользователей разного возраста, русскоязычного сайта «Германия по-русски» (GERMANY.RU), а также родственники и знакомые респондентов, собранные методом «снежного кома».

Возраст участников опроса: моложе 30 лет — 11%, от 30 до 55 лет — 76%, старше 55 лет — 13%. Основная масса опрошенных родом из РФ, Казахстана и Украины, а также из Узбекистана, Эстонии, Белоруссии, Киргизии, Латвии, Азербайджана, Молдавии, Таджикистана. Некоторые респонденты переехали первоначально в Италию, США, Нидерланды, Португалию, Францию, Израиль, а потом переселились в Германию. Свыше $\frac{3}{4}$ респондентов проживает в Германии более 5 лет. Женщины — преимущественно городские: около половины приехали из столиц и больших городов; муж-

чины — зачастую из провинции, деревень. Сегодняшнее место жительства опрошенных — это крупные населенные пункты и провинциальные города.

В связи с тем что большинство исследователей обращались к мигрантам, компактно проживающим в лагерях для переселенцев, и на основании их ответов делали выводы, данный социологический замер имеет определенное преимущество. В нашу выборку попали не охваченные программами государственной социальной помощи респонденты, которые в силу различных причин не получали пособий и не учились на языковых курсах.

Для адекватного представления проблем адаптации русскоязычных мигрантов в ФРГ мы сравнили полученную статистику с результатами исследований российских мигрантов из бывшего СССР. Это позволило увидеть специфику проблем эмигрантов, переехавших в Германию.

Ю. А. Красин
Москва

ИМПЕРАТИВЫ КОНСОЛИДАЦИИ И ПЛЮРАЛИЗМ СОЗНАНИЯ

Консолидация — способность *homo sapiens* объединяться с себе подобными для решения общих задач — это атрибут человеческого общежития. Консолидация — наряду с расхождениями и конфликтами образует подоплеку человеческой истории. Ни одно значимое историческое свершение не происходило без того, чтобы некая критическая масса людей сплотилась для достижения важной для них цели. Благодаря способности к солидарным действиям человек выделился из животного мира. Возникла социальная основа деятельности людей. Общее дело объединило их и создало базу преемственности, выходящей за рамки индивидуальных биографий. Говоря словами Аристотеля, это позволило каждому человеку «возвышаться до бессмертия и делать все ради жизни, соответствующей наивысшему в самом себе»¹. Социализация индивидов в «общем деле» стала способом их единения в среде «со-бытия» (кооперации и соперничества).

На нынешней стадии развития консолидация человечества (в глобальном масштабе и на уровне отдельных стран, сообществ, региональных объединений) приобрела особую значимость, стала своего рода императивным требованием. По многим признакам цивилизация вступила в полосу «большого переформатирования». В ответ на беспрецедентные вызовы глобализации мира, на крутые изменения экономико-технологической и коммуникационной среды назревает переход к сознательному регули-

¹ Аристотель. Никомахова этика (1177в 31) // Соч. Т. 4. С. 283.

рованию социума, к «ноосфере», формируемой энергией знания и творчества. Социетальный переворот такой глубины и масштаба немислим без приоритета консолидации сил рода человеческого над конфликтами частного порядка.

Тема консолидации общества чрезвычайно актуальна для современной России, переживающей фундаментальную реформу, успех которой зависит от единства общества и способности конфликтующих сил к поиску согласия и конструктивным действиям. Этому препятствуют вековые и не столь отдаленные традиции конфронтационной политической культуры, заводящие развитие социума в вязкую колею противостояния «своих» и «чужих». Не в этом ли глубинные истоки зигзагов, застоев и непоследовательности российской реформации?

Можно ли достичь понимания необходимости консолидации общества перед вызовами современности (глобальными и национальными) при нынешнем плюрализме общественного сознания? Это — шекспировский вопрос: быть или не быть человеческой цивилизации. Современный социум многолик и многомерен. Спрессовываясь во взаимосвязанную целостность, он увеличивает свое многообразие. Это порождает специфику интересов положения разных социальных групп, классов и сообществ, а значит, и широкий диапазон различий в восприятии ими действительности. Плюрализм сознания — это данность, неизбежное следствие многообразия социума. Поэтому-то безнадежны любые попытки добиться сплочения общества путем устранения плюрализма и насаждения единомыслия.

Консолидация общества — не монолит гранита, а подвижная система поиска согласия по коренным вопросам бытия между разными субъектами социума. В непрестанном поиске баланса интересов и воззрений приходится учиться диалоговым формам взаимодействия: искусству преодоления барьеров между «своими» и «чужими», способам постижения логики «инаковости», культуре толерантности и компромиссов, технологиям медиации, умению «жить с конфликтами» (Р. Дарендорф). Современное общество и его сознание антиномичны. Теория и политика консолидации должны соответствовать этой реальности.

Глобальные возможности, риски и угрозы диктуют необходимость интеграции разделенного на сегменты общественного сознания в «планетарное сознание» человеческого рода при сохранении креативных богатств цивилизационно-культурного плюрализма. Решение этой задачи требует осознания инвариантности базовых ценностей человеческого сообщества, прежде всего их основополагающего постулата — человек есть высшая ценность. Как ни разнообразны интересы и воззрения людей, за ними всегда стоят потребности и запросы, инстинкты и потенции человека как такового. За различиями скрывается некий *общий знаменатель родового* свойства. В этом — основание для формирования метаидеологии, совме-

стимой с идеологическим плюрализмом. Поиск ценностных оснований, способных консолидировать человечество, — *sine qua non condition* выживания и развития глобального мира, живущего по принципу: «единство в многообразии».

Если гуманизм XV–XVI вв. заложил идейные основы освобождения личности, востребованного нарождавшимся индустриальным обществом, то миссия нового гуманизма сложнее. Она в том, чтобы найти более высокие стандарты свободы и креативности человека, отвечающие потребностям перехода цивилизации к инновационному типу развития. Новый гуманизм требует переосмысления этических основ политики. Для этого необходимы время и накопление опыта. Сегодня видны лишь первые проблески зарождающейся модели гуманистической политики. Они проявляются в сетевых социальных движениях, провозвестниках новых форм общения и новых смыслов общественной жизнедеятельности. Закладываются предпосылки для преодоления извечного отчуждения власти от общества, для несравненно более широкой и плодотворной консолидации социума.

Л. В. Кубанова
Черкесск

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЭТНИЧЕСКОГО МЕНЬШИНСТВА АБАЗИН В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время Карачаево-Черкесская республика позиционируется как один из самых спокойных и стабильных субъектов РФ в СКФО. Глава республики в своем докладе-послании Парламенту КЧР 9 апреля 2015 г. подчеркнул, что национальные общественные организации вносят свой весомый вклад в сохранение мира и согласия.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. одним из приоритетных направлений определено совершенствование взаимодействия государственных и муниципальных органов с институтами гражданского общества. На территории Карачаево-Черкесии зарегистрировано около 400 общественных и иных некоммерческих организаций. С наиболее активно функционирующими налажен контакт и осуществляется взаимодействие в виде организационной и иной помощи, оказывается грантовая поддержка на конкурсной основе.

Реалиями национально-культурного возрождения стали рост этнического самосознания, локальная идентификация этнических меньшинств,

активизация их движения к самоорганизации, создание национально-культурных сообществ. В КЧР авторитет лидеров общественных организаций национально-культурной направленности традиционно высок. Общественные организации воспринимаются народами республики как легитимные представительные органы, выражающие интересы каждого из народов и способные инициировать решение проблем. Их роль постоянно растет не только в культурно-образовательной, но и в общественно-политической жизни.

В последние годы усилилось взаимодействие лидеров общественных организаций друг с другом и с органами власти. Оценивая общий уровень взаимодействия с органами власти в решении социально-политических и межэтнических проблем в КЧР, лидеры общественных организаций поставили высокую оценку таким формам взаимодействия, как уровень контактов с органами власти, активное взаимодействие между собой, с авторитетными республиканскими лицами, общественными деятелями¹. Национальные общественные организации оперативно реагируют на все возникающие межэтнические и межконфессиональные проблемы: это встречи с конфликтующими сторонами, открытые обращения к конфликтующим через СМИ, участие в разного рода комиссиях и советах и т.д. В республике образован и действует Координационный совет национальных общественных организаций Карачаево-Черкесии.

Абазины — один из автохтонных малочисленных народов республики. В Карачаево-Черкесии активизировалась деятельность абазинских общественных объединений различной направленности. Это Совет старейшин абазинского народа, общественная организация «Абаза», общественное движение «Союз абазинских женщин», молодежная организация «Шарпны», Международное объединение содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара», общественная организация «Абазинская ассоциация по связям с соотечественниками за рубежом “Апсадгьыл”», общественная организация «Ассоциация общин абазинского народа “Анрашта”», Карачаево-Черкесская республиканская общественная организация Абазинский национальный культурный центр «Абаза».

В деятельности общественных организаций абазин наметилось усиление международного вектора. Подтверждением служит ряд недавно проведенных мероприятий. Так, в июле 2014 г. в республиканской столице было проведено масштабное мероприятие «Праздник культуры народа абаз», приуроченное ко дню Абхазского флага, главной целью которого являлись популяризация истории и культуры абазин, сплочение абазинского народа, единение абазин и абхазов. В марте 2015 г. в Черкесске прошел меж-

¹ По результатам социологических опросов, проведенных в КЧР в 2013 г. ИЭА РАН // Доклад о состоянии гражданского общества в Карачаево-Черкесской Республике и о деятельности Общественной палаты КЧР в 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.palata09.ru>.

дународный круглый стол «Абазины и абхазы: перспективы сохранения и развития языков и историко-культурное наследие» в рамках Соглашения о сотрудничестве между Академией наук Абхазии и автономной некоммерческой организацией «Международное объединение содействия развитию абазино-абхазского этноса “Алашара”». На нем обсуждались не только вопросы языка, но и проблемы демографии, национального самосознания, урбанизации и т.д. Итогом круглого стола стало избрание координационного совета и рабочей группы, которой поручено разработать программу мероприятий по изучению языков, истории и культуры абазин и абхазов на ближайшие три, пять и десять лет.

Участие в общественной и политической жизни этнического меньшинства способствует репрезентации его общественных интересов и национальных запросов, что, несомненно, оказывает влияние на этнополитическую ситуацию и требует постоянного внимания со стороны органов власти всех уровней.

Н. Ю. Кудеярова
Москва

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ МИГРАЦИЯ В США В ФОКУСЕ МЕЖПАРТИЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Миграционный процесс является одним из важных механизмов, расширяющих социокультурное многообразие общества. Однако и в полиэтничных обществах выработка политики в отношении регулирования миграции представляет собой серьезную задачу. Это можно увидеть на примере США, где численность испаноязычного населения в 2014 г. составляла 49 млн человек, или 15,6% общей численности¹. Эта группа сформировалась во второй половине XX в. в ходе массовой миграции из стран Латино-Карибской Америки (прежде всего из Мексики).

Испаноязычное население принято называть *латинос*, обращаясь к общему для них культурному коду латиноамериканской цивилизации. Данная группа является самой быстрорастущей в составе североамериканского населения, на молодежь в возрасте до 14 лет приходится 30% ее численности². Испаноязычная диаспора в целом находится в нижней части со-

¹ U.S. Census Bureau, Current Population Survey, Annual Social and Economic Supplement, 2012. Internet release date: December 2013. URL: <http://www.census.gov/population/hispanic/data>.

² Ibid.

циальной структуры по уровню образования, дохода, профессиональным позициям. В ответ на потребности стремительно увеличивавшегося меньшинства и его политическую активизацию в 1968 и 1974 гг. конгрессом США были приняты законы о двуязычном обучении, где его концепция трансформировалась от вспомогательных программ к изучению языка, культуры и исторического наследия различных меньшинств США. Однако ввиду постоянного притока новых мигрантов для *латинос* характерна высокая доля (35,7%) людей старше 25 лет с незаконченным средним (в российском аналоге) образованием¹.

Массовое присутствие латиноамериканцев в юго-западных штатах способствовало постепенному повышению статуса испанского языка. Так, в Калифорнии в 1973 г. установлено двуязычие, в Нью-Мексико испанский язык имеет равные права наряду с английским, а в Техасе государственные учреждения обязаны публиковать официальные документы на двух языках.

Закрепление статуса испанского языка на территории США не получило дальнейшего развития. Это выявило тревогу и опасения, с которыми воспринимается рост численности латиноамериканского населения в североамериканском обществе. Особенно ярко подобная озабоченность проявляется в дискуссии приверженцев крайне правой линии Республиканской партии, сравнивающих сохранение мигрантами цивилизационной идентичности и языка с «яростной культурной войной, в которой на протяжении уже двух поколений традиционные ценности терпят поражение»². Связывая обострение проблем безопасности и утрату основ идентичности с наплывом мигрантов, они настаивают на принятии жестких мер против этой угрозы. Однако решительным односторонним действиям препятствует в том числе и возрастающая электоральная роль *латинос*. В 2012 г. испаноязычные избиратели составляли 10,8% имеющих право голоса, на прошедших в тот год выборах президента 71% латиноамериканцев традиционно поддержали кандидата Демократической партии Б. Обаму³.

Противоречивый клубок проблем наиболее рельефно проявляется в подготовке реформы миграционного законодательства, направленной в первую очередь на нелегальных иммигрантов из Латинской Америки. В январе 2013 г. Б. Обама предпринял третью с начала века попытку проведения комплексной миграционной реформы. Его инициатива была перехвачена двухпартийной инициативной группой сенаторов, которые

подготовили и провели через конгресс свой вариант законопроекта. Однако, несмотря на приложенные усилия, все варианты реформы увязли в согласованиях в палате представителей. Обострили ситуацию и результаты выборов в конгресс в ноябре 2014 г., приведшие к фактическому контролю Республиканской партии над законодательным органом. Находясь в противостоянии с конгрессом, 21 ноября 2014 г. Б. Обама объявил о намерении реализовать программу миграционной реформы через президентские указы¹, что еще больше обострило противостояние между ветвями власти.

В итоге проблема миграции, обладающая высоким конфликтогенным потенциалом, становится инструментом ожесточенной политической борьбы между ветвями власти. Отсутствие консолидированного общественного и экспертного мнения по проблеме нелегальной миграции создает серьезные препятствия в выработке эффективной политики, направленной на решение проблемы, и обостряет социокультурные противоречия в местах наиболее концентрированного проживания меньшинства.

И. В. Кудряшова
Москва

АРАБСКОЕ ГОСУДАРСТВО ДО И ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Сначала массовых протестных выступлений на Арабском Востоке, получивших общее название «арабской весны», прошло уже немало времени, однако в научном сообществе по-прежнему нет единства в оценке этих и дальнейших событий. Доклад представляет прочтение арабских кризисов как кризисов политического развития.

События 2010–2012 гг. показали, что запрос на политические реформы в арабских обществах созрел, и в этом контексте «арабская весна» будет иметь долгосрочный политический эффект. Данные социологических опросов показывают, что большинство населения с одобрением относится к идеям и институтам демократии (правам человека, политическому плюрализму, разделению властей и др.) и понимает значимость политического участия. Распространению новых политико-культурных установок в первую очередь способствовало изменение социальной структуры арабских обществ под воздействием социально-экономических реформ и эффектов глобализации. Прямое «демократизаторское» давление и вмешательство Запада не было определяющим.

¹ Taking Action on Immigration. 21.11.2014. URL: <https://www.whitehouse.gov/issues/immigration>

¹ U.S. Census Bureau, Current Population Survey, Annual Social and Economic Supplement, 2012. Internet release date: December 2013. URL: <http://www.census.gov/population/hispanic/data>.

² Бьюкенен П. На краю гибели. М.: АСТ, 2007. С. 39.

³ Lopez M. H., Gonzalez-Barrera A. Inside the 2012 Latino Electorate. Washington: Pew Hispanic Center, 2013. P. 5.

Представления о демократии в арабском мире в большинстве своем далеки от либеральных. Поэтому при анализе происходящих режимных изменений уместен подход, который трактует демократию в минималистском ключе. Необходимо учитывать также, что особенности исламской традиции и очень высокая религиозность населения не позволяют исключить религию из публичного пространства. Во многих арабских странах исламские партии и организации выражают интересы и взгляды значительного числа верующих граждан, которые в той или иной степени полагают ислам неотъемлемой составляющей общественно-политической жизни. Эти партии вряд ли могут предопределить исход демократизации, но их политическое участие имеет существенное значение для развития самого этого процесса. Исламские партии не могут не воспринимать и не отражать в своей деятельности изменений в арабском социуме.

Арабская «волна демократизации» практически везде, за исключением Туниса, не смогла подняться прежде всего из-за слабости современных политических институтов (парламентов, партий, выборов) там, где они функционировали. Авторитарные лидеры не стремились придать им ценность и эффективность, занимаясь имитацией политической конкуренции и неформальными сделками. Не приобретя общественной ценности, эти институты не смогли стать инфраструктурой для регулирования разразившегося кризиса. Общий невысокий, за рядом исключений, уровень эффективности государственного управления в сочетании с коррупцией стал дополнительным фактором долговременной дестабилизации.

Огромное влияние на протекание реформ оказывает превалирование партикулярных идентичностей над общегражданской. Секторальные расколы, во многом обусловленные особенностями создания независимых арабских государств, затрудняют поиск политических компромиссов и создают возможности для вмешательства в политический процесс заинтересованных региональных и внерегиональных акторов.

В современных условиях арабские недемократические режимы, чтобы поддерживать стабильность, должны не имитировать деятельность публичных институтов, а насыщать ее реальным содержанием, а также повышать уровень административного управления. Это означает в том числе и ограничение властных полномочий правящих элит, но в ином случае демократические «порывы» могут разрушить само государство. В зоне наиболее высокого риска оказываются прежде всего республиканские системы с неконкурентной политической сферой, поскольку легитимность власти в них заведомо ниже, чем в монархиях. Примером новых вызовов может служить усиление «Исламского государства» — возрожденной при ослаблении формирующегося национального государства досовременной формы организации мусульманского социума.

ИНВЕРСИИ ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Война всегда сопутствовала эволюции человечества и всегда вызывала у людей противоречивые чувства: от энтузиазма до страха и отвращения. Она создавала цивилизации и разрушала их, принося в жертву Молоху войны миллионы жизней. В наше гуманистическое время во всем мире продолжают идти локальные войны, столь же жестокие, как и во времена варварства. Впервые тема соблюдения норм морали и справедливости на войне была привнесена в мир христианскими мыслителями — Августином Блаженным, Фомой Аквинским и др.; хотя рассуждения на тему этической стороны войны встречаются и у древних греков; тогда же сложились основные принципы теории справедливой войны, известные и сегодня. Это принцип правого дела — у государства, чтобы начать войну, должны быть достаточные основания, и принцип легитимной власти — только облеченные властью лица могут начать войну. В настоящее время обобщенно принципы теории справедливой войны выражены в разграничении принципов справедливости вступления в войну (*jus ad bellum*) и справедливости ведения войны (*jus in bellum*). Согласно ст. 51 Устава ООН под справедливой понимается война, основания для которой дает имеющееся у государств «неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону»¹.

Универсальные представления, заложенные в классической теории справедливой войны, в современном мире, основанном на существующем больше трех столетий Вестфальском порядке, претерпели определенную инверсию. Одной из причин этой трансформации стало то, что позиции политических элит Западной Европы, Соединенных Штатов Америки, России и Китая по поводу моральных проблем войны и военного вмешательства во внутренние дела суверенных государств значительно варьируются.

К примеру, западные страны и США обвиняют Иран, Сирию и другие страны в нарушении принципов международного порядка, поддержке терроризма, обосновывая этим свое право на внешнее вторжение. Получила реальное воплощение в военных действиях против некоторых стран доктрина американской администрации о превентивной войне, что свидетельствует об отходе от политики сдерживания, основанной на принци-

¹ Устав ООН (Сан-Франциско, 26.06.1945). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.gumer.info/bibliotek_buks/polit/article/ustav_oon.php.

РОССИЯ, США И КИТАЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ, АМЕРИКАНСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

пах Вестфальской системы. Эта доктрина допускает нарушение суверенитета других стран. Ее сторонники считают, что Вестфальская система не работает, так как создавалась в те времена, когда не было еще понимания легитимности власти. Если государство является слабым, если им плохо управляют, то это подрывает суверенитет и говорит о нелегитимности такой политической системы.

Как пишет Ф. Фукуяма, с точки зрения некоторых аналитиков, государственный суверенитет в таких странах, как Сомали и Афганистан, где власть попала в руки боевиков, является фикцией¹. «В этих условиях внешние силы, действующие на основе принципов соблюдения прав человека и демократической легитимности, не только имели право, но и были обязаны вмешаться. Гуманитарная интервенция 90-х годов привела к тому, что международная имперская власть де-факто распространилась на всю «слаборазвитую» часть мира. Эту интервенцию часто возглавляла американская военная сила...»². Другими словами, война против «слабых» государств является справедливой.

Теория «справедливого» насилия была идеологически оформлена в концепции «гуманитарного вмешательства», или «гуманитарной интервенции», в сфере международной миротворческой деятельности. Но грань между миротворческими операциями и силовыми принудительными акциями становится все более условной.

Концепт «гуманитарное вмешательство» обосновывался тем, что государства с нестабильной политической системой могут представлять угрозу для остального мира: как правило, на их территории находят прибежище террористы, которые могут овладеть оружием массового уничтожения. Именно «гуманитарной» была оболочка бомбежек Ирака, Югославии, Сирии.

В современном мире все чаще звучит оправдание насилия, что говорит об отходе от моральных оценок войны. И террорист, и миротворец в равной степени прибегают к моральному оправданию своего насилия. Расстрелявшие редакцию французской газеты «Шарли Эбдо» террористы заявляли себя защитниками ислама. Соединенные Штаты Америки объявляют себя борцами за всеобщую свободу и демократию, ведя военные действия в странах, где насильственным путем насаждается демократия. Моральное оправдание насилия выглядит одинаково значимо и для тех, и для других.

«Гуманитарная интервенция» в контексте теории справедливой войны становится идеологическим обоснованием и оправданием любого военного вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Морально оправдывая войну, «гуманитарное вмешательство» возрождает практику крестовых походов, но уже под лозунгом защиты прав человека и гуманизма.

¹ Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 164.

² Там же. С. 165.

В докладе представлены результаты проведенного в 2014 г. при участии сотрудников Благовещенского государственного педагогического университета и при поддержке Института Конфуция исследовательского проекта «Россия, США и Китай в современном мире: взаимные представления российской, американской и китайской молодежи» (далее — Проект).

В ходе реализации Проекта посредством обращения к методам социологических исследований были получены данные о существующих в настоящее время на уровне массового сознания молодежи России, США и Китая представлениях относительно места, роли и политики России, США и Китая в современных международных отношениях.

В качестве участников опроса были привлечены студенты 1–5 курсов российского (Благовещенский государственный педагогический университет), американского (Государственный университет Бемиджи) и китайского (Хэйхэский университет) вузов. В качестве отдельной категории респондентов выступили китайские студенты, проходящие обучение в Благовещенском государственном педагогическом университете. Также к опросу были привлечены студенты ряда вузов Северо-Востока Китая (Хэйлунцзянский университет и др.).

В подавляющем большинстве возраст респондентов — от 17 до 25 лет.

Выборка составила: по российским студентам — около 100 человек, по американским — около 150 человек, по китайским студентам, проходящим обучение в Китае, — около 100 человек, по китайским студентам, проходящим обучение в России, — 75 человек. Всего, таким образом, было опрошено более 400 человек.

Вопросные листы, составленные на русском, английском и китайском языках, было включено по 43 вопроса (закрытых и открытых).

Результаты, полученные в ходе опроса, проведенного среди студентов — российских, американских, китайских, проходящих обучение как в Китае, так и в России, — очень хорошо коррелируются с данными, полученными в результате проведенных в течение 2014 г. в России, США и Китае опросов общественного мнения на общенациональном уровне.

Очевидно, что группы представителей российской, американской и китайской молодежи, выступая в качестве составной части российского, американского и китайского обществ в целом, являются носителями взглядов, которые во многих своих составляющих аналогичны взглядам среднестатистических россиян, американцев и китайцев.

Выявленные (по состоянию на середину 2014 г.) данные о существующих в настоящее время на уровне массового сознания молодежи России, США и Китая представлениях относительно места, роли и политики России, США и Китая в современных международных отношениях, в том числе в контексте развития ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, позволили сформировать картину взглядов, присущих представителям российской, американской и китайской молодежи.

Самые существенные моменты заключаются в следующем.

Первое. Различные по своему характеру взгляды в отношении России, США и Китая. У российских студентов — преобладание негативных взглядов по отношению к США и позитивных взглядов по отношению к Китаю. У американских студентов — преобладание негативных взглядов по отношению к России и позитивных взглядов по отношению к Китаю. У китайских студентов — преобладание позитивных взглядов по отношению к России и негативных взглядов в отношении США. Важно подчеркнуть, что среди российских студентов (в большей степени) и среди китайских студентов (в меньшей степени) довольно существенное распространение получил антиамериканизм. Однако в основном он связан с критическим отношением к внешнеполитическому курсу США.

Второе. Образы России, США и Китая, существующие на уровне массового сознания, складываются под воздействием текущей ситуации в мировой политике и экономике и во многом зависят от состояния двусторонних отношений. Безусловно, беспрецедентным в том, что касается состояния массового сознания, оказалось воздействие событий, связанных с украинским кризисом и его отдельными составляющими («Евромайдан», крымский кризис, кризис на юго-востоке Украины), а также других событий, которые имели место в сфере международных отношений на протяжении 2014 г. Кроме того, большое влияние на процесс формирования этих образов оказывают сложившиеся в российском, американском и китайском обществах стереотипы, часть которых относится еще к эпохе холодной войны. Уровень стереотипизации мышления у российских, американских и китайских студентов различен, однако, на наш взгляд, в гораздо большей степени стереотипы проникли в массовое сознание второй категории респондентов. Об этом, в частности, может свидетельствовать то, что, согласно полученным результатам, очень часто американские студенты демонстрируют представления о зарубежных государствах, сформировавшиеся несколько десятилетий назад. Нередко встречается также мак-

симальное, насколько это возможно, упрощение этих представлений, что только усиливает схематичность взглядов.

Третье. Среди российских, американских и китайских студентов существует определенное (исходя из степени благоприятного и неблагоприятного отношения) ранжирование стран мира, а также выявление группы государств, несущих (в силу целого ряда причин, в том числе исторических), по мнению респондентов, наибольшую угрозу России, США и Китаю, а также миру на Земле. Для российских студентов — это США. Для американских студентов — это КНДР. Для китайских студентов — это Япония.

Четвертое. Среди российских, американских и китайских студентов преобладает достаточно оптимистичная оценка будущего Китая: респонденты полагают, что в XXI столетии именно Китайская Народная Республика будет выступать в качестве ведущего игрока на международной арене, что во многом опирается на те успехи, которые к настоящему времени достигнуты Китаем в плане развития экономики. Уровень этого оптимизма различен. В наибольшей степени оптимистические взгляды по поводу будущего Китая по вполне понятным причинам характерны для китайских студентов. Однако важно подчеркнуть, что для значительной части опрошенных присуще признание за Китаем безусловных успехов, связанных в первую очередь с социально-экономическим развитием страны в последние десятилетия, что позволяет говорить им о блестящих перспективах Китая. С другой стороны, различной является оценка последствий укрепления позиций КНР в мировой политике и экономике, ее усиления в экономическом и военном планах.

Пятое. Среди российских, американских и китайских студентов была выявлена многогранная картина, касающаяся их представлений о России, США и Китае, об отличиях россиян, американцев и китайцев, о положительных и отрицательных чертах характера россиян, американцев, китайцев. Ассоциативные ряды, которые были представлены респондентами, отличаются существенным разнообразием. Существенно, что данные представления отражают также отношение респондентов к России, США и Китаю, а в представленных характеристиках получают свое подтверждение как позитивные, так и негативные позиции, сформулированные в отношении России, США и Китая в ответах на предыдущие вопросы.

Подчеркнем, что значительные различия между взглядами китайских студентов, проходящих обучение в Китае, и китайских студентов, проходящих обучение в России, как правило, отсутствуют, однако в отдельных случаях можно говорить о некоторых характерных чертах и особенностях этих взглядов, отличающих указанные две категории респондентов друг от друга, что, в частности, продемонстрировали полученные в ходе опроса результаты. Представляется, что на взгляды китайской молодежи, представители которой обучаются в российском вузе, определенное влияние

оказывает фактор, связанный с длительным периодом обучения в России, что предполагает фактическое «погружение» в российскую среду и, как следствие, определенное влияние на взгляды респондентов по целому ряду проблем.

В результате проведенного исследования были выявлены определенные проблемы взаимовосприятия представителями российской, американской и китайской молодежи. Наиболее значительные из них — стереотипизация, схематичность, упрощенность картины мира, что имеет своим следствием складывание соответствующих представлений друг о друге. Представляется, что происходит это не только из-за особенностей человеческого мышления вообще, как правило, стремящегося упростить картину мира, но и с учетом воздействия средств массовой информации (СМИ), влияние которых на представителей молодого поколения весьма существенно, в том числе с учетом бурного развития информационного общества.

А. М. Кузьмина
Санкт-Петербург

КОНТРАКТНЫЙ ВЫБОР КАК МЕХАНИЗМ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Интерес к феномену публичной политики как общественно-политической проблеме в отечественной науке возникает в конце 80 — начале 90-х годов XX в. На Западе подобный интерес обозначился еще в первой половине XX в. и оказал существенное влияние на развитие отечественных представлений об институциональном становлении феномена публичной политики. Понятие «публичная политика» появляется в западной общественно-политической мысли, «дабы оценить реальные достижения правительств в обеспечении нужд граждан»¹ и подтолкнуть их к участию в политическом процессе. Публичность в переводе с латинского *publicus* рассматривается как «государственный», «общинный», «публичный», «общественный». В этой трансляции «публичное» противопоставляется «частному», «приватному». Именно дихотомия «публичное — частное/приватное», по нашему мнению, раскрывает смысл термина «публичность».

Мы придерживаемся определения публичной политики как общественной. Данная трактовка подчеркивает «включенность», непосредственное участие граждан в решении значимых проблем, разработку и предложение общественными структурами вариантов общественного развития

¹ *Беляева Н. Ю.* Публичная политика в России: сопротивление среды // ПОЛИС (Политические исследования). 2007. № 1. С. 30.

или, по крайней мере, их легитимацию посредством общественного контракта и санкционирования. Основой развития публичной политики, по нашему мнению, является артикуляция и защита общественных интересов и заключение конвенции по общезначимым вопросам в процессе контрактного выбора различных акторов публичной сферы. В этой связи гарантом публичной политики являются институты гражданского участия, а также процессы «обратной связи», обеспечивающие контроль граждан или институциональных структур гражданского общества над процессом принятия и реализации конкретных государственных решений. Таким образом, публичное санкционирование выработанных в системе публичной политики решений возможно при контрактном выборе. «Контрактное» начало в системе публичной политики предполагает, что правящая в государстве группа (органы власти, бюрократия и проч.) не может в одностороннем порядке пересматривать согласованные институциональные нормы и «правила игры», преследуя свой интерес.

В применении концепции контрактного выбора к анализу механизма формирования публичной политики полагаем, что степень публичности будет зависеть от возможности и поддержания участия самого общества в процессе разработки данной политики и его собственной ответственности за данное участие. Именно общественное, гражданское участие представляет собой определяющий атрибут контрактного выбора. И если перефразировать классика институциональной теории Д. Норта, то наличие свободных граждан, способных вступать в контрактные отношения друг с другом и с другими общественно-политическими акторами в пространстве публичной политики, является важным показателем, определяющим публичный характер политики.

Контрактный выбор представляет собой механизм институционального формирования публичной политики. Сам по себе контрактный выбор представляет собой точку институциональной стабилизации взаимодействия акторов в пространстве публичной политики. Как отмечает Б. Шаванс, «основой существования организаций и социально-экономической системы в целом остается противоречивое соглашение по поводу правил»¹. Механизм контрактного выбора реализуется через согласие акторов публичной политики с «правилами игры» по поводу ее формирования. Кроме того, для реализации механизма контрактного выбора необходимо, чтобы произошли следующие действия: были установлены основные принципы взаимодействия акторов в пространстве публичной политики, институционально закреплена возможность участия граждан и структур гражданского общества в процессе формирования публичной политики и основные

¹ *Шаванс Б.* Типы и уровни правил в организациях, институтах и системах // Вопросы экономики. 2003. № 6. С.21.

«правила игры» данного участия, определен гарант соблюдения «правил игры» в формировании публичной политики, установлен общественный контроль за выполнением полномочий гаранта. «Выгодность стабильных «правил игры» создает основу заключения между равными индивидами договора о разграничении прав... их взаимном признании и выборе агента, выступающего от их имени в защиту установленных прав и разрешающего возникающие конфликты»¹. В качестве агента соблюдения «правил игры» в формировании публичной политики может выступать государство, которое посредством контрактного начала во взаимодействии с акторами публичной политики производит или перераспределяет общественные блага.

Таким образом, механизм контрактного выбора в системе публичной политики раскрывает смысл договорных основ институционального формирования публичной политики. Через оценку основных параметров механизма контрактного выбора можно выявить основные принципы взаимодействия акторов публичной политики, оценить эффективность аллокации ресурсов в сфере публичной политики и степень трансакционных издержек в процессе взаимодействия акторов публичной политики между собой. Важно, что реализация механизма контрактного выбора в пространстве публичной политики детерминирует степень «публичности» политики как таковой.

*Е. С. Куква
Майкоп*

СОСТОЯНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Для выявления особенностей идентификационных процессов в среде молодежи Северного Кавказа проведено эмпирическое исследование ($N = 640$, которым были охвачены молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет — представители 6 регионов. Это республики: Адыгея, Кабардино-Балкария, Чечня, края — Краснодарский и Ставропольский и Ростовская область). Идентификационные процессы региона обладают следующими ключевыми характеристиками.

1. Высокий уровень этнической солидаризации. В целом весь массив опрошенных молодых людей демонстрирует наиболее значимую ориента-

¹ Общественно-договорные механизмы формирования социально-экономических моделей рыночной экономики. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 16.

цию на этническую идентичность, что продолжает отличать исследуемый регион от общероссийского контекста. Однако в актуализированном состоянии с близкими значениями находятся локальные идентичности (общность с городским, сельским сообществом, земляками), идентификации по интересам (общность с людьми тех же взглядов на жизнь). Российская идентичность уступает по популярности названным предпочтениям, но значимо востребованна.

2. Эмоциональное восприятие национальной (гражданской) идентичности в целом позитивно у молодежи и складывается из чувства гордости за страну, достоинства, сопричастности. Однако оно более слабо выражено у молодежи в республиках (кроме Адыгеи), где количество испытывающих чувство отстраненности и отчуждения, обиды и унижения от ощущения того, что они россияне, приближается к 20% (наибольшее количество — в Кабардино-Балкарии).

3. Отмечена тенденция низкой востребованности солидаризации с какими бы то ни было группами. Этим подтверждается положение об индивидуализации и атомизации нынешнего молодого поколения и общества в целом. Исследователи отмечают, что «в современную молодежную среду входит модель индивидуалистического утилитарного сознания, общество формирует социально активную и даже прагматически успешную, но при этом морально индифферентную личность»¹. В наибольшей степени эту тенденцию продемонстрировала молодежь Чечни. Среди них самое большое количество людей, не ощущающих близости с большинством предложенных общностей.

4. Однотипных иерархий идентичностей не было получено в исследованных регионах ни по одному этносу. Указанная гетерогенность идентификационного пространства Северного Кавказа позволяет не согласиться с исследователями, подчеркивающими конкурирующий характер этнической и национальной идентичностей в регионе и отмечающими противостояние локальных характеристик идентичности общероссийским². Ранговые распределения идентичностей продемонстрировали такой тип самоорганизации в среде молодежи, при котором все базовые составляющие российской идентичности находятся в отношениях сложности и нелинейности: этническая, региональная (северокавказская и республиканская/краевая/областная), космополитичная и религиозная формы идентичности.

Целью анализа явилось выявление в этих идентификационных процессах консолидационного потенциала. Для этого необходимо обнаруже-

¹ Фомченкова Г. А. Трансформация ценностных ориентаций молодежи: межпоколенческое сопоставление // Власть. 2012. № 12. С. 123.

² Авксентьев В. А., Аксенов Б. В. Портфель идентичностей молодежи юга России в условиях цивилизационного выбора // Социс. 2010. № 12. С. 18–27.

ние тех точек, где стягиваются различные «ветвящиеся» идентификационные структуры, — так называемых параметров порядка. В них содержится значительный ресурс упорядочения, т.е. возможность контролируемого, управляемого развития. Установлено, что параметрами порядка идентификационного пространства молодежи полиэтничного региона имеют возможность стать: а) *этноконфессиональная идентичность* (чеченская молодежь демонстрирует наивысшую по региону солидаризацию с людьми своего вероисповедания); б) в Кабардино-Балкарии на примере кабардинской молодежи была обнаружена значительная актуализация *локальной идентичности* — северокавказского регионального уровня, что в принципе не характерно для других исследованных этносов. Усиление значения малой родины, работа с направлением этого уровня в необходимое для целей консолидации русло должна также интегрировать молодежь республики и транслировать ее консолидационный ресурс на общенациональный уровень.

Данное исследование отражает уровень процессов самоорганизации в идентификационном пространстве региона. Его сложность и нелинейность есть ответ на социальную нестабильность, в результате чего молодежью конструируются собственные модели социокультурного пространства. В таких условиях одним из нежелательных эффектов, наблюдаемых в этой подсистеме, становится эффект «негативной консолидации» (участие в националистических организациях, криминальных сообществах). Преодолению этих тенденций может способствовать осознание необходимости интеграции, консолидации и самоорганизации в преодолении коллективных и индивидуальных проблем молодежи.

А. С. Куклина
Нижний Новгород

ВЛИЯНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА 2014 Г. НА РОССИЙСКО-ИСПАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Сотрудничество в настоящем времени России и Испании основано на сферах энергетики, строительства, транспорта, туризма и спорта. Туристическое взаимодействие двух стран привело к возможности покупки недвижимости в Испании гражданами России. Целые города, расположенные на побережье Коста Брава (Лорет де Мар, Каллелья) и в Андалусии (Бенальмадена, Марбелья), приветливо воспринимают русскую речь.

Поставленная задача рассмотрения негативных последствий украинского кризиса на испано-российские отношения анализировалась по источникам средств массовой информации, записям выступлений поли-

тических лидеров Испании, личным опросам населения Андалусии (автор в июне — августе 2014 г. проживала в провинции Малага, муниципалитет Бенальмадена).

Мирный план урегулирования конфликта Компартии Украины полностью поддерживают объединенные левые Испании, небезосновательно считая, что Евросоюз не представляет глобальность зарождающихся на Украине проблем (из заявления секретаря Компартии Испании Хосе Луис Сентелья). Генсек Компартии Испании подчеркнул, что испанские коммунисты не останутся в стороне и помогут в восстановлении мира в Украине (в Мадриде 9 сентября 2014 г. Петр Симоненко в национальном парламенте встретился с лидером Коммунистической партии Испании).

Хосе Игнасио Карбахаль (посол Испании в России) 16 апреля 2014 г. в интервью Ольге Головановой (редакция внешней политики «Интерфакса») отметил неизменность культурного сотрудничества Испании с Россией — и в ожидании летнего периода неприязненные отношения ЕС к России не отразятся на открытии курортов для российских граждан.

И тем не менее на курортах Андалусии, Валенсии и Каталонии уже не так часто слышалась русская речь. Доброжелательное отношение испанцев и каталонцев неизменно было так же радушно, но более сдержанно, а после трагедии с «Боингом» стало слегка настороженным (если не сказать, что интерес и внимательность сменились опасливой осмотрительностью — по личным наблюдениям автора).

Не последнюю роль в данном факте сыграла роль информационных источников — киоски с прессой в городах Испании в середине лета 2014 г. были заполнены газетами, содержащими обличающие Россию статьи. На первой полосе немецкой *Bild* от 21 июля 2014 г. В. В. Путин на фоне трупов в пластиковых мешках: «Когда наконец мир остановит Путина?» — восклицают Меркель, Кэмерон и Олланд.

Испанские СМИ, прислушиваясь к мнению лидеров Европейского союза, практически копировали западную прессу, но все-таки были более сдержанны в характеристике Президента России. *EL PAIS* 20 июля 2014 г. лишь рекомендует Путину «усмирить пророссийских мятежников, чтобы дать возможность исследовать место катастрофы» («*Occidente exige a Putin que presione a los rebeldes prorrusos para que faciliten la investigacion*» — исп.). «*Las autoridades de Kiev acusan a los rebeldes de destruir evidencias*» (Киевские власти обвиняют повстанцев в уничтожении доказательств) — та же *EL PAIS* повторяет мнение киевских властей, осторожно уклоняясь от собственных характеристик ситуации.

Шесть полос андалусской *EL MUNDO* посвящены украинской проблеме. И тоже сдержанно отмечается, что «*Obama responsabiliza a Putin*» (Обама обвиняет Путина). «*Acusa a Moscu de asesorar y no controlar a los rebeldes / La embajadora de EEUU en la ONU asegura que el misil fue lanzado desde la zona*

prorrusa». Москве советуют перестать контролировать мятежников, а посол США в ООН говорит, что ракета была запущена с пророссийской территории. Таким образом, мудрый взгляд андалусцев больше передает отношение Америки и Запада к украинской проблеме.

Обещание посла Хосе Игнасио Карбахала упростить и увеличить возможность получения россиянами пятилетних и семилетних виз, сделанное в апреле, осталось под вопросом. Он же отмечает, что сложность получения виз жителями Крыма все-таки существует.

Экономические связи Испании и России по вопросам нефти и газа остаются на том же уровне, хотя Испания 50% газа получает из Африки через Марокко. Тем не менее «Роснефть» и «Газпром» направили свои делегации в Испанию для открытия и продолжения сотрудничества.

Посол не склонен проводить параллели между ситуацией в Крыму и в испанских регионах, но тем не менее каталонские наблюдатели присутствовали на референдуме в Крыму и достаточно вдохновились опытом перехода Крымского полуострова под юрисдикцию России. Однако 14 октября 2014 г. правительство Каталонии приняло решение отменить референдум о независимости от Испании, поскольку «голосование не может быть проведено по причине отсутствия правовых гарантий». Выход из состава страны — члена ЕС для Каталонии не самый разумный политический ход.

Россия и Испания определили для себя привлекательные стороны двустороннего сотрудничества и вот уже больше 20 лет активно их развивают.

А. Н. Кулик
Москва

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ГИБКИЙ БАЛАНС МЕЖДУ СВОБОДОЙ И РАВЕНСТВОМ

Справедливость считается одним из высших принципов взаимоотношений между людьми в обществе. Но причастность этого понятия к различным сферам человеческой деятельности, включая политику, делает его аксиоматичным, т.е. исходно самоочевидным, и одновременно многозначным. Такие *сущностно оспариваемые* понятия принципиально ориентированы на постоянное генерирование новых смыслов, определяемых развертыванием политического дискурса¹.

¹ Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. С. 22, 319.

Понятие *справедливость* является центром понятийного поля организованных вокруг него взаимосвязанных понятий. Сюда входят понятия морально-этической категории, такие как *правда, правильность, правда*, по отношению к которым *справедливость* носит значение соответствия им. Но в этом же поле *справедливость* выступает и как представление о должном, о правилах сосуществования индивидов в социуме. Английское слово *justice* (от лат. *iustitia*) переводится на русский и как *справедливость*, и как *право, законность, правосудие*.

Право выполняет функцию регулятора общественных отношений в социально-экономической и политической сферах, а государство поддерживает социальный *порядок*, обеспечивающий соблюдение *справедливости*, как она зафиксирована в правоустанавливающих актах. Поддержание социального *порядка* является самой древней функцией государства.

Когда возникают проблемы с поддержанием порядка, угрожающие жизни и благополучию людей, его значимость в массовом сознании выходит на первый план. На протяжении всей истории авторитарные правители использовали страх людей перед беспорядком для оправдания захвата власти. В 1991 г. ГКЧП в обращении к гражданам оправдывал государственный переворот тем, что «Страна погружается в пучину насилия и беззакония»¹. В 2007 г. в России в пользу *порядка* высказались 58% опрошенных, тогда как за *справедливость* — 49%².

Право кодифицирует доминирующие в обществе представления о справедливости в отношениях людей между собой и с государством. Представления меняются по мере перемен в жизни общества, и положительное право, которое отстает от жизни, должно следовать за ними через изменение законодательства. В настоящее время в приоритете справедливости над законом убеждены 40% россиян, еще 26% затруднились с ответом. Этот конфликт между *справедливостью* и *правом* связан, как считают исследователи ИС РАН, с тем, что законы и их применение не отражают представления граждан о справедливости. Население готово жить в соответствии с «правилами игры», которые установит государство, но они должны соответствовать его представлениям о справедливости и быть универсальными — равенство всех перед законом уже несколько лет остается главным признаком демократии для подавляющего большинства³.

Великая французская революция, провозгласившая создание справедливого общества, проходила под девизом «*Свобода, равенство, братство*».

¹ Обращение к советскому народу. 18 08 1991 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://souz.info/library/other/gkchp/gkchpobr.htm>.

² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://top.rbc.ru/society/28/03/2007/99594.shtml>.

³ О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. С. 69.

Однако отношение между *равенством и свободой* имплицитно содержит в себе конфликт ценностей, выходящий на поверхность в проводимой государством политике *справедливости*.

Политическое равенство по формуле *каждый гражданин на выборах имеет один и только один голос* не исчерпывает представлений о равенстве. Благодаря положению, связям, богатству одни граждане обладают большим, чем другие, влиянием на принятие решений. Президент госкомпании «Роснефть» И. Сечин с годовой зарплатой порядка 50 млн долл. (по разным источникам), очевидно, имеет больше возможностей влиять на формирование социально-экономической политики государства, чем среднестатистический гражданин с зарплатой 21 268 руб. в месяц (на апрель 2013 г.), чьи интересы затрагивают принимаемые властью решения¹.

Достичь реального равенства можно двумя путями: обеспечением *равных возможностей* или обеспечением *равных результатов*. *Равенство возможностей* означает, что каждый имеет только одинаковые шансы преуспеть в жизни. *Справедливая* политика должна гарантировать *гражданские свободы и гражданские права*. Теоретики с более либеральными взглядами настаивают на том, что *справедливой* является политика, гарантирующая *социальные права* — адекватное здравоохранение, качественное образование, достойные жилищные условия, а также *экономические* — постоянную занятость, гарантированный уровень дохода, что требует проведения политики перераспределения богатства и статусов в несравнимо больших масштабах².

В России доходы самых бедных и самых богатых различаются в 16–17 раз, и разрыв продолжает увеличиваться. Директор ИЭ РАН Р. Гринберг отмечает, что «как только децильный коэффициент достигает 10, в стране появляются условия для социальных беспорядков»³.

Государство способствует уменьшению имущественного неравенства перераспределением доходов в пользу малоимущих через различные механизмы, включая систему налогообложения. Практические все развитые страны используют прогрессивную шкалу подоходного налога, а во многих действует принцип «сверхдоходы облагаются сверхналогами».

В России, несмотря на пропасть имущественного неравенства, с 2001 г. действует единая для всех шкала налогообложения — 13%. В 2011 г. на одного опрошенного, полагавшего, что российское общество устроено справедливо, приходилось шестеро считавших его несправедливым⁴. Ощущение несправедливости становится хроническим⁵.

¹ В представлении россиян о справедливости доход специалиста высокой квалификации или руководителя должен превышать средний доход по стране в 4,7 раза.

² Janda K. The Challenge of Democracy. Boston: Houghton Mifflin, 2007. С. 324–325.

³ Гараненко А. Страшно богатые // Известия. 2007. 9 окт.

⁴ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/d114709>.

⁵ О чем мечтают ... С. 64.

Однако политика утверждения социального *равенства* неизбежно входит в конфликт с ценностью *личной свободы*. Забирая у одних, чтобы отдавать другим, государство создает выигравших и проигравших. Как выразился один из пользователей социальных сетей Рунета, *отбирать у тех, кто хочет и умеет работать, и отдавать тем, кто не умеет и не хочет, — где же здесь справедливость?*

Необходимый компромисс в обеспечении *справедливости* достигается через *социальную солидарность*, понятие, которое в девизе Великой французской революции фигурировало как *братство*. Каждое государство по своему устанавливает и меняет границы этого компромисса при поддержании порядка, руководствуясь динамикой доминирующих в обществе ценностных представлений о *равенстве, свободе и справедливости* (или же какими-то своими мотивами).

Л. М. Куракина
Сызрань

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ФАКТОРАМ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (по материалам сравнительного исследования)

С каждым годом мы все дальше отходим от самой памятной даты XX в. — 9 мая 1945 г. Но с каждым годом мы все с большей степенью осознаем величие этой даты. Для большинства нашего народа это символ торжества русского духа, его несокрушимости, мужества, героизма. Гордость за эту победу долгое время воспринималась как некая данность, которую не нужно было никому доказывать, специально формировать и воспитывать. Но меняются поколения, почти не остается семей, в которых ветераны той войны могли бы поведать о далеких героических событиях. Снижается эмоциональный и идейно-гражданский пафос военной героики. В этих условиях все с большей настойчивостью предпринимаются попытки фальсифицировать историю Второй мировой войны, изменить акценты, представить наши завоевания менее значимыми по сравнению с вкладом союзнических войск. Делаются также попытки исказить суть народного героизма, представляя его вынужденным и бессмысленным.

Все это свидетельствует о том, что война еще не закончилась, она изменила лишь формы, стала идеологической, информационной, а значит, скрытой и более изощренной. В этих условиях далеко не только историки

должны изучать войну, в не меньшей степени в исследовании ее причин, проявлений и последствий должны принять участие представители всего обществоведческого сообщества. В предпринятом нами исследовании основной целью стало социологическое изучение отношения современных молодых россиян к факторам победы в Великой Отечественной войне. Эмпирической базой исследования явились три социологических опроса, проведенных среди студенческой молодежи г. Сызрани в 2005 г. ($n = 304$), 2010 г. ($n = 365$) и 2015 г. ($n = 311$).

Как показывают наши опросы, победа в Великой Отечественной войне воспринимается современной российской молодежью как «самое значимое для нашей страны событие в истории XX века», вызывающее наибольшую гордость за страну (2005 г. — 73,6%; 2010 г. — 75,8%; 2015 г. — 82,4%).

Оценка факторов победы в Великой Отечественной войне является показателем, с одной стороны, степени и глубины информированности современной студенческой молодежи об исторических событиях своей страны, а с другой — эмоционально-оценочного восприятия национальной истории и государства в целом. Долгое время в нашей стране в качестве причин победы повторялись одни и те же формулировки: незыблемая дружба народов, руководящая роль КПСС, несокрушимая мощь социалистической экономики и советского оружия, патриотизм советского народа и т.д. В последующем «маятник» в оценке факторов победы качнулся в обратную сторону. Стали делать упор на количественное соотношение, на ведение войны «большой кровью» и вынужденный героизм. Лишь в последнее время делаются попытки показать всю сложность и противоречивость событий Великой Отечественной войны.

Изучение восприятия молодыми россиянами факторов победы в Великой Отечественной войне на основе проведенных нами исследований показало совпадение основных позиций при определенном изменении их иерархичности. Несмотря на то что вопрос был открытым и ответы к нему не предлагались, подавляющее большинство опрошенных студентов были единодушны, назвав в числе основных причин победы факторы, характеризующие социально-духовные качества людей: патриотизм, веру в победу, сплоченность, боевой дух, героизм, мужество. В общей сложности эти качества вошли в первую пятерку факторов во всех трех исследованиях.

Вторую группу составили организационные факторы, связанные с успешным руководством страной, талантом и мудростью советских полководцев. Но по степени значимости в отношении этих факторов отмечаются значительные различия (5-е место в 2005 г., 2-е место в 2010 г., 1-е место в 2015 г.). Существенно изменилась оценка роли Сталина: из 16 выделенных позиций 8-е место в 2005 г., 10-е место в 2010 г., 14-е место в 2015 г. К третьей группе факторов можно отнести: хорошее вооружение, помощь тыла, объединение усилий всего народа. Сравнительный анализ

показал, что информационно-идеологическое воздействие «враждебных» политических сил, усилившееся в последние годы, имело свои негативные последствия. Это отразилось на повышении значимости в субъективном восприятии современной студенческой молодежи таких факторов, как «перевес в численности» (с 2,4% в 2005 г. до 13,4% в 2015 г.), «зима, суровые условия» (с 2,0% в 2005 г. до 11,7% в 2015 г.).

И все же в сознании большинства представителей региональной студенческой молодежи патриотизм, героизм, способность к самопожертвованию воспринимаются как наиболее значимые свойства, присущие русскому народу, как основа «национального характера». Но для того чтобы патриотизм стал не просто предметом гордости, а «национальной идеей» настоящих и будущих поколений, основой консолидации и единства народа, нужно свято беречь память о прошлых победах и конкретными делами проявлять истинную любовь к своей Родине.

Д. Д. Курносов
Санкт-Петербург

ПРАВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Наряду с исламским экстремизмом и североирландским сектантским терроризмом правый экстремизм рассматривается как одна из основных угроз национальной безопасности в рамках британского политического дискурса. В настоящем докладе рассматриваются как интерпретации этого явления политическим классом, так и конкретные меры по противодействию постулируемой угрозе.

Понимание феномена правого экстремизма среди британского политического класса отличается изрядной свободой формулировок и отсутствием четко выраженных критериев «опасности», что оказывает непосредственное воздействие на формирование законодательства и практику его применения. В качестве «экстремистов» могут рассматриваться как те индивиды и группы, которые пропагандируют и прямо применяют насилие в своих практиках, так и те, которые действуют исключительно в поле публичной политики.

В отличие от целого ряда стран континентальной Европы в Великобритании фактически отсутствует правовая база для прямого запрета общественно-политических организаций. Сложившаяся в английском праве точка зрения основывается на том, что эффект от такой меры будет

в основном формальным и не окажет практического воздействия на деятельность организации. Тем не менее в отношении «правоэкстремистских элементов» используется широкий арсенал административных, полицейских и юридических мер, существенно ограничивающих свободу их деятельности.

В целом можно утверждать, что, несмотря на тенденции развития международного права, британское видение «воинствующей демократии» основывается скорее на политических, нежели юридических мерах. Тем не менее власти пошли на целый ряд мер, прямо или косвенно ограничивающих права праворадикальных партий и их членов или призванных способствовать их делегитимации в глазах общества. Однако эти меры не образуют сколько-нибудь четкой правовой доктрины (как, например, в ФРГ), а носят по преимуществу ситуативный и дискреционный характер.

А. М. Кучинов
Москва

РЕФЛЕКСИЯ И ПОДРАЖАНИЕ В ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ: НА ПУТИ К ЭМПИРИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Актуальность исследования дилеммы рефлексии и подражания в политике вызвана необходимостью развивать гражданское общество, участие, конкуренцию проектов и решений.

Некоторые исследователи недавно заговорили не о «рациональном», а об «означенном» (*meaningful*, лучше — отрефлексированном)¹ выборе как идеале, так как рациональные начала не являются единственным идеалом для человеческого поведения и поставить людей только на них невозможно. Так, мы говорим не о «рациональном выборе», а о рефлексии, без которой невозможна политика как конкуренция проектов и решений².

Одновременно роль подражания весьма велика в природе человека и политике. Оно снижает уровень рефлексии, препятствует качественному политическому действию, конкуренции проектов и решений; является почвой для таких явлений, как толпа и масса в негативном смысле.

¹ Archer M. S. The reflexive imperative in late modernity. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 87–124.

² См.: Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2013.

Проблема заключается в *возможностях эмпирически исследовать меру соотношения рефлексии и подражания* в гражданском и политическом: люди участвуют, либо понимая свои действия, либо чтобы «быть как все». От этого зависят качество и результативность любых начинаний.

Общедоступного эмпирического материала по этой проблеме значительно меньше, чем по многим другим. Из имеющихся *опросов* наиболее подходящими оказываются относящиеся к мотивации людей для участия в политике и соблюдения норм, возможно исследование закрытыми альтернативными вопросами, есть опросы об ответственности¹, конформизме². Однако результаты по смежным вопросам дают лишь ориентировочную цифру для нашей проблемы, показатели мотивации и ответственности — лишь *приближение*³ для значения рефлексивности. Проблему нехватки данных *опросов* можно решить путем составления специальных анкет, но опрос — дорогой для исследователей метод.

Если сейчас рассмотреть результаты опроса ОСПИ-2009⁴, сложить отдельно — осознанные случаи мотивации участия в политике (кроме предполагающих конформизм), отдельно — затрудняющихся с ответом и конформистские ответы, то соотношение означенных и неозначенных случаев будет приблизительно 66:34.

М. С. Арчер — автор *опросника о типах рефлексивности ICONF*⁵, мы провели первые этапы работ по русскому переводу и адаптации к *дистантной диагностике* по этой методологии. С помощью ICONI мы исследовали студентов МГУ.

Методы анализа текстов и дискурса оказываются для этой проблемы намного дешевле опросов и предполагают возможность дистантного исследования. Анализ позиционирования акторов⁶ позволяет определить, насколько действие было предопределено человеческой рефлексивной во-

¹ См.: Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С. В. Патрушева. С. 28, 163, 278–302, 210–211; Представления россиян об обществе / Левада-Центр. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/category/rubrikator-oprosov/gosudarstvo-i-obshchestvo/predstavleniya-rossiyan-ob-obshchestve>.

² См.: Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010. С. 76–83.

³ Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование: Введение в количественные методы: Учеб. пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2012. С. 17.

⁴ Гражданское и политическое в российских общественных практиках.

⁵ См.: The research report / Economic and Social Research Council: Shaping Society. Mode of access: <http://www.esrc.ac.uk/my-esrc/grants/RES-000-23-0349/outputs/Download/be3d5f49-fcdc-41ab-945c-660508deb390>.

⁶ См.: van Leeuwen T. Language and representation: the recontextualisation of participants, activities and reactions [PhD Doctorate]. Sydney: Univ. of Sydney, Dep. of Linguistics, 2007. URL: <http://prijipati.library.usyd.edu.au/handle/2123/1615>; van Leeuwen T. The representation of social actors // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. L., N.Y.: Routledge, 2003. P. 32–70.

лей (*agency*) или же внешними объективными условиями (*structure*), в том числе при подражании. Так, мы изучали студентов МГУ и предпринимателей. Оказывается, что к рефлексии больше способны студенты из общеуниверситетского органа самоуправления, далее — из протестных новых общественных движений, факультетских органов самоуправления, самый низкий уровень у организаций культмасса, где более сильна роль подражания. Среди предпринимателей больше рефлексивности у успешных предпринимателей молодого поколения, меньше — у неуспешных молодых и успешных предпринимателей советского поколения.

На данный момент рано говорить о норме и отклонениях от нее, так как проведено мало измерений; однако за счет этого тема оказывается весьма перспективной.

М. Л. Лагутина
Санкт-Петербург

ГЛОБАЛЬНАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В XXI В.: К МИРУ РЕГИОНОВ?

1. Одной из ведущих тенденций современного развития является трансформация пространственных координат мировой политики, изменение геополитического ландшафта мировой системы XXI в. в результате двух процессов — глобализации и регионализации. Несмотря на различную природу данных двух процессов, в научном дискурсе начала XXI в. появилось новое понятие — *глобальная регионализация*, или «*регионализация 2.0.*», где локальное и глобальное сосуществуют в качестве не взаимоисключающих процессов, а, скорее, взаимодополняющих друг друга.

2. В рамках процессов глобальной регионализации интеграционные взаимосвязи также подвергаются качественной трансформации. В этой связи важно принять во внимание *идею смены поколений форм региональной интеграции*. Фактически на смену территориально-государственному принципу интеграционного объединения приходит принцип пространственной взаимосвязи в глобальном масштабе. В XXI в. наблюдается трансформация классической формы территориальной интеграции государств (в форме международных регионов), руководствовавшихся исключительно национальными интересами, в глобально-региональную интеграцию основных акторов мировой политики и экономики, где на первый план выходят уже надгосударственные (наднациональные) интересы. Часть управленческих функций переходит на наднациональный и транснациональный уровни. В этом контексте важно отметить, что процесс регионализации в условиях глобализации включает в себя серьезную «неформальную

компоненту», а именно структуры гражданского общества, социальных институтов, бизнеса. Другими словами, в случае глобальной регионализации важен процесс интеграции «снизу», важна транснационализация межгосударственных отношений.

3. Начало второго десятилетия XXI в. отмечено большим динамизмом в реализации глобальных проектов интеграционной направленности в различных регионах мира. Многозначность региональных трансформаций находит отражение в появлении наднациональных структур, развитии принципа трансграничности и стремлении создать многовекторные основания для интеграции. Указанные тенденции находят свое воплощение в появлении новых мирополитических феноменов — *глобальных регионов*, под которыми понимаются структурированные пространства, основными характеристиками которых являются как традиционные факторы (исторический, цивилизационный и культурный), так и новые факторы эпохи постмодерна (сетевой, коммуникационный, виртуальный и т.д.). В качестве базовых характеристик феномена «глобальный регион» представляется возможным выделить: наличие общих пространств; многоуровневое управление; наднациональную природу; наличие транснациональных сетей.

4. В условиях XXI в. многие эксперты-политологи склоняются к мнению, что «в эпоху глобализации национальные государства могут быть заменены «регионами-государствами», либо регионами бывших стран (микрорегионы), либо блоками стран (макрорегионы)». В результате структурными элементами мировой политической системы XXI в. становятся не национальные государства, а «глобальные регионы», а мировая система XXI в. будет определяться как «*система глобальных регионов*», или «*региональный мировой порядок*»¹. Формируется мировая политическая система, структуру которой будут составлять институционально оформленные глобальные регионы (например, Европейский союз, НАФТА, АТЭС и др.).

Кроме того, представляется возможным выделить следующие типы глобальных регионов: регион-государство (например, ЕС и Меркосур), регион-экономика (например, АТЭС), регион-цивилизация (например, Большой Ближний Восток).

5. Формирование глобальных регионов находится на начальном этапе, однако представляется возможным назвать уже существующие модели глобальной регионализации: модель европейская (Европейский союз — ЕС) и модель азиатская (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество — АТЭС). ЕС можно рассматривать как классическую форму интеграции (поэтапного расширения и развития), тогда как интеграционные структуры на пространстве АТР не имеют столь жесткой институционализа-

¹ Acharya A. Regional Worlds in a Post-Hegemonic Era. Bordeaux: Spirit Working Papers, 2009. P. 7.

ции, как ЕС, и стремятся развивать принцип «открытого регионализма». Кроме того, сегодня идет формирование нового глобального региона — евразийского (Евразийский экономический союз). Создатели Евразийского союза ориентируются главным образом на модель Европейского союза (как структурно, так и концептуально), однако следует принимать во внимание, что евразийское интеграционное пространство имеет ряд принципиальных отличительных черт и особенностей.

Д. А. Ланко
Санкт-Петербург

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В политологической литературе по проблематике международных отношений понятие «региональный подход» используется в двух значениях. Во-первых, это региональный подход как направление международных исследований. Исследователи, работающие в рамках данного направления, выбирают в качестве объекта своих исследований международные отношения в отдельном регионе мира: в Европе или в Азии, на Ближнем Востоке или в Африке, в Северной или Латинской Америке и т.п. Во-вторых, это региональный подход как разновидность «двойных стандартов», т.е. практика использования различных (неодинаковых) критериев при оценке схожих событий, происходящих в разных регионах мира. Те или иные действия, предпринимаясь, например, европейской страной, в практике внешней политики другой европейской страны оцениваются как «анти-террористическая операция», в то время как аналогичные действия, предпринимаясь ближневосточной страной, оцениваются как «война против собственного народа». В данном докладе демонстрируется взаимосвязь между двумя явлениями мира политического, обозначаемыми одним и тем же понятием — «региональный подход».

Э. Саид в своем фундаментальном труде, спровоцировавшем жесткую полемику среди исследователей, работающих в проблемных полях самых разных научных дисциплин, включая и политологию, свидетельством чего стало посмертное переиздание этой работы в 2014 г.¹, выделил три взаимно влияющих друг на друга явления, обозначаемых в западной литературе понятием «ориентализм». Во-первых, ориентализм — это междисциплинарная область научного знания, объединенная общим объектом иссле-

дования — Востоком, в том числе историю и языки, общество и культуру стран и народов Востока, а также политику на Востоке, включая и международные отношения. Во-вторых, ориентализм — это распространенный на Западе образ мышления, основывающийся на представлениях о существовании фундаментальных различий между Востоком и Западом, проявляющийся на Западе в культуре, в общественном мнении, в доминирующих политических оценках и т.п. В-третьих, ориентализм — это то, что сам Э. Саид определял через введенное М. Фуко понятие дискурса¹, само существование которого оправдывает в представлениях элит и населения стран Запада доминирование последнего по отношению к Востоку, включая и использование «двойных стандартов» в отношении стран, относимых к региону Востока.

Ориентализм представляет собой, таким образом, частный случай регионального подхода, являясь одновременно направлением научных исследований, популярным на Западе, и практикой внешней политики, характерной для государств Запада. Например, Д. А. Ланко демонстрирует, что для 43-го Президента США Дж. Буша-младшего были характерны представления о допустимости принятия необдуманных, рискованных внешнеполитических решений в отношении других стран Запада, но не в отношении стран Ближнего Востока, где, как неоднократно за годы своего президентства отмечал сам Дж. Буш-младший, «выше ставки».² Ориентализм не является единственным случаем регионального подхода. Так, значимостью для России обладает так называемая советология, которая является одновременно направлением научных исследований, реализуемым в трудах таких исследователей, как, например, Р. Саква³, и внешнеполитической практикой, оправдывающей использование администрациями США «двойных стандартов» применительно к России.

Влияние «советологии», популярного в США направления научных исследований, на соответствующую американскую внешнеполитическую практику обуславливается по крайней мере тем, что исследователи, работающие в рамках «советологического» направления, занимают должности в администрации США, позволяющие им оказывать существенное влияние на внешнюю политику. В качестве примера можно назвать К. Райс, автора научных трудов по отношениям СССР и Чехословакии в годы холодной войны⁴, советника по национальной безопасности и, позднее,

¹ Foucault M. *The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language*. N.Y.: Knopf, 2012.

² Ланко Д. А. *Влияние регионального подхода на внешнюю политику (на примере России и США в 2000–2008 годах)*. СПб.: СПбГУ, 2014.

³ Sakwa R. *Russian Politics and Society*. L.: Routledge, 1996.

⁴ Rice C. *The Soviet Union and the Czechoslovak Army, 1948–1983: Uncertain Allegiance*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1984.

¹ Said E. *Orientalism*. N.Y.: Knopf, 2014.

Государственного секретаря США в администрации Дж. Буша-младшего. Сравнительный анализ двух этих случаев — ориентализма и советологии — позволяет сделать обобщенный вывод о существовании взаимосвязи между региональным подходом как направлением научного поиска, сосредоточивающим внимание исследователей на конкретном регионе мира, и региональным подходом как практикой внешней политики государства, в котором данное научное направление приобретает популярность.

С. А. Ланцов
Санкт-Петербург

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ИДЕОЛОГИИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Идеология украинского национализма сформировалась в начале XX в. в рамках украинского национального движения, развивавшегося на территориях тогдашних Российской и Австро-Венгерской империй, населенных этническими украинцами. Уже тогда сложилась мифологизированная и фальсифицированная версия происхождения украинского этноса и истории Украины. Эта версия, а также некоторые другие элементы идеологии украинского национализма сохранились на всех последующих этапах его истории. Накануне Первой мировой войны сложилось направление «формального национализма». Сторонники этого направления готовы были поддержать любую социально-политическую программу, лишь бы она способствовала достижению национальных целей — собственной государственности с единой нацией и общепризнанным литературным языком. Но само украинское движение накануне Первой мировой войны еще не стало массовым и включало в себя узкий круг националистически настроенной интеллигенции.

Огромное воздействие на судьбы украинского национального движения и украинского национализма оказали Первая мировая война и русская революция. Хотя само украинское движение во время гражданской войны потерпело поражение, некоторые его цели получили возможности для своей реализации. В 1920-е годы большевики перехватили основные идеи украинского национализма: идею собственно украинской нации, идею развития особого литературного украинского языка, идею особого исторического процесса, призванную доказать наличие самостоятельной украинской нации с глубокой древности вплоть до XX в. Проведенная в 1920-е годы украинизация создала почву, на которой постоянно зрели ростки национализма, расцветшие пышным цветом после распада СССР. Сам же украинский национализм после Первой мировой войны и Октябрьской революции развивался как политическая идеология за пределами УССР.

Дореволюционный украинский национализм существовал, условно говоря, в трех основных формах: псевдолиберальной (М. Грушевский), псевдосоциалистической (С. Петлюра, В. Винниченко), клерикально-консервативной (А. Шептицкий и его последователи в Галиции). После революции 1917 г. в среде украинской эмиграции появилась новая форма национализма.

Одним из последствий Первой мировой войны стало появление фашизма как новой праворадикальной идеологии и политического движения. Идеи фашизма приобрели популярность среди сторонников националистических движений во многих странах, не было исключением и украинское движение в эмиграции. Еще в первой половине 1920-х годов в Германии, Италии, Чехословакии, а также входившей в состав тогдашней Польши Западной Украине возник ряд организаций фашистского типа, в том числе «Союз украинских фашистов». Все они вошли в состав созданной в 1929 г. Организации украинских националистов (ОУН). Идеологической платформой ОУН стала концепция «интегрального национализма» Д. Донцова. До Первой мировой войны Д. Донцов, будучи активным сторонником украинского национализма, рядился в одежды социал-демократа. Оказавшись после окончания гражданской войны в эмиграции, он порвал со своим псевдомарксистским прошлым, не скрывал симпатий к идеологии фашизма, откровенно восхищаясь Гитлером и Муссолини. В 1926 г. Д. Донцов опубликовал работу под названием «Национализм», в которой отверг и осудил существовавшее до Первой мировой войны украинское национальное движение во всех его формах и разновидностях. Предложенная Д. Донцовым новая идейная платформа украинского движения была основана на заимствовании фундаментальных положений итальянского и германского фашизма.

Совершенно откровенно в духе фашистской идеологии Д. Донцов определил, что движущей силой нового украинского национализма должны стать «воля, сила, экспансия и насилие, расизм, фанатизм, беспощадность и ненависть, волюнтаризм и романтизм, аморальность и антиинтеллектуализм»¹. Если до Первой мировой войны украинский национализм видел основного врага в царском самодержавии, то интегральный национализм Д. Донцова конкретизировал образ врага на исключительно этнической основе: поляки, «москальи», «жиды». Практическим воплощением идей нового украинского национализма фашистского типа стало массовое истребление еврейского и польского населения Западной Украины в годы Второй мировой войны.

После Второй мировой войны идеология украинского национализма продолжила эволюцию в среде украинской эмиграции в Северной Аме-

¹ *Полищук В. В.* Правовая и политическая оценка ОУН и УПА // ПОЛИТЭК — POLITEH: Политическая экспертиза. 2006. Т. 2. № 3. С. 33.

рике и в Западной Европе. Эта идеология сохранила преемственность по отношению к праворадикальным концепциям 20–30-х годов XX в. После распада СССР и возникновения независимой Украины влияние украинского национализма усилилось, он стал главным легитимирующим фактором новой государственности, что в итоге привело к трагическим событиям последнего времени.

В. В. Лапкин
Москва

УКРАИНСКИЙ КАЗУС ПОСТСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Кризис и деградация нормального гражданского правосознания и правопорядка в Украине в условиях националистической революции последних двух лет стали результатом длительного процесса политической эмансипации постсоветского олигархического режима, сформировавшегося в этой второй по совокупной ресурсной мощи республике, вышедшей из бывшего СССР. Именно этот результат представлялся самым важным и желаемым для олицетворяющих ее элит. В новых условиях у олигархии уже не оставалось значимых политических оппонентов внутри страны. Идеологически этнический национализм оказался самым эффективным инструментом мобилизации масс негражданского общества, позволяющим эффективно манипулировать их протестными настроениями и направлять их гнев на политических противников олигархии. Тем не менее в этих принципиально новых и, казалось бы, чрезвычайно благоприятных для него условиях перспективы олигархического режима представляются отнюдь не безоблачными.

Речь идет прежде всего об усилившейся конкуренции между олигархическими кланами, а также об усилении давления извне, обоснованного фатальной зависимостью постсоветских олигархов от западных финансовых институтов. Этот последний фактор впрямую поставил украинскую политику в зависимость от интересов и планов глобальной финансовой олигархии, резко ограничивая пространство политического маневра украинских элит. Что же касается конкуренции между олигархами, которая остается в новых условиях почти единственной основой украинской многопартийности, то, ничем не сдерживаемая и никакими институтами не регулируемая, она стремительно превращается в неустрашимый фактор дестабилизации украинской политики.

Олигархический характер присущ большинству постсоветских режимов. Теснейшая связь политического и экономического интересов постсоветских элит возникла в ходе реализации приватизационных мероприятий начала 1990-х годов, сплошь и рядом прикрывавших процессы

конвертации теневых капиталов во властные ресурсы и номенклатурных властных ресурсов в реальные частные капиталы. Наиболее эффективная и широко распространившаяся форма таких режимов, позволившая эффективно совмещать поддержку устойчивости государства с обслуживанием олигархических интересов, получила наименование персоналистского режима¹. В его рамках сформировался сравнительно устойчивый «властный треугольник»: *постсоветская олигархия, бюрократия, персонализм*, а бюрократическая машина государственного управления стала объектом ожесточенной борьбы между олигархией и персонализмом за контроль над процессами в сферах политики и экономики.

В России и Украине власть олигархии последовательно усиливалась все 1990-е годы, но позднее отчетливо проявилась дивергенция их эволюционных траекторий. Россия, опираясь на латентные возможности конституции 1993 г., с 2000 г. пошла по пути институционализации персонализма и упрочения его доминирующей и дисциплинирующей олигархической роли. Украина же последовательно продвигалась по освоению персоналистского ресурса в частных олигархических целях. Особое ускорение этим процессам придали майданные революции 2004² и 2014 гг. С этого момента овладение ресурсами персонализма стало ключевой политической целью олигархического противоборства в Украине. А по итогам событий зимы 2013/14 г. персонализм, инструментально сохраняющийся в обойме властных ресурсов украинской политики, окончательно трансформировался из средства системного ограничения олигархического интереса в средство дестабилизации постсоветской политической системы. А стало быть — постсоветский этап политической эволюции Украины завершается.

Такая трансформация в силу специфики форсирующей ее националистической революции оказалась сопряжена с деградацией конституционно-правового порядка, политической и электоральной системы Украины. С ней связаны такие системные риски, как перспектива перехода из разряда государств с ослабленной состоятельностью и дефицитом внутреннего и внешнего суверенитета в состояние полноценного *failed state*³, а также установление Западом монопольного политического и финансово-эконо-

¹ О персоналистском режиме см., напр.: *Краснов М.* Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.

² *Лэйн Д.* Оранжевая революция: «народная революция» или революционный переворот? // *Полис.* 2010. № 2. С. 31–53.

³ По данной теме см.: *Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности* / Под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2011; *Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К., Миронюк М. Г.* Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // *Полис.* 2012. № 2. С. 23–46; *Ильин М. В.* Возможна ли универсальная типология государств? // *Политическая наука.* 2008. № 4. С. 8–41.

мического контроля над теперь уже бывшим постсоветским государством. Анализу особенностей такой трансформации посвящается настоящее сообщение.

О. В. Латышева
Тула

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС СЕТЕВЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПЛОЩАДОК: ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Электоральное действие и политическое поведение в целом оформляются под воздействием когнитивных процессов индивида при его работе с политической информацией, которая наибольшее распространение имеет в сетевой среде. Как следствие, у политических акторов формируется потребность в коммуникативных символаобразующих технологиях, удовлетворяющих запросы аудитории на получение индивидуально определенного объема политической информации, возможности ее верификации через сеть социальных контактов, в самоидентификации и в самовыражении посредством диалоговых форм взаимодействия, что также обуславливает виртуализацию элементов избирательной кампании посредством привлечения в нее методов политического интернет-маркетинга. Влияние на электоральное действие индивида в таком случае осуществляется посредством взаимодействия политического актора с аудиторией через предлагаемый им содержательный контент.

Содержательный контент, на наш взгляд, есть совокупность политического сетевого дискурса и его контекста.

Сама идея рассмотрения политического дискурса в контексте коммуникации получила свое распространение в середине 70-х годов XX в. Согласно теории Л. Альтюссера, текст имеет под собой безусловное идеологическое влияние, символические значения которого «недвусмысленно включены в дискурс, реципиент же пассивно воспринимает политическую информацию¹. В дальнейшем взгляды Л. Альтюссера были подвергнуты критике. Так, холловская теория «кодирования/декодирования» оспаривала молчаливое восприятие политической информации: для эффективной реализации процесса передачи информационного массива от субъекта к субъекту необходима его завершенность, а само смысловое послание —

¹ Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. С. 336.

закодировано¹. При этом под кодировкой в данном контексте понимается донесение идеи отправителя до реципиента с конечной целью ее интерпретации в том виде, в котором это наиболее оптимально для отправителя. Кодом выступает любая форма предоставления информационного массива.

В основу теории С. Холла были положены исследования традиционного средства массовой коммуникации — телевидения. На наш взгляд, положения данной теории применимы и к анализу формирования политической коммуникации посредством веб-ресурсов. Как и ранее, политическое сообщение при донесении его до реципиента проходит ряд трансформаций. В активной стадии политического процесса (избирательный период) взаимодействие инициируется политическим актором посредством медиаинструментов, в данном случае сетевых площадок. На основании декларируемой позиции формируется и транслируется конформный или оппозиционный политический дискурс. Сообщения кодируются в форме устоявшихся содержательных жанров (новости, повестка дня, интервью, прямая речь), дублирующих подразделы веб-ресурсов и имеющих одновременно с этим очевидно читаемый смысл послания. Значимо, что информационный массив при этом носит актуализированную направленность и символическое «руководство» для его интерпретации адресной группой. Руководство к интерпретации во многом обеспечивается за счет наличия/отсутствия институциональных рамок (ограничений на высказывательную возможность реципиента).

Принимая во внимание допустимую рациональность избирателя, а также уже сложившиеся политические взгляды, реципиент может воспринимать транслируемый дискурс через его соотношение с декодированными смысловыми структурами, что повлечет за собой его опосредованность без учета заданного отправителем политической информации направления.

Политический дискурс, вне зависимости от транслирующей его площадки, содержит в себе идеологический конструкт, что определяет его внутреннюю специфику. Политические акторы наряду с электоральными группами продуцируют идеологически значимые дискурсы, преследуя конечную цель установления и поддержания своего влияния на аудиторию. Специфику политического интернет-дискурса определяет также информационная среда, в которую помещены субъекты взаимодействия и вне-статусный характер которой определяет возможность выступления носителя политической информации в единовременной роли ее создателя, преобразователя и продукта политического дискурса.

Стоит также заметить, что характер веб-платформы, на которой представлен политический дискурс, отличен по своей структурной составля-

¹ Hall S. Encoding/Decoding. Media and Cultural Studies. KeyWorks. L.: Blackwell Publishers, 2001. P. 173.

ющей. Дискурс на площадках социальных сетей, микроблогов носит личностно ориентированный характер, для него свойствен информационный обмен, основанный на индивидуальном взаимодействии. Такой тип дискурса транслирует информационное сообщение в урезанном виде, при этом коммуникативная ситуация самоочевидна для ее участников, здесь также имеет место эмоциональная квалификация контента и, как следствие, потребность в выражении его личностной оценки¹. Дискурс личностного уровня также способствует эффективному распространению визуального контента неформального характера типа мемов в качестве инструментов политической рекламы.

Политическая информация, почерпнутая индивидом из веб-среды, подвергается верификации через совокупность межличностных контактов. Таким образом, при включении в коммуникацию политического актора информационный поток предполагает циркулирование информации не на основании партнерских отношений субъектов взаимодействия, подразумевающих изначально высокий уровень доверия и достижение единой цели, а на установлении допустимости включения внешнего субъекта в коммуникативную сеть по достижению реализуемых, предположительно единых, целей. Вхождение политического актора в сеть доверия возможно при принятии им условий электоральных групп, определяющих характер коммуникативных веб-платформ, так, среди желаемого контента страниц политических лидеров в социальных сетях находятся фотоотчеты с посещаемых официальных мероприятий (18,7%), авторские комментарии значимых событий (18,8%), видеоотчеты о деятельности (14,2%) — т.е. личностный ресурс для политического актора².

Для политического интернет-дискурса особое значение приобретают институциональные рамки, характерные для идеологического дискурса в целом. Под такими рамками мы понимаем возможные коммуникативные ограничения веб-ресурса, сужающие высказывательные возможности реципиента. При наличии подобных ограничений политический актер однозначно определяет себя как идеологического субъекта, стремящегося донести символические смыслы до аудитории, сократив комментарийную составляющую официального веб-ресурса до ссылки в социальную сеть, реципиент также исключается из равнозначной внесубъектной коммуникации, поскольку репост по своей сути представляет собой молчали-

¹ Красильникова Н. А. Общество и неинституциональный политический дискурс в сети Интернет // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 130–138.

² Опрос «Интернет как инструмент влияния на электоральное поведение населения современной России». Массовый опрос. Руководитель: д-р полит. наук, проф. Е. В. Бродовская, лаборатория социально-политических исследований Тульского государственного университета. Выборочная совокупность невероятностная (неслучайная) — 600. Ошибка выборки — не превышает 3%.

вое согласие с транслируемым политическим дискурсом. В свою очередь, определяющей эффективностью воздействия политического дискурса на электоральные группы является способность получателя информационного сообщения воспринимать и декодировать адресованное ему сообщение.

Таким образом, признавая политический интернет-дискурс как одну из ключевых коммуникативных единиц избирательного процесса, при его формировании политическим субъектом необходимо соблюдение возможности интерпретации транслируемых смыслов электоральными группами через сообщества, что также позволит усилить групповую интеграцию при формировании политических предпочтений, и электорального поведения в целом.

М. М. Лебедева
Москва

МНОГОУРОВНЕВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ (на примере урегулирования конфликтов)¹

Дипломатия всегда выполняла функции обеспечения национальной безопасности путем международных переговоров и другими дипломатическими средствами. Конец XX — начало XXI в. породили во многом новую ситуацию в мире, когда, с одной стороны, значительно расширился спектр угроз: к их числу все чаще стали относиться так называемые невоенные угрозы национальной безопасности (энергетическое, продовольственное обеспечение, здоровье нации и т.п.). При этом если ранее угрозы представляли сильные в военном отношении государства, влияние которых в первую очередь подкреплялось так называемой жесткой силой, то сегодня кроме них угрозу могут представлять слабые, плохо управляемые государства, а также негосударственные акторы мировой политики — террористические организации, наркобизнес, хакеры и т.п. С другой стороны, для предотвращения этих угроз государство все чаще стало обращаться к негосударственным участникам, в том числе к бизнес-структурам, НПО и другим.

В то же время традиционные угрозы не исчезли и продолжают оставаться в повестке дня современной мировой политики. Все это делает

¹ Доклад подготовлен в рамках гранта РГНФ № 15-37-11128 «Структура, формы и методы взаимодействия официальной и публичной дипломатии для противодействия угрозам национальной безопасности России».

международно-политическую ситуацию более сложной и требует поиска новых подходов, форм и методов противодействия угрозам национальной и глобальной безопасности.

Еще во второй половине XX в. стал складываться подход, получивший название «многоуровневая дипломатия», смысл которого состоит в том, что наряду с классической дипломатией (первый уровень, или дипломатия «первого направления», — *Track-I Diplomacy*) все шире привлекаются негосударственные участники (публичная дипломатия, *Track-II Diplomacy*). Особенно интенсивно данная практика начала развиваться в рамках урегулирования конфликтов, поскольку негосударственные структуры имеют возможность выхода на участников конфликта в тех случаях, когда официальные представители дипломатических миссий по ряду причин этого сделать не могут (например, есть проблема доверия, не хватает кадрового резерва и т.п.). В этих условиях особенно значимой становится согласованность действий государства и представителей публичной дипломатии.

При этом негосударственные (несистемные) акторы дипломатии не могут управляться государствами непосредственно. Более того, нередко они действуют в своих собственных интересах, которые могут совпадать или не совпадать с интересами государства. В результате возможно возникновение конфликтных ситуаций между самими участниками урегулирования конфликта. Но в любом случае на повестке дня стоит вопрос согласования действий сторон в отношении конфликта.

В докладе обсуждаются структуры интересов различных акторов, вовлеченных в урегулирование конфликтов, формы, методы, а также способы взаимодействия публичной и классической дипломатии. При этом основным фокусом исследования является то, как взаимодействие публичной и классической дипломатии при урегулировании конфликтов обеспечивает реализацию национальных интересов России; какие формы и методы используются, а какие имеют потенциал использования, но не в полной мере задействованы.

Для анализа потенциала публичной дипломатии в исследовании используются количественные оценки, в том числе связанные с активностью НПО, бизнес-структур и других негосударственных акторов при урегулировании конфликтов, в частности их присутствием в медийном поле при описании конфликтных ситуаций и т.п. Также при анализе участников публичной дипломатии на основе изучения информации на сайтах этих организаций учитываются такие параметры, как количество людей, вовлеченных в урегулирование конфликтных отношений, интенсивность контактов с конфликтующими сторонами и др. Особый интерес представляют акторы, связанные с интенсивным использованием интернет-ресурсов (социальных сетей, блогов и т.п.). Этому вопросу уделяется особое внима-

ние. Причем не только с точки зрения мобилизации масс на развитие конфликтных отношений (таких исследований проведено много), но и с точки зрения именно урегулирования конфликта.

Ю. Г. Лебедева
Москва

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В РОССИЙСКОМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ПОСРЕДСТВОМ ТЕХНОЛОГИЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В современном социуме конца XX — начала XXI в. прослеживается тенденция тесной связи популярной культуры и политики. Способность популярной культуры вызывать и артикулировать чувства становится основой для конструирования идентичностей, которые, в свою очередь, являются источником политических мыслей и действий. Человеческая идентичность при этом конструирует политическую реальность, является основой для представления человека о политической системе, политическом порядке, воплощаясь в современном «обществе-спектакле», в ритуалах, «маскарадах», пользуясь терминами постмодернизма, шоу-власти.

При взаимодействии популярной культуры и политики формируется гибрид общих идей, идеологий и институтов. Связь этих элементов зависит от условий и контекста, от типа массовой культуры и типа политических систем. В итоге абрис современной политической культуры возможно представить в качестве конгруэнтности массовой культуры, навязанной метадискурсом обыденному сознанию человека XXI в., и маргинальной реальности, представленной культурными практиками постмодернистов, сознательно отвергающих буржуазные традиции.

Мистификация и мифологизация массового сознания особенно ярко выражены в период предвыборной кампании. Современная политика становится реифицированным продуктом популярной культуры в эпоху консьюмеризма. Политические технологии выступают как средства построения метареальности, символы и идеологии которой интериоризируются через каналы массовой культуры, прежде всего через медиа. Благодаря популярной культуре и репрезентации социальной реальности в СМИ формируется социум метанарративов и симулякров.

Опора на широкую базу теоретических исследований и использование значительного массива эмпирических данных¹ позволили проверить выдвинутые гипотезы, несмотря на сложность операционализации предмета исследования. Важным аспектом проведенного исследования стал анализ не только формализованных и технологических элементов электорального процесса (специфики избирательного законодательства, российского институционального дизайна, применяемых технологий в избирательных кампаниях и т.п.), но и механизмов конструирования электорального поля и политической метареальности через социокультурный аспект, аспект массовой культуры в российском обществе.

В рамках электорального процесса с помощью политических технологий и медиа происходит трансформация массового сознания в целом и политических установок отдельных индивидов с целью, как правило, повышения рейтинга кандидата или партии, победы на выборах. Однако в отличие от 1990-х годов, когда с советских времен сохранялся высокий уровень доверия к институтам власти и СМИ, а политический PR был новым явлением, в ходе анализа выяснилось, что в 2000-е годы интериоризация новых установок оказывается не вполне устойчивой, сильно сопротивляется ей. Кроме того, электоральные нарративы, формируемые с помощью политических технологий и транслируемые через каналы массовой культуры, со стороны реципиента подвергаются рекодированию и реинтерпретации, формируют альтернативную «картину политического мира», несмотря на то что электорат, граждане на уровне рациональных установок не всегда способны к осознанию того, что политические технологии, медиа и в целом массовая культура формируют идентичности и интериоризируют символы, мифы, социокультурные образцы.

¹ В ходе исследования проведены экспертные неструктурированные интервью со специалистами по политическим технологиям, а также с политиками, участвовавшими в предвыборных кампаниях в качестве кандидатов. С использованием методов контент- и дискурс-анализа проанализированы агитационно-пропагандистские материалы за период завершенных предвыборных кампаний (кампания в Государственную думу РФ 2007 г., кампания по выбору главы городского округа г. Воронеж в 2008 г.; предвыборная кампания в Воронежскую областную думу в 2010 г., предвыборная кампания в Госдуму 2011 г., президентская кампания 2012 г., а также материалы муниципальных выборов в Петербурге в 2014 г. и др.). Отдельное внимание уделено анализу альтернативного (оппозиционного) электорального дискурса в сети Интернет, прежде всего в социальных сетях («блогосфера», антиреклама, фото- и видеоматериалы, альтернативные официальной пропаганде нарративы), а также лозунгам и плакатам на массовых митингах и политических акциях 2012–2015 гг. Кроме того, проведен вторичный анализ данных массовых обследований, сделанных ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-Центром», использованы данные Института социологии РАН, а также данные исследований общественного мнения, сделанные в регионах в период предвыборных кампаний (Воронеж, Москва, Калининград, Санкт-Петербург, Ярославль).

Конструирование метадискурсов и метареальности в политическом и социальном поле, в частности, в рамках электорального процесса, посредством политических технологий и их интерпелляции в массовое сознание через каналы массовой культуры, превращение политики в продукт массовой культуры имеет свои негативные последствия. Происходит сохранение и консервация архетипов в массовом сознании. В процессе избирательных кампаний осуществляется сознательная артикуляция массовых архетипов и социокультурных матриц политическими технологами. Результат — дальнейшая архаизация общества и демодернизация массового сознания.

Модернизирующаяся элита через специалистов в области политических технологий и политического маркетинга выступает в качестве конструкторов, интерпретаторов социальной реальности, а массы — как реципиенты метанарративов. В качестве компенсации виртуальному обществу индоктринируют идеологию консьюмеризма, являющуюся базовой для постмодернистской популярной культуры. Создаваемая массмедиа и политическими менеджерами символическая политика в виде имиджей, PR-акций, продуктов электоральных технологий потребляется обществом. В итоге модус развития от авторитаризма направлен не в сторону демократии. Россия вступила в фазу деспотии символа и виртуальности.

В. Г. Ледяев, А. Е. Чирикова
Москва

МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ В МАЛОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ

Реформа муниципальной власти привела к появлению нового для нашей локальной управленческой практики института сити-менеджеров. В результате возникли новые конфигурации власти в корпусе лидеров локальных сообществ. До реформы наиболее влиятельными акторами публичной власти в городских сообществах были мэры (главы городов), которые избирались населением и руководили местными администрациями. В настоящее время ситуация стала менее определенной. Кто из руководителей города сегодня реально наиболее влиятелен? Глава города или сити-менеджер? Ответ на данный вопрос не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд. Большинство аналитиков полагает, что сити-менеджеры обладают большим диапазоном возможностей по сравнению с главами городов в силу большего институционального ресурса. Однако

значимость персоналистского фактора в российской политике может существенно меняться, а в ряде ситуаций нивелировать институциональные (структурные) преимущества.

Практика показывает, что сити-менеджеры не обязательно становятся главными фигурами в городском политическом пространстве, особенно если им противостоят избранные населением опытные главы города. В эмпирическом исследовании В. Ледяева, А. Чириковой и Д. Сельцера, проведенном в 2011–2015 гг., были обнаружены разные конфигурации власти в городах, имеющих сити-менеджеров.

В городе Z (районный центр в Ивановской области) доминирование сити-менеджера над иными структурами локальной власти, в том числе и во взаимоотношениях с главой города, было безусловным и хорошо осознавалось всеми сторонами. Его власть опиралась на солидный набор ресурсов, не сводящихся к формальным полномочиям, закрепленным за должностью главы администрации: личные качества, большой стаж работы, мотивация, знания (особенно в области финансов), стабильные связи с некоторыми субъектами власти более высокого уровня, успешный опыт деятельности в сфере внешнего финансирования города и включения его в федеральные программы и проекты.

Различный потенциал власти сити-менеджера и других локальных акторов Z, его реальная способность реализовать угрозы негативных санкций в отношении депутатов и иных представителей локальной публичной власти в случае неподчинения и/или оппозиции практически исключали возможность открытого противостояния; при этом обычно угрозы санкций непосредственно не артикулируются, а подразумеваются.

В моногороде Y (районный центр в Пермском крае) сложился иной тип отношений между руководителями двух ветвей локальной публичной власти. Явным лидером городского сообщества является глава города, возглавляющий городскую Думу, тогда как руководитель исполнительной власти (сити-менеджер) фактически занимает позицию ведомого. Данная не вполне стандартная ситуация возникла в силу того, что до введения должности сити-менеджера нынешний глава города был мэром, совмещавшим позиции главы исполнительной и представительной властей и сумевшим фактически сохранить за собой большой объем властных ресурсов (контроль над финансовыми потоками, взаимоотношения с исполнительными структурами более высоких уровней, выработка стратегических направлений деятельности администрации города и др.) и после институциональной реформы. Сложившийся расклад сил можно обозначить как квазидоминирование представительной власти над исполнительной, поскольку реальные ресурсы исполнительной власти (не только законодательной) сосредоточены в руках главы города, формально возглавляющего местную легислатуру. При этом назначенный сити-менеджер даже не пытался отво-

есть свои законные позиции. Не имея серьезного политического и административного опыта, он фактически полностью является зависимым от главы города и вынужден согласовывать с ним свои действия; он не вмешивается в деятельность городской Думы и не стремится влиять на нее, отдавая бразды правления главе города и выполняя по сути технические функции по оперативному управлению.

Ситуация, сложившаяся в городах, ставших предметом нашего исследования, во многом объясняет, почему институциональные реформы и нововведения не всегда обеспечивают реализацию целей реформаторов: неформальные ресурсы и практики часто оказываются более значимыми и эффективными и в большей степени определяют характер взаимодействия между ключевыми акторами локальной политики, чем нормативные основания. Общий вектор российской политики, задаваемый федеральной элитой, по-видимому, будет усиливать ресурсный потенциал городского сити-менеджера. Поэтому можно согласиться с теми, кто предрекает концентрацию власти в руках назначенного сити-менеджера, являющегося ставленником высшего должностного лица региона. Однако потенциал влияния сити-менеджеров и особенности их встраивания в локальные структуры власти останутся вариативными.

В. П. Макаренко
Ростов-на-Дону

О СОВЕТСКИХ ТРАДИЦИЯХ РОСТОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАПН

В середине нулевых годов журнал «Полис» провел научный семинар, посвященный прошлому, настоящему и будущему политической науки в России. На этом семинаре коллеги показали, что политология в СССР развивалась как элитарная и полупротестная наука. А в Российской Федерации на протяжении ее недолгой истории обнаружили иные тенденции: традиционно российское использование научного знания для получения личной выгоды; подмена политологии пиаром (под вывеской политических технологий, политического менеджмента и пр.) и государственным управлением; потеря позиций в сфере политической теории. Для противодействия этим тенденциям была сформулирована главная задача российской и мировой политической науки — поиск альтернатив российскому и глобальному обществу и развитие протестной политической мысли¹. Выполнение задачи

¹ См.: Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра: Материалы научного семинара // Полис. 2006. № 1. С. 145–155.

осложняется многими факторами. В том числе и тем, что политическое руководство страны культивирует идеологию «особого пути» России¹.

В то же время ситуация не безнадежна. Поскольку определенные круги насаждают идеологему ностальгии, постольку каждое региональное отделение РАПН может реконструировать свою советскую родословную. Скажу кратко о нашем варианте ностальгии.

Генезис Ростовского отделения РАПН опирается на традиции, заложенные во время перестройки. Северо-Кавказское отделение Советской ассоциации политических наук было учреждено в ноябре 1984 г. В октябре 1986 г. была проведена первая всесоюзная конференция Северо-Кавказского отделения САПН на тему «Карл Маркс и проблемы политической теории». В ней принимали участие сотрудники первого в СССР сектора философских проблем политики Института философии АН СССР во главе с членом-корреспондентом АН СССР В. В. Мшвениерадзе и главным редактором журнала «Советское государство и право» М. И. Пискотиным. В апреле 1989 г. была проведена международная конференция «Проблема отчуждения при социализме», в которой принимали участие известные политологи Польши. В 1985–1992 гг. был опубликован цикл книг и статей В. П. Макаренко по проблемам бюрократии, политической оппозиции и легитимности. Рецензии на него были опубликованы во многих журналах и получили высокую оценку научного сообщества. В 1991 г. в издательстве Ростовского госуниверситета была издана коллективная монография польских ученых «Элементы теории политики». В 1993 г. там же был выпущен российско-американский политологический сборник «Россия—США: опыт политического развития», авторами которого были ученые из Нью-Йорка, Гонолулу, Москвы и Ростова-на-Дону. Вся эта литература была использована при организации первых всесоюзных, а затем всероссийских политологических школ на базе Ростовского университета, в которых проходили переподготовку преподаватели общественных наук.

Итак, в период генезиса Ростовского отделения РАПН сформировались три тенденции: разработка острых проблем социальных и политических наук; прямой контакт с сотрудниками головных институтов и журналов Академии наук по различным отраслям социальных и политических знаний; международные контакты. Эти традиции мы развиваем до настоящего времени. И хотели бы обсудить с коллегами перспективы сотрудничества. Оно возможно на следующих направлениях:

- взаимодействие с Центром политической концептологии ЮФУ и исследовательским комитетом по политической концептологии РАПН по всем жанрам и проблематике наших исследований, конференций, летних школ и клуба «Интеллектуальный Ростов»;

¹ См.: Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / Под ред. Э. А. Паина. М.: Три квадрата, 2010.

- сотрудничество с электронным научным журналом «Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований». На этой проблеме разрешите остановиться.

Журналы не производят самостоятельно никакой продукции. Они отражают то, что накапливает и накопило научное сообщество. Поэтому я хотел бы здесь поставить вопросы: насколько полно и достоверно журнал отражает реальность в области политической концептологии? должен ли журнал отражать все подряд, следовать принципу «Всем сестрам по серьгам» или проводить отбор (редакционную политику), чтобы ориентироваться на ведущие тенденции, складывающиеся в той или иной науке? как уберечься от того, чтобы не стать отражением позиций одной группы в науке в ущерб другим, не быть отражением групповщины, предвзятости? как поддерживать то, что только нарождается, возникает, что еще не имеет широкого признания, но может быть перспективным направлением? как осуществлять поддержку нового, пусть спорного и еще не устоявшегося? как вести полемику на страницах журнала? не следует ли ее сделать одной из ведущих целей, сознательно поддерживая различные точки зрения, сопоставляя их друг с другом, вводя читателя (особенно начинающего) в курс научных поисков? как поддерживать контакты между журналами, сообщая главным образом о новом, что появилось в соответствующей науке? как, сохраняя специализацию журнала, все же давать информацию о достижениях и поисках в других науках?

Эти вопросы нас постоянно беспокоят. Я хотел бы предложить руководству РАПН провести совещание главных редакторов российских журналов по политологии, на котором обсудить спектр вопросов, связанных с перспективами существования журналов в сложившейся после реформы РАН ситуации, и явное разрушению научных коммуникаций правилами, которые в последние годы внедрены Минобрнауки России.

*Е. Г. Маклашова
Якутск*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ (на материалах Республики Саха (Якутия))

В данном докладе автор акцентирует внимание на проблеме российской идентичности и, в частности, обращается к теме конструирования региональной властью пространственной и этнической идентичностей в национальном субъекте Федерации — Республике Саха (Якутия).

Ввиду высокой значимости этнокультурных факторов в российском обществе, интегрированных в политико-административное и властное пространство, термины «этничность», «национальный», «этнос», «народ» очень широко используются в нормативных правовых документах органов власти. В то же время столь же часто возникают вопросы об их значении и смысле, что, на наш взгляд, связано с существующей в российском праве позицией нейтралитета в отношении трактовки этнокультурных категорий. Тем не менее это обстоятельство не ограничивает возможности политической элиты по выработке желаемых в обществе конструктов и практик в этнокультурной сфере. Данный вопрос предопределил применение в настоящей работе дискурсивного анализа с использованием социологической методологии. В связи с этим в статье придается значимая роль теоретическим положениям и взглядам П. Бергера и Т. Лукмана, Э. Лакло и Ш. Муффа, В. Тишкова, С. Роккана.

Дискурс находится в тесной диалектической взаимосвязи с внешними и внутренними процессами развития общества, т.е. социально конституирован. Специфика властных отношений в 1990-х и 2000-х годах обусловила воспроизводство двух отличных дискурсивных практик в современной Якутии: дискурс суверенной и дискурс централизованной республики. Каждый из этапов социально-политического развития Якутии характеризуется специфическим контекстом и особенной системой идентичности. Так, анализ кодов дискурсивных практик в период суверенизации и централизации красноречиво свидетельствует о существенном отличии их основного контента. В суверенный период акцентуация вопросов этничности идет в рамках тем о национальной и суверенной государственности, правах народов и малочисленных этносов, о возрождении национального (этнического) самосознания, культур и языков коренных народов Якутии. В период централизации такого рода дискурс этничности в политическом пространстве Якутии стал рассматриваться в качестве потенциальной угрозы. Правовое и политическое укрепление вертикали власти привело к пересмотру места этничности в общественном развитии Якутии и воспроизводству темы единства в разнообразии: множественная идентичность, северный край, Якутия — наш общий дом.

В целях установления особенностей социальной рефлексии на процесс конструирования властью регионального сообщества было проведено социологическое исследование в пяти арктических районах РС (Я). Определение модельной территории в рамках арктических районов Якутии связано с ее социокультурными особенностями и значением для национальной и социальной безопасности Российской Федерации. Результаты исследования свидетельствуют о подвижности системы идентичности, включающей такие самоидентификации личности, как российская гражданская, региональная, локально-территориальная (арктическая) и эт-

ническая. Установлено, что, несмотря на национальность респондентов, проживающих в арктических районах Якутии, для многих из них оказывается важным локально-территориальное отождествление (Я — северянин, житель Арктики). В то же время респонденты якутской национальности высказывали чаще других значимость для них региональной идентичности (Я — житель РС (Я)). Этническая идентичность в таком сравнительном срезе немного уступала пространственным идентификациям.

Можно заключить, что на систему идентичности оказывает влияние как этническая принадлежность, так и особенность структурирования индивидуумом системы общества. Как результат можно отметить пространственную поляризацию внутри региона и наличие конкурирующей задачи по усилению регионального единства. В целях поддержания социальной и политической стабильности на фоне укрепления национального самосознания и территориального отождествления для усиления чувства гражданственности, на наш взгляд, необходима выработка единых идей развития, более глубокая ретрансляция политической и культурной идеологии в России, что, безусловно, связано с усилением социально-экономических позиций страны.

А. В. Макухин
Москва

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ТЕЧЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Опыт последних двадцати лет достаточно затянувшегося демократического транзита доказал, что в Республике Молдова успехов на выборах смогли добиться только формирования, способные занять и сохранить доминирующие позиции в основных трех политических сегментах, традиционно определяемых как *левый*, *правый* и *центристский*. Отдавая свои голоса за партии, явно представляющие собой только один из данных сегментов, молдавский электорат в полной мере проявляет свою специфику, сформировавшуюся под влиянием нескольких специфических факторов.

Во-первых, Республика Молдова — преимущественно сельская страна, где соотношение между сельским и городским населением составляет 53 против 47%. Эта наименее урбанизированная в Европе страна является и самой бедной. Молдавская интеллигенция, которая должна оказывать ощутимое влияние на электоральное поведение населения, фактически этого не делает. Точно такое же поведение справедливо для политической и управленческой элиты. Консерватизм и инертность в заимствовании

прогрессивного общественно-политического и экономического опыта в молдавском обществе настолько сильны, что самые активные граждане предпочитают эмигрировать в поисках более высокооплачиваемой работы или лучшей доли, нежели пытаться что-то изменить.

Во-вторых, Республика Молдова практически единственная в Европе страна, где тотальный кризис национальной идентичности, истории, культуры и языка («молдавский проект» или «румынский проект»?) представляет собой важнейший определяющий фактор в поляризации взглядов политических сил. Начиная с выборов 1994 г., данный вопрос постоянно используется в предвыборных кампаниях в качестве одного из важнейших. Серьезные дебаты между партиями на социально-экономические темы зачастую умышленно подменяются этнолингвистическими, историческими и прочими подобными дискуссиями, которые вызывают исключительно к эмоциональной сфере восприятия людей.

В-третьих, по итогам всех прошедших на сегодняшний день в Молдове электоральных циклов можно констатировать невероятно стабильную систему сегментации основной массы населения согласно политическим предпочтениям. Так, национальная интеллигенция традиционно придерживается прорумынских взглядов и в определенной степени — проевропейских (стоит отметить, что ранжирование предпочтений происходит именно в такой строгой последовательности). Основная масса сельского населения демонстрирует преимущественно промолдавские взгляды (что часто провоцирует внутренние конфликты относительно способов его построения), а русскоговорящие национальные меньшинства (в молдавской политической среде под условным понятием «русские» обычно подразумеваются все люди, владеющие русским языком лучше, чем государственным, — украинцы, собственно русские, болгары, и в определенной степени даже еврейская и армянская диаспоры, а также гагаузы), которые сосредоточены в основных городах, в начале 90-х годов составляли около 35% всего населения страны и традиционно отличаются более или менее выраженными пророссийскими симпатиями.

В-четвертых, молдавское общество во многом остается обществом аграрным, патриархальным и традиционным. Это хорошо демонстрируется данными опросов общественного мнения относительно уровня доверия граждан к основным институтам государства. По данным последнего опроса, проведенного в марте 2014 г. (и эта тенденция никогда за предыдущие 20 лет независимости не изменялась), наибольшим доверием среди граждан пользуется церковь — ей доверяют около 80% населения, в то время как парламенту доверяют не более 13% граждан, президенту — не более 12, а системе правосудия — порядка 15% населения¹. Видно, что молдавские

¹ Barometrul opiniei publice aprilie 2015. URL: <http://bop.ipp.md/barometrul-opinii-publice-aprilie-2015>.

граждане намного больше доверяют традиционным институтам, нежели модернизированным в результате демократизации.

В-пятых, следует учитывать и отношение к институту собственности. В 90-х годах государственная собственность была вынесена на приватизацию, вследствие которой большинство граждан так ничего и не получили. То, как власти отнеслись к институту собственности, во многом подпитало нигилистическое отношение к собственности и бизнесу. Так, ни одна из политических партий за прошедшие более чем 20 лет, ставящая во главу угла проблему собственности, поддержку малого бизнеса и другие цели, связанная с модернизацией и реформированием института собственности, не смогла преодолеть избирательный барьер. В остальных случаях перечисленные проблемы декларативно включались в программы партий, но никогда не занимали в них важное место.

В общих чертах можно утверждать, что электоральное поведение молдавских избирателей достаточно предсказуемо с обязательным учетом всех вышеперечисленных специфических факторов, под влиянием которых и формируются основные итоги всех прошедших в стране электоральных циклов.

О. Ю. Малинова
Москва

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОШЛОГО КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопросы, связанные с использованием и интерпретацией прошлого в политических контекстах, в последние годы стали предметом пристального внимания представителей разных социальных наук. Можно говорить о формировании междисциплинарной области исследований социальной памяти — *memory studies*, которая пока носит преимущественно описательный характер и отличается пестротой исследовательских подходов.

Это, в частности, проявляется в многообразии используемых категорий анализа и их интерпретаций. Наиболее активно разрабатывается понятие *коллективной памяти*, введенное в научный оборот в 1920-х годах французским социологом М. Хальбваксом для изучения влияния социальных структур на индивидуальное сознание. В его концепции представления о прошлом рассматриваются как производное от символов и нарративов, доступных в публичном пространстве, а также от социальных средств их сохранения и передачи. Понятие коллективной памяти используется сего-

дня для описания широкого круга явлений — от воспоминаний участников событий и устной истории до традиций, мифов, дискурсов, ритуалов коммеморации и в некотором смысле даже языка и культуры — что безусловно свидетельствует об избыточном расширении его объема. Вместе с тем у него по-прежнему немало приверженцев, которые пытаются преодолеть концептные натяжки, дифференцируя различные проявления коллективной памяти¹.

К сожалению, это не снимает методологических проблем, возникающих при попытке обнаружить связи между разными ипостасями коллективной/социальной памяти. Есть множество работ, посвященных анализу публичных дискурсов о прошлом, которые, как предполагается, конструируют социальные рамки памяти. И есть постоянно прирастающий массив социологических исследований, отражающих динамику массовых оценок исторических событий и личностей. Но трудно установить эмпирически достоверную связь между первым и вторым. Лишь в немногих проектах ставилась задача проследить каналы передачи, распространения и восприятия «памяти». Тем не менее и они по большому счету уязвимы для критики, поскольку невозможно зафиксировать все многообразие коммуникаций, в которых живет и меняется коллективная память, в рамках одного исследования.

По мнению автора доклада, более строгая методологическая рефлексия возможна в рамках специализации предметного поля исследований социальной памяти и сопряжения его с теоретическими подходами, разрабатываемыми отдельными социальными науками (что не отменяет коммуникации поверх дисциплинарных границ, но делает ее более осмысленной).

В частности, с точки зрения политической науки представляется перспективным изучение практики политического использования прошлого в качестве одного из центральных элементов символической политики, понимаемой как *деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве*. Данный подход к исследованию проблематики социальной/коллективной памяти разделяется многими политологами, работающими в области *memory studies*. Именно в этом ключе выполнены фундаментальная работа К. Смит о мобилизации коллективной памяти российскими политическими элитами в 1990-х годах, исследование Д. Арта, посвященное сравнению политических споров о нацистском прошлом в Германии и Австрии, а также работы Дж. Уэртша и Г. Гилла,

¹ Примером наиболее удачной таксономической реконструкции понятия может считаться работа А. Ассман (*Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014*).

касающиеся анализа российского материала¹. Подобный подход применяют и авторы коллективной монографии «История, память и политика в Центральной и Восточной Европе: Игры памяти»: действия акторов, использующих «историзирующие стратегии» ради достижения тех или иных политических эффектов, рассматриваются как реакция на процессы, протекающие на внутривнутриполитических и международных аренах². Несмотря на очевидные различия терминологии и методик, эти работы объединяет стремление понять механизмы трансформации коллективной памяти, связанные с конкуренцией ее интерпретаций и борьбой за гегемонию. Анализируя эти и другие исследования, автор доклада рассматривает методологические проблемы, возникающие при изучении политического использования прошлого как элемента символической политики, и пытается наметить вопросы, сравнительное эмпирическое исследование которых могло бы способствовать накоплению эмпирических наблюдений и построению теорий, позволяющих продвинуться в данной области *memory studies* от описания к объяснению.

Е. М. Малышева
Майкоп

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Национальные приоритеты Российской Федерации являются важнейшими направлениями обеспечения ее национальной безопасности. Роль и место России в мире во многом определяются ее геополитическим положением. Национальные приоритеты представляют собой важнейшие направления обеспечения национальной безопасности как условия обеспечения защищенности и развития личности, общества и государства, реа-

¹ *Smith K. E. Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. Ithaca: Cornell University Press, 2002; Art D. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. Cambridge: Cambridge University Press, 2006; Wertsch J. V. Voices of Collective Remembering. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Gill G. Symbolism and Regime Change in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.*

² *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games / Ed. by G. Mink, L. Neumayer. Basingstoke etc.: Palgrave Macmillan, 2013.*

лизации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации. Национальные интересы и стратегические угрозы государственной безопасности Российской Федерации в современных геополитических реалиях необходимо рассматривать с учетом географических, политических, военных, экономических и других факторов.

После распада СССР геополитическое положение России изменилось. Возник «санитарный кордон» стран НАТО, отрезающий Россию от Балтики и Черного моря, контролирующий все транспортные выходы на Запад и превращающий Калининградскую область в оторванный от основной российской территории эксклав¹. Геополитически это означало вторжение Запада на исконно «незападную» территорию. «Рубеж конфликта длительностью в тринадцать веков» (С. Хантингтон) передвинулся на пространство Киевской Руси.

Одной из важных составляющих геополитического положения остается способность контролировать ключевые пространства, и она является производной от жизнеспособности геополитического субъекта. Россия всегда была серьезным геополитическим субъектом и остается государством с самой большой в мире территорией, одной из 10 стран (США, Саудовская Аравия, Китай, Венесуэла, Бразилия, Канада, Иран, Ирак) с богатыми природными ресурсами. Она в состоянии не допустить ущемления своих позиций на мировой арене и противодействовать нанесению ущерба ее стратегическим интересам. Национальные интересы Российской Федерации в глобальной геополитике определяются ее геополитическим положением и ролью «хранителя» мирового баланса сил. В нынешних сложных условиях реализовать стратегические интересы удастся, если Россия будет опираться на развитие своих экономических возможностей. Геополитический статус России как мировой державы также будет определяться в первую очередь показателями экономической политики: они ориентированы на достижение баланса внутреннего состояния и внешнеполитического положения. Вразумительная и четкая позиция правительства по вопросу о национальных интересах является исходным пунктом при разработке программы действий на долгосрочную перспективу.

Мировое развитие на современном этапе характеризуется таким состоянием и тенденцией геополитического развития, которые определяют задачи по защите от стратегических угроз ее государственной безопасности. Национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу включают задачу развития демократии, гражданского общества, повышения конкурентоспособности национальной экономики. В числе приоритетных целей — обеспечение незыблемости конституционного

¹ Несуверенный регион, отделенный от основной территории страны и окруженный другими государствами.

строю, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации и превращение Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира. Национальные интересы и стратегические приоритеты Российской Федерации в современной глобальной геополитике утверждаются в условиях усиления военно-политической и идеологической конфронтации, обострившейся в связи с возвращением Крыма в состав России. Становящийся многополярным мир сопровождается изменением геополитической карты планеты, что неизбежно вызывает столкновение глобальных интересов на фоне снижения уровня экономического, политического и военного влияния государств, претендующих на всеобъемлющее доминирование.

Интеллектуальные возможности и географическое положение России как «евразийского центра», значительный военный потенциал (прежде всего в части ракетно-ядерного вооружения), а также традиционная духовная ориентация на христианские ценности предопределяют роль России как связующего звена цивилизационной консолидации многополярного мира. В этом контексте условием создания однополярного мира для антироссийских сил является устранение России как субъекта геополитики. Это порождает основную геополитическую угрозу России как континентального центра Евразийской оси и ставит насущную стратегическую задачу информационной, экономической и военной безопасности. Реальной угрозой государственной безопасности Российской Федерации в современных геополитических реалиях являются иницилируемые антироссийскими западными СМИ цели: в экономической сфере — потеря Россией экономического суверенитета, в политической — утрата государственного суверенитета. В этом контексте весьма важной для России в XXI в. задачей представляется разработка государственной идеологии с опорой на традиционные духовные ценности, а также создание эффективной системы противостояния информационной войне антироссийской направленности; возрождение экономического потенциала России вне иностранной зависимости.

*А. Н. Маринович
Екатеринбург*

ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СЕТЕВОЙ ПОЛИТИКИ

В среде исследователей политических процессов не утихают дискуссии о роли Интернета и социальных медиа как политически значимой информационно-коммуникационной площадки. Развитие информацион-

но-коммуникационных технологий (ИКТ), в частности появление Интернета, изменило способ организации общественных движений и породило новую форму публичного выражения политического протеста. Особенности современных политических процессов стали сетевая политика и использование сетевых ресурсов. По мнению американского политолога Джозефа Ная, «то, что огромное количество людей имеют доступ к большому количеству информации, должно привести к распределению власти от правительств к неправительственным акторам, от крупных корпораций к неформальным группам. Однако это не означает конец национального государства. Правительства останутся наиболее сильными акторами на мировой арене, однако эта арена станет многолюднее»¹.

Сегодня Интернет является публичным пространством и инструментом взаимодействия между различными акторами. Политическая коммуникация в современных условиях подразумевает не одностороннюю подачу информации от СМИ к читателям, от элит к массе, от политических институтов к избирателям, а включает в себя разнообразные — как формальные, так и неформальные — коммуникационные процессы. Политическая коммуникация в Интернете обладает практически неограниченными возможностями по конструированию и реконструированию и выстраиванию горизонтальных и вертикальных сетей взаимодействия между средствами массовой коммуникации и получателями информации.

Второй характеристикой Интернета является его эгалитарность: глобальная сеть предоставляет равные возможности доступа к информации для всех пользователей. Интернет позволяет любому актору коммуникации становиться субъектом. Таким образом, политическую сетевую коммуникацию можно определить как процесс передачи, производства, воспроизводства и обмена посредством Интернета информации, способной оказывать воздействие на решения политических акторов.

Следствием быстрого увеличения вертикальных и горизонтальных сетей коммуникации в сфере политики стало то, что представители власти должны быть более осторожны в своих действиях, ведь легитимность власти формируется посредством массовых коммуникаций: доверие населения по отношению к правительству во многом зависит от грамотно выстроенной политической коммуникации. Неверные действия политиков, растиражированные в Интернете, моментально могут сказаться на имидже, иногда и на политической карьере. Примеров лишения чиновников постов немало: глава администрации района Орехово-Борисово в Москве уволен после скандала с уборкой снега, министр культуры Ульяновской области лишилась должности после некорректного высказывания, попавшего в Интернет.

¹ Nye J. S. The Information Revolution and Soft Power // Current History. 2014, N 113 (759). P. 19–22. URL: <http://www.currenthistory.com/Article.php?ID=1113>.

Сегодня открытость — не только желательное качество для политика, но и необходимое средство для поддержания репутации. Как нам представляется, многие политики не в полной мере осознают потенциал Интернета. Как правило, большинство ограничивается созданием собственного сайта, страницы в *Facebook* или *Twitter*, используя площадки как доску объявлений, доводя до пользователей Интернета нужную информацию, однако мало кто делает шаги к демонстрации открытости в управлении и к предоставлению доступа к политической информации.

Представители власти, которые действительно хотят использовать весь потенциал Интернета, должны решиться заняться новым видом политики, в которой не только политические институты, но и граждане становятся активными, выстраивается диалог или предпринимаются попытки услышать не только активное меньшинство, но и население в целом. Открытость требует политической смелости, лидерства и прежде всего желания и умения использовать Интернет в собственных целях. Если современные чиновники не принимают участия в интернет-политике, это может быть использовано против них: последствия потери связи с гражданами, которые сегодня информированы лучше, чем когда-либо, самоорганизованы и хотят подотчетности по действиям руководителей страны, могут быть разрушительными.

В. С. Мартянов
Екатеринбург

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК ДЕМОКРАТИИ В РЕНТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

Граждан и социальные группы можно рассматривать как рациональных предпринимателей, которые выбирают демократию как наиболее приемлемого для большинства распределения ренты, накапливаемой в конкретном политическом сообществе, государстве. Участие в управлении обществом здесь — аналог рыночной деятельности, а прибыль — всевозможная рента от этого участия: расширение прав, безопасность, справедливые налоги, социальные гарантии, иные общественные блага. В этой логике любое политическое устройство можно рассматривать как механизм распределения рент.

Демократию представляет подключение все более широких слоев граждан к ренте, распределяемой в обществе. Переход от «естественного» фе-

¹ Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ №15-03-00124 «Возвышение и кризис демократии в рентной перспективе».

одального государства к демократии «открытого доступа» (Д. Норт) по сути представляет демонополизацию общественной ренты, рассматриваемой теперь как право всех граждан. При этом рента, переосмысливаемая из привилегии немногих в право граждан: а) становится обезличенной, б) право распоряжения ею перестает быть наследственным в силу периодической ротации политических элит. Обычно такое подключение происходит в результате: а) внешних угроз (античная демократия); б) роста обделенных социальных групп, стремящихся изменить статус-кво в свою пользу (социальное государство). Во втором случае формирование общества потребления катализирует перевод политических требований в область экономических возможностей. Одновременно регулирование доступа к ренте является способом политического контроля масс, особенно бюджетников. Требования ренты, обеспечивающей реальные возможности и права граждан, довольно часто являются и моральными требованиями, связанными с универсализацией возможностей членов политического сообщества. История демократии во многом — это кто, когда, зачем (в силу каких обстоятельств), на каких условиях и с какими результатами (последствиями) обеспечивает долей государственной ренты значимые социальные группы или даже большинство населения. При этом утверждение о доминировании рентных механизмов в современных обществах в сравнении с рынком означает, что редистрибуция остается ключевым экономическим механизмом, а капитализм является лишь дополнением и расширением к нему.

Политическая рента прямо связана с правами гражданства. Формирование глобальных рынков привело к тому, что перераспределение ренты идет не только внутри и посредством национальных государств, но и между национальными политическими сообществами. Соответственно граждане центра миросистемы фактически в полном составе политических сообществ могут быть отнесены к мировой элите как извлекателю глобальной ренты. Подобное положение демонстрирует тот факт, что уровень рентных доходов большинства граждан все интенсивнее определяется факторами, которые выходят за пределы национальных пространств.

Подъем демократии в человеческой истории обычно совпадал с необходимостью массовой мобилизации населения в ответ на внешние угрозы. Если такие угрозы в глобальном мире? Представляется, что для национальных элит мобилизация граждан давно является не ресурсом выживания, а, наоборот, главной угрозой. Собственные граждане — это наиболее вероятные субъекты принципиального изменения сложившейся рентной модели. Таким образом, демократия, основанная на действенных правах для большинства, — это источник непредсказуемости. Поэтому все исторические демократии существуют как институционально ограниченные рентные модели, постоянно перенастраиваемые в зависимости от изменений интересов и требований политических и классовых коалиций, меняющихся во времени.

Подобная теоретическая перспектива позволяет отказаться от описания России как («суверенной», «авторитарной», «незавершенной» и пр.) демократии» или («периферийного», «государственного», «корпоративного» и пр.) капитализма, а посмотреть, как и почему исторически меняется распределение ренты. В результате оказывается, что модель сословного общества (С. Кордонский) или экономики раздатка (О. Бессонова), где право на ренту обусловлено принадлежностью человека к определенному сословию, гораздо точнее описывает реалии текущих политико-экономических процессов, чем обращение к рыночным обменам или иным признакам современного общества, образующим тонкую оболочку рационализации на толще господствующих реципрокных и дистрибутивных социальных механизмов. В частности, это позволяет объяснить, почему формально демократия в России есть, а ожидаемый рост ренты для граждан не происходит, так как демократия в указанной внешней оболочке лишь симулируется. Постсоветская Россия представляет собой рентное общество дистрибутивного типа, где группы и слои общества отличаются прежде всего доступом к механизмам рентного распределения. Это статичное общество, которое можно назвать и традиционным, и феодальным, и патриархальным. В нем доминирует «естественное государство» как основной механизм распределения и контроля ресурсных потоков. Подобное общество консервативно, так как боится потери ренты, сколь бы мизерной она ни была. Социологически рентизация подтверждается взрывным ростом количества чиновников и бюджетников, а также обслуживающих государство компаний. Волна демодернизации ведет к закономерному расширению сферы редистрибутивных обменов и сокращению сфер, в которых осуществляются рыночные обмены. Соответственно возрастает релевантность описаний текущего состояния общества в метафорах и категориях, характерных для обществ с господством редистрибуции, т.е. феодальных.

Д. С. Мартьянов
Санкт-Петербург

ЦЕННОСТИ ПОСТМАТЕРИАЛИСТСКИХ ПАРТИЙ ВТОРОЙ ВОЛНЫ (на примере пиратских партий)

Теоретически выявленная концепцией Ф. Фукуямы «конец идеологий» покончил с привычным для XX в. противоборством классических идеологических систем. Претендовавшие на первенство марксизм и фашизм потерпели тяжелое поражение от либерализма, который, в свою очередь,

смог интегрировать в себя социал-демократию и консерватизм, представив их как определенные вариации «большого либерализма». Нивелирование границ между классами, ослабление их антагонизма, «смерть пролетариата» и растворение противостоящих страт в среднем классе способствовали как снижению актуальности ряда расколов в обществе, которые определяли противостояние между «идейными» партиями, так и существенной трансформации в плане структуры политических партий: произошел переход от массовых партий к универсальным и картельным партиям, для которых ни целевой класс, ни идеология не представляют большого значения, а выступают лишь в качестве конъюнктурных категорий.

Другим ответом на кризис массовых партий стало возникновение новых социальных движений, значимое место среди которых заняли «зеленые» — движение с ценностями нового типа, обозначенными Р. Инглхартом как постмодернистские.

Постепенно новые социальные движения преобразовывались в политические партии, что позволило говорить о новых энвайронменталистских партиях, содержательно отличавшихся по своей идеологии ее нишевой — компактностью, не претендующей на детальную проработку всего спектра социальных вопросов, и, главным образом, в отличие от марксизма, социал-демократии и либерализма не концентрировавших внимание на экономической сфере как наиболее приоритетной. Напротив, «зеленые» старались отвоевать часть политического дискурса у экономического детерминизма. Критики такого рода партий видели в этой узости главный недостаток таких партий, не имевших единственно верного «ответа на все вопросы», что привело к их классификации как партий интересов или «партий одного вопроса».

Хотя нужно признать, что по-настоящему существенных успехов «зеленым» достичь не удалось¹, спустя почти столетия вопрос о борьбе экономических детерминистов и постматериалистов на партийном уровне был актуализирован второй волной постматериализма — возникло международное пиратское движение, за короткое время охватившее треть стран современного мира².

Особый интерес пиратские партии представляют как с точки зрения структурно-функционального подхода, организации новых партий, так и с доктринальной точки зрения.

Л. В. Сморгунув использует для характеристики данных партий как части более общего класса понятие «сетевых партий»³. Соглашаясь с дан-

¹ *Мартынов Д. С.* Сравнительный анализ постматериалистических партий (на примере «зеленых» и пиратов) // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2013. Вып. 2. С. 20–31.

² *Мартынов Д. С., Мартынова Н. А.* Феномен пиратских партий в российском и мировом контексте // Ученые записки ЗабГГПУ. 2012. № 4. С. 171.

³ *Сморгунов Л. В.* Сетевые политические партии // Полис. 2014. № 4.

ным определением в целом, тем не менее отметим, что следует различать два нюанса с точки зрения указанных выше двух традиционных для партологии подходов. С точки зрения структуры некоторые новые пиратские партии являются скорее «партиями-сетями», по аналогии с более ранними партиями-комитетами, партиями-секциями, партиями-ячейками и партиями-милициями Дюверже. Их следует отличать от «партий Сети» или же «сетевых партий» в плане идеологии. Такие партии являются выразителями новой формирующейся «классовой» квазиидеологии, основанной на этике хакеров, базовой ценностью которой является свобода передачи информации.

Однако ценности этики хакеров входят в противоречие с базовыми постулатами новой цифровой экономики, которая зиждется на авторском праве, позволяющем извлекать прибыль не из вещей, а из права на идеи, изображения, словосочетания. Сложилось новое противостояние: между консьюмерами и альтруистическими просьюмерами (в духе концепции «копилефт»), с одной стороны, и копирайтерами — с другой, главным образом в лице корпораций, обладающих «авторским правом» и, в меньшей степени, прагматичными просьюмерами. Поскольку Интернет оставался «территорией» первых, а государство — инструментом вторых, возникли два встречных вектора развития — с одной стороны, «колонизация Интернета» политикой и экономикой в рамках введения информационного пространства в рамки правового поля, с другой же стороны, развиртуализацией и институционализацией мирового пиратского движения.

Целью пиратских партий, как и других «партий постмодерна» — например, феминисток, — является ревизия дискурса. Однако если для феминисток главным является преобразование системы власти, то для пиратов куда важнее пересмотр экономического дискурса и связанной с ним этической системы.

А. Н. Марчуков
Волгоград

ОСНОВНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ «ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ 2.0» В РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

«Публичная дипломатия 2.0» — это направление в рамках публичной дипломатии, представляющее собой способ коммуникативного влияния на зарубежную аудиторию посредством технологий Web 2.0 (социальных

сетей, блогов, видеохостингов и пр.). Наблюдаемый в последние годы интерес к данному инструменту внешнеполитической деятельности со стороны теоретиков и практиков публичной дипломатии обусловлен ростом влияния социальных медиа на современную политику.

Российская Федерация, заинтересованная в сохранении и укреплении собственных позиций в существующей системе международных отношений, достаточно активно использует «публичную дипломатию 2.0» в своей внешней политике как с целью формирования положительного образа российского государства за рубежом, так и с намерением артикулировать собственную позицию по ключевым вопросам международной повестки дня. Особое значение данная внешнеполитическая деятельность приобретает в настоящее время из-за падения международного авторитета России в связи с ее активной позицией по отношению к внутриполитическим событиям на Украине.

Несмотря на определенные достижения РФ в сфере «публичной дипломатии 2.0», можно выделить ряд препятствий, осложняющих развитие данного направления отечественной публичной дипломатии. Одним из них является восприятие Интернета (и социальных медиа в частности) большей частью российской политической элиты как пространства, представляющего угрозу национальной безопасности страны (например, как инструмента навязывания чуждой идеологии и внешнеполитической пропаганды).

Хотя и существуют определенные основания для подобных взглядов, все же опасность использования зарубежными странами социальных медиа с целью дестабилизации политической ситуации в России чрезмерно преувеличена. С нашей точки зрения, существует риск, что РФ, уделяя слишком много внимания борьбе с «информационными угрозами» извне, не сможет в полной мере использовать возможности социальных сетей и блогов в продвижении собственного культурного влияния. Подобное положение вещей вызывает серьезную озабоченность, поскольку в современном мире все большее значение приобретает «мягкая сила» государства, а культура является одним из ее ключевых компонентов.

Другой важной проблемой России в реализации программ «публичной дипломатии 2.0» являются ее недостаточные усилия в установлении двусторонней коммуникации с зарубежной аудиторией. К сожалению, существующие аккаунты в социальных сетях, сервисах микроблоггинга, видеохостингах в основном применяются для размещения пресс-релизов; при этом практически не осуществляется диалог с рядовыми пользователями.

Нельзя не обратить внимания также на тот факт, что предпринимаемые РФ шаги в сфере «публичной дипломатии 2.0» не всегда соответствуют тем целям и задачам, которые обозначены в Концепции внешней политики РФ от 12 февраля 2013 г. В соответствии с данным документом приоритет-

ным направлением российской внешней политики является интенсификация сотрудничества с государствами — участниками СНГ, включая развитие Евразийского экономического союза. Однако анализ деятельности российских дипломатических учреждений в социальных сетях и микроблогах дает все основания говорить о недостаточных внешнеполитических усилиях РФ на постсоветском пространстве, особенно в странах Центральной Азии.

И наконец, серьезной проблемой на пути реализации РФ программ «публичной дипломатии 2.0» является низкий уровень участия в данном виде деятельности неправительственных организаций (которые обладают более высоким уровнем доверия, чем связанные с государством структуры). Появившиеся в последние годы в России некоммерческие организации, занимающиеся публичной дипломатией (Фонд «Русский мир», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, некоммерческое партнерство Российский совет по международным делам и др.) финансируются за счет российского государства, что дает основание подозревать их в политической ангажированности. Определенным решением данной проблемы могло бы стать привлечение к данному виду деятельности частного российского бизнеса, заинтересованного в развитии длительных экономических отношений с зарубежными странами.

С нашей точки зрения, внешнеполитическая деятельность России в сфере «публичной дипломатии 2.0» может быть вполне успешно скорректирована. Изучение зарубежного опыта в этой области, а также активные внешнеполитические действия РФ в сфере продвижения собственного культурного влияния с помощью социальных медиа могли бы усилить политические позиции России в мире. При этом особое значение приобретает деятельность России на постсоветском пространстве (прежде всего в странах Центральной Азии). Снижение доли русскоговорящего населения в ряде постсоветских стран наряду с серьезной конкуренцией со стороны США, Китая и ЕС в сфере публичной дипломатии актуализирует необходимость активизации внешнеполитических усилий РФ в данном регионе.

*М. Э. Меджитов
Симферополь*

ВНЕОЧЕРЕДНЫЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В УКРАИНЕ 2014 Г. (ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Результаты внеочередных выборов в Верховную Раду Украины, которые состоялись 26 октября 2014 г., показали, что в новый парламент проходят политические силы, которые активно принимали участие в акциях

протеста на Майдане. Выборы проходили по смешанной избирательной системе. По итогам выборов по партийным спискам прошли представители шести политических партий — «Народный фронт», «Блок Петра Порошенко», объединение «Самопомощь», «Оппозиционный блок», «Радикальная партия Олега Ляшко», Всеукраинское объединение «Батькивщина». Среди мажоритарщиков есть представители шести прошедших партий, а также самовыдвиженцы¹. Политические партии, которые прошли в парламент, различны по своей идеологии. Прохождение в парламент столь разных по идеологии политических партий ставит под сомнение эффективную деятельность самого законодательного органа.

Результаты выбора граждан оказались несколько иными, чем прогнозировались. Практически одинаковое количество голосов получили «Народный фронт» Арсения Яценюка — 22,14% и «Блок Петра Порошенко» — 21,82%. Однако с учетом мажоритарных округов президентский блок все же получил большинство. По итогам подсчетов, президенту удалось провести в парламент 146 депутатов, «Народному фронту» — 83².

Еще одной неожиданностью досрочных парламентских выборов стал третий результат новой для Киева политической партии объединения «Самопомощь» — 10,97%, что позволило занять 32 депутатских места в парламенте. Голосуя за эту партию, люди в центре страны одновременно выражали надежду на перемены у себя и демонстрировали заинтересованность в давно обещанной децентрализации, означающей максимальное расширение полномочий региональных органов власти³. Еще одной неожиданностью стало попадание в парламент политической партии «Оппозиционный блок», в состав которого входят многие представители Партии регионов и который вышел на четвертое место с результатом 9,42%. Это позволило занять данной политической силе 40 мест в парламенте.

«Радикальная партия Олега Ляшко», которой до последнего прочили второе место, стала только пятой и набрала 7,44% и 22 места в парламенте. Замыкает круг «победителей» партия «Батькивщина» Юлии Тимошенко с сенсационно низким для этой политической силы результатом — 5,68% и 19 мест в парламенте⁴. Впервые в парламент не попали представители компартии и других представителей левых сил.

Анализ деятельности Верховной Рады Украины восьмого созыва показывает, что новоизбранный законодательный орган не готов к конструктивной работе на благо украинского государства. Верховная Рада не смогла

¹ Ковальчук С. В. Боже великий єдиний, нам Україну храни // Голос України. 2014. № 230. С. 1–2

² Сайт ЦВК України. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cvk.gov.ua>.

³ Івженко Т. В Києве возобновляються акції протеста / [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ng.ru/authors/4428>

⁴ Сайт ЦВК України. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cvk.gov.ua>.

избежать противостояния между различными политическими партиями в стенах парламента.

Многообразие идей и взглядов, которые порой даже противоречат друг другу, заложило конфликт в основу самой коалиции. Первые разногласия произошли во время формирования состава Кабинета министров Украины и распределения за депутатскими фракциями руководства парламентскими комитетами. Разногласия в парламенте отразились на деятельности самой Верховной Рады, так как она стала «ареной» противостояния между президентом и премьер-министром Украины. П. Порошенко и А. Яценюк — два политических лидера, участники государственного переворота в Украине — стали непримиримыми оппонентами. Противостояние между президентом и премьер-министром чаще всего происходит в стенах парламента, превращая Верховную Раду в инструмент давления на политического оппонента. Примером такого противостояния стали заслушивания в парламенте отчета министра иностранных дел Климкина по итогам Минских переговоров на высшем уровне, которые проходили 12 февраля 2015 г. По итогам доклада лидеры депутатских фракций, входящих в коалицию, подвергли критике подписанные президентом страны Минские соглашения.

В свою очередь, ухудшение экономической ситуации в стране сильно сказывается и на авторитете Яценюка как главы правительства, который непосредственно отвечает за социально-экономическую ситуацию в стране. Этим, естественно, не преминула воспользоваться пропрезидентская фракция в парламенте. Заключаемые с Международным валютным фондом договоры подвергаются резкой критике со стороны пропрезидентских сил в парламенте, и ратификация происходит только после долгих консультаций со всеми фракциями. Критика в адрес главы правительства становится все жестче, так как деятельность Кабинета министров не приводит к улучшению социально-экономического положения в государстве. Группа депутатов из «Блока Петра Порошенко» инициировала решение об отставке не только отдельных министров, но и всего правительства во главе с премьер-министром А. Яценюком.

Таким образом, уже сейчас можно сделать вывод о том, что деятельность Верховной Рады Украины носит исключительно популистский характер. Неэффективность работы парламента признали уже и в Администрации Президента Украины. Заместитель главы Администрации Президента Украины Дмитрий Шимкив заявил, что из 513 пунктов, прописанных в соглашении, на данный момент выполнено всего около 3%¹. Эти результаты говорят о низкой эффективности деятельности Верховной Рады, что указывает на неготовность законодательного органа восьмого

¹ У Порошенку заявили о выполнении коаліційного договору лише на 3%. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vesti-ukr.com/strana>.

созыва к конструктивной деятельности. По мнению автора, парламент Украины в таком кадровом и партийном составе не сможет выполнять свои функции, предписанные Конституцией государства.

*Г. А. Меньшикова
Санкт-Петербург*

ЭКСПЕРТИЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ ВЛАСТИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Отличительной особенностью современного этапа организации государственного управления является обязательность публичного характера информации о деятельности учреждений, ее составляющих. Представляется, что сама структура, включая форму и режимы подачи информации, должна быть легитимирована, а полнота объема — стать показателем оценки качества работы учреждения, а соответственно и его руководителей.

Открытая оценочная информация, доступная для каждого жителя с позиции как ее изучения, так и формирования, станет новой формой проявления гражданской зрелости российского общества, показателем социальной активности ее граждан. Уже сейчас ощущается потребность в обобщении информации и создании как учебника, так и новой дисциплины «Основы активного гражданства», которая со временем должна стать сквозной, проходящей через всю систему обучения-образования. Помимо описания общих прав и обязанностей, в нем излагались бы «дорожные карты» активного поведения по ситуациям и направлениям деятельности.

В качестве примера хотелось бы описать итоги работы нашей кафедры — социального управления и планирования СПбГУ, в частности, по оцениванию системы государственного контроля за соблюдением норм этики работников. Не секрет, что одним из итогов хода административной реформы в XX в. было осознание и публичное признание особой сложности реформирования кадровой системы институтов власти.

Мировой наукой для оценки системы национального контроля за соблюдением норм этики сформулировано понятие «этического режима», которое включает в себя 10 компонентов: наличие официальных документов, в которых зафиксированы этические ценности (1), их глубина и жесткость, формально отраженные в его названии (2), наличие зафиксированных (в комментариях) «дорожных карт» или прописанных сценариев

действий при необходимости защиты честного чиновника (3), адаптация требований к конкретным организациям (4), увязка требований с внутренними документами организации (5), открытость информации о наказаниях за нарушение норм (6), использование этических оценок как основы карьерного роста (7), наличие лица и органа, ответственного за этический контроль (8), система обучения этическому поведению (9), этический аудит (10).

В отличие от зарубежных стран, где законодательство предлагает два направления регулирования — «Кодексы поведения чиновников» и «Систему запретов и ограничений, действующих в государственной службе», — российская практика контроля сведена к «Общим принципам служебного поведения государственных служащих РФ» (2002) и одноименному Указу Президента РФ от 16 июля 2009 г. № 814, что свидетельствует об отставании российской законодательной системы.

С целью анализа практики реализации контроля нами были проанализированы сайты ряда госучреждений на предмет выявления институтов (комиссий) внутреннего контроля за соблюдением норм этики. Так, в ГД РФ были созданы две комиссии: по вопросам депутатской этики и Аппарата ГД ФС РФ по соблюдению требований к служебному поведению федеральных госслужащих и урегулированию конфликта интересов. Совет Федерации ФС РФ особой автономной комиссией не имеет. В Правительстве Москвы с 2012 г. действует Комиссия по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами МГД. В Правительстве СПб — Комиссия по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих СПб, замещающих должности руководителей исполнительных органов государственной власти СПб, и урегулированию конфликта интересов. (Отметим, что для неруководителей работа разбита по комитетам и подразделениям.) В Правительстве Ленинградской области действуют также две комиссии: «По соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих ЛО и урегулированию конфликтов интересов в органах ЛО и аппарата мировых судей» и «По соблюдению требований к должностному поведению лиц, замещающих государственные должности ЛО в администрации ЛО и урегулированию конфликта интересов». В СПбГУ (гос. университете) — Комиссия по этике.

Итак, названия комиссий существенно различны. Не меньше различий содержится в информации об их работе. На сайтах в лучшем случае можно найти текст постановления, регулирующего деятельность комиссии, и ее состав. Только на сайте правительства Ленинградской области нами были выявлены протоколы одной из комиссий.

После проведения анализа 166 протоколов (опубликованных) за период 2009–2014 гг. нами были выявлены три группы оценок: инициатор

обсуждения/обвинения, предмет и наказание. Из общих выводов можно отметить: 1) определенную пользу работы комиссии (по мере ее работы ряд нарушений автоматически устранялся), 2) минимум ее возможностей (в основном она давала рекомендации), 3) основным наказанием (а к этому выводу комиссия приходила не чаще чем в 10% случаев) был выговор или замечание. Указаний на более серьезные нарушения не было выявлено.

М. Ю. Мизулин
Москва

МЕТОДИКА РАСЧЕТА И ТРАНСЛЯЦИИ РЕЙТИНГА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

1. Ежегодный бестселлер-справочник *World in Figures 2013 Edition*, издаваемый с 1991 г. *The Economist Newspaper Ltd*, использует индекс развития человеческого потенциала, индекс экономической свободы, индекс *Big Mac*, индекс демократии, биржевые индикаторы, индекс технологической готовности, индекс коррумпированности, индекс экологической эффективности, индекс загрязнения атмосферы, мировой рейтинг благотворительности, индекс свободы печати и глобальный индекс миролюбия.

2. Мировой бестселлер-справочник *World in Figures 2013 Edition* не содержит параметров рейтинга государственного суверенитета и тем самым создает возможность восполнения этого пробела и закрепления по этой теме авторского права за российскими учеными.

3. Суверенитет государства — величина, которая поддается косвенному измерению. Косвенное измерение означает возможность непосредственной фиксации тех частных характеристик деятельности государства, которые можно считать признаками государственного суверенитета, по мнению большинства руководителей государств, политиков, представителей бизнеса и экспертов. На основе измеренных частных характеристик могут формироваться различные сводные оценки, которые и будут рейтингом государственного суверенитета. В числе методов расчета сводных оценок могут быть простейшие, например средневзвешенные и сложные математические конструкции.

4. В силу слабой формализуемости понятия «государственный суверенитет» ни одна из математических конструкций сводной косвенной оценки не имеет явных преимуществ: наряду с достоинствами каждый математический инструмент имеет свои недостатки. В силу этого при измерении государственного суверенитета необходимо применение всеми участниками одного метода — при условии, что строго доказано согласование основных

параметров функции оценки государственного суверенитета, определяемой его сущностью, и сводной оценки измерения частных характеристик государственного суверенитета.

5. Принимая во внимание такие показатели, как соотношение стратегических ядерных сил, соотношение обычного вооружения, членство в Совете Безопасности ООН, число чужих военных баз на собственной территории, число дипломатических миссий за рубежом, задолженность государства в процентах от валового внутреннего продукта, внешний долг государства, доля импортных товаров в объеме потребления внутри страны, доля экспорта прямых инвестиций в страну от зарубежных инвесторов, доля в потребляемой энергии собственных энергоресурсов, доля иммигрантов в населении, доля импортного оборудования в здравоохранении, доля импортных лекарств на внутреннем фармакологическом рынке, процент студентов, обучающихся за рубежом, доля в прокате иностранных фильмов, процент населения, исповедующих религию, глава которой находится на территории государства, приверженность пользователей Интернета отечественным поисковым системам, автор приходит к выводу, что Россия наряду с КНР в настоящее время имеет самый мощный государственный суверенитет (после США) из всех стран G20.

6. После распада СССР в 1991 г. как государства, обладавшего суверенной мощью, Соединенные Штаты Америки сформировали национальную и международную экономико-политическую систему собственного государственного суверенитета и подчинения его влиянию других государств современного мира.

7. Россия относительно европейских стран, большинства стран G 20, стран СНГ и стран постсоветского пространства сохраняет собственный государственный суверенитет. На фоне существенных шагов по укреплению российской государственности, предпринимаемых руководством страны начиная с 2000 г., состояние суверенитета Российской Федерации не достигло уровня СССР и нуждается в радикальном совершенствовании.

8. Проблемными зонами государственного суверенитета России является состояние частных суверенитетов в сферах экономики, финансов, культуры, миграции и здравоохранения.

9. В историческом ракурсе можно выделить пики российского государственного суверенитета (периоды правления Николая I, Александра III, индустриализации СССР), которые всегда приходились на время активной внешней политики, укрепления армии и флота, промышленного роста, антилиберализма, ключевой роли православия или воинствующего атеизма.

10. При осмыслении целостной концепции государственного суверенитета, методики расчета и трансляции рейтинга государственного суверенитета метод сравнительных политологических исследований нуждается

в реконструкции, вплоть до возможности признания феномена «суверенного политологического мышления».

11. Авторская методика расчета и трансляции рейтинга государственного суверенитета, представляемая на политологическом конгрессе, разработана как открытая информационная система. Необходима дальнейшая разработка данной проблематики с участием российских и международных экспертов.

И. В. Мирошниченко
Краснодар

НАУЧНАЯ ШКОЛА «ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ» В КУБАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Однажды в дискуссии о преемственности поколений в науке была высказана такая мысль: «О научной школе можно говорить лишь тогда, когда защитились ученики учеников». Если это так, то научная школа «Публичная политика и государственное управление» в Кубанском госуниверситете действительно состоялась, несмотря на свой относительно юный возраст. Пять молодых ученых, которые стали кандидатами политических наук в начале 2000-х, теперь успешно руководят исследованиями своих аспирантов. Школа начала формироваться на кафедре политологии и политического управления (кафедрой последовательно заведовали А. П. Андреев и В. М. Юрченко). В 2004 г. была создана кафедра государственной политики и государственного управления (заведущая Е. В. Морозова, с 2015 г. — И. В. Мирошниченко). 11 лет назад в штате было 12 преподавателей, 1 доктор и 5 кандидатов наук. Сейчас коллектив кафедры насчитывает 18 штатных преподавателей, в том числе 5 докторов и 10 кандидатов наук.

В рамках реализации различных инициативных и грантовых научно-исследовательских проектов представителями научной школы «Публичная политика и государственное управление» были получены следующие наиболее крупные научные результаты, имеющие методологический, инструментально-эмпирический и прикладной потенциал развития.

— Создана концепция региональной политической культуры как важнейшей детерминанты политических процессов и развития региональных политий; определена роль территориальной идентичности в трансформации политических субкультур в современных изменяющихся социокультурных условиях (Е. В. Морозова).

— Разработана концепция политической картины мира как направления исследования субъективного пространства политики, раскрывающая ее сущность, структурные компоненты, динамические аспекты (И. В. Самаркина).

— Разработана теоретическая модель, которая раскрывает природу и особенности публичного пространства, соотношение ее нормативных (онтологических) и национальных черт; характер воздействия на ее содержание сетевого ландшафта современного российского общества и механизмов формирования и воспроизводства сетевой публичной политики, а также влияние последней на современную государственную политику России (И. В. Мирошниченко).

— Предложена концептуальная модель многоуровневого политического управления конфликтами в условиях рассеивания властных функций и регионализации политических процессов (А. И. Кольба).

— Выявлены институциональные характеристики развития региональной и локальной публичной политики (А. М. Ждановский, С. А. Миронцева, А. А. Гнедаш, О. А. Калашникова) и обоснована политическая субъектность социальных и экономических акторов в публичной политике регионов. Теоретически обоснована модель политической институционализации социальных сетей, объясняющая развитие их конструктивного и деструктивного потенциала в онлайн- и офлайн-пространстве публичной политики (И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова, Н. А. Рябченко, А. А. Гнедаш).

— Выявлены и охарактеризованы институциональные и процессуальные характеристики выработки публичной политики и механизмы реализации различных направлений государственной политики — экологической (М. В. Терешина, Н. Г. Ермолов), антикоррупционной (И. В. Мирошниченко, В. П. Копачев), социальной, гендерной (А. А. Гнедаш), молодежной (Н. В. Плотицкина, О. А. Бориско), конфессиональной (А. В. Егупов) и т.д.

— Обоснована роль интерактивных механизмов в развитии государственного управления; оценены универсальные возможности таких механизмов, как электронное правительство, электронное правление, открытое правительство, электронная демократия и краудсорсинг, в создании единой экосистемы сетевого публичного управления и развития публичной политики (И. В. Мирошниченко, Н. А. Рябченко); определены их политико-правовые характеристики (М. М. Курячая, М. А. Егупова).

Если попытаться выделить главное, что отличает научную школу, можно ограничиться тремя характеристиками: динамизм, открытость, социальная активность. Динамизм проявляется в творческом научном поиске, обращении к проблематике, находящейся на фронтальной линии современной политической науки. За период становления школы защитили докторские диссертации М. В. Терешина, И. В. Мирошниченко, А. И. Кольба,

И. В. Самаркина. 32 аспиранта кафедры успешно защитили кандидатские диссертации. Представители научной школы участвовали в реализации 5 международных и 20 российских грантов (в том числе 2 гранта Президента РФ, 3 — Министерства образования и науки, 1 — Минрегионразвития, 10 — РГНФ, 2 — РФФИ, 3 — Общественной палаты РФ). Открытость школы обнаруживается прежде всего во взаимодействии с партнерами — как российскими (МГУ, СПбГУ, МГИМО (У), НИУ ВШЭ, Пермский НИУ, Южный ФУ, Астраханский ГУ, Ярославский ГУ, Воронежский ГУ, ИМЭМО РАН, ИСА РАН, ИС РАН, ИНИОН РАН), так и зарубежными (Геттингенский университет, университет Коимбры, университет Э. Лоранда в Будапеште, Бирмингемский университет, Ереванский университет, Sciences Po в Бордо и др.). Кубанские ученые принимают деятельное участие в многогранной работе РАПН, многие из них являются членами исследовательских комитетов, участвуют в конкурсах научных работ, проводимых ассоциацией. С 2007 г. научная школа выступает инициатором и организатором Всероссийских школ молодых ученых-политологов и вместе с кафедрой политического управления СПбГУ — организатором Всероссийских семинаров исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии. Социальная активность проявляется в самых различных сферах, прежде всего в волонтерском движении и экспертно-консультационной деятельности в области государственного управления. Представители школы готовили к работе волонтеров XXII зимних Олимпийских игр в Сочи, а 6 из них сами работали на Играх. Практически все ученые работают в экспертных советах, конкурсных комиссиях в органах государственной власти региона.

*О. А. Мирясова
Москва*

ВЛИЯНИЕ ВКЛЮЧЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕННУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ НА ВОСПРИЯТИЕ ВЫБОРОВ И ПРОТЕСТОВ «ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ»¹

Исследования, проведенные отделом сравнительных политических исследований Института социологии РАН в 2008–2014 гг., показывают, что политическое поведение индивида в значительной степени определя-

¹ Выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия».

ется наличием у него опыта включенности в протестные действия и общенационально-политические объединения, а также отношением к власти.

К осени 2014 г. у российского общества было достаточно времени, чтобы отрефлексировать протесты «за честные выборы», вылившиеся в кратковременный, но заметный рост числа участников уличных политических протестов. Как показывают результаты фокус-групп¹, мнение о протестах «за честные выборы» есть у подавляющего большинства активистов и у части невовлеченных. Невовлеченные критически высказываются в адрес лидеров и считают, что протесты были бессмысленными и нерезультативными. Политические активисты в Москве и Нижнем Новгороде отзываются об акциях 2011–2012 гг. как о безусловно важных событиях. Но оценки их последствий диаметрально противоположные. Одни считают, что движение «за честные выборы» вызвало ужесточение законодательства, репрессии и разочарование в эффективности мирных протестов. Другие отмечают «сплочение общества» и приход в политические движения новых активистов. Общественники в Москве были тесно вовлечены в движение наблюдателей и участвовали в протестах, а для нижегородских общественников эти события остались чем-то внешним, к чему они не имели отношения. Уличные акции «за честные выборы» в Нижнем Новгороде не были массовыми и затронули только круг политизированных активистов.

Позиция невовлеченных в Нижнем Новгороде по отношению к выборам довольно противоречива: преобладает фатализм (ощущение предопределенности результата), декларируется отсутствие альтернативы и одновременно готовность участвовать в выборах ради подтверждения статуса демократической политической системы. Жители Москвы в случае фаталистской установки избегают участия в выборах или портят бюллетени. Остальных привлекает идея важности конкуренции между кандидатами (опасение получить небольшой процент на выборах заставляет власти лучше работать), а также исполнение «гражданского долга». Поддержка кандидатуры В. Путина артикулирована в Москве как «страной можно гордиться», тогда как в Нижнем Новгороде опрошенные указывают на экономическую стабильность.

Общественники в Нижнем Новгороде пользуются возможностями выборов на местном и региональном уровнях, чтобы через кандидатов продвигать свою повестку, а также считают их важным средством от монополизации власти, оценивая при этом конкурентность региональных выборов как крайне слабую. На смену фальсификациям при голосовании пришел «предварительный отбор», когда до выборов не допускаются ре-

¹ В октябре—ноябре 2014 г. ОСПИ ИС РАН с целью уточнения результатов опроса провел шесть фокус-групп в Москве и Нижнем Новгороде. В фокус-группах участвовали три типа респондентов: невовлеченные, политические активисты и активисты-общественники.

альные соперники представителям действующей власти. Региональные выборы оказались для общественников значимее федеральных, так как в этом случае они в большей степени вовлечены в избирательную кампанию, поддерживая «своего» кандидата. Некоторые общественники в качестве избирателей портят бюллетени или голосуют за аутсайдера в пику кандидату от «партии власти».

Среди общественников Москвы выборы были особенно важны для тех, кто был активно вовлечен в движение наблюдателей или включен в избирательную кампанию одного из кандидатов. Остальные тоже признают важность выборов и голосовали за оппозицию. Заинтересованность в участии в региональных выборах сентября 2014 г. ниже, чем в федеральных, но тоже высока. Почти все опрошенные знали своих кандидатов в Мосгордуму, могли охарактеризовать их взгляды и мотивировать свой выбор при голосовании.

В кругу нижегородских политических активистов тема выборов — одна из самых обсуждаемых, хотя российская повестка и была вытеснена украинской. На федеральных выборах они голосовали за оппозицию, портили бюллетени или прибегали к сознательному бойкоту, но некоторые также стремились быть наблюдателями. Региональные выборы для политических активистов очень значимы, но в то же время подавляющее большинство считает, что приход к власти другого кандидата не оказал бы серьезного влияния на социально-политическую ситуацию в области.

В Москве обсуждение выборов политическими активистами выявило две противоположные позиции: скепсис по отношению к идее представительной демократии как таковой и убежденность в важности института выборов, сопровождающуюся уверенностью, что честные выборы невозможны в современной авторитарной России.

*Т. Н. Митрохина
Саратов*

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОНЦЕПТА «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»¹

Анализ информационного пространства с опорой на методологию, основу которой составил концепт «политический проект», позволил интегрировать разрозненные повседневные новостные сообщения и коммуникативные практики в целостные проектные конструкции. В глобаль-

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-03-00112 «Политические проекты в дискурсивном пространстве современных российских СМИ».

ном масштабе проектирование и реализация политических проектов являются весьма востребованными практиками стратегического управления современными политическими процессами. Информационное пространство насыщено сообщениями о реализации разнообразных политических проектов — от масштабных проектов глобального уровня, основанных на национальных стратегиях и интересах, до сугубо технологичных политических бизнес-проектов.

В то же время проведенный анализ усилил понимание того, что в современной российской политике системная проектность выражена слабо, а по мнению ряда аналитиков, и вовсе утрачена. Серьезной проблемой является «короткий горизонт планирования» и отсутствие инвестиций в «длинные» политические проекты, обеспечивающие стратегическое поведение государства как на внутривнутриполитическом уровне, так и во внешнеполитических отношениях¹.

В контексте западных санкций, к которым Россия оказалась весьма чувствительна, проблема стратегических проектов, а точнее — проблема их отсутствия в управленческой практике современной России и необходимость возврата к проектно-целевой модели государственного управления приобрела особое звучание и актуальность².

Методология, основанная на концепте «политический проект», оказалась весьма функциональной в плане выявления ряда тенденций и параметров политического управления, в целом составивших основу объяснительной модели современной российской политики.

Анализ временного параметра модели позволяет утверждать, что современное пространство российской политики в целом претерпело существенные изменения — от системной проектности и реализации советского проекта (в период существования СССР), через период полной утраты государственными масштабных проектов (в 1990-е годы) к периоду реализации сугубо технологических проектов для контроля ситуации и удержания власти на внутривнутриполитическом уровне, и далее — к периоду понимания отсутствия и жизненной необходимости «большого проекта» для России.

Анализ второго параметра модели осуществлен по линии выявления функциональности российских политических проектов в динамическом аспекте — от периода реализации сугубо технологических проектов по удержанию власти и устранению конкурентов на внутривнутриполитическом уровне до периода реализации ценностных, духовных, идеологических и стратегических проектов, основанных на национальных интересах.

¹ Петров Н. Обилие слабого государства // Россия-2020: Сценарии развития. М.: РОССПЭН, 2012. С. 308.

² Папченкова М., Лютова М. Президент Сбербанка Герман Греф предложил реформу госуправления. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/39434591/pravitelstvo-pri-pravitelstve>.

Следующим параметром модели являются субъекты политического проектирования, в качестве которых выступает узкая/закрытая группа элиты, существенно дифференцированная по территориальным и возрастным характеристикам. Региональная элита интегрирована во властную вертикаль и не является самостоятельным субъектом проектирования. Претензии на реализацию масштабных и амбициозных геополитических проектов более выражены у представителей старшей возрастной группы и существенно снижены у более молодых представителей политической элиты. В целом геополитические амбиции российской политической элиты по сравнению с серединой 1990-х годов существенно снизились¹.

Четвертый параметр составил анализ условий реализации проектов. Более конкурентные и жесткие условия характеризуют реализацию внешнеполитических проектов, встречающих серьезное сопротивление. Внутриполитические проекты реализуются в менее конкурентной среде и чаще достигают запланированного результата с меньшими ресурсными затратами. Способность к проектированию наиболее жестко тестируется событиями внешнеполитического уровня.

Пятым, не менее важным параметром модели является параметр «официальное/альтернативное» понимание окружающей действительности. Оппозиционная элита предлагает социально-экономические и политические проекты, однако степень подавления альтернативного понимания российской действительности остается достаточно высокой.

В рамках доклада предполагается более детальное обсуждение методики анализа информационного пространства, сущности концепта «политический проект», параметров объяснительной модели и других результатов и особенностей проведенного исследования.

Т. А. Михайлова
Балаково

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Национальные интересы России в Арктике и присутствие в Арктическом совете объясняются просто. Арктика обладает колоссальными объемами природных ресурсов, освоение которых видится одной из важ-

¹ Российская элита — 2020. Аналитический доклад грантополучателей международного дискуссионного клуба «Валдай». 2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_elite_2020_rus.pdf.

нейших задач дальнейшего развития мировой экономики. Вместе с тем этот регион имеет огромное стратегическое значение, в особенности для нашей страны, учитывая ее своеобразный геополитический «сдвиг» на северо-восток, произошедший после распада Советского Союза.

Основной национальный интерес России в Арктике — энергетический. России принадлежит основная часть топливной «макушки» мира. Потенциал арктического шельфа в границах российских полярных владений превышает 88 млрд т условного топлива¹. При нынешнем уровне цен это более 9 трлн долл.

Кроме того, регион выступает своего рода резервом свободных территорий планеты. Площадь российской арктической зоны — 5,8 млн кв. км. В Арктике самая протяженная государственная морская граница России (19 724,1 км), имеющая принципиальное значение для обеспечения экономических и геополитических интересов страны, ее национальной безопасности².

В ходе исторически длительного процесса освоения арктических районов и эксплуатации природных ресурсов в Арктике сложилось фактическое размежевание сфер интересов приполярных государств. США имеют собственные претензии на Арктику, как, впрочем, Дания, Канада и Норвегия. Сегодня крупнейшие нефтяные корпорации — от американской *ExxonMobil* до англо-голландской *Royal Dutch Shell* — выражают готовность работать в потенциально богатом углеводородным сырьем регионе; также британская *BP* и российская компания «Роснефть» договорились о совместной разработке арктического шельфа.

Таким образом, ведущие мировые державы уже готовятся к переделу арктических пространств и заметно активизировали научно-исследовательскую деятельность в Арктике, в том числе и в пределах полярного сектора России. «В последнее время возникла мода на Арктику, во многом, конечно, из-за открывающихся экономических возможностей. При этом у многих стран, которые никакого отношения к Северному полюсу не имеют, возникло желание “оттяпать” кусочек “арктического пирога”. Если дать им “зеленый свет”, скоро в Арктическом Совете будет сто наблюдателей, которые постепенно будут требовать все больше и больше прав, а потом настоят на превращении Арктики в “общечеловеческое достояние” по

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 25.10.1995 г. «О континентальном шельфе Российской Федерации» (с изменениями на 21.11.2011 г.) // Российская газета. 1999. № 30 / Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

² Федеральный закон Российской Федерации от 31.07.1998 г. №155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» в редакции изменений, внесенных Федеральным законом от 27.12.2009 г. № 364-ФЗ // Российская газета. 2009. № 252.

образцу Антарктики, — сказал газете «Коммерсантъ» высокопоставленный источник в российской делегации. — Россия хочет этого избежать»¹.

Председательство России в Арктическом совете стало настоящим прорывом в реализации внутренней и внешней политики страны и значительно укрепило статус и имидж России на международной арене. Россия председательствовала в Арктическом совете в 2004–2006 гг. Вклад, который наша страна внесла в развитие этой организации в ходе председательства, во многом связан с акцентированием экономического аспекта взаимодействия государств в Арктике.

Несомненно, работа в Арктическом совете способствует и разработке своих национальных проектов и программ. Например, принятие закона «Об арктической зоне РФ» станет заметным вкладом в удвоение ВВП. На заседании Комитета по проблемам Севера и Дальнего Востока Государственной думы рассматривали и законопроект «О районировании Севера России», где говорилось о льготах для жителей Севера.

Участие России в Арктическом совете позволяет привлекать внебюджетные средства для реализации совместных проектов. В частности, поддержка Арктического совета во многом обеспечила одобрение заявки Российской Федерации в Глобальный экологический фонд на финансовую поддержку Национального плана действий по защите морской среды от антропогенного загрязнения в Арктическом регионе Российской Федерации, который привлечет в Россию около 20 млн долл. США в виде гранта. 25 мая 2011 г. Арктический совет обсудил в Гренландии финансирование экопроектов. Россия идет на конструктивный диалог с другими странами.

«Работа Арктического совета полностью соответствует российским интересам, — подчеркнул представитель России в Совете, председатель Комитета старших должностных лиц Арктического совета, член Совета Баренцева/Евро-Арктического региона, посол по особым поручениям А. В. Васильев. — Роль России в Арктическом совете, как минимум, соответствует ее месту на карте Арктики»².

Присутствие в Арктике России крайне необходимо по многим причинам — научным, экономическим, стратегическим³. В. В. Путин предложил посвятить следующий Арктический форум природоохранной тематике. «При всей суровости образа Арктики она обладает самой хрупкой экосистемой на нашей планете, цена невнимательного, беспечного отношения

к ней очень высока, последствия могут быть чрезвычайно серьезными»¹, — сказал В. В. Путин.

В. А. Михеев
Москва

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Социально-экономический, циклический кризисы становятся все заметнее для широких слоев населения. В условиях их нарастания все чаще проявляются недовольство граждан, акции протеста. Все сложнее становится находить цивилизованный выход по традиционным схемам регулирования возникающих социальных противоречий.

Из-за кризиса доходы бюджета снижаются в 2015 г. на 2,5 трлн руб. Правительство РФ принимает решение урезать расходные статьи бюджета.

Сокращенное финансирование планируется по госпрограммам «Развитие здравоохранения», «Развитие образования», «Социальная поддержка граждан», «Доступная среда», «Жилище», «Содействие занятости населения». Уменьшаются средства, выделяемые на «материнский капитал», на господдержку социально ориентированных НКО и на ряд других отраслей социальной сферы.

В целом ряде отраслей разрабатываются и осуществляются меры по массовому высвобождению работников. К примеру, в начале апреля «Ростех» объявил о сокращении 40 тыс. управленцев. «АвтоВАЗ» провел основное сокращение в 2014 г. и в текущем году тоже планирует сокращение. В январе—феврале приостановили работу Тверской и Демидовский вагоностроительные заводы. Угроза массового высвобождения работников обозначена на Ростовском заводе гражданской авиации, на Орском вагонном заводе. В высокотехнологичных отраслях автомобилестроения, машиностроения работодатели, по словам председателя РСПП А. Н. Шохина, близки к тому, чтобы начать массово сокращать работников². Серьезные сокращения планируются на госслужбе.

Работники, попадающие под сокращение, нередко обращаются с просьбами защитить их права от злоупотреблений госчиновников и собственников. Обращения адресуются Президенту РФ В. В. Путину. Об

¹ Сайт Коммерсантъ: <http://www.kommersant.ru>.

² *Арсюхин Е., Чичкин А.* Черное под белым. Падение цен на нефть делает пока нерентабельной «битву за Арктику», но она еще впереди // Российская газета. 2008. № 4801. С. 1–3.

³ *Моргунов Б. А.* Экологизация процесса выработки стратегических решений и устойчивое развитие российской Арктики. М.: ОИФЗ РАН, 2003. С. 97.

¹ Выступление Председателя Правительства РФ В. В. Путина на Втором Международном Арктическом форуме «Арктика — территория диалога» // Российские полярные исследования. Информационно-аналитический сборник. 2011. № 4 (6). С. 3.

² *Рыженкова Ю.* Дай миллиард // Солидарность. 2015. № 14.

этом свидетельствуют, к примеру, обращения полуторатысячного митинга предпринимателей в Москве 7 апреля 2015 г.; работников Вологодского машиностроительного завода; рабочих Южно-Уральской железной дороги, строителей моста в г. Владивостоке и др.

Подобные претензии и ламентации на власть, на собственников являются довольно серьезным сигналом того, что традиционные механизмы, стандартные подходы к регулированию возникающих социальных противоречий и конфликтов не работают. Обозначился симптом необычной коллизии — «борьба вместе с Путиным» против системы. Это соответственно может стать обычным, распространенным типом поведения в сложившейся политической ситуации. Проблема в том, каков ресурс у органов власти в этой новой ситуации. Если такого рода напряженность будет нарастать, то органам власти придется осваивать и применять нестандартные методы и технологии. Но готовы ли они к этому?

Сегодня нет простых решений, в том числе в регулировании социально-экономических конфликтов.

В обществе формируются новые ценности, стандарты, присущие по своим запросам ценностям развитых стран. При этом реакция общества на происходящие шоки не является симметричной. Экономически активное население не станет таким, каким было 15–20 лет назад. Новое поколение, которому сегодня 30 лет, формирует свою, новую повестку. Какой она будет — сказать сложно, но у нас продолжают большие риски и издержки. Сейчас есть спрос на модернизацию, но и здесь противоречие: на какой основе она должна осуществляться, путем мобилизации или либерализации?

У нас до настоящего времени остается противоречивым опыт реформ в образовании, здравоохранении, пенсионной системе. В институциональную ловушку, к примеру, попала идея «эффективного контракта» в системе образования. Деятельность педагогов и коллективов учебных заведений сегодня оценивается в основном по бюрократическим критериям, отражающим не качество обучения, а формальные показатели. Общественные формирования учебных заведений практически выводятся из системы эффективного контракта.

Происходит нарастание других факторов, усиливающих противоречия в обществе. К их числу относятся снижение доходов населения, рост цен, увеличение тарифов ЖКХ. Все это обуславливает широкий спектр оснований для протестных настроений, распространение разнообразных типов самоорганизации с неопределенными векторами развития, с возрастанием рисков непредсказуемых социальных расстройств.

Вся система регулирования социальных конфликтов пронизана институциональными вертикальными (иерархическими) и горизонтальными связями. Ключевая роль в управлении конфликтами принадлежит органам власти и институтам гражданского общества, которые представляют ин-

тересы не только общественных формирований, но и бизнес-структур. Во взаимодействии с гражданскими институтами, бизнес-структурами власть может эффективно реагировать на протестную активность, используя конфигуративные методы анализа, применение сетевого управления, социального, межсекторного, государственно-частного партнерства.

И. В. Моисеева
Москва

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВ РЕАЛЬНОГО И ИДЕАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Исследование, посвященное восприятию институтов законодательной власти в третьем президентском сроке В. В. Путина, было проведено кафедрой психологии и социологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова в 2013 г. в восьми регионах России. Модель изучения образов парламента основывается на апробированной методологии изучения политического восприятия¹. В рамках доклада представлены полученные данные по содержательным характеристикам образов реального парламента в массовом сознании (на примере образа Государственной думы РФ) и эталонных представлений.

В целом образ законодательной власти противоречив по многим параметрам. Если нормативный, реальный и идеальный образы парламента схожи по психологической структуре, то они принципиально отличаются по содержательным компонентам. Среди всех законодательных институтов именно Госдума РФ ассоциируется у россиян со словом «парламент», это один из самых известных и публичных политических институтов, но далеко не самый популярный. Критические замечания в адрес законодательной власти не зависят от политической позиции и предпочтений респондентов. Текущая деятельность Госдумы РФ не находит поддержки и у сторонников текущего политического курса, а тем более у его противников. Под вопрос ставятся «повестка дня» и «качество» принимаемых законодательных решений, «человеческий капитал» и профессионализм депутатов-представителей, а также в целом под вопросом находится и легитимность Госдумы РФ текущего созыва в части признания опрошенными гражданами результатов выборов 2011 г.

¹ Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2012. С. 14–80.

Различия между «должным» и «реальным» отмечаются в качестве реализации законодательных, контрольных, а особенно представительских функций. Различия в представлениях касаются как частных вопросов функционирования парламента (механизмы отчетности представителей, возможность отзыва депутатов, понятные схемы контроля ответственности и оценки работы законодателей), так и стратегического порядка. Модель представительства в целом вызывает вопросы. Если в текущем контексте депутаты Госдумы представляют политическую элиту и «доверенных лиц» общества, то граждане хотели бы видеть представительную модель «делегатов»¹, которая не предполагает наличие привилегий, но является, по сути, отражением общества, решает другой круг профессиональных задач, проявляет лояльность избирателям, формулирует точное выражение и проведение запросов общества.

Десяток характеристик, требующих изменений, создает дистанцию между «реальным» и «идеальным» образами. По характеру предлагаемых изменений граждане мыслят в «реформаторском» ключе («эволюционный» и «революционный» подходы оказались в меньшинстве). Основные сферы, требующие изменений, по мнению российских граждан: структурные реформы парламента, методы рекрутинга представителей, изменения внутренних процедур, касающихся взаимоотношений избирателей и представителей, систем контроля, формирования повестки дня. Хотя большинство респондентов отмечают и негативно оценивают дисбаланс властной системы, подчиненное положение законодательной власти по отношению к другим институтам, они в меньшей степени видят целесообразность в корректировке политической системы в целом.

Именно противоречия в содержании характеристики нормативного, реального и идеального образов парламента создают негативную тональность политического восприятия. Респонденты, безусловно, не являются экспертами в политической сфере, и их советы по изменению политической системы — не профессиональный анализ, однако мы исходим из того, что граждане являются важным актором российской политики, их мнение и поддержка легитимизируют политический процесс на микрополитическом уровне. Данные текущего исследования говорят о том, что граждане не в полной мере готовы «принимать» парламента как политический институт и взаимодействовать с ним, что, безусловно, требует внимания политических экспертов.

¹ Модели представительства в терминологии О. Ю. Малиновой — см.: Малинова О. Ю. Теория представительства и политический символизм парламента в российском контексте // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3. С. 5–11.

ДИСФУНКЦИИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ И ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ НАПРЯЖЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ (на примере Курской области)

Термин «публичная сфера» используется в научном дискурсе с 1960-х годов прошлого века. Считается, что он впервые появился в 1964 г. в словаре *Fischer Lexikon*, в выпуске, посвященном массовым коммуникациям и публицистике. В 1970-х его стал широко использовать Ю. Хабермас в разработке теории коммуникативного действия.

Хабермас¹ определил «публичную сферу» как область социальной жизни, в которой формируется общественное мнение. Ключевыми элементами «публичной сферы» признаются всеобщий доступ, добровольное участие, свобода высказывания мнений, обсуждение политических вопросов вне зависимости от институциональных позиций. В понятие публичной сферы Хабермас закладывает общественный статус, право на высказывание частного мнения и его общее обсуждение, получение реакции на него со стороны других участников социального и политического дискурса.

Хабермасовская модель публичной сферы опирается на общественное сознание, достигшее высокой степени понимания своих интересов, на развитое гражданское общество, организованное в различные движения и ассоциации. Публичная сфера — это сфера публичного выражения требований к устоявшимся правилам и рационально-критических дебатов, основанных на «стандартах разума», в которых побеждает «лучший аргумент» и целью которых является достижение консенсуса.

Публичная сфера позже, в 2000-х годах, стала определяться как посредническая область коммуникации между формально организованными политическими дискуссиями и принятием решений на уровне власти и неформальными, идущими лицом к лицу реакциями, интерпретациями и обсуждениями на социальном уровне.

Ныне, в условиях не совсем удачной реализации реформ в социальной сфере (образования, здравоохранения, пенсионной системы и пр.), роль

¹ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society. Polity. Cambridge, 1962 (trans 1989). P. 89.

публичной сферы и публичной политики существенно возрастает, позволяя снизить риски принятия управленческих решений и соответственно появления социальных протестов.

На основе методологии ЯН-индекса исследования публичной политики на региональном уровне¹ в Курской области был выявлен централизованный тип публичной политики². Но в последующие годы — в 2011-м, особенно в 2012-м, ситуация стала меняться. Октябрь 2012 г. охарактеризовался убедительной победой партии «Единая Россия» при выборах в Курское городское собрание. Команда губернатора А. Н. Михайлова усиливается. Это доказывает, что модель «сообщества элит», которая функционировала в 2008–2009 гг., очень неустойчива. Административные стратегии сыграли свою роль. Происходит нарастание моноцентризма, что приводит к формированию разрывного типа публичной политики. Представители власти начинают резко отрываться в своих оценках от двух других групп — и прежде всего представителей малого и среднего бизнеса. Это говорит о том, что его представители не имеют возможности влиять на принятие социально значимых решений, связанных с их профессиональной деятельностью.

По итогам исследований установлено, что при сохраняющейся безапелляционности органов федеральной власти при введении «реформаторских решений» без обсуждения с другими акторами и без пилотной отработки в регионах неминуемо возникают негативные последствия их реализации (реформы ЖКХ, образования и пр.), отражающиеся в ухудшении оценок состояния публичной политики со стороны гражданского общества. Представители гражданского общества уже в конце 2009 г. не очень-то и заблуждались насчет больших возможностей проявления своей инициативы: *«Публичная политика в Курской области стоит у своих истоков... чрезмерная активность довольно аккуратно пресекается. Пример: в 2009 году ушел в отставку руководитель Общественной палаты области, на его место администрацией был рекомендован руководитель сельскохозяйственной организации Курчатовского района. Фамилии ярких активных курян поддержки не получили. В результате — максимально лояльная к власти Общественная палата, ее роль значительно снизилась. А в документах, публикациях все выглядит очень достойно»* (глубинное интервью с экспертом от НКО).

¹ Никовская Л. И., Якимец В. Н. Оценка действенности институтов публичной политики в России // Полис. 2013. № 5. С. 77–86.

² Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика в современной России в контексте феномена спорной политики: выводы по исследованию курского кейса // Коллективная монография «Взаимодействие власти и гражданского общества в контексте трансформации российского общества: от конфронтации к партнерству» [ред. колл.: Л. И. Никовская (отв. ред.), М. А. Молокова, В. Н. Якимец]. Курск; М., 2014. С. 210–219.

Нарастание негативных явлений в поле публичной политики на уровне региона свидетельствует, что деформация публичной сферы, манипулятивный характер властно-управленческих воздействий, понижение регулятивной роли права и публичных ценностей сами выступают генераторами социально-политических дисфункций.

С. И. Морозов, Н. С. Черных
Волгоград

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ: ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ГРУПП¹

В современном экспертном политологическом сообществе существуют расхождения в операционализации категорий «инновация» и «инновационная группа». Чаще всего их содержание понимается в рамках сценария «умной экономики» и технологических разработок. Однако остаются относительно мало исследованными инновации с точки зрения субъектных характеристик политических общностей и организаций, отдельных граждан, в том числе в контексте процессов модернизации политических институтов и отношений.

Практико-ориентированный анализ инноваций в контексте политической науки демонстрирует, что под инновационной группой целесообразно понимать коллективного субъекта политического действия, интериорирующего и экстернализирующего модели инновационного поведения. При этом инновационные группы посредством артикуляции общественно значимых интересов и целеполагания необходимых политических благ (продуктов или услуг) обеспечивают органы государственной власти актуальной информацией о состоянии и потребностях управляемой подсистемы с целью ее структурно-функциональной оптимизации в процессе модернизации политических институтов и практик.

Противоречивость реализации национальной модели политической модернизации России актуализирует перед отечественной политической наукой потребность в выявлении содержательных и целефункциональных свойств различных инновационных групп, способных выступить акторами

¹ Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01202 «Идентификационные стратегии студенческой молодежи в РФ как инновационная основа политической стабильности».

синхронизации (гармонизации), «осовременивания» политической системы, демократизации государства и различных сфер общественной жизни. В данной связи, на наш взгляд, представляет особый научный интерес разработка технологий формирования современной молодежи как инновационной группы, а также позитивных и негативных факторов, влияющих на практики ее инновационной деятельности, вовлеченность в процесс политической модернизации страны.

При этом в условиях глобализации современного образовательного пространства необходим системный анализ как отечественного, так и зарубежного опыта использования социально-политических технологий для актуализации и воспроизводства инновационного потенциала молодежи, проходящей профессиональное обучение в высших учебных заведениях. На этой проблеме было акцентировано внимание в 2013 г. Президентом В. В. Путиным в Послании Федеральному собранию РФ: качество российской высшей школы должно соответствовать мировым образовательным стандартам — «только тогда “образовательный драйв” молодежи станет мощным стимулом развития страны»¹.

Результаты эмпирических исследований авторов демонстрируют, что российские студенты обладают высокой мотивацией к социально-экономической и политической деятельности, а также соответствующими поведенческими и деятельностными стандартами, задающими направленность их профессиональной активности. Формирование инновационных групп среди российской студенческой молодежи может осуществляться системой взаимосвязанных технологий, наиболее эффективными из которых выступают научно-образовательные, что обусловлено возможностями инновационной среды образовательных организаций. Научно-образовательные технологии основываются на поведенческих и деятельностно-активистских стандартах, задающих алгоритм раскрытия и воспроизводства потенциала молодежи в соответствии с приоритетами стратегии инновационного развития РФ. Специфика и конкретные способы применения данных технологий направлены на активизацию капитала российского студенчества в последующей профессиональной деятельности.

Однако не все отечественные образовательные организации способны сформировать профессиональные знания, навыки и умения выпускников, а также влиять на всестороннее развитие национальной инновационной среды. Эффективность применения научно-образовательных технологий при формировании студенческих инновационных групп зависит от систематического повышения квалификации и качества междисциплинарной

¹ Обращение Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825/work>.

подготовки, стимулирования научно-исследовательской деятельности студентов; постоянной кооперации вузов с организациями реального сектора российской экономики на стадиях разработки и производства инновационных продуктов/услуг.

Е. В. Морозова
Краснодар

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ ФРОНТИРА В ИССЛЕДОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Создатель концепции фронта Дж. Тернер понимал под ним подвижную границу территориальной экспансии, но по прошествии времени оказалось, что значение теории вышло за первоначальные дисциплинарные рамки и открывает широкие возможности изучения динамических подвижных социальных систем. Современные исследователи понимают под фронтиром взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурных практик. Всплеск интереса ученых к фронтирному дискурсу в определенной степени связан с двумя факторами. Первый — это динамика «текучей современности» (З. Бауман), приводящая к усложнению и «умножению» идентичности. Второй — необходимость преодоления методологического кризиса и дефицита объяснительных моделей политической составляющей этого «текучего» общества. С социально-философской точки зрения фронт — это не территориальный, а ландшафтный феномен; это процесс и результат социального конструирования реальности (И. Басалаева).

Такое понимание дает возможность использовать теорию фронта не только в классическом ключе — применительно к освоению географического пространства, «тверди», но и применительно к различным типам социальных пространств. Синтез теории фронта с другими концептуальными подходами обладает значительным эвристическим потенциалом.

Можно выделить по меньшей мере три направления исследования идентичности, которым теория фронта может придать новые импульсы развития.

Во-первых, применение концепта фронтирной трансгрессии для объяснения противоречивых процессов «умножения» идентичностей (двойная идентичность, гибридная идентичность, сложносоставная идентичность,

¹ Выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00339 «Фронт сетевых обществ как пространство политического взаимодействия».

панидентичность и др.). Трансгрессия — термин М. Фуко, буквально означающий «выход за пределы»; переход разумного субъекта от возможного к невозможному. По определению В. А. Подороги, трансгрессия — это пространство перехода от одного фиксированного состояния к другому, это граница перехода, скользящая черта, указывающая на возможность перехода. Жизнь на фронтире — это состояние выхода за пределы, за роковую черту культуры (С. Н. Якушенков), фронтальное пространство политического взаимодействия являет многочисленные и разнопорядковые примеры трансгрессий, прежде всего в политической культуре и политической идентичности.

Во-вторых, использование теории фронта для объяснения сетевой идентичности. Ставший реальностью сетевой фронт явился пространством конструирования сетевой идентичности — отождествления человеком (пользователем) себя с той или иной группой, созданной в Сети; виртуальной самопрезентации. Возможность рассмотреть фронтальный комплекс в контексте различных технологических укладов представляется нам идеей, которая может стать определенной «точкой роста» в исследовании сетевого общества. Подвижная граница сетевого общества может быть интерпретирована как фронтальное пространство. Модели политического взаимодействия, появляющиеся в пространстве сетевого фронта, имеют преимущественно гибридный характер. В наибольшей степени факторами формирования политической культуры становятся такие феномены фронтального комплекса, как социокультурная гетерогенность и процессы ассимиляции, маргинальный характер социального пространства, дефицит управленческого регулирования со стороны государства, конструирование элементов собственной системы управления, появление сетевых элит, героев сетевого фронта и соответствующей мифологии.

В-третьих, в исследовании «человека политического» в различных фронтальных контекстах. В изучении географических фронтов на разных континентах уже закрепилось понятие «фронтальный тип личности», для которого характерны синкретическое видение реальности, нетерпимость к жесткой регламентации и организации жизни, открытость инновациям и другие черты. Попытка исследовать эволюцию фронтального типа личности в различных социальных пространствах может быть весьма интересна.

Концепт идентичности в сочетании с теорией фронта позволит уловить, зафиксировать и осмыслить «текущее» состояние общественного ландшафта, объяснить, каким образом изменения в структуре идентичности, происходящие вследствие экономических, политических и культурных перемен, со временем сами становятся мощным фактором общественной трансформации.

Е. Г. Морозова
Москва

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: СООТНОШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

Понятия «эффективность», «конкурентоспособность» прочно заняли свое место в российском политическом дискурсе. А. Кудрин ставит проблему качества государственного управления на первое место. Г. Греф требует «... радикально повысить качество управления... Если мы посчитаем издержки на единицу эффективности, они будут гигантскими»¹.

При этом наши знания об эффективности недостаточны. Для прояснения смысла используют два английских слова: *efficiency* и *effectiveness*². Центральным смыслом слова *effectiveness* является указание на завершение процесса. Вопрос о цене полученного результата или отсутствует вообще, или уходит на периферию семантического поля. «Именно способность менеджера реализовать поставленные перед ним задачи любой ценой чаще всего и понимается в России как «эффективный менеджмент», — подчеркивает отечественный исследователь А. Фирсов и приводит в качестве примера героя повести Н. Лескова «Левша», который добился большого успеха, подковав блоху и лишив ее способности двигаться — но не приняв во внимание ни цену поставленного рекорда, ни его реальную значимость»³.

В отличие от *effectiveness* термин *efficiency* означает такую действительность результата управления, которая выражается в экономичности, дающей возможность максимизировать конечный результат при минимизации потребления ресурсов. Главное при этом — не максимальный результат, а минимальное потребление ресурсов на единицу результата. Более того, ведущим критерием эффективности менеджера должно стать не достижение во что бы то ни стало намеченной цели, а отказ от участия в проекте, если он требует несоразмерных со значимостью цели материальных и всех иных ресурсов.

Термин *efficiency*, как следует из вышесказанного, является более основательным, чем *effectiveness*, более сущностно нагруженным. Ведь он

¹ Кудрин А. Государство и общество: как вернуть доверие // Ведомости, 21.11.2014. С. 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://medialeaks.ru/news/putingref>

² См. подробнее: Туровский Р. Ф. Социальная и политическая эффективность региональной власти: проблема измерения // Полития. 2013. № 1. С. 176–178.

³ См.: <http://www.democracy.ru/article.php?id=2439>.

принимает во внимание не только внешний аспект события, не только фиксирует сам факт целедостижения, но и оценивает, «стоила ли овчинка выделки». Именно поэтому *efficiency* вытесняет сегодня *effectiveness* — особенно когда речь идет об оценивании проекта или программы не только экономического, но и менеджериального, социального, а часто и политического характера. Не случайно в практике честного электорального соперничества преимущество, как правило, имеет кандидат, имеющий в своем активе не только обещания, но и реальные достижения, завершённые с положительным соотношением «затрат и прибыли».

Случается, что *effectiveness* и *efficiency* оказываются несовместимыми. То, что считается эффективным (в смысле *effectiveness*), таковым не является по логике *efficiency*. И наоборот. Если в политической повестке дня стоит цель, не являющаяся экономичной, то применение критерия «*efficiency*» не позволит ее реализовать, при том что неэкономичная цель может дать большой идеологический, символический, психологический и прочий эффекты.

Сегодня и от менеджера, и от военачальника, и от политического руководителя повзрослевшее общество требует не столько достижения цели «любой ценой», сколько бережного отношения к человеческим, природным, культурным, финансовым и другим ресурсам. И на этом основании общество делает вывод о глубинной эффективности управления. Потому что только такое понимание эффективности — не как внешнего эффекта, перформанса и хэппенинга — дает экономический рост, высокую производительность труда, инновационное развитие.

Касаясь вопроса о политической эффективности государственного управления, подчеркнем важность сочетания целедостижительного подхода и ресурсного отхода от привычки называть эффективной любую реализованную политическую цель, особенно в ситуации, когда власть ставит перед обществом заведомо деструктивную цель. Постановка деструктивных политических целей в истории случалась не раз. Однако в современном мире уже трудно представить ситуацию, когда вменяемое руководство какой-либо страны сознательно ставит перед собственным народом цель, достижение которой будет означать и ее собственное разрушение. Впрочем, деструктивный потенциал цели не всегда очевиден. Поэтому критерием политической эффективности в данном случае была и остается способность политических элит вовремя «прозреть», остановиться и произвести такую ревизию цели, которая обеспечит не только адаптацию к новым условиям, но и действительно достойное место страны в глобальном концерте развитых государств.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ: МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И УТОПИЕЙ

Одним из важнейших составных элементов символического толкования политики является политический миф. Однако, прежде чем заняться систематическим анализом мифа как элемента процесса политической символизации, нужно обозначить его место в ряду близких, но не идентичных ему понятий идеологии и утопии.

Идеология и миф. Хотя миф является одним из самых близких к идеологии мыслительных конструктов, систематическое сравнение мифа и идеологии не такое уж частое явление¹. Примечательно, что достаточно распространено мнение, видящее в мифе и идеологии больше сходств, нежели различий. Терри Иглтон считает их понятиями с идентичным «символическим значением и социальными функциями», миф — просто более широкое явление, т.к. идеология ограничивается социальными и политическими условиями². Во многом это продолжение мыслительной традиции, заложенной Леви-Стросом, который видел в мифе истоки истории (как толкования прошлого) и идеологии³.

Однако нужно помнить, что миф как таковой (в отличие от идеологии и религий, ориентированных на политический идеал и спасение души) не является конфронтационным нарративом⁴. Миф фиксирует общий жизненный мир людей, приверженных данному мифу (точнее — живущих в нем). Если говорить об идеологии, то конфронтация является неотъемлемой чертой идеологизированного мышления. Идеология также выполняет интегративную функцию, но делает это в логике мы/они. Элементы мифической картины мира соединяются в логике «и-и», в то время как идеологическая логика всегда предполагает «или-или».

Вступив во взаимодействие с идеологией, миф потерял целостность. Способы его воздействия на сознание людей остались прежними, но его

¹ См., напр.: Flood C. G. Political Myth. A Theoretical Introduction. N.Y./L.: Routledge, 2002. P. 13–26; Tepe P. Mythos — Ideologie — Illusion // Mythologica. 1995. № 3. S. 60–77; Bizeul Y. Politische Mythen, Ideologien und Utopien. Ein Definitionsversuch // Mythos. 2006. № 2. Politische Mythen. S. 10–29.

² Eagleton T. Ideology. An Introduction. L.: Verso, 1991. P. 217.

³ Lévi-Strauss C. Mythos und Bedeutung. Frankfurt a/M: Vorträge, 1995. S. 64.

⁴ Halpern B. «Myth» and «ideology» in modern usage // History and Theory. Studies in the Philosophy of History. № 2. 1960/61. P. 129–149.

структура и содержание изменились. Подобный «мутант» может оказывать влияние, ранее мифу недоступное. Именно мифический компонент способен придать сухому доктринерскому негативно «заинтересованному мотиву» идеологий поэтические оттенки позитивного «инстинктивного порыва»¹, сообщая логическому обоснованию политических ценностей ярко выраженную драматическую экспрессию.

Таким образом, если говорить об идеологическом потенциале мифа, то вряд ли последний можно считать идеологией архаичных обществ. Более правдоподобным представляется другое: *идеология есть мутировавший миф индустриального и постиндустриального обществ.*

Миф и утопия. Противопоставление «прогрессивной» и устремленной в будущее утопии «ретроспективного» и ориентированного в прошлое мифа довольно распространено в политической теории. Возьму на себя смелость утверждать, что такое противопоставление является не более чем идеологическим конструктом, левая направленность которого очевидна. Структура и потенциал взаимодействия утопии и мифа сложнее. О мифе как о способе современной политической мобилизации уже говорилось. С другой стороны, утопия содержит в себе не только устремленность в будущее, она довольно часто является ностальгией по бескризисному и гармоничному прошлому «золотого века».

Следовательно, временную ориентацию утопии в будущее, а мифа в прошлое можно считать поверхностным смыслом данных понятий. Утопия — это прежде всего критика настоящего, концентрирующаяся на тех его чертах, отрицательный смысл которых неочевиден, и именно для этого утопия апеллирует к будущему². В свою очередь, миф может рассматриваться как своеобразный ключ к современности, который связывает настоящее с уважаемым и наполненным смыслом прошлым, получая тем самым собственный смысл в настоящем. В конечном счете можно обнаружить, что и для мифа, и для утопии *первостепенное значение имеет не прошлое и не будущее, а настоящее.* Исходя из этого следует констатировать, что последовательное различие мифа и утопии вряд ли достижимо.

Однако, несмотря на все сходство в процессе политической символизации, по формальным признакам утопия и миф конечно же отличаются друг от друга. В отличие от утопии миф как таковой не содержит в себе «инструкции» по построению лучшего общества. Миф может быть важным инструментом революции, но он при этом ничего не говорит о том, каким должно быть общество альтернативного будущего.

Таким образом, можно зафиксировать, что *если не сами мифы, то производные от них мифологемы способны мимикрировать под современные*

формы мышления идеологии и утопии. Тем самым *политические мифы выполняют функцию упрощения действительности*, снижая страх возможного аутсайдерства в современном обществе, но не страхуя от самого факта аутсайдерства.

Н. И. Мустафаева
Баку, Азербайджан

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РЕФОРМЫ ООН

В результате Второй мировой войны кардинально изменился весь миропорядок. Одним из наиболее существенных изменений стало создание в 1945 г. универсальной платформы международного сотрудничества государств — Организации Объединенных Наций. ООН объединяет сегодня 193 страны, занимает центральное место в системе межгосударственных организаций и играет исключительную роль в современном международно-политическом развитии.

В свете последних событий — обострения существующих и возникновения новых международных конфликтов, угрозы международного терроризма в лице «Аль-Каиды» и «Исламского государства», массового и грубого нарушения прав человека в результате деятельности последних — как никогда ранее актуализируется вопрос усовершенствования деятельности ООН и ее адаптации к серьезному изменению международно-политического ландшафта.

Перед Организацией встают дополнительные задачи, для решения которых требуется совершенствование существующих и создание новых механизмов функционирования. Касательно деятельности ООН возникает много концептуальных вопросов. Какой должна быть система приоритетов Организации? При каких условиях ее функции могут быть делегированы региональным организациям или коалициям государств? Каковы условия и пределы вмешательства ООН во внутренние дела суверенных государств? К каким последствиям для члена организации может привести несоблюдение решений Совета Безопасности? Как добиться оптимального сочетания демократизма и оперативности в функционировании ООН? Как совместить принцип ее универсальности с особым статусом постоянных членов СБ? И т.д., и т.п.¹

ООН необходимо реформировать. Разговор о назревшей необходимости перемен в Организации ведется уже давно, но в начале нового тысяче-

¹ Там же. S. 137.

² Bloch E. Abschied von der Utopie? Frankfurt/M.: Vorträge, 1980. S. 74.

¹ Мустафаева Н. Кому нужна реформа ООН? Движение за возрождение отечественной науки. Москва, 30.01.2015.

летия эта тема стала особенно актуальна. Думается, что в нынешней весьма сложной международной обстановке основное внимание в этом процессе должно быть сфокусировано на реформировании Совета Безопасности ООН как главного органа, ответственного за поддержание международного мира и безопасности¹, а также Комиссии по миростроительству и Совета по правам человека.

Говоря о необходимости реформы системы ООН и, в частности, Совета Безопасности, необходимо учитывать тот факт, что все предложения и проекты по расширению членского состава и усовершенствованию механизмов работы, включая использование права вето постоянными членами Совета, а также дискуссии по поводу возможных моделей «обновленной» ООН, не будут эффективными и как следствие — результативными до тех пор, пока мировые державы не проявят должной заинтересованности в этом вопросе и не откажутся от политики двойных стандартов, господствующей сегодня в международных отношениях.

В противном случае значимость ООН будет сведена к роли простого статиста, беспомощно взирающего на то, как страны-лидеры, наделенные правом вето в Совете Безопасности, продвигают свои национальные интересы и решают проблемы планетарного масштаба исходя из собственных выгод и соображений. В случае развития подобного сценария мировое сообщество рискует потерять контроль над рычагами глобального управления, а также возможность противостоять новым вызовам и угрозам XXI в.

На вопрос, кому же все-таки нужна реформа ООН — «группе четырех» (Германия, Япония, Индия и Бразилия), ратующих за срочное расширение Совета Безопасности в категории постоянных и непостоянных членов; или так называемому «кофейному клубу» (Испания, Южная Корея, Мексика, Канада и др.), оспаривающему такой подход; или постоянным членам Совета Безопасности, стремящимся не то чтобы сохранить за собой право вето, но не допустить его предоставления возможным новым членам Совета, — ответить сложно.

Специфика нынешнего момента заключается в том, что воззрения государств-членов на реформу Организации отличаются порой кардинальным образом, и потому мы являемся свидетелями противоборства мнений относительно вектора требуемых преобразований².

При этом совершенно очевидным является тот факт, что эффективность деятельности ООН в выполнении поставленных перед ней задач возможна только в случае совпадения национальных интересов государств с ее целями. Успех же в вопросе реформирования как всей системы ООН,

¹ Мустафаева Н. Проблемы реформирования Совета Безопасности ООН // Евразийский юридический журнал. № 10 (77) 2014. С. 57–58.

² Заемский В. Ф. Кому нужна реформа ООН: в интересах всех и каждого. М., 2011. С. 10.

так и конкретно Совета Безопасности может быть достигнут лишь в случае проявления политической воли у мировых держав, обязанных справедливо подходить к политико-правовой оценке международных конфликтов и всех событий международной жизни в целом. Именно такой подход, опирающийся на прочный фундамент международного права, может стать гарантом обеспечения устойчивого мирового развития на современном этапе международных отношений.

Д. З. Мутагиров
Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВ НАРОДОВ И ГОСУДАРСТВ

Человек является основой, архитектором и творцом всех общественных процессов. Он — основа народа и социума, являющихся средой общения и условием совместного решения жизненных проблем, которые невозможно решать в отдельности. Для решения каждой из них общество формирует специальные институты, одним из которых является государство.

Отношения между народами и их институтами долгое время регулировались исключительно законами природы, на основе которых по мере прогресса человечества стало формироваться и международное право. Объективно мировой процесс регулируется многоуровневой системой правил — норм взаимоотношений между отдельными членами человеческого сообщества, их группами, народами, обществами и их институтами. Эта многогранность обуславливает и множество ипостасей международных отношений, а также многоуровневость регулирующих их норм поведения. В каком соотношении эти нормы находятся и должны находиться?

При оценке социально-политических и глобальных процессов доминирующим остается государственноцентристский подход, согласно которому все общественное и мировое развитие определяется исключительно государствами, понимаемыми как человеческие сообщества, претендующие на монополию законного использования физической силы внутри данной территории¹. Как монополист силы и права оно пытается объять все общество, проникнуть во все поры его жизни, контролировать и регулировать деятельность всех его институтов, а также монопольно определять образ жизни всех его членов. В действительности же государство учреждается обществом как политический институт, призванный исполнять роль его охранной службы для защиты жизни и свободы своих членов, обеспечения их безопасности, а также решения вопросов, связанных с взаимоотношениями

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 4.

ми с другими странами и народами. Свобода и счастье человека — единственная цель всех легитимных государств¹, считал Томас Джефферсон.

Абсолютное большинство народов мира еще не имеют своих собственных государств либо имеют их в сообществе с другими народами, в котором не всегда соблюдается их равный статус. Теоретически право каждого народа на самоопределение стало признаваться уже начиная с XVI в. В XX в. такое право признали за народами и практически.

В Уставе ООН сформулированы принципы взаимоотношений между государствами. Пункт 4 ст. 2 гласит: «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций». Декларация ГА ООН о предоставлении **независимости колониальным странам и народам, повторяя идеи Устава ООН**, признает законность стремления всех зависимых народов к свободе, а также их право свободно определять свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие (пункт 2). Это право народов закреплено в ст. 1 Международных пактов о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах. Последующие соглашения о правах человека признают и такие фундаментальные права народов, как на пользование природными ресурсами в ареале своего проживания, на самозащиту, на формирование своей государственности в той или иной форме, развитие своей культуры и т.д.

Поскольку признание права народов на самоопределение не сопровождалось пересмотром формулировки пункта 4 Устава ООН о территориальной целостности государств, в современном международном праве одновременно действуют не вполне согласующиеся между собой нормы. С одной стороны, это право государств на свою территориальную целостность и невмешательство других стран в их внутренние дела, а с другой — право народов на самоопределение, на пользование своим родным языком, на развитие своей культуры и т.д., а также обязательство государств обеспечить международную протекцию этим правам. Многие государства образовались как многонациональные задолго до признания этих норм в результате вхождения в их состав разных народов с близкими культурами, а также насильственного присоединения соседних народов и претендуют на дальнейшее сохранение своих прежних границ и против признания за народами прав, реализация которых может угрожать этой целостности. Другие государства признают право народов на самоопределение в одних случаях (Тимор Эсте, Косово, Дарфур) и категорически отрицают его в других (Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Крым, Донбасс).

¹ The Writings of Thomas Jefferson, (Memorial Edition) Lipscomb and Bergh, editors. N.Y., 1905. Vol. 12. P. 369.

Права человека и народов должны иметь приоритет перед правами государств, поскольку последние — это институты народов, являющихся основой и обществ, и государств, и народов, от которых исходит вся власть.

У. К. Мутаев
Иваново

ПОНЯТИЕ РОДИНЫ В СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНЦЕВ КАК РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Понятие «Родина» справедливо относится к труднооперационализируемому в науке, тем не менее, руководствуясь логикой, есть явление, есть слово. Можно попытаться развернуть его в одной из граней, а именно попытаться ответить на вопрос: что есть Родина для жителей российской периферии — для дагестанцев? Основная гипотеза, проясняющая данный вопрос, заключается в том, что для дагестанцев понятие Родины связано сначала с социумом (односельчанами, соседями, родственниками), а потом уже с природой, архитектурой, климатом. Социальные связи с родственниками и односельчанами (джамаатами) выступают серьезным управленческим ресурсом, отсюда клановость и местнический уклад политической жизни в Дагестане. Сначала джамаат помогает тебе (прямо или косвенно), потом ты начинаешь помогать джамаату. Со стороны эти связи вообще кажутся очевидными, каждый дагестанец в той или иной мере способен маркировать земляка в соответствии с его национальностью, районом, селением (аулом), а если тот связан с властью, то и с его «кланом». Тем не менее здесь присутствует влияние так называемой неизвестной переменной, и оно не просто усиливается с каждым годом, но и «смешивает карты» известных источников власти и влияния. Неизвестная переменная на деле, безусловно, известна — это бандподполье, вахабиты и прочие группы, не укладывающиеся в официально признанные социальные и политические структуры. Назовем это латентной структурой, она активно расширяется, выстраивая свои социальные связи и формируя свои социальные группы (джамааты). И явная и латентная социальные структуры чаще всего сосуществуют, дополняют друг друга в разных ситуациях. Самое главное, что в сознании среднестатистического дагестанца они представляют единое образование, состоящее из понятных и близких людей и составляющее основное измерение понятия Родины. Амбивалентность этой ситуации тем не менее подвергается испытанию каждый раз, когда те или иные политические силы пытаются мобилизовать население в своих политических целях. Так, люди могут одновременно поддерживать вахабитов,

когда те «наказывают» нечестивых содержателей саун, и так же рукоплескать очередной ликвидации боевиков официальной властью. И те и другие непротиворечиво могут оказаться «своими» для дагестанца, в данном случае политический призыв, как зов Родины, может позвать за собой куда угодно. Дагестан столкнулся с ситуацией, когда практически каждого члена общества необходимость морального выбора может застать когда угодно и где угодно. А результат выбора во многом будет зависеть от конкретной ситуации, в которую попал индивид: если его «по ошибке» избил у мечети силовик — это один исход; если кто-то из родных попал под пули боевиков — другой.

Проблема восприятия Родины как социума происходит из преимущественно сельского уклада жизни большинства населения: сельская община, соседи, которые всегда помогали выжить, берут на себя право указывать, как жить, что в сложившихся условиях порождает высокую однородность мнений в дагестанском обществе и агрессивность к инакомыслию. В итоге в такой социальной среде выживают только те идеи, которые соответствуют некоему общепризнанному стандарту — традиционным нормам, нормам ислама и отголоскам советской идеологии, замещенным на родственных отношениях, характерных для сельской общины.

Официальная власть происходит из сельской общины настолько же, насколько и латентные структуры бандподполья. И по этой причине народ и для тех и для других выступает основным источником власти. Очевидным противовесом в данной ситуации может служить городская культура с ее плюрализмом мнений, многообразием социальных и политических форм существования и взаимодействия людей и терпимостью ко всему этому. Но, к сожалению, преобладание сельского населения над городским составляет 3 : 1, что безусловно замедляет развитие городов, а следовательно, развитие социальной базы для формирования здоровых политических сил, понимающих потенциал конкуренции идей. Родина-город в этом смысле предпочтительнее Родины — сельской общины.

Н. М. Мухарямов
Казань

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: НЕКОТОРЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДИСТИНКЦИИ

Язык и политика онтологически находятся в отношениях многоплановой взаимной обусловленности и взаимного проникновения. Это предполагает диверсификацию понятийных средств, используемых в различных предметных структурах как лингвистического, так и политологического

знания. При этом возникает потребность в процедурах систематизации категориального аппарата, заметно расширенного в последние десятилетия. Структурные элементы последнего обладают различающимися — подчас весьма существенно — признаками. Для них свойственны специфические характеристики, в частности, в корпусе публикаций, исследовательской репрезентативности, этимологической природы, терминологического статуса, уровней артикуляции, соотношения эксплицитных и имплицитных аспектов, денотативных значений и коннотаций.

Рассматриваемые терминологические образования при этом оказываются в логических и семантических отношениях определенного типа.

Один из возможных подходов к систематизации политико-лингвистических понятий образуется за счет построения континуума — либо (квази) синонимических последовательностей, либо таксономической модели категориального аппарата, когда большинство лексических единиц обращено к общему означаемому или имеет примерно один и тот же референт:

- языковая политика, глоттополитика, языковое регулирование, языковое планирование, языковое строительство, языковое культивирование, языковой менеджмент, языковой инжиниринг и др.¹;
- язык политики, политический дискурс, коммуникативная политика², семантическая политика³.

Другой подход складывается в связи с процедурами выделения некоторых оппозиций в рамках принципиально иной модели — на условиях логической дизъюнкции (по формуле «или — или»).

Отдельный интерес представляют взаимоотношения понятийных средств, практикуемых в тематическом поле «язык и политика», которые условно можно обозначить как модель дистинкций — различения не на уровне означающего, но на уровне означаемого, самих предметов и их отдельных специфических сторон.

В специализированной англоязычной литературе по языковой политике широко артикулируются некоторые базовые дистинкции, закрепившиеся в роли научного стандарта или своего рода академической классики:

- планирование статуса (экстралингвистические функции — выбор нормы, «официализация», «национализация», продвижение/распространение, рескрипции) vs планирование корпуса (лингвистические функции — стандартизация, кодификация, грамматика, лексика, «графизация»);

¹ См., напр.: *Bergenholtz H.* How to Do Language Policy with Dictionaries // *Lexicos*. 2006. No 16. P. 16.

² *Ibid.* P. 26–29.

³ См.: *Поцелуев С. П.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // *Политические исследования*. 1999. № 5. С. 70.

- языковая политика de jure vs языковая политика de facto;
- языковая политика «сверху» (top — down) vs языковая политика «снизу» (bottom — up);
- официальная языковая политика (закрепленная в нормативно-законодательных актах) vs неофициальная языковая политика;
- языковая политика, осуществляемая явно или эксплицитно (overt) vs языковая политика, осуществляемая в скрытом режиме или имплицитно (covert);
- язык как проблема vs язык как ресурс.

В новейшей литературе в контексте разрабатываемой критической социолингвистики (в ее отчетливых политологических приложениях) предложена еще одна дистинкция — языковая политика в ее традиционном понимании (в официальном, моноцентричном и, условно говоря, «этатизированном» виде) vs «*language policing*».

В этих ракурсах интерпретации государства-нации как доминирующего (гегемонистского) актора языкового регулирования расцениваются как достойные модернистской эры. В постмодернистской парадигме такое регулирование предстает как полицентричная практика в более широком поле «нормативности» и при участии транслокальных носителей языковой деятельности (прежде всего в пространстве новых медиа), продуктом чего становится политико-языковой «порядок»¹. «Полицейские» технологии подразумевают не репрессивные инструменты соответствующих служб, но понимаются в исходно-этимологическом смысле как «искусство управления», что лежит в русле терминологии М. Фуко².

В дополнение к приведенной номенклатуре следует привести также и такую разграничительную — очевидно обоснованную — процедуру, которая предполагает «интралингвальную» («внутриязыковую») политику.

В отечественной литературе инициатива дифференцированного видения двух качественных сторон языковой политики реализована в публикациях В. М. Алпатов. «Любая языковая политика в современных государствах, — пишет автор, — ...связана со взаимодействием двух естественных, но противоположных друг другу потребностей. Назовем их потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания»³. Потребность в самовыражении, в этноязыковой самопрезентации в данном случае соотносена с успешностью общения (включая общение в дву- и многоязычной среде).

¹ См.: *Blommaert J and all. Media, multilingualism and language policing: an introduction // Language Policy. 2009. No 8. P. 203–207.*

² См. подробнее: *Кильдюшов О. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. № 12. С. 13.*

³ *Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Comparative politics. 2013. No 2. С. 11.*

Таким образом, рассматриваемая дистинкция соответствующих мер языковой политики может быть квалифицирована как оппозиция ее символических и коммуникативных функций.

Признавая бесспорную продуктивность приведенных приемов концептуализации языковой политики, можно сформулировать еще одну аналитическую меру, не лишнюю, как думается, возможностей в дополнение собственно политологического инструментария для данной тематической области — субстантивная языковая политика vs языковая политика инструментального, а также декларативного, символического (в значении — симуляции или инсценирования) толков.

Очевидно, что решения и шаги в области отношений по поводу языка и политики могут быть связаны с расширением благоприятных условий коммуникации или для усиления витальных ресурсов языков. Они же, напротив, могут быть мотивированы интересами, далекими от собственно языковых потребностей, — легитимацией тех или иных действующих лиц или, к примеру, этнополитической мобилизацией.

Д. С. Мухортов
Москва

ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА (на примере Б. Клинтона и Дж. Буша-мл.)

Исследования, связанные с анализом политической коммуникации, невозможно представить без изучения вербальных характеристик первого лица государства. Вне зависимости от того, читает ли он текст, написанный для него спичрайтерами¹, или же доносит с трибуны свои мысли без репетиции, все это является важным материалом для оценки когнитивных, поведенческих или аффективных особенностей его языковой личности².

При всей полноте междисциплинарных изысканий, связанных с взаимоотношением языка и мышления у американских президентов, существует ряд моментов, которые исследователи еще не освещали. Небезынтересной,

¹ *Ritter K., Medhurst M. J., eds. Presidential Speechwriting: From the New Deal to the Reagan Revolution and Beyond. College Station: Texas A&M University Press, 2003.*

² *Мухортов Д. С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 26–28 августа 2014 г. / Гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 167–173.*

РЕЛИГИЯ И СВЕТСКОСТЬ: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ

на наш взгляд, является попытка ответить на такие вопросы, как: а). Почему, несмотря на разбушевавшийся скандал с клятвонедержанием, Билл Клинтон все-таки смог миновать импичмент и доработать второй срок президентства до конца? и б). Как удалось Дж. Бушу-мл. обойти таких достойных соперников, как Альберт Гор и Джон Керри, в двух президентских кампаниях и убедить избирателей в том, что его косноязычие не помеха в управлении страной? Нашей основной исследовательской гипотезой для обоих случаев является то, что данные политики в качестве спасательного круга имели ряд вербальных особенностей, которые и выручили их в решающий момент.

Для доказательства этой гипотезы нам потребовалось программное обеспечение, а именно разработанная факультетом психологии Техасского университета (*University of Texas at Austin*) система диагностики и оценки характерологических языковых и стилевых данных политика — программа *Linguistic Inquiry and Word Count*, или вкратце *LIWC*. При всем несовершенстве этого аналитического метода нам все-таки удалось установить несколько значимых прагмасемантических категорий¹ и выйти на понимание вышеобозначенных вопросов.

Программа вычисляет общее количество слов в тексте и среднее арифметическое — в предложении. При этом важно отметить, что прагмасемантический анализ не ограничивается простым вычислением количества речевых единиц. Исследователями определен ряд формул, по которым можно проводить основательный анализ языковой личности. Причина внимания ученых к подобным вещам кроется в том, что любой язык предполагает возможность выбора различных языковых единиц для выражения одной мысли, и причины, побудившие человека сказать что-то так, а не иначе, могут поведать о нем много любопытного.

Все пласты лексики в речи анализируемого субъекта подразделяются на две взаимодополняющие группы: самостоятельные (**Content words**) и служебные части речи (**Function words/Style words**)². К первым относятся имена существительные и прилагательные, наречия и глаголы действия. Вторая категория слов — это строительный материал, который служит тому, чтобы цементировать слова из первой группы и формировать из них предложения. Однако это не единственная их функция. Как ни странно, именно по служебным словам можно отличить одного человека от другого, можно охарактеризовать особенности вербального поведения человека и составить его языковой профиль, который вне зависимости от ситуации остается величиной неизменной.

¹ Мухомтов Д. С. Прагмасемантический анализ самостоятельных и служебных частей речи в публичных выступлениях главы государства (на материале программных речей Рональда Рейгана) // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 157–172.

² Pennebaker J. W. *The Secret Life of Pronouns: what our words say about us*. N.Y.: Bloomsbury Press, 2011.

Поиск новых конфигураций взаимоотношений светского и религиозного, религиозный контекст политического процесса, актуализировавший «дебаты об идентичности» (А. Турэн) и проблему пересмотра доминирующего западного политического и ценностного проекта, в широком эпистемологическом ключе обозначили вопрос о пересмотре секулярной парадигмы общественного развития, а изменяющиеся формы взаимоотношений между государством и Церковью, между политикой и религией требуют серьезного научного анализа и корректного политического подхода. Исчерпание гносеологического потенциала секулярной парадигмы как универсальной, обозначение ее ограниченности подтверждает и отсутствие консенсусного объяснительного принципа возвращения религии в публичное пространство в различных вариантах: от конструктивных, связанных с благотворительной деятельностью и социальной работой, до радикально-экстремистских политических стратегий, от нравственного авторитета до институционализированных форм политической активности.

Основное онтологическое противоречие современности, остро актуализировавшееся в глобальном процессе разрушения прежних социально-политических референций, есть противоречие между моралью, правом, свободой и справедливостью, способы разрешения которого являются предметом дискуссий, в том числе и интеллектуальных. Эти процессы, получившие реальное выражение в трагических событиях в Париже 7 января 2015 г. и массовых выступлениях после них, свидетельствуют о пересмотре политического метанарратива модерна. Не случайно предложения идеологической и социальной альтернативы линейности модерна как идеи преодоления социальной несправедливости и неравенства представляются лейтмотивом идеологии исламистских политических субъектов. Трагичным примером является деятельность организации «Исламское государство», представляющей собой организацию, чуждую и Западу, и традиционным культурам Ближнего Востока, выходящую за границы «знакомого мира». В определенной мере ИГ можно назвать феноменом мира постмодерна, ведь «быть меньшим, более легким, более подвижным — это признак совершенства и “прогресса”»¹, несмотря на четко демонстрируемую архаизацию политики.

Поиски снятия контрадикторности между религиозным и светским в политической сфере предопределяют предложение различных парадигм.

¹ Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер Пресс, 2008. С.20.

**РЕАЛИЗАЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»
В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РФ:
АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОГО
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ
ОКРУГЕ**

Предлагаемый доклад является результатом исследования, проводящегося в части приграничных регионов Северо-Западного федерального округа (Республика Карелия, Ленинградская, Мурманская и Псковская области) с 2012 г. Целью его является исследование механизмов реализации *soft power* как в рамках международного сотрудничества, так и в ходе проводимой внутренней политики, учитывающей международный аспект.

Специфика организации публичного пространства в современной России делает релевантным с точки зрения анализа интенций основных политических акторов только изучение официального и лоялистского политического дискурса, причем на региональном уровне, учитывая финансовый и организационный аспекты функционирования СМИ. Провести четкую границу между этими типами дискурса практически невозможно. Специфика современной российской ситуации состоит в том, что официальный политический дискурс в современной России стал, по сути, «вещью в себе». Сегодняшнее политическое пространство распалось на узкий круг лиц, формирующих политическую повестку дня, и всех остальных, причем в числе последних оказалось и экспертное сообщество. Механизм принятия политических решений становится все более недоступным для людей, напрямую к нему неприсоединенных, таким образом, усиливается неадекватность традиционных инструментов политологических исследований, основанных на анализе публичной политики. Более того, сегодняшняя ситуация привела к такому неожиданному и крайне нуждающемуся в своем описании последствию, как проблема интерпретации интенций официального политического дискурса, проявляющемуся в том числе и в такой, казалось бы, аполитичной теме, как потребление, чему, собственно, и посвящена эмпирическая часть исследования. Небольшое количество адресантов такого дискурса, входящих в состав высшей политической элиты страны, сталкивается с тем, что его адресаты, т.е. в первую очередь те, кто по долгу службы должен реализовывать эти интенции, — среднее и низ-

В ряду многих предлагаемых можно выделить: алармистские проекты, связанные с фундаменталистским обострением различий; диалоговые стратегии; гражданский, несколько утопичный новый космополитизм, основанный на ценности Другого и Инаковости; идеи постсекулярного общества. Данные модели улавливают и пытаются выстроить объяснительную модель многообразного присутствия религиозных интенций в социальной ткани и в публичном пространстве. Новые религиозные смыслы современности диверсифицированы и проникают в области, ранее им не свойственные. Можно выделить несколько основных аспектов религиозной референции современности (причем их перечень далеко не исчерпывающий), устанавливающей связи между меняющимися референтами и сигнификатами понятий интерпретативного пула: внутренняя и внешняя религиозность; роль религии в качестве критерия социокультурной идентичности; инкорпорация религиозных оснований, в том числе в «превращенном виде» в политические и социальные практики и рефлексии; статус и деятельность религиозных организаций как социально-политических институтов и субъектов политического целеполагания, в том числе как современный действующий надгосударственный участник международных отношений; технологии и формы межрелигиозного взаимодействия; социальная нагруженность деятельности религиозных организаций.

Проблема соотношения традиции и современности в религиозных координатах отражает поиски новых форм социальности, ощущение нарождающегося нового мира, переосмысление ткани политического. Противоречия не только между различными религиозными традициями, но и между религиозным и светским акцентировали необходимость выработки новых политико-правовых форм сопряжения разнородности. Драматические события в Сирии, Нигерии, Ливии, Франции, общественные резонансы в России свидетельствуют о переходе данных проблем, приобретающих абрис внешнеполитических и внутривнутриполитических угроз социальной стабильности в поле реальной общественной и политической жизни. Одновременно они послужили отправной точкой для выстраивания различных концептуальных и идеологических схем, предлагающих видение будущего, где в «текущем» мире существуют различные проявления традиции. Однако «в эпоху, когда теряется вера в Бога, класс, нацию, правительство, осознаваемый и признаваемый глобальный характер угроз превращается в источник взаимосвязей, в поле которых вдруг плавятся и изменяются константы и референции политического мира, казавшиеся прежде неизменными»¹, поэтому вопрос о соотношении устойчивого и подвижного, глобального и национального, традиционного и современного будет находиться в фокусе идейных и политических дискуссий.

¹ Beck U. La société du risque: sur la voie d'une autre modernité. P.: Flammarion, 2004. P. 29.

шее звено исполнительной власти (и только потом представители общества) интерпретируют их, основываясь на своем представлении о тактических и стратегических задачах, стоящих за исполнением того или иного решения, что в условиях непрозрачности и непубличности описываемых процессов приводит зачастую к непрогнозируемым заранее последствиям. Так как электорально значимое большинство ограничено в своем доступе к информации и вынуждено или вполне осознанно желает пользоваться только предложенными официальным дискурсом каналами трансляции, именно такое большинство, на наш взгляд, является наиболее благодарной аудиторией с точки зрения применения различного рода манипулятивных технологий.

Эмпирической базой выводов исследования является анализ контента следующих средств массовой информации.

Республика Карелия — общественно-политическая газета «Карелия» (учредители Правительство РК, Законодательное собрание РК) и литературно-художественный и общественно-политический журнал «Север» (финансовая зависимость от Правительства РК, организационно связан с Союзом писателей России);

Ленинградская область — телевизионные сюжеты пресс-центра «Вуокса» (муниципальное образование «Светогорское городское поселение» Выборгского района ЛО), сетевое издание «газета Вести он-лайн» и муниципальная газета «Выборг»;

Мурманская область — газета «Вечерний Мурманск» (учредители Администрация города и трудовой коллектив редакции) и программа «Вести-Мурманск. События недели» ГТРК «Мурман»;

Псковская область — общественно-политическая газета «Псковская провинция», районная газета Пыталовского района «Наша жизнь» и районная газета Себежского района «Призыв».

Результаты проводящегося исследования должны подтвердить или опровергнуть некоторые предварительные гипотезы, а также показать механизмы реализации *soft power* в конкретных случаях и послужить основой для экстраполяции.

В заключение отметим, что, так как фиксируемые нами тенденции являются преимущественно теми интенциями, которыми руководствуется среднее звено политической элиты в своей повседневной практике, для дальнейшего развития политического дискурса в нашем Отечестве весьма важно не только его изменение на высших уровнях трансляции, но и соответствующие процессы на среднем уровне, в том числе и на уровне самих средств массовой информации. Запрос на такие изменения существует и сверху — от политической элиты, озабоченной улучшением имиджа страны, и снизу — от представителей слабо развитого, но все же существующего гражданского общества, озабоченного своей неспособностью как

бы то ни было влиять на формирование текущей повестки дня. Именно в этом обоюдном желании многих частей нашего общества кроется пусть и не великий, но все же не равный нулю шанс на развитие политического дискурса в соответствии с общепринятыми демократическими нормами и реальное движение российского общества в сторону модернизационного развития.

А. В. Некипелов
Москва

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

Современные условия предъявляют новые и нетрадиционные требования как к государственной, так и к общественной молодежной политике. Это связано не только с происходящими политическими, экономическими процессами в России, которые оказывают непосредственное влияние на изменение ценностей, убеждений и поведения в молодежной среде, но и с необходимостью совершенствования системы воспитания социально-политической активности молодого поколения.

Так, в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» отмечена в качестве задачи «системная поддержка программ и проектов, направленных на формирование активной гражданской позиции молодых граждан, национально-государственной идентичности, воспитание уважения к представителям различных этносов, укрепление нравственных ценностей, профилактику экстремизма, взаимодействие с молодежными субкультурами и неформальными движениями».

Одним из инструментов формирования и развития такой активности является социально-культурное продвижение гражданских инициатив, которое в свою очередь сопровождается следующими проблемами:

- «молодежная политика не является приоритетным направлением государства, а та политика, которая реализуется, не востребована обществом (прежде всего самой молодежью);
- размывание, в том числе под воздействием проводимой информационной политики, «ценностного кодекса нации». Как следствие — отсутствие нравственных ориентиров для молодежи, утрата

базовых гуманистических ценностей и морального духа у подрастающего поколения;

- выпадающие элементы эффективной молодежной культуры сегодня: дух предпринимательства, нацеленность на самореализацию в собственном деле или авторском проекте, профессиональная мобильность, нацеленность на креативные бизнесы, ответственность»¹;
- коммерциализация лабораторий гражданских инициатив обострила проблему доверия молодежи к ним как к социально значимым, культурным, личностно-развивающим проектам;
- пассивность большинства молодого поколения при участии в проектах гражданских инициатив как норма поведения.

Исходя из этого для социально-культурного продвижения, поддержки развития гражданских инициатив молодого поколения необходимо совершенствование правовых, организационных, экономических, проектно-целевых, информационных, научно-исследовательских, социальных механизмов молодежной политики на государственном уровне.

На уровне бизнес-структур — это целевые инвестиции в молодежные программы гражданских инициатив, материальное стимулирование высших учебных учреждений — от администрации до студенчества.

На уровне общества — активное участие различных общественных организаций с целью формирования, развития человеческого капитала в рамках молодежной политики.

На уровне СМИ — активная пропаганда и агитация участия в проектах гражданских инициатив как инструмента не только для достижения карьерного роста, но и образования альтруистических установок.

На уровне высшего образовательного учреждения значимым является развитие волонтерского движения и соответствующих программ подготовки волонтеров; наличие направлений подготовки творческих специальностей, обладающих потенциалом развития человеческого капитала; формирование системы студенческого самоуправления, встроеной в управление университетом и ориентированной на образовательную, научную, практическую, общественную, культурно-творческую деятельность; международное сотрудничество в рамках студенческого самоуправления, наличие единой системы, объединяющей все компоненты воспитательного процесса и социальной защиты, создание современной, отвечающей международным стандартам, развитой социальной инфраструктуры; сотрудничество с органами государственной молодежной политики РФ, развитие между-

¹ Анализ государственной молодежной политики, предложения КГИ. «О молодежной политике как национальной системе воспитания и подготовки профессиональных кадров». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.slideshare.net/KomitetGI/ss-36118846>.

зовского взаимодействия и кооперации; развитие внеучебной творческой деятельности — театр, спорт высоких достижений, творчество и др.

В итоге системной цепочкой социально-культурного продвижения гражданских инициатив молодежи должны стать соответствующие в своем составе структурные компоненты: государство — бизнес — общество — СМИ — вуз — молодежь.

С. В. Нестерова
Москва

ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ В. В. ПУТИНА (ТРЕТИЙ ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СРОК)

На протяжении уже почти пятнадцати лет Путин является одним из самых влиятельных политиков в России. Практически все социологические службы показывают устойчивый рейтинг В. В. Путина (так, по данным ВЦИОМ, рейтинг доверия Путина с апреля 2014 г. не опускался ниже 80%. По итогам первых недель весны (март 2015 г.) он составил 88% — подавляющее большинство россиян положительно оценивают деятельность главы государства).

С чем связаны такие высокие оценки? Что за этим стоит?

Как показывают данные нашего исследования, в третьем президентском сроке произошла существенная переоценка образа В. Путина¹.

В январе 2012 г., как и в апреле 2011 г., мнения респондентов разделились. Так 44,8% опрошенных одобряло политические взгляды президента, им импонирует заметный подъем и улучшение жизни в стране (по сравнению с 90-ми), обеспечение стабильности, улучшение положения России на международной арене. 33,4% — явные противники, они обвиняют Путина в том, что страна не развивается, явно снижается уровень жизни обычных людей.

Демонстрируется запрос на появление нового лидера (более молодого и активного), однако отсутствие такого в политическом поле приводит к усталости и разочарованию.

В 2014 г. резко ухудшается международная ситуация. Меняются ожидания от политического лидера, от него требуется осуществление сильной и жесткой политики. Меняется и сам Путин, он становится активнее, ди-

¹ Данные базируются на исследовании образов политиков, проведенном кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ под руководством Е. Б. Шестопал. Исследование проводится практически каждый год. В 2014 г. было опрошено около 200 человек в Москве, Саратове, Дагестане, Ставропольском и Красноярском краях и Орловской области.

намичнее, сильнее. Это сразу же замечают граждане. Доля одобряющих деятельность Путина выросла до 69% (не доверяют лишь 16%, при этом есть региональная специфика, в Москве таких больше 26%). Главными достоинствами Путина называют его успехи во внешней политике, проявление силы, активности и самостоятельности: *«он отстаивает интересы во внешней политике», «Путин защищает интересы нашей страны», «при нем о России заговорили как о великой державе», «его деятельность направлена на защиту интересов государства и народа», «адекватно воспринимает ситуацию, может найти выход из любой ситуации».*

В основе привлекательности президента лежат его психологические и деловые качества.

Так же как в прошлые периоды, несомненными достоинствами Путина являются его **психологические качества**. Так, гражданам импонируют такие качества, как: *надежность, харизматичность, сила, уверенность в себе, решительность, твердость, смелость, упорство, целеустремленность, ответственность, твердость, основательность, ответственность* (таких характеристик оказалось подавляющее большинство). Значительно меньшая часть респондентов упрекает президента в *излишней самоуверенности, резкости, авторитарности и упрямстве*.

Среди достоинств выделяют и такие качества, как *образованность, ум, трезвость мышления, опыт, умение манипулировать большим объемом информации*.

Также плюсом является простота, желание общаться с народом: *«он на Селигер приезжал, охотно общался с молодежью».*

Еще одним безусловным достоинством Путина являются его **поведенческие и коммуникативные навыки**, ораторское искусство: *«он очень правильно говорит, нравится, когда выступает», «очень грамотно выражает свои мысли», «хорошие ораторские способности», «умеет держать удар», «жестко отвечает внешним оппонентам», «очень четко и грамотно отвечает на вопросы».*

В 2014 г., в отличие от прошлых этапов исследования, респонденты отметили внешность президента, которая оценивается позитивно, — спортивный вид, презентабельность, умение держать себя на публике: *«нравится, что он очень молодо выглядит, активно занимается спортом», «по сравнению с Ельциным за него не стыдно перед другими странами», «он очень хорошо и презентабельно выглядит», «выглядит бодрым, здоровым», «молодец, спортом занимается»* (такое внимание к внешности президента было только в начале 2000-го, в первый президентский срок). Это, возможно, связано с большей публичной активностью президента.

Если в 2012-м и 2013-м часть респондентов упрекала Путина в излишнем *PR*: *«его слишком много», «мне не нравятся его полеты со стерхами и т.п.»*, то в 2014 г. доля таких высказываний была незначительна.

Неоднозначно оценивается и развод Путина. Часть респондентов оценивает этот факт положительно, как проявление честности и порядочности: *«молодец, честно поступил».*

Для других это было скорее недостатком, во многом связанным с тем, что Путин сравнивается с эталоном политического лидера, который должен быть в том числе хорошим семьянином: *«он как стабильность, а он взял и развелся».*

Политические, деловые и профессиональные качества Путина на всех этапах исследования являются наиболее выпуклой частью его образа.

И в 2011, и в 2012, и в 2013 гг. наблюдается преобладание негативных оценок над позитивными (при этом в 2011-м и 2013-м доля негативных почти в 2 раза выше).

В 2011–2013 гг. среди плюсов называли: *компетентность, опытность, стремление изменить ситуацию в стране*.

Среди плюсов отмечают такие качества, как *стремление реализовать свои идеи, некоторое улучшение уровня жизни, обеспечение стабильности в стране, повышение авторитета России на международной арене* (что звучало и на первом и на втором сроках президента).

Но число негативных оценок деловых качеств намного больше.

Основные претензии относятся к **недостаточной эффективности Путина-управленца, его обвиняют в нерешении главных социальных задач, стоящих перед страной, отсутствии внутреннего производства**.

Также среди минусов называют **нерешение проблем коррупции, слабость команды и отсутствие контроля над подчиненными**.

Часть респондентов характеризует Путина как *излишне авторитарного руководителя, его упрекают в нежелании взаимодействовать с оппозицией и стремлении притеснить нелояльные СМИ*.

В 2014 г. доля позитивных и негативных оценок была примерно одинакова (55 и 52 соответственно). Во многом разница в оценках происходит из-за различия мнений о внутренней и внешней политике. Внешняя политика (особенно после присоединения Крыма, позитивно оцениваемого большинством опрошенных) является безусловным успехом Путина. Среди достоинств называют *отстаивание собственной позиции, самостоятельность, независимость в принятии решений: «то, что он занимается внешней политикой, с нашей страной начинают считаться», «он всегда отстаивал интересы России», «те, кто на Западе, боятся его, он для них авторитет», «в период его правления страна приобрела политический вес, он заставил считаться с нашим мнением другие государства», «он настоящий патриот».*

Во внутренней политике политические качества оцениваются неоднозначно. Часть респондентов упрекает Путина в нежелании взаимодействовать с оппозицией и нелояльными СМИ. Его обвиняют в излишнем авторитаризме, стремлении притеснить оппозицию и неучастии в поли-

тических дебатах, нападках на СМИ (по сравнению с прошлым этапом исследования число таких характеристик явно уменьшилось): «не умеет признавать чужие мнения», «препятствует развитию независимых СМИ и телевидения», «излишне авторитарное правление», «происходит излишнее закручивание гаек».

Деловые качества во внутренней политике оцениваются неоднозначно. Так, часть респондентов считает, что «Путин — реальный политик, который добивается своих целей». Среди успехов называют проведение Олимпиады: «хорошее действие было, красивый праздник». Но негативных оценок больше. Так же как и в прошлых этапах исследования, Путина упрекают в недостаточной эффективности, в нерешении главных социальных задач, стоящих перед страной, отсутствии внутреннего производства, в нерешении проблем коррупции (однако доля этих высказываний незначительна).

Путин продолжает оставаться сильной и влиятельной фигурой, в 2014 г. его рейтинг достиг наивысших показателей, сопоставимых с началом его деятельности в качестве президента, что во многом связано с успешной внешнеполитической деятельностью, где он воспринимается как сильный и эффективный лидер, способный отстаивать интересы страны (число таких характеристик существенно).

О. А. Нестерчук
Москва

ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-МОСКОВСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

В современных условиях одним из приоритетных направлений молодежной политики города Москвы является «формирование российско-московской культурной идентичности»¹.

Возникает вопрос, что следует понимать под российско-московской культурной идентичностью с учетом происходящих социальных, экономических и политических процессов в столице, которые заставляют молодых людей по-новому осмысливать себя в мегаполисе, соотнося с различными социальными группами, так как образ Москвы в массовом восприятии представляется сегодня как «территория проблем и возможностей», «госу-

¹ Департамент культуры г. Москвы. Молодежная политика. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kultura.mos.ru/youth_policy/what_is_youth_policy.

дарство в государстве», «единственное место в стране, где только и можно жить по-человечески».

В целом российско-московскую культурную идентичность можно представить в виде субъективного определения человеком собственной системы принадлежностей, соотнесения, отождествления с россиянином — гражданином своей страны и москвичом — столичным жителем одновременно.

Важно отметить достаточно сложное, противоречивое соотношение российской, московской и этнической идентичностей, что является одной из причин необходимости выстраивания эффективной системы российско-московской культурной идентификации в контексте молодежной политики. Кроме того, «большинство экспертов и управленцев сошлись во мнении, что укрепление патриотизма, национально-гражданской (российской) и городской (московской) идентичности должно обеспечить интеграцию московского сообщества поверх этнических, религиозных и социальных барьеров»¹.

Существуют и другие причины, которые определяют важность реализации направления по формированию российско-московской культурной идентичности у молодежи: внедрение негативной установки в массовое сознание в лозунгах такого содержания, как «Москва для москвичей»; этнокультурные противостояния; отсутствие четкого понимания, что такое московские традиции; рекреационные проблемы; молодежная миграция в мегаполис из других регионов как показатель привлекательности жизни.

Согласно данным Росстата, в 2012 г. в столице зарегистрировано 2 123 549 жителей 14–30 лет, в 2013 г. — 2 081 078, а в 2025 г. прогнозируется численность молодежи 1 557 685 тыс.² «Специфика московского студенчества в том, что оно представляет всю нашу страну в миниатюре»³. Поэтому при формировании российско-московской идентичности важно понимать сложившийся и динамично меняющийся образ современного молодого москвича.

В современных условиях реализации этого направления содействуют столичные молодежные программы, которые направлены на определенную целевую аудиторию для формирования культуры личности, воспитания, социализации молодежи.

Кроме того, в качестве законодательно-правовой базы действуют следующие принятые московским правительством документы в отношении молодежи: Закон города Москвы «О молодежи», Государственная программа

¹ Вендина О. И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 5. С. 27–39.

² Доклад специалистов РАНХиГС «Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала». М., 2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fadm.gov.ru/upload/iblock/606/report-fadm-ru-2013-11-13.pdf>.

³ Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. В. А. Тишков, В. Э. Бараш, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 16.

города Москвы «Культура Москвы 2012–2016 гг.», Государственная программа города Москвы «“Безопасный город” на 2012–2016 годы», Постановление Правительства Москвы «О дополнительных мерах по совершенствованию работы с молодежью и студентами в городе Москве» и др.

Если говорить о конкретных проводимых мероприятиях, то явным является на основании принципов «Открытого правительства» привлечение креативной молодежи для поиска новых идей о дальнейшей реализации направлений молодежной политики, при этом создаются краудсорсинговые площадки для учета мнений молодых жителей города, формирования состояния и желания сопричастности, сотрудничества, ответственности в управлении городскими процессами.

Конечно, эффективность выполнения поставленных задач по формированию российско-московской культурной идентичности в контексте молодежной политики зависит прежде всего от достаточного финансирования, мотивированного управления, взаимодействия между органами власти, четкой организации образовательного, культурного, информационного пространства.

В итоге следует отметить, что проблемы и возможности формирования российско-московской культурной идентичности молодых людей представляются прежде всего как социально-политическое обоснование самореализации молодежи в мегаполисе. В современных условиях столичная молодежная политика старается отражать совокупность кризисных явлений, характерных для современной внутренней городской ситуации и являющихся барьером для молодого поколения в самоутверждении, конкурентоспособности, целеустремленности, проявлении толерантности и культурном самоопределении.

Д. Н. Нечаев
Воронеж

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ–ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В ОТНОШЕНИИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КАК ОРГАНОВ МСУ (на примере областей ЦЧР)

Формировавшиеся в научном дискурсе РФ тренды на необходимость становления автономных и самодостаточных органов местного самоуправления, в том числе институт сельских поселений, в первую очередь как локальных общностей, были остановлены проводившейся адми-

нистративно-политической реформой 2004–2008 гг., где доминирующей конструкцией становилась вертикаль власти и значимость ее укрепления. Российский политолог А. Г. Чернышов отмечал, что «мы стали свидетелями того, как несколько раз достаточно существенно менялась концепция управления регионами на общегосударственном уровне... Вертикаль власти должна доходить до регионов и там заканчиваться. Все, что ниже, — начало гражданской активности. Следует говорить даже не о местном самоуправлении, а о местном сообществе, которое развивается вне тотального давления центральной власти, достаточно самостоятельно»¹.

Таким образом, в рамках проводившейся административной реформы 2004–2008 гг. органы местного самоуправления заданно интегрировались в систему государственного управления и вертикаль власти, что было логично для многих постсоветских государств.

Проведенный экспертный опрос по проблематике функционирования сельских поселений в шести областях Центрального Черноземья помог сформировать следующую типологию субъектов РФ в парадигме централизация — децентрализация управления².

Первая группа — регионы, в которых прослеживается реализация принципов централизации. Стоит отметить, что это Орловская область (и при экс-губернаторе А. Козлове, и при действующем губернаторе В. Потомском) и Воронежская область. Власть и политический режим в этих регионах не являются устоявшимися, в данном случае логика их действий заставляет их идти по пути централизации, поскольку процесс децентрализации имеет свои политические издержки, он связан с тем, что может стать определенной угрозой. Поэтому политический режим заинтересован в укреплении губернской вертикали власти, которая исходит от губернатора и руководителей муниципальных районов.

Как отмечал в свое время А. де Токвиль, централизация имеет два вида: правительственная (политическая) и административная³. В данном случае органы региональной власти осуществляли в Орловской и Воронежской областях централизацию двух видов, к основным признакам которых стоит отнести: «а) концентрацию властных полномочий и решений; б) сосре-

¹ Чернышов А. Г. Конструирование современной российской власти и управление территориями: федеральные и региональные аспекты // Политическая наука: Сб. науч. тр. № 2. Региональная политика и развитие территорий в условиях административно-политической реформы 2004–2008 гг. / Ред.-сост. Л. Н. Верченев, А. В. Дахин. М.: РАН ИНИОН, 2009. С. 33.

² Гармонизация численности, бюджетных ресурсов и полномочий сельских поселений: формирование ответственности низовой муниципальной власти перед населением (на примере областей ЦЧР): Монография / Д. Н. Нечаев, Е. С. Селиванова. Воронеж: Научная книга, 2015.

³ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.

доточение ресурсов; в) координирование местной деятельности из центра; г) иерархичность связей; д) избыточность информации»¹.

В 2011–2012 гг. в ряде успешных в социально-экономическом развитии регионов стала наблюдаться коррекция политической линии в отношении органов местного самоуправления (МСУ). При сохранении федеральной и губернаторской вертикалей власти региональные администрации становятся на путь мягкой децентрализации в работе с сельскими поселениями. Поэтому вторая группа — это регионы, которые идут по пути децентрализации. В Центрально-Черноземном регионе, по нашим оценкам, к этой группе можно отнести Белгородскую и Липецкую области.

Третья группа субъектов Федерации — те, в которых в соответствии с имеющейся текущей общественно-политической и социально-экономической ситуацией идет перманентный процесс централизации и децентрализации. Это промежуточный вариант, где руководство регионов не до конца определилось, по какому пути ему идти. К этой группе следует отнести Курскую и Тамбовскую области. С одной стороны, руководство этих регионов осознает важность наличия инициативы и самостоятельности сельских поселений в пределах действующего законодательства, поскольку при таком подходе руководство сельских поселений может внести ощутимый вклад в развитие сельских территорий. С другой стороны, у регионального руководства имеется осознание того, что процесс децентрализации в управлении сельскими поселениями может сопровождаться появлением прецедентов, когда те или иные сельские поселения могут просить большего.

А. А. Никифоров
Санкт-Петербург

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОВЕСТКА И ВОЛНЫ ПРОТЕСТА В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Процесс упадка классических общественных движений 1970-х с приходом поколения новых общественных движений дополняется сегодня и новым измерением реальности, обеспеченной распространением социальных медиа и мобильных устройств.

Современные примеры процессов протестной мобилизации в Тунисе, Египте, США, России, Турции, Боснии и Герцеговине, Украине и в других странах демонстрируют различные эффекты того, что К. Кнорр Цетина

¹ Турусин С. В. Централизация как специфическая структура властотношения: концентрация полномочий, решений и ресурсов / С. В. Турусин, Е. Б. Шевченко // Вестник СамГУ. 2013. № 7 (108). С. 80.

в ходе своего исследования финансовых рынков описала как потоковую архитектуру¹. Социальные технологии современных медиа в процессе формирования дополнительного коммуникативного и публичного пространства отделяют его от сетей участников в коллективный информационный поток, существующий как внешняя, но при этом подпитываемая потоковой коммуникацией событийность.

С одной стороны, волновой характер протестной мобилизации с присущими ей чертами динамической нестабильности, коалиционности и спонтанного вовлечения активистов оказывается доминирующей тенденцией. С другой — при подобном потоковом характере протестной событийности последняя оказывается сопряженной с конфликтной общественной повесткой в преимущественно рефлексивном измерении. Подобные характеристики коллективного действия в определенной степени близки как раз традиционным формам выражения общественного недовольства.

В случаях процессов слабоорганизованной революционной мобилизации можно обнаружить следствие эффекта трансгрессии, когда социальные медиа ускоряют вовлечение в публичную повестку и, как в характерных случаях с Тунисом и Египтом, не только становятся потоковой информационной проекцией протестов, но и обеспечивают международное вовлечение в конфликт². В этом случае речь также идет об эффекте коллективного определения и выведения исключительных событий в качестве основных элементов публичной повестки, объектов общего вовлечения.

Рефлексивные по своей мотивации волны протестов через механизмы дополнительной реальности формируют параллельные нефизические потоки конфликтного политического дискурса (блоги и социальные сети), выдвижения и социализации требований (электронные петиции). В этом же случае ограниченная осведомленность об актуальной общественной повестке дополняется эффектом низкой информационной проницаемости сообществ в социальных сетях, который сегментирует аудиторию как следствие использования в социальных сетях алгоритмов выдачи информации, основанных на принципе графа предпочтений пользователей.

Одним из социальных эффектов использования подобных маркетинговых технологий может быть воспроизводство тематической структуры протестной повестки в рамках определенных аудиторий³.

Современные волны протестной мобилизации при слабости организационных составляющих имеют тенденцию идти на спад в кратко- и сред-

¹ Cetina K. K. From pipes to scopes: The flow architecture of financial markets // Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory. 2003. Vol. 4. No 2. С. 7–23.

² Lotan G. et al. The revolutions were tweeted: Information flows during the 2011 Tunisian and Egyptian revolutions // International Journal of Communication. 2011. Vol. 5. P. 1375–1405.

³ Выводы базируются на анализе поведения пользователей социальной сети ВКонтакте в части использования и распространения политической информации.

несрочной перспективе, а возникновение необходимых исключительных (трансгрессивных) событий является слабопрогнозируемым, что делает влияние социальных сетей в процессе протестной мобилизации краткосрочным и неопределенным в своей конечной результативности.

Дополнительным фактором может быть эффект зависимости коллективного действия от начальной общественной повестки, отсутствие целевой перспективы у протестной мобилизации как следствие зависимости от потоковой коммуникации и формируемой таким образом событийности протеста.

*Л. И. Никовская, В. Н. Якимец
Москва*

О РОЛИ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТСТАИВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Одним из слабо изученных вопросов общественного развития России является проблематика выявления, формирования, оценки и отстаивания **общественных интересов и публичных ценностей**. Это относится практически ко всем фазам планирования и управления государственными программами и реформами, начиная от определения целевых ориентиров и заканчивая оценкой достигнутых результатов. Практически не развиты процедуры согласования позиций различных групп интересов и населения, доминирует административно-бюрократический подход, оставляющий зачастую в стороне экспертные суждения и рекомендации. Редко применяются механизмы независимой оценки соответствия выявленных общественных интересов и публичных ценностей реалиям текущей ситуации. В процессе взаимодействия государства и гражданского общества особое значение сегодня приобретают социально-коммуникационные публичные процессы, включая легитимацию и институционализацию механизмов постоянного диалога между государством и общественными объединениями. Проведенные социологические опросы в ряде регионов РФ зафиксировали несостоятельность существующих механизмов формирования и отстаивания общественных интересов¹. И это несмотря на то что

¹ Якимец В. Н., Никовская Л. И. О состоятельности институтов публичной политики. Доклад на XI международной конференции «Государственное управление: Российская Федерация в современном мире». 30 мая — 1 июня 2013 года. М. МГУ им. М. В. Ломоносова; Никовская Л. И., Якимец В. Н. Оценка действенности институтов публичной политики в России // Полис. 2013. № 5. С. 77–86.

важнейшая функция публичной политики — выявлять публичный (общественный) интерес через взаимодействие гражданского общества и государства посредством общественного дискурса. При достижении консенсуса в отношении публичного интереса становится возможным решение трудных проблем и осуществление сложных реформ. В наших и иных исследованиях¹ отмечается, что проявление несостоятельности механизмов формирования общественных интересов связано с недостаточной эффективностью государственного и муниципального управления, несимметричностью (и неполноценностью) диалога власти с обществом, изъянами в функционировании публичной сферы (полупрозрачность, избирательная доступность для различных частных, партикулярных и групповых интересов), а также с уровнем и качеством развития гражданского общества. Общественный интерес — это не просто механическая сумма частных интересов, он рождается вследствие совместных усилий: обмена сигналами, предъявления запросов и ожиданий, идущих «снизу», от общества, и стратегий, решений и посылов, поступающих «сверху» — со стороны властных структур. «Правильно» организованная публичная сфера позволяет этим сигналам встретиться, осуществить диалог, взаимную рефлексию, активное обсуждение и на этой основе найти точки согласия и сопряжения для формулирования общих целей, приоритетов и собственно общественного интереса. Роль и качество развития публичной политики в формировании и продвижении общественных интересов очень значима. Артикуляция основных кластеров интересов общества в публичном пространстве служит средством и необходимой предпосылкой самоидентификации этого общества, определяющей суть и главные линии государственной публичной политики. Они должны прозвучать в самом обществе, отчетливо заявить о себе, чтобы и власть, и сама общественность смогли их заметить и оценить. Тогда в повестке дня публичной политики выявятся вопросы, действительно волнующие общественность, прояснятся приоритетность и очередность их решения. Объективно *назрела потребность в переходе к модели менеджмента публичных ценностей, когда управленческие решения органов власти формируются во взаимодействии с другими публичными акторами, что отвечает многомерности и плюралистичности современной социальной системы*.

В докладе далее дан анализ проблемных точек дисфункций в функционировании механизмов отстаивания общественных интересов на материалах Ярославской и Костромской областей и Республики Татарстан. Проект, выполненный в 2013–2014 гг., позволил выявить и описать лучшие практики и очертить «рецептуру», помогающую в отстаивании об-

¹ Модели самоорганизации граждан с возможностью эффективного согласования частных и общественных интересов (на примере ТСЖ) // ЦИРКОН. М., 2014.

щественных интересов¹. Была актуализирована проблема повышения эффективности системы социального представительства общественных интересов в условиях незавершенности процесса системной трансформации. Ее исследование нацелено на изменение управленческого механизма государства, чтобы соответствовать сдвигам в гражданском обществе, уметь адекватно учитывать возросший плюрализм социальных групп и их социокультурных, национальных предпочтений.

А. Н. Николаев
Саратов

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ С ЗАПАДОМ

Спровоцированное украинским кризисом обострение отношений России с Западом ставит нашу страну и ее политическую элиту перед целым рядом новых вызовов. Пока, правда, ситуация не прошла точку бифуркации, но, если тенденция будет развиваться, страну ждет существенная перемена условий существования. В 2014 г. произошла резкая смена парадигмы внешнеполитического поведения России. В этой связи встает вопрос, насколько готова наша страна к длительному и серьезному противостоянию с Западом. Готовность эта может рассматриваться в различных аспектах. В силу ограниченности объема текста рассмотрим только один аспект: социокультурные основания противостояния. При этом не рассматриваются причины сложившейся ситуации и не даются оценочные суждения позициям сторон.

Безусловно, социокультурные основания для противостояния с Западом у России имеются. Еще в XIX в. Н. Карамзин, П. Чаадаев, Н. Данилевский и славянофилы указали на некоторые принципиальные отличия нашей страны от Западной Европы. Со многими крайностями данных авторов можно не соглашаться, но ведь и А. Тойнби определил наш социум как православную (или восточную) христианскую цивилизацию.

Свыше тысячи лет Россия и Западная Европа исповедуют разные модификации христианства. А именно религии служат основой для цивилизационных различий. Как показал М. Вебер в своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма», каждая религия создает собственную парадигму деятельности во всех сферах межлических отноше-

ний. Православие и западные ветви христианства формировали во многом различающиеся образы мира и модели поведения человека в нем. Несколько десятилетий советского атеизма не могли кардинально изменить эти глубинные ментальные характеристики. Цивилизационная ориентация проявляется и в политике, и в искусстве, и в быту. Причем проявляется не столько в следовании определенным идеалам, сколько в деталях поведения и в оценке той или иной ситуации. Различаются отношение к закону, порядку, государству, собственности и т.п.

Сформированное на основе религии культурно-историческое ядро является стержнем любой цивилизации. Культурно-историческое ядро, пока оно не разрушено, будет оказывать сопротивление реформам, какими бы разумными они ни казались, если они противоречат основным традиционным ценностям данной цивилизации. Отсюда и давно подмеченная рядом исследователей цикличность в развитии России: последовательное чередование на протяжении нескольких веков модернизационных реформ, контрреформ и стагнаций.

Современникам трудно правильно оценивать события и тенденции глобального масштаба. Однако создается впечатление, что в начале XXI в. культурно-историческое ядро российской (восточнохристианской, православной) цивилизации почти разрушено. Дело не в потере многих исторических территорий и не в экономическом спаде. В этом смысле наша страна знала и более тяжелые времена. Грозным сигналом является глубочайший социокультурный кризис. Православие, бывшее основой нашей цивилизации, получило в советский период удар, от которого оно, похоже, уже не может оправиться. Крах коммунистической идеологии, претендовавшей на роль новой религии, усугубил духовный кризис. С каждым годом утрачиваются основы традиционной народной культуры. Даже в сельской местности практически исчезла национальная русская одежда, отступает под напором гамбургера, шаурмы и суши настоящая русская кухня. Все меньше наших детей знают сказки про Ивана-царевича, могут петь русские народные песни или сплясать «барыню». А это подрывает развитие и «высокой» отечественной культуры. Дело не в том, что мультфильмы про покемонов и рэп хуже русских былин и частушек. Но в ироничной фразе «Сегодня слушает он джаз, а завтра Родину продаст» есть определенная «сермяжная правда». Человек, воспитанный на западной массовой культуре, гораздо в меньшей степени готов защищать своих в столкновении цивилизаций. Речь идет не о военных столкновениях. Речь идет о повседневной жизни, в которой россиянам придется и уже приходится делать выбор между «своим» и «чужим». Китай, или Иран, или Северная Корея могут десятилетиями находиться в противостоянии с Западом, поскольку для рядовых граждан этих стран Запад — это чужой мир. А для россиян — это одновременно и жупел, и образец для подражания. Таким образом,

¹ Возможности и барьеры улучшения региональных механизмов формирования и отстаивания общественных интересов / Под ред. В. Якимца, Л. Никовской, А. Соколова. Ярославль: ИП «Дурынин», 2014.

в противостоянии с Западом Россия в настоящее время не имеет надежной социокультурной основы. Если же учесть демографическую ситуацию, из этого следует политический выбор: либо курс на изоляцию, чтобы защититься от западного влияния, либо сознательное сближение с Западом, но с утратой в перспективе собственной цивилизационной идентичности. Можно, конечно, продолжать балансировать, однако стратегический выбор рано или поздно делать придется.

Г. Ю. Носаненко
Нижнекамск

«ТРЕТИЙ СЕКТОР» В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОРОДА (по материалам эмпирического исследования НКО в Республике Татарстан)

Термин «публичная политика» сегодня прочно обосновался в политическом дискурсе, обозначая «коллективное решение общих проблем»¹. По мнению Ю. А. Красина: «Смысл публичной сферы в том, чтобы поддерживать и расширять участие самого общества в политическом процессе, стимулировать поиск таких решений общественных проблем, которые дают оптимальные варианты соединения частных интересов с публичным, т.е. интересом общества как целого»². Н. Беляева отмечает, что «речь идет о проблемах сообществ. И эти сообщества могут быть самыми разными — от сообщества жителей микрорайона или сообщества мигрантов, работающих в этом микрорайоне, до “европейского” или даже “глобального” сообщества — если такие сообщества договорились, какие общие для них проблемы они будут решать сообща»³.

В докладе, подготовленном по результатам исследования, проведенного при поддержке Общественной палаты Республики Татарстан, речь идет о некоммерческом секторе города Нижнекамска.

По классификации В. А. Лапина и А. С. Харитоновой, выделивших три типа городов, представленных на территории России — эндогенных, экзо-

генных и переходных (от экзогенных к эндогенным), Нижнекамск соответствует второму типу, предполагающему большую зависимость от «правил игры», установленных государством. При этом мировой опыт показывает, что развитие инноваций и национальной инновационной системы требует «диверсификации» вертикали управления в сторону расширения действия принципов конкурентности, плюрализма, открытости, диалога, т.е. тех, на которых основывается деятельность гражданского общества¹. Поэтому одной из задач является переход к эндогенной модели развития, предполагающей активность самого населения.

По данным исследования, большинство нижекамских НКО не ставит перед собой задачу какого-либо участия в политике, а во властных структурах видит «донора» (часто в обмен на лояльность). Так, на вопрос «В каких целях Ваша организация осуществляла какие-либо действия?» были получены следующие ответы: влияние на решения органов власти по отдельным проблемам — 6%; «влияние на действия граждан и организаций по отдельным проблемам» — 6%; «формирование общественного мнения по отдельным проблемам» — 38%, «информирование граждан, СМИ или представителей органов власти по отдельным проблемам» — 19%; ни в каких — 18%; «затрудняюсь ответить» — 13%.

Насколько НКО удалось добиться поставленных целей, показывают следующие данные. На вопрос «Удалось ли Вашей организации добиться в итоге поставленных целей: «влияния на решения органов власти по обсуждаемой проблеме» «в целом да» ответили 6%; «скорее да, чем нет» — 38%; «скорее нет, чем да» — 31%; «совершенно не удалось» — 0%; «эту цель не преследовали» — 13%; «затрудняюсь ответить» — 12%.

На вопрос «Удалось ли Вашей организации добиться обеспечения открытости и прозрачности власти?» «в целом да» ответили 6%; «скорее да, чем нет» — 0%; «скорее нет, чем да» — 25%; «совершенно не удалось» — 0%; «эту цель не преследовали» — 69%.

На вопрос «Удалось ли организации добиться вовлечения общественности в непосредственную реализацию решений власти?» ответы распределились следующим образом: «в целом да» — 6%; «скорее да, чем нет» — 6%; «скорее нет, чем да» — 38%; «совершенно не удалось» — 0%; «эту цель не преследовали» — 31%; «затрудняюсь ответить» — 19%.

Таким образом, наибольших успехов НКО добились в сфере влияния на решения органов власти. Практически не удалось вовлечь общественность в процесс реализации решений власти и совсем не удалось повлиять на повышение открытости и прозрачности власти. В то же время мы видим, что в городе идут процессы постепенного формирования сообще-

¹ Беляева Н. Публичная политика идет на смену партийной. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.opes.ru/1553781.html>.

² Красин Ю. А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/12/1269113634>.

³ Беляева Н. Указ. соч.

¹ Никовская Л. И., Якимец В. Н. Особенности публичной политики в регионах России. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view>.

ства активных граждан, объединенных стремлением конструктивного сотрудничества с властью при решении актуальных общественных проблем. Формируются представления об общественных интересах, продвигаются демократические идеалы, обращение к которым является необходимым условием выработки политических решений, отвечающих стратегическим целям развития России, ее общества, экономики и государства¹.

О. Г. Овчарова
Москва

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ ПОЛИТИКИ: ТЕНДЕНЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Одна из ключевых характеристик демократического развития XX в. — обретение женщинами в большинстве стран мира права на участие в политической жизни. Получение женщинами гражданских прав подразумевает гендерные различия политической деятельности и влияние этих различий на итог взаимодействия субъектов политики. Очевидно, что при этом появляется необходимость приспособления политических практик к новым стандартам политического участия, значение которых обязана интерпретировать сфера интеллектуального осмысления политики. Тем не менее любая попытка оценить степень влияния женского участия на динамику современных политических процессов заставляет исследователя обращать внимание на специфику предмета изучения — *гендерную асимметрию*², свидетельствующую о том, что основной критерий гендерного измерения и изучения политики в третьем тысячелетии — противоречие между декларативным и фактическим равноправием.

Означенная ситуация и в западной, и в отечественной политологии определяется терминами неравенства. А. Лейпхарт дает женщинам характеристику «меньшинства в политическом, а не в количественном смысле», а Р. Чилкот — «дискриминируемых меньшинств». Фактором «исключения женщин из политической жизни», по мнению Р. Дала, становится «лишь то, что это — женщины». Е. Б. Шестопап называет женщину в политике «неординарным случаем». Таким образом, политика остается традицион-

ной сферой мужского господства, где развито мнение о том, что женщины могут рассчитывать на реализацию своих амбиций в этой области лишь в последнюю очередь.

В то же время можно говорить и о некоторых трансформациях в представленной схеме. На протяжении последних десятилетий некоторые мировые регионы демонстрируют не только увеличение количества женщин в органах власти, но и очевидные ментальные сдвиги в отношении распределения гендерных ролей. При этом характерно, что культура этих регионов и государств, их составляющих, традиционно не представлялась как гендерно ориентированная, движение за права женщин практически отсутствовало, а сами женщины не считают свое политическое продвижение долгожданным «социальным прорывом».

И напротив, в регионах, где в течение многих десятилетий вопросы гендерного равенства поднимаются на самых высоких уровнях, значительной нейтрализации принципа гендерной пирамиды не наблюдается. Иными словами, в настоящее время можно отметить мировые тенденции смещения первенства в политической представленности женщин от европейских стран к таким регионам, как Африка южнее Сахары, Южная Америка.

Успеху в реализации гендерного равенства в определенных странах перечисленных выше регионов способствует использование системы квот женского представительства на выборных должностях. Кроме того, в государствах, благоприятствующих женщинам, развиты национальные механизмы реализации гендерного равенства, хотя они и отличаются степенью структурированности и уровнем координации этих структур.

Отсутствием же реализации мер «позитивной дискриминации» объясняется в настоящий момент уменьшение женщин в законодательной власти Европы. Хотя следует заметить, что законы о паритетах и введение квот на представительство женщин в политических партиях (преимущественно в скандинавских странах) приняты в ряде европейских стран.

Кроме того, в политической культуре и Африки, и Южной Америки очень сильны этнический фактор и клановость. Развитые в Европе дружеские социальные связи тем не менее не так крепки при довольно четком функционировании демократических институтов.

Можно ли говорить на этом фоне о реальном влиянии женщин на политический процесс в странах Африканского и Латиноамериканского регионов? Скорее всего нет, поскольку при традиционно сильном авторитарном правлении лидера женщины (как и политики-мужчины) будут более придерживаться выбранного им пути развития государства. Более того, не все африканские страны единодушны в принятии решений «позитивной дискриминации». Кроме того, отмена квот (как показывает мировой опыт, такие процессы нельзя исключать) в состоянии разрушить весь гендерный баланс.

¹ Развитие гражданского общества в России: вызовы, барьеры, приоритеты. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oprf.ru/ru>.

² Напр., на 1 февраля 2015 г. представленность женщин в парламентах стран мира составляет 22,1% общего количества депутатов. А именно 35 022 мужчины и 9923 женщины. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ipu.org/wmn-e/world.htm>.

Последнюю ситуацию можно наблюдать на примере постсоветской России, где практически во всех странах бывшего СССР¹ на фоне ликвидации квот в законодательный орган власти после крушения советской системы наблюдается гендерное неравенство в политике.

Таким образом, в докладе, представленном на 7-й Всероссийский конгресс политологов, продолжен начатый ранее анализ проблемы выравнивания/воспроизводства гендерной асимметрии в современных регионах-аутсайдерах политической представленности женщин и в регионах лидирующих, а также предложены выводы относительно перспектив равенства/неравенства в эпоху глобализации.

И. Ю. Окунев
Москва

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ: НАВСТРЕЧУ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ (ПОСТКРИТИЧЕСКОЙ) ГЕОПОЛИТИКЕ

В настоящее время современные социальные науки испытывают все более сильный парадигмальный кризис. Как правило, исследования фокусируются на узких проблемах и развивают только одну из парадигм научного знания, тогда как вероятность крупных открытий в рамках одного подхода представляется невысокой. Социальные явления возникают в результате комплекса взаимозависимых причин, что делает необъяснимыми объяснения в рамках только одного научного направления, что острее ставит вопрос о межпарадигмальном синтезе. Последние разработки в области геополитики в этой связи представляют большой интерес. Постпозитивистский сдвиг затронул эту дисциплину, пожалуй, одной из последних, однако сейчас в ней явно прослеживаются тенденции к преодолению парадигмальных границ.

В начале 2014 г. флагманский журнал *Geopolitics* вышел с передовой статьей, в которой была поставлена задача достижения методологического синтеза в геополитике, который позволил бы объединить ревизионистскую и критическую геополитику для создания единой картины влияния пространства на политические процессы. Было предложено назвать новое направление неоклассической геополитикой, хотя, на наш взгляд, назва-

¹ В докладе преимущественно рассмотрена проблема снижения политической представленности женщин в странах СНГ.

ние «посткритическая» также было бы уместно. Попробуем включиться в данную дискуссию и предложить возможные пути синтеза противоборствующих подходов.

Теоретической основой неоклассической (посткритической) геополитики может стать соединение элементов модернистской (позитивистско-рационалистической) эпистемологии и постмодернистской (рефлексивистской) картины мира. Подобное сочетание позволяет использовать отдельные наработки классической геополитики модерна, однако ограничивает обращение к географическому детерминизму, природоцентризму и социальному дарвинизму и значительно расширяет понимание пространственных аспектов политики за счет включения в проблемное поле исследовательских вопросов постмодернистской критической геополитики.

Предлагаемая для неоклассической (посткритической) геополитики схема влияния пространства на политические процессы должна состоять из следующих стадий.

Нулевая стадия заключается в существовании за пределами исследуемого процесса объективного пространства. Не оспаривая его существования, мы тем не менее выводим его из схемы, потому что прямого влияния на последующие процессы оно не оказывает. Однако все последующие механизмы опосредованно отталкиваются от объективного пространства, ориентируются на него и зачастую развиваются в рамках архетипов, которые им предлагаются.

На первой стадии — *неосознанной субъективизации* — происходит первичная интерпретация пространства. Она выражается в устойчивых пространственных нарративах и закреплённом пространственном опыте. Скажем, с детства наши представления о характере и структуре пространства формируются географическими картами и нашим опытом перемещения в пространстве. Являясь не объективными отражениями пространства, а лишь его интерпретациями, данные субъективные знания воспринимаются нами как объективные. Именно последнее обстоятельство обеспечивает их устойчивость и массовое коллективное восприятие.

На второй стадии — *осознанной субъективизации* — человеческое сознание начинает порождать, реинтерпретировать и трансформировать пространство. Например, мы разделяем пространство на части, ранжируем их, выделяя центр и периферию, осознаем сущностные различия в качестве пространства, формируя важные границы, привязываем к пространству наши воспоминания или желания, порождая фантомы исторической пространственной памяти или проекты необходимой трансформации пространства. Все эти процессы мы совершаем не с объективным пространством, а с его субъективным субстратом, созданным нами на первой стадии, в ходе неосознанного познания пространства. Однако, по нашему мнению,

наши манипуляции мы совершаем в объективном пространстве, отталкиваясь от его объективных характеристик.

Следующая стадия — *осознанная объективизация*. До сих пор мы имели дело с индивидуальными представлениями, однако для некоторых из них возникает необходимость укоренения в массовом сознании. Именно здесь включается политика как сфера целеполагания и целедостижения. Политические процессы позволяют закрепить индивидуальные представления в массовом дискурсе, перевести их в плоскость разделяемых широкими слоями населения. На данном этапе пространственное воображение, становясь объектом интереса политических акторов, начинает закрепляться, приобретать элементы объективного.

Наконец, на четвертой стадии — *неосознанной объективизации* — происходит институционализация пространственных представлений, они переходят на уровень разделяемого коллективного бессознательного. Интерпретации пространства закрепляются в институтах, нормах, символах, что формирует представление о них как о естественных и предопределенных. Формализованные практики начинают оказывать системное влияние на общество и перестают осознаваться в качестве искусственных.

Механизм закрепления политическими процессами субъективных пространственных представлений в формализованные практики замыкается и становится циклическим.

О. В. Оношко
Донецк, Украина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА МИФОТВОРЧЕСТВА НА УКРАИНЕ В СФЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПОСЛЕ «ЕВРОМАЙДАНА»

Европейская интеграция — стратегический приоритет развития Украины¹, ставший абсолютным после прихода к власти в стране так называемых сил Евромайдана. Для эффективного осуществления евроинтеграции требует высокого уровня легитимности, одним из каналов обеспечения которой является государственная политика мифотворчества. Долгое время ее целью являлась лишь имитация формирования положительных представлений о Европе и евроинтеграции среди жителей Украинского госу-

¹ «Євроінтеграція» та «пріоритет» для нас синоніми // Урядовий кур'єр. [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://ukurier.gov.ua/uk/articles/yevrointegraciya-ta-prioritet-dlya-nas-sinonimi/>.

дарства, содействия их самоидентификации как европейцев. Однако после «Евромайдана» ситуация начала меняться.

Политические мифы о европейской интеграции неоднократно становились предметом политологических исследований. Однако украинская государственная политика мифотворчества в сфере евроинтеграции в том состоянии, в котором она находится после свержения режима В. Януковича, пока не получила освещения в политической науке.

Учитывая это, автор преследовал цель выявить специфику текущего состояния государственной политики мифотворчества как канала легитимации евроинтеграции Украины. Исходя из этого были решены следующие задачи: выявлена сущность государственной политики мифотворчества в сфере европейской интеграции; определены ее основные задачи и противоречия, возникающие при ее внедрении.

Государственная политика мифотворчества — это совокупность политических решений и практических действий, направленных на создание, распространение и корректировку выгодных правящему режиму политических мифов, являющихся формой организации коллективной психики, сложившейся под влиянием определенных идей или идеологии, и объясняющих политическую действительность чувственно-эмоциональным способом.

В результате победы на президентских выборах 2014 г. П. Порошенко, который в своей персональной политической мифологии цивилизационно идентифицировал себя как европейца, государственная политика мифотворчества на Украине была окончательно направлена на легитимацию единого «априорного» общегосударственного курса — европейской интеграции. На данный момент политика мифотворчества, внедряемая правящими силами Украины в сфере евроинтеграции, выполняет следующие задачи:

- способствует созданию государственными институтами относительно долгосрочных политических мифов, которые позиционируют европейскую интеграцию как положительный для Украины процесс. Ранее государственная политика мифотворчества была ориентирована на достижение точечных результатов и решение текущих политических задач;
- формирует политическую мифологию, посвященную Европейскому союзу, на основе мощного националистического идеологического компонента, с помощью которого осуществляются попытки преодолеть цивилизационную двойственность украинского народа.

Вместе с тем государственной политике мифотворчества пока еще не дается:

- эффективно апеллировать к базовым социально-психологическим чертам украинского народа: чувственности и эмоционально-

сти, осторожности и медлительности, бытовому консерватизму¹. На практике политические мифы сейчас создаются по западным мифологическим шаблонам. Они не ориентированы на украинскую ментальность, а потому пока не могут осуществлять глубинное влияние на сознание украинцев, действуя дискретно и не способствуя их самоидентификации ни со своей нацией, ни с Европой. Украинские политики еще полностью не осознают необходимости в наличии долгосрочной и целостной государственной политики мифотворчества в сфере европейской интеграции, вероятно, воспринимая данный процесс только как еще одну тему для политических спекуляций наравне с «борьбой» с сепаратизмом и коррупцией;

- способствовать наследованию европейских политических ценностей. Это невозможно из-за того, что практически каждая общенациональная политическая кампания пытается изменить политическую мифологию страны, а соответственно и политическую идентичность населения. Кроме того, наследование европейских ценностей осложняется интенсивным развитием подданнической политической культуры населения и распространением недемократического стиля государственного управления.

Из-за нехватки государственного мышления в правящих группировках задачи, поставленные перед государственной политикой мифотворчества по легитимации европейской интеграции, пока еще выполняются неэффективно и часто искаженно. В то же время налицо интенсификация деятельности государственных институтов в сфере положительной мифологизации евроинтеграции, которая приведет к формированию полностью проевропейского общества на Украине в случае победы Киева в конфликте на Востоке и дальнейшей деградации оппозиции.

Г. И. Остапенко
Москва

СТОЛИЦА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДУЦИРОВАНИЯ СИМВОЛОВ

Столицы государств — центральные политические центры — всегда воспринимались как главное место свершений. Чтобы «зафиксировать» точки политического напряжения, привязать их к определенному

¹ Research & Branding Group. Украина Восток — Запад: единство в многообразии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rb.com.ua/rus/projects/omnibus/5072/>.

топосу географического и политического пространства, сама столица продуцирует символы.

Уникальные символы, сгенерированные столицей, всегда будут заявлять о столичности места своего происхождения. А. Овсянников¹ определяет столичность как статусный атрибут города, обладающий столичными институтами, конструируемый образ, основанный на уникальных качествах, характеристиках населенного пункта, выделяющих его среди других². Такому выделению и служат символы, выражающие феномен столичности, наделяющие город уникальным контентом.

При изменении политического вектора меняется, не являясь константой, смысловое наполнение символа, происходит закрепление новых и вытеснение старых символов. Устойчивость символики во времени зависит от глубины обоснования в человеческом восприятии, политической составляющей, привязанности к какому-то событию, возможности распространить символ на большее количество явлений.

Столичные символы не обладают универсальностью, так как уникально место, которое продуцирует символы, они актуальны в определенной позиции пространства в тесной связи с географическим и историческим содержанием. Символизация столичного места или объекта осуществляется на основании укорененности в истории, эмоционального наполнения, «потенциала мечты», содержащегося в пространстве центра³.

Географическое пространство изначально наполнено символами, их надо только «читать». Такое считывание осуществляется, когда место становится столичным и все его символическое проявляется, «материализуется».

Столица, которая находится в контрапозиции нестоличным городам, по определению несет в себе генеральный символ — столичность, воплощающий суверенитет государства.

Символы главной столицы всегда будет отличаться от символов неглавных столиц. Генерируемые вторыми столицами символы индуцированы определенными признаками и воплощают символ столичности по ведущей функции неглавной столицы (правовая, культурная столица). Уникальность такого процесса в собственной интерпретации пространства. Периферия может проявлять весьма специфическую столичность, чем изменит свой пространственный образ, его толкование, избавляясь от чрезмерной провинциальности. Символы таких неглавных столиц редко

¹ Овсянников А. А. Социология столичности: смыслы и стратегии // Вестник МГМО. 2009. № 5.

² Там же.

³ Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 268.

бывают метафоричными. Символика столичного места, обладающая притягательной силой, приобретает черты столичного «бренда», имеющего ценные атрибуты, что усиливает доминирование над периферией.

Символы «столичного места», олицетворяющие столичность, имеют не только собственно символическое, ментальное значение. «Символический актив» имеет политическое наполнение и широко используется акторами политических действий и процедур в процессе политического имиджинга (введено Чарльзом Рутгейзером)¹.

Продуцируемые столицей символы входят в число факторов влияния на политическое и экономическое развитие столичного места. Властные акторы прибегают к манипулированию символами для продвижения собственных политических интересов, экономические — для привлечения инвесторов, увеличения прибыли.

Создание столицей символов имеет определенные признаки итерации: само присутствие государственных, например, символов в столичном локалитете инициирует возникновение новых символов, они являются взаимно конструирующими.

Символы, продуцированные столицей, никогда не бывают спонтанными. Они являются продуктом взаимодействия нескольких агентов и определяются не только пространственным положением, топологичностью (притом что включают в свое значение кодирование определенных пространственных образов), но и результатом совместного осмысления социальной и политической реальности столицы и, отчасти, ментальностью столичных жителей.

Именно потому, что символы претерпели коллективное осмысление, они и будут однозначно интерпретированы, будут иметь признаки «самости» и обобщенности одновременно, отражать не только концентрацию каких-то реальных качеств и признаков столицы, но и воплощать ее идеализированные стороны.

Символы, продуцированные столицей, — коллективный ресурс. Он может быть эффективно использован властными структурами для решения внутрстоличных и общегосударственных политических и социальных задач. Символы служат не только для идентификации столичного места, но и для консолидации столичного сообщества по отношению к нестоличному, а государственного — по отношению к остальному мировому сообществу.

¹ Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 238, 346.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И МАССОВАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ¹

Как показывают современные теоретические дискуссии, проблематика демократии сегодня, в отличие от периода либерального модернизма, в значительной мере связана не с формированием коллективной воли, складывающейся из множества соперничающих частных интересов групп и индивидов, а с легитимацией механизма «более равномерного распределения власти через наделение индивидов и сообществ социальными полномочиями (*social empowerment*) в качестве конечных акторов, принимающих решения»². Либеральному пониманию «формальной конститутивной власти народа (*public*), реализуемой через представительство» противопоставляется в новых концепциях «неформальная или социальная конститутивная власть народа» как преодолевающая недостатки и ограничения формальной представительной сферы³. В ответ на проблемы, связанные с кризисом демократического представительства в эпоху возрастающей сложности и радикального изменения в отношениях между государством и обществом, предлагается распространить демократию на уровень повседневной жизни индивида. Личное в данном контексте становится политическим, а индивиды уполномочиваются рефлексировать относительно своего личного выбора и практик с целью повлиять на политическое изменение. Фактически в данной логике речь идет о самопредставительстве индивидов посредством повседневного принятия решений и их взаимодействия. В процессе формирования активных граждан, способных к рефлексии, происходит самоконституирование демократического общества⁴.

¹ Выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия».

² Chandler D. Democracy unbound? Non-linear politics and the politicization of everyday life // European Journal of Social Theory. Published online 20 June 2013. DOI: 10.1177/1368431013491817/ P. 1.

³ Ibid. P. 2. См. также: Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006; Вурно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.

⁴ Chandler D. Op. cit. P. 4.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В целом такая постановка проблемы созвучна идеям сторонников партиципаторной демократии (демократии участия) относительно прямого правления просвещенных, образованных граждан. Так, Бенджамин Барбер, один из ее теоретиков, автор концепции «сильной демократии», подчеркивает, что «прямая демократия требует не просто участия, но гражданских навыков (*civic skills*) и гражданских добродетелей (*civic virtues*), необходимых для эффективной партиципаторной делиберации и принятия решений»¹.

Важным механизмом, посредством которого граждане в современном демократическом обществе вовлекаются в политический процесс и влияют на проводимую политику, является процесс обсуждения и выработки коллективных решений в пространстве гражданского общества или публичной сферы, описанный в концепции делиберативной (дискурсивной) демократии. Один из наиболее влиятельных исследователей этого направления, получившего развитие начиная с 90-х годов, Джон Драйзек, обращает внимание на различия между классической либеральной трактовкой демократии и делиберативной концепцией. Если с точки зрения первой главное значение для достижения демократического идеала имеет агрегация предпочтений или интересов в коллективные решения через голосование и представительство, то в случае с делиберативной концепцией сущность демократической легитимности состоит, напротив, в «способности *всех индивидов* (курсив мой. — Т. П.), затрагиваемых каким-либо принимаемым коллективным решением, участвовать в подлинном обсуждении данного решения»².

В процессе делиберации Драйзек усматривает саму суть демократии «в противоположность голосованию, агрегации интересов, конституционным правам или даже самоуправлению», подчеркивая при этом, что демократический контроль компетентных граждан за действиями власти является в процессе делиберации реальным, а не символическим³.

Таким образом, в массовой политике, под которой мы подразумеваем вовлечение в политику значительного числа граждан, на первый план выступают новые формы участия и представительства, обусловленные эволюцией самой современной демократии, а также усложнением и кардинальными изменениями характера современной политики.

Известно, что идея создания электронного правительства (*electronic government*) с самого начала не только была связана с внедрением в деятельность органов государственной власти информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), но и рассматривалась как концепция государственного управления. Концепция электронного правительства отражала практику его формирования в условиях доминирования идеологии нового государственного управления (*new public management*). В процессе развития теории и практики выявился ряд узких мест, на исправление которых были направлены усилия в последние годы. Этапом в этой трансформации стала концепция электронного правления (*e-governance*)¹.

Следующим этапом трансформации электронного правительства стало появление концепций совместного публичного правления (*collaborative public governance*) и всеобщего правительства (*whole-of-government*). Наиболее проработанными эти концепции представляются в регулярных Докладах ООН по развитию электронного правительства в мире (*United Nations E-Government Survey*), где наряду с рейтингами готовности стран к электронному правительству, имеющими широкое цитирование, раскрываются положения, затрагивающие концептуальные основания и векторы развития электронного правительства.

В Докладах ООН 2012 и 2014 гг. по электронному правительству фиксируется концептуальный сдвиг в сторону совместного публичного правления (*collaborative public governance*) и «всеобщего правительства» (*whole-of-government*). Под совместным правлением понимается процесс управления, основанный на сотрудничестве правительства и неправительственных заинтересованных сторон. Всеобщее правительство (*whole-of-government*) может быть определено как агентства, работающие в границах возможностей (*across portfolio boundaries*), для совместного достижения интегрированных ответов на проблемы стратегического развития, управления программами и предоставление услуг².

¹ Сморгун Л. В. Способности государства и критика концепции электронного правительства / Труды X Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество». 23–25 октября 2007 г., Санкт-Петербург. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. С. 36.

² United Nations E-Government Survey 2014 E-Government for the Future We Want. P. 75. URL: <http://unpan3.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2014>.

¹ Barber B. Participatory Democracy // Encyclopedia of Democracy. P. 923.

² Dryzek J. Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2000.

³ Ibid. P. 1.

Суть трансформации электронного правительства заключается в том, что структурно дезинтегрированное правительство, реализующее ведомственный подход к оказанию государственных и муниципальных услуг, сосредоточенное на предоставлении государственных услуг, децентрализованное, имеющее отдельные, узкоспециализированные узлы, преобразуется в правительство, организованное по сетевому принципу, в котором приоритетную роль будут играть взаимодействие и взаимосвязи между гражданским обществом и государством, возникают новые каналы политического участия с целью повышения эффективности функциональных способностей государства и вовлеченности граждан в процессы принятия государственных решений, реализуется совместное публичное правление, использующее для этого все доступные коммуникационные каналы, а также открытые правительственные данные.

В этом вопросе следует выделить ряд положений, на которых необходимо остановиться подробнее¹.

Во-первых, есть критическая потребность в новых формах совместного руководства и общей организационной культуры, включающей реформирование ценностей, мышления, установок и поведения в публичном секторе на основе ясных руководящих принципов.

Во-вторых, необходимы новые формы организационных структур для эффективной координации, сотрудничества и ответственности, управление которыми должны быть возложено на правительство, межправительственные организации и соответствующие гражданские структуры, способствующие созданию публичных ценностей.

В-третьих, инновационные координированные процессы и механизмы предоставления услуг, обязательства перед гражданами и предоставление им ряда полномочий приобретают особую важность, так как делают такие услуги доступными всем группам в обществе, включая самые уязвимые.

В-четвертых, требуется создание механизмов совместной работы для того, чтобы вовлечь граждан в оказание услуг и процессы принятия решений посредством децентрализованной системы управления, которая является ориентированной на гражданина, релевантной, управляемой на основе сотрудничества и краудсорсинга.

Наконец, важно использовать власть новой технологии через соответствующие стратегии управления информационно-коммуникационными технологиями для расширенного сотрудничества. Глобальное распространение Интернета и применение ИКТ в правительственных структурах, так же как и значительные инвестиции в телекоммуникационную инфра-

структуру вместе с увеличением потенциала человеческого капитала, могут обеспечить возможность преобразования государственного управления в инструмент совместного правления, которое непосредственным образом поддерживает устойчивое развитие.

Совместное публичное правление и всеобщее правительство в будущем могут стать на национальном уровне средством, решающим сложные и широкие задачи, требующие интегрированных ответов, а также способом государственного управления, обеспечивающим высокий уровень сотрудничества, которое может предоставить большие возможности для повышения благосостояния и стабильного развития общества в течение нескольких поколений.

*Н. В. Панкевич
Екатеринбург*

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ¹

В координатах традиционной политической науки муниципалитет рассматривается как компонент политической структуры, находящийся на границе между государством и гражданским обществом, дисциплинарными практиками и повседневностью. Его амбивалентный политический статус реализуется в практике включенности/исключенности из системы государственного управления, что предполагает существование множественных механизмов обеспечения автономии МСУ. Однако в структурных условиях, кодируемых государственным принципом формирования политических единств, и в силу специфики институционализации местного самоуправления за счет его территориализации широкая автономия муниципалитета проблематична. Субординированное положение муниципалитета кроется главным образом во вполне очевидном факте, значение которого, однако, остается незамеченным, поскольку он входит в число аксиоматических оснований современной государственной политики и в очень слабой мере подвержен рефлексии. А именно — в жесткой территориализации, привязанности институтов МСУ к «земле», предельно конкретному

¹ Подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 13-06-96017 «Модернизация региональной сети городов в глобальном контексте городского развития».

¹ United Nations E-Government Survey 2014 E-Government for the Future We Want. P. 75. URL: <http://unpan3.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2014>.

географически определенному участку пространственного домена своего государства. В мировом масштабе этот эффект является непосредственным итогом последовательной реализации принципа государственного территориального суверенитета, который лежит в основании нормативного порядка современности как на внутривнутриполитическом, так и на международном уровнях.

В рамках этой техники властвования место теряет свой смысл как «комплекс социальных отношений, норм, институтов и, таким образом, фактор производства общественного блага за счет длительного инвестирования коллективного характера»¹. Напротив, сама возможность агрегации интереса, кристаллизации групп осуществляется за счет распределения географического пространства в ходе властного процесса, за счет местопребывания носителей интереса на той или иной сконструированной политической территории. «Местность», *понятая как территория, а не социальное отношение*, становится базовым фреймом коллективного действия, формирования идентичности и политической социализации в государственных системах.

Поэтому установление действительной политической автономии муниципалитета возможно лишь в ином макрополитическом контексте, связанном с преодолением замкнутости местных институтов управления на территорию и выходом из логики государственного управления делами «меньшего» в сугубо территориальном смысле масштаба. Сегодня такая структурная возможность становится очевидной. Она проявляется в неуклонном увеличении концентрации социальной, политической, экономической власти в крупнейших мегаполисах, которое происходит на фоне формирования транслокальной системы коммуникации между ними. В результате этого процесса контрастный по отношению к государству формат социума, форм политического действия, специфика нормативного порядка.

Тенденция к прогрессирующей автономизации части единиц муниципального уровня и формирования ими политической формы в виде трансграничной сети на основе глобальных городов, однако, является лишь одной из сторон современной трансформации политического поля. Ее антиподом выступает углубляющаяся интеграция меньших единиц муниципального уровня в структуру государственных систем с дальнейшей утратой потенциала и потребности в автономии.

Фактически происходит перераспределение муниципалитетов между двумя структурными возможностями, что в свою очередь позволяет выдвигать тезис о возникновении нового поля политического действия

¹ Agnew J. Place and Politics: The Geographical Mediation of State and Society. L.: Allen and Unwin, 1987.

и конфликта. В более широком политическом контексте рассмотренная трансформация свидетельствует о сложившейся в современном мире ситуации конкуренции политических форм как конфликтующих принципов сочетания компонентов, которые необходимо присутствуют во всех политических системах на любом этапе существования социума, а именно — территории как материального субстрата, который обеспечивает реализацию политического отношения, политического сообщества, в интересах которого развивается политический процесс, и властного аппарата, который осуществляет управленческую и координирующую функции. Государства и урбанистические сети выступают в качестве носителей альтернативных системных принципов. При этом перераспределение местных образований между двумя структурными возможностями можно рассматривать в качестве процесса стратегического перераспределения ресурсов в ходе конкурентного процесса институциональной трансформации.

В. И. Пантин
Москва

ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ И УГРОЗ

В условиях возникновения многочисленных рисков и угроз¹, а также усиления политического и идеологического противостояния между западными странами и Россией, связанного с событиями вокруг Сирии и Украины, все более актуальной и значимой становится проблема социально-политической и ценностной консолидации российского общества. Эта проблема является важной как в теоретическом, так и в практически-политическом плане. Очевидно, что без такой консолидации российское общество и государство окажутся неспособными адекватно ответить на серьезные внешние и внутренние вызовы. Более того, многочисленные идеологические и политические противоречия внутри российского общества и внутри политического класса России могут спровоцировать социальные и межэтнические конфликты, способные привести к распаду страны.

¹ Краткосрочные и долгосрочные угрозы и риски России в условиях обострения международных отношений и пути их минимизации. Стратегический анализ / Отв. ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротяев. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2015.

В то же время очевидно, что консолидация современного российского общества, для которого характерен ярко выраженный идеологический плюрализм, а также ментальный и психологический разрыв между поколениями, не может быть обеспечена за счет доминирования и тем более насильственного навязывания какой-либо одной политической идеологии, будь то консервативная, либеральная, социалистическая или какая-либо иная. Точно так же никакая спущенная сверху официальная доктрина не может надолго сплотить и консолидировать современное российское общество. Требуется если не синтез, то по крайней мере более или менее продуктивное взаимодействие разных идеологий, точек зрения, предложений по выходу из сложной внутри- и внешнеполитической ситуации, в которой находится Россия, по преодолению многообразных рисков и угроз.

Путь к такому продуктивному, а не конфронтационному взаимодействию различных идеологий, идейно-политических взглядов и подходов к пониманию перспектив развития современного российского общества и современного мира неизбежно будет сложным. Чтобы облегчить и ускорить процессы идейно-политической и социально-политической консолидации современного российского общества, как представляется, необходимы следующие шаги. Во-первых, необходимо противодействовать весьма опасным процессам чрезмерной идейно-политической поляризации и атомизации¹ современного российского общества, причем эти процессы необходимо регулировать как самому обществу, так и государству. Помимо социально-экономических мер, направленных на уменьшение резкого социального и имущественного расслоения и неравенства, а также на повышение социальной мобильности, здесь важную роль играет культурная политика в системе среднего и высшего образования, борьба с крайними проявлениями индивидуализма, изменение отношения населения и государства к малому и среднему бизнесу, общественный и государственный контроль над местными чиновниками, реальная борьба с коррупцией.

Во-вторых, все более насущным становится формирование конструктивной политической оппозиции в России, способной вести диалог с властью и с обществом. Эта конструктивная оппозиция должна не идти на конфронтацию с властью, как это делала внесистемная российская оппозиция в 2011–2012 гг., а сотрудничать с президентом и правящей партией, но при этом достаточно жестко критиковать их по отдельным вопросам, например по вопросу ущемления социальных прав граждан, проблемам роста бедности и нищеты, подавления малого и среднего бизнеса, способного амортизировать социально-экономическую ситуацию в стране. Для фор-

мирования такой конструктивной оппозиции требуются огромные усилия и ответственность со стороны интеллектуалов, представителей малого и среднего бизнеса, части российского политического класса, широких слоев населения. Очевидно, что гораздо легче стать «непримиримой» радикальной оппозицией, но в существующих сложных условиях это приведет к деструктивным, а не к конструктивным последствиям. Иными словами, необходимо эволюционное, постепенное, но последовательное изменение политической системы и политического режима.

Наконец, в-третьих, требуется выдвижение программы действий, вокруг которой произошла бы консолидация широких слоев российского общества. Такая программа могла бы включать реиндустриализацию страны и импортозамещение, рост реальных доходов населения, усиление борьбы с коррупцией, осуществление мер по ограничению оттока капиталов из России. Реализация подобной программы могла бы стать основой нового «общественного договора» между обществом и государством.

С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова
Москва

ПОЛИТИКА МНОЖЕСТВА VS ПОЛИТИКА ГРАЖДАН VS ПОЛИТИКА МАСС: РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ МАССОВОЙ ПОЛИТИКИ¹

Способность политических институтов адаптироваться к ситуации массового вовлечения в политику и структурировать массовое участие играет, по мнению С. Хантингтона, ключевую роль в процессе перехода к современному институционализированному обществу и государству. При отсутствии массовой политики политические и деловые элиты «склонны использовать власть для обслуживания собственных интересов и пренебрегать работой по формированию эффективного государства...»².

На первом этапе исследования мы предложили развести понятия «массовая политика» (= политика массового политического участия) и «политика масс» (= прямое вторжение масс в политику). Последующий анализ выявил необходимость более глубокой дифференциации типов политики на основе различения понятий «масса», «граждане» и «множество».

¹ Выполнено в рамках проекта РГНФ № 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия».

² *Слейтер Д.* Анатомия сильного государства // Коммерсантъ. М., 2006. 28 ноября.

¹ См., напр.: *Новиков А. С.* Атомизация общества и ее роль в становлении «общества масс» // Теория и история. 2009. № 2. С. 192–197.

Несмотря на широкое употребление определения «массовый», понятие массы не операционализировано до строгого набора атрибутов. Параллельно с понятием «масса» существовало слово «множество» (лат. *Multitudo*), трактуемое, в частности, Б. Спинозой как форма общественного и политического существования многих в качестве многих. К XX в. понятие «масса» практически вытесняет понятие «множество» из общественного дискурса, при этом наиболее часто это понятие употребляется для описания единств, структура которых либо предельно неустойчива, либо не имеет значения. Так, для Э. Дюркгейма масса — результат простого сложения не подлежащих учету однотипных элементов (орда). В последние годы кризис демократических форм легитимации насилия и собственности, усиливающийся благодаря глобализации, обусловил возрождение интереса к диффузному, гетерогенному множеству как к новому потенциальному субъекту политики (П. Вирно). Множества актуализируются в форме сети сингулярных субъективностей, различных и уникальных, которые не обладают ни общей идентичностью (как народ), ни обезличены (как масса).

Если масса находится в догражданском (доправовом) состоянии и лишь от противного может быть включена в политическое, а множества создают новое внегосударственное пространство свободы и равенства (в котором, как полагает У. Бек, индивид осуществляет права [человека] против собственного государства¹), то политика граждан — это «субстрат» демократического политического процесса. Критерием для ее определения является ориентация включающихся в политику индивидов на реализацию прав и свобод гражданина (или борьбу за их предоставление/расширение/применение).

Вовлечение граждан в политику не может быть рассмотрено изолированно, вне более широкого контекста, включающего в себя и наличный институциональный порядок, и «альтернативный» порядок, потенциально создающийся в результате этого события. Демократический порядок в значительной степени основывается на сотрудничестве ответственных граждан, однако в современном обществе с его анонимностью и господством эгоистических установок трудно ожидать такого же уровня солидарности и взаимной поддержки, как в традиционных обществах. Незащищенность прав граждан, их неспособность и/или нежелание бороться за свои права стимулируют воспроизводство неформальных отношений в частной жизни и одновременно направляют их экспансию в публичную сферу. Происходит, таким образом, деинституционализация политического.

В российском контексте «политическое» представляет собой не публичное пространство диалога и институционализированного конфликта

¹ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 403.

по значимым проблемам, а «место» действия власти, по отношению к которой происходит идентификация «своих» и «чужих»¹. Наличие не вполне социально, политически и идеологически определенного индивида создает предпосылки для его массовизации и включения в этом качестве во властные практики. Обращение к «базовому» человеку формирует дискурс потребностей выживания, не допускающий формулирования различных политических платформ. Стремление власти сформировать свою опору, сдерживая процесс самоорганизации, социального и политического структурирования, создает предпосылки для политики внеклассового, надполитического популизма, ведущего к политике масс. Представляется, что возможность демократической трансформации политического режима в России связана с освоением россиянами роли *граждан* (этот процесс раскрывается в концепции эмпауэрмента) и вовлечением их в политику именно в таком качестве, а также со способностью граждан и их объединений к политическому действию.

В. Ф. Пеньков
Тамбов

КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ПОЛИТИКИ

При доминировании власти в медийном пространстве нарастает недоверие к официальным СМИ, снижается эффективность пребывания государства в информационном поле. Политически активное меньшинство создает свое пространство обмена информацией в корпоративных и агитационно-мобилизационных целях.

Коммуникация в сфере политики воздействует на отдельных представителей общества, на политическую систему, общественные институты и общество в целом². Г. Д. Лассуэлл характеризует коммуникацию как прямое воздействие коммуникатора на реципиента, Т. Ньюкомб оценивает субъектов как равноправные стороны, связанные взаимными ожиданиями и установками, общим интересом к предмету общения, к реализации интереса через сообщения. Исследуя коммуникации в группах, организациях и социально-политических системах, ученые сформулировали ряд моделей³. Р.-Ж. Шварценберг под политической коммуникацией понимал

¹ Гражданское и политическое в российских общественных практиках. М.: РОССПЭН, 2013.

² См. подробнее: *Брайант Д., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ. М., 2004. С. 334.

³ См.: *Habermas J.* The theory of communicative action. L., 1984. Vol. 12.

циркуляцию информации от одной части политической системы к другой, между политической системой и социальной системой¹.

В СССР государственные СМИ формировали политико-культурные стереотипы: непогрешимость прессы, истинность информации; неприятие официальной информации, отрицание правдивости сообщений официальных СМИ; восприятие государственных СМИ как одного из каналов поступления информации, требующей уточнения из других источников. Изменение расстановки сил на рынке СМИ в 1990-е годы создало новые возможности использования печати, радио и телевидения для достижения целей политиками, используя весь арсенал — от информирования до фальсификации и манипуляции общественным мнением. В годы перестройки декларирование свободы слова и массовой информации, формирование новых моделей политической культуры по-новому поставило проблему коммуникации.

Подлинная свобода слова реализуется при наличии двух важных условий — режима гласности, позволяющего индивиду собирать, анализировать информацию и на ее основе вырабатывать личное мнение, и свободной печати, состоящей на службе общества и обеспечивающей возможность желающим высказать свое мнение². К числу неблагоприятных факторов развития свободы слова отнесем разрушение общенационального информационного пространства; финансово-экономическую зависимость печати; отсутствие в стране климата нетерпимости к тем, кто нарушает свободу слова и информации³.

Утрата в 1991 г. монополии одной партии на публичное слово побуждало в те годы исследователей вести поиск оптимальных теоретических моделей российской печати, опираясь на работы зарубежных политологов. Так, концепция роли прессы в формировании общественного мнения Т. Паттерсона сводилась к тому, что в обществе при неразвитости партий пресса начинает выполнять их функции: артикулировать интересы, рекрутировать сторонников, выступать организатором групп⁴. Я. Н. Засурский отмечал, что в России СМИ традиционно представляют собой связь, объединяющую народ: коммуникативные функции способствуют тому, что общество существует, люди общаются, имеют общую информацию, общее информационное пространство⁵.

¹ См. подробнее: *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология. М., 1992.

² См.: *Сидоров В. А.* Политическая культура средств массовой информации. М., 1994. С. 209.

³ *Трошкин Ю. В.* Свобода слова и власть в обществе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1996. № 4. С. 3.

⁴ См. подробнее: *Patterson T.* Out of order. N.Y., 1993.

⁵ *Засурский Я. Н.* Роль средств массовой информации в обществе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1995. № 2. С. 4.

Анализ функций СМИ показывает, что их воздействие сводится к побуждению реципиентов к деятельности в рамках разделяемых обществом ценностей, к поведению в пределах выработанных обществом норм. Коммуникатор может поддерживать и утверждать уже принятые обществом ценностные установки, может предпринимать усилия для их расшатывания, а потом и замены новыми. Его действия могут находить поддержку в других средствах массовой информации или встречать сопротивление¹. Сознавая выпренность фразы «пресса — четвертая власть», автор склонен к ее пониманию как параметра действительности влияния СМИ на государство и общество, как оценку этого воздействия, признание значимости прессы в формировании социальных отношений между участниками политического процесса. Власть СМИ, вероятнее всего, может быть представлена как степень воздействия на формирование системы взглядов, на мотивацию принятия ценностного или поведенческого решения личностью или социальной группой. При отсутствии демократических традиций, высокой степени внушаемости общества СМИ используются как инструмент манипуляции общественным мнением.

Н. В. Плотицкина
Краснодар

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСЬЮМЕРИЗМА: ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ КОНЦЕПТЫ И ПРАКТИКИ

Появление и распространение *Web 2.0* (Т. О'Рейли), «новой партициптивной культуры» (Г. Дженкинс), «маркетинга 3.0» (Ф. Котлер) отражает высокую активность потребителей, включающихся в социальные сети, участвующих в бизнес- и политических процессах, в том числе в форме самообслуживания на основе принципов *DIY*-культуры с использованием новых информационных и коммуникационных технологий.

Просьюмеризм как особая экономическая форма концептуально разрабатывается в теориях: развивающих идеи «совместного создания благ» (К. К. Прахалад, В. Рамасвами), «профессионального любительства» (Ч. Лидбитер), «викиномики» (Д. Тапскотт, Э. Д. Уильямс), «доминиру-

¹ См. подробнее: *Чанкаев С.* Политико-правовые аспекты деятельности прессы // Средства массовой информации в меняющемся мире / Под ред. И. Д. Лаптева и Т. С. Иларионовой. М., 1999. С. 9–15.

ющей логики маркетинга» (С. Варго, Р. Лаш), *DIY*-культуры (М. Уотсон, Э. Шоув), *produsage* (А. Брунс), «краудсорсинга» (Дж. Хау), «пиринг-модели» (Й. Бенклер), *prosumption* (Дж. Ритцер, Н. Джергенсон).

Цифровой просьюмеризм расширяет логику производства в условиях компьютеризованного капитализма. Современный капитализм имеет ряд отличий от традиционной капиталистической системы: изобилие пользовательского контента в противовес дефициту, неоплачиваемый просьюмерский труд, нацеленность капиталистов на эффективность производства, сопротивление просьюмеров владельцам *Web 2.0*-корпораций, производство бесплатной и общедоступной информации. С позиции Дж. Ритцера, Н. Джергенсона, Д. Цвика, Дж. Денегри-Нотт, возможности капиталистов по эксплуатации просьюмеров ограничены: в интернет-пространстве действуют кибер-либертарианские проекты; экономическая политика просьюмеризма основана на свободе и творчестве потребителей.

Просьюмеризм развивается в различных областях: открытое программное обеспечение, гражданская журналистика, менеджмент знаний, обработка контента и креативная совместная работа.

Австралийский исследователь А. Брунс вводит в научный оборот термин *produsage*, посредством которого описывается активность участников различных онлайн-сообществ по созданию контента. Профессор К. Бибер интерпретирует пиратские партии и оккупай-движения как современные формы цифрового политического просьюмеризма.

Пиратская партия представляет собой форму партийной институционализации сетевых сообществ «производителей–потребителей», используя в качестве ресурсов мотивации политического участия цифровые медиа, инновационные подходы в построении каналов внутривнутрипартийной коммуникации на основе адхократии.

С концептуальной точки зрения «пираты» сказали новое слово в политике, введя в обиход термины «жидкой демократии» (*liquid democracy*) и «демократии 3.0», которые отражают «сетевые» реалии современного политического процесса. Концепт «живой демократии» представляет новую систему волеобразования, включая элементы прямой и представительной демократии. «Перетекание» прямой демократии в репрезентативную может происходить в процессе голосования, включающем возможность граждан, членов партии, делегировать право голоса другим участникам голосования, в том числе экспертам, независимым специалистам или представителям политических партий.

Концептуализируя политическое измерение просьюмеризма, важно учитывать, что просьюмерское политическое участие может подразумевать действия граждан, реализующих задачи, находящиеся в компетенции государства.

Исследователь Ш. Хершковиц на примере израильской *PR*-кампании выявляет процессы глокализации и глобализации современного политического просьюмеризма. Концепт просьюмеризма экспортировался в пространство взаимоотношений между государством и его гражданами. Проект «Масбирим Израэль», инициированный в 2010 г. министерством информации и диаспоры Израиля, был направлен на использование потенциала израильских граждан в формировании позитивного имиджа страны. Вследствие интеграции в национальную *PR*-деятельность граждане Израиля становились просьюмерами в том плане, что участвовали в процессе производства общественных благ, традиционно поставляемых государством. Вместе с тем израильская *PR*-кампания характеризовалась как глокализированная глобализация, поскольку сочетала тренд неолиберализма, приватизации государственных услуг гражданами, идеи глобализации (кампания отражает попытку государства передать элементы публичной дипломатии в частные руки).

Таким образом, различные пользователи работают над развитием своих альтернативных политических пространств. Расширяется потенциал новых форм политической делиберации и демократической репрезентации, наблюдаются процессы партийной институционализации просьюмеризма. Политическая блогосфера, гражданская журналистика, оккупай-движения и пиратские партии, новые гибкие гражданские инициативы могут рассматриваться как переход к демократической сетевой структуре общества, основанной на просьюмеризме.

Д. С. Плотников
Пермь

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА

Воссоединение Крыма и России, произошедшее при поддержке русско-го населения полуострова, вызвало обеспокоенность в Казахстане, северные и северо-восточные территории которого также населены людьми, идентифицирующими себя с русской культурой и историей. Последующий конфликт на Донбассе только усилил опасения казахстанской элиты относительно потенциальных проблем на севере страны. Результатом этого стала активизация Астаны в области миграционной политики, целью которой является увеличение численности казахов в северных территориях Казахстана.

Казахстанское руководство всегда обращало пристальное внимание на этнический дисбаланс и пыталось различными мерами нивелировать

различия между преимущественно казахским югом и преимущественно русским севером посредством «казахизации» последнего. Для «казахизации» северных территорий предпринимался комплекс мер. Так, в 1997 г. по ряду причин столица была перенесена из южного города Алма-Ата на север, в Акмолу (сейчас Астана), что способствовало росту численности населения за счет притока преимущественно казахов со всей страны. В итоге, по сообщениям некоторых источников, численность русского населения в городе сократилась с 54% в 1989 г. до 17% в 2012 г. (по некоторым данным, до 14%). В том же 1997 г. была проведена административно-территориальная реформа, цель которой состояла в том, чтобы «разбавить» преимущественно русские области севера Казахстана посредством присоединения к ним территорий, населенных казахами. В результате русские перестали доминировать в какой-либо области Казахстана (за исключением Северо-Казахстанской области). Помимо административных механизмов казахстанское правительство принимало программы переселения казахов из зарубежья. Переселенцам (оралманам) предоставлялись льготы. Согласно прессе, «с 1991 по 2011 г. на территорию Казахстана вернулись 221,3 тыс. казахских семей общей численностью около 860 тыс. человек. Большинство из них прибыли из Узбекистана (60,5%), Китая (12%), Монголии (10,4%), Туркмении (8%) и России (5,3%). При этом большинство оралманов размещалось в северных регионах»¹. Вместе с оттоком русских из Казахстана и их низкой рождаемостью эти меры несколько сгладили этнический дисбаланс в Казахстане. Доля русских в Казахстане, согласно официальной статистике, снизилась с 6 млн 227 тыс. (37,8%) в 1989 г. до 3 млн 685 тыс. в 2014 г. (21,5%). Проводимая же властями политика репатриации казахов способствовала росту конфликтности ввиду сложности адаптации оралманов. По сообщениям прессы, «адаптация переселенцев, оказавшихся в непривычных экономических, социокультурных и природно-климатических условиях, происходила с большими сложностями. Нередко это провоцировало их повторную миграцию в южные области и страны прежнего проживания. Испытывая трудности с жильем, поиском работы, социальной и языковой адаптацией, оралманы превратились в головную боль для властей»², подогревая социальный протест. По этой причине программа переселения была существенно переформатирована в апреле 2012 г. и фактически заморожена³.

Тем не менее украинские события привели к тому, что Астана вновь обратила внимание на русские провинции Севера как на потенциальную угрозу. В первую очередь акцент был сделан на внутреннюю миграцию из

густонаселенного «казахского» юга на «русский» север. Помимо стимулирования внутренней миграции, реанимируются программы по возвращению казахов из-за рубежа. Так, согласно концепциям развития «будут унифицированы и упрощены условия въезда в Республику Казахстан для этнических казахов. Предусмотрено предоставление этническим казахам статуса оралмана...»¹. Проводимый правительством Казахстана комплекс мероприятий по «казахизации» северных территорий может вызвать скрытый протест среди местного населения. Вместе с тем, учитывая централизацию власти в руках Нурсултана Назарбаева, этот протест вряд ли примет мощный организационный характер с последующим вооруженным противостоянием. В отличие от Украины представителем еще советской партноменклатуры Н. Назарбаев не склонен к радикальным мерам в щепетильном национальном вопросе, стремясь прибегать к латентным, постепенным механизмам, сохраняя толерантную риторику. Это в свою очередь позволит маргинализировать протест и быстро его подавить. Тем не менее уход с политической сцены Н. Назарбаева в условиях отсутствия института преемственности и сакрализации власти вокруг фигуры Первого президента может всколыхнуть казахстанское общество. Латентные механизмы социальной напряженности выплеснутся наружу. В случае резких шагов новых претендентов на трон в национальном вопросе включатся механизмы этнической консолидации и идентификации по принципу «свой» — «чужой». В этих условиях в считанные месяцы ситуация может кардинально измениться и вылиться в затяжной этнический конфликт.

Я. А. Пляйс
Москва

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ

1. Одна из главных причин нашего слишком затянувшегося транзита состоит, на мой взгляд, в неадекватности качества и состояния нашей политико-административной элиты задачам преобразования России. По каким же причинам нынешняя или, скажем, старая элита не устраивает страну?

2. *Во-первых*, нынешняя комбинированная элита, образовавшаяся в результате синтеза советской партийно-государственной номенклатур-

¹ О предстоящих изменениях в миграционной политике Казахстана рассказана в Минтруда. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://m.tengrinews.kz/ru/kazakhstan_news/255519.

¹ Казахи переедут на север? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.stoletie.ru/zarubejie/kazahi_perejedut_na_sever_629.htm.

² Там же.

³ В Казахстане разрабатывают новую программу по переселению оралманов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.nur.kz/215870.html>.

ной элиты с «элитами» переходного периода, прежде всего бизнес-элитой, включая ее криминальный или полукриминальный сегмент, с элитой, вышедшей из силовых структур, и пр., фактически выполнила свою историческую миссию, состоявшую главным образом в том, чтобы революционный этап переходного периода, т.е. этап перехода от социализма к капитализму, преодолеть без катастрофических последствий, т.е. без гражданской войны, без развала страны (собственно России) и т.п.

3. *Вторая* причина, которая также побуждает сменить элиту, состоит в том, что рекрутирование действующей элиты происходило бессистемно, фактически стихийно и поэтому получился такой неудовлетворительный результат. Пора создать новую систему формирования и политической, и административной элиты, способной модернизировать страну, не отрываясь от ее матрицы.

4. *Третья* причина необходимости смены элит заключается в том, что произошедшие за годы трансформации глубинные изменения в российских общественных стратах готовы к генерации своих новых выдающихся представителей, хорошо понимающих интересы этих страт и способных их представлять и отстаивать. Пора через разного рода лифты дать им выход в элиту.

5. *Четвертая* причина состоит в том, что нынешняя ситуация в российской экономике, темпы роста которой упали почти до 0 (0,6–0,7% в 2014 г.), говорит о тотальной слабости и неадекватности не только нашей экономической элиты, но и политико-административной, на какие объективные обстоятельства и первая и вторая ни ссылались.

Из сказанного вытекает то, что вслед за сменой политико-административной элиты необходимо заменить и некоторые другие. Для этого, разумеется, надо создать новую систему их формирования, что требует отдельного разговора и исследования.

6. Новую элиту никогда в нашей стране системно и концептуально не готовили, а разнообразные лифты, которые то и дело дают собой и останавливаются, тоже не справляются с задачей подготовки элиты новой формации. И, кроме того, никто толком не представляет себе, какими идеологическими и политическими качествами должна обладать такая элита, чтобы отчетливо понимать, куда вести страну, как ее преобразовывать и т.д.

7. Это должна быть элита нового типа (или, если угодно, новой формации, или генерации), идеологически незашоренная, но с твердыми патриотическими установками, с высокими креативными качествами, всегда открытая внешнему миру, способная видеть полезное новое, как отечественное, так и зарубежное, оценить его и творчески применить в родной стране.

Но для этого она должна быть фундаментально и широко образована, проходить тщательный отбор через систему демократических конкурсов на предмет соответствия искомому статусу и т.д.

8. А вот кто и как должен готовить новую элиту — это вопрос вопросов. На него никто еще толком не ответил. Я имею в виду прежде всего в теоретическом отношении, хотя и в практическом ключе это, конечно, тоже важно. Если к этому добавить, что на особенности политсистем накладываются цивилизационные, а также национальные специфические черты, связанные с историческим опытом, то становится понятно, насколько эта тема сложна для исследования. Нельзя забывать также о транзитном состоянии политсистем, накладывающем отпечаток и на ход процесса элитообразования, и на его содержание. Ведь ясно, что у каждой политсистемы свои закономерности и механизмы элитообразования.

Т. А. Подшибякина
Ростов-на-Дону

ФОРСАЙТ: ВОЗМОЖНОСТИ СЕТЕВЫХ МЕТОДОВ АНАЛИЗА

Форсайт как системный метод исследования, представляющий собой совокупность различных методик: сканирования среды, горизонтов, сетей и системного сетевого анализа, направленных на изучение перспектив управления инновационным развитием, делает политику более открытой для влияния граждан на принятие решений, касающихся будущего страны.

Практика реализации метода основана на мобилизации участников различного уровня, предполагает интервью с авторитетными людьми, формирование исследовательской группы, включающей научных экспертов в различных областях знаний, их сетевое взаимодействие между собой и с целевой аудиторией, распространение информации о результатах исследований для широкой аудитории через PR-стратегии.

Первые попытки внедрения сетевых методов анализа в Форсайт приходятся на 80-е годы XX в., отдельные элементы применялись в рамках проекта Европейской сети мониторинга Форсайт-исследований (*European Foresight Monitoring Network, EFMN*), преобразованной в Европейскую Форсайт-платформу (*European Foresight Platform, EFP*). В качестве одной из лучших практик этого проекта Р. Поппером, английским исследователем, было названо применение концепции сетей и системного сетевого анализа (2009).

Системный подход рассматривается в качестве преимущества использования сетевого анализа в форсайтинге, позволяющего строить сети, объединяющие акторов из различных социальных сфер, обобщать данные

статистического анализа на основе предложенных индикаторов. Методология картирования и построения социометрических сетевых диаграмм реализуется с помощью программных пакетов сетевого анализа *Pajek*. Второй способ интегрирования сетевого анализа в Форсайт (Я. Нугрохо, О. Саритас) — применение сетевых технологий на отдельных стадиях процесса форсайтинга, например при постановке задач или генерации новых знаний.

В России Форсайт только начал распространяться с 2007 г. и его возможности влияния на публичную политику практически не изучались.

Мы предлагаем рассмотреть возможности применения Форсайта в формировании отраслевой политики, позволяющей соединить инновационный потенциал теоретического экспертного знания и опыт экспертов-практиков, руководителей предприятий и организаторов бизнеса. В аспекте развития потенциала публичной политики этот метод позволяет сформировать еще одну площадку взаимодействия бизнеса и власти, экспертных групп, органов власти и заинтересованных представителей организаций гражданского общества. В свою очередь различные формы взаимодействия в рамках форсайт-проектов могут стать элементом новой модели управления — *governance*, или «соуправления», что позволит России приблизиться к современным формам организации политической жизни общества и расширить возможности участия граждан в принятии стратегических политических решений и разработке инновационных проектов. Таким образом можно значительно повысить открытость принятия политических решений в такой консервативной сфере управления, как отраслевая политика, и расширить возможности демократического контроля общества над властью.

Инструментом сетевого интерактивного экспертного взаимодействия может стать платформа сетевого моделирования количественных и качественных сценариев, предложенная Финским центром исследований будущего Университета Турку (*Finland Futures Research Center — FFRC, University of Turku*), в частности разработка модели интегрированного анализа долгосрочного развития сектора экономики (*LINDA*). Уже есть положительный опыт использования данной методики для энергетической отрасли, позволяющий создавать на основе качественных методов, т.е. самого экспертного знания, и количественных методов обработки данных множество альтернативных сценариев развития энергетической отрасли¹.

Препятствием для развития таких инновационных форсайт-проектов может стать традиционное недоверие в России к независимому экспертному мнению и отставание от Европы и США в накоплении статистического

¹ Количественные методы в исследованиях будущего. Международный семинар (28 ноября 2013 г.) // Форсайт. 2014. № 1. С. 76–81.

и экспериментального материала в различных базах данных, ограниченный доступ к ведомственной информации, а также незрелость институтов гражданского общества и отсутствие гражданских инициатив.

Н. В. Полякова
Санкт-Петербург

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ: МЕЖДУ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМОМ И СОПРОТИВЛЕНИЕМ

Спустя семьдесят лет после окончания Второй мировой войны можно говорить именно о феномене этой войны, включающем в себя целый комплекс социально-экономических, политико-идеологических, военно-технических, а также психологических и культурно-символических аспектов, которые активно интерпретируются и используются в рамках политики памяти, приобретая свои специфические особенности в том или ином национально-государственном контексте.

Французская специфика воспоминаний о событиях Второй мировой войны обусловлена особыми историческими обстоятельствами. «Странная война» 1940 г., закончившаяся «странным поражением», последующая немецкая оккупация двух третей территории Франции, коллаборационистский режим Виши, утвердившийся на неоккупированных территориях, движение Сопротивления — вот те события, вокруг которых в первую очередь формировалась историческая память о войне в этой стране. Но именно оккупация и связанные с ней жизненные стратегии стали для французского сознания основным содержанием Второй мировой войны. «Мы не можем думать о войне, потому что мы не ведем войну... Франция не ждет от себя самоизбавления»¹, — писал французский философ М. Мерло-Понти, подчеркивая поучительный для французов смысл уроков жизни именно в условиях оккупации.

В оккупированной Франции такими конкурирующими проектами жизненных стратегий стали коллаборационизм и движение Сопротивления, которые тем или иным образом определяют современный контекст французского политико-исторического дискурса и являются одним из важнейших аспектов французской политики памяти. Хотя важно под-

¹ Цит. по: *Cooper B. Merleau-Ponty and Marxism: from terror to reform*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1979. P. 83.

черкнуть, что стремление провести четкий водораздел между «Соппротивлением» и «коллаборационизмом» как основными типами поведения в условиях оккупированной Франции утвердилось лишь в более поздних исторических интерпретациях, опосредованных в том числе личными и политическими предпочтениями авторов этих интерпретаций: «Поведенческие типы, которыми характеризуется французское общество, а вместе с ним и литература этой трагической эпохи, явно не сводятся к этой черно-белой оппозиции...»¹

В послевоенной Франции восторжествовал миф о том, что вся страна, за небольшими исключениями, поднялась по призыву генерала де Голля на борьбу против оккупантов. И хотя были проведены публичные процессы над военными преступниками и коллаборационистами, тем не менее в первые послевоенные десятилетия французская политика памяти содержала в качестве своего важнейшего элемента политику «вытесняющего забвения». Ни вишистский режим маршала Петена, ни массовый коллаборационизм, ни геноцид в отношении евреев не только не акцентировались в рамках голлистской политики памяти, но скорее сознательно затушевывались ради поддержания общенационального сопротивленческого мифа, который призван был объединить страну. После ухода де Голля на смену голлистскому мифу о Соппротивлении постепенно пришло болезненное осознание фактов массового сотрудничества с оккупантами. С большим трудом преодолевая этот миф, официальная Франция признала (в 1995 г. устами президента Жака Ширака) ответственность за соучастие в Холокосте, что было связано в том числе и с общемировой тенденцией развития современной памяти, где «память о жертвах» становится центральным элементом.

С тех пор «синдром Виши» продолжает оставаться актуальным, но вместе с тем потенциально конфликтогенным элементом французского официального политико-исторического дискурса, который существенно конкурирует с личной и семейной памятью французов. Наряду с мейнстримом французской политики памяти всегда сосуществовали противоположные по смысловой нагрузке и историческим акцентам модели исторической памяти о событиях последней мировой войны, которые оказывали значительное влияние на интеллектуальный, моральный и политический климат в этой западноевропейской стране. Этот раскол внутри французского общества породил даже феномен «устной гражданской войны», которая, как полагают некоторые исследователи, до сих пор идет во Франции, оказывая серьезное влияние и на ее политическую элиту. В современном французском публичном дискурсе формирование социокультурной памяти о феномене Второй мировой войны опирается в большей мере на рацио-

нальные ресурсы конструирования, которые продолжают использоваться различными политическими и культурными силами в собственных интересах и целях. Особенности политики памяти в современной Франции стала не только ярко выраженная политизация в трактовке специфических жизненных стратегий оккупационного прошлого страны, но и тенденция к размыванию и даже откровенному стиранию границ между этими ранее оппозирующими друг другу элементами национальной памяти.

И. А. Помигуев
Москва

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ ВЕТО-ИГРОКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

Неоинституциональная теория вето-игроков позволяет изучать политическую систему государства с помощью единого универсального критерия — взаимодействия между вето-игроками. Ими являются коллективные и индивидуальные акторы, согласие которых необходимо для изменения статус-кво, т.е. существующей на данный момент политики (законодательства)¹. Исследователи в основном идентифицируют вето-игроков по двум критериям — они определяются либо Конституцией страны (президент, парламент), либо самой политической системой (например, партии, коалиции партий). Именно поэтому обычно изучаемыми вето-игроками становятся парламенты в целом или отдельные партии в частности, главы государств, правительства стран, суды и другие структуры со своим уникальным объемом полномочий и возможностей для влияния на законодательные решения².

Несмотря на кажущуюся универсальность популярной концепции, безоглядное применение ее для всех стран без учета их специфики было бы неверным. Это не позволит получить достоверную информацию о конфигурации вето-игроков, в том числе и в российском законодательном процессе, поскольку в нашей стране данная концепция не применялась.

Предлагается учесть следующие особенности применения теории вето-игроков для изучения законодательного процесса в России:

1. Возможное наличие вертикальных связей в конфигурации вето-игроков. В данной концепции вето-игроки расцениваются как равноценные

¹ Tsebelis G. Veto players: how political institution work. Princeton, NJ: Princeton univ. press, 2002. P. 36.

² См.: Помигуев И. А. Концепция вето-игроков: новый подход в изучении форм правления // Политическая наука. М., 2014. № 1. С. 199–210.

¹ Фокин С. Экзистенциализм — это коллаборационизм?: Несколько штрихов к портрету Жана-Поля Сартра в оккупации // Новое литературное обозрение. 2002. № 3. С. 278.

участники политического процесса, взаимодействие которых происходит по горизонтали. Однако рассмотреть возможные вертикальные связи необходимо по следующим причинам:

а) формальное отделение президента от трех ветвей власти с достаточно серьезными возможностями влияния на них. То есть можно говорить о некой структуре, стоящей как бы над всеми остальными;

б) федеративное устройство — субъекты Российской Федерации имеют различные механизмы влияния на законодательный процесс, но фактическая роль второго (регионального) уровня власти заставляет учитывать это при нахождении вето-игроков.

2. Расширение институциональных полномочий отдельных вето-игроков. Складывающаяся политическая практика вносит свои изменения в институциональную и партийную конфигурацию вето-игроков. Учитывая, что Конституция РФ изначально дала широкий простор для настройки взаимодействия между институциональными вето-игроками, борьба за полномочия сказывается на изменениях таких институтов, а их ограничительная функция может нивелироваться.

3. Высокая роль неформальной стороны политики. Эту особенность можно не ставить на первый план в том случае, если всеми участниками процесса принятия решения соблюдаются строго институциональные рамки как гарант определенной политической стабильности.

4. В российском законодательном процессе наблюдается преобладание негативной функции вето (отклонения инициативы) — оно направлено в первую очередь на блокирование инициативы, нежели на нахождение компромисса между вето-игроками.

Данный список наиболее явных особенностей вряд ли можно считать избыточным, но без их учета можно столкнуться с серьезными трудностями при выявлении роли вето-игроков в законодательном процессе современной России.

Е. Г. Пономарева
Москва

БАЛКАНЫ КАК ЗОНА (ДЕЗ)ИНТЕГРАЦИИ

1. **Балканизация: естественный процесс дезинтеграции или метод управления пространством?** Потенциальная конфликтность региона определена чересполосным проживанием народов с разными историческими судьбами. С конца XIX в. под «балканизацией» понимались процессы суверенизации этнически и культурно неоднородного политического пространства Юго-Восточной Европы, находившегося под внешним управлением Австро-Венгрии, Османской Турции и Италии. С конца XX в. «балканизацию»

следует рассматривать не только как процесс, возникающий и развивающийся на определенном типе территорий, но и как метод управления политическим пространством.

2. **Балканы — реперная точка (дез)интеграционных процессов.** Балканский полуостров как зона продолжающего конфликта мировых центров силы оказывается реперной точкой интеграционных/дезинтеграционных процессов не только в Европе, но в Евразии в целом. Будучи частью дуги нестабильности, которая через Малую Азию, Ближний Восток, Кавказ и Центральную Азию доходит до современных границ России, Балканы остаются предметом пристального анализа российских исследователей, заставляют заниматься поиском путей стабилизации, замедления региона, способов его включения в устойчивые интеграционные объединения не только с точки зрения узконаучных парадигм, но в прагматических целях защиты национальных интересов России.

3. **Историко-культурные факторы (дез)интеграции Балкан.** Включение в разные исторические периоды в орбиту империй наложило серьезный отпечаток на культуру и традиции населения региона, а также определило систему организации властных отношений. Здесь устанавливали политический порядок Византия, Османская Турция и Австро-Венгрия. Российская империя, не имея на полуострове собственных владений, с первой половины XIX в. оказывала непосредственное влияние на политическое и культурное развитие православных народов, прежде всего болгар, греков и сербов. Для понимания происходящих в регионе процессов важно помнить, что принятие христианства из разных центров — Рима и Константинополя — не только повлияло на развитие духовной культуры, но и определило цивилизационный выбор народов. Не менее, а возможно, даже более серьезные последствия оказало принятие ислама в ходе завоевания балканских земель Османской империей.

4. **Социалистическая Югославия как неудавшийся интеграционный проект.** Созданная изначально в соответствии с базовыми принципами советского федерализма, не учитывающая естественные границы проживания народов (а возможно, сознательно сужающая сербское пространство) социалистическая Югославия прожила красивую, но недолгую жизнь. Реализация принципа «права наций на самоопределение» привела не к возникновению жизнеспособной целостности, а к формированию агрессивной этнократии и попранию принципа историзма. Дело в том, что идеологическим и политическим фундаментом республик ФНРЮ/СФРЮ стала именно этническая идентификация.

5. **Евроатлантический вектор интеграции Балкан.** Реализация этого интеграционного проекта, как правило, начинается с вступления страны в НАТО, а лишь затем, после длительного согласования стандартов и процедур, существенных внутривнутриполитических реформ, фактически лишаящих государ-

ства национального суверенитета, готовится членство в Европейском союзе. Из балканских стран лишь Греция была членом НАТО и ЕС до 1991 г. Афины вступили в НАТО в 1952 г., причем в период с 1973 по 1981 г. выходили из организации. Членом ЕС (на тот момент ЕЭС) Греция является с 1981 г.

Первой из посткоммунистических стран Балканского региона оказалась включенной в евроатлантические структуры Болгария. Членом НАТО она стала 29 марта 2004 г., а членом ЕС — 1 января 2007 г. Албания и Хорватия были приняты в альянс 1 апреля 2009 г., составив так называемое шестое расширение блока. Последняя была принята в ЕС 1 июля 2013 г., членство Албании в ЕС пока под вопросом. Остальные страны либо уже являются членами Плана действия по членству (Македония — условно, из-за позиции Греции, а скорее всего из-за возможности развала страны) и ведут ускоренный диалог о вступлении в альянс либо имеют индивидуальный партнерский план.

6. Евразийская интеграция: возможности и перспективы многополюсного мира. «Новый интеграционный проект» (В. В. Путин) важен для России и ее союзников как возможность противостоять диктату евроатлантической системы, отстаивать самобытность своей культуры и обеспечить национальную безопасность в широком смысле, т.е. как создание условий для выживания нации. В современных условиях ни Россия, ни другие страны евразийского пространства в одиночку этого сделать не смогут. Однако именно Россия, являясь одним из геополитических центров Евразии, обладающая самыми мощными на постсоветском пространстве экономическими, военными и политическими ресурсами, может и должна стать центром, ядром новой архитектуры мира. Включившись в проект евразийской интеграции, Балканы получат новый импульс для успешного развития.

М. Е. Попов
Ставрополь

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК ВЫЗОВЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА¹

Специфика региональных конфликтов как вызовов безопасности и интеграции российского общества заключается в том, что они протекают

¹ Подготовлено в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», Грант Президента МД-7429.2015.6.

на фоне ценностного столкновения традиционалистских и постмодернистских проектов национально-этнического развития. Понятие ценностного столкновения уточняет концепт регионального этнополитического конфликта как конфликта идентичностей, подчеркивая системно-генетический характер данной объяснительной модели. Региональные конфликты идентичностей необходимо рассматривать в контексте конструктивистской парадигмы как следствие радикализации политизированных этничностей, актуализирующей угрозу социальной дезинтеграции. Как отмечают Дж. Фирон и Д. Лейтин, «полноценная теория этнического конфликта должна объяснить, почему, несмотря на серьезные напряженности, этнические отношения, основанные на мире и сотрудничестве (интеграции), являются более типичным явлением, чем крупномасштабное насилие»¹.

На теоретическом уровне социокультурная интеграция определяется как процесс поддержания и продвижения интересов, ценностей, идентичностей и институтов, который позволяет всем социальным субъектам равноправно и бесконфликтно участвовать в экономической и политической жизни на основе согражданства, солидарности, безопасности, справедливости в рефлексивном пространстве политической нации. Применительно к этнокультурной сфере социокультурная интеграция исключает процесс механической консолидации, основанной на силе ассимиляционного принуждения и подавлении культурных различий в репрессивной попытке навязать унифицированную идентичность.

Социокультурная интеграция на основе плюралистической гражданской идентификации снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем солидарности, безопасности, редукцией интерпретаций социальных проблем посредством негативной стереотипизации культурно «других» как «этнических врагов». В современной России и ее наиболее конфликтном Северо-Кавказском регионе основная задача социокультурной интеграции — рационализировать этносоциальные противоречия в процессе трансформации традиционалистской иерархической системы этнорегиональных отношений.

Этноконфликтологические концепции солидарности и интеграции тесно связаны с теориями идентичности и конфликта: социокультурная интеграция интерпретируется как способ разрешения этнических противоречий на основе консенсуса и компромисса, как антиконфликтный инструмент включения этничности в символическое пространство гражданской идентичности. Исследование региональных конфликтов идентичностей в контексте экспликации антиконфликтного потенциала

¹ Fearon J., Laitin D. Explaining Interethnic Cooperation // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90. No 4. P. 715–727.

социокультурной интеграции связан с определением мобилизационной специфики этнополитического традиционализма в структуре конфликтующих идентичностей. На Северном Кавказе политизация этничности как фактор социальной дезинтеграции и этноконфликтной напряженности напрямую зависит от остроты коллективного восприятия и переживания угроз «этнополитической безопасности». Формирующиеся в пространстве этносоциального неравенства групповые идентичности становятся источником конфликтной мобилизации.

В Северо-Кавказском регионе в ситуации этнополитизации общественной жизни модернизационная интенция формирования гражданской идентичности редуцируется к идеологиям этнорелигиозного традиционализма. Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; воздействие установок к насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать социально-агрессивный потенциал в точке этнокультурной непримиримости. Величина насилия в конфликтах идентичностей детерминирована интенсивностью социальной неудовлетворенности и масштабами институциональной этнополитической поддержки, являющимися условиями открытого противостояния.

В качестве системных факторов, определяющих специфику и остроту этнической напряженности и, как следствие, эскалацию конфликтов идентичностей на Северном Кавказе, выступают масштабная социальная фрагментация и экономическая поляризация: этнополитическая регионализация в этих условиях приобретает выраженный конфликтогенный характер. Социокультурная интеграция в условиях роста этнической напряженности становится источником консенсуса и компромисса в процессе разрешения конфликтов идентичностей. В полиэтничном обществе, когда в региональные конфликты вовлекаются этнополитические ресурсы, стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении этнических различий, но на принципах культуры мира как мировоззренческом фундаменте политической нации-согражданства.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Всероссийское исследование политических установок молодежи¹ показало, что только около 58% российской молодежи рефлексируют по поводу своих политических убеждений. 5,5% молодежи оценивают свои взгляды как коммунистические, 28,0% — социал-демократические, 11,3% — либеральные, 5,1% — консервативные, 2,6% — националистические, 1,0% — анархистские, 3,2% — смешанные, 1,3% — другие. Отрицают наличие политических убеждений 22,9% респондентов. Затруднились ответить на этот вопрос 18,9%.

Почти у 40% российской молодежи не сформирована партийная идентичность. 20,9% опрошенных убеждены, что «своей» партии для них не существует. 2,4% признались, что не знают никаких политических партий. 16,1% затруднились с ответом. 43,1% респондентов считают, что «Единая Россия» наилучшим образом выражает их взгляды. 9,3% респондентов считают «своей партией» ЛДПР, 3,9% — КПРФ, 2,4% — «Справедливую Россию». На уровне статистической погрешности находятся показатели идентификации с «Яблоком» (0,7%) и «Гражданской платформой» (0,6%). Еще 0,7% назвали другие партии. Свыше 80% тех молодых людей, которые назвали «свою» партию, не считают себя реальными сторонниками

¹ Доклад подготовлен на основании данных всероссийского исследования, выполненного в рамках государственного задания Санкт-Петербургского государственного университета на 2014 г. (II этап; пп. 17.4 «Мониторинг развития молодежных объединений в Российской Федерации»). Руководитель проекта: докт. социол. наук, проф. Н. Г. Скворцов. Аналитическая группа: докт. социол. наук, проф. А. А. Козлов, канд. полит. наук, доц. А. Г. Пинкевич, докт. полит. наук, проф. О. В. Попова, канд. социол. наук, доц. Н. В. Соколов, канд. социол. наук, доц. Л. И. Ятина. Исследование выполнено на базе Ресурсного центра Санкт-Петербургского государственного университета «Центр социологических и интернет-исследований» (руководитель — канд. социол. наук С. М. Снопина). Всероссийский репрезентативный опрос молодежи проводился с 17 по 24 декабря 2014 г. Объем выборки — 1632 респондента, проживающие в 116 населенных пунктах 49 субъектов Российской Федерации. Стандартизованное интервью проводилось по месту жительства респондентов. Выборка репрезентирует население Российской Федерации в возрасте от 18 до 30 лет. Выборка стратифицированная, квотная. Контролируемые параметры: пол, возраст, образование, тип населенного пункта, субъект Федерации. В выборке представлены восемь федеральных округов России. В выборку не был включен Крымский федеральный округ. Количество опрошиваемых в каждом регионе определялось на основании данных Всероссийской переписи населения.

этих организаций, обозначая свое отношение к организации «симпатией» (т.е. речь идет о самой слабой форме идентификации).

Коэффициент корреляции Пирсона между идеологической и партийной самоидентификацией молодежи равен +0,372. 19% молодежи считает себя социал-демократами, но «своей» партией при этом — «Единую Россию». Политика «Справедливой России» по привлечению в ряды своих сторонников молодежи оказалась неэффективной. Есть очень маленькое, компактное ядро поддержки КПРФ коммунистически настроенной молодежью — около 3%. Молодые люди, которые считают себя либералами, склонны считать «своими» ЛДПР или «Единую Россию» (по 4%). Ориентация на либеральные партии — «Гражданскую платформу» и «Яблоко» — у российской молодежи не сформирована. Среди молодежи, чья политическая самооценка и партийная идентификация совпадают, устойчивое ядро сторонников «Единой России» составляет 22%, ЛДПР — 4%, КПРФ — 3%.

53,6% молодых респондентов убеждены, что их интересы лучше всего выражает В. В. Путин. 11,2% называют В. В. Жириновского, 3,2% — Г. А. Зюганова; менее 2% назвали М. Д. Прохорова, А. А. Навального, С. М. Миронова. Ничтожно малое количество респондентов (0,3%) считают «своим» политиком Г. А. Явлинского, 0,4% — других политиков. 10,7% затруднились с ответом, 16,7% убеждены, что в российской политике просто нет человека, который выражал бы их интересы. Все политики, за исключением В. В. Путина и В. В. Жириновского, с точки зрения формирования своего образа в глазах молодежи как «своего» действуют неэффективно. Затрудняющиеся с выбором партии не могут назвать и «своего» политика; отрицающие наличие партии, отражающей их интересы, полагают, что ни один политик не выражает интересы молодежи. Каждый пятый — 21,9% из опрошенных представителей молодежи — не имеет четкой модели партийной и персонализированной идентификации. Коэффициент корреляции между показателями партийной и персонализированной идентичности равен +0,509.

В целом политическая идентичность молодежи в России характеризуется как диффузная и мозаичная. Не более 10% российской молодежи имеют сильную политическую установку — политическую идентичность.

В. И. Постол
Томск

О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

В 1970-х годах мировая экономика вступила в фазу острого и затяжного кризиса, следствием которого стало изменение стратегии экономического развития. На смену кейнсианской модели пришел неомонетаризм.

Суть кейнсианства — стимулирование *спроса* (что обусловило высокий уровень материального обеспечения среднего класса), суть неомонетаризма — стимулирование *предложения* (поощрение крупного капитала). Идеологическим обеспечением нового экономического курса стал неолиберализм. Основоположники неолиберализма (Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек, М. Фридмен и др.) постулировали неограниченную конкуренцию как наиболее эффективный механизм роста общественного благосостояния. В этих условиях начался поиск новых ориентиров демократизации. Предметом научной рефлексии стало переосмысление и пересоздание моделей гражданского общества.

В концептуализации гражданского общества наметились два основных подхода — пространственный и функциональный. Пространственная артикуляция определяет гражданское общество как «третью силу», взаимодействующую с государством, с одной стороны, и экономикой и частной сферой — с другой (Х. Ахиер, Л. Карлсон). «Трехчастная модель» начала широко применяться при анализе эмпирических данных — акцент стал делаться на изучении негосударственных и непредпринимательских отношений и структур. В свою очередь в рамках функционального подхода сложилось две версии гражданского общества: «Гражданское общество I» и «Гражданское общество II» (М. Фолей, Б. Эдвардс).

Гражданское общество I — это общество западного типа. Здесь точкой отсчета является индивид. Индивиды создают добровольные ассоциации, в которых рождается *чувство взаимного доверия* между гражданами и *общее чувство доверия* между гражданами и государством. Первая версия подчеркивает положительное влияние гражданского общества. Гражданское общество II — это общество восточного типа, где доминируют личные дружественные отношения, общественное доверие ограничено неформальными кругами взаимопомощи. Вторая версия акцентирует конфликтный потенциал гражданского общества¹.

Следует сказать, что неолиберальные реформы предполагали создание «общества равных возможностей», или «общества собственников». Однако на деле решалась противоположная задача — «накопление через изъятие», или «накопление путем лишения прав собственности» (Д. Харви). Публично озвученные цели маскировали истинный политический смысл — восстановление доминирующей классовой власти, существенно ослабленной «кейнсианским консенсусом»².

¹ Салменниemi С. Теория гражданского общества и постсоциализм. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/27591238/>.

² Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://revbel.org/wp-content/uploads/Дэвид_Харви_-_Краткая_история_неолиберализма.pdf.

За неолиберальным поворотом последовал процесс «приручения гражданского общества». Во внутренних делах отношения между неолиберальным государством и гражданским обществом были реорганизованы. «Новое открытие» гражданского общества свелось к тому, что оно стало определяться как «третий сектор, предлагающий новый способ производства благосостояния» (С. Салменниemi). Неправительственные организации росли и множились, заполняя «вакуум социального обеспечения, оставшийся после ухода из этой области государства» (Д. Харви).

«Трехчастная модель» была предложена и странам-«реципиентам» неолиберальных реформ. Постсоциалистическим странам гражданское общество показывалось с позиции «доброжелательного колониализма»: с одной стороны, как «спасение», с другой — как «колониальное стремление западных стран» (Ю. Хеммент). Так как в полном соответствии с представлениями западных стран о «хорошем обществе» на рубеже 1980–1990-х годов гражданское общество понималось как сила, противодействующая коммунистическому государству, то после его крушения гражданское общество в России получило значение третьего сектора и партнера государства¹.

Сегодня на постсоветском пространстве вновь актуализируется конфликтный потенциал гражданского общества. В качестве превентивной меры российские власти принимают меры по разделению НКО на три категории: «социально ориентированные, политические и выполняющие функции иностранного агента»². Но, как показывает опыт Украины, реальная угроза для власти исходит не от подконтрольных ей НКО, а от неинституционализированной части гражданского общества — «четвертого сектора», который и сделал «революцию 2014» г.³ Индикаторы проявления нового тренда пока еще трудно определить, но мы можем существенно продвинуться вперед, если вооружимся правильным пониманием и, переформулировав теорию в методы и технику, перейдем от правильного понимания к действию.

¹ Гайнутдинова Л. А. Гражданское общество в условиях глобализации (анализ современных политологических концепций). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dissers.ru/avtoferati-doktorskih-dissertatsii/politika/56/>.

² НКО третьего типа. [Электронный ресурс]: URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/11/28_a_6320321.shtml.

³ Дацюк С. Четвертый сектор. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://eurobelarus.info/news/society/2014/12/28/chetvertyi-sektor.html>.

УРОВНИ И ФОРМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ С ИДЕОЛОГОМОЙ: К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРЕДПОСЫЛКАМ ОДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках методологии научного проекта «Праворадикальные идеологии в сознании студенческой молодежи Ростовской области», выполняемого группой ростовских ученых при поддержке РГНФ¹, одним из ключевых является вопрос об уровнях и формах идентификации молодежного сознания с идеологемами. Мы исходим из гипотезы, что в случае праворадикальных идеологов (впрочем, не только праворадикальных) важно различать, с одной стороны, *уровни* идентификации с идеологом (мы называем их *эксцессивный, интерпелляционный, вероисповедальный*), а с другой — такие ее *формы*, как *воображаемая и символическая* идентификация.

Эксцессивная идентификация называется так потому, что она обнаруживается через идеологические эксцессы. Уровень предрасположенности к праворадикальной идеологии здесь представлен в виде мимолетного настроения, нарративной обыденной фантазии. Человек на миг как бы чувствует себя «фашистом», но не согласится, что он «фашист», ему было бы «стыдно в этом признаться». Наличие такой идентификации выявляется, как правило, через провокационные вопросы в социологическом интервью.

В отличие от идеологических эксцессов *интерпелляция* сознания человека какой-либо идеологом означает, что он на нее «откликается», т.е. открыто отождествляет себя с ней. Соответственно, *интерпелляционной* идентификацией мы называем в нашем проекте практику сознательной идентификации человека с какой-либо идеей (именем, личностью и т.д.) из праворадикальной субкультуры.

Но интерпелляция праворадикальными идеологами не всегда говорит о наличии настоящих праворадикальных убеждений. На этом уровне человек может просто «играть в фашиста», играть на публику, руководствуясь и неполитическими мотивами. А вот *вероисповедальная* идентификация — это уже идентификация в форме зрелого убеждения, кредо. Человек сознательно, со знанием дела относится к праворадикальной идеологии

¹ Проект № 14-03-00302а «Праворадикальные идеологии в сознании студенческой молодежи Ростовской области» (2014–2016 гг.).

как системе ценностных концептов, причем его слова подтверждаются его делами.

В идеологической сфере *эксцессы* представляют собой довольно частую, хотя и не всегда заметную ситуацию, особенно характерную для молодых людей, у которых нет твердых политических убеждений. Однако и в обыденном опыте каждого человека имеет место своего рода «сон наяву» — дневные грезы как форма исполнения (агрессивных) желаний в воображении. Однако для того, чтобы превратить идеологему как элемент нарративной обыденной фантазии в программу политического действия, с сознанием человека надо специально поработать идеологу. С другой стороны, роль упомянутых эксцессов в жизни идеологии не стоит недооценивать: смена идеологической позиции осуществляется не постепенно, а через эксцессы, большая часть из которых может лишь пошатнуть идеологическую идентичность субъекта, зато другая часть — ее опрокинуть.

Упомянутое выше различие между *воображаемой* и *символической* идентификациями использует С. Жижек¹, вслед за Лаканом, при анализе форм современной идеологии. Однако по своему смыслу данное различие восходит к традиции символического интеракционизма, в частности к идеям Дж. Г. Мида. Последний говорил о противоположности между абстрактными ценностями, с которыми индивид может идентифицироваться зачастую лишь в воображении (вроде заповедей из Нагорной проповеди) и конкретными ценностями, которые выкристаллизовываются из его реального взаимодействия с другими людьми, опосредованного символами. Символические идентификации напрямую руководят поведением человека, а воображаемые — в лучшем случае опосредованно.

При анализе воображаемых идентификаций надо иметь в виду, что они характеризуют поверхностный, незрелый опыт идентификаций и зависят от идентификаций символических. В силу этого идентификация с яркими праворадикальными идеологемами может иметь дело с «фейками», хотя от этого «менее» праворадикальной такая идентификация не становится. В этом случае политический акт(е)р может убедительно разыгрывать праворадикальные идеологемы сразу по нескольким мотивам: он делает бизнес (собирает голоса избирателей в свою пользу), при этом подтверждает свою роль политического Шута в публичной политике и вдобавок сотрудничает со спецслужбами в роли громоотвода (информанта) в праворадикальном сегменте политики. В связи с этим надо делать четкое различие между праворадикальными *идеологемами* и праворадикальными *движениями*.

¹ Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. С. 110–111.

Л. Я. Прокопенко
Москва

ИНСТИТУТ ПЕРВОЙ ЛЕДИ: АФРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ

В процессе дальнейшего развития отношений России и стран Африки становится актуальным более полное представление об их правящих элитах, прежде всего о главах государств. Большинство стран Африки по типу государственного устройства являются президентскими или парламентскими республиками. Так как супругу выборного главы государства принято называть «первой леди», для африканских стран это понятие вполне оправданно. Многие из них оставили заметный след в истории континента, так же как видные общественные и политические деятели. Действия первых леди все чаще вызывают интерес общества и становятся предметом обсуждения, прежде всего со стороны оппозиции и СМИ. Возросшая в последние десятилетия общественно-политическая активность первых леди сказывается на международном имидже этих стран.

Проблему роли первых леди в странах Африки подняли сами жены африканских президентов. В 1997 г. французский журнал *Jeune Afrique* опубликовал мнения на этот счет первой леди Мали Адам Ба Конаре и бывшей первой леди Бенина Розины Согло. В том же году в Абудже (Нигерия) состоялся первый саммит первых леди Африки.

Странам континента в немалой степени присуще персонифицированное восприятие власти: политический процесс в основном воспринимается через призму личности политического лидера. В процессе развития общества и роста гражданской зрелости наблюдается усложнение образов власти, тем не менее образ главы государства среди них превалирует. В его восприятии важную роль играет личность его супруги. Не участвуя непосредственно в принятии решений, она как жена имеет зачастую огромное личное влияние на супруга, от которого это решение зависит. Некоторые африканки оставались первыми дамами страны длительный период: Сюзанна Мубарак (Египет) — 30 лет, Бетти Каунда (Замбия) — 27 лет, Марселина Рафаэл (Мозамбик) — 19 лет, Ковамбо Теополина Качимуне (Намибия), жена Сэма Нуйомы, — 15 лет, Рут Уильямс Кхама (Ботсвана) — 14 лет. А вдова Нельсона Манделы Граса Машел стала единственной в современной истории женщиной, которая была первой леди двух стран — Мозамбика (1975–1986 гг.) и ЮАР (1998–1999 гг.).

Разных по возрасту, уровню образования, вероисповеданию и даже цвету кожи — например, Рут Уильямс Кхама (Ботсвана), Марике де Клерк (ЮАР), Сильвия Бонго Ондимба (Габон), Шарлотт Харланд-Скотт (Зам-

бия) — белые — первых леди объединяют чувство долга и понимание важности работы их мужей. Первые леди участвуют в предвыборных кампаниях супругов. Это участие принимало различные формы в зависимости от требований исторического периода и особенностей характера этих женщин. Если в 1960–1970-е годы они могли ограничиться эпизодическим присутствием рядом с мужьями на митингах и встречах с избирателями и в основном оставались в их тени, то в 2000-е в рамках демократических традиций уже необходимо более активно проявлять поддержку супругов, «очеловечивая их образы». Эффективная деятельность супруги главы государства (благотворительность, участие в различных фондах и пр.) самым положительным образом влияет на формирование его благоприятного политического имиджа, способствует его легитимизации.

Практика последних лет показала, что для усиления позитивного имиджа своего высокопоставленного супруга первые леди самостоятельно или с использованием услуг PR-консультанта вырабатывают тактику поведения, при которой их действия остаются в рамках функций первой леди и риск быть подвергнутыми резкой критике со стороны оппозиции становится минимальным.

В современных условиях имидж главы государства и первой леди становится одним из стратегических аспектов внешней политики государства. Он также является важным фактором коллективной идентификации народа, так как представляет собой один из важнейших аспектов политической коммуникации на национальном и международном уровнях. За пределами страны образы ее президента и первой леди часто воспринимаются как совокупный образ граждан, и от вызванных ими эмоций зависит отношение к данной стране.

В мировой практике много случаев, когда первые леди начинали собственную политическую карьеру. Есть такие примеры и в Африке, причем некоторые первые леди после смерти своих супругов смело заявляли о готовности взять на себя судьбу страны. Например, вдова президента Замбии М. Саты Кристин Касеба-Сата баллотировалась на президентских выборах 2015 г.

Во многих странах Африки гендерное равенство в политической сфере стало принципом государственной политики, который реализуется на практике. На этом фоне роль первой леди значительно возрастает, а сам институт первой леди постепенно становится важным компонентом местной политической культуры. Жены многих глав африканских государств становятся более публичными, а их деятельность, как и у их западных коллег, «...приобретает общенациональный масштаб, выходя за пределы государства»¹.

¹ Шведова Н. А. Институт Первой леди как компонент американской политической культуры // Женщина в российском обществе. Иваново. Ивановский государственный университет. 2013. № 3. С. 57.

Представляя свои страны на международных форумах, африканские первые леди говорят об общности проблем, которые близки всем людям независимо от цвета их кожи, вероисповедания, возраста и пола.

В. Пророк
Прага, Чехия

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦЕННОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глобализация оказывает влияние на другие подсистемы общества: экономику, культуру и политику. В экономике она ассоциируется со свободным продвижением капитала, услуг и рабочей силы. Глобализация способствует индустриализации новых регионов и технологическому перевооружению, но и усилению соперничества за наиболее выгодные условия для привлечения капитала посредством низких налогов и зарплат. В культуре она усиливает тенденцию к созданию универсальных схем массовой культуры. Учитывая, что глобализация появляется впервые в экономически развитых странах, новая культура имеет форму не столько мультикультурализма, сколько вестернизации, способной нарушить общественные структуры менее развитых стран, для которых западные ценности неестественны. В политике глобализация связана с созданием сверхгосударственных центров политического управления и влияния, ограничивающих власть национальных государств.

Глобализация и кризис 2008 г. поляризуют общество, мера неравенства сегодня достигает по данным ОЭСД, уровня 1920 г. Результатом является обострение политических конфликтов и конфликтов ценностей не только в мировом масштабе, но и внутри всех стран. Зачастую политические элиты Запада, исходящие из идеологии новых правых, требуют, чтобы все признали доминирующую роль Запада, и несогласных обвиняют в ревизионизме и нарушении миропорядка. Против них выступают не только левые в виде антиглобалистов, но и традиционные консерваторы, поддерживающие национальные ценности и национальное государство. Антиглобалисты создают риски, связанные с новыми ценностями и инновационными подходами, но простой возврат к «традиционным ценностям», которые не всегда стабилизировали технологически меняющееся общество прошлого, не менее рискован.

О важности ценностей для развития и стабильности общества говорили многие теоретики. Для К. Маркса ценности являются частью надстройки, которая формирует основу для развития экономики. М. Вебер

анализировал, как различные ценности проявляются в конкретных формах экономического развития общества. Т. Парсонс в своей модели *AGIL* рассматривал ценности (культурную систему) как важный элемент сохранения шаблонов. Ценности, однако, могут меняться и воссоздавать новую систему и новую стабильность.

Ценности в историческом плане приобретают форму религиозных концепций и/или политических идеологий. Стабильность ценностей поддерживается как их религиозной базой, так их связью с властью и с политической культурой общества. Ценности, регулирующие общественные отношения, могут сохраняться даже в случае исчезновения их религиозной формы, если они достаточно закреплены в ежедневной жизни людей (в Чехии количество верующих постоянно падает, тем не менее традиционные ценности, связанные с гуситским движением, остаются). Ценностное значение имеют также методологические школы (нормативно-онтологическая, эмпирическо-аналитическая, критическо-диалектическая, системная), при помощи которых анализируются политические процессы. Их выбор практически отвечает идеологической схеме, которую субъект предпочитает.

Традиционные образцы всегда приходилось приспосабливать к изменяющимся условиям, в то же время предпочитаемые ценности в той или иной мере изменяют условия. Исходя из этого можно сформировать несколько вопросов.

1. Являются ли исторически сложившиеся модели поведения, базирующиеся на религиозных и идеологических ценностях в отдельных странах, совместимыми с изменениями, которые характерны для глобализации?

2. Каким образом могут сложившиеся модели повлиять на глобализованный мир?

3. Какие ценностные схемы более отвечают не только процессам глобализации (их технологическим и экономическим условиям), но и стабилизации общества?

4. Какие методологические школы более приемлемы для анализа проблем глобализованного мира?

Сегодня мы можем говорить о нескольких цивилизациях, ценности которых имели эуфункциональное воздействие на общественную систему, формировали соответствующее мышление и поведение, благодаря чему эти цивилизации выжили. К ним можно отнести индуизм (Индия), конфуцианство (Китай), протестантизм-католицизм (западный мир), православие (Россия), ислам (арабский мир).

Глобализация, ее сегодняшняя форма, отвечает протестантско-католической парадигме (англосаксонская версия) и идеологии новых правых. Методологически чаще всего применяется эмпирическо-аналитический подход. Результат, который мы имеем, — это дестабилизация мира.

Динамике изменений, вызванных глобализацией, отвечает системный подход, который позволяет связывать отдельные процессы в единое целое. Чтобы глобализация не дестабилизировала общество, желательно учитывать интересы всех. Предпочтение поэтому не могут иметь религии и идеологии, которые делают ставку на избранность и нетолерантность и противодействуют инновациям.

И. Л. Прохоренко
Москва

МЕЖ- И ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ¹

Меж- и трансрегионализм является одним из основных направлений внешнеполитической стратегии Европейского союза (ЕС) наряду с политикой расширений, соседства, международного развития, участия в деятельности международных режимов и институтов в рамках глобального политико-правового регулирования.

Под межрегионализмом традиционно понимают взаимодействие в различных областях между региональными интеграционными объединениями. Таким является институционально оформленное сотрудничество ЕС с АСЕАН, МЕРКОСУР, Андским сообществом и т.д. Считается, что трансрегионализм, напротив, означает сотрудничество интеграционных группировок с группами государств, которые в том или ином формате осуществляют согласованные действия, и отдельными государствами, а также отношения между государствами и группами государств двух и более региональных интеграционных объединений. Некоторые исследователи вообще полагают, что трансрегионализм иногда представляет собой набор формальных и неформальных институтов, норм и практик, которые пересекают границы и соединяют географические регионы, направляя и ограничивая поведение государств, негосударственных авторов в конкретном предметном поле политики.

Фактически речь идет о содействии и поддержке развития региональных интеграционных объединений далеко от границ ЕС — в Африке, Азии,

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-07-00046а «Участие Европейского союза в глобальном хозяйственном управлении: организационный анализ».

Латинской Америке, имея в виду нормативный характер европейской модели интеграции. Отношения с субрегиональными интеграционными объединениями Евросоюз выстраивает в едином формате на основе стандартных рамочных соглашений об ассоциации (их ЕС заключает с третьими странами). Как вариант трансрегионального сотрудничества можно рассматривать и усилия ЕС по активизации субрегионального и регионального сотрудничества и сотрудничества в рамках пространства европейской политики соседства в целом, а также трансграничной кооперации в Восточной Европе и Южном Средиземноморье.

Проблема формирования новых политических идентичностей в контексте меж- и трансрегионализма естественным образом оказывается в центре внимания исследований Евросоюза как нормативной силы в мировой политике. Евросоюз осуществляет экспорт своих норм, принципов и ценностей в рамках конструируемых им транснациональных политических пространств (если проводить анализ в категориях политического пространства) или «организационных полей» (термин предложен организационной теорией).

Иницируя и продвигая такие транснациональные пространства (или организационные поля), Евросоюз, с одной стороны, использует уже сложившиеся и достаточно устойчивые политические идентичности (имперскую и постимперскую, например), различные гибридные идентичности, возникающие в процессе глобализации и модернизации незападных обществ. С другой стороны, структурирование новых транснациональных пространств и развитие связанных с ними новых форм социальных практик предполагает формирование новых макрополитических, в том числе гибридных, идентичностей в различных сферах и областях общественно-политической и хозяйственной деятельности.

К примеру, организационная теория, развивая идеи «организационного поля», организационной культуры и особой организационной идентичности, дает возможность исследовать организацию, а значит, и организационное поле как феномен культуры, в том числе в контексте не только профессиональной, но и гражданской и даже этнической идентичности. Научные достижения организационной теории в силах содействовать более глубокому и многомерному пониманию меж- и трансрегиональной стратегии Евросоюза, объяснению поведения различных политических акторов — государств, региональных и местных властей, неправительственных организаций, бизнес-структур, групп интересов и т.д., структурирующих организационные поля, а также интерпретации возможностей и ограничений переноса европейских норм и ценностей на неевропейскую почву.

Можно предположить, что нормы и ценности, которые претендующая на доминирование в организационном поле организация стремится

достаточно мягко или жестко распространить и укоренить в процессе обучения среди остальных участников поля, могут вызывать как одобрение, так и неприятие. Тем более что процесс формирования новой организационной культуры и новой организационной идентичности в организационном поле является конфликтным по своей сути, а значит — нелинейным, а образ доминирующей организации — не всегда однозначно позитивным.

К. А. Пунина
Пермь

УНИВЕРСИТЕТ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сегодня становится все более очевидным, что роль университетов в публичной сфере, во взаимодействии с той территорией, где они расположены, меняется. Университеты должны не только давать качественное образование и вести научную работу, но и тесно сотрудничать с региональным сообществом, отвечая на его запросы, формируя важные для его развития инициативы.

Университеты в современном мире представляют собой взаимодействующие элементы системы, локализованные в пространстве. Иными словами, университеты встроены в различные типы сообществ, часть из которых — местного значения, часть — национального, а часть — глобального. Они являются неотъемлемой частью этих сообществ и одновременно формируют их.

Все чаще в миссиях и декларациях университетов встречаются ссылки на потребности общества. Например, Европейская университетская ассоциация ставит общественную роль университетов на первое место — перед образовательной и научной. Тем самым подчеркивается общественная, публичная роль университетов. Ожидается, что университеты будут участвовать в процессе определения курса и способствовать принятию эффективных политических решений¹. Хотя в декларации не используются такие понятия, как политический процесс или политический актор, однако постановка вопроса такова, что предполагает претензии университета на роль одного из важных, самостоятельных акторов публичной политики.

В современной России университеты переживают свою институциональную трансформацию. Они становятся своеобразным институтом влия-

¹ A Vision and Strategy for Europe's universities and the European University Association. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eua.be/eua-work-and-policy-area/eua-policy-position-and-declarations.aspx>.

ния в контексте региональной политики. Имея возможность мобилизации значительной части студенчества, активной экспансии в регион вузовских экспертов, университет превращается в одного из ключевых игроков на региональном рынке и в сфере публичной политики. Рассмотрение этого феномена важно в первую очередь с позиции того, каким образом университет, используя свои политические ресурсы, интегрируется в региональные процессы, сохраняя университетскую идентичность и себя как институцию. В то же время университет как социальный институт обладает значительной устойчивостью, присущий ему традиционализм позволяет университету выступить в качестве коммуникативной площадки, на которой могут взаимодействовать разные политические акторы, в том числе для разрешения конфликтов. Университет имеет значительные шансы выступать в качестве актора публичной политики.

Можно выделить несколько каналов вовлечения отдельных представителей университета в производство и распределение власти в регионе, трансформации своих основных функций в политический капитал, способствующий участию его в процессах осуществления региональной политики. В числе таких каналов рассматриваются формулирование миссии университета, присутствие в числе попечителей вуза представителей властной элиты региона, представительство университета в региональных парламентах и общественных палатах, в местных легислатурах, создание сети выпускников, деятельность эндаумент-фондов (*endowment foundations*), а также использование столетнего юбилея вуза как коммуникационной площадки.

Для анализа выбраны нестоличные классические университеты, которые в период 2005–2016 гг. отметили или отметят свое 100-летие. Предполагается, что за вековую историю такие университеты должны быть максимально интегрированы в региональное и городское пространство, не только иметь авторитет в научной и образовательной среде, но и играть заметную культурную, социальную, публичную роль. Так, в число исследуемых университетов вошли Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ) (1916), Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (НИСГУ) (1909) и Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (ННГУ) (1916).

Появление в начале прошлого столетия университетов проходило более или менее однотипно. Решение о создании в том или ином городе именно университета принималось при активном участии городской общности, местных промышленников и политических деятелей.

Анализ современной ситуации по выделенным параметрам показал, что все три университета активно участвуют в публичном пространстве региона и сегодня. Все они видят свою задачу как в развитии самого региона,

так и в выстраивании отношений с региональным сообществом, органами власти. Все они уже имеют либо формируют эндаумент-фонды и создали сообщества выпускников. В попечительском совете вуза и среди меценатов присутствуют представители политической элиты, а сами университеты представлены в региональных парламентах и местных ассамблеях. Есть и другие проявления интеграции в сообщество. При этом статус старейшего вуза и наличие столетней истории сами по себе не обеспечивают субъектной роли университета в публичной политике региона. Практически во всех случаях активно действуют инициативные группы, успешно трансформирующие навыки публичной политики в сфере региональной публичной политики.

Ю. А. Пустовойт
Новокузнецк

ИДЕОЛОГИ, ПОЛИТИКИ И МЕНЕДЖЕРЫ В СИСТЕМЕ ГОРОДСКОЙ ВЛАСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В центре нашего внимания — процесс борьбы за власть, создания тактических и стратегических союзов политических и экономических акторов, реализующих свои цели на территории крупного индустриального центра на протяжении последних двадцати лет. Мы покажем через биографические сюжеты, как создавались и менялись конфигурации власти, какие ресурсы были в распоряжении акторов, как они их использовали и какие результаты получили.

В современной элитологии принято выделять три основных подхода, описывающие и объясняющие порядок и динамику распределения власти в городских сообществах: «элитизм», «плюрализм», «городской режим» («коалиция власти») (В. Ледаев).

«Элитизм». Сущность «элитизма» сводится к тому, что наиболее влиятельные акторы выступают как единая группа, в которой доминируют представители финансовых институтов и бизнеса, обладающие экономическими ресурсами. Политическое лидерство не имеет значения.

«Плюрализм». В рамках этого подхода отрицается правящая элита, доминирующая во всех сферах городской жизни. Отсутствие единой элиты, контролирующей все направления общественной жизни, связано с фрагментизацией политических ресурсов, движением от олигархии к плюрализму и формированием дисперсного неравенства. В этих условиях те, кто профессионально занимается политикой и в силу этого обладает легитим-

ным статусом, временем и информацией, наиболее эффективно используют свои ресурсы.

«Городской режим» («коалиция власти»). Теория «городских режимов» была предложена К. Стоуном на основании изучения политической истории г. Атланты. В отличие от дебатов по поводу распределения власти в городе между «элитаристами» и «плюралистами» Стоун сфокусировал внимание на способности акторов добиваться поставленных целей. Именно способность субъектов, одни из которых обладают властными позициями, а другие — экономическими капиталами, договариваться между собой, формулировать общие приоритеты городского развития (повестку дня) придает стабильность режиму. Создание коалиции и является главной проблемой, так как политические акторы вынуждены вступать во взаимодействия, ограничивающие их свободу действий и интересы.

В качестве эмпирической базы были использованы газетные публикации 1988–2014 гг., материалы всех избирательных кампаний в городские органы власти (1990, 1997, 2001, 2006, 2010, 2013 гг.), архивные материалы, беседы и интервью с непосредственными участниками происшедших событий. В целом мы придерживались качественной стратегии, стремясь зафиксировать и точно передать различные интерпретации одних и тех же событий различными по ресурсам и целям субъектами политического процесса. Дополнительно нами привлекались материалы по экономической истории, приватизации, созданию и развитию крупных корпораций, силовому предпринимательству, реформам муниципальной власти и политической истории современной России. В ходе обобщения эмпирического материала мы выделили несколько этапов формирования власти в городском сообществе.

Советский период (до 1991 г.) — элитизм.

Период активного формирования коалиции (1991–1997 гг.) — плюрализм.

Период становления коалиции (1997–2002 гг.) — локальный режим.

Период распада коалиции (2002–2010 гг.) — локальный режим.

Период внешнего разрушения сговора и формирования новой коалиции (2010–2014 гг.).

Каждому из этих этапов соответствовал свой тип политического лидерства, который, ориентируясь на подход М. Манна, можно отнести к одному из четырех типов: идеологов, политиков, силовиков и менеджеров.

Конфигурация власти задается теми проблемами, которые должны быть решены локальным сообществом. По нашим наблюдениям, система неформальных норм и правил, с одной стороны, определяется традициями, заложенными еще в советской номенклатуре, с другой — существенно корректируется лидерами федерального и (в нашем случае это проявляется особенно отчетливо) регионального уровней.

Особенность индустриального центра заключается в том, что руководители и собственники крупных промышленных предприятий (менеджмент) играли и играют ведущую роль в определении стратегии развития города. Прослеживается динамика реализации политических интересов высшего менеджмента — от стремления занять ключевые официальные позиции в системе представительных органов власти к активному выдвижению кандидатур от предприятий в данные органы и далее, к формированию кадрового резерва для исполнительных городских структур. В настоящий момент ядро администрации города сформировано из лиц, прошедших профессиональную и управленческую социализацию на крупных предприятиях металлургической и добывающей отраслей.

Распад коалиции обусловлен внешними обстоятельствами. Как любой сговор, коалиция разрушается не изнутри, а вследствие действия субъектов более высокого политического уровня. В данный момент вопрос о формировании альтернативных коалиций и реализации инициатив, связанных с интересами не входящих в коалицию социальных групп, остается открытым.

Г. В. Пушкарева
Москва

СУБЪЕКТИВНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИР КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Усложнение категориального аппарата — естественный путь развития науки. Появление новых категорий свидетельствует об исчерпании возможностей исследования объекта в рамках ранее сложившихся понятийных схем.

В политической психологии центральным объектом исследования является психика человека в своей способности отражать объективную политическую реальность, конструировать новые смыслы политических объектов и формировать мотивацию политического поведения. Все политические феномены, находящиеся в фокусе внимания политической психологии (отношения власти и лидерства, массовые и индивидуальные формы политических действий, конфликты и т.д.), анализируются через призму психологических механизмов, обеспечивающих восприятие человеком этих феноменов, формирование их образов, интерпретацию логики их развития и т.д.

В научной литературе для обозначения способности человека отображать внешний политический мир используется целый ряд понятий:

«политическое сознание», «политическая картина мира», «политический менталитет» и др. За каждым из этих понятий стоит своя методологическая школа. Каждое из них сыграло свою позитивную роль в развитии политической психологии.

В последнее время внимание исследователей стали привлекать такие явления, которые «не схватываются» в должной мере этими понятиями. Во-первых, человеческая психика благодаря высокой организации может не только отражать внешние политические объекты и обеспечивать их восприятие, но и генерировать образы, которые отсутствуют в реальном мире политических отношений. Идеальные модели государства, утопические формы организации политической жизни, вымышленные действия политических акторов — все это может составлять неотъемлемую часть представлений человека о политике, но при этом не иметь аналогов в объективном мире политических отношений.

Во-вторых, человеческая психика не просто отражает внешние политические объекты, она способна формировать особые эмоциональные состояния, сопровождающие процессы восприятия этих объектов. Эти эмоциональные состояния, как правило, не осознаются в полной мере, составляя своеобразный резервуар бессознательного, влияющего на поведение человека в политической сфере.

В-третьих, человеку свойственно формировать свою Я-концепцию, т.е. систему представлений о самом себе и своем месте в обществе, включая саморепрезентации о своем положении в мире политических отношений. Образ самого себя складывается в результате взаимодействий с другими людьми и представляет собой сложный конструкт репрезентаций, способных порождать определенные эмоциональные состояния и поведенческие реакции.

Таким образом, человеческая психика не просто отражает внешний мир, она формирует свою систему представлений об этом мире, наполненную индивидуальными переживаниями, ценностными суждениями, автобиографическим опытом, ожиданиями и ощущениями. В этой связи предлагается для обозначения этого сложного комплекса представлений и эмоциональных состояний использовать понятие «субъективный политический мир». Это понятие означает особое, сконструированное на основе интериоризированного знания пространство политических отношений, в котором не только представлены ментальные репрезентации внешних политических объектов, но и присутствует понимание своего места в этой сложной системе отраженных в сознании политических взаимодействий. Субъективный политический мир — микрокосм индивидуального политического бытия.

Субъективный политический мир динамичен, он постоянно развивается. По мере того как психика обрабатывает новые порции информации

из окружающей среды, в нем появляются представления о ранее неизвестных политических акторах, об изменениях в институциональном порядке, он наполняется новыми суждениями, которые человек вырабатывает в процессе восприятия политических событий, меняются даже оценки этих событий.

Обращение к категории «субъективный политический мир» позволяет иначе расставить акценты в исследовательской практике. Например, важно понять, каковы механизмы поддержания целостности субъективного политического мира. Иными словами, как человеку под воздействием противоречивой политической информации удается поддерживать последовательность своего политического Я-образа, не менять свои принципы под напором новых фактов, сохранять верность своим убеждениям. Важно также понять, насколько проникаем субъективный политический мир для манипулятивных технологий, что может вызвать в нем перестройку когнитивных структур, способную спровоцировать переориентацию мотивационных процессов на новые, непривычные для индивида политические действия.

*М. В. Пчельников
Ростов-на-Дону*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛА КОММУНИТАРНЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ОБЯЗАННОСТЕЙ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЛАГОПРИЯТНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Организация стабильной системы норм и процедур, которые регулируют и обеспечивают необходимое взаимодействие между обществом и властью, разнообразными политическими акторами, образует институциональную основу трансформационных процессов современного российского общества. В последнее время исследователи стали уделять большее внимание политическим и общественным процессам на местном уровне.

Современный российский политологический дискурс отражает дискуссионность проблемы оптимизации общественных отношений в сфере местного самоуправления.

Местное самоуправление — форма власти, наиболее приближенная к населению, способная обеспечить рядовому гражданину постоянное участие в делах местного сообщества, которые его непосредственно затрагивают, предоставлять ему наилучшие возможности в управлении общественными делами. Такая организация общества должна служить наиболее

полному раскрытию, самовыражению личностей, ее составляющих, что является основным условием функционирования гражданского общества.

Одним из часто декларируемых заявлений муниципальных и региональных руководителей является решение проблем экологического благополучия территорий. Сама постановка вопроса о территориальной (местной, региональной) политике в сфере обеспечения благоприятной окружающей среды, которая не только реализуется, но и формируется не федеральным центром, а именно местными, региональными органами власти и самоуправления, в нашей стране все еще нова — она не проникла по-настоящему ни в сознание граждан, ни в сознание политических властных субъектов на всех уровнях¹.

В настоящее время одним из актуальных вопросов в деятельности местной власти является реализация конституционного принципа благоприятной окружающей среды на территории муниципальных образований. Обратим внимание, что статьей 42 Конституции Российской Федерации² установлено конституционное право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду. При этом в силу статьи 58 Конституции на каждого из нас возложены и определенные обязанности по сохранению окружающей среды и бережному отношению к богатствам природы.

В экологической сфере обеспечение взаимных прав и обязанностей личности и местного сообщества имеет особенное значение. Как отмечает А. А. Джагарян³, правовой формой институционализации социальной (позитивной) ответственности граждан на местном уровне следует признать особый институт так называемых коммунитарных обязанностей⁴, которые исходят из причастности личности к местному сообществу, основаны на принципе солидарности и служат целям обеспечения прав других членов местного сообщества, его устойчивого развития. Имея сложное нравственно-юридическое содержание, статус муниципальных обязанностей должен раскрывать меру должного поведения участников местного сообщества и в единстве с муниципальными (коммунитарными) правами выражает полноту муниципально-правового статуса личности.

Это обуславливает не только экологические права личности, но и возложение определенных обязанностей на местных жителей по поддержа-

¹ Артюхин О. А. Политические аспекты противодействия экологическим и климатическим угрозам // Государственное и муниципальное управление // Ученые записки СКАГС. 2011. № 4. С. 152.

² Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. 21.01.2009. № 7.

³ Джагарян А. А. Муниципально-правовые (коммунитарные) обязанности личности: проблемы институционализации // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 62.

⁴ От англ. *community* — сообщество.

нию благоприятной среды обитания непосредственно в муниципальном образовании, безусловное исполнение которых является императивом демократического государства в области организации власти на местах. Для этого необходим призыв к осознанию нацией необходимости гражданской солидарности, заботы об общем благе, общих идеях и общих интересах, который продиктован сложившейся ситуацией в российском обществе¹.

Феномен местного самоуправления достаточно широко распространен в мире. Это возможности экономической и политической самостоятельности местных сообществ. Вместе с тем главной силой самоуправляемых территориальных образований является активность граждан, которые заинтересованы в экономическом, социальном и экологическом благополучии своих территорий.

Для этого необходимо формировать и последовательно развивать институт коммунитарных обязанностей для обеспечения благоприятной окружающей среды, которые могут стать важным фактором для развития как местных сообществ, так и российской государственности.

С. Н. Пшизова
Москва

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕГИТИМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Традиционные формы социальной интеграции в виде национального государства оказались сегодня под ударом процессов глобализации. Особенно это касается экономической и информационной сфер жизни общества, которые все с большим трудом поддаются политическому контролю. Это вызывает ответную реакцию со стороны политических акторов как на национальном уровне, так и на уровне мировой политики. Идут интенсивные поиски новых способов сплочения общества в дееспособное единство как среди политиков, так и среди теоретиков. Наиболее эффективным и в то же время вполне демократичным инструментом консолидации современного государства сегодня признается социальная коммуникация. Не случайно в центре самых влиятельных концепций демократии обнаруживается именно коммуникативный процесс в публичной сфере. Это справедливо, например, и для теории «делиберативной де-

¹ Понеделков А. В., Кузина С. И. Ценностное измерение политических процессов в современной России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1 (33). С. 75.

мократии» Ю. Хабермаса, и для «агонистической демократии» Ш. Муфф и Э. Лаклау.

На практике наиболее остро проблема публичной коммуникации ощущается в обществах, переживающих период тяжелых трансформаций, связанных с разрушением целого комплекса фундаментальных параметров существования. В России же имеет место не только переход от плановой экономики к рыночной, что беспрецедентно и само по себе означает изменение всего жизненного уклада. Одновременно и в тесном переплетении с этим процессом происходит завершение имперского периода истории государства, да еще и в контексте интенсивной глобализации со всеми ее последствиями, имеющими (и без всего прочего) колоссальное воздействие на институт государства.

Как известно, трансформация советского политического режима началась с «гласности», т.е. именно с реформирования всей системы политических коммуникаций. Прежде всего изменения коснулись работы средств массовой информации и их отношений с государством. КПСС под руководством М. С. Горбачева инициировала переход официальных медиа (а других тогда в стране просто не было) от исполнения главным образом пропагандистских функций к информированию населения.

В это время стремление подражать авторитетным образцам старых демократий почти безраздельно господствовало в общественном сознании посткоммунистических стран. В согласии с этим стремлением среди прочего в нашу страну были перенесены и модели функционирования средств массовой информации, характерные для западных стран, включая неблагоприятные и даже опасные для демократии тенденции, проявившиеся накануне и во время «третьей волны демократизации». В частности, масштабные трансформации в Восточной Европе совпали с интенсификацией рыночных подходов к политическим коммуникациям на Западе, когда гражданоцентричный дискурс публичных коммуникаций стал вытесняться с подходом, ориентированным на потребителя.

В России воспринятая модель быстро приобрела еще более резкие очертания в силу неукорененности традиции гражданской журналистики и полного отсутствия в предыдущей истории опыта свободного функционирования публичной сферы. В этих условиях установление правящей группой контроля над каналами коммуникации было особенно соблазнительно и происходило сравнительно легко.

С началом развития рыночных отношений и становления новых форм собственности появились частные печатные и электронные издания, которые постепенно начали играть заметную роль в жизни общества. В это время СМИ превратились в самостоятельный и очень важный политический институт, стали определять общественную повестку и влиять на формирование государственной политики.

Однако элиты постсоветской России довольно быстро осознали фундаментальное значение медиа в публичном пространстве и стали относиться к ним как к ключевому инструменту борьбы за власть. Не случайно уже вскоре после победы Владимира Путина на президентских выборах 2000 г. все федеральные телеканалы были фактически поставлены под государственный контроль. Первый политический скандал первого президентского срока действующего главы государства был связан именно с разгромом независимого телевидения. Вектор развития публичных коммуникаций был изменен.

Сегодня все влиятельные теле- и радиоканалы зависят от государства. Большая работа проводится также для продвижения официальной позиции в бумажных СМИ и в Интернете. Все эти усилия координируются специальными подразделениями в рамках Администрации президента и правительства. Хотя говорить о полном контроле над распространением информации в стране не приходится.

Каким образом в публичной сфере современной России достигается легитимация власти и обеспечивается поддержка государственной политики? Как регулируется с этой целью информационное пространство? Как встраиваются в контекст государственно-общественных коммуникаций «новые медиа»? Почему чуть ли не важнейшим политическим размежеванием в стране стало деление на «партию телевизора» и «партию Интернета»? От ответов на эти вопросы в решающей степени зависит наше представление о качестве и перспективах развития действующего политического режима.

*Н. К. Радина
Нижний Новгород*

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЛИДАРНОСТИ И АЛЬТРУИЗМА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на материале Нижегородского региона, 2002–2014 гг.)¹

Социально-экономические и политические реформы последних трех десятилетий истории России изменяют показатели социальной интегрированности общества, что оказывает влияние на политическую и гражданскую

¹ Выполнено при поддержке РГНФ 2014/2015 г., проект № 14-03-00617 «Региональная идентичность в условиях социально-экономических изменений (на примере Нижегородской области 2002–2014 гг.)».

данскую активность россиян. В фокусе данного исследования динамика показателей активности, солидарности и альтруизма у горожан малых городов и областного центра — мегаполиса в контексте участия горожан в развитии своей территории.

В качестве определения солидарности была выбрана трактовка Л. Мольм, которая понимает солидарность как совокупность интегрирующих связей, возникающих между индивидами и социальными объединениями — группами членства (Molm, 2007). Альтруизм в данном исследовании понимался как поведение и мотивация, связанные с бескорыстной заботой о благополучии других (Worchel, Cooper, Goethals, 1999).

В качестве инструмента для изучения социальной интегрированности была использована анкета «Приоритеты городского развития», состоящая из 25 пунктов, описывающих возможные направления развития города. Участники исследования заполняли данную анкету трижды: в первом случае помечали те направления, которые, как им кажется, значимы для развития города с точки зрения всех горожан. Во втором — помечали те направления, которые представляются значимыми только им лично. В третьем случае — только те направления, которые кажутся привлекательными для активного персонального участия. Далее все анкеты были обработаны. Кроме приоритетов в развитии города были вычислены:

- коэффициент солидарности (определяет, насколько каждый респондент разделяет общие ценности в области развития города, коэффициент соотношения выборов «важно для большинства жителей» / «важно для меня»);
- коэффициент активности или позитивного эгоизма (определяет, насколько каждый респондент готов быть активным в реализации своих приоритетов, коэффициент соотношения выборов «важно для меня» / «готов принять участие»);
- коэффициент альтруизма (определяет, насколько каждый респондент готов реализовывать то, что он считает значимым для других, коэффициент соотношения выборов «важно для большинства жителей» / «готов принять участие»).

Исследование проходило в 2 этапа, значительно разделенные по времени. Первый этап — 2002 г. — базировался на выборке в 514 человек (286 женщин и 228 мужчин: 25% — молодежь до 30 лет, 35% — горожане от 31 до 60 лет, 40% — старше 60 лет). Второй этап — 2014 г. — базировался на выборке 366 человек (231 женщина и 135 мужчин: 30% — молодежь до 30 лет, 58% — горожане от 31 года до 60 лет и 12% — горожане старше 60 лет). Все участники исследования являются горожанами малых городов или жителями областного центра Нижнего Новгорода.

Полученные результаты представляют заметные изменения в приоритетах городского развития у горожан, а также резкое снижение показателей социальной интегрированности. Показатели активности горожан для своего блага (позитивный эгоизм) во всех изучаемых подгруппах выборки снизились незначительно. Что же касается показателей солидарности и альтруизма, по данным исследования, они как социальные феномены за изучаемые 12 лет практически исчезли (в границах солидарности и альтруизма в местных сообществах).

К социальным потерям следует отнести уход когорты «советских пожилых», чьи показатели в 2002 г. позитивным образом и существенно влияли на общую социальную интегрированность. «Советские пожилые» демонстрировали включенность в проблемы местного сообщества, активность, солидарность и альтруизм в отношении к согорожанам.

Другой социальный эффект, обнаруженный при сравнительном исследовании с двумя срезами (2002 и 2014 гг.), — поражения в социальной интегрированности возрастной группы «средней взрослости» (от 30 до 60 лет). С одной стороны, решение социальных задач для данной возрастной группы предполагает включение в деятельность и содеятельность, взаимные и нересипрокные обмены, ответственность за членов семьи (включая больных родственников и несовершеннолетних детей). С другой — вероятно, недостаток внутренних и внешних ресурсов для решения возникающих проблем повергает данную возрастную группу в шок, результатом которого становится предельная атомизация, центрированность на себе и семье.

Таким образом, социальными ресурсами для объединения в контексте развития территории и локальных сообществ в провинции в настоящее время в большей степени обладает молодежь (в 2002 г. — пожилые), а социальными и эмоциональными ресурсами для заботы и поддержки, как и в 2002 г., — группа пожилых.

Н. М. Ракитянский
Москва

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ ФЕНОМЕНА РУССКОГО ИСЛАМИЗМА

Исламизм как политический феномен стал одним из результатов послевоенного антиколониального движения второй половины XX в. Идеей, объединяющей всех исламистов, является создание *транснационального* глобального исламского тоталитарно-теократического государ-

ства — Халифата. С момента возникновения исламизма формировалась его сложная и напряженная связь с исламом: каждый исламист — мусульманин, но не каждый мусульманин — исламист¹.

В России объектом ментально-политической экспансии и прозелитических устремлений исламистов является русское население как *ментально дезориентированная* общность с *фрустрированной идентичностью*², отсутствием идейно-духовных оснований как залога обретения смыслов жизни. Последнее делает русских особенно легкой добычей для исламистских организаций, действующих по принципам и технологиям тоталитарных сект. Речь идет о *наднациональном исламистском проекте* по качественной трансформации политических представлений и ценностно-смысловых ориентаций русского человека и общества, а значит, о деструкции и реформативном русско-ментальном коде³.

В отсутствие ментального иммунитета исповедание исламизма разрушает этнорелигиозные, морально-нравственные и духовно-мировоззренческие начала адептов. Поскольку русские с *низким субъектным статусом* и в связи с этим обремененные синдромом *диффузной идентичности*⁴ не имеют внятных представлений ни о православии, ни о традиционном российском исламе, они становятся ментально уязвимыми перед идеологией исламизма. Агенты прозелитизма в России активно используют в отношении *обращаемых*, которым свойственны чрезвычайно низкий *субъектный статус*⁵ и неразвитое *идентификационное самосознание*, жесткие суггестивные психологические технологии, которые структурируют сознание неопитов по идеологическим и этическим шаблонам исламизма, формируя у них *аддитивную* — зависимую — модель поведения.

Исламизм, который принимают русские, отличается экстремистски ориентированной установкой, высокой мотивационной напряженностью и деструктивной активностью своих адептов. Что же должно произойти в жизни молодого человека, чтобы он принял *такую* веру и при этом

¹ Добаев И. Ислам и исламизм: компаративистский анализ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://evrazia.org/print.php?id=1730>.

² Ракитянский Н. М., Зинченко М. С. Ментально-политическая экспансия исламизма на Северном Кавказе // Геополитический журнал. 2014. № 6. С. 77.

³ Амельченко С. Н. Структура ментального кода российской культуры как основа целостности ее бытия // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 13 (304). С. 60.

⁴ Силантьева М. В. Диффузная идентичность — современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2. С. 173–179.

⁵ Ракитянский Н. М. Концепт и принцип субъектности в политико-психологических исследованиях // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. [Электронный ресурс]. М.: РИЦ МГУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 408–410.

безусловно передал свою и без того дефицитную *субъектность* внешней и чуждой ему силе?

Привлекательность и действенность пропаганды радикального ислама в русской молодежной среде в значительной мере связаны с интенсивными переживаниями состояния *социальной фрустрации* большинством неопитов. Негативные чувствования и умонастроения коренятся в их семейной и бытовой *неустроенности*, персональной *невостребованности*, профессиональной *нереализованности*, *личностном дефиците* и *духовной пустоте*. Многие из *обращенных* ранее злоупотребляли алкоголем и наркотиками, имели устойчивую репутацию «неудачников» и относились к различным *группам социального риска*.

Нельзя не учитывать и объективный политико-психологический контекст, когда молодой человек сталкивается с равнодушием, унижениями и оскорблениями со стороны представителей власти, коррупцией и незаконием. В таких случаях закономерными становятся попытки поиска *справедливости*, которые в отсутствие видимых альтернатив приводят к принятию ими чуждых и разрушительных форм самоидентификации, проявляющихся в том числе и в эксцессах *террористически-суицидальной* практики.

Низкий *субъектный статус* неопитов уместно проиллюстрировать результатами исследования профессора Ю. М. Антоняна. Он пишет, что общей чертой многих экстремистов является тенденция к *экстернализации* — поиску источников личных проблем *вовне*. Такая особенность служит психологической и политико-идеологической основой группового сплочения и принадлежит к числу ведущих. Она активно питает ненависть к представителям иных религиозных, национальных и социальных групп, приписывает им самые отвратительные черты, объясняет собственные неудачи только происками, коварством и злобой врагов¹. Деятельность новообращенных русских экстремистов всегда радикальнее, чем деструктивная практика «этнических мусульман»².

Исламизм преимущественно принимает маргинальная часть русской и русскоязычной молодежи, которая *самоутверждается* через отрицание существующего государственно-политического строя либо ищет и находит банальное средство оправдания своих криминальных устремлений.

Деятельность радикальных религиозно-политических организаций, навязывающих *«альтернативные программы решения»* общественно-политических проблем, осуществляется в контексте процессов глобализации

¹ Этнорелигиозный терроризм / Ю. М. Антонян, Г. И. Белокуров, А. К. Боковиков и др.; под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2006.

² Косов Г. В. Политическая концепция ислама: проблемы цивилизационного и политологического анализа. Ставрополь, 2008. С. 150.

и в условиях беспрецедентной информационно-психологической войны против российского общества и государства.

Феномен русских исламистов представляется необходимым исследовать в качестве одного из острых ментальных вызовов, направленных на подрыв развития нашей страны, которая пытается сейчас искать опору в своих национально-исторических традициях, религиозно-культурном опыте и духовных основах русской цивилизации.

З. Л. Расулзаде
Баку, Азербайджан

ГЕОПОЛИТИКА США НА КАВКАЗЕ

На глобальном уровне Южный Кавказ представляет собой один из самых стратегически важных регионов мирового геополитического пространства. На сегодняшний день важность региона заключается в том, что через него лежит непосредственный путь в Центральную Азию, в обход России и Ирана. Интерес США к региону усилился со второй половины 90-х годов, когда была распространена информация о наличии в бассейне Каспийского моря больших промышленных запасов нефти и газа. Министерство энергетики США оценило ресурсы Каспийского бассейна в следующих цифрах: нефть — от 17 до 33 млрд баррелей, потенциальные запасы — 230 млрд баррелей; газ — разведано 232 трлн куб. футов, потенциально — 350 трлн куб. футов. По выражению бывшего госсекретаря США Джеймса Бейкера, «в XXI в. каспийская нефть может иметь такое же значение для индустриального мира, какое сегодня имеет нефть Персидского залива».

Кроме того, закрепление в Центральной Азии даст возможность оказывать существенное влияние на Россию и Китай. Особую важность Центральная Азия представляет в контексте взаимоотношений с Китаем. Именно Китай, по мнению многих аналитиков, уже в ближайшее время станет геополитическим полюсом наряду с США. Но у Китайской Народной Республики имеется ряд «болевых точек», самой существенной из которых является нехватка собственных энергоресурсов. Поэтому Пекин вынужден импортировать их из разных уголков планеты (Персидский залив, Африка, Южная Америка). Но морские пути из этих районов в Китай находятся под контролем США и их союзников. Если же Китай получит возможность укрепить свои позиции и влияние в Центральной Азии и обеспечит бесперебойную поставку оттуда энергоресурсов, то будет практически

неуязвимым в сфере энергетической безопасности со всеми вытекающими из этого последствиями. Это станет одной из гарантий превращения КНР в полноправный полюс мировой политики.

В свете вышесказанного можно сделать вывод, что Запад будет всячески стремиться укрепить свои позиции на Южном Кавказе и посредством этого выйти в Центральную Азию. А Россия и Китай, естественно, должны сделать все возможное для недопущения этого. Для всех соперников ставки очень велики. Основные принципы внешней политики США и геополитических стратегий определены в Стратегии национальной безопасности США, Стратегии национальной обороны США, Военной национальной стратегии Соединенных Штатов, решениях президентов США, постановлениях Госдепартамента и Конгресса США. Сами глобальные стратегии разрабатываются с участием ведущих институтов и исследовательских центров, в том числе Института Гувера при Стенфордском университете, Института политических исследований имени Джеймса Бейкера при Университете Райса, Центра Никсона, Фонда Карнеги, Фонда наследия, Центра Каспийских исследований при Гарвардском университете, Института Брукингса и др. Филиалы этих центров и институтов разбросаны по всему миру, есть они и в России.

В 1998 г. американский политолог Ариэль Коэн писал, что «интересы США на Кавказе заключаются в предоставлении гарантий независимости и территориальной целостности Грузии, Армении и Азербайджану; осуществлении контроля над Ираном и любыми проявлениями исламского фундаментализма; обеспечении доступа к энергетическим ресурсам; предотвращении возможного возрождения российских имперских амбиций в регионе». Соединенные Штаты, по его мнению, должны «оградить области своих стратегических интересов от возможных опасностей, усиливая гражданские институты и экономические рынки в трех кавказских республиках, развивая поддерживаемую Турцией и Израилем коалицию Грузии и Азербайджана». Коэн предложил «гарантировать американским энергетическим компаниям возможность строительства нефте- и газопроводов на Запад через Черное и Средиземное моря»; руководству США — усилить политическую поддержку проекта трубопровода Баку—Джейхан, так как в американских интересах выгоднее «производить перекачку нефти из Каспийского моря через Грузию и Турцию, нежели через Иран или Россию, так как северный или южный путь создаст возможности для России или Ирана контролировать значительно большую часть рынка энергоресурсов». Следовательно, геополитическое соперничество в регионе между глобальными игроками будет продолжаться, причем вполне возможно, что с еще большей интенсивностью.

В. А. Родионов
Улан-Удэ

ФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОНГОЛИИ

Современную Монголию нередко называют образцовой постсоциалистической демократией в Азии¹. Однако за фасадом формальных демократических институтов зачастую скрываются различные формы узкогрупповых интересов, ставящих под сомнение эффективность политической системы.

Одной из важнейших характеристик политического процесса в Монголии может быть назван низкий уровень стабильности правительства. За последние 22 года (начиная с 1992 г., когда была принята ныне действующая конституция) монгольское правительство возглавляли 14 премьер-министров, как правило покидавших свои посты досрочно из-за межпартийных и внутривнутрипартийных противоречий.

Важным фактором подобной нестабильности является неэффективный конституционный механизм взаимодействия между различными ветвями власти. Согласно конституции страны премьер-министр назначается на этот пост членами вновь избранного парламента. В то же время в отличие от классических парламентских республик назначенный глава правительства не имеет возможности самостоятельно формировать состав своего кабинета. Данная прерогатива также принадлежит парламенту, а точнее, политическим партиям, получившим большинство по результатам выборов². Такой механизм значительно снижает возможности премьер-министра эффективно направлять и контролировать деятельность министров своего правительства.

Еще одним противоречием в механизме взаимодействия различных органов власти является допускаемое конституцией совмещение одним человеком депутатских и министерских должностей. Занимая депутатское и министерское кресло одновременно, влиятельные политики развязывают себе руки, становясь безответственными и неподкон-

¹ Fish S. The Inner Asian Anomaly: Mongolia's Democratization in Comparative Perspective // Communist and Post-Communist Studies. № 3. P. 323–338.

² Конституция Монголии, 13 января 1992 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mongolnow.com/law1.html>.

трольными в своих действиях. Кроме того, президент Монголии также имеет право вмешиваться в деятельность правительства, принимая или отклоняя кандидатуру премьер-министра. Фактически полномочия исполнительной власти растворяются между правительством, парламентом и президентом, что делает государственную политику малоэффективной, а деятельность ведущих государственных органов власти — безответственной и неподотчетной.

Другой характерной чертой политического процесса в Монголии является регулярное использование ведущими политическими силами практики «чистки» государственно-административного аппарата по партийному принципу. По сложившейся традиции вновь назначенные парламентом высшие чиновники во главе с премьер-министром в первую очередь занимаются «чисткой» всего государственного аппарата от «инопартийных» или просто «не своих» работников.

Данный механизм замещения чиновничьих должностей породил стремление государственных служащих различных рангов искать партийной защиты и опеки, что сделало второстепенными собственно профессиональные качества людей при принятии их на работу. Как следствие, на значительную часть государственных должностей (начиная с министерских и заканчивая нижним звеном) назначаются некомпетентные, аффилированные с победившей партией люди. Можно говорить о глубокой политизации деятельности государственных служб.

Неотъемлемым атрибутом политического процесса в Монголии — доминирование в нем бизнес-группировок, институциональным оформлением которых являются внутривнутрипартийные фракции. Подобная ситуация стала возможна во многом благодаря отсутствию прозрачности при финансировании политических партий, их избирательных кампаний, деятельности в целом. Хотя в Концепции национальной безопасности Монголии прописана задача контроля над финансовой деятельностью политических партий¹, на практике ситуация оказалась иной. Практически никак не контролируемое финансирование богатыми гражданами собственной избирательной кампании или кампании своих друзей и деловых партнеров становится основным механизмом формирования и воспроизводства политических бизнес-группировок в высших органах власти.

Наконец, процесс принятия решений по наиболее значимым политическим и экономическим вопросам носит нетранспарентный характер. Влиятельные политические и бизнес-группировки предпочитают неформальный формат переговоров и сделок с использованием личных связей и финансовых ресурсов. Это в свою очередь порождает благодатную почву

¹ Концепция национальной безопасности Монголии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mfat.gov.mn>.

для активного использования популизма в качестве средства ведения предвыборной кампании.

Подобные механизмы борьбы за власть и ее удержание стимулирует рост коррупционной составляющей в политическом процессе, неэффективность государственной политики, в том числе в деле решения социальных и экономических проблем. Это в свою очередь порождает и делает популярными призывы к превращению страны в президентскую республику во главе с сильным и ответственным лидером.

С. С. Рожнева
Петрозаводск

МИФОЛОГЕМА «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ» В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политическое мифотворчество играет важную роль в процессе интеграции общества. Традиционно эту функцию выполняют государственные институты в лице публичных акторов политики. В большинстве своем активность негосударственных организаций, таких как политические партии, проявляется в электоральный период на фазе агитации. Однако и в том и в другом случае общество подвергается широкому воздействию различного рода мифологем, как позитивно, так и негативно маркированных. Одной из наиболее ярких, позитивно окрашенных мифологем нашей страны продолжает оставаться национальная идея.

Мифологизация политического пространства — важная составляющая политики. Трансформация современной политики, информатизация общества заставляют обращаться к идеологическим практикам, способным сохранять системные характеристики государства. Одной из таких практик является национальная идея. Так, по замечанию В. А. Кулинченко и Н. А. Коровниковой, «одной из основных задач, стоящих перед государством, является поддержание единого смыслового (идеологического) пространства»¹. Следовательно, разнообразные мифологемы непосредственно воздействуют на общественное сознание, по большей части направляя его в нужном для власти ключе в рамках политической системы.

Популярность мифологемы национальной идеи в России проявляется, как правило, в кризисные периоды в самом широком их значении

(социально-экономические кризисы, политические — от международных до внутренних, вплоть до смены власти путем выборов, и т.п.). Одним из возможных путей сохранности системы становится реанимация поиска государственной идеи для страны с целью сплочения нации. Постоянное упоминание ведущими политическими силами необходимости национальной идеи для государства позволило сформулировать гипотезу о невозможности найти эту интегрирующую идею, так как она не является доминирующей ценностью общественного сознания россиян, а становится лишь средством воздействия политической элиты на их мнение. Те же акторы, которые время от времени заявляют о ней, по большей части мотивируются популизмом ради достижения своих целей. Таким образом, мифологичность национальной идеи усиливается ее прагматизмом для политических сил.

Подобные выводы позволил сделать и проведенный анализ программ всех политических партий современной России¹. Используя методику контент-анализа, ставилась цель выявить количество тех партий, в программах которых предлагается мифологема национальной идеи как основы единства российского народа, и показать тем самым возможность реального веса данных партий в политической системе страны. В качестве единиц анализа использовались слова и смысловые фрагменты, отражающие, по нашему мнению, интегративную сущность национальной идеи. Наряду с самим словосочетанием «национальная идея» (которое, надо признать, в чистом виде встречается очень редко в программах партий) использовались такие дефиниции и образуемые на их основе однокоренные слова и лингвистические конструкции, как «нация», «патриотизм», «единство», «согласие», «стабильность», «порядок», «сильное государство», «держава». Опираясь на опросы общественного мнения ведущих информационных центров страны (ФОМ, ВЦИОМ и т.п.), с одной стороны, это позволило выявить единицы для анализа информационного массива программ политических партий современной России, а с другой — сформулировать исследовательские гипотезы:

- политические партии, которые в своих программах заявляют о национальной идее, являются реальными силами, способными оказывать непосредственное влияние на политическую систему России;
- политические партии, которые в своих программах заявляют о национальной идее, не оказывают никакого воздействия на публичное политическое пространство страны;
- невозможно установить ни прямую, ни обратно пропорциональную зависимость между такими факторами, как программное за-

¹ Список зарегистрированных политических партий // Министерство юстиции РФ (официальный сайт). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/node/40472>.

¹ Кулинченко В. А., Коровникова Н. А. Национальная идея как «легитимная идеология» современной России // Власть. 2008. № 11. С. 17.

явление партии о национальной идее и ее роль в политическом процессе.

Пытаясь установить зависимость упоминания в программах о национальной идее и роль партии в политическом процессе, удалось прийти к выводу об отсутствии таковой. Из 77 партий в программах только 18 заявляется о национальной идее. Большинство данных партий были зарегистрированы Министерством юстиции РФ лишь в 2012 г., после принятых поправок в закон о партиях, связанных с сокращением численности членов до 500 человек, необходимых для регистрации партии. Безусловно, что новые политические силы не оказывают серьезного воздействия на процесс принятия решений, на современные политические практики. Расширяя плюрализм политического пространства, данные партии выступают некими статистическими единицами в политической системе страны. Как представляется, используемая мифологема национальной идеи новыми партиями интерпретируется прагматически. Не имея опыта электоральной борьбы, они ее могут применять как одно из средств для создания хоть какой бы то ни было политической платформы своей деятельности.

Д. Ю. Романова
Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ СТРАН НА УГРОЗЫ СО СТОРОНЫ ТОТАЛИТАРНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ

Известный исследователь современного тоталитарного сектантства профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета А. Л. Дворкин относит тоталитарные секты к числу опасных организаций¹. Подобные культы представляют собой деструктивные организации, подрывающие права своих граждан, ими активно используются неэтичные техники манипулирования для удержания и вербовки своих адептов. Опасность манипулирования сознанием рассматривает

¹ Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород, 2002; Тульский информационно-консультативный центр по вопросам сектантства. Рассказ бывшего адепта Международного общества сознания Кришны. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.sektainfo.ru/psycholog/vozdspekt/2006/kgiwn_adept.htm; Суворова Н. В. Тульский информационно-консультативный центр по вопросам сектантства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sektainfo.ru/psycholog/vozdspekt/2006/vozdsent1.htm>

в своей работе А. П. Рудницкая¹. Тоталитарные секты стремятся к полному контролю мыслей и чувств своих приверженцев². Такие организации систематически нарушают гражданские права своих членов и стараются мешать человеку свободно мыслить и действовать³. В результате своей деятельности деструктивные религиозные культы могут подрывать физическое и психическое здоровье собственных членов. Они контролируют их сознание, обрывают связи с близкими и родными. Членов группы пытаются превратить в людей, лишенных личной свободы, семьи и друзей, чья поддержка необходима для выхода из группы, которая со своей стороны делает все возможное, чтобы удержать их у себя. Такую проблему сегодня следует рассматривать на государственном уровне.

Опираясь на видеointerview А. Л. Дворкина «Тоталитарные секты и политика», можно рассмотреть феномен сект с точки зрения политики. Сектоведи находят тему политического участия, препятствующего распространению сект, весьма актуальной. Опираясь на интервью А. Л. Дворкина, рассмотрим эту тему на примере США и Европы.

Современные секты активно развиваются в США. Европейские страны, такие как Франция, Италия, Бельгия, начинают ужесточать свое законодательство в отношении тоталитарных сект, чтобы препятствовать их распространению. В то время, когда Европа препятствует распространению учений, которые могут вызывать изменение сознания, Америка реагирует на это совершенно по-другому. С середины 90-х годов стали создаваться специальные организации, которые отслеживают распространение тоталитарных сект. В 1996 г. Франция принимает закон о защите граждан, которые были подвергнуты психологическому насилию. Французское правительство создает комиссию по борьбе против сект. 31 мая 2001 г. депутаты французского парламента почти единогласно приняли закон, позволяющий пресекать любое движение, которое распознается как секта и чьи члены были признаны виновными в таких преступлениях, как мошенничество, злоупотребление доверием, незаконная медицинская деятельность или недобросовестное отношение к участникам. Если такая характеристика обнаруживается в организации, то такая организация распускается.

Германия боролась главным образом с сайентологической организацией. После полицейского расследования 1997 г. Федеральное правительство предупредило граждан об опасности, которую несет эта секта. Ряд немецких земель издал законы, которые запрещают принимать на государ-

¹ Копичникова А. П. Роль политических технологий в формировании сознания молодежи в современной России. Человеческий капитал. 2010. № 10 (22).

² Волков Е. Н. Основные модели контроля сознания (реформирования мышления) // Журнал практического психолога. 1996. № 5. С. 86–95.

³ Конь Р. М. Введение в сектоведение. Нижний Новгород, 2008.

ственную службу людей, являющихся членами сайентологии. В то время, когда Европа ужесточала свою позицию, наблюдатели ожидали ответного удара от международных тоталитарных сект, потому что их банковские счета составляют 100 млн евро в одной только Франции. Удар был нанесен из США, что неудивительно, потому что большинство тоталитарных сект либо американского происхождения, либо базируется в США. 27 января 1997 г. Вашингтон официально осудил меры, предпринимаемые Германией против сайентологии. Через несколько дней после этого американское бюро «Права человека и труд», которое входит в Госдепартамент, публикует отчет о соблюдении прав человека в 1996 г., где Германия подверглась жестким нападкам и вошла в одну группу с Китаем, который нарушает права своих граждан на свободу веры. Следует отметить, что, когда европейские государства говорят о тоталитарных сектах, они имеют в виду группы, провозглашающие себя религиями, а на самом деле занимающиеся деятельностью, которая приносит максимально большие доходы. Новый французский закон позволил судам распускать эти группы. Однако американская администрация выступает за безнаказанность этих групп по всему миру и в данном случае — за религиозную свободу, поддерживая самые различные тоталитарные секты, связанные с политическими кругами. Для этого в Америке была создана целая сеть правительственных и околоправительственных организаций, которые лоббируют интересы этих сект и пытаются повлиять на другие страны. В ответ на нападки со стороны США Франция опубликовала свое разъяснение о том, что проведенные расследования структуры финансовых нарушений сайентологической организации убедительно показали, что сайентология — это коммерческая организация, получающая астрономическую прибыль. В таких обстоятельствах штрафы, которые накладываются на сайентологию, полностью законны и справедливы. Также Франция объясняет, что отчет национального собрания составлялся при участии лучших юристов страны, при помощи ученых, а также специальных экспертов ассоциации, которые были признаны действующими к общественной пользе. Хотя 180 организаций, упомянутых в отчете в качестве тоталитарных сект или групп с отличительными признаками тоталитарных сект, утверждали, что они являются религиозными, при внимательном рассмотрении открылась их тоталитарная природа и методы принуждения, которые применялись их последователями. Подавляющее большинство из этих сект в то или иное время уже имели конфликты с законом. Деятельность Франции и всего европейского сообщества в данное время направлена на то, чтобы исправить ложные представления об этих организациях.

А. А. Романовский
Воронеж

ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время в Воронежской области действуют 506 муниципальных образований: 3 городских округа, 31 муниципальный район, 28 городских и 444 сельских поселений.

Институциональный дизайн сложившейся к данному моменту системы местного самоуправления в регионе был обусловлен приходом в 2009 г. на должность губернатора области бывшего федерального министра А. В. Гордеева. Взяв курс на решение ряда внутривластных проблем, новый глава региона столкнулся и с достаточно серьезным препятствием в сфере политики на уровне местной власти, трактованной как «двоевластие»¹. В муниципальных районах региона было достаточно распространено открытое противостояние между главой района и главой райадминистрации, что в свою очередь негативно сказывалось на управлении муниципалитетами. Стремясь решить данную проблему, губернатор дал импульс для развития действующей сегодня системы. В большинстве муниципалитетов была закреплена практика, когда глава муниципального района (городского округа), избранный из числа депутатов, исполняет полномочия на непостоянной основе, а глава администрации назначается представительным органом по результатам конкурса. На сегодняшний день такая система действует в двух городских округах из трех — Борисоглебском и г. Нововоронеже, а также в 28 из 31 муниципального района.

Опыт применения в Воронежской области института «сити-менеджера» позволил нивелировать ряд управленческих рисков. Однако очевидно, что эта система их тоже содержит. Так, концентрация власти в одних руках дает большую возможность и для злоупотреблений со стороны сити-менеджеров, тем более что очередные поправки в федеральном законодательстве ввели новую модель местного самоуправления, наделив их статусом главы муниципального образования.

¹ Селютин В. И. Некоторые политические итоги реформы системы местного самоуправления в России и ее региональные особенности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. 2013. № 2. С. 168.

Следует заметить, что в Воронежской области полного отказа от выборов глав муниципалитетов не произошло. Более того, на сегодняшний день Воронеж — единственный городской округ среди административных центров регионов ЦФО, где сохраняются всенародные выборы мэра. Помимо этого главы местного самоуправления избираются населением непосредственно в Аннинском, Лискинском и Новоусманском районах.

30.10.2014 г. Воронежской областной Думой был принят областной закон «О порядке формирования органов местного самоуправления в Воронежской области и о сроках их полномочий»¹. В отличие от целого ряда субъектов РФ, где аналогичными законами жестко, на безальтернативной основе закреплены модели формирования органов местного самоуправления, зачастую полностью исключаяющие возможность проведения всенародных выборов, в Воронежской области муниципалитеты сами вправе выбрать из возможных вариантов формирования органов местной власти: для представительных органов — выборы или делегирование, для глав — также всенародные выборы или избрание из состава депутатов.

На сегодняшний день рассматривается возможность перехода к формированию представительных органов 15 районов из глав и депутатов представительных органов поселенческого уровня. В Воронежской области Советы народных депутатов уже формируются путем делегирования представителей поселений в Новохоперском, Подгоренском, Рамонском, Репьевском и Эртильском муниципальных районах.

Обеспечение управляемости, экономической самостоятельности, социальной стабильности и инвестиционной привлекательности территорий муниципальных образований является первоочередной задачей органов местного самоуправления. Анализ показывает, что сложившаяся на данный момент система организации муниципальной власти в Воронежской области учитывает специфику конкретных муниципальных образований, но в результате политической практики, очевидно, и она потребует совершенствования и развития. В муниципальных образованиях необходимо создать условия для более гибкого и эффективного администрирования, исключения возможности возникновения иррациональных моделей организации органов муниципальной власти. Вводимые на федеральном уровне новшества в системе местного самоуправления должны учитывать данные аспекты.

¹ О порядке формирования органов местного самоуправления в Воронежской области и о сроках их полномочий: Закон Воронежской области от 10.11.2014 г. № 149-ОЗ / [Воронежская область. Официальное опубликование нормативных правовых актов]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/?q=node/2677>.

СМЫСЛОВЫЕ КОННОТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ ИНТЕРНЕТА: РЕЗУЛЬТАТЫ ОНЛАЙН-ОПРОСА

В исследованиях российских ученых на протяжении всех постсоветских лет развития российского общества встречаются утверждения о том, что окружающая социальная реальность представляется гражданам как несправедливая, спорная с этической точки зрения или нелегитимная. Мы находим такие суждения в работах Л. Д. Гудкова¹, Б. В. Дубина², Ю. А. Левады³, В. В. Федорова⁴ и других социологов. В целом, по нашим наблюдениям, подобные рассуждения о справедливости как базовой ценности российского общества довольно распространены в российском научном сообществе. Вместе с тем остается принципиальный вопрос о том, что же именно вкладывает в понятие справедливости современный россиянин. Ниже будут приведены результаты нашего собственного социологического исследования, в ходе которого мы ставили своей целью продвинуться в установлении смыслов, приписываемых справедливости российскими пользователями Интернета⁵.

Выбор не случайно пал именно на анализ мнений пользователей Интернета. Как показывали наши предыдущие исследования⁶, в российском сегменте Интернета ведется интенсивная коммуникация между предста-

¹ См.: Гудков Л. Д. Инерция пассивной адаптации // Pro et contra. Январь—апрель 2011. С. 21.

² См.: Дубин Б. В. Первый: Борис Ельцин в общественном мнении России // Вестник общественного мнения. 2007. № 4 (90). С. 38.

³ См.: Левада Ю. А. Десять лет перемен в сознании человека // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 31.

⁴ См.: Федоров В. В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян. М.: Праксис, 2010. С. 208.

⁵ Всего опрошено 318 человек. При расчете выборки мы вычисляли квоты по полу, возрасту, уровню образования, семейному положению, опираясь на выявленные ВЦИОМ показатели модальности использования Интернета россиянами.

⁶ В данном случае мы ссылаемся на проект, реализованный нами при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг., мероприятие 1.2.2, проект «Идеологические системы в поздней модерности: динамика и механизмы производства публичных пространств».

вителями самых разных политических лагерей, и тематика справедливости там занимает одно из ведущих мест. Поэтому по собранным данным мы не могли делать выводов, репрезентативных для всего российского населения в целом, но получали возможность описать настроения, сложившиеся в одной из его частей, проявляющих повышенный интерес к проблематике справедливости.

Полученные ответы позволяют сделать два примечательных вывода.

Первый вывод. Справедливость — это важная проблема для опрошенных, и их беспокоит ее недостаток в обществе. 73,9% респондентов уверены: российское общество устроено несправедливо. 56,9% из них полагают, что ситуация со справедливостью российского общества не становится хуже, но и не улучшается. Показательно и то, что лишь 12,9% опрошенных заявили, что либо вообще никогда не сталкивались с проявлениями несправедливости по отношению к себе, либо сталкивались с этим редко: т.е. более 85% респондентов регулярно видят вокруг себя то, что лично им кажется несправедливым. Вместе эти показатели свидетельствуют об устойчивой консервации представления о несправедливости российского общества у опрошенных.

Второй вывод. Справедливость для опрошенных — это нечто, отличающееся от нравственных императивов. Понятие справедливости почти ни для кого из них не сводится к некоей доброте или благотворительности. Как не сводится оно и к понятию свободы. Лишь относительное меньшинство респондентов демонстрируют склонность к отождествлению справедливости и равенства. Все перечисленные категории синонимами справедливости посчитала лишь наименьшая часть опрошенных. Собственно, с тем, что справедливость тождественна равенству, согласились лишь 46,2% из них. Само по себе это немало. Тем не менее другие варианты упоминались очевидно чаще. Большинство она понимается в первую очередь сквозь призму законности, честности, нравственности, прав человека.

При этом сама законность для большинства опрошенных сводится к понятиям ответственности, гарантии от произвола, некоего правила для решения спорных вопросов. Лишь треть опрошенных убеждены, что закон представляет собой правило, которое стоит на страже интересов большинства. Большинство опрошенных не считают закон инструментом, которым может воспользоваться каждый человек. Фактически для большинства из них закон — это совокупность правил поведения, о которых общество однажды договаривается и затем выполняет в любых обстоятельствах.

В итоге мы можем констатировать, что запрос на справедливость, возможно, действительно является целостной, интегрирующей идеей для российского общества. Но его важно правильно истолковать: в первую очередь такой запрос означает стремление к выполнению законов.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДИСКУРС ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: КОНФЛИКТЫ И РЕФОРМЫ

Сегодня принято говорить о драме, кризисе, конфликтности и даже расколоте европейской политики памяти. С включением в состав Европейского союза ряда стран Центральной и Восточной Европы заметно обострилась проблема конструирования единого общеевропейского дискурса исторической памяти. Между Западной и Центрально-Восточной Европой пролегла глубокая трещина в понимании исторических уроков и трагических смыслов Второй мировой войны¹. С начала 2000-х годов восточноевропейские институты национальной памяти и музеи советской оккупации стали активно культивировать радикально негативную оценку всего советского прошлого, формировать образ собственного народа как коллективной жертвы большевистского коммунизма и советской оккупации. Стратегической идеологемой политики памяти восточноевропейских государств является постулат о равной ответственности нацистской Германии и Советского Союза за развязывание Второй мировой войны. Данный постулат в свою очередь опирается на распространенную идею о неразличимости национал-социализма и коммунизма как тоталитарных режимов. Младоевропейская стратегия политики памяти получила поддержку в Европейском парламенте: в апреле 2009 г. по инициативе стран Балтии и Польши была принята резолюция «О европейской совести и тоталитаризме», в которой день 23 августа (дата заключения пакта Молотова–Риббентропа) объявлялся Общеевропейским днем памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов.

В западноевропейском дискурсе политики памяти, как правило, расставляются иные приоритеты: главным преступником объявляется национал-социализм, а символом его жертв выступает Холокост. Поэтому основным днем европейской памяти считается 27 января (Международный день памяти жертв Холокоста, связанный с днем освобождения узников Освенцима). Считается неприемлемым поминать в один и тот же день жертв нацизма и коммунизма. В Германии, к примеру, противники совместного поминовения жертв разных режимов считают, что никакой другой режим, даже коммунистический, не проводил столь масштабного и систематического уничтожения евреев, как гитлеровский.

¹ Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 65–66.

В итоге в настоящее время европейские дни памяти 27 января и 23 августа оказались в центре конфликтной ситуации, связанной с различиями в исходных идеологических приоритетах в деле конструирования общеевропейского дискурса политики памяти. Корень конфликта состоит в том, что в оценке событий прошлого до сих пор весомую роль играет представление о том, что решающую роль в исходе Второй мировой войны сыграл военно-политический союз западных держав и СССР. По мнению известного немецкого историка Яна Эгсберта, «Запад не хочет видеть в себе сторонника одного тоталитарного режима в борьбе против другого, поэтому склонен к более позитивному образу коммунизма, чем национал-социализма»¹.

Вместе с тем позиции сторонников единого дня памяти в последнее время стали существенно усиливаться в информационно-политическом пространстве, заостряя внимание общественности на следующих вопросах: спасла ли советская армия Европу от национал-социализма? Являются ли памятники советским воинам в Европе памятниками освободителям? Не пора ли пересмотреть героические символы Второй мировой войны?

«Войны памяти», развернувшиеся вокруг интерпретаций прошлого, стали важным компонентом современной информационной войны, в которой используются такие технологии, как героизация нацистских преступников; вытеснение из коллективной памяти жестокостей Холокоста и УПА; объявление нацистской Германии и ее союзников жертвами советской оккупации и др.

В этих невероятно благоприятных для себя условиях неолиберальная политическая элита Запада стремится провести радикальную реформу политики памяти. Решительно предается забвению вся проблематика европейского происхождения фашизма и нацизма, замалчиваются сюжеты о вскармливании гитлеровского режима европейскими и американскими транснациональными монополиями, о натравливании гитлеризма на Восток, о разнообразном сотрудничестве транснациональных монополий с нацизмом в течение всей войны.

Евросоюз упорно не желает замечать не просто героизации позорных страниц истории сотрудничества ряда правительств восточноевропейских стран с гитлеровским фашизмом в период мировой войны, но и прямых попыток возрождения нацизма. Всего один пример: так называемые лувковские марши неонацистов в Болгарии², от которых в 2014 г. правительство этой страны впервые стыдливо открестилось, официально запрещая их; тем не менее с 2003 г. они регулярно проводятся в февральские дни при

¹ Эгберт Я. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 52–53.

² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.voininatangra.org/modules/news/article.php?storyid=540>.

поддержке более чем десятка национальных организаций. Акцию осудили в официальных заявлениях дипломатические ведомства РФ и даже США.

М. И. Рыхтик
Нижний Новгород

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНЫЕ ПАРТНЕРСТВА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ НА ГЛОБАЛЬНОМ УРОВНЕ

Концепция ГЧП не нова. В Великобритании и Канаде правительства регулярно используют ГЧП с начала 1990-х годов¹. В США они стали популярными позже, потому что в большинстве юрисдикций нужно было сначала подготовить и принять разрешающие законы. Идеи государственно-частного партнерства одинаково продвигаются правительствами, институтами Евросоюза (Еврокомиссией, ЕБРР, ЕИБ), международными организациями, например Группой Всемирного банка, ПРООН, ЮНЭП и другими организациями. Достаточно показательный опыт государственно-частных партнерств наработан в Великобритании. Развитие успешных ГЧП представляется как «одна из важнейших задач, стоящих перед организациями в государственной и частной сфере в первом десятилетии двадцать первого века»².

Появился быстро растущий пласт литературы о государственно-частных партнерствах, в том числе из Великобритании³, Скандинавии⁴ или Нидерландов, а в 1998 г. был основан даже «Международный журнал государственно-частных партнерств». Эта литература имеет очень разное дисциплинарное и теоретическое происхождение. Осборн⁵ выделяет следующие направления литературы о ГЧП: теоретическая литература о характере организационного сотрудничества, литература о государственном управлении,

¹ Mary Scott Nabers. Collaboration Nation: How Public-Private Ventures Are Revolutionizing the Obeseness of Government. Bucks county, Pennsylvania: PLATFORM PRESS.

² Кашин С. Британия на хозрасчете // Секрет фирмы. 2005. № 30 (117).

³ Lowndes V., Skelcher C. The Dynamics of Multi-organizational Partnerships: an Analysis of Changing Modes of Governance // Public Administration. 1998. Summer. Vol. 76. Is. 2. P. 313–333.

⁴ Collin S.-O. In the twilight zone: a survey of public-private partnerships in Sweden // Public Productivity & Management Review. 1998/3/1. P. 272–283.

⁵ Osborne S. Public — Private Partnerships: Theory and Practice in International Perspective. N.Y.: Routledge, 2001.

перспективы государственного управления, литература о развитии сообществ и эмпирическая литература, описывающая процесс и влияние ГЧП.

Анализ существующей литературы по ГЧП, однако, позволяет выделить несколько лагун, препятствующих более широкому использованию концепции ГЧП в качестве как аналитического инструмента, так и инструмента политических действий:

- отсутствие единства в подходах к самому определению ГЧП;
- непроработанность вопроса о причинах, по которым столь несхожие акторы, как госучреждения, бизнес и элементы гражданского общества, зачастую имеющие противоположные интересы, вступают в партнерские отношения между собой;
- необходимость выделения общих характеристик всех ГЧП, позволяющего использовать концепцию ГЧП в качестве эвристического инструмента;
- отсутствие работоспособного определения так называемых транснациональных ГЧП, препятствующее использованию этой концепции в качестве инструмента анализа мировой политики;
- непроработанность механизмов легитимизации ГЧП на глобальном уровне, не дающая использовать транснациональные ГЧП в качестве работоспособного инструмента политических действий.

В какой-то мере обозначить пути заполнения этих пробелов в политологическом знании и призвана наша работа.

Широкая трактовка подразумевает под ГЧП конструктивное взаимодействие власти и бизнеса не только в экономике, но и в политике, культуре, науке и т.д.

В числе базовых признаков государственно-частных партнерств в узкой (экономической) трактовке можно назвать следующие:

1. Сторонами ГЧП являются государство и частный бизнес.
2. Взаимодействие сторон закрепляется на официальной, юридической основе.
3. Взаимодействие сторон имеет равноправный характер.
4. ГЧП имеет четко выраженную публичную, общественную направленность.
5. В процессе реализации проектов на основе ГЧП консолидируются, объединяются ресурсы и вклады сторон.
6. Финансовые риски и затраты, а также достигнутые результаты распределяются между сторонами в заранее определенных пропорциях¹.

¹ Амуни Д. М. Государственно-частное партнерство. Концессионная модель совместного участия государства и частного сектора в реализации финансово емких проектов // Справочник руководителя учреждения культуры. 2005. № 12. С. 16–24; Гагарин П. А., Двинанин Е. А. Государственно-частное партнерство как инструмент реализации масштабных проектов. Градиент Альфа, 2013.

Как правило, ГЧП предполагает, что не государство подключается к проектам бизнеса, а наоборот, государство приглашает бизнес принять участие в реализации общественно значимых проектов.

Подводя итог, мы предлагаем следующее рабочее определение транснациональных ГЧП: транснациональные ГЧП — это постоянные и относительно официальные взаимодействия между государственными и частными организациями, которые формально стремятся к предоставлению общественных благ, при этом частные организации могут быть коммерческими организациями и/или организациями гражданского общества.

Подобное определение позволяет нам сделать выводы и относительно способов повышения легитимности транснациональных ГЧП.

Во-первых, легитимность транснациональных партнерств можно продвигать с помощью привлечения организаций, на которые в значительной степени влияют коллективные решения. Масштаб участия касается вопроса, все ли включенные организации имеют равные возможности для участия.

Второй способ повышения исходной легитимности — установление механизмов отчетности. Отчетность относится к вопросу, кто имеет право требовать отчетности от структур власти. В-третьих, правозащитники совещательной демократии утверждают, что обсуждение повышает первичную легитимность. Проще говоря, легитимность создается, если все организации, на которые влияют решения, участвуют в добровольном и аргументированном процессе и приходят к обоснованному консенсусу вместо сделочного соглашения, которое отражает в первую очередь способность участников к заключению сделок.

О. В. Рябов
Иваново

«РОДИНА-МАТЬ» В ЛЕГИТИМАЦИИ И ДЕЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

«Родина-мать»/«Россия-матушка» — один из важнейших символов русской культуры на протяжении столетий, восходящий к фольклорному образу «матери — сырой земле», — выступает заметным компонентом символической конструкции российской государственности. Цель доклада, построенного на анализе текстовых и визуальных источников, заключается в исследовании исторических предпосылок, причин, форм, акторов

¹ Выполнено в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ “Родины-матери” в символической политике современной России».

и последствий использования данного символа в легитимации и делегитимации власти в современной российской политике.

Образ родной земли является важным элементом легитимации политической системы начиная с древнерусского периода. Родная земля — источник силы, плодородия, изобилия; она кормит всех своих детей, и поэтому те находятся у нее в неоплатном долгу. Образ Родины как матери предполагает специфические отношения между государством и его гражданами, обеспечивая и подчинение индивида государству, и его готовность жертвовать собственной жизнью во имя своей страны. Тем самым «Родина» легитимирует образ правителя как Царя-батюшки, который владеет Россией (в соответствии с мифологией иерогамии) и говорит от ее имени. Кроме того, власть репрезентирует оппозицию как не только политических оппонентов, но и врагов Родины, ее неверных детей; в результате политическая и идеологическая инаковость получает маркер нравственной девиации. Тем самым власть получает возможность позиционировать себя как защитницу Родины-матери от внутренних и внешних врагов.

В свою очередь политическая оппозиция использует образ Родины, страдающей от произвола несправедливой власти, который восходит к XVI в. и связан с появлением концепта «Святая Русь» в работах М. Грека и А. Курбского. При этом власть нередко предстает не только несправедливой в социальном отношении, но и чуждой в национальном.

Образ советской Родины-матери, который являлся одним из основных элементов символической политики в Советском Союзе, в перестроечные и первые постсоветские годы был подвергнут деконструкции и в 1990-е ушел из официальной риторики; при этом он активно использовался в дискурсе коммунистической и националистической оппозиции. В нынешней политической системе в отношении к символу «Родины-матери» произошли значительные изменения. Прежде всего этот символ возвращается в официальный дискурс. Так, метафора иерогамии эксплуатируется в обосновании претензий того или иного политика на власть в стране, а образ России — матери всех народов Российской Федерации включается в риторику «Единой России». Как показывают социологические опросы, данные изменения соответствуют социальным ожиданиям большинства граждан страны; эту популярность исследуемого символа пытаются поставить себе на службу различные политические силы.

Полисемантичесность материнского символа России позволяет использовать его как в легитимации власти, так и в ее делегитимации, что обнаруживает себя в период протестов 2011—2013 гг. С одной стороны, данный символ был востребован оппозиционными дискурсами. Так, в рамках конкурса на лучший агитационный плакат под лозунгом ««Единая Россия» — партия жуликов и воров» был представлен плакат, на котором «Родина-мать» обличала правящую партию.

С другой, апелляция именно к исследуемому символу включалась в риторику, направленную на дискредитацию «болотных оппозиционеров» как «разрушителей России» и «агентов Госдепа». Власть сегодня позиционирует себя (по крайней мере, для большинства своих избирателей) как оппонент либерализма, который при этом изображается как сила иноземная, принесящая немало страданий Родине. Поэтому в борьбе с либеральной оппозицией в период «Болотной революции» образ Родины-матери становится достаточно заметным и, по всей вероятности, эффективным.

Заключительная часть исследования посвящена тому, как различные акторы используют символ Родины-матери с целью легитимации и делегитимации власти во внешнеполитической риторике — прежде всего в период украинского кризиса 2013—2015 гг.

Т. Б. Рябова
Иваново

«СТОЛКНОВЕНИЕ МАСКУЛИННОСТЕЙ»? РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МУЖЕСТВЕННОСТИ ЛИДЕРОВ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Доклад посвящен анализу того, как дискуссии о норме и девиации в гендерных отношениях (и прежде всего репрезентации нормативной мужественности) включаются в современный дискурс геополитики.

Гендерная асимметрия, предполагающая соотнесение власти с мужским началом, а подчинения — с женским, обуславливает использование геополитическим дискурсом гендерных образов, символов и метафор для легитимации одних точек зрения и дискредитации других. Иерархически являются отношения не только между полами, но и внутри полов; согласно Р. Коннеллу, маскулинность представляет собой поле конкурирующих дискурсов, где идет борьба за выявление гегемонной и подчиненных маскулинностей. Э. Тикнер, опираясь на эту идею, показала, что соперничество на международной арене облекается в форму соревнования в маскулинности. Например, в таком ключе трактовала холодную войну С. Энлоэ: по ее оценке, это было не только противостояние сверхдержав, но и серия поединков за определение, какими должны быть мужественность и женственность.

Привлечение гендерного дискурса к конструированию картины международных отношений происходит в различных формах. Например, через призму конкуренции маскулинностей могут интерпретироваться отноше-

ния между государствами. Все государства, по мнению Д. Миршаймера — это акторы-мужчины, стремящиеся соответствовать стандарту мужественности; однако «настоящими мужчинами» являются лишь сверхдержавы. Если слабым государствам допустимо использовать феминизированные стратегии поведения, то сверхдержавы в ситуации конфликта обязаны «принять вызов» и победить. Межгосударственные отношения выглядят как состязание различных типов маскулинности также благодаря традиции персонифицировать государства при помощи образов их руководителей. При этом наиболее распространенным приемом геополитической риторики является символическая демаскулинизация страны-противника за счет конструирования феминизированных образов ее лидера. Вместе с тем следует принимать во внимание, что гегемонная маскулинность далеко не всегда включает в себя маскулинные качества в наивысшей степени. Например, как показано в исследованиях риторики американских СМИ, освещающих войну в Заливе в 1991 г., иракский лидер С. Хусейн был представлен в качестве «гипермачо», что, однако, было призвано подчеркнуть его «отсталость» на фоне новой маскулинности культуры США, включающей в себя, помимо жесткости и силы, также чувствительность и прогрессивное отношение к проблеме равенства полов (С. Нива).

Сегодня на глобальной арене состязание за определение эталонной мужественности идет во многом за счет обсуждения маскулинности В. Путина, а также его воззрений на проблему гендерного равенства. Маскулинность Путина достаточно давно стала рассматриваться как фактор российской внутренней политики (вспомним хотя бы известную характеристику его как «альфа-самца», данную американскими дипломатами). В последние же два года в комментариях политиков и журналистов она начинает выглядеть как релевантная геополитической проблематике: ссылки на имидж российского президента как настоящего мужчины включаются в объяснение внешней политики России, отношений ее с другими глобальными игроками, восприятия Путина в различных странах и социальных группах, а также оценок президента гражданами РФ. При этом особенности маскулинности того или иного политического лидера нередко связывают с цивилизационной спецификой; в результате пресловутое «столкновение цивилизаций» превращается в столкновение маскулинностей. В докладе, построенном на анализе публикаций в массмедиа России, ЕС и США, а также данных полуформализованного интервью ($N = 20$), проведенного в г. Иванове в 2014 г., рассматривается, как различные типы дискурса (консервативный, либеральный, националистический, феминистский) используют образ маскулинности российского президента для создания специфических картин международных отношений и геополитического противостояния.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: СТОХАСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ¹

Online-социальные сети, или блог-платформы как структурные элементы *online*-пространства, одновременно являются потребителями и источниками общественно значимой информации, формируя при этом собственную систему защиты идентичностей, служат залогом демократического общества. Очевидно одно: что активность, которую порождают *online*-социальные сети, постепенно приводит к появлению новых механизмов влияния на принятие политических решений. К сожалению, этот процесс может носить как конструктивный, так и деструктивный характер для развития той или иной социально-политической системы и существенно влиять на состояние информационной безопасности государства в целом.

Возникла необходимость в разработке инструментария, позволяющего анализировать и прогнозировать деятельность той или иной *online*-социальной сети. Поскольку *online*-социальные сети по своей природе являются социальными графами, рассматриваемыми и как сложные сети, то основные концепции моделирования *online*-социальных сетей направлены на: исследование статистических свойств сетей, которые характеризуют их поведение; создание реалистичных моделей сетей; предсказание поведения сети при изменении ее структурных свойств. Изучение таких параметров сложных сетей, как кластеризация, посредничество или уязвимость, напрямую относится к описанию жизнестойкости сети, так как от этих свойств зависит сохранение сетями работоспособности при деструктивном воздействии на их отдельные узлы или ребра (пользователей или связей).

Любая социальная сеть, существующая как в *online*, так и в *offline*, содержит в своей структуре: агентов сети; каналы коммуникации; маркеры влияния или доверия между агентами сети; лидеров мнения, запускающих

¹ Выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук по проекту № МК-3430.2015.6 «Конструктивный и деструктивный потенциал *online*-социальных сетей в публичной политике России: методика стохастического моделирования поведения».

волновые эффекты распространения информации и приводящих к изменению информационно-новостного поля. Одним из примеров волновых эффектов распространения информации являются блогволны, которые рассматриваются нами как процесс массового распространения информации блогерами или членами *online*-социальных сетей, приводящий к трансформации общественного мнения и, как следствие, к социально-политическим акциям в *offline* как результату общественного давления.

В отличие от *offline*-социальных сетей *online*-пространство содержит целые *online*-сетевые сообщества с одним и тем же набором каналов коммуникации, которые базируются на технологической составляющей *online*-пространства. Наличие гипертекстурируемости и равенства участников в *online*-пространстве создает по отношению к *online*-сетевым сообществам эффект «бус», т.е. сетевые сообщества как бы пронизаны *online*-пространством. Результатом функционирования сетевых сообществ является социальное действие, которое рассматривается как преднамеренное или мотивированное действие политических акторов в *offline*, в том числе и акторов публичной политики.

Вышеописанные реалии объясняют необходимость разработки методики стохастического моделирования поведения *online*-социальных сетей с целью предотвращения их деструктивного влияния на развитие социально-политической системы и/или усиления конструктивной составляющей¹. Выбор модели стохастического моделирования обуславливается тем, что социально-политические процессы непрерывны во времени с постоянно меняющимися условиями как внешней среды, так и внутренних составляющих элементов. Поскольку в социальных системах всегда присутствует элемент неопределенности, то приходится работать не с переменными, зафиксированными математически, а с распределением вероятностей, тем самым прогнозируя состояние любой социальной системы, в том числе и социальной сети или сетевого сообщества².

Появления различных социальных сервисов в *online*-пространстве (*Facebook*, *Twitter*, *ВКонтакте*) позволило не только протраивать *online*-социальные сети и *online*-сетевые сообщества, но и фиксировать их параметры, используя сложный инструментарий теории сложных сетей для стохастического моделирования.

¹ Albert R., Barabasi A.-L. Statistical mechanics of complex networks // Rev. Mod. Phys. 2002. № 74. P. 47.

² Controllability of complex networks. URL: http://www.barabasilab.com/pubs/CCNR-ALB_Publications/201105-12_Nature-TamingComplexity/201105-12_Nature-TamingComplexity.pdf.

СЛАБОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ (на примере России, Украины, Польши)

С 2008 г. в мировой экономической системе начинаются кризисные явления, которые дают шанс левому движению обрести мощную социальную поддержку для своей деятельности¹. Однако парламентские левые партии в ряде постсоветских стран практически не используют раскрывающиеся возможности для будущих политических побед. Цель статьи — выявить причины слабости партий-преемниц.

Понимание термина «партии-преемницы» сформулировал Д. Ишияма — это партии, чьи «предшественницы при коммунистических режимах являлись правящими и которые унаследовали преобладающую долю ресурсов и кадров бывших правящих партий»². Объектом нашего анализа являются три политические партии: Коммунистическая партия Российской Федерации, Коммунистическая партия Украины и Союз демократических левых в Республике Польша. Элиты избранных политических систем сформировали политические режимы с разной степенью демократичности. По этой причине интересно сравнить состояние партий-преемниц в отличающихся политических условиях.

По наблюдению ряда исследователей политического процесса современной России, институциональные преобразования 2000-х годов привели к потере какой-либо значимости всякой оппозиции (как коммунистической, так и либеральной)³. КПРФ не воспользовалась своей возможностью мобилизовать массы на борьбу с существующим политическим режимом в 1996 г., а пошла по пути примирения со сложившимся статус-кво. Избранная тактика привела к сохранению противостояния с «Единой Рос-

¹ Просандеева Н. Финансовый кризис: неожиданный шанс для левых // Левая Политика. 2012. № 17–18. С. 210.

² Ишияма Дж. Т. Партии-преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике // Политические исследования. 1999. № 4. С. 148–167.

³ См.: Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Третий электоральный цикл в России 2003–2004 / Общ. ред. В. Гельман. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2007. С. 59–90.

сией» при постепенном сокращении электоральной базы партии¹. На протяжении десятилетия КПРФ выступает за воссоздание СССР, объединение и защиту интересов русской нации, а также всех трудящихся — всех, «кто собственным трудом создает материальные и духовные ценности, оказывает населению жизненно значимые услуги»². Такие «узкие» идейные установки не позволяют привлекать новых сторонников.

Основными программными целями Коммунистической партии Украины является установление власти трудящихся, переустройство жизни общества на коммунистических началах. Одной из угроз для общества КПУ называется насаждение буржуазного национализма, который «не может быть ни созидательным, ни консолидирующим фактором. Его насаждение раскалывает страну и ведет к фашистской диктатуре». Поэтому КПУ выступает за «...восстановление союза братских народов, объединение их в едином социалистическом союзном государстве»³. КПУ отказалась от артикуляции главных проблем украинского общества — распространения коррупции и решения экономических проблем страны.

КПРФ и КПУ подчеркивают достижения коммунистических партий в период существования СССР, а существующие на его территории политические системы считают результатом контрреволюционного/антисоциалистического переворота, заявляют о необходимости восстановления СССР. Обе партии-преемницы выступают с пакетом политического переустройства страны, в то время как экономическая программа не является приоритетной.

Польский Союз демократических левых сил фиксирует отсутствие экономического развития в Польше, и причиной его является неэффективность «рецептов» лидеров правящей партии (Гражданской платформы), а также основной оппозиционной партии («Право и Справедливость»). Польская «парламентская левая» не выступает с политическими проектами, соревнуясь со своими главными оппонентами в эффективности экономической программы⁴.

Все три партии-преемницы принимают существующие «правила политической игры» и не готовы возглавить набирающее силу социальное

¹ Гельман В. Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии // Политические исследования. 2008. № 5. С. 147.

² Программа Коммунистической партии Российской Федерации. Официальный сайт КПРФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kprf.ru/party/program>, см. также: Зюганов Г. А. Вызовы времени. М., 2014.

³ Программа Коммунистической партии Украины. Официальный сайт КПУ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kpu.ua/ru/page/programmakpu>.

⁴ Nowa strategia dla Polski Rozwój zamiast stagnacji. Официальный сайт Союза демократических левых сил. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.sld.org.pl/nowastrona/public/ckfinder/userfiles/files/Nowa%20Strategia%20dla%20Polski%2004%20\(1\).pdf](http://www.sld.org.pl/nowastrona/public/ckfinder/userfiles/files/Nowa%20Strategia%20dla%20Polski%2004%20(1).pdf).

протестное движение и перевести его в политические активы. Нисходящая динамика электоральной поддержки левых партий на выборах в национальные парламенты подтверждают этот вывод.

Анализ итогов голосования на выборах депутатов в Государственную думу Российской Федерации демонстрирует снижение поддержки КПРФ. На выборах 2011 г. произошел резкий скачок недовольства правящей партией «Единая Россия», однако КПРФ не участвовала в массовых акциях протеста 2011–2012 гг. По данным Всероссийского центра исследования общественного мнения, в 2015 г. за КПРФ готовы проголосовать от 5 до 7% респондентов¹:

	1999	2003	2007	2011
КПРФ (в %)*	24,29	12,61	11,57	19,9

Примечание. * По данным Центральной избирательной комиссии РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cikrf.ru>.

Итоги голосования на выборах депутатов в Верховную раду Украины:

	1998	2002	2006	2007	2012	2014
КПУ (в %)	24,7	20,0	5,7	5,4	13,2	3,9

Итоги голосования на выборах депутатов сейма Республики Польша

	2001	2005	2007	2011
Koalicyjny Komitet Wyborczy Sojusz Lewicy Demokratycznej — Unia Pracy (%)*	41			
Komitet Wyborczy Sojusz Lewicy Demokratycznej		11,3		
Koalicyjny Komitet Wyborczy Lewica i Demokraci SLD+SDPL+PD+UP			13,2	
SLD				8,2

Примечание. * Dudek A. Historia polityczna Polski. 1989–2012. Kraków, 2013. S. 638, данные с сайта Государственной избирательной комиссии Республика Польша. URL: <http://pkw.gov.pl/>. На выборах в национальный парламент Союз демократических левых обычно выступал в коалиции с дружественными политическими организациями.

Польские левые в начале XXI в. добились существенных результатов: победы «своего» президента — А. Квасьневского и доминирования в сейме по итогам выборов 2001 г. Однако партия практически исчезла к концу декады, утратив и былую сплоченность, и доверие избирателей, погрязнув в пучине громких коррупционных скандалов и идейном кризисе².

¹ Официальный сайт ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/ratings-parties/>.

² Лыкошина Л. С. Политическое развитие Польши в первом десятилетии XXI века: Аналит. обзор. М., 2011. С. 5.

В современном мире сложилась парадоксальная ситуация: затяжная депрессия капиталистической экономики 2007–2015 гг. сочетается с беспрецедентной политической слабостью левых сил. По наблюдению Б. Кагарлицкого, в глобальном масштабе проявляются все признаки революционной ситуации¹. Однако левые парламентские политические партии не готовы ни идейно, ни организационно возглавить нарастающее недовольство правящими группами.

Учитывая похожие тенденции упадка левых парламентских партий в таких разных политических режимах, напрашивается вывод о том, что причиной слабости левых являются не программы. Предполагаем, что ключевая слабость парламентских левых заключается в отсутствии новых политических лидеров, способных работать с избирателям «по-новому», смелее артикулируя протестные настроения.

Л. В. Савинов
Новосибирск

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОДЕРЖАНИИ: БАЗОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Год 2014. был особенным во многих аспектах для понимания России как нации-государства и россиян как сограждан, объединенных в рамках российской нации. Несколько событий международного масштаба — зимние Олимпийские игры и воссоединение Крыма и Севастополя с Россией — показали высочайший уровень гражданской солидарности и единства еще молодой российской нации. Введение против России экономических и политических санкций также способствовало объединению и консолидации россиян.

Вместе с тем сложная геополитическая ситуация и мощное давление из-за рубежа требуют критического осмысления внутренней политики, обеспечивающей национальную безопасность и социально-политическую стабильность. Можно с уверенностью говорить о том, что проект российской нации выдержал испытание, так как целенаправленные негативные воздействия извне не привели российское общество к политическому и этнополитическому расколу. Но все же риски и угрозы в этнополитической сфере крайне высоки.

¹ Кагарлицкий Б. Ю. Эпоха войн и революций // *Левая политика*. 2010. № 13–14. С. 50.

Особенно важно понять и осмыслить условия и параметры межэтнического согласия и мира в российском обществе, а также эффективность национальной политики.

В Стратегии государственной национальной политики сформулированы пять целей: а) упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); б) сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; в) гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; д) успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов.

Первая и последняя из них появились впервые на уровне доктринального документа, определяющего содержание государственной национальной политики.

Обращаясь к региональному содержанию национальной политики, необходимо особо отметить значимость ее сбалансированности как по основным направлениям (объектам политики), так и по ее субъектности.

Видятся три направления региональной национальной политики:

- укрепление единства российской нации;
- обеспечение межнационального и межконфессионального согласия и мира;
- этнокультурное развитие народов Российской Федерации.

Все эти направления должны быть равноценны, без явного доминирования одного из указанных направлений.

По субъектности региональная национальная политика должна быть вертикально и горизонтально сбалансирована. Речь идет прежде всего о формировании управленческой вертикали с широким привлечением органов местного самоуправления (ОМС). Вообще национальная политика на местном уровне требует отдельного осмысления. Что ОМС могут в рамках своих компетенций и ресурсных возможностей? Каков уровень их включенности в реализацию национальной политики и ответственности за ее результаты?

В горизонтальном измерении речь идет о включенности институтов гражданского общества. И речь не только и не столько об этнокультурных и религиозных организациях, в том числе национально-культурных автономиях. Речь — о системно образующих институтах гражданского общества: политических партиях, профсоюзах, общественных движениях и организациях, а также СМИ. Особое внимание здесь необходимо уделить молодежным организациям.

При реализации региональной национальной политики необходимо учитывать наиболее чувствительные для большинства населения проб-

лемы политического, экономического и культурного содержания. Это прежде всего проблемы политического представительства, социально-экономического благополучия, языка и территории проживания — очень чувствительные и крайне опасные для этнизации политики и политизации этничности позиции. Здесь необходимо быть крайне аккуратными и осторожными. Для национальных субъектов также актуален вопрос о национальной кадровой политике.

И наконец, региональная национальная политика должна быть подкреплена научным знанием и сопровождаться экспертным сообществом. В этом же ряду стоит проблема кадровой подготовки специалистов по управлению национальными отношениями: вопрос о специальной подготовке, переподготовке и повышении квалификации. Серьезной проблемой остается отсутствие в регионах диссертационных советов по специальности 23.00.05 — Политическая регионалистика. Этнополитика. Также особую важность приобретает проблема организации мониторинга межэтнических отношений в регионах России и его качества.

Е. В. Саворская
Москва

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В ГЛОБАЛЬНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ¹

Многие вызовы, с которыми на современном этапе сталкивается международное сообщество, носят глобальный характер. К наиболее комплексным из них, пожалуй, необходимо отнести проблемы экологического характера, такие как изменение климата, загрязнение окружающей среды, проблема управления водными ресурсами, сокращение биологического разнообразия и др.

Экологическая политика в подобных условиях выходит на передний план и занимает все более значимое место в глобальной повестке дня. В то же время принятие политических решений в этой области сопряжено с целым рядом трудностей и требует наличия специфических экспертных знаний, участия широкого круга стейкхолдеров, часто обладающих полярными интересами в рассматриваемом вопросе, а также способности к выстраиванию долгосрочной стратегии действий, предполагающей сочетание комплексных мер из различных областей политики.

¹ Подготовлено в рамках гранта РГНФ № 14-07-00046 «Участие Европейского союза в глобальном хозяйственном управлении: организационный анализ».

Первые попытки координировать экологическую политику государств на глобальном уровне начались еще в 1972 г. с созданием Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП)¹. В 1970-е годы страны Европейского экономического сообщества, в особенности Германия и Франция, уже ввели собственные природоохранные практики, следуя в фарватере признанного лидера в области экологического управления тех времен — США. Таким образом, сам процесс европейской интеграции оказался под воздействием двух параллельных тенденций: растущей международной озабоченности экологической проблематикой, начавшей обретать свое институциональное оформление, и внутренним влиянием своих государств-членов, старавшихся перенять природоохранные практики США. Однако уже с 1990-х ЕС стал восприниматься как важный актор в вопросах, связанных с международным регулированием экологической политики, а в некоторых из них, таких как борьба с изменением климата, стал считаться глобальным лидером².

С точки зрения вырабатываемой экологической политики, общей стратегии и методов ее воплощения на сегодняшний день ЕС разительно отличается в этой области от США, выстраивая свою идентичность вокруг приверженности принципам международного права и многосторонности³, а следовательно, вполне вероятно, что именно желание Европейского союза самореализоваться в качестве «нормативной силы» и сподвигло ЕС на лидерство в разрешении вопросов, связанных с глобальной экологической повесткой дня⁴. В то же время лидерство ЕС в области международной экологической политики обеспечивает яркие примеры двух центральных для ЕС стратегий, направленных на регулирование процесса глобализации: осуществление регулятивного влияния и расширение возможностей международных институтов⁵, в рамках которых ЕЭС (а затем и ЕС) удалось существенно повысить свой статус и расширить сферу влияния⁶.

¹ *Biermann F.* Reforming Global Environmental Governance: The Case for a United Nations Environment Organisation // Stakeholder Forum Think Piece Series for the 2012 UN Conference on Sustainable Development. 2011. P. 9.

² *Bretheron C., Vogler J.* The European Union as a Global Actor; 2nd ed. London: Routledge, 2006. P. 88.

³ *Scheipers S., Sicurelli D.* Normative Power Europe: A credible utopia // Journal of Common Market Studies. 2007. Vol. 45. Is. 2. P. 435–457.

⁴ *Kelemen R. D.* Globalizing European Union Environmental Policy // Paper presented at Princeton Annual Workshop on European Integration. Princeton University, European Union Center, May 2009. P. 8.

⁵ *Ibid.* P. 4.

⁶ *Sbragia A. M.* Institution-Building from Below and from Above: The European Community in Global Environmental Politics // Environmental Policy in the European Union: Actors, Institutions and Processes. / Jordan A. (ed.). London: Earthscan, 2002. P. 293.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ПОЛИТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Политическая демография выступает как новое актуальное междисциплинарное направление науки. Предметное поле политической демографии охватывает круг вопросов, отражающих закономерности влияния демографических процессов на политическую сферу. Одним из направлений, исследуемых новой отраслью науки, являются политические последствия глобальных демографических процессов. Изучение данного аспекта в последнее время вызывает все больший интерес за рубежом и в России.

Еще в середине 2000-х годов американский политический демограф П. Демени выдвинул гипотезу о том, что в первой половине XXI в. серьезно изменится геополитическая карта распределения человеческих ресурсов, так как 99% прироста мирового населения в течение этого периода дадут развивающиеся страны. Население Европы, включая РФ, которое составляло в 1950 г. 22% мирового населения, в 2005 г. — 11%, к 2050 г. будет насчитывать только 7% (в абсолютных цифрах численность населения континента сократится с 728 млн до 653 млн человек, т.е. более чем на 75 млн человек)¹.

Во-первых, стремительный рост численности населения был общим трендом всех развивающихся стран мира во второй половине XX в. (прирост за 50 лет больше 100%), а вот в первой половине XXI в. подобные темпы будут наблюдаться только в регионе Африки южнее Сахары и «исламском поясе». Прирост в остальных развивающихся странах в этот период гораздо скромнее, а развитые страны, за исключением США и Канады, вообще демонстрируют депопуляцию. Во-вторых, если в середине XX в. центрами сосредоточения населения мира были Европа (21,7% мирового населения) и Китай (21,8%), то в середине XXI в. это Африка южнее Сахары (18,6% населения мира), Индия (17,6%), Китай (15,3%), «исламский пояс» (12%). В-третьих, катастрофически будет сокращаться доля в мировом населении стран ЕС, России и Японии. Центры глобального развития, а следовательно, и глобальной политики станут все больше смещаться из Северной Атлантики на юг и восток «мирового острова». Отразится этот процесс также на изменении списка стран с населением свыше 100 млн человек. К 2050 г., по прогнозам ООН, к списку крупнейших в демографическом отношении

¹ Demeny P., McNicoll G. The Political Demography of the World System, 2000–2050. Population and Development Review. 2006. № 32. P. 256.

Помимо работы с крупными международными организациями и участия в многосторонних переговорах по окружающей среде, ЕС стремится транслировать свою экологическую политику за пределами своих границ при помощи большого числа разнообразных инструментов, включающих в себя двусторонние соглашения, стратегическое и экономическое партнерство, транснациональные политические и проблемные сети, внутреннее регулирование с внешними эффектами, а также сотрудничество в области устойчивого развития.

Ради решения международных задач экологической политики Европейский союз продемонстрировал готовность финансировать экологические проекты. В частности, в 2011 и 2014 гг. были подписаны соглашения о стратегическом сотрудничестве между ЮНЭП и Еврокомиссией на общую сумму свыше 75 млн евро, средства предназначаются на поддержание работы ЮНЭП и находящихся в ведении ЮНЕП многосторонних природоохранных соглашений, например конвенций по биоразнообразию, химикатам и отходам. Это сотрудничество является частью тематической программы ЕС по окружающей среде и природным ресурсам (*Environment and Sustainable Management of Natural Resources*, 2011–2013 гг.) и программы по глобальным общественным благам и вызовам (*Programme on global public goods and challenges*, 2014–2017 гг.)¹.

В июле 2014 г. Еврокомиссия и секретариат Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, подписали соглашение о предоставлении Европейским союзом 12 млн евро на борьбу с браконьерством в отношении редких видов в Африке, Карибском бассейне и Тихоокеанском регионе². В то же время очевидно, что одного лишь финансирования подобных программ недостаточно для решения глобальных экологических проблем даже в краткосрочной перспективе. Кроме того, в сфере борьбы с глобальными изменениями климата, в которой ЕС добился признанного лидерства, не наблюдается существенных перемен к лучшему. Международному сообществу все еще не удается установить эффективный и устраивающий все стороны режим сокращения выбросов углекислого газа в атмосферу, который мог бы послужить важной вехой на пути формирования максимально согласованной политики государств в этой области³.

¹ European commission, Section «International Issues: United Nations Environment Programme». URL: http://ec.europa.eu/environment/international_issues/re-lations_un_en.htm.

² The Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora. Press release: European Union invests EUR 12 m to minimize the illegal killing of endangered species [Electronic resource]. URL: http://cites.org/eng/EU_mikes_04072014.

³ Haas P. M. Do Regimes Matter? Epistemic Communities and Mediterranean Pollution Control // International Organization. 1989. Vol. 43. Is. 03. P. 377–403.

стран (дополнительно к нынешним 11 государствам) добавятся еще 3 африканские страны, 3 страны «исламского пояса» и 2 государства Юго-Восточной Азии. Всего к 2050 г. численность населения Земли увеличится на 1 млрд человек только за счет африканцев, на 0,5 млрд — за счет мусульман и 0,5 млрд — за счет индийцев¹. Произойдет усиление экономической и военной мощи, научно-технического потенциала и культурного влияния Азиатско-Тихоокеанского региона и Южной Азии по сравнению с регионом Северной Атлантики.

Не менее важен и вопрос о структуре населения. Население Японии, ЕС и РФ будет иметь наибольшую долю лиц старше 65 лет. Меньший объем престарелого населения будет в КНР и США. А вот в Индии и африканских странах ожидается относительно молодая структура населения. Глобальное старение населения в ведущих геополитических центрах станет фактором ослабления в XXI в. их экономического и военного влияния. Больше всего это коснется ЕС, особенно ее экономического ядра — Германии, а также Японии и РФ. США и КНР столкнутся с такой проблемой по большей части лишь во второй половине XXI в. Страны со стареющим населением, по-видимому, будут испытывать острые проблемы с обеспечением функционирования пенсионной системы и здравоохранения.

Также актуальным для глобальной политики является вопрос о численности населения крупнейших региональных союзов. Рассмотрим этот аспект. Политико-демографический анализ показывает, что за первую половину XXI в. численность населения вырастет во всех зонах свободной торговли, за исключением ЕС и Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, причем последняя зона будет охватывать в 2050 г. всего 1,7% мирового населения (сейчас — 2,8%). Еще меньше будет его доля в мировом ВВП. Возникает вопрос: каковы перспективы такого объединения в XXI в.? Приведенные данные позволяют понять причины упорной борьбы российского руководства за включение Украины (45 млн человек населения) в Таможенный союз.

П. Демени резонно указывает, что демографический фактор в геополитическом анализе в XIX и XX вв. имел второстепенное значение. Значение численности населения легко преодолевалось различиями в уровне развития. Так, во второй половине XX в. меньшие по численности нации могли обладать большей экономической и военной мощью, политическим и культурным влиянием. Малая численность населения не помешала Голландии, Португалии, Бельгии играть важную роль в европейской политике, а небольшая Англия сумела создать огромную колониальную империю. Значение фактора народонаселения возрастало только во вре-

мя конфликтов между странами с примерно равным уровнем развития, и тогда демографический фактор становился решающим¹. В XXI в. имеет место быстрый рост численности населения в развивающихся странах при сокращении и старении населения в развитых странах. Но бедность развивающихся стран не является постоянным условием. Сейчас можно наблюдать, как значительная часть развивающихся стран показывает темпы экономического роста, сопоставимые с показателями развитых стран. Глобализация, свободное движение капиталов и расширяющаяся международная торговля облегчают трансфер технологий, который, в комбинации с высокой численностью населения и растущими доходами, ведет к изменению экономического веса стран с далекоидущими геополитическими последствиями.

Таким образом, в XXI в. демографические процессы станут важнейшим фактором глобального развития и, соответственно, глобальной политики. Учет и ориентация политики национальных правительств на указанные глобальные демографические тренды является настоятельной необходимостью, а попытка их игнорирования может обернуться серьезными проблемами в будущем.

*И. В. Самаркина
Краснодар*

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РЕКОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Политические и научные дискуссии о национальных историях в последние десятилетия возникали не раз². Совсем недавно в России широко обсуждалась концепция единого учебника истории³. В дискуссиях о ситуации на Украине социокультурные факторы отмечаются многими экспертами в числе едва ли не определяющих⁴. Очевидно, что сегодня мы

¹ Demeny P. Geopolitical Aspects of Population in the Twenty-First Century // Population and Development Review. 2012. № 38 (4). P. 685–686.

² Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова; предисл. Ф. Бомсдорфа. 2-е изд., испр. и доп. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003.

³ Создание в России нового учебника по истории. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ria.ru/trend/history_book_RF_01072013.

⁴ Уроки украинского: чему учат школьников учебники украинской истории? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sputnikpogrom.com/russia/ua/10331/ua-textbooks>.

¹ Demeny P., McNicoll G. The Political Demography of the World System, 2000–2050. Population and Development Review. 2006. № 32. P. 254–287.

наблюдаем проводимые с разным успехом попытки борьбы за идентичность, за то, что находится «в головах» граждан и определяет их поступки и поведение.

В докладе будет представлен анализ современных технологий, которые используются для конструирования политических представлений и моделей поведения граждан, в частности технологий, применяющих в процессе конструирования и реконструирования исторического компонента политической картины мира.

Теоретической основой представленного исследования является концепция политической картины мира — совокупности образов и представлений о политике, определяющей траекторию политического поведения человека. Концепция политической картины мира построена на основе феноменологии Э. Гуссерля¹. Конструирование политической картины мира мы определяем как целенаправленную деятельность, в результате которой образы политического мира систематизируются в соответствии с идеологическими ценностями и установками политических акторов. В современном мире происходит постоянная борьба за навязывание своей модели видения социального и политического мира.

Ядро политической картины мира составляют онтологические образы (власти, государства, Родины), которые формируются в детстве и являются очень устойчивыми. Именно эти образы конструируются в процессе изучения истории.

Среди политических акторов, претендующих на право конструировать политическую картину мира, государство занимает особое место: формирование политической картины мира как основы идентичности — одна из важнейших функций государственной власти; государство располагает значительными инфраструктурными и другими ресурсами; оно имеет систему технологий для решения этой задачи.

Мы предлагаем рассматривать технологии конструирования политической картины мира в следующей системе. Государство в силу особенностей этого социального института ориентировано на использование макротехнологий (микротехнологии и мезотехнологии в большей степени используют другие политические акторы). По сфере применения это технологии: образовательные; технологии культурно-массового воздействия и «спортивных успехов»; технологии позитивной общественно-политической активности. По продолжительности и сложности применения государство ориентируется прежде всего на долгосрочные технологии и технологии многоступенчатой коммуникации. По способам конструирования/реконструирования политической картины мира это: технологии визуальной (символической)

¹ Гуссерль Э. Интенциональные предметы // Избранные труды / Сост. В. А. Куренной. М.: ИД «Территория будущего», 2005. С. 70.

категоризации, технологии лексической категоризации, технологии визуального и лексического табуирования. К наиболее распространенным технологиям относится редактирование/коррекция списка «значимых» персон, исторических и политических деятелей, которые выступают для молодого поколения примерами для подражания или символами определенной эпохи. По этому поводу М. Ферро точно заметил: «...лица в этой истории появляются и исчезают по усмотрению тех, кто пришел им на смену»¹.

Таким образом, анализ только одного пласта политической картины мира — ее исторического компонента — показывает ожесточенность борьбы политических акторов за расстановку акцентов в политической картине мира. Для этого применяется спектр технологий: редактирование/коррекция списка «значимых» исторических персон, посещения исторических мест, праздники, историко-политическое табуирование, технологизация основной идеологической доктрины через историческое образование, популярное тиражирование определенных исторических событий, милитаризация и героизация истории, методические технологии (приемы преподавания), визуализация или табуирование визуализации, идеологическое противостояние — противоборство, идеологическая коррекция. Стратегическая цель государства — формирование такой политической картины мира молодого поколения, которая станет основой гражданской идентичности.

Е. Н. Самбурава
Москва

РОЛЬ КИТАЯ В ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА НА ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Начало XXI в. ознаменовалось углублением и усложнением взаимодействия Китая с мировым хозяйством. Следствием стремительного развития Китая — одного из главных полюсов роста — стало усложнение пространственной структуры мирового хозяйства, переход от дихотомии «Центр—Периферия» к расширению и росту значимости полупериферии. Роль в мировом хозяйстве определяется масштабами экономики Китая: по объему ВВП, по паритету покупательной способности в 2014 г. (17,6 трлн долл.) он вышел на первое место в мире, по предварительным данным МВФ².

¹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. С. 139.

² World Economic Outlook Database, april 2015. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata>.

Китай стал «мировой фабрикой», обеспечивая весь мир разнообразной продукцией, в первую очередь продукцией с высокой долей труда в структуре затрат: на Китай приходится около 40% мирового производства компьютеров, 60% — мобильных телефонов, более 1/3 мирового рынка одежды. Та роль, которую взял на себя Китай в глобальной экономике, трансформирует всю хозяйственную структуру стран мира. Одной из главных тенденций мировой экономики является ее терциаризация, характерная для стран, находящихся на постиндустриальном этапе развития. Сохранение высокого уровня потребления в этих странах обеспечивается прежде всего импортом из Китая, взявшего на себя производственные функции.

Не менее значимо место Китая в потреблении продукции, произведенной как в самой стране, так и за ее пределами. Растущие доходы огромного китайского населения позволяют постепенно осуществить переход от внешнеориентированной модели к модели, ориентированной на внутренний спрос, который обеспечивается как производством внутри страны, так и импортными поставками. Рост емкости внутреннего рынка способствует сохранению привлекательности Китая для ТНК, несмотря на некоторую потерю конкурентных преимуществ из-за стремительного роста заработной платы.

На фоне растущего влияния Китая на мировое хозяйство на глобальном уровне усиливается его значение на региональном уровне. Геоэкономические и геополитические интересы Китая в Азии определяют его стремление к расширению и углублению региональных интеграционных процессов. К механизмам многостороннего сотрудничества можно отнести Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Региональный форум АСЕАН по безопасности, Форум Азия—Европа, Трехстороннее партнерство Китая, Республики Корея и Японии, «10+1» (АСЕАН — Китай), «10+3» (АСЕАН, Китай, Япония и Республика Корея), Шанхайская организация сотрудничества, взаимодействие в рамках БРИКС.

Факторами усиления взаимодействия Китая со странами региона стали географическая близость, концентрация хуацяо в Юго-Восточной Азии и возможности развития «бамбуковых сетей» (китайского бизнеса), взаимодополняемость экономик, обеспеченность различными конкурентными преимуществами, перспективы все более широкого использования юаня как региональной валюты. Включение Китая в формирующиеся цепочки добавленной стоимости определяется особенностями ведения вертикальной торговли со странами Азии. Переход КНР на более высокие ступени цепочек добавленной стоимости, специализация на производстве высокотехнологичной продукции при росте заработной платы ведет к частичному переносу трудоемких производств в менее развитые азиатские страны.

Зависимость экономик стран Азии от «китайского фактора» отражают показатели места Китая среди их внешнеторговых партнеров: для большинства из них Китай является ведущим поставщиком продукции. Са-

мая высокая степень зависимости от поставок из Китая у таких стран, как Киргизия (52% импорта), КНДР (78%), Монголия (38%), Вьетнам (32%). Доля Китая выше 20% импорта у Японии, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана (2013 г.). Не менее важное значение имеет торговля с Китаем для тех стран, для которых он — крупнейший рынок сбыта их продукции. Это страны — поставщики сырья, в которых Китай стремится усилить свое влияние: Монголия (90% ее экспорта направляется в Китай), КНДР (76%), Узбекистан (28%), Казахстан (23%)¹.

В азиатских странах концентрируется и большая часть прямых иностранных инвестиций из КНР, однако их значительные объемы вывозятся через Гонконг, Макао и офшоры, поэтому точно определить долю Азии не представляется возможным.

Как инструмент усиления влияния в Азии можно рассматривать китайскую инициативу «один пояс и один путь», выдвинутую Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., предполагающую формирование «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI в.». Реализация этой инициативы позволит усилить многостороннее сотрудничество между странами вдоль древнего Великого Шелкового пути и приморскими странами к востоку и югу от Китая. Для реализации проекта китайской стороной учреждены Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути и Фонд морского сотрудничества Китай—АСЕАН.

Т. Н. Самсонова
Москва

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Происходящие в мире и грядущие перемены обуславливают изменения в деятельности политических лидеров. Новейшие информационно-коммуникативные технологии обеспечивают эффективное взаимодействие власти и граждан, создают широкие возможности для общения политических лидеров и общества. Вполне естественно, что исследователи стремятся концептуализировать свои знания о политическом лидерстве и раскрыть его динамику в постоянно меняющемся мире.

«Лидерство — одно из наиболее очевидных и наименее понятных явлений на земле» (*Дж. М. Бернс*). Современные подходы к исследованию

¹ The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/vm.html>.

политического лидерства носят интегративный характер. И это закономерно, ибо в феномене политического лидерства проявляется взаимообусловленность социальных и психологических основ политической власти, выполнение функций коммуникации, управления, интеграции общности/общества и др. Стратегии завоевания и удержания власти, механизмы взаимодействия политического лидера с последователями, особенности разных лидерских стилей, типология лидерства и т.д., т.е. различные аспекты функционирования политического лидерства, стали предметом активных междисциплинарных исследований.

Эффективность и успешность деятельности политического лидера определяется многими факторами — его личностными качествами, избранной стратегией, особенностями политической системы, текущей политической ситуацией. Роль лидера особенно велика, когда возникают новые обстоятельства, не имеющие аналогов в прошлом, когда ситуация сложна и противоречива. В таких условиях личностные качества лидеров проявляются максимально.

Политический лидер воспринимается как целостный образ человека, выполняющего в обществе определенные социальные роли. Национальные лидеры являются символами общества, образцами политического поведения. Не случайно целые эпохи в жизни разных стран и народов неразрывно связываются в сознании людей с именами и деятельностью определенных лидеров.

На вопрос, какого лидера можно считать великим, обычно называют тех, кто принес своему народу независимость, свободу, процветание. Анализ деятельности выдающихся политических лидеров с неизбежностью ставит вопрос о лидерстве харизматического типа. Существует мнение, что феномен политической харизмы не поддается в полной мере рациональному объяснению и анализу. Исследователи пытаются дать операциональное определение харизматического лидерства.

В современном мире объем и сложность задач, стоящих перед лидерами, увеличились. Эффективность деятельности политического лидера во многом зависит от его умения создать сплоченную команду.

Роль политического лидера общенационального уровня особенно наглядно проявляется в президентских республиках. Президент является символом единства и сплоченности нации. В США с 1930-х годов именно личность президента играет ведущую роль в функционировании института президентства. В России институт президентства существует немногим более двух десятилетий, однако стал важнейшим структурным компонентом российской политической системы. И как показал этот период отечественной истории, велико значение личностных качеств президента. (Политическая власть в России, как свидетельствует многовековая история, всегда персонифицировалась.)

В эпоху глобализации политические лидеры, и особенно национального уровня, должны отвечать на вызовы XXI в., своевременно решать геополитические проблемы. Глобализация и демократизация приводят к изменениям политического лидерства, поскольку лидерам приходится корректировать свою деятельность таким образом, чтобы она соответствовала изменениям, происходящим в мире.

Можно выделить следующие тенденции в функционировании политического лидерства в ответ на вызовы современной действительности:

- политические лидеры вынуждены рассматривать внутреннюю политику в своих странах как часть всемирного, глобального процесса;
- во всем мире растет запрос на социальную справедливость, и лидерам все больше приходится концентрировать свои усилия на решении экономических и социальных проблем;
- сегодня актуальны два типа власти: власть знания и власть личности. В условиях появления новых вызовов лидер, имея большой объем информации из разных сфер жизнедеятельности социума, должен обладать способностью «видения будущего»;
- одним из важнейших средств влияния политического лидера является его авторитет;
- возрастает роль последователей, степень их влияния на политических лидеров.

*И. И. Санжаревский
Тамбов*

ИНВЕРСИОННО-РЕСУРСНАЯ МОДЕЛЬ ВЛАСТИ: ДЕМОКРАТИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ КОНВЕРТАЦИИ РЕСУРСОВ ВО ВЛАСТЬ

Основной тезис данного доклада заключается в том, что власть есть степень концентрации ресурсов, приводящая к возникновению права регулирования отношений, управления отношениями.

Сегодня совершенно очевидно, что политические механизмы государственного управления и регулирования основываются на исключительности права применения силы, исключительности права нормирования отношений, исключительности права разрешения конфликтов, исключительности права перераспределения ресурсов.

Автором предлагается к обсуждению инверсионно-ресурсная модель понимания власти, которая показывает явление политического через сте-

пень концентрации ресурсов и их конвертацию во власть. Данная модель исходит из определения политики как системы легальных и легитимных способов конвертации ресурсов во власть. Инверсия в политике есть преобразование экономического, социального, духовного значения ресурса в политический. При этом власть проявляется через степень концентрации ресурсов, приводящей к возникновению права регулирования отношений, управления отношениями.

Первым основанием политического ресурса государственной власти служит исключительность, монополизм в праве регулирования отношений, управления отношениями¹.

Любому политически «подкованному» современному индивидууму известны основные принципы демократии. Во-первых, это принцип конституционализма. По своей сути конституция есть практическая реализация концепции общественного договора, объясняющей происхождение гражданского общества, государства и права как результата соглашения между людьми.

Во-вторых, современная демократия, так же как и классическое понимание общественного договора, подразумевает, что конкретные люди (граждане, народ), которым принадлежит власть, частично откажутся от своего суверенитета и передадут его государству, чтобы получить или поддержать демократический общественный строй через верховенство закона.

В-третьих, это принцип разделения ветвей государственной власти, который по своей сути устанавливает конституционные правила невозможности абсолютной концентрации переданных народом своих монопольных властных прав государству (государственной власти) в одних руках любого господствующего меньшинства.

Резюме первое: сутью демократического режима правления выступает конвертация ресурсов во власть по правилам, установленным общественным договором, конституцией. При этом основное конституционное правило конвертации ресурсов во власть характеризуется невозможностью концентрации монопольных властных прав (государственной власти) в одних руках.

Другим основанием государственной власти наряду с монополизмом в праве управления отношениями служит степень концентрации ресурсов как превосходство, доминирование, обеспечивающие приоритетность в отношениях как на силовой, так и на мировоззренческой основе, определяемых на основании исключительности по праву «рождения» (крови), «аристократизма» и/или избранности, выборности — исключительности по праву «сословности», «элитности», «профессионализма».

¹ См.: Санжаревский И. И. Политическое управление и пропорциональность института власти // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13. № 1. С. 75–81.

Основной отличительной чертой современной демократии является то, что наряду с легальностью как степени концентрации ресурсов, так и государственной власти должна быть обеспечена и их легитимность через признание народом и частичную передачу им своего суверенитета, осуществляемые на основе четвертого принципа демократии — прямых или косвенных выборов, референдумов.

Резюме второе: властный ресурс является тем необходимым условием, которое позволяет с помощью определенных преобразований получить желаемый публичный результат (достигнуть цели, реализовать интерес или удовлетворить потребность).

Как и все политические механизмы конвертации ресурсов во власть, политическая инверсия характеризуется количественно-качественной мерой возможности осуществления регулятивной (управляющей) деятельности, позволяющей с помощью определенных преобразований получить желаемый политический результат: за счет концентрации ресурсов приобрести способность конвертировать их в публичные интересы, влияющие на формирование политической повестки дня. И далее с помощью определенных преобразований конвертировать приобретенные ресурсы по нарастающей в способность оказывать влияние на политическую деятельность, в способность блокировать управляющую и политическую деятельность, в способность контроля за политической и управленческой деятельностью.

Наивысшая степень концентрации политического ресурса при этом выражается, во-первых, в конституционном большинстве. И во-вторых, в персонализации, определяющей наряду с политическим режимом форму правления.

Таким образом, инверсионно-ресурсная модель понимания власти рассматривает демократию как политический режим легальных и легитимных способов конвертации ресурсов во власть.

В. А. Сапрыка
Белгород

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ПАТТЕРНЫ В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

Формирование государственности в странах, возникших после распада Советского Союза, уже более двадцати лет влияет на взаимоотношения населения приграничных регионов. Это в первую очередь связано

с повышением барьерной функции новых границ. Одним из следствий этого является утверждение специфического типа социальной аномии, выступающей в форме комплекса неопределенностей, определяющих сознание и поведение значительной части граждан и в итоге выражающихся в неустойчивости и нелинейности развития приграничного социума. Осмысление возможностей общественной дипломатии будет наиболее эффективно на основе сравнения ценностно-смысловых паттернов, сложившихся в приграничных регионах России и Украины.

В приграничных регионах России и Украины формируются не совпадающие по своей направленности и неоднозначные по социальным последствиям модели идентичности, в основе которых лежат различные по содержанию ценностно-смысловые паттерны.

1. Паттерны, возрождающие ценности и смыслы традиционных национальных культур. Проблема заключается в том, что в настоящее время нет консенсуса относительно содержания национально-культурных ценностей применительно ко многим постсоветским государствам. Как ни парадоксально, это более всего относится к ментально, исторически и культурно-исторически близким этносам. Различные политические силы, а в ряде случаев и исследователи предлагают свой набор ценностей как основу национальной идентичности. При этом в ряде случаев реализуются далеко не адекватные комплексы представления и модели поведения.

2. Паттерны, воспроизводящие ценностно-смысловые комплексы относительно недавнего советского прошлого. Они основывались на идее пролетарского, а впоследствии — социалистического интернационализма. В рамках этих представлений народы бывшего СССР трактовались как братские народы, которым нечего делить между собой. Ценностно-смысловые комплексы такого рода воздействуют на социальные процессы по двум направлениям — носители либерально-западной идеологии максимально его демонизируют, носители же консервативных и патриотических взглядов идеализируют.

3. Паттерны, репрезентирующие разнообразные по своему содержанию субкультуры, возникающие и распространяющиеся как отражение специфических статусов социальных групп. Этот вид паттернов максимально актуализирован в настоящее время, особенно в кризисной Украине, поскольку нестабильная среда наращивает потребность в идентификации.

4. Паттерны, в основе которых лежат представления, сформировавшиеся в результате глобальных процессов, в том числе и процессов евроинтеграции, применения новейших информационно-коммуникационных технологий. В качестве особого класса социокультурных идентичностей выступают квазиидентичности, утверждающиеся на основе

намеренного или произвольного искажения представлений о себе и контрагентах, неадекватной маркировки последних с использованием исторически сложившихся или возникших под воздействием новых реалий стереотипов.

Идентификационный процесс в этом случае принимает характер имитационных практик, представляющих собой систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются формальным воспроизведением операций и процедур, сопровождаемым их демонстрацией, декларацией и декорацией. Подобная позиция определяется, с одной стороны, неопределенностью объектов идентификации в поликультурной среде приграничья, с другой — нестабильностью регионального пространства. Эта нестабильность в настоящее время наиболее отчетливо проявляется в регионах Украины как следствие неопределенности статуса, конфронтации с центром при высокой степени интегрированности с Россией, значительного внешнего влияния со стороны сил, не заинтересованных в устойчивом развитии Украинского государства. Однако специфика феномена нестабильности такова, что он легко переносится на территории по другую сторону границы, проявляясь в виде комплекса новых опасностей и угроз, детерминированных соседством с кризисными украинскими областями.

В связи с этим становится актуальным использование инструментов общественной дипломатии, так как именно они смогут обеспечить сохранение добрососедских отношений и дальнейшее развитие приграничного взаимодействия. Складывается довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, длительное совместное и максимально тесное сосуществование российской (в основе своей русской, православно-христианской) культуры и украинской культуры (также в основе своей христианской, но содержащей значительные элементы униатства и католичества) сделало их довольно однородными и по преимуществу комплиментарными, что облегчает использование общественной дипломатии. С другой стороны, интересы политических сил, ориентированных на политико-культурную делимитацию, требуют поиска исторических оснований для разделения и даже для противопоставления цивилизаций и культур. Социокультурная фрагментация преимущественно на этнокультурной основе чаще всего стимулируется политическими элитами, заинтересованными в укреплении своих властных позиций и увеличении контроля над ресурсами.

Одним из основных акторов общественной дипломатии должен стать общественный сектор, который в период социально-политической нестабильности может не только взять на себя некоторые дипломатические функции государства, но и сохранить социально-исторический ландшафт российско-украинского приграничья.

Н. П. Сашенко
Москва

МЕДИАРЕСУРС В СИМВОЛИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ РОССИИ

Известно, что процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации, называется медиатизацией политики. Огромное влияние телевидения приводит к персонализации политического процесса, его эмоциональному, во многом иррациональному восприятию. Инициатива того или иного политического игрока, направленная на сосредоточение смысловых и информационных линий в «центре поля», может на время сделать его «хозяином» (ядром) информационной повестки дня. Тогда другие игроки и темы СМИ собираются в символическом поле вокруг него. Символическое поле понимается как совокупность переживаемых субъектом и воплощенных в архетипах образов, обуславливающих структуру и функционирование психических процессов человека, представленных в контексте реальных социально-экономических и политических отношений, существующих в обществе¹.

Поддерживая существующий в науке интересный дискурс о феномене власти, политическом господстве, предложенный П. Бурдьё, а именно — воспроизводство оппозиции «господство — подчинение» в обществе, раскрывая важный механизм политической власти и обозначая его «символическим насилием»², рассмотрим механизм легитимации власти в России, его ресурс и ограничения в медийном пространстве. Власть осуществляет «символическое насилие», навязывая свою систему значений, иерархию ценностей, которые приобретают естественный характер. С помощью «символического насилия» производится трансформация восприятия, кристаллизация отношений «господство — подчинение». Легитимность власти предполагает «незнание», бессознательное принятие людьми господствующих ценностей и установок. «Структурная мистификация» включает в себя механизмы мистификации, которые не осознаются самими субъектами.

¹ См.: Сашенко Н. П. Психологические особенности массового сознания избирателей // Телевидение в избирательных кампаниях. Студия «ВИКОН», 1996.

² Сашенко Н. П. Символическое насилие власти и трансформация политических предпочтений: Доклад на междунар. конференции «Информационные технологии в науке, социологии, телекоммуникации и бизнесе. IT+SE'06» // Приложение к журналу «Открытое образование». Ялта; Гурзуф, 2006.

Эта грань легитимации власти хорошо представлена в работах О. Ф. Шаброва и относится к оси «источники легитимности». По мнению автора, позиции власти устойчивы, когда она легитимна во всех этих трех компонентах (идеологической правовой, нравственной). Это — одна из сложностей легитимации власти в условиях всякой общественной трансформации. В условиях же кризиса, когда общество переходит из одного состояния в другое не плавно, а скачком и под впечатлением надвигающейся катастрофы, процесс отражения, формирования ценностей не поспевает за изменяющейся реальностью¹.

Целью нашей работы было: построить инструментальный интент-анализа медийных новостных материалов четырех ведущих российских каналов, показать с его помощью, какие приходят новые ценности, наслаиваясь на старые, какие вытесняются в неосознаваемое; а также увидеть зависимость легитимации или делегитимации власти в России от содержания, качества информации, способа подачи в СМИ².

В основу исследования была положена теоретическая модель легитимации власти по проф. О. Шаброву³. Оставив источники и зоны легитимности за пределами анализа, в авторскую экспериментальную модель были включены ее уровни. В модели выделены три уровня легитимности: идеологический, структурный, персональный, которые последовательно представлены на оси уровней Y и охарактеризованы операциональными понятиями анализа. Смысловые единицы возникли в результате теоретического анализа научной литературы, а также отбора наиболее часто представленных тем в дискурсе телеканалов. Также в инструментальный интент-анализа видеоматериалов вошли проблемное поле, масштаб проблем, партийный спектр, политические основания партийной идеологии, эмоциональный тон материалов. Содержание материалов по всем шкалам каждого из уровней проанализированы в пространстве интенциональной направленности.

Единицей счета явилась величина — длительность вещания по данной смысловой единице. В качестве материала для анализа были выбраны информационно-аналитические передачи четырех каналов: «Время» (ОРТ), «Вести недели» (Россия), «Постскриптум» (ТВЦ), «Сегодня» (НТВ). Пе-

¹ См. также: Шабров О. Ф. Пространство легитимности и специфика легитимации политической власти в России: Доклад на междунар. конференции «Информационные технологии в науке, социологии, телекоммуникации и бизнесе. IT+SE'06» // Приложение к журналу «Открытое образование». Ялта; Гурзуф, 2006.

² В тексте дается методологический ключ к исследованию электронных СМИ, проведенному в 2004–2006 гг. (Руководитель исследования доц. Н. П. Сашенко). Метод — интент-анализ, количество видеодокументов — 3500.

³ Шабров О. Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997.

риод анализа — второй выборный срок президента РФ: с января 2004 г. по август 2006 г.

Анализ простого линейного распределения смысловых единиц видеоматериалов показал различие в позициях каналов по освещению проблемного поля, персоны президента, вопросов государственного регулирования экономики, демократии и авторитаризма, диктатуры, тоталитаризма. Схожи позиции каналов по ряду базовых ценностей (патриотизм, интернационализм, духовные проблемы). Результаты кластерного анализа позволили сформулировать рабочую гипотезу о влиянии качества информации, ее статуса и способа подачи в СМИ на процесс легитимации власти, а точнее — на латентный характер ее делегитимации. Поэтому в интерпретации результатов имело смысл уйти от усредненных оценок и перейти к анализу смысловых единиц в рамках каждого канала.

С. А. Севастьянов
Уфа

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ПАРТИЙНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В результате структурной трансформации основ государственного и общественного устройства, произошедшей в России в начале 1990-х годов, в рамках новой политической системы возникли такие не существовавшие ранее явления, как многопартийность и усиление политической роли регионов.

Формировавшаяся в условиях политико-трансформационных процессов конца XX — начала XXI в. федеративную модель политических отношений в силу исторических и иных особенностей регионов России на разных этапах своего развития в той или иной степени можно рассматривать как асимметрично-договорную. Одним из характерных примеров партотенеза в рамках такой модели политических отношений по линии федеральный центр — субъект Российской Федерации может рассматриваться ситуация с процессом институционализации партийно-политического представительства в Республике Башкортостан.

Весь процесс партотенеза в рамках новейшей истории России можно разделить на несколько этапов, которые обусловлены изменениями, происходившими в общественно-политической, социально-экономической и нормативно-правовой сферах.

Первый этап (1985–1991 гг.) — советский или протопартийный. В рамках данного периода Башкирская АССР как составная часть политического пространства РСФСР была включена в начавшиеся общесоюзные трансформации. Однако повестка демократизации советского общества в БАССР дополнялась региональной тематикой, фактически определившей впоследствии все содержание преобразований в общественно-политической сфере региона. В республике активно обсуждались вопросы изучения родного языка, девальвации культурно-исторических традиций и ценностей коренного населения, снижения уровня материального благосостояния жителей Башкирии. Характерной особенностью данного этапа стало запаздывающее развитие партийной системы по отношению к изменению власти. Результатом этого процесса стало развитие тенденции концентрации властно-административных ресурсов в органах республиканских исполнительных власти.

Второй этап (1991–1999 гг.) — демократический федеративно-региональный. Доминирующим фактором политических процессов в регионе становятся законы и нормативно-правовые акты республиканского уровня. Влияние федеральных законов, а также федеральных партийно-властных структур на политическую жизнь в регионе в этот период минимально. При этом партии в регионе на данном этапе, будучи вытесненными региональными органами власти из политической жизни, не имели необходимых ресурсов и выступали маловлиятельными субъектами политического процесса.

Регионализация процессов партийного строительства, проходившая на территории республики, в этот период была обусловлена началом действия системы договорных отношений между РФ и РБ. Кроме того, федеральная исполнительная власть испытывала электоральную зависимость от руководства республики в случае, когда Москва нуждалась в обеспечении поддержки на выборах.

Третий этап (2000–2011 гг.) — федеративно-централизованный. На данном этапе происходит реформирование и встраивание всей системы партийно-политического представительства региона в единую федеральную модель. В регионах начинается процесс закрепления политической практики, «проектирования партотенеза» на основе краткосрочного прогнозирования политической ситуации исходя из необходимости участия федеральных политических партий в выборах различного уровня. В новой конфигурации региональные отделения политических партий по-прежнему не функционируют как самостоятельные субъекты, при этом они встраиваются в рамки обновленной властно-управленческой вертикали федерального законодательства — субъект РФ.

Подводя некоторые итоги, можно констатировать, что региональные процессы, являясь составной частью общенациональной трансформации, за два десятилетия совершили переход от общесоюзной административ-

но-командной партийно-государственной советской модели партийно-политического представительства через последующую демократизацию и регионализацию к современной общефедеральной модели, характеризующейся в отечественной политической науке такими категориями, как «вертикаль власти», «приоритет федерального законодательства», «управляемая демократия», «электоральный авторитаризм».

В качестве причин такого во многом циклического по своему характеру и содержанию политического транзита следует назвать отсутствие опыта многопартийности и демократических электоральных процедур, а также слабую институциональную составляющую гражданского участия жителей России в общественно-политической жизни государства.

Следует отметить, что на процессы институционализации партийно-политического представительства в Башкортостане воздействовали как внешние (федеральные), так и внутренние (республиканские) факторы. Находясь в русле общероссийских процессов, региональный партогенез при этом имел свои особенности, обусловленные исторически сложившимися особенностями и поведением республиканских политических элит, а также этнополитическим фактором.

А. В. Селезнева
Москва

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ: СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Состояние общества и динамика ценностных изменений могут быть определены разными терминами и описаны с точки зрения разных теоретико-методологических позиций. Попробуем разобраться в них, а также определить, что происходит с политическими ценностями сегодня.

Общеизвестно, что ценности, в том числе и политические, подвержены изменениям. Это процесс длительный и сложный, обусловленный психологическими особенностями политических ценностей как наиболее устойчивых компонентов политического сознания¹. При этом, как справедливо отмечает В. Г. Федотова, механизмы этого процесса «недостаточно изучены и не всегда одинаковы»².

¹ См.: Селезнева А. В. Политические представления и ценности россиян. М.: Издательство Московского университета, 2012.

² Федотова В. Г. Механизмы ценностных изменений общества // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 4 (65). С. 56.

Наиболее благоприятное состояние общества исследователи называют *консенсусом* или *конвенцией*¹. Базовым условием такого состояния является согласие в отношении политических ценностей. Ценностный консенсус или конвенция является важным способом интеграции и сплочения любого общества: «Для каждой формы общественного сознания важно в дискуссиях и диалогах обнаружить те ценности, вокруг которых общество может консолидироваться»².

Принципиально иное состояние общества исследователи именуют *ценностным расколом*. Фундаментальной теоретической базой для разработки проблемы ценностных расколов в науке является концепция социально-политических размежеваний С. Липсета и С. Роккана³. Российские ученые, применяющие в своих исследованиях эту концепцию, используют не только термин «размежевание», но и термин «раскол». В частности, под последним понимается «поляризация населения, связанная с расхождением во взглядах и проявляющаяся в форме политического противостояния»⁴.

Для анализа состояния общества ученые используют также термин *«аномия»*. Это понятие используется социологами, политологами и психологами для обозначения кризиса системы ценностей общества: «Аномия означает прежде всего то, что ценности, которые люди считали само собой разумеющимися, и воспроизводимый порядок вещей, достигнутый практически и поведенчески, разрушаются»⁵.

Для анализа состояния и динамики ценностных изменений современного общества мы использовали данные научно-исследовательского проекта «Политические ценности и их восприятие в современной России», который осуществлялся на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова в 2013–2015 гг.⁶ Мы не наблюдаем серьезных трансформаций ценностей массового сознания, которые могли бы свидетельствовать о глубоком кризисе в головах

¹ См., напр.: Wagner P. Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. L., 1994. P. 29–70; Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.

² Арутюнян К. С. Социальная интеграция как путь преодоления социального кризиса современности // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014. № 1. С. 114.

³ Lipset S. M., Rokkan S. Party systems and voter alignments. N.Y., 1967.

⁴ Данилов А. В. Влияние ценностных расколов на электоральное поведение. Автореф. дис. ... полит. наук. СПб., 2006. С. 8.

⁵ Федотова В. Г. Механизмы ценностных изменений общества // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 4 (65). С. 62.

⁶ См. подробнее: Политические ценности современного российского общества: проблемы и перспективы изучения // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 2; Селезнева А. В. Политические ценности в современном российском массовом сознании: психологический анализ // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2.

у людей. С точки зрения механизмов ценностных изменений пока все еще можно говорить о существовании консенсуса или баланса в отношении ключевых ценностных конструкторов на уровне российских граждан. Что же касается их содержания, то смысловое наполнение людьми важных для них ценностных понятий осуществляется на основе синтеза многочисленных, неструктурированных и порой противоречивых представлений о политике, политических процессах и событиях. Результаты нашего исследования позволили заключить, что ценностное состояние нашего общества можно характеризовать термином «аномия», рассматривая его как ценностную рассогласованность между разными уровнями существования политических ценностей: уровнем производителей ценностей и смыслов (политическими партиями, элитой в целом) и уровнем потребителей ценностно-идеологических продуктов (рядовыми гражданами). При этом на уровне массового сознания существует довольно устойчивый общий запрос на материалистические ценности: мир, законность, порядок и безопасность. В этой ситуации остается только надеяться, что аномичная рассогласованность не трансформируется в ценностный раскол или вакуум, а политические партии в новых условиях отреагируют на запросы людей и их политические программы примут соответствующий идеологический вид.

Е. С. Селиванова
Воронеж

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКТОРОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИОННЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (на примере Воронежской области)

Исследуя проблему коррупции как одного из важных элементов, мешающих проведению модернизации в России, российские исследователи систематизируют данное явление, выделяя коррупцию административную, политическую, выборную, бытовую и экономическую. Последнюю разновидность коррупции общепринято относить к одним из наиболее вредоносных ее проявлений. Так, российский исследователь Ю. А. Нисневич отмечает, что «для обозначения экономической коррупции, которая поражает верхний уровень системы государственной власти и управления,

используется понятие *state capture*¹, что в наиболее точном переводе на русский язык означает «скупка государства».

Проблема коррупции в той или иной степени пронизывает все уровни власти, включая федеральный, региональный и местный, подтверждением чему служат резонансные публикации расследований коррупционных преступлений, доклады общественных организаций, а также результаты социологических исследований, в том числе в российских регионах.

В Воронежской области, по данным социологического исследования², 41,1% опрошенных оценивают степень распространения коррупции в Воронежской области как «скорее высокую», а 10,6% — как «высокую». В последние два года в информационном пространстве региона достаточно часто появлялись публикации о расследованиях коррупционных преступлений в сфере ЖКХ (Коммунальная палата Воронежской области), дорожном строительстве и системе госзакупок.

Необходимо учитывать, что в противодействии коррупции важна не только работа правоохранительных органов, органов власти и управления, важное значение также имеет наличие системы и транзакций субъектов общественного контроля, поскольку «политические правила игры (т.е. институты, задающие эти правила) работают не по отдельности, а только в комбинации друг с другом и другими факторами — и только как система»³.

Эффективность регулярного системного взаимодействия акторов общественного контроля предопределяет формирование кластерного подхода в противодействии коррупционным проявлениям на региональном уровне. Понятие кластера достаточно активно используется в экономической науке, в том числе применительно к социально-экономическому развитию регионов, и понимается как «сконцентрированная на определенной территории группа взаимосвязанных организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества... кластера в целом»⁴.

¹ Нисневич Ю. А. Коррупция как фактор современной политики // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А. И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2012. С. 331.

² Опрос был проведен социологической службой АНО «Институт политического анализа и стратегий» 11–15 января 2015 г. Выборка репрезентативна для населения Воронежской области старше 18 лет по полу, возрасту, образованию, основному виду деятельности. Опрошено 1600 респондентов. Соцопрос осуществлялся методом телефонного интервью. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://goo.gl/OwYA6b>.

³ Региональные политические процессы: насколько «субъектны» субъекты РФ? Круглый стол журнала «Полис», ИС РАН и РАПН // Полис. 2013. № 1. С. 68.

⁴ Маркова Е. С. Классификация методов региональной кластеризации // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 9 (055). С. 72.

В Воронежской области оформились контуры кластера общественного контроля над коррупционными проявлениями органов власти и управления. Наиболее активными акторами данного кластера стали региональное отделение партии «Справедливая Россия», а также аффилированное с ним средство массовой информации «Блокнот-Воронеж». Серьезную роль в противодействии коррупции на региональном уровне играет реготделение непарламентской партии «Народ против коррупции». Важное значение имеют общественные организации (воронежская медиагруппа ОНФ) и общественные движения («Гражданский контроль»). Эффективными практиками общественного контроля в противодействии коррупционным проявлениям становятся и журналистские расследования независимых СМИ, опубликованные данные которых используются в том числе для инициации уголовных дел (по материалам расследования о схемах вывода капитала через «Воронежинвест» возбуждено уголовное дело в отношении экс-губернатора Воронежской области В. Кулакова).

Таким образом, кластерный подход предполагает взаимодополняющих участников общественного контроля, которыми могут быть парламентские и непарламентские партии, общественные организации — как институционализированные, так и неинституционализированные, СМИ, в первую очередь негосударственные, а также отдельные гражданские инициативы.

И. С. Семенов
Москва

ПРИРОДА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ И РЕСУРСЫ ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Волна конфликтности в современном мире нарастает в условиях разнонаправленных тенденций мирового развития — глобализации, регионализации, транснационализации конфликтов. Ключевой задачей политических исследований становится разработка модели прогнозирования возможных конфликтов на основе осмысления их сложной, многокомпонентной природы и выявления факторов, способных обеспечить их регулирование.

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта Российского научного фонда «Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)».

Сфера межнациональных отношений является в этом контексте наиболее уязвимой областью общественной жизни: политизация этничности под видом неразрешимого конфликта идентичностей становится мощным орудием реализации политических интересов. Предупреждение и прогнозирование конфликтов предполагает в том числе учет фактора инокультурной иммиграции, критическое осмысление опыта мультикультурализма в контексте проблем социальной безопасности и поддержания культурного разнообразия.

Очевидно, что постоянно воспроизводимым источником этносоциальной конфликтности являются противоречия между тенденцией социокультурной и ценностной унификации современных обществ и противоположной ей тенденцией утверждения культурного разнообразия, его закрепления во множественных идентичностях. Поэтому пресловутый «этнический парадокс» сегодня не представляется сколько-нибудь парадоксальным. Этническая идентичность — это способ интерпретации социальной реальности, обладающий высоким мобилизационным потенциалом.

Важным для понимания возможностей и оценки ресурсов регулирования межнациональных отношений является адекватное осмысление природы этничности и возникающих вокруг нее социальных размежеваний, противоречий и конфликтов. Природа конфликтности, которую в политическом и научном дискурсах принято характеризовать как «этническую» либо многокомпонентную с доминированием этнического компонента, в реальности представляет собой сложный, многомерный феномен, включающий социально-экономические, идеологические, дискурсивные и политико-психологические составляющие в их системном взаимодействии.

Межнациональные отношения как продукт и одновременно процесс взаимодействия разнообразных идентичностей и институтов оказываются зоной растущей неопределенности и повышения рисков общественного развития. Эта неопределенность ставит вопрос о природе современной нации и опорах национальной государственности. И в странах западной демократии, и в незападных странах нарастают тенденции децентрализации и федерализации (Канада, Великобритания, Бельгия, Испания, Бразилия, Малайзия и др.); процессы формирования новых макро- и микро-региональных политических пространств отмечены поисками новых форм взаимодействия Центра и регионов, зачастую остроконфликтных, вплоть до требований государственной независимости. Сам рост регионализма имеет и деструктивные, и конструктивные альтернативы. Как показал опыт шотландского референдума 2014 г., *рост национального самосознания в условиях развитых институтов гражданского общества и социального государства становится стимулом политико-институциональных инноваций.*

Нынешние трансформации приводят к утверждению понимания нации как политико-гражданской общности — конституирующего прин-

ципа современного нациестроительства. Процессы нациестроительства или, точнее, поддержания общего социально-политического пространства взаимодействия граждан для обеспечения развития сообщества, членами которого они являются, являются основанием укрепления государственности и национального суверенитета. В центре этих процессов находится *формирование гражданской идентичности*, способной обеспечивать и поддерживать сообщество граждан и горизонтальные связи между людьми на основе согражданственности и обеспечения доступа к социальным благам, поддерживающим приемлемое качество жизни.

Синергетические эффекты взаимодействия в условиях многонационального государства различных составляющих политики идентичности — социально-экономической, символической, исторической, культурной, языковой — будут в обозримом будущем определять социальный климат в национальных сообществах. Рассредоточение функций управления публичной сферой может идти путем передачи полномочий в деле организации социального общежития на уровень местных сообществ и структур гражданской самоорганизации (*community empowerment*) и через создание условий для вовлечения граждан (*individual empowerment*). Общественный запрос на более эффективное управление в условиях нарастания кризисных явлений в функционировании представительных институтов реализуется и через «вертикальную» децентрализацию самих институтов, и путем «горизонтальной» деволюции, передачи полномочий социального регулирования гражданским организациям и сообществам, которые объединены общими ценностными ориентирами и интересами.

С. А. Сергеев, А. В. Кузнецова
Казань

НАЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ: СЛОЖНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ¹

Под национализмом сегодня чаще всего понимается комплекс идеологических представлений и политических практик, в котором центральное место занимают интересы нации² (политической либо этнической). И хотя литература по национализму в настоящее время пред-

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-03-00223 «Роль национализма в революционном процессе (сравнительный анализ)».

² См.: Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: РГГУ, 1999. С. 10; Сидорина Т. Ю., Поляников Т. Л. Национализм: теории и политическая история. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 35.

ставляется труднообозримой, исследователи национализма уделяли маргинальное внимание столь важному аспекту, как взаимосвязь генезиса и развития националистических движений и идеологий, с одной стороны, и революционного процесса — с другой. Так, Э. Кедури в лекциях по национализму, изданных в 1960 г., подошел к мысли о тесной взаимосвязи национализма и революции¹, но развивать ее не стал. Некоторые из исследователей национализма, полагавшие, что феномены нации и национализма имеют относительно недавнее происхождение (XVII—XVIII вв.), высказывались относительно взаимосвязи национализма и революции более определенно. В частности, Х. Кон, а впоследствии и Э. Хобсбаум отмечали, что революционное движение в Европе в XIX в. было практической реализацией идеологии национализма². Применительно к более позднему периоду, к XX в., эта идея ими, однако, не развивалась. О тесной взаимосвязи либерализма как освободительного движения и национализма писал Р. Дарендорф в своей последней работе³.

По различным причинам эти плодотворные идеи не получили развития. Между тем связь национализма и революции прослеживается не только на протяжении XVIII—XIX вв. В XX в. она также нашла отражение в идеологии и практике ряда национально-освободительных движений. В качестве таковых следует отметить, в частности, Ирландскую республиканскую армию (ИРА) в Ирландии, революционное движение в ходе гражданской войны 1927—1949 гг. в Китае, национально-освободительные войны в странах Азии, Африки и Латинской Америки (Алжир, Мексика и т.д.). Однако сочетание национализма и революции является далеко не однозначным и не повсеместным.

Наряду с левым революционным национализмом возникает его зеркальный двойник — охранительный национализм, а в XIX в. национализм и революция претерпевают «развод», так как значительная часть революционного движения заявила о своем интернационализме. И если представить революционный национализм конца XVIII — XIX в. (от Ж.-Ж. Руссо до Дж. Мадзини) как тезис, то охранительный национализм — это антитезис.

В XX в. попытки синтеза национализма и революционности предпринимались различными идеологами и политиками и с различных позиций. Одним из вариантов синтеза было течение «консервативной революции», или «революции справа» в Германии 1920—1930-х годов. Хотя «консервативные революционеры» (А. Меллер ван ден Брук, Х. Фрайер, Э. Юнгер) не сливались с нацистами, но они, как считается, «расчистили дорогу на-

¹ Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. С. 23—24.

² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. С. 32—36.

³ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 46.

цизму» в духовно-политической сфере¹. Другой вариант синтеза национализма и революции был реализован рядом национально-освободительных движений XX в.: от «Тупамарос» в Латинской Америке до «китаизированного марксизма» Мао Цзэдуна.

Данная научная проблема актуальна и для современной России, так как практически все основные акторы политического поля, в том числе «ультралевые» и «ультраправые», призывающие к смене государственного строя, активно используют националистическую риторику в борьбе с идеологическими конкурентами. Нетрудно обнаружить и «охранительный консерватизм», и синтез национализма и большевизма в духе «консервативной революции», и даже кажущиеся совсем невероятными — но тем не менее существующие — попытки синтеза национализма и анархизма. Осмысление взаимосвязи национализма и революции, в том числе и на материалах мирового опыта, позволит не только заполнить определенную исследовательскую лауну, но и приблизиться к выработке практических рекомендаций по минимизации негативных последствий использования, порой неосознанного, националистических идеологий российскими общественными силами и органами государственной власти.

О. А. Сиденко
Воронеж

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ

Категория «технология» используется практически во всех сферах жизнедеятельности общества и имеет диапазон значений от конкретного алгоритма деятельности, обеспечивающего многократное получение заданного конечного результата, до новой дисциплины, базирующейся на философии техники. В рамках широких трактовок рассматриваются: совокупность необходимых для разработки и воспроизведения технологии знаний, умений и навыков, материально-технических, иных средств; инженерных практик и социальных конвенций; включение технического персонала и процессов в крупномасштабные системы и институты. Результатом накопления технологической деятельности, таким образом, выступает не только порядок вещей, но и качество социальной жизни.

Очевидно, что такие характеристики современных технологий, как сложность, комплексность, воздействие на различные стороны формиро-

¹ Филиппов А. Ф. Ханс Фрайер: социология радикального консерватизма / Фрайер Х. Революция справа. М.: Праксис, 2009. С. 103.

вания и функционирования социальных систем, неизбежно порождают их политическое и правовое измерение. Оно прежде всего связано с расширением в общественном сознании границ возможного и допустимого, ресурсным обеспечением, регламентацией, продвижением и обеспечением функционирования технологических цепочек. Наряду с уровнем развития науки, техники, инфраструктуры, финансовыми и организационными ресурсами существенными факторами являются: стратегическое видение перспектив развития социума, качество и плотность правового поля и различные социальные табу, преодолеваемые посредством коммуникативных технологий. Именно в поле политики создаются и поддерживаются социальные конвенции, определяющие использование и распространение различных технологий. Особую значимость это приобретает в контексте так называемых *the next big things*¹.

Тесная и весьма противоречивая связь политики и технологизированного мира вещей рассматривается в работе британского исследователя Э. Барри «Политические машины. Управление в технологическом обществе». С одной стороны, техника и технология открывают новые стороны и пространства политики. С другой — механизмы и устройства создают серьезные ограничения и привносят в политическую повестку дня свою специфическую лепту. Технологические комплексы, требуя соответствующей организации социального пространства (технологическая зона)², фактически превращают политику в вид технократического политического администрирования. При этом технозоны отличаются трансграничностью, способностью формировать гибридные миры, со временем обретающие ригидность. Э. Барри считает, что такие образования практически повсеместны, но мы ввиду отсутствия специальных знаний часто даже не подозреваем об их существовании, не видим границ и пространственных контуров того, что включено или исключено из того или иного гибридного мира. Они функционируют как своего рода острова, и плавность коммуникации, ресурсного обмена между ними способна обеспечить только политика. Показательно, что если в традиционном понимании сфера управления рассматривалась в терминах связи между нацией и национальной территорией, то в современных условиях она все больше предстает в качестве практик, ориентированных на определение, поддержание и реконструкцию технологических миров.

Масштаб и глубина вовлеченности политических акторов зависят как от характера технологии, так и от фазы ее жизненного цикла. В частности, когда технология превращается в элемент «порядка вещей», она может

¹ Технологии в политике, государственном и муниципальном управлении: Учебное пособие / Под ред. О. А. Сиденко. Воронеж, 2014. С. 5–21.

² Barry A. Political Machines. Governing a Technological Society. L., 2001. P. 37–61.

появиться в политической повестке дня только в контексте «политики ремонта и поддержания»¹.

Ключевые проблемные зоны, связанные с технологиями, можно обозначить следующим образом: негативные социальные и экологические последствия, «деполитизация» государственной политики, сетевизация связей и отношений, конфликт укладов и технозон. Существенная проблема также заключается в том, что технологические зоны не производят самоподдерживающихся социетальных скреп. Логика их формирования и функционирования значительно отличается от присущей национальным политиям, что создает значительное напряжение в политической системе и приводит к фрагментации социального пространства.

Совершенно справедливо Э. Барри полагает, что назрела необходимость проведения исследований, направленных на выявление реальных механизмов практик, осуществления анализа за рамками привычного институционального дискурса и традиционной политической теории. Предлагается также пересмотреть место и роль технологий в системе политологического знания².

В. В. Сидоров
Казань

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПАРТИЙНЫХ КОАЛИЦИЙ

В парламентах демократий одна партия чрезвычайно редко может рассчитывать на полный контроль над правительством. В таком случае для партий коалиции являются единственным способом поучаствовать в осуществлении исполнительной власти. В свою очередь парламентские выборы — это центральное событие в политическом процессе парламентских демократий, так как парламент является центральным политическим институтом, формирующим правительство. Именно выборы определяют силу партий на определенный электоральный цикл. Перед политической партией в этом свете стоит выбор: она может войти в предвыборную коалицию с другой партией или партиями, участвовать в кампании самостоятельно и попытаться войти в формирующуюся правящую коалицию после

¹ *Graham S., Thrift N.* Out of Order: Understanding Repair and Maintenance // *Theory, Culture and Society*. 2007. Vol. 24. № 3. P. 1–25.

² *Сиденко О. А.* Технологии в политике и управлении: к вопросу о пересмотре их места и роли в системе политологического знания // *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. 2014. № 4. С. 111–114.

нее. Предвыборная коалиция — это объединение партий, которые официально объявили о намерениях совместно править в случае удачного результата на выборах или участвуют на выборах под единым именем, оставаясь организационно независимыми. Важнейшим признаком предвыборной коалиции в парламентских системах является то, что партии — участницы такой коалиции принимают участие в выборах уже не в качестве независимых партий, а в составе объединения, предполагающего координацию действий на выборах. Однако это не означает, что партии полностью теряют самостоятельность. В демократическом государстве выход из коалиции, безусловно, является правом любой партии.

Можно выделить три типа предвыборных коалиций в зависимости от уровня электоральной координации и степени интеграции в коалицию. Наиболее простая предвыборная коалиция заключается в публичном объявлении о намерении править совместно при удачном исходе голосования для партий-партнеров. Следующая по степени взаимодействия коалиция предполагает специальные инструкции по голосованию в различных округах. Такой способ координации используется в смешанных избирательных системах, где партии выбирают оптимальную стратегию в зависимости от силы партий, особенности избирательной системы и предпочтений электората. Наиболее сильная координация и взаимодействие партий ведет к выдвижению единого списка кандидатов от коалиции в пропорциональной системе и выдвижению единых кандидатов в одномандатных округах.

В России формирование предвыборных коалиций запрещено действующим законодательством. В парламентских выборах могут участвовать только политические партии, участие в выборах объединений партий — исключается. Таким образом, создание предвыборных коалиций максимально усложняется, так как партия лишь в крайнем случае согласится полностью потерять свою самостоятельность.

Наиболее важным фактором, влияющим на преимущества формирования предвыборных коалиций, является тип избирательной системы государства. Диспропорциональная избирательная система обеспечивает электоральное преимущество крупным партиям или коалициям партий через особенности перевода голосов избирателей в парламентские мандаты. Практически все избирательные системы в мире являются в той или иной степени диспропорциональными как минимум из-за существования избирательного барьера в пропорциональных системах. Учитывая это, предвыборные коалиции могут обеспечивать преимущества партиям, в конечном счете выражающиеся в получении дополнительных парламентских мандатов.

Основной тезис, встречающийся в политологической литературе, посвященной партиям и коалициям, заключается в том, что диспропорциональные избирательные системы стимулируют партии формировать

предвыборные коалиции. Так, К. Стром, Я. Бадж и М. Лэвер писали, что «системы, не основанные на пропорциональном представительстве по спискам, заставляют партии создавать коалиции перед выборами. Чем более диспропорциональна избирательная система, тем сильнее стимулы к созданию предвыборных коалиций»¹. Говоря другими словами, избирательная система, которая дает преимущества крупным партиям, одновременно стимулирует формирование предвыборных коалиций.

Переход к смешанной избирательной системе в России, на наш взгляд, усилит стимулы к формированию предвыборных коалиций в российской партийной системе. Логика формирования предвыборных партийных коалиций позволяет говорить о том, что увеличение степени координации оппозиционных партий приведет к согласованному выдвижению единых оппозиционных кандидатов в одномандатных округах на выборах в Государственную думу РФ. Если оппозиционные партийные лидеры посчитают, что на выборах их партия получит больше выгоды от участия в предвыборной коалиции, то они будут стараться вступить в такую коалицию. Если же лидеры уверены в своей партии и рассчитывают получить высокие результаты на выборах, то они будут участвовать в выборах вне коалиций. Оппозиционные партии не захотят терять свою самостоятельность в участии в партийных списках, а для выдвижения совместного списка ни правые, ни левые оппозиционные партии в России не готовы. Однако координация усилий по выдвижению одного кандидата в одномандатных округах выглядит вполне реальной.

О. С. Скороходова
Саратов

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ГОРОДСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Политический статус российского города в большей степени определяется его статусом как муниципального образования. Таким образом, полномочия, права, возможности города как субъекта политики формируются в зависимости от формально-институциональной и реальной практики отношений в системе местного самоуправления, а также взаимодействия с вышестоящими уровнями власти.

¹ Strom K., Budge I., Laver M. Constraints on Cabinet Formation in Parliamentary Democracies // American Journal of Political Science. 1994. Vol. 38. No 2. P. 303–335.

Вариант организации власти в административных центрах регионального уровня представляет отдельный исследовательский интерес, так как городская политическая элита (акторы второго порядка), во-первых, традиционно воспринимается как потенциальный «инкубатор» формирования элиты региональной (акторы первого порядка), во-вторых, имеет практически неограниченные возможности использования многообразия городских ресурсов (бюджетных, административных, информационных), включая воздействие на сознание большей части электората региона.

В Саратове в 2005 г. по ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» была введена смешанная модель местного самоуправления, по которой мэр является лидером представительного местного самоуправления, а глава администрации — наемным руководителем, утвержденным конкурсной комиссией, которая на две трети сформирована из представителей городской думы и на одну треть — из представителей областной думы. На практике модель продемонстрировала свою «проблемность» и зависимость от практики неформальных отношений. С методологической точки зрения проявление этой особенности отчасти объясняется теорией городских политических режимов, отчасти — практикой вхождения в местные системы управления представителей бизнеса, чьи экономические интересы успешнее реализуются с использованием административных рычагов¹. На практике ключевое значение имеет наличие/отсутствие коалиции между доминирующими акторами муниципального уровня, их принадлежность к определенным политическим лагерям, в том числе и по партийной линии².

16 апреля 2015 г. Саратовская областная дума одобрила поправки в ЗСО «О порядке избрания глав муниципальных образований в Саратовской области», связанные с изменениями федерального законодательства. Закреплен порядок избрания главы муниципального образования представительным органом власти из своего состава. Поэтому с формально-правовой позиции модель организации власти в Саратове остается прежней. Интересные с исследовательской точки зрения последствия может вызвать изменение соотношения голосов в конкурсной комиссии по выдвижению сити-менеджера, как главного городского управленца, в пользу представителей региона.

С одной стороны, муниципальная власть Саратовской области на городском уровне в большей степени стремится существовать независимо от воли принципала в лице региональной власти, что подтверждается достаточным количеством конфликтных прецедентов по линии «губернатор —

¹ См.: Ледяев В. Г. Социология власти: теория городских политических режимов // Социологический журнал. 2006. № 3–4.

² См.: Скороходова О. С. Политический режим Саратовской области: определение «извне» // Политическая наука. 2011. № 4.

мэр», «федеральный уровень власти — мэры», которые сопровождалась в том числе случаями уголовного преследования¹. С другой стороны, в существующих условиях городской власти выгоднее придерживаться стратегии компромисса с действующей региональной властью, прежде всего по линии «Единой России». Ключевым моментом, от которого зависит городская «автономия», по-прежнему остается принятие муниципального бюджета региональным парламентом. Единственной возможностью повлиять на улучшение ситуации по этому вопросу является развитие практики лоббирования интересов административного центра в Саратовской областной думе.

Открываются новые перспективы для муниципальной «инженерии», оценка которых позволит сделать начальные выводы о продуктивности нового цикла трансформации системы местного самоуправления в современной России как с формально-институциональной, так и с точки зрения развития практики неформальных связей и отношений в этой сфере².

В. Г. Скочилова
Томск

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО «КОНТЕКСТА» НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ ТОМСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ³

В фокусе нашего внимания оказался метод исследования жизненных переживаний социализирующегося агента, погруженного в определенный «контекст», позволяющий понять, как человек переживает политический мир, как видит себя в нем, в том числе и в региональном измерении. Познание смысловых доминант студента в политической сфере было осуществлено с помощью феноменологической методологии. Наиболее релевантным целям и задачам исследовательского проекта оказался феноменологический опрос, предполагающий письменное изложение оценок, переживаний и отношений к поставленным проблемным вопросам и ситуациям. В опросе приняли участие более 120 респондентов — студентов гуманитарных специальностей НИ ТГУ и ТУСУР.

¹ Гельман В. Я. Реформа власти в городах России: мэры, сити-менеджеры и местная демократия // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6. С. 143–152.

² Чаннов С. Е. Местное самоуправление: 2014 год — реформа четвертая? // Актуальные вопросы публичного права. 2014. № 3 (27). С. 114–127.

³ Выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-13-70001 «Исследование влияния культурно-символического «контекста» на политическую социализацию российской молодежи: теоретико-экспериментальный аспект».

В опросный лист были включены: 1) вопросы, связанные с общим переживанием политики как сферы взаимодействия людей, реализации и формирования культурно-символического опыта; 2) вопросы, связанные с переживанием актуальной политики, позволяющие выявить устойчивые представления и стереотипы о текущих российских политических процессах, и смысловые доминанты (ценностно-символические, образные конструкции), влияющие на процессы политической социализации студенческой молодежи.

Анализ результатов исследования демонстрирует, что представления о власти, характерные для российской политико-культурной традиции как о мощной, сильной, управляющей руке, дополняются между тем представлениями о власти как об обезличенном «механизме» управления и контроля над обществом и людьми. Характерным также является двойное представление о формах отправления власти: в ответах респондентов отмечаются образы верховной единоличной власти, подавляющей людей и одновременно с этим заботящейся о народе, но существенное большинство ответов изображает коллективное начало власти — это закрытая группа, управляющая людьми и процессами, причем часто в собственных интересах. Современная власть в представлениях опрошиваемой части томского студенчества является скорее ресурсом материальных благ, тогда как символическая составляющая власти, как, например, престиж и статус, подчеркивается респондентами в меньшей степени. Тем не менее в описании власти респонденты отталкиваются от идеального представления об ее демократических основах и вместе с тем социальной ориентированности.

Представления о российской власти носят более однозначный характер. В большинстве случаев это персонализированная власть (Путин и Медведев), но и коллективная составляющая власти имеет конкретное образное выражение: «Единая Россия», Правительство, Государственная дума и пр. Реже российская власть в представлениях респондентов носит неопределенный, обезличенный характер, но тем не менее признаются ее сила и авторитет.

Вопросы о региональной власти и региональной идентичности вызвали наибольшее количество затруднений у респондентов. Символическая составляющая региональной власти напрямую связана с центральной властью, тем самым опрошиваемые представляют абсолютную зависимость региональных властей от федерального центра. Что характерно, региональная власть носит абстрактный характер и в представлениях опрошиваемых «не существует». Респонденты не ощущают какого-либо влияния на их жизнь со стороны региональных властей, что, на наш взгляд, также обуславливается традиционными «центростремительными» конструкциями отечественной ментальности, нивелирующими региональный аспект в сознании томских студентов.

Немалое количество респондентов уверены в своей способности повлиять на власть через установленные законом формы выражения политической

воли и осознают, что политические решения влияют на их повседневную жизнь. При этом студенческая молодежь не всегда связывает текущую политику с решениями и действиями российских федеральных и региональных властей. В целом хотелось бы отметить эклектичный характер представлений студенческой молодежи г. Томска о политике и политических процессах и вместе с тем устойчивый традиционалистский образ власти.

Особый интерес представляет феномен «ностальгии по советскому», также характерный для студенческой молодежи г. Томска. Можно предположить, что это конструкт индивидуально-коллективной памяти, выполняющий компенсирующую функцию по поддержанию и конструированию политической и культурной идентичностей. Ностальгия не является отражением политических пристрастий, однако она имеет вполне конкретное политико-идеологическое измерение. Активно культивирующееся в современной России мифическое и культурное наследие советской эпохи выступает как эмоциональный фактор, стимулирующий патриотические чувства, но между тем, с нашей точки зрения, оказывает опосредованное влияние на восприятие современной власти и политического пространства респондентами. Изменение конкретного содержания советских символов и контекста символизации влечет мифологизацию прошлого в сознании студенческой молодежи, но в самом широком понимании эти символы не реализуют свою основную функцию — способность выразить власть, неся в целом мировоззренческую функцию. Советские образы компенсируют потребность в целостных политико-мировоззренческих конструкциях в условиях фрагментарности символического пространства политики России и упорядочивают хаотические тенденции современности, определяя проекции социально-политического взросления, наличие которых составляет условие социализации в целом.

В. Б. Слатинов
Курск

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТАМИ В ХОДЕ НОВОГО ЭТАПА РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: УСЛОВИЯ, ФАКТОРЫ, ЭФФЕКТЫ

Новый раунд обширных изменений в институциональной организации Российского местного самоуправления, стартовавший в 2013 г., стал логическим продолжением перестройки системы управления страной, начавшейся с избранием В. Путина на третий президентский срок. Муници-

пальная реформа вписана в новую стратегию федерального Центра по отношению к региональным властям. Она сочетает усиление политического контроля над губернаторским корпусом и региональными элитами с частичной децентрализацией федеральных полномочий и попыткой укрепления легитимности руководителей субъектов РФ (через возвращение их прямой выборности, правда, с многочисленными «фильтрами»). Важным элементом этой стратегии стало существенное расширение полномочий региональных органов власти в отношении местного самоуправления. Речь идет об усилении прав субъектов РФ по модерации порядка формирования и характера ресурсного обеспечения муниципальных образований. Одновременно широко декларируется необходимость «приближения местного самоуправления к населению», что в сложившихся политических условиях и при наличии жестких ресурсных ограничений означает сокращение полномочий и обязательств муниципалитетов, а также структурную реорганизацию местной власти.

Пакет поправок в 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», принятых весной 2014 г., решает указанные задачи. Фактически региональным властям передано право самостоятельно формировать институциональный дизайн и определять объемы полномочий органов местного самоуправления в рамках набора вариантов, установленных федеральным законодателем. Законами субъектов РФ могут перераспределяться полномочия между региональным и местным уровнями публичной власти (при этом определен объем неотчуждаемых полномочий муниципалитетов), а также переформатироваться территориальная организация в городских округах. Региональными законами должен устанавливаться порядок формирования органов власти в муниципальных образованиях (до 2014 г. это делали сами муниципалитеты). В последнем случае речь идет о статусе главы муниципального образования и главы администрации, порядке их наделения полномочиями, а также характере формирования представительных органов муниципалитетов.

До конца 2014 г. региональные представительные органы в целом завершили принятие законов, регламентирующих организацию и порядок наделения полномочиями органов и должностных лиц местного самоуправления на своих территориях. Доминирующим трендом стало существенное расширение практики использования модели с главой муниципалитета, избираемого из состава депутатов и главой администрации, нанимаемого по контракту (модель сити-менеджера), причем эта модель широко распространилась не только на региональные столицы, но и на муниципальные районы, городские округа и городские поселения.

Разброс институциональных решений в рамках нового этапа реформы обусловлен спецификой региональных режимов и мотивацией доминирующих акторов. Резкое расширение практики использования модели

с сити-менеджером создает не только преимущества «вертикализации» системы управления, но и риски, связанные с «раздвоенностью» муниципального управления (наличие двух глав — муниципалитета и администрации). Речь идет о размывании ответственности между должностными лицами муниципалитета в «двуглавой» конструкции и потенциальной конфликтности данной модели. Федеральный центр в рамках логики централизации и управленческой консолидации оперативно отреагировал на этот вызов — в феврале 2015 г. поправками в 131-ФЗ добавлены еще две модели организации муниципальной власти. Глава муниципалитета теперь может быть избран из состава депутатов представительного органа и одновременно занять должность главы администрации (при этом он снимает с себя полномочия депутата). Вводится также возможность избрания главы муниципалитета, исполняющего полномочия главы администрации представительным органом на конкурсной основе — условия конкурса почти такие же, — как в модели с сити-менеджером, но в новой модели статусы главы администрации и муниципального образования консолидируются. В настоящий момент модель, в которой глава муниципалитета и администрации избирается после конкурсных процедур, получает широкое распространение в различных регионах страны, сочетая возвращение к «единоначалию» и управленческую консолидацию с безопасной для региональных властей (без прямых выборов населением) процедурой наделения полномочиями. При этом указанный вариант обладает явным дефицитом легитимности, а также способствует дальнейшему отчуждению населения муниципалитетов от процессов формирования и функционирования местной власти. Последовательно интегрируясь в «вертикаль» в качестве агента государственной власти в условиях нарастающей апатии местного сообщества, российское местное самоуправление попадает в институциональную ловушку кадровой и ресурсной зависимости от региональных властей.

В. С. Слобожникова
Саратов

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПАРТИЙНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (С 2012 Г.)

С 1991 г. партийное строительство в нашей стране прошло сложный путь, основные тренды которого определялись различными факторами, как объективными, так и субъективными, в том числе и религиозным во всем многообразии его проявления. Важность религиозного фактора

в общественно-политической жизни современной России очевидна¹, но его реализация в партийной деятельности прошла путь от полной свободы до введения законодательных ограничений. С точки зрения влияния религиозного фактора можно выделить несколько периодов в истории партийного строительства современной России: 1. 1990-е годы — период отсутствия ограничений на использование религиозности в партийном строительстве. 2. Первое десятилетие XXI в. — партийное строительство проходило в условиях строгого соблюдения светскости государства²; 3. С 2012 г. — период преодоления «примитивной светскости»³. Именно о последнем периоде и пойдет речь.

Отсчет нового периода нами ведется с 2012 г. по ряду причин: 1. В названный год были внесены изменения в закон «О политических партиях», которые упростили процедуру регистрации. Стимулирование участия граждан в политической жизни страны привело к интенсивному партстроительству, о чем красноречиво свидетельствует создание за небольшой срок более чем 60 политических партий. 2. Одной из важнейших основ в изменении роли религиозного фактора в партийном строительстве стало заявление В. В. Путина о необходимости для современной России собственной, отличной от строго либеральной модели светскости⁴.

Программы вновь образовавшихся политических партий, как официальные документы, необходимые для регистрации Министерством юстиции, позволяют выявить допустимость использования религиозности в официальном поле современного партийного строительства. Немногим более 40% политических партий не посчитали необходимым каким-либо образом зафиксировать свое отношение к религиозности в современной России. Изучение программ политических партий показало, что отсутствует зависимость между идеологией, степенью критичности оценки ситуации в стране и учетом наличия религиозности. Вообще не упоминается о религиозности в программах политических партий, которые мы условно определили бы как «конкретно ориентированные». Отсутствует даже упоминание о религиозности и в программах глубоко социально ориентированных, оппозиционных партий.

¹ См., напр.: *Логонов А. В.* Власть и вера. М., 2005; Религиозность современной России в этнополитическом измерении // Современная российская регионалистика и этнополитика сквозь призму понятий. Саратов, 2013. С. 149–229.

² См.: Статья 9. Ограничения на создание и деятельность политических партий // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. Вып. № 29. Ст. 2950.

³ См. подробнее: ФЗ № 28 «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» от 2 апреля 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/04/04/partii-dok.html>.

⁴ См. подробнее: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/02/08/putin-site.html>.

Все зарегистрированные политические партии берут на себя обязательство действовать в конституционном правовом поле современной Российской Федерации. Согласно ст. 14, п. 1 Конституции «Российская Федерация — это светское государство», т.е. светскость в Основном законе фиксируется как базовое положение современной российской государственности¹. Однако только 3 партии (ЛДПР, «Гражданская платформа», «Гражданская сила») особо акцентируют внимание на светскости современной российской государственности. Многие партии религиозное многообразие российского народа расценивают как ценность современной России.

Некоторые политические партии демонстрируют важность религиозных ценностей для своей идеологии, рассматривая их в контексте приверженности не столько современным демократическим правам и свободам, сколько традиции прежде всего в укреплении духовно-нравственного состояния народа, основой которого видятся прежде всего традиционные конфессии. Многие партии, особенно оппозиционные, обеспокоены современным состоянием культуры в целом и духовности и нравственности как ее проявлениями. Следствием актуализации в программах политических партий проблемы «русский—русский» стало выделение среди традиционных конфессий православия, что наиболее ярко просматривается в программе «Российского общенародного союза». Кроме укрепления нравственности в обществе, политические партии учет религиозности считают важной составляющей национальной и миграционной политики. Особое значение религиозности рядом партий подчеркивается при характеристике международной ситуации и задач внешней политики (ЛДПР, «Защитники Отечества», «Демократический выбор», «Партия духовного преобразования России», «Российский общенародный союз»).

В силу значимости религиозных организаций политические партии рассматривают их и верующих в качестве союзников для достижения объявляемых целей и заявляют о намерении с ними сотрудничать (см., например: КПРФ, «Партия за справедливость», «Аграрная партия России», «Партия возрождения села», «Зеленые», «Объединенная аграрно-промышленная партия России»).

Принципиально новым в программах образовавшихся политических партий в период преодоления «примитивной светскости» стало использование религиозной лексики. Самым ярким примером является «Народная партия “За женщин”».

Таким образом, современные политические партии активно осваивают религиозность, что происходит в русле современного религиозного состояния общества.

ВОСПРИЯТИЕ «ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ УГРОЗЫ» ПРЕЗИДЕНТАМИ США ДЖ. У. БУШЕМ И Б. ОБАМОЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Проблема ядерной программы Ирана приобрела новое звучание в свете достигнутого в апреле 2015 г. соглашения между Тегераном и «шестеркой» мировых посредников (Великобритания, Германия, Китай, США, Россия, Франция). Оно предполагает, что Иран ограничит программу по обогащению урана сроком на 25 лет и обеспечит доступ к ядерным объектам экспертам МАГАТЭ в обмен на снятие введенных против него санкций. Ожидается, что договоренности вступят в силу после подписания в июне 2015 г. итогового документа по иранской ядерной программе.

Работа над соглашением примечательна не только тем, что позволила приблизиться к решению одной из сложных проблем современной мировой политики. Она отмечена возобновлением прерванных в 1979 г. контактов представителей политического руководства США и Ирана. В связи с этим можно предположить, что подписанное соглашение сопровождалось изменениями в восприятии США угроз, исходящих от Ирана. При этом интерес представляет сравнение новой ситуации с тем периодом, когда действия Ирана категоризовались политическим руководством США в качестве угрозы. Наиболее информативными для сравнительного анализа представляются периоды 2003–2006 и 2013–2014 гг.

Выбор первого периода обусловлен тем, что именно в указанные годы проходило конструирование ситуации вокруг ядерной программы Ирана как представляющей угрозу. В Стратегии национальной безопасности США 2006 г. в разделе, описывающем основные вызовы, первым упоминается Иран, нарушивший свои обязательства, предусмотренные Договором о нераспространении ядерного оружия, и отказавшийся предоставить гарантии мирной направленности своей ядерной программы. При этом для категоризации Ирана использовалось понятие «врага свободы, справедливости и мира»¹. Иначе говоря, действия Ирана рассматривались не только с точки зрения угроз физической, но и онтологической безопасности. Он воспринимался как государство, которое поставило под

¹ Конституция Российской Федерации. М., 2002. С. 6–7.

¹ The National Security Strategy of the United States. 2006. P. 12. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006>.

сомнение ценности, составляющие основу американской национальной идентичности.

Период 2013–2014 гг. отмечен очевидным прогрессом в разрешении иранской проблемы. В ноябре 2013 г. наметилось сближение сторон, которое привело к подписанию соглашения, предусматривающего, что Иран прекратит деятельность в рамках своей ядерной программы в обмен на ослабление направленных против него санкций. Можно предположить, что этот период сопровождался изменениями в восприятии угрозы.

Проанализируем динамику восприятия угрозы, связанной с ядерной программой Ирана, президентами США Дж. У. Бушем и О. Обамой в 2003–2006 и 2013–2014 гг. В качестве теоретической основы исследования выступает концепция формирования образа государства в ситуации внешней угрозы.

Сопоставление механизмов, лежащих в основе формирования президентами Дж. У. Бушем и Б. Обамой образов США и Ирана, позволяет зафиксировать динамику в восприятии угрозы. В то время как интерпретация международной ситуации Дж. У. Буша в 2003–2006 гг. отражает конструирование угрозы, исходящей от Ирана, «картина мира» Б. Обамы более сложная.

В частности, несмотря на использование Б. Обамой атрибутивных и рефлексивных суждений, которые подтверждают существование у Ирана враждебных намерений, действующий президент США избегает прямых противопоставлений ценностей двух стран. Кроме того, важно подчеркнуть, что, взаимодействуя с иранским политическим руководством, Б. Обама пытается реализовать стратегию, которую Р. К. Уайт назвал «реалистической эмпатией»¹. Она предполагает умение внимательно слушать оппонента, изучать новости и печатные материалы, демонстрируя открытость мышления и здоровый скептицизм, и, самое главное, по мнению ученого, настойчиво пытаться ставить себя на место оппонента. Б. Обама реализовал ее по меньшей мере посредством возобновления контактов с политическим руководством Ирана и переговорного процесса, поскольку именно прямое общение позволяет лучше понять партнера по взаимодействию, а также снизить неопределенность, которая рождает подозрительность. В связи с этим, несмотря на то что доминирующей категорией, которая, с точки зрения американского президента описывает отношения США и Ирана, является недоверие (15% утверждений об ирано-американских отношениях), Б. Обама подчеркивает, что сделан шаг на встречу изменениям (12,8%).

¹ White R. K. Empathizing with the Rulers of the USSR. Readings in Intercultural Relations // Culture, Communication and Conflict / Ed. by G.R. Weaver. Needham Heights, MA: Simon & Schuster Publishing, 1998. P. 441.

Таким образом, сконструированный образ Ирана в текстах речей Б. Обамы отражает не столько снижение уровня воспринятой угрозы по сравнению с выступлениями Дж. У. Буша, сколько готовность работать над изменением ситуации.

Л. В. Сморгунов
Санкт-Петербург

ИНКЛЮЗИВНОЕ РАЗВИТИЕ И ИНТЕГРАЦИЯ В БРИКС¹

В перечне обсуждаемых сегодня вопросов, касающихся развития стран БРИКС, находится тема связи темпов экономического роста с проблемами справедливости и качества жизни. Хотя в теории экономического роста утверждалась несовместимость эффективности и справедливости, многие исследователи сегодня говорят, что сам по себе интенсивный экономический рост, без справедливости, не может служить показателем современного развития. Да, по темпам роста некоторые страны БРИКС опережают «старый мир», однако им еще далеко до того состояния, которое обеспечивает удовлетворенность жизнью населения этих стран. При этом в виде простого допущения принимается тезис, что политика экономического роста в этих странах не увязана с проблематикой справедливости и качества жизни. Хотя, конечно, допускается, что без экономического роста эта проблематика не может быть актуализирована, однако считается, что трудно или даже невозможно одновременно решать задачи сочетания роста и качества жизни в условиях современной экономической конкуренции. Взаимосвязь экономического роста и справедливости описывает концепция инклюзивного развития. Проблема, следовательно, упирается в синергию целей государственной политики и ее способности сочетать экономический рост и исполнение жизненных функций.

В отношении стран БРИКС все же не все так очевидно. Если «азиатские тигры» демонстрировали экономический рост в целом за счет рынка и устойчивого централизаторского проекта управления, то страны БРИКС демонстрируют другую стратегию. Почти все из них стремятся соединить задачи экономического роста с решением проблемы социального исключения, пытаясь за счет социальной политики поднять уровень человеческого капитала одновременно для развития и повышения качества жизни. Бразилия же демонстрирует более интенсивную политику справедливого эко-

¹ Выполнено по гранту РГНФ № 14-03-00816 «Управляемость и конкурентоспособность в условиях неопределенности: сравнительный анализ стран БРИКС».

номического роста. В этом отношении интересно сравнение российского опыта патримониального государства, где баланс экономических задач роста упирается в потребности усиления справедливости и качества жизни, с опытом Бразилии и Китая, демонстрирующим разные модели управления публичной политикой, но с результатом движения в сторону уменьшения бедности как социальной изоляции. Социал-демократическая политика последнего десятилетия в Бразилии демонстрирует успех сочетания такой борьбы с бедностью на основе справедливости и роста. Социальная политика в Китае опирается на экономический рост с демонстрацией престижа нового качества жизни. Индия пытается решать проблему бедности колоссальными вложениями в образование и науку. Концепция справедливого экономического роста базируется на стратегической предпосылке единства управляемости, конкурентоспособности и справедливости.

Подобная синергия может быть достигнута не только в рамках согласованного национального управления публичной политикой. Значимыми выступают согласование и координация в международном порядке сотрудничества.

Интеграционные процессы в этом отношении позволяют более эффективно реализовать цели, поставленные политикой инклюзивного развития. При этом формируется новый характер интеграции, определяемый сетевым сотрудничеством. Как подчеркивается в Форталезской декларации 2014 г., «с момента своего создания БРИКС руководствуется общими целями обеспечения мира, безопасности, развития и сотрудничества. В рамках этого нового цикла мы, подтверждая свою приверженность этим целям, обязуемся углублять наши партнерские отношения на основе открытости, инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества и с новым видением перспектив. В этой связи мы готовы изучать новые области для налаживания полномасштабного сотрудничества и более тесного экономического партнерства в целях содействия развитию связей между рынками, финансовой интеграции, осуществлению общих инфраструктурных проектов, а также межличностным контактам».

Говоря в этом отношении о координации и сотрудничестве в рамках БРИКС, следует отметить основные черты интеграции. Во-первых, структура международного общения характеризуется разнообразием, основанным на трехстороннем характере взаимодействия — государственных структур, бизнеса и ассоциаций гражданского общества. Такая многосторонность взаимодействия является целенаправленной политикой БРИКС. Во-вторых, данное объединение характеризуется гибкостью и довольно открыто к возможным другим участникам интеграции. Как подчеркивается в Форталезской декларации 2014 г., «мы вновь заявляем о нашей открытости для более широкого взаимодействия с другими странами, в том числе развивающимися странами и странами с формирующейся рыночной

экономикой, а также с международными и региональными организациями в целях укрепления сотрудничества и солидарности в контексте наших отношений со всеми странами и народами». В-третьих, БРИКС как интеграционное объединение создает свою политику для быстрого реагирования на изменения окружающей среды. Одним из важнейших условий такой политики выступает многовекторность сотрудничества как внутри БРИКС, так и в отношении взаимодействия БРИКС с другими национальными и международными акторами мировой политики. В-четвертых, БРИКС строится по типу легитимных и субсидиарных структур, позволяющих решать проблемы сотрудничества там, где они возникают. Это важное преимущество нового характера взаимодействия повышает общую эффективность региональной публичной политики.

Н. В. Смутькина
Москва

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ: ЗНАЧИМОСТЬ КОНТЕКСТНЫХ ФАКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Многие политические исследователи считают, что изменения политического контекста (например, приход на политическую арену новых лиц, возникновение внешних и внутренних угроз, улучшение социально-экономической ситуации) способны в значительной мере спровоцировать трансформацию отношения общества как к государству и политической системе в целом, так и к отдельным его субъектам — например, политическим лидерам.

Учитывая немногочисленные теоретические разработки вопроса трансформации образа до и после электорального периода, сделаем предположение, что содержательная составляющая образов одних и тех же политиков-кандидатов до, во время и после избирательной кампании не будет неизменной. В ходе работы мы обратились к исследованиям образов политических лидеров, проводимым с начала 1990-х годов кафедрой социологии и психологии политики МГУ. Изучались образы политических лидеров, участвовавших в президентской избирательной кампании 2012 г.¹

Согласно полученным результатам формирование образа кандидата в период президентской избирательной кампании, в отличие от межвыборного периода, имеет ряд особенностей.

¹ Смутькина Н. В. Особенности восприятия российских политических лидеров в ходе президентской избирательной кампании: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2014.

— Несмотря на возрастающую публичность политика в процессе выборов, узнаваемость кандидата в президенты не всегда повышается после избирательной кампании. Нередко наблюдается снижение поддержки политических взглядов кандидатов, проигравших на выборах, после окончания избирательной кампании, особенно интенсивно снижение происходит у максимально оппозиционно настроенных кандидатов.

— Привлекательность образа на рациональном уровне в большей степени связана с условиями избирательной ситуации (такими, как баланс сил, отношений, идеологическое поле, темпоральные особенности). На бессознательном же уровне внимание граждан сосредоточено преимущественно на личном потенциале кандидата. Внешняя привлекательность и непривлекательность политического лидера становятся значимыми лишь в период избирательной кампании. Перед президентскими выборами большее значение имеют категории профессиональной привлекательности, мотива политика «власть ради дела». После избирательной кампании при формировании образов обычно возрастает значимость эгоистического, корыстного мотива, чаще лидерам приписывают несамостоятельность, роль политической марионетки.

— В период избирательной кампании граждане более тщательно оценивают кандидатов по критериям силы, мотивации и особенно активности. Однако оценки разных политиков по этим критериям неодинаковы. При высоком электоральном потенциале кандидата внимание уделяется и силе, и активности лидера, тогда как политик, в меньшей степени подходящий на роль кандидата-победителя, воспринимается преимущественно с акцентом на параметры активности и мотивационного профиля.

— Образ электорально привлекательного кандидата отличается большей четкостью, конгруэнтностью, согласованностью его восприятия на рациональном и бессознательном уровнях. Его личностные качества приближаются к непротиворечивым стержневым характеристикам «ядра» образа идеального правителя. Помимо этого, электорально привлекательный политик в большей степени соответствует образу идеального кандидата-победителя — в первую очередь высокими показателями активности, даже агрессивности, силы и адаптивности, ярко выраженным мотивом «власть ради дела».

В заключение отметим, что на восприятие известных политических лидеров федерального уровня значительно влияют контекстные факторы, представленные в первую очередь особенностями, связанными с фактом участия в крупных избирательных кампаниях, и электоральными успехами. Заметно и влияние объектных и субъектных факторов, таких как личностные и ролевые характеристики политиков, психологические и социально-демографические особенности воспринимающих, состояние массового сознания.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В РОССИИ¹

Наблюдаемый в современной России рост гражданской активности сопровождается формированием новых практик участия граждан в процессе принятия решений и решении социально значимых проблем. Проводимые автором исследования демонстрируют, что рост гражданской активности фиксируется прежде всего в проведении протестных акций (увеличении числа протестных акций, участников этих акций) (об этом заявили 32,4% экспертов), а также в проведении и участии большого числа граждан в социально значимых общественных акциях, мероприятиях и программах (31,5%). Кроме того, в лидеры проявлений роста гражданской активности вошло увеличение участников и числа общественных организаций, рост активности инициативных групп, политической (избирательной) активности.

Специфика отечественного политического процесса позволяет говорить об ориентации его субъектов на максимизацию ситуативной выгоды и максимизацию результата в краткосрочной перспективе. В результате протестную активность можно рассматривать через рационализацию самого действия политического участия, ориентированного на поставленную краткосрочную цель.

Наметившееся в последние годы сужение публичного пространства закрывает возможности для согласования различных интересов в ходе формализованных публичных процедур. Политические субъекты, не имеющие возможности достигнуть поставленной цели посредством использования «кабинетных» методов борьбы, используют протестную активность для расширения пространства политической борьбы в рамках достижения своей цели. Это предопределяет интерпретацию протестной активности в качестве отклоняющейся формы политического поведения, требующей незамедлительной реакции со стороны органов власти и должностных лиц.

В условиях сужения публичного пространства протест также начинает восприниматься как преднамеренные действия политических субъектов по достижению своих целей, а не как естественное (рациональное) поведение индивидов, ориентированных на защиту своих законных прав и интересов.

¹ Подготовлено в рамках исследования, финансируемого за счет гранта РГНФ № 14-33-01241 «Гражданская кооперация в современной России: формы, механизмы и результаты».

В связи с этим расширение пространства публичности, достигаемое в ходе протестной активности, используется для актуализации своих потребностей и выдвижения их в качестве общественно значимых.

В связи с этим в ходе проведенного автором исследования эксперты разделились во мнении об ориентирах организаторов протестов. Так, 36,7% склоняются к мысли, что организаторы протестных действий ориентируются лишь на личные, корыстные цели; а 38% считают, что организаторы протестов действуют исходя из общественных интересов. Каждый четвертый эксперт высказал мнение о том, что организаторы протестов находят баланс между личными целями и общественными интересами.

В целом по выборке большая часть экспертов (42%) считают, что протестная активность не оказывает никакого влияния на общественно-политическую ситуацию. Около 24% склоняются к мысли, что протестная активность оказывает дестабилизирующее влияние на общественно-политическую ситуацию. Каждый третий эксперт убежден в обратном: протестная активность оказывает на общественно-политическую ситуацию существенное стабилизирующее влияние.

В большинстве случаев отечественные протестные движения — это движения «одной проблемы», что позволяет интерпретировать их в контексте теории *single issue politics*. Эффективное позиционирование актуализированной проблемы позволяет мобилизовать широкие массы населения и вовлекать их в различные мероприятия протестной кампании. Таким образом, протестная кампания становится инструментом для достижения политических целей субъектов, ее инициировавших. При этом в ситуации, когда возможно достижение политических целей без использования протестной активности, политические субъекты предпочитают ее не использовать.

Ориентация на рационализацию политического поведения в ходе протестной активности предопределяет выбор наименее затратных форм действий и в то же время тех форм, которые позволяют вовлекать максимально широкие массы населения. Это связано с тем, что зачастую организаторы протестной активности ограничены в ресурсах для осуществления деятельности, а вовлечение масс населения позволяет существенно расширить пространство публичности.

Массовые протестные действия 2011–2012 гг., в том числе в Интернете, вызвали достаточно жесткую реакцию государства. Она была ориентирована на ограничение возможностей организации протестной активности, ведения информационных кампаний в Интернете. В результате организаторы протестных кампаний были вынуждены изменить практикуемые стратегии и тактики действий.

В то же время со стороны органов власти и должностных лиц до сих пор остается в качестве наиболее рациональной стратегии реагирования на формирование социальной напряженности и протеста — их игнорирова-

ние. Однако она является рациональной лишь до тех пор, пока действия активистов не позволили расширить пространство публичности в тех объемах, которые уже не позволяют их игнорировать.

А. И. Соловьев
Москва

ГОСУДАРСТВО КАК ПРОЕКТИРОВЩИК ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Как известно, государственные стратегии являются инструментом выбора принципиальных направлений развития общества, ориентиром качественных преобразований, рассчитанных на долгосрочную перспективу. Однако такой тип решений принимается совершенно определенными структурами и институтами государства. Как показал опыт демократических государств, основными акторами стратегического планирования выступают высшие институты государства и структуры гражданского сектора. Причем чем масштабнее намечаемые преобразования, тем большее участие в разработке таких планов принимают гражданские ассоциации.

Фактические формы кооперации институтов власти и гражданских структур при разработке государственных стратегий демонстрирует правящий режим. Именно это образование показывает, каковы подлинные приоритеты власти, на интересы каких групп опираются разработчики целей, каков стиль взаимоотношений политических и административных структур.

Применительно к российскому правящему режиму специалисты расходятся во мнениях относительно его целей и направленности стратегий. Впрочем, большинство из них признает, что за последние годы руководство, выдвинув целый ряд стратегических задач (диверсификации экономики, модернизации, перехода к инновационному развитию, реиндустриализации), так и не смогло совместить рыночные механизмы с расширением активной роли государства, снизить негативные эффекты моносырьевого характера отечественной экономики, повысить конкурентоспособность страны в глобальном мире.

Такие же последствия специалисты предрекают и стратегическим проектам, призванным, по мнению властей, обеспечить необходимый прорыв в развитии общества. Ведь позднесоветский опыт уже показал, что аналогичная политическая методология (строительство БАМа и проч.) не оказала системного эффекта на социально-экономическое развитие страны. Более того, некоторые эксперты видят в наличии нынешних проектов еще больше негативных последствий, поскольку ряд из них (в частности, создание «территорий опережающего социально-экономического развития»)

демонстрирует (помимо желания властей «сдать... в долгосрочную аренду... целые масштабные территории страны») еще и отказ от сохранения там «установленных законом социальных стандартов ... и конституционных принципов государственного управления»¹.

На фоне этих суждений еще более жесткую оценку стратегиям властей дает В. Иноземцев, полагающий, что вместо государственной политики сегодня в стране сложился «лишь персональный бизнес высшей бюрократии, интересам которого подчинены экономические, политические и идеологические шаги нашей власти»². В силу этого и антикризисный план, и стратегический экономический маневр властей не способны качественно развернуть политическую ситуацию и добиться принципиальных перемен. Единственное, что остается правящему режиму, — так это корректировать сложившийся механизм госрегулирования, воспроизводя нынешнюю систему управления и принципы распределения ресурсов.

Ограниченность стратегических планов режима обусловлена низким качеством институтов, доминированием механизмов «ручного управления» (абсолютизирующих персональные позиции лидера и пренебрегающих инструментами агрегирования интересов), политизацией деятельности правоохранительной и судебной систем, а главное — доминированием неформальных коалиций правящего класса, превративших «вертикаль власти» и основные центры принятия государственных решений в формы своей внутренней самоорганизации.

Такая сетевая организация правящего режима уничтожает политическую конкуренцию в обществе, а равно и подотчетность важнейших институтов власти перед российским населением. Лишенные механизмов гражданского контроля, правящие круги не утруждают себя стратегическим анализом, привлечением экспертных мнений, сотрудничеством с гражданскими структурами. В результате вместо перспективных государственных стратегий общество сталкивается либо с пропагандистскими клише, прикрывающими отсутствие ясных целей общественного развития, либо с набором разрозненных акций, которые не позволяют снять остроту ситуации даже на отдельных общественных площадках (в области пенсионной реформы, структурной перестройки экономики, привлечения инвестиций, сохранения гражданского мира и др.). В то же время единственным инструментом легитимации «стратегического» мышления становится имидж президента, активно продвигаемый всеми средствами государственной символической политики.

¹ Болдырев Ю. Начинать надо с мировоззренческих целей и мотивов // Мир перемен. Специальный выпуск 2015. С. 26–27.

² Иноземцев В. В России нет экономической политики // Мир перемен. Специальный выпуск 2015. С. 55.

Надо, однако, помнить, что цена сохранения такого положения состоит не только в принципиальном ограничении возможностей общественного развития, но и в перекладывании издержек данного правления на население страны. Консервация же ситуации не только сузит альтернативы будущего развития, но и будет во все возрастающей степени продуцировать политическую напряженность. Еще 2–3 года такого положения — и российские граждане смогут забыть о перспективах повышения уровня благосостояния, а правящий режим будет направлять свою энергию исключительно на самосохранение, пытаясь отстоять свои позиции у разочарованного в его достижениях общества.

А. Г. Соломатин
Москва

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

После распада Советского Союза в российском обществе в идеологическом спектре политических ценностей образовался некий вакуум. В 90-е годы общество выбирало себе новый путь развития. Демократические начала предвещали новую эпоху господства либеральных ценностей. Каждый человек смог получить набор прав и свобод, которых был лишен или же имел в урезанном, неполном виде во времена СССР.

Однако из-за типичного для России 90-х кризиса идентичности¹ либеральная идея размылась в общественных лозунгах, стремлении жить по новым правилам. Либеральные ценности были приняты, но не смогли занять ключевое место в жизни российского общества.

В постсоветской России это можно было наблюдать на обоих уровнях — партийно-идеологическом и уровне сознания граждан.

На уровне массового сознания, как считает В. И. Головченко², либеральные ценности не получили поддержки у большинства населения России. Прежде всего ни партийные руководители, ни представители

¹ Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы филологии. 1994. № 10. С. 113.

² Головченко В. И. Партийно-идеологический фактор трансформации современной России. Саратов: Центр «Наука», 2009; Головченко В. И. Кризис либерализма и перспективы «правых партий» в современной России // Политические проблемы современного общества: Сб. науч. статей кафедры политических наук СГУ. Саратов: Центр «Наука», 2009. С. 7–15.

властной верхушки не смогли сформулировать и наполнить смысловой нагрузкой понятие «национальная идеология», «национальные ценности». В ельцинской России, несмотря на актуализацию процесса выработки такой идеологии, радикалы-реформаторы не сумели объединить под эгидой либерализма расколотившееся в идеологическом и социокультурном плане российское общество.

С одной стороны, у граждан не было новых ценностных ориентиров, социальных и нравственных примеров, которые послужили бы основой для построения либеральной всеохватывающей системы ценностей. С другой — само общество испытывало масштабный кризис во всех аспектах: экономическом, политическом, социальном, культурном. Деидеологизация, социальная аномия и апатия сами по себе не способствовали созданию благородной почвы для какого-либо эксперимента по формированию новой национальной идеологии.

В рамках партийного дискурса постсоветская Россия активно обсуждала новые идеологии, заикливалась на «изма», но в итоге разговоры о создании национальной идеологии остались разговорами. На протяжении уже двадцати лет заметен тренд формирования некоего образа партии как таковой, нежелезные партии как представительницы неких политических ценностей и идеологии¹. Отсюда идет феномен всех центристских «партий власти» 90-х годов² и фактически деидеологизированной партии «Единой России» нулевых. Бесцветные в плане идеологий партии давали гражданам лишь установки на сиюминутные действия. В таких условиях формирование партии с четкой либеральной позицией, идеологией свободы было попросту невозможно.

Некоторые ученые отмечают своеобразный эклектизм на партийном уровне, конъюнктурную мимикрию и трансформационную легкость партий в плане идеологических установок³. Так, например, партия «Яблоко» превратилась из либеральной в социально-демократическую, партия ЛДПР выступает то за консервативные, то за националистические идеи, КПРФ часто критикуют за измену коммунистическим идеалам.

¹ *Голосов Г.* Идеологическое развитие партий и поля межпартийной конкуренции на думских выборах 1995 года в России // *Мировая экономика и международные отношения.* 1999. № 3.

² *Лапкин В., Пантин В.* Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в современной России // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 4.

³ *Аль-Дайни М. А.* Политические идеологии в контексте трансформации: особенности производства партийных идеологий в современной России // *Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы* / Под ред. О. Ю. Малиновой. М.: РАПН; РОССПЭН, 2011. С. 33–47.

Таким образом, либеральная идеология в постсоветском мире не смогла проявить себя ни на уровне партий, ни на уровне массового сознания. В этом рассмотрении либерализм повторяет тренд практически всех идеологических платформ в России конца XX — начала XXI в.: фрагментарное существование, отсутствие единой концепции и единой партии-представителя, трансформация в межплатформенные течения и движения.

Сегодня мы можем констатировать своеобразную дискредитацию либеральных ценностей на разных уровнях. На уровне массового сознания это проявляется в ценностных блужданиях, формальной неопределенности. По результатам проведенных исследований¹ выяснилось, что многие граждане РФ подразумевают под либеральными ценностями ценности демократии, путают и не различают понятия «либерал — демократ», «либерализм — демократия». Зачастую идет смешение либеральных ценностей с ценностями оппозиции, в дело вступает психологический механизм атрибуции, когда оппозиции и ее лидерам приписываются некие ценности, которые респонденты именуют «либеральными».

Е. О. Соница
Екатеринбург

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: ЕСТЬ ЛИ КРИЗИС?

Мировой экономический кризис, глобализация террористических движений, возрастание степени влияния внешнеполитических процессов на внутреннее развитие государства все чаще заставляют говорить о его кризисе. Данный кризис предполагает в первую очередь несостоятельность государства как института в решении двух базовых задач: в обеспечении безопасности проживающего на его территории населения и поддержании внутреннего порядка. Критерии порядка могут быть разными: стабильный экономический рост, уровень благосостояния и качества жизни населения, степень его правовой защищенности и т.д.² Суть всех этих критериев фактически сводится к одному принципиальному моменту: насколько принятые и действующие на территории государства нормы

¹ См.: Политические и мировоззренческие ценности россиян. ВЦИОМ, 2008; О либерализме как системе идей. ФОМ, 2013.

² *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ, 2006. С. 8–18.

позволяют обеспечить мирное сосуществование различных институтов и предупреждать реальные и/или потенциальные конфликты между ними.

Учитывая институциональную природу государства, из всей совокупности факторов, определяющих его современное состояние, ключевыми, пожалуй, являются два. Во-первых, государство далеко не единственный институт, переживающий кризис сегодня. Крейг Калхун в своей статье, посвященной анализу механизмов социального воспроизводства, обозначил современную ситуацию как «глобальный кризис институтов»¹. С чем связан данный кризис? Причина его — изменение представлений о норме, исполнение которых призваны гарантировать институты. О норме не в статистическом ее понимании как показателе, фиксирующем стабильное функционирование какой-то конкретной сферы жизни общества, а о норме как правиле жизни, общепринятой модели поведения, оправданной с точки зрения нравственности и соответствующей требованиям этики и морали. В силу изменений в структуре общественных отношений нормой становится то, что таковым прежде просто не могло быть. Можно даже сказать, что мы являемся свидетелями глобальной инверсии норм, обращающей все действовавшие ранее принципы и ценности. Изменения в представлениях о норме неизбежно влияют на изменение функционального назначения институтов. Институт оказывается значимым настолько, насколько значимыми для общества остаются нормы, оправдывающие его существование. Если анализировать уровень кризисности институтов по сферам жизни общества, то в наиболее уязвимом положении на современном этапе находятся институты, отвечающие за социальное воспроизводство, — семья, образование, здравоохранение². Они первыми принимают удар, так как роль семьи, образования и, отчасти, системы здравоохранения принципиально меняется в условиях инверсии норм и изменения структуры социальных отношений.

Второй ключевой фактор, предопределивший кризис современного государства, — изменения в природе власти. Монополия на легитимное насилие является исключительным признаком государства, позволяющим поддерживать порядок в нем и обеспечивать его суверенитет. Но насилие — это всего лишь одна из шести форм власти (если ориентироваться на В. Г. Ледяева), наиболее жесткая и абсолютно негибкая, поскольку предполагает принуждение и отсутствие личной мотивации к подчинению. Ускоряющиеся темпы социальных и технологических изменений, утра-

¹ Калхун К. Люди хотят и нуждаются в единстве и социальном воспроизводстве // 22 идеи о том, как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными / Под ред. П. Дуткевича и Р. Саквы. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. С. 291–308.

² Катценштайн П. Понять, что существует диффузия власти // 22 идеи о том, как устроить мир. С. 293.

та традиционными институтами своей значимости приводят к ситуации «диффузии власти»¹. Диффузия власти затрагивает одновременно институциональную, производственную сферу, все структуры социальных отношений. Отдельные индивиды, негосударственные организации, межправительственные и неправительственные международные организации, общественные движения, транснациональные корпорации — все находятся в режиме конкуренции за власть. Каждый из упомянутых субъектов наделен какой-то властью, позволяющей претендовать на большее обладание ею. Угрожающим для государства является то, что диффузия власти затрагивает и сферу принуждения. Глобализация деятельности террористических организаций — наиболее яркое тому подтверждение. Исламское государство, по сути своей, — инверсия государства в его традиционном, устоявшемся понимании, свидетельствующая об утрате государством контроля над принудительными формами власти. Диффузия власти создает много рисков для государства, делая управление социальными процессами более сложным.

Кризис институтов и диффузия власти приводят к тому, что опора государства (нормы и контроль за властью) оказывается утраченной. Указывает ли это на исчерпанность на современном этапе значимости государства как социального и политического института, его «тотальный» кризис? Отнюдь нет. Государство оказывается в режиме конкуренции наряду со многими другими институтами. И чтобы быть в этой конкуренции на равных, оно, как минимум, должно быть открытым, «социально чувствительным», опираться на принципиально иные механизмы взаимодействия с обществом, воспринимая его не как объект подчинения, а как партнера, взаимное сотрудничество с которым оказывается залогом выживания обоих.

А. А. Сорокина
Москва

СИНДРОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НОСТАЛЬГИИ У РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

В последнее время в российском общественно-политическом дискурсе наблюдается повышенный интерес к проблеме соотношения прошлого и настоящего. Ближайшими поводами для этого стали события на Украине, включение Крыма в состав Российской Федерации, празднование 70-летия победы в Великой Отечественной войне и т.д. На этом фоне

¹ Катценштайн П. Понять, что существует диффузия власти // 22 идеи о том, как устроить мир. С. 258–259.

обострилась дискуссия о концепции единого учебника истории, о том, что должно знать молодое поколение россиян о прошлом и как оценивать отдельные исторические события.

Рост внимания к прошлому — это не только специфическая черта Российского государства и общества, но и общемировая тенденция. Люди обращаются к прошлому в надежде обрести там некую систему доминант, символизирующих стабильность и неизменность, осмыслить свое место в современном стремительно меняющемся мире.

Для коллективной памяти современной России характерно ностальгическое переживание распада СССР и утраты советского образа жизни. В то же время большая часть россиян достаточно смутно представляют себе ближайшее будущее государства.

В этой связи важно понять, в какой мере устойчивы ностальгические настроения в российской коллективной памяти, каков их конструктивный и деструктивный потенциал. Особый интерес представляет здесь ретроспективная составляющая социальной памяти студенческой молодежи, поскольку преимущественно эта наиболее образованная часть молодого поколения является основным источником формирования будущей политической элиты.

В данном докладе представлены авторская концепция синдрома политической ностальгии, а также проведена его операционализация. Эмпирическая часть исследования опирается на вторичный анализ данных общероссийских социологических опросов, а также на результаты 551 глубинного интервью, проведенного автором по гиду, специально разработанному для данного исследования.

При анализе количественных данных использовался *SDA (Survey Documentation and Analysis)* — программный комплекс для онлайн-анализа результатов опросов. Результаты глубинных интервью анализировались при помощи специализированного программного обеспечения для обработки качественных данных — программы *QDA-Miner*.

Основные результаты исследования свидетельствуют о том, что в настоящее время для социальной памяти российского молодого поколения характерно наличие синдрома политической ностальгии. Этот синдром является ностальгией реставрирующего типа, при которой идеализация прошлого носит гипертрофированно-агрессивный характер, блокирующий конструктивное понимание настоящего и возможного будущего. Основными признаками синдрома политической ностальгии, распространенной в российском обществе, и среде студенческой молодежи в частности, являются идеализация политической жизни в СССР и негативное отношение к политической жизни в современной России. Сопутствующей характеристикой данного синдрома является постоянный поиск врагов, ключевой из которых для современных россиян — США. Синдром поли-

тической ностальгии, характерный для российского молодого поколения в целом и студенческой молодежи в частности, отражает неуверенность молодежи в себе и является индикатором распространенных среди этой возрастной группы установок на «уход от реальности» и социальное иждивенчество.

Говоря об основных причинах, способствующих возникновению синдрома политической ностальгии в российском обществе, следует обратить внимание на концепцию культурной травмы, под которой понимается состояние, переживаемое группой, общностью или обществом в целом в результате травматических событий, коренным образом изменяющих привычный образ жизни людей, их образ мысли и действий.

Синдром политической ностальгии в студенческой среде является результатом усвоения мифологем и стереотипов, транслируемых старшим поколением, пережившим культурную травму, оказавшую влияние на российское общество в целом. Кроме того, в процессе исследования был выявлен низкий уровень исторического знания студенческой молодежи, а также ее нежелание вникать в суть политических процессов, происходящих в современной России. Это незнание легко замещается мифами и стереотипами.

Д. В. Сосунов
Воронеж

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ (на примере Воронежской области)

Одним из знаковых трендов современной России является активное привлечение экспертов в ходе обсуждения и принятия различных политико-управленческих решений. Данная тенденция все чаще проявляется на региональном уровне, где органы исполнительной власти инициируют создание экспертных советов и приглашают независимых экспертов к работе над социально-экономическими и политическими проектами региона.

В составе правительства Воронежской области было даже образовано управление, у которого не было аналогов в России, — это Управление экспертной и контрольной работы. Согласно его положению, управление отвечало за экспертное обеспечение совещательных, координационных, консультативных органов при губернаторе Воронежской области.

На сегодняшний день эта правительственная структура преобразована в Управление региональной политики, сохранив за собой функции по

экспертной работе. Важным направлением стало расширение взаимодействия органов государственной власти с экспертным сообществом. По словам руководителя этого подразделения, различными региональными нормативно-правовыми актами предусмотрена работа 24 экспертных структур, при этом порядка 50 научных, образовательных и консалтинговых учреждений региона готовы сотрудничать с органами государственной власти Воронежской области.

Важным трендом является создание различных дискуссионных площадок для экспертов. Например, был создан Клуб политологов, а также принято решение о создании на официальном портале органов власти Воронежской области профильного сайта для экспертных групп Правительства Воронежской области. Активно привлекаются к работе ведущие федеральные научные центры и эксперты.

Представители научно-экспертного сообщества привлекались для анализа различных стратегических документов, например «Стратегии-2020», «Манифеста Воронежского лидерства», проектов региональных законов, социально-экономической стратегии г. Воронежа и т.д. Кроме того, в период избирательных кампаний государственные органы обращаются за помощью к региональным политическим экспертам, которые публично выступают в СМИ. Иногда такие обращения продиктованы желанием «легитимизировать» тот или иной вариант политико-управленческого решения.

Здесь речь идет о проблеме псевдоэкспертизы политических решений экспертным сообществом. По мнению М. А. Хрусталева, такая экспертиза проводится отнюдь не для выяснения мнения экспертов, а для обоснования точки зрения организаторов, а иногда уже принятого политического решения. В этом последнем случае оно формально выступает как научно обоснованное, подкрепленное авторитетом экспертов, на плечи которых тем самым перекалдывается немалая часть ответственности за него¹.

Нельзя не признать существования определенного круга проблем в самом экспертном сообществе. В частности, отсутствие четких критериев оценки эффективности экспертно-аналитического сопровождения политических решений, что приводит к разногласиям между заказчиками и исполнителями. Кроме того, в профессиональной среде выявляются нарушения научно-экспертной этики, а порой и просто некачественное выполнение работ. Представляется, что кроме уже перечисленных проблем существуют и другие вызовы для проведения независимой политической экспертизы, в частности:

1. Доминирование закрытых, корпоративных экспертных групп, очень тесно аффилированных с властными структурами.

¹ Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. С. 192.

2. Дефицит публичности и открытости в процессе экспертизы политико-управленческих решений снижает уровень ответственности специалистов и создает эффект «закрытых дверей». Данное положение дел обусловлено тем, что именно государство определяет и формулирует «общественные запросы».

3. Наблюдается недостаток механизмов транслирования экспертных знаний и селекции перспективных идей. В большинстве случаев специалисты вынуждены самостоятельно разрабатывать различные виды политических прогнозов, сценариев, программ развития и т.д., при этом питая лишь призрачную надежду на то, что их идеи и разработки окажутся востребованными в реальной практике.

4. Очень слабо используется потенциал различных профессиональных сообществ и научных учреждений.

5. Существует проблема совершенствования нормативно-правовой базы об экспертной деятельности, так как сегодня, по большому счету, чиновники произвольно назначают или не назначают экспертизу решений, которые носят общественно важный характер. К тому же следует обращать внимание и на проблемы защиты интеллектуальной собственности, определения статуса экспертов и т.д.

На наш взгляд, усиление роли регионального экспертного сообщества в процессе принятия политических решений возможно при условии реформирования системы поддержки решений, законодательного закрепления прав, полномочий экспертов и повышения уровня публичности в ходе проведения экспертных работ.

*А. Ю. Сунгуров, Е. А. Глухова
Санкт-Петербург*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА: ОПЫТ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Институт Уполномоченного по правам человека наряду с защитой прав конкретных жителей может содействовать предотвращению нарушений подобных прав в будущем. Этот результат может достигаться в результате принятия и реализации планов работы органов исполнительной власти по исправлению выявленных в Ежегодных и Специальных докладах Уполномоченных системных сбоев в их деятельности, в законотворческих инициативах, в работе по гражданскому образованию и обучению правам

человека. Как используют Уполномоченные по правам человека в процессе подобной деятельности возможности экспертного сообщества, готовы ли это сообщество к взаимодействию с институтами государственной правозащиты, возникают ли в процессе подобной работы какие-то постоянные структуры типа экспертных советов? Поиску ответов на эти и близкие к ним вопросы посвящено выступление.

В докладе представлены предварительные итоги исследований, проводимых авторами в регионах России в течение 2012–2015 гг. в рамках реализации проектов Санкт-Петербургского гуманитарно-политологического центра «Стратегия», поддержанных грантами, выделенными в соответствии с распоряжениями президента Российской Федерации и на основании конкурсов, проведенных Институтом общественных проблем и движением «Гражданское достоинство».

В рамках исследования методом структурного контент-анализа изучались веб-сайты Уполномоченных по правам человека, их ежегодные и специальные доклады, а также рассматривались публикации в СМИ по теме проекта. Кроме того, в ходе экспертных поездок в регионы (это были преимущественно субъекты Северо-Западного, Центрального и Уральского федеральных округов) проводились экспертные полуструктурированные интервью с Уполномоченными по правам человека и сотрудниками их аппаратов, с активистами правозащитных и иных общественных организаций, представителями академического и экспертного сообщества и СМИ. В некоторых регионах были проведены фокус-группы с участием представителей всех перечисленных выше групп. При анализе текстов расшифрованных экспертных интервью и фокус-групп использовался метод «категориальной схемы анализа содержания»¹.

Выполненные исследования позволили сделать следующие предварительные выводы.

1. В большинстве случаев отсутствуют какие-то институционализированные формы взаимодействия Уполномоченных и экспертного сообщества, взаимодействие происходит от случая к случаю, Уполномоченный знает (или считает, что знает) круг конкретных специалистов, которых он приглашает для консультаций по конкретным случаям.

2. С другой стороны, среди академического и экспертного сообщества часто отсутствует знание о возможностях и функциях института Уполномоченного по правам человека, в том числе и для продвижения некоторых не востребованных властью предложений по решению конкретных общественных и иных проблем региона.

¹ Пацельт В. Й. Методы политической науки // Методические подходы политологического исследования и метаэпистемические основы политической теории. Комментарии к введению / Сост. К. Конеген, К. Шуберт. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 133–165.

3. Тем не менее среди представителей экспертного сообщества имеется группа специалистов, достаточно информированных о специфике деятельности института Уполномоченного и готовых оказывать ему необходимую экспертную поддержку, однако в связи с отсутствием инициатив со стороны последнего эта готовность не приводит к конкретным действиям.

4. Особо следует отметить опыт подготовки и принятия Специальных докладов Уполномоченного, посвященных конкретным проблемам реализации прав человека. Эти доклады могут по поручению Уполномоченного готовиться группами экспертов по обозначенным выше проблемам, либо инициатива создания подобных докладов может исходить из самого экспертного сообщества.

5. В ряде регионов имеется опыт создания и постоянной деятельности экспертных советов или экспертно-консультативных советов при Уполномоченных, работа которых позволяет наиболее эффективно использовать экспертные знания для усиления эффективности деятельности Уполномоченных по защите прав человека и предотвращению нарушений этих прав. Можно заключить, что подобные экспертно-консультативные советы выполняют медиаторскую функцию между экспертным и академическим сообществами и институтом Уполномоченного по правам человека, который в свою очередь действует как медиатор (посредник) между экспертным сообществом и властью.

Ц. Сунь
Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ И ИЗМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Данный проект видит своей целью изучение трансформации образа героя и изменения идентичности современных китайцев вследствие глубоких социально-политических изменений. Исследование также содержит ряд рекомендаций для России в эпоху информационных войн по проблеме идентичности народа.

Политический аспект восприятия можно анализировать при изучении образа героя и процесса его трансформации. В центре этих исследований находились образы исторических и современных героев, образ страны, образ лидера, образ власти и др.

Так как причину многих изменений в сознании китайского народа мы видим во внешнем вмешательстве, мы также рассматриваем вопрос информационно-культурной войны против КНР и попытки разделения Китая путем искусственного конструирования национально-государственной идентичности. В силу этого мы рассматриваем различные инструменты влияния на самосознание и идентичность китайского народа, различные структуры лоббирования иностранных интересов в КНР и на Тайване.

Образ героя в современном Китае формировался в виде Мао Цзэдуна, выделяя его следующие основные характеристики: «общечеловеческий» героизм Мао, т.е. объект семиотической политической пропаганды; Мао как тоталитарный вождь — не только лучший в каждой отрасли знания, но и лидер во всех сферах действия; Мао как «герой героев», герой КНР и всего мира, необыкновенная героическая судьба Мао и сверхъестественная сила — способность предвидеть будущее, управлять временем и пространством.

Инструменты распространения образа Мао Цзэдуна как образа героя были многообразные: «красная классика», книги, лозунги, прокаты, фильмы, песни и т.д.

Образ Мао Цзэдуна начал трансформироваться в связи с отклонениями нового китайского руководства от идеи маоизма после его смерти и прихода к власти Дэн Сяопина.

В процессе трансформации образа Мао Цзэдуна идея Маоизма теряет священное место в китайской политической жизни и постепенно превращается в предмет насмешек и иронии, о чем свидетельствует возникновение множества анекдотов и искаженных версий истории про Мао и классических революционеров.

В силу долговременного противостояния КНР и Тайваня китайским и западным СМИ удалось при помощи психологических механизмов (категоризации, стереотипизации, атрибуции и идентификации) сформировать у своей аудитории определенные образы и символы, в результате чего произошло изменение идентичности китайцев и их восприятия исторических событий и образа героя. Именно понимание этих процессов приводит к созданию полной картины ситуации в КНР, ее развитию и темпах, что позволяет нам делать краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные прогнозы на перспективу развития китайского общества. Следовательно, мы можем предложить ряд шагов по улучшению текущей ситуации, ее быстрой оценке и мгновенному реагированию на развивающиеся процессы.

Кроме того, в данной работе изучена динамика трансформации и особенность идентичности современных китайцев. Причем нами рассмотрен вопрос национально-государственной идентичности китайцев под воздействием информационной войны, в результате которого изменилась идентичность народа, а также вероятные последствия для дальнейшего развития этой страны и возможный опыт для России.

Теоретической основой работы служат исследования кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова; работы Е. Б. Шестопал, Н. М. Ракитянского, Т. В. Евгеньевой, А. В. Селезневой, А. Л. Зверева, а также труды французского автора Сержа Московича.

Е. В. Суслов
Йошкар-Ола

ОТ ВЕСТФАЛЯ ДО ЯЛТЫ И ПОТСДАМА: ЭВОЛЮЦИЯ СПОСОБОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Все международные мирные конференции созывались после завершения крупных войн и априори были направлены на недопущение подобных трагедий в будущем. Несмотря на, казалось бы, исчерпывающие политические и военные ответы на те угрозы, которые породили только что завершившуюся войну, никогда не удавалось разрешить международные конфликты окончательно. Они зарождались вновь и вновь, оставляя в состоянии недоумения своих наивных укротителей, полагавших, что все-таки есть надежное противоядие от международных конфликтов.

Понимая невозможность создания бесконфликтного мира, мы в рамках предлагаемой статьи тем не менее попытаемся выявить причины, не позволившие авторам мирных договоров создать надежные механизмы предупреждения и разрешения международных конфликтов.

Прежде чем приступить к рассмотрению Вестфальской политической системы (1648), с которой и начинается «формирование нововременного (*modern*) международного порядка»¹, необходима предварительная оговорка по поводу отношения в те времена к конфликту вообще и к международному — в частности. В середине XVII в. еще не принято было оперировать понятиями «конфликт», «предупреждение и разрешение конфликтов». Все это приобретет научный, рациональный характер лишь после институционализации социологии конфликта как науки, произошедшей во второй половине XX в., и теории международных отношений, включавшей такие теоретические парадигмы, как политический реализм, плюрализм и неомарксизм. В каждой из этих «канонических» парадигм и их последующих

¹ Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: Изд. дом ГУ — ВШЭ, 2011. С. 23.

производных в разной степени присутствовало и присутствует осмысление проблематики конфликтов в международных отношениях, поэтому, представляя широкий спектр взглядов на конфликт, они необходимы при оценке международных событий и процессов.

Продолжительное время до наступления Вестфальской эпохи эквивалентом конфликта была война. Она рассматривалась как естественное состояние международных отношений, ось, вокруг которой вращается политика¹. С заключением Вестфальского мира войны конечно же не прекратились, хотя сам Вестфальский мир констатировал окончание Тридцатилетней войны.

В арсенал Вестфальского мира вошли такие понятия, как нации-государства, национальный суверенитет, принцип невмешательства во внутренние дела государств, ставшие основанием «системы, определившей принципы организации межгосударственного взаимодействия»², которая «позволила преодолеть многочисленные конфессиональные, территориальные, этнические и другие противоречия, раздиравшие Европу в середине XVII в.»³. Договоры недвусмысленно утверждали, что политика может быть технологией урегулирования конфликтов. Этот тезис стал следствием выработки определенных «правил игры» в отношениях между государствами, однако на «невестфальские государства» правило не распространялось, что приводило к захватническим войнам.

В то же время государственно-центристская система мира, основанная на монопольном праве национальных государств применять силу на своей территории, способствовала прекращению междоусобных войн внутри государства. Наблюдалась своеобразная компенсация милитаристских замыслов и действий за счет перевода, говоря языком современного международного гуманитарного права (МГП), внутренних вооруженных конфликтов в разряд международных.

Начиная с XVIII в. крайне актуальной в международных отношениях становится система политического равновесия, или, иначе говоря, баланса сил, которая предусматривала ограничение стремления государств мира к единоличному господству и, соответственно, противодействие попыткам изменить сложившееся политическое равновесие.

Именно этот подход, заложенный еще Вестфалем, восторжествовал в 1815 г. на Венском конгрессе, на котором был подведен итог Наполеоновских войн и стало возможным дальнейшее развитие механизма равновесия сил, ставшего, по сути, универсальным средством сдерживания меж-

¹ Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию: 4-е изд. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 448.

² Современные глобальные проблемы мировой политики / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 242.

³ Там же.

дународных конфликтов. Венская система международных отношений, получившая название «Европейского концерта», в целом оказалась вполне функциональной и обеспечила продолжительностью в почти столетие существование континента без общеевропейских войн.

Геополитические устремления великих держав в конце XIX — начале XX в. были вызваны противоречиями национально-экономического характера, которые и привели к Первой мировой войне. Только что зародившаяся «геополитика» отнюдь не была озабочена поиском путей разрешения конфликтов. Скорее понятие «управление конфликтом» многими практическими политиками и исследователями рассматривалось как дополнительная возможность провоцирования или интенсификации конфликтов»¹.

Версальско-Вашингтонская система международных отношений, зародившаяся в рамках Версальского мира (1920 г.), оказалась крайне противоречивой, несмотря на то что усилиями президента США В. Вильсона удалось заложить систему коллективной безопасности в Европе. Принцип самоопределения наций, положенный в основу межвоенного устройства Европы, породил множество сепаратистских конфликтов между новыми государствами, помешавших сформировать так необходимую европейскую солидарность. Существенный недостаток Версальского порядка заключался в том, что политический баланс сил в Европе нельзя было обеспечить без участия устраненных из европейской политики России и Германии, которые и станут главными действующими лицами Второй мировой войны.

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, утвердившаяся в результате победы союзников над агрессивной коалицией тоталитарных государств, явила миру отношения, построенные на хрупких началах биполярности. Стратегический баланс ядерных сил, составивший основу холодной войны, обеспечил относительно взвешенный международный порядок почти на полвека, не допустив при этом развязывания третьей мировой войны.

Однако после распада СССР незыблемость послевоенных границ государств, составлявшая основу Ялтинско-Потсдамского мира, оказалась под вопросом. Стало очевидно: скрепы существующей конструкции международных отношений более не могут поддерживать ее параметры. Новые контуры современного миропорядка не очень ясны, но любые попытки возвращения к однополярному миру должны сопровождаться выстраиванием международной системы сдержек и противовесов. И главное — с участием России.

¹ Сулов Е. В. Политические конфликты в демократических государствах: монография // Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2012. С. 114.

Н. В. Сухов
Москва

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Опыт работы автора в регионе позволяет говорить о недостаточно эффективном использовании методов публичной дипломатии и потенциала русскоязычных сообществ для продвижения политических, экономических и гуманитарных интересов России в арабских странах. Знания и рекомендации востоковедов-практиков могли бы выявить возможности и показать пути применения российской «мягкой силы» в регионе, в том числе с целью оптимизации информационного сопровождения внешней политики России, решения широкого спектра внешнеполитических вопросов.

Сегодня на Ближнем Востоке наблюдается противоречивое отношение общественности к России: наряду с традиционно позитивным образом нашей страны возник и отрицательный имидж на фоне событий в Сирии и Йемене. При решении задачи формирования положительного образа нашей страны в глазах элит и населения арабских стран необходимо использовать потенциал сотрудничества с партнерскими общественными организациями в странах региона, в первую очередь ассоциациями соотечественников и выпускников советских/российских вузов. Важно отметить, что последние занимают заметные позиции в государственном аппарате, местных СМИ и бизнесе, активно участвуют в общественной жизни своих стран.

В настоящее время о положении, которое занимают соотечественники и выпускники в арабских странах, об их семейных, общественных, профессиональных связях известно узкому кругу лиц. В то время как русскоязычное сообщество в регионе Ближнего Востока и Северной Африки превышает по численности 100 тыс. человек. Эти люди играют заметную роль в своих странах, являются проводниками позитивного образа России, а также потенциальными экономическими агентами нашей страны.

Все выходцы из СССР и России, которых мы и относим к категории «соотечественники», в той или иной степени интегрировались в принимающие общества. В ряде арабских стран (Египет, Ливан, Марокко, Тунис) в XX–XXI вв. сложились общины, где российскими соотечественниками себя считают и те, кто в силу обстоятельств стал гражданами Украины, Белоруссии, Грузии и других бывших союзных республик. В Иордании, Ливане и Сирии, например, «самосознание российского соотечественника» возникло в по-

следние годы на фоне кризисных процессов на Ближнем Востоке у членов многочисленных черкесской и дагестанской диаспор, являющихся на самом деле потомками горцев, эмигрировавших с Кавказа в XIX в.

Не менее важное обстоятельство — наличие сегодня в составе русскоязычных сообществ арабских стран большого количества выходцев из Украины. Большинство из них занимает пророссийскую позицию, и это обстоятельство следует использовать для работы с местным общественным мнением.

В ряде арабских стран уже родилось второе и третье поколения детей от смешанных браков, которые чувствуют себя патриотами России, но воспринимаются как «свои» местными обществами. Они создают молодежные ассоциации, потенциал которых также необходимо задействовать для проведения культурных, информационно-политических и благотворительных мероприятий российских НПО.

В докладе освещены современное положение и тенденции развития русскоязычных сообществ в арабских странах, дан ряд практических рекомендаций по применению имеющейся здесь российской «мягкой силы», сделан обзор организаций соотечественников и выпускников советских/российских вузов. Материал подготовлен на основе интервью членов Координационных советов, интернет-сайтов, официальных документов вкупе с многолетними полевыми наблюдениями автора.

Проведенный анализ дает основание утверждать, что соотечественники в целом «прижились» в изначально чуждом им арабо-мусульманском мире, в той или иной степени адаптировались в принимающих обществах во всей совокупности их социокультурных и политико-экономических особенностей и характеристик. При этом укрепились и стали более разнообразными их связи с исторической родиной, в том числе благодаря поддержке со стороны российских дипломатических представительств. Несмотря на то что доля русскоязычной общины в общей численности населения арабских стран незначительна, ее общественный вес существенно вырос за последние несколько лет. Роль, которую играют наши соотечественники в общественной и культурной жизни этих стран (регулярные концерты, выставки, благотворительные акции), получает широкое освещение в местных СМИ.

Сегодня можно с уверенностью говорить, что наши соотечественники «встали на ноги» в организационном плане, заслужили положительную репутацию в принимающем обществе, внося свой вклад в практику российско-арабского межкультурного взаимодействия. Следует отметить возрождение в последние годы православных общин в ряде стран, которые, выполняя организационную и компенсаторно-психологическую функции для прихожан, повышают одновременно самим фактом активной религиозной жизни авторитет «русских» в мусульманских обществах.

Важным аспектом российско-арабского межкультурного взаимодействия были и остаются русский язык и культура. В смешанных семьях русский язык является преобладающим средством общения. Дети, выросшие в таких семьях, как правило, наследуют традиции и черты обоих народов, которые представляют их отец и мать. Именно сохранение русского языка на фоне билингвизма у детей стало стимулом для возникновения в 2000-е годы общественных организаций, в которых арабские мужья поддерживают русскую культуру и русский язык не менее энергично, чем их русскоговорящие жены.

И. Н. Тарасов
Калининград

КСЕНОФОБИЯ И ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГРИИ

Важнейшим внутривластным событием в жизни Венгрии были парламентские выборы, которые прошли весной 2014 г. Победу на выборах одержала правящая партия «Фидес», заручившись поддержкой 45% избирателей, праворадикальное «Движение за лучшую Венгрию» («Йоббик») — 21% (на 4% больше, чем в 2010 г.). С момента формирования действующего кабинета В. Орбана изменилась политика государства в отношении национальных меньшинств и религиозных общин. Построение нелиберальной демократии в Венгрии предусматривает в том числе установление контроля над «патриотическими» силами со стороны «Фидес» и их последующую консолидацию, исключая несанкционированную мобилизацию в сфере этноконфессиональных отношений.

Несмотря на то что в Венгрии после цыганских погромов в 2008–2009 гг. на востоке и юге страны властями и институтами гражданского общества была проделана большая работа по ужесточению ответственности за преступления на почве ненависти, ксенофобия остается одной из существенных проблем. Доминантным актором, диктующим и разжигающим основную активность, являются лидеры партии «Йоббик» и ее сторонники, в том числе Новая венгерская гвардия (НВГ)¹. В последние два года наиболее активными были восемь экстремистских группировок: Новая венгерская гвардия, Венгерская национальная гвардия, Молодежное движение «64 округ», Пиратская армия, Самооборона за лучшее будущее, Стражи Карпатской родины, *kuruc.info*, Венгерский национальный

¹ Форум координации борьбы с антисемитизмом: итоговая оценка за 2013 год. Обзор и тенденции. С. 11.

фронт¹. Эти же данные подтверждает ПНО «Афины»². Предположительно, каждая из этих групп в разных частях страны провела не менее 30 различных акций.

Опубликованные в 2014 г. результаты социологических исследований подтверждают, что в современном венгерском обществе высок уровень ксенофобии. Беженцы, иммигранты, евреи, мусульмане и цыгане являются наиболее уязвимыми группами в плане преступлений на почве ненависти. Складывается устойчивое убеждение о нарастающем диссонансе заявлений политиков и «вязкости» судебной системы по вопросам преследования неонацистов.

В мае 2014 г. *Anti-Defamation League* опубликовала результаты собственного исследования и составила индекс антисемитизма в разных странах. Венгрия в этом рейтинге заняла 30-е место из 102³. В Венгрии мужчины (55%) привержены антисемитизму более, чем женщины (28%). В возрастном отношении наиболее отрицательно настроены к евреям молодые венгры (18–34 года). В сравнительном плане показатели Венгрии выше, чем в Чехии (13%), Словении (27%), России (30%), Хорватии (33%), Румынии (35%) и Украине (38%), но ниже, чем в Сербии (42%) и Польше (45%).

По всей видимости, результаты рейтинга *Anti-Defamation League* можно интерпретировать как общую характеристику предубеждений венгров по отношению к иным группам населения. После парламентских выборов и формирования нового однопартийного правительства страны все более заметна отстраненность государственных структур от проблем дискриминации. Возникает ситуация раздвоенности поведения, когда строгость и даже репрессивность закона нивелируется безразличием и манипулированием информацией.

Летом 2014 г. *Minority Rights Group (MRG)* опубликовала собственный доклад «Положение меньшинств и коренных народов мира 2014»⁴. *MRG* отмечает, что полиция не всегда предпринимает «по-настоящему» эффективные расследования в отношении преступлений, в которых жертвами являются цыгане. Отмечается, что преступления, в которых обвиняются цыгане, расследуются довольно быстро и оперативно выносятся приго-

¹ Shifts in Hungarian Extremism. URL: <http://nemma.noblogs.org/2013/09/13/shifts-in-hungarian-extremism>.

² Identified domestic extremist groups. URL: http://www.athenainstitute.eu/en/hate_groups/.

³ Új felmérés: 3,4 millió magyar lehet antiszemita. URL: http://hvg.hu/itthon/20140513_Uj_felmeres_34_millio_magyar_lehet_antisz.

⁴ State of the World's Minorities and Indigenous Peoples 2014. URL: <http://www.minorityrights.org/12473/state-of-the-worlds-minorities/state-of-the-worlds-minorities-and-indigenous-peoples-2014.html>.

воры. По заключению международной организации, причиной двойных стандартов в Венгрии является «институциональный расизм».

Негативные изменения в социально-экономической сфере вызвали волну протестов, организованную в основном леволиберальной оппозицией. Примечательно, что в столице и крупных городах страны националистические группы также принимали участие в протестах, но не были их заявителями или организаторами. В условиях социально-экономического кризиса, роста протестной активности и влияния леволиберальной оппозиции нельзя быть уверенным в стабильности состояния этноконфессиональных отношений в Венгрии.

П. В. Тарусин
Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ КРЫМА И ДОНБАССА В ХОДЕ КРИЗИСА НА УКРАИНЕ

Процессы трансформации региональных элит Крыма и Донбасса в значительной мере повлияли на формы протекания кризиса на Украине, а также на содержание российского политического курса в отношении этой страны. Если консолидация крымского истеблишмента способствовала утверждению ненасильственной формы разрешения разгоравшегося кризиса и «возвращению полуострова на историческую родину», то «рассыпание» донецкой региональной элиты стало одной из основных причин, спровоцировавших вооруженный конфликт и втянувших в него Россию.

Как отмечали исследователи, специфика правящей украинской элиты до последних событий состояла в том, что ее отдельные кланы не ощущали себя частью единого целого, так как отсутствовали сплачивающие элитную разнородность общие ценностные и целевые основания функционирования. Сильные региональные элиты, среди которых особо выделялась донецкая, боролись не с центром за свои властные полномочия, а за сам центр, выступая одновременно носителями черт, характерных именно для своих областей и местных сообществ. Элиты слабых регионов, таких как Крым, напротив, строили свой политический капитал на стратегии противостояния с киевским центром, постоянно находясь в поисках «старшего брата», прежде все среди сопредельных, исторически связанных с ними государств.

В рамках концепции «циркуляции элит» мы наблюдаем два различных по содержанию явления. В Крыму произошла переориентация регио-

нальной элиты на другого верховного «сюзерена», более близкого ей по своим социокультурным и цивилизационным параметрам, что позволило перевести полуостров под юрисдикцию России. Крымская элита практически в полном составе органично влилась в состав российской, сохранив себя в качестве субъекта власти, на которого федеральный центр смог опереться при регулировании процессов, возникающих на полуострове и вокруг него.

После воссоединения с Россией была изменена архитектура управления полуостровом, но в соответствии с привычной для Крыма политической моделью. Соответственно, обновилась структура и вес компонентов региональной элиты, произошла замена «первых лиц», но за счет тех, кто уже входил во власть в том или ином качестве, пусть и обладавших достаточно неоднозначной репутацией. Осуществляется последовательное и взвешенное насыщение крымского руководства выходцами из «континентальной» России в целях балансирования федеральных и местных интересов, а также сближения паттернов и стилистики реализации власти. Региональную элиту покинуло руководство крымско-татарского меджлиса, чьи амбиции разошлись с интересами коренной народности и которое фактически превратилось в инструмент проведения политических стратегий внешних сил (акторов).

На Донбассе же наблюдается практически полное обновление (смена) региональной элиты, захват власти сформировавшейся в ходе вооруженного противостояния с Киевом контрэлитой, антагонистичной прежней верхушке по ценностям и основаниям функционирования. В результате государственного переворота в Киеве юго-восточные регионы были политически обезглавлены, «восточные» партии и их лидеры или выдвинуты с политического поля, или сведены до маргинального состояния¹. «Партия регионов», фактически сплывавшая региональный истеблишмент Донбасса, после победы Майдана была разгромлена. Структуры региональной элиты стали стремительно рассыпаться, причем большая ее часть примкнула к новой киевской «владе», создав вакуум власти, в который «ринулись» полукриминальные круги, а также прибывшие из России «искатели приключений».

Кадровый костяк нового руководства Донецкого и Луганского регионов составило сообщество лиц из ранее маргинальной среды, не вписывающееся в прежние элитные нормы и критерии и не обладавшее наработанными связями в местных экономических, культурных, научных кругах. Как правило, люди, не прошедшие тщательную и всестороннюю шлифов-

¹ Зоткин А. А. Институты власти и элитные группы Украины в условиях гражданского конфликта (2013–2014 г.г.) // Власть и элиты / Гл. ред. А. В. Дука. Вып. 1. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 167.

ку элитной средой, никогда прежде не исполнявшие властные полномочия, по своему мироощущению, образованию, навыкам не способны эффективно действовать в политическом, властном пространстве.

Естественные процессы становления и воспроизводства региональной элиты, отношения и каналы, связывающие ее воедино с центральной элитой, оказались полностью нарушены. Причем экстремальные условия становления нового истеблишмента на Донбассе создают специфическое содержание и формы его будущих состояний, паттернов деятельности и поведения, а также внутренней структуры. Весьма проблематично в кровавых муках вооруженного столкновения, экономического и гуманитарного кризисов закладывать рациональные основания элитного функционирования, устранять преобладающую ныне силовую составляющую.

Л. Н. Тимофеева
Москва

ВЛАСТЬ В ПРОЕКЦИИ КОММУНИКАЦИИ

Развитие глобальных информационных сетей, сделавших проницаемыми границы национальных государств и уязвимой для международного влияния деятельность национальной власти, заставляет пересмотреть научную парадигму и методологию исследования проблематики власти. Сегодня куда продуктивнее рассматривать категорию «власть» не столько в традиционном атрибутивно-субстанциональном или силовом ключе, как рассматривали ее Т. Гоббс, К. Маркс, М. Вебер, сколько в коммуникативном, дискурсивном, сетевом — как феномен, возникающий из многостороннего общения и предполагающий выбор обществом определенных политических кодов из альтернатив, предложенных авторитетной управляющей группой. В этом случае нам становится понятнее не только как сегодня возникает и укрепляется власть, но и почему она теряет свой авторитет. Основу для такого анализа мы находим в критической теории немецких неомарксистов и, прежде всего, у представителей Франкфуртской научной школы Х. Арндт и Ю. Хабермаса, в генетическом структурализме П. Бурдьё, в теории самореферентных систем Н. Лумана, в постструктурализме у М. Фуко и др.

Одновременно с этим нам помогает лучше уяснить причины укрепления власти механизм действия «коллективных представлений», которые лежат в основе отношений общества и власти. Его, как известно, разрабатывали Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Бурдьё и др. Последний

ввел в научный оборот понятие «габитуса», или системы приобретенных схем восприятия и оценивания, сложившейся на практике и позволяющей обеспечивать взаимную коммуникацию в обществе и одновременно навязывать «определенный порядок вещей». Символическая власть, по Бурдьё, — это возможность создавать и навязывать определенные социальные представления, модели желаемого устройства общества и государства, власть наименований и классификаций, которая в большинстве стран еще недавно была отделена от политической и экономической, а в настоящее время все более концентрируется в руках одних и тех же людей.

Власть есть результат общения. Такой подход к рассмотрению власти родился в середине XX в. Одним из его эпигонов выступила Ханна Арндт. Ученый разделяет силу и власть. Насилие всегда персонифицировано, тогда как власть конституируется множеством людей. В основу своей модели она положила взаимовлияние и взаимозависимость людей. «Силой является то, чем в определенной степени обладает каждый человек от природы и что он действительно может назвать своим собственным; властью же в сущности не обладает никто, она возникает между людьми, когда они действуют совместно, и она исчезает, как только они снова рассеиваются»¹. Сила становится поводом для получения власти. Власть же возникает в момент человеческой коммуникации. Она не создает материальных ценностей, но влияет на деятельность людей. Возникает из совместных мыслей и желаний и исчезает, когда исчезает общность. Однако в социальном бытии она обретает структуру и сосредотачивается в институтах. Таким образом, власть получает относительную длительность существования. Власть нельзя накопить, как силу, она нуждается в постоянной актуализации. Демократически избранный представитель должен поддерживать основу своей власти в постоянных общественных дискуссиях и в контакте со своими товарищами по политическим убеждениям. Общественное мнение является хоть и труднодоступной, но неотъемлемой основой власти, которая не сегодня, так завтра может быть утрачена.

Именно коммуникативное понимание власти способно вскрыть возможные источники злоупотребления ею. Коммуникация предполагает примерное равенство сторон общения, когда не должно быть слишком много власти или слишком много подчинения. Отсюда формулировались и нормы коммуникации власти, среди которых: взаимность, равновесие, возможность, умеренность в использовании власти.

Н. Луман создал концепцию самореферентных систем и в качестве новой парадигмы социологического знания избрал коммуникацию. По его мнению, общество является примером самовоспроизводящейся (ауто-

¹ *Arendt H. Vita Activa oder: Vom tätigen Leben. Stuttgart, 1960. P. 194.*

пойетической¹) и самореферентной системы. Система имеет как внешние, так и внутренние причины воспроизводить себя, она также способна задать эти причины, чтобы различие было воссоздано. При таком понимании элементами социальной системы оказываются *коммуникации*, а не люди и их действия. Коммуникации разлагаются на действия; действия возникают для упрощения системой самой себя, для преодоления собственной сложности. В этой ситуации и термин «коммуникации» приобретает иной смысл. Он означает различие информации, сообщения и понимания, т.е. коммуникация не есть простой процесс передачи информации — это смысловой, самореферентный процесс. Выходит, система состоит из коммуникаций (различений), приводящих к другим коммуникациям (различениям). Процесс властвования — это процесс постоянного перехода от производства неопределенности к ее устранению.

Суммируя и адаптируя все эти и другие коммуникационные подходы, современная российская политология воспринимает власть и как влияние особого рода, и как способность к достижению определенных целей, и как источник новых дискуссий о проектах развития общества и новых информационных повестках дня важных для граждан.

А. С. Титков
Москва

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА «МАЙДАНА» И «НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РИТУАЛОВ НАКАЗАНИЯ В УКРАИНСКОМ КОНФЛИКТЕ 2014–2015 ГОДОВ

Определение украинских событий 2014–2015 гг. как революции и политического конфликта выделяет в них, во-первых, сочетание структурных и символических сдвигов (см.: Эйзенштадт. «Революция и преобразование обществ» и др.), во-вторых, конфронтационный характер этих измерений. Дискуссии относительно характера украинского конфликта включают в себя объяснения как структурного характера (олигархи, средний класс, рабочие, сельчане и др.), так и культурно-символического (ев-

¹ Аутопойетическая система означает, что акт воспроизводства не предполагает воссоздаваемости и воспроизводимости причин и условий производства. Система имеет как внешние так и внутренние причины воспроизводить себя, она также способна задать эти причины, чтобы различие было воссоздано.

ропейский выбор, советское наследие, память о мировой войне и др.). В докладе соотношение символической и структурной составляющей оценивается на примере ритуалов публичных наказаний, применявшихся разными сторонами конфликта. Случаи для анализа (около 60 на апрель 2015 г.) были отобраны по следующим критериям:

- публичность акций, т.е. предполагаемое организаторами присутствие публики — как зрителей на месте, так и зрителей/читателей СМИ, освещающих акцию сочувственно или нейтрально (в предельном случае акции специально организуются для СМИ);
- непосредственное присутствие объектов наказания, в отличие от типологически близких случаев «наказаний» изображений, чучел, других замещающих объектов;
- преимущественно пассивный характер объектов наказания, в основном молчащих — в отличие от жанра признательных показаний, чаще всего вынужденных, популярного в военной стадии конфликта;
- хотя бы минимально упорядоченный и коллективный характер действий (самый простой случай — ситуативно организованные «коридоры позора»).

Основным источником служили видео- и аудиоматериалы и описания, распространяемые организаторами, их сторонниками или нейтральными СМИ. Такие источники позволяют определить не столько массовое отношение к проведенным ритуалам (как правило, противоречивое), сколько смысл акций, предполагаемый их организаторами.

Теоретическим ресурсом работы стала культурсоциология Йельской школы (Дж. Александер, Ф. Смит, Р. Айерман и др.). Направление культурсоциологии происходит, как и классическая сравнительная политология (Г. Алмонд, С. Липсет и др.), из социологической теории Т. Парсонса, но расходится с предшественниками, выдвигая тезис об автономии культуры. Структурным объяснением социальных событий (в том числе политических революций) культурсоциологи представляют концепцию перформативности, призванную соединить структуру, действие и культурное (символическое) измерение. Теоретическая модель культурсоциологов вызывает много споров (например, их определение «сакрального»), их разработки важны по крайней мере как критика других подходов, недооценивающих самостоятельную значимость культурной составляющей.

В культурсоциологии Йельской школы наказания определяются как социальные процессы, которые конкретизируют и применяют репрезентации, касающиеся реальности зла (Александер. «Культурсоциология зла»). Определение «зла» в свою очередь рассматривается как неизбежный эле-

мент конструирования положительных ценностей, необходимых для каждого общества.

Соотношение структурной и символической составляющей в украинских событиях 2014–2015 гг. характеризуется в первом упрощенном приближении тем, что две стороны политического конфликта характеризуются, с одной стороны, устойчивостью и преемственностью культурных (символических) систем, на которые они ориентируются, а также резкими изменениями их структурного положения на разных этапах конфликта:

- декабрь 2013 — февраль 2014 г.: «Майдан» как массовое протестное движение, «Антимайдан» как результат административной мобилизации в поддержку режима;
- февраль–май 2014 г.: «Майдан» и «Антимайдан» как низовые уличные движения, борющиеся за влияние в условиях слабой переходной власти;
- с мая 2014 г.: продолжателями «Майдан» как низового протестного движения остаются небольшие праворадикальные группы; продолжателями «Антимайдана» в восточных областях становятся «народные республики», поддержанные Россией квазигосударства с центрами в Донецке и Луганске.

Отобранные для анализа события («коридоры позора», столбы позора», «народные суды» и др.) различаются между собой по ряду формальных признаков: серийные и редкие, типичные для обеих сторон конфликта (универсальные) или только для одной из них (уникальные), включающий или исключающий характер ритуала и др.

Распространенность ритуалов наказания зависит в первом приближении от характеристик синтаксиса (элементарный или сложносоставной характер действий), прагматики (практическая понятность, простота/сложность воспроизведения) и семантики (соответствие смыслу, символам, ценностям исполнителей и зрителей). На макроуровне влияет предположительно соотношение семантических и социально-структурных характеристик, на которых доклад фокусируется в наибольшей степени.

Структурные характеристики связаны в первую очередь со статусом исполнителей и объектов наказания: в какой мере те и другие связаны с государственными (квазигосударственными) структурами и как соотносятся между их собой социальный статус (руководящая должность и др.) и, что важно для изучаемых ситуаций взаимодействия, силовые возможности (т.е. способны ли объекты наказания сопротивляться физическому или символическому насилию). Семантические (культурно-символические) характеристики определяют возможные культурные источники происхождения ритуалов наказания и связь с ключевыми ценностями каждой из сторон конфликта.

В. В. Титов
Москва

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Актуальность концептуального осмысления исторической политики, ее инструментальной роли в формировании национальной идентичности в государствах бывшего СССР объясняется тем, что с распадом СССР и окончанием холодной войны постсоветские государства с большим или меньшим успехом были вынуждены в процессе государственно-национального строительства обратиться к поиску собственных моделей исторической политики.

Необходимо отметить, что данные модели, которые начинают обретать зримые ценностно-символические и институциональные очертания уже к середине 1990-х годов, существенно различались по целому ряду содержательных и функциональных параметров: смысловому и символическому наполнению, типу применяемых стратегий, ситуационно-политическому контексту. Все эти факторы, безусловно, ограничивают возможность систематизированного научного описания исторической политики на постсоветском пространстве как некоего единого в структурно-функциональном и содержательном плане типа «отраслевой» политической деятельности.

Вместе с тем множественность национальных «исторических политик», возникших на осколках советской исторической «картины мира», имеет и ряд схожих черт, которые, как представляется, связаны с наиболее общими тенденциями постсоветского транзита, его нелинейным и аритмичным характером.

Специфической чертой исторической политики на постсоветском пространстве, которая наиболее отчетливо проявилась еще на ранних этапах *nation-building* в государствах бывшего СССР, является попытка десовветизации институционального компонента символических «пространств памяти» постсоветских республик. Представляется, что ее наиболее выразительным воплощением стала тотальная смена существовавших официальных советских символов: показателен тот факт, что ни одна из бывших союзных республик не сохранила советскую государственную символику.

ЭКСПЕРТЫ-ТЕХНОКРАТЫ И РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ И БЮРОКРАТИЗАЦИЯ «ОТКРЫТОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА»

Вторым проявлением попытки реструктурировать символические паттерны, исторически сложившиеся в советскую эпоху, стала «эпидемия» переименований, которая носила всеобъемлющий характер. Меняли свои названия не только сами постсоветские государства (как правило, отбрасывая «рудиментарные» прилагательные «советская» и «социалистическая»), но и области, города, улицы, иные географические объекты.

Таким образом, можно выделить ряд ключевых аспектов использования исторической политики в целях формирования национально-государственной идентичности в постсоветских обществах. Во-первых, практики формирования исторической политики в государствах бывшего СССР носили и отчасти продолжают сохранять во многом разбалансированный, конъюнктурный, эпизодичный характер, обусловленный как противоречиями постсоветского политического транзита, так и внутренней фрагментацией «новых» постсоветских элит. При этом следует учитывать, что феномен «постсоветской» исторической политики представляет собой не единую унифицированную модель, а набор специфических черт, в той или иной мере (с разной степенью выраженности) характерный для большинства государств постсоветского пространства.

Во-вторых, среди наиболее явно выделяющихся специфических черт исторической политики «постсоветского типа» необходимо особо обозначить: акцент на форсированную «десоветизацию», выраженный ренессансный характер с элементами целенаправленной политической мифологизации истории, ее направленность на «поиск» национально-государственных идентичностей постсоветских государств, выраженную конфликтогенную составляющую. А также — институциональную противоречивость: ситуацию, когда различные политические институты в рамках одной страны транслируют разнонаправленные, взаимоисключающие исторические смыслы и представления.

В-третьих, на постсоветском пространстве оформились различные по своим концептуальным основаниям модели исторической политики, влияющие на характерные особенности формируемой национально-государственной идентичности: интеграционная («примирительная» — Россия, Беларусь), конфликтная национально-центричная (Украина, Грузия, страны Прибалтики), в центре которой лежат культивирование образа «агрессивного чужого», персонифицированного в виде «российской — советской» угрозы, и отчетливая внутренняя поляризация общества, как правило, по этнолингвистическому признаку. Третья модель — архаико-ренессансная (Туркменистан, Таджикистан), в основание которой помещен набор этноцентричных архаических сюжетов.

Внедрение информационных технологий в государственное управление представляет собой сложный процесс взаимодействия представителей государственной власти всех уровней и экспертов-технократов, стремящихся перевести управление на «научную», «объективную» основу. Отстаивая свои позиции, эксперты-технократы содействуют формированию институциональных мифов и «административной моды».

Появление концепции «электронного правительства», с которым связываются надежды на переход от иерархической, малоподвижной и закрытой системы государственного управления к гибким, оперативным взаимодействующим между собой структурам, открытым для контроля в любом звене и сотрудничающим с гражданами в решении общих проблем, связано с активностью экспертов-технократов из Силиконовой долины, являющихся носителями и пропагандистами так называемой калифорнийской идеологии.

В основе «калифорнийской идеологии» лежит представление о том, что информационные технологии обладают набором имманентно присущих им свойств, воплощающих одновременно идеалы свободного рынка и демократии, поэтому внедрение их в любую сферу должно привести к преобразованию данной сферы на соответствующих принципах. Эксперты-технократы, являющиеся носителями и пропагандистами («евангелистами») калифорнийской идеологии, регулярно получают высокие посты в правительстве США (и столь же регулярно через некоторое время это правительство покидают).

В этом смысле весьма характерной является история внедрения в администрацию США принципов «открытого правительства». Как известно (и сторонники «открытого правительства» этим чрезвычайно гордятся), первым документом, опубликованным Б. Обамой после прихода к власти в 2009 г., стал меморандум «О прозрачности и открытом правительстве». В Меморандуме ставилась задача обеспечить беспрецедентный уровень открытости правительства, сформировав систему прозрачности, гра-

жданского участия и сотрудничества¹. На работу в администрацию Обамы была приглашена целая группа экспертов-«евангелистов», которую возглавила Б. Невек.

Большинство федеральных агентств отреагировали на попытку Б. Обамы и его экспертов-технократов провести «блицкриг по освобождению данных», накопленных федеральными органами власти, вполне логичным для бюрократических структур образом, т.е. чисто формально. Они разместили небольшие наборы данных и отчитались о выполнении.

Далее развитие «открытого правительства» пошло по хорошо отработанному пути разработки стратегий развития, включающих качественные индикаторы (первый *National Action Plan* в сфере «открытого правительства» был принят в 2011 г.) и ведомственных планов открытия информации. Эксперты-евангелисты стали один за другим уходить из администрации. Бет Невек сделала это в 2011 г. (тут же став советником правительства Великобритании по вопросам открытого правительства).

Хотя Б. Обама неоднократно называл свою администрацию самой прозрачной в истории США, и первый, и второй сроки его президентства сопровождались постоянными обвинениями в сокрытии важной для граждан информации и принятии за спиной граждан решений, напрямую затрагивающих их частную жизнь. Сошлемся на известное «дело Сноудена», представляющее собой только верхушку айсберга.

Несмотря на очевидные проблемы и утрату ореола новизны, «открытое правительство» успело превратиться в международную административную моду. Об этом свидетельствует активная деятельность «Партнерства по развитию открытого правительства», которое в настоящее время объединяет 65 стран мира и занимается внедрением соответствующих технологий как в развитых, так и в развивающихся странах. Как с гордостью отмечено в последнем отчете Партнерства, страны, которые в него входят, занимают более высокие позиции в рейтинге «открытого правительства» (разработанном специалистами Партнерства)².

Таким образом, «открытое правительство» успешно функционирует в качестве институционального мифа³, задача которого — обеспечить устойчивость организации путем приведения ее в соответствие с внешними критериями рациональности, демонстрируя, что организация идет в ногу со временем. Это означает, что его внедрение носит характер симво-

¹ *Obama B.* Transparency and Open Government. Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies, 2009, January 21. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/TransparencyandOpenGovernment.

² World Justice Project. Open Government Index. 2015 Report. Wash. D.C., 2015. P. 7. URL: http://worldjusticeproject.org/sites/default/files/ogi_2015.pdf/.

³ *Meyer J. W., Rowan B.* Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // *The American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 83. № 2. P. 340–363.

лической реформы и может не иметь ничего общего с повышением эффективности деятельности организации.

Н. А. Трегубов
Челябинск

АНАЛИЗ МОТИВОВ ГОЛОСОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Предмет настоящего исследования — анализ мотивации электорального выбора в современной России. В качестве теоретической базы для классификации мотивов голосования использованы положения теории доминирующего стереотипа, разработанной отечественными политтехнологами Е. Малкиным и Е. Сучковым¹. Согласно этой теории основные мотивы голосования российских избирателей могут носить либо идеологический, либо личностный характер. В первом случае главными мотивами электорального выбора являются стереотипы «как раньше», «как на Западе» и «устраивает сегодня». Во втором случае голосование за ту или иную политическую альтернативу основывается на сформированных в сознании избирателей образах «самого сильного» кандидата, кандидата-«чудотворца», кандидата-борца с тем или иным общественным злом, а также образы «самого честного» и «самого умного» кандидатов. В теории доминирующего стереотипа также присутствует категория «подвижных» избирателей, голосующих по разнообразным случайным мотивам.

В целях первичного анализа структуры мотивации российского электората по основаниям, предложенным в теории доминирующего стереотипа, были проанализированы результаты опроса Фонда «Общественное мнение» о мотивах голосования избирателей на федеральных выборах 2011–2012 гг.²

Далее по формуле (1) был произведен расчет процентных долей избирателей, проголосовавших на выборах 2011–2012 гг. под влиянием того или иного доминирующего стереотипа:

$$P = \Sigma (a \times b), \quad (1)$$

¹ *Малкин Е. Б., Сучков Е. Б.* Политические технологии. М.: Русская панорама, 2006. С. 92–146.

² Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень ФОМ. 2011. № 39. С. 14, № 50. С. 11–12, 28–29; 2012. № 10. С. 8.

где а — доля мотивов, соответствующих доминирующему стереотипу X, среди всех мотивов голосования за партию/кандидата; б — процент избирателей, проголосовавших за партию/кандидата на выборах¹.

На основании полученных данных можно сделать вывод об относительной устойчивости политических мотивов голосования российских избирателей, а также о менее протестном, более осмысленном и более патерналистски ориентированном характере голосования на выборах президента России по сравнению с выборами депутатов Государственной думы РФ.

Анализ мотивационной структуры голосования за каждую из предложенных избирателям политических альтернатив показал, что положительные образы партий и кандидатов на федеральных выборах 2011–2012 гг., как правило, включали от двух до четырех содержательных сегментов². Кроме того, выяснилось, что доля случайных мотивов голосования на выборах депутатов Государственной думы колебалась в диапазоне 25–100%, а на выборах президента — в диапазоне 20–60%.

Высокая доля случайных (бессодержательных) аргументов в структуре электорального выбора российских избирателей требует специального анализа данного типа мотивации. Одним из вариантов такого анализа может быть соотнесение тех или иных случайных мотивов голосования со стадиями обработки информации о политическом объекте, выделяемыми в рамках когнитивной теории мотивации политического действия³.

Кроме того, возможности дальнейшего анализа мотивационной составляющей электорального выбора в современной России, на взгляд автора, могут состоять в следующем:

а) дифференциация мотивов голосования за партию/кандидата в зависимости от принадлежности избирателей к той или иной социально-демографической категории;

б) анализ трансформации мотивов электорального выбора под воздействием направленной политической агитации, а также в зависимости от предлагаемого «меню» политических альтернатив;

¹ В случае с выборами депутатов Государственной думы РФ 2011 г. за основу были взяты скорректированные результаты выборов, рассчитанные исследователем С. Шпилькиным. См.: Шпилькин С. Математика выборов — 2011 // Троицкий вариант. 2011. № 94. С. 2–4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://trv-science.ru/2011/12/20/matematika-vyborov-2011/>.

² Исключением применительно к ситуации федеральных выборов 2011–2012 гг. стала партия «Правое дело», мотивация голосования за которую, судя по данным опроса ФОМ, на 100% носила случайный характер.

³ См., напр.: Пушкарева Г. В. Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. С. 104–260; Пушкарева Г. В. Политический менеджмент: Учебное пособие. М.: Дело, 2002. С. 104–129.

в) использование возможностей корреляционного, кластерного и факторного анализа для выявления устойчивых комплексов мотивов электорального выбора.

Очевидно, что все названные аспекты мотивации голосования российских избирателей уместно изучать с опорой на первичные результаты социологических исследований. Для этого имеет смысл проведение серии опросов, частью которых стали бы открытые вопросы о мотивации электорального выбора респондентов. На взгляд автора, проведение соответствующих эмпирических исследований с последующей обработкой их результатов по предложенным направлениям позволит сделать экспертные суждения о мотивационной сфере электорального выбора в современной России более точными и объективными.

И. Н. Трофимова
Москва

ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА 2014–2015 ГОДОВ

На протяжении последних 1,5–2 лет мы наблюдаем феноменальный, как отмечают эксперты, рост доверия власти, прежде всего в лице президента страны В. Путина. И это несмотря на падение темпов развития экономики, сокращение социальной сферы, череду коррупционных скандалов, снижение уровня жизни, изоляцию со стороны ведущих мировых держав. Тем более что эти моменты чрезвычайно чувствительны для россиян. Практически все социологические опросы показывают, что в первую очередь граждан волнуют экономические и социальные проблемы, а также вопросы социального неравенства и социальной несправедливости. Как показывают результаты общероссийского опроса, проведенного ИС РАН в октябре 2014 г., 53% россиян оценивают нынешнюю ситуацию в России как напряженную и кризисную, еще 6% — как катастрофическую. И треть респондентов оценили ситуацию как нормальную, спокойную. Россияне отмечают ухудшение дел в социальной сфере, соблюдении законности и правопорядка, моральном состоянии общества, межнациональных отношениях, международном положении страны. И тем не менее уровень доверия государственным институтам за последний год существенно вырос.

На наш взгляд, проявление столь парадоксального единения граждан вокруг власти заключается в чрезвычайной фрагментарности социальной,

экономической и политической жизни российского общества и отсутствии или, по крайней мере, несформулированности на сегодняшний день целей развития, которые находили бы понимание среди всех слоев населения. Сегодня более половины россиян, а именно 52%, видят Россию в качестве одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира. Еще примерно четверть желают статуса супердержавы, какой был у СССР. 9% респондентов видят влияние России в рамках постсоветского пространства, и всего лишь 4% респондентов считают, что России не следует вообще стремиться к глобальным целям.

Среди сторонников великодержавной России больше лиц старшего возраста, с невысоким уровнем материального положения, нерусской национальности и проживающих на селе. Средние слои, не средний класс, по возрасту, уровню материального положения, типу поселения, а также представители русской национальности придерживаются более умеренной перспективы. Эти две перспективы — условно назовем их экспансионистской и умеренной — отчетливо показывают, какие слои населения их поддерживают. Наконец, отметим такой фактор, как отношение к президенту В. Путину. Чем выше уровень его поддержки, тем заметнее настроения экспансии интересов России в мире.

Какие же условия, по мнению россиян, необходимы для достижения Россией статуса великой державы? Как показывают результаты опроса, более половины респондентов уверены, что основными условиями достижения этого статуса должны стать «развитая современная экономика» (58%) и «высокий уровень благосостояния граждан» (53%). Обращает на себя внимание также значительное число сторонников роста мощности вооруженных сил (44%) и одновременно сторонников «мягкой силы», выступающих за возрождение национальной культуры и национального самосознания россиян (39%). И на этом фоне совсем незначительной выглядит доля тех, кто выступает за развитие демократии и соблюдение прав человека, — 14%.

Сравнивая мнения россиян о происходящих переменах, их видение желаемого будущего страны и способов его достижения, можно сформулировать достаточно общий, но принципиальный вывод. Россияне стремятся жить в современном, благополучном, высокоразвитом обществе, но за счет использования устаревших, неэффективных институтов. И наибольшее различие между отдельными слоями населения отмечается именно в отношении к институтам. Так, в представлении россиян о желаемом будущем страны на первое место выходит консервативная перспектива, включающая уравнивательные, имперские, традиционные институты, которые поддерживают от трети до половины россиян. В середине находится смешанный комплекс — примерно по четверти респондентов отметили как демократические, так и авторитарные ценности. Наконец, в меньшин-

стве оказываются сторонники крайних взглядов. Европеизация, либерализация, националистические лозунги приемлемы не более чем для 10–13% россиян.

Сложившаяся структура институционального доверия воспроизводит характерный для российского общества разрыв между символической значимостью авторитарных институтов (глава государства, церковь, армия), с одной стороны, и недоверием к институтам, определяющим возможности гражданского участия (политические партии, парламент, общественные организации, профсоюзы и др.), — с другой. Все это говорит об отсутствии развитой горизонтальной, низовой системы реализации гражданских интересов. Речь идет не просто о концентрации социального капитала вокруг фактически одного института — института президентства, но о выхолащивании смысла деятельности остальных институтов, размывании их функций, сведении многообразия общественных интересов к одной-единственной позиции.

А. А. Трущева
Москва

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ: К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОМ НАПОЛНЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ (на примере ценностей «сильного государства», «традиций», «патриотизма» и «стабильности»)

В настоящее время проблема ценностного содержания политического сознания является актуальной и обсуждаемой в обществе. За последнее десятилетие заметно возросло внимание к роли консервативных ценностей как наиболее обобщенных ориентиров поведения и для рядовых граждан, и для акторов политического дискурса.

Несмотря на массовое признание в 90-х демократических идей, ценности «свободы», «прав человека» и «толерантности» так и не стали прикладными аспектами новой идеологии, в связи с этим запрос в массовом сознании на «работающие ценности» оставался актуальным. Вне зависимости от идеологической самоидентификации респондентов практически во всех группах общества консенсус ценностных идей проявляется в доминировании таких ценностей, как «порядок», «социальная справедливость», «силь-

ное государство», «держава», «стабильность»¹. Причем, по мнению некоторых ученых, подобную иерархию ценностей не могут поколебать никакие конъюнктурные политические процессы и события.

В рамках проводимого нами исследования² при оценке наиболее значимых идей респондентами были проранжированы такие консервативные ценности, как «патриотизм», «традиции», «сильное государство» и «стабильность». Ранжирование данных ценностей, безусловно, свидетельствует о заинтересованности респондентов в реализации ценностей консервативной идеологии, но для обоснованности выводов необходимо рассмотреть идейную почву и смысловую значимость выявленных категорий.

В представлениях о ценности *патриотизма* отчетливо проявляется традиционалистическая составляющая, центральный референт ценности — Родина — определяется национально-государственной идентификацией. Содержание центрального предмета представлено понятиями «культура», «язык», «верования», «историческая память» (в отличие от «локального патриотизма», зафиксированного социологическими исследованиями 2000-х). В то же время ценность патриотизма в целом имеет значение «гражданского» патриотизма — *«это любовь к Родине, любовь к государству необязательна, зависит от качества человеческого капитала действующей власти»*. Содержательный контекст ценности отрицательно коррелирует с национализмом и космополитизмом. Функциональное назначение ценности в представлениях респондентов связано с сохранением и идентификацией, под которыми понимается формирующееся на основе этнического и политического единства состояние народной солидарности, включающей коллективный и индивидуальные уровни, т.е. осознание и переживание нацией своей целостности, а гражданами — своей принадлежности к нации.

Содержание ценности *сильного государства* связано с представлениями о великой державе, основанными на историческом компоненте нацио-

¹ Исследование, проведенное ВЦИОМом в начале 2014 г., выявило лидирующие ценности, которые, по мнению опрошенных, способны объединить страну в общество «нового порядка»: это — стабильность (44%), законность и порядок (37%), сильная держава (35%), справедливость (24%) // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2604. июнь 2014 г. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114857> (дата обращения: 07.04.2015); ФОМ. О патриотизме (Сколько патриотов среди россиян? И кого можно считать патриотом?). Июль, 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: T Sennosti/11471); ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2604 «Что значит «быть патриотом?», июнь 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114857>.

² Эмпирической базой исследования стали результаты научно-исследовательского проекта, проведенного кафедрой социологии и психологии факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова «Политические ценности, их восприятие в современной России» (2013–2014 гг.), руководитель проекта канд. полит. наук А. В. Селезнева.

нального самосознания и на оценке вклада России в развитие мировой культуры. Параметрами силы государства являются не столько военная мощь и территориальные, природные ресурсы, сколько уровень социального благосостояния граждан. Содержание ценности заключается в представлениях о государстве социального благоденствия, которое, с одной стороны, играет активную роль в экономике, обеспечивая тем самым сильную систему социальной защиты, с другой — это невмешательство в частную жизнь и соблюдение политических и гражданских прав и свобод при условии обеспечения стабильности. Содержание представлений следует интерпретировать как сочетание идеи сильного государства и скорее социалистического типа отношений, т.е. это то государство, в котором укреплена его роль во всех сферах жизни, национализированы крупнейшие предприятия стратегических отраслей, сделан упор на социалистический тип экономики с элементами рыночных отношений.

Ценность *стабильности* является терминальной, как императивная ценность, необходимая для жизни. Запрос на стабильности востребован в «пакете» с идеями равенства, порядка, материального достатка и справедливости. Содержательный контекст ценности ориентирован на социальный порядок, который обеспечил бы все эти идеи, т.е. социальные и экономические права граждан. Весьма любопытно отсутствие понимания стабильности как «правления жесткой руки», т.е. запрос на стабильность не является запросом на авторитаризм.

Ценность *традиции* понимается как обеспечение преемственности социокультурного опыта. Референт ценности представлен такими категориями, как православная вера, любовь к Родине, единство народа и традиционная трехпоколенческая семья. Представления ценности традиций через перечисленные выше категории, которые сами являются самостоятельными ценностями консервативного идеологического спектра, свидетельствуют о том, что в российском обществе действительно существует запрос на консерватизм.

В заключение хотелось бы отметить, что консервативные ценности, как и любые другие, в массовом сознании взаимосвязаны настолько, насколько у них имеются сходные референты (предметы ценностных обращений) и валентность (степень приемлемости/неприемлемости). Таким образом, корреляция референтов и индикаторов ценностей «сильного государства», «традиций», «стабильности» и «патриотизма» может свидетельствовать о возможности их успешной реализации в политической практике, как наиболее синхронизируемых ценностных идей массового сознания.

Р. Ф. Туровский
Москва

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: НЕУДАВШИЙСЯ ПРОЕКТ?

Местное самоуправление в России является, пожалуй, одним из самых неустойчивых политических институтов. Одним из признаков нестабильности его положения стали регулярные реформы, проводимые федеральными властями. Сам факт проведения таких реформ «сверху» показывает, что местное самоуправление не обладает выраженной политической субъектностью. В 2014 г. в федеральное законодательство были внесены очередные поправки, позволяющие говорить о «малой реформе», стартовавшей через считанные годы после завершения процесса внедрения «большой реформы», связанной с принятием федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в 2003 г. (реализация положений которого, напомним, продолжалась до 2008–2009 гг.).

Слабая политическая субъектность и постоянное реформирование местного самоуправления в России заставляют задуматься не только о причинах сложившегося положения, но и о научных подходах к его исследованию. Транзитологические подходы, исходившие из того, что посткоммунистическая Россия движется к демократии, видели важную роль местного самоуправления в этом процессе. Действительно, развитие локальной, «корневой» демократии способно было обеспечить формирование демократической гражданской культуры в стране и тем самым стать фундаментом демократического транзита России. Однако этого не случилось.

Институт местного самоуправления в России рассматривается в докладе с точки зрения теории «принципал—агент», которую автор считает наиболее релевантной для исследования современных тенденций государственно-муниципальных отношений. Автор приходит к выводу о том, что местное самоуправление не выполняет имманентные ему функции агента локального сообщества и вместо этого стало агентом государственной власти, как федеральной, так и региональной.

Исследование доходной базы и расходной политики местного самоуправления показало, что принципал ограничивает финансовую самостоятельность своего агента и не располагает возможностями для обеспечения его достаточными ресурсами с помощью бюджетных трансфертов. В результате полномочия агента фактически сужаются, примером чего стали прекращение работы местного самоуправления в сфере здравоохранения

и снижение финансирования жилищно-коммунального хозяйства. Изучение наиболее благополучной части местного самоуправления — городских округов и, в частности, региональных столиц — выявило снижение их финансовой автономии.

В этих условиях закономерным стало фактическое подчинение городов региональной власти с помощью модели сити-менеджера. В последние годы как отмена прямых выборов мэров, так и вмешательство губернаторов в прямые выборы там, где они проводились, сопровождались заменой практически всех муниципальных руководителей, прежде всего — представителей оппозиционных партий и сильных локальных групп влияния. Во многих случаях к власти в городах пришли непосредственные выходцы из региональной исполнительной власти. Превращение городских администраций в филиалы региональных правительств, с одной стороны, соответствует финансово-экономическим реалиям, но с другой — окончательно лишает институт местного самоуправления связи с местным сообществом.

Губернаторы к настоящему времени обладают всеми возможными рычагами влияния на местное самоуправление, позволяющими использовать его в качестве политически зависимого агента, выполняющего ограниченный набор функций. Положение агента в этих условиях таково, что не позволяет применять в полной мере те возможности, которые вытекают из теории и практики принципал-агентских отношений. В частности, трудно найти аналог эффекта «переливания полномочий» (*spillover effect*), предполагающего, что агент может реализовывать свои цели и наращивать влияние, используя возможности контракта. При всей возможной информационной асимметрии контроль региональной власти над местным самоуправлением и его формализованная отчетность достаточно развиты, для того чтобы минимизировать возможности его собственной игры, «обмана» принципала и получения «незаслуженных» ресурсов.

В этих условиях, напротив, локальные сообщества фактически утратили свои функции принципалов. Во-первых, они не делегируют муниципальным властям полномочия, которые определяются федеральным законодательством и практиками государственно-муниципального взаимодействия. Во-вторых, в условиях отмены прямых выборов мэров местное сообщество не формирует их корпус. В-третьих, местное сообщество не имеет возможности лишить муниципальную власть полномочий и располагает ограниченными правами для ее роспуска (такими, как голосование по отзыву выборного лица, которое может быть вызвано только установленными судом нарушениями и потому не практикуется). В результате нельзя говорить о каком-либо полноценном контракте местной администрации и локального сообщества.

Р. Х. Усманов
Астрахань

КАВКАЗСКО-КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН — ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЫЗОВОВ НОВОГО ЦИКЛА РАЗВИТИЯ

Современные социально-политические процессы в мире, изменяющееся геополитическое положение ведущих государств, а также их расстановка на политической арене приводят соответственно и к внутренним трансформациям в этих странах. В конце XX в. после распада Советского Союза изменилось геополитическое положение ее составляющих — некогда самой значительной в мире территории. Сегодня, в начале XXI в., происходят различные внутренние преобразования и катаклизмы в странах бывшего СНГ, что, естественно, влияет на межгосударственные отношения соседних территорий.

Кавказско-Прикаспийский регион, и особенно Северный Кавказ, является наиболее дестабилизирующим и вызывает этнополитическое напряжение. Необходимо учитывать, что Каспийский регион — та территория, куда обращены взоры национальных интересов ведущих мировых держав. Он является важным стратегическим звеном между Севером и Югом — Россией и Персидским заливом, — будучи источником снабжения нефтью и газом рынков Европы. Последствиями таких международных глобальных интересов в немалой степени являются события в Ираке, периодически обостряющиеся отношения Исламской Республики Иран с США, военный конфликт Грузии с Россией, в некоторой степени это касается событий в Украине и т.д. Обусловлено это главным образом и в первую очередь природными углеводородными ресурсами, которыми обладают прикаспийские государства, географическим положением региона, где пересекаются транспортные, торговые пути, и самим морем с его уникальными биоресурсами. Кроме этого, на данный геополитический фон накладывают свой отпечаток и те миграционные процессы, которые происходят в этом Кавказско-Прикаспийском регионе, накапливая соответственно конфликтогенный потенциал, приводящий к дестабилизации государственной системы. Такие вызовы и угрозы современного цикла развития в значительной степени могут изменить сложившуюся геополитическую ситуацию в прикаспийских регионах в пользу некоторых заинтересованных государств. В этой связи для прогнозирования данных политических

процессов наиболее важным является региональный уровень измерения и анализа, что особенно важно для стран Прикаспийского региона и южной части России, где такие вызовы, выраженные в конфликтах, сопровождающихся терроризмом и экстремизмом, создают серьезное напряжение и ставят под определенную угрозу будущее развитие стран.

Так, например, это особенно важно в связи с многонациональным, поликультурным характером российского общества. Общеизвестно, что на Юге России, который является северным побережьем Каспийского региона, этнополитические конфликты разворачиваются на фоне нерешенности проблем, связанных прежде всего с международно-правовым статусом Каспийского моря, миграцией, сохранением биоресурсов Каспия, разработкой и конкуренцией за преимущества транспортировки углеводородных ресурсов по Каспию. В данном случае межрегиональные соглашения, горизонтальные и вертикальные связи, регулирующие вопросы перемещения населения между соседними государствами с учетом дискриминации национальных меньшинств и диспропорции рынка рабочей силы, сегодня крайне важны. Сохранение и развитие этнокультурного наследия, защита культурной самобытности, культурно-исторической среды обитания должны сегодня приобретать особую актуальность на данных территориях. Именно поэтому политика в сфере межэтнических и социокультурных отношений, достижения толерантности населения, а следовательно, и геополитической безопасности Прикаспийских регионов, станет эффективна только в том случае, если в ее реализации будут задействованы не только органы государственной власти различного уровня, но и институты гражданского общества, средства массовой информации, научно-исследовательские и учебные заведения.

Надо отметить, что такие процессы более обостренно происходят в Каспийском регионе и на Юге России (Северный Кавказ), что, в свою очередь, может серьезно повлиять на геополитическую ситуацию не только в соседних государствах, но и в Европейском союзе (через Турцию, Украину, Балканские страны и т.д.). Поэтому тесное взаимодействие государств, а также сама власть и гражданское общество в Прикаспийских странах и в странах Западной Европы должны своевременно реагировать на всевозможные случаи возникновения элементов этноконфессионального и этнополитического конфликта как одного из серьезных факторов, вызывающих политический риск. Именно с целью упреждения этих деструктивных явлений необходима дальнейшая демократизация и модернизация политических процессов, самой политической системы обществ, но при условии развития гражданского общества и укрепления основ правового государства при тесном взаимодействии со всем научным сообществом регионов.

Л. А. Фадеева
Пермь

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО: ПЕРМСКИЙ СЛУЧАЙ

На одном из круглых столов, посвященных развитию политической науки в российских регионах, столичный коллега в сердцах сказал: «Лучше бы люди в регионах вообще не занимались наукой; для науки это было бы полезней». Нельзя отказать автору данной сентенции в искренности пожелания, чтобы наука развивалась в регионах в соответствии с высокими профессиональными стандартами, а не в зависимости от региональной политической конъюнктуры.

Между тем специфика деятельности политологических центров в регионах изначально была обусловлена необходимостью отвечать на вызовы и потребности среды в подготовке профессионалов в сфере политики, поэтому предусматривала вовлечение в процесс заинтересованных представителей неакадемической среды из разных сфер. Другой существенный момент — способность придерживаться баланса и адекватной позиции в мире политической борьбы, соперничества, страстей, дистанцируясь от вовлечения в саму борьбу, сохраняя академический статус и научную объективность.

На рубеже 1990–2000-х годов Пермь гордилась репутацией самого демократичного российского региона. Демократизация российского общества, тенденции создания правового государства и формирования гражданского общества требовали соответствующей системы социализации граждан, основными содержательными компонентами которой являлись бы воспитание в себе ответственности за свой выбор, овладение необходимыми правовыми знаниями и умениями отстаивать свои права и т.д. Логика развития политической культуры обусловила интерес к гражданскому образованию как открытой системе, восприимчивой к новациям, а в научном плане привела к серии исследований политической культуры и гражданского образования.

Взаимодействие с органами власти, некоммерческим сектором, средствами массовой информации всегда позволяло пермским политологам находить самые актуальные темы для исследований. Иногда импульс формировался при взаимодействии с коллегами из других центров, российских и зарубежных. Так, из канадского университета Северной Британской Колумбии пришла идея провести сравнительный анализ локальной

демократии; главный научный сотрудник ИМЭМО РАН И. С. Семенов вдохновила пермское политологическое сообщество проблематикой политической идентичности.

Пересечение с научно-исследовательским и преподавательским интересом, с одной стороны, дает некий синергетический эффект, а с другой — обеспечивает экспертную востребованность. Интересы пермских ученых-политологов сосредоточены на институте выборов, политической культуре, институционализации органов государственной власти и местного самоуправления, теоретических и прикладных аспектах элитоведения, молодежной политике, региональной, локальной, глобальной, гражданской, политической, множественной и других измерениях идентичности. Относительно недавно научный интерес пермских политологов обратился к институциональной роли университетов, их взаимодействия с сообществами, их социального потенциала. Как правило, академические интересы подкреплены проектной деятельностью.

Проектная деятельность, в свою очередь, позволяет формировать новые научные центры и направления. Так, молодой Центр сравнительных исторических и политических исследований (при историко-политологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета) стал известен не только исследованиями патрон-клиентских отношений и феномена клиентелизма в целом, но и широкой просветительской деятельностью посредством проведения открытых научных семинаров.

Существенный импульс дает сетевое взаимодействие. Своего рода визитной карточкой пермского политологического сообщества стала Всероссийская Ассамблея молодых политологов — ежегодный научно-практический молодежный форум, органично сочетающий в себе форматы академической конференции и дискуссионной площадки по ключевым направлениям современной политической науки и практики. Ее организатором выступает кафедра политических наук ИПФ ПГНИУ, но принимают участие в ней все политологические центры Перми.

Другим сетевым «продуктом» стала электронная сеть по исследованию идентичности, менеджмент которой осуществляет М. В. Назукина, а научное кураторство — главный научный сотрудник ИМЭМО РАН И. С. Семенов.

В пермском случае речь идет действительно о политологическом сообществе, куда входят представители разных научных и образовательных центров — кафедра политических наук ИПФ ПГНИУ (руководитель — Л. А. Фадеева), кафедра истории и государственного управления ПНИПУ (руководитель — П. В. Панов), Пермский филиал по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права УрО РАН (руководитель О. Б. Подвинцев), Некоммерческий общественный

центр «ЭлИс-Центр» по исследованию элит при ППИПУ (руководитель — В. П. Мохов). Сообщественные связи, сотрудничество, атмосфера дают возможность развивать политическую науку с учетом академических и неакадемических вызовов сегодняшнего дня.

А. С. Фалина
Москва

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕНТЫ И СЕТЕВОЙ КОРРУПЦИИ

В современную эпоху криминализация государственного аппарата превратилась в угрозу, способную подорвать устои государства, его демократические преобразования. Коррупционное чиновничество торгует государственными интересами в розницу и оптом. Российские средства массовой информации пестрят примерами коррупционного поведения чиновников, особенно из органов исполнительной власти: в марте за взяточничество задержан губернатор Сахалинской области А. Хорошавин и арестован бывший министр образования Ставропольского края В. Лямин; в январе осужден сроком на 10 лет бывший начальник управления договорных отношений департамента имущества г. Москвы Д. Васильев. И это только за I квартал 2015 г.

Как правило, большинством исследователей коррупция рассматривается в рамках теории поиска ренты. В таком случае политики и чиновники выступают «невинными жертвами» алчности бизнеса, пассивными страдальцами, которым в обмен на привилегии и льготы лоббисты передают некие блага.

На наш взгляд, более продуктивно, особенно применительно к России, исследовать коррупцию с помощью теории извлечения ренты, разработанной Ф. МакЧисни¹. Согласно этой теории государственные служащие являются активными вымогателями ренты. Здесь фирмы и отдельные бизнесмены платят не только и не столько за привилегии, сколько за то, чтобы избежать ухудшения своего положения вследствие тех или иных действий государства. В подтверждение справедливости такого взгляда на российскую коррупцию достаточно привести несколько примеров, имевших место в 2014 г. Арестован бывший мэр Ярославля Е. Урлашов, который вместе с подчиненными вымогал взятку в 14 млн рублей у директора

коммерческого общества. Бывший мэр Астрахани М. Столяров осужден на 9 лет колонии за взятку от некоего бизнесмена в 10 млн рублей и требование оформить на его доверителя 25,1% доли в принадлежащей бизнесмену фирме. В обоих случаях инициатива взятки исходила от чиновников под угрозой ухудшения положения взяткодателей.

Коррупция неоднородна по своей природе, она имеет различные виды. В частности, коррупция может быть «верхушечной» и «низовой». Первая охватывает политиков, высшее и среднее чиновничество и сопряжена с принятием решений, имеющих высокую цену. «Низовая» коррупция распространена на среднем и низшем уровнях и связана с постоянным, рутинным взаимодействием чиновников и граждан (штрафы, регистрации, налоги и таможенные сборы, освобождение от призыва в армию и т.п.). Масштабная низовая коррупция предельно опасна, поскольку, во-первых, ее жертвами, как правило, являются наиболее бедные и уязвимые слои общества¹, во-вторых, она создает благоприятный психологический фон для существования других форм коррупции, является базой для ее верхушечной формы. Последняя представляет собой исходный материал для формирования организованных коррупционных структур и сообществ.

Верхушечная коррупция может быть, кроме того, транснациональной и местной, поскольку государственным должностным лицам легче и безопаснее сделать большие суммы денег не на местных, а на международных сделках. Даже в тех случаях, когда крупная коррупционная сделка полностью совершается в одной стране, необходимость перевода средств за границу представляет собой международный элемент. Специалисты Всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки» столкнулись с тем, что российские чиновники все активнее и в больших размерах выводят коррупционные капиталы за рубеж, используя международные механизмы.

В этой связи угроза, которую представляет коррупция, становится еще более серьезной из-за связи с организованной транснациональной преступностью. В глобализирующемся мире, который постоянно меняется и становится все более взаимозависимым, долгосрочные последствия такой связи заслуживают особого внимания. Включение российских коррупционеров в международные сети особым образом усиливает возможности иностранного влияния на отечественное государственное управление, так как при возникновении политических или экономических конфликтов чиновники могут быть использованы как инструмент борьбы.

Несмотря на принятие в последние годы серии правовых документов по борьбе с коррупцией, в российском законодательстве не предусма-

¹ См.: *McChesney F. S. Money for Nothing: Politicians, Rent Extraction and Political Extortion*. Cambridge, MA, 1997.

¹ Например, в Оренбургской области обвинен чиновник в вымогательстве и получении взятки за выдачу свидетельства на приобретение жилья для многодетной матери.

тривается уголовная ответственность за незаконное обогащение. Самое большее, что грозит коррупционерам, — передача их незаконно нажитого имущества в государственную собственность и лишение их занимаемых должностей.

А. Е. Фоминых
Йошкар-Ола

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ОПЫТ США И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ

И нновации в публичной дипломатии в основном связываются с дипломатией «цифровой», которая сегодня воспринимается как естественная часть процессов политических коммуникаций с иностранной аудиторией. Гораздо менее известна американская инициатива «Зеленой дипломатии» (*Greening Diplomacy Initiative — GDI*), официально озвученная в День Земли 22 апреля 2009 г.¹ Между тем для публичной дипломатии она открыла новое — экологическое направление.

Перенос эко-тематики в сферу политических коммуникаций выглядит вполне предсказуемым. Апеллируя к таким чувствительным сферам, как здоровье, чистота окружающей среды, качество жизни людей, экологические аргументы неизменно вызывают широкий общественный резонанс. С позиций набирающей популярность концепции брендинга государств (*nation branding*) обращение Госдепартамента к «зеленым» мотивам было вполне оправданно, поскольку международная экологическая репутация США явно нуждалась в коррекции. В 2014 г. индекс экологической устойчивости (*EPI*) США составил 67,52 балла из 100, что помещает страну на 33-е место в мировом рейтинге².

Инициатива «Зеленой дипломатии» преследовала амбициозную цель: продемонстрировать миру глобальное лидерство США в использовании ресурсо- и энергосберегающих технологий. Госдепартамент США должен был стать «пилотным» ведомством по внедрению принципов устойчивого развития в повседневную практику. Это планировалось сделать через существенное сокращение объемов потребляемой электроэнергии, воды,

¹ U.S. Department of State. Greening Council Charter. Rev. January 2013. URL: <http://www.flipsnack.com/957F996BDC9/fc9aos89.html>.

² Environmental Performance Index. 2014 EPI. Country Rankings. URL: <http://epi.yale.edu/epi/country-rankings>.

нефтепродуктов, бумаги и других ресурсов, снижение выброса парниковых газов, экологическую сертификацию зданий посольств и консульств¹.

Экологическая тематика присутствует и в традиционном инструментарии публичной дипломатии США, таком как стипендиальные программы обменов. Возможности обучения и стажировок в американских университетах по проблемам экологии предоставляет Программа Фулбрайта, а также аналогичные программы частных американских корпораций, таких как *Cargill* (сельское хозяйство, производство продуктов питания), *ExxonMobil* (нефтедобыча), *Alcoa* (производство алюминия).

Инициативы в области охраны окружающей среды и реализации принципов устойчивого развития нашли отражение и в деятельности Агентства США по международному развитию. Проекты *USAID* в области охраны окружающей среды и борьбы с глобальными изменениями климата реализуются по всему миру, хотя наибольшее их количество приходится на развивающиеся страны Африки, Азии и Южной Америки. Получателями содействия выступают, как правило, экологические неправительственные организации, хотя реализация большинства проектов подразумевает вовлечение органов власти. Таким образом, помимо улучшения собственной международной репутации в странах — реципиентах американской помощи, США содействуют — открыто или скрыто — трансформации общественных экологических инициатив в канал политического влияния на иностранные государства. В странах, где сильны антиамериканские настроения, деятельность *USAID* сталкивается с недоверием, а иногда и активным противодействием местных властей. Так, после ухода из России в 2012 г. Агентство было вынуждено свернуть свое присутствие в Боливии (2013) и Эквадоре (2014).

Опыт «Зеленой дипломатии» США представляет собой интересный пример использования экологической тематики во внешнеполитических коммуникациях, хотя реальная эффективность *GDI* вызывает немало вопросов. Кампания «зеленых посольств» в действительности могла быть прикрытием процессов экономии ресурсов, вызванных сокращением финансирования деятельности Госдепартамента, а переход на энергосберегающие технологии связан с коммерческими интересами крупнейших энергетических корпораций.

Тем не менее мы являемся свидетелями появления еще одной сферы публичной дипломатии. Эко-дипломатия наряду с другими отраслевыми каналами коммуникации с иностранной общественностью (культурной, спортивной, религиозной дипломатией) со временем имеет шанс превратиться в традиционное и уважаемое направление публичной дипломатии, которое следует изучать и воспроизводить.

¹ Eco-diplomacy: Leading By Example / Greening Diplomacy Initiative. United States Department of State. URL: http://overseasbuildings.state.gov/sites/admin-overseasbuildings.state.gov/files/pdfs/gdi_1.pdf.

А. А. Фролов
Ярославль

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

В современном российском обществе за последнее десятилетие начали активно развиваться разнообразные виды гражданской деятельности. Гражданская активность сейчас проявляется в нескольких направлениях, затрагивая при этом широкий пласт активных граждан, некоммерческий сектор и НКО, интернет-площадки и социальные сети. Многие из указанных направлений развиваются с помощью сетевых механизмов.

Некоммерческие организации и гражданское общество в России сейчас проходят период становления и приобретения своей идентичности. Развивающийся некоммерческий сектор толкает на развитие и государственные институты, создаются диалоговые площадки и институты, на которых власть и общество совместно взаимодействуют. Об этом, в частности, пишут Л. И. Никовская и В. Н. Якимец. Они указывают, что у «повзрослевшего» российского общества сформировался запрос на укоренение современной политической культуры, на выстраивание нового качества политического порядка, на новое качество публичности².

Во взаимодействии государства и третьего сектора пока не получается наладить полностью эффективное сотрудничество для реализации гражданских инициатив. О данных фактах пишут российские ученые в коллективной монографии под редакцией С. В. Патрушева. Перспективы развития, по их мнению, связаны со способностью людей к гражданской и политической самоидентификации, что невозможно без разворачивания гражданских движений, становления политиков, готовых в условиях широкого гражданского участия формировать самостоятельную сферу согласования интересов граждан³.

Тенденцией в формировании гражданского общества и гражданской активности становится процесс создания новых диалоговых площадок

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № 1127 «Правовые и социально-политические аспекты гражданской активности в современной России».

² Никовская Л. И., Якимец В. Н. Повышение культуры публичной политики — вызов для демократического развития России // Власть. 2014. № 9. С. 5–10.

³ Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2013. С. 523.

в регионах страны. Формируются сетевые структуры, которые взаимодействуют как в отдельных регионах, так и между собой на федеральном уровне. О положительной динамике формирования таких площадок говорят многие исследователи. В частности, Е. А. Исаева пишет, что использование на региональном уровне диалоговых механизмов как механизмов обратной связи власти и общества является инструментом повышения эффективности властных решений, повышения доверия к органам власти со стороны населения¹. В данном аспекте тенденцией становится создание отлаженной системы механизмов межсекторного взаимодействия и хорошо проработанная нормативная база, которая будет работать в каждом регионе. Самая большая опасность заключается в том, что федеральная власть, пытаясь создать большое количество разнообразных диалоговых площадок в разных регионах страны, не будет учитывать возможности разных субъектов. Не в каждом регионе найдутся активисты, которые смогут работать в данных структурах. Тем самым власть на местах будет создавать неработающие площадки, для формальной отчетности. Такой факт, безусловно, может негативно сказываться как на доверии к данным площадкам со стороны общества, так и на их эффективности.

Тенденцией развития некоммерческого сектора является усиление государственного регулирования НКО. На данный момент российские НКО, для того чтобы уверенно вести свою деятельность, в действительности могут участвовать только в государственных конкурсах на получение финансирования. Данное обстоятельство сложилось после принятия «закона об иностранных агентах», который фактически ограничил получение иностранного финансирования некоммерческими организациями, многие из которых строили свою деятельность по принципам сетевой формы организации, имея множество отделений по стране. Принятый закон в первую очередь сильно ударил по сетевым НКО, занимающимся контролем выборов, гражданским и политическим просвещением. На практике изначально организации, получившие такой статус, были внесены в отдельный реестр Министерства юстиции (на апрель 2015 г. — 51 НКО), а в дальнейшем фактически все они решили самоликвидироваться.

В итоге мы видим, что основные тенденции развития гражданской активности в стране связаны в первую очередь с развитием институтов гражданского общества и некоммерческих организаций. При этом развитие протекает в плотном сотрудничестве с институтами власти. Институционализация гражданской активности видится по многим направлениям, начиная от финансирования НКО и заканчивая созданием новых движений, основанных на сетевой структуре организации.

¹ Исаева Е. А. Нормативно закрепленные диалоговые площадки власти и общества в субъектах России: предпосылки эффективности // Власть. 2013. № 8. С. 39–41.

Е. А. Хан
Симферополь

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМЫ РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В КРЫМУ

В 2002 г. в Крыму была запущена система раннего предупреждения конфликтов. Она была уникальна тем, что сочетала в себе аналитические разработки с политическими и социальными технологиями. В рамках мониторинговой программы, которая продлилась до 2010 г., был накоплен огромный объем социологических данных, статистики и тематических исследований. Внедрение происходило на трех уровнях: украинский, крымский и локальный, из которых наименее эффективным был крымский уровень. С 2010 по 2013 г. мониторинговую программу поддерживало правительство Крыма, что серьезно повысило практические возможности системы. Оценка эффективности работы системы, проведенная по мировым стандартам, была очень высокой.

Вниманию участников конгресса / круглого стола / дискуссии представлены некоторые тренды развития Крыма в 2002–2013 гг.

Экономические тренды. Статистические тенденции. Доходы населения (официальные и социологические данные). Влияние кризиса 2008–2009 гг. на механизмы адаптации крымчан. Реформы 2010–2011 гг. и их сворачивание. Влияние экономических тенденций на политические.

Политические тренды. Легитимность системы и ее потенциал к решению конфликтов. Уровень протестной активности и метод оценки целевых аудиторий. Крымская идентичность.

Социальные тренды. Уровень социальной фрагментации. Тенденции изменения межнациональных и межконфессиональных отношений.

Информационные тренды, рассчитанные по оригинальным методикам, обобщающим событийный анализ, анализ медийной активности и социологические методы оценки влияния, эффективности и структурных изменений.

Анализ этих трендов дает возможность сделать выводы о том, каким Крым подошел к концу 2013 г.

В это время Крым представлял собой территорию со слабеющим адаптационным потенциалом населения, когда происходит дробление общества на малые группы, каждая из которых ищет свои пути адаптации. Неадаптанты погружаются в депрессию. Состояние адаптантов описывается термином «сецессия» (отдаление от государства).

Негативное отношение к начатым властью реформам растет. На смену завышенным ожиданиям (после избрания В. Януковича президентом страны) приходит разочарование. Рейтинги партии власти стремятся к минимальным показателям. Набирают силу протестные настроения, правда, пока не имеющие вектора.

Раскручивается негативная спираль восприятия информации. Система коммуникации в социуме изменяется, в том числе снижается влияние СМИ, формируются внутренние каналы коммуникации. Создается новая информационная реальность. Восприятие многих традиционных вещей меняется.

Очередной социальный цикл адаптации, запущенный в 2010 г., завершился в середине 2013-го. В рамках цикла деятельность крымского руководства была построена успешно (начаты горизонтальные проекты). Но социальных технологий перезагрузки под новый цикл не было запущено.

Как следствие, со второй половины 2013 г. в Крыму социальные процессы начинают выходить из-под контроля.

«Крымская весна» ввела эти процессы в единое русло, саккумулировав огромные потоки социальной энергии. Следующей задачей должно было стать их структурирование и направление на развитие. Однако в полной мере этого сделано не было.

Крымские события во многом перезагрузили Россию. Поэтому важно, чтобы Крым стал территорией, на которой социальный эксперимент был бы удачным, и его можно было бы использовать в дальнейшем.

На первый взгляд в Крыму ситуация движется в правильном направлении. В ходе выборов сформирована монопартийная вертикаль власти. Развернуты основные бюджетные социальные практики России. Реализуется государственная информационная политика. В экономику направлены финансы, разработана федеральная программа, введен льготный налоговый режим. Усилены военные и правоохранительные структуры. Начата борьба с коррупцией.

Однако за этой радужной картиной скрывается и «темная сторона». С точки зрения системного анализа крымская система находится в состоянии критической неустойчивости, имеет смутные перспективы и не способна самостоятельно справиться с высокими рисками социальной безопасности. В докладе рассмотрено несколько примеров, подтверждающих это.

В связи с этим предлагается повысить качество аналитического сопровождения деятельности органов власти, используя опыт, наработанный ранее существовавшей системой раннего предупреждения конфликтов.

О. А. Харина
Москва

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ КИТАЯ В ЮЖНОЙ АЗИИ

Еще в биполярный период в Индии озвучивалась военная концепция о необходимости быть готовым к ведению войн одновременно с КНР и Пакистаном¹. Сотрудничество Китая и Пакистана внесло дополнительный виток противоречий в отношения Индии и Китая, Индии и Пакистана на современном этапе. Несмотря на попытки внешнего выравнивания отношений, Индия рассматривает Китай как союзника Пакистана. Политические эксперты в Индии уже давно склонны считать, что основной целью отношений Пакистана и Китая является сдерживание Индии в регионе. Но существуют и другие, не менее важные факторы, которые влияют на позицию Китая в формировании его политики в этом регионе.

Первым аспектом воздействия на политику КНР является ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и его связь с горячими «исламскими точками» — Кашмиром и Афганистаном. Растет число уйгуров, воюющих в рядах террористической организации «Исламское государство»². Пекин не исключает вероятности того, что сторонники «Независимого Уйгурского государства», базирующиеся на территории Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, получают помощь со стороны западных государств и последователей радикального ислама. Можно сделать вывод о том, что китайское руководство пытается нейтрализовать силы политического ислама в СУАР. Политика Китая состоит, с одной стороны, в поддержке официальной позиции Пакистана, направленной на ликвидацию террористических формирований на своей территории, и с другой — в опоре на собственную силу в предотвращении возможного усложнения ситуации. Это привело к подписанию непосредственного договора между проблемными территориями Китая и Пакистана, направленного на стабилизацию в регионе.

Вторым аспектом является сдерживание не только Индии, но и США. Положительными моментами в данном направлении стали относительное

¹ Лунев С. Пакистан или Индия: выбор для России // Международные процессы. 2011. Т. 9. №2 (26). С. 112–120.

² Панкратенко И. Мятажный Синьцзян. Что хотят архитекторы войны? Москва, 4 февраля 2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1891822.html>.

ослабление позиций США в Афганистане, провал политики «выстраивания государства» и охлаждение их отношений с Пакистаном. Китай пользуется верной и «мягкой» политикой расширения экономических связей с Пакистаном. Так, в 2014 г. объем торговли между двумя странами составил 12,8 млрд долл.¹ Кроме того, Китай финансирует крупномасштабный проект, который предполагает создание нового экономического центра Среднего Востока по аналогии с арабским Дубаем². Исламабад рассчитывает на большую помощь со стороны Пекина, а также на сотрудничество в области «классической» энергии, в основном в строительстве гидроэлектростанций в горных районах.

Нельзя не отметить такой проект, как размещение китайской военно-морской базы и станции электронной разведки на Макранском побережье Белуджистана, в Гвадаре. Такой шаг, по мнению экспертов, имеет ряд стратегических целей.

1. Военное и политическое давление на Индию.
2. Сведение к минимуму влияния Вашингтона в Афганистане и Пакистане.
3. Наблюдение за деятельностью «уйгурских сепаратистов» в СЗПП.

Немаловажным фактором является участие Китая в ядерной программе Пакистана. С 1980-х годов пакистано-китайские отношения приобрели данную направленность после поставок Пакистану Китаем тяжелой воды. В середине 90-х годов Китай поставил 5000 специальных магнитных колец для программы по обогащению урана, переправил 50 ракет средней дальности М-11, способных нести ядерное оружие, построил фабрику по производству деталей для ракет в окрестностях Исламабада³.

Следовательно, стратегическая линия Китая в отношении Пакистана имеет сложный симбиоз, состоящий как минимум из трех составляющих: сдерживание влияния политического ислама (сил, действующих на территории Пакистана), ограничение роли Индии в Южной Азии и аккуратное вытеснение США из Южной и Центральной Азии.

¹ Pak-China trade volume touches \$12.8 billion // Islamabad, Dec. 17, 2014. Daily Times. URL: <http://www.dailytimes.com.pk/national/17-Dec-2014/pak-china-trade-volume-touches-12-8-billion>.

² Дергачев В. Морской Шелковый путь. Бросок к Индийскому океану // Сетевой проект. Институт геополитики профессора Дергачева. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dergachev.ru/analit/The_Great_Silk_Road/11.html#VPI4rfUbTVo.

³ Joshi M. Operation Defreeze // India Today. Vol. XXII. № 20. P. 68.

Е. М. Харитоновна
Москва

ПРОГРАММЫ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Программы содействия развитию за последние 70 лет стали неотъемлемой частью мировой политики. В России также реализуются собственные проекты в этой сфере и активно обсуждается стратегия участия страны в международных программах помощи.

Исследователи рассматривают содействие развитию с разных точек зрения: в экономическом и финансовом измерении, а также в плане мотивации и структуры данного направления деятельности; как инструмент влияния и своего рода «неоколониальной политики»; для оценки эффективности оказываемой поддержки и т.д. В данном докладе предлагается взгляд на помощь развитию через призму идентичности. В этом случае в фокусе внимания оказываются не технические или финансовые особенности программ, а те образы и имиджи², которые ложатся в их основу и воспроизводятся. Предполагается оценить, каким образом они влияют на национальную идентичность («внутреннюю» идентичность) и имидж страны за рубежом («внешнюю» идентичность) в странах-донорах и странах — реципиентах помощи.

Программы содействия развитию осуществляются как по инициативе государства, так и через многочисленные международные негосударственные организации при поддержке частных лиц — жителей стран-доноров. Это распространенная практика межгосударственного и транснационального взаимодействия, а также социокультурное и цивилизационное сотрудничество и взаимовлияние различных народов и обществ.

Сегодня жители западных стран в основном поддерживают государственные программы содействия развитию, а также активно участвуют в благотворительных и социальных инициативах, направленных на зарубежные аудитории. Опросы показывают, что в Великобритании, например, более 50% населения принимает участие в таких проектах в качестве волонтера или путем пожертвований³. Представления о себе и о своей стра-

¹ Подготовлено при финансовой поддержке гранта РНФ «Регулирование международных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)».

² См.: Семененко И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. 2008. № 5. С. 7–18.

³ Special Eurobarometer 421. The European Year For Development Citizens' Views On Development, Cooperation And Aid. European Union, 2014.

не, сопряженные с такого рода деятельностью, могут описываться в терминах «добропорядочный», «ответственный» и т.п. и связаны с гордостью за свою страну и ту позитивную роль, которую она играет в мире. Это может становиться одним из объединяющих факторов, лежащих в основу национальной и гражданской идентичности, а также инструментом формирования внешнего имиджа страны.

Программы помощи зарубежным странам представляют интерес и с точки зрения используемого и конструируемого с их помощью образа «другого». Коммуникация, сопровождающая подобные инициативы, как правило, включает и негативные, и позитивные образы. Негативные (отражающие текущую ситуацию в странах-реципиентах) используют для обоснования актуальности помощи и увязаны с необходимостью решения как социальных проблем — бедности, болезней, голода, неравенства, так и проблем политических (ущемление политических прав и свобод). Позитивные же образы призваны представить конечный желаемый результат и применяются для создания чувства общности и сопричастности. Зачастую они конструируются путем сравнения ситуации, в которой находится население стран — реципиентов помощи, с обычной жизнью граждан западных стран. Общее послание таких сообщений можно перевести следующим образом: «эти люди такие же, как мы, но им не повезло» или «они могут стать такими же, как мы, если им помочь». Такие образы не только формируют представления о других странах, но и влияют на восприятие своей культуры и цивилизации как достигшей успеха и привилегированной.

Используемые негативные образы способствуют мобилизации финансовых ресурсов и общественной поддержке программ помощи. Однако при этом в странах-реципиентах такие образы могут вызвать не только позитивную (благодарность), но и негативную реакцию. Так, развивающееся государство, пытаясь привлечь туристов из-за рубежа или иностранные инвестиции, может отрицательно оценить эффект направленной на эту страну коммуникационной кампании зарубежных доноров. Влияние на создание образа «другого» в странах-реципиентах может варьироваться в очень широких пределах: от представления о «добром попечителе» до различной степени отрицательных реакций на то, что воспринимается как выражение высокомерия страной-донором и попытка навязать свои ценности. Такое восприятие особенно актуально для отношений бывших колоний и метрополий.

Таким образом, используемые и конструируемые образы и имиджи оказывают влияние на собственную национальную идентичность и образ «другого», а также отражаются на создаваемом внешнем имидже государства как в странах-донорах, так и в странах — реципиентах помощи.

М. В. Харкевич
Москва

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В данной работе глобальное управление рассматривается с точки зрения современной системной теории Н. Лумана (*modern systems theory*). В отличие от большинства системных теорий теория Лумана постулирует целостность мира как начальную точку анализа. При этом мировая политика рассматривается в ней как отдельная система, которая сосуществует с экономической, правовой системами и так далее.

С точки зрения современной системной теории глобальное управление может рассматриваться как результат функциональной дифференциации мирового общества (*world society*). Следует отличать мировое общество Н. Лумана и мировое общество английской школы международных отношений. Для Лумана мировое общество является совокупностью всей коммуникации в мире. Данное общество уже существует. Для английской школы мировое общество — это революционная утопия, основанная на онтологии человека, а не государства. Эта реальность может наступить, но пока это лишь одно из возможных состояний мировой политики будущего.

Согласно Н. Луману, основной операцией, которая отделяет систему мирового общества от ее среды, является коммуникация. Именно коммуникация отличает социальный мир от мира естественного. Но и коммуникация не однородна. Существуют различные коды коммуникации, различные рациональности коммуникации. Функциональная дифференциация заключается в обособлении различных коммуникационных кодов, создающих самостоятельные коммуникационные системы, которые функционируют по самостоятельной логике, воспроизводят себя посредством своих же собственных операций. Н. Луман именует такую форму существования системы аутопэзисной.

Однако функциональная дифференциация является лишь одной из возможных форм дифференциации. Дифференциация как таковая — основное средство развития социальных систем. Социальная система определяется и описывается доминирующим в ней типом дифференциации. В общественных науках выделяют три возможных типа дифференциации: стратификационная, сегментационная и функциональная. Средневековое

общество характеризовалось стратификационной дифференциацией. Переход к Новому времени, к эпохе модерна ознаменовался сменой от стратификационной на дифференциацию функциональную.

Следует отметить, что переход от одного типа дифференциации к другому не означает полный отказ, исчезновение предыдущих типов. Все три типа сосуществуют постоянно, однако в различные исторические эпохи один из них занимает доминирующее положение, а остальные два — подчиненное. Эпоха модерна характеризуется доминированием функциональной дифференциации, Средние века — стратификационной.

Мировое общество также эволюционирует от одного типа дифференциации к другому, как и общество внутригосударственное. Согласно К. Уолтцу, доминирующим типом дифференциации в международных отношениях является сегментационный. Государства — функционально равнозначные акторы, выполняют или стремятся выполнять одинаковые функции, между ними нет разделения труда.

Таким образом, эпоха модерна характеризуется функциональной дифференциацией общества внутри государства и сегментационной дифференциацией мирового общества. В этом нет противоречия до тех пор, пока государственная граница разделяла внутреннюю и внешнюю сферы мирового общества на качественно различные пространства. Проблематизация такого деления приводит к приведению всего мирового общества к единому типу дифференциации. Переход мирового общества к функциональной дифференциации означает становление эпохи модерна в мировом масштабе, но постмодерна — с точки зрения внутригосударственного общественного устройства. Функциональная дифференциация принципиально несовместима с территориальностью. Политика, экономика, наука, искусство как функциональные системы глобальны, они не останавливаются на территориальной границе. Развитие функциональной дифференциации в мировом обществе эквивалентно глобализации¹, что создает возможность для глобального управления как системы управления глобализацией².

¹ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. Т. 2.

² Mathias A., Hilkermeier L. (ed.). Observing international relations: Niklas Luhmann and world politics. Routledge, 2004; Mathias A., Buzan B., Zürn M. (ed.). Bringing sociology to international relations: world politics as differentiation theory. Cambridge Univ. Press, 2013. Mathias A., Cederman L.E., Wendt A. (ed.). New systems theories of world politics. L.: Palgrave Macmillan, 2010.

В. А. Харченко
Душанбе, Таджикистан

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА В ТАДЖИКИСТАНЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В конце XX в. в результате распада СССР бывшие союзные республики провозгласили себя независимыми и самостоятельными акторами на международной арене. Вместе с этим возникло множество внешнеполитических и внутригосударственных проблем, одной из которых стало негативное отношение к русскому языку, вытеснение его из сферы государственного управления и делопроизводства во многих постсоветских республиках.

Приоритетом новых независимых государств в языковой политике стало развитие государственного языка, его продвижение во все сферы жизнедеятельности, включая делопроизводство, а русский язык был объявлен помехой этого развития. Практически во всех новых независимых государствах он стал целенаправленно вытесняться из сферы государственного управления, а граждане, на владеющие языком «титულიной» нации, утратили возможность полноценно участвовать в жизни государства, в конкуренции за престижные рабочие места, что породило массовую миграцию русскоязычного населения.

Сходная ситуация сложилась и в Таджикистане, который в 2009 г. принял Закон «О государственном языке Республики Таджикистан», в соответствии с которым таджикский язык стал рабочим языком органов государственной власти, образования, науки, культуры и средств массовой информации, делопроизводства организаций, официальных наименований и международных отношений. В результате принятия этого закона исчезло понятие русского языка как языка межнационального общения, статус которого был определен в Законе «О языке», принятом в 2002 г.

Под влиянием объективных внешнеполитических процессов и массовой трудовой миграции таджикских граждан в Россию парламент Таджикистана в июне 2011 г. вернул русскому языку статус языка межнационального общения. Действующая Конституция Республики Таджикистан устанавливает, что государственным языком является таджикский, а русский язык выполняет функции языка межнационального общения (ст. 2).

В своем выступлении по случаю Дня знаний (сентябрь 2013 г.) Президент РТ Э. Рахмон заявил, что без «углубленного изучения русского и английского языков как официальных языков ООН страна может ока-

заться в изоляции, а дальнейшее развитие государства будет невозможно». Действие «Государственной программы совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на 2004–2014 годы» продлено до 2020 г.

Но, несмотря на принимаемые меры, в Таджикистане на протяжении последнего времени стабильно сужается русскоязычное пространство, конституционное двуязычие на практике наталкивается на реальную политику, под влиянием которой русский язык вытесняется из повседневной жизни — любого рода справки и документы запрашиваются и выдаются только на государственном языке, по требованию органов местного самоуправления рекламная продукция, в том числе и российских компаний «Газпром», «Би-Лайн», «Мегафон», размещается только на таджикском языке, комиссия по госязыку требует замены вывесок и названий, не соответствующих правилам таджикского языка. Существуют проблемы в сфере трудоустройства, вызванные нормами законов «О государственной службе», «Об органах прокуратуры», «О Конституционном суде» и др., предписывающими, что при поступлении на работу «наряду с соответствующим дипломом от претендента требуется знание государственного языка — таджикского».

В недавнем (19 марта 2015 г.) выступлении Президента РТ Э. Рахмона перед республиканской интеллигенцией тема всемерной поддержки госязыка затрагивалась четырежды, в то время как конституционно закрепленный язык межнационального общения не был упомянут ни разу.

Эта ситуация порождает закономерный вопрос: власти Таджикистана реально заботятся о поддержке русского языка или сознательно поддерживают миф об этом?

Со своей стороны Российская Федерация всемерно способствует сохранению статуса русского языка и совместно с заинтересованными партнерами в Таджикистане реализует комплекс мероприятий от доставки в Таджикистан десятков тысяч учебников и учебно-методической литературы до поддержки действующих здесь российских вузов, их филиалов и выделения квотных мест для поступления в вузы регионов России. Руководство России исходит из того, что взаимодействие с Таджикистаном перешло сегодня на качественно новый уровень, Россия и Таджикистан являются стратегическими партнерами. Соответственно и значимость русского языка для обеспечения этого взаимодействия только возрастает. Следует также отметить, что русский язык является рабочим языком в ряде межгосударственных объединений (СНГ, ОДКБ, ШОС), в которых наравне с Россией принимает участие Таджикистан. Обсуждаются перспективы вступления этой республики в ЕАЭС, что актуализирует необходимость возрождения таджикско-русского билингвизма.

Для Таджикистана русский язык остается не только средством межэтнического общения, но и интеграционным механизмом, способствующим адаптации его граждан в мировом пространстве. Непонимание этого чревато множеством проблем для самого Таджикистана.

К. Х. Хас
Анкара, Турция

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК НЕОБХОДИМОСТЬ В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В момент обостряющихся кризисов геополитического или местного (регионального) характера роль публичной дипломатии существенно возрастает. Возможность оптимального изложения позиции государства по вопросам первостепенной важности, а также поддержание благоприятного облика на международной арене представляет важнейшую задачу, прежде всего ввиду очевидного воздействия средств массовой информации «на умы и души» населения. Современный мир, с одной стороны, предоставляет большие возможности не только в контексте ознакомления с культурой страны, ее социальной и экономической составляющей благодаря развитию современных технологий, но и в вопросе донесения информации. С другой стороны, здесь таится опасность дезинформации и подкрепления различного рода стереотипов, корнями уходящих в историю.

Сегодня, как представляется, публичная дипломатия, несмотря на кажущуюся «всепроникновенность» во внутри- и внешнеполитическую жизнь государств, переживает ряд кризисных явлений, обусловленных во многих случаях ограниченностью ее форм и методов. Необходимость расширения рамок общественной дипломатии и ее реализация на практике могут привести к улучшению геополитического климата в широком контексте, а также стать более действенным инструментом во взаимоотношениях на межгосударственном уровне. Так, очевидным сегодня является необходимость расширения рамок аналитического, информационного, образовательного, культурного форматов общественной дипломатии.

Россия и Турция добились существенных успехов в развитии конструктивного диалога со времен холодной войны, хотя и находились по разные стороны «идеологических баррикад». Экономическое, культурное и социальное сотрудничество продолжает укрепляться, несмотря на то что

представление людей друг о друге и в России, и в Турции оставляет желать лучшего. В этом контексте сегодня перед обеими странами стоит множество задач, решать которые необходимо в том числе в ключе публичной дипломатии. «Образ врага» и агрессора в лице Москвы, сложившийся за последний год ввиду изменения расстановки сил в геополитическом контексте, а также событий на Украине и присоединения Крыма к РФ, усугубляет возможное сотрудничество как на государственном уровне, так и в отношении между гражданами обоих государств.

Так, например, по оценкам опросов общественного мнения, проведенных одной из крупнейших организаций — *Pew Research Center*, — отношение турецких граждан к России в целом нельзя назвать положительным. С 2012 г., на момент обострения событий в Сирии, 63% из них назвали Москву неблагоприятным партнером Анкары, а в 2014 г., после присоединения Крыма и продолжающегося конфликта на Украине, количество недовольных действиями РФ выросло до 73%¹, в России же в 2012 г. негативно оценивали действия турецкой стороны 28% респондентов². Также приходится констатировать и факт увеличения недоверия к РФ, что вызывает рост позитивных настроений турецких граждан относительно дальнейшего укрепления сотрудничества со странами НАТО. Так, за четырехлетний период, а именно в 2010–2014 гг., поддержка внутри страны Североатлантического альянса выросла с 30 до 49%³.

Трубопроводная дипломатия и прочные экономические связи необходимо дополнять созданием публичных платформ, деятельность которых сконцентрирована на внешнеполитическом, социально-экономическом и культурном аспектах взаимодействия двух государств. Это, в свою очередь, является одним из наиболее действенных механизмов развития общественной дипломатии и усиления ее влияния на внешнюю политику обоих государств. В этом контексте существующие образовательные программы, обмен студентами и представителями интеллектуального сообщества, сотрудничество аналитических и общественных исследовательских центров как нельзя лучше отражают перспективу углубления и активизации диалога между государствами и его гражданами.

¹ Global Indicators Database. Pew Research Center. URL: <http://www.pewglobal.org/database/indicator/27/country/224/response/Unfavorable/>.

² Transatlantic Trends Key Findings 2014. The German Marshall Fund of the United States. P. 54. URL: http://trends.gmfus.org/files/2012/09/Trends_2014_complete.pdf.

³ Ibid. P. 45.

Л. Л. Хопёрская
Душанбе, Таджикистан

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: НОВЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

В 2014 г. миграционная политика России претерпела качественные изменения. Факторами ее трансформации стали:

- конфликтные ситуации в России (Хотьково, Кондопога, Манежная площадь, Сагра, Пугачев, Бирюлево, Вешенская и др.), получившие большой общественный резонанс;
- резкое падение курса рубля и экономический спад;
- украинский кризис и массовое экстренное прибытие в Россию соотечественников из Украины;
- малая эффективность Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

В 2013–2014 гг. социологи фиксировали устойчивость антимигрантских настроений в российском обществе. В качестве реакции власти на эти настроения в политику, касающуюся трудовой миграции, были внесены существенные новации:

- въезд на территорию РФ граждан всех стран СНГ, не участвующих в ЕАЭС, возможен только по загранпаспорту;
- выдача разрешения на работу или патента иностранному гражданину возможна только в случае указания им в миграционной карте цели визита — работа;
- к трудовым мигрантам, за исключением высококвалифицированных специалистов, предъявляется требование владеть русским языком, знать историю и основы законодательства РФ;
- трудовому мигранту необходимо встать на миграционный учет и получить ИНН, пройти медицинское освидетельствование и приобрести полис добровольного медицинского страхования. Мигранты, не выполнившие эти условия в течение месяца, могут быть оштрафованы до 10 тыс. руб. и выдворены после 90 дней пребывания в стране.

Механизмами ужесточения административного контроля с целью предупреждения совершаемых ими правонарушений стали: обязательная государственная дактилоскопическая регистрация; депортация и выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы РФ; уси-

ление ответственности за массовую регистрацию граждан в «резиновых» квартирах.

О результативности нововведений можно судить по следующим данным: численность иностранных граждан, поставленных на миграционный учет в 2014 г., возросла более чем на 2 млн человек. Количество оформленных патентов в 2014 г. увеличилось на 55,2%. Сумма поступившего в бюджеты налога за приобретение патентов в 2014 г. составила почти 18,8 млрд рублей.

Большинство мигрантов, оформивших патент, являются гражданами Узбекистана, Таджикистана, Украины и Молдавии. Информация об этническом составе трудовых мигрантов дает возможность целенаправленной работы с государствами — поставщиками рабочей силы.

Соглашения о реадмиссии заключены с Арменией, Узбекистаном, Казахстаном, Киргизией, Украиной, Белоруссией, готовятся к заключению договоры о реадмиссии с Азербайджаном, Молдавией, Таджикистаном, Туркменистаном и Абхазией.

29 мая 2014 г. подписан «Договор о Евразийском экономическом союзе», который содержит специальный раздел о трудовой миграции. Особую актуальность этот Договор приобрел в контексте резкого падения курса рубля в конце 2014 г., приведшего к падению доходов гастарбайтеров вдвое, что оказало заметное влияние на миграционные процессы на постсоветском пространстве. Сокращение объемов трудовой миграции и размера заработка, расходы на приобретение патента непосредственно влекут сокращение размеров денежных переводов мигрантов. Особенно это заметно для стран, где их денежные поступления составляют существенную долю ВВП — Таджикистана (42%), Киргизии (32%), Молдавии (25%) и Армении (21%). В свою очередь, возможность свободного перемещения рабочей силы внутри ЕАЭС выступает аргументом для вступления этих государств в Союз.

Вследствие украинского кризиса в период с 1 апреля 2014 г. по 18 марта 2015 г. на территорию России въехали и не убыли 947 844 граждан Украины. По прогнозам ФМС России, из числа уже находящихся на территории РФ граждан Украины в 2015 г. с заявлениями о предоставлении временного убежища могут обратиться 807 300 чел. Это обусловило принятие Закона «О предоставлении убежища на территории Российской Федерации», которое с 1 августа 2014 г. гражданам Украины предоставлялось в упрощенном порядке.

Под влиянием украинского кризиса в Государственную программу по оказанию содействия переселению соотечественников, реализация которой началась в 2007 г., были внесены изменения, предоставившие возможность участия в ней соотечественников, получивших временное убежище в России, минимизирован перечень документов, необходимых для участия в Программе, и сокращены сроки выдачи свидетельства ее участника.

Результаты таковы: если в 2007–2013 гг. по Программе в Россию прибыли 154 102 человека, то в 2014 г. ситуация заметно изменилась — численность участников Программы составила 106 319 человек.

В 2014 г. миграционную политику России отличал дифференцированный подход к миграционным потокам. Именно этот принцип должен лежать и в основе ее дальнейшей трансформации. Она неизбежна ввиду того, что остаются нерешенными многие внутри- и внешнеполитические, а также экономические проблемы, связанные с миграцией, следовательно, задача регулирования миграционных потоков в Россию не сходит с повестки дня.

Н. А. Цветкова
Санкт-Петербург

СМЕНА ПАРАДИГМЫ В ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США: ОТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» К «СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ»

В 2009–2012 гг. публичная дипломатия США опиралась на концепцию «мягкой силы», которая побуждала правительство США к привлечению (*attraction*) зарубежных граждан к американским ценностям и вовлечению (*engagement*) в международную повестку, предложенную Вашингтоном. Однако в 2013–2014 гг. публичная дипломатия США стала опираться на новый концептуальный тезис о так называемой диалоговой пропаганде, обозначаемой в США термином «стратегическая коммуникация». Данный вид пропаганды подразумевает не привлечение или вовлечение зарубежной целевой аудитории, а точечное донесение позиции США до специфических групп и осуществление контрпропаганды. В докладе выявлены причины смены концептуальной парадигмы, а также показано теоретико-практическое значение идей о «мягкой силе» и о стратегической коммуникации в публичной дипломатии США в 2009–2014 гг.

Концепция «мягкой силы» в публичной дипломатии США, 2009–2012 гг.: политика привлечения и вовлечения. Идеи Дж. Ная о «мягкой силе» закрепились во внешнеполитическом дискурсе правительства США в 2009–2010 гг. Госсекретарь Х. Клинтон и ее самый важный и активный советник по инновациям А. Росс сделали постулаты Дж. Ная стратегическим императивом публичной дипломатии. Такие понятия, как публичная дипломатия, «мягкая сила», политика вовлечения, поддержание лидерства США в мире, создание прямого диалога с протестными движениями в зарубежных странах и прочее, стали для Х. Клинтон понятиями одного порядка.

Стратегия национальной безопасности администрации Б. Обамы 2010 г. и стратегия публичной дипломатии США содержали в себе тезисы Ная как основу политики вовлечения США в решение тех международных проблем, которые были обозначены как приоритетные.

Наконец, госсекретарь Х. Клинтон и ее советник А. Росс в области инновационной публичной дипломатии сделали идеи Дж. Ная основой для цифровой дипломатии. Венцом этой стратегии стали арабские революции, в которые цифровая дипломатия США внесла свой вклад. Мобилизация активной арабской молодежи через социальные сети стала результатом использования концепции Дж. Ная в цифровой дипломатии США.

Концепция стратегической коммуникации вместо «мягкой силы» в публичной дипломатии США, 2013–2014 гг.: политика пропаганды. Однако цифровая дипломатия и политика вовлечения привели не к демократизации и стабилизации, а к хаосу и гражданским войнам. Концепция Дж. Ная и цифровая дипломатия стали использоваться не только демократическими государствами, но и основными противниками США. Масштабная информационная деятельность Китая, России, Ирана и других стран, которая оценивалась в США как пропаганда, и отсутствие контрпропаганды со стороны публичной дипломатии администрации Б. Обамы вызывали вопросы со стороны конгрессменов и американского общества. Особую озабоченность вызывало применение цифровой дипломатии как инструмента пропаганды против США Исламским государством Ирака и Леванта.

Этот видимый провал политики вовлечения через привлечение стал поводом для новой ревизии всей публичной дипломатии весной и летом 2014 г. Особую популярность приобрели тезисы о том, что в периоды кризисов и войн нет смысла заниматься вопросами долгосрочного привлечения зарубежной публики к ценностям США в рамках концепции Дж. Ная.

Идеи экспертов данного направления очень быстро проникли в администрацию Б. Обамы, в которой уже не было госсекретаря Х. Клинтон и ее советников в области цифровой дипломатии. Сегодня *Центр стратегических антитеррористических коммуникаций* занял место основного пула для выработки необходимых программ публичной дипломатии.

Наконец, в апреле 2014 г. идеи необходимости развивать информационный компонент публичной дипломатии США проникли в Конгресс США. В конце апреля 2014 г. Конгресс огласил новую масштабную реформу публичной дипломатии США. Реформа предлагает изменить закон о функционировании радиостанции «Голос Америки» в сторону расширения пропаганды интересов внешней политики США; сфокусировать программы публичной дипломатии, а точнее — стратегической коммуникации в недемократических странах; консолидировать все имеющиеся каналы теле- и радиовещания в одну единую сеть под названием *Freedom News Network*; создать новое федеральное *Агентство США по международным*

коммуникациям, которое будет формулировать единые стратегии для всех многочисленных агентств в области публичной дипломатии.

Реализация этой реформы стала очередной вехой в развитии публичной дипломатии. Новый механизм возвращает ситуацию информационной войны в публичную дипломатию, когда четко определены мишени, а все программы диалоговой пропаганды подчинены одной цели — идеологической ликвидации конкурентов США, для чего не требуется политика вовлечения и связанная с нею «умная» или «мягкая сила» Дж. Ная.

О. В. Цветкова
Ульяновск

СУБНАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ: ФОРМАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

В настоящее время в политологии особо актуальны вопросы формальных правил и неформальных практик изменения субнациональных границ в России.

Вспомним: в классификации границ Дж. Прескотта выделяются международные, федеральные и внутренние границы (*international, federal and internal boundaries*)¹. Мы исходим из позиции, что в политическом пространстве государства существует два типа фундаментальных границ: внешние государственные (де-юре) и внутренние субнациональные (де-факто).

Государственные границы (де-юре) закреплены в правовых актах. Субнациональные границы (де-факто) не закреплены ни в каких правовых актах и практически никогда не совпадают с государственными границами. Субнациональная граница всегда представляет собой более или менее неопределенную зону.

В политическом пространстве субнациональные границы включают зоны соприкосновения, пересечения, наложения различных, часто разнотипных пространств и структур власти. Субнациональная граница — это некий край пространства власти, т.е. территории, стратифицированной при помощи властных технологий. Такие границы созданы для оптимизации управления во внутристрановой структуре государства.

Субнациональные границы — это сложный феномен, который мы определяем как фактическую линию, пролегающую в политическом геопространстве без проекции в физическом пространстве, со своей специфической постройки, имеющую нелинейный характер.

Рассматривая проблематику проведения субнациональных границ, надо принимать во внимание две особенности.

Первая — нелинейность субнациональных границ, поскольку эти границы в основном размыты, т.е. не имеют четко фиксированных границ и представляют переходные зоны, в которых протекают различные политические процессы между центром и регионами.

Вторая особенность — конгруэнтность. В данном случае конгруэнтность границ означает их совпадение (консеквентная граница) или несовпадение с границами этнокультурного и природного происхождения («наложенная», или «секущая», граница).

Выделим основные факторы, влияющие на появление субнациональных границ во внутристрановом измерении.

Социально-экономический фактор. В результате развития социально-экономического фактора наблюдается тенденция возникновения субнациональных границ в связи с укрупнением субъектов Российской Федерации. Проблема укрупнения регионов напрямую зависит от особенностей политического пространства России. На наш взгляд, главная причина укрупнения субъектов Федерации заключена в слиянии сильного центра с «сырьевым» субъектом, обладающим высоким промышленным потенциалом (нефть и газ). Примером выступает единственная в стране Еврейская автономная область, которая может стать частью Хабаровского края.

Особый тип субнациональных границ складывается в сложносоставных, «матрешечных» субъектах Федерации. Суть «матрешечного принципа» построения Федерации — когда по Конституции один субъект Федерации (автономный округ) входит в состав другого, равноправного с ним субъекта Федерации. Вспомним: процесс укрупнения регионов начался в 2001 г., после принятия Закона «О порядке принятия в РФ и образования в ее составе нового субъекта». Тенденция укрупнения регионов началась в 2000-х годах в ходе реформы административно-территориального деления России. Первый пример продемонстрировали Пермский край и Коми-Пермяцкий автономный округ. В ходе реформы 2007 г. Таймыр и Эвенкия вошли в Красноярский край, Усть-Ордынский Бурятский округ влился в Иркутскую область. «Матрешечные» регионы постепенно теряют статус самостоятельного субъекта Федерации и присоединяются к более крупным по экономическому потенциалу территориям.

¹ См.: Prescott J. R. The Geography of Frontiers and Boundaries. L., 1965. P. 152.

ТРЕНДЫ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И УКРАИНА: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ XXI ВЕКА

Политическое развитие мира не является чем-то особенным, оно, как и любое другое развитие, претерпевает стадии эволюции, когда новые структуры и институты выстраиваются постепенно, и соответственно — имеют место революционные фазы быстрых и качественных смен одних структур и институтов на другие. По всей видимости, именно такую революционную смену элементов политической системы мира мы наблюдаем сегодня на примере Украины. Для таких периодов характерны процессы, связанные с хаотизацией, плохой предсказуемостью политического и институционального развития государств. Но в то же время кризис одновременно предоставляет также шансы и на достижение качественного улучшения (с помощью активных поисков выхода).

В XXI в. интеграция — это один из важнейших глобальных политических и экономических трендов. На сегодня интеграция Украины в Европейский союз — главный внешнеполитический приоритет. И как следствие — Украина оказалась в центре мирового геополитического пространства. Кризисная ситуация в Украине в случае, если она не будет решена, может иметь значительные последствия для всего мира.

2013 год был чрезвычайно насыщенным и сложным для Украины. Он войдет в историю дипломатии, внешней политики и экономики, поскольку принес немало новых институциональных явлений и институций. Этот год показал, что Украина не является легко прогнозируемым государством. 2014 год является годом дальнейшего форматирования геополитических отношений в мире, и это касается не только Украины, но и других игроков (актеров) на мировой политической арене. 2014 год стал временем поиска Украиной своего места в геополитическом мировом пространстве. Поэтому сейчас можно сказать одно — в 2015 году появятся совершенно неожиданные комбинации и институциональные модели внешней политики, а также модели решения украинского кризиса. Мировое сообщество и главы внешнеполитических ведомств договорились продолжить дипломатические дебаты и поиск «точек сопри-

В настоящее время существуют два сложносоставных, «матрешечных» региона (Тюменская область и входящие в нее Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа; Архангельская область и входящий в нее Ненецкий автономный округ).

Таким образом, между областями и автономными округами образуются субнациональные границы. Причем власти регионов с наиболее низким фактическим статусом (автономные округа), входящих в состав других субъектов РФ, имеют наименьший объем полномочий.

Этнокультурный фактор. Обращаясь к опыту прошлых лет, очевидно, этнокультурный фактор влияет на субнациональные границы во внутри-страновом измерении. Между регионами со сложносоставным этническим составом, особенно в приграничной зоне, возникают пограничные споры — в основном по поводу сецессии и автономии субъекта Федерации. Пример — межнациональные противоречия, возникающие на Северном Кавказе. Здесь оказывает влияние национальное и историческое самосознание проживающих народностей, а национальное самосознание выступает основным консолидирующим фактором при становлении субнациональных границ.

Фактор региональной идентичности. Развитие мультикультурного и мультиэтнического российского общества неразрывно связано с формированием на огромном пространстве не только этнических, но и территориальных общностей. Территориальные общности выделяются своей индивидуальностью, имеют свою социокультурную специфику, которую можно определить понятием «региональная идентичность». Еще Ф. Ратцель писал, что мерой развития культуры является уровень духовной связи человека с конкретной территорией¹.

При изучении субнациональных границ и региональной идентичности России необходимо обращать внимание на специфику политического пространства, масштабы территорий, с которыми она сопряжена.

Анализ ситуации на внутристрановом уровне показывает, что в настоящее время реальная практика изменения субнациональных границ демонстрируется на реальных примерах (Москва и Московская область; Ивановская и Нижегородская области; Санкт-Петербург и Ленинградская область).

¹ См.: Сеницкий Л. Д. Политическая география по Ратцелю // Землеведение. 1899. Кн. 3. С. 53.

косновения» по вопросу Украины. Это значит, что украинский вопрос на сегодня остается открытым и впереди длительный переговорный процесс.

Дилеммы внешней политики и дипломатии Украины, а также реакция на эту политику внешних факторов и международных институций остаются на сегодня весьма острыми и открытыми. Компаративный анализ заявлений и действий высокопоставленных украинских чиновников в 2015 г. показывает отказ во внешней политике от многовекторности и резкое усиление евроинтеграционного и евроатлантического внешнеполитического крена. Мы видим, что современный мир вошел в фазу драматических изменений. Нетрудно заметить, что между Россией и Западом вокруг Украины разгорелась большая дипломатическая игра. Для России развитие ситуации в Украине представляет жизненно важный интерес.

В начале XXI в. усилилась роль и значение публичной дипломатии в глобализирующемся мире. В дипломатических ведомствах, в том числе и в Украине, все больше говорят и пишут о необходимости активизации общественной, или публичной, дипломатии. Приоритетным заданием должно стать эффективное использование ресурсов публичной дипломатии с целью повышения результативности внешнеполитической деятельности государства.

В Украине, в краткосрочной и долгосрочной перспективе, возможны шесть вариантов (сценариев) развития событий по урегулированию украинского кризиса, но при этом неизбежны кульбиты внешней и внутренней украинской политики. Украина постепенно реализует программу осознанного европейского выбора, но при этом связи с Россией и в целом с постсоветскими государствами остаются для страны институционально сильными.

Таким образом, на сегодня для Украины главная задача во внешнеполитическом и институциональном измерении состоит в консенсусе и решении кризиса международных институтов, а также поиске новой системы глобальной безопасности, новых подходов к политике безопасности (глобальный, международный, национальный и региональный уровни). От того, насколько украинское государство сможет ответить на современные новые вызовы и угрозы времени, пройти процесс кардинальных реформ и реформирования политических институтов, адаптироваться к работе в условиях конфликта, будет зависеть и судьба новой архитектуры европейской безопасности в XXI в.

А. М. Черданцева
Москва

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ И НЕПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Современные политические практики поставили на повестку дня поиск национальной идеи как главной политической ценности, способной консолидировать российское общество. На этом фоне особую активность проявляют политические партии и объединения. Репрезентируемые ими политические ценности манифестируются на страницах партийных программ, в выступлениях лидеров партий как ключевой скреп общества.

Нами рассматриваются четыре современные парламентские партии России («Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР, КПРФ) и непарламентские партии («Правое дело», «Гражданская платформа», «Народный альянс», «Яблоко», «Патриоты России»), активно участвующие в выборах на федеральном и региональном уровнях. Выборка непарламентских партий основывалась на данных ЦИК РФ. Для определения партийно-политических ценностей парламентских и непарламентских партий были проанализированы программные документы партий на выборах в ГД СФ РФ шестого созыва. Метод исследования — качественный контент-анализ. Модель анализа включает выделение трех уровней актуализации партийно-политических ценностей на программном этапе их формирования — структурно-логический, лексико-семантический и идеологемный. Важным для сравнительного анализа является лексико-семантический уровень — на нем мы рассматривали, какое лексическое наполнение имеют в программе выявленные на структурно-логическом уровне категории.

Полученные данные позволили сделать следующие выводы.

1. ВПП «Единая Россия» особое значение придает таким категориям, как *права человека и гражданина, безопасность, мир, сильное государство, патриотизм, справедливость и активное участие граждан в управлении страной.*

2. Политическая партия ЛДПР выдвигает в качестве своих основных ценностных категорий *свободу, законность, патриотизм, национализм, сильное государство, патернализм, справедливость, права человека и гражданина, безопасность, ответственность, мир и экологию.*

3. Политическая партия КПРФ защищает следующие ценности: *социализм (социализм XXI в.), коммунизм, рабочий класс, патриотизм, мир, рево-*

люционный путь развития государства и общества, суверенитет, активное участие граждан в управлении страной и безопасность.

4. Для политической партии «Справедливая Россия» наибольшее значение имеют *справедливость, свобода, солидарность, социализм, ответственность, патриотизм, безопасность, суверенитет, демократия, равенство, права человека и гражданина, закон, активное участие граждан в управлении страной.*

5. Политическая партия «Яблоко» отстаивает в своей программе следующие идеи: *демократия, свобода, справедливость, равенство, солидарность, интернационализм, безопасность, гражданское общество, ответственность, патриотизм, права человека, закон, экология, мир, социальная рыночная экономика, правовое государство, социальный либерализм.*

6. Политическая партия «Патриоты России» определяет в качестве своих партийно-политических ценностей *патриотизм, права человека, безопасность, мир, демократию, активное участие граждан в управлении страной, законность, равенство, сильное государство, суверенитет, социальное государство, справедливость, свободу и порядок.*

7. Политическая партия «Гражданская платформа» отмечает на страницах программы в качестве основных своих ценностей *права человека и гражданина, активное участие граждан в управлении страной, традиции, патриотизм, законность, безопасность, сильное государство, конкуренцию, социальное государство, демократию, равенство, свободу, мир, ответственность, справедливость.*

8. Политическая партия «Правое дело» в качестве своих самых важных ценностей выделяет в программе следующие категории: *капитализм, демократию, свободу, равенство, порядок, права человека, рыночную экономику, активное участие граждан в управлении страной, стабильность, эволюционное развитие государства и общества, европейский путь развития, законность, патриотизм, сильное государство.*

9. Политическая партия «Народный альянс», которая в 2014 г. была переименована в «Партию прогресса», в качестве своих основных ценностей манифестирует такие категории, как *свобода, справедливость, активное участие граждан в управлении страной, безопасность, порядок, законность, патриотизм, эволюционный путь развития государства и общества, демократия, европейский путь развития государства и общества, права человека и гражданина, ответственность и равенство.*

Набор партийно-политических ценностей формирует ценностный портрет партий, определяя возможные векторы их действия. Опираясь на полученные данные, можно заключить, что основной вектор действия парламентских партий направлен на защиту и отстаивание идеи *патриотизма, безопасности, мир.* Основными ценностными категориями для изученных нами современных непарламентских партий являются *права человека, сво-*

бода, демократия, активное участие граждан в управлении страной, справедливость, законность, равенство, патриотизм. Таким образом, видно, что ключевой идеей для крупных российских партий является *патриотизм.* Непарламентские партии выступают чаще в защиту либеральных ценностей, парламентские партии не имеют четко выраженной идеологической линии. Набор партийно-политических ценностей парламентских и непарламентских партий в общей сложности совпадает, отличительной особенностью их является введение в программу новых категорий, чаще несущих семантическую нагрузку идеологем.

Т. С. Черемная
Москва

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Взаимодействие органов власти и бизнеса объективно является сегодня движущей силой современного государства. Данный процесс в России сопряжен со спецификой политической и социально-экономической реальности, санкционным давлением со стороны стран Запада, острой необходимостью перехода российской экономики от экспортно-сырьевому к инновационному, социально ориентированному типу, необходимостью более эффективного, сбалансированного использования бюджетных средств и привлечения дополнительных внебюджетных источников, позволяющих государству успешнее выполнять возложенные на него обществом социально-политические и экономические функции.

В таких условиях именно государственно-частное партнерство рассматривается как неотъемлемый элемент, обеспечивающий эффективное взаимодействие заинтересованных сторон, а именно государства, бизнеса и общества, в решении важнейших инфраструктурных проблем современной России.

По данным исследования, проведенного специалистами Торгово-промышленной палаты РФ, рынок инфраструктурных проектов на сегодняшний день оценивается в 30 трлн руб. В настоящее время в России реализуется 586 проектов государственно-частного партнерства, в рамках которых привлечено 200 млрд руб. частных инвестиций. Это подтверждает особую потребность в развитии государственно-частного партнерства.

ИНСТРУМЕНТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Общественное участие выступает важнейшим инструментом совершенствования государственной и публичной политики на региональном и муниципальном уровнях. Параметры формирования целостной системы общественного контроля законодательно закреплены в принятом 21 июля 2014 г. Федеральном законе № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Кроме того, различные формы общественного участия, в том числе экспертная деятельность и независимая оценка, предписаны законодательными установлениями, регламентирующими отдельные направления государственного управления. Из последних актов можно назвать Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 256-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования». Распространение установлений законов на региональный и муниципальный уровни предполагает решение масштабных и сложных задач нормативного, организационного, информационного и материального характера. Их реализации, безусловно, способствуют уже подтвердившие свою эффективность сложившиеся практики общественного участия.

Обращение к опыту Республики Карелия в этом смысле вполне оправдано активностью публичной деятельности, развитием публично-властного диалога, наличием механизмов взаимодействия власти, бизнеса и третьего сектора. Однако следует признать, что в последние годы наряду с нарастанием негативных явлений в социально-экономической сфере проявились себя очевидные проблемы управленческого характера. Они связаны с неоднократным изменением структуры властных органов, сменой руководства республики, ряда муниципальных образований, в том числе Петрозаводского городского округа (ПГО), осложнением отношений между администрацией главы РК и администрацией ПГО, усилением конфронтации элитных групп. На этом фоне снижается электоральная активность, растут показатели неудовлетворенности населения своим положением, недоверия населения к власти, зафиксированные экспертными оценками и опросами общественного мнения в 2013–2014 гг.

Государственно-частное партнерство как система взаимодействия государственных учреждений и структур бизнеса представляет собой действующий институт эффективного использования бюджетных средств и привлечения ресурсов, а также управленческого опыта частного сектора.

В то же время существует ряд ограничений, прежде всего институционального характера, тормозящих активное развитие проектов государственно-частного партнерства: проблемы коррупции, ограниченная открытость рынка ГЧП-проектов, недостаточно проработанная политика государственно-частного партнерства, несовершенство законодательства.

Процесс формирования государственной политики государственно-частного партнерства является актуальным и достаточно сложным. От характера отношений ключевых субъектов — государства и бизнеса — зависит содержательная составляющая, определяющая наличие объекта и субъекта партнерства, а включенность третьей стороны в лице институтов гражданского общества предполагает совершенствование функций и механизма государственно-частного партнерства. В конечном счете это позволяет повышать совместную заинтересованность и ответственность субъектов партнерств. Так, органы власти решают задачи создания необходимых институциональных условий для развития государственно-частного партнерства на всех стадиях подготовки, принятия решений по проекту, совершенствования нормативно-правовой базы, расширения сферы их участия не только на федеральном, но и на региональном уровне. Но самым значимым шагом со стороны органов власти является наличие «политической воли» для реализации такого партнерства.

Открытость и публичность процесса ГЧП позволяет улучшить инвестиционную привлекательность экономики регионов и страны в целом, повысить эффективность развития социально-экономической сферы, благосостояние населения, поднять уровень доверия граждан к бизнесу и государству. Создание эффективной системы взаимодействия органов власти и бизнеса становится одним из важнейших ресурсов инновационного развития России.

Именно партнерские отношения могут способствовать использованию государством современных рынков стимулирования инновационной деятельности. Это обуславливает необходимость формирования соответствующей среды, позволяющей реализовать максимально эффективное сочетание интересов государства, бизнеса, институтов гражданского общества и направлять процесс взаимодействия в русло развития экономики, улучшения социально-экономического и политического самочувствия граждан, повышения качества жизни и благосостояния населения.

ГУБЕРНАТОРСКИЕ БЛОГИ КАК ПОПЫТКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ ВЕСТИ ДИАЛОГ С ОБЩЕСТВОМ

Необходимость преодоления негативных тенденций, актуализированная нарастанием проблем экономического характера и растущим дефицитом ресурсов управленческой деятельности, вполне сознается представителями муниципальной и региональной власти в республике, приступившими к реализации ряда программ и ведомственных проектов, ориентированных на утверждение новых форматов диалога с обществом. На реализацию этой задачи нацелена принятая в декабре 2013 г. государственная программа РК «Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защиты прав и свобод человека и гражданина».

Наряду с традиционными практиками в Карелии утверждаются новые формы публично-властного диалога. С 2013 г. в республике развивается деятельность общественных приемных главы Республики Карелия, а также общественных комитетов по реализации Посланий Президента Российской Федерации, ставших центром координации усилий общественных организаций по реализации местных инициатив. При их активном участии с 2014 г. началась реализация Программы поддержки местных инициатив.

В 2013–2014 гг. произошли существенные изменения в формировании и функционировании общественных советов при министерствах социального блока, ориентированные на превращение их в реальные переговорные площадки межсекторного взаимодействия по проблемам оптимизации управленческих решений, входящим в компетенцию органов РОИВ.

Привлечение к работе в консультативных структурах представителей третьего сектора поставило в повестку дня проблему их обучения технологиям экспертной и оценочной деятельности. Координируемая Общественной палатой РК, началась реализация уникальных образовательных проектов, направленных на развитие необходимых компетенций руководителей и членов социально ориентированных НКО, задействованных в процедурах независимой оценки качества.

Существенным потенциалом расширения диалога с представителями общества, не заинтересованными в институализированных формах участия, обладает работа с обращениями граждан, анализ которых должен служить импульсом для принятия управленческих решений.

В этом отношении властная инициатива административных новаций может обеспечить кумулятивный эффект имеющегося в республике опыта общественного участия, которое по ряду параметров, например активность и НКО в реализации социальной политики, получило признание на федеральном уровне. При этом значительным фактором, аккумулирующим позитивный опыт сотрудничества, может стать совместная деятельность властных и общественных структур по реализации «Концепции федеральной целевой программы по развитию Карелии до 2020 года», утвержденной Правительством РФ 16 декабря 2014 г.

О необходимости наладить конструктивный диалог власти и общества много говорилось все последние годы, и для этого даже создавались «площадки» — Гражданский форум, Общественная палата РФ, региональные общественные палаты, общественные советы при различных ведомствах и т.д. Однако общественные структуры, формируемые «сверху», не всегда способны в полной мере выполнять это предназначение: зачастую они лишь выражают одобрение властных решений и не поднимают острых социально-политических проблем. Казалось бы, появление современных информационно-коммуникационных технологий должно было улучшить ситуацию: Интернет предоставляет возможности значительно облегчить и демократизировать общение. Одной из попыток создания такого канала неформальной «обратной связи» могли бы стать губернаторские блоги. В данном докладе рассматривается вопрос, насколько губернаторские блоги соответствуют сейчас этой функции (в 2013 г. на эту тему было проведено исследование¹, выводы которого сохраняют свою актуальность, но к ним следует добавить штрихи, отражающие тенденции последнего времени).

Сам призыв к губернаторам осваивать блоги прозвучал, как известно, в 2010 г., во времена президентства Д. А. Медведева. Многие губернаторы вынуждены были тогда заняться «блогостроительством», слабо ориентируясь в интернет-пространстве и не вполне представляя, что от них требуют. Классический блог — это публичный интернет-дневник, для которого характерны регулярно появляющиеся записи, к которым читатели могут добавлять свои комментарии. Для успешного ведения блога нужны и свободное время, и личная заинтересованность в такой «публичной исповеди», и потребность в *on-line* общении с читателями. Всего этого многим губернаторам изначально не хватало. Поэтому многие из них просто дали поручения своим пресс-службам завести под видом «блога» страничку на официальном сайте, причем зачастую без возможности комментировать записи. Более-менее удачное интернет-общение сложилось лишь у нем-

¹ См.: Известия Алтайского государственного университета. Серия История, политология. 2013. 4/1. С. 281–286. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2013/4-1/pols/10.ru.html>

ногих «интернет-продвинутых» губернаторов. В условиях фактической назначаемости многие главы регионов были озабочены не столько мнением рядовых граждан, сколько тем, как произвести благоприятное впечатление «наверху».

После возвращения на пост президента В. В. Путина призыв Д. А. Медведева к созданию блогов был фактически дезавуирован. Более того: в околокремлевских кругах распространилось представление о социальных сетях и блогах как об опасных инструментах «мягкой силы», используемых «заграницей» для совершения «цветных революций». Законодательство в отношении критики и «вольномудства» в Интернете последовательно ужесточалось: наказание блогерам определено было даже за перепечатку чужих текстов или просто отметку «нравится». Роскомнадзор получил право без санкции суда и без решения прокуратуры устанавливать факты приема, передачи, доставки и обработки электронных сообщений пользователей. По данным доклада, представленного Ассоциацией пользователей Интернета, «с 2011 года наблюдается стабильный рост количества случаев ограничения свободы Интернета: в 2011 году было зафиксировано 500 фактов, в 2012 году — 1197, в 2013 году — 1832 и в 2014 году — почти 3000»¹.

Разумеется, эти изменения не могли не повлиять на отношение общественности и к губернаторским блогам, и к «блоготворчеству» в целом. Российский сегмент блогосферы, бывший до этого своеобразной «виртуальной кухней», на которой блогеры активно обсуждали актуальные социально-политические проблемы, становится все менее безопасным местом для высказывания критических суждений о представителях власти. К тому же виртуальное пространство стали все больше засорять работающие на зарплату «тролли», изображающие нужное заказчикам «общественное мнение».

Еще одним важным фактором, повлиявшим на «неразвитость» диалога в губернаторских блогах, стал уровень культуры значительной части той общественности, которая представлена в Интернете. При обсуждении конкретных проблем для представителя власти важно, чтобы другая сторона демонстрировала компетентность и конструктивность. Однако иллюзия анонимности создает у многих комментаторов ощущение, что они могут выплеснуть в Сети любые негативные эмоции, несправедливые обвинения, оскорбления, насмешки, спам и т.д. Естественно, даже те представители власти, которые хотели бы вести реальный диалог, не готовы к такому стилю интернет-общения.

¹ Свобода Интернета 2014: власти не оставляют Интернету выбора // Ассоциация пользователей Интернета, 4 февраля 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://freerunet.ru/runet-freedom2014>.

Можно было бы высказать целый ряд полезных практических рекомендаций для «оживления» губернаторских блогов (открыть комментарии с функцией премодерации, писать регулярно и не в канцелярском стиле, думать о том, насколько важны поднимаемые проблемы для целевой аудитории, и т.д.). Однако все это — факторы второго порядка. Главным же недостаточно работающим фактором остается такое соблюдение конституционных принципов правового демократического государства, при котором реальный диалог между властью и обществом стал бы необходимым элементом функционирования всей политической системы.

Н. А. Чес
Москва

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА: НЕВИДИМОЕ ОРУЖИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (О СПЕЦИФИКЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТАФОРИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В УСЛОВИЯХ МАСШТАБНОГО КОНФЛИКТА)

Политическая деятельность неизменно связана с коммуникацией, причем, как отмечают многие исследователи, в политике речевая деятельность мотивируется неречевыми задачами и ориентирована в конечном итоге на оказание воздействия на (группового) адресата и регулирование его политического поведения посредством вербальных и невербальных знаков.

В неконфликтной коммуникативной среде, когда нет осознанной необходимости изменять существующую концептуальную картину мира или модель того или иного фрагмента действительности, отбор знаков (языковых и неязыковых) осуществляется автоматически. Однако в условиях конфликта возникает необходимость **выбора** знаков для того, чтобы оказать максимально эффективное влияние на массовую аудиторию и сформировать модель мира, в наибольшей степени отвечающую ожиданиям и интересам отправителя. Иными словами, в ситуации информационной войны вербальные (языковые) и невербальные знаки целенаправленно используются как инструменты управления когнитивными структурами сознания реципиентов.

Комплексный анализ политической коммуникации в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы позволяет сделать вывод о том, что одним из наиболее эффективных средств осуществления политического манипулирования и воздействия является концептуальная метафора.

Исключительная «востребованность» концептуальной метафоры в политической коммуникации обусловлена в первую очередь тем, что в результате метафоризации не только происходит формирование нового концептуального содержания и его объективация в языковых (и неязыковых) знаках, но и закладываются возможности для актуализации аксиологических смыслов, создания комплексных образных представлений, способных оказывать эмоциональное воздействие на реципиента и изменять его политическую картину мира. Именно эта полифункциональность концептуальной метафоры — ее способность конструировать отдельные элементы и целые фрагменты концептосферы, встраивать их в сложившуюся систему взглядов, оценок и отношений обуславливает ее исключительный манипулятивный потенциал, который она в полной мере реализует в политическом дискурсе.

Цель данного исследования заключалась в выявлении специфики функционирования метафорических концептуальных систем в условиях масштабного конфликта или войны в англоязычном политическом медиадискурсе, что предполагало составление перечней метафорических концептов, актуализирующихся в схожих дискурсивных условиях (в условиях конфликта или войны) в разные исторические периоды, их систематизацию, описание и сравнительный анализ. В качестве материала исследования использовались газетные статьи, опубликованные в общенациональных американских и британских изданиях в периоды Второй мировой войны (1939–1945 гг.), войны в Персидском заливе (1991 г.) и кризиса на Украине (2013–2014 гг.).

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, в основе концептуализации явлений и событий политической жизни лежат базовые метафорические концепты, использующие в качестве сферы-источника образ-схематические представления. Традиционно считалось, что метафорические концепты такого рода аксиологически нейтральны и скорее служат структурными элементами для создания более сложных метафор и комплексных метафорических моделей, которые продуцируют яркие образы, обладающие значительным манипулятивным потенциалом. Однако материал данного исследования дает основания полагать, что в условиях масштабного конфликта или войны базовые схемы метафорической концептуализации образуют устойчивые корреляции с положительной или отрицательной оценочностью, становясь мощным и невидимым (в силу своей естественности и привычности) оружием идеологической пропаганды и манипулирования общественным сознанием.

Во-вторых, сопоставительный анализ метафорических концептов и их репрезентантов, присутствующих в текстах трех исследуемых периодов, показал, что в зависимости от политической ситуации и специфики конфликта, а также конкретной прагматической установки в политическом дискурсе актуализируются различные компоненты информационной структуры одних и тех же метафорических концептов.

В-третьих, в каждом из исследуемых периодов были обнаружены метафорические концепты, характерные только для данного временного среза, и выявлены факторы, обусловившие их появление.

Таким образом, сопоставительное изучение метафорических концептов, функционирующих в условиях масштабного конфликта в разные временные периоды, позволяет говорить о существовании определенной специфики формирования концептуально-метафорических систем, что обеспечивает их максимально эффективное функционирование как механизма манипулятивного воздействия, которое в конфликтной коммуникативной среде часто оказывается скрытым.

Н. Б. Чувиллина
Уфа

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ 2013–2014 гг.

В электоральном цикле 2013–2014 гг. в Республике Башкортостан прошли выборы депутатов Государственного собрания — Курултая РБ (08.09.2013) и выборы главы исполнительной власти республики (14.09.2014).

Электоральный процесс развивался в Башкортостане в 2013–2014 гг. в новых условиях, ставших следствием политической реформы весны 2012 г. (возврат губернаторских выборов в регионах, либерализация условий создания партий в стране и упрощение нормативных правил для участия партий в выборах, новых установок администрации Президента РФ для губернаторов на ограничение использования в выборах губернаторского административного ресурса для обеспечения победы «Единой России» и ее кандидатов на посты глав регионов в условиях партийной конкуренции).

Результатом изменения элитных и режимных условий в республике стали два новых явления на республиканских парламентских выборах:

- институционализация среднего республиканского бизнеса в качестве автономного от исполнительной власти субъекта выборов;
- институционализация внутриэлитной оппозиции в лице группы, поддерживаемой благотворительным фондом «Урал», контролируемым прежним Президентом РБ М.Г. Рахимовым, и институционализация новой партийной оппозиции из среды республиканского бизнеса и молодых амбициозных лидеров (РПНУ, ПСС) в качестве активных участников избирательного процесса.

Однако в выборах главы исполнительной власти данные явления не получили реализации: элитной оппозиции не удалось зарегистрировать своих выдвиженцев¹ и в итоге Р.З. Хамитову противостояли только кандидаты от системной оппозиции — КПРФ, ЛДПР, «Патриоты России».

Новыми тенденциями, характеризующими партийную составляющую выборов депутатов Госсовета РБ, стали:

- обновление и расширение круга партийных участников выборов депутатов регионального парламента и усиление разнообразия партийных и персональных кандидатских альтернатив выбора для избирателей, расширение оппозиционного сегмента партийного предложения (за счет появления новой партийной оппозиции (РПНУ, ПСС, перехода к оппозиционной стратегии республиканского отделения «Справедливой России», активизации оппозиционной риторики КПРФ);
- некоторое повышение активности партий в качестве акторов выборов депутатов республиканского парламента.

При этом в 2013–2014 гг. в электоральном процессе республики продолжилось развитие некоторых тенденций, характерных для предыдущего периода.

Во-первых, продолжилась тенденция, начавшаяся еще в выборах 2003 г., — возрастание уровня партийности республиканского электорального процесса при одновременном сохранении маловлиятельной роли партий по сравнению с ролью республиканской исполнительной власти.

Во-вторых, сохранялась инструментальная роль партий ввиду доминирования в республиканских парламентских выборах и в выборах главы исполнительной власти республики республиканского отделения «Единой России», являющегося партийным инструментом в руках правящей элиты.

¹ Кандидат Р. С. Сарбаев, выходец из элитного клана М. Г. Рахимова, от партии «Гражданская сила».

В-третьих, сохранился низкий уровень конкурентности республиканского электорального процесса, и даже произошло его снижение за счет низкой конкуренции в одномандатных округах вследствие размывания электоральной поддержки на фоне увеличения альтернативности предложения, при низкой конкуренции выборов главы исполнительной власти республики.

Избирательные кампании 2013–2014 гг. показали, что республиканская исполнительная власть осталась наиболее влиятельным внутриреспубликанским актором электорального процесса в республике.

Данное положение наглядно демонстрировали результаты «Единой России» на выборах депутатов республиканского парламента (76,6% голосов избирателей в голосовании за список, партийная фракция в 93 депутата из 110 провела по списку 49 кандидатов и 44 кандидата — по одномандатным округам¹) и победа действующего главы исполнительной власти Р. З. Хамитова в выборах главы Башкортостана.

Электоральные процессы в республике сохранили управляемый характер со стороны республиканской власти, но при этом со сменой режима, руководящих персоналий и установок администрации Президента РФ она несколько модифицировала методы управления республиканским электоральным процессом по сравнению с кампанией 2008 г.

В арсенале власти остались старые способы управления выборами: административный ресурс, «Единая Россия» как инструмент электоральной мобилизации элиты и населения, Президент республики как главное имиджевое лицо «ЕР» — локомотив ее электоральной поддержки. Новой технологией управления выборами в 2013 г. стало размывание электоральных баз оппозиционных партий и кандидатов партиями-спойлерами благодаря достаточно легкой регистрации партийных списков и партийных одномандатников. Так, электорат КПРФ и «Справедливой России» дробили «Патриоты России», РПНУ, ПСС, партия «Рожденные в СССР», «Российская партия пенсионеров за справедливость».

Таким образом, в кампаниях 2013–2014 гг. неизменными остались базовые характеристики республиканского электорального процесса: наиболее влиятельная роль республиканской исполнительной власти в кругу внутриреспубликанских акторов; малозначимая и инструментальная роль партий; управляемый характер выборов и низкоконкурентный характер электорального процесса; ограниченная роль фактора электорального выбора.

¹ Из 44 одномандатников-единороссов 39 выдвигались от партии и 5 — как самовыдвиженцы.

А. Ю. Шадже
Майкоп

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ¹

Внимание к Кавказу, в частности к Северному Кавказу, — давняя традиция в мировой науке и политике. Интерес, нарастающий к нему с конца XX — начала XXI в., обусловлен осознанием того факта, что, с одной стороны, российский Северный Кавказ представляет собой важнейшую мировую ценность, с другой — актуализация проблем региона связана со сложными и противоречивыми процессами, происходящими здесь в последние двадцать лет.

Важно отметить, что в отечественной и зарубежной социально-гуманитарной науке нет концепции, анализирующей современные идентификационные процессы и определяющей перспективы перехода региона к устойчивому развитию. Имеющиеся исследования ограничиваются по преимуществу описанием традиций, поведенческих норм, установлений в быту. Во многом это объясняется сложившейся классической методологической базой, стереотипом мышления о регионе, достаточно привлекательными этнографическими сюжетами, создавшими экзотический геоэтнографический образ кавказского общества.

А это не раскрывает сущности целого, не дает понимания взаимосвязи целого и части, а также региональных процессов в условиях ускоренного перехода к инновационной модели социального устройства жизни, не позволяет определить основополагающие, базовые компоненты — параметры порядка, недостаточная изученность ценностного потенциала и недооценка значимости которых серьезно ослабляют российскую национальную политику в Северо-Кавказском регионе. Существующая на уровне призывов и лозунгов, она не приносит эффективных результатов. Силловые методы сохранения территориальной целостности Федерации запутывают и без того сложную ситуацию. Вот почему столь насущны переосмысление культурной идентичности на Северном Кавказе и корреляция науки и политики.

Для укрепления российской национальной идентичности необходимо решение следующих задач. *Во-первых*, определение общих (объединяющих) для всего российского общества начал, которые были бы близки и принимались представителями всех российских этносов и конфессий.

Эти начала не могут быть привнесены извне; но исторически сформированы (естественным образом) в самом социокультурном пространстве России с опорой на ментальность россиян, фундаментальные ценности и нормы этнических культур и традиционных религий. *Во-вторых*, поиск объединяющей основы (платформы) сосуществования и взаимодействия разных видов идентичностей, в частности этнокультурной, региональной, конфессиональной и российской национальной идентичностей.

Северо-Кавказский регион осуществляет свою идентификацию в российском социокультурном пространстве в рамках российской национальной идентичности. Однако процесс самоидентификации открыт не только национальному, но и глобализирующемуся миру.

Для понимания смысла самоорганизации полиэтничного российского общества, возрастающей сложности этого процесса необходим диалог ученых, политиков и народа. Представляется, что мы своим словом и делом обязаны помочь обустройству нашего российского дома, чтобы у каждого из нас было желание жить в нем, чтобы комфортно жилось каждому россиянину, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности, и чтобы в нашем доме было взаимопонимание.

Сосуществование разных идентичностей является свидетельством исторической уникальности России. Культурная идентичность определяет государственную монолитность, потому что единство страны может проявиться лишь через разнообразие этносов и этноидентичностей, через их взаимодействие и взаимообогащение. Диалог открывает путь к новому модусу идентификации и заставляет задуматься над вопросом «кто я есть?» по отношению к другим этносам, человечеству и окружающему миру, осознать свою слитность с действительностью. Гармоничная соотнесенность с нею обогащает собственное самосознание, расширяет личностное социокультурное поле. Усугубляя свое особенное, начинаешь понимать, что от усилий всех народов, объединенных Россией, зависит твое социальное благополучие.

Наконец, обозначим важный вопрос. Отношения между Россией и российским Северным Кавказом должны осмысливаться в рамках современной науки, в частности сквозь призму нелинейного мышления. При этом важно отметить необходимость строительства «здания доверия», т.е. «создания отношений доверия», говоря дипломатическим языком; это трудный, но необходимый процесс смены императива — «не политики силового давления и выкручивания рук», а поиска способов взаимопонимания; учета специфики региона, в котором онтологический статус этнического фактора еще высок и определяет существенную характеристику северокавказского общества; поиска способов гармоничного сосуществования и развития разных сложных систем — таких как «этнос», «регион», «Россия» и «глобальное сообщество» — с учетом особенностей их взаимодействия.

¹ Выполнено при поддержке РФФИ, проект № 11-06-00098а «Синергетическая модель укрепления российской идентичности на Северном Кавказе».

Н. Е. Шалаев
Санкт-Петербург

ЧИСЛЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОИСКА АНОМАЛИЙ В ДАННЫХ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

Стандартным подходом к выявлению нарушений при проведении голосования и выявлению искажений его результатов является привлечение наблюдателей для контроля за ходом выборов. Однако присутствие наблюдателей не означает ни отсутствия или снижения количества нарушений, ни стремления к идеалу честных и свободных выборов. Наблюдатели контролируют до 80% выборов, проводящихся в мире, но количество сообщений о нарушениях только возрастает. Даже авторитарные режимы охотно приглашают наблюдателей, считая это вопросом престижа и жестом доброй воли, который международным сообществом будет засчитан в их пользу в любой ситуации, а внутри страны может быть использован в качестве инструмента давления на оппозицию. Наконец, наблюдение за выборами может оказать негативное влияние на ситуацию в стране в целом, вытесняя электоральные манипуляции в другие, трудно поддающиеся наблюдению и контролю сферы.

В этой связи представляется многообещающей разработка методов, которые позволили бы оценивать данные электоральной статистики и выявлять те аномалии, которые свидетельствуют об искажении волеизъявления избирателей. Это должно не только оказаться дешевле и проще в организации, но и явиться более объективным и защищенным от влияния человеческого фактора способом для проведения мониторинга выборов. Основные группы таких способов анализа электоральной статистики — это методы, основанные на анализе зависимостей между различными переменными (например, явкой и уровнем поддержки кандидатов), и методы, обращющиеся к анализу свойств чисел в данных электоральной статистики. Во второй группе можно выделить методы, основанные на математических свойствах чисел, и методы, основанные на психологических эффектах, благодаря которым числа, порожденные человеком, будут отличаться от действительно случайных.

Однако методы обеих групп подвергаются и критике со стороны исследователей. Первые — за недостаточную обоснованность исходных положений и игнорирование альтернативных, органических объяснений выявляемых аномалий; вторые — за недостаточную чувствительность и склонность давать ложные срабатывания. Настоящее исследование и было призвано обратиться к проблеме оценки пригодности численных методов для вы-

явления аномалий в данных, свидетельствующих о манипуляции результатами волеизъявления. Эмпирической базой исследования стали случаи парламентских и президентских выборов в странах Восточной Европы, включающие как ряд бывших республик СССР, так и ряд бывших стран народной демократии. В числе рассматриваемых стран присутствуют как страны с хорошей репутацией в разрезе прозрачности выборов, так и страны, к демократичности выборов в которых выдвигались претензии. К указанному корпусу электоральной статистики были применены методы, основанные на законе Бенфорда, и метод Бебера—Скакко, основанный на данных психологических исследований.

В результате были в целом подтверждены предположения о недостаточной надежности закона Бенфорда в качестве метода обнаружения искаженных результатов голосования и об ограниченной применимости метода Бебера—Скакко, связанной с влиянием размера выборки на поведение критерия хи-квадрат. Тем не менее исследование указывает на значительный потенциал развития численных методов, в особенности с использованием кросс-дисциплинарного подхода (как, например, с привлечением работ психологических исследований в случае Б. Бебера и А. Скакко).

В. И. Шацкая
Санкт-Петербург

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИКИ США И НАТО В ОБЛАСТИ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ В ЕВРОПЕ И ИХ РОЛЬ ДЛЯ РОССИИ

В настоящее время вопрос глобальной противоракетной обороны США и ЕвроПРО как ее части является одним из камней преткновения в российско-американских и российско-натовских отношениях. В целом можно выделить три ярко проявившиеся тенденции в этой области, что справедливо и для всей системы глобальной ПРО США.

Первая тенденция — это усиление всей системы ПРО США и ЕвроПРО как ее части, а также использование украинского кризиса для этих целей. США и НАТО намеренно прекратили любое практическое сотрудничество и переговоры по проблеме ПРО с Россией. Очевидно, что США заинтересованы в подключении как можно большего количества стран к участию в системе. В этой связи надо понимать, что если в НАТО вступит какая-либо новая страна — это потенциальный плацдарм для размещения там элементов ЕвроПРО. Здесь речь может идти о Финляндии, Швеции,

Украине и Грузии. В то же время у США открываются возможности по включению стран Балтии в противоракетные планы.

Вторая тенденция — это нежелание США и НАТО идти на компромиссы с Россией в отношении развертываемой системы. За официальными заявлениями военно-политических представителей США и НАТО о ненаправленности ЕвроПРО против России нет убедительных аргументов, но есть конкретные действия по размещению элементов системы ПРО вокруг границ России. США проводят «политический курс, направленный на устранение любых договорных ограничений на американские системы противоракетной обороны»¹, что закреплено в «Обзорном докладе министерства обороны США по программе ПРО» от 1 февраля 2010 г.

Третья тенденция состоит в усилении антироссийской риторики вокруг ЕвроПРО на фоне украинского кризиса. Если раньше создание ЕвроПРО военно-политическим руководством США и НАТО объяснялось угрозой со стороны Ирана и Северной Кореи, то взамен устаревшего объяснения цели развертывания ЕвроПРО была спешно разработана идея 30 ракетных угроз, что, по сути, придало ЕвроПРО облик борьбы с несколькими странами и уже не только из лагеря стран «оси зла». Подтверждением антироссийской риторики являются и высказывания заместителя генерального секретаря НАТО А. Вершбоу 1 мая 2014 г. о России как о противнике, нежели партнере², а также намеренное распространение Вашингтоном идеи о якобы нарушениях Россией Договора о ракетах средней и меньшей дальности, не подкрепленных конкретными фактами. В этой связи можно ожидать заявлений о дальнейшей необходимости усиления системы ЕвроПРО со стороны официальных представителей США и НАТО. Помимо сторонников «жесткой» линии в отношении России, которых достаточно много в Конгрессе США, подобные идеи высказываются и различными «мозговыми центрами». Например, «Фондом национального наследия», «Gatestone Institute» и т.д. В то же время на официальном уровне США продолжают уверять, что система ЕвроПРО ни в коем случае не направлена против России. Однако аргументация США о создании ЕвроПРО для защиты от Ирана или 30 ракетных угроз не является убедительной. Поскольку в этом случае более логичным выглядело бы создание системы ПРО в регионе Ближнего и Среднего Востока, которая и так создается в рамках глобальной системы ПРО США.

При этом стоит отметить, что проблема ЕвроПРО оказывает влияние не только на национальную безопасность Российской Федерации, но и на

¹ Обзорный доклад министерства обороны США по программе ПРО. ФГУП «Институт стратегической стабильности», февраль 2010. С. 9.

² NATO official: Russia now an adversary. [Электронный ресурс]. URL: http://www.washingtonpost.com/politics/nato-official-russia-now-an-adversary/2014/05/01/f7af778e-d141-11e3-a714-be7e7f142085_story.html.

всю систему международной безопасности, так как возникает дисбаланс сил между двумя ядерными державами — США и Россией. Развертывание ЕвроПРО тесно связано со стратегическими наступательными вооружениями и высокоточным оружием США и НАТО. Анализ тенденций развития и модернизации ядерных сил США, перспектив создания новейших видов высокоточных вооружений США при одновременном развертывании ЕвроПРО, а также принятия решения об объединении обычных, ядерных и противоракетных сил НАТО позволяет сделать вывод об особой роли, которая отводится ЕвроПРО как части глобальной ПРО США в стратегии США и НАТО.

Таким образом, развертывание европейского сегмента глобальной ПРО США является важной проблемой внешней политики, которая требует от России принятия взвешенных решений для обеспечения своей безопасности.

Я. Ю. Шашкова
Барнаул

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (на примере Алтайского края)

В российском политическом процессе становится все более ощутимым приближение нового электорального цикла. Политические партии начали перегруппировку сил, обновление руководящего состава, подбор потенциальных кандидатов и спонсоров. К осени 2015 г. можно ожидать усиления их присутствия в информационном поле.

Конечно, большую роль в современных электоральных процессах играет административный ресурс, но это не отменяет значимости выбора избирателей. А значит, сохраняет свою актуальность проблема мотивации партийных предпочтений и их детерминант, в частности информационной политики партий и формируемых ею партийных имиджей.

В пользу этого свидетельствуют и результаты социологических опросов. Так, в 2012 г. 41% опрошенных жителей Алтайского края заявили, что при голосовании они ориентировались на программы партий и кандидатов, которые официально отсутствовали. Скорее имелись в виду представления избирателей об идеологии и программных целях партий, почерпнутые ранее из других источников, или накопленный символический капитал. В качестве других мотивов голосования избиратели называли личность кандидата или лидера партии (35%), их текущую деятельность (26%), свою

партийную принадлежность (18%), большую степень информированности (8%) и стремление эффективно использовать свой голос (7%).

При этом большинство избирателей очень поверхностно информировано о структуре и деятельности политических партий, выдвигаемых ими идеях и инициативах. И дело здесь не в том, что избиратели глупы или ленивы, а в том, что получение и осмысление политической информации сопряжено с весьма ощутимыми затратами сил и времени. Именно этот момент имел в виду П. Бурдье, говоря о том, что рынок политики — один из наименее свободных рынков. К самым сильным ограничителям его свободы относится компетенция агентов — производителей и потребителей политической продукции. Например, для понимания смысла какой-нибудь партийной позиции, программы, заявления необходимо хорошо ориентироваться в универсуме конкурирующих товаров. А поскольку, как справедливо утверждают сторонники теории общественного выбора, рядовой гражданин прекрасно понимает, что ценность его индивидуального голоса не так уж и велика, то для поиска политической информации он приложит самые минимальные усилия, станет использовать те сведения, которые получить легче. В такой ситуации возрастает значимость СМИ, напрямую работающих с избирателями и создающих благоприятный или неблагоприятный партийный символический капитал.

В связи с этим одним из направлений анализа современного российского партотгенеза должно стать выявление особенностей репрезентации политических партий в СМИ, в частности регионального уровня. Тем более что, согласно результатам опроса жителей Алтайского края 2013 г., основными источниками информации о политике являются центральное (67%) и местное (42%) телевидение, местные (34%) и центральные (19%) газеты, радио (22%). Информацию в Интернете (его отметили 38% опрошенных) в основном черпают молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет. Партийная литература как источник информации значима лишь для 6% жителей края.

Анализ информационного потока Алтайского края за 2014–2015 гг. показал, что доминирующее место в нем стабильно занимают четыре парламентские партии. В содержании новостей преобладает информация о деятельности их депутатов и фракций в краевом Законодательном собрании. Кроме того, «Единая Россия» в краевых СМИ чаще всего упоминается в связи с социальными партийными проектами, праймериз накануне выборов, в 2015 г. — с начавшейся подготовкой к выборам 2016 г., рассмотрением законопроекта о создании правительства в крае, открытием «Алтайской школы современной политики» для молодежи и др. Относительно КПРФ в СМИ обсуждаются выдвигаемые ею кандидаты на выборные должности, законопроекты (например, о Знамени Победы), а также митинги и мероприятия, приуроченные к датам рождения и смерти В. И. Ленина, традиционным коммунистическим праздникам. Паблисити ЛДПР, как

и на федеральном уровне, обеспечивала информационная активность ее регионального лидера, его участие в выборах губернатора края в сочетании с многочисленными акциями и заявлениями (например, о необходимости признания праздничными или выходными днями Дня охотника и Радоницы). «Справедливая Россия» в краевых СМИ обычно представлена обсуждением проблем ЖКХ и социальными проектами. Из других партий в информационном потоке были фрагментарно представлены «РПР-Парнас», «Яблоко», «Зеленые» (в связи с участием в выборах губернатора). Более 50 остальных партий, зарегистрированных в крае, в СМИ не упоминались.

Таким образом, можно констатировать, что сложившаяся значительная дистанция между лидерами и «всеми остальными» внутри российской партийной системы находит отражение в информационном поле регионов, в свою очередь, еще больше усиливая данное размежевание в символическо-когнитивном пространстве россиян.

А. М. Шаяхметов
Уфа

ФОРМИРОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Завершившийся в последние месяцы 1991 г. процесс дезинтеграции союзных республик СССР ознаменовал начало эпохи новых вызовов и задач для пятнадцати новообразовавшихся государств. На сломе советской политической системы перед ними встала необходимость выстраивания собственных моделей политического устройства. Для целого ряда республик опыт государственного строительства стал первым в их истории. Сущность подобных «переходных» политических режимов раскрывается при рассмотрении коммуникационного взаимодействия политического лидера с элитами и обществом. Количественный и качественный состав участников политического процесса, характер внутреннего взаимодействия между ними, ценностные ориентации и их практическая реализация формируют модель политического лидерства — одного из определяющих элементов политических режимов.

Исторически на постсоветском пространстве доминировали два типа лидерства: традиционное и харизматическое. Абсолютную монархию, основанную на безграничной власти самодержца, в советский период сменил во-

жизм, опиравшийся на исключительный авторитет лидера партии, репрессивный аппарат и массированную пропаганду. Формировавшаяся столетиями политическая культура авторитаризма и тоталитаризма на постсоветском пространстве сформировала устойчивый запрос на сильную централизованную власть лидера-государственника. Не могли в одночасье переломить данную тенденцию даже радикальные демократические преобразования, проведенные во всех республиках в начале 1990-х годов. Конвергенция авторитарных и тоталитарных традиций с новообразованными демократическими институтами, а также специфика политических культур каждой из стран сформировали уникальные гибридные типы политического лидерства.

Демонтаж советского государства стал возможен благодаря приходу к власти в России, Украине и Белоруссии демократов и социал-демократов. В этих странах сложилась олигархическая система, включавшая в себя одновременно элементы западных демократических и азиатских авторитарно-патриархальных систем. В России и Белоруссии впоследствии возобладал авторитарный тип политического управления, а в Украине этому помешал ряд революционных выступлений. В Молдавии образ лидера формируется в стойкой борьбе между коммунистами и демократами.

В постсоветских странах Центральной Азии (Казахстане, Таджикистане, Киргизии, Туркменистане) мы стали свидетелями доминирования азиатского типа авторитаризма, несмотря на формально республиканскую модель. В них, кроме Таджикистана (президент Э. Рахмон пришел к власти в 1992 г.), первыми лицами остались номенклатурные руководители, возглавлявшие ЦК коммунистических партий своих республик. Президентские модели в Центральной Азии характеризуются высоким уровнем персонализации власти¹. Широко используются такие политические ходы, как продление президентских полномочий без проведения выборов (И. Каримов, Н. Назарбаев), увеличение либо отмена лимита возможных президентских сроков (Э. Рахмон, С. Ниязов, Н. Назарбаев), наделение дополнительными властными полномочиями. Политические системы, порожденные перечисленными лидерами, унаследовали и негативные черты, характерные для советского авторитаризма: несменяемость власти, культ личности правителя, массовая коррупция, политические репрессии (в том числе с применением пыток)².

¹ Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан являются президентскими республиками. Киргизия де-юре является парламентско-президентской, но де-факто также представляет собой политическую формацию с определяющей ролью президента.

² Центральная Азия: Массовые нарушения прав человека, репрессии. [Электронный ресурс] // Human Rights Watch [Официальный сайт]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hrw.org/ru/news/2013/01/31/tsentralnaya-aziya-massovye-narusheniya-prav-cheloveka-repressii>; Проблемы государств Центральной Азии — наследие советского прошлого // Радио ООН [Официальный сайт]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/144812>.

В кавказских странах (Грузия, Азербайджан, Армения) борьба за власть и межэтнические конфликты породили стойкий запрос на сильных, авторитарных правителей. По пути развития демократических режимов по западному образцу всецело пошли лишь в странах Балтии (Эстонии, Латвии и Литве).

Вместе с тем с середины 2000-х годов начинается принципиально новый, противоречивый период развития института политического лидерства на постсоветском пространстве. «Цветные революции» в Украине и ряде стран Кавказа и Центральной Азии оформили начало борьбы с коррупционно-клановой системой и начало перехода к более демократическим системам. Как ответ на это, в России, Белоруссии, Казахстане и ряде стран укрепляются авторитарная вертикаль и интеграционные процессы. Случившееся в конце 2013 г. столкновение двух этих тенденций вновь значительно изменило модели политического лидерства на постсоветском пространстве.

Н. А. Шведова
Москва

ЖЕНСКОЕ ЛИДЕРСТВО: ОТ «СТЕКЛЯННОГО ПОТОЛКА» — К «ЛАБИРИНТУ»

Женское лидерство, так же как и власть женщин, не является самоцелью. Они — объективно необходимые инструменты для достижения гендерного равенства и справедливости, которые являются ключевыми предпосылками прогресса и устойчивого развития человечества.

На самом деле положение женщин в мире за последнюю четверть века претерпело существенные перемены к лучшему. Женщинам удалось добиться прогресса в обеспечении их прав во многих сферах жизни. Однако вопреки росту благосостояния в разных регионах мира, прогресс во многих областях с точки зрения интересов женщин едва заметен. Многие из гендерных диспаритетов ощутимы даже в самых богатых странах. Прогресс не затронул в равной мере все страны и всех женщин — как не коснулся всех аспектов гендерного равенства. Во всех странах и культурах существуют различия между возможностями мужчин и женщин делать выбор, причем эти различия, как правило, не в пользу женщин. *Иными словами*, расширение прав и возможностей женщин в политической и социальной сферах может изменять политический выбор и делать институты выразителями более широкого спектра мнений.

Разная степень ответственности мужчин и женщин в отношении семейных обязанностей, работы по дому и ухода за членами семьи, неравенство в праве владения активами и препятствия для деятельности женщин как в частной, так и в публичной сфере относятся к «трудным» областям. Практически повсеместно женщины представлены в политике и на высших руководящих должностях в бизнесе в гораздо меньшей степени, чем мужчины. **В результате гендерные различия влияют не только на благосостояние женщин, но и на целый комплекс результатов для их семей и для общества в целом.**

Мировой опыт свидетельствует о том, что из-за отсутствия у женщин и мужчин равных возможностей активно участвовать в общественной и политической жизни и влиять на законы, политику и ее разработку институты и политика рискуют оказаться **социально недостаточными и систематически ориентированными на интересы узких более влиятельных сил.**

Таким образом, **повышение роли женщин в общественно-политической жизни выгодно не только для женщин и детей, но и для мужчин.** Это один из аргументов в пользу необходимости поиска гендерного баланса во власти, который мы рассматриваем как доступ, контроль и распоряжение ресурсами.

В отечественной и зарубежной литературе, как в научной, так и в популярной, ставятся критические вопросы, которые требуют глубокого и всестороннего исследования тематики «женского лидерства».

Есть ли разница между женщинами-лидерами и мужчинами-лидерами? Если да, то каковы уникальные качества женского лидерства, которыми наиболее эффективные женщины-лидеры обладают?¹ Являются ли мужчины лидерами от природы, или это традиционный гендерный миф? Остается ли еще дискриминация проблемой? Наблюдается ли большее сопротивление руководящей роли женщин, чем мужскому лидерству?

Как высоко на самом деле поднимаются женщины в качестве лидеров? Ограничивают ли стереотипы и предрассудки по-прежнему возможности женщин? Действительно ли существуют препятствия для женщин, которые могли бы быть лидерами? Что такое психология предрассудков в отношении женского лидерства? Тормозят ли женщин семейные обязанности? Как находят выход некоторые женщины, становясь лидерами? Легко ли быть женщиной-лидером и какую персональную цену надо платить за это? Насколько хороши женщины-лидеры и какое будущее их ждет?

Термин «**стеклянный потолок**» был растиражирован с «легкой руки» К. Хаймовиц и Т. Шелхардт (*Carol Hymowitz, Timothy Schellhardt*) после публикации в *World Street Journal* в 1986 г. статьи, в которой они употре-

¹ Lowen L. Qualities of Women Leaders. The Unique Leadership Characteristics of Women. URL: <http://womensissues.about.com/od/intheworkplace/a/WomenLeaders.htm>

били эту метафору. Она благополучно прижилась и разлетелась по всему миру. «**Стеклянный потолок**» подразумевает методы исключения женщин из высших эшелонов власти в 70-х годах XX в. Барьеры изменились таким образом, что женщины стали достигать определенных уровней власти, но не самых высоких ее ступеней.

«**Лабиринт**» как тип препятствий для женщин подразумевает наличие мозаики из множественных препятствий, барьеров. Некоторые из них — уточненные, с трудом распознаваемые, другие — вполне очевидные, такие как убеждение в том, что матери будут обеспечивать львиную долю заботы о детях и ухода за ними. Ясно, что сегодня почти нет законов, исключающих женщин в открытую, и существует немного ясно очерченных, широко поддерживаемых, одобряемых *норм исключения*.

Однако без принятия эффективных мер политики на национальном уровне проблему минимизации гендерных диспропорций не решить. Справедливый, бесконфликтный и надежный мир в своем доме, в своей стране нуждается в мобилизации всех усилий — и женщин, и мужчин, а значит, женщины-лидеры, так же как и мужчины-лидеры, — это требование времени и условие созидательного труда ради устойчивого развития и прогресса.

И. К. Шевцова
Пермь

ПАТРОНАЖ VS НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ СФЕРЕ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ РФ

Сфера ЖКХ в России остается самой конфликтной отраслью экономики. Социологические опросы свидетельствуют о том, что вопросы ЖКХ волнуют граждан больше других¹. В этой связи качество сферы ЖКХ стало важным фактором устойчивости власти.

С появлением Жилищного кодекса РФ в 2005 г. для власти и бизнеса в сфере ЖКХ начала складываться ситуация, сходная с той, которую Д. Норт назвал ситуацией неопределенности. Появились частные предприятия. При этом эффективные институты взаимодействия власти и бизнеса не сложились до сих пор. Такая ситуация неопределенности обусловила конфликт интересов.

¹ См., напр.: Результаты исследования ФОМ «Повышение тарифов на услуги ЖКХ» (2012). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10571>.

Конфликтов было меньше в регионах, где власть избирала политику недопущения частного бизнеса (Москва, Чувашия и др.). В большинстве же регионов и региональных столиц (Пермский край, Новосибирская область и др.), где власть на первом этапе реформы избрала стратегию передачи отрасли в рынок, конфликтов было гораздо больше.

В ряде случаев мы наблюдали переходы конфликтных фаз в периоды длительного «перемирия». Такое положение дел может быть успешно объяснено при помощи концепта патрон-клиентских отношений (патронажа).

Взаимодействие может быть определено как патрон-клиентское, если будет обладать: наличием двух сторон, взаимообусловленностью, иерархичностью (с точки зрения обладания властью) и повторяемостью¹. В российской политической науке патронаж неоднократно описывался как одна из моделей взаимодействия между властью и бизнесом, подразумевающая подавление автономии последнего. Однако патронаж не подразумевает лишение автономии, а скорее развивается в логике *городских режимов*, когда управление становится более эффективным при наличии неформального партнерства между властью и бизнесом².

Властные полномочия, кроме создания магистрального законодательства, касающиеся ЖКХ, сосредоточены на уровне региона (регулирование тарифов, региональное нормотворчество и т.п.) и муниципалитета (обеспечение граждан коммунальными услугами, реализация муниципальных бюджетных программ, муниципальное нормотворчество и т.п.). Это обуславливает формирование патрон-клиентских отношений именно на уровне региона и муниципалитета. Муниципальные патронажные сети могут как существовать отдельно, вокруг эксклюзивных полномочий городской власти, так и в ряде случаев быть встроены в региональные. Структура и плотность патрон-клиентских отношений зависит также и от типа бизнеса (поставщики теплоэлектроэнергии, воды или управляющие организации).

Интерес региональной власти к установлению патрон-клиентских отношений обусловлен необходимостью периодического заключения «электорального пакта» (ограничение интересов бизнеса в период избирательных кампаний) и задачами/сигналами, которые исходят от федеральной власти. На городском уровне между бизнесом и властью в сфере ЖКХ складываются более интенсивные взаимодействия, нежели на уровне региона. Интенсивность обуславливается более широким кругом ресурсов, подлежащих обмену, и пересечением полномочий власти и деятельности бизнеса.

¹ Hicken A. Clientelism // Annual Review of Political Science. 2011. Vol. 14. P. 289–310.

² Stone C. Regimes politics Governing Atlanta, 1946–1988. Univ. Press of Kansas, 1989. P. 3.

Одним из индикаторов прекращения патрон-клиентских отношений можно рассматривать применение публичных санкций к бизнесу (включение в «черный» рейтинг, шантаж заменой на муниципальное предприятие и пр.).

В рамках патрон-клиентских взаимодействий в сфере ЖКХ личность патрона (представителя власти) не является определяющей, степень персонализма часто невысока. Смена губернатора или мэра может привести к изменению качества взаимодействий. Но конфигурация условий, формирующих патрон-клиентские отношения в сфере ЖКХ, вероятнее всего, «реинкарнирует» последние и после смены состава властной верхушки.

Спрос на патрон-клиентские отношения в сфере ЖКХ формируется главным образом за счет исполнения ими функции повышения предсказуемости поведения сторон за счет появления системы взаимных обязательств. Это является более выгодным для обеих сторон, нежели силовые варианты решения конфликта. Патрон-клиентские отношения — механизм поддержания контроля власти за состоянием важной в электоральном плане и при этом частной сферы экономики.

А. В. Шевченко
Москва

В ЧЕМ СИЛА ВЛАСТИ СЕТИ: ТРИ ПОСТУЛАТА М. КАСТЕЛЬСА

Общеизвестна роль Сети в организации политики коммуникаций, ее влияние на интенсивность и интенциональность коммуникативных обменов в информационных полях и потоках, образующих текст и контекст политической реальности.

Сама политическая сеть представлена как «система государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя формальные и неформальные нормы»¹.

Необходимое условие существования политических сетей — наличие ресурсов для выработки соглашений в процессе их обмена. Но кем, как, посредством чего формируется и распределяется ресурс Сети, собственно определяющий ее структурно-функциональную архитектуру, целевое назначение и разрешающие способности? Отвечая на эти вопросы, М. Ка-

¹ Сморгунев Л. В. Сетевой подход в исследовании политики / Политология: Лексикон / Под ред. А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2007. С. 686.

стельс обращается к совершенно неочевидному для политологии результату решения методологической задачи — феномену силы.

В отечественных исследованиях категория силы представлена как «способы и средства воздействия на объект, целенаправленное использование которых позволяет контролировать объект и/или окружающую его среду»¹ — самый, на наш взгляд, неудачный выбор из множества значений понятия «сила», объясняемых, например, Институтом лингвистических исследований РАН². Зарубежные политологи также не обращаются к эвристическим возможностям категории, от чего и отталкивается в своих рассуждениях М. Кастельс: «Возможно, вопрос о силе в его традиционной формулировке не имеет внятного смысла в сетевом обществе, однако новые формы доминирования и целеположения становятся критически важными в определении образа жизни людей, вне зависимости от их свободной воли. Там, внутри, где-то спрятаны силовые взаимоотношения, которые работают — хотя в новых формах и с новыми типами акторов»³. Ученый определяет силу как относительную «способность поставить волю одного актора над волей (волями) других акторов на основании структурной возможности доминирования, которая естественным образом встроена в институты общества»⁴.

Продолжая исследования логики Сети⁵, М. Кастельс обосновал теорию сетевых сил (автор отождествляет силу и власть), рассредоточенных в сетевом обществе. Центральный аргумент новой концепции содержит три постулата.

1. Коммуникационные сети являются фундаментальными сетями формирования сил/власти в обществе. Сила создается вокруг многомерных сетей, запрограммированных во всех областях человеческой деятельности. Все силовые сети осуществляют свою власть через воздействие на сознание людей преимущественно через мультимедийные сети массовой коммуникации.

2. Сети сил связаны между собой сетевыми механизмами, но не объединены: они входят в стратегические партнерства и соревнования, практикуя кооперацию и конкуренцию одновременно, через образование *ad hoc* сетей вокруг специфических проектов и меняя партнеров в зависимости от контекста и их интересов в каждый конкретный момент времени.

3. Сеть силы/власти, которая имеется вокруг государства и политической системы, играет фундаментальную роль в общем процессе распре-

¹ Категории политической науки. М.: РОССПЭН, 2007. С. 79

² Большой толковый словарь русского языка. СПб.: НОРИНТ, 1998. С. 1184.

³ Кастельс М. Сетевая теория силы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ijoc.org>.

⁴ Там же.

⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

деления силы в сети. Пока коммуникационные сети производят создание смыслов (от которых зависит само существование силы), государство представляет собой текущую сеть, которая обеспечивает правильное функционирование всех остальных сетей¹.

Для доказательства своих постулатов М. Кастельс формирует специфический тезаурус, описывающий четыре формы силы: сила сетевых связей (*Networking Power*); сила сети (*Network power*); распределяемая сетью сила (*Networked power*); сила создания сети (*Network-making power*), а также противосилы (*counterower*), обладающие теми же характеристиками, что и силы прямого действия.

В целях сохранения баланса сил, необходимого для информационной устойчивости политической системы, автор предлагает «методический подход»: обнаруживать «специфическую сетевую конфигурацию акторов, интересов, ценностей, которые участвуют в процессе создания сил/власти в сети через присоединение своих сетей к сетям массовой коммуникации — источнику конструирования смыслов в общественном сознании».

С. А. Шейн
Пермь

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: НА ПУТИ ОТ «БАТСКЕЛЛИЗМА» К «БОЛЬШОЙ КОАЛИЦИИ»?

В условиях перехода Британии от Вестминстерской политической системы к плюральной ни одна из ведущих партий рискует не получить достаточного количества голосов, чтобы сформировать правительство большинства по итогам выборов 2015 г. «Подвешенный парламент» имеет все шансы повториться, что создает благоприятную почву для политических союзов. Все больше политических акторов (Партия независимости Соединенного Королевства, Партия зеленых, Шотландская национальная партия, «Плайд Камри») выступают в качестве *office-seeking party*, в то время как низкая электоральная поддержка Партии либеральных демократов не позволяет сформировать минимальную выигрышную коалицию с одной из ведущих партий. Исходя из этого партийному руководству консерваторов и лейбористов следует обратить особое внимание на пример коалиции ХДС/ХСС и СДПГ в Германии.

¹ Кастельс М. Сетевая теория силы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ijoc.org>.

Цель доклада — оценить возможность складывания «большой коалиции» в Великобритании в 2015 г.

Формирование консенсуса на уровне партийных элит будет означать наличие содержательной базы для будущей «большой коалиции». Понимая под консенсусом «широкое соглашение по многим ключевым аспектам политического курса между руководством партий во время пребывания каждой из них у власти»¹, автором были проанализированы сегодняшние позиции ведущих партий по ключевым вопросам социально-экономического и политического развития государства, а также их политический курс во время пребывания у власти. Сделан вывод о том, что послевоенный «бэтскеллистский» консенсус обрел новую жизнь в Британии в начале XXI в. При наличии частных разногласий консерваторы и лейбористы имеют общее видение дальнейшего развития Соединенного Королевства. Ведущие партии характеризует идентичность политической практики и согласие с проведенными реформами своих оппонентов. Важной особенностью консенсуса является то, что он нацелен не на широкие слои населения, а на средний класс, поэтому электоральная поддержка сегодняшнего консенсуса уже, чем в 50–70-е годы прошлого века.

Еще одной предпосылкой «большой коалиции» является рост многопартийности. Четверть избирателей готова проголосовать за «антиконсенсусные» партии: ПНСК, «зеленых» и ШНП. Рост малых партий несет в себе вызовы для внешнеполитического положения Великобритании (выход из ЕС) и единства королевства (сепаратизм Шотландии и Уэльса). В условиях развития многопартийности, несущей риски для электоральных позиций ведущих партий, «большая коалиция» выглядит естественной защитой своего положения и возможностью уйти от диктата малых партий.

Существует ряд ограничений на пути складывания «большой коалиции». Во-первых, риск уступить базовый электорат, верный принципам традиционного консерватизма и лейборизма, маргинальным партиям. Во-вторых, вероятность внутривнутрипартийных бунтов правого крыла тори и левого крыла лейбористов из-за союза с «классовыми врагами». Кроме того, мажоритарная избирательная система сдерживает развитие многопартийности, а следовательно, уменьшает шанс объединения ведущих партий. Все это создает существенные препятствия для оформления «большой коалиции» в 2015 г.

Подводя итог, политический консенсус — это главная предпосылка для формирования «большой коалиции», которая имеет все шансы стать ответом на развитие в Британии многопартийности. Оформление коалиционного союза ведущих партий вряд ли возможно по итогам выборов

¹ *Seldon A. Consensus: A Debate Too Long? // Parliamentary Affairs. 1994. Vol. 47. N 4. P. 508.*

2015 г. Однако переходным этапом может стать сформированное одной из ведущих партий правительство меньшинства. При таком развитии событий следует ожидать согласования (скорее всего негласного) правительством и оппозицией важнейших политических решений, что станет предпосылкой для институционального оформления «большой коалиции» в 2020 г., хотя нельзя исключать и другие сценарии.

А. С. Шерстобитов
Санкт-Петербург

КООРДИНАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В СЕТЕВОМ ГОРОДСКОМ УПРАВЛЕНИИ: ЛИДЕРСТВО, СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНФЛИКТ¹

Многие исследователи публичной политики отмечают, что публичная сфера интеракции государственных органов и негосударственных институтов в современной России часто выступает лишь в качестве площадки апробации и легитимации политических решений, принимаемых властными институтами. Политики и бюрократы осознают необходимость придания решениям легитимности и закрепляют в нормативно-правовой базе механизмы сотрудничества и координации. Например, привлечение экспертов и обсуждение проектов решений с представителями гражданского общества становятся неотъемлемыми элементами политико-управленческого процесса и институционализируются в виде общественных советов, обязательной экспертизы предлагаемых решений и т.д.

Еще одной причиной, по которой органы государственной власти все еще удерживают позиции в центре публичного поля, является концентрация ресурсов у властных акторов. Однако на городском уровне, особенно в мегаполисах, мы наблюдаем ситуацию, когда бизнес и институты гражданского общества также аккумулируют достаточные ресурсы для активного включения в публичную политику. В частности, уже в полной мере проявилась тенденция институционализации городских политических сетей в России, которая заключается в развитии и росте популярности гражданских инициатив. Активность «рассерженных горожан», возникшая на фоне политического протеста, по окончании электорального цикла 2011—

¹ Выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-33-01356 «Сетевые практики в публичной политике как фактор совершенствования современного городского управления».

2012 г. трансформировалась во множество локальных проектов в различных областях публичной сферы. Результатом протестной коммуникации в социальных медиа стала политическая мобилизация новых социальных групп, которые до этого были совершенно аполитичны, например молодежи и среднего класса в крупных городах. С окончанием электорального цикла сети персональных связей, которые использовались для политической мобилизации протестной активности и характеризовались высоким уровнем устойчивости и доверия, постепенно трансформировались в сети гражданских инициатив, направленных на решение целого спектра городских проблем. Например, в Санкт-Петербурге сложились устойчивые сети в таких проблемных зонах, как транспортная инфраструктура, жилищно-коммунальное хозяйство, малое инновационное предпринимательство, экология, избирательный процесс, государственный и муниципальный заказ.

Одним из ключевых факторов внешней среды для политических сетей является институциональная матрица, которая включает в себя как устойчивую структуру государственных и общественных институтов, так и сложившиеся нормы и «правила игры». Институциональные условия внешней среды можно изучать с точки зрения различных методологических подходов. Например, мы можем описать характерные особенности конфигурации внешней среды политических сетей через призму сложившихся политико-административных режимов. В данном аспекте необходимо прояснить, как сложившаяся структура вовлеченных в политическое взаимодействие акторов влияет на появление сетей, их развитие и функционирование. Ключевыми условиями внешней среды для возникновения и функционирования политических сетей являются децентрализация, наличие механизмов вовлечения в публичность, сложность и динамика общественных процессов. В рамках нашей работы мы проводим сравнительное исследование складывающихся городских политико-административных режимов в России, которое основано на систематизации данных факторов и выявлении их влияния на становление городских сетей публичной политики.

Следующая исследовательская задача, которую мы ставим перед собой, заключается в выявлении роли координации в сетевом взаимодействии и результатах публичной политики. Здесь возникает методологическая и методическая проблема: несмотря на то что в рамках теории политических сетей уже развилось довольно много направлений исследований, сама она еще не обладает достаточно самостоятельной концептуальной основой, с помощью которой можно было бы связывать теорию и эмпирику. Чтобы преодолеть этот недостаток, мы можем использовать ее в комбинации с другими подходами. Мы рассмотрим координацию в политических сетях с позиций теории коллективного действия. Политические сети следует

понимать как совокупности организованных субъектов, которые отражают особые типы институциональных механизмов, т.е. системы используемых правил. Причем данные правила создаются совместно самими участниками сетевого взаимодействия. Основной предпосылкой для того, чтобы говорить об их институционализации, является возможность применения санкций за их нарушение. И хотя мы понимаем политическую сеть не как организацию, тем не менее признаем, что она должна восприниматься как организованное сообщество, т.е. совокупность коллективно действующих акторов. На опыте нескольких кейс-стади мы выявляем три основных типа координационных стратегий сетевых акторов: лидерство, сотрудничество и конфликт.

Д. Д. Ширева
Москва

СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТИВАЦИИ И ПРОБЛЕМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПРЕКАРИАТА

Аналитика прекаритета — одна из центральных тем в современной политической теории. Речь идет о формировании новой политической субъективности, зарождающейся (или, скорее, проявляющейся) вместе с фундаментальными трансформациями в сфере экономики, производственных и трудовых отношений.

Что такое прекариат, точнее кто относится к прекариату? С одной стороны, есть довольно четкий критерий выборки — под определение прекариата подпадают те сферы деятельности/работы и акторы, труд которых характеризуется как нестабильный, негарантированный, незащищенный. С другой стороны, вариативность идентичностей, которые вовлечены в эти трудовые и производственные отношения, предельно велика: прекарный труд — это и труд мигрантов, и те виды работы, которые гендерно маркированы как «женские» (домашний труд, материнство, уход за ребенком и пр.), уход и уборка, весь спектр фриланса, секс-работа, волонтерство и т.д. Статистические данные указывают на то, что все больше людей во всем мире переходит в прекариат, тогда как сфера salariата стремительно сокращается, а вместе с тем все больше людей теряют социальную и экономическую защищенность.

Требование представительства артикулируется вместе с политической субъективностью. Несмотря на попытки создания профессиональных ас-

социаций precarious работников (в разных сферах), очевидно, что вопрос стоит более остро.

Формирование прекариата как нового экономического и политического класса, или силы (не все исследователи прекаритета используют понятие класса), отсутствие адекватных механизмов представительства этого нового политического актора свидетельствуют также и в пользу кризиса современных репрезентативных систем и институтов. Таким образом, феномен прекаритета следует рассматривать также и с точки зрения критики политической репрезентации. Феномен прекаритета и критика политической репрезентации — взаимозависимые, взаимообусловленные концепции.

Политэкономический анализ precarious труда указывает на нехватку представительства: прекариат не вписан в современные репрезентативные системы. То есть, не будучи представленным, прекариат оказывается исключенным из сферы политического. Тогда как для теорий радикальной демократии прекариат и его положение — точнее отсутствие — в сфере институциональной политики скорее говорит о кризисе представительства в целом — прекариату не нужно такое представительство. Отсюда критика «классового подхода»: множественность идентичностей или даже обличий прекаритета в каком-то смысле непредставимы: невозможно создать партию прекариата по образу и подобию рабочих партий прошлого века. Такой подход отказывается или, по крайней мере, стремится отказаться от понятия «класс», предпочитая говорить об общности или множестве. Множественность и различие, присущие прекариату, подразумевают невозможность централизации власти и политического представительства в системах современных либеральных демократий. Поэтому феномен прекариата не только ставит под сомнение эти механизмы, но и формирует запрос на политическое участие, возможное только вместе с радикальным пересмотром и обновлением демократических институтов¹.

Дебаты о феномене прекариата позволяют проводить исторические аналогии. На фоне сравнений с рабочим движением XIX—XX вв. запрос на демократические, гибкие и неиерархичные практики представительства актуализируют проблематику системы Советов. Первый опыт формирования системы Советов в России в 1905—1906² гг. во многом соответствует концептуальной модели, которая выстраивается дискурсом о политизации прекариата. Советы формировались не только по принципу профессиональной принадлежности (рабочие, крестьяне, солдаты и др.), но и были

¹ Антонио Негри: от горизонтальности к вопросу о власти. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://openleft.ru/?p=5220>.

² *Anweiler O.* The soviets: the Russian workers, peasants, and soldiers councils, 1905—1921. N.Y.: Pantheon Books, 1974; *Anweiler O.* Party Dictatorship or Workers Democracy: Introduction. URL: <http://libcom.org/library/party-dictatorship-or-workers-democracy-introduction-oskar-anweiler>.

также сильно локализованы, возникая «на местах», т.е. на рабочих местах (фабрики, заводы и другие производства), на местах проживания (городские Советы) и т.д. То есть Советы, несмотря на определенную политическую гегемонию, подразумевали широкое вовлечение множества политических идентичностей, угнетенных социальных групп и общностей, требовавших прямого участия и гибкой системы представительства.

А. В. Шумилов
Чебоксары

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА И СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ В РОССИИ: НОВЫЕ ПОИСКИ

В современных условиях в России значительно активизировалась работа с молодежью, стали появляться проекты концепции государственной молодежной политики¹, в которых вполне закономерно преобладала традиционная модель взаимоотношений общества и государства, при которой государство — ведущая и единственная сила, способная интегрировать общество. Несомненно, решающая роль в модернизации российского общества принадлежит будущим поколениям. От того, какие процессы происходят сейчас в молодежной среде, зависит будущее России. На основе эмпирических материалов и социологических исследований массового сознания студенческой молодежи, проводимых с 1999 г. ИС РАН и НИИ ОПН (Чувашская Республика), сконцентрированно представлены основные тенденции изменений в сознании молодежи, а также новые практики работы с молодежью, которые преподносятся как инновационные. Выбор студенчества в качестве объекта изучения объясняется тем, что именно оно должно составить будущий средний класс и выступить актором гражданского общества, также на работу с этой группой направлены многие молодежные форумы².

Прежде всего следует отметить, что результаты социологических исследований со всей очевидностью свидетельствуют об отсутствии какой-либо расколотости, дифференциации массового сознания студенческой молодежи. Однако оно не является цельным, а выступает в мозаичном, фрагментарном виде, в котором парадоксальным образом сочетаются со-

¹ Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013.

² *Шумилов А. В.* Факторы формирования электоральной политики в молодежной среде // PolitBook. 2012. № 1.

вершенно несовместимые понятия. К примеру, респондент может настаивать на европейских ценностях для России (ее демократия должна быть не особой, а такой, как в развитых странах Европы и Америки) и в то же время утверждать, что наилучшей системой государственного управления является диктатура и западный образ жизни для россиян чужд. Поэтому невозможно выделение каких-либо сложившихся групп студенческой молодежи с определенным мировоззрением. Только условно можно говорить о традиционалистах и модернизаторах. Тем не менее результаты мониторинга студенчества позволяют проследить определенные тенденции в развитии массового сознания.

В первую очередь обращает на себя внимание значительное укрепление патерналистских начал в сознании молодых людей. В 1999 г. немногим более половины студенчества (58,9%) считало, что государство должно помогать всем гражданам без исключения, к 2011 г. эта доля увеличилась до 88,1%. В то же время стремительно уменьшилось количество студентов, полагающих, что государство должно помогать только тем гражданам, которые не могут позаботиться о себе сами.

В 1999 г. большинство студенческой молодежи было настроено на продолжение либеральных реформ (63,9%). Начиная с 2007 г. и к настоящему моменту картина разительно поменялась. Подавляющее большинство молодежи желает стабильности и порядка (89,6%). Следует отметить, что качественное изменение в массовом сознании студенческой молодежи произошло после 2007 г. Например, более половины молодых людей желало жить там, где достойно будут оплачивать их труд. Сегодня, наоборот, значительная часть студенчества желает остаться в России.

Если в 2003 г. традиционные ценности коллективизма, равенства признавали чуть более четверти студенческой молодежи (29,6%), то в 2011 г. — 56%. Закономерно в этом случае существенное уменьшение числа молодых людей, выбирающих ценности индивидуализма, свободы и конкуренции. Отсюда неудивительно, что если в 2003 г. 52,8% студенческой молодежи желала, чтобы Россия стала частью единой Европы, то в 2011 г. — 39,0%. Напротив, если в 2003 г. чуть более трети молодых людей считали, что западный образ жизни чужд для них (36,9%), то в 2011 г. их число увеличилось до 45,3%.

Можно также отметить увеличение электоральной активности студенческой молодежи, что в целом соответствует опросу *European Social Survey*¹.

Данные социологических исследований свидетельствуют о достаточно серьезном сдвиге массового сознания студенческой молодежи в сторону традиционных ценностей, о приходе консервативного поколения молодежи.

¹ Длугош П. Негражданское поколение? Анализ политической активности молодежи Польши, России и Украины // PolitBook. 2012. № 2.

Анализ данных показывает, что блокиратором модернизации является элита и государственная молодежная политика. Соответственно молодежь склонна поддерживать тот тип российского государства, который сложился в настоящий момент. Поэтому это поколение фактически потеряно для дальнейшей модернизации российского общества. Отсюда надежды на продолжение модернизации России следует отложить на следующее поколение, которое придет после 2020 г. Правда, следует заметить, что и нынешнее поколение молодежи, вернее ее некоторая часть, будет работать на модернизацию российского общества.

О. Г. Щенина
Москва

РАЗРЫВЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В начале XXI в. в современном обществе отчетливо проявляются контуры/очертания новых связей и отношений формирующейся антропогенной цивилизации, в том числе и в коммуникативном аспекте. Политические коммуникации можно рассматривать как один из основных социальных институтов современного мира, особенностью которого является динамичное развитие. Под влиянием множества факторов многоуровневая система политических коммуникаций усложняется, что актуализирует проблему переосмысления подходов к ее модификации.

В современной повестке дня отчетливо прослеживается необходимость обновления формата коммуникаций, в том числе и поиск проблемных зон коммуникации — точек коммуникационных разрывов. Представляется, что разрывы политической коммуникации — одна из сторон бытия политического. Разрыв (от лат. *rupture* — разрушение, разлом, трещина) рассматривается как некий сбой в механизме функционирования политической коммуникации, прерывание на некоторых интервалах связей между ее субъектами, результатом чего становится нарушение целостности взаимодействия субъектов коммуникации (дискретность). Следовательно, разрывы политической коммуникации можно рассматривать как нарушение согласованности, т.е. ее рассогласование.

В политической науке дискретный потенциал политической коммуникации изучен явно недостаточно, что представляет особый интерес для исследования этой проблематики, кроме того, не сформированы подходы к оценке понятия разрывов в политической коммуникации.

Однако устранение точек разрывов в политической коммуникации позволит, на наш взгляд, во многом переформатировать политическую «повестку дня». Таким образом, возникает ряд вопросов: как определить параметры измерения точек разрывов? Можно ли рассматривать точки разрыва политической коммуникации как точки бифуркации или «зоны риска»? Можно ли рассматривать коммуникативные барьеры как риски или предпосылки разрывов политической коммуникации либо их проявления?

Представляется, что основные зоны риска политической коммуникации — это механизм обратной связи, барьеры политической коммуникации, которые становятся труднопреодолимыми в условиях кризиса. Это и разрывы смыслов политической коммуникации в российских практиках, поэтому их можно рассматривать и как коммуникативные риски.

Одним из проявлений рисков подобного рода являются информационные войны, в ходе которых активно используются те самые «точки разрывов» в политической коммуникации для заполнения их информационной среды информационным контентом с определенными целями. Например, в течение последнего десятилетия предпринимаются попытки пересмотра итогов Второй мировой войны и роли Великой Отечественной войны в ее истории. Несмотря на то что нынешний год — юбилейный, страна отмечает 70 лет со дня Великой Победы, в сознание молодежи внедряются новые мифы о войне — разрывы поколенческие и разрывы в исторической памяти народа с использованием современных информационно-коммуникационных технологий достаточно легко могут быть заполнены другими смыслами и образами. Совершенно справедливо, что в этих условиях государство начинает уделять пристальное внимание формированию российской идентичности, гражданственности и патриотизма у подрастающего поколения.

Диалоговая стратегия как способ преодоления коммуникационных разрывов представляется наиболее эффективной. Политические коммуникации и преодоление их разрывов становятся одним из ключевых факторов достижения политического согласия. По нашему мнению, одной из самых перспективных технологий будущего является «технология согласия», рассматриваемая как технологически и социально опосредованный процесс согласования позиций по актуальным вопросам развития человечества в условиях глобализации. Это значительно облегчает поиски путей оптимизации политической ситуации и поиски «точек роста согласия».

«Точки согласия» предполагают наличие политической стабильности, возможность поиска компромисса и, тем самым, создание условий для «роста согласия», т.е. возможности ликвидации противоречий между субъектами политического процесса. Представляется, что «точкой согласия» в политической сфере могут стать базовые ценности общества.

При определенных условиях «точки разрыва» могут стать «точками роста согласия», при этом одна из граней рассматриваемой проблемы — воспроизводство коммуникативных связей и отношений. Преодоление разрывов позволит улучшить качество политического и социального прогнозирования.

А. И. Щербинин
Томск

ПРЕДЕЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В БОРЬБЕ ЗА ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ

В моменты глубоких переломов, развилок исторического развития, неочевидного будущего возникает потребность в поиске не только идентичности, но и предельных для нее оснований, разделяемых (или могущих стать таковыми) большинством в данном обществе. Они кроются в скомбинированных с большей или меньшей достоверностью фрагментах истории, приправленных мифами и принимаемых на веру. Аналогично образу прошлого это может быть и образ коллективного будущего, конструируемый властью или ее идеологическими агентами (от публичных политиков до писателей, режиссеров, художников, артистов). С целью выработки коллективной идентичности используются и пространственные координаты: локальные «маяки» — места памяти, святые места — или тотальные, как, например, Родина — это субъективированное, нагруженное смыслами и ценностями пространство страны. Очевидно, что «спрос» общества на подобные ценности не всегда одинаков. Впрочем, не всегда на одинаковом уровне остается и «предложение». Нередко проповедуемый властью и ее агентами патриотизм выглядит устаревшим товаром, оставшимся от прошлых сезонов. Напротив, в переломные моменты значительная часть общества ищет отклика на свои догадки, ожидания, потребности. И здесь уже само по себе граждански-сакральное понятие «Родина» наделяется предельными ценностными характеристиками, вплоть до святости.

Появление в последнее время подобных характеристик наталкивает на необходимость осмысления такого конструкта, как «святая Русь». Само по себе обращение к данной формуле не является новым для отечественных исследователей, особенно в области древнерусской филологии, философии, богословия и культуры. Это работы В. В. Зеньковского, В. Н. Топорова, В. В. Колесова и др. Все они так или иначе относятся к изысканиям в области литературных памятников русского средневековья и, как водится, опираются на поиски корней (вплоть до индоевропейского праязыка

в работе Э. Бенвениста) слова «святость», сравнительно-лингвистические исследования¹.

В. В. Зеньковский обращает наше внимание, что поиски священных оснований царской власти, отлившиеся в формулу «Москва — Третий Рим», обнаруживают потребность сочетать небесное и земное, страстную жажду «приблизиться к воплощению Царствия Божия на земле». Ищали Святую Русь не только власти и ее идеологи, но и юродивые, видевшие неправды действительности². Колесов подчеркивает, что в момент появления народных представлений и фольклора о «святорусье» Московское государство было изолированным образованием. Суть оговорки связана с тем, что в русском языке «свят» и «свет» фактически однокоренные слова (Бенвенист, Топоров). Поэтому для русского человека той эпохи Русь — это «белый свет», который кончается на ее рубежах. Неудивительно, что «святорусье» превращается в «святорусье»³. Вряд ли мы можем поставить точку в вопросе востребованности концепта и ценностей «Святой Руси» без отсылки на русскую церковную традицию: концептуальное «Слово о законе и благодати» Илариона, поставившее Русь в ряд христианских, а следовательно, святых земель; проект Нового Иерусалима патриарха Никона и другие феномены и явления русской духовной и политической культуры.

Наиболее полно определил суть данного феномена В. Топоров, считающий «Святой Русью» тот остаток нашей долгой и трудной истории в виде великих духовных ценностей: святых людей, святого слова, святых образов-образов (икон), верности святости, устремленности к будущему, мыслимому как святость. Под «Святой Русью» не следует понимать некий фантом или инструмент власти в ее имперском противостоянии остальному миру. Святая Русь не отменяет святости других народов. Чем озабочена Святая Русь, так это проблемой разделения, или, добавим от себя, раскола, по Ахиезеру⁴.

В нынешней политической ситуации надо внимательно всмотреться в подобные ценности. Дело это сложное, и стоит усомниться в правомерности использования данного концепта А. Прохановым⁵. Его мессианская

¹ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. I. Ч. 1. Л.: ЭГО, 1991; Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис — Школа «Языки русской культуры», 1995; Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологич. ф-т С.-Петербур. гос. ун-та, 2000; *его же*. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и Зло. СПб.: Филологич. ф-т С.-Петербур. гос. ун-та, 2001; Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс — Универс, 1995 и др.

² Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 41, 43.

³ Колесов В. В. Указ. соч. С. 236.

⁴ См.: Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. С. 12–14.

⁵ Проханов А. Глаголы Русской жизни // Изборский клуб: русские стратегии. 2015. № 1 (25).

трактовка, включающая без остатка всех акторов нашей истории, от Андрея Рублева до Новороссии, преподносимой как икона, как «наш храм и наше будущее», фактически вне традиции понимания Святой Руси.

Н. Г. Щербинина
Томск

ЦЕННОСТНАЯ ОПТИКА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Бытию сегодняшних политических ценностей наблюдается некая двойственность. С одной стороны, проблема ценностного базиса западного общества решается за счет постулирования так называемых основных ценностей (свободы, справедливости, солидарности). Перед нами нормативная константа западной демократии еще со времен модерна, и символической доминантой ее выступает свобода как таковая. Данная сторона бытия политических ценностей связана с нормотворчеством, и именно она привела к стандартизации ценностных оснований партийных программ и унификации идеологических конструкторов.

С другой стороны, в контексте постмодерна на первый план вышла свобода различий. В этой связи навязывание основной ценностной парадигмы дополнилось свободой второстепенных ценностных интерпретаций, ценностным релятивизмом и, в качестве итога, особой динамичностью политических ценностей вообще. В результате в пространстве мозаичного мира политических репрезентаций сложился и пестрый ценностный мир, в котором принципиальную роль стали играть отличные ценности или различия в ценностях. То есть свободе выбора подверглась и сама базовая ценность свободы. Это положение дел размыло и без того нечеткую онтологию политических ценностей, а символ «свобода» приобрел массу новых коннотаций, вовлекая его в карнавалы круговорота деконструкций. Таким образом, ценностный выбор постсовременности сегодня, по сути, противостоит ценностному догматизму модерна и сводится к новому противостоянию ценностных дискурсов на уровне индивидуальном.

При этом сущность самого «политического» придает ценностным различиям конфликтный характер. Кроме того, политическая власть в лице своих представителей не может не говорить о ценностях. И навязывая ценностный дискурс, политическая власть управляет сознанием общества. Другими словами, власть осуществляет подмену понятий, т.е. она навязывает сам выбор как номинацию, превращая себя в символическую власть. В этих условиях в XXI в. получила новый импульс политическая пропаганда как влияние с помощью ценностно окрашенных образов, при которой

осуществляется жесткая фильтрация информации и конструирование заведомо фантастических миров. Очевидно, что цель политической пропаганды состоит в облегчении личной идентификации с некоторыми «тотемными столбами». Именно процесс иррациональной проекции и должен обеспечить символическую смысловую «привязку».

И здесь используется «оптический феномен». Другими словами, пропаганда «наглядно» демонстрирует наличие неких «тотемных столбов», ориентиров для реципиентов. По нашему мнению, сразу выделяются две противостоящие друг другу «оптические рамки», которые условно можно обозначить как «европейскую» и «мусульманскую». Речь идет не о противостоянии режимов, но об антитетичности ценностно окрашенных картин политического мира. Все остальные «тотемные столбы» либо ассоциируются с ними, либо вынужденно занимают особую позицию. Использование данных рамок имеет чисто политико-ценностный характер. То есть вся полярность сводится к общим лозунгам и словесным формулам. Дискурс светской западной демократии противостоит дискурсу религиозного мусульманского Востока. Так, в Европе возник спор вокруг религиозных ценностей, которые трансформировали в политические и тем самым сделали предметом альтернативного выбора. Сам выбор и стал причиной политического конфликта. Что касается России, то ее дискурс вынужденно принял особую позицию, для чего пришлось образовать свой «тотемный столб» — им по определению стала сама «Россия». Все данные дискурсы стремятся (дискурс России) и уже превратились (оба противостоящих дискурса — «западный» и «мусульманский») в сакральные догматические прецедентные тексты. К такого рода текстам власть апеллирует, чтобы оценить любую политическую ситуацию, явление, феномен или личность. Что-то можно объявить «антидемократическим», «кошунственным» или «антироссийским». И наоборот: «демократическим», «истинно мусульманским» и «пророссийским».

В результате политические интерпретации приобретают ценностный характер «праведного» и «злого», «хорошего» и «плохого». Свободный ценностный выбор уступает место навязыванию, к примеру, новых европейских ценностей или возвращает в старый мусульманский рай или движущуюся Святую Русь. Тем самым создается оптический обман, конструируются, по крайней мере, три иллюзорных политических мира. Все они мыслятся по типу имперского принципа, который предполагает распространение правильного порядка и образа жизни. И возникает вопрос: не сводится ли сегодня свобода ценностного выбора к выбору какой-то из предложенных ценностных моделей, создающих своего рода «режимы видимости»? Избранные политические ценности превращаются отнюдь не в личный стиль поведения, и мы тем самым демонстрируем приверженность коллективной модели поведения, явленной нам «наглядно».

АКТУАЛИЗАЦИЯ БАЗОВЫХ НАУЧНЫХ КОНЦЕПТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В современной политической науке наиболее значимой проблемой является определение предметного поля актуальных политических исследований, что регулярно рассматривается на конгрессах, конференциях и форумах Российской ассоциации политической науки. На рубеже XX–XXI вв. особое внимание всего мирового политологического сообщества привлекает тема функционирования демократии как определенного вида политической системы, в которой благодаря существованию и деятельности правового государства население вовлекается в политический процесс «и посредством регулярных и свободных выборов определяет тех, кто займет положение в институционализированной политической власти на определенный конституцией — и ограниченный — период времени»¹. В последующий период все более актуализируется специфика исследований политических процессов в информационно-коммуникативном пространстве новых социальных медиа, изучаются способы политологической экспертной диагностики, теории социальных сетей и синергично-информационные факторы личностного измерения политики. Естественно, что в условиях активизации «информационно-психологической войны» особого внимания требует информационная среда социума. Если в XX в. проблема обеспечения национальной безопасности решалась путем внедрения тотальной секретности, цензуры и всевозможных ограничений, особенно в политике и культуре, то в настоящее время необходимо учитывать императив открытости информационного пространства и резко возросшую роль СМИ. Политика государства может эффективно развиваться только при условии осознания реально существующих ограничений.

Возникновение и развитие в современном обществе инновационной инфраструктуры сетевых сообществ создает множество новых проблем, вызовов, угроз и одновременно преимуществ. Зависит это от содержательной направленности информационно-коммуникативного взаимодействия. Разрабатываемая концепция комплексного закона об Интернете обусловлена необходимостью обеспечения информационной безопасности,

¹ Кааза М. О политическом действии и не только // Политэксп. Политическая экспертиза. 2006. Т. 2. № 4. С. 7.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

Финансово-экономические кризисы, периодически ввергающие общество в экстремальное состояние, требуют поиска нестандартных, а главное — своевременных решений, которые трансформировали бы социально-экономические проблемы в реальную политику экономического роста.

Всестороннее изучение политико-экономических факторов в контексте влияния различных политических субъектов на формирование геополитической картины мира предполагает анализ типов активности бизнес-элиты, включая тематизацию антикризисного дискурса.

Например, в условиях кризиса 70-х годов прошлого века в риторике ведущих политиков Запада появляется тема освобождения бизнес-элит из-под контроля государств-наций и в этой связи обновления международной системы в процессе реализации проекта наднационального объединения Европы. При этом процесс консолидации европейского бизнеса сопровождался созданием организаций, лоббирующих его интересы и одновременно обеспечивающих определенную степень управляемости демократического общества. Однако С. Хантингтон, определял причины кризиса 70-х годов именно тем состоянием общества, которое формулировалось им как «избыток демократии», и поэтому в качестве рекомендаций выхода из кризиса он предложил модель «управляемой демократии»¹. А нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц, известный как жесткий критик мейнстримной экономической теории и политики, считает, что самое большое упущение стандартной политико-экономической модели заключается в том, что она игнорирует проблему распределения доходов². Он также рассуждает о связи между глобализацией и растущим неравенством и приходит к выводу, что глобализация сделала доход тех, кто работает в рыночном секторе,

¹ См.: Энгдаль У. Ф. Семена разрушения. Тайная подоплека генетических манипуляций. СПб., 2009. С. 85.

² См.: Стиглиц Д. Мы можем ускорить экономический рост, если будем сокращать неравенство // 22 идеи о том, как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 61–80.

развития политической культуры субъектов российского гражданского общества и повышения эффективности информационной политики государства. Интернет-пользователи и провайдеры выполняют различные функции в политико-информационном пространстве, но именно от их гражданской позиции зависит процесс самоорганизации и социальной солидарности акторов в политическом пространстве. Лояльность и протест концентрируются на различных векторах поля политики и создают социальные напряжения локального, регионального и федерального характера. Дезинформация и различная скорость информационных потоков приводят к рассогласованию ценностей и возникновению новых конфликтных и неуправляемых сетевых структур. Конфликтogenность всех акций политического истеблишмента усиливается по мере подтверждения коррумпированности бюрократического аппарата и снижения уровня доверия как к бизнесу, так и к властным институтам. Параллельно усиливается недоверие к СМИ, к неправительственным и некоммерческим организациям, страховым компаниям, кредитным организациям, что сопровождается взаимным недоверием граждан друг к другу, особенно при их разной социокультурной и стратификационной принадлежности. Кризис доверия свидетельствует о системном кризисе и требует очевидного изменения — прежде всего кадровой и информационной политики. Эти и многие другие проблемы требуют глубокой научной проработки и являются предметом изучения в контексте полипарадигмальности и расширения прикладных методов политической науки. Остановимся на некоторых актуальных темах политологии, имеющих прямое отношение к изучению политических проблем как на региональном, так и на локальном уровне.

Так, анализ политических рисков глобализации и регионализации как новое направление политологических исследований постбиполярного этапа развития государств и обществ опирается на способы политологической экспертной диагностики, на изучение геополитических аспектов в теории региональной и международной безопасности, на разработку технологий урегулирования конфликтов и достижения мира. Особый интерес вызывают адаптационные аспекты политических взаимодействий и интегративные процессы в контексте разнообразных моделей реализации в рамках европейского и евразийского пространств. «Интеграция» и «социальная солидарность», рассматриваемые как базовые научные концепты в исследовательских практиках отечественных и зарубежных ученых, имеют не только эвристическое, но и практическое значение для формирования стратегии коллективной европейской и глобальной безопасности, профилактики политических конфликтов и сохранения гражданского мира.

выше, а это увеличивает разрыв между рыночным и нерыночным секторами и ведет к росту неравенства¹, причем не только между социальными группами, но и между целыми государствами. Даже в рамках единой Европы наблюдается разрыв и все увеличивающееся размежевание между передовыми странами и периферией.

Изменения политико-экономического характера в глобальном масштабе, кроме того, связаны с переходом к информационно-сетевым технологиям, которые превратились в важнейший ресурс «мягкой силы» и стали наиболее значимым инновационным инструментом политического противоборства. В контексте влияния социальных сетей на массовое сознание и поведение необходимы специальные исследовательские процедуры, включающие традиционный мониторинг общественного мнения, а также выявление значения суггестивных воздействий и фрейм-анализ. Рассматривая специфику влияния социальных сетей на формирование массовых настроений, следует учитывать когнитивную составляющую, предпринимательский сегмент и инструментарий дисфункциональности в информационно-сетевых политических технологиях.

На наш взгляд, важно подчеркнуть, что многие современные социальные проблемы заключаются не в экономических показателях, а в пространственных ограничениях, связанных с перманентным процессом перестройки среды обитания, в условиях которого вынуждены жить люди. Это и многое другое свидетельствует о необходимости исследования адаптивных возможностей различных социальных общностей, для чего требуется создание экспертного института по социально-экономическому и технологическому развитию соответствующего региона или муниципального образования. Все более востребованной становится концепция урбанизма, которая логически вписывается в парадигму социально-политической экологии, призванной обеспечить перспективы возрождения городов и пригородных территорий в ситуации углубляющегося кризиса среды обитания городских жителей, особенно мегаполисов. Рассматривать городские проблемы невозможно по отдельности, их нужно решать в совокупности, учитывая постоянный рост народонаселения, необходимость обеспечения продовольственной безопасности, разрабатывая механизмы политического управления миграционными процессами, определяя основные направления образовательной политики, трудоустройства выпускников учебных заведений и профессиональной занятости граждан. Исходя из анализируемой экспертами совокупности угроз, необходимо разработать стратегическую концепцию развития каждого региона с акцентом на научно-технической составляющей производства и переработки сельскохозяйственной продукции с целью предупреждения возможных кризисов про-

довольственного потребления в городах. В экспертной диагностике большое внимание должно уделяться инфраструктурным проблемам, для чего могут применяться технологии социального проектирования пространственно-экономических зон городских и сельских поселений.

Н. Н. Ягодка
Москва

ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ИНСТРУМЕНТ ДИАЛОГА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ В РОССИИ

Процесс развития гражданского общества и отдельных его институтов в России характеризуется высокой неоднородностью. Периоды роста свободной самоорганизации граждан, интенсификации горизонтальных общественных связей и взаимодействий граждан и государства с целью решения общественных проблем сменяются затуханием гражданской активности, безразличием общества к актуальным социально-политическим вопросам и высокой степенью отстраненности от взаимовыгодного диалога с властными структурами. Тем не менее, несмотря на неоднозначное развитие в пространстве и во времени российского гражданского общества, можно с уверенностью говорить о большом потенциале его развития в условиях быстро меняющейся внешне- и внутрисполитической конъюнктуры.

Сегодня все большую роль начинают играть формирующиеся и развивающиеся институты российского гражданского общества, в частности гражданские инициативы, которые аккумулируют энергию общественно-активного населения и выражают интересы различных слоев и групп населения.

Гражданская инициатива представляет собой форму коллективного волеизъявления граждан, призванную донести мнение определенной общественной группы до компетентного органа власти. Гражданские инициативы могут носить формальный характер и регистрироваться в установленном законом порядке, а могут носить и неформальный (спонтанный) характер, особенно если речь идет о незамедлительном решении определенного актуального вопроса.

По мнению автора, гражданскую инициативу можно рассматривать в широком и в узком смыслах. В широком смысле под гражданской инициативой следует понимать любую инициативу гражданина или группы

¹ *Стиглиц Д.* Указ. соч. С. 67, 68.

граждан конкретного государства, направленную на решение конкретного вопроса в политической, социальной, экономической, экологической, бытовой и иных сферах жизни общества (гражданские инициативы в городах, селах, округах и т.д.). В узком смысле гражданская инициатива — это конкретная индивидуальная или общественная форма волеизъявления граждан, проживающих на определенной территории, направленная на решение определенного вопроса или проблемы, представляющей важное значение для общества (гражданская инициатива «Движение в защиту Химкинского леса», «Лига избирателей», гражданская инициатива «Моя Москва», гражданские инициативы в защиту экологии г. Москвы и др.).

Гражданская инициатива является «первоначальной ячейкой» гражданского общества. Действительно, гражданское общество начинается не с регионального и тем более не с федерального уровня, а формируется на уровне подъезда, жилого дома, улицы, района, города. Аккумулируя выдвигаемые гражданами требования, гражданские инициативы способны в кратчайшие сроки находить оптимальные пути решения социальных и иных вопросов. Оперативному решению проблем способствуют отсутствие бюрократических проволочек и энтузиазм гражданских активистов.

На сегодняшний день существует ряд площадок и платформ для осуществления диалога и транслирования гражданских инициатив в местные и государственные органы власти: Общественная палата РФ, Экспертный совет при открытом правительстве РФ (экспертный совет онлайн), государственный электронный портал «Российская общественная инициатива», информационные порталы «Активный гражданин» и «Наш город» (г. Москва), различные местные дискуссионные площадки, экспертные советы и рабочие группы и многие другие платформы. Данные площадки призваны сблизить участников гражданского общества и представителей государственных органов власти.

Технический прогресс и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий также ускорили процесс формирования гражданских инициатив, создания общественных движений и мобилизации населения для решения своих проблем. Средства массовой информации, социальные сети, блоги и иные средства онлайн-коммуникации позволили в кратчайшие сроки аккумулировать значительные человеческие и финансовые ресурсы, оперативно управлять ими и решать с их помощью различные проблемы.

Любая гражданская инициатива прежде всего должна опираться на стремление граждан сделать не только свою жизнь, но и жизнь общества немного лучше. Участие людей в гражданских инициативах способствует их просвещению, повышению способности к самоорганизации, формирует навыки сотрудничества и социально ответственного поведения. Ценностные установки граждан играют ключевую роль в данном вопро-

се. Задачей же государства является культивирование подобных настроений в обществе и пропаганда активной гражданской позиции всех членов общества. Успешное и поступательное развитие Российской Федерации, формирование стабильного правового государства, а также эффективно-го гражданского общества во многом зависит от развития гражданских инициатив и повышения уровня их участия в дальнейшем решении социальных, экономических, политических и иных актуальных проблем.

*М. С. Яницкий, А. А. Зеленин, А. В. Горелкин,
С. А. Пфетцер, М. С. Иванов
Кемерово*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ НАПРАВЛЕННОСТИ НА РАЗЛИЧНЫЕ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Социальные представления о различных социально-политических явлениях связаны с оценкой их соответствия идеальному образу. В качестве критериев для таких оценок выступают политические ценности. В нашей политико-психологической модели выделяются три основных ценностных типа: ориентирующиеся на ценности адаптации (борьба с бедностью, сохранение порядка и стабильности в обществе), на ценности социализации (поддержка семьи, ориентация на принятые в обществе нормы и ценности), на ценности индивидуализации (самовыражение, возможность пользоваться демократическими правами и свободами, строительство более гуманного и терпимого общества)¹. Результаты наших исследований демонстрируют значимые различия как системы политических представлений, так и политического поведения молодежи среди представителей данных ценностных типов².

Поскольку в основе ориентации на описываемые системы ценности находится, в частности, отношение к безопасности (так, значимость ценностей адаптации определяется фрустрацией потребности в физической

¹ Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012.

² Пфетцер С. А. Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции / С. А. Пфетцер, А. А. Зеленин, М. С. Яницкий. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014.

и экономической безопасности), мы предположили, что рассматриваемые ценностные типы должны различаться и по отношению к информационной безопасности. Для проверки данного положения был проведен опрос общественного мнения молодежи Кемеровской области, в котором приняли участие 811 человек в возрасте от 16 до 30 лет. В ходе опроса по модифицированной нами методике Р. Инглхарта оценивалась принадлежность респондентов к описанным ценностным типам, а также изучалась оценка уровня обеспечения информационной безопасности молодежи, субъективная значимость отдельных информационных угроз, представления об эффективности мер обеспечения информационной безопасности.

Среди опрошенных только 28% полагают, что информационная безопасность молодежи Кемеровской области обеспечена хорошо или выше среднего, 32% — плохо или ниже среднего. Наиболее оптимистичные представления об уровне обеспечения информационной безопасности отмечаются у респондентов социализирующегося типа — 33% оценивают ее как хорошую и 28% — как плохую. Несколько умереннее оценки у представителей адаптирующегося типа — 26 и 35% соответственно. Наименее позитивно оценивают информационную безопасность молодежи ориентирующиеся на ценности индивидуализации: среди них лишь 17% оценивают ее уровень как высокий и 48% — как низкий.

Уровень оценки информационной безопасности связан в сознании молодежи с представлениями о реальности ряда конкретных угроз со стороны средств массовой коммуникации. Наибольшую обеспокоенность среди молодежи вызывают такие угрозы, как пропаганда насилия и жестокости (44%), снижение значимости семейных ценностей (41%), угрозы экономической безопасности (36%), распространение аутодеструктивных форм поведения (32%). Менее значимыми видятся угрозы распространения экстремистских взглядов (29%), размывания традиционной системы ценностей (28%), вовлечения молодежи в деятельность асоциальных и антисоциальных групп (21%). При этом от всех остальных наиболее существенно отличаются отнесенные к индивидуализирующемуся типу. Так, снижение значимости семейных ценностей и пропаганду сексуальной распушенности считают угрозами только 33%, а распространение аутодеструктивных форм поведения лишь 21% респондентов индивидуализирующегося типа. В то же время молодежь, ориентирующаяся на ценности индивидуализации, серьезнее остальных относится к угрозам финансово-экономической безопасности — высоко выраженными их считают 43% респондентов этого типа.

В отношении эффективности возможных мер повышения информационной безопасности мнения представителей описываемых типов в основном совпали: наиболее эффективными считаются формирование информационной и коммуникативной компетентности, развитие способ-

ности к критическому восприятию и анализу информации, повышение устойчивости к негативному информационному воздействию (25% опрошенных). На втором месте по эффективности находится ограничение доступа к представляющим опасность информационным ресурсам, техническая блокировка отдельных интернет-ресурсов, контент-фильтрация и т.д. (21%). Наименее эффективным названо противодействие информационным угрозам со стороны государственных и правоохранительных органов посредством правового регулирования процессов в информационной сфере (16%). При одинаковом ранге названных мер отмечается четкая обратная зависимость между представлением об их эффективности и уровнем развития ценностной системы: наиболее оптимистичными в данном случае являются отнесенные к промежуточному типу, характеризующемуся несформированностью ценностной системы, наиболее скептическими — ориентирующиеся на ценности индивидуализации.

Таким образом, представления молодежи об информационной безопасности в значительной степени ценностно детерминированы. Полученные результаты могут использоваться при разработке конкретных технологий работы с молодежью в данном направлении.

О. Б. Януш
Казань

РУССКОЯЗЫЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ТЕНДЕНЦИИ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ¹

В пространстве русского языка наблюдаются разнонаправленные тенденции. С одной стороны, русский язык остается глобально значимым, «общим» языком наряду с английским, французским, немецким, испанским и другими языками. Он имеет влияние на языки стран СНГ благодаря тому, что технические и культурные достижения советской эпохи по-прежнему важны для экономики, качественное образование на русском обеспечивает рабочие места. Можно отметить новый вектор развития русского языка — в странах СНГ появляется все больше национальной литературы на русском языке². С другой стороны, русскоязычное простран-

¹ Выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект МК-4097.2014.6 «Пространство русского языка: уровни, участники, политические факторы».

² Маргиева Н. Мотивация к изучению русского языка иностранцами изменилась // Независимая газета. 2015. 2 марта.

ство сужается: в ряде стран идет скрытое или явное давление на позиции русского языка; сокращается количество учебных заведений, занижается ареал использования русского языка, создаются искусственные препятствия коммуникационным программам телевидения и радиовещания. Ярко выражен процесс сокращения славистов: сжимаются или закрываются кафедры славистики.

Многие ключевые игроки на мировой арене рассматривают язык как существенный элемент национальной безопасности, как внешнеполитический приоритет; осознается необходимость крупных геополитических шагов по распространению языка. В научной литературе предложен ряд концептов, обозначающих внешнюю политико-языковую деятельность: «геостратегия языка», «глоттополитика», «мягкая власть», «укрепление позиций языка» и «языковое благоприятствование».

В области укрепления позиций русского языка происходят качественные изменения. В официальной лексике и общественном сознании все более активно утверждается понятие-концепт «русский мир». Положение об «изучении и распространении русского языка как неотъемлемой части мировой культуры и инструмента международного и межнационального общения» закреплено в Концепции внешней политики РФ в качестве внешнеполитического приоритета¹. Поддержка русского языка входит в план Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года. В России и за ее пределами реализуется третья федеральная целевая программа «Русский язык», рассчитанная на 2011–2015 гг., общий объем финансирования которой составляет 2,5 млрд руб. Утверждена Концепция федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг., где идет речь о прогнозном объеме финансирования 6,7 млрд руб.

В числе структур, продвигающих русский язык за рубежом, наряду с МАПРЯЛ, Россотрудничеством, фондом «Русский мир» появились Совет по русскому языку при Правительстве России в 2013 г. и Совет по русскому языку при Президенте России в 2014 г. с тремя направлениями деятельности межведомственных комиссий: государственная политика в сфере защиты и поддержки русского языка; русский язык — государственный язык РФ, язык межнационального общения в РФ; русский язык — язык международного общения.

В том же 2014 г. стартовала Программа продвижения русского языка и образования на русском языке, ключевым направлением которой стало создание портала открытого дистанционного обучения «Образование на

русском» с тремя основными составляющими: «Русский язык как иностранный», «Открытые онлайн-курсы», «Школа профессиональной поддержки». Участниками портала являются около 90 тыс. пользователей более чем из 120 стран мира.

Популяризация русского языка, поддержка его присутствия в ближнем и дальнем зарубежье зависят не только от внешнеполитических действий российских структур. Решающее значение имеет характер отношений с властями государств, осознание элитами государств важности и полезности знания русского языка и его включение в национальные системы образования.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F.

ФОРУМ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

М. А. Агаев
Москва

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ СПЕКТР ПАРТИЙ В ТУРЦИИ

Турецкое общество характеризуется как общество разделенное. Оно расколото с точки зрения отношения к секулярности, роли религии в государстве и правам национальных меньшинств. В таких условиях важное значение имеют формирование и артикуляция интересов. В этой связи партии как выразители интересов различных групп населения выполняют особую функцию. Фактор идеологического разнообразия является индикатором, с одной стороны, степени раскола общества по ключевым вопросам, с другой — показателем степени свободы мысли в обществе.

Идеологический спектр сужен, так как ряд законов ограничивает деятельность партий.

Закон № 2820 о политических партиях¹ определяет деятельность партий. Статья 43 ограничивает пропаганду. Статья 67 запрещает политическим партиям заниматься торговой деятельностью и брать на себя долговые обязательства, в том числе и кредитные. По статье 79 нелегально противопоставление деятельности партии принципу независимости Турецкой Республики. По статье 81 политические партии не имеют права нарушать принципы равенства по этническому, религиозному, расовому, культурному принципам. Запрещено использовать любой другой язык в работе партии, кроме турецкого. Статья 82 запрещает создавать партии по региональному или расовому признаку. Статья 86 предполагает учет принципа лаицизма в деятельности партии. Статья 96 запрещает использовать символику анархизма, коммунизма, фашизма и других течений.

Закон №2972 устанавливает избирательный порог на уровне 10% для прохождения политических партий в Великое национальное собрание

¹ Siyasi partiler kanunu // Türk anayasa hukuku sitesi. URL: <http://www.anayasa.gen.tr/2820sk.htm>.

Турции¹. Споры о несостоятельности и нелогичности таких методов для демократических режимов ведутся давно. Последнее решение, касающееся этой меры, датируется 8 января 2015 г. В этот день Конституционный суд выступил с заявлением, в котором обратил внимание на то, что данный барьер уменьшен не будет². Данный закон никак не ограничивает создание партий по идеологическому принципу, но ограничивает попадание партий в парламент, что не позволяет в полной мере акторам выполнять свои функции.

Партийная система Турции представлена большим количеством партий, что влияет на их идеологическую разнообразность. В данном случае будут рассмотрены наиболее популярные партии.

Либерализм представлен среди политических партии Турции, но они не играют большой роли в политической системе. В парламенте представлены две либеральные партии — Центральная партия и Партия нации справедливости, но обе они суммарно представлены двумя депутатами.

Консерватизм является идеологией правящей в Турции Партии справедливости и развития. Стоит упомянуть Партию счастья, которая, несмотря на потерю популярности, остается второй по влиятельности консервативной партией Турции.

В сложившихся условиях приобретает популярность социализм. Наиболее сильной партией левого толка считается главная оппозиционная сила Турции — Республиканская народная партия. Также сильные позиции имеют Демократическая партия народов и Демократическая партия регионов. Обе партии выделяются на фоне своих конкурентов тем, что выступают за права национальных меньшинств и используют риторику эйванронментализма. Защита окружающей среды стала в последнее время насущной темой для электората. Ярким примером этого являются протесты из-за сноса парка Гези в Стамбуле. Стоит упомянуть, что в Турции существуют и радикальные левые движения, придерживающиеся марксизма-ленинизма (Партия спасения народа), троцкизма (Революционная социалистическая рабочая партия), но они не пользуются поддержкой граждан.

Национализм очень популярен в турецком обществе. Партия националистического действия, придерживающаяся крайнего варианта пантюркизма, является третьей партией Турции. За Партию великого единства на предыдущих выборах проголосовала значительная доля граждан.

Идеологический спектр турецких партий очень широк. Это связано с поиском гражданами своего пути в результате отсутствия консенсуса по

¹ *Türk S. Seçim, seçim sistemleri ve anayasal tercih* // Т. С. Anayasa mahkemesi. URL: http://www.anayasa.gov.tr/files/pdf/anayasa_yargisi/anyarg23/turk.pdf. S. 98.

² Верховный суд отклонил ходатайство об отмене избирательного порога // МК-Турция. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mk-turkey.ru/politics/2015/01/08/verhovnyj-sud-otklonil-hodatajstvo-otnositelno-uelicheniya-izbiratelno-go-poroga.html>.

поводу будущего государства. Знаменательно то, что основные партийные силы стали популярны сравнительно недавно. Это связано, с одной стороны, с поиском альтернатив избирателями, с другой — допуском к участию в политическом процессе исламистских и прокурдских партий. Но существуют ограничения для партий, которые направлены против радикальных групп.

Я. А. Беляев
Томск

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1982–1989 ГГ. КАК ФАКТОР ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В КНР В 2000-Х ГОДАХ

Гипотезой данного исследования является утверждение о том, что либерализация политического курса в КНР в 1982–1989 гг. привела к появлению демократических элементов и ослаблению политического режима коммунистического Китая, а затем произошло свертывание либеральных программ, в результате чего оставшиеся демократические элементы, закрепленные в высших нормативно-правовых актах, до сих пор являются основанием для этнической борьбы за расширение прав и свобод автономий. Так, конституция 1982 года провозглашала муниципальную автономию ряда национальных районов КНР, в частности, такого как СУАР КНР. Однако начавшиеся были либеральные реформы, а как следствие и ослабление режима завершились разгоном мирной демонстрации военными на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г., после чего последовал период «застойного времени», характеризующийся проявлениями «ксенофобии и растерянности в рядах специалистов и кадровых работников».

Соответственно целью исследования, результаты которого изложены в докладе, является выявление причинно-следственной связи между закрепленными в Конституции 1982 г. демократическими элементами и этнонациональным конфликтом в СУАР КНР.

Свидетельства либерализации политического режима:

- Экономические реформы Дэн Сяопина.
- Активные партнерские взаимоотношения с капиталистическими странами.
- Массовые студенческие движения за форсирование демократизации.

- Новая программа национальной политики КНР.
- Конституция КНР 1982 г., ст. № 4, 121–132.
- Закон КНР № 48 о национальной автономии.
- «Документ №19» о религии и партии.

Таким образом, либерализация политического курса в КНР в 1982–1989 гг. привела к появлению демократических элементов, закрепленных в нормативно-правовых актах, которые являются основанием для национальной борьбы этноменьшинств, проживающих в автономиях.

Этнонациональные конфликты, подлежащие исследованию:

1. Столкновения китайских фермеров и ламаистских монахов в 2000–2001 гг. в Тибетском автономном районе Китайской Народной Республики.
2. Этнические погромы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики в 2000–2004 гг., депортация уйгурского истеблишмента.
3. Волнения в Тибетском автономном районе Китайской Народной Республики в 2008 г.
4. Крупные беспорядки в автономном районе Внутренней Монголии в 2011 г.

Пример причинно-следственной связи между закрепленными в Конституции 1982 г. демократическими элементами и этнонациональными конфликтами. В 2000 г. правительством КНР было принято решение о переселении 60 тыс. китайских фермеров в бедные районы Тибетского автономного района. Естественно, это решение вызвало недовольство среди коренных жителей Тибета. Переселение в автономные районы ханьцев способствует росту недовольства у национальных меньшинств, составляющих местное население автономных районов, в отношении которых осуществляется эта политика. Также присутствует столкновение интересов государства и автономных районов по вопросу выбора предпочтений моделей развития. Так, государство, которое конституционально обязано учитывать интересы местных национальностей, отдает приоритет не поддержке развития традиций и культуры, а экономическому развитию автономных районов. Так, в ранее упомянутом Тибетском автономном районе в 2008 г. прошли крупные народные волнения на почве того, что государство насильственно вмешивается в экономическую политику Лхасы. Главной жизненной ценностью тибетцев продолжает оставаться религиозное развитие, в частности — восстановление монастырей и храмов, прочих культовых сооружений ламаизма. В то же самое время ЦК КПК занимается перераспределением финансовых средств, которые должны были пойти на восстановление традиционных сооружений буддийских объектов архитектуры на строительство инфраструктуры. Следует заключить, что из-за несоблю-

дения обязанностей государством, прописанных в Конституции 1982 г. и указанных в «Документе № 19», происходят народные волнения.

Таким образом, свертывание либеральных программ до сих пор является основанием для этнической борьбы за расширения прав и свобод автономий. В дальнейшем предполагается развитие исследований в области этнонациональной тематики. В частности, исследование связей между нарушаемыми правами и свободами, закрепленными в нормативно-правовых актах КНР, и народными волнениями. Так, особого внимания для подобного анализа заслуживает программа 16-го съезда КПК, который состоялся с 8–15 ноября 2002 г. в Пекине. В программе были обозначены новые направления национальной политики КНР.

*С. В. Гаврюсов
Петрозаводск*

О ВЫЯВЛЕНИИ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И АКТИВНОСТИ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ (на примере Республики Карелия)

Реализация принципов общественного контроля является одной из задач, предписанных майскими указами президента¹, воплощением которых в настоящее время занимаются структуры административно-исполнительной власти.

Наиболее яркий пример теоретического освещения взаимодействия граждан и законодательной власти — теория делиберативной демократии, разработанная Ю. Хабермасом².

Проблема институционализации общественного контроля деятельности органов государственной власти является объектом эмпирических исследований методами политического анализа³.

Предметом подобного рода исследований выступает выявление факторов, определяющих эффективность инструментов общественного конт-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

² Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.

³ Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998.

роля, в том числе постоянно действующих и нормативно определенных механизмов взаимодействия структурно-административных единиц и институтов общественного участия.

Анализ этих механизмов наиболее актуален в масштабах локальных взаимодействий, в том числе на уровне МСУ, так как здесь наиболее очевидны эффекты и риски в случае, если проблема взаимодействия решается неадекватно общественной повестке дня.

В рамках данного исследования автор, исходя из актуальности поставленной проблемы, обращается к анализу существующих практик взаимодействия в муниципальных образованиях Республики Карелия.

С этой целью были проанализированы сайты пятнадцати муниципальных районов и двух городских округов Республики Карелия. Выявлялась представленность информации о деятельности общественных советов, комиссий и экспертных советов, образованных при органах МСУ, кроме того, была изучена информация о связях муниципальных советов с общественностью, отраженная на официальных сайтах.

С применением метода количественного анализа было исследовано соответствие положений уставов структур, участвующих в организации общественного контроля, целям и задачам для подобных учреждений, определенным законодателем в положениях Закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹. Это позволило определить общую административную готовность органов муниципальной власти к внедрению практик общественного контроля, а также степень соответствия функционального потенциала существующих департаментов нормативному образцу.

Вторым этапом стал анализ общественной потребности в институтах общественного контроля в муниципальных сообществах Республики Карелия. Общественный заказ рассматривался по активности граждан в социальных сетях. Для анализа была выбрана общественная сеть «ВКонтакте» как наиболее популярная, и проанализированы тематические сообщества отдельных территорий. Систематизированы данные тематических сообществ муниципальных районов. Количество участников сообществ было соотнесено с численностью населения в муниципальных образованиях. В результате был получен процент участников сообществ от общего числа жителей, а также средний процент по Республике Карелия. На основании среднего значения выявленной активности для последующего анализа институциональной готовности к реализации общественного контроля были выбраны четыре муниципальных района: Калевальский, Кондопожский, Прионежский, Медвежьегорский.

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Выявление количественных характеристик позволило исследовать зависимость между долей членов сообществ, потенциально включенных в общественные обсуждения, и степенью соответствия существующих в районе структур общественного контроля и участия нормативному образцу.

Интересно отметить, что если при анализе всей совокупности муниципальных районов (за исключением тех, проанализировать которые не удалось из-за недоступности данных) коэффициент корреляции составил 0,01 (почти полное отсутствие зависимости), то при анализе той же зависимости в четырех муниципальных районах, выбранных на основе усредненного показателя доли включенных в интернет-сообщества, коэффициент корреляции составил 0,91 (почти полная корреляция).

Многоступенчатый отбор данных для анализа, с нашей точки зрения, позволяет достигнуть более точных результатов.

Можно говорить о прямой зависимости между приведением в соответствие с принятым законом деятельности муниципальных властей и тех организаций, которые ими созданы для реализации принципов общественного участия, и расширяющейся активностью муниципальных сообществ, проявляющих свою деятельность на интернет-площадках.

Гипотетически можно предположить, что совмещение этих двух форм общественной активности сможет усилить эффекты общественного взаимодействия.

*Х. А. Гаджиев
Москва*

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Политические и экономические изменения на постсоветском пространстве в последние два десятилетия являются одной из самых актуальных и исследуемых проблем в политической науке. Это объясняется в первую очередь радикальностью осуществленных институциональных трансформаций, которые проявились в виде сложности адаптации новых институтов.

Наиболее значимым представляется институт президента, который в постсоветских государствах не только предстал в новом облике (по сравнению с классическими мировыми образцами), но и в большинстве из них получил роль ключевого звена политической системы.

Экономический, политический и социальный кризис, разразившийся в СССР к 1990 г., требовал трансформации политической системы. Был необходим институт, способный ликвидировать сложившийся дисбаланс в сторону законодательной ветви в системе органов государственной власти. Кроме того, «громоздкая» система принятия решений в лице коллегиальных органов не была эффективной в сложившейся ситуации. Нужен был новый властный центр, который функционировал бы более оперативно. Так, сначала на уровне СССР, а затем и в союзных республиках был введен институт президента.

В свою очередь, тот факт, что рассматриваемый институт приобрел разную роль в постсоветских республиках, можно объяснить, на мой взгляд, особенностями политической культуры тех или иных обществ. В этом смысле наиболее ярким подтверждением являются Прибалтийские государства: тяготение к европейским ценностям отразилось на установлении в этих странах парламентской формы правления.

Это подтверждает мысль о том, что достижение устойчивости любых нововведенных политических институтов невозможно без их соответствия политической культуре. Институциональные изменения должны, как минимум, не вступать в противоречие с ментальностью¹.

Особенности политической культуры постсоветских обществ также объясняют возможность установления в некоторых из них персоналистских режимов, где акцент делается на усилении и консервации личной власти. Важно подчеркнуть, что именно характер политической культуры создает возможность формирования таких режимов (Узбекистан, Казахстан, Туркмения, Таджикистан, Белоруссия, Азербайджан), а не ликвидация оппозиции. Если нет поддержки населения, то очень сложно долго удерживаться у власти даже с тотальным контролем над политической сферой.

Тем не менее установление сильной президентской власти в большинстве постсоветских республик позволило преодолеть дефицит государственности в период транзита. Но подчеркнем, что речь идет в первую очередь об усилении самого института президента, а не личной власти глав государств. В тех случаях, когда игнорировался баланс между указанными полюсами, начинались серьезные проблемы. Так, Киргизию в последние десятилетия регулярно потрясали государственные перевороты; в России во второй половине 1990-х годов федеративные механизмы стали давать сбой и государство стало фактически неуправляемым.

Именно степень институционализации института президента влияет на уровень консолидации того или иного режима и его стабильность

¹ *Шабров О. Ф.* Политическая модернизация России: точки согласия и дискуссии // Модернизация и политическое развитие России: Сб. науч. ст. М., 2012. С. 5–16.

в большинстве постсоветских республик. Политические режимы, в которых институционализации не отводится должной роли, менее устойчивы¹.

В последние годы на постсоветском пространстве проявляется тенденция усиления парламентаризма (Киргизия, Украина). Правда, указанные изменения происходили не посредством реформ, а в результате революций и политических потрясений. Роль президента при этом существенно ограничивалась. Объяснить это можно как раз тем, что в приведенных странах нарушался баланс между институциональными началами президентства и личной властью глав государств.

Немаловажным фактором таких переворотов конечно же является зрелость альтернативных политических сил и их фактическая возможность конкурировать в политическом пространстве. Когда такие силы есть, а институциональная структура не позволяет прийти к власти мирным путем — высокая вероятность революционного исхода. Однако на постсоветском пространстве существует и опыт достижения компромиссов путем формирования коалиционных правительств (Украина, Молдавия, Армения, Таджикистан).

Переход к парламентской республике также возможен, когда в конституциях есть ограничения относительно возможности нахождения у власти одного и того же лица, но находящийся у власти президент имеет серьезную поддержку и влияние в партии власти. В таком случае расчет делается на получение должности премьер-министра, который в парламентской республике является сопоставимой фигурой с президентом в президентских республиках. С подобным расчетом проводились изменения в Грузии в 2010 г., впоследствии не увенчавшиеся успехом. Эта же цель преследуется и в Армении на сегодняшний день, когда всерьез поставлен вопрос о переходе к парламентской республике.

А. А. Галиуллина
Казань

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЙСКИХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ: ПРИЧИНЫ РОСТА И УПАДКА

Необходимым условием демократического транзита является «открытие» либерализаторами гражданского общества. А. Пшеворский писал, что только при условии открытого и организованного гражданского

¹ Борисов Н. А. Институционализация института президентства и перспективы консолидации политических режимов на постсоветском пространстве // ПОЛИТИЯ. 2011. № 4. С. 98.

общества либерализаторы смогут трансформироваться в реформаторов и осуществить успешный переход к демократии¹.

В сравнении с государствами Западной Европы, демократический переход которых считается завершенным, российская демократия еще молода. Усвоение демократических культурных ценностей в России проходит довольно тяжело и неравномерно. Из этого следует, что политическая культура граждан России пока не может считаться демократической, и этот факт, несомненно, накладывает отпечаток на особенности электорального поведения российских граждан.

Электоральное поведение — процесс, в ходе которого граждане определяют свои политические предпочтения и принимают решение об участии в голосовании на выборах определенных политических сил или кандидатов. На это решение могут воздействовать как краткосрочные, так и долгосрочные факторы².

Какие же факторы влияют на усиление и упадок электоральной активности избирателей?

Сторонники социологического подхода С. Липсет и П. Лазарсфельд определяли такие доминирующие факторы влияния на электоральное поведение, как социальная среда, социальный статус и ролевые наборы; сторонники социально-психологического подхода А. Кэмбелл и Ф. Конверс говорили о доминирующей роли влияния идеологической и партийной идентификаций.

Теория рационального выбора, которая получила свое распространение в 1970—1980-е годы, создала новые модели объяснения электорального поведения. Сторонники данного подхода исходят из положения о том, что избиратели взвешивают решение и голосуют за ту политическую партию или кандидата, которые принесут большую выгоду.

К примеру, центральным вопросом модели Барро—Ферддона является та степень, до которой желание переизбрания заставляет должностное лицо в первый период принимать дорогостоящие меры, которые улучшают благосостояния избирателя, чтобы быть выбранным избирателями во второй период. В данной модели избиратели будут переизбирать кандидата только в том случае, если полезность от выбора кандидата во втором периоде больше, чем та, на которую избиратель рассчитывал в первом периоде³.

Политологи часто говорят о влиянии административного ресурса на явку избирателей в России. При таких настроениях российскому избирате-

¹ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000.

² Мелешкина Е. Ю. Электоральное поведение. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126698>.

³ Gehlbach S. Formal models of Domestic Politics. Cambridge Univ. Press, 2013. P. 136.

лю сложно поверить в полезность своего выбора. Из модели Э. Даунса, где поведение рационального избирателя отражено в формуле $R = pB - C + D$, ясно, что в России (p) вероятность, что твой голос будет решающим, крайне мала¹, в отличие, например, от стран с двухпартийной избирательной системой.

Зависимая переменная в данном исследовании — «явка избирателей на выборах 2012 года», независимыми переменными являются факторы, влияющие на явку избирателей. Исследователем в качестве предикторов были выбраны ВРП на душу населения, пол, место проживания (город/ село), возраст, национальность, уровень образования. Проведенный автором регрессионный анализ показал степень влияния каждого предиктора на зависимую переменную, в нашем случае на «явку избирателей», а также влияние предикторов друг на друга.

В результате исследования мы выяснили, что экономическое положение региона объясняет лишь 1% вариации явки, гендер — 6% вариации, тогда как место проживания избирателя (город или село) и полиэтничность региона объясняют соответственно 20 и 46% вариации явки. Автором также были выдвинуты гипотезы, которые подтвердились в следующих положениях.

1. С увеличением доли городского населения на 1% явка снижается в среднем на 0,35%.
2. С увеличением доли женского населения на 1% явка снижается в среднем на 1,7%.
3. С увеличением доли лиц пенсионного возраста на 1% явка снижается в среднем на 1,12%.
4. С уменьшением доли русского населения на 1% явка повышается в среднем на 0,2%.

Находясь лишь на пути становления демократического общества, изучение феномена электоральной активности российских избирателей представляется важным и актуальным, и в первую очередь для самого государства.

¹ MacRae D. C. A political model of the business cycle // Journal of Political Economy. 1977. V. 85. P. 239–263; Nordhaus W. D. The Political Business Cycle // Review of Economic Studies. 1975. V. 42. P. 169–190.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ ПАТЕРНАЛИЗМОМ И САМООРГАНИЗАЦИЕЙ

Институциональное взаимодействие гражданского общества и власти в современных отечественных социально-гуманитарных науках рассматривается посредством выделения целого ряда моделей институциональных механизмов их взаимоотношений.

Институциональное взаимодействие включает в себя цель, процесс, результат взаимного влияния социальных систем и отдельных личностей друг на друга. Оно определяется как комплекс устойчивых отношений различных институтов (например, власти и гражданского общества) в конкретной среде, обусловленных соответствующей целью, осуществляемой в соответствии с определенными нормами, правилами, процедурами и санкциями на основе имеющихся ресурсов¹.

Под институциональным механизмом взаимодействия в широком смысле понимается процесс согласованного воздействия субъектов социальной окружающей действительности. Именно поэтому институциональный механизм взаимодействия рассматривается как особое устройство, приводящее процесс взаимодействия (сотрудничества) в функционирующее состояние. Например, институциональные механизмы способствуют удовлетворению важных потребностей общества, его членов, регламентируют наиболее важные социальные связи².

На основе анализа теоретической базы (исследования А. Ю. Сунгурова, И. Н. Гавриловой, С. В. Михейкина, И. С. Мерсияновой) выделяются различные модели взаимоотношений власти и гражданского общества, которые сводятся в вертикальные и горизонтальные группы по направлению развития (возрастание, спад, стагнация).

Линии классификации институциональных механизмов взаимодействия власти и гражданского общества проводятся по типам, видам и формам. Среди типов можно выделить формальные и неформальные. По ви-

¹ Взаимодействие государства и гражданского общества в современной России. М., 2008. С. 333.

² Шабанова М. А. Экономический и социальный анализ институциональных изменений (возможные интеграции) // Общественные науки и современность. 2006. № 6. С. 65.

дам институциональные механизмы делятся по целому кругу оснований: сфера взаимодействия, время, масштаб, практика применения, ресурсозатратность, уровень транспарентности, характер взаимоотношений и др. По формам институциональные механизмы взаимодействия подразделяются на материальные, нематериальные и смешанные.

Ряд отечественных исследователей и политических лидеров рассматривает так называемые неклассифицированные виды механизмов развития гражданского общества. Ими выдвигаются идеи о самоорганизации (С. А. Сивова, И. Н. Гаврилова), самоорганизации со стороны государства (патернализм), частичном «отмирании» государства (В. Михайкин) и структурно-институциональном консенсусе общества и власти (О. В. Новикова).

При наличии многочисленных подходов к интерпретации взаимоотношений власти и гражданского общества понятие институционального механизма их взаимодействия остается все еще недостаточно изученным на системном уровне. Это связано с тем, что в противовес властному началу (принуждение, патронаж, контроль) активно формируется и развивается самостоятельное и самостоятельное гражданское общество¹. Однако процесс становления гражданского общества, заключающийся в незавершенности гармонизации в отношениях с политической властью, мешает развитию модели его самоорганизации (выбору наиболее удобной формы коммуникации с властью и государством). Это сводит положение гражданского общества к псевдоинституту, «притяннутому» к властным структурам (модель патернализма), что замыкает круг «власть — гражданское общество — власть», лишая возможности его разомкнуть.

В. В. Гильманов
Уфа

ПАРТИИ В ПРОЦЕССЕ РЕКРУТИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Избирательная кампания по выборам главы исполнительной власти Республики Башкортостан проходила в августе—сентябре 2014 г.

В выборах 2014 г. о намерении выдвинуть своих кандидатов заявили 11 партий: «Единая Россия» (кандидат — временно исполняющий обязанности главы республики Р. Хамитов), ЛДПР (И. Сухарев — депутат Госдумы),

¹ Пуляев В. Т. Движение к гражданскому обществу: российский вариант // Социально-гуманитарные знания. 2000. №1. С. 12.

КПРФ (Ю. Кутлугужин — секретарь Рескома КПРФ), «Патриоты России» (И. Бикбаев — руководитель Аппарата Общественной палаты Республики Башкортостан), «Гражданская сила» (Р. Сарбаев — вице-президент ОАО «СГ-транс» АФК «Система»), «Яблоко» (С. Наумкин — руководитель регионального отделения партии), Российская партия народного управления (кандидат — лидер общественного движения «АнтиКроношпан» П. Ксенофонтов), «Справедливая Россия» (К. Шагимуратов — партийный функционер), партия «Достоинство» (Н. Усманов).

В итоге процедуры регистрации осталось четыре кандидата: от «Единой России», КПРФ, ЛДПР и от партии «Патриоты России».

Особенностью агитационных кампаний данных кандидатов был их одновременно и персональный, и партийный характер. Партийность агитационных кампаний кандидатов проявлялась в том, что коммуникация кандидатов с избирателями была основана на партийных программах и партийной символике, в ней использовались символические цвета и логотипы политических партий, от которых выдвигались кандидаты. Персональный характер кампаний всех кандидатов отражался в агитационных кампаниях в основном не в предвыборных программах, не в конкретных предложениях, а в личности кандидата.

Общим для агитационных кампаний всех кандидатов было то, что они проводились недостаточно активно и были малозатратными.

По активности использования *PR*-инструментов в агитационной кампании среди всех кандидатов лидировал кандидат Р. Хамитов. Его рекламная кампания была практически тотальной по количеству размещенной в республике наружной рекламы и распространенных рекламных брошюр. При этом использовалось минимальное количество видов рекламных материалов по сравнению со всеми остальными кандидатами — один вид баннеров «Время созидания», рекламная брошюра под тем же названием и самоклеющаяся пленка для призм.

«Работать для людей» — основной лозунг агитационной кампании Р. Хамитова. Особенность *PR*-кампании Р. Хамитова заключалась в том, что она имела рабочий смысловой контекст и антураж. Подготовка к саммиту ШОС и БРИКС, поездки по районам республики, решение социально-политических проблем — ключевые моменты *PR*-кампании Р. Хамитова. Коммуникативным спецпроектом *PR*-кампании Р. Хамитова, предназначенным для электоральной мобилизации молодежи, стал молодежный форум «Я — гражданин», организованный республиканским отделением «Молодой гвардии». Тезисы предвыборной программы Р. Хамитова поддерживали основной лозунг его агитационной кампании — «Работать для людей». В программе Р. Хамитова основными вопросами были повышение качества жизни населения, улучшение благосостояния людей, борьба с безработицей.

PR-кампания кандидата И. Сухарева (ЛДПР) проходила довольно активно. Она включала: участие в теледебатах, поездки по районам республики, встречи с избирателями, участие во всемирном флешмобе по обливанию ледяной водой. Его рекламная кампания прошла под лозунгами «Сильной Башкирии — сильный Президент!», «Образованной Башкирии — образованный Президент», «Современной Башкирии — современный Президент», «Правда! Закон! Порядок!», «Третий Президент», «Всему свое время». Эти лозунги доносились до избирателей с помощью: рекламы в СМИ (специальные выпуски газет «Аргументы и факты» и «Комсомольская правда» (тираж 187 714 экз.); наружной рекламы (4 вида баннеров в количестве 35 штук); рекламных листовок, брошюр, наклеек (листочки «Всему свое время» и «Приглашение на встречу», 2 вида рекламных буклетов — «Предвыборная программа» и «Правда, закон, порядок!»; рекламной сувенирной продукции (календари двух видов — «Сильная Башкирия — сильный Президент» и «Правда! Закон! Порядок!»).

PR-кампанию Ю. Кутлугужина (КПРФ) отличало от кампаний всех других кандидатов более активное использование Интернета — сайта партии и социальных сетей, инструмента видеобращений к избирателям в Интернете. В рекламной кампании Ю. Кутлугужина были использованы такие виды политической рекламы, как листовки, газеты, видеоролики, баннеры. «За перемены ради большинства» — лозунг рекламной кампании Ю. Кутлугужина. При этом главный акцент был сделан на листовках и спецвыпусках коммунистической партийной газеты.

Основной лозунг агитационной кампании кандидата И. Бикбаева («Патриоты России») звучал как «Право на выбор. Ильдар Бикбаев». Его рекламная кампания была чрезвычайно скудной как по использованию различных видов рекламы, так и по количеству рекламных материалов. Использовались всего три вида политической рекламы: наружная (баннер «Право на выбор. Ильдар Бикбаев» — 6 баннеров на республику); самоклеющаяся пленка для призмы (1 экз.); карманный календарь (1000 экз.).

Общим для всех агитационных кампаний конкурентов Р. Хамитова было то, что создать привлекательные, запоминающиеся и позитивно оцениваемые образы кандидатов в их ходе не удалось. Это объективно отразилось в результатах голосования избирателей. По итогам голосования Р. Хамитов набрал 81,71%, Ю. Кутлугужин — 10,13% голосов, И. Сухарев — 4,81%, И. Бикбаев — 2,62%. Данные проценты голосования за кандидатов объективно отражают роль партий в электоральном рекрутировании политических лидеров в Башкортостане.

ПРИЧИНЫ И ОСОБЕННОСТИ УСИЛЕНИЯ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА В СТРАНАХ ЕС

Внутри Европы существует очень противоречивый запрос на объединение. С одной стороны, Европа стремится к объединяющей идеологии, скрепляющей континент и избавляющей от возможных конфликтов. С другой стороны, желание создать единую Европу, с идентификацией «я — европеец» вызывает определенное противодействие в обществе.

В последнее время скептицизм относительно Евросоюза звучит все чаще. А на выборах, прошедших в 2014 г., евроскептики получили немало мест не только в национальных парламентах, но и в Европарламенте, заняв треть мест (2014 г. — 30,6%, 2009 г. — 20,4%). А годом ранее Исландия отозвала свою заявку о вступлении в ЕС с формулировкой: «Интересам Исландии лучше соответствует пребывание вне ЕС».

Такой всплеск евроскептицизма и усиление националистских партий вызывает интерес у многих исследователей. Аналитик *Eurasia Group* М. Рахман заявил об отсутствии у граждан Европы «аппетита для дальнейшей евроинтеграции»¹. Причины и особенности усиления евроскептицизма и позиций националистических партий — объект исследования данной работы.

Цель исследования — определить причины усиления евроскептиков и, выявив особенности, обозначить возможные тенденции развития политики ЕС.

В ходе исследования использовались описательные, аналитические, исторические и сравнительные методы. Сравнились экономические и политические условия стран, их взаимоотношения внутри Евросоюза. Проведен анализ предвыборных речей усилившихся партий, их политических установок.

Учитывая разнообразие партий-евроскептиков и причин, по которым за партии голосовали в конкретной стране, страны анализировались отдельно. Так, в Великобритании голосовали против ЕС, а во Франции — против национального правительства.

В исследовании акцент был сделан на странах, в которых усиление позиции евроскептиков было заметнее: Великобританию, Германию, Грецию и Францию, Австрию, Нидерланды, Венгрию, Латвию, Чехию.

¹ Макаренко Г., Павлов В. Националисты и «евроскептики» получили треть мест в Европарламенте // РБК. 26.05.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/26/05/2014/926340.shtml>.

Были выявлены причины, условно разделенные на субъективные, связанные с особенностью настроений внутри определенного государства, и объективные, вызванные кризисными явлениями внутри ЕС.

Многие аналитики выделяют следующие причины: проблема миграции, антикризисные реформы, бюджетная экономика. Джон Кирис, политолог Лондонской школы экономики (*LSE*), главными определяет экономические причины, а именно: экономический кризис и способы борьбы с ним¹.

Имеются скрытые факторы, влияющие на усиление евроскептицизма. Если проанализировать триумф партии Марин Ле Пен, то можно прийти к выводу, что данная партия во многом обязана своим триумфом модернизации и главное — расширению избирательной базы, также повлиял вовремя пойманный запрос общества на стабильность, какую-либо сформулированную и четкую идею, способную придать уверенности в кризисные периоды.

Глобализация — изменение, к которому многие еще не готовы и чувствуют определенные опасения по поводу нестабильности, что формирует запрос на четко очерченную идентичность. Если проводить аналогию с идеей Геллнера о нации как продукте индустриализации, то можно говорить и о том, что такие изменения, как глобализация, усиливают запрос на национальную идентичность. Период неопределенности приводит к усилению позиций популистской риторики, которую активно используют евроскептики и националисты.

В своих рассуждениях о позиции Германии в ЕС Штанмаеэр пишет, что Германия предпочтет евроинтеграцию конкретности в мире². Однако скорее всего выбор другой: либо Германия продолжает играть ведущую роль в ЕС, либо второстепенную — в мире. Таким образом, в «союзе равных» не все равны — есть «центр» и «периферия», что вызывает противодействие. В Греции риторику неравенства внутри ЕС использовали праворадикальная «Сириза» и ультранациональная «Золотая заря». Марин Ле Пен заявила, что результаты выборов показали, что народ хочет политику, сформированную «французами и для французов».

Наличие лидеров и кризисные явления вызывают «недоверие европейцев к надгосударственным структурам ЕС»³, ставя под сомнение необходимость такой организации.

Надо обратить внимание и на характер ротации партий в европейских парламентах: правящая партия, теряя силы, может отойти от власти, уйдя

¹ Макаренко Г., Павлов В. Время скептиков: Европарламент может стать радикальнее // РБК. 23.05.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/23/05/2014/925668.shtml>.

² Steinmeier F. W. The DNA of German Foreign Policy // Project-syndicate. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/german-foreign-policy-european-union-by-frank-walter-steinmeier-2015-02>.

³ Ibid.

в оппозицию, где получит шанс снова набрать политический вес. Таким образом, выборы могут отражать временную смену настроений.

Как показывают кризисы ЕС, данный институт еще не готов сконструировать европейскую идентичность; еще сильна идентичность национальная. Тем не менее усиление евроскептиков не означает конец ЕС, возможно, сторонники евроинтеграции отойдут на время, чтобы набрать политическую силу и вернуться — с уже давно назревшими реформами.

М. С. Головин
Санкт-Петербург

ФЕНОМЕН ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОПУЛЯРНОСТИ ПРАВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ (на примере Австрийской партии свободы)

В последние несколько лет во многих государствах Европы наблюдается существенное увеличение электоральной поддержки политических партий и движений, которые в своих программах делают акцент на идеях националистического толка. Превознесение национальной идентичности в противовес общеевропейской унификации, критика иммиграционной политики и идеологии мультикультурализма, социальный шовинизм, высокая степень евроскептицизма — все это, а также ряд других аспектов¹ составляют ядро идеологии праворадикальных партий в современной Европе.

Австрийская партия свободы (АПС) — одна из ведущих праворадикальных партий Европы, показавшая высокий результат на выборах в Европарламент 2014 г. и уже на протяжении многих лет являющаяся той «третьей силой», которая порой оказывает решающее влияние на ход политического процесса в современной Австрии. Пиком популярности этой партии считается 1999 год, когда по результатам выборов в австрийский парламент представители АПС участвовали в формировании правительства, что вызвало критику со стороны ЕС². В этот же год лидер партии — Йорг Хайдер —

¹ Махова А. В. Праворадикальная идеология в Западной и Восточной Европе в начале XXI века: опыт сравнительного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия, культурология, политология, право, международные отношения. 2013. Вып. 2. С. 117.

² Воцелка К. История Австрии. М.: Весь мир, 2007. С. 449–450.

вернулся на пост губернатора Каринтии, набрав свыше 40% голосов. Этому крупному успеху крайне правых Австрии способствовала долгая идеологическая эволюция — от неонацизма в 1950-х годах и сравнительно либерального периода в 1980-х до периода главенства в партии Й. Хайдера — харизматичного лидера, при котором были актуализированы идеи ограничения иммиграции, прославлялась идея национальной идентичности (однако это скорее был не австрийский, а пангерманский национализм).

Начиная с конца 1980-х и до начала XXI в. Австрийская партия свободы совершила окончательный переход с умеренной идеологической платформы на откровенно популистские, праворадикальные позиции¹. Однако стоит отметить, что именно в этот период началось становление АПС как одного из ведущих акторов политического процесса во второй Австрийской республике. Если в период с 1956 по 1983 г. результат АПС на парламентских выборах не превышал 7,7%, то средний результат на выборах различных уровней (в австрийский парламент и Европейский парламент) в период 1986–1999 гг. — 21,2%². Доминирование националистического, патриотического дискурса, а также поддержка традиционных ценностей в программах АПС и выступлениях ее лидеров оказали положительное воздействие на уровень электоральной поддержки националистической партии в 1990-е годы. В 2000-е популярность партии стала снижаться, и очередной электоральный подъем начался только с того времени, когда партию возглавил новый лидер — Х. К. Штрахе. Это случилось в 2005 г., и уже на досрочных парламентских выборах, которые прошли в 2008 г., партия набрала 17,5%. Спустя 5 лет результат был улучшен — 20,5%. Во многом это улучшение связано с трансформациями идеологического дискурса партии, его националистической составляющей.

Среди основных особенностей националистического дискурса АПС при Х. К. Штрахе можно отметить следующие: переход с идеологии пангерманского национализма на актуализацию идей австрийской идентичности; переход с антисемитской риторики на критику радикального ислама и иммиграционной политики австрийских властей; кроме того, националистический дискурс АПС на современном этапе содержит традиционные для крайне правых идеи евроскептицизма и социального шовинизма.

Электоральный рост праворадикальных партий Европы как на национальном, так и на общеевропейском уровне (на последних выборах в Европарламент АПС набрала 19,7%, получив 4 места) свидетельствует о невоз-

¹ Luther K. R. Die Freiheitliche Partei Österreichs (FPÖ) und das Bündnis Zukunft Österreich (BZÖ). In Politik in Österreich. Ein Handbuch // Dachs H., Gerlich P., Gottweis H., Kramer H., Lauber V., Müller WC., Tálos E. (Eds.). Vienna: Manz (BZÖ), 2005. P. 16.

² Электоральная география. Австрия // Электоральная география. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.electoralgeography.com/ru/countries/a/austria/>.

можности замолчать те проблемы, которые некоторым политическим силам в ЕС кажутся несерьезными и за актуализацию которых крайне правых упрекают в чрезмерном популизме. Поэтому в случае, если умеренные политические силы — как левые, так правые — не найдут способа решить возникающие на уровне ЕС проблемы, то граждане европейских государств вполне могут сделать выбор в пользу более радикальных мер, которые, однако, вряд ли способны привести к радикальному улучшению ситуации в Европе.

К. А. Головченко
Саратов

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛИДЕРСТВА В. В. ПУТИНА В НЕМЕЦКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

Международное значение России сегодня высоко: не последнюю роль наше государство играет и в разрешении украинского конфликта. Повышенную активность России в региональных и мировых вопросах западные политики и журналисты связывают с особенностью политического лидерства в России и непосредственно Президентом РФ Владимиром Путиным. Германия и Америка как акторы событий, происходящих на рубеже 2014–2015 гг., также регулярно обращают внимание на влияние В. Путина как лидера, трансформируя его имидж.

Целью работы является изучение и анализ лидерских характеристик, используемых западными журналистами при формировании имиджа В. В. Путина в немецких и американских массмедиа, в том числе:

1) анализ основных групп характеристик Президента РФ в немецкой и американской прессе;

3) сопоставление характеристик, полученных в результате анализа прессы, с наиболее популярными типологиями лидерства.

Было рассмотрено 40 статей в немецкой и американской прессе. В качестве источников использованы сайты газет *Die Welt* и *Die Zeit*, а также американское издание *National Interests*. Все характеристики поделены на:

- 1) личностные;
- 2) социальные;
- 3) символические¹.

¹ Migranyan A. Putin Is Russia's Reagan // The National Interest. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/putin-russias-reagan-9914>.

В свете рассмотрения полученных характеристик важным является соотнесение их с предложенными ранее, наиболее популярными типологиями лидерства и соотнесение, а также сравнение результатов, полученных из немецких и американских источников.

Одной из наиболее популярных типологий является характеристика лидерства в зависимости от стиля руководства. В данном вопросе массмедиа рассматриваемых стран выражают единодушие и отмечают, что стиль российского лидера бесспорно является авторитарным¹.

Типология на основе отношения лидера к переменам и способности к инновациям противоречива. Немецкая пресса характеризует Путина двояко. С одной стороны, как руководителя с консервативным стилем управления (как правило, немцы отмечают, что Владимир Владимирович ориентирован на руководство в соответствии с установившимися ранее нормами и традициями. Примером является закон о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних»). С другой стороны, немецкие журналисты характеризуют его действия как реформационное лидерство² (создание новой империи).

Американская пресса в этом случае приписывает Президенту РФ революционное лидерство³ (Путин, по мнению американских СМИ, стремится возродить престиж России, обращая ее на Восток, кардинально меняя политические отношения).

В зависимости от природы авторитета, на котором построена власть лидера, массмедиа сошлись во взглядах, и здесь можно говорить о харизматичном лидерстве.

По типологии Г. Лассуэлла в американской прессе его характеризуют как лидера-идеолога. Акцент делается на культе личности Путина в России. Немецкая же пресса характеризует В. Путина как лидера-организатора⁴ (манипулирующего ситуацией) и лидера-агитатора.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Наиболее многочисленной является группа личностных характеристик В. В. Путина. Причем если немецкие СМИ делают акцент в большинстве своем на негативных характеристиках, то американские источни-

¹ Schlosberg L. Wladimir Putin schafft sich ein Kriegsvolk // Die Welt. URL: <http://www.welt.de/debatte/kommentare/-article137003902/Wladimir-Putin-schafft-sich-ein-Kriegsvolk.html>.

² Sommerfeldt N. Putins neues Imperium, ein kollektiver Krisenherd // Die Welt. URL: <http://www.welt.de/wirtschaft/arti-cle137837101/Putins-neues-Imperium-ein-kollektiver-Krisenherd.html>.

³ Stephen Larrabee, Peter A. Wilson Calling Putin's Bluff // The National Interests. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/calling-putins-bluff-10233>.

⁴ Saradzhyan S. Putin's Long Game // The National Interests. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/putins-long-game-10092?page=3>.

ки чаще иллюстрируют положительные характеристики Президента РФ. Однако стоит учитывать, что в самом американском издании эти черты признавались положительными, но не оправдывали стратегию действий лидера.

2. Массмедиа как Германии, так и Америки регулярно обращаются к кагэбэшному прошлому Путина, характеристике его отношений со СМИ, оппозицией. Причем немецкая пресса делает акцент и на отношениях президента с НКО.

3. В различных типологиях политического лидерства приведенные характеристики составляют образ Путина — лидера с консервативным взглядом. Одновременно Президент РФ признается чрезмерно революционным, резким для международных отношений. Такой тип признается допустимым к существованию в России, но на мировой арене в условиях сложившегося кризиса, по мнению западных журналистов, выступает дестабилизатором ситуации.

К. В. Гонцов
Екатеринбург

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Политика — это особая категория современных гуманитарных наук. Как многоуровневая и многообразная категория, политика может быть классифицирована на различные подвиды. В зависимости от субъектов, осуществляющих данный вид деятельности, она классифицируется на государственную политику, партийную, политику социальной группы, политику организации, политику лидера¹.

Особую роль выполняет государственная политика. На протяжении развития общественно-политической мысли сложились различные подходы к определению сущности государственной политики. Современные представления о государственной политике отражает определение, данное Л. В. Сморгунным. Под государственной политикой он понимает «политический процесс управленческого влияния главным образом институтов исполнительной власти государства на основные сферы общества, опира-

¹ Сморгунов Л. В. Государственная политика и управление: В 2 ч. Ч. I. Концепции и проблемы государственной политики и управления. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 66.

ющийся на непосредственное применение государственных властных полномочий как при разработке, так и при осуществлении стратегии и тактики регулирующего и организующего воздействия на все компоненты и аспекты функционирования и развития экономики, социальной сферы и других подсистем общества посредством размещения ресурсов, распределения, перераспределения общественных благ и других мер»¹.

Большинство современных исследователей рассматривает государственную политику с точки зрения структурно-функционального подхода. Опираясь на работы Л. В. Сморгунова, А. Ю. Мельвиля², мы можем сформировать «систему» государственной политики. В нее мы будем включать основных акторов, осуществляющих или влияющих на государственное управление; объект реализации государственной политики; институты (в том числе и нормы) и учреждения, реализующие государственную политику; основные задачи (функции), стоящие перед акторами; а также процесс государственного управления, который, по сути, объединяет в единое целое все остальные компоненты.

Соответственно мы делаем вывод, что феномен государственной политики связан с процессом реализации политическими субъектами функций государственного управления, направленных на решение общественно значимых задач. В данном случае, на наш взгляд, особый интерес представляет анализ государственной политики в периоды дестабилизации общественно-политической ситуации, экономических кризисов и т.д. Что представляет собой государственная политика стабилизации? Ответ на этот вопрос можно получить, проанализировав современные представления о стабильности.

Российские и зарубежные исследователи приходят к выводу, что стабильность представляет собой такое состояние системы, которое характеризуется динамической и адаптационной способностью сохранять свою устойчивость под воздействием постоянно изменяющихся условий внешней и внутренней среды, при этом не изменяя существенных характеристик системы³.

Соответственно, стабилизация — процесс, направленный на создание социальных и политических условий приспособления и развития системы, находящейся под воздействием импульсов внутренней и внешней среды,

¹ Сморгунов Л. В. Указ. соч. С. 67.

² См.: Сморгунов Л. В. Указ. соч.; Мельвиль А. Ю. Политология. М.: МГИМО (Университет) МИД России; Проспект, 2004; Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2003.

³ Колесников В. Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России: дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2010; Негрова М. С. Политические аспекты стабильности российского общества: региональный аспект (на примере Санкт-Петербурга и Красноярского края): дис. ... канд. соц. наук. СПб.: СПбГУ, 2009.

а также на преодоление проблемных и кризисных ситуаций, с целью сохранения динамической устойчивости социально-политической системы.

С точки зрения современных синергетических теорий абсолютно стабильных систем не существует, каждая находится в постоянном изменении. Таким образом, кризисы — естественные и постоянно возникающие явления в обществе. Большинство современных исследователей представляют государственное управление как деятельность государства, направленную на упорядочение, сохранение или преобразование жизнедеятельности людей. Таким образом, можно констатировать, что основная цель государственного управления — это поддержание равновесия во всех сферах общества. Исходя из современного понимания стабильности, изложенного выше, мы делаем вывод, что государственное управление в настоящее время сводится к поддержанию стабильного развития общества.

Поэтому государственная политика стабилизации — разработанный основными политическими акторами на основе стратегии стабилизации комплекс мер по предотвращению и предвидению негативных факторов и кризисных явлений в обществе (или отдельной его сфере), реализуемый органами государственной власти (и специально создаваемыми учреждениями) в определенный промежуток времени.

А. А. Гуркин
Саратов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (на примере Саратовской области)

Саратовская область располагается в Приволжском ФО — втором по численности населения. По многим показателям, таким как территория, ВРП на душу населения и др., регион занимает позиции в середине списка среди остальных субъектов России. Все это делает Саратовскую область привлекательной для анализа.

Анализ деятельности глав Саратовской области позволяет нам выявить три условных этапа развития исполнительной власти, каждый из которых имеет существенные различия.

Первый этап характеризуется конкуренцией за власть между бывшей партийной номенклатурой и новыми политическими элитами. В Саратовской области это отразилось в приходе на пост главы администрации Саратовской области более харизматического лидера — Д. Ф. Аяцкова. Учреждение должности губернатора было характерным для общего поли-

тического настроения в субъектах Федерации, главы которых желали подчеркнуть свою значимость или даже заявить о претензиях на суверенитет (институт президентства в республиках). Как результат — усиление роли исполнительной власти, которая стала доминировать над законодательной властью. Создание в Саратовской области министерств, а в Свердловской области — двухпалатного парламента свидетельствует о желании усилить институты власти в субъектах. В 1996 г. Конституционный суд признал, что главы субъектов РФ не могут назначаться законодательным собранием, а должны избираться населением¹. Таким образом, выборы глав субъектов стали проводиться везде вплоть до 2005 г. Данный этап также отмечен неформальными связями. Дружеские отношения Д. Ф. Аяцкова с президентом страны Б. Н. Ельциным неоднократно помогли губернатору Саратовской области, даже после того как Ельцин ушел в отставку с поста президента.

Второй этап характеризуется ослаблением власти глав субъектов. Крайне сложная экономическая ситуация, демографические проблемы — это и многое другое ставилось населением Саратовской области в вину в том числе и высшему должностному лицу. Губернатор Саратовской области терял доверие людей. В декабре 2004 г. был принят закон об утверждении высшего должностного лица субъекта РФ, который отменял прямые выборы глав субъектов². Этот закон обозначил начало данного этапа. Укрепление вертикали власти и позиций правящей партии — отличительные его черты. Несмотря на то что главы субъектов стали назначаться, срок их пребывания на посту главы субъекта отнюдь не увеличился. Так, назначенный П. Л. Ипатов ушел в отставку со второго срока, в 2012 г., если рассматривать другие субъекты РФ, то их глав отправляют в отставку и в связи с утратой доверия, что, несомненно, является отрицательной характеристикой назначенных ранее губернаторов.

Третий, современный этап, начало которого можно обозначить принятием закона о возобновлении выборов глав субъектов³, охарактеризовать как-либо образом сложно из-за того, что де-факто этап только начинается.

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 18 января 1996 г. № 2-П.

² Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”».

³ Федеральный закон Российской Федерации от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”».

Временные рамки данных этапов различаются от субъекта к субъекту, однако во многих из них можно проследить схожие черты. Глав субъектов, согласно типологии политического лидерства М. Вебера, с оговорками, можно разделить по этим этапам следующим образом. Первый этап — харизматическое лидерство, второй этап — традиционное лидерство, третий этап — рационально-легальное лидерство.

А. Д. Дерендяева
Барнаул

ДЕТЕРМИНАНТЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Изучение политического участия молодежи — актуальная проблема в политической науке, поскольку именно молодежь является одной из тех социальных групп, которая служит фактором институциональных инноваций и эффективности развития общества.

Согласно теории конфликта поколений Н. Хоува и В. Штрауса современная молодежь, т.е. это поколение Y (поколение Сети, Миллениума (годы рождения 1983–2003), для которого характерны индивидуальный прагматизм, самонадеянность и политика невмешательства. Наибольший вклад они вносят в сферу технологии, активно и рационально возводят новые институты¹.

Однако исследование, проведенное в рамках *World Values Survey* с 1980 по 2010 г., указывает на две противоположные тенденции: с одной стороны, молодежь эмансипируется от традиционного участия в политике, с другой — резко расширяется масштаб противоэлитной активности². Методика *World Values Survey* в противоэлитную активность включает петиции, митинги и иные акции, направленные «снизу» против власти. Противоэлитные акции «не являются прямым отражением объективных поводов для недовольства», — утверждает Р. Инглхарт, — и не коррелируются с уровнем электоральной активности молодежи. Во-первых, в случаях угрозы демократии и обострения ситуации в стране молодежь активизируется и принимает участие в выборах (Болгария, 1997 г. и Словакия, 1998 г.). Во-вторых,

¹ *Strauss W., Howe N.* The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N. Y.: Broadway Books, 1997. P. 29.

² *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 134.

молодые люди способны быстро мобилизоваться во время каких-либо отдельных событий (революций, восстаний). В-третьих, активность молодежи в основном проявляется в виртуальном пространстве. Таким образом, опыт западных стран показывает высокую активность молодых поколений в сфере политического. Данное обстоятельство оказывает существенное влияние на формирование институтов.

Иную ситуацию мы наблюдаем в России. Как показывают опросы 2000-х, российская молодежь не проявляет интереса к политике и не желает становиться ее активным актором. Молодые люди не видят для себя возможности оказывать влияние на политический процесс, а в качестве ценностей молодого поколения выступает далеко не политика.

Так, согласно всероссийскому опросу ФОМ 2004 г. лишь 37% респондентов 18–35 лет интересовались политикой; почти две трети молодых сограждан (62%) не проявляли интереса к этой сфере. Обсуждали политические события со своими ровесниками 46% молодых респондентов, не обсуждали — 51%¹.

В масштабном исследовании «Российская молодежь: потенциал политической мобилизации», проведенном Исследовательской группой ЦИРКОН в 2006 г., на вопрос «Интересуетесь ли Вы политикой?» 58% молодых людей ответили отрицательно. Более того, лишь 4% опрошенных отметили политическую жизнь как важную для себя сферу².

Аналогичные результаты были получены исследователями Института социологии РАН в 2007 г. Данный опрос показал, что всего 14% молодых россиян активно интересуются политикой, иногда политикой интересуются 52% и не интересуются вообще 33%³.

Схожую ситуацию мы наблюдаем и на региональном уровне, в Алтайском крае и Республике Алтай, которые относятся к разряду регионов с выраженным традиционалистским менталитетом. Опрос, проводимый среди студентов Алтайского края Центром политического анализа и технологий АлтГУ в 2013 г., показал следующие результаты. Постоянный интерес к политике проявляют 11,7%, часто интересуются ею 26,7%, редко — 47,8% опрошенных, не интересуются вообще — 12,9%.

Проанализированные нами исследования позволяют сделать следующие выводы. Все они демонстрируют невысокую активность российской молодежи. Данную ситуацию мы можем объяснить как взаимовлияние внешних и внутренних детерминант. Политическая апатия связана с тран-

¹ Молодежь: 18–25 лет. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/d092914>.

² Российская молодежь: потенциал мобилизации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zirccon.ru/upload/iblock/f5e/060525.pdf>.

³ Молодежь новой России: ценностные приоритеты. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html.

сформацией политической системы России в 1990-е годы, обусловившей попадание страны в «институциональную ловушку». В таких условиях молодое поколение зачастую превращалось в «инструмент», а не субъект власти.

С другой стороны, на уровень политического участия влияют и внутренние факторы: политическое сознание молодежи, которое зависит от ценностных ориентаций российского государства, характеризуется в первую очередь традиционным мышлением и не способным к созданию новых институтов.

Таким образом, невысокий уровень эффективности институтов общества, традиционалистское политическое сознание не позволяют российской молодежи стать активными участниками политического процесса.

Е. В. Долженкова
Санкт-Петербург

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ И ДЕСЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Секьюритизация как категория политической науки впервые начала разрабатываться в трудах ученых, принадлежащих к так называемой Копенгагенской школе международных исследований, в 1990-х годах. В данном контексте нельзя не назвать фундаментальный труд Б. Бузана, О. Вэвера и Я. Де Вильде по проблематике международной безопасности¹. Под секьюритизацией понимается вид политической коммуникации, в результате которой ее источник формирует у ее получателя представление о том, что ее объект является проблемой безопасности, с целью легитимации необычных действий, которые могут быть предприняты источником секьюритизации или третьими акторами для минимизации подлинной или мнимой угрозы, исходящей от объекта. По аналогии с секьюритизацией определяется и десекьюритизация, т.е. вид политической коммуникации, в результате которой ее источник формирует у ее получателя представление о том, что ее объект не является проблемой безопасности. Десекьюритизация предпринимается ее источником с целью делигитимации необычных действий, которые могут быть предприняты третьими акторами для минимизации исходящей от объекта угрозы, объявляющейся в данном случае мнимой или несущественной.

¹ *Buzan B., Waever O., Wilde J. de. Security: a New Framework for Analysis. Boulder, L.: Lynnie Rienner, 1998.*

В настоящем докладе секьюритизация и десекуритизация как явления мира политического рассматриваются на примере внешней политики Латвийской Республики в 1990-х годах — начале XXI в. В качестве источника секьюритизации рассматривается Правительство Латвийской Республики. В качестве получателя секьюритизации — политические элиты стран Запада. В качестве объекта секьюритизации — внешняя политика Российской Федерации, а в качестве объекта десекуритизации — положение русскоязычного населения, постоянно проживающего на территории Латвийской Республики. Демонстрируется, как Правительство Латвийской Республики посредством двусторонних контактов с элитами отдельных стран Запада, а равно — посредством активного участия в международных организациях стран Запада, в первую очередь в Североатлантическом альянсе, в Европейском союзе, в Совете Европы и в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, последовательно пытается осуществлять секьюритизацию внешней политики Российской Федерации и десекуритизацию положения русскоязычного населения Латвии.

Секьюритизация внешней политики Российской Федерации со стороны Латвийской Республики осуществляется с целью легитимации необычных действий, которые могли бы быть предприняты странами Запада и которые представляются Правительством Латвийской Республики соответствующими латвийским национальным интересам. В 1990-е годы в качестве такого действия рассматривалось скорейшее принятие Латвии в Совет Европы, несмотря на неполное соответствие латвийского законодательства и практики его применения в те годы общеевропейским стандартам в сфере соблюдения прав национальных меньшинств. На рубеже XX—XXI вв. в качестве такого действия рассматривалось скорейшее принятие Латвии в ЕС и НАТО. В настоящее время в качестве такого действия рассматривается усиление военного контингента стран Запада, размещенного на территории Латвийской Республики. Как показала практика внешней политики Латвии в 1990—2000-х годах, секьюритизация внешней политики России стала значимым фактором скорейшего принятия Латвии в Совет Европы, в НАТО и в Евросоюз.

Десекуритизация положения русскоязычного населения, постоянно проживающего на территории Латвийской Республики, осуществляется с целью делигитимации возможных необычных действий, которые могут быть предприняты как странами Запада, так и Российской Федерацией в случае, если положение русскоязычного населения Латвии будет признано проблемой безопасности. В 1990—2000-е годы в Латвии существовали опасения, что если положение русскоязычного населения страны будет признано на Западе в качестве угрозы, то это сможет отсрочить принятие страны в Совет Европы, в Евросоюз и в НАТО. Во втором десятилетии XXI в. в Латвии возникли опасения, что если положение русскоязычно-

го населения страны будет признано в качестве угрозы в Российской Федерации, то это сможет легитимировать в глазах российской элиты усиление внешнеполитического давления на Латвию, вплоть до реализации военного сценария. Таким образом, секьюритизация и десекуритизация являются важными элементами внешней политики Латвийской Республики, способствующими достижению тех целей, которые рассматриваются в этой стране в качестве важнейшего элемента национального интереса.

М. С. Единова
Санкт-Петербург

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В МЕГАПОЛИСАХ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

На карте современного мира нет мегаполисов с гомогенным, моноэтническим составом населения, поэтому крупные города постоянно сталкиваются с этническими конфликтами. Соответственно нельзя отрицать актуальность и необходимость поиска механизмов, обеспечивающих гармоничное проживание различных групп в одном городе. Современное информационное общество требует поиска новых, более результативных методов решения проблем и конфликтов. Соответственно в политическом процессе появляются новые подходы к управлению, акцентирующие внимание на активном и осознанном взаимодействии различных акторов, формирующих политические решения.

В большинстве случаев конфликты возникают из-за недостатка знаний и соответственно доверия по отношению к другим этническим группам. Сетевое взаимодействие различных диаспор разрушает замкнутые границы. Это особенно важно в том случае, «когда иммигрантские группы хорошо сплочены, демонстрируют чувство превосходства по отношению к “местным” и не обнаруживают сколько-нибудь заметного стремления к тому, чтобы интегрироваться в принимающую среду»². Суть такой сплоченности заключается в том, что члены диаспор отождествляют себя

¹ Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-33-01356 «Сетевые практики в публичной политике как фактор совершенствования современного городского управления».

² Ачкасов В. А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 3. С. 85.

ПРАКТИКА GR-СТРАТЕГИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

прежде всего с собственным национально-государственным образованием, а не с государственной общностью в целом. Следовательно, главной задачей является преодоление противопоставления индивидом своей групповой этнической идентичности и национальной. Р. Брубейкер писал, что «этнические сети могут воспроизводиться и без высокой степени групповости главным образом благодаря самой логике сетей общения и структур возможностей и вытекающей отсюда умеренно высокой степени этнической эндогамии»¹.

Диаспоры могут рассматриваться как сообщества (в терминах Э. Остром), обладающие определенными инструментами для управления «общими ресурсами» и решения проблем в рамках общины. Для реализации эффективной миграционной политики необходимо стимулировать не только взаимодействие и коммуникацию между сообществами и правительством, но и диалог между различными общинами. Программы и стратегии, направленные на гармоничное проживание этнических сообществ в мегаполисах, должны приобрести поддержку непосредственно у данных групп. «Разработка программ и стратегическое планирование подразумевают творчество. Таким образом, жесткие иерархические коммуникационные связи в отличие от сетевых структур взаимодействия не стимулируют, а порой и исключают творческий подход»².

Санкт-Петербург является полиэтничным и многокультурным городом, ежегодно принимающим огромное количество мигрантов (от 400 000 до 500 000). В основном миграционные потоки втекают в город из стран СНГ и Кавказского региона: сегодня приблизительно 25–30% представителей этнических сообществ Санкт-Петербурга принадлежат к неславянской лингвистической группе. Чтобы интегрировать такое число различных этнических групп в городское сообщество, правительством Санкт-Петербурга были разработаны программы «Толерантность — 1» (2006–2010) и «Толерантность — 2» (2011–2015).

Безусловно, этнические сообщества могут эффективно взаимодействовать по принципам политических сетей при условии высокого уровня гражданской культуры во всем обществе. Кроме того, необходимо, чтобы данные диаспоры были организованы как демократические институты, только в этом случае члены сообщества будут следовать «правилам игры».

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 330.

² Шерстобитов А. С. Коммуникационные механизмы взаимодействия федерального центра и регионов и эффективность административной реформы // Современный федерализм: Российские проблемы в сравнительной перспективе // Труды Всероссийской научно-практической конференции, 21–22 ноября 2008 г. / Под ред. Ю. Н. Солонина, Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.

Действия правительства в рыночной сфере могут влиять на конкурентные преимущества фирм и производств на всех уровнях, тем самым увеличивать или уменьшать рентабельность рыночных акторов. В большинстве случаев деятельность правительства в этой области определяется внешними факторами, т.е. они экзогенны по природе. Эта экзогенность выражена в том, что GR-деятельность (*Government Relations*), начиная от маленькой фирмы до группы компаний, может влиять или даже формировать финальную форму решений, принимаемых правительством в области экономики, рыночных отношений и монетарной политики. Таким образом, возникают политические коммуникации в экономической сфере между участниками рыночных отношений.

В данном исследовании уделено внимание вопросу, из чего состоит структура политики коммуникаций между органами государственной власти и участниками рыночных отношений (фирмами и организациями).

Рассмотренные кейсы, в числе которых американские *General Motors*, «Аппалакская Энергетика», российская компания «Роснефть», группа компаний «Ренова», ОАО «РЖД», по структуре состоят из различных региональных департаментов и подразделений со своими уникальными технологиями производства, отношением с региональными властями штатов или субъектов, уникальными проблемами, способами их решения.

Широкое понимание стратегий в рамках взаимоотношений с государственными органами связано с тем, что в политике лоббирования можно выделить пять взаимосвязанных элементов, которые определяют направление, выбор, цену, выгоду и конкурентоспособность политической деятельности фирм. Соответственно в результате исследования было выделено пять элементов GR-стратегий: во-первых, выбор уровня и типа включенности в политическую деятельность; во-вторых, выбор формы аргументирования; в-третьих, выбор «точки соприкосновения»; в-четвертых, выбор объекта лоббирования для достижения поставленной цели; в-пятых, выбор субъекта лоббирования.

Уровень и тип включенности фирмы выявляются при разработке политических стратегий. При анализе было выявлено шесть основных альтернативных уровней включенности — начиная от минимальной степени: 1) локальная фирма-участница; 2) определенный сегмент фирм (группа

маленьких организаций или локальный географический регион); 3) определенная ветвь индустрии; 4) особая группа фирм, включая экспортеров и покупателей; 5) группа ветвей индустрии (например, промышленность в целом); 6) «лоббистские коалиции»: данная коалиция включает в себя конкурирующих производителей из различных сфер, различных продавцов, импортеров и покупателей.

Одним из самых важных элементов GR-связей является выбор вида аргументирования. Соответственно в ходе исследования было выделено три формы аргументов: факты и научные доказательства, аргументы «идеи» (идея эффективного распределения ресурсов) и «честные и справедливые» аргументы (честная торговля). Конечно, данные типы аргументирования могут быть использованы в различных комбинациях.

Во многом «точка соприкосновения» зависит от рассматриваемого вопроса и того уровня власти, который может реализовать лоббируемый вопрос. Соответственно были выделены такие места встречи, как наднациональный уровень, национальный уровень, региональный и локальный уровни.

В процессе реализации GR-стратегий было выявлено множество объектов лоббирования: кабинет министров, правительство и глава государства, бюрократия самых различных уровней, члены парламента, отдельные личности или группа лиц аппарата управления, кадры в регулирующих органах (различные комитеты представительных органов, коллегии), судебная власть или комбинация данных объектов. Также к группе объектов лоббирования можно добавить средства массовой информации, несмотря на то что они не являются непосредственно членами органов государственной власти, СМИ могут оказывать косвенное воздействие на политику правящих лиц.

Особое внимание необходимо уделить различию субъекта, а именно GR-менеджера и лоббиста, так как это схожие, но неодинаковые лица. В результате исследования данного вопроса определено, что сотрудник GR-отдела — это прежде всего менеджер, при помощи которого организуется процесс работы с внешними политическими стейкхолдерами, отслеживаются риски и привлекаются отраслевые организации для реализации поставленных задач в органах государственной власти. Лоббист (профессиональный деятель, работающий по найму) в свою очередь является субъектом непосредственного обеспечения принятия решения по конкретному вопросу в органах государственной власти.

Все пять элементов выполняются систематически и представляют собой единую конструкцию — элементы GR-стратегий.

А. Р. Зарипова
Казань

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ЭТНОРЕГИОНАЛЬНОГО СЕПАРАТИЗМА В КАТАЛОНИИ

Проблематика изучения сепаратизма как сложного, многофакторного явления крайне актуальна в настоящее время. Сепаратистские движения XXI в. существенно отличаются от сепаратизма прошлого столетия. Современный сепаратизм, обладая иными сущностными характеристиками, преследует цели, отличные от «классического» сепаратизма XX в.

Кейс Каталонии служит основой для изучения инструментальной сущности регионального сепаратизма, примером использования исторически сложившихся предпосылок для создания региональными элитами эффективного инструмента расширения политических полномочий. Объяснение инструментальной сущности сепаратизма скрывается в выявлении истинных мотивов и механизмов формирования сепаратистских настроений среди населения Каталонии.

Применение методики ивент-анализа позволило создать кластерные блоки и ранжировать политические акции, направленные на использование сепаратизма как элемента политики расширения полномочий Каталонии, а также установить основные причины качественной трансформации регионального каталонского сепаратизма в XXI в.

В рамках ивент-анализа исследовались события с ноября 2012 г. по апрель 2015 г., в качестве источников информационной базы исследования были использованы испанские издания общественно-политической направленности: *La Vanguardia*¹, *El Pais*².

В рамках проведенного ивент-анализа выделены тематические кластеры, позволяющие оценить смысловую составляющую политики «торга» каталонских властей по отношению к центру. Большая доля акций каталонских властей относится к кластеру экономического фактора взаимодействия с центральной властью. Экономические ресурсы и возможность самостоятельно ими распоряжаться становятся центральным аспектом требований региона, расширение политических полномочий на практике сводится к возможности оставлять в региональном бюджете большую часть доходов автономии. Каталонские власти используют риторику самопре-

¹ La Vanguardia [электронный ресурс]. URL: <http://www.lavanguardia.com/index.html>.

² El pais: el periodico global. URL: <http://ccaa.elpais.com/ccaa/catalunya.html>.

деления автономии во всех переговорных акциях с центром, большое внимание уделяется предоставлению каталонским властям возможности провести референдум о независимости автономии. Однако испанские власти неохотно идут на переговоры с «сепаратистами» и остаются на неизменной позиции единства и неделимости Испании. В условиях сильной позиции центральной власти и высоких издержек жесткой конфронтации на данном этапе отношений региональные власти уступили центру в вопросе проведения референдума и заменили его консультативным голосованием.

Результаты анализа позволили сделать вывод о том, что политика региональных властей Каталонии, направленная на расширение политических полномочий, представляет собой волнообразную кривую; нарастание требований расширения полномочий со стороны Каталонии совпадает с пиками эскалации сепаратистских настроений в регионе; в свою очередь, жесткие меры и политика централизации испанских властей ведут к уступкам Каталонии, спаду радикальных требований и как следствие к снижению уровня сепаратизма в регионе.

Было выделено шесть хронологических этапов. К пикам конфликтной напряженности между центром и регионом следует отнести периоды принятия каталонским парламентом декларации о суверенитете каталонской нации и подготовки к проведению референдума о независимости. Периодом спада конфронтационной напряженности можно считать уступку каталонских властей и проведение консультативного голосования вместо полноценного референдума о независимости. Динамика кривой в данном случае определяет стратегии региональных политических игроков. Позиция испанских властей остается неизменной, основное положение аргументации центральных властей в диалоге с регионом — это политика централизации с целью сохранения территориальной целостности и политического единства испанского государства.

В заключение важно отметить, что сепаратистские стремления зачастую намеренно конструируются региональной властью среди населения с целью усиления давления на центр. В то же время в случае неблагоприятной политической конъюнктуры, жесткой позиции центра либо вмешательства внутренних факторов региональная элита готова ослабить свои радикальные требования и пойти на уступки центральной власти, так как издержки от политики жесткой конфронтации будут намного больше, чем издержки «отступления».

Сепаратизм и возможность отделения от Испании является удобной картой, разыгрывать которую возможно в любое время в зависимости от изменения политической ситуации, сильной или слабой позиции центра.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ЛОББИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Сегодня, когда официально признан крах «Вашингтонского консенсуса», все большее значение приобретает проведение активной экономической политики, что в современных условиях глобальной экономики предполагает использование самых разнообразных инструментов экономической политики¹.

В развитых государствах стала более тесной связь между экономическими и государственными структурами. Так, законодательной властью формируется то поле, в котором взаимодействуют экономические «игроки», а последние, в свою очередь, влияют на процесс формирования власти «правил игры». Совокупность специфических каналов и механизмов воздействия партикулярных интересов на процессы выработки и реализации государственной политики на сегодняшний день представляет собой отдельный социально-политический институт — лоббизм².

Лоббистскую деятельность групп интересов вполне можно назвать инструментом взаимосвязи экономики и политики. Согласно Л. Е. Ильичевой³, задача цивилизационного лоббизма — это корректировка деятельности органов власти в соответствии с динамикой интересов важнейших организаций и корпораций, определяющих экономическое развитие страны.

Задача государства состоит в том, чтобы разумно и успешно реализовать, направить экономическую политику, принимая во внимание информацию о соотношении сил, сфер влияния, интересов различных организаций на рынке и т.д. Способом получения необходимой для этого достоверной информации и являются лоббистские каналы, к сожалению, преимущественно неформальные или полуформальные в России.

В связи с тем что лоббистская деятельность отраслевых предприятий и компаний в стремлении получить экономические дивиденды порой про-

¹ Глобализация и прорывное позиционирование / Под ред. В. Ю. Пашкуса, Н. М. Старобинской. СПб.: КультИнформПресс, 2013. С. 9.

² Павроз А. В. Группы интересов и лоббизм в политике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 87.

³ Ильичева Л. Е. К проблеме институционализации лоббизма в современном российском обществе // Бизнес и власть в современной России: теория и практика взаимодействия. М.: Изд-во РАГС, 2010.

тиворечит экономической политике государства, правительство стремится эту деятельность ограничить.

Так, например, в поручении Дмитрия Медведева по обеспечению реализации президентского указа «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы» содержится положение о том, что министерства и ведомства должны до декабря 2014 г. внести в Правительство РФ предложения о нормативном закреплении за федеральными органами исполнительной власти функций по реализации мер, направленных на внедрение в практику института лоббизма. Указ Президента РФ от 11 апреля 2014 г. предусматривает создание правовой основы лоббистской деятельности граждан и организаций¹.

На сегодняшний день политическая и экономическая обстановка в России заявляет о необходимости правового регулирования лоббистской деятельности для противодействия коррупции, сведения к минимуму последствий воздействия на власть криминальных структур, обеспечения условий для цивилизованной свободной конкуренции, установления «прозрачности» отношений между государством и группами интересов, а также реализации экономической политики страны.

Правовое регулирование лоббизма обеспечивает выполнение главного правила эффективной лоббистской деятельности, положительно влияющей на общество, — четкого разделения субъекта лоббирования, объекта и посредника.

Законный лоббизм предстает связью между звеньями государственной системы, оттягивает часть финансовых ресурсов от криминального влияния на власть, может применяться как средство экономического стимулирования, является важным инструментом самоорганизации делового сообщества. Также он создает возможности для обеспечения интересов предпринимательского меньшинства, позволяет расширить информационную и организационную базу принимаемых государством решений и, как следствие, обратить внимание на важнейшие экономические проблемы, может быть средством достижения компромисса, способом взаимного уравнивания и примирения различных групп интересов².

Таким образом, легализованный лоббизм способствует расширению возможностей как нормотворческих структур, так и представителей бизнеса и промышленности. Он позволит законодательным органам в полной мере видеть необходимость принятия или корректировки тех или иных законов и правовых норм, чтобы задать курс экономической политики для успешного развития экономики государства в целом.

¹ Правительство РФ до 1 декабря подготовит предложения по внедрению института лоббизма (2014). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://commerce.1prime.ru/news/0/%7B5CC662AC-D9E6-11E3-9FCA-C1DE04245505%7D.uif>.

² Берлин А. Д. Корпоративный лоббизм: Теория и практика / А. Д. Берлин, Г. Э. Григор. М.: Издат. дом Междунар. ун-та в Москве, 2005. С. 18–21.

ВЫСШАЯ ШКОЛА В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В современном информационном обществе принципиально меняется роль знания и образования в целом. В связи с этим Ф. Уэбстер отмечает: «Если приглядеться внимательнее к политике, можно увидеть, что именно теоретическое знание лежит в основе многих политических решений»¹. Существенную роль в этом явлении занимает высшая школа. Более того, по мнению некоторых ученых, она может выступать источником модернизации политических режимов. В частности, А. А. Аузан утверждает, что «...университет имеет возможность осуществлять культурный сдвиг, ...то, что происходит сейчас с нынешним поколением студентов, — это то, что через 15 лет будет происходить со страной, если вы производите элиты»².

Предположительно высшая школа изменяет ценностные ориентации людей, а они, в свою очередь, могут способствовать модернизации политического режима. Р. Инглхарт выяснил, что «между “ценностями самовыражения” и последующими показателями уровня демократии существует более сильная корреляция, чем между этими ценностями и предшествующим уровнем демократии. Таким образом, именно ценности человека оказывают решающее воздействие на процесс политической модернизации»³. В данном докладе мы рассматриваем влияние высшего образования на уровень этнической толерантности молодежи. Мы прослеживаем корреляцию, установленную Р. Инглхартом, по уровню этической толерантности, как составного элемента «ценностей самовыражения». Среди исследователей бытует мнение, согласно которому студенческая молодежь более толерантно относится к представителям других этносов, чем нестуденческая. Для подтверждения выдвинутых положений использовались социологические материалы международного проекта Р. Инглхарта «Всемирный опрос ценностей». Критерием выборки исследования выступила работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка», в ней автор выделяет «стержневые страны», или государства-лидеры в существующих цивилизациях: в западной — США, Германия, Швеция,

¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 39.

² Аузан А. А. Эффект колеи // Постнаука. 31.10.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://postnauka.ru/longreads/35754>.

³ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 264.

в православной — Россия, в японской — Япония, в китайской — Китай, в индийской — Индия, в исламской цивилизации нами был выбран Иран (так как С. Хантингтон рассматривает несколько претендентов)¹. В свою очередь, наличие и качество высшего образования рассчитываются с помощью индекса человеческого развития потенциала ООН (далее — ИЧРП). По данным ИЧРП 2014 г., США, Германия, Швеция, Япония являются лидерами в области оказания образовательных услуг. В аутсайдерах же расположились Россия, Иран, Китай, Индия². Для установления уровня этнической толерантности потребовалась методика Всемирного опроса ценностей. На основе ответов на вопросы об отношении к другим нациям и этносам был построен график общих трендов всех государств для людей с высшим образованием и для людей без высшего образования. График убедительно демонстрирует, что люди с высшим образованием этнически более толерантны, чем не имеющие его.

Результатом исследования стало построение культурной карты по методике Р. Инглхарта. В данном случае она демонстрирует зависимость между уровнем толерантности, высшим образованием и «ценностями самовыражения». Выяснилось, что для людей с высшим образованием более характерны «ценности самовыражения» (во всех странах), они в большей степени заинтересованы в демократизации, чем люди без высшего образования. Следовательно, люди с высшим образованием этнически более толерантны и более демократичны. Таким образом, утверждение, согласно которому «высшая школа осуществляет культурный сдвиг» и впоследствии может привести к политической трансформации режима, подтверждается Всемирным опросом ценностей.

Ю. Ф. Калимуллина
Казань

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА

Многими исследователями подтвержден тот факт, что концепция «деидеологизации» была ошибочной, напротив, мы являемся свидетелями процесса «реидеологизации». Современные идеологии видоиз-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

² Индекс развития человеческого потенциала. Гуманитарная энциклопедия. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>.

меняются, а значит, противостояние стран не прекратилось, ибо все еще существует противоборство мировоззрений, ценностей, установок, принявшее лишь иные формы.

Именно такие условия превращают привычно мирные институты, какими являются средства массовой коммуникации, в оружие войн нового поколения. Можно сказать, что теперь государства противостоят друг другу еще и в виртуальном пространстве. Из этого следует то, что главными становятся образы, существующие в сознании людей, те представления и стереотипы, которые просто подаются в нужных формах, пропорциях и под нужными «этикетками», суть, скрытая за всем этим, остается вне поля зрения.

Когда мы говорим о сознании людей, то в первую очередь имеем в виду общественное мнение. Его изучение и анализ крайне важны при выстраивании грамотной политики.

Индивид или социальная группа получают информационные сообщения чаще всего из новостных источников, т.е. из средств массовой информации. Здесь важную роль играет комментарий (например, ведущего новостей), сопутствующий сообщению, так как он является не чем иным, как манипуляцией, при помощи которой в сознании индивидов и социальных групп формируются необходимые стереотипы и образы, создается определенное впечатление о ситуации.

В целом вовлечение журналистики в политические дела рассматривается как целый комплекс явлений, называемый медиакратией.

Традиционная схема медиакратического состоит из трех основных элементов: 1) политического поля, 2) журналистики и 3) аудитории СМИ¹. Выделяют два доминирующих подхода к понятию «медиакратия».

Первый подход, называемый этимологическим, интерпретирует медиакратию как власть СМИ. В его рамках схема «коммуникатор—канал—аудитория» сокращается до двух элементов: СМИ, рассматриваемое в качестве социального актора, и аудитория СМИ. Практика показывает, что данная теория верна и имеет право на существование.

Это подтверждается, во-первых, усилением концентрации и монополизации СМИ, ростом влияния медиаслужб как на политическую сферу, так и на медиаконтент, а вместе с ним и на восприятие аудитории, а во-вторых, высоким уровнем доверия к СМИ. Это говорит о высоком уровне манипулятивности населения и влияния медиаресурсов.

На фоне повышающегося воздействия СМИ влияние политических институтов на формирование политики сокращается в разы, а значит,

¹ См.: Бодрунова С. С. Медиакратия: атлантические подходы к определению термина. Медиафилософия II. Границы дисциплины. / Под редакцией В. В. Савчука, М. А. Степанова. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2009. С. 91.

СМИ признается независимым и наиболее важным актором в публичной сфере.

Сторонники другого подхода — «маркетинговой» теории медиакратии — считают, что СМИ не обладают настолько большой властью в обществе, их влияние крайне ограничено, происходит их инструментализация.

Одно лишь неизменно — аудитория СМИ остается пассивным пользователем в обоих случаях. Поэтому многие исследователи задаются вопросом о возможности наступления медиадемократии.

Ошибочно полагать, что информационное противостояние между государствами возникло лишь с появлением высоких технологий. Генезис такого противостояния происходил на основе развития информационных носителей. Исходя из этого условно можно выделить четыре этапа в развитии информационно-психологической войны: вербальный, бумажный, технический и телекоммуникационный¹. В результате прогресса стало возможным скрыто управлять большими массами людей и влиять на их восприятие. Это повлекло за собой разработку и дальнейшую реализацию стратегий информационных войн.

Такой вид войн в основном реализуется через тайные информационные операции, зародившиеся еще в древности в виде отдельных действий по запугиванию и дезинформации врага. С течением времени они были преобразованы в неотъемлемый элемент внешней политики. Россия не раз успешно противостояла таким действиям, более того, проводила собственные операции, обеспечивая себе уверенные позиции на мировой арене.

Стоит отметить, что в современных информационных войнах большое внимание уделяется не столько техническому, сколько психологическому и организационному аспектам².

Таким образом, СМИ стали играть слишком большую роль, чтобы не учитывать их влияние на мировую политику. Именно от них зависит, станет ли та или иная политическая акция, то или иное политическое решение, действие успешным или потерпит фиаско. Этот важнейший факт должен быть осознан и всегда учтен при планировании дальнейшей политики. Работа по формированию позитивного политического имиджа государства, правительства и президента должна привлечь особое внимание руководства страны.

¹ См.: Фролов Д. Б. Информационная война: эволюция форм, средств и методов // Социология власти. 2005. № 5. С. 121–146.

² См.: Там же.

Н. С. Ковыляева
Пермь

КОНСОЦИАТИВНАЯ ТЕОРИЯ А. ЛЕЙПХАРТА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В процессе изучения проблемы, поставленной в исследовании, нам удалось выявить базовые принципы лейпхартовской теории и ключевые политические институты, которые, по его мнению, способствуют снижению степени конфликтности в этнически гетерогенных сообществах. Такими институтами являются пропорциональная система выборов, принадлежность исполнительной власти парламенту, федеративное устройство, наличие автономного статуса у группы. Именно фактор наличия/отсутствия данных политических институтов стал определяющим при выявлении вероятности возникновения этнического насилия (*ethnic violence*).

В среде исследователей способов управления этническими конфликтами существует множество подходов, которые удалось обнаружить в процессе поиска информации, однако ни один из них не признан универсальным. Кроме работ А. Лейпхарта, были рассмотрены работы и статьи таких исследователей, как Д. Горовитц, Т. Р. Гурр, Б. Берри, Ф. Кохэн, Дж. Фокс, Я. Тир, Дж. Линц, Б. Райли, А. Виммер, С. Вольф, Дж. Селвей и Х. Темплманн, где критикуется консоциативная теория и предлагаются альтернативные подходы к этническому менеджменту. Некоторыми из этих ученых были проведены подобные исследования, основной целью которых также являлась проверка политических институтов модели Лейпхарта. Однако эмпирический материал отличался, так как был собран из иных баз данных и имел иные критерии для выборки. Выводы, к которым пришли исследователи после эмпирической проверки, схожи с некоторыми выводами проведенного исследования.

В качестве единиц сравнительного анализа были рассмотрены страны с этническими меньшинствами, где существует пропорциональная система выборов. Ввиду наличия таких рамок исследование не может дать конкретные рекомендации относительно эффективности тех или иных политических институтов — лишь выводы эмпирической проверки эффективности/неэффективности политических институтов по модели Лейпхарта, где за базовый принцип взят пропорционализм. Кроме того, важно отметить, что базы данных *Minorities At Risk*¹ и *Democracy Crossnational Data*²,

¹ Сайт Minorities At Risk Data. URL: <http://www.cidcm.umd.edu/mar>.

² Сайт Pippa Norris Data. URL: <http://www.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Data/Data.htm>.

ставшие основными источниками для работы, были составлены соответственно в 2006 и 2009 гг., а консоциативная модель Лейпхарта как инструмент регулирования этнических конфликтов была разработана в 80-х годах XX в., что также не позволяет делать однозначные выводы ввиду темпорального фактора.

Эмпирическая проверка консоциативной теории Лейпхарта посредством порядкового регрессионного анализа базы данных, представленной 80 случаями, показала, что не все политические институты, предложенные им в рамках модели *power-sharing*, способствуют снижению вероятности наступления этнического конфликта в форме протестов или восстаний. Наиболее эффективным инструментом при этом оказывается предоставление автономии сегментам, причем автономия по Лейпхарту подразумевает автономию внутри федерации, хотя в базе данных MAR автономией считается наличие у группы собственного административного центра (контроль за политическими и бюрократическими структурами в автономном регионе) без указания на необходимость федеративного устройства. Как показала эмпирическая проверка, форма территориально-государственного устройства не оказывает значительного влияния на успех, несмотря на рекомендации Лейпхарта относительно эффективности федеративной модели, что также подтверждают наши предыдущие выводы относительно автономии.

Доводы в пользу парламентаризма также не оказываются подкрепленными практическими результатами: во всех уравнениях (после проведения регрессионного анализа), несмотря на невысокую статистическую значимость, президентская или смешанная система управления оказываются более эффективными при регулировании этнического конфликта. В рассмотренных статьях других исследователей также сделаны подобные выводы относительно неэффективности парламентской формы правления при снижении уровня насилия в странах с многосоставными сообществами.

Далее также следует отметить, что рассмотрение этнического конфликта на различных уровнях — протесты и восстания (*low-level* и *high-level conflicts*) — дает неодинаковые результаты. Здесь нужно иметь в виду, что протесты и восстания отличаются по многим критериям: составу и количеству участников, степени организованности, сценарию событий, наличию/отсутствию вооруженных группировок, поддержке внешних акторов и т.д. При проведении регрессионного анализа мы не стали включать в качестве независимых переменных меры властей по подавлению протестов и восстаний, которые также могут иметь влияние на конечный результат. Основной причиной являются различные методы оценки действия властей в MAR, по которым были закодированы переменные.

М. С. Кожевникова
Санкт-Петербург

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ GR-СТРУКТУРЫ КОМПАНИИ «БАЛТИКА»

Сегодня практически во всех странах развитие коммуникационных технологий ведет к стремительному росту числа взаимодействующих, а граждане все активнее стремятся формировать политическую повестку, диалог государства и гражданского общества становится более открытым и более конфликтным. Под посредничеством в данной статье мы будем понимать действия третьей стороны (индивидуума или организации) с целью достижения компромисса между сторонами по отдельному вопросу, где интерес окончательного решения выше, чем удовлетворение собственных интересов посредника. Такое участие, достижение двустороннего взаимодействия общественных и государственных структур подразумевает открытость власти по отношению к обществу, а также наличие разнообразных институтов посредничества (медиаторов), которые способствуют реализации такого взаимодействия через конкретные практики участия. С позиций разных подходов к институтам-медиаторам (в широком смысле слова) относят СМИ (*media*), политические партии и т.д. Но наряду с ними существует и ряд специфических (профильных) институтов посредничества, к их числу можно отнести институт Уполномоченного по правам человека (омбудсмана), структуры, известные под названием «Фабрики мысли», общественные советы и общественные палаты и консультативные советы различного уровня (Сунгуров, 2012). Одним из новых примеров институтов посредничества выступают, на наш взгляд, развивающиеся сейчас GR-структуры. GR (*Government relations*) представляет собой деятельность по выстраиванию отношений между различными общественными группами (бизнес-структурами, профессиональными союзами, добровольческими организациями и пр.) и государственной властью. Эта деятельность подразумевает: сбор и обработку информации о деятельности правительства, подготовку и распространение информации о позициях представляемых групп, согласование интересов, предотвращение конфликтов и влияние на процессы принятия политических и административных решений, что привлекает к ней пристальное внимание со стороны специалистов в области управления и политологов (GR-связи..., 2012).

В качестве примера в работе анализируются основные механизмы взаимодействия между органами власти и бизнеса в пивоваренной отрасли,

на региональном уровне путем изучения практик взаимодействия ОАО «Пивоваренная компания “Балтика”» и органов государственной власти Санкт-Петербурга. Современный запрет на рекламу алкогольной продукции еще более ужесточился, и это подталкивает компании находить различные решения для того, чтобы не выпасть из информационного поля.

В качестве примера совместной работы PR- и GR-подразделений данной компании можно привести активность компании на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ).

На федеральном уровне компания «Балтика» действует в рамках общественной организации «Союз российских пивоваров», в состав которой входит на сегодняшний день 44 компании, которые производят около 90% продукции, реализуемой на рынках страны. «Союз» ведет обширную аналитическую работу, на сайте публикуются квартальные отчеты, отражающие ситуацию в пивоваренной отрасли, компании — производители пивоваренной продукции действительно более эффективно ведут диалог с представителями органов государственной власти, когда действуют сообща, разделяя ответственность между членами «Союза». Он отстаивает свои интересы по данному вопросу, привлекая к проблеме другие общественные организации, занимающиеся вопросами бизнеса. Одной из отличительных особенностей пивоваренной отрасли является более открытый диалог с органами государственной власти. В большинстве случаев представители отрасли действуют с помощью законных способов отстаивания своих интересов (отчасти это связано с тем, что в отличие от производства крепких алкогольных напитков подделка пива нецелесообразна).

Если мы рассмотрим проекты корпоративной социальной ответственности с точки зрения инструмента GR взаимодействия в пивоваренной отрасли, то увидим, что данные проекты в действительности направлены на поддержание проводимой политики государства, а также что они служат информационным поводом, что опять же направлено на продвижение компаний. Так, например, компания «Балтика» уже несколько лет успешно реализует проект «Пивной дозор», суть которого заключается в пресечении нарушений, связанных с продажей пива и пивных напитков несовершеннолетним. Компания также реализует ряд экологических проектов (проект «Семь рек», направленный на очищение прибрежных районов). Фактически у компаний пивоваренной отрасли есть большое количество инструментов взаимодействия с органами государственной власти, которые не носят теневых характера. Но пивоваренный кластер на данный момент имеет большое количество проблем, связанных с законодательными ограничениями, введенными за последнее время. Компании не могут вести проактивную работу по всем направлениям самостоятельно, это способствует формированию сети. За счет коллективных усилий они могут отстаивать свои интересы на федеральном уровне, что касается взаимодей-

ствия на региональном уровне, то здесь можно отметить частные интеракции, которые носят персонализированный характер.

Настоящее исследование подтверждает, что в управлении процессами публичной политики в современной России «правила игры» по-прежнему устанавливает государство, однако в силу достаточной открытости процесса принятия решения бизнес имеет возможность оказывать влияние на принятие тех или иных законодательных инициатив или же подстроиться, что зависит в первую очередь от экономических и стратегических интересов компании. В связи с этим можно сказать, что координационные механизмы в действительности начинают работать только тогда, когда у компаний-производителей есть необходимость отстаивать свои интересы и вести диалог для снижения рисков. Безусловно, российским компаниям необходимо разрабатывать проактивные стратегии взаимодействия (участвовать в формировании повестки дня) для предотвращения введения нежелательных ограничений, однако большинство применяемых стратегий являются реактивными (реакция на активность государства), что связано с недостаточностью ресурсов и опыта легальной коммуникации. GR-деятельность (*Government relations*) как в чистом виде коммуникационное явление, основанное на оказании воздействия и договоренностях, занимает особое место, ее активность направлена на минимизацию рисков и конфликтов интересов любыми доступными (легальными) инструментами.

Изучив характер взаимодействия между бизнесом и органами государственной власти, инструменты, которыми пользуются компании, можно говорить об изменениях политико-управленческого режима и его возможном переходе от иерархического режима к координационному (появление многоуровневых взаимосвязей, возможность негосударственных структур повлиять на выработку решений). Важность изучения взаимодействия заключается в том, что для координационного режима важными факторами являются взаимовыгодный интерес сторон, а также двустороннее доверие.

А. А. Кондратьева
Москва

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

За последние 20 лет на постсоветском пространстве сложилась очень сложная и во многом противоречивая структура интеграционных проектов и объединений. Неоднозначность целей и взглядов на развитие стран региона, которые участвуют в процессах экономической и военно-политической интеграции, часто провоцирует кризисы в отношениях между

государствами-партнерами. Среди интеграционных проектов доминируют те, которые были созданы по инициативе и при лидирующей роли России — ЕврАзЭС, проекты Таможенного союза и Единого экономического пространства, ОДКБ, Союзное государство России и Белоруссии. В то же самое время значительное влияние на ход интеграции оказывают такие объединения, как СНГ и ШОС. Запад тоже предлагает свои проекты интеграции. К примеру, Европейский союз продвигает такую программу, как «Восточное партнерство», а НАТО — «Партнерство ради мира».

Хотя Россия является привлекательным и приоритетным партнером, она теряет роль главного интеграционного центра. Причина, по которой России сложно привлечь к интеграционным проектам как можно больше стран, — отсутствие единой четко сформулированной идеи, объединяющей партнеров. Основой, которую предлагает Москва партнерам, является набор общих интересов. Только в 2013 г. российский президент продекларировал консервативные ценности в качестве важных принципов российской политики.

ЕС, как источник модернизационных процессов, а также имеющий популярный имидж модели, обеспечивающей граждан в социально-экономической, гуманитарной и политической сферах, является привлекательным центром для постсоветских стран. Во многом положительный имидж обеспечивает идеологический аспект Союза, который на первое место как во внутренней политике, так и в отношениях с третьими странами ставит гуманитарные права и демократические принципы, а также мирное сосуществование¹.

Но остаются сферы, в которых постсоветские страны предпочитают Россию странам ЕС. К примеру, это борьба с радикальными группировками, поддержание режима. Данная привлекательность заключается в том, что РФ не требует взамен соответствия демократическим критериям.

Во многих странах СНГ общество сильно разделено по вопросу выбора интеграционного центра. Там, где элиты лоббируют идею интеграции с ЕС, а общество оказывает сопротивление, возникает потенциал внутреннего конфликта. Страны, где ориентация политических элит и общества расходится (Молдавия, Украина) или не хватает консенсуса внутри элиты (Белоруссия), являются местом потенциальной конкуренции соседних центров притягивания.

Россия чаще всего в отличие от ЕС прибегает к «жестким» мерам в отношении стран СНГ — таким как отказ от предоставления дешевых энергетических ресурсов, политической поддержки и т.п. Эти меры эффек-

¹ Сидорова Н. Нужно ли России СНГ? // Э. Галумов (отв. ред.) Проблемы развития и реформирования СНГ. Экспертный анализ по материалам круглого стола. Институт актуальных международных проблем. Дипломатическая академия МИД РФ. М., 2007.

тивны в отношении стран со слабой экономикой (Белоруссия, Киргизия, Украина, Молдавия), а также с авторитарными режимами, где при сильной центральной власти отсутствуют рычаги контроля над ней (Узбекистан). Но эффективность данных инструментов крайне краткосрочна, тогда как другие постсоветские страны желают интегрироваться с ЕС, где им предлагают долгосрочную помощь.

Стратегия ЕС направлена на совместную работу с РФ на территории СНГ, но также происходят попытки замещения России как центра международного управления. Россия старается отвечать на данные инициативы, предлагая в качестве альтернативы другие интеграционные проекты либо же блокируя расширение ЕС на Восток, поддерживая образование де-факто государств. К сожалению, отсутствие полноценного сотрудничества на постсоветском пространстве между Россией и ЕС тормозит решение конфликтов и развитие стран, которые в нем нуждаются.

А. Ю. Красноперов
Югра

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Идеи электронной демократии развиваются стремительными темпами, переставая быть просто идеями и перерождаясь в амбициозные проекты. В своих предыдущих работах я изучал специфику электронной демократии, ее течений, разбирал российские реалии и анализировал существующие проекты. По итогам этой работы здесь собраны основные коммуникативные проблемы, препятствующие реализации идей электронной демократии. Перечень не является исчерпывающим, однако он включает наиболее существенные аспекты.

Начнем с того, что я называю эффектом мнимой легитимации. Его суть сводится к тому, что лидер виртуального сообщества может продвигать от имени сообщества интересы и идеи, не разделяемые всеми членами или даже большинством. Лидер при этом апеллирует к численности группы. В этом смысле можно поспорить со словами Ю. Хабермаса о том, что электронная революция в СМИ может «уничтожить сцену для элитарных выступлений тщеславных интеллектуалов»¹.

¹ Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала? // Неприкосновенный запас. 2006. № 3 (47). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2.html>.

Еще одна проблема становится очевидной, если применить теорию Хиршмена о «входе» и «голосе»¹. Мы увидим, что виртуальные объединения не отличаются прочностью взаимосвязей своих членов. Схожей точки зрения придерживается О. Яррен, который считает несостоятельным тезис о коммунитарной форме электронной демократии в силу невозможности создать такое виртуальное сообщество, где намерения индивидов были бы ограничены в интересах достижения общей цели².

Важной проблемой можно считать то, что Интернет не стимулирует граждан проявлять политическую активность. Во многом стоит согласиться с И. А. Бронниковым в том, что «Интернет лишь создает виртуальную среду, некую форму для интерактивного общения граждан, при этом не вовлекая автоматически абсентеистов в политический процесс»³. Таким образом, если предположить, что сегодня электронная демократия станет реальностью, то подавляющая часть граждан не будет проявлять предполагаемого гражданского участия. Подтверждение тому дают нам исследования В. Ноймана. Он сделал вывод, что информатизация американского общества не только не повысила гражданскую активность, но и способствовала ее снижению⁴.

Далее, виртуализация политического процесса отрывает участника электронной демократии от непосредственного контакта с существующими политическими реалиями. Возникает угроза, что политические представления будут создаваться преимущественно под воздействием СМИ, так как все пользователи Интернета, которым предоставляется право принимать решение по тому или иному вопросу, не могут быть в достаточной мере осведомлены о его содержании.

Стоит принять во внимание сложность реализации электронной демократии на территории всей страны, которая является Федерацией. Как, например, принять решение о выделении денег репрессивному региону, если жители остальной части страны (подавляющая часть граждан РФ) будут выступать против? Это актуально также для внешней политики.

Без ответа остается вопрос о контроле за изменением программно-кода, об обработке потока информационных данных, идентификации

¹ Галстон У. Влияние Интернета на гражданскую жизнь: первая оценка // Интернет в общественной жизни. М.: Идея-Пресс, 2006. С. 79–80.

² Яррен О. Интернет — новые шансы для политической коммуникации? // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. статей и рефератов. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 64–65.

³ Бронников И. А. Политическая коммуникация и современность // ВВ: Вопросы права и политики. 2013. № 4. С. 84.

⁴ Быков И. А. «Электронная демократия» vs «электронное правительство»: концептуальное противостояние? // Политэкс: Политическая экспертиза: Альманах. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 74.

пользователей, безопасности системы (сбой в работе которой приведет к дестабилизации всего политического процесса).

Личностный фактор также имеет большое значение. Как планирует избежать цифровой неграмотности пользователей? Речь идет не только о неумении работать с компьютером, но и о непонимании принципа устройства глобальной сети, программ и гаджетов, знание которых необходимо для обеспечения безопасности и объективности. Как решать вопрос с кражей личных данных? Или их продажей иным лицам? И конечно же актуальной остается опасность кибератак, которые создают угрозу для электронной демократии как изнутри, так и извне, что ведет к резкому снижению стабильности государства как социального института.

Этот перечень можно продолжать. Но уже существующие данные говорят о том, что идеи электронной демократии значительно опережают готовность как общества, так и виртуальной среды к их осуществлению. Это не снимает вопрос о возможности реализации электронной демократии, однако предполагает иной подход к ее осуществлению.

Д. А. Круglyков
Москва

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ВЫХОДА ИЗ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (на примере политических идей И. А. Ильина)

Сегодня в непростых условиях духовно-нравственного кризиса, вызванного различными проблемами — как внешнеполитических, так и внутри страны, важнейшим условием возрождения нашей Родины является осознание народом и властью общенациональной идеи, целей и задач государственного развития. Сделать это невозможно без внимательного и уважительного отношения к литературному наследию И. А. Ильина.

Наша цель заключается в том, чтобы найти с помощью учения И. А. Ильина возможный вариант выхода из духовно-нравственного кризиса народа, составить некий алгоритм действий, который смог бы стать в трудное время цементом для укрепления в сознании общенациональной идеи. Несомненно, взгляды и опыт Ивана Ильина будут основным пластом для изучения и претворения в жизнь его актуальных и на сегодняшний день идей.

И. А. Ильин — великий гражданин России, ставший одним из тех мыслителей, чье творчество поистине бессмертно и адресовано нам с вами, нашим современникам и соотечественникам, всем тем, кому не безразлична судьба России.

Характеризуя закономерности развития европейской цивилизации, Иван Александрович справедливо отмечает, что «мы переживаем период, когда человечество еще не разочаровалось ни в формальной демократии, ни в право-левом тоталитаризме; когда одни наивно собираются лечить провалившийся тоталитаризм формальной демократией, а другие организуются для того, чтобы заменить формальную демократию правым или левым тоталитаризмом. Мы же настаиваем для России на третьем исходе и считаем его единственно верным»¹.

В труде «Пути духовного обновления» И. А. Ильин констатировал, что современный мир переживает глубокий кризис — религиозный, духовный, национальный, а в книге «Путь к очевидности» говорит о тотальности негативных процессов, захлестнувших мир². «Слово “кризис”, — пояснял И. А. Ильин, — есть первоначально слово греческое. Оно происходит от “крино”, что значит “сужу”. Кризис обозначает такое состояние человека, его души или тела, или дел и событий, в котором выступают скрытые силы и склонности». И далее философ отмечает, что эти силы развиваются, достигают той стадии, за которой начнется «или их преодоление и крушение, или же умирание того человека или того человеческого дела, которое было достигнуто кризисом»³.

Таким образом, для того чтобы преодолеть этот духовно-нравственный, морально-ценностный кризис, народу необходимо руководствоваться общенациональной идеей, которая приведет страну к национальному возрождению. Для достижения этой цели Ильин приводит «правильные пути», ведущие к национальному возрождению России.

1. Вера в Бога⁴.
2. Историческая преемственность.
3. Правосознание.
4. Духовный национализм (патриотизм как национализм).
5. Российская государственность.
6. Частная собственность.
7. Новый государственный слой.
8. Новый русский духовный характер и духовная культура.

¹ Ильин И. А. Что есть государство — корпорация или учреждение? / И. А. Ильин. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 1.

² Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.

³ Ильин И. А. Путь духовного обновления. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 43.

⁴ Там же.

Наличие вышеназванных правильных путей, выступающих как необходимые условия, важно для реализации последующих шагов по выходу из духовно-нравственного кризиса. Интересно, что политическая программа, написанная Ильиным полвека назад, и сегодня, как никогда, актуальна.

1. Сократить и остановить хаос.
2. Немедленно начать качественный отбор и продвижение на руководящие посты людей, выражающих надклассовые, общенародные интересы.
3. Наладить трудовой и производственный порядок.
4. Оборонить Россию от врагов и расхитителей.
5. Поставить Россию на ту дорогу, которая ведет к свободе, к росту правосознания, к государственному самоуправлению, величию и расцвету национальной культуры¹.

Таким образом, Ильин помогает нам понять, что главное, с чего нужно начать, — это совершенствование самих себя. В наше время очень важно обеспечить достойный уровень правовой и политической культуры граждан, молодого поколения, который будет сформирован с ранних лет благодаря правильному духовно-нравственному воспитанию, патриотизму, уважению к своей истории, культуре. Если не обеспечить этого, то сложно будет говорить о положительном восприятии и качественной реализации экономических и социальных реформ в стране, противодействии внешней угрозе, а также о негативном отношении к проникновению в наше общество отрицательных тенденций. Поэтому вклад Ильина трудно переоценить, поскольку он искренне переживал за Россию, любил ее и излагал в своих трудах поистине актуальные для сегодняшней трудной обстановки идеи.

О. А. Кузнецова
Новосибирск

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ФИЛЬМА «ГУД БАЙ, ЛЕНИН!» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГЕРМАНИИ

Падение Берлинской стены в 1989 г. и последовавшее вскоре за этим событием воссоединение Германии поставило немцев перед проблемой национального самоопределения, которая на сегодняшний день остается актуальной.

«Колонизация» восточных земель, проявлявшаяся, в частности, в культурной ассимиляции жителей новых земель, вызвала большой раскол на-

¹ Ильин И. А. О грядущей России. М., 1993. С. 169.

ции на западных и восточных немцев, чем он был при сосуществовании двух немецких государств.

В современном обществоведении утвердилась точка зрения, что коллективные идентичности существуют благодаря отделению одних людей от других при помощи определенных маркеров, показателей, т.е. благодаря противопоставлению коллективного «Мы» так называемым «Другим»¹. Соответственно в условиях отделения восточными и западными немцами друг друга посредством стереотипных личностных характеристик о внутреннем единстве нации не могло быть и речи.

На протяжении всего периода после воссоединения Германии главной задачей немецких интеллектуалов являлся поиск общегерманских топосов памяти, вокруг которых можно было бы сплотить народ, нацию.

Трудности в поиске общенациональной идеи обусловили разделение исследователей данной проблемы на две центральные группы: первые считали, что немецкая нация должна формироваться как гражданская, вторые настаивали на необходимости «народной нации»².

Фильм «Гуд бай, Ленин!» вскоре после показа стал объектом общественной дискуссии, исследование которой помогает разобраться в преобладающих тенденциях и взглядах на развитие единой немецкой идентичности среди населения объединенной Германии. Фильм представляет собой аллгорию, в которой раскол нации передается посредством раскола в отдельно взятой восточногерманской семье³.

Как в старых, так и в новых землях Германии фильм «Гуд бай, Ленин!» вызвал высокий интерес у публики и был принят преимущественно положительно, о чем, помимо высокого рейтинга на кинопорталах и одобрительных рецензий, говорит тот факт, что фильм был удостоен множества наград национального и международного уровней.

Цель фильма — показать зрителям, в первую очередь западным немцам, что «не все было плохо в ГДР» — была достигнута, что обусловило начало нового этапа в дебатах о том, на каких основах следует строить немецкую идентичность.

Многие немецкие интеллектуалы, видевшие в качестве главной преграды в процессе национальной интеграции стереотипы западных и восточных немцев, лежащие в основе их взаимного непонимания, признали фильм «Гуд бай, Ленин!» фактором, способным ускорить процесс достижения национального единства.

¹ *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 15.

² *Schmitz H.* Eigenart und Das Eigene. German Intellectuals in Search of a Concept of Nationhood and National Identity after Unification // *Debatte*. 1999. Vol. 6. № 2. P. 120.

³ *Jozwiak Joseph F.* The Wall in Our Minds? Colonization, Integration, and Nostalgia // *The Journal of Popular Culture*, 2006. Vol. 39. № 5. P. 790.

Большинством исследователей, занимающихся проблемой национальной интеграции Германии, был сделан вывод о необходимости постепенного отхода от идеи покаяния как стержня национальной идентичности, и перехода к поиску новой национальной идеи, к построению общенациональных исторических мифов, способных возродить гордость немцев за свою страну.

Несмотря на то что фильм «Гуд бай, Ленин!» сам по себе не является прямой пропагандой ГДР, не прославляет социалистическое прошлое Восточной Германии, он содержит в себе множество топосов памяти, которые оказались способны вызвать рост ностальгических настроений и воссоздать у восточных немцев позитивный образ их общего прошлого. В связи с этим некоторые исследователи стали говорить об особой восточногерманской идентичности, понимая под ней не этническую, связанную с общностью языка, религии или культуры, а идентичность, основанную на общегрупповой памяти и совместно пережитом опыте¹.

На основании результата опросов общественного мнения в ФРГ можно сделать вывод, что дистанция, существующая между представителями старых и новых федеральных земель, имеет ярко выраженную тенденцию к сокращению, а различия между ними переходят в ранг региональных.

Фильм «Гуд бай, Ленин!» обусловил появление тех тенденций в общественной дискуссии, которые оказали положительное воздействие на процесс национальной интеграции Германии. Существует надежда, что естественная смена поколений позволит сгладить остроту проблемы национальной интеграции представителей старых и новых федеральных земель ФРГ.

Г. И. Кутырев
Москва

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ В ЭПОХУ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Начиная с 1942 г. по мере поражений Германии и Италии² каудильо Н.Ф. Франко стал проводить политику сближения с союзниками по антигитлеровской коалиции. Его режим, основанный в первую очередь на

¹ *Oswald F.* Negotiating Identities: The Party of Democratic Socialism between East German Regionalism, German National Identity and European Integration // *Australian Journal of Politics and History*: Vol. 50. Number 1, 2004. P. 85.

² 30 сентября 1941 — 20 апреля 1942 г. фашистская Германия впервые во Второй мировой войне потерпела серьезное поражение в битве под Москвой; 23–24 октября 1942 г. Британская армия наносит поражение Германии и Италии в битве при Эль-Аламейне (Египет), принудив войска фашистского блока к беспорядочному отступлению через Ливию к восточной границе Туниса.

харизме и личности самого каудильо, а также на поддержке католической церкви и армии, никогда не следовал полностью ни доктрине фашизма в целом, ни фалангизму в частности.

Наличие множества институциональных столпов в основании режима позволяло ему «отбрасывать» ненужное и развивать более актуальные институты. Это давало возможность авторитарному режиму каудильо гибко отвечать на внешнеполитические вызовы поражений стран нацистского блока. Одним из таких ответов, выглядевших как жест в сторону союзников и начало процесса конституционных преобразований, был подписанный 17 июля 1942 г. закон «Об учреждении испанских кортесов» (изменен 9 марта 1946 г.).

Однако этот орган имел и внутривластное значение. Он должен был, во-первых, способствовать ослаблению влияния авторитарной партии Традиционной испанской фаланги и Хунт национал-синдикалистского наступления (ТИФ и ХОНС), а во-вторых, режим Франко дополнялся атрибутами средневековой испанской монархии. Но желаемой реакции одобрения со стороны западных стран не последовало — кортесы, созданные 9 марта 1943 г., являлись по существу законосовещательным органом.

К концу войны франкистскому правительству, как, впрочем, и его соседу — режиму «Нового государства» А. Салазара, придерживающегося нейтралитета, схватка между великими державами создавала острые проблемы, но и открывала новые возможности. Период недолгого сотрудничества между СССР и США в борьбе против стран «оси» закончился. За ним пришла эпоха затяжного противостояния двух сверхдержав за передел мира.

Надо сказать, что так называемый испанский вопрос, пик которого пришелся на 1944–1945 гг., когда на фоне Великой Победы над фашизмом возродился интерес к судьбе Испании, к началу 1950-х практически перестал существовать в качестве пункта международной повестки общеевропейских международных институтов.

По мнению отечественного историка А. А. Сагомоняна, это произошло в результате начала новой стадии холодной войны, когда реальная борьба с коммунизмом затмила собой новые проекты «революционной перестройки» мирового порядка «в духе всеобщего сотрудничества, равноправия и справедливости»¹, в то время как СССР к 1948 г. полностью «уходит» с Пиренейского полуострова. Еще одним важным показателем, по мнению А. А. Сагомоняна, было решение советского руководства о прекращении поддержки испанского партизанского движения.

Отношения между США и Испанией. В период конца 1947 — начала 1948 г. началось заметное «похолодание» в отношениях Восток—Запад, вызванное февральскими событиями в Чехословакии, что способствова-

ло дальнейшей эрозии системы международной блокады Испании. США с этого периода начали новую политическую линию, в которой предусматривалось не только улучшение экономико-политических отношений с Испанией, но и ее включение в новые международные и европейские организации при условии осуществления дальнейших перемен в экономике и политике страны с существующим правительством.

Таким образом, «проблема “избавления” от Ф. Франко была снята с повестки дня»¹. С этих пор стратегической целью Запада стала нормализация отношений с Испанией в рамках более всеобъемлющей цели — сплочения западноевропейских стран под покровительством США, проводивших политику «сдерживания коммунизма»².

С 1948 г. в Госдепе США становилось все больше сторонников укрепления двухсторонней связи с Испанией Ф. Франко, ее стали посещать американские парламентарии и военные. С начала переговоров о создании Североатлантического альянса признавалась стратегическая роль Испании, однако тогда возможность ее участия в организации была отвергнута³.

С приходом к власти администрации Д. Эйзенхауэра (1953–1961 гг.), придерживавшейся во внешней политике концепции «теории домино», и в связи с разжиганием Корейской войны (1950–1953 гг.), в период которой пришло осознание угрозы нового разрушительного военного конфликта, темп ведения переговоров о скорейшем включении Испании Ф. Франко в систему западной безопасности заметно ускорился.

Отношения между СССР и Испанией. После разгрома фашизма правительство СССР в условиях всеобщего возрождения интереса к судьбе Испании, по словам А. А. Сагомоняна, сочло «обстановку благоприятной для устранения Франко, т.е. фактического пересмотра гражданской войны»⁴.

Однако к началу 1947 г. стратегия помощи партизанской войне, организованной испанскими коммунистами, показала свою бесперспективность: 18 апреля 1947 г. вводится «Декрет-закон о бандитизме и терроризме» (*Bandidaje y Terrorismo*), ужесточающий репрессивные меры против

¹ Сагомонян А. А. Указ соч. С. 158.

² Впервые термин «сдерживание», впоследствии легший в основу теории домино, которой следовал Д. Эйзенхауэр, был использован советником посольства США в Москве Дж. Кеннаном. Так, касательно «испанского вопроса» Дж. Кеннан в своем докладе 3 марта 1946 г. изложил, исходя из предсказуемых перспектив холодной войны, основы политики СССР по отношению к Испании, целью которой было создание ситуации дестабилизации правительства Ф. Франко, чтобы помочь компартии Испании захватить инициативу в свои руки (что во многом соответствовало истине).

³ Испания вступит в НАТО лишь 30 мая 1982 г. после заявки, поданной Союзом демократического центра — партией, возглавляемой премьер-министром А. Суаресом (Union Centro Democrático).

⁴ Сагомонян А. А. Испанский узел холодной войны. М.: РОССПЭН, 2004. С. 114.

¹ См.: Сагомонян А. А. Испанский узел «холодной войны». М.: РОССПЭН, 2004.

герильясов; целенаправленно активизирующей действия партизан Коммунистической партии Испании (КПИ) не удалось снискать политических союзников в лице Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) и Национальной конфедерации труда (НКТ).

В августе 1948 г. в ходе личной беседы И. В. Сталина с руководителями КПИ Д. Ибаррури, С. Каррильо и Ф. Антону выяснилось, что советское руководство ставит точку в деле поддержки испанского партизанского движения.

Смерть И. В. Сталина, арест Л. П. Берии, приход к власти Н. С. Хрущева, разоблачение культа личности изменили психологическую и политическую атмосферу в СССР. В условиях «оттепели» создаются более благоприятные условия для поддержания торговых и экономических отношений с Испанией. Однако до 1970-х годов отношения Испании с Советским Союзом оставались на очень низком уровне. Окончательно дипломатические отношения между Испанией и СССР восстанавливаются в феврале 1977 г.

И. А. Латыпов
Архангельск

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (на примере молодежи города Архангельска)

События, которые происходят на Украине с ноября 2013 г., имеют очень большое значение для России. Украина и Россия являются не только географическими соседями, но и народами, которых связывает множество исторических и социокультурных ценностей. В связи с этим Россия не могла спокойно наблюдать за произошедшим государственным переворотом, гражданской войной и расколом государства, которые стали результатом майдановских выступлений. Россия должна была защищать собственные интересы на границах и способствовать мирному урегулированию кризиса, который привел к немалым политическим потрясениям. Средства массовой информации ярко освещали события, происходящие на Украине, и формировали определенное общественное мнение. Молодежь города Архангельска, у которой есть большой доступ к освещению событий на Украине — главным образом из газет, Интернета, радио и телевидения, а также обладающая представлением об Украине из истории и, возможно, личного опыта, имеет собственное мнение, которое формирует общественную оценку. Исходя из всех этих предпосылок следует

определить, каково общественное мнение молодежи города Архангельска по поводу политического кризиса на юго-востоке Украины и как молодежь оценивает эти события.

Для изучения общественного мнения молодежи города Архангельска был проведен анкетный опрос, который включал 23 вопроса. Объем выборки — 400 человек. Опрос проводился с 29 марта по 15 апреля 2015 г.

В ходе социологического исследования были получены следующие результаты:

53% опрошенных оценивают события «Евромайдана» как государственный переворот, 30% считают, что это акция, осуществленная спецслужбами США и Европы. То есть можно говорить, что это был государственный переворот с участием спецслужб США и Европы (11% — приход к власти нелегитимных лиц).

29% опрошенных считают, что большая зависимость от других государств и малая эффективность решения проблем правительством легли в основу начала событий «Евромайдана», 27% респондентов отметили, что виновата слабая политическая власть. Можно сказать, что основу событий «Евромайдана» составляют слабая политическая власть, которая не могла решить проблемы внутри общества, плохо развивала экономическую систему (10% респондентов), а также сильно зависела от других государств.

62% опрошенных оценивают политику России в отношении Украины как помощь братскому народу, дружественной стране, 20% оценивают как подчинение своим национальным интересам.

90% опрошенных против того, чтобы Россия пошла на уступки США и Европе для отмены санкций.

Отвечая на вопрос «Какие проблемы, по Вашему мнению, проявились в ходе политического кризиса на Украине?», 28% ответили — раздробленность государства и отсутствие как политических, так и экономических сил для восстановления государства. То есть слабая политическая власть (16% респондентов), которая, по мнению молодежи, не желает остановить войну на юго-востоке (18%). Можно сказать, что на Украине власть, которая, по мнению молодежи, не может или не хочет предотвратить войну и раздробленность государства в силу своей слабости и экономических проблем.

Украина должна сохраниться как единое государство с особым статусом Донецкой и Луганской областей, именно так должен разрешиться кризис на Украине, считают 46% опрошенных. 19% за то, чтобы Украина сохранилась как единое государство. 16% считают, что кризис должен разрешиться вхождением ДНР и ЛНР в состав России. Однако на вопрос «поддерживаете ли Вы вхождение ДНР и ЛНР в состав России?» 45% ответили «да» и 41% — «нет» (респонденты, которые были против, обосновали это тем, что присоединение ДНР и ЛНР создаст дополнительную нагрузку на бюджет), остальные затруднились ответить.

Что касается путей разрешения кризиса, то 45% считают, что нужно сменить нынешнюю политическую власть на Украине. 31% считает, что нужно сесть за стол переговоров и решить все дипломатическим путем.

Подводя итог вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

Слабая политическая власть, которая вела неграмотную политику, привела к возникновению «Евромайдана». В результате «Евромайдана» был осуществлен государственный переворот с участием спецслужб США и Евросоюза, который привел к власти нелегитимные лица. США и Евросоюз дестабилизируют ситуацию на границах России. Россия в свою очередь помогает Украине как братскому народу и защищает собственные интересы у своих границ. Молодежь Архангельска поддерживает политику России и не допускает уступок ради отмены санкций. Результатами политического кризиса на Украине стали раздробленность государства и отсутствие как политических, так и экономических сил для его восстановления. Украина должна сохраниться как единое государство с особым статусом Донецкой и Луганской областей. Все следует решить мирным способом, путем дипломатических переговоров, однако нынешняя украинская власть является неавторитетной и не способной к урегулированию ситуации.

В. С. Лебедев
Майкоп

ПОЛИТИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ: «ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ» КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ

Одним из вопросов, терзающих умы исследователей социальных процессов, является вопрос о соотношении религии и развития общества. Является ли религия фактором этого развития? Тормоз ли это социального прогресса, как считали многие теоретики Просвещения, или же спецификатор развития, как полагают многие сторонники цивилизационного подхода? Не претендуя на разрешение этого давнего спора, я предпочту обратить внимание на один из важных аспектов дискуссии. Речь пойдет о взаимодействии религиозной и политической сфер.

Одной из концептуальных основ теории секуляризации является тезис о том, что по мере общественного развития общество дифференцируется вдоль своих функциональных линий, появляются все более и более специфичные институты, а ранее единая ткань социальной жизни трансформируется в разделенные социальные сферы: политику, экономику, религию... В соответствии с данным утверждением в модернизированном обществе

религия приватизируется, становится элементом частной жизни индивида, существующего уже не в сакральном пространстве, а в секулярном, десакрализованном мире социального взаимодействия.

Однако теории секуляризации, прекрасно реализуясь в качестве объяснительной модели взаимодействия религии и политики в Европе, наталкиваются на определенные противоречия, когда речь заходит даже о США (где, несмотря на очевидную модернизацию, религиозность населения по-прежнему высока), не говоря уже о восточных странах и традиционных обществах. Религиозность и развитие, очевидно, оказываются связанными не напрямую, а опосредованно. В результате осмысления полученного в ходе XX в. эмпирического материала (например, революции в Иране, развития демократии в Индии и т.д.) возникает теория множественной современности Ш. Эйзенштадта, в которой модернизация как совокупность ряда принципов (светскость, научный прогресс, демократия), оказываясь на почве того или иного социума, интерпретируется различными способами, испытывая на себе «цивилизационный эффект». Однако, подчеркивая лишь уникальность каждого конкретного социума, мы утрачиваем возможность приращения научного знания через сравнительный анализ различных случаев взаимодействия религии и политики. Чтобы избежать данной ситуации, это воздействие необходимо теоретически осмыслить, формализовать. На мой взгляд, наиболее удобным понятием для такого осмысления является понятие «политизация религии», которое уже прижилось в политологическом лексиконе. Однако, используя данное понятие, значительная часть исследовательского сообщества отказывается от его концептуализации — так, будто содержание этого заранее известно и самоочевидно, что не соответствует действительности. Более того, правильно было бы сказать, что и «религия» как таковая сегодня не считается само собой разумеющимся понятием. С точки зрения многих исследователей, религия представляет собой лишь исследовательский конструкт, концепт, сконструированный для удобной работы с первичным материалом¹. И действительно, при научной работе с концептом «религия» и уж тем более ее политизацией не стоит увлекаться онтологизацией и эссенциализацией данных терминов.

На мой взгляд, методологически правильным при концептуализации понятия «политизация религии» было бы не отталкиваться сразу от эмпирической практики, а пойти от корней политической науки. В данном случае следовало бы задаться вопросом: «А что значит политизация чего-либо?» Вероятно, политизация происходит и наблюдается нами тогда, когда некоторое явление приобретает статус политического. Необходимо обратиться к теоретическому наследию К. Шмитта и его современному прочте-

¹ Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. №3. С. 12.

нию европейской исследовательницей Шанталь Муфф. Шмитт полагал, что политическое возникает тогда, когда возникает противоборство между группами «мы»—«они». Любые социальные явления могут стать политическими, т.е. потенциально способны быть основанием для разделения. Ш. Муфф подчеркивает, что важно различать политическое, как сферу перманентной социальной конфликтности, и политику, как совокупность институтов и практик, призванных ввести эту конфликтность в рамки, не приводящие к разрушению социума. Политизация, таким образом, является процессом фиксации того или иного явления в этой сфере. Подразумеваемая под религией система символов и практик, утверждающих мировосприятие, основанное на существовании сакральной реальности, первичной по отношению к профанному миру, мы отождествляем религиозное с «сакральным»¹. Политизация религии, таким образом, предстает взаимодействием политической и религиозной сфер, в котором религиозные феномены (символы, идеи и практики) оказываются наделенными политическим статусом, а политические — сакральным.

И. А. Левченко
Ярославль

МОДЕЛЬ МОБИЛИЗАЦИИ ГРАЖДАН В ПРОТЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Экономический кризис с невероятной силой ударил по гражданам Российской Федерации, взявшим ипотеку в иностранной валюте. Вследствие стремительной девальвации рубля ежемесячные платежи по кредитам превысили совокупный доход семей, взявших ипотеку, а остаток задолженности — рыночную стоимость жилья. В считанные месяцы проблема приобрела всероссийский масштаб, затронула не только Москву и Санкт-Петербург, но и регионы — от Владивостока до Калининграда.

Соглашаясь на долгосрочные кредитные обязательства, валютные заемщики выражали доверие государству, обещавшему экономическую и финансовую стабильность. Большинство заемщиков справилось с последствиями экономического кризиса 2008—2009 гг. Но кризис 2014 г. оказался настолько сильным для граждан РФ, взявших ипотеку в иностранной валюте, что обрек их на настоящее выживание. Это и послужило созданию «Всероссийского движения валютных заемщиков». В данной работе методами *case-study* и инвент-анализа я рассмотрел и выявил особенности дан-

ного движения. Одним из выводов исследования стала созданная модель мобилизации граждан в протестной активности, которую я выявил, изучая все протестные акции и деятельность данного движения.

Анализ «Всероссийского движения валютных заемщиков» позволил выявить механизм мобилизации граждан в протестной деятельности. Данная модель базируется на следующих факторах.

1. Четкая формулировка проблемы (Ф).
2. Количество ресурсов — денежные средства, технологии, время и пр. (Р).
3. Поддержка протестных акций населением и их огласка со стороны активистов, СМИ, экспертов, политиков и пр. (П).
4. Уровень коммуникации между участниками, их активность и принятие решений посредством социальных сетей, сайтов, телевидения и пр. (К).

Упрощая модель, предположим, что каждый фактор может принимать только два значения: «Низкая степень выраженности» и «Высокая степень выраженности».

По результатам исследования видно, что основной категорией, которая влияет на эффективность проводимых акций, является четкая формулировка проблемы (Ф). Именно высокая степень выраженности данной категории является элементом успеха всех исследуемых акций. Категория «формулировка» является главной. Даже при условии, если остальные факторы имеют показатели Р2, П2, К2, протестная активность будет иметь более низкую эффективность, если фактор «формулировка» имеет низкую степень выраженности. Но и только само наличие высокой степени выраженности у формулировки (Ф2) не дает максимальной эффективности мобилизации граждан. Поэтому формула $\Phi_2 + P_1 + P_2 + K_2$ является идеальной, увеличивающей вероятность достижения эффективной мобилизации в протестной активности. Важно отметить, что фактор «ресурсы» должен быть слабо выражен, т.е. иметь значение Р1. Высокая степень выраженности этого показателя влечет увеличение затрат ресурсов, а значит, и меньшую эффективность.

Фактор «коммуникация» также является одним из главных в условиях повышения эффективности мобилизации. Как показало исследование «Всероссийского движения валютных заемщиков», именно высокая степень коммуникации между гражданами посредством социальных сетей и электронных СМИ позволила создать масштабную организацию, а также координировать ее действия и акции по всей стране.

«Коммуникация» поставлена на второе по значимости место после «формулировки», так как факторы категории К влекут за собой появление и возрастание категории П. Посредством активной коммуникации круг лиц, принимающих участие в акции, начинает постепенно расти, т.е. К постоянно стремится к высокой степени выраженности (т.е. быть К2).

¹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: Антология. М., 1998. С. 216.

На фоне актуальности темы протестной акции и нарастания протестной активности создавался информационный повод, что привлекало еще больше граждан. В результате получается формула $\Phi + K \Rightarrow$ (ведет к тому, что P будет расти. Переменная P напрямую зависит от Φ и K : если они будут низкими, то и P не будет расти. Низкая степень выраженности у переменных Φ и K напрямую влияет на эффективность протестной акции, существенно ее понижая (например, малочисленные и малоуспешные акции в городах России).

Компонент «Ресурсы» напрямую зависит от совокупности и показателей предыдущих факторов (Φ , P , K). Однако стоит отметить, что P всегда стремится к росту: чем выше степень выраженности у P , тем ниже показатель эффективности. Поэтому основной задачей ставится минимизировать затраты ресурсов, а не полностью их убрать. Однако, как уже говорилось ранее, высокая степень выраженности у Φ и K влияет на эффективность больше, чем высокая степень выраженности P . Поэтому формула $\Phi^2 + P^2 + P^2 + K^2$ также будет иметь высокую степень эффективности.

*Д. С. Литвинов
Москва*

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА СРЕДНЕГО КЛАССА НА СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С 2004 г. в преддверии Всемирного экономического форума в Давосе публикуется Доклад о глобальных рисках, представляющий коллективный взгляд сотен экспертов на вызовы современного развития, отсортированные по вероятности наступления и уровню потенциально-го ущерба. Последние годы основной набор ожидаемых проблем остается стабильным: среди самых острых и вероятных называются изменение климата, ограниченность водных ресурсов, высокий уровень безработицы и фискальные кризисы государств. История, однако, показывает, что наиболее радикальные и повлиявшие на мир трансформации тяжело поддаются предсказаниям. В отчете за 2007 г. мы не найдем предсказаний мирового экономического кризиса, перенасыщенности финансового рынка и недостаточности регулирования, а в начале 2014 г. природные катастрофы и кибератаки, по мнению экспертов, представляли большую опасность, чем межгосударственные конфликты¹.

¹ Все доклады доступны по адресу: <http://www.weforum.org/reports>.

Представляется, что наиболее опасные кризисы заключаются в проблемах, которые остаются на обочине внимания мейнстрима международного экспертного сообщества. Николас Талеб предложил называть чрезвычайно редкие, но важные события со значительными последствиями «черными лебедями»: предсказать их появление предельно сложно, однако их влияние на существующую картину мира крайне велико.

Современная система международных отношений столкнулась с рядом структурных кризисов: речь идет не только о тривиальных дебатах о трансформации в многополярный мир, вопросах безопасности и перенаправления основных финансовых и экономических потоков, но и об изменении основных акторов МО. Ослабления и кризисы национальных государств в литературе по международным отношениям выделяются не один десяток лет — но что, если дело не в том, что государства уступили ведущую роль институтам, международным организациям и ТНК, но сами подвергаются кардинальной глобальной трансформации? На мой взгляд, эта трансформация — потенциальный «черный лебедь» международной политической стабильности, представляющий собой структурное «размывание» и кризис среднего класса — ключевой социальной структуры в современных демократических обществах.

Средний класс обеспечивает существующей экономической системе высокий уровень потребления и рабочие места, он в политическом контексте — основа демократии. Однако в современных развитых странах средний класс сталкивается со структурной проблемой безработицы: не работают традиционные пути технологического замещения. Выделим ключевые проблемы:

- технологический прогресс все больше не создает, а забирает новые рабочие места, возможности же расширить сферу услуг ограничены;
- финансовый сектор приводит к нестабильности, он естественно ограничен необходимостью иметь свободный капитал и не может создавать необходимое количество рабочих мест для среднего сектора;
- географическое расширение рынков практически закончилось; весь мир уже включен в мировое разделение труда; потенциал для экстернализации издержки и создания новых рабочих мест для среднего класса в глобальном масштабе остается только на Африканском континенте, но вопрос его включения связан с большим количеством рисков;
- государственное вмешательство требует все больше ресурсов и не способно создать необходимое количество рабочих мест, при всей технологизации государственной бюрократии ее эффективность ограничена;

- перепроизводство высококвалифицированных кадров и кризис системы образования негативно влияют на количество рабочих мест для среднего класса;
- доходы богатейших 10% населения в развитых странах последние 40 лет растут быстрее доходов как среднего класса, так и беднейших 10%, что расширяет, а не сокращает социальные кризисы.

Предполагаю, что возможные механизмы разрешения этих проблем радикальным образом трансформирует существование современных политических режимов, поскольку будут включать в себя полномасштабное перераспределение активов и состояний. Перечислим ряд узловых точек, по которым может произойти изменение системы.

— Реформация политических институтов и расширение доступа к экономическим ресурсам. Это возможно как за счет дальнейшей демократизации и создания механизмов распределения власти на большее количество групп интересов, так и, напротив, за счет тенденции к авторитаризму, что возьмет на себя еще большие функции распределителя ресурсов.

— Реактуализация «социалистической» идеологии с формированием соответствующего дискурса и появлением новых интеллектуальных центров.

— Отход от либеральной модели международной торговли и кризис глобальных систем управления, от МВФ до ООН, при этом потенциал региональных объединений остается высоким.

О. М. Литвишко
Эссенцуки

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Регionalное сотрудничество и интеграция являются одними из важнейших аспектов современных международных отношений. Государства склонны объединяться в региональные/субрегиональные структуры (организации, блоки, союзы и т.д.), чтобы повысить свою способность противостоять стремительно распространяющимся глобальным вызовам. Регионализм, или нисходящая интеграция, направлен на развитие сотрудничества в экономической, институциональной, оборонной и политической сферах. Его дополнением выступает восходящая интеграция, или регионализация, главным механизмом которой является не контролируемое государством экономическое и социальное взаимодействие негосударственных акторов в лице компаний, НГО, частных лиц и т.д.

Каспийский регион, будучи одним из важнейших регионов мира в силу геополитических и геоэкономических особенностей, не может оставаться в стороне от глобальных процессов. Специфика интеграционных процессов, складывающихся здесь сегодня, обусловлена рядом причин, главными из которых являются общие для постсоветского пространства проблемы выбора модели интеграции, а также специфические региональные проблемы, наиболее важными из которых являются следующие:

- 1) наличие значительных запасов углеводородов;
- 2) стратегическое положение на перекрестке торговых путей и маршрутов транспортировки углеводородов;
- 3) тесное переплетение интересов региональных и внерегиональных государств в энергетической области и в сфере международной безопасности;
- 4) присутствие в регионе интересов транснациональных корпораций и других негосударственных акторов — финансовых организаций, религиозных движений и неправительственных организаций;
- 5) наличие угроз внутреннего и внешнего порядка¹;
- 6) неурегулированный правовой статус Каспийского моря.

Государства региона, в частности бывшие союзные республики, достигли определенных успехов в интеграционных проектах разного уровня, став участниками ряда региональных организаций, созданных на постсоветском пространстве с целью перегруппировки некоторых республик (Содружество Независимых Государств, ГУАМ, Организация «Центрально-Азиатское сотрудничество», Евразийское экономическое сообщество, Организация Договора о коллективной безопасности). Это свидетельствует о том, что, несмотря на стремление постсоветских республик избавиться от наследия СССР, наиболее жизнеспособной является именно коллективная форма их существования, хотя и приобретая новые очертания под влиянием мировых процессов глобализации и регионализма.

Так, одной из моделей может быть модель создания внутрирегиональных интеграционных проектов без участия России, основой которых в каждом отдельном случае выступают экономические, этнорелигиозные, политические императивы. Так, например, турецкими властями рассматриваются перспективы экономической интеграции Турции, Азербайджана и Туркменистана в контексте реализации проекта Трансанатолийского трубопровода (TANAP), однако помимо исключительно экономических мотивов Турция заинтересована в продвижении идей пантюркизма с це-

¹ See: Allison R. Regional Threat Perceptions and Risks of Military Conflict // Auty R.M., De Soysa I. (eds.) Energy, Wealth and Governance in the Caucasus and Central Asia. Lessons Not Learned. N.Y.: Routledge, 2006. P. 198–215.

люю своего укрепления в роли лидера на тюркоязычном постсоветском пространстве¹.

Еще одной моделью является модель развития интеграции на основе культурной, этнической и религиозной идентичности. Так, например, культурно-гуманитарный и этнический факторы способствовали формированию успешного стратегического партнерства между Турцией и Азербайджаном. Однако двустороннее сотрудничество этих государств может быть дополнено многосторонними инициативами укрепления региональных проектов с привлечением других государств региона, например Ирана.

Необходимость региональной интеграции — это вопрос сотрудничества не только в нефтяной сфере. Большие перспективы для развития сотрудничества имеются в торговле, политике, культуре, безопасности. Полагаем, что многообещающая — модель региональной интеграции пяти прикаспийских государств на основе поиска общих интересов и перспектив партнерства в различных областях.

Проблемы развития интеграционных процессов в Каспийском регионе являются предметом открытых дискуссий на межгосударственных форумах, саммитах глав Каспийских государств, всероссийских и международных научных конференциях. Это свидетельствует о попытке найти ответы на стратегически важные вопросы в будущей траектории развития прикаспийских государств (или в рамках региональной интеграционной структуры, или же в формате других региональных объединений), о выборе концептуальных подходов и ключевых направлений реструктуризации межгосударственных объединений, выработке новых эффективных механизмов сотрудничества государств региона.

А. А. Маслова
Санкт-Петербург

ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Манипулирование политическим сознанием и поведением получило широкое распространение в XX в. в качестве одного из наиболее эффективных способов политического управления. Этому способствовали «экономичность»² манипулятивных технологий в сравнении с другими ме-

¹ См.: *Тарасов С.* Куда вынесет «волна пантюркизма» Анкару, Баку и Ашхабад? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1905239.html>.

² *Rogers E. M.* A History of Communication Study. N.Y., 1997. P. 213.

тодами управления, вовлечение широких слоев населения в публичность, развитие средств массовой информации и массовой коммуникации.

Становление информационного общества, развитие сети Интернет, все большее проникновение информационных технологий как в повседневную жизнь граждан, так и в государственное управление, медиатизация и виртуализация политики — все это приводит к трансформации публичной сферы и, как следствие, к трансформации технологий управления политическим сознанием.

Формирующаяся в настоящее время медиасистема существенно отличается от традиционных СМИ, т.е. радио, телевидения и печатной прессы. На смену одностороннему, монологическому формату подачи информации приходит двусторонний, диалоговый. СМИ превращаются в мультимедийные порталы с широкими возможностями обратной связи. Происходит конвергенция СМИ и социальных сетей. Технологии политического манипулирования меняются вслед за изменениями в медиасистеме.

Массовые манипулятивные кампании, характерные для эпохи телевидения, постепенно уступают место нишевым и даже в некотором смысле персонализированным. Пользователи Интернета добровольно выкладывают в глобальную сеть огромные объемы информации о своих предпочтениях, а существующие технические средства позволяют эту информацию ускоренно обрабатывать и анализировать. Технологии микротаргетирования¹ используются не только в коммерческом секторе, но и в политике.

Глобальный характер современного информационного пространства ведет к размыванию информационного суверенитета отдельных стран. Интернет позволяет игнорировать государственные границы и языковые барьеры, что увеличивает уязвимость страны перед информационными атаками из-за рубежа.

Внедрение электронных технологий в различные сферы человеческой жизни приводит ко все возрастающей зависимости государства и общества от глобальных IT-корпораций, которые получают возможность прямого политического давления (это наглядно продемонстрировало отключение жителей Крыма от ряда онлайн-сервисов в качестве одной из санкционных мер). К тому же именно интернет-гиганты обладают преимущественным положением в плане сбора и обработки информации о действиях пользователей в глобальной сети. Основываясь на полученных данных, они стремятся предложить потребителю персонализированный, наиболее полно соответствующий его предпочтениям продукт, отфильтровывая все, на их взгляд, излишнее. Такие исследователи, как Э. Паризер и Е. Морозов, неоднократно обращали внимание на опасность чрезмерной персонализации Интерне-

¹ *Почепцов Г. Г.* Выборы Обамы как новый этап развития избирательных технологий. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/obama4.htm>.

та, ведущей к сужению пространства свободы. Интернет-фильтры используются не только в коммерции; постепенно они проникают и в пространство политического, становясь еще одной технологией управления сознанием.

Эти и другие факторы заставляют исследователей обращать пристальное внимание на изучение манипулятивных технологий в информационном обществе в целях обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

А. В. Меллем
Иркутск

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ В ОСВЕЩЕНИИ ЗИМНЕЙ ОЛИМПИАДЫ В СОЧИ

«Жаркие. Зимние. Твои» — слоган одного из самых завораживающих событий в истории нашей страны — зимней Олимпиады в Сочи-2014. В современном мире Олимпиада — это не только масштабное спортивное событие, но и политическое. Проведение столь крупного мероприятия влечет за собой огромные риски и ответственность, а на первый план выходят не столько спортивные достижения, сколько задачи формирования позитивного имиджа страны. «На войне все средства хороши», — гласит пословица, но так ли это?

На сегодняшний день международный имидж — одна из главных движущих сил внешнеполитических отношений и один из главных козырей в политической игре. На протяжении всего времени подготовки и проведения Олимпиады значительные ресурсы страны были направлены на формирование позитивного образа государства на международной арене, в то время как ряд западных партнеров бросали все силы на создание отрицательного восприятия как Олимпиады-2014, так и России в целом.

Целью данной работы является анализ основных направлений пропагандистской работы в освещении зимней Олимпиады в Сочи-2014. Предсказуемо и ожидаемо, что перед началом XXII зимних Олимпийских игр на Россию резко устремился поток антироссийской пропаганды и «черной» агитации. Большой объем информации хлынул в Интернет, телеканалы и газеты соревновались в яркости и сочности предлагаемых зрителю материалов. Задачей исследования стал анализ различных источников, освещавших зимнюю Олимпиаду в Сочи. Полученные данные были систематизированы и представлены в форме доклада. В работе рассматриваются примеры контрпропаганды и ее особенности. По результатам проведенно-

го исследования можно говорить о том, что огромный массив негативной информации является не более чем системно организованной информационной атакой с четко выраженными элементами контрпропаганды со стороны как западных, так и русскоязычных СМИ. Использование приемов и технологий контрпропаганды (умалчивание, передергивание фактов, аранжировка и др.) способствует эффективному формированию желаемого негативного образа. Также стоит отметить и тот факт, что антироссийская агитация не возникла одновременно, а события в Сочи стали лишь очередным поводом для системной атаки.

В ходе исследования был проведен опрос, который затронул динамику изменения отношения респондентов к Олимпиаде в Сочи-2014 до и после ее проведения, а также основные источники получения информации. Респонденты — студенты Иркутского государственного университета. Анализ результатов проведенного социологического исследования позволяет сделать следующие выводы. Основным источником информации для респондентов является Интернет — 60% (новостные сайты и социальные сети). Телевидение, радио и печатные источники уходят на второй план. Всемирная паутина на сегодняшний день — один из наиболее эффективных способов распространения информации, а технологии манипулирования общественным сознанием в Сети высокопродуктивны. Почти у половины (46%) опрошенных мнение об Олимпиаде изменилось в лучшую сторону после ее проведения. Молодежь всегда была и остается наиболее активной и динамичной социально-возрастной группой, реализующей себя во всех сферах жизнедеятельности общества, но также и пластичной — наиболее подверженной влиянию пропагандистской работы СМИ.

Подводя итог, можно сказать, что значительная часть информационного потока является системно организованной пропагандой, направленной на очернение Олимпиады в Сочи и «подогрев» русофобских настроений. Американский президент Дж. Кеннеди говорил в свое время, что сила государств в мире определяется двумя вещами — количеством ядерных боеголовок и количеством золотых олимпийских медалей¹. Победы спортсменов на соревнованиях позиционируются государственными пропагандами разных стран в качестве торжества национального духа, свидетельства преимуществу общественно-политической системы. Безусловно, Олимпиада в Сочи-2014 способствовала росту престижа России на международной арене, патриотическому подъему в стране, развитию спорта, созданию зимнего горнолыжного курорта мирового класса.

Все войны, как известно, заканчиваются миром. Только не информационные.

¹ Багдасарян В. Э. Олимпиада и политика: идеологический ракурс // Центр научной политической мысли и идеологии. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/olimpiada-i-politika-ideologicheskij-rakurs>.

О. Н. Мельник
Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ «НОВЫХ» ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политическая субъектность как феномен представляет собой многомерное и сложное для анализа понятие. Поэтому стоит отметить различие понимания субъектности в политике в различных идеологических парадигмах. К примеру, профессор А. А. Вилков отмечает разницу осмысления субъектности в классовой концепции К. Маркса и в либеральной идеологии. В первом случае основные субъекты политики — классы, а во втором — индивид, а также различные группы представительства интересов определенной общности индивидов. На основе вышеизложенного можно сказать, что согласно такому подходу анализ политической субъектности в данной работе будет осуществлен в рамках либеральной концепции¹.

Исследователь П. А. Цыганков, к примеру, пишет, что «одним из основных критериев индивидуального и коллективного субъекта является его наделенность сознанием и способностью к действию»². Исходя из этих критериев можно сказать, что в случае политических партий под первым критерием можно понимать идейную составляющую партии, под вторым — законодательную возможность к политическому действию.

Анализируя субъектность политических партий в современной России, необходимо учитывать ряд законодательных, политических и культурных факторов, влияющих на деятельность самих организаций. Особый интерес в данном вопросе представляют «новые» партии, которые были созданы после либерализации Закона «О политических партиях» в 2012 г. Опираясь на критерии, предложенные Цыганковым, стоит отметить, что под «способностью к действию» в случае новых партий ключевую роль сыграли поправки к закону. С одной стороны, они открывают широкие возможности для создания партий (по данным Минюста, сейчас зарегистрировано 76 партий), с другой — в условиях жесткой фильтрации и особенностей избирательного законодательства участвовать в электоральных кампани-

ях могут не все в силу законодательных причин, а также экономических и человеческих ресурсов. По последним данным ЦИК РФ, в выборах могут участвовать 73 политические партии¹. Но при этом стоит отметить, что не все эти организации будут использовать имеющееся право в ходе предстоящих кампаний.

Относительно второго критерия субъектности — «наделенности сознанием» — можно сказать, что здесь важна именно идейная составляющая партии. С учетом количества зарегистрированных политических партий идеологическая и программная направленность представлена довольно широко. При этом данный факт производит скорее размежевание электората, нежели его консолидацию вокруг наиболее сильной партии. Тем более что рейтинг доверия к партиям-фаворитам по-прежнему высок, а среди «новых» организаций нет той, которая имела бы значительный вес. Все же если вновь говорить об актуальных и востребованных идейных составляющих партий, то необходимо учитывать политический, экономический и социальный запросы общества. Сегодня в условиях серьезных геополитических изменений и напряженной международной ситуации политические координаты современной России формируют два фактора — это международная повестка и экономическая.

Важный вывод формулирует О. В. Попова: «рамки политической субъектности задаются политикой лояльности как требования к основным участникам политического процесса со стороны федеральной власти»². Таким образом, фактор лояльности в деятельности «новых» партий в России является ключевым. Во-первых, государство с помощью массмедиа формирует определенный политический запрос у граждан, поэтому оппозиционные партии в редком случае смогут получить достойный результат на выборах. Во-вторых, механизм применения административного ресурса по-прежнему используется в российской политической практике. В-третьих, для успешной деятельности «новых» партий необходим ряд экономических, человеческих, информационных и административных ресурсов. То есть партия, которая в дальнейшем сможет выступать реальным политическим субъектом и серьезным конкурентом парламентским партиям, скорее всего, будет создана «сверху», грубо говоря, с одобрения одной из групп федеральных элит.

¹ Сведения о политических партиях, зарегистрированных Министерством юстиции Российской Федерации (по состоянию на 5 февраля 2015 г.) // ЦИК РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.cikrf.ru/politparty/sved_min_yust.doc.

² Попова О. В. Факторы расширения партийного поля современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Вып. 2. Актуальные проблемы политической науки. 2014.

¹ Вилков А. А. Основные концептуальные трактовки политической субъектности в отечественной политологии. Саратов: Саратовский источник, 2014.

² Цыганков П. А. Акторы и факторы в международных отношениях и мировой политике // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. М.: МГИМО (У), 2008. С. 31.

А. Г. Мокеева
Казань

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере сравнительного анализа Испании и Италии)

Исследование процессов формирования региональной идентичности является важной и существенной темой современной политической науки, поскольку они лежат в основе того, что определяет судьбы территорий, различных народов и государств. Идентичность — это свойство, способность психики индивида в фиксированном виде выражать то, как он видит свою принадлежность к социальным, национальным, языковым, политическим, религиозным и прочим группам или общностям.

Категория «идентичность» включает в себя «региональную идентичность» — понятие, лежащее в основе данного исследования. Под региональной идентичностью в этой работе понимается отождествление себя как индивида с определенным регионом государства. Представленные в работе факторы выбраны автором тезисов субъективно и будут проверены на примере Испании и Италии. Факторы расположены в структуре текста по степени убывания их влияния. Рассмотрим каждый из факторов отдельно.

Географический фактор. Под ним понимаются особенности физико-географического расположения региона: его ландшафт, размер, климатические условия. Географический фактор сыграл важную роль в региональных идентичностях и Испании, и Италии. Географический фактор имел схожие черты: полуостров с горными массивами, отделяющими государство от других и одновременно разделяющими регионы.

Исторический фактор. Региональная идентичность является следствием продолжительного опыта общезития. Памятные даты, традиции, символические ассоциации — одни из главных репрезентаций идентичности. На оба государства в различные времена оказывали влияние определенные внешние акторы, и это подтолкнуло их к объединению, хоть и в разные исторические периоды, что является различием в развитии двух государств. Испания объединилась на три века раньше, чем Италия, что усиливает региональные идентичности последней.

Структурный фактор. Он раскрывает структуру государства, форму государственного устройства. Обе страны являются унитарными, но Испа-

ния в ходе исследования показала себя с более децентрализованной стороны. Также различаются и формы правления: в Испании — парламентская монархия, в Италии — парламентская республика.

Институциональный фактор — фактор, определяющий, какие институты существуют в государстве и в регионах, как с этими институтами отождествляют себя жители регионов. Институты автономий Испании имеют больше возможностей, чем институты региональных властей Италии.

Политический фактор — фактор проведения элитами на государственном и региональном уровнях определенной политики, ведущей к укреплению региональной идентичности. Имеется в виду проведение в регионах мероприятий, способствующих объединению и сплочению жителей. Оба государства придерживаются политики укрепления региональной идентичности.

Экономический фактор. Многие государства экономически разнородны, на их территории есть как бедные регионы — так называемые дотационные, так и богатые регионы-доноры. Также экономический фактор включает в себя экономическую направленность региона: то, что производится в конкретном регионе. Сравнивая конституции государств, а точнее, регламентирование ими бюджета регионов, можно отметить, что составители конституции Испании позаботились об этом больше, чем в Италии. В экономической сфере у обоих государств явно заметны диспропорции развития регионов. Также в обоих государствах хорошо развиты региональные производства и существует четкое отождествление некоторых продуктов с определенными регионами и Испании и Италии.

Фактор качества национально-гражданской и локальной идентичностей. Национально-гражданская идентичность — это отождествление себя с *nation state*. О том, насколько развита такая идентичность, можно отчасти судить по уровню государственности.

Соотнеся три уровня идентичностей, можно увидеть общее в субъектах исследования: сила идентичности проводится в последовательности: локальная — региональная — национальная, от самой сильной до самой слабой.

Внешний фактор — миграция населения. Миграция, особенно массовая, может разбавить региональный состав населения, привнеся свою культуру и обычаи. Здесь влияние фактора на региональную идентичность оказалось различным. В Италии было выявлено влияние больших миграционных потоков из Восточной Европы, чего не наблюдалось в Испании. Общей же здесь стала миграция из Северной Африки, но в ходе исследования было выявлено, что подобного рода потоки не влияют на региональную идентичность, что обусловлено сложностью слияния местной культуры с культурой мигрантов-мусульман.

Таким образом, сравнительный анализ региональных идентичностей Испании и Италии показал репрезентативность предложенных факторов.

Представляется, что при рассмотрении региональной идентичности через призму всех перечисленных факторов можно осуществить комплексный анализ, который раскроет особенности региональных идентичностей.

Д. А. Мьякинченко
Ростов-на-Дону

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

Политическая власть, властные отношения господства и подчинения, механизмы политического управления государством во все времена человеческой истории были и остаются одной из проблемных тем, вызывающих интерес социологов, политологов, философов, публичных деятелей и политиков. Попытки определить природу власти и государства как основных элементов политической системы общества предпринимались еще в древних Китае, Греции и Индии. Уже тогда «власть» понималась как средство установления и поддержания порядка и согласия между людьми и управления государством. В более поздние эпохи появилось понимание государственной власти как механизма осуществления «общественного договора» для преодоления естественного состояния «войны всех против всех» (Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо). В XIX в. обоснование применения государственной властью принуждения дал Р. Иеринг — как необходимого для пользы общества. Впервые тезис о монополии государства на легитимное политическое насилие развил М. Вебер. Политическое управление власти с использованием насилия легитимно не потому, что группа людей имеет возможность подчинять себе народ, а потому, что народ дает возможность группе людей, именуемой «властью», управлять собой.

Институт государства — это не только отношения господства и подчинения, и принуждение и насилие являются не единственными средствами управления обществом. Но необходимо подчеркнуть, что легитимное насилие и принуждение являются специфическими средствами, право на применение которых имеет только государство. В обществе сталкивается множество разнообразных конфликтующих интересов, и поддержание при этом порядка и согласия невозможно без принуждающей силы государства.

Политическое насилие, легитимно осуществляемое властью, на первый взгляд лежит вне поля морали, так как освящено законом, тем не менее свой механизм ценностной оценки и регулирования у него имеется. Деятельность государственной власти всегда публична, поэтому и субъекты власти, и субъекты влияния на власть вынуждены соблюдать определен-

ные правила политической этики. Этическим регулятором, как правило, становится ответственность за принимаемые политические решения при их моральной оценке обществом, что может привести к исключению неблагоприятных действий.

Понятие политической власти отличается от понятия государственной власти в той же мере, в какой понятие «политика» шире понятия «государственная политика». Государственная политика может осуществляться в области здравоохранения, образования и т.д. — по сферам деятельности государства. А в понятие «политика» включают политику конкретного банка, политической партии, политического лидера и пр. В России усложнение политической системы, включение в политический процесс средств массовой информации, гражданского общества позволяют говорить об увеличении в стране сферы негосударственной власти, что подтверждается учетом при принятии государственных решений общественной реакции, возможностью протеста, саботажа или блокирования решений.

Политическая власть, как любая власть, асимметрична. Вектор ее воздействия по своей силе не равен вектору сопротивления объекта в ответ на направленное на него давление. На преобладании воздействия воли субъекта власти над волей объекта и держится механизм политического насилия власти. От баланса между этими встречными силами во многом зависит стабильность общественной системы, которая, надо заметить, является результирующей многофакторной зависимости.

Современный мир все успешнее адаптируется к применению политического насилия в организованной форме, приобретающего институционализированный вид. Масштабы принуждения и насилия растут, люди убивают себе подобных, подчиняют волю масс населения в экономических и политических целях. Достижение самых благих целей, к примеру, освобождения, защиты прав граждан, демократизации, достигается насильственными методами, сопровождающимися убедительными оправдательными аргументами. Политическое насилие уже воспринимается как норма времени, как социальная данность. Происходит фундаментальное изменение самого института политического насилия, его расширение из области физического насилия в психологическую, идеологическую, информационную, культурную сферы путем установления нормативных, сетевых, административных характеристик. Это подтверждается появлением нового вида войн — информационных, психологических; наряду с сохранившимися прежними формами с использованием оружия идут в ход технологии манипуляции сознанием масс. Прежние формы, сопровождающиеся материальными и людскими потерями, стали локальными, в то время как информационные войны приобретают глобальные масштабы противостояния миросистем.

С. П. Новикова
Иваново

РОДИНА В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКИХ СТАРШЕКЛАСНИКОВ: К МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В последние годы все больше актуализируются исследования темы «Родина» как феномена, лежащего в основе национальной самоидентификации российского человека, его статусно-ролевых характеристик. Тема становится предметом жарких споров, в основном в политической сфере, предметом, которой является краеугольным камнем внутренней политики государства, тем более в такой большой стране, как Российская Федерация, предметом, который так актуален в свете окончания действия «Государственной программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» и необходимости принятия новой. Сегодня имеет смысл социологическое изучение старшеклассников, так как именно в школе в чистом виде сталкиваются понятия Родины, заданные государственной идеологией и принятые в семье. В итоге отрефлексированное восприятие старшеклассников становится, на наш взгляд, продуктивным предметом для социологического обследования. Таким образом, перед нами встают следующие вопросы: насколько однородно восприятие Родины среди старшеклассников? Соответствует ли восприятие Родины старшеклассниками смыслу, декларируемому официальной государственной идеологией?

Объектом нашего исследования является содержание понятия «Родина» в восприятии россиян. Предмет исследования — восприятие его российскими старшеклассниками. Цель нашего исследования — сравнительный анализ понятия «Родина» в восприятии старшеклассников с официально декларируемой идеологической позицией государства.

Классическое определение Родины — это отечество, отчизна, страна, в которой человек родился; исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, общественным и государственным строем, особенностями языка, культуры, опыта и нравов¹. Но вполне может оказаться, что Родина — это мать или и то, и другое в равной степени. Важно определить, какую из коннотаций принимают российские старшеклассники и чем это обусловлено, важны тенденции восприятия

Родины и возможное развитие данного процесса. Необходимо проанализировать, изменилось ли оно за последнее время, и определить возможные причины этого явления. Также мы можем выяснить, какими образами наделяют старшеклассники Родину, насколько Родина значима для старшеклассников, какое место она занимает в их жизни. Кроме того, мы можем выяснить, самоидентифицируют ли себя с Родиной школьники города Иваново.

Тема Родины разрабатывается довольно давно на стыке сразу нескольких наук — философии, социологии, истории, этики и др.

В своей работе мы опирались на методологию О. В. Рябова, описанную в работах «РОДИНА-МАТЬ» в истории визуальной культуры «Представления ивановцев о Родине и Отечестве», написанной в соавторстве с Е. О. Воронцовой, и др. Родина здесь соотнесена скорее с этнической и потому приватной составляющей (земля, природа, язык, коллективное бессознательное), а вот Отечество — с политической и потому публичной (история, политическая сфера, идеология, рациональное)¹.

Для изучения восприятия старшеклассниками понятия Родины необходимо было решить следующие задачи.

1. Выявить, как государство официально определяет Родину. Какие из этих определений являются основными, а какие второстепенными.

2. Выяснить, как сами школьники определяют понятие «Родина». С чем связано для них это понятие в прошлом — в истории России, собственной семьи, в настоящем — в повседневной жизни, в общении со сверстниками, друзьями, родителями, родственниками, учителями; а также в будущем — в представлениях о грядущих событиях.

В качестве метода сбора первичной информации было выбрано глубинное интервью. В ходе исследования, которое проведено летом 2015 г., было опрошено 100 учащихся общеобразовательных школ города Иваново 9–11- классов.

Тема Родины в той или иной степени относится к сенситивным, в подобных случаях беседа с глазу на глаз позволяет тщательнее разобраться в собеседнике, увидеть и зафиксировать невербальные реакции на вопросы и, таким образом, собрать максимум информации в каждом конкретном случае.

¹ Воронцова Е. О., Рябов О. В. Представления ивановцев о родине и отечестве (К вопросу о гендерных аспектах патриотизма) // Женщина в российском обществе. 2007. № 1. С. 58–65. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/12/2007_1_voroncova.pdf.

¹ Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.

А. А. Песков
Москва

НОВЫЕ ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Стремительное проникновение технологий открытого кода в повседневность (в формате Web 2.0) вызвало к жизни ряд новых форм активности, требующих определения статуса с точки зрения принадлежности к миру политики. Исследование данной проблематики предполагает, во-первых, уточнение термина «политическое участие», а во-вторых, адаптацию уже устоявшихся классификаций типов участия к новым формам активности.

Доминировавший на протяжении второй половины XX в. подход к концептуализации политического участия предполагал, во-первых, исключительно инструментальную мотивацию граждан, а во-вторых, направленность активности на институты власти. Вместе с тем трансформационные процессы социально-технологического характера, происходящие в последние несколько десятилетий, требуют критического пересмотра изложенной выше трактовки политического участия.

Сетевой индивидуализм становится доминирующей моделью социальности¹. Индивиды конструируют внепространственные, внеорганизационные эгоцентричные сети, в основу которых положены их собственные интересы и ценности. Становится возможной приватизация социальности, т.е. создание персонализированных сообществ. При этом значение групповых агентов политического участия (прежде всего партий) неуклонно снижается.

Персонализация политики тесно связана со смещением гражданской активности в плоскость субактивизма (в некоторых работах — микроактивизма). Так, М. Бакардьева в дополнение к институализированной политике и субполитике выделяет третий уровень гражданской активности — субактивизм, который можно охарактеризовать как индивидуальные решения и действия локального характера, попадающие в предметное поле политики и вместе с тем тесно вплетенные в повседневную жизнь².

¹ Castells M. Internet Galaxy. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.

² Bakardjewa M. Subactivism: Lifeworld and Politics in the Age of the Internet // The Information Society: An International Journal. Vol. 25. Issue 2. 2009.

Идея субактивизма М. Бакардьева созвучна концепции «повседневных практиков» (*everyday makers*) Хенрика Бэнга¹. «Повседневные практики» не чувствуют себя ограниченными рамками конкретного государства, ориентированные глобально, они вместе с тем стремятся действовать на максимально локальном уровне, развивая «малые локальные нарративы».

Исследователи отмечают также существенные изменения в характере медиапотребления. Из категории пассивно информируемых граждане все чаще переходят в категорию активно создающих смыслы, адаптирующих пути восприятия реальности, формирующих собственные частные версии реальности.

Происходят значительные изменения и в мотивационной сфере. На смену инструментальной и коммуникативной рациональности приходит рациональность экспрессивная. Так, в рамках инструментального подхода индивиды выбирают из всего множества форм политической активности те, которые в наибольшей степени и с минимальными издержками обеспечивают достижение поставленных целей, реализацию властно значимых интересов. Экспрессивный подход предполагает, что индивид проявляет гражданскую активность необязательно с целью произвести определенный конечный продукт, но зачастую с целью конструирования, подкрепления и выражения своей идентичности².

Таким образом, индивидуализация и локализация политического участия на современном этапе актуализирует потребность в новых формах гражданского активизма, средством практического воплощения которых по преимуществу становятся интернет-технологии в итерации 2.0.

Весь спектр практик гражданского интернет-активизма можно разделить на две большие группы: первая — аналоговые формы активности, имеющие соответствия в офлайн-среде, но трансформирующиеся под воздействием интернет-технологий (денежные пожертвования, подписание петиций, политический консьюмеризм, семиотические диверсии); вторая группа — способы, не имеющие более ранних предшественников, те, для возникновения которых Интернет служит ключевым фактором (краудсорсинговый гражданский мониторинг, гражданская журналистика и кликтивизм).

Стихийное развитие указанных выше форм гражданской активности сопровождается вызовами, требующими незамедлительного ответа. Во-первых, достаточно остро стоит вопрос легитимации подобных практик, которая позволила бы навести мосты между властными структурами и разочарованными в традиционных институтах политического участия гра-

¹ Bang H. Everyday Makers and Expert Citizens: Active Participants in the Search for a New Governance // Public Management in the Postmodern Era. 2010.

² Schuessler A. A. Expressive Voting // Rationality and Society. Issue 12 (1). 2000.

жданами. Во-вторых, интернет-пространство стало благоприятной средой для мимикрии проправительственных инициатив под практики низкой гражданской активности — большое распространение, особенно в тоталитарных режимах, получает явление астротурфинга (эмуляция общественной поддержки). И в-третьих, открытым остается вопрос разработки адекватной методологии регистрации и мониторинга актов гражданского участия в Интернете.

В. В. Полторацкая
Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ «ЗАКОНА О МОНЕТИЗАЦИИ ЛЬГОТ» НА СТЕПЕНЬ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Внимательное изучение так называемого закона о монетизации льгот (ФЗ №122) показывает, что речь в нем идет не столько об изменении системы социальных выплат, сколько о пересмотре полномочий федерального центра и субъектов Федерации. Значительная часть изменений, указанных в законе, относится непосредственно к межбюджетным отношениям. С одной стороны, он отдает регионам часть полномочий относительно социальной поддержки граждан, а с другой — забирает у них часть финансовых полномочий в сферах, не касающихся льгот или социальных обязательств. Исходя из этого противоречия, интересно посмотреть, как именно этот закон повлиял на динамику централизации в РФ и какую роль он сыграл в цепочке нескольких других законов, касающихся распределения полномочий и принимавшихся в тот же временной период.

Говоря об отношениях между различными уровнями власти в России, важно отметить, что в период 2000–2003 гг. наметилось несколько тенденций в развитии отношений между регионами и федеральным центром. Прежде всего это кампания по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным¹. Вторая тенденция — установление ряда механизмов по усилению контроля за регионами со стороны федерального центра. Третья — формирование «удобного» Федерального собрания, через которое проще проводить реформы. Поправки в 310 федеральных законов, вносимых ФЗ № 122, кажутся очередным этапом в системе административно-территориальных отношений в России.

¹ Корнышева А. Правительство поддержало население // Коммерсантъ. 2004. 30 апреля.

Теоретическая рамка данного исследования во многом формируется исследованиями Т. Фаллети и Д. Трейсмана о видах и последовательностях децентрализации. Авторы выделяют три типа децентрализации — административную (передача полномочий по имплементации политического курса, заданного на уровне федерального правительства), фискальную (передача полномочий по сбору налогов и установлению налоговых ставок) и политическую (передача полномочий по формированию субнациональных легислатур, выборам губернаторов и т.д.)¹. Т. Фаллети также отмечает, что последовательность, в которой происходит децентрализация, сильно детерминирована той коалицией, которая продвигает эту идею. Более того, самым предпочтительным способом децентрализации коалиция, состоящая из представителей национального правительства, видит административную, затем фискальную и, наконец, политическую². По мнению автора, существует жесткая транзитивность предпочтений разных уровней власти, более того, она работает как для федерального центра, так и для субнациональных единиц (но для последних с точностью до наоборот).

На основании контент-анализа 310 законов, в которые вносятся поправки ФЗ №122, интересно посмотреть на полученные нами данные с точки зрения Т. Фаллети. Ситуация, при которой расходные обязательства перекладываются на субнациональные бюджеты, в понимании Фаллети не является частью фискальной децентрализации, а определяется как «необеспеченная административная децентрализация»³. Однако часть поправок имеет отношение к ограничениям доходов субъектов, а это уже часть фискальной децентрализации. Таким образом, мы можем проследить тенденцию, предлагаемую Т. Фаллети. Очевидно, что закон о монетизации льгот является инициативой федерального правительства. Исходя из теории Т. Фаллети в случае инициации реформы национальным правительством единственный возможный первый этап — административная децентрализация. В данном случае мы видим необеспеченную административную децентрализацию, по которой правительство забирает у регионов деньги, но передает административные полномочия на другие уровни.

Отсутствие достаточного бюджета при увеличившемся объеме полномочий после вступления в силу ФЗ №122 вызвало определенный кризис —

¹ Falleti T. A sequential theory of decentralization: Latin American cases in comparative perspective // American Political Science Review. 2005. P. 343.

² Ibid. P. 341.

³ Falleti T. Decentralization in Time: A Process-Tracing Approach to Federal Dynamics of Change // Benz A., Broschek J. (eds.) Federal Dynamics: Continuity, Change and Varieties of Federalism. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. P. 148.

как политический, так и экономический. Регионам не хватало денег на многочисленные расходы, связанные с обеспечением социальных обязательств, а федеральный центр не смог правильно рассчитать деньги, выделяемые на эти цели субнациональным единицам. В результате реформаторы столкнулись с так называемой ситцевой революцией, которая не только стала важным сигналом для правительства, но и во многом притормозила процесс реформ в современной России.

К. Д. Распопов
Воронеж

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

В контексте постиндустриального общества наблюдаются новые тенденции в региональной политике, имеющие культурную, творческую основу. На примере Воронежа можно наглядно проследить стремительность и глубину таких изменений: в начале нулевых он успешно воплощал модель типичного индустриального города (в Воронеже действовало более 30 крупных промышленных предприятий в 6 экономических отраслях, в том числе в Воронеже производятся двигатели для космических кораблей «Союз» и запчасти для самолетов «Сухой Суперджет-100»), на сегодняшний день сложились предпосылки для появления в Воронеже креативного общества с большой долей креативного класса в социальной структуре (на долю сектора нематериального производства приходится более половины ВРП). Следует различать информационное и креативное общество, в первом, с позиции консьюмеризма, информация — товар, потребление которого (в форме чтения книг, прослушивания лекций в университете и др.) возведено в абсолют и детерминирует статус в обществе; в креативном обществе условная ценность человека определяется его способностью производить единицы смысла. Сложнее ситуация обстоит с определением креативного класса: в отечественной науке принято наделять его атрибутом креативного мышления, которое определяют как «способность с помощью анализа, комбинации и синтеза разнородных элементов создавать новые значимые знания и формы, имеющие большой социально-экономический эффект в различных областях»¹.

Объективно такое суждение является умозрительной спекуляцией общенаучными методами, отвлеченными от опыта, и идет вразрез с фундаментальными теориями креативности Абрахама Маслоу и Пола Торренса (подробнее о проблеме — в полном тексте работы). Все чаще встречаются примеры оригинального решения политических задач: мэр испанского города Хун использует Твиттер для координации городских служб и диалога власть—население, его эксперимент показал высокую практическую и экономическую эффективность.

Баланс в региональной политике смещается: приоритетным направлением становится культурная политика, она представляет собой использование государством средств культуры для решения задач (помимо внутренних), находящихся вне этой сферы (политические, экономические, социальные и др.). Использование культуры в качестве политического инструментария, помимо всего, консолидирует и направляет энергию творческой элиты, способствует развитию и проявляет потенциал культурной среды, которая предстает как «нарративное» и визуальное пространство, универсум, демонстрирующий достижения других людей — ныне живущих или живших до нас. Культурная среда генерирует смыслы и транслирует их посредством знаковых систем.

Одной из наиболее популярных стратегий культурной политики является брендинг, т.е. использование культуры, «флагманских» творческих проектов для развития бренда региона. Цели такой политики — известность, репутация, конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность. Реализации стратегии брендинга способствует сектор креативных индустрий (термин появился в 1990-х как ответ на переосмысление экономической ценности искусства и культуры; на фоне возрастающего внимания к искусству и сектору культуры со стороны общества креативный сектор развился в самостоятельную индустрию: компании и социальные институты массово заимствовали идеи художников и дизайнеров, художественные выставки, музеи, фестивали стали играть передовые роли в брендинге какого-либо региона, в создании его конкурентоспособного и привлекательного для инвесторов имиджа). В Воронеже готовится осуществление масштабного проекта — создание кластера творческих индустрий в бывшей промзоне, что является одним из множества примеров культурной политики региона.

¹ Журавлев В. А. Креативное общество, его особенности и характеристика // Креативная экономика. 2008. № 11 (23). С. 42–49.

Е. Н. Романенко
Санкт-Петербург

СОДЕЙСТВИЕ ПРОЗРАЧНОСТИ И ПОДОТЧЕТНОСТИ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ ИКТ, СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА¹

За последние годы заметно развилась отрасль связи граждан и государства в пространстве Интернета. Система электронного правительства внедряется во многих развитых странах, и Россия не является исключением. Электронные каналы коммуникации становятся все более востребованными как населением, так и представителями городской власти. Развитие Web 2.0 в качестве интерактивной среды *online*-коммуникации в рамках публичной сферы политики повысило интерес к концепции электронной демократии и модели правления в сотрудничестве, которая получила воплощение в инициативе «Открытое правительство».

Целью данной работы является изучение и анализ путей применения в сфере городской политики социальных медиа и информационных коммуникационных технологий (ИКТ), а также инициатив в области электронного правительства для достижения прозрачности и подотчетности. Изучение и применение новых технологий можно назвать также одним из ключевых факторов для развития сотрудничества с представителями общественности, выполняющей функцию контроля над деятельностью властей по городскому управлению.

Исследование на основе сетевой методологии показывает основные инициативы, потенциальные последствия и будущие задачи использования электронного правительства как средства повышения прозрачности городского управления, а также определяет способы, в которых эти технологии облегчают сотрудничество между представителями городской власти и общественности с целью обеспечения продуктивной двусторонней коммуникации.

Внедрение ИКТ в городское управление способствует успешному развитию горизонтальных связей между уровнями государственной власти,

¹ Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01356 «Сетевые практики в публичной политике как фактор совершенствования современного городского управления».

так как может применяться не только для взаимодействия с населением, но и для двусторонней коммуникации и документооборота между представителями органов местной и региональной власти, а также федеральной.

Стоит отметить, что политика на городском уровне является одним из ключевых звеньев власти, в которых могут быть активно внедрены элементы электронного управления. Вместе с тем именно региональному и городскому уровням свойственно включение большого числа политических акторов: органов государственной власти, институтов местного самоуправления, бизнеса, некоммерческих организаций, гражданских инициатив. Все эти субъекты активно вовлекаются в поле публичного взаимодействия в процессе решения целого ряда локальных проблем. Для граждан вопросы городского управления также являются наиболее приоритетными, так как ответы на них определяют качество повседневной жизни населения. В связи с этим возникает очевидная необходимость поиска оптимальных стратегий взаимодействия акторов (горожан, органов власти, предпринимателей, представителей гражданского общества, политических партий, экспертов) и повышения эффективности и результативности городской публичной политики.

В настоящее время наблюдаются большие различия в развитии элементов электронного правительства в субъектах Российской Федерации: на уровне мегаполисов, средних и малых городов, что указывает на актуальность равномерного внедрения ИКТ в управление.

Рассматривается идея создания системы универсальных критериев для виртуальных платформ городской администрации на основе Web 2.0 с целью повышения качества диалога власти и общества. Среди данных критериев можно отметить регулярность обновления контента, своевременность ответа на запросы обратившихся граждан, наличие возможности оценить работу портала *online* и др. Данная идея считается перспективной, так как сайты Web 2.0 позволяют свободно добавлять информацию по различным проблемам без ущерба для достоверности исходных данных.

Использование современных информационных технологий открывает большие возможности для благополучного развития городов РФ, так как гарантирует наличие связи напрямую как с общественностью, так и с органами государственной власти. Помимо этого, представители общественных инициатив могут взаимодействовать между собой, осуществляя успешный поиск союзников и перспектив развития, что также является залогом эффективности и демократичности политической системы.

А. Э. Рудакова
Дубна

РЕПУТАЦИОННЫЙ КАПИТАЛ ГОСУДАРСТВА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС: ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

В современных условиях глобального международного взаимодействия каждое государство, являясь субъектом и одновременно объектом ряда сложных мировых процессов, вовлечено в борьбу за получение выгодных геополитических, стратегических позиций. Для достижения благоприятного, желаемого исхода этой конкуренции употребляются средства различного качества и порядка — материальные и нематериальные ресурсы. Теоретики и практики политической науки работают над концептуальными основами, механизмами выбора и технологиями применения политических ресурсов, которые могут обеспечить преимущество в конкурентной системе, защиту национальных интересов государства. Помимо разнообразия материальных инструментов влияния, эффективному использованию подлежат невещественные активы, к каковым относятся и репутационные характеристики государства.

Государство как политический организм располагает специфическими характеристиками (географическими, экономическими, социально-демографическими, историческими, культурологическими и т.п.), влияющими на репутацию государства, т.е. мнения целевой группы об этом государстве — его деятельности на международной арене, внутривнутриполитическом поле и т.д.). Особенным качественным состоянием репутации государства, по мнению автора, является репутационный капитал.

Анализ показал, что природа феномена «репутационный капитал государства» связана с экономической областью, однако имеет актуальное веское выражение в политической науке.

Государство как основной политический институт располагает признаками, формирующими убеждение целевой группы относительно его ключевых параметров, т.е. репутацию. Репутация, по мнению исследователя, как нематериальное явление свойственна сознательному восприятию человеком окружающей реальности. Этот факт отмечался с древнейших времен, о чем свидетельствуют приведенные в работе высказывания античных философов, писателей Средневековья, современных мыслителей. Позитивная репутация, как правило, преобразуется в репутационный капитал.

Репутационный капитал государства формируется и транслируется с целью получения и сохранения преимуществ перед другими равными

участниками политической, социальной и экономической жизни, оптимизации процедуры решения государственных задач: создания продуктивных экономических и военно-политических союзов, установления партнерских отношений с другими участниками международной политики, получения авансов и кредитов. Репутация государства в том числе служит одним из факторов и обоснований для построения прогностических сценариев его поведения во внешней и внутренней политике.

Таким образом, репутационный капитал государства представляет собой сложный, многокомпонентный конструкт, который состоит из сложившихся в массовом сознании целевых групп впечатлений и знаний о свойствах субъекта репутации, и становится нематериальным активом, приносящим прибыль в формате политических, материальных, социальных и других вложений.

Важным фактором позитивного развития репутационного капитала государства как процесса является сознательная деятельность государственных, общественных институтов, индивидов, направленная на изменение восприятия внешнеполитического и внутривнутриполитического образа государства. Стихийная или последовательная трансформация репутации поддается эффективному воздействию в зависимости от задач, стоящих перед государством, и ресурсов, которыми оно располагает. Вектор изменений может как соответствовать заданной стартовыми условиями тенденции, так и быть кардинально перенаправленным.

Обширное знание об отрицательном и положительном опыте накопления мифов и впечатлений о России является информационной платформой для создания коррекционной стратегии формирования позитивного имиджа государства. На ее основе необходимо создать эффективные бренды государства. В результате будет сконструирован оптимальный репутационный капитал России.

Основными векторами технологической работы в данной области, по нашему мнению, являются: социально-политические технологии, направленные на повышение качества жизни граждан; *event*-технологии в политической сфере; «партиципативные технологии»; интернет-технологии, которые становятся все более востребованным средством регулирования репутационных параметров страны; технологии избегания и минимизации репутационных рисков, представляющие собой комплекс коррекционных методов выявления и устранения рисковенных факторов в процессе конструирования репутационного капитала страны.

Таким образом, инструментарий конструирования эффективного репутационного капитала должен базироваться на основательных научно-теоретических, практических знаниях и инновационных разработках.

М. В. Рыбалов
Санкт-Петербург

МЕЖОБЩИННЫЙ КОНФЛИКТ СУННИТОВ, ШИИТОВ И КУРДОВ В ПОСТОККУПАЦИОННОМ ИРАКЕ

Сегодня конфликт между суннитами, шиитами и курдами в Ираке принял открытый характер. ИГИЛ захватило большие территории на северо-западе Ирака, включая Киркук, Тикрит, Рамади, Фалуджу и др. Иракский Курдистан де-факто независим от центральной власти. Шиитское правительство Малики недавно ушло в отставку, но национальное согласие все еще не достигнуто.

Территория Курдистана рассматривается многими политологами как особая зона¹. И эту особенную зону населяет в некотором роде уникальный народ, имеющий от 30 до 38-миллионную общность (для сравнения: государств с численностью менее 30 млн человек в мире около 140), но до сих пор так и не обретший своего государства. На современном этапе противостояния в Ираке де-факто уже существует государство иракских курдов, представители которого независимо от центральных властей ведут переговоры как субъект международных отношений, а также самостоятельно формируют новые административно-территориальные единицы внутри иракского государства, включая их в свою широкую автономию, де-юре курды рассматривают возможность оформить свое государство и открыто заявляют об этом, более того, эта идея имеет поддержку и за пределами иракского Курдистана.

Иракские шииты после падения суннитского режима С. Хусейна старались играть ведущую роль в государстве в контексте новой политической обстановки. Парадоксальным оказалось и то, что интервенция Соединенных Штатов в Ирак усиливает влияние соседнего Ирана, с которым нынешние шиитские власти стараются активно взаимодействовать. Большая часть иракских лидеров-шиитов получала свое образование именно в Иране, где они скрывались от репрессий со стороны С. Хусейна и проникались идеями строительства шиитского государства. Это может способствовать тому, что шииты будут намереваться оформиться в отдельное государственное образование.

¹ *Исаев В.* Ираку грозит распад на три неравные части // Россия и мусульманский мир. 2006. № 2. С. 137.

Распределение доходов от нефтяных ресурсов между различными группами также усугубляет межобщинные противоречия. Ситуация ныне складывается так, что сунниты (в основном из ИГИЛ) взяли за оружие, чтобы захватить контроль над всей страной, а главное, вернуть, завладеть или по крайней мере приобщиться к тем источникам нефти, которые сейчас в большинстве своем контролируются курдами и шиитами. Если предположить, что единое иракское государство не удастся сохранить, то сунниты в итоге окажутся отрезанными не только от нефтяных ресурсов, но и от моря, тем самым усугубив и надолго закрепив конфликтность в Машрике.

Кроме того, на ментальные, внутренние установки участвующих в конфликте суннитов и шиитов в Ираке оказывают влияние некоторые положения учения, которые выражаются в убежденности, что именно их направление ислама является истинным. Данная мысль встречается в одном из источников другого старейшего направления ислама — ибадизма: «и все они станут претендовать на то, что они есть та одна»¹. Это отражается как на возникновении разных мазхабов, фирк, течений, так и в более глобальном осознании каждым последователем себя в реальности. Безусловно, это не становится катализатором конфликта «здесь и сейчас», но рядовые участники конфликта, как правило, не мыслят категориями вроде «распределения нефтяных ресурсов».

Таким образом, для перехода межобщинного конфликта в политическую плоскость необходимы: легитимный, но не исповедующий ваххабизм представитель от суннитской части Ирака; готовность курдских элит к диалогу, а не дальнейшей сепаратизации; отсутствие притязаний шиитских элит на полную власть в государстве, осознание необходимости кооперации и консолидации для восстановления социально-экономической ситуации в стране. В противном случае южная и центральная части Ирака попадут под сильное влияние Ирана, Север останется под контролем радикальных суннитских групп, а иракский Курдистан, возможно, попытается официально оформить свое положение либо продолжит существовать на неформальных началах.

¹ Ислам на современном Востоке: регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии / Ин-т востоковедения РАН, Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; ред. В. Я. Белокреницкий, А. З. Егорин. М.: Крафт+; Институт востоковедения РАН, 2004. С. 15.

А. С. Сакулин
Москва

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ ГЕРМАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Поражение Германии во Второй мировой войне и полный крах ее государственности привели к поиску новых моделей политико-административного управления. Изучение периода с 1949 г. по настоящее время позволило немецкому ученому, профессору, доктору Вернеру Янну (Werner Jann) создать теорию, согласно которой в политико-административном управлении Германии сменились четыре основные модели¹:

- демократическое правовое государство (послевоенное время, ключевая идея — демократия);
- активное государство (с середины 1960-х, ключевая идея — планирование);
- слабое государство (с конца 1970-х, ключевая идея — менеджмент);
- активизирующееся государство (с середины 1990-х).

Ключевыми элементами политико-административной модели выступают: центральные проблемы, цели, теоретические подходы и предлагаемые решения. Так, например, для модели активного государства основными проблемами будут выступать провал рынка и реактивная политика, целью — улучшение результативности проработки проблем, эффективность, решением — макроэкономическое управление, реформа административного управления, PPBS², а теориями, которые будут наиболее востребованы, — макроэкономика, политические науки и корпоративизм. Ключевой же идеей станет планирование внутренних реформ.

В основу вышеприведенной классификации заложен следующий подход. Изменения в обществе не инициируются изначально государством, так как одним из признаков управленческих структур является стабильность, государство, государственный аппарат ассоциируется с консервативностью, инертностью. С течением времени изменяются требования к государству, ожида-

¹ Werner J. Governance als normatives Konzept — vom Wandel verwaltungspolitischer Leitbilder // Universität Potsdam. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:dumwmzRF6pIJ:www.uni-potsdam.de/u/governance/Programm/Ringvorlesung/GKMG%2520jann.ppt+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.

² PPBS — Planning, Programming and Budgeting System (система планирования, программирования и бюджетирования).

ния. В дальнейшем эти ожидания и требования трансформируются в некую политико-административную модель. А различные сценарии, подходы, аргументы используются для того, чтобы обосновать необходимость проведения или отклонения реформ. Главный вывод, на наш взгляд, заключается в том, что теории подбираются для основания проведения реформ, а не реформы являются воплощением теорий. Кроме того, политико-административные модели достаточно неплохо коррелируют как с фазами развития экономики, так и со сменой правительств (федерального канцлера), хотя и не всегда последнее приводит к смене политико-административной модели.

В политической науке Германии выделяют также четыре этапа развития. И эти этапы в точности совпадают с периодизацией политико-административных моделей. Основная же тема исследований каждой из этих фаз совпадала, насколько можно судить, с общим кругом вопросов, относящихся к соответствующей политико-административной модели.

Опыт Германии представляет не только теоретический, но и практический интерес. Его изучение позволяет отнести встретившуюся проблему, тему, дискуссию к более широкому контексту, посмотреть, каким образом имеющиеся проблемы были решены и к каким последствиям это привело. Также этот опыт позволяет разграничить теории на те, которые актуальны для политико-административной практики, и те, которые показали свою несостоятельность и относятся уже к истории политологической мысли. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что при проведении реформ каждый раз находилась своя точка равновесия между идеей государства всеобщего благосостояния и идеей либерального государства. Применительно к России можно предположить, что государство с 2000 г. при проведении реформ ориентировалось на модель слабого государства, а с недавнего времени вводит институты, характерные для модели активизирующегося государства.

А. В. Самусевич
Санкт-Петербург

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Проблема устойчивого и стабильного развития современного общества во многом детерминирована качественными характеристиками политических элит. Выстраивание эффективных моделей подготовки кадров государственного управления, социально-экономического развития страны, ее геополитического позиционирования также возможно лишь на основе разработки научных принципов функционирования, определения ха-

рактера и динамики развития политической элиты российского общества. В контексте ныне существующих проблем в государственном управлении актуальными становятся вопросы определения функционального состояния политической элиты, ее готовности эффективно отвечать на вызовы политического окружения, а также необходимости принятия мер по «оздоровлению» центра политической системы.

Для определения закономерностей функционального развития политической элиты с целью снижения степени неопределенности развития общественной системы представляется важным использовать такой концепт социально-политического анализа, как *жизненный цикл политической элиты*.

На данный момент концептуальная схема содержания формулы «жизненный цикл элит» в качестве практического ее применения к политическому анализу и прогнозированию представляет собой следующую систему инструментов:

- *инструмент изучения качества общества;*
- *аналитический инструмент выявления «пороков» политических элит;*
- *инструмент определения качества политической элиты;*
- *инструмент прогнозирования вектора социально-политического развития;*
- *инструмент определения уровня стабильности общественно-политической системы.*

Самым важным вопросом данного исследования является максимально точное описание структурных рамок и сущностного содержания данной категории. В аспекте характера пространственно-временного измерения границ существования и развития жизненного цикла элит рассматриваются три типа восприятия (измерения) времени: астрономическое, социальное, политическое. Использование астрономического способа измерения времени жизненного цикла не представляется подходящим в силу невозможности учета всех политических событий (в том числе и потенциальных) и выявления закономерности их свершения. Социальное измерение времени, хоть и учитывает темп и скорость социально-политических событий, слишком широко для описания и изучения непосредственно политической элиты как центрального элемента политической системы. В связи с этим предлагается использовать инструментарий политического времени на основе исследований А. Б. Венгерова и С. С. Андреева¹ и политического пространства — на основе исследований Д. Истона².

¹ Андреев С. С. Политическое время и политическое пространство // Социально-политический журнал. 1993. № 6. С. 29; Венгеров А. Б. Политическое пространство и политическое время (Опыт структурирования понятий) // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 49–63.

² Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология политической мысли. Т. 2. М., 1997. С. 630–642.

Таким образом, основным результатом работы в аспекте предметного содержания категории «жизненный цикл политической элиты» является обобщенная матрица критериев анализа жизненного цикла политической элиты. Построение матрицы базируется на распределении критериев по четырем связкам:

1. *Качественные — внутрисистемные:* объективность и рациональность принятых политических решений, их характер, активность элиты и характер механизмов рекрутинга элит, качество элиты и уровень внутренней сплоченности и др.

2. *Качественные — внешнесистемные:* характеристики географического расположения государства и его геополитическая позиция, техноуклад общества, уровень социальных коммуникаций и др.

3. *Количественные — внутрисистемные:* скорость принятия политических решений и их количество за единицу времени, численный состав элитарной группы и др.

4. *Количественные — внешнесистемные:* демографическая ситуация и экономические показатели, размер государственного социального обеспечения в соответствии с потребностями общества (МРОТ, минимальный прожиточный минимум, пенсии, пособия и т.д.).

Описание и изучение данной категории анализа политической элиты окончательно не завершено, и предоставляется возможность для последующего теоретического развития данной темы. В настоящий момент идет апробация предложенных критериев определения жизненного цикла политической элиты применительно к изучению динамики развития и трансформации отечественной элиты с начала эпохи перестройки в СССР до нашего времени, что позволяет решать такие исследовательские задачи, как разработка аналитической матрицы определения условий и факторов эффективности элит, выделение современных каналов их рекрутации, определение институциональных и внеинституциональных факторов циркуляции элит и контрэлит, их политической долговечности и т.п.

А. С. Солдатова
Саранск

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ (на примере городов Поволжья)

Эмпирический материал, полученный автором в рамках прикладного исследования (массовое анкетирование, квотно-пропорциональная выборка, $n = 300$), позволяет сделать ряд выводов об идентичности жителей

трех городских пространств: Ульяновска, Пензы и Саранска. Все три города находятся в Приволжском федеральном округе и граничат друг с другом. Численность населения каждого из них не превышает миллиона. Они представляют собой тип провинций со сходной исторической судьбой, социальной, политической и культурной средой большинства российских городов, демонстрирующих общие тенденции в формировании и развитии политической идентичности. На территории данных городов проживают русские, мордва, татары, украинцы, армяне и др.

Первый вопрос продемонстрировал общий посыл самоидентификации респондентов: «Ощущаете ли Вы себя патриотом?» «Безусловно ощущаю» — так ответили 43,1% ульяновцев, 45,2% пензенцев, 58,3% саранчан. Выбрали ответ «скорее ощущаю» 33,3, 45,2, 29,2% соответственно.

Патриотические чувства в себе не выявили всего несколько человек из каждого города. Что дает основание предполагать у опрашиваемых определенное сущностное содержание понятий «родина» и «малая родина». Это может подчеркнуть особую роль социального самочувствия в направленности оценок своего города, а также в наличии проблем самоидентификации.

В вопросе «Насколько сильно Вы ощущаете связь с жителями Вашего города?» корреляция по месту жительства была довольно существенная. Жители Ульяновска меньше всего чувствуют связь со своим городом. Ответ «очень сильно» выбрали 5,9% респондентов, «довольно сильно» — 25,5, «не очень сильно» — 29,4, «совершенно не чувствую связи» — 13,7, «затрудняюсь ответить» — 21,6%.

61,9% пензенцев отвечали, что их связь с городом очень/довольно сильная. Однако 21,4% слабо чувствуют такую связь.

В Мордовии чаще выбирали три варианта: «довольно сильно» (33,3%), «не очень сильно» (25%) и «затрудняюсь ответить» (25%).

Для сравнения: вопрос такого рода о связи с Россией дал существенно более высокие результаты по первым двум строчкам. Более 60% опрошенных безусловно ощущают свою связь со страной, что может говорить, вероятно, о более четком представлении себя как части общности всего государства, чем его небольшой части, пусть даже более приближенной к реальной жизнедеятельности.

На вопрос «Как вы относитесь к своему городу?» большинство участников опроса отвечали, что гордятся своим городом и тем, что тут живут (64,3% — Пенза, 45,8% — Саранск, 27,5% — Ульяновск).

В два раза меньше респондентов из каждого города равнодушны и не обращают на это никакого внимания. Но при этом остается часть респондентов, которая отрицательно воспринимает свой город. Чувствуют дискомфорт от того, что принадлежат к нему, 3,9% ульяновцев. Тогда как стыдятся его — 11,8%. К ним присоединяются жители Пензы: доля в 11,9% респондентов испытывают те же чувства. В Саранске крайне редко выбрали подобные варианты.

Респондентам предлагалось смоделировать типичного жителя их местности, назвать наиболее характерную черту.

В Саранске негативные и позитивные характеристики разделились практически поровну. Среди положительных чаще остальных назывались доброжелательность и добрососедство, среди негативных — наглость и равнодушие. Были названы специфические черты, связанные с национальным (этническим) характером (Саранск — административный центр Республики Мордовия). Каждый третий упомянул про особенности говора. А также указывалось упрямство (устоявшийся эпитет — «упрямый мордвин»).

В идентичности жителей Ульяновска и Пензы отсутствуют эти «знаковые» черты. В первом городе положительные черты были названы в 44% случаев, и это по преимуществу доброта и трудолюбие, а негативно идентифицировали своих жителей (по сути самих себя) 56% респондентов (алкоголизм, злость, «эхо 90-х»).

Пензенцы, наоборот, оценили себя менее критично. 76% положительных оценок включали такие черты, как доброжелательность, доброта, отзывчивость, 24% негативных состояли из таких определений, как лень, равнодушие и пр.

Очевидно, что уровень системы идентичности «мы — жители России» превалирует в конфигурации остальных уровней. Он более понятен и близок, и это логично, учитывая, что общенациональная символично-ценностная система формируется длительный период, целенаправленно и довольно интенсивно. По линии городского уровня можно предположить, что социальное самочувствие жителей является определенным мерилем «городского» и становится зачастую причиной негативной идентификации, отторжения и дискомфорта.

*Е. А. Степанова
Краснодар*

ГЕНДЕРНОЕ КВОТИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ДИЛЕММА ПРИМЕНЕНИЯ В РФ¹

В стремлении к демократическому государству и обществу зачастую используются самые разнообразные методы и инструменты решения гендерных проблем. Поскольку цели, механизмы, меры и принципы реализации государственной гендерной политики изменяются в процессе

¹ Выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых — кандидатов наук (проект № МК-6036.2014.6 «Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества»).

развития государства и общества, разные государства имеют различные механизмы обеспечения баланса гендерных интересов. Одним из таких инструментов, используемых во всем мире, является гендерное квотирование.

Невозможно однозначно ответить на вопрос, необходимо ли обязательное использование гендерных квот. Согласно рекомендациям Комиссии ООН по улучшению положения женщин (1990 г.), критический уровень представительства женщин в политических институтах должен составлять не менее 30% общего числа¹.

Вопрос о предоставлении квот поднимался в правительстве не один раз, но столько же раз отклонялся. Почему так происходит? Гендерные квоты — весьма гибкий инструмент воздействия: «жесткие квоты» могут количественно фиксировать норму представительства женщин, «мягкое квотирование», в свою очередь, должно гарантировать равные права на одно место в конкурсе для обоих полов.

Способы законодательного закрепления квот также оставляют возможность выбора: от законодательных квот, закрепляющих определенную часть мест для женщин-представителей (Италия — 50%, Аргентина — 30, Бразилия — 20%), до неформальных квот для женщин внутри политической партии. Именно законодательное закрепление квот является главным камнем преткновения. Противники квотирования рассматривают данный акт как нарушение основ равенства, поскольку предоставление квот дает преимущество женщинам в борьбе за политическую власть. В то же время гендерно-нейтральная позиция позволяет закрывать глаза на гендерный разрыв и сохранять места в парламенте его постоянным членам. При множественности общественных организаций, борющихся за права женщин, очень немногие могут выходить на прямой диалог с властью, даже учитывая тот факт, что предоставление права на квоту не является гарантией места в парламенте.

Будучи еще премьер-министром, В. В. Путин в 2011 г. отметил, что вопрос о гендерном равенстве невозможно решить в «кабинетном порядке». Он также сказал о том, что добиться равенства женщин и мужчин можно, начав с основ: с равенства образования и последующего продвижения по карьерной лестнице². Однако реальность несколько сложнее и хуже, чем представляется.

В 2014 г. Россия опустилась на 75-е место (с 61-го) в освещаемом на Всемирном экономическом форуме рейтинге гендерного равноправия, согласно *The Global Gender Gap Report*. Измерение индекса гендерного разрыва происходит не по одному показателю, а по четырем:

- возможности в получении услуг здравоохранения и образования;
- возможности трудоустройства;

¹ Словарь гендерных терминов / Под ред. канд. филол. наук А. А. Денисовой / Региональная общественная организация: «Восток—Запад: Женские инновационные проекты». М.: Информация XXI век, 2002.

² Актуальные комментарии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.actualcomment.ru.

- возможности развития карьеры;
- участие в политике¹.

Становится очевидным, что при обсуждении проблемы гендерного равенства в России зачастую учитывается лишь один показатель. Итогом подобной «слепоты» стало то, что Российскую Федерацию подвели показатели, касающиеся задействованных в политике женщин. В частности, по количеству женщин в парламенте Россия занимает 100-е место, а по количеству женщин, занимающих министерские посты, — на 122-м (из 142) наряду с Ботсваной, Сирией и Азербайджаном². Подобная настораживающая статистика возвращает нас к одному из методов решения данной проблемы — к квотированию.

Не стоит отрицать и негативные аспекты данного инструмента. Его использование с большей вероятностью вызовет конфликт, затронув множество гендерных стереотипов и предрассудков. Нет никакой гарантии, что приход к власти тех женщин, что смогут воспользоваться системой квот, кардинально и качественно разрешит ситуацию.

В системе гендерного квотирования множество спорных аспектов, ее нельзя рассматривать категорично, а также лишь с какой-то одной стороны. Она может быть использована с учетом всех особенностей общества и государства, а также лишь как временная мера воздействия, пока не будут устранены барьеры на пути женщин в политику.

На данном этапе решение проблемы гендерного равенства с помощью квотирования напоминает притчу о слепых и слоне. Мы рассматриваем систему квот, разделяя ее на элементы столь однобоко, что нет ничего удивительного в том, что единое мнение до сих пор не достигнуто. Остается открытым лишь один вопрос: Как сложить все мнения в единого «слона» и прийти к согласию?

Ф. К. Табакаев
Томск

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКИ

Территориальная имиджевая политика как сфера управленческой деятельности неизбежно преломляется спецификой политической культуры, задающей «качественные» координаты политического менеджмента.

¹ Информационное агентство РОСБАЛТ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rosbalt.ru/main/2014/10/28/1332284.html.

² РБК. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.top.rbc.ru.

Особенно ярко это проявляется на международном уровне, когда культурные характеристики отдельных обществ и стран представляют основу для тесного взаимодействия.

Различия в семантике, дискурсах, культурах — качественных характеристиках политического — определяют и вектор развития управленческих практик. К сожалению, в отечественной политической теории вопрос о соотношении политической культуры и политического менеджмента не получил должного развития, а собственно концепт политической культуры уже в мировом масштабе переживает неоправданный спад внимания со стороны представителей политической науки¹.

В работе О. Ю. Шмелевой² предпринимается попытка рассмотреть концепт политической культуры в контексте государственного управления на уровне политической риторики высших должностных лиц страны. Однако вместе с тем категории «политическая культура», «политическая система» и «политическое управление» понимаются автором в «бытовом», упрощенном понимании. Более удачным видится отнесение проблематики создания привлекательного образа региона или страны как элемента («политической услуги»³) политического маркетинга, который, в свою очередь, является инструментом политического управления и может рассматриваться в том числе и политической культурой.

Трудность в соотнесении двух концептов (имиджевой политики и политической культуры) состоит в том, что «политическая культура» по сути консервативна, ее изучение всегда связано с ретроспективой⁴, в то время как имиджевая политика обращена в будущее для достижения нового результата (сообразно законам рынка и инновационного развития). Поэтому логика совмещения двух концептов представляется в виде условной формулы: «изучая прошлое, конструируй будущее».

Изучение имиджевой политики через призму политической культуры интересно с позиции сравнительного анализа и «этнического» измерения политической культуры⁵. Часто под политической культурой понимается

¹ Малинова О. Ю. Политическая культура в российском научном и публичном дискурсе // Полис. 2006. № 5. С. 106.

² Шмелева О. Ю. Роль и место политической культуры в практике государственного управления на современном этапе модернизации России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1.

³ Морозов С. А. Культура политического маркетинга // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 2. С. 29.

⁴ Формизано Р. Понятие политической культуры // Pro et Contra. Т. 7. 2002. С. 111–146.

⁵ Дука А. В. Политическая культура — поиски теоретических оснований. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/203/30/>.

«национальная идея», «ментальность», «народный дух» и т.п. В этой связи на процесс конструирования идентичности, образа территории, публичной политики и общественной дипломатии оказывают влияние исторический контекст и погруженная в него «культурная самобытность» народов, наций и этносов, связанных с территорией проживания.

Политико-культурные факторы, влияющие на стилистику имиджевой политики, можно рассмотреть, определив «управленческую модель». Главным образом тут идет речь о том, кто является главным актором реализации имиджевой политики, какие ценности этот актор (исполнитель) преследует. Территориальную имиджевую политику могут реализовать любые территориальные субъекты и коллективы — от низовой ячейки гражданского общества, представленного муниципальным сельским сходом, до продуманной и нормативно закреплённой имиджевой стратегии на уровне государственной власти и международных отношений, от групп инициативных граждан, в том числе представителей субкультур, до наиболее популярных коллективов ученых, артистов, политиков и дипломатических работников.

Процесс реализации имиджевой политики сам по себе наполнен властным содержанием и отношениями. Бренды, имиджи, слоганы, товарные знаки — все это инструменты «номенативной власти», которые тесным образом связаны с символической политикой, с конструированием (в том числе и политическими средствами) региональной/национальной идентичности. Согласно теории Г. Алмонда и С. Вербы, координатами политической культуры выступают четыре группы ориентаций. В нашем случае особый интерес представляют ориентации на *«результат политического процесса»* (конкретные имиджевые проекты, которые в символическом политическом поле осуществляет власть) и ориентации, связанные с собственной *идентичностью* участников политики.

Кроме «классической» типологии политических культур важно рассматривать имиджевую политику как управленческую деятельность в более широком маркетинговом контексте. Поэтому весьма справедливо использование типологий «национальных деловых культур», как предлагает Г. Л. Тульчинский¹. В исследовательский арсенал, таким образом, попадают подходы Г. Хофстеде, Р. Льюиса, Ч. Хэнди, активно применяемые как в бизнесе, так и в политике. К примеру, для приближения имиджевой политики территориального образования к «идеальному типу» подошла бы форма «полиактивной деловой культуры» в классификации Р. Льюиса и «культуры личности (Диониса)» в классификации культуры организации Ч. Хэнди. Соотнесение механизмов реализации территориальной имиджевой политики с критериями данных типов (эмоциональное начало,

¹ Тульчинский Г. Л. Политические культуры: проблема изучения и типологии // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 1 (14). С. 9.

творческие ценности, принятие решений на основе консенсуса, координация — главный функционал власти, коммуникация строится на основе эмоциональности, привлекательности и образности).

М. И. Тисленко
Москва

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НА РУССКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ: СЛУЧАЙ БЛАГОВЕЩЕНСКА И ХЭЙХЭ

Российско-китайские отношения выходят на новый уровень стратегического партнерства, носящего в перспективе, по замыслам обеих сторон, всеобъемлющий характер. История связей между Китаем и Россией насчитывает более 300 лет с момента заключения Нерчинского трактата в 1689 г., однако еще в 1653 г. русским первопроходцем Е. П. Хабаровым был заложен острог, вокруг которого впоследствии вырос город Благовещенск. Положение Благовещенска уникально: это единственный административный центр (Амурская область), располагающийся на границе РФ с КНР, что определяет его важное значение в экономических и культурных взаимоотношениях России с Китаем, осуществляющихся через «город-близнец» Благовещенска на другом берегу Амура — Хэйхэ.

В лимологии¹ границы могут выполнять барьерную и контактную функции²; соответственно в случае Благовещенска и Хэйхэ можно говорить именно о проявлении контактной функции границы РФ. Но как это должно отразиться на пространственной идентичности жителей обоих городов? Данный исследовательский вопрос находился в центре внимания Клуба геополитических исследований МГИМО (У) МИД России. Была выдвинута гипотеза: пограничное положение и тесные связи с Китаем обусловили формирование особой пространственной идентичности в Благовещенске и Хэйхэ, которая строится на тесной связи между двумя культурами, без их смешения и/или ассимиляции. Для проверки гипотезы клубом была организована экспедиция 20–25 августа 2015 г., в ходе которой собран обширный эмпирический материал в виде дискурсивных практик Благовещенска и Хэйхэ. Объектом исследования выступили пространственные мифы и способы интерпретации пространства жителями обоих городов. Ввиду

использования подходов критической геополитики и лимологии в исследовании были задействованы следующие методы.

1. Дискурс-анализ письменных источников (туристические путеводители, историко-культурные артефакты в музеях, книги по краеведению).
2. Глубинные и фокусированные интервью с работниками музеев и учебных заведений, а также местными жителями.
3. Сбор и интерпретация символики Благовещенска и Хэйхэ.

Анализ дискурсивных практик подтвердил гипотезу, выдвинутую изначально: жители Благовещенска и Хэйхэ действительно являются носителями особой пространственной идентичности, которая, в свою очередь, подразделяется на две модели — благовещенскую и хэйхэнскую, обладающие чертами сходства и различия. Этому способствовали географические предпосылки: периферийность положения обоих городов, их удаленность от крупных экономических центров своих государств; сходные климатические и ресурсные условия, а также невысокий уровень доходов по сравнению со средними доходами по России и Китаю¹. Благодаря открытию границы в 1984 г. и созданию зоны свободной российско-китайской торговли в 2004 г. между городами начали выстраиваться сначала экономические, а затем культурные и социальные связи. Это выразилось и в создании особого рода дискурса о Благовещенске и Хэйхэ как «городах-близнецах» и «символах российско-китайской дружбы», без какой-либо культурной ассимиляции или унификации: благовещенцы по-прежнему считают себя благовещенцами и россиянами, в то время как хэйхэнцы мыслят себя китайцами в первую очередь. Основой для подобного дискурса являются тесные экономические связи, которые порождают благоприятные условия для сотрудничества, без чего оба города обречены на жизнь отсталой периферии в своих государствах. Благовещенцы относятся к Хэйхэ как источнику возможностей в плане бизнеса (торговля), сферы услуг (медицина, туризм) и рекреационных ресурсов (съездить на шопинг в Хэйхэ на выходные стало бытовой практикой). Жители Хэйхэ видят в Благовещенске хорошую торговую площадку, возможность завязать тесные контакты с русскими и познакомиться с их культурой, что выражается в популярности русской кухни среди китайцев и получения образования в университетах Благовещенска. Примечательно, что в плане символов в Хэйхэ большинство вывесок дублируются на русском языке, что объясняется скорее стратегией привлечения русских клиентов, нежели реальным абсорбированием элементов русской культуры. По свидетельствам опрошенных, в Хэйхэ

¹ Лимология — наука о границах — *Примеч. авт.*

² Колосов В. А. Теоретическая лимология: новые подходы // Международные процессы. 2003. № 3 (сентябрь—декабрь). С. 44–59. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nadbank.org>.

¹ Симутина Н. Л., Рыжова Н. П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск — Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. 2007. №5. С. 137–138.

и Благовещенске настроены на поддержание добрососедских отношений, а алармистские настроения в отношении Китая носят единичный характер. Таким образом, клубом был сделан вывод о наличии собственных пространственных идентичностей в Хэйхэ и Благовещенске, конструктивных по своей природе, но остающихся обособленными друг от друга ввиду сильных русских и китайских национальных элементов идентичностей.

О. А. Фролова
Москва

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИЙ ДЖ. БУША-МЛАДШЕГО И БАРАКА ОБАМЫ

Внешняя политика США за последние несколько десятков лет претерпела определенные изменения, вмешательство во внутренние дела других суверенных государств стало обычной практикой. Как пишет научный сотрудник Института Катона Дуг Бэндоу, «за последние 20 лет не было такой внешнеполитической инициативы США, которая не привела бы к катастрофе». По мнению эксперта, американская внешняя политика обусловлена «недальновидностью» представителей обеих партий — Демократической и Республиканской, ответственных за принятие подобных решений. Прежде всего в данном случае речь идет о партийных лоббистах, которые, преследуя интересы отдельных групп, всегда находили и будут находить обоснования для любого внешнеполитического «шага» администрации, не обращая внимания даже на самые трагические последствия¹.

Несмотря на все предвыборные лозунги, кардинально противоположные позиционированию своего предшественника, и антивоенную риторику в период своей первой предвыборной кампании, нобелевский лауреат мира Барак Обама фактически сохраняет тот же милитаристский вектор внешней политики, который начал его предшественник Джордж Буш-младший.

В отношениях с Россией администрация Б. Обамы не только продолжила общую политическую линию, заложенную при Дж. Буше-младшем, но и развила назревавшие противоречия между странами до уровня открытой конфронтации, которая, по мнению директора аналитическо-разведывательной

компания «Стратфор» Джорджа Фридмана, вполне может перерасти в открытый конфликт России и США на территории Европы.

В начале XXI в. во внешней политике американцы сохранили преемственность республиканскому внешнеполитическому вектору, изменения, безусловно, произошли, но не столь значительные. В данном контексте Дж. Фридман отмечает: «Самым примечательным фактом в отношении внешней политики Обамы является то, насколько она согласуется с политикой бывшего президента Джорджа У. Буша»¹. Также интересно мнение Майка Лофгрена, бывшего республиканского конгрессмена, согласно которому внешнюю политику США формирует не столько политическая элита и формальные институты, сколько вышедшее из-под контроля «глубокое государство»² (*The Deep State*). Это термин, пришедший в конце 90-х годов XX в. из Турции, который подразумевает под собой сложившуюся систему или конгломерат, состоящий из высокопоставленных представителей (правосудия, спецслужб, военных и силовых структур, преступных элементов), которые контролируют реальную политику³.

По мнению же Лофгрена, «глубокое государство» — это естественное явление, а не тайный сговор, как тиражируют современные средства массовой информации, своего рода феномен, который в ходе исторического процесса сформировался ввиду сосредоточения в США большого количества капитала и уникального политического влияния на международной арене. Это своеобразная «гибридная» ассоциация представителей политической элиты, топ-менеджеров финансового сектора и корпораций, которые могут управлять политикой США, не прибегая к инструментам формального политического процесса и без одобрения официального правительства⁴. «Глубокое государство» придерживается корпоративной идеологии «у себя дома», которая включает либерализацию, привлечение внешних исполнителей, деиндустриализацию и финансиализацию. Они верят в американскую исключительность за рубежом, что подразумевает повсеместное военное присутствие: это наше право — во все ввязываться по всему миру. И это выливается в перманентную войну»⁵.

¹ Фридман Дж. Внешняя политика Обамы: конец начала. Stratfor, США. 25 августа 2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://oko-planet.su/politik/politdiscussions/17378-vneshnyaya-politika-obamy-konec-nachala-stratfor.html>.

² Mike Lofgren. The Party Is Over: How Republicans Went Crazy, Democrats Became Useless, and the Middle Class Got Shafted Paperback — August 27, 2013.

³ Peter Dale Scott. The American Deep State: Wall Street, Big Oil, and the Attack on U.S. Democracy, 2015. P. 13.

⁴ Mike Lofgren. Essay: Anatomy of the Deep State. Public Affairs Television «Moyers», February 21, 2014. URL: <http://billmoyers.com/2014/02/21/anatomy-of-the-deep-state/>.

⁵ Mike Lofgren. The Party Is Over: How Republicans Went Crazy, Democrats Became Useless, and the Middle Class Got Shafted Paperback — August 27, 2013.

¹ Bandow D. Washington's Foolish Foreign Policy: American People Must Say No To More Wars // Forbes, 21.02.2015. URL: <http://www.forbes.com/sites/dougbandow/2015/02/21/washingtons-foolish-foreign-policy-american-people-must-say-no-to-more-wars>.

С. В. Шестаков
Москва

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ЛИБЕРАЛЬНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

За последние тридцать лет благодаря успеху реформ открытости Китай совершил экономическое чудо, обогнав к декабрю 2014 г. по размерам самую большую экономику мира (США) и достигнув объема в 17,6 трлн долл.

Начиная с перехода на новое производство в 1993 г., государственный сектор начал быстро сокращаться — таким образом, что к 2001 г. уменьшился почти в три раза. Благодаря переходу к новой системе ведения хозяйства сложились следующие варианты хозяйственных отношений между государственной и частной собственностью.

К первому варианту относятся предприятия телефонной и мобильной связи, банковской системы и транспорта, в которых контрольный пакет акций принадлежит государству, например *China Rekonstruktion Bank*, *China Mobile* и т.д.

Ко второму варианту относятся совместные предприятия, созданные иностранцами и организациями, поддерживаемыми правительством. При этом иностранные инвесторы предоставляют свои технологии, а китайские партнеры адаптируют их под китайский рынок.

К третьей разновидности относятся полностью частные предприятия. Однако поддержка власти может помочь предпринимателю получить более выгодные кредиты в банках, контрольный пакет акций которых в основном принадлежит государству.

К четвертому типу относятся предприятия, получающие инвестиции и субсидии на локальном и местном уровнях. Взамен они предоставляют работу местным жителям.

Предприниматель в Китае не заинтересован в критике действий политики партии и правительства. Государственные предприятия априори не могут критиковать правительство, частные предприятия также для получения выгодных кредитов не заинтересованы в политической активности, по тому же принципу действуют и местные предприниматели, нацеленные на субсидии и инвестиции от региональных органов власти.

В совместных предприятиях иностранные инвесторы могут быть заинтересованы в либерализации системы, однако их партнерами в Китае

чаще всего выступают группы предпринимателей, поддерживаемые правительством.

Таким образом, вполне обоснованным может считаться вывод, что у китайской бизнес-элиты нет мотивации к политической активности и влиянию на партию и правительство. Для предприятия любого типа с точки зрения краткосрочных перспектив выгоден статус-кво.

Существует мнение, что в Китае невозможны либерально-демократические преобразования. Частым аргументом является индуктивная логика конфуцианских принципов, основанная не на свободе и справедливости, а на понятии «гармония». Все чаще Китай позиционирует себя как создателя новой альтернативы западной политической модели — основанной на гармонии.

Однако если нарушением свободы может быть ограничение прав, то нарушением гармонии может быть коллапс.

Гармония нарушилась, например, в июле 2011-го, когда в Китае произошло столкновение двух сверхскоростных экспресс-поездов. Сразу после крушения поднялась волна протестов. Вокруг события развернулся коррупционный скандал, связанный с министром железнодорожного транспорта КНР Лю Чжицзюнем.

Главной силой протестного движения становится средний класс, рост которого быстро набирает темпы. Социально незащищенные слои населения не участвуют в данных протестах в силу того, что они относительно недавно приобрели право на «сытную еду» и озабочены главной целью — сохранить данное право. Поэтому их мало интересует крушение высокоскоростного поезда.

Коллапс, произошедший по вине коррупции, может привести к ограничению права на что-либо, вплоть до лишения права на жизнь. Поэтому «свежий» средний класс Китая заинтересован в более прозрачной и инклюзивной системе управления обществом, которую предлагает либеральная демократия западного образца.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на современном этапе предпринимательские элиты Китая не заинтересованы в изменении статус-кво в отношениях между государством и бизнесом. Разногласия с правящей элитой могут навредить предприятию и вывести его из игры на китайском рынке. Однако экономический бум вызвал зарождение среднего класса, который уже заявляет свои требования по поводу правительственных реформ.

И. Е. Абрамова
Зерноград

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Эффективность работы органов местного самоуправления является ключевой проблемой в развитии государственной политики. Рассматривая проблемы эффективности местного самоуправления, необходимо помнить о инновационной компоненте функционирования политической системы, а также социально-экономических механизмах и их особенностях на муниципальном уровне.

Одной из важнейших задач стоящих перед местным самоуправлением является создание определенных условий для реализации интересов и потребностей местного сообщества. Для эффективной деятельности органов местного самоуправления необходимо упрочить взаимосвязь органов местного самоуправления с населением муниципального образования. От степени вовлечения местного населения в процессы формирования органов местного самоуправления, их деятельность во многом зависит и эффективность работы органов власти на муниципальном уровне.

Одним из основных факторов роста эффективности местного самоуправления, несомненно, является развитая информационная политика. Государственная Дума РФ за 2014 г. приняла 466 законов, Законодательное собрание Ростовской области приняло 250 законов. Однако многие законы, из-за некачественного развития информационных ресурсов, не достигают уровня местного самоуправления. Для решения данной проблемы необходимо создать условия для правдивого, полного изложения законов, их объяснения, объективной интерпретации, что позволит более эффективно работать муниципальным образованиям. То есть для роста эффективности органов местного самоуправления, для активного вовлечения населения в проблемы муниципальных образований необходимо формирование единой информационной основы, объективного информационного пространства. В системе местного самоуправления доступность и открытость

позволяет местному сообществу получать правдивую информацию о происходящих событиях и принимаемых органами власти решениях, что способствует формированию собственного мнения и возможности более эффективно контролировать деятельность органов власти всех уровней.

Немаловажным элементом роста эффективности органов местного самоуправления является кадровая политика, подготовка профессиональных и компетентных кадров, которые должны добросовестно выполнять возложенные на них функции, внимательно относиться к нуждам местного сообщества. При этом необходимо изменить правовое поле защищенности работников местного самоуправления, которое по сей день является крайне слабым. Незрелость гражданского общества, плохая кадровая политика (отсутствие «скамейки запасных»), низкий уровень правовой культуры избирателей, в целом негативно сказываются на развитии структур местного самоуправления и их эффективности. А ведь именно местное самоуправление является самой близкой к народу структурой, именно они должны создать основы для благополучного развития территорий и людей на них проживающих.

И в этой связи закономерно встает вопрос, а что эффективнее в развитии местного самоуправления: сетевые менеджеры или выборность администрации районов? Выборность структур администрации говорит о достаточно высокой харизме политического лидера, его умении привлечь внимание. Однако наличие харизмы еще не говорит о профессионализме политического лидера. Как правило, они связаны популистической риторикой, для того чтобы победить на выборах, они дают любые обещания. Однако харизма лидера не гарантирует способность эффективно осуществлять управление. Вводимая должность «сити-менеджер», представляет собой работу по контракту, что может быть более эффективным в условиях современного политического развития. Ситивые менеджеры это кадровые работники, которые гораздо профессиональнее и компетентнее избираемого мэра или главы района. Но это человек «со стороны», у него может отсутствовать «личностное» («болеть за район») отношение к району, так как он является работником по контракту и в любой момент может разорвать контракт. Что лучше покажет время, но для эффективной работы ситивых менеджеров необходимо профессиональное формирование кадровой политики.

Для улучшения качества работы органов местного самоуправления необходимо увеличение их финансирования, но при этом надо создать эффективные меры борьбы с коррупцией. А для этого необходимо санировать все ветви власти на всех уровнях. Коррупция на муниципальном уровне оказывает негативное влияние на все стороны жизнедеятельности местного сообщества, ведет к утрате доверия к местным органам власти и формированию отстраненности населения от проблем своего муниципального образования, что еще больше усложняет процесс формирования и развития гражданского общества.

Развитие местного самоуправления является немаловажным условием формирования правового государства и гражданского общества в России, его развитие является одной из важнейших задач дальнейшей модернизации страны.

Г. Г. Авдонина
Москва

О КОММУНИКАТИВНОЙ ПРИРОДЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Изучение коммуникаций стало неотъемлемой частью политологии. Государство как стержень всякой политической системы в постиндустриальном обществе теряет свою фундаментальность, абсолютность. Государственное управление все сильнее сдвигает акценты в сторону коммуникации и дискуссий. И так как в эпоху постмодерна человек продолжает связывать свое личное благополучие и стабильность жизни с устойчивостью политической системы, политическая власть как вид коммуникации получила доминантное значение.

Рассматривая политику как систему отношений по поводу власти, в современном информационном обществе, *во-первых*, нельзя не признать за политическим текстом роли поступка, действия в борьбе за власть и реализации властных полномочий. *Во-вторых*, всякий политический дискурс можно рассматривать в широком и узком смысле: это и фрагмент действительности, вбирающий события, их участников, контекст, и коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия. В настоящее время учеными-лингвистами признана роль языка как средства осуществления политической власти, средства формирования, а не выражения мировоззрения. Общественная практика широко демонстрирует возможности политического текста в манипулировании общественным сознанием и создании неадекватной картины мира. Соответственно, лингвистика постмодерна рассматривает динамическую сторону языка в образе дискурса (языкового выражения определенной общественной практики).

Мы разграничиваем предмет политической лингвистики и предмет политической коммуникативистики: для первой интерес представляет политический язык, шире — политический дискурс; для второй — исследование власти как политической коммуникации. Политическая лингвистика основной акцент делает на изучении ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием; в политической коммуникативистике сама власть осмысливается как своеобразный метаязык, метатекст.

На примере политических текстов есть возможность выявить характерные признаки властных интенций и отражение политической реальности в коммуникативной практике представителей политической власти. Наблюдение над процессом реализации власти как политического текста в дискурсе позволяет проанализировать способы, которыми дискурс воспроизводит, легитимизирует власть. Коммуникативная природа современной политической власти подразумевает, что нельзя раз и навсегда закрепить деление на доминантных и подчиненных участников коммуникации. Коммуникативные концепции власти доказывают, что в модели коммуникации власть не всегда играет роль субъекта, а общество — роль объекта коммуникации, надо стремиться к построению субъект-субъектных отношений для достижения согласия. Но современная коммуникативная практика продолжает демонстрировать монополию государства в формировании политической повестки.

Путем анализа властных интенций представителей российской политической элиты возможно определить тенденции в развитии современных политических коммуникаций и ответить на вопрос о необходимой роли коммуникаций и дискуссий в государственном управлении. Отмечаем, что в современном информационном обществе, однозначно, есть обоюдная заинтересованность как властной элиты, так и социальных групп в развитии политических коммуникаций. Однако сказать, кто выигрывает больше от степени зрелости коммуникативной составляющей в политике — власть или общество — затруднительно. С одной стороны, усиление роли коммуникаций и дискуссий в государственном управлении может лишить власть монополии на формирование политической повестки, с другой стороны, представители власти отдают себе отчет в том, что ограничение свободы коммуникаций может привести к неконтролируемому сопротивлению и реализации контр-власти. Однако рост толерантности и плюрализма мнений не всегда ведет к выработке согласованной позиции, чаще это оборачивается повышенной конфликтностью в обществе и усилением манипуляций общественным мнением. Авторитарный же стиль правления привлекателен способностью в определенные моменты консолидировать и мобилизовать общество для быстрого достижения поставленных целей.

С. В. Аверин
Нижний Новгород

ОТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

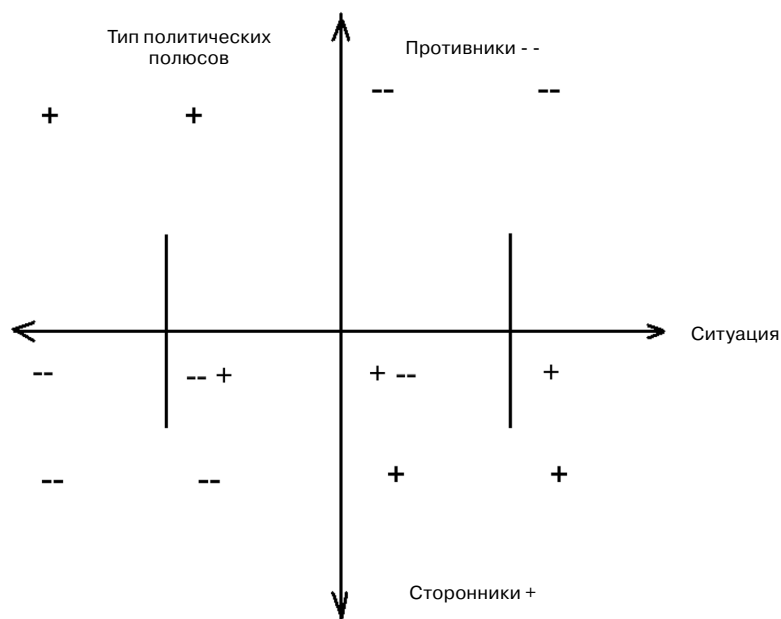
Вне зависимости от уровня общественного развития, граждане по-разному реагируют на действия власти, которые затрагивают их интересы.

Можно сказать, что обычно выделяют «мобильные» (активные) и «иммобильные» (пассивные) формы политического участия. Среди активных форм выделяется, как минимум, шесть основных вариантов¹.

Под политическим участием мы будем понимать неотъемлемое свойство политической или иной управляющей (или управляемой) деятельности людей, которое служит одним из средств выражения и достижения их интересов. Политическим участие становится тогда, когда индивид или группа вовлекаются в отношения, носящие политический характер.

Мы постараемся рассмотреть предпосылки возникновения политической активности или отсутствия политических интересов в моделях поведения противников и сторонников существующей политической системы в контексте их отношений к ее действиям.

Условно выберем два типа представителей различных политических полюсов: сторонники и противники. Разные политические полюса показывают, с каким внутренним убеждением представители рассматриваемых групп априори относятся к власти или ее действиям. Эти условные полюса противников и сторонников представителей двух различных полюсов, будут обозначены на оси *OY*. Их можно обозначить в %.

¹ Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд; С. Верба // Пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль, 2014. 500 с.

По оси *OX* отложим внешние стимулы со стороны власти и влияющие на полюса противников или сторонников (политические решения власти, законы и т.д.), и провоцирующие реакцию представителей обозначенных полюсов. Эти определенные внешние стимулы разбиваются в графике на сегменты по степени восприятия для представителей полюсов групп (обозначенных на оси *OY*), и обозначаются по степени восприятия как: +, --, +--, --+. Ось *OX* служит как фон, и поэтому здесь для выяснения отношения к ним полюсов общества не важна единица измерения, а важен факт их наличия.

В процессе столкновения представителей разных социальных групп (с ситуацией, в них возникает реакция — заинтересованность (часто выражающаяся в активности), или апатия (выражающаяся в пассивности), по отношению к тем ситуациям, которые он рассматривают как негативные или позитивные, что и отражено на графике. Эта классификация применима только к такой политической культуре, в которой заинтересованность больше выражается в активности, чем в других формах, а апатия — больше в пассивности.

Знаками + и - показана выявленная нами заинтересованность или апатия (отсутствие интереса) при наложении ситуации на сознание представителей разных политических полюсов.

Это можно обозначить следующим образом:

$$\begin{array}{ll}
 (+) + (+--) = + & (--) + (+--) = -- \\
 (+) + (+) = + & (--) + (+) = -- \\
 (+) + (--+) = -- & (--) + (--+) = + \\
 (+) + (--) = -- & (--) + (-) = +
 \end{array}$$

Заинтересованность в ситуации предполагает включение групп в ее разрешение. Апатия, условно, представляет собой отстранение от решения кризисных вопросов, то есть пассивную форму политического участия.

В рассматриваемом нами обществе, если сторонники действий власти сталкиваются со средне негативной по их мнению ситуации, которая имеет позитивное (на их взгляд) решение (+--) то это вызывает у них активность. Активность несет позитивные для власти формы — поддержку, и т.д. Если сталкиваются с ситуацией, которая им априори кажется больше плохой, чем хорошей, то соответственно это вызывает в них пассивность, еще до углубления в проблему и попыток ее решения. Пассивность тогда выступает как фон.

Предполагается, что сторонники (по своему определению как противоположного от противников полюса) склонны больше к поддержке власти и исключают для себя радикальные действия. Поэтому когда, по их мнению, «все плохо» (наиболее сильная степень недоверия к власти), они проявляют отсутствие интереса, или апатию. Противники, если они склонны к прямому выражению своего неприятия негативных (по их мнению), когда «все плохо», становятся активными.

Таким образом, амплитуда политического участия для каждой группы выражается по-разному и проявляется максимально при различных условиях, являющихся для каждой группы актуальными. Сторонники максимально включаются в работу при относительно спокойной ситуации, противники — при враждебной. Вернее, тут актуально именно то, как представители различных политических полюсов сами воспринимают эту ситуацию при существующем у них складе политического сознания.

Представленная схема дает понять, чего более всего следует ожидать от определенного сегмента общества в определенных условиях, и при каких ситуациях и внешних стимулах рассматриваемый будет наиболее активен.

Г. Ш. Адиятулина
Москва

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕЖИМА САНКЦИЙ И ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Европейский Союз и США, политические лидеры которых объявили в связи с украинским кризисом Россию одной из «главных угроз мировому сообществу»¹, ввели в 2014 г. против нее различные санкции. Обострение геополитической конкуренции побуждает Российскую Федерацию адекватно реагировать на них не только в экономическом, но прежде всего в информационно-психологическом пространстве.

Одним из действенных механизмов информационного противоборства России должна рассматриваться реализация государственной информационной политики (ГИП) в особых условиях². Концепция данного вида специальной информационной политики РФ фактически отсутствует и должна быть оперативно выработана специалистами и по согласованию с Президентом РФ утверждена правительством. Ее ключевые положения должны базироваться на основе Концепции национальной безопасности, Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, иных нормативных документов, определяющих практическую деятельность органов государственной власти и управления применительно к сфере информационного противодействия.

¹ *Cameron D., Obama B.* We will not be cowed by barbaric killers. The Times. Sept. 4, 2014. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/opinion/columnists/article4195915.ece>.

² См.: *Манойло А. В.* Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003.

Основные подходы к формированию необходимого доктринального документа неоднократно артикулировались президентом В. В. Путиным, умело использующим информационно-интерпретационную и аргументативную стратегию, свойственную, по мнению наблюдателей¹, большинству его политических речей. В них глава государства рефлексировал как ценностный, директивный и информационный регулятор, задающий основные параметры российской политики в информационной сфере.

Вербализуемый в президентском дискурсе подход к информации, восходящий к теории социальных систем немецкого социолога Н. Лумана, в рамках которой она представляет собой «неожиданный отбор из многих возможностей продолжения руководством страны эффективного сочетания кондициональной и целевой программ управления (согласно лумановской терминологии) в коммуникативной практике российской политической элиты.

В контексте сказанного отдельный интерес представляют речи главы государства, произнесенные 22 июля 2014 г. в Кремле на заседании Совета Безопасности, когда обсуждался комплекс вопросов по обеспечению суверенитета и территориальной целостности РФ, и 14 августа 2014 г. в Крыму, где на встрече с членами фракций политических партий в ГД ФС РФ были даны политические оценки санкций со стороны Запада и ответных экономических мер России. Полученные нами с применением исследовательских методик дискурс-анализа³ результаты рассмотрения размещенных на официальном сайте Президента России стенографических отчетов выступлений В. Путина позволяют относить указанные речи к тому числу текстов политического дискурса, когда «расставляются символические акценты, совокупность которых моделирует картину мира»⁴.

В них глава государства обозначает следующие важные вызовы и угрозы для страны:

1. Очевидными целями действий США являются поддержание глобального доминирования, экономического и информационного, создание для своей страны более выгодных конкурентных условий на мировых рынках с одновременным ослаблением позиций РФ на европейском рынке.
2. Инициированная США и ЕС информационная кампания направлена на дискредитацию традиционных ценностей РФ.

¹ *Паришина О. Н.* Российская политическая речь: Теория и практика / Под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. С. 169.

² *Луман Н.* Общество как социальная система. Пер. с нем. / А. Антоновский. М.: Логос, 2004. С. 74.

³ См.: *Попова О. В.* Политический анализ и прогнозирование: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 223–228.

⁴ *Почепцов Г. Г.* Коммуникативные технологии XX века. 2000. С. 85.

3. Против РФ ведутся информационно-психологические действия, ставящие своей целью создание ситуации разобщенности и дезинтеграции российского общества, деструкции государства.
4. Информационная кампания против военно-политического руководства РФ преследует задачу дискредитации эффективности мер политического урегулирования конфликта на юго-востоке Украины и подталкивания России к использованию в зоне конфликта на иностранной территории собственного контингента Вооруженных Сил, что дало бы США основание для приближения военной инфраструктуры НАТО непосредственно к границам России.

Таким образом, анализ дискурса В. Путина выявляет фундаментальные вопросы обеспечения независимости и единства РФ, надежной защиты территории, конституционного строя, своевременной нейтрализации внутренних и внешних угроз. Речи президента имплицитно содержат основные направления реализации ГИП в особых условиях, имея в виду обострение геополитической конкуренции в экономическом и информационно-психологическом пространстве.

О. В. Аксенова
Москва

ПОЛИТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ: ТРАДИЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Модернизация в ее самых разных аспектах является одной из наиболее обсуждаемых, конфликтных и при этом исторически устойчивых тем научного дискурса. Сама категория модернизации имеет множество определений, но в целом она всегда обозначала процесс достижения российским обществом состояния современности, в котором пребывают западные страны: раннего, классического или позднего модерна, постмодерна — в зависимости от конкретной исторической эпохи. Пожалуй, главную часть всех дискуссий о модернизации в России занимает обсуждение ее неудач. Действительно, в течение трехсот лет волны реформ сменялись откатами и контрреформами. Импортированные политические и гражданские институты на отечественной почве приживались плохо, превращались в имитацию, отмирали вовсе или наполнялись иным содержанием. Причину этого чаще всего искали в российском традиционализме, в архаическом устройстве крестьянского общества, которое воспроизводится по сей день. Однако ряд исследований показывает более сложное соотношение традиции и модернизации в ценностях российского населения.

Война как фактор модернизации. Петровские реформы придали достаточно сильный импульс развитию российского мануфактурного производства. В то же время к 1860-м годам в Европе произошел промышленный переворот и сложился классический промышленный капитализм, а Россия оставалась в основном аграрной, феодальной страной. Однако за те же полтора столетия российская наука достигла мирового уровня, сформировалась инженерная школа, а медицина прошла путь от знахарей и полуграмотных полковых лекарей до великого Пирогова. Отрасли, рожденные формированием индустриального общества, развивались быстрее, чем само это общество.

Этот парадокс, по крайней мере, отчасти можно объяснить постоянной военной угрозой. Запад для России всегда был потенциальным военным противником, и очень часто — противником реальным. Развитие мануфактурного, а затем промышленного производства в Европе быстро трансформировало военное дело, совершенствовало все его аспекты, от вооружений до стратегии и тактики, шли нескончаемые колониальные войны. В итоге России противостояли мощные, хорошо вооруженные и опытные армии. Догнать Европу в конце XVII в. означало создать армию нового времени. Такая армия нуждалась в промышленном оружейном производстве, в профессиональных стратегах, инженерах и врачах. Война не просто требовала модернизации, она делала ее безотлагательной.

Отмена крепостного права и земская реформа. Следующий рывок по направлению к модерну был сделан российским обществом в середине XIX в. Отмена крепостного права в 1861 г. и целый ряд последовавших реформ, в первую очередь введение земского самоуправления, повлекли за собой стремительные и противоречивые изменения, в том числе и в профессионально-управленческой сфере. Промышленный капитализм, наконец, начал развиваться относительно быстро. Развитие рынка в городах быстро превращало медицинскую помощь в товар точно так же, как и на Западе, вымывая из установок врачей принципы служения обществу. Однако существовала обширная часть здравоохранения, которая по-прежнему оставалась вне сферы уравнивающего действия капитала. Теперь она складывалась из военной медицины и медицины земской.

Земства формировали действующего субъекта. Исследователи отмечают, что публицистика и литература идеализировала образ земского интеллигента, представляя его в зависимости от политической ориентации автора, аскетом, отдающим жизнь просвещению и лечению народа, или борцом за его права. Реальность, разумеется, была сложнее и разнообразнее легенды: кто-то относился к земству как к досадной обязанности, кто-то разочаровывался и деградировал.

Индустриализация. Советская индустриализация начиналась на пустом месте почти в буквальном смысле этого слова. За годы гражданской войны

промышленность была разрушена, период НЭПа лишь оживил экономическую жизнь.

Отказ от прежнего общественного устройства породил множество дополнительных проблем. Так, попытка немедленно открыть доступ к высшему образованию для всех слоев населения, привела к тому, что в университеты хлынула масса абитуриентов, едва умеющих читать и писать. Их следовало принимать без экзаменов. На первом курсе медицинского факультета Московского университета могло учиться до пяти тысяч человек [Злазакова 2008: 23]. Но образование выстояло.

Несмотря на революционную риторику, перестройка инженерии была очередной попыткой клонирования западного индустриализма. В страну приглашались иностранные специалисты, молодые советские инженеры стажировались за границей. В данном случае идеальной моделью для копирования стали США.

Заключение. Подчеркнем, источником модернизации как процесса построения в России общества западного типа был центр. Он мобилизовал ресурсы, принуждал, наказывал, поощрял. Традиционалистская среда сопротивлялась и, как показала история реформ, с этим сопротивлением не могли справиться самые радикальные перевороты и жестокие репрессии, хотя это сопротивление редко принимало форму открытого протеста. Однако отторгались далеко не все нововведения. Рожденные Ренессансом идеи прогресса и совершенствования человека были приняты. Тем не менее, трансформировались и они. Прямой перенос инноваций действительно заканчивался провалом.

Б. В. Аксюмов
Ставрополь

«ИМПЕРСКИЙ СИНДРОМ» КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

После распада СССР и унижительного поражения в «холодной» войне сегодня, спустя 14 лет, происходит постепенное возрождение народного духа, депрессия конца XX в. сменяется новыми надеждами и амбициями, люди опять начинают мыслить масштабами глобальной политики. Возвращение после недолгой паузы глобальных амбиций связано не столько с исправлением социально-экономической ситуации в стране, успешной реанимацией армии и флота, сколько с пробудившимся имперским самосознанием российского социума.

Можно вспомнить, как в 1990-е гг. многие т.н. либералы пытались выхлестить из ментального пространства россиян саму идею имперского существования России в мире. Например, Е. Гайдар критиковал имперскую идею (или «постимперский синдром») за ее «недемократичность», за популизм, за эксплуатацию ностальгии по былому державному величию без учета исторического опыта. «В подавляющем большинстве случаев, — писал он, — реставрация империй в силу фундаментальных обстоятельств, обусловленных долгосрочными тенденциями социально-экономического развития, невозможна»¹. В другом месте он указывает на опасности, возникающие тогда, когда эту идею ставят ориентиром внутренней и внешней политики государства: «Пытаться вновь сделать Россию империей — значит поставить под вопрос само ее существование»². Однако очевидно, что под вопрос существование России было поставлено как раз в 1990-е гг., во времена господства деятелей и мыслителей, подобных Е. Гайдару, которые, не удовлетворившись развалом Советского Союза, предприняли попытку развалить еще и Российскую Федерацию. Попытка эта оказалась неудачной именно потому, что народ, несмотря ни на что, остался носителем имперской идеи, имперского самосознания, а потому стремился и стремится сегодня на генетическом уровне к сохранению территории, а не к ее разбазариванию.

Представляется бесспорным, что «имперское сознание не может исчезнуть в одночасье, в течение короткого промежутка времени, когда происходит распад самого имперского государства. Очевидно, что даже в случае падения империи имперские ценности и установки могут сохраняться в течение длительного времени в сознании населявших данное государство людей, во многом продолжая определять их мировоззрение, общественные настроения и внешнеполитические ориентации»³. В этом сохранении не следует, как это делают либералы, видеть абсолютное зло, ведущее народ в пучину новых бедствий и испытаний. Напротив, в сохранении имперского сознания в условиях отсутствия самой империи заложена возможность ее восстановления в новых исторических условиях. Имперские амбиции, вполне естественные для великой державы или для державы, стремящейся восстановить статус великой, становятся для нее тем живительным источником, из которого она черпает силы для реального воздействия на исторический процесс, для отстаивания своей парадигмы будущего человеческой цивилизации.

Как отмечает С. Никольский, представления населяющих Россию различных этнических групп о себе как об имперском народе можно с уверен-

¹ Гайдар Е. Т. «Веймарский синдром» // Коммерсант, 2006, № 20.

² Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 17.

³ Крот М. Н., Самыгин П. С. Испытание Крымом...: имперское сознание российского общества в эпоху Крымской войны 1853–1856 гг. и на современном этапе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 4. С. 22.

ностью отнести к «наиважнейшей мысли», которая была воспринята и сохранена народами, жившими в России в различные периоды ее истории, начиная с падения Византийской империи и заканчивая распадом Советского Союза. «Мысль об империи была самой ценной в нашем идейном багаже, и именно ее мы были готовы заявить и заявляли другим народам»¹.

В этой связи представляется вполне естественной почти однозначная поддержка воссоединения Крыма с Россией, продемонстрированная россиянами год назад. Согласно опросам Левада-Центра, присоединив Крым, «Россия возвращается к своей традиционной роли великой державы, утверждает свои интересы на постсоветском пространстве. Так считают 80% россиян»².

Таким образом, культурно-цивилизационная и геополитическая миссия современной России, заключающаяся в реинтеграции постсоветского пространства, зиждется на имперском самосознании российского народа. И если мы понимаем значимость подобной реинтеграции в контексте сложнейших вызовов современности, то именно «имперский синдром» будем считать важнейшим потенциалом цивилизационного развития России в мире XXI в.

А. В. Алейников, А. Г. Пинкевич
Санкт-Петербург

КОНФЛИКТЫ В ГИБРИДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ

Хотя в конфликтологической науке достаточно прочно утвердилось аксиоматическое положение Ральфа Дарендорфа: «источники родственных конфликтов в различных обществах и в разное время отнюдь не одинаковы»³, вопросы детерминированности генезиса, форм вызревания и протекания, управления конфликтами тем или иным типом политического режима освещены еще недостаточно⁴.

¹ *Никольский С. А.* Русские как имперский народ // Политическая концептология. 2014. № 1. С. 42.

² «Левада»: присоединение дополнительных регионов Украины поддерживают две трети россиян. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rusplt.ru/news/levada-prisoedinenie-k-rossii-dopolnitelnyih-regionov-ukrainyi-podderjivayut-dve-treti-naseleniya-112048.html>.

³ *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5, с. 143.

⁴ *Глухова А. А.* Политические конфликты: основания, типология, динамика. М.: Либриком, 2010, с. 53.

С одной стороны, политические практики в сфере «работы с конфликтами» могут определенным образом свидетельствовать о сущности режима, вскрывая зачастую его сознательно декорируемые черты. С другой, специфика конфликтных взаимодействий в политической сфере, функционирование конфликтов существенным образом определяются политическим режимом.

Вопрос в том, как работают институты конфликто разрешения в политических режимах, которые не соответствуют ни критериям демократий, ни признакам стерильного авторитаризма. Политолог Фарид Гулиев, анализируя обширную литературу, изучающую режимы, объединяющие авторитарные политические институты и методы управления с элементами демократии, пришел к выводу, что исследователи, как правило, описывают гибридный режим как «демократию с недостатками» или как «авторитаризм с достоинствами»¹.

Анализ литературы убеждает: основной признак гибридного политического режима (исследователи консенсусно относят к ним и Россию²) — это имитация демократических институтов в сущностно- авторитарной модели политического управления.

Раскрывая сущность «имитационных демократий», российский политолог Дмитрий Фурман подчеркивал, что в это система, «при которой власть побеждает всегда, а «правила игры», напротив, могут меняться по желанию этого постоянного «победителя»³. Важным является уточнение Екатерины Шульман о двойственном характере имитации гибридного режима — симулируется не только демократия, которой нет, но и изображается диктатура, которая не существует в реальности⁴.

В таких режимах, как показал Н. Луман, власть централизует разрешение конфликтов, исключая возможность конфликта с собой. Называя такой эффект контроля конфликтов «домостроем», при котором позволить себе конфликты может только тот, у кого есть собственность и/или власть, немецкий социолог подчеркивает, что эта модель отклоняет чрезмерные запросы и в случае конфликта ставит других в безвыходное положение, управляя коммуникацией вплоть до языка и морали. Иммунная система защищает здесь не обязательно конкретные структуры, а концентрацию потенциала изменений наверху. Для гибридных режимов характерно урегулирование конфликтов частным образом на

¹ *Guliyev F.* Measuring Hybrid Regimes: An Alternative Measurement Method and Classification of Post-Soviet Regimes // Working paper, 2012 last revised Feb 22.

² *Ekman J.* Political Participation and Regime Stability: A Framework for Analyzing Hybrid Regimes // International Political Science Review, 2009. Vol. 30. No. 1. P. 7–31.

³ *Фурман Д. Е.* Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М.: Издательство «Весь Мир», 2010. 168 с.

⁴ *Шульман Е.* Царство политической имитации // Ведомости, 15 августа 2014.

принципе принадлежности группе интересов, осуществляющей роль гаранта исполнения договоренностей (либо вообще без использования легального арбитража и судебной системы, либо с использованием их в качестве формального прикрытия властно-распорядительные полномочия при разрешении конфликтов реализуются не в зависимости от официального статуса, а в зависимости от реальной возможности осуществления контроля над распределением и использованием ресурсов. Позиция бенефициаров этих ресурсов является определяющей («руководством к действию») для всех основных институтов конфликто разрешения, включая судебные инстанции, и редко игнорируются сторонами конфликта.

В гибридных режимах конфликтное взаимодействие регулируется неписаными правилами, не зафиксированным в официальном праве («понятиями»). Граждане и властные органы в условиях конфликта действуют не на базе закона, а на основе личных отношений. При этом государство не выполняет функции арбитра в конфликтах хозяйственных спорах и гаранта исполнения договоренностей между сторонами. Реальным фактором для урегулирования конфликтов является не закон, а способность одной из сторон конфликта обеспечить свои интересы в конфронтации. Средства «принуждения к миру» базируются на неформальном «праве» сильного, замаскированного под внешнюю видимость законности, что может подразумевать и прямое насилие (политико-административное или криминальное).

Характерная для гибридных режимов конфликтная композиция институтов из разных исторических эпох, разных социальных систем обуславливает противоречия новых социальных организаций и форм взаимодействия, институциональных структур (бизнес, массовые коммуникации, образцы потребления и образы жизни) и неизменности структур бесконтрольной власти.

Именно поэтому в гибридных режимах публичные конфликты между группами внутри элиты, борьба за влияние и финансовые потоки находятся под контролем с целью избегания их открытого манифестирования в широком политическом пространстве.

ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: КАК СОХРАНИТЬ СУВЕРЕНИТЕТ И ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ЦЕЛОСТНОСТЬ?

Развязанная против России, ее политического руководства и лично Президента РФ информационная война (ИВ) представляет собой острейшую проблему, решение которой приобретает в наши дни принципиальное значение. Будем сидеть сложа руки — распилят на части. Автор предлагает меры не оборонительного (как это было до последнего времени), а наступательного характера, которые позволят нашей стране выжить в условиях жесточайшего информационного давления и шантажа. Суть предложений в следующем.

Во-первых, нам необходимо прийти к общему пониманию и, главное, законодательному закреплению понятия ИВ. Как выяснилось, эксперты понимают это словосочетание по-разному. Следует разграничить техническую и идейно-смысловую стороны такой войны, а именно кибервойну и собственно информационную, или консциентальную, войну. По поводу второй разновидности ИВ автор предлагает свое определение. *ИВ — это совокупность приемов и способов воздействия на массовое сознание с целью его подчинения и минимизации военных затрат для достижения определенных геополитических целей.*

Во-вторых, поскольку ИВ не подпадают под нормы международного права, этим активно пользуются те, кто их развязывает. Содействию закреплению в международном праве четко очерченных юридических определений и норм поведения в информационном пространстве — один из принципов асимметричного ответа на внешнее воздействие более сильных субъектов информационного противоборства. Только так можно добиться стратегического баланса сил в информационном пространстве. У них преимущества «первого удара» — с нашей стороны, жесткий асимметричный ответ. Именно России, приютившей Сноудена, смеющей возражать и спорить с Америкой, нужно выступить с такой инициативой.

В-третьих, политика России в области противодействия современным угрозам и вызовам должна быть целостной и системной. Вряд ли ее можно ограничить сферой информационной безопасности. И тут очень многое зависит от органов государственной власти, понимания ими остроты мо-

мента. Если мы хотим выстоять, органам государственной власти придется проявить политическую волю к тому, чтобы:

- организовать работу по актуализации и унификации законодательства в сфере информационной безопасности, и эта работа должна иметь оперативные сроки и конкретных исполнителей;
- ограничить влияние западных стран на сферу информационных технологий;
- разработать систему мер по обеспечению внутренней безопасности и противодействию экстремизму в России;
- продумать программу защиты отечественной культуры, русского языка, системы образования и воспитания от разрушительного воздействия пропаганды извне;
- оказывать интенсивное противодействие уже даже не попыткам, а целенаправленной кампании по фальсификации истории и, особенно, пересмотру итогов Второй мировой войны;
- содействовать отечественным СМИ в разработке правил работы с информацией и этики общения в условиях ИВ, особенно в Интернете;
- развернуть работу по оказанию содействия теле- и радиовещанию Российской Федерации на страны ближнего и дальнего зарубежья (иновещанию);
- восстановить государственное радиовещание на всей территории нашей страны;
- разработать программу информационного ликбеза и медиаобразования в школах и вузах с раскрытием механизмов когнициальной войны, или войны с сознанием, когда разрушаются ценностные установки народонаселения противника, его гражданская и национальная идентичность;
- стимулировать информационную мобилизацию: каждому патриотически настроенному гражданину России необходимо присутствовать в том числе на иностранных интернет-ресурсах для продвижения нашей информации туда и получения информации оттуда;
- понимать, что успешно противостоять информационной агрессии можно только сообща, привлекая всех: экспертное сообщество, неправительственные организации, институты гражданского общества, отдельных неравнодушных к проблеме граждан.

Но вот это «сообща» невозможно без целостной внутренней и внешней политики — понятной, прозрачной и поддерживаемой гражданами страны. Мысль (которую можно назвать национальной идеей, идеологией, миссией России — как угодно) — кто мы, что мы хотим, к чему стремимся — должна быть в конце концов четко сформулирована, для того чтобы

и граждане внутри страны, и все, кто снаружи, понимали — что есть Россия и каковы ее устремления. И сформулирована она должна быть не посредственными чиновниками в кабинетах и не единолично главой государства. Это должна быть широкая общественная дискуссия, которая в итоге вырабатывает консолидированное мнение. Такой подход безусловно в интересах России, и только он гарантирует нам успех.

И, пожалуй, самое главное: наше государство, наладив реальную обратную связь с гражданским обществом, объясняя ему свои решения и внимая советам, должно перейти от оборонительной тактики к тактике наступательной — само вести информационные войны. Но, заточив острие информационного оружия и нанося прицельные, точные информационные удары в болевые точки противника, государство должно пользоваться проверенной информацией и объективными фактами. Это изменит наши позиции в глазах мировой общественности, укрепит имидж и даст шанс не быть побежденными в информационной войне.

*С. Я. Алибекова
Махачкала*

РАДИКАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГИИ И СОВРЕМЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Наиболее опасной тенденцией в мире стал современный экстремизм. Он является крайней формой интолерантности, агрессии и насилия как метод выражения непримиримости в отношении к инакомыслящим. Проблема экстремизма обусловлена как с внешними, так и с внутренними факторами. Причина и источник экстремизма как идеологии кроется в интеллектуальной и нравственной ограниченности личности. Экстремистские методы могут сопутствовать различным учениям, политическим программам. Для реализации своих целей идеологи предполагают возможность и необходимость применения насилия, даже если оно выходит за рамки «правового поля».

Важнейшей особенностью деятельности экстремистских и террористических организаций является их активное использование виртуального пространства и современных технологий¹. Влияние пропагандистской информационной базы Интернет-ресурсов формируют негативные стереотипы, которые весьма быстро осваиваются особенно подрастающим

¹ Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организации, практика, профилактика и противодействие / Рук. авт. колл. Дибиров А.-Н. З., Сафаралиев Г. К. Махачкала: Издательство «Лотос», 2009. С. 586.

поколением. В этой связи наиболее распространенным отмечается молодежный экстремизм, основанный на культивировании принципа силы. Он неразрывно связан со снижением уровня образования и культуры, разрывом преемственности ценностных и нравственных установок разных поколений, снижения показателей гражданственности и патриотизма, криминализации сознания в условиях социально-экономического кризиса и политической неопределенности. Особенность современного экстремизма наблюдается в его этнополитическом и конфессиональном камуфляже. Исламизм как реформаторская попытка обновления и возрождения ислама через механизмы и идеалы политической власти, неизбежно усугубляет религиозный раскол внутри ислама и ведет к появлению разных направлений. Наибольшую угрозу представляет радикально-экстремистский исламизм, который полностью обнажает скрытую деструктивную сущность всего механизма в целом, не имеющего истинных связей с исламом. Он выражается в жестком неприятии идей другой конфессии, в стремлении к искоренению представителей иной веры, направленных на укрепление гражданского мира в стране.

Рост радикальных настроений и нетерпимости в молодежной среде, изменившиеся требования времени показали необходимость разработки и принятия системных мер государственного реагирования. В многовекторном системном миропорядке глобальные и локальные трансформации, связанные с религиозно-политическими проблемами, происходят крайне неоднозначно и противоречиво. Исламский мир является гетерогенным, неоднородным, что с одной стороны оправдывают любые попытки поиска новых политических катаклизмов. Эти угрозы обусловлены не только полисубъективной разноголосицей современного социально-политического процесса, но и небывалым всплеском новых возможностей научно-технического существования человека и общества в мире. Все это неизбежно влечет за собой непрерывную череду проблем, конфликтов и противоречий, представляющих опасные непредсказуемые последствия для существующего миропорядка и спокойствия.

Политическая и религиозная сферы жизни прямо или косвенно всегда были важными и взаимосвязанными основами развития цивилизованного общества. На разных этапах истории одни религиозно-политические связи усиливаются, а другие ослабевают, одни сферы синтеза, интеграции и консолидации религиозно-политических отношений сменяются другими, ранее удаленными друг от друга. Происходит своеобразный исторический поиск и отбор форм религиозно-политического сближения, которые откроют новые возможности и перспективы культурного и цивилизационного развития общества в целом.

Экстремизм выступает одной из имманентных характеристик любого общества, его полное искоренение репрессивно-правовыми или экономи-

ческими методами невозможно на основе динамичного комплекса социально-политических и культурно-образовательных мер международного, государственного и регионального уровней.

А. С. Артюхин
Выборг

РОЛЬ ВОЙНЫ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

В начале XXI столетия однополярный мировой порядок оказался в состоянии системного кризиса. Стратегический курс США как единственной оставшейся после распада СССР сверхдержавы, направленный на достижение своего мирового господства и контроля над всей системой международных отношений, вызывает все большее недовольство и противодействие со стороны других субъектов мировой политики. Поскольку исторический опыт убедительно показывает, что ни один мировой лидер, несмотря на признание действия закона «имперского перенапряжения», не желает добровольно отказываться от предоставляющего столько конкурентных преимуществ статуса, смена мирового порядка сопровождается усилением геополитического противоборства. Понижительная волна кондратьевского цикла, начавшаяся, согласно оценке В. И. Пантина, с 2005 г., предполагает наступление фазы «великих потрясений», сопровождающейся обострением международных конфликтов, экономическими кризисами, социальными потрясениями, революциями и многочисленными войнами¹.

Процесс трансформации мирового геополитического порядка в сторону многополярности неизбежно ведет к росту военных угроз, что требует более пристального внимания к феномену войны как геополитическому фактору. Впрочем, война всегда сопровождала человечество на протяжении всей его истории. Уже с древнейших времен именно война признавалась наиболее эффективным способом достижения государством своих внешнеполитических целей и интересов. Могущество государства оценивалось, в первую очередь, посредством его военных успехов. В частности, еще в «Книге правителя области Шан» говорится: «Когда посещаешь какую-либо страну и знакомишься, как управляют ею, то видишь, что могу-

¹ Пантин В. И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможные ответы. Дубна: Феникс+, 2009. С. 137–139.

ственно то государство, в котором активно используется военная сила ... тот, кто сумеет привить народу любовь к войне, добьется господства в Поднебесной»¹. Насилие, возведенное в ранг закона, изначально рассматривалось как самое простое и доступное средство управления людьми.

Древнегреческий историк Фукидид в своей «Истории Пелопонесской войны» также приходит к выводу, что отношения между государствами по своей природе конфликтны в силу объективного несовпадения их интересов. Каждое государство стремится обеспечить свою безопасность за счет других, поэтому войны неизбежны. Вся история, по Фукидиду, — цепь военно-политических событий. В его трактовке война — нормальное состояние государства в силу стремления человека доказать свое превосходство над другими и захватить побольше чужого².

Геостратегический анализ войны классического типа представлен в известном труде Карла фон Клаузевица «О войне», где она рассматривается как «подлинное орудие политики», «продолжение политических отношений, проведение их другими средствами»³. Войну не следует рассматривать только лишь как средство достижения определенных политических целей, она имеет собственную логику осуществления, способна оказывать преобразующее воздействие на политику, задавая ее основополагающие смыслы. Война может оказаться вполне самодостаточной целью, несмотря на все разрушительные последствия для государств, ее инициирующих.

Война с самого момента утверждения геополитики как самостоятельной науки стала одной из ее ключевых категорий. Сущность войны в классическом ее понимании выражается в следующем: «Война — социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю степень противоборства государств, народов, социальных, национальных, или религиозных групп, основное содержание которого составляет широкое применение военной силы»⁴.

Научно-технический прогресс и развитие информационных технологий привели к тому, что на смену классических войн с участием вооруженных сил пришли войны информационные. В начале XXI в. геополитическое противостояние в мире все больше стало приобретать характер информационного противоборства. Целями геополитического соперничества в информационной сфере являются: овладение информационными ресурсами противника⁵, нейтрализация или разрушение информаци-

¹ Книга правителя области Шан / Пер., вступит. статья и коммент. Л. С. Переломова. М.: Наука, 1993. С. 211.

² Фукидид. История. М.: Наука, 1981. С. 134–135.

³ Клаузевиц К. О войне. М.: Логос, 1994. С. 16.

⁴ Геополитика: Энциклопедия / Под общ. ред. В. Л. Манилова. М.: ГЕРРА — Книжный клуб, 2002. С. 88.

⁵ Там же. С. 89.

онно-стратегического ресурса другого субъекта и его вооруженных сил¹, нарушение информационной безопасности и системы государственного и военного управления враждебных государств², воздействие на инфокоммуникативную систему противника для формирования благоприятной глобальной информационной среды для проведения геополитических операций³, достижение информационного превосходства в организации управления войсками⁴. Главным оружием в информационной войне выступают средства массовой информации, которые осуществляют манипуляцию общественным сознанием, превращают реальность в виртуальное пространство.

Разновидность информационных войн, связанная с осуществлением управления сознанием человека, получила название конциентальной войны (термин Ю. В. Громько). В ходе ведения этой войны основной удар наносится по национальной культурной и исторической идентичности общества, производится разрушение системы ценностных ориентиров и замена их виртуальными симулякрами. В результате применения конциентального оружия население страны утрачивает способность объективно оценивать место и роль своего государства на мировой арене, понимать жизненно важные стратегические интересы, формируется безразличное отношение к будущему страны. Дискредитация основополагающих культурно-исторических ценностей ведет к разрушению социальных связей и дезинтеграции общества.

Использование информационно-психологических технологий воздействия на мировое общественное мнение все чаще способствует реализации крупных геополитических целей: распад СССР и социалистического блока государств, провоцирование локальных этноконфессиональных конфликтов, осуществление «цветных революций» и «гуманитарных интервенций» для свержения неугодных политических режимов. Информационная война — серьезный вызов национальной безопасности России.

¹ Ивашов Л. Г. Россия или Московия?: Геополитическое измерение национальной безопасности России. М.: Эксмо, 2002. С. 200.

² Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. С. 173.

³ Василенко И. А. Геополитика современного мира. М.: Гардарики, 2006. С. 53.

⁴ Карякин В. В. Геополитика третьей войны: трансформация мира в эпоху Постмодерна: Монография. М.: Граница, 2013. С. 157.

Л. А. Асоян
Гюмри, Армения

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Современные армяно-русские отношения характеризуются как «стратегическое партнерство», основой которого является большой «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности» 1997 г., затрагивающий практически все сферы жизни двух государств — от совместных военных учений до образовательных и культурных программ.

Основы стратегического партнерства Армении и России закладывались более двух столетий назад и являют собой историю динамично развивающихся отношений на фоне обоюдных внутривнутриполитических изменений, тогда как внешнеполитический вектор практически оставался неизменным при трансформациях и власти, и социально-политического строя, и гражданского настроения. Этому во многом способствовало наряду со многими факторами и информационная составляющая и сформировавшийся на протяжении веков положительный образ партнера.

В годы советской власти информация и методы, инструменты ее передачи, хранения и прочее были под надежной защитой. Государство в целом успешно справлялось с задачей обеспечения информационной безопасности, в том числе и методом патриотического воспитания коммунистической молодежи.

После развала Советского союза образ Матушки — России был несколько деформирован. Появились критика и альтернатива, неподвластная цензуре печать. Инструменты передачи и тиражирования информации стали более доступными, появились не только новые газеты, но и частные теле-, радио-каналы, которые не только высказывали или тиражировали альтернативную точку зрения, но и ставили под сомнение целесообразность российско-армянского сотрудничества. Однако в скором времени, примерно с конца 1990-х гг. прошлого века отношения с Россией были восстановлены. Россия же в свою очередь, задумавшись о восстановлении имиджа зарубежом, приступила к конкретным действиям: на волне ностальгии по СССР началась активная антипропаганда западных ценностей, а информационное поле заполнилось аналитическими доводами о плюсах стратегического партнерства.

Таким образом, подвергаясь различным метаморфозам образ «царя-освободителя», «большого брата» трансформировался в более понятный,

современный, приемлемый образ стратегического партнера, что было закреплено уже в правовом поле с конкретными формулировками и конкретными двусторонними обязательствами в том числе и в информационно-коммуникационной сфере, так как всегда придавалось определенное значение формированию положительного образа и имиджа друг друга на информационном пространстве, как одного из составляющих процесса обеспечения национальной безопасности.

Сегодня информационная безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности, так как современное общество невозможно представить без всевозможных ресурсов, методов, инструментов получения и распространения информации. Мы становимся современниками и очевидцами процесса формирования информационного общества. Этот процесс впрочем не видится возможным без формирования культуры обеспечения безопасности в информационном пространстве как у пользователей, так и у владельцев информационных систем и ресурсов. Подготовленный теоретически гражданин с минимальными практическими навыками владения инструментами информационной безопасности в разы менее уязвим при возникновении угроз в отношении него или в отношении принадлежащих ему систем¹.

Проблемы информационной безопасности постоянно усугубляются процессами проникновения во все сферы общества технических средств обработки и передачи данных и, прежде всего, вычислительных систем², выходя далеко за пределы отдельного индивида, предприятия, государства. Все большее значение принимают в нашей жизни глобальные соц. сети, которые зачастую преследуют далеко небезобидные цели. Вспомним недавние революции в арабских странах, политические скандалы в результате сообщения *Wikileaks*, из чего следует, что социальные сети представляют собой важное средство коммуникации XXI в., которое не только является мощным инструментом сбора информации, но и позволяет тиражировать те или иные воззрения широкой аудитории и в этом плане особо возрастает роль государственного регулирования процесса обмена, доступа или передачи информации.

В результате невероятно быстрого развития информационных и телекоммуникационных технологий (ИКТ), и в первую очередь интернета изменения затронули практически все пласты общественных процессов, включая международные отношения — от социальных и политических преобразований в арабском мире (Арабская весна) до беспрецедентного роста таких феноменов, как политически мотивированный хактивизм, слив государственных секретов в Сеть (*Wikileaks*), кибервойны и кибершпионаж.

Обеспечение глобальной безопасной информационной среды становится сегодня важнейшей задачей человечества. Становятся актуальными

¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/ru/directions/?direction=44>.

² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://all-ib.ru/>.

вопросы международного сотрудничества в процессе формирования глобальной безопасной информационной среды.

В этом контексте особое значение приобретают не только международные соглашения, концепции и другие нормативно-правовые документы, регулирующие процесс обмена, распространения информации, а так же ее качественной и надежной защиты, но и двусторонние и многосторонние договоры между стратегическими партнерами, итоговые резолюции заседаний в различных форматах взаимодействия и сотрудничества (например ОДКБ, СНГ и т.д.).

Республика Армения как и любое другое суверенное государство имеет свои национальные интересы и исходя из положений Стратегии национальной безопасности РА можно утверждать, что информационная и коммуникационная безопасность является одной из важнейших составляющих «системы обеспечения стабильного развития и безопасности государства, общества и личности, государственной политики сохранения армянской идентичности»¹. Армения традиционно придает большое значение сотрудничеству с Россией в оборонной, военно-технической и энергетической сферах, в сфере задействования транспортных маршрутов, в вопросах региональной стабильности и безопасности, в деле улучшения правового статуса граждан Армении, проживающих в России². В свою очередь стратегическое партнерство призвано обеспечивать интересы национальной безопасности каждой из сторон. В этой связи возрастает роль и значение стратегического партнера, как гаранта в том числе и информационной безопасности, поддержания положительного имиджа друг друга. Тем более, что ст. 6 Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности гласит «Проведение совместных мероприятий по вопросам обеспечения информационной безопасности осуществляется на принципах равноправия и взаимной выгоды»³. Однако, к сожалению эта договоренность на сегодняшний день выполняется частично. Мв неоднократно становимся свидетелями репортажей, тиражирующих понятие «лицо кавказской национальности», рассказывающих об армянах-нарушителях закона (вспомним сюжет о Грачье Арутцянне, водителе в женском халате), или распространения в сети рейтинга самых богатых армян России.

¹ Стратегия национальной безопасности Республики Армения (Одобрена на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января 2007 г.) с. 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mfa.am/u_files/file/doctrinerus.pdf.

² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mfa.am/u_files/file/doctrine/Doctrinerus.pdf.

³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://minsvyaz.ru/ru/doc/?id_4=811.

Секретарь Совета нацбезопасности Артур Багдасарян отметил, что Концепция информационной безопасности Армении от 16 апреля 2009 г. имеет исключительно важное значение в деле обеспечения информационной безопасности страны. В проекте обозначены национальные интересы Армении в сфере информационной безопасности, виды и источники угроз, основные задачи и методы обеспечения информационной безопасности. В документ включены основные положения государственной политики по обеспечению информационной безопасности в Армении и первоочередные мероприятия по их реализации¹. «Концепция информационной безопасности» была утверждена в дальнейшем в рамках программы Индивидуального партнерства Армения-НАТО (ИПАР)².

А. В. Атаев
Москва

ПРОПАГАНДА ТЕРРОРИЗМА И ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Исламский радикализм является действенным и отработанным методом дестабилизации общественно-политической и религиозной ситуации в государстве. В последнее время джихадисты и исламские радикалы для решения своих задач активно используют виртуальное пространство. В социальных сетях идет активная вербовка молодежи в состав вооруженных формирований Исламского государства («ИГИЛ»). Утверждение о фактически сформированной виртуальной джихадистской коалиции в социальных сетях находит подтверждение в деятельности многочисленных радикальных групп и сообществ. Есть основания полагать, что в перспективе возможна «развиртуализация» джихадизма и легитимация в стране радикальной исламистской оппозиции. Так как существующие формы и методы противостояния джихадистам не очень эффективны, усиление позиций радикалов возможно уже в ближайшие годы.

Российская социальная сеть «В Контакте» в последние годы стала основным «джихадистскообразующим» ресурсом в России. С сожалением

¹ В Армении одобрен проект концепции информационной безопасности, 16.04.2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newsarmenia.ru/arm1/20090416/42058729.html>.

² Управление границами и информационная безопасность: ИПАР Армения-НАТО, 02.12.2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1474280.html>.

приходится констатировать, что противодействие джихадистам со стороны силовиков не носит превентивного системного характера, а общество не в состоянии формировать антиджихадистскую повестку дня.

Нельзя не обратить внимание на то, что укреплению исламского радикализма в России способствует благоприятная «историческая память» о войнах джихада Северного Кавказа. Устоявшиеся и «закрепленные» в социальных сетях мифы о национально-освободительной войне чеченского народа, переросшей в «праведный джихад», являются питательной средой для джихадистов и их потенциальных сторонников.

В социальных сетях идея чеченского (северокавказского) националистического проекта на фоне активизации джихадистского постепенно маргинализируется. Идеологию создания независимого кавказского государства продвигают немногочисленные националистические структуры, аналогичные группам «Кавказский союз»¹ (124 подписчика) или *CAUCASIAN UNION*² (3710 участников).

Действия «Имарата Кавказ» поддерживаются значительным количеством пользователей социальных сетей. Группы и страницы «имаратчиков» наполняются джихадистским контекстом более системно и регулярно³. До недавних пор осуществлялся эффективный рекрутинг в ряды «виртуального бандподполья» Северного Кавказа (сторонников «Имарата Кавказ»), но после провозглашения лидером ИГ («ИГИЛ») халифата, в социальных сетях стали доминировать радикальные джихадистские группы нового толка. Методика продвижения джихадизма в социальных сетях изменилась существенным образом. Идеологи джихадизма считают, что каждый мусульманин теперь может стать строителем халифата. Профессиональные джихадисты пытаются нивелировать противоречия между джихадистами Исламского государства и «Имарат Кавказ». Радикалы, воюющие в Сирии и Ираке, регулярно обращаются к боевикам «Имарата Кавказ» с предложением перейти под знамена ИГ («ИГИЛ»)⁴. Основными информационными ресурсами джихадистов является социальная сеть «В Контакте». Работа в северокавказском бандподполье дала результат — первыми присягнули «халифу» Аль-Багдади дагестанские джихадисты а позже присоединились чеченские⁵.

Популяризация джихадизма в соцсетях. Привлекательность исламистского радикализма является продуктом работы средств массовой информации, целенаправленной деятельности арабских государств и некоторых крупных транснациональных исламских некоммерческих фондов. Благодаря социаль-

¹ URL: https://vk.com/kvkz_unit.

² URL: <https://vk.com/club34614885>.

³ URL: https://vk.com/respublika_of_ichkeria; <https://vk.com/salyafit30>, <https://vk.com/qawqaz>.

⁴ URL: http://vk.com/feed?w=wall264570062_5414.

⁵ URL: http://vk.com/feed?w=wall232060701_180; http://vk.com/phgjh?w=wall-79298278_60.

ным сетям «проект» построения халифата носит глобальный характер и является источником мотивации для сотен тысяч мусульман из разных стран.

Целенаправленная системная работа по героизации мучеников за веру, а фактически террористов, способствует идеализации исламистского радикализма. Этот мотив стал привлекательным и популярным трендом в социальных сетях.

Работа джихадистских и исламистских групп в российских социальных сетях, направленная на увеличение сторонников «Исламского государства», совершенствуется в ежедневном режиме. Целевой аудиторией радикалов являются, как правило, традиционные мусульмане, молодые радикалы и представители других конфессий. Традиционных мусульман джихадисты радикализуют, молодым радикалам создают условия для инкорпорирования в ряды незаконных вооруженных формирований и диверсионно-террористических групп, а среди не мусульман активно ведется религиозно-политическая пропаганда ислама.

Приходится констатировать, что недоговороспособность и жестокость джихадистов и их агрессивное самопозиционирование в социальных сетях способствуют радикализации общества. Виртуальное пространство является реальным полем битвы.

А. О. Ахиев, В. Э. Абелинскайте
Москва

ЭФФЕКТИВНОСТЬ БЮРОКРАТИИ ВНУТРИ И ЗА ПРЕДЕЛАМИ КУЛЬТУРНОГО АРЕАЛА ЗАПАДА: НОРМА О БЕЗЛИЧНОСТИ VS ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО

Эффективность бюрократии как ключевого элемента в системе государственного управления остается дискуссионным вопросом как в классических¹, так и в современных² исследованиях.

Ряд исследований, наследующих веберовскую идею, выдвигают тезис об обезличенной бюрократии как единственно возможной форме устройства государственного аппарата. В частности, Д. Норт, Дж. Уоллис

¹ Вебер М. Бюрократия // Шафритц Дж., Хайд А. Классики Теории Государственного Управления, 2003, с. 56–63.

² Peters B. G. Politics of Bureaucracy: An Introduction to Comparative Public Administration. Routledge, 2014.

и Б. Вайнгаст в своей работе «Насилие и социальные порядки» указывают на три порядка, существовавших в истории человечества: примитивный, закрытого доступа и открытого доступа. Переход от одного типа к другому был обусловлен неолитической и промышленной революциями. Если порядок закрытого доступа связан с распределением власти и, следовательно, возможностью использовать инструменты насилия между различными группами элит, при одновременной сильной персонификации принимаемых решений и их реализации посредством бюрократии, то открытый порядок закрепляет право на легитимное насилие у одной группы, а бюрократия становится обезличенной. К последней группе стран авторы относят США, Японию и страны Западной Европы¹. Д. Норт и соавторы отстаивают идею, что порядок открытого доступа, характерный для этих государств, является более эффективным, чем другие порядки, в то время как максимальная эффективность достигается в условиях безличности².

Корреляционный анализ переменных (в частности, индикатор эффективности правительства и показатели *Rule of Law u Voice and Accountability* Всемирного Банка (*GRICS*)³), выступающих в качестве критериев эффективности бюрократии, в целом подтверждает тезисы Норты. Тем не менее, при рассмотрении ключевого показателя — эффективности низкие значения наблюдаются у некоторых стран, по версии Норты, представляющих порядки открытого доступа: Италии, Испании, Ирландии и Франции.

В то же время эмпирические исследования⁴ стран, не соответствующих критерию обезличенности бюрократии, вновь поднимают вопрос, является ли обезличенность достаточной или необходимой причиной; действительно ли указанная связь является универсальной для всех возможных наблюдений?

Мы полагаем, что подобные государства, находящиеся вне культурного и географического ареала Запада, в равной степени способны вырабатывать особые механизмы эффективного функционирования бюрократических аппаратов, не следуя веберовским идеалам обезличенной бюрократии, а предлагая собственные механизмы, основанные на широком применении неформальных практик. Подобные неформальные практики представляют собой субституты⁵ «западных» институтов.

¹ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Издательство института Гайдара, 2011. С. 52–414.

² Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Издательство института Гайдара, 2011. 480 с.

³ The Worldwide Governance Indicators (WGI) project // World Bank. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>. Дата обращения: 15.03.2015.

⁴ Дарден К. Целостность коррумпированных государств: взяточничество как неформальный институт управления // Прогнозис № 2 (18), 2009. С. 109–135.

⁵ Петров Н. Субституты институтов // Отечественные Записки, № 6 (39), 2007.

Такие государства (среди них мы находим Алжир, Никарагуа, Зимбабве, Румынию, Россию и Кению) в общем виде соответствуют 3 критериям: 1) коррупция является частью неформального контракта в приципал-агентских отношениях внутри бюрократической системы; 2) «западные» принципы верховенства права не соблюдены, а государство функционирует на основе некодифицированных неформальных практик¹; 3) тем не менее целый ряд показателей (к примеру, способностью к сбору налогов и общие государственные расходы в процентном отношении от ВВП) отражает относительно высокий уровень эффективности бюрократии.

Подобные разногласия, существующие не только в теоретическом поле, но и в области анализа эмпирических данных, актуализируют ряд вопросов: чем объясняется относительно низкая эффективность бюрократии в обществах с порядком открытого доступа; с чем связана эффективность государственного управления в некоторых обществах с порядком закрытого доступа; какую из обозначенных групп представляет современное российское государство, и насколько оно эффективно?

С. Ф. Ахматнурова
Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СТОРОННИКОВ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В рамках исследования кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ автором проведено изучение политического поведения сторонников власти и оппозиции. Сторонники власти в настоящем исследовании представлены 21% респондентов, системной оппозиции — 15%, несистемной оппозиции — 3%. 42% респондентов ответили, что не считают себя сторонником никакой политической силы, остальные затруднились с ответом.

Во всех группах выше всего готовность принять участие в выборах в качестве избирателя. В митинге сторонники оппозиции готовы участвовать чаще, чем сторонники действующей власти. От провластных респондентов к несистемным оппозиционерам последовательно возрастает готовность принять участие в забастовке (см. табл. 1). Готовность выступить депутатом изъявили около 20% каждой группы.

¹ См.: К. Целостность коррумпированных государств: взяточничество как неформальный институт управления // Прогнозис № 2 (18), 2009. С. 114.

Таблица 1

Готовы ли Вы принять участие...?¹

	Сторонник		
	Действующей власти (а)	Системной оппозиции (b)	Несистемной (уличной) оппозиции (с)
в выборах как избиратель, %	76	71	69
в митинге поддержку той или иной политической партии, %	13	26 a	33 a
в забастовке, %	10	20 a	39 ab
в выборах как кандидат в депутаты, %	20	16	16
ни в чем, %	9	8	11
затрудняюсь ответить, %	6	5	3

Респонденты, определившие себя как «сторонники власти», сомневаются в необходимости митингов в поддержку власти и не верят в результативность оппозиционных митингов. Первые, по их мнению, не нужны, поскольку «когда человека все устраивает, он не приходит выразить свое мнение»². На оппозиционные же митинги, по их мнению, ходят в основном от безделья или «чтобы покрасоваться»³.

Системная оппозиция не воспринимает митинги как инструмент решения вопросов, но признает за ними возможность привлечь внимание к проблеме. «<Митинг> имеет смысл, так заметна заинтересованность людей в политической жизни своей страны... это выражение своего мнения»⁴. В отношении провластных митингов сильно предвзятое отношение, отчасти покрепленное собственным негативным опытом. Однако определенный скепсис сохраняется и в отношении оппозиционных митингов. Респонденты считают, что для создания иллюзии массовой поддержки, на этих митингах тоже бывают «оплаченные» участники. Однако, по их мнению, в отличие от провластных митингов, здесь встречаются «идейные» участники: «Туда всех сгоняют. И на оппозиционные, и на провластные. На оппозиционных правда меньше сгоняемых. Просто потому что там больше настоящих людей»⁵.

¹ Значимые различия на уровне 95%.

² ж., 28 л., высш. обр., Москва.

³ м., 25 л., высш. обр., Москва.

⁴ м. 20 л., неполн. высш. обр., Курск.

⁵ ж., 58 л., сред. обр., Москва.

Среди сторонников несистемной оппозиции мы заметили наибольшую рассогласованность в декларируемом и реальном политическом поведении. Наибольшая готовность участвовать в митингах и забастовках связана с тем, что сторонники несистемной оппозиции не могут найти «своих» представителей в избирательном бюллетене. Они предпочитают «голосовать ногами» и допускают радикальные действия: «До этой власти не достучаться обычными способами. А можно только путем оружия, как сделали ребята на Майдане... Нам бы тоже пора уже проснуться»¹; «Можно (повлиять на принятие решений — прим.авт.), открытым бунтом — безжалостным и беспощадным»². Часть респондентов разочарована современной оппозицией и тем, что протест ни к чему не привел: «Ходил даже на митинг в декабре 2011 года, но потом мне это надоело, это та же клоунада. Современная оппозиция в виде Навального и Удальцова имеет не очень красивый портрет»³; «У нас все инертные какие-то. Слили протест!»⁴. Хотя общественный спрос на перемены может возрастать, оппозиция едва ли сможет мобилизовать большое число сторонников в силу разобщенности ее лидеров⁵.

Для радикальных оппозиционеров митинги потеряли свою привлекательность как канал для выражения мнения. Для других же участие в митингах остается лишь абстрактной нормой, идеальным образцом собственного поведения⁶.

Таким образом, готовность участвовать в митингах и забастовках последовательно возрастает от провластных респондентов к несистемной оппозиции. Однако, несмотря на это, меньшинство воспринимает митинги как инструмент политической борьбы. Для системной оппозиции это один из способов привлечь внимание властей к проблеме, для несистемной оппозиции — фактически единственный способ высказать свое мнение. Однако среди последних растет разочарование оппозицией, что ведет к снижению участия в политической жизни страны в целом.

¹ м., 31 г., высш. обр., Москва.

² ж., 22 г., высш. обр., Москва.

³ м., 57 л., сред. спец. обр., Саратов.

⁴ м., 31 г., высш. обр., Москва.

⁵ См. по Гельман В. Трудное возрождение политической оппозиции в России. ПОНАРС Евразия, аналитическая записка № 341, сентябрь 2014. С. 6. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://tuhat.halvi.helsinki.fi/portal/files/44281035/Peppm_341_rus_Gelman_September2014.pdf.

⁶ Сознание и трудовая деятельность (ценностные аспекты сознания, вербальное и фактическое поведение в сфере труда). Киев-Одесса. Виша школа. 1985. С. 14.

Е. Л. Бадмацыренова
Улан-Удэ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XX ВЕКЕ И РАСШИРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН

Образование Советского государства в начале XX в. поставило на повестку такое специфическое направление как государственная политика по вовлечению женщин в общественно-политическую деятельность. В период становления Советской власти именно это направление рассматривается как приоритетное, охватывающее все формы и направления работы с женщинами, иными словами, социальная политика, здравоохранение, защита материнства и детства, просвещение и образование, труд и занятость женщин выступали как атрибут нового социалистического общества, строительство которого возможно через активную общественно-политическую деятельность.

Необходимость развития этого направления была обусловлена стремлением советского политического режима повысить свою легитимность, признание и поддержку населением. В наиболее общем виде оно выступает частью системы формирования политической культуры нового — социалистического типа. Вместе с тем, нельзя не признать, что кроме собственно политических целей, которые все же превалировали, решались и насущные задачи повышения социального, экономического и культурного уровня жизни женщин.

Кроме того, женщины как социально-демографическая общность в начале XX в. обладали весьма высоким общественно-политическим и экономическим потенциалом, использовавшимся в дореволюционный период крайне малоэффективно, в то время как в советский период можно наблюдать широкое вовлечение женщин в решение наиболее острых социальных, политических и особенно экономических проблем модернизации советского общества.

Структура государственной политики по вовлечению женщин в общественно-политическую деятельность в советский период представляла собой взаимодействие советских государственных, партийных и профсоюзных органов на всех уровнях власти. Общее руководство, концептуальную разработку и идеологический контроль осуществляла коммунистическая партия. Важным элементом этой структуры выступали особые органы по

работе с женщинами, такие как Женотделы, а также организованные взаимодействия между женщинами, такие как делегатские собрания, кружки, женсоветы и т.д.

Выборы как одна из форм политического участия граждан является одним из важнейших показателей современного государства. Распространение электоральных прав и расширение участия граждан до всеобщего избирательного права в современных западных странах С. Роккан описывает через пять стадий. Последней стадией, характерной для современных государств, является расширение всеобщих и равных гражданских прав на женщин, молодежь и временных резидентов, а также выравнивание территориального выборного представительства¹. В советский период вовлечение народных масс, в том числе и женщин, в общественно-политическую деятельность на всех уровнях власти считалось одним из признаков развития зрелого социалистического общества. Включенность в общественно-политическую жизнь выступала важным компонентом жизнедеятельности советской женщины, принципиальным показателем социальной зрелости, одним из критериев всесторонности развития и целостности личности². Показателями выступали членство в КПСС и ВЛКСМ, участие в деятельности органов государственной власти и общественных организаций, прежде всего в профсоюзах. Согласно основному закону советского государства деятельность представительных органов народовластия — Советов народных депутатов, составляла политическую основу советской республики, а широкое участие всех слоев населения должно было демонстрировать всему миру подлинную социалистическую демократию.

Высокая динамика преобразований в области государственной политики по отношению к женщинам, изменения в структуре государственных органов этого направления, стремление выработать эффективные формы и методы работы с женщинами являются показателем большого значения, придаваемого женской проблематике на начальных этапах формирования Советского государства. В этот период происходит становление советской системы общественно-политической деятельности, причем политической активная часть женщин использует уникальную ситуацию становления социалистического государства для реализации передовых для того времени программ достижения равноправия женщин. Вместе с тем, в тридцатые годы определяется долгосрочная тенденция к ужесточению советского политического режима, что отразилось, в том числе и в формировании безальтернативной иерархизированной, подчиненной строгому партийному контролю, государственно-центристской модели женского участия.

¹ Rokkan S. Citizens, Elections, Parties: Approaches to the Comparative Study of the Processes of Development. Colchester, ECPR Press, 2009. P. 149.

² Новикова Э. Е. Женщина в развитом социалистическом обществе. М., Мысль, 1985. С. 75–76.

Н. А. Баранов
Санкт-Петербург

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЕКТОР РОССИИ: ПОИСК СОБСТВЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Евразийский интеграционный процесс органично вписывается в современный международный тренд, связанный с преодолением градоделительных барьеров между странами и созданием эффективной экономической системы, способствующей развитию государств. При этом следует обратить внимание на то, что наиболее успешные экономические интеграционные проекты реализуются между странами с демократическими политическими системами. Да и желание интегрироваться высказывают, прежде всего, страны с открытой системой власти, основанной на демократии и доверии к политикам со стороны народа.

В данном контексте евразийский проект имеет свои особенности:

- в политике — странам, ориентирующимся на евразийскую интеграцию, не удалось осуществить либерально-демократические преобразования, поэтому их политический режим варьируется между демократией и авторитаризмом, приближаясь то к одному, то ко второму полюсу, а политические институты впитали в себя традиционную составляющую, создав эклектический симбиоз;
- в экономике — переход на рыночную систему оказался не завершенным, велика роль бюрократии в экономических преобразованиях, сохраняется высокая зависимость от российского рынка труда;
- в культуре — характерно критическое отношение к современным западным веяниям, проявляется ориентация на традиционные ценности, возрождение религии, занявшей освободившуюся идеологическую нишу после неудавшегося коммунистического эксперимента.

Евразийский вектор России обусловлен потребностью страны в реализации собственных возможностей и стратегических устремлений, направленных на пересмотр сложившегося мирового политического порядка и противостояние глобальному экономическому и политическому доминированию США и западных стран.

На Западе распространено мнение о том, что российский президент, однажды заявив о крахе Советского Союза как величайшей катастрофе XX в., стремится восстановить СССР в том или ином виде. Поэтому создание союза государств с наднациональными структурами на постсоветском пространстве представляется реализацией данной идеи. Россия, окружав-

шая себя в XIX—XX вв. буферными государствами, не может отказаться от идеи создать евразийский союз зависимых от нее стран. Однако, как отмечает американский экономист Нуриэль Рубини, создание полноценного союза «может оказаться пустым прожектерством», так как «недореструктурированность России и негативные демографические тенденции подразумевают низкие возможности для роста и недостаток финансовых ресурсов для создания налогово-бюджетного и трансфертного союза, что необходимо для привлечения новых стран к интеграции»¹.

Евразийская интеграция рассматривается российской политической элитой как устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от политической и экономической конъюнктуры. По мнению В. В. Путина, модель мощного наднационального объединения, способна стать «одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»².

Евразийский проект может стать привлекательным для его участников по следующей причине. В силу успешности западной модели развития страны, входящие в Евразийский экономический союз, заинтересованы в более близких контактах с Европой, посредником в которых может выступать Россия. У России с европейскими странами намного больше общего, чем, например, у центрально-азиатских государств. Прежде всего, наша близость связана с культурными корнями, которые имеют много общего с западными. Поэтому сближение как с Европой, так и с рыночными странами через ВТО, в котором Россия может выполнять роль посредника, является потенциальным стимулирующим фактором для участников евразийского сообщества.

В силу противоречий с Западом, которые проявились к середине нулевых годов (отказ от равноправных отношений, подозрительность и недоверие со стороны западных стран), Россия вынуждена была искать новые пути подтверждения своей статусности (великодержавности). И этот путь привел ее к евразийскому сообществу как исторически обусловленному выбору. Однако такой шаг не является окончательным поворотом на Восток. По мнению Е. М. Примакова, Россия хотела бы нормализовать отношения с США и Европой, но игнорировать возрастающее значение Китая и других стран АТР было бы неразумно. В то же время российский политик убежден, что если мы не будем сотрудничать с западными странами в ликвидации опасных международных явлений, то мы потеряем свою страну как великую державу³.

¹ Рубини Н. Евразийское видение России // Мир перемен. 2014. № 3. С. 70.

² Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/502761>. Дата обращения: 05.04.2015.

³ Примаков Е. М. Не просто работать, а знать во имя чего. О России сегодня // Российская газета. 2015. 13 января.

Таким образом, Россия выстраивает новую модель межгосударственного устройства, в которой выступает в качестве центра притяжения и которая позволяет ей оставаться важным геополитическим актором в современном мире.

*Г. М. Барашков
Саратов*

ПРОТИВОРЕЧИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОПЫТА ГРАЖДАНСКИХ ОБЩЕСТВ

Ситуация выглядит парадоксальным образом, но приходится констатировать, что на сегодняшний день, политическая наука, после почти трехсот лет усиленной проработки проблематики гражданского общества, гораздо хуже, чем три столетия назад, представляет себе суть этого политического явления.

Когда начиналось становление гражданских обществ, то либеральные мыслители, концептуализировавшие представления о сути и политическом значении этого нового для тогдашнего цивилизованного мира явления, поступали достаточно просто: все, что было свойственно прежним, авторитарным политическим системам они объявляли противоестественным, чуждым «природе» человека, и по принципу формулирования теоретических суждений «от противного» объявляли соответствующим этой природе, «общечеловеческим» все то, что было как бы перевернутым отражением картины тогдашнего европейского авторитаризма: отражением абсолютной несвободы становилась абсолютная свобода, отражением бесправия становились гражданские права, отражением господства в государственной жизни воли одного человека становились конституции и представительные учреждения, отражением иерархизированности социальной структуры становилось равенство гражданских прав. Либерализм буквально переворачивал мир средневековой Европы с ног на голову. Это была титаническая работа, но она была успешно осуществлена, потому, что подразумевала важное методологическое решение: все разнообразие средневековых принципов отношений между политическими субъектами в «перевернутом» виде превращалось в принцип единообразия таких отношений. В то, что сегодня политологи нередко именуют «либеральным стандартом» политики.

Труднее оказалось для европейской политической науки, а в XIX в. к ее усилиям подключились и российские мыслители, развить успех такого пе-

реворота, сделать созданную модель мира «идеальной» политики практически работающей на объяснение долгосрочной перспективы современных цивилизованных обществ и государств. В противоречии с надеждами либеральных теоретиков, реальная политическая жизнь реальных гражданских обществ продолжала подчиняться логике естественных социальных и хозяйственных процессов, а не идеальным моделям. Жизнь продолжала развиваться по логике умножения разнообразия принципов и форм своей организации, а не по логике приведения этой жизни в единственный умо-зрительно созданный теоретиками формат.

В начале истории формирования европейских гражданских обществ, реализуемость на практике идеальной модели либерального социально-политического и экономического порядка подпитывалось активностью европейской буржуазии, получившей возможность при помощи государственной власти перестраивать весь мир под свои интересы и практики. По этой причине, особенно в XIX столетии, практика создания либеральных государств и обществ в большем, или меньшем масштабе, но лишь временами, эпизодически отклонялась от той модели гражданского общества, которую выработала романно-германская политическая мысль Нового Времени.

В XX в. стало заметным, что либеральная модель совершенного мира существует сама по себе, даже в тех странах, где политическая жизнь ее породила, а демократические политические и экономические практики развиваются по собственной логике в тесной связи с традициями и текущими потребностями той или иной конкретной страны. К концу XX в., а в начале XXI столетия это привело мировой политической процесс на грань системного кризиса демократических институтов и ценностей, либеральная теория просто перестала что-либо продуктивно объяснять в состоянии современного политического мира. Изначально ориентированная на универсалистское отношение ко всему, что происходит в этом мире, либеральная теория начала уже не временами, а периодически, системно отклоняться от бурно и разнообразно развивающихся практик организации гражданской жизни в разных странах современного мира.

Что в объективной реальности создало такую возможность? Либеральная модель гражданского общества в силу своей претензии на роль «всеобщей теории всего», изначально была лишена той гибкости, которая позволила бы ей быть динамичной, быстро адаптироваться к меняющимся условиям политической жизни цивилизованных социумов. Это провоцировало ситуацию, когда адаптация происходила явочным порядком. В том числе, и в процессе попыток построить гражданское общество там, где изначально это было противопоказано по условиям историческим и современным. Гражданское общество возникало в результате таких попыток, но существовало не долго и не в том виде, который для него был определен

либеральной теорией. Новообразованные гражданские общества в теории и на практике выглядели, скорее, аналогами этой модели (нередко формальными и недостаточно жизнеспособными). Именно в такой ситуации происходит отклонение теории от практики современных гражданских обществ, создавая условия для их принципиального обособления.

А. М. Барсуков
Новосибирск

ВЛИЯНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ НА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Определение возможных сценариев трансформации регионального политического режима в Новосибирской области в условиях изменения электоральных механизмов формирования и воспроизводства региональной политической элиты стало возможным благодаря проведенному анализу электорального опыта региона, использования институционального и сравнительного методов, и опору на биографический метод с целью формирования социодемографического портрета представителей законодательной власти в Новосибирской области и выявление депутатов, которые представляют финансово-промышленные группы. Анализ влияющих структурных факторов на становление и развитие неформальных институтов опирается на исторический институционализм, который фокусирует внимание на связанных с политикой институциональных изменениях.

Электоральный цикл 2014–2015 гг. в Новосибирской области обозначил ряд политических проблем, которые подчеркнули, что электоральные механизмы и их изменение последние годы не в значительной степени влияли на обновление региональных элит и характер регионального политического режима. Политический опыт региона позволяет сформулировать сценарии и ключевые параметры влияния электоральных механизмов на воспроизводство региональной политической элиты в контексте предстоящих выборов в 2015 г.:

- Введение муниципального фильтра, не смотря на критику со стороны ряда партий позволит, *во-первых*, избежать ситуации электоральной не состоятельности кандидатов, а *во-вторых*, муниципальный фильтр — это тоже некий инструмент формирования региональной элиты и возможно партии начнут в регионах работать со своими избирателями;

- Введение праймериз. Данный электоральный механизм свидетельствует о тенденциях, которые эксперты отмечали ранее — перспективы развития партий в регионах зависят от институционализации общероссийских партий¹;
- Эксперты и руководство «Единой России» считают, что в Новосибирской области, где позиции партии не так сильны, применение праймериз позволит вовлечь в орбиту интересов партии более широкий круг сторонников²;
- Немаловажно, что праймериз в Новосибирской области будет надпартийным и в процедуре отбора смогут принять участие все общественно-политические силы региона. От участия в праймериз, который намечен на 24 мая 2015 г. отказываются пока только представители КПРФ, что может повлиять на имиджевые характеристики мэра Новосибирск Анатолия Локтя;
- С учетом того, что население по опросам общественного мнения в регионах недовольно экономической ситуацией и положением дел региональные элиты должны найти компромиссные модели взаимодействия между властью, бизнесом и обществом³;
- Биографический анализ персонального состава региональных legislatures в 10 регионах России (Краснодарский край, Пермский край, Вологодская область, Липецкая область, Ярославская область, Республика Дагестан, Республика Татарстан, Красноярский край, Приморский край, Иркутская область, Кемеровская область, Мурманская область, Свердловская область, Челябинская область и Ханты-Мансийский автономный округ), который проводился в 2009 г. сохраняет свою актуальность для Новосибирской области⁴;
- Отметим, что часть представителей деловой элиты в Законодательном собрании Новосибирской области получили возможность для проникновения в депутатский корпус благодаря партийным спискам.

¹ *Голосов Г. В.* Элиты, общероссийские партии, местные избирательные системы (о причинах развития политических партий в регионах России) / Г. В. Голосов // *Общественные науки и современность.* 2000. № 3. С. 51–75.

² *Нагорных И.* Вячеслав Володин и Татьяна Воронова обсудили выборы с бывшими однопартийцами / И. Нагорных // *Коммерсант.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2695023>.

³ *Горяшко С.* Почти половина населения недовольна положением дел в своем регионе / С. Горяшко // *Коммерсант.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2695161>.

⁴ *Туровский Р. Ф.* Региональные модели взаимодействия между деловыми и властными элитами / Р. Ф. Туровский. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://politcom.ru/8474.html>.

В свете реформы системы местного самоуправления и рассмотрения в первом чтении отмены выборов мэров в России обсуждаются перспективы института сити-менеджеров. Сити-менеджеры есть в 45 региональных столицах и в Новосибирской области приняли решение о том, что выборы глав муниципалитетов сохранят в Новосибирске и Кольцово¹. В преддверии выборов в Законодательное Собрание Новосибирской области вернулись к обсуждению представительства в депутатском корпусе.

И. А. Батанина
Тула

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

На фоне общего кризиса легитимности общественно-политических институтов наблюдается низкий уровень вовлеченности населения в деятельность общественных объединений, созданных с целью решения проблем жизнедеятельности местного сообщества, что снижает их социальный потенциал, прежде всего, ресурсный и функциональный, и лимитирует процесс их институционализации. Вместе с тем, наблюдается региональная дифференциация гражданской активности, определяемая качеством жизни в субъекте РФ.

Результаты комплексного исследования в регионах ЦФО, реализованного на базе лаборатории социально-политических исследований ТулГУ при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-03-00786), свидетельствуют о наличии конструктивного потенциала гражданского участия в регионах-лидерах при регулировании отношений в системе «власть — общество» в случае соблюдения ряда условий: наличие четкой структуры группы, высокий уровень солидарности и неперсонифицированного доверия, поддержание статусных характеристик лидера посредством сочетания формальных и неформальных систем лидерства, позитивная мобилизация, открытость группы, публичное обсуждение выдвигаемых гражданских инициатив. Выше перечисленные факторы способствуют достижению фаз «признание необходимости самоорганизации», «структурирование сторон», «принятие формальных и неформальных норм взаимодействия», «институционализация самоорганизации местных сообществ». В то время как полученные

¹ Новосибирские власти предлагают отменить прямые выборы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1912933.html>.

данные по регионам-среднякам и аутсайдерам, подтвердили общероссийскую тенденцию: стратегия «голоса» в современной России является для граждан наиболее затратной и малоэффективной в отличие от проявления «лояльности». Объединение представителей местного сообщества и организация совместной деятельности могли бы решить эту проблему, однако солидарность участниками понимается весьма специфически: она распространяется преимущественно только на «своих» (жители отдельного дома), что находит отражение в дискурсе и выбираемых моделях поведения, часто носит «протестный» характер, не предполагает наличие ответственности за других. В результате граждане все больше дистанцируются от власти, выражая ей свое недоверие в виде набора «претензий». Учитывая, что мобилизация конфликтных групп происходит быстрее, а решение проблем посредством конфликта на практике является более эффективным инструментом достижения цели, полностью урегулировать рассогласование интересов в системе «власть — общество» на различных уровнях не представляется возможным. Темпы и эффективность институционализации самоорганизации граждан во многом зависят от поведения лидеров общественного мнения. Учитывая уровень социально-экономического развития субъекта ЦФО более оптимальным представляется доминирование в регионах-лидерах стратегии сотрудничества при признании конструктивности конфликта, и возможности его институционализации, т.к. для населения характерна модель гражданского участия, определяемая реформистским и стабилизирующим типом политической компетентности с некоторым перевесом последнего, что актуализирует поддерживающие гражданские инициативы, развитие которых предполагает мобилизацию на основе достижительной мотивации. В регионах — середняках и аутсайдерах с доминированием индифферентно-апатичного типа политической компетентности продуктивны веерные стратегии поведения лидеров в процессе реализации гражданских инициатив. Конкретизировать возможности применения обозначенных поведенческих моделей позволяет анализ деятельности граждан и их сообществ по обустройству жизни локальных территорий на примере участия в реализации реформы проведения капитального ремонта. Последнюю можно рассматривать, с одной стороны, как инструмент перераспределения ответственности за поддержание жилого фонда в удовлетворительном состоянии и назначения в качестве субъектов ответственности собственников помещений в МКД, с другой, технологию стимулирования гражданской самоорганизации, т.к. альтернативы выбора способа создания фонда капитального ремонта доступны путем сочетания прямых и представительных форм гражданского участия.

Е. В. Бобровская
Москва

ДИХОТОМИЯ МИФОПРОСТРАНСТВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ: ИСТОКИ И УГРОЗЫ

Мифология является неотъемлемым элементом человеческого сознания и культуры, а ее простой убеждающий потенциал с успехом используется в политических коммуникациях. Система мифов, транслируемая посредством СМИ, формирует мифопространство как особую область культурно-ценностных координат, в рамках которой у реципиента формируется устойчивая монолитная картина мира, в центр которой помещаются ключевые мифоконструкции, а противоречивая информация вне зависимости от реалистичности вытесняется на периферию разума. Мифопространство как сущностное явление носит двойкий характер. С одной стороны — это зона архаического мировосприятия, сформировавшаяся в сознании еще древних сообществ, и унаследованная как иерархизированная схема аффективных когнитивных структур современным обществом. С другой стороны — это отдельная область социального пространства.

Базируясь на концепции социального пространства П. Бурдьё, мифопространство в политике можно понимать как отдельное подпространство или поле, являющееся элементом общей структуры, которое обязано своим положением в общей структуре неравному распределению властных ресурсов, и в рамках которого осуществляется борьба за власть¹. В мифологическом измерении борьба за ресурсы и закрепление их за определенной группой реализуется с помощью символов.

В контексте пространства политического мифопространство является собой отдельную среду ментального «существования разнообразных форм политической жизни, характеризующаяся протяженностью территории, на которую распространяется исторически обусловленная политическая жизнь или политическое влияние»². Исходя из концепции политического пространства Г. В. Пушкаревой, мифопространство — это подвид политического пространства, в рамках которого с помощью мифов фиксируются

«дистанции и различия в области формирования, функционирования и развития политических властных отношений»¹.

Мифопространство является составным элементом идеальной сферы политического — неинституциональной сферы политики. Неинституциональная сфера политики аккумулирует в себе все духовные и психологические компоненты поведения человека, отвечающие за адаптацию к властным механизмам, выполнению политических функций, а также за реализацию различных поисковых и экспериментальных форм участия². Мифы находят свое отражение на каждом уровне неинституциональной сферы — психологическом, культурном и доктринальном, но при этом на разных уровнях формируются различные мифопространства.

Разница в смысловой и нарративной наполненности мифопространств обусловлена различным функционалом неинституциональных уровней — политической психологии, политической культуры и политической идеологии. Психологические и культурные мифопространства имеют наименее подвижную архитектуру, так как базируются на архетипических и догматических структурах коллективного сознания. В свою очередь, мифопространство идеологии наиболее подвижно, так как ориентировано на современный политический процесс.

Наряду с естественными причинами, на степень разрозненности мифопространств оказывает влияние ментальное состояние современного российского общества. Полиментальность на уровне политического сознания, мигрируя в культуру, формирует культурную расколотость. В результате, в российском обществе развивается дихотомическая разделенность между носителями разных видов менталитетов и традиций, и в истории страны подобное тревожное состояние общества нередко использовалось правящими элитами для поддержания собственной легитимности и борьбы с инакомыслящими³.

Полиментальность, культурная разрозненность, агрессивная идеология и противоречивость мифопространств неинституциональной сферы политики ужесточают характер общественных конфликтов, а в мобилизационные периоды данные конфликты приводят к физическому выживанию и уничтожению целых социальных групп и слоев. Двойственность опасности заключается в том, что в одних случаях подобные столкновения инициируются «снизу», а в других — «сверху», но в обоих случаях посредством активного использования мифов о внутренних и внешних врагах.

¹ Пушкарева Г. В. *Nomo politicus: человек политический*. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. С. 56.

² Соловьев А. И. *Политология: Политическая теория и политические технологии*. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 333.

³ Соловьев А. И. *Российская ментальность в стратегиях авторитарных режимов // Власть*. 2014. № 2. С. 43.

¹ Бурдьё П. *Социология политики* / П. Бурдьё; [пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко] // М.: Socio-Logos. 1993. С. 39–40.

² Семигин Г. Ю. *Политическое пространство* / Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1999. С. 296.

В результате подобной грубой деформации социального порядка, общество подвергается репрессиям и в дальнейшем десятилетиями страдает от культурно-психологической травмы, усвоившейся в коллективном сознании на уровне импринтинга¹, и оказывается неспособным к цивилизованной артикуляции своих интересов и реализации гражданской активности.

А. В. Богачев
Казань

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследование мы хотели бы посвятить партийной системе России и, в первую очередь, оппозиционным политическим партиям. Политическая оппозиция играет важнейшую роль в любом демократическом обществе или обществе, осуществляющем переход к демократии. Протестные акции 2011–2012 гг. вынудили российскую правящую элиту пойти на реформу партийной системы. В результате нее минимальные требования к численности партий были снижены с самых высоких в Европе 40 тыс. человек до 500, с 4 до 12 выросло число партий, имеющих право выдвигать кандидатов в депутаты Государственной Думы без сбора подписей. Количество зарегистрированных в России политических партий выросло с 8 в 2011 г. до 77 в настоящее время. Однако, с нашей точки зрения, эти изменения в законодательстве представляли собой лишь тактические уступки власти, имевшие целью другими способами получить имевшийся результат: доминирование правящей партии. Если раньше он достигался мерами, чрезвычайно затрудняющими создание новых партий, то сейчас наличие большого числа малых партий, не имеющих шансов на прохождение в легислатуры, никоим образом не препятствует, а зачастую способствует «Единой России». Это подтверждают прошедшие за истекшее время региональные выборы. Так, уменьшение представительства «Единой России» на выборах 2013 г. по сравнению с предыдущим циклом таких же выборов не обернулось чьим-то выигрышем: традиционные парламентские партии получили примерно столько же, сколько в прошлом цикле. Разницу поде-

¹ Импринтинг — это психофизиологический механизм, выражающийся в восприятии реципиентом образа или опыта в стрессовой ситуации, в результате которого в психике формируется устойчивая поведенческая программа, в последующем воспроизводящаяся в подобных ситуациях.

лили между собой два десятка новых малых партий, лишь в редких случаях преодолевавших заградительный барьер. Значительное упрощение процедуры создания новых партий привело к появлению партий — спойлеров, оттягивающих голоса у парламентской оппозиции.

Кроме того, требует изучения ситуация, сложившаяся после присоединения Крыма к России и во время событий на Украине, которую мы бы охарактеризовали как «посткрымский консенсус».

В мировой политической науке существуют десятки классификаций политической оппозиции. И действительно, возможно выделение большого числа критериев классификации. В их качестве предлагают отношения оппозиции к действующей власти и существующей политической системе; наличие у оппозиции реальной альтернативы правительственному курсу; форму деятельности; форму выражения своих требований; легальный статус; средства достижения целей и т.д.

Автору наиболее близок подход российского исследователя В. Гельмана, предложившего объединить классификации Р. Даля и Х. Линца и получить тем самым обобщенную классификацию политических оппозиций по целям и средствам. Подобная классификация целей оппозиции способствует выделению ее четырех разновидностей:

1. Термин «полуоппозиция» обозначает те партии и политиков, которые критикуют правительственный курс, но готовы войти в правительство (если их попросят) без всяких предварительных условий.
2. Под «неструктурной оппозицией» подразумеваются те, кто настаивает на частичном изменении политического курса.
3. «Структурная оппозиция» требует общего изменения курса и частичного изменения политического режима.
4. «Принципиальная оппозиция» имеет антисистемный характер, противостоит не только конкретному правительству, но и всему режиму в целом.

В сложившейся в современной России ситуации правящая элита стремится усилить контроль над оппозицией в Государственной Думе, зависимость «системных» партий от исполнительной власти. По сути, парламентская оппозиция с трудом дотягивает до состояния «полуоппозиции», становясь частью системы, в которой выполняет функции «попутчика» режима, поддерживает его. В официальном дискурсе и дискурсе «системных» партий позиция тех политических сил, которые ставят под сомнение законность действий российской власти в украинском кризисе («Яблоко», РПР-Парнас, представители ряда других непарламентских партий) представляется как деструктивная, не отвечающая интересам России. Таким образом, с точки зрения власти за «границей дозволенного» оказывается не только антисистемная оппозиция, но и многие демократически ориентированные по-

литики. Необходимо отметить, что, выступая против права установившегося режима быть «истиной в последней инстанции», они не ставят под сомнение основы конституционного строя России, наоборот, призывают к соблюдению Конституции, законов, принципов права. Подобная тактика властей во взаимоотношениях с оппозицией означает создание новых барьеров для политической конкуренции, давление на партии, применение репрессивных механизмов к политическим активистам. Выборы в регионах показывают, что в дополнение к масштабному использованию административного ресурса и фальсификаций власти прибегают к недопущению до выборов наиболее активных оппонентов и снятию целых партийных списков.

Таким образом, мы предполагаем исследовать новые тенденции в развитии партийной системы современной России, изучить особенности взаимодействия власти и оппозиции в ситуации «посткрымского консенсуса», провести анализ политических позиций парламентских и непарламентских партий, спрогнозировать тренды развития российской партийной системы.

А. В. Богданов
Саратов

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РАССОГЛАСОВАННОСТЬ НАУЧНЫХ ПОЗИЦИЙ

В современных отечественных исследованиях обнаруживают себя проблемы теоретического и практического характера в осмыслении процесса политической социализации молодого поколения, формировании политической идентичности молодежи. В современных исследованиях отечественных авторов, посвященных молодежной проблематике, возникает парадокс в оценке состояния политической идентичности молодого поколения. Так, с одной стороны, ряд авторов считают, что подрастающее поколение уже полностью либерализовалось, то есть ее политическое сознание и направленность политической культуры носит модернизационный вектор развития¹. С другой стороны, ряд исследователей утвержда-

¹ См.: Зудин А. Ю. Массовое сознание и политические инновации: опыт последнего десятилетия / Под редакцией А. Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

ют, что политическое поведение и политическое сознание молодых людей обременено традиционалистскими установками¹.

В результате такого противоречивого подхода к рассмотрению политической социализации молодежи в работах отечественных исследователей возникает следующий вопрос: является ли молодое поколение перспективным и самостоятельным субъектом модернизации или она может выступать только в качестве спутника процесса преобразований политической системы.

Сложившаяся ситуация рассогласованности между теоретическими подходами к выявлению традиционалистских и модернистских ценностных политических ориентаций и практической направленностью политической культуры обусловлена рядом факторов.

Во-первых, анализ исследований теории и практики традиционализма и модернизма позволяет констатировать, что существуют либо работы, в которых традиция выступает фактором тормозящим, препятствующим развитию социально-политической системы в России², либо — рассматривается только инновация, без анализа ее взаимодействия с традицией³. В третьих исследованиях анализируются обе категории, но при анализе политического процесса происходит смещение акцента в ту или иную сторону, в зависимости от того какая компонента традиционная или модернизационная выделяется в качестве основополагающей⁴. В результате, возникает ситуация, когда фактически отсутствует целостная согласованная между исследователями, внутри самого политологического научного сообщества позиция относительно методологии исследования процесса политической социализации молодого поколения.

Во-вторых, в политологии, как науке сформировалась ситуация, когда реальная практика политического процесса развивается быстрее, чем теоретические методики осмысления этой практики. Это происходит, на наш взгляд, не в силу того что гуманитарное сообщество настроено консервативно, а в силу того что фундаментальные гуманитарные теории требуют

¹ См.: Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Молодежь в России / Приложение к журналу «Общая тетрадь», Левада-центр. М.: Московская школа политических исследований, 2011.

² См.: Грязнова О. С. Оценки прошлого, политическая символика и российская политическая культура / Под редакцией А. Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

³ См.: Федоров В. В., Дискин И. Е. Социальный потенциал российской модернизации (на материале Южного федерального округа) // Всероссийский Центр Изучения Общественного Мнения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.wciom.ru. Дата обращения: 02.02.2013.

⁴ См.: Межуев В. М. Главный недостаток традиционализма — отказ от собственного разума // Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России. Материалы научного семинара. М.: Научный эксперт. 2008. Выпуск № 5 (14).

определенного ресурса времени, определенных процедур верификации. Это, в частности, необходимо для того, чтобы эти теории были признаны научным сообществом в качестве фундаментальных. И в результате, пока идет процесс выработки и верификации основополагающих теоретических методик исследования, политическая практика заметно меняется и увеличивается несоответствие теории практике.

В-третьих, анализ эволюции концептуальных трактовок традиционализма и модернизма позволил проследить их историческое диалектическое развитие, а также выявить их социально-политическую и культурную обусловленность. Так идея, что существует модернизация и традиционализация, появилась в XIX в., и она отражала общую стилистику мировосприятия людей данной эпохи, когда традиционализация ассоциировалась с Востоком, а модернизация с Западом. Уже в середине XX в., когда началось антиколониальное движение в странах третьего мира, стало очевидным, что такого жесткого деления не существует. При этом, исследователи, обращаясь к классическим теориям XIX в., воспроизводят теоретические наработки, которые были актуальны в условиях конкретной исторической эпохи.

Таким образом, изучение эволюции концептуальных трактовок традиционализма и модернизма позволяет утверждать, что единой концепции в рамках социально-гуманитарного знания не существует, но накоплены предпосылки к выработке базовой, основополагающей доктрины, совмещающей в себе, как сущностные характеристики и принципы традиционализма, так и модернизма.

С. И. Бойко
Москва

ПРОЕКТ «ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ» И ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ

В современной политологии много дефиниций по вопросам терминологии, касающейся демократии, поскольку эволюция форм государственного управления, взаимоотношений государства и гражданского общества, межгосударственных отношений никогда не остановится, пока существует человечество. В российской политической науке, помимо научных монографий, основные положения теории демократии изложены в многочисленных учебниках для университетов. Проф. Ирхин Ю. В. сделал объемный анализ развития демократии как «идеала и политических реалий», указал на попытки типологизации исторически складывавшихся форм правления, в том числе: «...3) «плебисцитарную...»; 4) представитель-

ную (парламентскую), процедурную (комплекс политических технологий, обеспечивающий существование демократических институтов); 5) участия (роли различных ассоциаций в политике); 6) в условиях постмодерна, теле- и интернет-демократию, самоуправление и др.»¹. Роль избирательных процедур отметил Х. Ортега-и-Гассет: «Здоровье демократий, каковы бы ни были их типы и степени, зависит от мизерной технической детали: электро-альной процедуры. Все остальное вторично»².

В середине XX в. американские политологи Р. Даль и Ч. Линдблом ввели термин «полиархия»³ для западной модели демократии, Полиархия определяется как либеральная модель демократии, когда полиархический режим отличается от иных политических режимов «комбинацией двух главных факторов: 1. В них достигнут относительно высокий уровень толерантности к оппозиции, достаточный для того, чтобы общество тем самым могло удерживать власть от поползновений к произволу. На практике это обеспечивается состязательной партийной системой, конституционно гарантированными и надежно защищенными гражданскими свободами, энергичным и здоровым гражданским обществом. 2. Полиархии предоставляют обществу достаточно широкие возможности для участия в политической жизни, — здесь высок уровень политической активности»⁴. Достигается такой уровень через устойчивую избирательную систему, позволяющую осуществлять гражданский контроль и, когда и если необходимо, переизбирать представителей государственного и муниципального управления, любого избираемого представителя власти. Полиархия зиждется на выборах с достаточно волатильным результатом, поэтому важна роль демократического элитизма, анализ которого представлен в работах проф. Гаман-Голутвиной О. В.⁵ Демократия не может быть не управляемой, как и любой политический режим. Наличие выделенного из общества аппарата управления, политической элиты — признак государства.

С полиархией связана работа С. Хантингтона «Третья волна. Демократизация в конце XX в.». Все волны демократизации, как и откаты, совпадают с периодами экономического, военно-политического, социального усиления позиций России (СССР) в глобальном соперничестве, когда мир

¹ Ирхин Ю. В. Политология: учебник / Ю. В. Ирхин. 2-е изд., доп. М.: Изд-во «Экзамэн», 2007. С. 353–357.

² Ortega y Gasset, Jose. La rebelion de las masas. Barcelona, Espasa libros, S.L.U., 2013. P. 220.

³ Dahl, Robert & Lindblom, Charles, Politics, Economics, Welfare. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1953; Dahl, Robert, Polyarchy: Participation and Opposition — New Haven and London, Yale University Press, 1971.

⁴ Хейвуд Эндрю. Политология: учебник для студентов вузов. 2-е изд. / Пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Бельского. М.: ЮНИТИ, 2005. С. 39–42.

⁵ См., например: Гаман-Голутвина О. В. Элиты и общество в сравнительном измерении / О. В. Гаман-Голутвина. М.: Изд-во «Политическая энциклопедия», 2011. С. 211–253.

был или многополярным, или биполярным. Так, дата окончания второй волны — 1962 г. Когда СССР был первым в космосе, когда мирно разрешился Карибский кризис как результат военно-стратегического паритета между США и СССР¹.

Необходим анализ проекта «глобальная демократия», реализуемого почти тридцать лет под эгидой США. Американские политические мыслители являются патриотами США (в абсолютно позитивном смысле), поэтому или невольно, или стратегически, для обоснования геополитических целей «экспорта» демократии (от полиархии к глобальной демократии) приоритет отдают парадигмам западных вариантов демократии (полиархии). Проблема справедливого мироустройства становится вторичной: «Ни одно государство-нация, вероятно, не сможет сравняться с Америкой в четырех главных аспектах силы (военном, экономическом, техническом и культурном), которые в совокупности и определяют решающее политическое влияние в мировом масштабе. В случае сознательного или непреднамеренного отказа Америки от своего статуса единственной реальной альтернативой американскому лидерству в обозримом будущем может быть только анархия в международном масштабе»². Очевиден тренд от полиархии, защиты прав человека и демократических ценностей к проекту глобальной демократии, где роль «отца наций» отводится США. Но такое решение — бесперспективно. Очевидна проблема: насколько глобальная демократия соответствует справедливому распределению ресурсов в мире, когда политическая справедливость игнорируется.

Справедливость стала проблемой государственной политики. Проф. Никовская Л. И. отметила: «... Новая институциональная матрица власти не до конца ясна. Кризис репрезентативной демократии (не только в России, но и на Западе) позволяет говорить о формировании более широкой схемы центров политической власти, в которой государство будет сохранять доминирующие позиции, но только в качестве антимонополистического ресурса, координирующей власти и символа национальной идентификации»³.

¹ Хантингтон Сэмюэл. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 26.

² Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы : [перевод с английского] / Збигнев Бжезинский — Москва: АСТ, 2014. С. 230.

³ Никовская Л. И. Возможности и ограничения развития современной России / Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития : сборник статей / Ин-т «Справедливый Мир», Рос. ассоц. полит. науки, Фонд им. Фридриха Эберта, Ин-т социологии РАН; [редкол.: Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец]. Москва: Ключ-С, 2013. С. 6.

Глобальная демократия ограничивает социально-экономическое развитие России в условиях глобальной конкуренции, где место справедливому мироустройству пока не определено ни теоретиками, ни практиками.

Н. Б. Бокова (Воропаева)
Москва

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Под политической культурой в политологии принято понимать отраженную в сознаниях умов людей политическую систему общества в виде представлений, ценностей, установок¹. При этом политическая культура медленно трансформируется во времени, но обладает свойством изменчивости, в связи с чем в исследованиях может фигурировать и как зависимая, и как независимая переменная. В качестве независимой переменной политическую культуру можно уподобить призме устойчивых аттитюдов к власти, сквозь которую воспринимается политическая жизнь общества. Формирование образов политических объектов подвержено влиянию эталонных представлений² о них, которые в свою очередь основываются на менталитете и национальной политической культуре³. Полученные за годы исследований (1993–2012 гг.) на кафедре социологии и психологии политики МГУ им. М. В. Ломоносова данные подтверждают, что органичные национальной культуре ценности и установки укоренены в образах власти⁴.

В процессе исследования психологических особенностей политической культуры в ее структуре можно выделить элементы, в соответствии

¹ Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.

² Шестопал Е. Б. Взаимоотношения граждан и власти в ходе демократического транзита в России. Теоретические проблемы // Логос. М., 2003. № 4–5. Вып. 39. С. (178–185) 181.

³ Блаженкова В. С. Эталоны в политике: образ святого князя и имидж современного политического лидера // Микрополитика. Субъективные аспекты политического процесса в России. М., 2004. С. 44–45.

⁴ Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2012; Перспективы развития политической психологии: новые направления: Материалы Международной научной конференции 22–23 октября 2014 г. / Под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2012.

с принципом усложнения и развития культуры. *Во-первых*, в структуру политической культуры входят характеристики, одинаково присущие любому обществу и определяемые набором универсальных для индивидов потребностей и мотивов. К этой группе относятся такие общекультурные психологические особенности, как национализм и патриотизм. Основывающийся на понимании нации как высшей форме государственного единства национализм является ярким примером элемента политической культуры, характерного для любого государства в мире. Вместе с тем, безусловно, в каждой конкретной стране национализм обладает различными коннотациями в зависимости от особенностей исторического развития, процесса формирования государственности и т.п.

Во-вторых, в структуре политической культуры можно выделить устойчивые элементы, сформировавшиеся в периоды государствообразования и крупнейших институциональных трансформаций и представляющие собой глубинный ценностный каркас общества. Классиками политической науки под таким «каркасом» в самоопределении и развитии общества виделась религия¹ и получившие распространение в массах философские учения и идеологии.

В-третьих, политическая культура всегда подразумевает обращение к сложившемуся на протяжении веков политическому режиму государства и поэтому включает в себя устойчивые и неформальные элементы и традиции управления.

В-четвертых, политическая-культура динамична и включает в себя элементы, отражающие реалии текущего политического контекста в зависимости от интенсивности его распространения. Например, трансформация политической культуры России обусловлена постепенным психологическим сдвигом в сознании населения страны в связи со случившимися в 90-е годы формальными институциональными трансформациями. Демократизация России с вытекающими принципами разделения властей, правого государства и гражданского общества повлекли привели к постепенным перестроениям в сфере вертикальных и горизонтальных отношений в российском обществе, включая социализацию не жившего в СССР поколения «нулевых». Вместе с тем, резкая смена политического строя в России в начале 90-ых и последующая, жесткая трансформация устоявшейся картины мира в виде сформированного комплекса стереотипов отразилась на негативном отношении к власти, в особенности со стороны старшего поколения, стереотипы которого о советской власти были наиболее устойчивы и идеализированы. Восприятие разумом изменившейся политической реальности и ее стол-

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

кновение с все еще действенными устойчивыми стереотипами, сформировавшимися в прошлом, привело к когнитивному диссонансу. При этом если до 2010 г., согласно данным исследований кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М. В. Ломоносова¹, неизменной характеристикой российского общества были апатия и абсентеизм, то с 2010 г. намечился сдвиг в сторону ценности активизма и более позитивного оценивания идей демократии.

В. В. Бондарь
Ставрополь

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ ПО РАЗВИТИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В 2013 г. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека рекомендовал главам субъектов Российской Федерации, входящих в состав СКФО, рассмотреть вопрос о создании Советов по развитию гражданского общества и правам человека в качестве консультативных органов при главах субъектов.

По прошествии полутора лет мы решили выяснить были ли выполнены данные рекомендации.

В процессе изучения были выявлены следующие закономерности. Все субъекты СКФО в период с 2006 по 2013 г. создали Общественные палаты субъектов, в состав которых входят разнообразные комиссии, в том числе и по развитию гражданского общества. Теперь перейдем к органам, не подпадающим под статус общественных палат.

Кабардино-Балкарская Республика — Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей².

Карачаево-Черкесская Республика — Комиссия при Президенте КЧР по гармонизации межнациональных отношений, недопущению экстре-

¹ Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е. Б. Шестопа. М., 2012. С. 379.

² Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 08.07.2014 № 137-ПП «Об Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей Кабардино-Балкарской Республики» // Официальная Кабардино-Балкария. № 28. 18.07.2014.

мизма и дестабилизации обстановки в республике¹; Совет старейшин при Президенте Карачаево-Черкесской Республики².

Республика Северная Осетия — Алания — Министерство Республики Северная Осетия-Алания по вопросам национальных отношений³.

Республика Ингушетия — Министерство по внешним связям, национальной политике, печати и информации Республики Ингушетия⁴.

Республика Чечня — Министерство Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации⁵.

Республика Дагестан — Министерство по национальной политике Республики Дагестан⁶.

Ставропольский край — Совет при Губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений⁷; Комитет Ставропольского края по делам национальностей и казачества⁸.

Полученные нами результаты говорят о наличии в каждом субъекте СКФО общественной палаты субъекта в задачи, которых входит так же развитие гражданского общества.

Только в Кабардино-Балкарской республике и Ставропольском крае созданы общественные совещательно-консультативные структуры при Главах

¹ Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 18.12.2009 N 219 «О Комиссии при Президенте Карачаево-Черкесской Республики по гармонизации межнациональных отношений, недопущению экстремизма и дестабилизации обстановки в республике» // День Республики. N 18-19 (17889). 04.02.2010.

² Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 9.11.2011 N 343 «О Совете старейшин при Главе Карачаево-Черкесской Республики» // День Республики. N 243-244(18384). 19.11.2011.

³ Постановление Правительства Республики Северная Осетия — Алания от 22.06.2012 N 193 «О Министерстве Республики Северная Осетия — Алания по вопросам национальных отношений» // Собрание законодательства Республики Северная Осетия — Алания. N 6/1. 18.09.2012.

⁴ Постановление Правительства Республики Ингушетия от 05.11.2011 N 363 «Об утверждении Положения о Министерстве по внешним связям, национальной политике, печати и информации Республики Ингушетия» // Ингушетия. N 192-193. 24.11.2011.

⁵ Постановление Правительства Чеченской Республики от 01.10.2013 N 256 «Об утверждении Положения о Министерстве Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации» // Вести Республики. N 196. 15 октября 2013.

⁶ Постановление Правительства Республики Дагестан от 28.01.2014 N 25 «Вопросы Министерства по национальной политике Республики Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. N 2. 31.01.2014.

⁷ Постановление Губернатора Ставропольского края от 30.08.2005 N 493 «О Совете при Губернаторе ставропольского края по вопросам межэтнических отношений» // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. N 23(173). 15.10.2005.

⁸ Постановление Губернатора Ставропольского края от 12.07.2011 N 499 «Об утверждении положения о Комитете Ставропольского края по делам национальностей и казачества» // Ставропольская правда. N 176-177. 27.07.2011.

субъектов. Согласно официальным названиям этих структур развитие гражданского общества не является их основной задачей, однако наличие развитого гражданского общества является одним из способов стабилизации межнациональных отношений. В остальных регионах развитием гражданского общества занимаются органы исполнительной власти. Соответственно рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека выполнены не до конца.

С. Н. Шкель
Уфа

ПОСТСОВЕТСКИЙ АВТОРИТАРИЗМ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Введение. Распад СССР стал точкой отсчета независимого политического развития новых пятнадцати государств. Постсоветский регион, подобно естественной экспериментальной площадке, предоставил уникальную возможность не только протестировать и подвергнуть эмпирической верификации ранее выдвинутые методологические концепты, но и на основе обобщения современных данных сформулировать новые теоретические подходы и объяснительные схемы, позволяющие более глубоко и объективно понять механизмы, закономерности и причинно-следственные связи политического развития.

Постсоветские государства демонстрируют не столько демократические траектории развития, сколько являются случаями авторитарной режимной консолидации. В этой связи, измерение режимной диверсификации постсоветских государств перспективно не только в рамках дихотомии «авторитаризм — демократия», но и на основе анализа, способного фиксировать переходы от одной недемократической режимной формы к другому виду авторитаризма.

Хотя уже мыслители древности уделяли внимание различным формам авторитарного правления, серьезный научный анализ недемократических режимов начался только в XX в.¹ Х. Линц, А. Степан, Х. Чехэби,

¹ *Поннеп К.* Открытое общество и его враги. Т.1.: Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.; *Он же.* Открытое общество и его враги. Т. 2.: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.; *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1951. 552 p.; *Friedrich C., Brzezinski Z.* Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge: Harvard university press, 1965. 438 p.

Г. О'Доннелл разработали первые типологии недемократических форм власти¹. На современном этапе изучение недемократических режимов стало одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений политической науки².

В настоящем исследовании предложена типология режимных форм, позволяющая измерить режимные трансформации постсоветских стран, выявлены основные траектории развития политических режимов стран бывшего СССР, а также предложены объяснения политической диверсификации на основе анализа постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа.

1. Типы постсоветского авторитаризма

Анализ современных типологий авторитарных режимов позволяет предположить, что для анализа специфики постсоветских авторитарных форм наиболее перспективным является версия институционального подхода с акцентом на учет не только формальных, но также неформальных режимных институций. В частности, перспективным решением задачи классификации постсоветских политических режимов может быть разработка типологии, основанной на синтезе электорального и неопатримонального подходов³.

Если понимать политический режим как совокупность формальных и неформальных правил, регулирующих каналы доступа к властным позициям и формирующих модели осуществления государственного управления, то можно использовать два критерия, позволяющие оценить конкретную режимную форму: 1) уровень конкурентности политических акторов в борьбе за доступ к властным позициям; 2) степень формальной институционализации государственного администрирования.

Для определения первого критерия в данной работе используется классический электоральный подход, оценивающий уровень политической конкуренции согласно исходам избирательного процесса, отражающихся

в электоральной статистике. В данном случае я исхожу из предположения, что уровень публичной конкуренции является значимым маркером, указывающим на плотность патрональных сетей правителя и на степень его властной устойчивости.

Степень институционализации государственного управления можно конкретизировать посредством использования понятия «автономии элит», предложенное А. Грзималла-Бюссе и П. Лунг¹. Показатель степени автономии элит тесно связан с уровнем формальной институционализации политического процесса. Развитая институциональная среда стимулирует формирование идеологических (обладающих идеологическим капиталом) или программных (обладающих идеологическим и административным капиталом) партий. Являясь наиболее выгодным механизмом доступа к властным позициям, такие партии кооптируют элиту и, одновременно с этим, ограничивают их автономию, поскольку элита становится связанной с партией обязательствами. В свою очередь, партия сильно зависит от электоральных предпочтений и не может себе позволить игнорировать их. Таким образом, программные и идеологические партии становятся посредниками во взаимосвязи элит с обществом. Элиты при этом имеют минимум автономии от социальных групп, поскольку от голосов избирателей зависит способность политиков удерживать свои властные позиции.

Неопатримональный характер управления создает ситуацию ограниченной, но не максимальной автономии элит. В условиях неопатримонального управления и дефектного функционирования правовых норм главным каналом доступа к властным позициям становятся не программные или идеологические партии, а патрон-клиентистские сети. Конкуренция между политиками, автономными от общества, развивается не за голоса избирателей, а за расположение патрона, в сеть которого элита имеет стимулы кооптироваться для доступа к материальным ресурсам. Следствием этого является развитие клиентистских партий, которые не имеют идеологий, но обладают административным капиталом. Именно такие партии в виде проектов инкубентов («партии власти») или олигархические партийные клиентелы, наряду с неформальными институциями в виде патрональных сетей становятся главными проводниками доступа к властным позициям. Таким образом, в неопатримональной среде элита избавляется от зависимости общественного контроля, но, будучи встроенной в патрон-клиентистскую сеть, сохраняет неформальную зависимость от своего патрона.

Предельно патримональная модель управления максимально повышает уровень автономии элит, хотя абсолютная свобода и здесь в реальности имеет ограничения. Однако эти ограничения сводятся к минимуму и исходят либо от деспотичного правителя, использующего крайне персо-

¹ Grzymala-Busse A., Luong P. Reconceptualizing the state: lessons from post-communism // *Politics & Society*. 2002. Vol. 30. № 4. P. 529–544.

¹ Linz J. An Authoritarian Regime: the Case of Spain // *Mass Politics: Studies in Political Sociology*. N.Y.: Free Press, 1970. P. 129-148; Linz H., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore and London : Johns Hopkins University Press, 1996. 479 p.; Linz J. J. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. London : Rienner, 2000. 343 p.; Sultanistic Regimes / ed. by H. E. Chehabi and Juan J. Linz. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1998. 284 p.; O'Donnell G. *Modernization and Bureaucratic Authoritarianism. Studies in South American Politics*. Berkeley : University of California Press, 1979. 219 p.

² Шкель С. Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки // *PolitBook*. 2013. № 4. С. 120–139.

³ См. аналогичные подходы к построению режимной типологии: Фисун А. А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримональная интерпретация // *Политическая концептология*. 2010. № 4. С. 158-187; Guliyev F. Personal rule, neopatrimonialism, and regime typologies: integrating Dahlian and Weberian approaches to regime studies // *Democratization*. 2011. Vol. 18. № 3. P. 575–601.

нализированные патримониальные управленческие практики, либо от локальных малых групп, которые выступают клиентелой и с которой связаны лидеры.

Следуя неопатримониальной парадигме, понятие «автономии элит» можно совместить с тремя возможными идеально-типическими моделями государственного управления. Это позволяет выделить три возможных значений этой переменной:

- 1) **Бюрократическая модель.** Характеризуется низкой степенью автономии элит, что подразумевает высокий уровень институционализации управления и доминирование рационально-легальных практик государственного администрирования в идеально-типической трактовке М. Вебера¹.
- 2) **Неопатримониальная модель.** Выражается в средней степени автономии элит и сосуществовании формальных бюрократических институций и неформальных патримониальных практик, основанных на персональных связях и патрон-клиентистских сетях.
- 3) **Патримониальная модель.** Означает высокую автономию элит и характеризуется преобладанием в администрировании неформальных, сильно персонифицированных управленческих практик с минимальным влиянием конституционализма и норм права.

Посредством соединения двух базовых переменных (степени конкуренции и автономии элит) определяются шесть возможных режимных типов.

Таблица

Типология политических режимов

Конкуренция элит	Степень автономии элит		
	Высокая (патримониальная)	Средняя (неопатримониальная)	Низкая (бюрократическая)
Высокая	Атомизированный партикуляризм	Неопатримониальная полиархия	Институциональная полиархия
Низкая	Султанизм	Неопатримониальный авторитаризм	Институциональный авторитаризм

В условиях патримониального управления и в зависимости от уровня конкуренции элит, режимы делятся на *султанистский* и режим *атомизированного партикуляризма*.

¹ Вебер М. Традиционное господство // Прогнозис. 2007. № 2. С. 150–165.

В первом случае отсутствие формальных институций при низкой конкуренции элит приводит к возвышению деспота, властные полномочия которого не ограничены никакими формальными или неформальными рамками. Во втором случае в ситуации высокой конкуренции элит в сочетании с патримониальной институциональной средой приводит к атомизации элит, которые получают максимальную степень автономии, опираясь на свои ресурсы и локальные патрональные сети. Не подчиняясь ни центру, ни конкурирующим элитам они вступают друг с другом в борьбу по модели «войны всех против всех». Фактически данный режим атомизированного партикуляризма означает ситуацию гражданской войны и временного распада государственности. Таджикистан в период противоборства между региональными элитами в 1992–1997 гг. наиболее наглядно представляет суть данного режима, когда региональные лидеры и полевые командиры, основываясь на силовых ресурсах и личных локальных патрональных сетях, вступили в долговременную силовую схватку друг с другом. Однако Таджикистан отнюдь не является единственным исключением, осуществившим режимную трансформацию через атомизированный партикуляризм. В более короткие хронологические периоды данный режим наблюдался также в кавказских республиках.

Неопатримониальный характер управления в зависимости от степени конкуренции элит приводит к двум возможным режимным типам: *неопатримониальному авторитаризму* или *неопатримониальной полиархии*. При низкой конкуренции элит возникает неопатримониальный авторитаризм, что означает наличие доминирующего актора, опирающегося на патрон-клиентистские сети и монополию на материальные ресурсы. Возникновение параллельных патрональных сетей, вышедших из-под контроля доминирующего игрока, характеризует режим патримониальной полиархии. Это приводит к более конкурентной электоральной борьбе часто с непредсказуемым электоральным исходом. В отличие от институциональной полиархии в данном случае при высоком уровне конкуренции основными политическими игроками остаются патрональные сети, расколотые по клановым, субэтническим, региональным или олигархическим основаниям. Доминирующими типами партий являются клиентистские. Режим неопатримониальной полиархии максимально соответствует гибридной (переходной) форме, включающей в себя элементы демократии. Однако дефектное функционирование демократических институтов не позволяет причислить эту режимную форму к разряду демократии и более логично рассматривать ее как разновидность авторитаризма.

Наконец, при сильных формальных институтах возможны режимы в виде *институционального авторитаризма* или *институциональной полиархии*. В обоих случаях элита имеет минимальную автономию. Однако в условиях низкого уровня конкуренции отсутствие автономии элит озна-

чает не подотчетность их обществу, а подчинение аппарату доминирующей партии. Данный режим соответствует советской системе партийной коммунистической монополии и являлся стартовой точкой трансформации всех постсоветских государств. Развитие институционализации и легально-рациональной бюрократии при высоком уровне конкуренции элит рождает режим в виде институциональной полиархии, максимально приближенный по набору параметров к модели, которую в рамках электоральных типологий принято обозначать в качестве «электоральной демократии». Из всех постсоветских государств на современном этапе данный режим сформировался только в трех государствах Балтии.

2. Операционализация понятий

Операционализация понятия «уровень конкуренции элит» производится на основе официальных результатов электоральных исходов. Большая доля голосов за оппозиционных кандидатов является маркером, указывающим на значительный уровень элитной конкуренции. Низкие показатели альтернативного голосования позволяют сделать противоположное утверждение. Хотя в авторитарных режимах электоральные предпочтения избирателей нередко искажаются, сама возможность правящей бюрократии манипулировать электоральными результатами говорит об ее административном могуществе и способности подавить элитные расколы, даже если они наличествуют. Таким образом, официальные результаты избирательного процесса на выходе дают информацию о том, насколько инкумбент контролирует альтернативные патрональные сети и способен предотвратить прорыв аутсайдеров в публичное политическое пространство.

Электоральным порогом, определяющим низкий уровень элитной конкуренции, предлагается считать победы инкумбента с результатом не менее 65% поддержки избирателей. При оценке выборов legislatures, это означает, что возможность инкумбента обеспечить контроль над 65% местами депутатского корпуса говорит о низкой элитной конкуренции. Этот контроль инкумбент может реализовать как посредством доминирующего представительства «партии власти», так и с помощью конгломерата союзнических партий (картеля) и аффилированных с инкумбентом кандидатов-одномандатников, избранным по мажоритарным округам. Это же значение является показателем низкого уровня элитной конкуренции при электоральном исходе президентских выборов. Факт победы кандидата с поддержкой избирателей не менее 65% говорит о низкой элитной конкуренции. Исход президентских выборов, при которых победитель получил менее 65% голосов избирателей, указывает на сохранение высокой конкуренции элит.

Вторую переменную, указывающую на соотношение формальных и неформальных институтов, ограничивающих автономию элит, предлагается операционализировать посредством данных об уровне коррупции.

Для оценки этого показателя используются индексы Всемирного Банка (*WB*) (*Control of Corruption Index*) и данные центра *Transparency International* (*TI*), ежегодно публикующего рейтинги стран, распределенных согласно разработанному специалистами этого центра «индексу восприятия коррупции» (*Corruption Perception Index*).

С целью надежности измерения автор исходит из принципа равной ценности обоих индексов. Это означает, что для причисления режима к разряду институционального, равно как и к неопатримониальному, соответствующие индексы не должны противоречить друг другу. При наличии противоречий фиксируется тот показатель, который является более низким, исходя из допущения, что наличие сильных формальных институтов является менее реалистичным фактом, требующим признания большинством экспертных служб, а не только отдельными из них.

Кроме этого, вводится ограничение хронологического порядка. Поскольку формальная институционализация требует времени, к разряду институциональных относятся только такие режимы, относительно которых соответствующие индексы наблюдаются не менее чем на протяжении пяти лет. Данное ограничение позволяет избежать ошибок измерения, которые могут быть вызваны определенными ситуативными факторами, которые случаются в процессе общественного развития.

Если рассмотренные индексы вполне релевантны для разграничения режимов на неопатримониальные и институциональные, то грань между чистым патримониализмом и неопатримониальной формой авторитарного режима количественной методикой оценить весьма сложно. Поэтому для идентификации этого рода режимов используются качественные показатели.

Критерием определения султанства предлагается считать наличие правовой нормы, закрепляющей пожизненный статус главы государства. Посредством этого правитель фактически освобождает себя от ограничения в виде выборов, что приводит к особой логике функционирования авторитарного режима. В отсутствии необходимости подтверждать свой статус доминирующего игрока, правитель минимизирует свою зависимость как от общества, так и от подчиненной ему клиентуры, превращаясь в абсолютного деспота, вполне сопоставимого с классическими моделями неограниченной монархии. Среди постсоветских стран подобная норма была принята только в Туркменистане в 1999 г. в отношении президента С. Ниязова и действовала вплоть до его смерти в 2006 г. Таким образом, режим Туркменистана в период 1999–2006 гг. можно определить как султанистский.

Атомизированный партикуляризм также невозможно определить с помощью количественных процедур, но легко фиксируется на основе экспертных данных. Понимая данный авторитарный режим как максимальный уровень персонализма при высокой элитной конкуренции, что приводит к ослаблению центральной власти и силовому противостоянию между глав-

ными политическими игроками, в данной работе фиксируется наличие данного режима при условии открытого военного конфликта в рамках отдельной политики. Другими словами, рамки начала и окончания гражданской войны, либо локального ограничения силового конфликта, являются вполне четкими параметрами, позволяющими определить режим в стадии атомизированного партикуляризма и время перехода его в другую фазу.

3. Режимная динамика постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа

С точки зрения количества режимных переходов все восемь государств исследуемых постсоветских регионов демонстрируют разный уровень устойчивости: от одного режимного перехода в случаях Узбекистана и Армении, до пяти в Грузии. Хотя формально Туркменистан совершил три перехода (от неопатримониального авторитаризма к султанизму и обратно), фактически в данном случае можно говорить об аналогичной устойчивости. Случаи Казахстана, Азербайджана и Кыргызстана также скорее говорят об устойчивости их режимных форм. В Казахстане и Азербайджане, где фиксируются 3 и 4 перехода соответственно, режимная динамика происходила в относительно короткий период неопределенности, которая завершилась консолидацией авторитаризма к 1993 г. в Азербайджане и к 1995 г. в Казахстане. Что касается Кыргызстана, то режимные колебания данного случая хотя и в другой хронологический отрезок, но также носили кратковременный характер, не превышающий трех лет. Наибольший уровень режимных колебаний фиксируется в Таджикистане (четыре перехода) и Грузии (пять переходов).

В целом среди стран Центральной Азии и Кавказа можно отметить наличие режимной устойчивости двух основных форм, которые являются для анализируемых случаев модальными. Это режим неопатримониального авторитаризма и неопатримониальной полиархии. Данные режимные формы свойственны разным группам стран, но при своей консолидации они одинаково демонстрируют устойчивость и долговременность.

Для пяти стран устойчивым режимным типом является неопатримониальный авторитаризм. Он характерен для Узбекистана, Туркменистана, Азербайджана, Казахстана и Таджикистана. В Узбекистане данный тип остается неизменным с начала независимого развития и уже существует в течение 22 лет (1991–2013). В Туркменистане неопатримониальный авторитаризм прерывался периодом султанизма (1999–2006), но если считать последний режим лишь модификацией авторитаризма, то можно признать, что долговременность авторитаризма в этой стране насчитывает 23 года (1990–2013). В Азербайджане неопатримониальный авторитаризм стал исходом периода неопределенности и с 1993 г. функционирует стабильно в течение 20 лет. В Казахстане период неопределенности продолжался несколько дольше, но после консолидации неопатримониального

авторитаризма к 1995 г. данный режимный тип также функционирует без существенных колебаний на протяжении 18 лет. В Таджикистане в связи с продолжительной гражданской войной неопатримониальный авторитаризм достиг консолидации лишь к 1999 г. Однако, как и в других случаях, после формирования он стал достаточно устойчивой режимной формой и остается неизменным в этой стране уже на протяжении 14 лет.

Режим неопатримониальной полиархии свойственен для трех стран рассматриваемого региона: Армении, Грузии и Кыргызстана. Можно отметить, что данный режимный тип демонстрирует сравнительно меньшую устойчивость. Как показывает опыт постсоветского развития Грузии и Кыргызстана, именно в рамках данной режимной среды создаются благоприятные условия для «электоральных революций», итогом которых стали режимные колебания.

Вместе с тем те же самые случаи Грузии и Кыргызстана позволяют сделать вывод, что данный режимный тип хотя и является менее устойчивым, но одновременно создает некие ограничения, препятствующие авторитарной консолидации. Так, установленный К. Бакиевым режим неопатримониального авторитаризма в Кыргызстане просуществовал только три года (2007–2010), вновь перейдя к неопатримониальной полиархии. Подобную тенденцию можно наблюдать и на примере Грузии, где после долговременного функционирования неопатримониальной полиархии переход к авторитаризму оказался лишь эпизодом, не превышающим хронологические рамки в четыре года (2004–2008), после чего режим вновь принял форму неопатримониальной полиархии.

Режим неопатримониальной полиархии хотя и является менее стабильным, чем неопатримониальный авторитаризм, тем не менее, также способен функционировать достаточно долговременно. Так, случай Армении говорит об устойчивости и долговременности этой режимной формы. Сформированный к 1991 г., в этой стране он остается стабильным в течение 22 лет, что вполне сопоставимо со случаями постсоветских стран неопатримониального авторитаризма. Хотя в Грузии и Кыргызстане данный режим и демонстрирует некоторую волатильность, тем не менее, в этих странах он показал способность существовать достаточно длительный период времени. Так, в Кыргызстане до «тюльпановой революции» данный режимный тип функционировал на протяжении 16 лет (1991–2007). В Грузии до событий «революции роз» режим неопатримониальной полиархии оставался неизменным на протяжении 12 лет (1992–2004).

4. Объясняя режимные трансформации: структурные и процедурные факторы

Критический обзор существующих в политической науке теорий, указывающих на влияние различных структурных факторов на устойчивость и динамику политических режимов, позволил выделить одиннадцать глав-

ных структурных параметров, которые были использованы для анализа постсоветских стран сквозь призму их наличия или отсутствия на старте режимных переходов. К указанным структурным факторам отнесены: европейское влияние; тип режима в рамках советской политической системы; опыт независимой досоветской государственности; уровень досоветской грамотности населения; степень влияния национализма; наличие этнических расколов; наличие субэтнических и региональных расколов; влияние оппозиционных религиозных течений; уровень благосостояния населения; уровень урбанизации; наличие сырьевых ресурсов.

Анализ структурных факторов произведен посредством их кодирования и суммирования для каждого исследуемого случая. Руководствуясь теоретическими положениями, объясняющими причинно-следственные связи влияния структурных параметров на устойчивость авторитаризма, каждый из факторов был кодирован значениями от 0 до 1. При наличии структурного условия, благоприятного для консолидации авторитаризма, данный факт кодировался значением 1. При отсутствии такового, присваивалось значение 0. При амбивалентных или переходных характеристиках структурного параметра также использовалось значение 0,5.

Сравнение суммы баллов оценки структурных параметров и политических исходов в виде режимного типа исследуемых случаев на конец 2013 г. позволило сделать вывод о высокой корреляции между набором структурных параметров и конечным режимным типом. В случаях с более благоприятными структурными условиями для устойчивости авторитаризма, в которых сумма баллов примерно соответствует диапазону от 7 до 10, наблюдается формирование авторитарных режимов.

В тоже время, анализ структурных факторов не позволяет объяснить динамику и разные траектории режимного развития государств, имеющих на старте политических переходов примерно равный набор структурных параметров. Так, при равенстве суммы в восемь баллов структурных параметров в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане и Кыргызстане, режимные траектории и способы авторитарной консолидации в этих странах оказались различными. Несмотря в целом на схожую совокупность структурных параметров этих стран, случай Кыргызстана показывает, что это не помешало диверсификации политических исходов и формированию более конкурентного режима в этой стране в виде неопатримониальной полиархии.

Из этого можно заключить, что для учета специфических характеристик авторитарных и гибридных режимов требуется такая оптика анализа, которая позволяет зафиксировать не только самые общие тренды, но и особенности авторитарной консолидации на уровне микрополитики. Это требует анализа стратегических действий отдельных политических акторов и учета не только структурных, но и процедурных факторов.

Следуя концептуальным положениям Дж. Герчевски о трех ключевых стратегиях авторитаризма (легитимация, репрессии и кооптация)¹, для анализа факторов устойчивости и режимной динамики постсоветских государств в работе разработана теоретическая модель. Ее основными элементами являются следующие положения.

Взаимодействия авторитарного правителя связаны с тремя основными политическими акторами: электоратом, инсайдерами и аутсайдерами. Ключевым процедурным фактором стабильности авторитарного режима является способность политического лидера сформировать лояльную властвующую коалицию, включающую в себя основные сегменты влиятельных элит (инсайдеров). Устойчивость авторитаризма зависит также от лояльности основных социальных групп (электората), степени маргинализации оппозиции и слабости элитных сегментов, не включенных в состав властвующей коалиции (аутсайдеров). Достижение этих задач связаны с возможностью лидера проводить три основные стратегии: кооптацию, репрессии и легитимации, соблюдая пропорциональность и своевременность их применения.

В работе систематизированы и обоснованы основные функции трех стратегий, обеспечивающих устойчивость авторитаризма, по отношению к трем ключевым политическим акторам, с которыми взаимодействует инкумбент. Автор также указывает, что эти три ключевые стратегии авторитарного лидерства не лишены рисков. *Риски стратегии кооптации* связаны с тем, что интеграция новых элитных фракций в состав властвующей коалиции увеличивает внутриэлитную конкуренцию, что может привести к разрушению устойчивости авторитарной конструкции. Кооптационные механизмы требуют экономических затрат, поскольку обеспечивают лояльность инсайдеров за счет распределения ренты. Это ведет к росту коррупции и общей экономической неэффективности, что является чрезвычайно критичным фактором для стабильности режима в ситуации экономического кризиса. Кроме того, стратегия кооптации приводит к росту влияния наиболее успешных инсайдеров, которые за счет привилегий в разделе ренты становятся обладателями существенных ресурсов, которые они могут в любой момент обратить против авторитарного лидера. Это может привести к смещению акцентов в подборе кадров ближайшего круга авторитаризма, который отдает предпочтение лояльности, в ущерб компетентности. Таким образом, решая задачу укрепления своей личной власти, диктатор порождает более фундаментальные проблемы системного характера, связанные с общей некомпетентностью и неэффективностью государственного управления, что, в свою очередь, также может завершиться разрушением властвующей коалиции в силу экономических потрясений.

¹ Gerschewski J. The three pillars of stability: legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes // Democratization. 2013. Vol. 20. № 1. P. 13–38.

В контексте применения кооптации по отношению к аутсайдерам риски также связаны с ростом внутриаэлитной конкуренции. Особенно данный фактор начинает играть существенную роль в процессе смены поколений. Стремясь канализировать новую генерацию политиков и бизнесменов в подконтрольное русло и, кооптируя их в состав властвующей коалиции, авторитарный лидер порождает проблему обострения конфликта между амбициозными новыми элитами и «старой гвардией», не желающей терять свои привилегированные позиции.

Наконец, кооптируя в состав властвующей коалиции более широкие социальные слои, режим может не только достичь цели увеличения лояльности различных социальных групп, но и получить обратный эффект в виде роста критики власти. Связано это с тем, что расширение круга инсайдеров посредством различного рода квазинезависимых организаций объективно ведет к политизации населения и появлению независимо от воли автократа разного рода автономных игроков и дискуссионных площадок.

Риски стратегии репрессий определяются ростом стимулов перехода в оппозицию инсайдеров. Репрессии входят в противоречие с механизмами кооптации, поскольку могут привести к объединению «системной» и «несистемной» оппозиции на основе негативного консенсуса. Таким образом, стратегия репрессий стимулирует дезертирство элит из стана властвующей коалиции в лагерь аутсайдеров, что усиливает оппозицию и может стать существенной угрозой авторитарной власти.

Репрессивные практики против аутсайдеров ведут к радикализации действий оппозиции, поскольку чрезмерное силовое давление или ограничения пространств свободы вынуждают аутсайдеров прибегать к неконвенциональным методам политической борьбы. Те же самые закономерности работают и в отношении электората. Усиление репрессий по отношению к широким слоям населения с целью повышения цены их политической активности могут иметь обратный эффект, когда отчаянная ситуация постоянного угнетения и отсутствия институциональных каналов выражения своих требований, вынуждает социальные группы прибегать к насильственным методам борьбы против режима.

Риски стратегии легитимации связаны с увеличением роли идей в политике и может привести к тому, что идеологическое противостояние может обернуться против авторитарного лидера. Аутсайдеры могут воспользоваться идеологическими клише, культивируемыми режимом, для того чтобы наглядно показать несоответствие режима тем нормативным ценностям, которые он пропагандирует. В результате идеи могут стать средством дискредитации реальной сущности режима и ослабить его возможности пропаганды. Наконец, инсталляция идеологии как средства легитимации режима объективно ведет к политизации масс, что в кризисной ситуации может оказаться скорее проблемой, чем благом для сохранения власти диктатором.

Таким образом, устойчивость авторитаризма зависит не только от совокупности структурных факторов, но и от возможностей правителя использовать вышеуказанные стратегии для консолидации и стабилизации своей власти. При этом, эффективность авторитаризма связана не только с силовыми ресурсами и возможностями репрессивного подавления противников, но не в меньшей степени с умением авторитарного лидера использовать весь комплекс описанных стратегий в адекватной пропорции. Злоупотребление в применении только одной из трех возможных стратегий приводит к рискам дестабилизации режима по указанным выше причинам.

В тоже время, возможность использования всего комплекса стратегий во многом зависит от объективных условий и «наследия прошлого». Политические лидеры приходят к власти в различных условиях, обладая разным комплексом возможных активов и получая в наследство от предыдущего режима специфическую элитную конфигурацию и структуру распределения ресурсов между основными политическими акторами. Поэтому устойчивость авторитарного режима обусловлена как процедурными аспектами стратегического плана, так и объективными обстоятельствами, связанными со спецификой существующих структурных факторов.

Процеируя указанные теоретические положения на эмпирический опыт постсоветского политического развития, можно выдвинуть гипотезу, согласно которой одним из важнейших факторов, определившим развитие постсоветских режимов и их диверсификацию, является сложившаяся к началу постсоветских трансформаций *конфигурация политических элит*, которая задавала определенные возможности и ограничения для реализации идеальной стратегии авторитарного правителя.

Благоприятной для становления доминирования авторитарного правителя является фрагментированная структура элит, которая в большей степени позволяет правителю балансировать на противоречиях элитных фракций и сохранять свои властные позиции. Биполярная элитная констелляция становится фактором, ограничивающим возможности автократа для выстраивания широкой властной коалиции.

В свою очередь, структура элит на старте постсоветских режимных трансформаций обуславливалась *наследием прошлого* и определялась наличием или отсутствием трех факторов: 1) степенью национальной консолидации населения; 2) фактором опыта регионального доминирования; 3) характером ротации элит в период перестройки.

5. Анализ случаев: неопатримониальный авторитаризм

Политические режимы неопатримониального авторитаризма (равно как и султанизма) и неопатримониальной полиархии отличаются друг от друга характером выстроенной патрональной сети, на которую опирается авторитарный правитель. Режим неопатримониального авторитаризма, характеризующийся широкой властной коалицией, требует наличия больших

экономических ресурсов, контролем над которыми обладает инкубент. При наличии данного фактора, что в постсоветских условиях напрямую связано с уровнем обеспеченности государства сырьевыми источниками, авторитарный лидер получает возможность сформировать патрональную сеть *кооптационно-ресурсного типа*, суть которой заключается в том, что лояльность элит основывается на механизмах кооптации и распределения экономической ренты.

В условиях дефицита экономических ресурсов авторитарный правитель, будучи не в состоянии сформировать кооптационно-ресурсный патронаж, вынужден в большей степени прибегать к стратегии устратом и репрессий, с целью удержания лояльности инсайдеров. Результатом становится выстраивание модели *репрессивно-хищнического патронажа*, которая характеризуется узкой властной коалицией и свойственна режимной форме неопатримониальной полиархии.

Изучение эмпирических данных и сравнительный анализ постсоветского развития Азербайджана, Туркменистана, Узбекистана, Казахстана и Туркменистана позволяет сделать следующие выводы.

Существенным фактором, расширяющим «окно возможностей» формирования неопатримониального авторитаризма, стало *наличие сырьевых ресурсов*, доходы от которых позволили президентам сформировать широкую властную коалицию на основе *кооптационно-ресурсного патронажа*. Узбекистан и Таджикистан являются особыми случаями. Не имея существенных доходов от экспорта сырья, президенты этих государств, тем не менее, смогли установить авторитарную режимную форму, что говорит о важности учета других факторов недемократической консолидации.

В частности, важным фактором консолидации авторитаризма стала *фрагментированная элитная структура*, позволившая проводить авторитарную политику по модели «разделяй и властвуй». Элитная биполярность создает ограничения для кооптации и формирования широкой властной коалиции, стимулируя конкуренцию. Это является значимым источником дестабилизации режимов. В Узбекистане фрагментация была обусловлена объективными региональными расколами между представителями самаркандских, ташкентских и бухарских элит. Игра на противоречиях между элитными группами, как и установление контроля за экспортом хлопка, позволили президенту И. Каримову занять место доминирующего актора и консолидировать авторитаризм.

В Таджикистане биполярная элитная констелляция привела к гражданской войне. Следствием стала атомизация элиты, что облегчило новому инкубенту в лице Э. Рахмонова вступать в коалиции с разными элитными сегментами и искусственно стимулировать фрагментацию основных политических игроков. Данная стратегия оказалась успешной для концентрации личной власти и трансформации режима из неопат-

римониальной полиархии в авторитаризм даже при отсутствии значимых экономических ресурсов.

В Азербайджане период атомизированного партикуляризма разрушил былую интеграцию элит и создал условия для фрагментации, которой успешно воспользовался президент Г. Алиев. В Туркменистане элитная структура была еще более сложная, раскалывающая элиту на семь основных субэтнических групп. Подобным образом в Казахстане элитная фрагментация определялась не только субэтническими противоречиями трех жузов, но и этническим расколом между казахами и русскими. Указанный фактор облегчал президентам проводить политику «разделяй и властвуй» и укреплять свое личное превосходство.

Не менее важным фактором стабильного функционирования авторитаризма является использование инкубентом *институциональной инженерии*, позволяющей с помощью «партии власти» кооптировать и интегрировать инсайдеров, а также с помощью партий-спойлеров раскалывать и ослаблять аутсайдеров.

В Азербайджане инкубент сделал своей опорой партию «Новый Азербайджан», которая с каждым электоральным циклом наращивала свое преимущество. В Казахстане «партией власти» выступила «Нур Отан», которая установила свое полное доминирование в электоральном поле и свела к минимуму элитную конкуренцию в публичном пространстве. Подобным образом в Таджикистане «партия власти» «Народно-демократическая партия Таджикистана» выполняет функцию кооптации и интеграции элит, а также контроля исполнительной власти за легислатурой. В Туркменистане и Узбекистане инкубент также использует как экс-коммунистические партии, так и новые партийные проекты-спойлеры в качестве своей опоры и монополизации политического рынка.

Спецификой Туркменистана и Узбекистана является то, что для обеспечения стабильности власти кроме формальных институтов успешно используют традиционные социальные организации, (например, махаллы в Узбекистане, или советы старейшин в Туркменистане), которые поставлены под контроль государственных органов, что решает проблемы устойчивости режима.

Формирование разветвленной патрональной сети, способной кооптировать в себя не только ближний круг высшей элиты, но и часть более широких социальных слоев, требует использования разного рода *легитимирующих идей и практик*, способных поддерживать лояльность населения к режиму не только на основе репрессий и страха, но и с помощью механизмов убеждения и пропаганды. Их успешное применение расширяет социальную базу режима и способствует его устойчивости. Важным фактором стабильности авторитаризма является кооптация не только ближнего круга сторонников президента, но и интеграция в патрональную сеть бо-

лее широких социальных групп, что возможно как с помощью патронажа, так и посредством механизмов легитимации, основанных на пропаганде. Как вид массового патронажа можно рассматривать популизм в социальной политике, инвестиции в инфраструктурные проекты накануне электоральных циклов, развитие социальных программ и другие социальные государственные расходы, призванные увеличить лояльность населения по отношению к авторитарному правителю.

6. Анализ случаев: неопатримониальная полиархия

Изучение эмпирических данных и сравнительный анализ постсоветского развития Армении, Грузии и Кыргызстана позволяет сделать следующие выводы.

Все три государства с дефицитом сырьевых источников (Армения, Грузия и Кыргызстан) оказались случаями консолидации гибридного режима в виде неопатримониальной полиархии, а попытки формирования президентами этих стран неопатримониального авторитаризма потерпели крах. Следовательно, режим неопатримониальной полиархии утвердился в государствах, лишенных значимых экономических ресурсов, что вынуждает инкубент опираться на *репрессивно-хищнический патронаж*. Это приводит к меньшей устойчивости данного режима, поскольку политический лидер в таких условиях имеет ограниченный потенциал по инкорпорированию инсайдеров и аутсайдеров во властную коалицию. Доминирование репрессий при дефиците кооптационных практик приводит к понижению лояльности инсайдеров и радикализации как аутсайдеров, так и электората. Все это повышает вероятность дестабилизации режима. Исход политического перехода данного режимного типа определяется констелляцией элит, сложившейся в процессе нового цикла режимной трансформации. Фрагментация элит в ходе смещения инкубента аутсайдерами может привести к краткосрочному формированию неопатримониального авторитаризма. Однако, если авторитарному лидеру не удастся перегруппировать элитные сети и сохранить фрагментацию элиты, вскоре происходит реанимация элитной биполярности, эскалация политического соперничества и реставрация неопатримониальной полиархии.

Неопатримониальная полиархия является режимом, обладающим благоприятным набором условий, для перехода к институциональной полиархии. Это становится возможным, когда в результате циклов режимных переходов, обострения политической борьбы и роста политической мобилизации населения происходит сокращение автономии элит через «партизацию» политического процесса и замене доминирования неформальных патронажных сетей формализованными институтами и публичными «правилами игры», которые становятся «единственными в городе» для всех основных политических игроков.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА

Многоаспектность политического развития любого государства обуславливает внимание политической науки к широкому спектру проблем, в котором особое место отводится формам институализации гражданского общества в рамках той или иной парадигмы социально-экономического развития.

Обоснование актуальности данной темы мы находим в положениях теорий государства и права (первый и основной признак государства — население или общество) и экономического развития (фундаментальное факторное значение труда человека), в уроках истории (основная движущая сила социальных преобразований — социальные группы или классы) и установлениях современных конституций большинства стран (суверен — народ).

Приоритетность общественно-политического аспекта государственного устройства подчеркивает вторичность государственной организации общества и ее подчиненность этому обществу, обращает нас к главной цивилизационной ценности и простейшей составляющей социума — человеку, генерирующему все социальные процессы¹.

Данные тезисы легли в основу предложенного С. В. Новиковым проекта общественной гражданской службы² и нашего критического взгляда на состав политической системы, в котором³: отсутствует гражданин, соединяющий в себе народовластные и государственно-властные начала — избиратель и государственный или муниципальный служащий; не упоми-

¹ Борисов А. М. Функции и социально-экономические взаимосвязи инновационной модели общественной гражданской службы в общественно-политическом устройстве Российской Федерации // Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного государства и общества: Материалы IV международной науч.-практ. конф. 3–4 окт. 2011 г.: М., 2011. 264 с. С. 244–248.

² Новиков С. В. Общественная гражданская служба как основной социально-инновационный инструмент построения современного гражданского общества в Российской Федерации // Материалы IV международной научно-практической конференции (3–4 октября 2011 г.).

³ Сырых В. М. Теория государства и права: Учебник для вузов. 4-е изд., стер. М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. 704 с. С. 502–503.

нается гражданское общество как политическая сила; потенциал социума «дробится» на разделяющие его объединения, партии и т.п.¹

Концепция общественной гражданской службы отвечает целям стратегического развития России и задаче преодоления состояния неразвитости формальных каналов мобилизации общественной активности², проявляющего один из тревожных вызовов современной политической жизни.

Проблема социальной активности находится в поле зрения политического руководства страны, но анализ комплекса принимаемых мер показывает, что особого внимания удостоиваются только партии (например, корректировка избирательного права по сути заменила представительство народа представительством политических партий) и ведущие религиозные объединения (решение вопросов собственности и материальной поддержки конфессий, активная и разносодержательная деятельность по внедрению в общественное сознание верований). Меры, направленные на иные социальные группы, отличаются противоречивостью (например, предпринимательский корпус) и ресурсной необеспеченностью (профессиональные союзы, ветеранские, молодежные и детские организации). Как итог — активность последних обеспечивается в большей степени инициативной работой граждан и их добровольным финансовым участием.

В условиях деидеологизированности государственного развития всем этим общественным силам свойственна в большей степени разнонаправленность усилий, нежели содержательно-деятельностная сплоченность и объединяющие их устремления, тогда как выбор перспектив политического развития определяется критериями общественного единства и согласия в основных ценностных установках.

Эта задача трудновыполнима без политической, идеологической и профессионально нейтрального социального института, каким представляется Всероссийская общественная организация «Гражданский Союз — Общественная гражданская служба». Еще одна возможная организационно-правовая форма — общественно-государственное объединение³ при Президенте Российской Федерации.

¹ Борисов А. М. О теории социальной интеграции и обусловленности консолидации гражданского общества // Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного государства и общества [Текст]: Материалы VIII международной науч.-практ. конф., г. Москва, 10–11 окт. 2012 г. / Науч.-инф. Издат. Центр «Институт стратегических исследований». Москва: Изд-во «Спецкнига», 2012. С. 213–217.

² Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://2020strategy.ru/documents/32710234.html>. Дата обращения: 1.09.2012.

³ Митин Г. Н. Особенности правового статуса общественно-государственных и государственно общественных объединений // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 18–21.

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Отсутствие ощутимого прогресса на протяжении последних 5-ти лет в институализации предпринимательства в России и странах бывшего СССР, позволяет говорить об общих причинах сдерживания развития предпринимательской среды на постсоветском пространстве. Доля малого и среднего бизнеса в ВВП стран бывшего СССР не превышает 25% (23,6% в России, 18% в Казахстане, около 15% в Украине и 17% в Грузии). Более того, тенденция последних лет — сокращение предпринимательского класса в пользу госсектора. Так в 2013–2014 гг. РФ число малых фирм снизилось на 15%, аналогичные тенденции наблюдаются в Казахстане, Грузии, и находящейся в тяжелом институциональном и военном кризисе — Украине. Между тем, малые и средние предприятия в развитых странах создают до 50–70% ВВП, развитая предпринимательская среда является важным фактором, закрепляющим демократические институты в обществе.

Процессы институализации предпринимательства в целом завершены в странах Западной и Восточной Европы, Северной Америке, но имеют большой потенциал развития на постсоветском пространстве.

Наиболее интересными для изучения являются бывшие страны СССР, а именно — Грузия, Россия, Украина, Беларусь, Казахстан, где традиционный для советского периода патерналистский формат отношения общества и власти, испытывает разнонаправленные трансформации в относительно сжатые сроки: начиная с 1989–1991 гг. можно насчитать несколько волн роста предпринимательской активности (и, возможно, связанной с этим демократизации), и процессов возврата в сторону усиления роли государственного администрирования. Особенно наглядно эти процессы проявлены в странах с существенной долей природной ренты в экономике, которая перераспределяется государством через контролируемые ресурсные компании, и является основным инструментом социальных гарантий. Так, в России и Казахстане данная тенденция проявлена наиболее ярко по сравнению с такими странами как Украина и Грузия, где доля рентного бизнеса минимальная или отсутствует, при аналогичном патерналистском мента-

литете общества, десятки лет воспроизводимым советской идеологией на протяжении совместного развития стран в рамках СССР.

Проблематика роста численности предпринимательского класса приобрела в настоящее время дополнительную актуальность. В рамках борьбы с экономическим кризисом в 2008–2009 гг., а также текущим экономическим спадом, связанным как с существенным падением цен на энергоносители, формирующих рентный доход ряда стран (РФ и Казахстана), так и общей перестройкой структуры мировой экономики, для минимизации уровня безработицы и снижения социальных расходов, власти готовы стимулировать массовый выход наемных работников в предпринимательскую среду в качестве самостоятельных акторов. Однако, например, в РФ предпринимательская среда характеризуется высоким уровнем налогов, высокими административными издержками, редуцированной судебной системой. Таким образом, российские власти самостоятельно увеличивают численность предпринимательского класса, «выталкивая» его в несформировавшуюся институционально предпринимательскую среду. Это, с высокой степенью вероятности, усилит недовольство и как следствие — политическую активность предпринимательства, что может привести к формированию новой политической силы и, возможно, инициирует новую волну демократизации.

Сравнительный анализ политических систем и уровня развития предпринимательства (как за счет развития институциональной среды, так и за счет естественной исторической традиции предпринимательства), показывает связь — уровень демократизации в транзитных системах во многом поддерживается развитой предпринимательской средой. Современное предпринимательство понимается не только как экономический процесс, но и как социально-политический феномен — т.е. явление, формирующее и стабилизирующее демократический формат и институты общества. Это тем более важно, учитывая тот факт, что в странах пост-СССР, в отличие от протестантских стран Западной Европы не было глубоко укорененных в массовом сознании этических норм, поднимавших престиж предпринимателя. В социалистический период в массовом сознании закрепилось стойкое отрицательное отношение к частной собственности, подкрепляемое господствующей идеологией. После «романтического» периода демократизации конца 1980-х — начала 1990-х гг., на постсоветских пространствах демократические ценности были девальвированы (дискредитированы), а вместе с ними и понимание, что предпринимательство в первую очередь обеспечивает свободу деятельности граждан, что оно предполагает усиление творческой энергии населения, его предприимчивости, как основы для повышения качества жизни.

Все эти факторы позволяют говорить о новых условиях институализации предпринимательской среды на постсоветском пространстве («новой волне»), требующих изучения и научной дискуссии.

М. Г. Бреслер
Уфа

ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАТЕГИИ ПРОПАГАНДЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Информационное общество как новая стадия цивилизационного развития общества в начале XXI в. вступает на этап роста¹ и всемерного развития. Под влиянием качественных изменений информационного потока трансформируется социальная структура общества, появляются новые социальные группы, меняется форма коммуникаций², происходит создание множества коммуникационных сетевых сообществ по сходству коммуникационных кодов участников, ценностей, мировоззрения, идей, идеалов. На основе изучения сетевых сообществ, кластерно- сетевого и контент-анализа проводимых нами с 2012 г., были выявлены особенности этапов жизнедеятельности сетевых сообществ и структура сетевого сообщества. А также сформулирована кластерная парадигма социальной сети³. В экспертно-консультативной деятельности по продвижению, как политических, так и социальных проектов мы сознательно выбираем стратегию пропаганды, как наиболее эффективную стратегию продвижения социально-политических идей. Мы пришли к выводу о трансформации стратегии пропаганды от классической модели Г. Лассуэла к новой модели адаптированной к особенности пропаганды информационного общества.

Основное отличие новой модели основано на понимании преобладания сетевой формы коммуникации. Что в свою очередь предполагает восприятие потребителей информационного продукта не как «массу», но как участников множества сетевых сообществ со своими ценностями и информационным кодом. Отсюда множественность в восприятии информации как истины. Различение тут происходит как на уровне информация/не информация⁴,

¹ Бреслер М. Г. Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества, Уфа-РИЦ БашГУ, 2014, 174 с.

² Шарков Ф. И. Интернет и масс-медиа: локальный дискурс в сетевых и массовых коммуникациях // Коммуникалогия, 2014, т. 8, № 6, С. 15–28.

³ Бреслер М. Г. Модели социальных сетей в ризомной и кластерных парадигмах Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 27 ноября 2014) / отв. Ред. Р. Р. Сулейманова. Уфа: РИЦ БашГУ. С. 43–47.

⁴ Луман Н. Реальность массмедиа / Никлас Луман. Пер. с нем. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005, 256 с. С. 24.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА «МЯГКОЙ СИЛЫ»

так и по признаку соответствия/несоответствия ценностей сообщества. Вне ценностей любого данного сообщества сообщение «противников» может рассматриваться как реализация максимы Дж. Оруэлла «Правда есть ложь». Но мы считаем, что в условиях информационного общества восприятие сообщения происходит в основном в коммуникационных кодах, утвердившихся в данном сообществе.

Другой особенностью сетевой формы восприятия является равенство «веса» информационных поводов. Суждение медийной персоны выраженное в микроблоге «*Twitter*» и официальное заявление Президента могут вызывать одинаковое количество откликов у участников сетевого сообщества, при этом охват информацией из микроблога может быть существенно выше. Оценка информации, как уже писалось, зависит от численности и активности сообщества сторонников автора. Это наблюдение, подтвержденное результатами наших исследований, объясняет так называемые «двойные стандарты» выраженные в некоем суждении, на самом деле являющиеся лишь выражением ценностей того сообщества к которому принадлежит автор суждения.

Символизм постмодерна, свойственный информационному обществу сводит информационные продукты к символам, симулякрам. В этом плане культурные, религиозные, исторические, этнические факты становятся символами и входят в коммуникационные коды участников сетевых сообществ. Именно в том виде, который наиболее легко воспринимается потребителем информационного продукта. Восприятие любого факта проходит через осознание соответствия ценностям индивида. При этом в любом сообществе складывается свой набор символов. Аргументы *pro et contra* по отношению к символу, призваны укрепить мнение участников сообщества в своей правоте, но не способствовать поиску истины. При этом стороны дискуссии считают свои аргументы истинными, а аргументы противников — ложными.

Выявленные нами в наблюдениях и подтвержденные многолетними исследованиями особенности создания, распространения и восприятия информационного продукта необходимо учитывать при создании пропагандистского сообщения в условиях современного информационного общества.

Роберт Кеохейн, американский ученый и частый соавтор Джозефа Ная, выдвинувшего концепцию «мягкой силы», в своих работах также некоторое внимание уделил изучению глубинных социально-психологических факторов, влияющих на внешнюю политику государства. Так в книге «Идеи и внешняя политика»¹ он рассматривал вопрос о соотношении идей и внешней политики США. В этой книге Кеохейн делает вывод о том, что идеи наряду с интересами оказывают значительное влияние на внешнюю политику. Все идеи, по его мнению, можно классифицировать выделив три основные группы.

К первой группе относится «мировоззрение», которое отражается в символизме культуры и в глубоко укоренившихся обычаях через осмысление и дискуссию. Оно не носит явно нормативный характер, скорее это комплекс космологических, онтологических и этических представлений. Однако мировоззрение определяет человеческую идентичность и вызывает глубокие эмоции и привязанности. Одним из аспектов мировоззрения является религия, которая сильно влияет на человеческую активность, в том числе и на внешнюю политику, при столкновении различных типов культур.

Вторая группа — это «основные верования», которые состоят из идей нормативного характера, т.е. специальных критериев для оценки действительности. Идеи, относящиеся к этой группе, не существуют изолированно, а опираются на мировоззрение, особенно это заметно в нормах религиозного и идеологического характера.

К третьей группе относятся «казуальные взгляды», которые складываются из наиболее авторитетных научных концепций и мнений, примеров из реальной практики внешней политики других стран. Это наиболее динамично изменяющаяся часть идей, влияющих на внешнюю политику.

К казуальным взглядам относятся и различные комплексы идей, которые осложняют проведение внешней политики государства.

Роберт Кеохейн в одной из своих совместных работ с Питером Катценштайном «Антиамериканизмы»² заинтересовался отрицательной сто-

¹ Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change. Ed. by Judith Goldstein, Robert Owen Keohane Cornell University Press, 1993, p. 308.

² Katzenstein J. Peter, Keohane O. Robert Anti-americanisms / Policy review, October and November, № 139, 2006, p. 25–37.

роной гибкой власти США на примере антиамериканизма. Оба автора приходят к выводу о том, что антиамериканизм как явление достаточно многообразен, но всегда негативно действует на авторитет США и ее внешнюю политику, в том числе, и на ресурсы гибкой власти. Кеохейн и Катценштайн предлагают несколько вариантов антиамериканизма и взглядов на него. Так, например, они выделяют «левый» и «правый» взгляд на антиамериканизм. «Левые» считают, что негативная реакция в отношении Соединенных Штатов была вызвана несправедливой внешней политикой американского правительства, и приходят к выводу о том, что необходимо задуматься над ее реформированием. «Правые» предполагают, что антиамериканизм вызван завистью и неспровоцированной ненавистью некоторых людей, США проводят эффективную и справедливую внешнюю политику, реформировать ее нет необходимости, а антиамериканизм следует игнорировать.

Существует также несколько видов антиамериканизма: либеральный антиамериканизм, его представители критикуют США за предательство идей либерализма; социальный антиамериканизм, его представители ставят в вину американцам свертывание политики по созданию государства всеобщего благоденствия; суверенно-националистический антиамериканизм, сторонники этих идей считают, что внешняя политика Вашингтона размывает национальную идентичность и приводит к потере контроля государств над своей политической сферой; радикальный антиамериканизм, его представители полагают, что расширение мировой экономики, политических институтов, созданных по американскому образцу, враждебны их собственным позитивным ценностям. Радикальный антиамериканизм имеет два вида: религиозный и идеологический. Религиозный антиамериканизм связан в основном с исламом и представляется авторам одним из самых опасных настроений для безопасности Соединенных Штатов. Под идеологическим антиамериканизмом подразумевается деятельность государств, не отказавшихся от марксистско-ленинской идеологии. Этот тип антиамериканских настроений после развала СССР стал представлять меньшую угрозу, но государства, культивирующие подобное отношение к США, продолжают существовать на карте мира.

Сегодня, когда Российская Федерация оказалась в достаточно сложных внешнеполитических условиях, такие комплексы идей, которые затрудняют проведение нашей стране своей внешней политики оказались объектом рассмотрения многочисленных публицистов, которые зачастую грешат идеологизированностью позиции, между тем данная проблема должна стать целью изучения экспертного сообщества.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ф 3 № 131 (2003) «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» определяет местное самоуправление как самостоятельную и под свою ответственность деятельность населения по решению вопросов местного значения, которая осуществляется непосредственно, а также через органы местного самоуправления с учетом исторических, культурных и иных традиций. В Европейской Хартии о местном самоуправлении, которую РФ не только подписала, но и ратифицировала, одной из главных основ демократии признаются органы местного самоуправления. Согласно этому документу местное самоуправление означает право и способность в интересах граждан управлять территорией самоуправляющихся общностей. Оно осуществляется советами, исполнительными органами, а также с помощью собраний граждан, референдумов и других форм непосредственной демократии. Таким образом, первичным субъектом местного самоуправления признается не население, как в российском законодательстве, а органы местного самоуправления. В муниципальной практике современных европейских государств именно так и происходит. Вся ответственность за решение вопросов местного значения перекладывается не на граждан, а на должностных лиц местного самоуправления, которые, получив мандат на управление соответствующей территорией, обязаны осуществлять деятельность в различных сферах: развитие местной промышленности, сельского хозяйства, управление муниципальной собственностью, социальное обслуживание, культурный досуг населения и т.п. Это есть подлинная демократия, а не игра в нее. Благо населения, реализация его интересов — цель муниципальной деятельности. Такой подход к местному самоуправлению не позволяет неэффективным политикам заявлять, что если население недовольно тем как развивается их муниципальное образование, то оно прежде всего должно предъявлять претензии к себе, поскольку по федеральному законодательству именно население ответственно за состояние дел на своей самоуправляющейся территории. И хотя механизм осуществления местного самоуправления в РФ предусматривает различные формы участия населения в нем (местные референдумы и выборы, сходы, собрания, конференции граждан, правотворческая инициатива, право на индивидуальные и коллективные обращения в органы местной власти, терри-

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ В МИРЕ И ПОЛИТИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

ториальное общественное самоуправление, публичные слушания и т.п.), на практике не все так просто. Политическая культура большинства российских граждан не соответствует демократическому обществу, в ней не закреплены те ценности, которые для гражданского общества являются базовыми и без которых участие населения в решении вопросов местного значения становится проблематичным. Кроме того, государственная политика в области местного самоуправления часто осуществляется таким образом, что способствует его огосударствлению, вступая в противоречие с конституционно закрепленным положением о самостоятельности и независимости местного самоуправления от государства.

Конституция РФ, федеральное законодательство определяют принципы организации местного самоуправления как института гражданского общества. Однако, существующие проблемы затрудняют его развитие в этом направлении. Перечислим лишь некоторые из них, требующие не только теоретического осмысления, но и правового регулирования в целях превращения местного самоуправления в эффективный институт гражданского общества: более четкое разграничение понятий «местное самоуправление» и «местное управление»; превращение населения в настоящий, а не декларируемый субъект местного самоуправления, стимулирование активности, направленной на участие в жизни муниципального образования; повышение юридической ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления за решение вопросов местного значения, предоставление населению услуг соответствующего качества; обеспечение обратной связи между местной администрацией и населением для выявления насущных потребностей и актуальных вопросов местного значения; развитие форм общественно-политического контроля за деятельностью должностных лиц местного самоуправления; обеспечение реальной финансовой и экономической самостоятельности; разграничение полномочий между государственной и муниципальной властью таким образом, чтобы местная власть обладала ресурсной базой для их реализации; изменение сознания муниципального менеджера (не народ для чиновников, а чиновники для народа); подготовка высококвалифицированных кадров для местного самоуправления в области коммунального права, управления, финансов и т.п.

Данные проблемы необходимо решать не в далеком будущем, а здесь и сейчас. РФ только тогда станет подлинно демократическим государством, когда получит развитие демократия «снизу» на уровне местного самоуправления. Превращение населения муниципального образования в цель, объект и субъект муниципального управления будет способствовать становлению гражданского самосознания, формированию демократического государства.

Особенности конструирования коллективной памяти у социокультурных групп современного общества, непосредственно связаны с единением как внутри, так и между современными обществами. Однако исследователи отмечают конфронтующий характер коллективной памяти у современных народов¹, который мешает их взаимопониманию и взаимодействию. Цель исследования — проанализировать причины *конфронтующего характера коллективной памяти*, выделить пути *построения взаимовыгодного диалога между* социокультурными группами.

Современная наука определяет память как психическую функцию и вид умственной деятельности человека, предназначенную сохранять, накапливать и воспроизводить информацию. Память способна длительно хранить информацию о событиях внешнего мира и использовать ее в сфере сознания для организации последующей деятельности.

Ученые используют категорию историческая память и стали применять связанное с ним понятие коллективной памяти, «обозначая им комплекс разделяемых определенной группой или сообществом мифов, традиций, верований, представлений»². Л. П. Репина считает, что историческая память — это не только канал передачи сведений о прошлом, это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования и интеграции социальных групп в настоящем»³.

На наш взгляд, именно важностью «идентификационной» функции исторической памяти объясняется растущий интерес к историческому прошлому. К сожалению, при этом в современных обществах «идентификационная» функция исторической памяти разделяет социокультурные группы. Ярким примером является, историческая память о Великой Отечественной войне как память о Победе советского народа над фашизмом.

¹ *Де Ваал Т.* Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. М.: Текст, 2005. 416 с.

² История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.

³ Там же. С. 23–24.

Основателем теории коллективной памяти считается французский социолог Морис Хальбвакс — автор труда «Коллективная память». Сущность гипотезы Хальбвакса в том, что история и историческая память во многих отношениях противоположны: «История обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память»¹. Коллективная память отличается от истории, по Хальбваксу, двумя главными чертами. *Во-первых*, в ней нет строгих делений (на периоды), присущих исторической науке. Память — это непрерывный ход мыслей, и она сохраняется только в сознании той группы, которая ее поддерживает. Историческая память «конечна», она «умирает» с естественным уходом тех групп, которые являлись ее непосредственными или ближайшими носителями. *Во-вторых*, если история как наука стремится к универсальности, и при всех делениях на национальные истории или истории по периодам, есть только одна история, то одновременно существуют несколько вариантов коллективной памяти. Это определяется одновременным существованием многих групп, и в жизни человек оказывается связанным не с одной, а многими из них. «У каждой из этих групп, — пишет Хальбвакс, — своя история. Рассматривая свое прошлое, группа осознает свою самоидентичность во временном измерении, стремится увековечить те чувства и образы, которые составляют материю ее мысли». Следовательно, именно Хальбвакс высказал действительно глубокую идею об исторической памяти как важнейшем факторе самоидентификации социальной или любой другой группы.

Наиболее спорным положением теории Хальбвакса является противопоставление истории и памяти. Ряд авторов Й. Рюзен, П. Берк, Л. П. Репина и др. считают, что история как продукт профессионального историописания можно считать частью или видом исторической памяти, поскольку и сами историки причастны к «новому мифостроительству», будучи вовлеченными в современную им культуру.

В своем исследовании «Конфронтирующая коллективная память на Кавказе: как преодолеть проклятие прошлого?» Эльдар Исмаилов и Рауф Карагезов так же подчеркивают что «едва ли не каждая этническая группа региона имеет свой традиционный «набор» коллективных историй, как правило, направленных против соседей». Авторы выделяют две причины конфронтирующего характера коллективной памяти. Первая — социально-психологическая, она связана с такими закономерностями развития социальной идентичности, как явления ингруппового фаворитизма (предпочтения своей группы) и аутгруппового очернения (дискредитации чужой группы). Исключительно разнообразный этнический, лингвистический, культурно-религиозный состав народов Кавказа делает особенно выпуклым эти свойства развития групповой иден-

¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 22–26.

тичности, проявляющиеся и на уровне легенд, преданий, рассказов «о себе и о других». Как пишет М. Биллиг: «Исторически мифы о нации имеют тенденцию развиваться по мере ее создания в противопоставлении к другим нациям»¹. Вторая причина коренится в истории края. Сложная, драматическая история Кавказа, на протяжении многих веков является объектом притязаний со стороны различных геополитических сил, которые, преследуя свои цели, всеми способами стремятся заручиться поддержкой проживающих в регионе тех или иных этнических или религиозных групп и народов чаще всего путем противопоставления одних групп и народов другим².

Ван Бэйбэй
Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Главные темы исследования политической культуры в современном Китае. *Понятия политической культуры и ее основные теории.* В настоящее время можно вообще делить представление о политической культуре на две категории. *Во-первых*, одним из них является теория европейских и американских ученых. В 1956 г., американский ученый А. Алмонд впервые применил термин «политической культуры». Другой профессор и эксперт по политической культуре Л. В. Рупе (Пэй Лушин) несколько раз определил понятие политической культуры. Теория иностранных ученых непосредственно влияет на теории китайских ученых. *Во-вторых*, другая теория состоит на основе теории зарубежных ученых, но сочетает китайские традиционные теории. Они считают, что политическая культура включает в себя не только политическую психологию, но и политическую идеологию и политическую систему. Эта теория расширит общие исследования политической культуры.

Исследование современной китайской политической культуры. Изучение современной политической культуры является наиболее важной частью исследования политической культуры. Это изучение включает в себя: 1) основную структуру современной политической культуры и основные характеристики 2) трансформацию современной политической культуры. 3) новые факторы политической культуры, например, по-

¹ Billig M. Banal Nationalism. London: Sage, 1995. P. 190.

² Чиковани Н. Единый Кавказ: исторически обусловленная реальность или политические иллюзии? // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 5 (41). С. 56–68.

литическая культура в сети, политическая культура на фоне глобализации и так далее.

Исследование национальной политической культуры. В исследовании традиционной политической культуры более целенаправленных и важных вопросов бывают: 1) характеристики, структуры общего исследования традиционной политической культуры Китая; 2) с политической точки зрения исследование отношения между конфуцианством и китайской модернизацией; 3) исследование политической культуры древних ученых интеллигенций; 4) традиционная политическая и культурная анализ о политической этики; 5) проблема трансформации китайской политической культуры от традиционного к современному.

Базовая структура политической культуры в современном Китае. Политическая культура в современном Китае — плюрализм. «Каждая политическая культура в любом обществе является плюралистической, но степень перемешивания каждого вида политической культуры в интерьере является разным.»¹

Базовая структура политической культуры современного Китая делится на две части — доминирующая политическая культура: социалистическая политическая культура с руководством марксизма и субкультуры: традиционная политическая культура Китая и Западная политическая культура.

Доминирующая политическая культура современного Китая воплощается в соответствии с новым руководством марксизма, который мы называем социалистической политической культурой, включающей в себя в основном следующие основные элементы: *во-первых*, понятие о социалистической сущности. *Во-вторых*, понятие социалистического строительства — как строить социализм, то есть, какой социалистический путь развития надо выбрать. *В-третьих*, социалистическое мировоззрение. *В-четвертых*, социалистическая дипломатия.

Современные китайские политические субкультуры включают в себя следующие две части: *во-первых*, традиционную политическую культуру. *Во-вторых*, западная политическая культура. Западная политическая культура с сильным внешним экспансионизмом оценивает прибыль капитала как своя основная ценность.

Характеристики плюралистической политической культуры в современном Китае. Современный Китай стоит в период социальной трансформации, социалистическая политическая культура, китайская традиционная политическая культуры и западная политическая культура в рамках политической системы культуры сосуществуются плюралистическо. Эта основная схема определяет уникальные характеристики современных политических культур Китая.

¹ Almond Powell. Comparative Politics: systems, processes and policies. [M] Shanghai: Shanghai Translation Publishing House, 1987: 23.

Плюрализм. Со процессом реформ и открытости, Китай начал развитит в направлении плюрализма. В политические и культурные полях и показывана основная схема плюралистической сосуществования. Между тем, в интерьере каждой политической культуры ее состав не совсем согласуется с выполнением многоуровневой природе политических и культурных особенностей.

Конфликтный характер. «Независимо от безжалостности революционного воздействия, политическая культура редко полностью поддался на новичков.»¹ В досовременных времени, традиционная конфуцианская культура не только была социальными детерминантами китайской мысли и культуры, но и основной политической идеологии Китая. Однако, с развитием реформы китайской экономики, политической системы и с развитием модернизма, люди постепенно воспринимают современные западные ценные мысли. Таким образом, в обмене и столкновении китайской и западной политической культуры, современная политическая культура Китая окажется конфликтным сильно.

Интеграция. Основная структура современной политической культуры Китая является плюралистическим, соответственно, современная политическая культура Китая показывает характер слияния. Китайская традиционная культура воздействовала на марксистскую политическую культуру, когда она была введена в Китай. Между тем, западная политическая культура постоянно воспринимает полезные ингредиенты из китайской традиционной политической культуры.

Развивающая особенность. Любая форма политической культуры не является неизменным, вечным, оно с развитием социальной истории и современности постепенно меняется. «Изменение способа производства обязательно приведет к социальным изменениям политической системы, и, потом, политическая психология, политические ценности и политические убеждения народа изменятся соответственно.»² Повышение мобильности членов этого общества, огромной трения разных аспектов общества и сильный удар социальных ценностей и сердца народа будут неизбежно существуются.

¹ Greenstein, Powles than political science manual selection. [M]. Beijing: Commercial Press, 1996: 269.

² Guan hong Sun. Introduction to Political Science. [M] Shanghai: Fudan University Press, 2006: 364.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Проблема роли модернизации в истории России долгие годы волновала умы ученых. Единства взглядов по целому ряду ключевых вопросов, например, по вопросу о причинах и движущих силах российской модернизации в имперский период, достигнуто не было. Популярной является гипотеза, в соответствии с которой модернизационный переход был вызван геополитическими потребностями и замыслами правящей элиты. Отечественные исследователи, видя в государстве тот фактор, который прерывал периоды плавной эволюции российского общества и порождал могучие вспышки политической активности, используют для описания противоречивого характера российской истории парадоксально звучащие понятия «консервативная модернизация»¹, «имперская модернизация»², «этатистская модернизация»³. Эти специальные языковые средства призваны выразить идею движения вперед при сохранении или даже укреплении некоторых традиционалистских установлений. В частности, всевластного государства и официальной идеологии.

Общей теоретической позицией исследовательских проектов, разрабатываемых в связи с идеей консервативной модернизации, является: 1) интерес к проблеме наличия/отсутствия частной собственности и гражданского общества, традиционно ассоциирующейся с дихотомией Запад—Восток, в особенности, акцентирование имперских, патерналистских, сакральных параметров российской государственности; 2) концептуализация российского опыта социальности в традиционалистских терминах, т.е. как опыта «общинности», «коллективизма» или «соборности», избегающая сколько-нибудь близких к либеральной теории модернизации трактовок. Дискурсивные ориентации отечественных авторов зачастую направлены на реабилитацию патерналистских и коллективистских форм общежития как выражающих духовную свободу человека, его экзистенциальную ментальность.

¹ Вишневецкий А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: Издательский дом Государственного университета. Высшей школы экономики, 2010.

² Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004.

³ Этатистские модели модернизации. М.: ИФРАН, 2002.

Однако анализ исторических изменений социальной структуры российского общества выявляет если не тождественность, то, по крайней мере, значимую сопряженность российского и западного цивилизационных маршрутов. Особенностью цивилизационного развития стран Западной Европы выступает разрушение в Новое время традиционалистской организации, закреплявшей правовое неравенство субъектов и определявшей конфессионально-сословное членение общества. На смену обществу, в котором политическим субъектом выступал коллектив (общинный, религиозный, родовой) пришло общество политически унифицированное, индивидуалистическое, состоящее из равных по отношению к единой норме граждан. Сходную метаморфозу претерпела в XX в. и Россия. Модернизационные реформы, сначала столыпинские, затем советские, привели к падению общины, развалу сословного строя, к правовой нивелировке конфессиональных различий.

Несмотря на исключительную роль государства в происходящих переменах едва ли российскую модернизацию можно охарактеризовать как «имперскую» или «этатистскую». Конечный результат реформ — распад традиционных социальных связей, атомизация общества, рационализация и бюрократизация управления, исчезновение сакральных форм легитимации власти — никем из элит запланирован не был. Он является не официальной целью преобразований, не продуктом адресного администрирования, а всего лишь случайным по отношению к декларируемым задачам, хотя и важнейшим с фактической точки зрения следствием модернизационных усилий государства.

В связи с этим не может быть принята широко тиражируемая риторика о необходимости для России на современном этапе «консервативной модернизации» как совокупности реформ, призванных оснастить российское общество новейшими технологиями, но сохранить его духовные традиции — культ сильного государства, коллективистскую идеологию. Подобные установки противоречат реальному положению дел — российское общество атомизировано, в нем нет ни традиционных сословных, общинных, конфессиональных коллективов самоорганизации и поддержки, ни идеологически скрепляющих эти коллективы этических кодексов.

Но российскую модернизацию нельзя считать и типом «догоняющей модернизации» или, тем более, рассматривать как вестернизацию застойного по своей сути российского общества. Факт последовательного падения в России общинно-родового членения общества и сословного строя может быть удовлетворительным образом разъяснен только исходя из представлений о наличии глубинных внутренних мотивов к модернизационной трансформации. Особенности российской модернизации, заключающиеся в сохранении, и даже усилении некоторых элементов традиционного порядка, таких как всевластное государство и админи-

стративно-распределительная экономика, естественной всего объясняются исходя из представлений о сложности и многообразии развития по европейскому пути. Исходя из признания нелинейности процессов модернизации, необходимо отметить, что в России, как и на Западе, действуют общие законы социальной эволюции, которые, своеобразно преломляясь в конкретно-исторических обстоятельствах, приводят к сходным, но не идентичным результатам.

Н. В. Ватыль
Гродно, Беларусь

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ И. А. ИЛЬИНА

Правовая государственность в политическом учении И. А. Ильина (1883–1954 гг.) выступает необходимым условием не только обеспечения прав и свобод личности, но также реализации ее креативных способностей в рамках социума, мобилизации духовного потенциала как в собственных интересах, так и во благо своего государства. Русский политический мыслитель рассматривал правовое государство как механизм: *во-первых*, способный предоставить каждому индивиду необходимый минимум правовых гарантий (пресекающий противоправное поведение отдельных личностей, а также сдерживающий государственный произвол); *во-вторых*, предоставляющий доступ к минимальному набору социальных благ, позволяющих иметь уверенность в перспективах достойного существования.

Одним из значимых условий реализации правовой государственности выступает социальная справедливость, которая «...требует, чтобы права и обязанности людей, а также их творческие возможности предметно соответствовали их природным особенностям, их способностям и делам»¹.

Социальная справедливость, как разновидность социальных гарантий, рассматривалась Ильиным как качественная характеристика всех правовых/неправовых действий личности, соизмеряющая полученный результат с должным порядком вещей. В правовом государстве «справедливость требует, чтобы право поддерживало равенство и равновесие

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / И. А. Ильин. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 232.

между людьми, чтобы каждый мог вести достойное существование»¹. Мерилом справедливости Ильин считал благо, трактуемое им как повышение качества уровня жизни. Схожая трактовка характерна и для современных исследований феномена справедливости, авторы которых качество жизни также рассматривают главным элементом социальной справедливости². Ильин, тем самым, предсказал тенденцию дальнейшего государственного развития, которая привела к появлению социальной справедливости³. Социальная справедливость для Ильина, как и для Аристотеля, имела два измерения: уравнилительное и распределительное. Уравнилительный принцип означал соблюдение естественных прав человека, уважение его человеческого достоинства; распределительный — должен был мотивировать людей заниматься общественно полезным и значимым для всего социума трудом. Впоследствии, комментируя аристотелевскую трактовку, Дж. Роллз подчеркивал, что социальная справедливость устроена так, чтобы: (а) от нее можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и (б) доступ к положениям и должностям был бы открыт всем»⁴.

Социальное государство, как форма правовой государственности, указывал Ильин, имело две функции: *во-первых*, обеспечивать гражданам свободный доступ к выбору и осуществлению трудовой деятельности, а через нее — к основным социальным благам. Для этого им необходимо не только нормативно-правовое, но и административно-техническое обеспечение. *Во-вторых*, должен быть минимальный набор социальных гарантий (денежных выплат, льгот, организационной помощи), которые доступны всем гражданам, в тех случаях, когда они не могут по объективным причинам (возраст, состояние здоровья, необходимость ухода за недееспособными родственниками, потеря кормильца), полноценно исполнять свои социальные функции⁵.

Таким образом, Ильин настаивал на том, что социальные гарантии не должны быть проявлением «милости» со стороны властных структур либо частных организаций, а должны гарантироваться законом для каждого гра-

¹ Там же. Т. 4. С. 80.

² Аргунова В. Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ / В. Н. Аргунова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. С. 176; Хёффле О. Справедливость: философское введение / О. Хёффле. М.: Праксис, 2007. С. 10; Рикёр П. Справедливое / П. Рикёр. М.: Гнозис, Логос, 2005, С. 18; Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / Б. Н. Кашников. Великий Новгород, 2004. С. 16.

³ Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация / Г. Ю. Канарш. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. С. 63.

⁴ Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. Новосибирск: Изд-во новосибирского ун-та, 1995. С. 66.

⁵ Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / И. А. Ильин. М.: Русская книга, 1998. Т. 8. С. 469.

жданина. В таком случае правовой закон закрепит его человеческое достоинство и свободу. Акцентированный русским политическим мыслителем императивный характер правовой фиксации социальных гарантий со стороны государства определяет сущность социального государства.

А. М. Вафин
Москва

ЛИЧНАЯ ИДЕОЛОГИЯ VERSUS ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

В докладе будет рассмотрен концепт «личная идеология»; очерчены, казалось бы, очевидные границы личной идеологии и политической идеологии как публичного продукта.

Личная идеология невозможна. С этим тезисом согласятся многие политологи, мыслящие идеологию в качестве продукта публичного пространства. С тезисом о невозможности личной идеологии не согласятся некоторые психологи, хотя бы потому, что концепт «личная идеология» уже давно введен в научный оборот.

Впервые термин «личная идеология» (*personal ideology*) был использован американским психологом Сильваном Соломоном Томкинсом в 60-е годы. По Томкинсу, личная идеология — это персональная философия; сочетание биологических и социокультурных факторов, влияющих на ценности индивида. Личная идеология — это философия жизни конкретного человека. Это определение Томкинса требует дополнения. Чтобы сделать это дополнение необходимо локализовать личную идеологию, как бы парадоксально это ни звучало.

Очевидно, что личная идеология находится в личности, «внутри» человека. Но как, и за счет чего она проявляется? Слово «идеология» является соединением таких понятий, как «идея» (прообраз) и «логос» (учение, разум, речь). Личная идеология — это единение разума и эмоций, а также общение, внутреннее общение, внутренние диалоги человека с самим собой.

Человек, теряющий контроль над внутренней речью, либо становится физически слаб, либо — в крайнем случае — сходит с ума. Выдающийся отечественный психолог Лев Семенович Выготский ввел в научный поле такой термин, как «внутренняя речь». По мнению ученого, внутренняя речь возникает из разговора ребенка с самим собой вслух во время игры. Постепенно, становясь старше, ребенок начинает проговаривать слова про себя. Следует подчеркнуть, что внутренняя речь — это речь не только про себя, но и для себя, для блага собственного психического здоровья.

Внутренняя речь и личная идеология — термины означающие не одно и то же, однако они весьма близки по своему смысловому наполнению. В некотором смысле, личная или персональная идеология — это более развитая форма внутренней речи. Идеология говорит о ценностях. Внутренняя речь просто говорит.

Следует заметить, что в самых различных ситуациях, человек может оказаться наедине с собой. Это одиночество может быть как реальным, так и виртуальным. Реальное одиночество — это когда человек закрывается в комнате и обдумывает ключевое решение. Быть в коллективе, при этом погрузившись в себя, — это виртуальное одиночество, т.к. в физической реальности индивид находится в ситуации соприсутствия с другими.

Как в реальном и виртуальном одиночестве не впасть в депрессию или в меланхолию? Как выдержать давление одиночества? Как погрузиться в «неведомую глубину» собственного сознания и подсознания, не заблудившись при этом? Как вынести страх от осознания своей ответственности, нагрузки от принятия жесткого решения? Уместно вспомнить экзистенциальную тоску человека в рассказе Андрея Платонова: «Альберт (на его месте может быть любой: Петр, Борис, Иван, Мария, Пелагея, кто угодно — *А.В.*) открыл глаза — сначала один глаз, потом другой — и увидел все в мире таким неопределенным и чужим, что взволновался сердцем, сморщился и заплакал, как в детском ужасающем сновидении, когда вдруг чувствуется, что матери нету нигде и вставшие мутные предметы враждебно двигаются на маленького зажмурившегося человечка». В этих ситуациях помогают внутренние диалоги, умение работать с собственными ценностями, управлять своей личной идеологией.

Личная идеология — это общество и культура в голове человека. Общественные ценности, нормы культуры и правила поведения в группе, находясь внутри человека трансформируется в нечто свое, интимно-личное, субъектное, человеческое. Не следует думать, что человек становится недвижимым существом во время разговора с собой. Он вполне активен, он движется от идеи, она заряжает его. Заряд может быть позитивным или негативным.

Каким образом все перечисленное соотносится с публичным пространством, в частности с политической идеологией? При ответе на этот вопрос следует отходить от когнитивизма-бихевиоризма Томкинса к лаканскому психоанализу Славоя Жижека.

М. И. Ведерникова
Москва

МЕСТО ОБРАЗА ЛИДЕРА В ВОСПРИЯТИИ ВЛАСТИ И РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Очевидно, что политический лидер играет важную роль в политических процессах. От личностных качеств и харизмы лидера зависит интерес, проявляемый электоратом к политике. Однако, до сих пор не только в политологии, но и в других науках, например, истории, идет спор о роли личности и влиянии на исторический процесс. «В политической мысли сложились две традиции в трактовке проблемы личности. Первая из них придает личности решающее значение в определении направления политического процесса. <...> Второй подход, напротив, скорее принижает роль личности в политике¹». Суть различия в том, что образ — это отражение личности политического актора, а имидж — специально сконструированное отражение личности политического актора².

Политическое восприятие характеризуется соединением когнитивных, эмоциональных компонентов восприятия, частой неразделенностью их. Стоит отметить, что любой образ имеет сложную структуру, которая строится из рациональных и бессознательных компонентов. Одной из особенностей восприятия является то, что его цель — не реальное отображение действительности, а акцентуализация на смысловых и оценочных интерпретациях политических лидеров и всей картины власти.

Подробно рассмотрев понятия «образ» и «имидж», мы пришли к выводу, что ошибочно будет использовать их в исследовании, как синонимы. Образ формируется спонтанно, имидж же — та часть образа, которая формируется целенаправленно с определенными атрибутивными характеристиками, своими положительными и отрицательными сторонами; образ — результат обыкновенного восприятия, а имидж формируется кем-то в каких-то целях. В нашем исследовании более уместно употребление слова «образ».

Вопрос о том, как воспринимается политический лидер или любой объект в политике является очень сложным. Основное, что необходимо учитывать: личностные характеристики индивида, его базовые ценности, установки,

¹ Шестопал Е. Б. Политическая психология. М., Аспект-Пресс, 2012. С. 177.

² Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Шестопал Е. Б. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 13.

социокультурный и политический контекст. Особое внимание необходимо обратить на состояние анализаторов индивида (психобиологический, физиологический уровень восприятия). В случае восприятия политического лидера важна роль всех компонентов перцептивного аппарата человека, а именно: когнитивная, эмоциональная и поведенческая составляющие.

Восприятие образа зависит не только от перечисленных выше факторов, но и от тех каналов, по которым образ транслируется. Это и такие традиционные СМИ, как радио, телевидение, печатные издания, и глобальная сеть. В Интернет-пространстве образ транслируется через сайты, блоги и социальные сети. Глобальная сеть — это еще не до конца изученная, но очень хорошая и перспективная площадка с огромным количеством инструментов, для формирования определенного политического образа.

Еще Никколо Макиавелли в своем труде «Государь» писал, что «государю нет необходимости обладать добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими, ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим¹».

Одно и то же сообщение, в зависимости от цели коммуникатора, может иметь совершенно разную тональность, а порой — и разный смысл². Огромное значение играет, как то или иное СМИ преподносит информацию реципиентам — об этом писал М. МакЛюэн в своем исследовании, проведенном еще в 70-х годах прошлого века³.

Стоит отметить, что в данной работе рассматривается формирование образа посредством СМИ. Следовательно, речь идет о том, что существуют некие коллективные представления о конкретном политическом субъекте. Основой для такого заявления могут стать обоснованные позиции сторонников теоретической концепции «образа мира».

Отметим видных ученых, которые исследовали политические образы. Это Е. Б. Шестопал, чьи труды уже были упомянуты в данной работе, Т. Н. Пищева, Е. В. Егорова-Гантман⁴, С. В. Нестерова, Д. Н. Замятин⁵. Из зарубежных исследователей стоит отметить американского политолога Р. Нойштадта⁶, а так же — Д. Киндера и М. Петерса⁷.

¹ Макиавелли Н. Государь. М., АСТ, 2009. С. 68.

² Лукина М. М., Фомичева И. Д. СМИ в пространстве Интернета / Сер. Интернет-журналистика. Вып. 1. М. 2005.

³ McLuhan M. The Violence of the media // Canad. Forum. Toronto, 1976. Vol. 56. № 664.

⁴ Имидж лидера. Психологическое пособие для политиков. / Под ред. Е. В. Егоровой-Гантман. М. Об-во «Знание». 1994.

⁵ Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. С. 256.

⁶ Newstadt R. Presidential power. N.Y., 1960. P. 95.

⁷ Kinder D, Peters M, Abelson R, Fiske S. Presidential prototypes. Political behavior. 1980. 2. P. 315–338.

А. В. Веретевская
Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ВЫБОР ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ГОСУДАРСТВЕ

«Национальные государства по самой своей природе, являются политическими единицами, стремящимися к однородности»¹, и в современном мире существует великое множество «национальных» способов решения проблемы интеграции культурно гетерогенного (поликультурного) общества в политически единое государство. При всем разнообразии социальных условий и, соответственно, «дизайнов» интеграционной политики, на сегодняшний день так и остается три известных принципиальных подхода к решению проблемы: ассимиляция, сегрегация и культурный плюрализм (мультикультурализм). Во всем мире на практике выбор, как раньше, так и сегодня, делается между ними². Однако чем стоит руководствоваться при принятии решения, чтобы не ошибиться? Сегодня, в условиях растущих миграционных потоков, эта проблема становится актуальной для все большего числа государств; в их число входит и Россия.

Из новой и новейшей политической истории европейских государств мы вроде бы знаем, что однажды сделанный выбор не является окончательным. Некогда нацистская Германия во второй половине XX в. в сознании научного сообщества превращается в авангард мультикультурализма. Традиционно известное своим настороженным отношением к иностранцам англичане тратят немалые бюджетные средства на исследования мультикультурного будущего Великобритании. Великая французская национальная идея о гражданине, как единственной возможной политической идентичности, из догмы превращается в предмет для дискуссии. Аналогичные процессы имеют место в целом ряде европейских государств. Однако в начале XXI в. мы наблюдаем, как значительная часть европейских государств (и все из выше перечисленных) отказываются от мультикультурной риторики.

¹ Геллер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 12.

² Подробнее см. Веретевская А. В. Опыт западных стран в решении проблемы политической интеграции поликультурного общества: какой подход лучше? // Дневник Алтайской школы политических исследований № 30. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2014, 274 с.

рики. Какой урок необходимо извлечь из этой повторяющейся ситуации? Самый простой вывод: «новоизбранный» подход был опробован и показал свою неэффективность¹.

Вопрос политической эффективности (которую проще всего определить как результативность, соответствие заявленных целей полученным результатам) сложно не принимать во внимание действующему политику: понятно, что предлагать в своей стране что-то, публично названное неэффективным лидерами во многих отношениях успешных стран — не самая дальновидная идея в плане политической карьеры. Попробуем разобраться, как обстоят дела с научной точки зрения.

В отношении перечисленных европейских стран, в частности, с анализом фактора эффективности интеграционного подхода за последние пятьдесят лет нужно быть предельно внимательным. Политические инициативы, риторически обозначавшиеся там как принадлежащие к одному (мультикультурному) подходу, при соблюдении простых правил научного анализа легко классифицируются² как по существу принадлежащие к другим подходам (ассимиляционному и сегрегационному, в зависимости от страны и конкретной группы меньшинств), и анализировать нужно эффективность собственно этих подходов, а не того, который часто встречался в политической риторике. Если вернуться к нашему простому определению, то это означает, что полученные результаты нужно сверять с кардинально отличными целями (ведь цели у политики ассимиляции, политики сегрегации и мультикультурализма совсем разные). В отношении Германии, Великобритании и Франции мы найдем, что применявшиеся там по существу сегрегационный и ассимиляционный подходы были эффективны.

Для оценки эффективности мультикультурного подхода можно проанализировать интеграционную политику ряда стран Нового света. Наиболее показательным будет опыт Канады и Австралии. США окажется неудачным примером³.

В заключение отметим, что эффективность — не единственный и, с научной точки зрения, вероятно, не самый удачный фактор, которым

¹ См. например, официальную стенограмму речи премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона на конференции по безопасности в Мюнхене в 2011 г. URL: <http://www.number10.gov.uk/news/speeches-and-transcripts/2011/02/pms-speech-at-munich-security-conference-60293>.

² Веретевская А. В. Проблемы европейского мультикультурализма // Сравнительная политика. М. 2011. № 3. С. 114–122; Веретевская А. В. Мусульмане во Франции: особенности интеграционной модели // Вестник МГИМО. № 5. 2012. С. 98–102.

³ Веретевская А. В. Два мультикультурализма. Особенности социальной политики в Канаде и США / А. В. Веретевская // Наука. Культура. Общество. Институт социально-политических исследований РАН. М. 2010. № 4. С. 47–62.

можно руководствоваться при принятии решения о выборе интеграционной парадигмы. С достаточной мерой научной точности мы можем говорить об эффективности лишь в том простом определении, которое приведено выше: политика эффективна, если достигаются поставленные цели. Вопрос о том, в какой мере они достигаются или какой ценой, часто уже компрометирует научную точность исследования, так как ответ находится вне научного пространства. Однако, учитывая популярность этого термина в политическом дискурсе, внесение некоторой научной точности (даже в плане анализа политического контекста) представляется важным.

А. В. Виловатых
Москва

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫМИ СЕТЯМИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Стремление отдельных акторов мировой политики к доминированию на международной арене обуславливает трансформацию и возникновение новых вызовов и угроз безопасности государства. К одним из них логично отнести вызовы информационного пространства.

В современной политической науке информационное пространство рассматривается как «новое политическое пространство»¹, как общее или «неразделенное» пространство². Именно поэтому в эпоху постмодерна контроль над территорией сводится не только к силовому контролю, но подразумевает также и моделирование информационно-идеологического пространства, к которому корректно относить средства массовой информации (СМИ) и коммуникации.

Сегодня представляется возможным описать феномен информационно-коммуникационных сетей, однако прогнозировать его развитие, а значит, и управлять этим процессом нелегко. Манипуляции современными

¹ Международные отношения в «новых политических пространствах» / Под ред. А. Д. Богатурова М., 2011. С. 169–191.

² Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник / Под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. М., 2013. С. 389.

СМИ и «вбросы» в социальных сетях влекут за собой явные и латентные угрозы, с которыми может столкнуться политическая власть любого государства, а именно:

- мгновенное распространение сообщений, дискредитирующих политическую власть, ложных, либо провокационных, угрожающих безопасности страны;
- использование социальных сетей для популяризации экстремистских взглядов и объединение на этой основе групп единомышленников, вплоть до мобилизации и организации этнорелигиозных конфликтов или террористических атак;
- несоблюдение безопасности защиты персональных данных в социальных сетях;
- распространение аудио- и видео- информации, противоречащей не только государственному законодательству, но и морально-этическим нормам;
- использование СМИ и социальных сетей в целях вмешательства во внутренние дела государства внешних субъектов — неправительственных фондов, спецслужб иностранных государств и др.

Эти лишь краткий обзор, который в целях детализации и последующего анализа должен быть расширен. Однако, даже лапидарно обозначив вызовы этой сферы, можно заключить, что социальные медиа как инструмент внешнеполитической коммуникации позволяют осуществлять скрытое манипулятивное воздействие на общественное мнение, а также давление на правительственные институты власти.

В таких условиях политическое управление информационно-телекоммуникационными сетями предполагает использование комплекса мер для обеспечения безопасности общества от негативной информации. Исследователи проблемы обозначают, что процесс управления требует прямого государственного вмешательства посредством создания, совершенствования соответствующей законодательной базы. М. Кастельс, в частности, указывает, что в условиях «сетевого общества» и его «созидательного хаоса» именно правительства ответственны за регулирование информационных потоков¹.

Фактурным примером политического управления информационно-телекоммуникационными сетями служит КНДР, где доступ в Интернет включает лишь «одобренные» сайты, а инфраструктура поддерживается северокорейским программным обеспечением². Известна и политика КНР, известная как «Великая Китайская Интернет-стена» («*Great China*

¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 134–135.

² Северная Корея: Интернет в самой закрытой в мире стране. URL: <http://www.bfm.ru/news/202019?doctype=article>. Дата обращения: 12.10.2013.

Firewall»), сочетает в себе массовое распространение Интернета с одновременной жесткой цензурой и блокированием доступа к сайтам¹.

Итак, стремительность развития информационно-коммуникационных сетей требует проведения взвешенной, выверенной внешней и внутренней политики Российской Федерации по обеспечению национальных интересов государства.

Думается, что в целом в условиях глобальной турбулентности политическое управление должно быть сосредоточено на следующих аспектах:

- продвижение интересов России внутри страны и за ее пределами посредством средств массовой информации и коммуникации, нейтрализация деятельности оппонировавших субъектов;
- проведение масштабных социально ориентированных мероприятий по патриотическому воспитанию и пропаганде спорта, направленных, главным образом, на молодежную социально-возрастную группу;
- противодействие экономическому шантажу;
- продолжение политики совершенствования военного потенциала государства и укрепления обороноспособности страны;
- развитие курса на интеграцию отдельных государств постсоветского пространства;
- сохранение и укрепление межгосударственных связей с партнерами и союзниками России на мировой арене, поиск новых партнеров.

А. Н. Воробьев
Красноярск

ПОЛ ЛАЗАРСФЕЛЬД И СТАНОВЛЕНИЕ КОЛУМБИЙСКОЙ ШКОЛЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В историографии американских электоральных исследований с именем Пола Лазарсфельда связывают первое серьезное академическое изучение поведения избирателей с использованием метода опросов². Вместе с тем комплексного исторического анализа исследований, осуществлен-

¹ См. подробнее: *Ибрагимова Г.* Стратегия КНР в области управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // *Индекс безопасности.* 2013. № 1 (104). Т. 19. С. 169–184.

² *Converse P.* Researching Electoral Politics // *The American Political Science Review.* 2006. Vol. 100, № 4. P. 605.

ных под руководством Пола Лазарсфельда (и ставших в дальнейшем известными как Колумбийская школа электоральных исследований), до сих пор не проведено.

Интерес Пола Лазарсфельда к выборам и поведению избирателей был обусловлен, с одной стороны, его политической позицией и участием в молодежном социалистическом движении в Вене в 1920–1930 гг., с другой стороны, выборы и акт голосования являлись идеальным объектом для изучения процесса принятия решения.

В конце 1930-х годов, после эмиграции Лазарсфельда в США, одним из его главных методологических интересов было развитие панельного метода проведения опросов, и Лазарсфельд искал любую возможность для его тестирования и развития.

Используя грант фонда Рокфеллера, выданный Офису исследований радио, которым в то время руководил Лазарсфельд, он планировал опробовать панельный метод на «программе министерства сельского хозяйства, так как его инновации привели к серьезным изменениям в поведении американцев и министерство широко использовало радио для поддержки своей политики»¹. Однако по каким-то неизвестным причинам планы изменились, и в ноябре 1940 г. в центре внимания исследователя оказались президентские выборы.

Несмотря на то, что фонд Рокфеллера обеспечил частичное финансирование проекта, дополнительно требовалась крупная денежная сумма. По воспоминаниям Лазарсфельда, он «должен был собрать приблизительно 100 тыс. долл. для финансирования исследования, а я имел только 15 тыс. долл. для его развития [из гранта фонда Рокфеллера]. Я пошел в журнал *Life* и продал им права на первую публикацию. Это добавило 10 или 15 тыс. долл. Тогда я обратился ко всем производителям радиостанций, и они добавили еще 10 тыс. долл., но этого было недостаточно. В те времена люди также покупали холодильники, таким образом, я был готов вставить вопрос о холодильниках»². Кроме того, помощь в проведении исследования оказал полстер Элмо Ропер, предоставив сотрудников для полевой работы. С мая по октябрь 1940 г. в г. Сандаски командой из пятнадцати интервьюеров семь раз была опрошена панель из 600 респондентов.

Из-за сложности и новизны данных их анализ и интерпретация заняли четыре года. В этой работе, помимо Пола Лазарсфельда, приняли участие Бернард Берельсон и Хазель Годе. Окончательные результаты исследования были опубликованы в 1944 г. в виде книги под названием «*The People's*

¹ *Lazarsfeld P. F.* An Episode in the History of Social Research: A Memoir // *The Intellectual Migration: Europe and America, 1930–1960* / Ed. Donald Fleming, Bernard Bailyn. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969. P. 330.

² Цит. по: *Converse J. M.* Survey Research in the United States: Roots and Emergence 1890–1960. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1987. P. 271.

Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign». Итогом стал вывод о минимальном влиянии масс-медиа на принятие избирателем решения, а также о влиянии на голосование первичных групп и социально-экономических факторов.

Исследование 1948 г. проводилось в схожих институциональных условиях: финансы были получены из различных коммерческих и некоммерческих источников, при этом выбор пал на г. Эльмира в штате Нью-Йорк. Анализ данных занял шесть лет, а в написании финального отчета под названием «*Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*» приняла участие Бернанд Берельсон и Уильям Макфи. Хотя данный проект планировался как повторение исследования 1940 г., произошло смещение акцента с рассмотрения влияния масс-медиа к анализу влияния первичных групп и восприятия тем, поднимаемых кандидатами в период предвыборной кампании. В целом произошел переход от анализа процессов массовой коммуникации к комплексному анализу поведения избирателя.

Исследования 1940 и 1948 гг., проводимые под руководством Пола Лазарсфельда, продемонстрировали возможности опросного метода для понимания поведения избирателей, кардинально изменили направленность электоральных исследований в США и были признаны классическими в данной области знания¹.

О. А. Воронкова
Москва

КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ИЛИ СОЦИАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ?

Концептуально консолидация общества предполагает упрочение значимых ценностей, норм и установок. Здесь важно разобраться не только с тем, какие ценности и нормы наиболее значимы для современного российского общества, но и как они определяются или должны определяться. При прояснении содержания базовых, фундаментальных ценностей общества принято обращаться к традициям. Российские традиции исторически выстраивались в условиях жесткого разлома между системообразующими и социальными факторами жизнеустройства — политической системой и «жизненным миром».

¹ Bartels L. B. The Study of Electoral Behavior // The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior / Edited by Jan E. Leighley. Oxforde, Oxforde University Press, 2012. P. 241.

В России (в отличие от Запада) формирование традиции происходило не путем постепенного осознания необходимости публичного участия в политике и дискурсивного поиска путей разрешения социальных противоречий, но через вертикально выстраиваемые принципы господства политических элит не только в политической и экономической, но и в ментальной сфере. Втиснутое в жесткие идеологические рамки массовое сознание, лишенное каких-либо степеней мыслительной свободы, явилось основным препятствием для поступательного социального самообновления — формирования современных жизнеспособных принципов и установок. В современной российской реальности процесс определения основ, скрепляющих общество, никак нельзя назвать гармонично протекающим, с естественным отмиранием устаревших элементов традиции и их плавным замещением новыми смыслами. Главной проблемой политического момента является *отсутствие социального согласия* не только по базовым вопросам социальной и политической жизни, но и по путям и методам его достижения в обществе.

Разрушение советской идеолого-символической «надстройки» в конце 80-х гг., явившееся следствием истощения мобилизационных форм консолидации и имевшее политические последствия отказа от идеологий вообще, не сменилось автоматически развитием новых интегрирующих форм. Идеологический плюрализм 90-х гг. не привел к выработке механизмов достижения договоренностей и удовлетворяющих общество норм взаимодействия. К началу 2000-х отчетливо проявляется социальное раздражение от безрезультативного плюрализма словесных политических самовыражений. Дискурсивные методы достижения согласия быстро потеряли востребованность в широких массах, интерпретируемые, при отсутствии культуры коммуникации, как «пустая болтовня» и отвергаемые как неспособные привести к принятию эффективных решений.

В сформировавшемся к середине 2000-х массовом запросе на социальную определенность и политическую конкретику четко обнаружилась глубинная прочность исторически сформированных мобилизационных установок массового сознания, внутренняя готовность большинства к возрождению принципов *единомыслия как основы консолидации общества*. Правящие элиты постарались, со ссылкой на традиционные ценности, реанимировать в массовом сознании уравнение национальных интересов с принципом преданности власти, что подразумевает полное делегирование власти всей ответственности за принимаемые решения и отстранение общества от политики. Мягкое риторическое замещение поиска *социального согласия* на терминологию *национального единства* обернулось жестким разворотом политического курса от недостроенной демократии к родному и привычному для масс авторитаризму.

Начало второго десятилетия XXI в. охарактеризовалось обострением социальных противоречий, ментальной и поведенческой поляризацией. Подме-

на дискредитировавшего себя термина «идеология» более современно звучащей «единой повесткой дня», не смогла завуалировать политический курс на единомыслие, вызвавший реакцию отторжения у активной части общества. Гражданское самосознание проявило решимость в отстаивании личностных прав и достоинства, в стремлении заявить собственную позицию в социально-политическом дискурсе, который властные элиты все очевиднее пытаются вернуть на путь развития хвалебной риторики в адрес политического курса.

Процесс развития критического мышления, стартовавший еще при «развитом» социализме и укрепившийся под влиянием либеральных тенденций 90-х, требует формирования медиативного поля как сферы примирения социальных противостояний. С ослаблением статуса СМИ как основного структурного компонента публичной сферы, «местом для дискуссий» становится Интернет-пространство, в котором, несмотря на все еще остающийся низким уровень социальной коммуникации, проявляются частицы новых смыслов. Вслед за выработкой критического отношения к официальной риторике формируется понимание необходимости налаживания социально-политического диалога, создания общественных механизмов влияния на власть с целью коррекции политических решений, не устраивающих активную общественность. Становится все более очевидным, что процесс консолидации российского общества должен идти по пути дискурсивного прояснения базовых ценностей и достижения социального согласия.

Е. В. Галкина
Ставрополь

ИННОВАЦИОННЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня Россия стоит на пороге реализации новой инновационной политики, успех которой зависит от многих факторов — это и талантливые изобретатели, и финансовые ресурсы, и качественное образование, и развитая инфраструктура, и наличие высоких стимулов для инноваций и многое другое. Важным условием построения конкурентоспособной инновационной системы является многостороннее сотрудничество государства и институтов гражданского сообщества в различных направлениях, в том числе, и в сфере обеспечения информационной безопасности (что является, безусловно, инновационной политической практикой).

В современной России диалог государства и гражданского общества строится с большим трудом. Слабость институтов гражданского общества, их уязвимость политическая, экономическая, социальная открывает для государственной власти возможности давить на них, пытаясь контролировать их деятельность.

Транспарентность государственной власти возможна лишь только при ее активном сотрудничестве с институтами гражданского общества. Это является неотъемлемым условием формирования правового государства и дальнейшего развития демократии в РФ. Для консолидации демократических процессов необходимо эффективное гражданское общество, обладающее влиятельной ресурсной базой и устойчивыми институтами.

Структура гражданского общества, включающая институциональную компоненту, коммуникативные практики, социокультурные ценности и нормы, в политическом пространстве имеет по преимуществу добровольно-координационный характер. В отличие от государства, в нем преобладают не вертикальные отношения господства и подчинения, а горизонтальные отношения конкуренции, противоборства, а также солидарности, сотрудничества, корпоративизма между свободными и юридически равноправными партнерами. Организации гражданского общества возникают в результате свободного волеизъявления и добровольного согласия равных субъектов, являются самоорганизующимися и самоуправляемыми. Вертикальные отношения при этом не исключаются, но горизонтальные являются основополагающими и доминируют.

Гражданское общество проявляет себя через политические практики, которые лежат в поле их взаимодействия с государством. Их можно представить через такие формы, как практики местного самоуправления (специфика деятельности органов местного самоуправления — это требования оперативности, быстрого реагирования на изменяющиеся условия жизни, потребности населения, необходимость решения самых сложных социальных проблем), практики построения диалоговых площадок на всех уровнях: федеральный (Общественная палата), региональный (региональные гражданские форумы, например, молодежные — Машук, Селигер и др.), местный (общественные палаты отдельных городов и др.), практики краудсорсинга — так называемый «метод управления толпой».

Активно функционируют практики взаимодействия через политические институты — политические партии, общественные организации и движения, некоммерческие организации (НКО) и др. Однако, приходится констатировать, что современное российское гражданское общество находится, на наш взгляд, под большим давлением со стороны государственной власти, это сказывается и на деятельности некоммерческих организаций, их число резко уменьшилось в настоящее время после принятия «Закона Димы Яковлева», подписанного Президентом РФ В. В. Путиным

28 декабря 2012 г.¹, а также закона об «иностранных агентах»², и на функционировании общественных объединений и движений, в целом

Чрезвычайно важны совместные практики государства и гражданского общества в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Обладая многоплановостью, терроризм и экстремизм постоянно изменяются, при этом возрастают масштабы людских потерь, поднимается уровень материального и материального ущерба гражданскому обществу. Прямые или косвенные негативные последствия террористической деятельности затрагивают все сферы общественной жизни — экономическую, политическую, социальную, духовную. С одной стороны, государство берет на себя всю полноту власти в этом вопросе, однако, практики показывают, что гражданское общество может помочь в сложных обстоятельствах, таких как последствия террористических актов, наводнений, оказание помощи пострадавшим и жертвам угроз и рисков и др. Соответственно, практики обеспечения безопасности различного вида (международной, национальной, региональной, внутренней, внешней и т.д.) никогда не потеряют своей актуальности в условиях современного рискогенного общества.

За последние годы на первый план проблему обеспечения информационной безопасности выдвинули активно происходящие процессы информатизации гражданского общества (что является инновационным полем взаимодействия многих заинтересованных структур), а также трансформация механизма функционирования государственного аппарата в условиях проявления данных процессов. Уже сейчас мы наблюдаем многократное увеличение информационных ресурсов и услуг, доступных для общественного и личного использования. Чем свободнее доступ рядовых граждан к информации, чем информационно прозрачнее мировое социально-информационное пространство, тем общество сильнее информируемо, тем более явно следует реакция общества на различные события под информационным воздействием. Современная реальность дает множество наглядных примеров информационной зависимости социальных явлений в глобальных масштабах. Так, например, усиливает свое влияние на планете группа стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), в том числе, и в сфере обеспечения всех видов безопасности. Государства-члены БРИКС не поддержали санкции в отношении Российской Федерации в 2014 г., протянули руку помощи своему партнеру по международной структуре и продемонстрировали миру корпоративные связи и открытый диалог стран, а не усиливающийся гегемонизм США в мировой политике.

В заключение отметим, что практики взаимодействия государства и гражданского общества приобретают все новые формы диалога (прио-

бреуют инновационный характер), становятся не только национальными, но и международными, глобальными.

Г. А. Галушко
Москва

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В связи с усилением процессов глобализации со второй половины XX в. в мире значительно возросло наравне с официальной значение публичной дипломатии, как инструмента разрешения международных проблем.

Неоспорима тесная взаимосвязь и взаимодействие общественной (публичной) дипломатии и официальной. Однако, подобного рода взаимоотношения официальной и общественной дипломатии не должны иметь характер подчинения, так как данный факт чреват потерей возможности эффективной реализации основных функций и задач, стоящих перед каждой из них, исходя из того, что каждая из данных видов дипломатии имеет свое видение мира и сферу ответственность в рамках вопроса защиты национальных интересов и реализации внешнеполитического курса.

В России исторически первой формой института общественной дипломатии являлась Русская Православная церковь Московского Патриархата. Однако в связи со сложностями, вызванными отсутствием необходимой поддержки со стороны государства, общественно-дипломатическая функция выполнялась недолго.

В 1990-х годах на территории Российской Федерации действовало значительное количество филиалов иностранных фондов и ассоциаций, финансируемых из-за границы, которые, в свою очередь, активно вмешивались во внешнюю и внутреннюю политику России.

Первым шагом для формирования общественной дипломатии на национальном уровне стало учреждение Общественной палаты, которая призвана осуществлять взаимодействие граждан с органами государственной власти в целях защиты их прав и свобод при формировании и реализации государственной политики.

На современном этапе развития международных отношений последние уже не мыслимы без такого субъекта как международные неправи-

¹ Федеральный закон РФ от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ.

² Федеральный закон РФ от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ.

тельственные организации. В то же время, стоит отметить, что неправительственные организации являются достаточно эффективным средством реализации общественной дипломатии.

Общественная дипломатия может работать только в тесном контакте со средствами массовой информации.

Исходя из того, что основной целью общественной дипломатии для российского государства на данном этапе является распространения объективной информации о России, ее политике и устремлениях, следует выделить следующие концептуальные задачи, эффективное решение которых будет способствовать достижению данной цели:

1. В связи с высокой ролью личности общественного дипломата необходима четкая кадровая политика по подготовке специалистов, которые свободно владеют языком страны-объекта, знакомы с ее историей и способны взять на себя функции общественных дипломатов. Необходимо проведение целенаправленного подбора и подготовки специалистов по соответствующей стране или группе стран с достаточным финансовым обеспечением их деятельности.

2. Активное использование сети академические и вузовские каналов в целях создания слоя зарубежных «единомышленников», с сопутствующим повышением финансовой поддержки со стороны государства. А также территориальное расширение сети организаций, оказывающие опекающую функцию по отношению к иностранным учащимся и способствующих налаживанию долгосрочных контактов как на территории, так и за пределами Российской Федерации.

3. Формирования позитивного образа России на международной арене через пристальную работу со СМИ как на национальном, так и на международном уровне.

4. Поощрение роста количества российских общественных фондов, НКО, как на территории России, так и на территории стран Запада, реализующих политику «мягкой силы» с активным вовлечением и проведение соответствующей активной культурно-просветительской работы, в первую очередь, среди населения, особенно представителей наиболее активной ее части — среди учащихся и студенчества.

5. Представление российской общественности с целью формирования позитивной информации о российском обществе через

6. Безусловно, перечисленный комплекс мероприятий требует выработки слаженного механизма и соответствующей не только финансовой, но, в первую очередь, четкой идеологической политики и поддержки со стороны государства, и будет, на мой взгляд, не достаточно полным без выработки государственной идеологии, направленной на формирование соответствующей правовой культуры среди населения страны.

Общественная дипломатия является необходимой составляющей положительного имиджа государства, преследует цель расширения диалога между гражданами своей страны и зарубежными партнерами, активный международный обмен, создание информационных программ, пропаганду своей культуры, где особо следует подчеркнуть значимость работы неправительственных организаций, способных обеспечить эффективную коммуникацию между гражданскими обществами различных стран.

В. Г. Гельбрас
Москва

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В КИТАЕ

Понятия «власть», «общество» чрезвычайно многогранны. Ниже затрагиваются лишь некоторые стороны динамичного изменения китайского общества.

Китайская Народная Республика существует с 1949 г. Срок небольшой. Всего 66 лет. Прошедшие годы заполнены крупными событиями. Темп жизни страны чрезвычайно высокий. События и быстрые перемены в политике, экономике и социальной жизни изменили судьбы сотен миллионов людей.

По природно-климатическим условиям и ресурсам вмещающего ландшафта оптимальная численность населения, способного обеспечивать достойные условия собственного существования и развивать экономику, по оценкам китайских специалистов, составляет 400–700 млн, максимум 1 млрд человек. Численность населения превысила 1,3 млрд. В стране сделан вывод: максимальную его численность необходимо ограничить 1,6 млрд. Признано, если она превысит 1,8 млрд, Китай будет ждать беда.

За 60 с лишним лет в стране появилось почти 820 млн новых жителей. Можно сказать, что в настоящее время в стране проживает, как минимум, три поколения людей с разными представлениями о жизни, разными судьбами и надеждами.

В стране произошло в высшей степени быстрое увеличение городского и сокращение деревенского населения. За последние 14 лет жителей городов стало на 290 млн больше. На их долю приходится теперь почти 55% населения.

Особенность Китая: превышение мужского населения над женским. На 100 женщин приходится 105 мужчин. Судя по данным о рождаемости, этот коэффициент равен 117. Значит, процесс преобладания мужчин будет

продолжаться. Он уже оказывает влияние на многие стороны общественных отношений.

Китай — страна со стареющим населением. Процесс старения идет быстро. Численность населения старше 60 лет превысила 15,5%. В возрасте 65 лет и старше насчитывается почти 138 млн человек, то есть почти 10% населения. Именно они являются носителями живой истории рождения и первых бурных десятилетий существования Китайской Народной Республики.

В 2021–2050 гг. в пенсионный возраст войдут люди, родившиеся в 1960–1970 гг. во время второго пика рождаемости. В 2051 г. будет уже 437 млн пожилых людей, в 2 раза больше численности лиц детских возрастов! Китай в XXI в. станет страной с самым крупным пожилым населением.

Старшее поколение вынесло немало тягот. Они пережили аграрную реформу, так называемые социалистические преобразования, «большой скачок» и «культурную революцию». Они стремились к созданию общества всеобщего равенства, достатка, благополучия, рождения счастливых детей и общей опеки старых и немощных. Они верили в строительство социализма. Поколение прошло через неистовые трудовые штурмы, ожесточенную политическую борьбу, жесткое подавление зажиточной части населения, столкнулось с гигантскими человеческими потерями. Ныне они оказались в обществе с наемным трудом и прославляющим богатство.

Китайское общество остается политически, экономически, социально и культурно разделенным на две части — горожан и крестьян. От 1950-х годов осталась городская и деревенская прописка. Она лишала горожан свободной миграции между городами, а крестьян права бесконтрольно покидать родную деревню. Лишь в конце XX и начале XXI в. деревенская прописка стала постепенно исчезать. В ближайшие годы она будет, возможно, полностью ликвидирована.

В стране постепенно увеличивается грамотное и профессионально подготовленное население. Еще в 1995 г. 12% населения официально относились к числу неграмотных, с 2000 г. считается, что численность неграмотного населения стала «очень маленькой».

Одна треть населения страны имеет начальное образование. Около 40% окончили неполную среднюю школу. Только 13% получили среднее образование. Лишь 6% населения имеет высшее образование. Численность малограмотных женщин намного превышает численность малограмотных мужчин. По материалам выборочного обследования, в наиболее развитых провинциях неграмотные составляют 8% населения старше 15 лет, но в наименее развитых — 14,5%. В первой группе на долю неграмотных женщин приходится более 28%, во второй — почти 34%.

Общество быстро меняется. В стране возникли мощные миграционные потоки. Сотни миллионов крестьян кочуют по стране в поисках рабо-

ты и доходов. Десятки миллионов, в основном горожан, получили возможность выезжать в туристические поездки за пределы страны. Устойчиво растет численность молодежи, выезжающей для получения образования в другие страны.

Трудовая часть общества за последние 10–15 лет заметно изменилась. В ее среде стало намного больше грамотных молодых людей, знакомых с Интернетом, мобильными средствами связи. В Интернете множатся различные группы связей и общения. Существенно расширились источники информации, повысились представления об окружающем мире. Кругозор населения быстро расширяется. Закономерно, что в городах нередко возникают забастовки. Рабочие теперь начинают бороться за свои права. На защиту своих прав поднимаются крестьяне.

При переходе к политике «реформ и открытости» были отменены так называемые «трудовое воспитание» (лаодун цзяюй) и «трудовая перековка» (лаодун гайцзао). На основе этих актов людей можно было наказывать в административном порядке и на неопределенный срок. Впрочем, и в настоящее время во внесудебном порядке репрессиям подвергаются сторонники Фалуныгун, хотя законных оснований для их гонений не существует.

Власть в стране официально считается многопартийной. Фактически произошло соединение компартии и государства. Остальные партии играют консультативную роль.

В 2014 г. сообщалось об итогах анализа более 230 тысяч партийно-государственных документов, выпущенных ЦК КПК в период, начиная с создания Китайской Народной Республики и до июня 2010 г. Признаны действующими в качестве внутривнутрипартийных и установочных 1178 документов. Однако в состав этих 230 тыс. не были включены документы, принятые в период с мая 1966 по октябрь 1976 гг. Иными словами, период «культурной революции» до настоящего времени оставляет достаточно вопросов, по которым в партии отсутствует единство мнений. ЦК КПК сурово предостерегает попытки создания внутривнутрипартийных группировок. Они, однако, неизбежны. Свидетельств тому немало. В начале периода «реформ и открытости» в партии на протяжении пяти лет (!) шла борьба вокруг проблем, связанных с ликвидацией «народных коммун» и введением подворного подряда в деревне.

В стране насчитывается 86 млн членов компартии. В последние годы информация о возрастном и половом составе партии официально не публиковалась. Ясно только, что абсолютное большинство из 70 млн чиновников являются членами партии. Допустим, что 35 млн человек, состоявших в партии в 1977 г., были в возрасте 20 лет и только что вступили в ее ряды. В этом случае в 2014 г. им должно быть не менее 57 лет. В 2007 г. на долю пенсионеров в партии приходилось почти 20%. В том же

году 30% членов партии находились на различных руководящих постах. За прошедшие годы в нее влилась огромная масса людей, действующих в условиях «реформ и открытости» и ориентированных на быстрый рост личных доходов.

В стране сложилась специфическая обстановка, связанная с глубокой поляризацией общества.

Старость омрачена материальными тяготами. Как сказал недавно премьер Ли Кэцян, они упорным трудом создали сегодняшний Китай, но, достигнув пенсионного возраста, «льют слезы». Премьер имел в виду 44 млн пенсионеров, бывших работников государственных предприятий. Положение других пенсионеров, особенно крестьян пенсионного возраста, но не получающих пенсий, намного тяжелей.

После 2008 г. в связи с поворотом к ускоренному развитию внутреннего рынка произошло осознание огромных масштабов бедности. На долю конечного потребления населения в 2013 г. приходилось лишь около 36% ВВП, в том числе на долю крестьян около 10%, но органов власти почти 17%. Большая часть ВВП идет на развитие производства.

Произошла поляризация общества. Материалы бюджетных обследований семей горожан позволили выявить, что в 2013 г. на долю 20% низкодоходных семей приходилось 8%, а 20% высокодоходных — 39,4% общей суммы доходов городских семей. Аналогичная ситуация в деревне. В то же году на долю 20% низкодоходных семей приходилось 5,3%, а 20% высокодоходных уже 43,7% общей суммы доходов крестьянских семей! Официально считается, что чистые доходы крестьян в расчете на душу населения в 3 раза ниже, чем доходы горожан. Этот разрыв несколько снизился по сравнению с предыдущими годами, но все же остается слишком крупным, поскольку у крестьян велики производственные и социально-бытовые расходы.

Выяснились крупные просчеты в образовании, медицинском обслуживании, социальном страховании и социальном обеспечении. В стране начали разрабатываться и применяться различные меры по повышению доходов населения, исправлению положения в образовании, медицинском обслуживании, социальных областях жизни общества.

А. О. Игнатенко
Тверь

МОТИВАЦИЯ ЖЕНЩИН В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (на материалах исследования администрации МО «Бологовский район» Тверской области)

Говоря о представленности женщин в органах власти современной России, исследователи называют множество причин, которые препятствуют их продвижению на уровень принятия политических решений. *Во-первых*, это особенности политической культуры России, наличие патриархатных установок, которые господствуют в сознании граждан; *во-вторых*, гендерные стереотипы; *в-третьих*, особенности политической социализации женщин. Необходимо отметить, что в результате политической социализации у женщин происходят процессы формирования личной мотивации к социальной и политической активности. В продолжение изучения темы участия женщин в администрациях муниципальных образований Тверской области необходимо обратиться к вопросу профессиональной мотивации женщин-руководителей отделов. Данное исследование было проведено в администрации муниципального образования «Бологовский район» Тверской области. Изучение мотивов, которыми руководствуются женщины, работая в администрациях муниципальных органов власти необходимо, поскольку результаты исследований могут стать хорошей эмпирической базой для разработки программ стимулирования их интереса к активному политическому участию, и как следствие, позволит сделать политику муниципалитетов более эффективной. Цель исследования: определить профессиональную мотивацию женщин руководителей отделов администрации. В связи с этим перед нами стоят следующие исследовательские задачи: 1. провести анкетный опрос женщин-руководителей. 2. на основе анализа полученных данных определить основные мотивы продвижения женщин на уровень принятия политических решений.

В исследовании использован метод анкетного опроса и глубинного интервью. В качестве респондентов выступили женщины-руководители структурных отделов администрации муниципального образования. Респондентам было предложено ответить на перечень вопросов в анкете, касаемых их мотивов прихода на муниципальную службу и продвижения по служебной лестнице.

Средний возраст женщин — муниципальных служащих в администрации Бологовского района — 42 года. В органы муниципальной власти большинство респондентов — 55% пришли работать в администрацию задействовав личные связи и рекомендации. 35% женщин пришли работать в администрацию в связи с поиском работы по специальности. Карьера руководителя началась с позиции специалиста отдела. Приобретенный опыт и деловые качества позволили принять участие в конкурсе на замещение вакантной должности руководителя отдела. 10% нынешних руководителей пришли на муниципальную службу как случайные кандидаты с испытательным сроком.

Говоря о мотивах, которые побудили 63% женщин придти работать в администрацию муниципального образования необходимо выделить — «Нацеленность на карьеру», «Желание проявлять свои организаторские способности», «Возможность реально что-то изменить в жизни людей». Анализ полученных результатов представляется нам весьма позитивным, и показывает, что женщины, которые идут в политику настроены на улучшение общества, демонстрируют готовность к принятию политических решений и карьерный рост. Респонденты отмечают, что для них работа в администрации это также возможность профессионального самоутверждения.

В основе другой мотивации у 30% женщин преобладают меркантильные интересы. Для них работа в администрации — это возможность материального достатка и благ, которые доступны муниципальным служащим. Учитывая, что Бологовский район значительно уступает другим муниципальным образованиям по численности населения (на апрель 2015 г. в городе Бологое и Бологовском районе проживает 18 тыс. человек), необходимо отметить наличие тесных социальных связей, которые на наш взгляд обуславливают такую мотивацию у руководительниц как быстрое решение личных вопросов и проблем, задействовав знакомства, используя служебное положение и статус. У 7% опрошиваемых респондентов преобладающим был отмечен мотив «Хорошие условия труда». В результате глубинного интервью женщины отмечали, что для них важно наличие расширенного социального пакета для служащих, хорошо оснащенного рабочего места, близость к дому. Работа в администрации занимает большое количество личного времени, что вызывает беспокойство у респондентов из-за недостатка времени и внимания уделяемого семье.

Отвечая на вопрос: Хотели бы женщины занять пост главы администрации муниципального образования? Только 55% опрошиваемых высказали желание в восхождении по карьерной лестнице, 35% респондентов отметили, что не готовы занять пост, комментируя, что они удовлетворены своей должностью, 10% — не задумывались об этом.

В заключении респондентам был задан вопрос о том, какими качествами должна обладать женщина-руководитель, чтобы сделать карьеру в ор-

ганах муниципальной власти. Наибольшее число опрошенных (61%) считают, что нужны глубокие знания и профессионализм, 42% указывают на большой опыт работы, организаторские способности. В интервью женщины назвали еще ряд качеств, таких как: умение угодить начальству — 17%, наличие протекции в вышестоящих органах власти — 12%.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что ведущими мотивами у женщин на муниципальной службе в Бологовском районе Тверской области выступают мотивы самореализации, нацеленность на профессиональный рост своей карьере. Это означает, что руководительницы готовы к принятию политических решений. Нельзя не отметить, что немаловажную роль в участии женщин в политике муниципального образования играет материальная заинтересованность, которая выражается в относительно высокой заработной плате, особом статусе муниципальных служащих и возможности решения личных вопросов через использование служебного положения. Возможность сделать карьеру в органах власти, по мнению респондентов, возможно обладая глубокими знаниями и профессионализмом. Интересными оказались такие немаловажные факторы как умение угодить начальству. Процентное соотношение респондентов, которые выделили такой фактор как наличие протекции значительно ниже (12%), хотя путь в администрацию для большинства женщин был проложен через «знакомства» и рекомендации.

Е. А. Глухова
Санкт-Петербург

ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО КАК МЕХАНИЗМ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Для понимания механизмов артикуляции общественных интересов сегодня предложен целый ряд теоретических концепций: концепция выигрывающих коалиций и концепцию «*governance*». Однако, данные концепции не предлагают конкретного институционального дизайна, а возможности применения их применения в условиях авторитарных политических режимов существенно ограничены.

Однако эти структуры трудно назвать эффективными. Сами члены таких структур при органах власти «нередко сетуют на то, что полномочия этих органов носят совещательный характер, и если их рекомендации не устраивают власть, их просто игнорируют» [Какабадзе и др. 2011].

Спектр вопросов в сфере прав человека, требующих экспертного заключения является довольно обширным. Вопросы, которые могут быть поставлены перед экспертом, могут относиться как к сфере гуманитарной экспертизы, так и требовать медицинского или иного профессионального заключения. Основное отличие использования экспертного знания в сфере защиты прав человека от иных сфер — это цель. Уполномоченные по правам человека, в отличие от других государственных институтов, не привлекают экспертов с целью легитимации уже сформулированной позиции или с целью отвлечения внимания акторов от сути проблемы и процесса принятия решения. В настоящее время существуют как институциональные формы участия экспертного сообщества в процессе принятия политических решений в сфере прав человека, так и незакрепленные институционально практики взаимодействия в виде экспертных консультаций.

Д. Гастон в своих работах описывает принципы функционирования специфических пограничных структур, возникающих на стыке различных социальных миров науки и политики. Подобные структуры обладают следующими свойствами:

- инициируют/обеспечивают возможность взаимно интегрировать науку и процесс принятия политических решений;
- вовлекают в обсуждение акторов из различных социальных миров (науки, политики, гражданского общества), а также привлекают профессиональных медиаторов;
- формируют общую идентичность у представителей экспертного сообщества и государственных органов и обеспечивают легитимацию совместно принятого решения.

Поскольку в рамках конструируемого пограничными структурами институционального пространства сами эти структуры занимают позицию независимого арбитра, у акторов, участвующих в дискуссии появляется возможность выработать такое политическое решение, которое не будет нарушать баланс интересов этих принципиально разных миров [Guston, 2000].

Н. Орескес утверждает, что релевантным критерием для принятия суждения о проблеме обществом в качестве истинного является всесторонний консенсус экспертов и иных компетентных лиц. Согласно данной позиции подлинным научным знанием является заключение, по которому достигнут интеллектуальный и социальный консенсус аффилированных экспертов, основанное на общедоступных эмпирических данных и полученное путем применения адекватной методологии. Таким образом, позиция по конкретным проблемам, разделяемая экспертным сообществом может стать предметом политических и моральных притязаний акторов процесса принятия политических решений.

Вовлечение в процесс принятия решений в сфере прав человека экспертного сообщества посредством пограничных структур разного типа позволяет выработать легитимное решение, направленное на соблюдение прав человека и позволяет решить проблему привлечения адекватного экспертного знания. В сфере прав человека эти вопросы становятся особенно актуальны в ситуациях, когда представители гражданского общества и правозащитные организации информируют их о системных нарушениях прав человека, обосновывая свою позицию не только ссылками на правовые акты, но и на мнения экспертов. Учитывая перечисленные выше проблемы применения экспертного знания при принятии органами власти решений в сфере прав человека, одним из вариантов выхода из сложившейся ситуации может быть выполнение как непосредственно самим институтом омбудсмана функций пограничной структуры, так и создаваемым при нем консультативным (экспертным) советом.

Д. В. Гончаров
Санкт-Петербург

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ

На первый взгляд, постановка вопроса о гражданском обществе, и вообще, о каких-либо формах социальной самоорганизации в условиях тоталитарного общества носит парадоксальный характер. Ведь, по определению, тоталитарная модель общественно-политического развития означает полное уничтожение всяких форм организованной гражданской активности. Вместе с тем, трудно даже теоретически предположить, что некие структуры вертикальной мобилизации могут полностью удовлетворить «спрос» общества на социальную интеграцию. Эмпирические исследования последних лет предоставляют обширный материал, который подтверждает это предположение и позволяет заглянуть «по ту сторону» формального фасада общественных отношений в условиях коммунистической системы, туда, где можно выявить реальную картину социальной организации и ее влияния на процессы институциональной трансформации в политической сфере.

Примерно четверть века тому назад в СССР тема тоталитаризма находилась в центре общественно-политической дискуссии. Однако довольно скоро после падения советского строя тема тоталитаризма начинает уходить на периферию как общественно-политических, так и академических интересов — в центр внимания выдвигаются теории транзита. Со второй половины 1990-х годов объектом критики оказывается уже сама парадиг-

ма транзита. Ставятся под сомнение как необратимость процессов демократизации в современном мире, так и неизбежность социокультурного и институционального прогресса. Такого рода концептуальный сдвиг возрождает интерес к исследованию тоталитаризма. Но теоретическое развитие социальных наук не ограничивается трансформацией парадигмы транзита. Одним из важных измерений этого процесса становится внимание к повседневным практикам общественно-исторической жизни, к исследованию вопроса о том, как «макротеорию» тоталитаризма можно дополнить исследованиями микро-уровня, обнажающими социетальную ткань, скрывающуюся за общими контурами тоталитарной модели.

Советская повседневность носила тоталитарный характер, так как была пронизана действием чрезвычайно масштабных практик общественно-политической мобилизации и контроля, прежде всего, таких, как системы идеологической индоктринации и пропаганды, массового террора и пищевого (материального) дисциплинирования¹. Как результат действия этих практик, формируется особая социокультурная среда, составляющая уникальную особенность именно тоталитарных контекстов. Главной характеристикой этой среды становится феномен тоталитарной атомизации, стремящейся заменить любые горизонтальные связи квази-современной структурой вертикальной мобилизации.

Тоталитарные практики атомизации оказали глубокое влияние на жизнь советского общества, но они не смогли уничтожить все формы горизонтальной солидарности. Горизонтальная солидарность существовала в виде сетей неформального взаимодействия, которые выстраивались за формальным фасадом тоталитарной утопии. *Во-первых*, в условиях тоталитарного давления возрастала роль семьи как чрезвычайно важного инструмента институциональной адаптации к условиям тоталитарной мобилизации. *В-третьих*, есть основания говорить о «советской интеллигенции» как об особой сфере социальной самоорганизации. Эта группа советского общества обладала наиболее высоким (по сравнению с другими группами) уровнем социального капитала. Кроме того, культурные установки, принятые в этой среде также поощряли открытость и социальное сотрудничество. Отчасти эти установки были унаследованы от дореволюционной общественности в виде идеала «революционной интеллигенции». А отчасти они были связаны с особым характером официальной советской идеологии.

Феномен советской интеллигенции был более или менее прямо связан с процессами формирования современной публичной сферы, но он не составлял социокультурный мейнстрим советского общества. Такой мейнстрим, скорее, был связан с феноменами другого, негражданствен-

ного порядка — сетями негражданственной солидарности, которые существовали, преимущественно, в двух видах: как сети коррупции и как сети политического и бюрократического патронажа.

Н. А. Григорьев
Якутск

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Реализация региональной политики в Российской Федерации как одной из важнейших частей политического процесса являются объектом постоянного интереса российского научного политологического сообщества. Региональную политику мы определим как целенаправленную политику федерального центра по управлению политическими и социально-экономическими процессами в регионах, устранения неравенства в их развитии, которая выстраивается на основе взаимодействия федерального центра и регионов. Так, характеризуя общее понятие региональной политики, исследователь А. Н. Швецов выделяет в нем такие составляющие как общесистемная и селективная политика. И если первая — направлена на создание общих предпосылок, благоприятствующих развитию регионов как таковых, то вторая — это целенаправленное влияние на определенные территориальные части страны, воздействие на складывающиеся в них конкретные социально-экономические и экологические ситуации¹. Разделяя региональную политику по сферам в соответствии с направлениями деятельности общества, следует отметить, что в политической сфере региональная политика несомненно носит общесистемный характер, в целом определяя политическое устройство российских регионов на симметричной основе, тогда как социальная и прежде всего экономическая сферы различных регионов России несомненно требуют селективного подхода. В этом смысле эффективность региональной политики, во многом зависит от того, насколько ее направленность отвечает существующим вызовам и в какой мере федеральный центр готов передать полномочия региональным элитам в различных сферах управления.

Региональная политика, которая актуализируется в федеративных государствах, от эффективности ее реализации зависит баланс отношений

¹ Швецов А. Н. 2009. Общесистемная и селективная государственная региональная политика. Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. № 2. С. 38–50.

¹ О пищевом дисциплинировании см. Гончаров Д. В., Сохань И. В. 2013. Социокультурная инженерия тоталитаризма: советский гастрономический проект. Полития, № 2.

«центр-регионы». В данном аспекте регионы не могут выступать лишь объектами управления, поскольку центр должен стимулировать в них общее социально-политическое развитие, и они должны выступать равноправными участниками во взаимодействии. Региональная политика в федеративных государствах получает особое политико-правовое значение через определение конституционного статуса региона и его полномочий.

Реализация в России государственной региональной политики не имеет под собой прочную институциональную, политико-правовую основу¹. Черета создания ликвидация министерства, говорит об отсутствии идеологии и ясности целей в ее проведении. Правовая основа также сопровождалась активностью нормотворчества в 1990-е гг., но затем сошла на нет в 2000-е гг. Данные процессы можно объяснить логикой развития отношений центра и регионов. Поскольку в период «ассиметричного федерализма» регионы обладали большей самостоятельностью, одним из центральных вопросов политического процесса было региональное развитие. В период «централизованного федерализма» повестка региональной политики исчезает из программных документов Президента, правительства.

Логика данных процессов также подтверждается функционированием межбюджетных отношений, которые должны были стать предметом особого внимания в условиях строительства федеративных отношений. Однако по мере укрепления «вертикали» исполнительной власти в 2000-е гг., у регионов отнимают полномочия в налоговой сфере.

Российские власти применяют компенсаторский подход в региональной политике, стараясь выравнять социально-экономическое развитие регионов. Также особенностью российской модели региональной политики можно отметить активное применение селективного, адресного подхода по отношению к регионам, в частности к федеральным округам, создания в них полюсов роста и особых экономических зон.

Государственная региональная политика в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) зависит от воздействия факторов общей макроэкономической ситуации в стране и текущего состояния политического процесса. В этом отношении ДФО был определен как регион приоритетного развития, к которому применяется модель адресной, селективной политики создания зон экономического роста, дополнительных органов управления, призванные обеспечить поступление инвестиций. Вместе с тем, в регионе сохраняются сильные диспропорции в развитии по субъектам, инвестиции не везде закрепляют экономический рост и направлены в основном на добывающую промышленность, а централизованный характер проектов реализации территорий экономического развития в некоторых моментах

¹ Кузнецова О. В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М., 2013.

отнимают полномочия власти на местах, тогда как важным фактором в эффективной региональной политике, на наш взгляд, должны быть равноправные отношения федеральных и региональных элит, в сторону большей автономии и свободы действий последних.

Е. Б. Григорьева
Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОЯВЛЕНИЕ АВТОРИТАРНОГО СИНДРОМА

До недавнего времени проблематика авторитарного синдрома попадала во внимание преимущественно философов и психологов. В научно-исследовательской литературе по современной политологии авторитарному синдрому посвящено не более 1–2 абзаца. Принимая во внимание тот факт, что авторитарный синдром с той или иной степенью выраженности присутствует в культурах стран, которые переживают процессы демократизации, в переходных обществах, его изучение представляется актуальной задачей современной российской политики.

В качестве интеллектуальных стимулов исследования выступили два важных направления развития современной политической науки. Первое — повышение внимания к исследованию социокультурных факторов в политике и изучению политико-аксиологических компонентов переходного периода. Второе — новое обращение к проблеме теоретического обоснования сущности авторитарных тенденций в рамках современного российского политического процесса.

В результате политической трансформации, социально-экономических изменений в обществе, там, где еще нет новой институциональной инфраструктуры, resentment, основным содержанием которого является авторитарный синдром, исполняет роль конституции и каркаса, детерминируя определенный характер исполнения норм и деятельности политических институтов.

Анализ природы легитимации российской политической системы, перспективы эволюции политического режима, с учетом характеристик и особенностей массового сознания граждан и доминирующих политических ориентаций, остаются вне фокуса внимания большинства исследователей российской политики. С одной стороны авторитарный синдром предстает как хорошо изученный социально-политический феномен. С другой — проблема активации авторитарного синдрома в условиях постсоветской политической трансформации рассматривается авторами

фрагментарно. В исследовании сделана попытка системно исследовать проявление и влияние авторитарного синдрома на политические процессы в современной России.

В работе, с одной стороны, охарактеризован авторитарный синдром как составная часть политической культуры переходных обществ, выявлены аспекты взаимосвязи политической культуры и политического процесса и, таким образом, определено влияние авторитарного синдрома на политический процесс в современной России. С другой стороны, выделены и описаны компоненты авторитарного синдрома, которые можно обнаружить в российском обществе.

В отличие от Т. Адорно, Б. Альтмейера, Дж. Дакита¹, авторов классических работ по теории авторитарной личности, где авторитарный синдром определяется через специфические черты характера личности, в данном исследовании авторитарный синдром рассматривается как политико-аксиологический феномен.

Аксиологический компонент включает наличие определенной специфической системы ценностей. Система ценностей побуждает субъекты политики к формированию моделей политического поведения, через которые авторитарный синдром институционализируется в политическом процессе, определяет форму взаимодействия государства и общества, восприятие власти, политических институтов. Авторитарный синдром представляется как динамично развивающаяся система, которая с одной стороны влияет на политический процесс, с другой — под влиянием реформ приобретает новые качества, что обеспечивает его живучесть и устойчивость.

Авторитарный синдром, с одной стороны, система ценностей, с другой — синтез значимых политических характеристик субъекта политической системы, который оказывает влияние на политический процесс. Таким образом, авторитарный синдром можно считать одним из факторов развития политического процесса. В данной связи, авторитарный синдром рассматривается как неформальный фактор политического процесса, обуславливающий деятельность институтов государственной власти.

Авторитарный синдром может быть рассмотрен как последствие культурной травмы в результате политической и социокультурной трансформации в обществе. В обществах, переживающих политическую или социальную трансформацию, наблюдается всплеск ресентимента, основным содержанием которого является авторитарный синдром.

¹ Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Под общ. ред. В. П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.; Altemeyer B. Enemies of freedom. Understanding right-wing authoritarianism. Jossey-Bass Publishers. San Francisco. London, 1988. 378 p.; Altemeyer B. Right-wing authoritarianism. Winnipeg Ontario Canada: University of Manitoba Press, 1981. 352 p.; Altemeyer B. The authoritarian specter. Harvard University Press, 1996. 306 p.; Duckitt J. Authoritarianism and group identification: a new view of an old construct // Political Psychology. 1989. Vol. 10. P. 63–84.

В работе выделены политико-культурные компоненты авторитарного синдрома: установка на этатизм, установка на патернализм, установка на эгалитаризм, установка на порядок и иерархию, великодержавность и представления о величии России, потребность в сильном лидере и желание жесткого стиля управления, неверие в собственные силы, склонность к ксенофобии.

К. А. Гусев
Санкт-Петербург

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАПАДНЫЙ НОВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ВОЗМОЖНОСТЬ ДИАЛОГА

На рубеже XIX–XX вв. в России, как и на Западе, формируется новый или социальный либерализм. Истоком политической теории отечественного нового либерализма начала XX в. стали две классические политико-философские системы, созданные Вл. Соловьевым и Б. Н. Чичериным. Сохраняют научную и практическую актуальность два ключевых положения нового русского либерализма: концепция социальных прав лица, выраженная в принципе — «право на достойное существование» и естественно-правовая философия.

Преодолев «неотрефлексированность» либерально-индивидуалистической классики, современный либерализм отстаивает следующий тезис: «Либералы одни стоят на позиции — пусть неопределенной, неустойчивой и необоснованной; — но которая утверждает возможность свободы в настоящем — возможность индивидуальной свободы для таких людей, как мы с вами, в хорошо известном нам социальном мире. Не отягощенный мистифицирующим наследием традиции, не обольщенный обещанием, что свобода наступит для всех в исторически назначенное ей время, человек для либерала уже сейчас противостоит общественному строю и требует уважения к имеющимся у него возможностям автономии, разума и деятельности»¹.

Социальный либерализм выделяется из всего многообразия либеральных концепций через противопоставление с крайним экономическим либерализмом, принимающим во второй половине XX в. форму либертаризма. Еще в дореволюционной России был сделан важный шаг к преодолению классической либеральной парадигмы.

¹ Уолдрон Дж. Теоретические основания либерализма / Дж. Уолдрон // Современный либерализм: Роулз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. 246 с. С. 137.

Социальный либерализм, по мнению В. А. Гуторова, подчеркивает «единство моральных вопросов с обсуждением проблемы гражданских прав»¹. Отметив, что новый русский либерализм, несмотря на то, что некоторые его представители (М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич) придерживались утилитаристского взгляда на мораль, в целом соответствует данному определению, дополним эту краткую формулу социального либерализма следующей характеристикой: социальный либерализм рассматривает право граждан на минимально гарантированный государством уровень обеспечения как естественное право — право достойного существования.

Ключевой для социального либерализма является мысль Р. Дарендорфа, по мнению которого, «когда экономические ценности начинают господствовать над политическими, возникает риск утраты свободы»². Идеи новых русских либералов начала XX в. стали общепризнанными для социального либерализма на Западе после выхода в свет работы Дж. Роулза «Теория справедливости» (1971). В ней как естественное право граждан рассматривается право лиц низших социальных слоев на минимальные положительные услуги со стороны государства.

Возрождение естественно-правовой философии на рубеже XIX—XX вв. осуществлено, прежде всего, немецкими и русскими неокантианцами (Р. Штаммлер, П. И. Новгородцев, В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский и др.). Ряд исследователей, наиболее известный — Л. И. Петражицкий, аргументировали необходимость возрождения юснатурализма с антропологических позиций. Немецкий юрист Г. Радбрух написал свои первые работы как сторонник возрожденного юснатурализма, последователь Р. Штаммлера, еще в начале XX в.

А труд Радбруха «Законное неправое и надзаконное право» (1946) стал, по словам В. С. Нерсесянца, манифестом возрождения естественного права после Второй мировой войны. По мнению Радбруха, идея права как выражения свободы и справедливости принадлежит в мире «последнее слово», причем «идея права» заложена в «природе вещей», т.е. идеологическом, политическом, социальном окружении, в котором существует право. Критика Радбрухом юридического позитивизма, его призывы к возрождению идеи права, его концепция «надзаконного права» способствовали послевоенному ренессансу юснатурализма в Западной Европе³.

¹ См.: Гуторов В. А. Политическое сознание и идеология / В. А. Гуторов // Политология (проблемы теории) / Отв. ред. В. А. Гуторов. СПб: Лань, 2000. 384 с. С. 237.

² См.: Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе / Р. Дарендорф. М.: Ad marginem, 1998. 273с. С. 109.

³ См.: Нерсесянц В. С. Философия права: уч. для вузов / В. С. Нерсесянц. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА*М, 1998. 652 с. С. 568; См. также, например: Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учения о праве / В. А. Туманов. М.: Наука, 1971. 385с. С. 335, 352.

«Содержательная новизна правопонимания, в той или иной мере и форме присущая различным концепциям послевоенного «возрожденного естественного права» и определившая их теоретическое значение, идейно-мировоззренческую актуальность и широкий общественно-политический резонанс связана, прежде всего, с анти тоталитаристской трактовкой права, — продолжает Нерсесянц. — Речь при этом шла не о возврате к старому, а о радикально новом переосмыслении всего комплекса традиционной естественно-правовой проблематики (включая проблемы соотношения естественного и позитивного права) на основе качественно новых знаний о судьбах, смысле и значении права в условиях совершенно новой социально-исторической ситуации — при тоталитаризме (фашистском, нацистском, большевистском). В этом новом контексте традиционная модель противопоставления естественного права (как объективного, нравственного и разумного по своей природе «настоящего права») праву позитивному (как субъективно-властному установлению) с требованием соответствия второго первому наполнялась новым содержанием и стала широко использоваться в качестве исходной правовой основы для критического анализа **антиправовой идеологии и практики тоталитаризма и присущего ему правонарушающего законодательства**»¹.

Р. Дворкин, видный представитель современного западного социального либерализма, придерживающийся в философско-правовых вопросах юснатуралистической доктрины, в работе «Если о праве говорить серьезно» (1972), по словам В. Г. Графского, сочетает нормативистскую и юснатуралистическую методологию. При этом Дворкин указывает на существование в общественном мнении инстинктивного чувства неприятия неправды и несправедливости, если они проникают в позитивный закон. Это чувство ни законодатель, ни администратор не могут проигнорировать². По словам В. Г. Графского, усилиями Дж. Роулза и Р. Дворкина юснатурализм уже в третий раз за столетие пережил возрождение³.

¹ Нерсесянц В. С. Философия права: уч. для вузов / В. С. Нерсесянц. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА*М, 1998. 652 с. С. 608; выделено автором.

² См.: Графский В. Г. Власть закона: история идей и современность / В. Г. Графский // Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 255 с. С. 76–79.

³ Там же. С. 76.

А. Л. Гуторова
Москва

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современная глобализация упрощает задачу толерантности, так как стирает границы между культурами различных народов. В этом смысле понятие «толерантность» как особый тип политической ориентации, приобретает особую значимость. Толерантность — это терпимость по отношению к инакомыслию, чужим взглядам, мнениям, верованиям, поведению и к критике другими своих идей, позиций, верований. И в этом смысле, толерантность — справедливо рассматривается, как важный признак политической культуры, необходимый элемент гражданского общества и подлинной демократии¹. Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание других культур, способов самовыражения и проявления человеческой индивидуальности. Характеристика определения толерантности в Преамбуле Устава ООН гласит: «...проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи». В соответствии с Декларацией принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 г.) толерантность определяется следующим образом: «ценность и социальная норма гражданского общества, проявляется в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами»².

Важно отметить, что во многих культурах понятие «толерантность» является своеобразным синонимом «терпимости»: лат. — *tolerantia* — терпение; англ. — *tolerance, toleration*, нем. — *Toleranz*, фран. — *tolerance*. Однако в процессе историко-культурного развития категория «терпимости» («толерантности») претерпевала изменения. В результате это понятие может приобретать, как положительный, так и негативный оттенок. Сегодня даже в художественной литературе можно встретить дискурс на эту тему. Так «Беспощадная толерантность» — сборник современных фантастических рассказов с последовательным уклоном в социальное моделирование,

¹ Государственное и муниципальное управление. Справочник. М, 1997. Толерантность С. 418.

² Толерантность // Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. Словарь-справочник. 2005; Декларация принципов терпимости. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.

при котором «традиционные ценности» заменяются новыми, часто совершенно противоположными. Этому негативному аспекту толерантности и хотелось бы уделить особое внимание.

В свою очередь политическая культура как особый тип ориентации в отношении политических объектов, отражая специфику каждой политической системы, представляет комплекс типичных для данного общества, укоренившихся образцов политического поведения, политических представлений, ценностных ориентаций. По мнению Г. Алмонда: «...политическая культура» — относиться к политическим ориентациям — взглядам и позициям относительно политической системы и ее разных частей и позициям относительно собственной роли в этой системе»¹. Важно отметить, что во многих культурах понятие «толерантность» является своеобразным синонимом «терпимости»: лат. — *tolerantia* — терпение; англ. — *tolerance, toleration*, нем. — *Toleranz*, фран. — *tolerance*. Однако в процессе историко-культурного развития категория «терпимости» («толерантности») претерпевала изменения. В результате это понятие приобрело, как положительный, так и негативный оттенок. К слову сказать, толерантность иммунологическая (в медицине), рассматривается не как положительное явление, а как отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор. В результате, которого организму грозит гибель. Иногда эту характеристику можно отнести и к политической толерантности. Представляется логичным, по аналогии с понятием медицинским, ввести понятие «предел толерантности» для политических систем.

Вероятно, именно в связи с такой запредельной толерантностью в журналистском обиходе вместо термина «толерантность» все чаще используется понятие «толерастия» — как форма дискриминации, при которой «толераст» требует терпимости и соглашательства по отношению к себе, но нетерпим к другим. «Толерастией» страдают меньшинства, требующие власти над большинством, прикрывая свои требования защитой от дискриминации и утверждением равноправия».

Выглядит так, что человечество сегодня явно «сошло с ума», помешалось на однополых браках, сексуальных меньшинствах и заигрыванием с фашизмом. И выхода, похоже, не видит. Это же относится и к французскому сатирическому еженедельнику *Charlie Hebdo*, который опубликовал на своих страницах карикатуры, на мусульман и пророка Мухаммеда. И того маньяка — стрелка, который в мирной стране недавно перебил кучу детей на каком-то острове, нельзя просто приговорить к исключительной, высшей мере наказания — нам объясняют, что к нему нужно просто терпимо относиться.

¹ Алмонд Габриель. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций / Цит. по Антология мировой политической мысли. В пяти томах. II том. Зарубежная политическая мысль XX. в. М., 1997. С. 594.

В этой связи напрашивается вопрос, существует ли предел толерантности. Известен диапазон толерантности в медицине и экологии, он располагается между минимальным и максимальным значениями, в пределах которого возможна выживаемость организма.

М. В. Данилов
Саратов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО КАК ФАКТОР ПОЛИТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

На протяжении двух с половиной десятилетий постсоветского политического развития России наблюдалась значительная изменчивость в восприятии обществом своего будущего. Трансформация данных образов является мощнейшим фактором политизации социума. Это влияние охватывает ряд направлений. *Во-первых*, образы будущего — это одновременно и исходный материал, и результат формирования политической повестки дня. *Во-вторых*, это мощнейший фактор политической мобилизации, оказывающий влияние на поведение людей, их участие в политических кампаниях, членство в партиях, голосование за тех или иных кандидатов. *В-третьих*, образы будущего политизируют массовое сознание, обуславливают подготовленность общества к той или иной степени радикальности политических изменений.

Существует два базовых образа будущего, которые политизируют общественные отношения. *Во-первых*, это образ «светлого будущего». *Во-вторых*, образ «ужасного будущего». И в том, и в другом случае представления о грядущем заставляют что-то делать или, напротив, воздерживаться от действий в настоящем. И в том, и в другом случае трансформируется политическое сознание людей, меняется их оценка происходящих сегодня событий. Образ будущего, складывающийся в массовом сознании, является своего рода результатом конкуренции сил, пропагандирующих данные образы.

Опыт нашего участия в различных исследовательских проектах, направленных на прогнозирование политического будущего России и отдельных ее регионов¹ убеждает в том, что принципиальное значение для

¹ В частности, автор принимал участие в проекте «Будущее России: сценарии развития (политическая сфера)» (2006 г.). Проект был подготовлен в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» при поддержке АНО «ИНО-Центр» (г. Москва).

политизации массового сознания имеют четыре группы характеристик образа будущего:

- 1) Каково будет состояние различных сфер жизни общества в будущем (экономики, здравоохранения, образования, экологии, культуры, борьбы с преступностью и пр.)? Можно ли этот уровень считать приемлемым?
- 2) Сохранится ли Россия в своих нынешних границах? Есть ли перспективы расширения ее территорий? Существует ли угроза отделения от нее тех или иных частей?
- 3) Каково будет состояние социально-группового взаимодействия? Насколько велика угроза различных межэтнических, межконфессиональных, социальных и прочих конфликтов?
- 4) На каких принципах будет осуществляться взаимодействие России с другими странами? Будем ли мы окружены союзниками и партнерами либо будем существовать в кольце враждебных нам государств? Существует ли угроза военного конфликта с другими странами?

Из всего многообразия образов будущего в 2000-е годы в жесткой конкурентной борьбе победил сценарий «борьбы за советское наследие», актуализированный еще в 1990-е. «Вертикаль власти», борьба с сепаратизмом, усмирение региональных элит, восстановление престижа армии и силовых структур, возвращение советской политической символики, построение параллельной с государственной «партийной вертикали» «Единой России», усиление присутствия на постсоветском пространстве, открытое позиционирование России как альтернативного Западу центра силы и т.д. — все это проявления реализации такого сценария. Массовое сознание было к нему готово, оно желало его. Политическая система удовлетворила желания масс.

На политизацию массового сознания в 2000-е годы повлияло представление о возможной и желаемой территории нашей страны. Желательное и вполне вероятное для многих развитие территориального будущего России, связанное с расширением ее границ за счет таких территорий, как Крым, Абхазия, Приднестровье, объясняет то, с каким одобрением российские граждане поддержали действия власти в 2008 г. по признанию независимости Абхазии и Южной Осетии и то воодушевление, которое возникло в обществе в связи с воссоединением Крыма и России.

Второе десятилетие двадцать первого века выдвинуло на первый план новые сюжеты, новые проблемы, новые варианты образа будущего. Оказалась очевидной неспособность официально конструируемых электорально-ориентированных образов будущего, например, «Стратегии 2020» стать фактором политизации массового сознания. Гораздо большее значение сейчас имеют внешние факторы, задающие контуры перспективной российской политики. Будущее России конструируется, пожалуй, впервые в новейшей

истории исходя не из внутренних процессов, а как реакция на сложный ансамбль внешнеполитических и внешнеэкономических обстоятельств.

Е. А. Данилова
Томск

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК АКТУАЛИЗИРОВАННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Стремительно меняющийся глобальный миропорядок и международная нестабильность в значительной мере актуализируют для России и ее населения такую традиционную базовую политическую ценность, как национальная безопасность и обороноспособность. Сознание возможности государства обеспечить национальную безопасность дает его гражданам чувство защищенности, повышает уровень доверия к власти и ее легитимность. Несмотря на декларирование политических и дипломатических методов формирования внешнеполитической стратегии, существующие глобальные источники военной опасности требуют поддержания высокого уровня обороноспособности государства. Отрасль оборонной промышленности исторически и в современных реалиях является приоритетной для российской экономики и политики, а «современная государственная идеология развития ВПК и строительства вооруженных сил заключается как в демилитаризации общественной жизни, так и поддержании обороноспособности страны»¹.

Практическая визуализации ценности «национальная безопасность» достигается через эффективное управление деятельностью стратегических вузов и предприятий ОПК с обязательным результатом в виде конкурентоспособных разработок и продуктов, обеспечивающих обороноспособность государства. Конкурентоспособность отраслевых вузов и предприятий обеспечивается инновационными разработками с их последующей коммерциализацией. Внедрение передовых инновационных научно-исследовательских разработок в оборонно-промышленную отрасль способствует сохранению научно-технологического суверенитета Российской Федерации в целях поддержания обороноспособности государства и укреплению геополитических позиций России в современном глобальном мире.

¹ *Омаров М. А.* Конверсия ВПК в системе государственной политики современной России: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2010. 49 с. С. 3.

Правительство, осознавая важность реализации инновационной политики в оборонной отрасли, формирует новые направления поддержки инноваций, в том числе, в сфере ОПК (технологические платформы, региональные кластеры, участие в федеральных целевых программах, поддержка со стороны фондов, поддержка научно-производственного партнерства, наполнение инфраструктуры отраслевых вузов и проч.), от оптимального выбора и сочетания которых зависит инновационный потенциал предприятий и вузов оборонной отрасли. Так формируется система опорных вузов и предприятий оборонной промышленности, и предлагается механизм их взаимодействия с участием государства в логике модели «тройной спирали» Г. Ицковица¹ с использованием инновационных инструментов. В то же время, в целях повышения эффективности инновационной политики в области обороны и безопасности требуется более скоординированное взаимодействие министерств и ведомств, включая вопросы финансирования проектов по оборонной тематике. В целом, необходимо активное сотрудничество и разработка нового формата взаимодействия Министерства образования и науки РФ и Министерства обороны РФ в целях укрепления оборонной отрасли и обеспечения безопасности государства.

Инновационные вузы и предприятия, в свою очередь, формируют видимый пояс инновационных регионов с выраженной отраслевой спецификой в области обеспечения национальной безопасности и обороноспособности государства. Выделение территориальных центров обеспечения национальной безопасности и обороноспособности соответствует логике территориального маркетинга: «имидж территории, ее репутация в отечественных и зарубежных общественно-политических и деловых кругах становятся основополагающими факторами продвижения общегосударственных и региональных внешнеэкономических и политических проектов, важнейшим конкурентным ресурсом для налаживания партнерских отношений»².

Таким образом, на современном этапе вузы и предприятия оборонной отрасли становятся не только субъектами инноваций, формирующими российскую инновационную экономическую систему, но и важным инструментом государственного позиционирования. Способность вузов и предприятий ОПК к применению инновационных инструментов с последующим выпуском наукоемкой продукции определяет репутационный

¹ *Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии / Пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова. Томск, Издательство Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, 2010. 238 с.

² *Важенина И. С.* 2006. Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде. Маркетинг в России и за рубежом. № 6. С. 82–98. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mavriz.ru/articles/2006/6/4512.html>. Дата обращения: 17.09.14. С. 82.

потенциал регионов, которые они репрезентуют, и потенциально может влиять на формирование положительного имиджа государства. Национальная безопасность и обороноспособность государства являются неотъемлемой характеристикой устойчивого внешнеполитического имиджа как зеркальной политической ценности для эффективного позиционирования государства в контексте международных отношений.

Е. Ю. Дан-Чин-Ю
Москва

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ключевым институтом для развития демократии является местное самоуправление, здесь формируются традиции принятия решений, навыки участия в управлении социально-политическими процессами в муниципальных образованиях. Не везде на местном и региональном уровнях уделяется должное внимание проблеме участия граждан в политической жизни.

В западной практике именно на местном уровне наиболее активно проявляет себя участие общества в политической жизни, в том числе, различные виды активности граждан, стремящихся оказывать влияние на процесс принятия решений и структуры управления этим процессом в целом. В России исследования показывают низкий уровень доверия граждан почти ко всем органам власти. Наибольшее беспокойство вызывает отсутствие доверия к муниципальным органам власти, поскольку на формирование именно этого уровня власти граждане обычно могут оказывать наибольшее влияние.

Исследования показывают готовность муниципальной власти в большинстве случаев сотрудничать с гражданами. Вместе с тем на практике взаимодействие местной власти и граждан не всегда полноценно и эффективно. Такое положение дел обусловлено, среди прочего, низкой гражданской активностью, недостаточной ответной готовностью граждан участвовать в формировании органов местного самоуправления, в решении вопросов местного значения, в общественно-политической жизни своих территориальных сообществ.

Участие граждан в осуществлении местного самоуправления имеет, как правило, ситуативный, несистемный характер. В основном преследуются утилитарные цели: решение отдельной острой проблемы. Системного, созидательного участия, как такового, нет. Наблюдается слабая электораль-

ная активность: явка на муниципальных выборах обеспечивается в значительной степени только за счет их проведения совместно с федеральными. Россияне обладают достаточными знаниями по основным вопросам жизни своего муниципалитета. Однако порядка половины населения не представляет, что значит «внести свои предложения на рассмотрение администрации».

Для многих россиян является очевидным несоответствие между объемом и сложностью стоящих перед местным сообществом задач и теми полномочиями и ресурсами, которые имеются в распоряжении местной власти.

Граждан, в первую очередь, беспокоят снижение уровня жизни (низкий уровень зарплат, пенсий, рост цен, инфляция), безработица, низкое качество публичных услуг, распространенность социальных пороков и негативных явлений в обществе (коррупция, преступность, алкоголизм, наркомания), неблагоприятная экологическая обстановка, проблемы в транспортной и жилищно-коммунальной сферах.

Растет доля протестной ситуативной активности, как в форме объединений, так и в форме отдельных мероприятий прямого действия: акции, митинги, пикеты. Достаточно широко применяются формы низовой самоорганизации, движения «одного требования»: движения обманутых пайщиков, объединения дольщиков жилищных пирамид. Граждане зачастую предпочитают сплотиться в протестное движение, нежели обратиться в органы местного самоуправления с целью решить возникшую проблему. Такой подход обусловлен укоренившимся у населения восприятием представителей власти (любой — федеральной, региональной, муниципальной) как антагонистов, а не как партнеров и союзников.

Можно перечислить несколько факторов, снижающих гражданскую активность на местах:

- Недоверие к органам местного самоуправления, зияющее в общем стереотипном отношении к власти; восприятие органов местного самоуправления как бюрократического института, а не как группы профессионалов, чья деятельность направлена на решение проблем граждан;
- Медленные темпы социально-экономического развития муниципальных образований;
- Отсутствие прочной финансовой базы для гражданской активности, экономическая слабость муниципальных образований;
- Гражданский «инфантилизм», нежелание брать на себя ответственность;
- Объективные тенденции развития российского общества: урбанизация населения, отсутствие у граждан свободного времени, разобщенность людей;

- Сложившаяся система управления, где местные власти больше зависят от вышестоящих органов государственной власти, нежели от граждан;
- Несовершенство правовых механизмов, регулирующих участие граждан в решении вопросов местного значения.

Важной задачей для современной России остается демократизация политической системы, совершенствование политических отношений в муниципальных образованиях. Как отмечает В. М. Сергеев, демократия есть процесс коллективного управления сложной социальной системой. Наиболее естественной формой совместного принятия решений коллективом людей являются переговоры. Следовательно, демократия, понимаемая как «народовластие», должна представлять собой постоянный процесс переговоров¹. Местное самоуправление должно стать основой современного гражданского общества в России.

С. А. Денисов
Екатеринбург

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В ИМИТАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Объектом данного исследования являются административные государства, где административный класс является экономически, политически и идеологически господствующим. Он пытается скрыть этот факт. Для имитации социократии он широко использует конституционное право.

Сегодня можно выделить два имитационных направления деятельности административного класса. Первый заключается в имитации социализма. Второй — имитирует общенародное государство с рыночной экономикой.

СССР, его сателлиты и часть развивающихся стран объявили себя социалистическими (идущими по пути строительства социализма). Это привело к искажению первоначального значения слова «социализм». Под социализмом стали понимать тотальное господство государственной бюрократии («командно-административную систему»). В конституционных актах таких государств государственно-бюрократическая собственность на основные блага страны была объявлена общенародной.

¹ См.: Сергеев В. М. Демократия как переговорный процесс. М., 1999.

Почти все административные государства сегодня отказываются признавать наличие в них монархической или олигархической формы правления. Они объявляют себя республикой. Авторитарный или тоталитарный политический режим традиционно прикрывается декларациями о демократии (иногда качественно особенной: социалистической, исламской, африканской, управляемой и т.д.). Некоторые государства создают видимость наличия в них федеративных отношений. Движение к полицейскому государству происходит под прикрытием лозунга о строительстве правового государства. Патернализм прикрывается словами о социальном характере государства.

В ходе имитационной политики административные государства исказили сам смысл конституции. Она потеряла свое содержательное значение акта ограничивающего полномочия государственного аппарата. Так стали называть основной закон страны, что бы он в себе не содержал.

Конституционный акт является удобным средством имитационной политики, поскольку он всегда содержит нормы общего характера. В нем можно закрепить какие угодно ценности. Они легко нейтрализуются с помощью норм законов, подзаконных актов, правовых обычаев, правовых доктрин и правовых прецедентов. Объявляется, что конституционный акт обладает высшей юридической силой, но охранять его берется правитель и подчиненный ему судебный орган. Когда надо, они всегда могут закрыть глаза на его нарушение.

Конституционные акты и другие законы часто регулируют порядок осуществления ритуалов, которые призваны обозначить наличие республики и демократии в стране. Номенклатурное формирование государственного аппарата административного государства сверху вниз здесь прикрывается ритуалом выборов, результаты которых, естественно, заранее известны. Законотворчество правителя прикрывается ритуалом прохождения проекта закона через квазипарламент.

Ритуальный характер демократических процедур не может превратиться в реальное политическое действие, поскольку в административном обществе нет соответствующих субъектов. Конституционный акт смело провозглашает суверенитет народа. Но это, ни сколько не мешает правителю осуществлять абсолютную власть в стране, поскольку население не стало осознающим свои интересы, организованным и активным народом. Оно остается легко манипулируемой массой, от имени которой можно творить произвол. Конституционный акт может закреплять высшую власть парламента. Однако, сформированный под контролем правителя этот квазипарламент послушно оформляет в виде законов волю правителя. Конституционный акт служит удобным средством наклеивания ярлыков, заимствованных в демократических странах на оригинальные институты аборигенов и вводит в заблуждение, как население, так и исследователей. На традиционный институт

верховой власти правителя наклеивают ярлык «президент». На безвластное собрание при правителе наклеивают ярлык «парламент». Органы расправы при правителе получают название «органов правосудия». Объединение бюрократии и ее клиентелы называют «правлящей партией» и т.д.

Начиная с XX в. административные государства активно создают симулякры сильного гражданского общества. С помощью своей клиентелы они имитируют активное участие населения в государственной жизни (обсуждение проектов законов, проведение массовых мероприятий, проведение выборов и референдумов), создают массу клиентистских общественных объединений. В некоторых странах успешно имитируется многопартийность и борьба за власть.

Осуществлять обман населения помогает так называемый нормативный подход в юриспруденции и политологии. Он исходит из презумпции правильного отражения в нормах конституционного акта существующих в обществе отношений, реализации норм права в жизнь. Административный класс посредством нормативных актов навязывает обществу свой дискурс. Служилая интеллигенция с удовольствием подыгрывает административному классу и выдает административную систему управления обществом за политическую систему, бюрократию за политиков. Она находит публичную политику там, где ее никогда не было.

К. Б. Джгмадзе
Москва

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СТРАНЫ

В современном мире для политического процесса огромное значение имеют не только действия субъектов политических отношений, но и восприятие гражданами этих действий. Результатом восприятия становятся образы, которые представляют собой символические и знаковые репрезентации мира, основанные на общественно выработанных значениях, закрепленных в языке, предметах культуры, нормах и эталонах деятельности¹. Представления граждан складываются в определенные образы объектов политики — политических лидеров, институтов, ведомств, власти, партий и конечно же страны.

¹ Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М., 1983. С. 251–261.

Изучение образа страны открывает глубинные противоречия в политической системе и расхождения реальной политической ситуации с запросами общества. Чтобы сбалансировать отношения между государством и обществом, и в дальнейшем выйти на новый уровень развития, стоит обратить внимание на качественные аспекты исследования политического образа:

- Институциональный аспект — как воспринимаются институты политической власти населением страны, поиск разногласий;
- Внешнеполитический аспект — как граждане видят свое государство в международных отношениях, как они оказывают влияние на формирование образа страны за рубежом;
- Экзистенциальный аспект — поиск исторической и социальной миссии страны;
- Воспитательный аспект — возрождение культурного и патриотического потенциала страны.

Учитывая сложность исследования образа страны, на наш взгляд, стоит отдельно рассмотреть один из психологических факторов, влияющих на восприятие страны — **политические ценности**¹.

В свое время Дж. Брунер доказал, что ценности являются организующими факторами в процессе перцепции: «Ценностная ориентация не только способствует отбору и акцентированию определенных перцептов в предпочтение другим, она также блокирует перцепции и гипотезы, угрожающие ценностям индивида»².

Вслед за рядом зарубежных исследователей³, Е. В. Егорова-Гантман рассматривает понятие «**перцептивного экрана**» — динамического образования, своего рода фильтра, расположенного между субъектом восприятия и объектом политической реальности, расставляющего смысловые акценты и оказывающего непосредственное влияние на интерпретацию политической информации. Структурными элементами «перцептивного экрана» являются все виды образов, стереотипов, установок и убеждений субъекта восприятия⁴.

Т. А. Трунова в структуру «перцептивного экрана» российских избирателей вписывает онтологические представления о власти: «Ценности

¹ Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 36.

² *Абт Л. Э.* Теория проективной психологии / Проективная психология // Пер. с англ. М.: Психотерапия, 2010.

³ *Campbell, Angus, Converse, Philip E., Miller, Warren E., Stokes, Donald E.* The American Voter / N.Y.: John Wiley & Sons, Inc, 1960. P. 42–89; *Larry Bartels.* Beyond the Running Tally: Partisan Bias in Political Perceptions // Political Behavior. 2002. Vol. 24. P. 117–150.

⁴ *Егорова-Гантман Е. В., Плеваков К. В.* Политическая реклама / М.: Никколо. М., 2002. С. 138.

задают тон отношениям и являются некоторой призмой, сквозь которую человек смотрит на власть»¹. Аналогично Н. А. Романович встраивает в структуру «перцептивного экрана» российского народа «мировоззренческие характеристики политической культуры»², делая акцент именно на ценностной составляющей.

Изучая политические ценности в России, А. В. Селезнева определяет их как «обобщенные идеи и убеждения о совершенстве в сфере политики, являющиеся ориентирами для политических оценок, желаемых конечных целей жизнедеятельности, политико-идеологических ориентаций, и рассматриваем их в качестве наиболее рациональных компонентов политического сознания и поведения»³. К особенностям политических ценностей А. В. Селезнева относит их ограниченность, иерархичность и системную организацию, а также отмечает, что «политические ценности выражаются в абстрактных категориях»⁴.

Таким образом, опираясь на работы исследователей по проблеме политического восприятия, можно заключить, что ценности занимают центральное место в структуре образа. Следовательно, назначение ценностей и их смысловое наполнение влияют на формирование образа отдельно взятой страны.

Н. И. Бобровская
Ростов-на-Дону

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ, ЦЕЛИ ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМЫ

*Сейчас у России нет ясной цели.
Раньше она была, эфемерная, но была...
Радио России: «Моя война и наша Победа»
19.04.2015. 17:10*

Функции государства весьма разнообразны. Но нужны ли ему цели? Корабль, не имеющий пункта назначения и срока прибытия, может дрейфовать в море сколько угодно, пока не закончится запас еды. И тог-

¹ Трунова Т. А. Формирование образа политической власти в Древней Руси // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. № 4/1. С. 117.

² Романович Н. А. Образ власти как отражение российской политической культуры // Вестник ВГУ: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 172.

³ Селезнева А. В. Политические ценности в современном российском массовом сознании: психологический анализ // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С. 7.

⁴ Селезнева А. В. Политические представления и ценности россиян. М.: Издательство Московского университета. 2012. С. 14.

да он пристанет хоть куда-нибудь, надеясь, что ему дадут продовольствие. Аналогично и государство, если оно не ставит себе определенные срочные цели, опираясь на идеологию общества, также в какой-то момент может прийти с протянутой рукой к другому государству, и не факт, что его накормят. Самое опасное в такой ситуации то, что безвременье создает одно поколение, а расплачиваются следующие.

Россия, увлекшись процессами интеграции и глобализации, на время совершенно забыла о государственном суверенитете, и национальном иммунитете, базирующемся на вполне ясной производственной, а не финансовой экономике.

Наблюдая в международной жизни замаскированную под цветные революции агрессию развитых государств (превративших деньги в товар) по отношению к сырьевым странам, видим, что главной целью этих государств является усиление влияния на государства со слабым непрофессиональным руководством и расслоенным обществом. Перед угрозой таких событий восстановление и укрепление государственного экономического иммунитета жизненно необходимо. Он включает в себя развитие сельское хозяйство, образование, традиционную культуру, производственную сферу.

В 1979 г. А. Льюис и Т. Шульц получили Нобелевскую премию по экономике за исследования по выводу из кризиса развивающихся стран. Они показали, что вкладывая деньги в образование и сельское хозяйство, развивающиеся страны могут самостоятельно выйти из кризиса, не обращаясь за кредитами. Ход развития стран Латинской Америки и других подтвердили верность этих положений¹.

В конце XX в. за короткое время внедрения «рыночных» отношений Россия лишилась своего экономического иммунитета: сельское хозяйство и переработка его продукции пришли в упадок, машиностроение утрачено, образование разрушается. Практически все технические средства, а также продукция легкой промышленности завозится из-за рубежа, в то время как в России здоровые люди не могут найти достойную работу для содержания семьи. Вопреки ст. 2 Конституции Российской Федерации² значительная часть трудоспособного населения лишена права на труд — государство не способствует созданию рабочих мест.

Огромная, в недавнем промышленная, Россия стала зависимым больным беспомощным экономическим организмом, лежащим под нефтяной капельницей, не способным к самообслуживанию и воспроизводству.

Разрыв между наукой и производством практически непреодолим. Финансовый механизм государства действует автономно, не стимулирует их

¹ Льюис А. «Историко-статистическое исследование «Экономический рост и экономическая неустойчивость» (1978).

² Конституция Российской Федерации (с гимном России). М.: Проспект, 2012. 32 с.

к взаимодействию, а также созданию инновационного и инвестиционного климата в стране.

Налоговая система, в отличие от цен, немобильна, хотя в налоговых ставках, по мнению автора, могли быть предусмотрены вилки, допустим, по таким налогам как НДС, НДФЛ, налог на имущество. Они необходимы для включения регулирующей функции налоговой системы: одни отрасли и регионы стимулировать, другие тормозить, — в зависимости от необходимости и значимости их на конкретном этапе развития в конкретном округе или регионе.

Очень важную роль в укреплении государственного иммунитета играет образование, и традиционная национальная культура. Знания и корни духовности, уходящие в прошлое, являются прочным фундаментом для настоящего развития и твердой опорой для рывка в будущее.

Однако на протяжении последних двадцати лет в образовании всех уровней произошли значительные изменения в плане содержания и методики, к сожалению, не в лучшую сторону. В стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.¹ провозглашается повышение конкурентоспособности национальной экономики, включающей повышение качества жизни, высокие стандарты жизнеобеспечения, рост человеческого капитала, развитие инновационной системы, науки и технологии и т.д. Но в действительности сдвигов в этом направлении мы не видим.

Традиционная национальная культура является неотъемлемой частью обеспечения государственного иммунитета. Но если гражданам страны к ней нет доступа, то психологам и «специалистам» информационной войны известно: поколение страны, лишившееся национальных, народных песен и традиций не имеет твердости и силы духа, которые требуются для отстаивания своих интересов перед интересами «партнеров» других государств. Без родной культуры у человека не воспитывается любовь ни к малой, ни к большой Родине.

В итоге можно утверждать, что в государстве, как сплоченном обществе, необходимы и национальная идеология, и конкретные цели с реализацией задач по их достижению и отправление в отставку правительства за ухудшение социально-экономических показателей. И, кроме того, «России было бы неплохо перенять эти полезные черты цивилизованных народов — интеллектуальную самостоятельность и замкнутость на собственные интересы»².

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537.

² *Зубец А.* Неожиданное идеологическое лидерство России. «Expert Online». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://expert.ru/2015/04/13/neozhidannoe-ideologicheskoe-liderstvo-rossii/>. Дата обращения: 20.04.2015.

С. В. Докучаева
Челябинск

РОЛЬ И ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КАК ФАКТОРА, ВЛИЯЮЩЕГО НА УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ СОЦИУМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Элита в переводе с лат. *eliger* — отбирать, фр. *elite* — лучший, отборный, избранный. Политическая элита — это группа лиц, обладающая высшей политической властью и уникальным правом на принятие стратегических политических и управленческих решений. Данное определение элиты соответствует подходу, который О. Гаман-Голутвина определила, как подход, базирующийся в основном на отнесении к элите лиц, принимающих стратегические решения¹.

В отличие от двух других подходов, выделенных Гаман-Голутвиной и ориентированных на формальные признаки принадлежности к элите (рейтинг и занимаемая в структуре власти позиции), этот подход дает возможность выделить реальную политическую элиту.

Таким образом, мы вводим такие понятия как формальная и реальная политическая элита. К формальной относится та часть политической элиты, которая функционирует в публичном политическом пространстве и активно включена в процессы обсуждения, подготовки, трансляции политических решений, а также взаимодействует с гражданами (управляемыми) в реальном или виртуальном пространстве (конференции, митинги, выступления, пресс-конференции, ведение блогов и т.д.). К реальной политической элите мы относим ту часть элиты, которая отвечает за принятие и реализацию непосредственно стратегических политических решений и может вообще не вступать в коммуникации с управляемыми (населением), взаимодействуя только с участниками властного политического пространства на горизонтальном и вертикальном уровнях.

Для определения роли и функций политических элит в современном обществе нам необходимо рассматривать и формальную и реальную политическую элиту в совокупности. Роль и функция считаются синонимичными понятиями, однако необходимо определить смысловые нюансы данных понятий. В словаре Ожегова роль определяется как «род, характер и степень чьего-нибудь участия в чем-нибудь»². В другом определении роль —

¹ *Гаман-Голутвина О. В.* Определение основных понятий элитологии / Полис, 2000, № 3. С. 97–103.

² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>.

МЕТОДОЛОГИЯ КИБЕРМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЦЕННОСТНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ РОССИЙСКИХ МОЛОДЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ¹

Актуальность разработки методологии киберметрии ценностных и социально-политических профилей российской молодежи обусловлена, как все растущей вовлеченностью российской молодежи в социальные сети, так и значительными эвристическими возможностями изучения ценностных и политических установок молодежи методами анализа сообщений социальных сетей. Содержание данных сетей служит показательным маркером ценностных ориентиров молодежи, а сами социальные сети становятся эффективным инструментом политической коммуникации и реализации пользователями политической субъектности.

До сегодняшнего дня не создана методология изучения ценностных и социально-политических профилей молодежи с применением киберметрии социальных сетей. Проблемы данной методологии состоят в ограничениях онлайн сервисов для мониторинга социальных медиа, имеющие низкую степень точности в определении тональности сообщений, сопряженности сообщений с социально-демографическими характеристиками их авторов, относительно небольшой объем выгрузки и т.д.²

¹ Исследование финансировалось Советом по грантам при Президенте Российской Федерации в рамках реализации гранта «Влияние Интернет-коммуникации на формирование ценностных ориентаций российской молодежи» МД-7540. 2013.6.

² *Абрамов М. В., Бродовская Е. В., Дмитриева О. В., Домбровская А. Ю.* Стратегии формирования установок протестного А. А поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Часть II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3; *Бродовская Е. В., Азаров А. А., Домбровская А. Ю., Дмитриева О. В.* Социальный компьютинг: история, методология, исследовательские проекты // Труды ИНИОН РАН. 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.inion.ru/index.php?page_id=436&id=644&ret=435. Дата обращения: 17.05.2014; *Азаров А. А., Бродовская Е. В., Дмитриева О. В., Домбровская А. Ю., Фильченков А. А.* Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Часть I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 2. С. 63–78.

это определенный набор множества действий, выполняемых кем или чем-либо в рамках определенного процесса. Функция, в словаре Ушакова, определяется как круг деятельности, обязанность, работа кого или чего-либо¹. То есть можно сделать вывод, что роль элиты это степень и характер ее участия в процессе развития общества, а функции — это те действия, которые входят в обязанности элиты, то, что она должна делать, ее работа как элемента политической системы. На наш взгляд определяющим для существования элиты является ее роль, то есть то, как она должна влиять на процесс развития политической системы в частности и общества в целом. Функции вытекают из роли и могут меняться в зависимости от исторического периода, уровня общей и политической культуры конкретного общества, от характера политического режима и многих других факторов. К функциям политических элит традиционно относят следующие: руководство и управление обществом, стратегическая, мобилизующая, коммуникативная, интегративная. То есть круг обязанностей элиты заключается в том, чтобы определить направление развития общества, убедить в правильности выбранного курса людей, и объединить их в процессе движения к выбранной цели. И именно на это, на наш взгляд делают акцент при изучении деятельности политических элит. Однако необходимо ответить на вопрос — а что именно должно быть ориентиром в стратегическом плане для самой элиты? И здесь необходимо определить роль элит, которая является очевидной исходя из определения данного понятия — «избранные, лучшие, отборные». Основная роль элиты, по нашему мнению, быть эталоном для тех, кем они управляют. Элиты задают уровень развития для граждан своего государства. Политическая элита задает уровень развития политической культуры, политической грамотности, уважения к законам, нормы взаимодействия в политической сфере, и чем глубже элита осознает свою роль в социуме и в политической системе, тем осознаннее происходит взаимодействие между членами самой элиты и с гражданами; так же повышается осознанность политического поведения элиты и его качество, что в свою очередь приводит к усвоению такого же поведения управляемыми. Однако подобное отношение к своей роли требует от элиты постоянного саморазвития и предъявления высоких требований прежде всего к себе — к уровню своего профессионализма, личностным качествам, уровню культуры, улучшению качества политических взаимодействий внутри элиты и с населением (ведение политического диалога, уважение к оппонентам, понимание ценности плюрализма политических идей и мнений, понимание необходимости консенсуса и компромисса).

И в этом случае политические элиты будут способствовать развитию общества и повышению уровня его политической и правовой культуры, эффективно выполняя возложенные на них функции.

¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>.

Предлагаемая методология разрабатывалась с несколько этапов. На первом этапе была создана типология ценностных и социально-политических профилей российской молодежи на основе кластерного анализа данных Всероссийского опроса молодежи (N = 1600, 2013 г., репрезентативность по полу, территории проживания и типу поселения). В результате выделены 5 кластеров молодежи, представленных в таблице. На втором этапе был осуществлен контент-анализ 100 аккаунтов российской молодежи, принадлежащих к различным ценностным и социально-политическим профилям в социальной сети «ВКонтакте». Задачей контент-анализа служила разработка словаря ценностных и социально-политических профилей российской молодежи. Словарь создавался на основе отбора наиболее часто употребляемых слов представителями различных профилей (см. табл.).

На третьем этапе осуществлялся запрос по каждому слову из разработанного словаря с целью проверки адекватности и валидности слов, используемых в словаре того или иного профиля.

На четвертом этапе предполагается осуществление кластеризации аккаунтов молодых российских пользователей с использованием стеммера *snowball*. Для этого содержание аккаунтов (выгруженных по сочетанию указанных в словаре слов) будет преобразовано в единый массив базы данных.

Результатом этого этапа должно стать определение удельного веса аккаунтов молодежи, принадлежащих к различным ценностным и социально-политическим профилям. Это позволит понять, какова доля российской молодежи, ориентированной на разные социальные и политические установки. Постоянный мониторинг данных профилей с применением описанной методологии обеспечит понимание динамики ценностных и социально-политических установок российской молодежи.

Ю. В. Дьяченко
Саратов

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ДЕМОКРАТИИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Восприятие и функционирование демократии осуществляется благодаря высокому уровню демократической культуры, которая выступает своего рода индикатором состояния политики. Однако принципы демократии не смогут успешно внедряться в общественную жизнь без их восприятия населением (без легитимности). Необходима высокая степень культуры демократии, которую можно определить как фактическую реали-

зацию в политической практике отраженных в Основном законе демократических принципов в контексте их признания гражданами государства.

Определение уровня развития культуры демократии можно осуществить через призму конституционализма как одного из основополагающих принципов демократического режима путем разработки индексов и сформированных на их основе рейтингов.

Развитие конституционализма можно представить в виде соотношения двух основных параметров: *формальный конституционализм* (или юридический) и *фактический конституционализм* (или реальный), каждый из которых включает несколько компонентов.

Первый параметр — формальный конституционализм, отражающий юридическое закрепление демократических принципов в Основном законе. Критерии:

1. Наличие системы разделения властей;
2. Выборность главы государства;
3. Выборность законодательной власти;
4. Выборность исполнительной власти;
5. Включенность граждан в избирательный процесс (пункты 1–5 вместе дают возможность гражданам принять участие в формировании органов государственной власти с последующим правом контролировать выполнение ими обязанностей);
6. Провозглашение народного суверенитета;
7. Отражение основных прав и свобод граждан государства, их гарантия;
8. Наличие местного самоуправления;
9. Возможность создавать различные партии, объединения, профсоюзы и т.д. и выражать свое мнение посредством митингов и демонстраций (отражается степень вовлеченности граждан в процессы «негосударственного» (общественного) управления);
10. Количество ранее принимаемых конституций в государстве (чем больше было Законов, принятых населением, тем чаще народ имел возможность оказывать влияние на принятие важных политических решений).

Основными источниками данных для получения информации выступают тексты Основных законов государств. Основанием для распределения баллов при их анализе служит объем отображения в текстах Конституций указанных выше компонентов.

Каждый из предложенных показателей (с 1 по 9 критерии) оценивается по шкале от 0 до 2 («0» — не отражено в Основном законе, «1» — отражено частично, «2» — подробно отражено). Критерий 10 ранжируется в зависимости от количества Конституций: «0» — от 1 до 3, «1» — от 4 до 10, «2» — от

Словарь ценностных и социально-политических типов российской молодежи

«Макроличности»		«Мезоличность»		Индивидуальности	
Ориентация на подержку социального порядка и стабильность	Ориентация на свершение существующего порядка	Ориентированы на групповые ценности	Ориентированы на ценности личного благополучия	Ориентированы на ценности личного саморазвития	Ориентированы на ценности личностного саморазвития
Макросоциалы (общественники, ориентированы на ценности общественного блага, социальные активисты), Анонс события, Провально, Нужно, необходимо, Призвание, Помощь, Ответственность, Общественное, социальное благо, люди, общество, справедливость, мир, поддержка, жертвенность, спасение, благодетельность,	Новая жизнь, Ложь, Народ, Эпатаж, Борьба, Протест, конфликт, Не согласен, Выбор, Сражаться, Строить новый порядок, Отстоять право, С оружием в руках, Убивать, Не жалеть, Ненависть, Свергнуть.	Микросоциалы (ориентированы на ценности семьи, дружбы, межличностные отношения)	Прагматики (ориентированы на достигательные ценности, карьеру, материальное благополучие, жизненный успех)	Социратели (ориентированы на самопознание, личностный рост, философию жизни и общественного устройства)	Свобода, Одиночество, Душа, Идеал, Любви, Мысли, идеи, Отчаяние, Обучение, саморазвитие, личностный рост, интеллектуальное развитие, искусство, гармония, бог, Аума, мыслить, самое, прекрасное, совершенство, глубина, наблюдать, сердце, чувствовать, свет, сознание, смысл, почитать, мораль
		Счастье, Семья, Дом, Радость, Общение, Путешествия, Здоровье, Замуж, жениться, Строить отношения, наладить семейную жизнь, друзья, дети, ребенок, малыш, сын, дочь, девочка, мальчик, мама, папа, бабушка, дедушка, забота, доброты, верность,	Желание, Успех, Удача, Деньги, Карьера, Позитив, Достижение, Победа, триумф, Делать, Правильно, Работа, Богатство, Доход, Получать, Оптимизировать, Образование, Хорошее, лучше, Наладить жизнь,, Связи,		

10 и больше. Баллы по 10 пунктам складываются, и затем высчитывается среднее арифметическое значение.

Второй параметр — реальный конституционализм, отражающий степень фактического воплощения прописанных в Конституции положений в реальной жизни. Для его выявления используются те же компоненты, что и в первом случае. Отличием описанных критериев выступает то, что в данном параметре они рассматриваются не с точки зрения формального закрепления в Конституции, а как реальные принципы функционирования политической системы государства.

В качестве источников получения информации используются не тексты Основных законов, а сведения о фактическом состоянии политической системы стран. Для этого изучаются сайты, предоставляющие данную информацию, и книжные источники.

Шкала оценки критериев 1–9 данного параметра также включает баллы от 0 до 2, где «0» — положение отсутствует в реальной действительности, «1» — частично соответствует действительности и «2» — полностью воплощается в реальной политической жизни. Критерий 10 оценивается следующим образом: «0» — Конституция дарована главой государства, «1» — появилась в результате соглашения между главой государства — монархом или президентом — и парламентом, «2» — принята народным референдумом.

Соотнесение двух описанных параметров дает возможность разделить современные государства на «страны с высоким уровнем культуры демократии», характеризующиеся небольшими расхождениями между формальным и реальным конституционализмом, «страны со средним уровнем культуры демократии», имеющие частичные несоответствия в соотношении юридического и фактического конституционализма, и, наконец, «страны с низким уровнем культуры демократии», показывающие сильное расхождение между двумя параметрами.

В случаях, когда формальный конституционализм превышает показатели реального, Основной закон есть, но он не эффективен, граждане его не воспринимают, и общество живет по не закрепленным юридически правилам. В свою очередь, преобладание фактического конституционализма над юридическим показывает, что существующая Конституция не в полной мере отражает сложившуюся в стране политическую ситуацию, что ведет к ее невосприятию как основного регулятора общественных отношений.

Наиболее полно формальный и реальный конституционализм соотносятся в демократиях, где конституционное закрепление всех демократических принципов и их эффективная реализация способствуют усилению их легитимности, благодаря чему в свою очередь возрастает уровень культуры демократии в государстве.

Т. В. Евгеньева
Москва

РОЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Анализ этой проблемы предполагает уточнение понятий, используемых в процессе анализа. Такое уточнение представляется необходимым в связи с тем, что в современной политической публицистике категория «миф» используется в самых различных значениях, причем распространенной становится понимание политического мифа как выдумки, используемой для дискредитации того или иного политического субъекта.

Современные исследователи определяют миф как особого рода повествование или сообщение, содержащее совокупность представлений об окружающей действительности (или ее фрагменте), ценностей и норм, обосновывающих приемлемые и неприемлемые модели поведения для членов определенной общности.

Сегодня, в условиях разрушения советского мифа и постепенного размывания мифа американского, целостный политический миф, сохранивший все характеристики мифа священного, можно найти, пожалуй, лишь в Северной Корее.

Поэтому в исследовании мы выявляли отдельные мифологические образы и символы, сохранившихся от ушедших мифов или сконструированных недавно для конкретных политических целей. Мифологические образы, транслируемые СМИ, позволяют человеку выстроить (или достроить) политическую картину мира, через систему символов придать ей законченный, непротиворечивый характер.

Самоидентификация личности в советский период основывалась на сложившейся в течение длительного времени системе социокультурных и политических мифов, определяющих представления личности как об окружающей ее реальности, так и своем собственном месте в ней.

Разрушение советского мифа к началу 90-х привело к дестабилизации всей картины мира значительной части общества.

Центральной моделью, на основе которой происходил процесс идентификации сообществ в кризисной ситуации, стала категория «мы-они» или «свой-чужой», в рамках которой мифологические образы и символы строятся вокруг двух противоположных полюсов.

С наибольшей очевидностью функционирование данной модели проявляется в политической культуре общества в 90-е годы.

Восприятие мира на основе модели «свой-чужой» формирует представление о некоей локальной территории, на которой проживает общность как сакральной. Мифологические образы «своей» и «чужой» общности и территории продолжают и сегодня определять процесс восприятия многих социокультурных и политических процессов и событий. В связи с этим можно вспомнить образы «кавказцев», «мигрантов» и прочих «замкадышей».

Для идентификации с общностью, воспринимаемой как «мы», «свои», существенное значение имеет образ «их», врагов и недоброжелателей. В современной политической коммуникации реальные социальные и политические проблемы нередко подменяются мифологическим по своему происхождению образом вечной борьбы двух общностей, где образ врага становится основным элементом, обеспечивающим сплоченность того или иного политического сообщества.

Интересно проанализировать трансформации, произошедшие в последние пятнадцать лет с образом Запада. В советский период российской истории Запад воспринимался массовым сознанием как отрицательный символ, противопоставляемый советскому пространству по принципу «мы — они». Такое восприятие в принципе не противоречило российской культурно-исторической традиции, в рамках которой национально-государственная самоидентификация российского общества строилась на противопоставлении образу Запада.

С началом перестройки в массовом сознании начинает формироваться противоположный образ Запада, ассоциирующийся с центральной ценностью периода реформ — ценностью демократии.

Сегодня можно отметить возвращение к привычному образу Запада, символизирующему если не мировое зло, то, по крайней мере, опасность для национальной самоидентификации.

Негативный потенциал мифологических образов «своих» и «чужих» связан со специфическим отношением к моральным нормам и предписаниям, как к действующим только в рамках «своего» реального или экзистенциального пространства. «Чужое» пространство населено врагами, «нелюдями», в борьбе с которыми морально оправданы любые методы, в том числе, нарушающие как божьи, так и человеческие законы. (Мы знаем, что людей нельзя сжигать заживо. А «колорадов»?).

Рассматриваемые в исследовании мифологические образы и символы лишь намечают возможности их использования как основания для формирования культурных и политических мифов. Для возникновения целостного мифа, кроме этих оснований, необходима целенаправленная деятельность идеологизированных групп и СМИ, посвящающих себя активному формированию и распространению политических мифов. Деятельность этих групп, возможно не всегда осознаваемая всеми их представителями, активизирует процесс мифологизации политики, поляризации ее на осно-

ве модели «мы-они», наполняет конкретным содержанием понятия «свой-чужой», «добро-зло», «герой-враг», мотивирует конкретное социальное и политическое поведение.

А. В. Егупов
Краснодар

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принятый 6 октября 2003 г. ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» до настоящего времени претерпел значительное количество изменений. Если говорить о качестве внесенных изменений и дополнений, то можно однозначно утверждать, что муниципальные образования не всегда успевали адаптироваться к новым реалиям законодательства. Заложенные в действующее законодательство о местном самоуправлении финансово-экономические основы привели к недостаточному финансовому обеспечению одновременно с чрезмерной централизацией финансовых ресурсов на федеральном уровне, что не способствует включению граждан в функционирование системы местного самоуправления.

Новые изменения в законодательстве призваны повысить роль и самостоятельность органов местного самоуправления, максимально приблизить этот уровень власти к людям, которые проживают на конкретной территории. В Федеральном законе от 27.05.2014 N 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 263 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» институт местного самоуправления получил последовательное закрепление в качестве одного из приоритетов государственной политики.

Новое в Законе N 136-ФЗ состоит в предоставлении регионам права самостоятельно определять способы избрания глав муниципальных образований — напрямую населением или из состава представительного органа власти. Законодательно закрепляется два новых типа муниципальных образований: городского округа с внутригородским делением и внутри-

городского района. Для муниципальных районов, городских округов, городских округов с внутригородским делением и внутригородских районов, поселений устанавливается четыре варианта формирования органов местного самоуправления.

Во-первых, может быть реализована организационная модель «Совет-мэр-управляющий». Представительный орган формируется путем выборов. Глава муниципального образования избирается на прямых выборах, данное лицо возглавит представительный орган муниципального образования. Глава администрации будет назначен по контракту по результатам конкурсного отбора.

Во-вторых, модель «Совет-управляющий». Представительный орган формируется путем выборов. Глава муниципального образования избирается депутатами представительного органа муниципального образования из своего состава. При этом он возглавит представительный орган, а глава администрации будет назначен по контракту по результатам конкурсного отбора.

В-третьих, организационная модель «Сильный совет-сильный мэр». Глава муниципального образования избирается на прямых выборах и совмещает выполняет полномочия руководителя местной администрацией. Представительный орган формируется на основе выборов и депутаты выбирают из своего числа председателя.

Решение по определению варианта формирования органа местного самоуправления и полномочий главы муниципального образования передано субъектам Российской Федерации. Способ формирования органов местного самоуправления будет закрепляться региональным законодательным актом. При этом законом устанавливается, что при избрании способа формирования органов местной власти обязателен учет мнения населения, который также должен фиксироваться в этом акте.

В-четвертых, организационная модель, сложившаяся в сельских поселениях. Совмещение должностей главы муниципального образования, председателя представительного органа и руководителя исполнительного органа.

Внесены коррективы в порядок формирования представительного органа муниципального района. Субъекты Российской Федерации своим законом определяют, как предстоит формировать представительный орган муниципального района — на равной или пропорциональной основе. При этом при пропорциональном формировании ни у одного муниципального образования не должно быть более одной трети представителей.

Законом N 136-ФЗ корректируются пропорции конкурсной комиссии, оценивающей кандидата для утверждения представительным органом муниципального образования главы местной администрации: комиссия должна состоять наполовину из экспертов от представительного органа муниципального образования и наполовину из экспертов от региона против 70

и 30% соответственно. К тому же эксперты от региона будут направляться не региональным парламентом, а главой субъекта Российской Федерации.

Таким образом, очередное реформирование системы местного самоуправления касается не только новых, но и уже существующих типов муниципальных образований. Преобразования затрагивают организационные основы местного самоуправления.

Т. С. Ермолаев
Якутск

ЕДИНСТВО И БОРЬБА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЮЖНОЙ ЯКУТИИ

Три вида идентичностей — этническая, региональная и российская в человеческом восприятии вписываются в другие множественные идентичности, и на индивидуальном уровне в условиях нового этапа индустриализации региона требуют более тщательного изучения. Основной формой самоидентификации для южноякутян является гражданская самоидентификация. Больше половины опрошенных (53,3%) считают себя гражданами России. На втором месте — региональная самоидентификация, это отметили 16,6% респондентов. Русские в большей степени, чем другие национальности, относят себя к фундаментальной категории «человек» (40,1% против 6,1% у других национальностей), однако, этническая самоидентификация важнее для представителей других национальностей — 12,1% в отличие от выбора русских — всего лишь 3,3%. Мужчины более привержены своей национальности, чем женщины, которые, в свою очередь, тяготеют к общечеловеческой идентичности.

Общегражданская российская идентичность больше всех проявляется у коренных малочисленных народов Севера (61,1%). Возможно, это связано с усиливающимся процессом утраты родных корней. Почти одинакова она у саха и русских, но у последних почти в три раза слабее этнический идентификатор. К тому же у титульного этноса вполне определенно просматривается региональная идентичность (25,5%). В целом, по всем параметрам наблюдается следующая закономерность: общенациональная гражданская идентичность существенно превалирует. Это можно объяснить этносоциальным составом населения Южной Якутии, где подавляющая часть представлена русскими. Следующий немаловажный фактор — интернациональный человеческий материал всех волн промышленного освоения и своеобразный плавильный котел, в который превращалась любая

всесоюзная ударная стройка советской эпохи. Стоит обратить внимание на русских в регионе, для которых не характерна даже простая ассоциированность с территорией своего проживания. Это связано с тем, что Южная Якутия всегда представляли изолированную часть регионального сообщества в силу очаговости промышленного развития и мононационального состава населения.

Безусловно, приоритет самоидентификации жителей региона с Россией в целом или с региональной общностью минимизирует предпосылки этнического экстремизма. Но низкий уровень этнической самоидентификации имеет и негативные следствия. Они выражаются в отчужденности от собственной культуры, в забвении традиций и — в конечном итоге — разрывают связь поколений. Сложившаяся ситуация несет в себе потенциальную опасность национального нигилизма, несмотря на то, что в реально осязаемом виде эта опасность на данном этапе не проявляется.

Мы должны понимать, что потеряли огромную страну, прошли шоковую терапию и лихие 90-ые, жили в условиях прямых военных конфликтов непосредственно на российской территории, преодолели дезинтеграцию страны, растеряли большую часть своего духовного наследия и соответствующих ценностей. Становление новой российской государственности по сути только начинается. И все же у большинства населения в стране российская идентичность уже есть. И это подтверждают материалы нашего опроса. В качестве россиян идентифицирует себя более половины опрошенных, при этом люди молодого и среднего возраста делают это чаще всех. Это понятно: люди старшего поколения еще нередко чувствуют себя гражданами СССР. С тем периодом у них связана молодость, многие тоскуют по прежней стабильности. Цифры подтверждают объективную реальность: промышленный русскоязычный регион в составе национальной республики. Российская идентичность на этом фоне присутствует у каждого второго опрошенного. Вместе с тем, более четверти русских и почти 40% представителей титульной национальности чувствовали себя в основном и россиянами и якутянами. т.е. фиксируется двоякая идентичность. Это связано в большей степени с тем, что на южноякутской земле растет не одно поколение первопроходцев промышленного освоения республики. Якутия для них стала вторым родным домом.

Обобщая данные, касающиеся соотношения и развития общероссийской, региональной и этнических идентичностей в регионе. Можно констатировать следующее. В настоящее время в регионе происходит заметный рост субъективной значимости общероссийской идентичности. В то же время региональная идентичность остается важной составляющей для всех этнических групп. Усиление роли государственно-гражданской идентичности идет здесь не за счет региональной, а наряду и в сочетании с ней.

Одновременно в регионе сохраняется высокая степень субъективной значимости этнической идентичности саха и эвенков, а также происходит существенная актуализация этнической идентичности других национальностей. Самый полиэтничный регион республики с подавляющим преобладанием русского населения представляет собой своеобразную экспериментальную площадку возможного органичного сочетания различных идентичностей.

Н. В. Ерофеева
Москва

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ СТРАН МИРА

Проблема политической стабильности всегда была в центре интереса исследователей еще до момента возникновения и формирования политологии как отдельной отрасли гуманитарного знания. При этом политическая стабильность рассматривалась как часть стабильности общественной системы. Политическая стабильность — основная оставляющая стабильности развития государства.

Вопросы, касающиеся изучения категории «стабильности» поднимались еще в политических учениях Древнего Востока. Тогда под стабильностью понимался общественный порядок, регламентировавшийся религиозно-мифологическими учениями (зороастризм, конфуцианство). Другая точка зрения существовала в Греческой Греции. Государство рассматривалось как основная рациональная сила, обеспечивающая порядок в обществе (Платон, Аристотель)¹.

С течением времени политико-философские течения развивались, обогащались. Вводится понятие политической стабильности. Одним из основоположников исследования политической стабильности можно считать С. Хантингтона. В своей работе «Столкновение цивилизаций» он пишет о том, что в условиях коренных общественных реформ от политической стабильности зависит качество эффективных изменений в различных сферах общества².

¹ См.: *Жириков А. А.* Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ). М., Ин-т массовых коммуникаций, 1996. С. 73.

² См.: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 83.

В XX в. в связи с эволюционированием института государства возникла необходимость в появлении новых методик, исследующих текущее состояние страны и ее положение в мире. Наиболее распространенным методом изучения политической действительности является выработка различных индексов и баз данных, исследующих различные стороны жизнедеятельности государства и общества. Современные индексы сочетают в себе как реальные данные (экономические, социальные, политические индикаторы), так и данные полученные методом экспертных оценок.

В настоящее время специалистами изучающими политическую стабильность прямо или косвенно используются индексы и базы данных: «хрупкости» государства, недееспособности государств, политической нестабильности, Полития IV, Меньшинства под угрозой, база данных о государственной несостоятельности¹.

Основная методологическая проблема современных индексов, исследующих политическую сферу деятельности государства, состоит в невозможности операционализировать и математически просчитать многие политические понятия. Поэтому чаще всего

Следующая проблема состоит в том, что показатели и индикаторы, на основании которых строятся индексы, не отражают адекватную современную ситуацию. Например, в составлении индекса за 2014 г. будут использоваться данные 2010–2011 гг. Задержка информации, представляемой статистическими службами стран мира, рейтинговыми агентствами, а также мировыми организациями снижает достоверность данного рейтинга².

Наконец, проанализировав представленные индексы, можно сделать вывод о том, что все они разработаны и составлены различными научными институтами стран Европы и Америки. В настоящее время в Российской Федерации нет индекса, составленного российскими учеными.

В связи с этим, в современном российском научном поле существует необходимость разработки индекса политической стабильности. Индикаторы, положенные в основу данного индекса должны отражать современную ситуацию и быть методологически обоснованны. Крайне важным является возможность использования математических расчетов при создании формулы.

¹ См.: *Индексы развития государств мира* Текст: справочник / О. Т. Гаспарян, Р. У. Камалова, Е. А. Кочешкова и др. // Под редакцией Ю. А. Нисневича; Нац. исслед. ин-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 3.

² См.: *Ерофеева Н. В.* К вопросу об индексах мирового развития, исследующих политическую стабильность стран мира // Наука и образование в жизни современного общества: сб. науч. тр. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. 30 декабря 2014 г.: Часть 7. Тамбов, 2014. С. 47.

В. А. Жексембекова
Астана, Казахстан

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ВЫБОРНОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Спецификой избирательной системы в период суверенизации Казахстана было то, что она досталась ему в наследство от прежней коммунистической системы. Выборы проходили на безальтернативной основе и потому их результаты были предрешены заранее. Поэтому, прежде всего, необходимо было демократизировать выборный процесс.

Анализ существовавшей в Казахстане в 1990–1991 гг. и фактически оставшейся неизменной до конца 1993 года избирательной системы позволяет сделать следующий вывод. Данная избирательная система была достаточно демократичной для того периода, поскольку обеспечивала довольно широкое участие общественности на тех или иных стадиях избирательного процесса¹.

Недостатком избирательной системы стал отказ от принципа общественного контроля над процедурой проведения голосования и подведения его итогов. В кодексе о выборах вообще не упоминалось об участии в избирательном процессе наблюдателей. Тем самым, реформирование избирательной системы лишь в некоторой степени сделало ее более прогрессивной и приближенной к международным стандартам.

Прошедшие в 1995 г. парламентские выборы показали несовершенство избирательной системы. В связи с этим возникла необходимость внесения изменений и дополнений в действующее законодательство о выборах с целью приведения его в соответствие с общепризнанными международными демократическими и правовыми нормами и принципами.

В целом, в период 1998–2002 гг. произошло значительное изменение правил избирательного процесса. Особенностью этого этапа трансформации избирательной системы стали следующие нововведения: переход к смешанной мажоритарно-пропорциональной системе выборов в Мажилис, изменившей принцип формирования депутатского корпуса нижней палаты Парламента; начало практики формирования избирательных фондов на смешанной основе (частной и из бюджета); участие международных наблюдателей за избирательным процессом,

¹ *Ертысбаев Е. К.* Политические преобразования и особенности избирательного процесса в постсоциалистических странах // Казахстан — спектр, 1999, № 3(9). С. 17.

обеспечившее большую открытость голосования и легитимность его результатов¹.

В 2004–2007 гг. происходило движение в сторону некоторой либерализации избирательного законодательства, что было обусловлено как факторами внутреннего развития (отставание политического реформирования от экономического развития, требование уступок со стороны оппозиции), так и необходимостью большего соответствия международным правовым стандартам в этой области.

Качественно новые изменения в избирательной системе, вызванные конституционной реформой, произошли в 2007 г. Принципиальными новшествами, обусловившими серьезную трансформацию всей избирательной системы, стали переход к выборам в нижнюю палату Парламента на основе партийных списков, предусматривающий создание единого избирательного округа, расширение прав Парламента при формировании ЦИК, уравнивание сроков электорального цикла для выборных лиц (за исключением Сената).

Особую специфику казахстанской избирательной системе придало избрание части депутатского корпуса высшего законодательного органа Ассамблеи народа Казахстана.

Новой вехой в развитии демократических процессов в Казахстане стали выборы районных акимов в 2006 и 2013 гг. Так, в 2013 г. избрали 2454 акимов городов районного значения, сельских округов, поселков и сел, не входящих в состав сельского округа.

Таким образом, главной особенностью избирательной системы суверенного Казахстана является то, что «она претерпела существенные изменения, связанные как с общими преобразованиями политической системы в целом, так и обусловленными ими изменениями конституционно и законодательно закрепленных принципов и механизмов избирательного процесса»².

Главным направлением всех новшеств, вносимых в Конституцию и законы о выборах, должна стать их демократизация и адаптация к задаче формирования механизма государственного управления, основанного на политических институтах. Этого можно добиться более широким участием политических партий и общественных объединений, расширением политических прав и свобод, привлечением независимых отечественных и международных экспертов, повышением роли средств массовой информации, а также большим вниманием к соблюдению всех предусмотренных процедур.

¹ *Сейлеханов Е. Т.* Политическая система Республики Казахстан: опыт развития и перспективы: Монография. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. С. 139.

² *Курманбаева Ш. А.* Избирательные технологии в Казахстане — Алматы: Центральноазиатское агентство политических исследований, 2000. С. 50.

И. К. Жуков
Омск

РЕГИОНЫ СИБИРИ КАК ТЕРРИТОРИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА: ФАКТОРЫ РИСКА, ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ

Весь постсоветский период отмечен попытками создания национальных государств (через создание т.н. «политической нации») по контуру границы РФ. В условиях проживания в данных государствах большого количества русского населения (и наоборот, проживания представителей титульных этнических групп данных стран в России) возрастает риск межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Особенно это касается приграничных регионов, где угрозы безопасности выше, чем на удаленных от границ территориях. Одним из таких географических, экономических, социокультурных феноменов является Сибирь, представляющая собой макрорегион, сопоставимый с Северным Кавказом по множеству этнорелигиозных полей, интенсивным миграционным процессам, наличию большого количества этнических групп (в том числе принадлежащих к числу коренных малочисленных народов или находящихся в ситуации меньшинства), культурно близких народам сопредельных государств.

Сибирь традиционно воспринимается как спокойный макрорегион, где «ничего не может произойти». В то же время приток мигрантов, политизация этничности, этническое маркирование конфликтов, возможность деструктивного воздействия извне характерны и для данного макрорегиона. Для Сибири характерно наличие приграничных территорий, государственная принадлежность которых с точки зрения некоторых акторов до сих пор может представляться не бесспорной. Так, продолжаются дискуссии о статусе областей Северного и Восточного Казахстана, особенно интенсифицировавшиеся под влиянием украинского кризиса.

Регионы Сибири граничат с тремя государствами, заметно отличающимися и друг от друга, и от основной части российских регионов по этническому составу, доминирующим религиозным конфессиям. Регионы Сибири в большей степени являются транзитными, т.е. трудовые мигранты в основном направляются в европейскую часть, однако часть их остается в сибирских регионах, особенно в экономически развитых.

В регионах Сибири межэтнические отношения, как правило, достаточно благополучны (компактность проживания и малая численность коренных народов, совместное бесконфликтное проживание в течение длительного времени). В то же время необходимо отметить наличие некоторой

напряженности в отдельных регионах: республиках Бурятия, Тыве, Республике Алтай. Национальные республики Сибири, как и аналогичные субъекты Федерации в других округах, могут характеризоваться наличием некоторых межэтнических претензий и риском конфликта. В ряде регионов Сибири в 1990-е гг. происходили не замеченные на федеральном уровне межэтнические конфликты, формировались региональные этнократические режимы и происходил исход русского населения. Для национальных республик характерны взаимные претензии представителей разных этнических групп по поводу кадровой политики региональной власти.

Экономическое неблагополучие приводит к оттоку не только русского, но и квалифицированного коренного населения. Соответственно, в ситуации усиливающегося экономического кризиса ждать исчезновения данного фактора не приходится. Отток специалистов приводит в том числе к ухудшению знания русского языка, что особенно характерно для Тывы.

Выборы главы Республики Алтай продемонстрировали, что политический конфликт, переходящий в этническое поле, может вызвать мобилизацию этнических групп и приводить к заметным политическим последствиям. Неслучайно именно в Республике Алтай результат кандидата от оппозиции оказался самым высоким, а действующий глава получил самый низкий процент среди переизбиравшихся губернаторов и едва смог набрать более 50%. Оппозиционный кандидат, представляющий титульную этническую группу, пытался оспорить результаты выборов, получив поддержку своей этнической группы. Политический конфликт в Республике Бурятия, имеющий в том числе межэтническую подоплеку, привел к длительному политическому кризису и отставке председателя законодательного органа региона.

Обострение межэтнических отношений может повлиять и на инфраструктурные проекты. Так, в Республике Алтай упомянутое противостояние обостряется строительством газопровода в Китай, который должен пройти через священное для коренного населения плато Укок. Аналогичные проблемы могут возникнуть в Республике Тыва при строительстве железной дороги, против чего выступает часть населения.

Фиксируемая в Средней Азии активность радикальных исламистских организаций угрожает распространиться и на регионы Сибири, часть населения которых традиционно исповедует ислам.

Таким образом, можно констатировать актуализацию в Сибири целого ряда конфликтных сценариев, которые в свете нарастания напряженности в России и ряде сопредельных стран могут привести к дестабилизации ситуации. Стремительное усиление угроз, обусловленных миграционными процессами, террористической активностью на Ближнем Востоке, распространение радикального ислама в Средней Азии требует комплексного решения. Важность решения перечисленных проблем обусловлена в т.ч. сменой геополитических приоритетов РФ.

С. Р. Закирова
Москва

РОЛЬ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ

Целью нашего исследования будет показать, какое значение имеет политика памяти для формирования российской гражданской идентичности. В качестве примера проявления будет рассмотрено значение победы в Великой Отечественной войне.

Политика памяти будет рассматриваться нами как совокупность стратегических действий по отношению к истории своей страны¹. Эти действия могут исходить от различных акторов политики, как государственных (сами органы государственной власти), так и негосударственных (СМИ, представители гражданского общества). Речь пойдет об отражении истории и ее интерпретации в публичном пространстве: проведении акций, приуроченных ко дню победы, праздничных мероприятий, создании новых и повторное осмысливание старых фильмов о войне и пр.

Политика памяти неразрывно связана с политикой идентичности, т.к. оба понятия имеют дело с самоопределением человека. Однако, если политика идентичности связана с разными формами макрополитической идентичности², то политика памяти имеет дело с идентичностью человека иным образом. Она направлена на включение человека в историческую «канву» настоящего путем отбора определенных событий прошлого и соединения их в единую цепочку фактов, дат, явлений. Соединенные все вместе эти события могут быть названы «официальной» версией истории. Пожалуй, именно такую цель преследовали создатели Единой концепции отечественной истории³, на основе которой в 2015 г. должен быть создан учебник по отечественной истории.

Для события, которое могло бы стать опорой идентичности граждан, должны быть характерны такие черты, как массовость, т.е. большое коли-

¹ Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. // Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 1999.

² Семенов И. С. Гражданская идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий, отв. ред. Семенов И. С.

³ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rushistory.org/wp-content/uploads/2014/07/Koncepcia_final.pdf.

чество людей, которые участвовали в самом событии, либо имеют свежие воспоминания о нем, героизм. Эти характерные черты присущи победе в Великой Отечественной войне.

Подчеркнем, что все мероприятия, проводимые сейчас опираются на максимальную аутентичность эпохе 40-х годов в СССР. Это касается как проводимых мероприятий: концертов, выступлений; так и отражения победы в массовой культуре. Например, в современных фильмах о войне. С одной стороны, сходство с эпохой, в которую произошло событие, характерно для празднования многих памятных дат. С другой — можно предположить, что подобная ситуация связана с желанием иметь как можно более «надежную» опору в проводимых мероприятиях. Также, на наш взгляд, имеет место и нежелание создавать какие-либо новые символы победы. Исключение составляет, пожалуй, лишь акция «Георгиевская лента», проводимая уже девять лет. В том, что касается фильмов о войне, с одной стороны, создаются новые фильмы (например, «Брестская крепость», «Битва за Севастополь»). С другой — новые фильмы, порой, представляют из себя лишь версию «старых» (например, фильм 2015 г. «А зори здесь тихие...» — современная версия советского фильма 1972 г.).

Значимость ВОВ не нуждается в дополнительном пояснении, и потому победа в ней в последние годы часто становится объектом манипуляций. Одна из попыток так называемого «переписывания» истории имела место в этом году. Министр иностранных дел Польши Гжегож Схетгына заявил, что концлагерь Освенцим был освобожден украинскими солдатами. Он обосновал свое мнение тем, что данная операция проводилась силами Первого Украинского фронта. Подобные заявления от высокопоставленных политиков не могут пройти незамеченными, особенно в год 70-летия победы в ВОВ. Российский МИД отреагировал на это тем, что назвал сказанное кощунственным и циничным.

Объединяющий потенциал победы в Великой Отечественной войне представляется важным для формирования чувства единства и сопричастности героическому прошлому своей страны. Потенциал победы в ВОВ тем более ошутим, что война воспринималась в прошлом и воспринимается сейчас в обществе как ответ немецкими захватчикам, вынужденная агрессия для спасения себя, своей семьи и страны. Его использование опирается на практики и культурные объекты прошлого, что, помимо стремления к аутентичности эпохе праздника, также может говорить и об отсутствии современного осмысления события. Ведь пространство памяти, хотя в основе своей и содержит историческое событие, для поддержания связи прошлого с настоящим, нуждается в современном их переосмыслении, поиске необходимых для настоящего и будущего оценок, ценностей и принципов. А также расширении «пространства» политики памяти для наполнения его вновь осмысленными историческими явлениями и их новыми символами.

И. А. Заранкин
Москва

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КАНАЛОВ РЕКРУТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Анализу политических элит посвящено большое количество научных работ. Одним из объектов исследований являются каналы рекрутации политических элит, под которыми обычно понимают «пути продвижения к вершине политической иерархии»¹. В данном докладе автор выявляет теоретические подходы к анализу каналов рекрутации.

Ряд исследователей анализируют их с помощью изучения биографических данных политических акторов: социального происхождения, образования и места его получения, а также последующего движения политика по карьерной лестнице. Другими словами, речь идет об изучении карьерной траектории, т.е. процесса перемещений политического актора в рамках одной структуры (либо из одной структуры в другую), имеющего определенное направление; основанного на мотивах политического актора, а также находящегося под воздействием внешней среды. Этот подход мы назовем **карьерным**. Он применяется при анализе самых разных политических акторов, включая министров², депутатов и даже городских управляющих, работающих по контракту (сити-менеджеров)³.

¹ Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 98–99.

² Семенова Е. С. Министры Правительства Российской Федерации: паттерны рекрутации и карьер (1990–2012) // Отв. вред Гаман-Голутвина О. В. Политический класс в современном обществе. М.: РОССПЭН, 2012. *Allen P.* Linking Pre-Parliamentary Political Experience and the Career Trajectories of the 1997 General Election Cohort // *Parliamentary Affairs*. June 2012. Vol. 66. No. 4. P. 685–707. *Gaxie D.* Les facteurs sociaux de la carrière gouvernementale sous la Cinquième République de 1959 à 1981 // *Revue française de sociologie*. Jul. Sep., 1983. Vol. 24. No. 3. P. 441–465. *Montero Alfred P.* The limits of decentralisation: Legislative careers and territorial representation in Spain. May 2007. Vol. 30. No. 3. P. 573–594. *Scarrow S.* Political Career Paths and their Consequences in the European Parliament // *Legislative Studies Quarterly*. May, 1997. Vol. 22. No. 2. P. 253–263. *Semenova E.* Patterns of Parliamentary Representation and Careers in Ukraine: 1990–2007 // *East European Politics and Societies*. August 2012. Vol. 26. N. 3. P. 538–560.

³ *Barber Daniel M.* Newly promoted city managers // *Public Administration Review*. May — Jun., 1988. Vol. 48. No. 3. P. 694–699. *Watson Douglas J., Hassett Wendy L.* Career Paths of City Managers in America's Largest Council-Manager Cities // *Public Administration Review*. Mar. — Apr., 2004. Vol. 64. No. 2. P. 192–199. *Watson Douglas J., Hassett Wendy L.* Long-Serving City Managers: Practical Application of the Academic Literature // *Public Administration Review*. Sep. — Oct., 2002. Vol. 62. No. 5. P. 622–629.

Вместо исследования биографий **институциональный** подход концентрируется на формальных и неформальных институтах, предопределяющих попадание политического актора на властные позиции. Примерами формальных практик могут являться установленные сроки пребывания у власти и другие требования для попадания на политический пост. Примером неформальных практик могут быть личные связи между политиками, а также участие в важных для страны войнах. В качестве примера такого исследования может служить анализ неформальных практик рекрутации итальянских министров, осуществленный известным французским политологом М. Доганом¹.

В свою очередь **исторический** подход описывает каналы рекрутации политических элит с помощью исторических причин. Как правило, в подобных исследованиях сравниваются модели рекрутации элит в одной стране при разных политических режимах. Классическим примером такого исследования является работа Н. Томиты, Х. Ваервальда и А. Накамуры, посвященная анализу карьерных траекторий японских министров с 1885 по 1980 г.², где исследуются четыре периода рекрутации: с 1885 г., когда в истории Японии появился первый кабинет министров, по 1918 г., межвоенный период, первые годы после оккупации со стороны США и, наконец, последующие годы.

По мнению автора доклада, самым распространенным подходом является карьерный. В то же время в рамках институционального подхода речь может идти о неформальных практиках, которые часто помогают понять реальные каналы рекрутации элит. Однако, как правило, в исследованиях совмещаются несколько подходов, что позволяет более полно проанализировать каналы рекрутации.

Н. А. Заусаева
Барнаул

О МОРАЛЬНОЙ СЛАБОСТИ В РОССИИ

Известный итальянский политический философ Маурицио Вироли в своей работе «Свобода слуг» обсуждает злободневную проблему современной Италии, которая сродни болезни, и называет ее моральной слабостью. В чем заключается этот недуг? По словам автора, под мораль-

¹ *Dogan M.* La Selection des Ministres en Italie. Dix Règle Non-Ecrites // *International Political Science Review*. 1981. Vol. 2. No. 2. P. 189–209.

² *Tomita N., Baerwald H., Nakamura A.* Prerequisites to Ministerial Careers in Japan 1885–1980 // *International Political Science Review*. 1981. Vol. 2. No. 2. P. 236.

ной слабостью он понимает «то, на что указывали многие политические авторы, а именно недостаток самоуважения, который порой маскируется под высокомерие, заставляет мириться с зависимостью от других людей»¹. Данный недуг хорошо знаком отечественному исследователю не понаслышке. В нашем обществе моральная слабость приобрела хронический характер. И как всякая хроническая болезнь, время от времени обостряется, становясь фактором деградации общества, несмотря на наличие свободных институтов, конституции и других атрибутов цивилизованного общества. В преодолении ее важно обращать внимание не только на анализ этой проблемы отечественными исследователями, но и на опыт ее осмысления и решения в других странах.

Недостаток самоуважения в нашем обществе часто рассматривался как отсутствие чувства достоинства у людей или граждан. Так, известный консервативный философ И. А. Ильин в своих работах видел истоки российских проблем в отсутствии или утраты у людей, чувства собственного достоинства, указывая, что «гражданин, лишенный этого чувства — политически недееспособен; народ, не движимый им, обречен на тяжкие исторические унижения»². Одним из средств лечения этого недуга он считал частную собственность. Не удивительно, что реформаторы в успешно модернизирующихся странах в качестве первоочередной меры предусматривали вернуть человеку его частнособственнические мотивы, ограничив их правом. Так было в послевоенной Германии, Сингапуре Ли Куан Ю, Китае Дэн Сяопина.

Большую роль в обретении собственного достоинства И. А. Ильин, М. Вирولي и другие мыслители отводят повышению уровня образованности и осведомленности населения, улучшению качества правящего меньшинства. Почти крылатой стала фраза о том, что модернизация начинается с реформы образования. Теоретик и практик французской модернизации М. Крозье утверждал, что невозможно и аморально пытаться изменить человека, но можно помочь ему измениться самому. Именно эту цель преследовала иницилируемая им реформа образования во Франции, призванная сформировать у детей уважительное отношение к частной собственности, терпимость к членам общества, уважение к нормам³.

Модернизирующиеся страны Востока эту задачу решали не только в ходе реформы образования, но и через организацию обучения молодежи в западных странах (Китай, Южная Корея, Казахстан и другие). Этим путем они одновременно повышали уровень образованности и качество своей элиты.

¹ Вирولي М. Свобода слуг. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 8.

² Ильин И. А. Аксиомы власти. // Новое время. 1990. № 10. С. 40.

³ Комоцкий Б. О. Мишель Крозье как политолог // Социально-политические науки. 1990. № 9. С. 97.

Особый интерес вызывает анализ Е. Галкиной факторов формирования позитивного отношения к демократии и чувства собственного достоинства в арабском мире. Описывая феномен «революции достоинства», наиболее ярко проявившейся в Тунисе, она отмечает влияние канала «Аль-Джазира», который в 90-е годы привлек внимание населения тем, что вызывал доверие, давал критический анализ социально-экономической и политической ситуации и «принципиально не занимался откровенной ложью и манипуляцией, разговаривая со зрителем как с достойным собеседником»¹.

В конце нулевых годов, когда президент Д. А. Медведев объявил в России очередной модернизационный виток, сторонники модернизации спорили о том, с каких преобразований следует начинать — экономических или политических. В середине десятых годов проблема модернизации вновь актуализировалась и стала предметом обсуждений. Декан экономического факультета МГУ А. Аузан обозначил подход, делающий акцент на социокультурном факторе как основе экономических и политических перемен: «Институты, как и стандарты, определяют выбор траектории, а устойчивой колеей ее делает культура»².

Сегодня крайне важно определить те опорные точки, с которых следует начинать преобразования, а не концентрировать свое внимание только на смене власти. Новая элита без глубоких трансформаций на ментальном уровне не проведет успешной модернизации, даже если будут изменены существующие институты. Поэтому важно обобщать опыт успешных политических трансформаций с точки зрения поиска механизмов, гарантирующих преодоление моральной слабости в нашем обществе, выявлять и успешно преодолевать препятствия в этом процессе.

¹ Галкина Е. Снять проклятие деспотии // Новая газета. 2014. 10 ноября.

² Аузан А. Эффект колеи. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://postnauka.ru/longreads/35754>.

А. Л. Зверев
Москва

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИЗАЙНА ПРЕЗИДЕНТСТВА ПУТИНА 3.0

В политическом восприятии институционального дизайна президентства Путина 3.0 можно выделить ряд наиболее характерных изменений, произошедших в последние годы:

■ *во-первых*, изменение конституционных сроков полномочий президента и Государственной Думы РФ. Последние изменения в сроках властных полномочий можно считать свидетельством признания существующей плюралистичности (неоднородности) российской политической системы, вызванной наличием в политической культуре большого пласта этноконфессиональных, социокультурных, идеологически сориентированных сегментов общества, что часто приводит к электоральной риторике надвигающейся катастрофы при смене властных элит на оппозиционные, в результате чего политический курс страны может кардинально поменяться¹. Поэтому обоснование увеличения сроков полномочий президента и Госдумы в 2008 г., по мнению тогдашнего Президента РФ Д. А. Медведева, заключалось в возможности «президенту и Госдуме не только определить направления дальнейшего развития страны и начать осуществление намеченных целей, но и во многом реализовать задуманное в течение одного срока полномочий»², чтобы успеть выработать механизм реализации избранного курса, а также начать процесс его реализации;

■ *во-вторых*, очередное изменение избирательной системы представительных органов власти: в сегодняшних политических реалиях произошел откат к первоначально существовавшей смешанной избирательной системе депутатов Госдумы, когда часть из них будет избираться по партийным спи-

¹ Подтверждением этого является контент, всплывающий, особенно на выборах президента, что если к власти придет оппозиция, страна окажется, на грани катастрофы. Яркое подтверждение этому контент президентских выборов 1996 г. и 2012 г. В публичном дискурсе современной российской политики также сформировались выраженные идеологические течения: провластное, коммунистическое, либерально-демократическое, национал-патриотическое и в последние годы социально-демократическое (партия «Справедливая Россия»).

² См.: Госдума одобрила в первом чтении законопроект об увеличении срока полномочий президента России с 4 до 6 лет. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.audit-it.ru/news/others/173736.html>.

скам (пропорциональная система), а другая непосредственно от избирателей в округах. Постоянная смена избирательной системы представительных органов власти приводит к уменьшению компетенции граждан о порядке избрания своих представителей во власть и об имеющемся функционале своих избранников в парламенте, что приводит к снижению интереса к деятельности депутатов и к органу власти, который они представляют;

■ *в-третьих*, большие институциональные трансформации произошли в партийной системе: события осени 2011 — весны 2012 гг. показали, что существующий депутатский корпус Госдумы не отражает весь спектр общественных интересов и мнений в стране и потому в декабре 2011 г. объявлена либерализация институционализации политических партий, которая значительно смягчила требования как для регистрации общественно-политических движений в партии, так и упростила процедуру принятия ими участия в выборных практиках, что привело к пестроте партийного ландшафта. Для избирателей подобная пестрота лишь усиливает их когнитивный диссонанс в определении их политико-партийной ориентации, что опять-таки снижает их уровень компетенции в выявлении значения партийной системы как выразителя их общественно-политических интересов;

■ *в-четвертых*, институциональные изменения коснулись взаимоотношений верховной и региональной власти: в период президентства Путина 3.0. в институциональном плане предложена компромиссная модель определения главы региональной властной элиты, основанной на солидарной ответственности населения региона, которое напрямую теперь избирает главу региона и федерального Центра, который в лице президента, может осуществлять консультации с потенциальными соискателями поста главы региона, а уже в рамках осуществления своих полномочий верховная власть проводит недавно введенный мониторинговый анализ эффективности деятельности руководителя региона.

■ *в-пятых*, трансформации институциональных рамок функционирования коснулись и органов местного самоуправления: в последние годы институциональные изменения коснулись и формирования администрации местных органов власти, когда повсеместно стала внедряться рекомендуемая практика выборов мэров городов из числа депутатов городских собраний, а главой городской администрации становились наемные сити-менеджеры, которые также утверждаются городским собранием депутатов. Тем самым размываются властные полномочия руководителей местных органов власти, и они, в последнее время, все чаще стали попадать в зависимость от руководства региона.

Таким образом, существующий формат институциональных рамок современной российской политики во многом определяет характер ее восприятия на уровне массового сознания, задавая во многом когнитивное содержание усвоенного политического образа.

О. В. Зиневич
Новосибирск
А. В. Мирча
Осака

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РОССИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В фокусе доклада вопрос о специфике осуществления государством политики гендерного равенства в различных социокультурных средах. С этой целью анализируется содержание социальной политики государства в России и Японии — странах, где в ходе модернизации в определенные исторические периоды государством активно проводилась и/или проводится политика, направленная на укрепление эгалитарного «гендерного контракта». Социокультурные особенности проявления гендерного равенства (неравенства) зависят как от традиционных ценностей, норм и правил поведения, поддерживающих патриархальную иерархию, так и от способов усвоения эгалитарных идей и практик, привнесенных из иной социокультурной среды. Этот процесс описывается понятием «культурная глобализация», что означает универсализацию и перенос западных демократических ценностей, норм и правил на иную социокультурную почву¹.

Эгалитаризация гендерных отношений в ходе культурной глобализации зависит от политики государства в сфере занятости. Следует отметить, что сохранение традиционного разделения труда, когда мужчине принадлежит публичная сфера деятельности, а женщине — приватная, сопровождает процессы модернизации. Так, в Японии традиционное разделение сфер деятельности на публичную и приватную получило новый импульс во время бурного экономического роста 60-х гг. Мужчина работал на фирме тяжело и допоздна, а за территорию дома отвечала жена-домохозяйка. В отличие от СССР, зарплаты мужа хватало на содержание семьи (модель с одним кормильцем) и не было проблемы «двойной нагрузки» женщин как скрытой формы неравенства. Политика российского государства по превращению женщин в «трудовой ресурс» привела к существенному увеличению загруженности женщин (двойная нагрузка «работающей матери»). Востребованность женщин как «трудового ресурса» подкрепляла государственную риторику равенства полов, но в реальной жизни воспроизводились патри-

¹ Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона / Пер. с англ. В. В. Сапова. М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.

архальные ценности и практики «двойных стандартов». Политика равенства мужчин и женщин в советском и российском обществе имела ряд особенностей, которые способствовали утверждению гендерных укладов, причудливых сочетаний в себе ценности гендерного равенства и патриархальности¹.

В советский и постсоветский периоды государство неоднократно демонстрировало свою приверженность к возвращению традиционных ценностей. В то же время, провозглашенные на заре советской власти и юридически закрепленные принципы гендерного равенства, которые были заимствованы из идеологии феминистских движений, официально не пересматривались и эклектично встроены в традиционалистский дискурс о будущем российской семьи. В Японии государство более последовательно проводит в жизнь принципы эгалитаризма и способствует увеличению участия женщин в публичной деятельности, решению проблем неоплачиваемого домашнего труда и привлечения мужчин к домашним видам деятельности. Существует множество различных программ увеличения роли женщин на японском рынке труда. При этом патриархальные традиции семейного уклада, следы которых отчетливо прослеживаются в семейных отношениях, по-прежнему сохраняют свое значение в повседневных практиках. В качестве примера можно привести распределение ролей в малом семейном бизнесе. Существуют заметные различия во внутрисемейных «бизнес-статусах» мужчин и женщин. Статистические данные свидетельствуют о том, что количество мужчин, являющихся владельцами и главными менеджерами семейных предприятий явно превалирует над количеством женщин. Любопытно, что там, где женщина руководит семейным предприятием, мужья предпочитают работать вне дома. Складывается образец такого домашнего бизнеса, в котором работают в основном мать, жена и дети. Так мужья избегают главенства жен в делах, связанных с благосостоянием семьи, и где они не могут быть на первых ролях².

Таким образом, последовательность (или непоследовательность) эгалитарной политики государства может способствовать появлению новых, как конфликтующих, так и бесконфликтных способов сочетания эгалитарности и традиций в повседневной практике, что зависит от специфического для каждого общества способа соединения «своих» и «чужих» ценностей³.

¹ Задворнова Ю. С. Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции. Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 51–58.

² 深沼光、藤井辰紀「小企業における家族従業員の実在意識」『日本政策金融公庫論集』第20号、2013年、59頁 (Фуканума Х., Фудзии Т. Роль домохозяек в развитии малого бизнеса. Сборник финансовой корпорации Японская политика. 2013. № 20. С. 59.)

³ Zinevich O. V., Mircha A. V. The role of the institute of education in transforming gender relations under the conditions of cultural globalization in Japan. Journal of Philosophy of Education. 2010. Special issue № 3. P. 145–155.

М. С. Зинченко
Пятигорск

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА РУССКИХ МУСУЛЬМАН И РУССКОГО ИСЛАМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ РУССКОГО МЕНТАЛЬНОГО КОДА

С самого начала постсоветской эпохи стала претворяться в жизнь идея отказа от собственного общественно-политического опыта. По замыслу модернизаторов, новое государство должно было превратиться из отстающего и находящегося на обочине мирового прогресса аутсайдера, в демонстрирующего постоянный экономический рост фаворита. Однако подобный эксперимент не увенчался успехом. Эксперты обратили внимание на серьезный разрыв между трансплантируемыми извне принципами организации жизни и политико-психологической анатомией внутреннего мира страны-реципиента. Анализ стандартных для теорий модернизации и транзита кризисов развития начал постепенно уступать место исследованию *кризиса менталитета*. Одной из центральных тем при этом стала проблема трансформации ментального кода.

Под *ментальным кодом* мы понимаем ценностно-смысловое ядро культуры, выражающее уникальное своеобразие и определяющее действие механизмов ее исторического развития. Именно благодаря ему происходит синхронизация различных семиотических и динамических конфигураций менталитета, возникающих в навыках духа и пронизывающих все сферы человеческого сознания и подсознания, формируются смысл и образ индивидуального и коллективного существования.

В условиях общественно-политических трансформаций, делающих смысл и образ жизни ценностно неопределенными, возник острый кризис менталитета у русских. Его опасность сопряжена не только с перспективой исчезновения в ходе модернизации отдельных специфически русских черт. Кризис менталитета вполне способен повлечь за собой появление новых поколений, не идентифицирующих себя с духовным наследием и культурой России. При этом может возникнуть химерическое ментальное образование с отрицательной формулой гуманности.

Сегодня одну из таких «ментальных перспектив» часто связывают с активизацией процессов исламизации русского населения и появлением таких феноменов как русские мусульмане, русские исламисты и русский

национальный ислам. Дело в том, что глобальные процессы активной исламской экспансии, происходящие во всех частях света, вышли за групповые рамки тех, кого принято называть этническими мусульманами. Появились т.н. неофиты — новые приверженцы ислама.

Неофитов объединяет то, что все они проходят через сложный этап модификации смыслов, чувств и ценностей. Прежде всего, это связано с коренным изменением принципов организации их личного жизненного пространства, требующих, как правило, разрушения или существенного пересмотра естественных связей с прежним физическим и социальным окружением.

Для России вопрос неофитства является таким же серьезным, как и проблема радикализации мусульман. Во многом это связано с тем, что самой распространенной формой ислама, которую принимают русские, стал нетрадиционный для России ислам. Он отличается высокой степенью политизированности и экстремистской поведенческой установкой своих adeptов. Мета-идей является стремление к созданию глобального исламского теократического государства — Халифата. Конкретной целью в России — изменение существующего политического строя посредством ведения против государства религиозной войны — джихада, а также тотальной шариатизации всех сфер общественной жизни.

Параллельно данным процессам, предпринимаются не менее активные попытки сформировать самобытный русский национальный ислам, объединяющий в своих границах неофитов, не желающих не только «отатариваться» или «окавказиваться», но и растворяться в салафитском интернационале.

Сегодня можно выделить главным образом следующие версии русского ислама: «марксистский ислам» и «арийский ислам».

Первый рассматривает ислам в качестве разновидности леворадикальной доктрины освобождения угнетенных масс от капиталистического диктата. По мнению левых, революционно-политическая идеология ислама также способна противостоять сложившемуся в России «режиму силовиков».

Второй объединяет ислам с русским национализмом. Здесь ислам выступает в качестве праворадикального проекта возрождения русской нации и белой расы с соответствующим критериальным подходом к формированию новой идентичности. Речь идет об особом пути «продвинутых русских европейцев-мусульман», видящих в исламе духовно-идеологическую альтернативу как мировому злу, так и «путинско-поповскому режиму».

Все указанные процессы демонстрируют не просто динамику русского менталитета. Речь идет о смене русского ментального кода, а значит о качественной трансформации ценностно-смысловых ориентаций русского человека и общества. Менталитет стал предметом ожесточенной политической борьбы. И для того чтобы в ней выстоять, необходимо помнить — лю-

бой сценарий общественно-политического развития обязан обеспечивать преемственность ценностно-смысловой матрицы общества, сохраняющей целостность и положительную динамику его менталитета. В связи с этим ответ на вызов деструктивной исламизации необходимо искать в плоскости *ментальной безопасности*.

Д. Ю. Знаменский
Люберцы

СИСТЕМНО-ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Несмотря на видимую стабильность, российская политическая система в настоящее время динамично развивается. Особое значение данные тенденции приобретают в контексте исследования процессов формирования и реализации государственной политики.

Думается, что с позиции политической науки последнюю целесообразно трактовать не как одностороннюю деятельность государства, его органов и должностных лиц, а как результат взаимодействия государства, институтов гражданского общества и других заинтересованных структур. Развивая данную мысль, отдельные ученые рассматривают государственную политику как процесс решения общественно-значимых проблем, включающий формирование рабочих сетей, в которых взаимодействуют государство и гражданское общество¹.

В соответствии с внутренней логикой самой государственной политики целесообразно предположить, что она имеет как минимум три измерения: пространственное, временное и технологическое. Первое сопряжено с областью осуществления политики, а также с политическими институтами и органами власти, задействованными в этом процессе. Второе предполагает выделение ряда этапов жизненного цикла государственной политики, а именно ее формирования, реализации и оценки ее результативности. Третье означает ключевую роль технологий взаимодействия общества и государства в рассматриваемых процессах. Подобный подход можно назвать системно-динамическим².

¹ Подробнее см.: Гимазова Ю. В. Государственное и муниципальное управление: учебник для бакалавров / Под общей ред. Н. А. Омельченко. М.: Издательство Юрайт. 2013.

² См. также: Знаменский Д. Ю. Системно-динамический подход к исследованию процесса формирования и реализации государственной политики // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 104–106.

Конкретизируя содержание пространственного измерения государственной политики, следует отметить два важных момента: 1) важную роль играют нормативно-правовые и концептуальные основы государственной политики, поскольку они задают ее основные направления и методы их реализации; 2) необходимо заострить внимание на ее институциональных основах, т.е. на системе органов государственной власти и заинтересованных политических институтов, участвующих в разработке и реализации государственной политики.

Рассматривая временное измерение государственной политики, следует различать участие различных политических институтов на стадиях формирования политики, ее реализации и оценки. При этом думается, что в настоящее время участие партий и общественно-политических движений в процессах формирования государственной политики часто носит формальный характер, но значение указанных структур возрастает на стадиях ее реализации и оценки.

Технологическое измерение государственной политики сопряжено с комплексом методов взаимодействия общества и государства на всех этапах осуществления государственной политики.

В настоящее время известны две модели интеграции интересов гражданских групп в политический процесс: а) экспертно-бюрократическая (в государственном аппарате действуют структуры, занимающиеся анализом кластеров гражданских интересов); б) демократического участия (гражданские организации агрегируют свои предложения и оценки, влияя на формирование государственной политики извне)¹. Схожую точку зрения озвучивал В. В. Лобанов², выделяя три основных подхода к определению приоритетов государственной политики. В рамках *политического подхода* государственная политика складывается как суммарный результат сложной политической «игры» разнообразных субъектов, действующих на общественной арене³. При использовании *субъективного подхода* приоритеты выбираются в результате субъективного решения, в основе которого лежит разрыв между определенными стандартами с одной стороны и восприятием существующей ситуации со стороны лиц, принимающих решения, — с другой. В рамках *объективного подхода* применяется набор количественных показателей, позволяющих более объективно подойти к вопросу определения приоритетов политики⁴. Вместе с тем практика показывает,

¹ Donaghy T. Applications of Mainstreaming in Australia and Northern Ireland // International Political Science Review, Vol. 25. № 4. October 2004. P. 408.

² Лобанов В. В. Основы государственной политики / Уч. пособие. М.: ГУУ. 2011. С. 88–89.

³ Публичная политика в России: По итогам проекта «Университет Калгари — Горбачев-фонд». М.: Альпина Бизнес Букс. 2005. С. 21–22.

⁴ См.: Лобанов В. В. Указ. соч. С. 89.

что без взаимодействия с гражданским обществом, а также экспертным сообществом применение данного подхода может обернуться весьма неблагоприятными последствиями¹.

Резюмируя все вышеизложенное, думается, что системно-динамический подход может служить методологической основой для анализа любого направления государственной политики.

Ю. А. Зуляр
Иркутск

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ МАТРИЦА ДЛЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Среди комплекса значимых проблем смыкаются две: кризис высшего образования и поиск новых модернизационных драйверов территорий. По мнению автора, каждая из этих проблем является ключом для решения друг друга.

С момента своего возникновения университеты были «агентами преобразования мира». В модернизации университет участвует всегда и в любой стране. Сегодня ряд исследователей рассматривает современную роль университета с учетом трех взаимосвязанных аспектов: общества знания и образования; связи предпринимательства и высшего образования; общественного развития и высшей школы Система высшего образования становится интернациональным явлением. Этот процесс естественен и внутренне мотивирован, сообщество ученых не должно разделяться национальными границами, поэтому интернационализация — это шаг в направлении открытой науки

Перспективным трендом представляется переход ВПО на систему пожизненного обучения. В ее основе лежат объективные процессы быстрого старения знаний, полученных в вузе. Роль преподавателя и его деятельность становятся более диверсифицированными и специализированными. Просматривается замена института штатных преподавателей на систему ежегодных контрактных наборов на образовательные направления.

Высшее образование будущего мыслится как открытый процесс, происходящий не только в стенах учебных заведений и не только под руководством преподавателей-профессионалов. Кроме научно-образовательной миссии в современном развитии ВПО просматривается усиление исследова-

¹ См. также: *Знаменский Д. Ю.* Государство и гражданское общество в процессе формирования приоритетов государственной научно-технической политики // *ВВ: проблемы общества и политики.* 2013. № 10. С. 1–17.

довательно-креативной функции университета. Вуз становится не только центром образования и научных исследований, но и источником инноваций в социально-экономической и политической жизни. Его важнейшей функцией определяется проектирование эффективной инновационной модели развития территории или страны.

Сущность процесса инноваций состоит не в трансформации политических или технологических конструкций, а в изменении практик и привычек людей. Социальная инновация — это рост новых форм жизни.

На фоне глобальных трансформаций, перед российскими университетами стоит задача эффективного ответа на ряд страновых и локальных вызовов. В частности, — региональная квота на бюджетные места в вузах; — превращение университетов в региональные центры инновационного развития территорий и региональных сообществ.

В целях повышения качества и объективности процесса формирования региональной квоты, университеты должны создать свою, альтернативную государственной, систему мониторинга потребностей территории в специалистах.

Решение этой задачи возможно через создание системы прямых рамочных договоров о сотрудничестве вуза с администрациями всех территорий региона. Договоры должны включать в себя пакет предложений по предоставлению информационных, образовательных, исследовательских и др. услуг территориям.

Создание этой системы позволит ответить и на второй вызов. Мониторинг состояния территорий на предмет их рынка труда, структуры и качества социальных коммуникаций, позволит объективно выявить текущую и перспективные потребности в специалистах. Эти согласованные с администрациями территорий данные позволили бы правительству региона знать реальное положение дел в районах и городах, с точки зрения запроса бюджетных мест у Центра, а так же возможные адресаты для переселенцев и рекрутинга.

Во всем мире наблюдается кризис традиционных политических институтов. Традиционная система управления территориями со стороны государственных органов и структур местного самоуправления демонстрирует свою неэффективность, а главное неспособность к инновациям.

С другой стороны политические партии теряют популярность у населения, находятся в состоянии идейного кризиса, что приводит к появлению партий-гибридов, обслуживающих интересы малых групп. Социально-политические процессы постиндустриального периода требуют появления новых и иных институтов, драйверов социального прогресса.

В рамках современного государственно организованного социума, сформировались и действуют системы (матрицы) управления, состоящие из двух сетей — государственно-административной и группно-партийной. В начале

XXI в. ясно, что они уже не способны эффективно управлять усложнившимися и сверхкоммуникативно организованными территориальными, национальными и глобальным социумом. Необходима еще одна сеть управления.

Проводимые попытки реформирования высшей школы бесперспективны, затратны и представляют напрасное потребление ресурсов: финансовых, организационных, интеллектуальных и репутационных. Причина в том, что университеты заставляют перестраиваться исходя из индустриальной парадигмы, что является цивилизационным отставанием.

Университеты должны, и им в любом случае предстоит выйти из «башни из слоновой» кости, перестать бороться за свою автономию, и превратиться в локомотивы социального прогресса.

Речь не идет о революции и революционных изменениях. Но о проведении таких инноваций, в ходе которых не ломается форма, не подвергается ревизии содержание, а процессу придается иное направление и скорость.

Ю. В. Иванишкина
Москва

ПРОБЛЕМЫ ВИЗУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Визуальная революция, в результате которой экранная культура пришла на смену знаковой и письменной, значительно поменяла восприятие людей, оказывая влияние на все сферы общественной жизни, в том числе на политику и политическую культуру.

Визуальное содержание современной культуры настолько велико, что впервые в мировой истории определяет сознание значительного количества людей. В той или иной степени вся современная молодежь воспринимает мир через визуальные образы, которую создают жизненную реальность современного человека (СМИ, телевидение, кино, Интернет, мобильные телефоны, презентации, спутниковое наблюдение). Со временем влияние визуальных средств на все социально-политические процессы будет лишь возрастать. При этом междисциплинарная проблема визуальной культуры до последнего времени развивалась преимущественно в рамках культурологических исследований, будучи слабо разработанной в российской политологической науке.

Являясь производной массовой культуры США, визуальная составляющая доминирует и в политической культуре Запада. Доказательством этого служат феномен *CNN* изации политики, значительное превалирование визуального ряда над текстовым содержанием интернет-ресурсов

ведущих западных партий, активное применение визуальных технологий в избирательных кампаниях¹. Преимущества визуальных образов неоспоримы — это скорость восприятия, и универсальность изображений (визуальность — идеальный язык для глобализации).

В то же время вся классическая культурная традиция создана в русле письменной цивилизации. Осторожное отношение к изображениям в традиционных религиях (иудаизм, ислам, христианство) не случайно и обосновывается тем, что обманчивость визуального может привести к искаженному пониманию сути явления и осквернить его.

Визуальные образы могут способствовать созданию конфликтов, их определенной интерпретации, визуальной дегуманизации врага, и в итоге стать катализатором насилия. Особенную опасность представляют современные технические возможности визуальной манипуляции. Этической проблемой, вызванной широкой распространенностью визуальных образов страдания, является массовое привыкание к насилию и так называемое выученное равнодушие.

Особая значимость визуальных стратегий для западной политической практики подтверждается количеством учебных курсов и исследований по визуальной составляющей современной политики². Визуальные технологии широко применяются в акциях политической оппозиции (перформансы, флешмобы), в политической критике, зачастую ведущей к дестабилизации общества (политические карикатуры). Визуальные технологии сыграли решающую роль в подготовке и проведении цветных революций и легитимации целого ряда военных интервенций.

При помощи визуальных образов можно упростить любую проблему и усилить существующие стереотипы, но крайне трудно проанализировать наиболее сложные для понимания системные политические процессы. Раскрытие причинно-следственных связей международных конфликтов требует качественной экспертной аналитики, так как подавляющее большинство международных политических конфликтов невозможно понять вне знания исторического, экономического, религиозного и др. контекстов.

¹ GOP/Official website of the Republican party. URL: <https://gop.com/>; Democrats\Official website of the democratic party. URL: <http://www.democrats.org/milestones>; Notre filiation historique: l'esprit de résistance\Le site officiel du mouvement social MPF. Mouvement pour la France. URL: <http://www.pourlafrance.fr/charte-du-mpf-html/>; St George's Day\Official website of the englishdemocrats party. URL: <http://www.englishdemocrats.org.uk/policies/st-george-s-day.html>.

² *Observant states: geopolitics and visual culture*. Ed. by: F. MacDonald, R. Hughes, K. J. Dodds. London. 2014; *Sensible politics: the visual culture of nongovernmental activism*. Ed. M. McLagan, Y. McKee; Visual Politics Research Cluster. School of Political Science and International Studies The University of Queensland Australia. URL: <http://www.polsis.uq.edu.au/visual-politics-research-cluster>.

Таким образом, для понимания сложных геополитических моделей и сущности цивилизационных конфликтов необходимо сохранение и развитие традиционной для России письменной культуры. Данная задача особенно актуальна для современной России, являющейся объектом информационных атак и провокаций.

В то же время визуальные технологии могут являться эффективным средством защиты от информационных угроз. Например, активисты израильского правозащитного движения «Бецелем» успешно реализуют визуальную тактику противодействия информационной стратегии мировых СМИ по освещению палестинского конфликта, предоставляя палестинцам камеры для фиксации нарушений прав человека в рамках проектов гражданской журналистики¹.

Таким образом, сохранение словесной культурной традиции и овладение визуальными технологиями и контртехнологиями необходимо России для противодействия визуальной информационной экспансии и улучшения визуального имиджа России в современном мире.

*А. А. Иванова
Тула*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ С ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИЕЙ В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В современном политическом пространстве политические технологии выступают неотъемлемой частью политики и политического процесса. Программатика партий, заложенная в переговорном процессе власти и общества, формирует политическое сознание граждан, гармонизирует их интересы и разрешает возникающие противоречия. В политическом дискурсе политические технологии представляют собой сумму целенаправленных, последовательных действий для достижения конкретного результата. Программы политической партии позволяют на основе текстовых структур, отражающих позицию партии по тому или иному вопросу, транслировать целевой группе требуемое алгоритмизированное политическое действие.

¹ *Simons J.* Documentation and Donations: B'Tselem's cameras \ The visionmachine. Media war peace. URL: <http://thevisionmachine.com/2015/01/documentation-and-donations-btselems-cameras/>.

Идеи, социально-экономические и политические программы предлагаются в программатике сообщениями, состоящими из ключевых слов, представленных ценностными и ассоциативными ярлыками и словами-лозунгами.

Ключевые слова позволяют создать концентрированный образ за счет апеллирования к эмоциональной составляющей массового сознания: гордости, великодушию, доброте, свободе, справедливости, согласию, агрессии, выбору, обману, насилию, уважению, солидарности, героизму, мужеству и т.д. Тем самым создается эмоциональный катализатор.

Ценностные ярлыки заранее определяют предрасположенность группы к обсуждаемому явлению. Морально-нравственные ценности обычно заявлены в программатике следующими категориями: традиция, ответственность, гражданская активность, законопослушание, патриотизм, равенство, добровольность, народность, духовность, соборность, гармоническое развитие личности, народосбережение, духовное единение, сплоченность. Понятия демократии, политико-правового единства, мирового сообщества, государственных институтов, доверия населения к власти, национальной безопасности, социальных гарантий, самоуправления, либерализма, многопартийности представляют образ политических ценностей.

Ассоциативные ярлыки вызывают определенные образы в массовом политическом сознании. В их основе лежит опыт предыдущих исторических этапов. Данные ярлыки формируют такие понятия, как застойное прошлое, системный кризис, теневой сектор экономики, социальная напряженность, разрыв в доходах, бюрократизация, сельское хозяйство, агропромышленный сектор, правящий режим, социализм, консервация, распределение, общинность, коллективизм.

К словам-лозунгам обычно относят понятия западных ценностей, суверенитета, модернизации, экономического роста, национального достоинства, конкурентоспособности, ускоренного развития, державы, единства и целостности страны.

В зависимости от конкретной партии и ситуации использования положений ее программатике категории в рамках ключевых слов и словосочетаний могут менять функциональную и техническую нагрузку.

Позиции партии по насущным и глобальным вопросам, а так же их конструктивные ответы на них в программатике партий представлены тематическими сужениями: реформирование политической системы; защита конституционных прав и свобод; стабильный рост экономики; демографический кризис; возрастание влияния на международные процессы; снижение уровня коррупции; национально-государственные интересы; формирование справедливого мироустройства; экономика инновационного типа; мировое хозяйство; качество и уровень жизни граждан; реформирование системы государственного управления; укрепление партийной

системы; самодостаточность субъектов; рыночные законы; сбережение ресурсов; потребительское общество; качественное и структурное обновление; жилищно-коммунальная сфера; молодежная политика; диспропорция в территориальном развитии; трудовая миграция; защита территориальной целостности и суверенитета РФ; стабильность и последовательность в политике; общенациональная перспектива и т.д.

Представление в тексте ситуации, отражающей фрагменты действительности, требующей обсуждения и проявления позиции партии, сочетается со следующей техникой:

- вводными конструкциями критики, одобрения, рекомендации, признания;
- конструкциями с изъяснительными придаточными, констатирующими, субъектно-модальными и оценочными; конструкциями с местоимениями и глаголами второго лица («вы — аудитория»; «вы — аудитория и другие лица», «вы — оратор и аудитория»);
- обращениями как названием реальных и предполагаемых лиц;
- побудительными конструкциями (подумайте, согласитесь, считайте и т.д.);
- апелляция к чувствам (священный долг, чувство долга).

Программатика политических партий позволяет оформить политическую позицию, а также результаты и перспективы взаимодействия политической партии и адресного сегмента общества. Сфера политического дискурса — это пространство обмена аргументированными позициями, предложениями на основе определенных правил, в результате чего предпринимаются действия для решения социально значимых. Таким образом, выступления политических лидеров партии в ходе переговорного процесса так же выступают политическими технологиями.

С. Ю. Иванова
Ставрополь

СИСТЕМА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Современная Россия переживает непростой исторический период, характеризующийся нарастанием кризисных тенденций в экономике, напряженностью в международных отношениях. Кризисные явления усугубляются идейным и ценностным вакуумом, образовавшимся на месте

былых установок и доктрин. Консервация подобного состояния чревата невозможной утратой многих отличительных черт российской цивилизации, прежде всего ее духовности. В сложившихся условиях особую важность приобретает процесс выработки ориентиров поступательного развития страны, формирования отвечающей реалиям повестки дня российского общества. Последнее не сможет развиваться, если не определит для себя систему ценностей, не осознает свои базовые потребности и интересы и не сформулирует четкую стратегию их защиты и реализации.

Национальные интересы — это основное ядро ценностей, которое нация-государство и каждый отдельный ее представитель бережет и стремится защитить любой ценой. Древнегреческий философ Фукидид отмечал, что идентичность интересов является самой надежной связью, как между государствами, так и между людьми¹.

Один из важнейших национальных интересов заключается в том, чтобы беречь и охранять свою территорию. «Русская национальная территория добыта кровью и трудом, волею и духом... Русский человек должен знать и любить просторы своей страны: ее жителей, ее богатства, ее климат, ее возможности так, как человек знает свое тело, так, как музыкант любит свой инструмент; так как крестьянин знает и любит свою землю»².

Отстаивание национальных интересов и ценностей российской цивилизации — важный фактор успеха страны в служении интересам народа, их продвижении в процессе творческого взаимодействия и противоборства цивилизаций, культур, народов. Сохранение народа, сбережение и укрепление его здоровья, предотвращение депопуляции, поддержание его психологического здоровья на необходимом уровне — главный национальный интерес, отстаивать который должно государство.

Мировой опыт показывает, что успешные страны основывают свою политику на учете особенностей своей цивилизации, исходят из них. В России же одной из главных проблем, тормозящих формирование общенационального консенсуса на основе осознанных национальных ценностей и интересов, является имущественное расслоение. Граждане России в условиях падения производства испытывают постоянную тревогу, неуверенность в завтрашнем дне. В то время как взаимосвязь свободы с материальным, политическим, моральным статусом гражданина очевидна. «Нельзя требовать чувства собственного достоинства от забитого, приниженного человека», — писал В. Строганов³. Это утверждение подтверждается многочисленными примерами из социальной действительности постперестроечной России.

¹ Цит. по Цицерон. Диалоги: «О государстве», «О законах» / Под. И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн, С. Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994. С. 56–58.

² Ильин И. А. Собр. соч. М., 1993. Т. 1. С. 207.

³ Строганов В. Русский национализм. Его сущность, история и задачи. СПб., 1912. С. 21.

Рассмотрение проблемы национальных интересов не может быть полным без обращения к ее международному аспекту. По мнению сторонников этого направления, для обеспечения процветания государства главную роль в выработке стратегии его развития должны играть не политические и идеологические пристрастия, а постоянно действующие факторы географического, пространственного положения страны. В сложившихся международных реалиях наиболее остро ощущается необходимость решительной и эффективной защиты национальных, государственных интересов России.

В России еще не удалось обозначить четкие векторы поступательного движения и задать систему ценностных ориентиров, выйти за рамки текущего переходного периода. Однако можно утверждать, что в систему национальных интересов и ценностей должны войти следующие компоненты:

- поддержание национального единства России;
- сохранение статуса субъекта, обладающего правом влияния на ход мировой политики;
- справедливое общественное устройство, способствующее обеспечению прав и свобод личности, предотвращение крайней социальной дифференциации;
- национальное согласие, возможное при объединении большинства вокруг национальной идеи;
- незыблемость границ политического, экономического и духовного пространства России;
- защита цивилизационной идентичности, национальной самобытности, социокультурных ценностей, этносоциальных архетипов российского социума; органичность общественных и государственных интересов;
- культура, наука и образование представляют собой приоритеты всей национальной политики, именно они могут стать основой национального возрождения.

Россия сегодня — это великая держава, которая временно переживает значительные экономические, политические и иные трудности, вызванные изменениями в ее геоэкономическом и геополитическом положении. Но ее перспективы по многим основным аспектам не столько проблематичны, как того хотелось бы противникам (как зарубежным, так и отечественным) великодержавной России.

ПОНЯТИЕ МИГРАЦИИ В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Миграция представляет собой явление глобальных масштабов, с новой силой, разворачивающейся на рубеже XX—XXI столетий под влиянием множества разнородных факторов. В современной отечественной научной литературе представлено более сорока дефиниций миграции, содержащих различное смысловое наполнение.

Явления, связанные с миграцией, образуют сложный с содержательной точки зрения проблемный комплекс, требующий для своего осмысления и освоения междисциплинарных усилий. Названный комплекс порождает задачи демографического, экономического, социологического, психологического и др. свойства. В этом круге важное место занимает политологический ракурс познания, где миграция, в силу своей природы, не может не иметь значимости с точки зрения политической жизни общества.

В научных исследованиях о миграции проявились следующие основные подходы.

Демографический подход, в рамках которого делается акцент на анализ численности и половозрастную структуру перемещений населения.

Экономический подход ориентирован на исследование роли миграции в воспроизводстве человеческих ресурсов для экономического развития.

Юридическое направление фокусируется на правовом статусе различных категорий мигрантов и на разработке нормативной основы регулирования миграции.

Психологический подход вычленяет мотивы переселенцев, непосредственные побудительные силы миграции.

Социологический подход в центр внимания ставит способы социальной адаптации мигрантов, взаимоотношения личности мигранта и принимающего общества и т.д.

Политическая наука при изучении миграционных проблем переносит акцент на влияние территориальной мобильности населения на политические процессы, происходящие в государстве, на их значение для функционирования государственно-политических институтов.

В научной политологической литературе даются следующие определения «миграции». Представим некоторые из них:

Научный интерес представляет определение «миграции», данное Ю. Г. Ефимовым: «Миграция в политологическом понимании — это из-

менения политической реальности государства или региона под влиянием социальных перемещений населения или его части за пределы государства или административной границы на относительно длительный срок»¹.

Д. Е. Слизовский указывает: «С политологической точки зрения, все виды миграции и миграционной политики, хотя и в разной степени, могут рассматриваться как политические действия. Миграцию, только как политическое действие, *во-первых*, должно (можно) мыслить при всех обстоятельствах не как нечто самостоятельное, а как орудие политики. *Во-вторых*, именно такая точка зрения показывает нам, как различны, должны быть виды и типы миграции в зависимости от мотивов и обстоятельств, из которых они зарождаются»².

Таким образом, политологические подходы основываются на том, что миграция является социальным процессом перемещения населения, оказывающим влияние на политическую реальность государства.

Мы предлагаем рассматривать миграцию как фактор, оказывающий существенное воздействие (при достижении определенных социально-демографических и экономических масштабов и параметров, а также этно-культурных измерений) на политический процесс в условиях «принимающей стороны». Политический процесс характеризуется конкретным порядком взаимодействия его компонентов и разными темпами на каждой из своих стадий. Поскольку, с одной стороны, он определяет динамику политической жизни как «принимающего», так и «отдающего» общества, то есть происходит политизация миграционного процесса. Политика является сферой, в которой принимаемые решения воздействуют на все подсистемы общества и процессы в нем (в том числе и миграционные), что приводит к появлению политического компонента у миграционного процесса.

Можно сказать следующее:

- *Во-первых*, в исследовании миграции важное место занимает политологический ракурс познания, так как миграция, в силу своей природы, не может не иметь значимости с точки зрения политической жизни общества.
- *Во-вторых*, миграция несет с собой социально-политические эффекты для принимающей стороны, которые рассматриваются, с одной стороны, как ресурс, усиливающий демографический и трудовой потенциал, а, с другой стороны, как проблема и вызов для социальной и политической системы принимающего общества.

¹ Ефимов Ю. Г. Политическая миграциология: миграционные процессы в контексте политологических проблем. М.: АНМИ, 2005. С. 62.

² Слизовский Д. Е. Национальная безопасность и миграционные процессы: концептуальные аспекты проблемы // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Коллективная монография. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011. 672 с.

- *В-третьих*, миграционный процесс является частью политического процесса, возникающего вследствие территориального перемещения людей, имеет двойственный характер, который определяет динамику развития во всех сферах как «принимающего», так и «отдающего» общества.

Л. О. Игумнова
Иркутск

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ ИМПЕРСКИХ МОДЕЛЕЙ ЕВРОСОЮЗА И РОССИИ

Заметный акцент в научной литературе сегодня делается на изучении современных империй и их роли в международных отношениях. Ряд европейских исследователей предприняли попытки выявить имперские характеристики ЕС и других международных акторов¹. Концепция империи стала новой оригинальной исследовательской парадигмой, позволяющей по новому взглянуть на суть и содержание внешней политики отдельных стран и организаций.

Следуя логике концепции империи, автор тезисов проводит сравнительный анализ имперских моделей ЕС и России. По мнению автора, Брюссель и Москва руководствуются в своей политике имперской логикой, однако практикуют различные виды имперской политики, противоположные друг другу во многих отношениях. Эти факторы делают ЕС и Россию интересными объектами исследования и сравнения в рамках рассматриваемой концепции.

Общее двух моделей. Концепция империи предполагает, что Россия и Евросоюз разделяют общие имперские характеристики и отвечают основным критериям империй (отсутствие четких границ, зависимость по линии центр-периферия, наличие цивилизаторской миссии²).

ЕС и Россия обладают значительной территорией и, в то же время, не имеют фиксированных границ. Как следствие, в рамках империй нет чет-

¹ Zielonka J. Europe as a Global Actor: Empire by Example? // International Affairs. 2008. Vol. 84:3. P. 471–484; Zielonka J. The EU as International Actor: Unique or Ordinary? // European Foreign Affairs Review. 2011. Vol. 16:3. P. 281–301; Zielonka J. Empires and the Modern International System. Geopolitics. 2012. Vol. 17:3. P. 502–525; Laidi Z. The Normative Empire: The Unintended Consequences of European Power // Carnet Policy Brief. 2008. Vol. 6 (February). Paris: CERJ; Beck U., Grande E. Cosmopolitan Europe. Cambridge: Polity, 2007. 328 p.; Hettne B., Soderbaum F. Civilian Power or Soft Imperialism? The EU as a Global Actor and The Role of Interregionalism // European Foreign Affairs Review. 2005. Vol. 10:4. P. 535–552 etc.

² Zielonka J. The EU as International Actor: Unique or Ordinary?

кой дифференциации между инсайдерами и аутсайдерами, а также между внутренней и внешней политикой. Вследствие размытости границ, оба актора поглощены политикой в отношении своих ближайших соседей.

Выступая в роли метрополий, Брюссель и Москва устанавливают контроль над своей периферией посредством ее присоединения или различных форм военного, экономического, политического или культурного доминирования. Обе империи вмешиваются во внутренние дела формально независимых государств, пренебрегая такими принципами межгосударственных отношений, как суверенитет и территориальная неприкосновенность. Взаимоотношения центра и периферии характеризуются материальными и нормативными асимметриями.

Брюссель и Москва руководствуются имперскими миссиями по «оцивилизации» внешней среды. Цивилизаторские миссии имеют целью представить Россию и ЕС особенными, уникальными акторами, играющими позитивную роль на своей периферии и в мире в целом. Они призваны убедить окружающих в том, что политика метрополии движима добродетельными мотивами и благородными намерениями. Обе империи видят себя в качестве ключевых игроков, которые стремятся к миру, стабильности и многостороннему сотрудничеству.

Особенное. Несмотря на общие качества, империи все же не являются идентичными. Каждая из них обладает индивидуальным характером. Формы правления в России и ЕС, инструменты и механизмы, на которые они опираются в своей внешней политике, характер взаимоотношений центра и периферии — различны.

В европейской научной литературе ЕС характеризуется как «постмодернистская», «космополитичная», «нормативная», «неосредневековая» и «неимперская империя¹, для которой характерен особый стиль внешней политики. В отличие от империй XIX в., Союз основан не на «национальном размежевании и завоевании, а на преодолении национальных границ, принципе добровольности, консенсусе, транснациональной взаимозависимости и политических преимуществах, проистекающих из сотрудничества», — считают авторы концепции космополитичной империи².

Модель имперской политики Москвы контрастирует с моделью, реализуемой Брюсселем. Россия отвергает космополитичную этику, идеи универсализма и стирания национальных границ. Для современного российского подхода характерно отрицание понятия единого мирового сообщества, основанного на общих идеалах, духовном, культурном, ценностном единстве. Россия пытается играть роль традиционной великой

¹ Laidi Z. Op. cit.; Beck U., Grande E. Op. cit.; Mahony H. Barroso Says EU is an 'Empire' // Euobserver. 11.07.2007. URL: <http://euobserver.com/institutional/24458>. Accessed: 5.04.2015; Zielonka J. The EU as International Actor: Unique or Ordinary?

² Beck U., Grande E. Op. cit. P. 53.

державы и использует жесткие инструменты давления на периферию. Неудивительно, что Россия (наряду, впрочем, с другими имперскими акторами — США и Китаем) зачастую видится в качестве «другого» Европейского Союза, антиподом ЕС, его противоположностью.

Г. К. Исакова
Семей, Казахстан

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ГЛОБАЛЬНОЕ, РЕГИОНАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В постбиполярном мире в контексте глобальных трансформаций сегодня заметно возросла потребность в переосмыслении подходов к обеспечению международной, региональной и национальной безопасности. В условиях глобализирующегося мира ограниченная материальная и ресурсная база, скрытые противоречия, несогласованность в политике обеспечения региональной безопасности заинтересованных государств актуализировала поиск баланса между национальным интересом, региональной и международной безопасностью.

Рост глобальных проблем и рисков, транснациональные процессы и взаимозависимость государств усложняют процесс поиска и достижения такого баланса, вносят элемент неопределенности и определенные риски при оценке состояния безопасности. Новые угрозы и вызовы XXI в. требуют гораздо более эффективной стратегии международной и региональной безопасности. Актуальным является анализ общего и особенного в политике Центральноазиатских государств по обеспечению национальной и региональной безопасности, их противоречиях и конфликтах. Геополитический фактор рассматривается в контексте внутренних (особенности географического положения, наличие природных ресурсов), так и в контексте внешних предпосылок сотрудничества в области региональной и международной безопасности.

Внешнеполитическая деятельность центрально-азиатских государств осуществлялась в таких направлениях, как активное вхождение в мировое сообщество и заключение двусторонних и многосторонних договоров с самым широким кругом государств. На разных этапах развития региона и сотрудничества эти направления внешнеполитической деятельности имели различные приоритетность и темпы осуществления.

Международные отношения в Центрально-азиатском регионе рассматривается как система, обладающая собственной структурой, взаимодействующей с другими системами и функционирующей в определенной внешней среде. Важнейшим свойством системы является ее безопасность, включающая в себя воздействие на нее внешней среды и ее сопротивляемость в отношении такого воздействия, а также внутреннюю безопасность, характеризующую целостность системы. Конфликтные ситуации в Центрально-азиатском регионе — это результат нарушения внутреннего баланса политических сил в условиях изменений внешней среды.

Центрально-азиатский регион — это достаточно конфликтогенная зона, характеризующаяся различными очагами локальных и скрытых конфликтных ситуаций. Нередко этнонациональные конфликты отражают противоречия между различными социальными группами в политической, социальной, культурной, экономической сферах¹. Вследствие этого даже конфликты, возникающие в связи с территориальными претензиями соседних стран, с возникающими между ними экономическими, политическими и иными противоречиями, приобретают нередко этнонациональную окраску.

Реализация огромного экономического, транспортного и коммуникационного потенциала, которым обладают страны Центральной Азии, и на этой основе обеспечение национальной безопасности каждой из пяти стран, их устойчивого экономического развития и создания системы региональной безопасности затрудняется из-за несогласованности подходов к решению ряда ключевых проблем. С одной стороны, это группа проблем — сложности исторического характера, в том числе территориально-пограничные проблемы, водо- и землепользования, коммуникационные. За последние годы к ним добавилась вторая группа проблем, называемая «нетрадиционной»: рост религиозного экстремизма, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми. Все эти проблемы не способствуют интеграционным процессам в Центральной Азии, содержат в себе скрытый конфликтогенный потенциал, и в итоге, снижают общую как региональную, так и международную безопасность.

Центрально-азиатский регион — это и место пересечения интересов мировых держав (Китай, США, Россия), стремящиеся усилить свое присутствие в регионе². Особый интерес ведущих стран, транснациональных корпораций, различных финансово-экономических институтов к региону объясняется его геополитическим положением, коммуникационными возможностями, наличием значительных запасов природных ресурсов. Расположение региона по соседству с нестабильным Афганистаном, Па-

¹ Лыскова Л. Н. Этнополитические процессы в Центральноазиатском регионе в условиях нового миропорядка. Автореферат ... к. п. н. Бишкек, 2007.

² Ли Лифань, Дин Шу. Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 3. С. 164.

кистаном, Ираном и другими нестабильными странами делает сотрудничество с ним важнейшим элементом как глобальной, региональной, так и национальной безопасности заинтересованных государств. Одной из основных задач США, России и Китая является достижение лидирующего положения в регионе и недопущение союза двух других государств. При этом США, Китай и Россия имеют как совпадающие, так и противоположные интересы в регионе. Совпадающие интересы (борьба с терроризмом, распространением наркотиков и др.) создают возможность сотрудничества США, Китая и России между собой и со странами Центральной Азии. Противоположные интересы ведут к заключению соглашений каждой из этих стран в отдельности со странами Центральной Азии или к двустороннему согласованию действий России и Китая в рамках ШОС.

Д. Б. Казаринова
Москва

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Мягкой силе посвящено немало научных трудов и в западной политической науке, и общественных науках тех незападных обществ, которые ставят своей задачей формирование и поддержание статуса великой державы и центра силы в глобальном многополярном мире. В этом круге Китай, Индия, Бразилия, Турция, Россия. Поскольку Россия ставит такую задачу и на государственном уровне, на уровне элит, и на уровне массового сознания¹, российская политическая наука с необходимостью занимается данной тематикой, а государство и общество с одной стороны напряженно осмысливают сущностное наполнение понятия «мягкая сила России», а с другой создают новые и реанимирует старые советские практики публичной дипломатии.

В России сложилась собственная научная школа, работающая над проблемами мягкой силы в российском варианте. Опирается она, с одной стороны, на неолиберальную теорию, в рамках которой лежит концепция Дж. Ная, с другой стороны, осознает границы применимости к российским реалиям этого концепта.

¹ По представлениям россиян о желаемом будущем третьей по популярности идеей стало утверждение «Россия должна снова стать великой державой, империей, объединяющей разные народы» / Российское общество и вызовы времени / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. ИС РАН, М.: Весь мир, 2015. С. 136.

В сегодняшнем мире мягкой силой владеют вполне те страны, которые принадлежат к западной цивилизации, те, кто в поле *dominant rationality*, в терминах П. Дуткевича. В будущем незападным обществам, претендующим на статус глобального игрока, с необходимостью надо предлагать не только некий набор привлекательных ценностей и развивать инструментарий мягкой силы по определенному, оговоренному Дж. Наем набору, а продуцировать альтернативную рациональность, лежащую вне мейнстримной парадигмы запада — постиндустриализма, постмодернизма, информационного общества, прав человека и либеральной демократии, «западной либеральной религии»¹.

Выше было сказано о границах применимости концепта мягкой силы. В классическом понимании ее создает гражданское общество. В России же государство вследствие инверсии является основным субъектом мягкой силы. Мягкую силу может продуцировать субъект целеполагания, в случае России — государство. Не секрет, что и в западных странах основной вектор публичной дипломатии задает государство, а основным ее проводником становятся структуры либо прямо государственные, либо аффилированные к нему.

Можно предложить компромисс: мягкую силу продуцирует государство, а гражданское общество реализует ее инструментами публичной дипломатии. Причем надо поставить вопрос о соотношении понятий «публичное» и относящееся к гражданскому обществу. Первое, очевидно, шире.

Дискуссионным вопросом остается и направленность мягкой силы: всегда ли она работает в отношении внешнеполитических объектов или может быть также направлена на «потребителя» внутри страны? Очевидно, что речь здесь будет идти о разных аспектах мягкой силы, содержание которых может весьма различаться. В втором случае можно ставить вопрос о мягкой силе как потенциале мобилизации и самовоспроизводства общественных структур.

Еще одним проблемным вопросом остается привязка политики мягкой силы к государству. Существует подход, согласно которому мягкая сила может быть только у национального государства. В то же время говорят и о мягкой силе интеграционных блоков, например, ЕС. В данном случае ЕС, по-видимому, рассматривается как квазигосударство. О других интеграционных группировках или международных организациях не принято говорить, как об обладающих специфической мягкой силой.

Ученые, занимающиеся данной проблематикой, оперируют рядом терминов с до конца не проясненными взаимными корреляциями. Такие понятия как мягкая сила/гибкая власть, внутри- и внешнеполитический имидж,

¹ Дуткевич П. Рынок, модернизация и демократия. Размышления о межцивилизационных отношениях. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2012_Sbornik/2012_Dokladi/2012_plen/021_2012_plen.pdf.

репутационный капитал, публичная дипломатия находятся в определенной смысловой близости, но четкой определенной трактовки не получили. А. Наумов называет также и другие «смысловые партнеры» термина *soft power*: привлекательная власть, репутационная власть, репрезентационная власть, власть бренда, политика идентичности, символическая политика, политика национальной памяти, культурная дипломатия, считая понятие *soft power* зонтичным по отношению ко всем перечисленным¹.

Не до конца прояснено и содержательное наполнение инструментария мягкой силы и, исходя из этого, критерии ее оценки. Целый ряд индексов используются исследователями, но выбор тех или иных переменных носит спекулятивный характер. Такой измерительно-инструментальный подход к изучению мягкой силы имеет существенные ограничения и может работать в случае сравнительного анализа нескольких индексов.

Сегодня Россия ставит перед собой амбициозную задачу формирования российской национальной идентичности, и процесс этот далек от завершения², однако, она должна идти в двух противоположных направлениях, одновременно закладывая основы для евразийской интеграции, которая предполагает построение наднациональной макрорегиональной идентичности. С этой сложнейшей задачей Россия может справиться, только адекватно осмыслив и используя весь возможный инструментарий своей мягкой силы и в отношении соседей по постсоветскому пространству и направляя ее внутрь страны.

В. Ю. Калугина
Москва

ИЗМЕНЕНИЕ ИМИДЖА СССР В ОТЕЧЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ В СИТУАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ

Цель данного доклада — раскрыть эволюцию имиджа СССР в восприятии советских граждан в период с 1946 по 1964 г.

Имидж Советского Союза прошел путь от имиджа страны-победительницы во Второй мировой войне, интегрированной в мировое сообщество, с разрушенной экономикой, но большим потенциалом. Великая Отечест-

¹ Наумов А. О. Выступление на Московском Симпозиуме по Культурной Дипломатии «Культура и наследие: укрепление отношений между Востоком и Западом», РУДН, 2014.

² Тишков В. А. Российский народ и национальная идентичность. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novy_e_publikacii/rossijskij.html.

ГОСУДАРСТВО VERSUS ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: РАЗНООБРАЗИЕ СОХРАНЯЕТСЯ

венная война воспринималась как оборонительная, затрагивающая всех¹. Полная мобилизация населения из-за кризисной ситуации, абсолютная поддержка И. В. Сталина, гордость за победу, чувство единения — все это сформировало в глазах советских граждан имидж СССР как страны-победительницы.

Эволюция имиджа СССР привела к созданию имиджа страны с целями мессианского характера, претендующей на установление нового типа общества по всему миру, во всех смыслах передовой державы, которой удалось сформироваться в условиях изоляции со стороны стран капиталистического блока. Та мобилизация и единение, которую обеспечивала война, теперь создавало противостояние двух систем: капиталистической и социалистической. Политика изоляционизма, проводимая СССР, подкрепляемая идеологическим давлением и различными международными санкциями², была направлена, в том числе, и на информационную изоляцию.

В изменении имиджа СССР в глазах советских граждан большую роль сыграли международные санкции, которые помогли продолжить мобилизацию населения и после войны, а так же способствовали усилению патриотических настроений среди граждан Советского Союза.

Огромное влияние оказало восстановление промышленности, развитие экономики и научные достижения, которые позволили повысить уровень жизни населения и тем самым подкрепить веру людей в социализм, правильность выбранного пути и исключительность своего государства.

Большое значение в формировании имиджа СССР среди советских граждан сыграл контраст света и тени (архетипы К. Юнга³), который формировала советская пропаганда⁴. «Высветлялся» облик СССР и «затемнялся» имидж капиталистического мира⁵. Активно использовался архетип СССР как светлой стороны, государства, идущего к светлому будущему и ведущего туда других. Подкрепляли этот имидж и внешнеполитические акции.

Таким образом, формировался образ исключительной страны, чье существование имеет мессианский характер — распространение социалистической идеологии и создание социализма во всем мире, мировая социалистическая революция.

¹ Докторов Б. З. Все мы вышли из «грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина / Б.З. Докторов / М.: Радуга, 2014.

² Ткачев И., Сухаревская А. Какими были санкции против СССР / И. Ткачев, А. Сухаревская. URL: <http://daily.rbc.ru/special/economics/26/12/2014/549d32e29a794777d5c4bf24>.

³ Юнг К. Г. Архетип и символ: монография / К. Г. Юнг. М.: Ренессанс, 1991.

⁴ Костенко К. Отечественная забота партии // Комсомольская правда. 1953. № 196.

⁵ Редакционная коллегия, Американские агрессоры порождают зверства в лагерях военнопленных // Комсомольская правда. 1953. № 196.

Государство, несомненно, является одним из центральных институтов общества, без которого сложно представить его существование. В разгар процесса глобализации идея отмирания государства стала особа популярна. Но время и события показывают, что государство институтом прошлого считать рано. Тому существует достаточно причин и примеров. Это, в частности, ситуация внутри ЕС, где не состоялось принятие Европейской конституции, а подписание Лиссабонского договора сопровождалось послаблениями для некоторых стран — участниц (Великобритания, Ирландия, Чехия). Это говорит о неготовности государств полностью отдать свою независимость и самостоятельность в принятии решений. Интересной также представляется тенденция прихода во многих государствах к власти евроскептиков, которые призывают сохранять свою национальную идентичность и интересы. Характерным примером является Исландия, где с приходом к власти евроскептически настроенной коалиции приостановились переговоры по вступлению в ЕС, начавшиеся еще в 2009 г. Политическая элита страны объяснила отказ, тем, что вступление не отвечает исландским национальным интересам, которые государство намерено сохранять и отстаивать. Одним из главных национальных достояний для Исландии является рыболовство, которое не просто важнейшая отрасль экономики государства, но и основа национальной идентичности и культуры исландцев. К тому же на общественное мнение исландцев повлиял кризис 2008 г., который Исландия смогла преодолеть успешнее многих членов ЕС.

Таким образом, растущее несогласие участников по поводу полномочий и политики ЕС¹ показывает, что государство по-прежнему влиятельно. Многим государствам ЕС пришлось самостоятельно решать вопрос восстановления собственных экономик в связи отсутствием единства внутри Союза по решению данной проблемы. Говоря о соотношении государства и экономики, британский исследователь Д. Родрик приходит к следующему выводу: «рынки и государства дополняют друг друга, а вовсе не заменяют, как это следует из упрощенной экономической картины мира»².

¹ Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики / Пер. с англ. Н. Эдельмана / Под науч. ред. А. Смирнова. М: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 435.

² Там же. С. 59.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОВЕСТОК ДНЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ «САРАТОВ24» И «СВОБОДНЫЕ НОВОСТИ» В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

При анализе роли государства в современную эпоху встает также вопрос соотношения государственного управления и глобального. И еще: возможно ли глобальное управление вообще. Ведь дальнейшее строительство политического наднационального управления Европейского Союза осложняется. Имеется большое количество неразрешенных вопросов, среди которых главный: как учесть и согласовать интересы государств, которые, как мы видим, никуда не исчезают: Великобритания, будучи членом ЕС, продолжает отстаивать собственную позицию в Союзе; Германия претендует на статус лидера ЕС; во многих странах — участницах растут евроскептические настроения. Французский «Национальный фронт» Марин Ле Пен на европарламентских выборах 2014 г. увеличил число своих депутатов с 3 до 22 человек¹.

Упомянутые примеры показывают, что процесс строительства глобальных структур крайне сложен и противоречив, и, возможно, рано говорить об отмирании государства. Более того, современные тенденции подтверждают теорию цикличности, согласно которой государство возвращается на мировую арену как главный институт выражения и защиты интересов общества. При этом, глобализация влияет на контуры государства и трансформирует их. Важной особенностью является то, что каждое государство проходит такую трансформацию по-своему. Это подтверждают и практики ЕС, где «...процесс европейской интеграции предусматривает возможность гибких подходов к участию в интеграционных процессах»². Такие практики рождают большое количество уникальных кейсов, зависящих от национальных интересов конкретных обществ. И глобализация не унифицирует, а напротив, увеличивает количество и разнообразие таких практик, где к каждому государству нужен индивидуальный подход, который бы позволил им сохранить свою уникальность.

В политической коммуниктивистике немало работ посвящено анализу методов манипуляции общественным мнением с использованием СМИ. Среди прочего данная проблема рассматривается и сквозь призму теории повестки дня. О. Фокина дает определение региональной повестки дня — «определенный содержательный сегмент, тематически связанный с жизнедеятельностью регионов и включающий совокупность текстов, тем или иным образом фиксирующих данную связь»¹.

В таком ракурсе и применительно к областным информационными агентствами данная проблема практически не изучалась. Для нашего исследования мы выбрали два информационных агентства — «Саратов24» и «Свободные новости». Первое является абсолютно лояльным действующей региональной власти, а второе — оппозиционным.

При формировании повестки дня, очень часто информационные агентства включают в ленту новостей высказывания тех или иных политиков. Политические лидеры или известные деятели являются своего рода «маячками» повестки дня, которые отражают действительность с той стороны, с которой это выгодно журналистам.

Мы проанализировали новости, выходящие в период с 16 по 27 марта 2015 г. (за исключением 21 и 22 марта). В общей сложности за это время было опубликовано 1119 информационных сообщений: 582 в «Свободных новостях» и 537 — на «Саратов24». В ходе ежедневного мониторинга новостных лент мы фиксировали основные новостные поводы, освещавшиеся агентствами.

Мы проанализировали, с какой частотой известные политические деятели фигурируют в новостных лентах обоих информагентств и то, при помощи каких фреймов отражается их деятельность.

В итоге получилось, что в информационной повестке дня «Саратова24» чаще всего фигурировали такие персоналии, как губернатор Саратовской

¹ Данные взяты с сайта <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

² *Бабьнина Л.* Исландия и Европейский союз: рыба и банки. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=5441#top.

¹ Цит. по: *Казакос А.* Теория установления повестки дня: основные подходы и направления исследования в российской политической науке // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 3. С. 45.

области Валерий Радаев (16 упоминаний), глава администрации Саратова Александр Буренин (5), глава города Олег Грищенко (5), председатель комитета госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Ольга Баталина (6), председатель комитета Государственной думы по аграрным вопросам Николай Панков (4).

В повестке «Свободных новостей» этот ряд дополнили депутат госдумы (КПРФ) от Саратовской области Ольга Алимова (3 упоминания), депутат госдумы (КПРФ) от Саратовской области Валерий Рашкин (11) и депутат госдумы (ЛДПР) от Саратовской области Антон Ищенко(4). Радаева в «Свободных новостях» упомянули 14 раз, Грищенко — 9, Буренин — 7, Баталину — 5, Панкова — ни разу.

«Свободные новости» опубликовали новость с заголовком «Губернатор Саратовской области сравнил мусорные кучи с мамаевыми курганами»¹. Пошутить над ошибкой губернатора решили почти все ведущие СМИ региона. Но редакция «Саратов24» решила вовсе умолчать об этом, даже не пытаясь нейтрально донести информацию.

Вместо этого заголовок новости с того же мероприятия звучал как «Открытие полигона по утилизации отходов решит экологические проблемы — Радаев»².

«Глава Саратова Олег Грищенко оценил инициативу президента Путина как популистскую»³ — такой заголовок появился на сайте «Свободных новостей». Под популистской мерой журналист имел ввиду меру по сокращению заработных плат чиновникам. В этот же день глава города заявил о том, что подаст на агентство в суд.

В «Саратов24» в этот же день выходит новость с заголовком «Олег Грищенко подаст в суд на саратовское информагентство»⁴.

Проанализировав контент двух саратовских информационных агентств, мы пришли к выводу, что при освещении событий, происходящих в Саратовской области, первое информагентство сглаживает шероховатости в высказываниях политики, а второе — наоборот пытается подловить спикеров на словах. При первом подходе у читателя создается впечатление, что губернатор Саратовской области — прекрасно справля-

¹ Губернатор Саратовской области сравнил мусорные кучи с мамаевыми курганами. URL: <http://fn-volga.ru/news/view/id/30914>. Дата обращения: 18.03.2015.

² Открытие полигона по утилизации отходов решит экологические проблемы — Радаев. URL: http://saratovdaily.ru/news/2015/03/18/6159:otkritie_poligona_po_utilizacii_othodov_reshit_ekologicheskie_problemi__radaev.html. Дата обращения: 18.03.2015.

³ Глава Саратова Олег Грищенко оценил инициативу президента Путина как популистскую. URL: <http://fn-volga.ru/news/view/id/30941>. Дата обращения: 19.03.2015.

⁴ Олег Грищенко подаст в суд на саратовское информагентство. URL: http://saratovdaily.ru/news/2015/03/19/6233:oleg_grisichenko_podast_v_sud_na_saratovskoe_informagentstvo.html. Дата обращения: 19.03.2015.

ется со своими обязанностями и наш регион, в действительности, является территорией развития. При втором подходе журналисты стараются донести до аудитории то, что в регионе существуют проблемы, которые необходимо решать, а также делают акцент на том, что в Саратовской области есть альтернатива действующей власти и именно они могли бы решить эти проблемы.

Е. А. Кашина
Москва

НЕФТЕГАЗОВОЕ ЛОББИ В ГЕОПОЛИТИКЕ РОССИИ (случай Крыма)

Со времен обострения ситуации на Украине российское государство столкнулось с необходимостью определиться со своей геополитической стратегией на практике. Помимо высшей бюрократии возможность влиять на геополитическую стратегию наследницы СССР есть и у крупного бизнеса, в частности нефтегазового. Нефтегазовый сектор — один из доминирующих в российской экономике, поэтому многие западные и отечественные ученые определяют Россию как гибридный режим. Важной характеристикой гибридного режима является получение ренты от природных богатств, как привило, углеводородов.

В ходе путинского правления на протяжении десяти последних лет сформировались достаточно устойчивые группы интересов нефтегазового сектора. Данные группы включают в себя политическую и деловую элиты России, которые связаны системой сложных патрон-клиентских взаимодействий и сконцентрированы вокруг первого лица¹. Подобная конфигурация групп интересов нефтегазового сектора с мощным лоббистским потенциалом стала возможной благодаря позиции президента в отношении крупного бизнеса, системе государственного капитализма и структуре российской экономики, сложившихся в нулевые годы.

Категоричное принятие решений по Крыму, недискуссионный характер голосования и реакции государственных институтов, медийная поддержка — все эти факты уже на начальных этапах свидетельствовало о серьезности намерений политической элиты России реализовать антизападную геополитическую стратегию. О заинтересованности бизнес элиты, а именно представителей нефтегазового сектора, так же свидетельствует ряд фактов, обозначенных в рамках краткого *SWOT*-анализа.

¹ Хейл Г., Курилла И. Россия «двухтысячных»: Стереоскопический взгляд. М.: Планета, 2011.

Обладание территорией Крыма может принести нефтегазовым компаниям следующие бонусы: 1) получение контроля над новыми месторождениями на шельфе Черного моря¹; 2) доступ к глубоководному порту для выхода на европейский рынок в обход стран-транзитеров; 3) строительства нового трубопровода на полуостров²; 4) облегчение процедуры согласования и значительное удешевление проекта «Южный поток»³; 5) развитие сегмента торговли и транспортировки сжиженного природного газа.

Значимыми угрозами для нефтегазового лобби, заинтересованных являются: 1) международное давление, выраженное введением новых «адресных» санкций в отношении крупнейших нефтегазовых компаний России («Газпром» и «Роснефть»); 2) ответные шаги украинского государства (в Украине могут быть национализированы нефтеперерабатывающие заводы «Роснефти» в Лисичанске и Одессе, невыплачен долг за природный газ «Газпрому»).

В связи с вышесказанным обозначим три гипотезы механизма формирования геополитической доктрины России в отношении Крыма. Первая: экономические интересы повлияли на политические решения относительно разрешения крымского кризиса, его исход и являются доминирующими. Вторая: нефтегазовый капитал заинтересовался Крымом вследствие политического давления на него, а «приход» нефтегазового бизнеса обусловлен доминированием общегосударственных целей и интересов политических элит. Третья: в силу того, что группы интересов нефтегазового бизнеса (политическая и экономическая элиты, связанные с топливно-энергетическим комплексом) представляют собой единую систему, сотрудничество в разрешении крымского кризиса можно считать взаимовыгодным, а политические и экономические мотивы были равны по своей значимости.

¹ О перспективах нефтегазовой добычи Крыма // Однако. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/o-perspektivah-neftegazovoy-dobichi-krima/>.

² «Газпром» построит газопровод в Крым // Форбс. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/253425-gazprom-postroit-gazoprovod-v-krym>.

³ Выгодный Крым // Эксперт. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://expert.ru/2014/03/11/vygodnyij-krim/>.

СТРУКТУРИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Одной из главных концепций, которая позволяет проводить практический анализ структурирования регионального пространства в любом региональном кластере мирового пространства, является концепция регионального порядка. Существуют как исследования, посвященные концепции регионального порядка, так и работы, в которых понятие регионального порядка выводится из международного порядка.

Как отмечает ученый А. Ачария, многочисленные исследования, в которых используются концепции международного и регионального порядка, можно разделить на две главные категории. Первое понимание порядка является описанием конкретного статус-кво, и порядок в данном случае означает существующее распределение власти или институционально оформленное соглашение, независимо от того, является ли характер порядка мирным или конфликтным. Второе использование термина порядка имеет нормативный контекст как увеличение стабильности и предсказуемости. Х. Булл определял порядок как «модели поведения, которые обеспечивают реализацию базовых или ключевых цели сообщества государств или международного сообщества»¹. Например, Дж. Айкенберри определяет международный политический порядок как договоренность по управлению между группой государств². Для теории распределения власти (*Power Transition Theory*) ключевой является концепция глобальной и региональной иерархии, которая понимается как иерархическая система с доминантной державой во главе и наличием региональных, великих, средних и малых держав, которые занимают свое подчиненное положение в этой системе. Все подсистемы международных отношений функционируют в соответствии с такой же логикой, как и глобальная система международных отношений, то есть на верху каждой подсистемы существует свое доминантное государство или пи-

¹ Acharya A. The Emerging Regional Architecture of World Politics // World Politics. 2007. Vol. 59. No. 4. P. 637.

² Ikenberry G. J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 23.

САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ СССР В 1980-Х ГОДАХ: ЗАКОНОПРОЕКТ СЕНАТОРА ГАРНА

рамида власти в данном регионе. При этом региональная иерархия находится под влиянием глобальной иерархии, но не может контролировать последнюю. Региональные иерархии существуют в соответствии с теми же правилами, что и глобальная¹.

Что касается отечественных исследователей, то Э. Я. Баталов определяет международный порядок как структуру системы общественных отношений (материализующаяся в различного рода институтах, принципах, правилах), обеспечивающая сохранение целостности той или иной социетальной системы². Т. А. Шаклеина полагает, что основная дискуссия в этой связи ведется о системе межгосударственных отношений, а именно о структуре и иерархии в отношениях между ведущими мировыми державами³. По определению российского исследователя А. Д. Воскресенского, региональный порядок — это способ организации внутренней структуры региональной подсистемы или регионального комплекса⁴.

Важно отметить, что региональный порядок не тождественен структуре региона: тогда как последняя отражает текущую расстановку сил, региональный порядок является результатом взаимодействия основных центров силы (великих и региональных держав) с остальными странами региона⁵. На региональный порядок оказывают воздействие стратегии великих или региональных держав по отношению к региону, их проекты по структурированию региона и, в конечном счете, их влияние на страны региона, которое не сводится исключительно к их положению в региональной иерархии, а также степень поддержки странами региона стратегий и проектов великих держав и общепринятые в данном регионе нормы и принципы. Одним из главных факторов также является характер взаимоотношений между основными центрами силы (полюсами в терминологии теории региональных комплексов безопасности). Для анализа регионального порядка также представляется важным определить принципы и нормы, которыми руководствуются страны региона в их взаимодействии друг с другом⁶.

¹ Power Transition Strategies for the 21st Century / R. L. Tammen, J. Kugler, D. Lemke, C. Alsharabati, B. Efirid, A. F. K. Organski. N.Y.: Chatham House Publishers, 2000. P. 6–8.

² Цит. по: Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 15.

³ Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. С. 16.

⁴ Воскресенский А. Д. Регионализация в современных международных отношениях // Восток. 2012. № 6. С. 9.

⁵ Nolte D. How to compare regional powers: analytical concepts and research topics // Review of International Studies. 2010. Vol. 36. P. 888–889.

⁶ Acharya A. The Emerging Regional Architecture of World Politics. P. 642, 646–647.

В 2014–2015 гг. в политическом обиходе целого ряда ведущих стран одним из самых часто употребляемых словосочетаний стали «экономические санкции». На протяжении XX в. санкции ассоциировались, главным образом, с Соединенными Штатами Америки, которые, к примеру, с 1918 по 2002 г. использовали их в отношении других государств 115 раз. В настоящее время Россия испытывает на себе ограничительные политические и экономические меры, инициированные руководством США и поддержанные странами Евросоюза. В этой связи большой практический и теоретический интерес представляет обращение к историческому опыту политического и экономического противостояния между СССР и Америкой, поиска точек сближения и налаживания конструктивного диалога.

На поприще санкционных войн удалось «прославиться» многим представителям американского политического истеблишмента. Одним из них стал сенатор от штата Юта Эдвин Джейкоб Гарн, получивший широкую известность благодаря участию в программе «Политик в космосе».

В первой половине 80-х гг. отношения между США и Советским Союзом характеризовались резкой конфронтацией. Были практически заморожены экономические, научно-технические и культурные связи. В конце 1981 г. Соединенные Штаты объявили о введении новых экономических санкций против СССР, сделав акцент на сфере кредитных отношений¹.

В продолжение этих политических инициатив Дж. Гарн 28 марта 1985 г. внес на рассмотрение Сената проект закона, наделяющего президента США правом ограничивать или запрещать экспорт капитала в СССР и другие социалистические страны.

Законопроект представлял собой ряд поправок в Закон об управлении экспортом от 1979 г., но имел самостоятельное название — «О контроле за финансовым экспортом».

В качестве обоснования законопроекта сенатор указывал на то, что СССР и его союзники якобы используют долларовые займы и другие формы кредитования для контрабандных закупок технологий и «запрещен-

¹ Картамышева С. Н. Советско-американские отношения в конгрессе США (1984–1988 гг.). Курск, 1997. С. 12.

ных» к экспорту товаров и тем самым «наносит вред» интересам капиталистических стран¹.

Вместе с тем отношение самих американских банков к возможности кредитования СССР не было столь однозначным. В конце 1984 г. американский журнал «Уолл стрит джорнал» обратился к ведущим банкам США с вопросом: «Если бы представитель Советского Союза обратился от имени своего правительства с просьбой о займе в 200 млн долл., предоставили бы вы ему деньги?»

Представители «Ситибэнка» ответили, что в банке не существует внутренних ограничений по кредитованию Советского Союза, платежеспособность которого не вызывала сомнений. «Морган гаранти траст компани», в котором также не существовало внутренних установок, препятствовавших кредитованию СССР, занял более осторожную позицию: «Если цель кредита будет конструктивной, если он будет соответствовать структуре нашего кредитного портфеля и нашему уровню риска в этом регионе, мы, возможно, рассмотрим это предложение». Схожей позиции придерживались банкиры «Чейз Манхэттен», заявившие, что кредитование СССР «зависит от многих обстоятельств». Вице-президент «Бэнк оф Америка» по международным вопросам прямо заявил, что при рассмотрении вопроса о кредитовании СССР будет учитываться политика².

Несмотря на различную реакцию банковского сообщества на организованный американским изданием опрос, следует иметь в виду, что банки США в большинстве случаев были предоставлены сами себе в вопросе о кредитовании социалистических стран. Действовало лишь несколько ограничений. Займы не предоставлялись для закупок товаров, запрещенных к вывозу из США. Существовал также перечень государств (Северная Корея, Северный Вьетнам, Камбоджа, Куба), которым Отдел контроля за иностранными активами Минфина США запрещал выдавать кредиты, но Советский Союз в их число не входил.

Пришедшее к власти в СССР в 1985 г. новое поколение партийных руководителей осознавало необходимость отказа от конфронтации с Западом. В дипломатических кругах стали обсуждаться перспективы встречи глав СССР и США. В свою очередь Соединенные Штаты и их западноевропейские союзники с пониманием отнеслись к переменам во внешней политике Москвы и также проявили готовность к диалогу.

После встреч М.С. Горбачева с ведущими представителями деловых кругов США значительно возросла заинтересованность американского бизнеса в налаживании связей с советскими партнерами.

¹ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 2324. Оп. 32. Д. 2928. Л. 35–37.

² Там же. Л. 1, 2.

В условиях постепенной нормализации советско-американских отношений законопроект сенатора Гарна в скором времени потерял актуальность и был снят с рассмотрения. В повестке дня двух ведущих держав стоила ревизия основ и принципов международных отношений.

Е. Г. Кирсанова
Москва

РОССИИ В XXI ВЕКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Вторая половина XX в. характеризуется переходом к постиндустриальному миру, конечным итогом которого является создание «экономики знаний». Главными движущими факторами инновационного типа развития становятся информация и знания. Однако стоит отметить, что на осуществление подобного перехода влияет большое количество как объективных, так и субъективных факторов. В этой связи становится актуальным изучение особенностей инновационного развития России на современном этапе, а также тенденций, задач и перспектив функционирования «экономики знаний».

Особенностью новой фазы инновационной динамики является проникновение инновационной составляющей в различные сферы жизни общества, что актуализирует изучение инноваций с разных позиций и на качественно новом уровне. Это дает исследователям возможность выявить новые цели, задачи, а также принципы функционирования различных акторов. Важно понимать, что внедрение инноваций не является только технологической или экономической проблемой: на повестку дня также ставятся вопросы, связанные с инновациями в управленческой, в социальной, в политической сферах и др., а также философское осмысление инновационного развития.

Построение национальной инновационной системы (НИС) сопровождается как минимум двумя взаимодополняющими процессами на государственном уровне, что, в конечном счете, влияет и на сам политический процесс. С одной стороны, осуществление инновационной политики представляет собой воплощение национальных интересов, а с другой — все сферы жизни общества так или иначе наполняются инновационной «составляющей».

Анализируя российскую действительность, автор приходит к выводу, что для 90-х годов XX в. наиболее важными факторами, препятствующими инновационной деятельности были, в первую очередь, правовые, техно-

логические и экономические. На сегодняшний день — это экономические и технологические факторы. Хотя при принятии управленческих решений необходимо учитывать весь комплекс факторов.

Реалии современного мира ставят перед Россией ряд вопросов, которые требуют принятия конкретных решений. Всю совокупность вопросов можно поделить на два блока. Первый комплекс проблем определяется международной ситуацией и особенностями мировой политики на современном этапе развития.

Многие государства мира в той или иной степени сейчас находятся на пороге перехода к инновационному развитию. Различные авторы сравнивают подобный переход с промышленной революцией XVIII в. или с научно-технической революцией XX в. Эффективность или неэффективность определяется наличием опережающих экономических и социальных показателей развития. Более того, в условиях сильной международной конкуренции соперничество государства с другими странами дает дополнительный стимул к развитию инновационной сферы. Исследователями установлена даже связь между наличием соперничества и экономическим ростом: если «экономические изменения угрожают политическому руководству страны, то наличие конкурирующих государств может способствовать инновациям. Выводом из этого является тот факт, что большие государства в отсутствие серьезных конкурентов не представляют собой плодотворную почву для устойчивого экономического роста»¹. Следовательно, удерживая статус державы, играющей заметную роль на международной арене, России необходимо признать в качестве приоритетного направления развитие инновационной сферы.

Второй комплекс проблем определяется тенденциями внутригосударственного развития и напрямую связан с первым. Инновационное общество предполагает изменение отношений между индивидом и обществом, между обществом и государством. Осознав необходимость политических изменений, руководство страны постепенно предпринимает соответствующие шаги. Эту необходимость осознает и общество. Однако принимаемые решения должны опираться не только на предполагаемые в конечном итоге результаты, но и «на адекватное знание исходной ситуации и возможных последствий управленческих решений»².

Таким образом, можно сделать вывод, что для перспективного развития страны в целом ясно, что линия на инновационное развитие является безальтернативной. Перед государством встает весьма сложная задача — осуществление правильной государственной политики в этой области. Эту

¹ Chaudhry A., Garner P. Political competition between countries and economic growth // Review of development economics. 2006. 10 (4). P. 678.

² Модернизация и политика в XXI веке / Отв. ред. Ю. С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 4.

проблему можно условно подразделить на решение двух задач: 1) выработка общей государственной политики в области инновационного развития во всех сферах жизни общества; 2) осуществление и поддержание надлежащего качества выполнения этой государственной политики.

С. А. Кислицын
Ростов-на-Дону

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В настоящее время Россия, Белоруссия и Казахстан используют обновленную идеологию евразийства для нового проекта интеграции постсоветского пространства. Еще в 1920—1930-е гг. основоположники Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский обосновали идею развития русского мира на основе евразийских цивилизационных историко-географических связей. В отличие от западных глобалистских подходов, евразийская интеграция предполагает не переплавку народов, культур и даже полов, а сохранение и приумножение этнокультурного потенциала. А. Дугин считает, что России угрожает западный атлантизм, против которого Россия обязана создать «бастион евразийской мощи»¹. Акторами практической реализации идей евразийской интеграции стали Н. Назарбаев и В. Путин. Следует отметить, что В. В. Путин сумел в критической ситуации предотвратить распад Российской Федерации, который мог начаться после первой Чеченской войны и вторжения сепаратистов в Дагестан. Все политические действия президента были так или иначе связаны в первую очередь с проблемами обеспечения единства и целостности России, сохранения ее влияния на постсоветском пространстве.

Главный формат Евразийского Союза наравне с Россией определяют Казахстан и Белоруссия. Еще в 2011 г. их президенты подписали декларацию об евразийской экономической интеграции, которая предусматривала создание к 2015 г. на основе Таможенного союза и ЕЭП нового объединения. В 2014 г. было решено подготовить договор о присоединении Армении к Евразийскому союзу. Заявку подала Киргизия. Лидеры этих стран подчеркнули значимость интеграции в рамках Евразийского союза не только в социально-экономическом смысле, но и в военно-политическом. Данная идея реализуется в атмосфере активного политического, а теперь

¹ Дугин А. Евразийский Союз — перспективный и выгодный проект интеграции евразийских народов // MOLDINFO. 09.08.12.

и экономического противостояния политике России со стороны стран США, Европейского союза, блока НАТО. В частности 7 декабря 2012 г. бывший госсекретарь США Хиллари Клинтон заявила о намерении США всячески препятствовать процессам интеграции постсоветских государств, назвав их попытками «советизации». Подобные оценки в той или иной форме дают многие действующие политики Запада.

Общие современные риски и угрозы определяют необходимость формирования расширенного союза на основе включения в него некоторых азиатских стран. Сотрудничество с великим Китаем является для России наиболее перспективным. По вопросу присоединения Крыма позиция Китая позволила России обеспечить реальный противовес односторонним западным подходам и в том числе в вопросе санкций.

Представляется, что Евразийский Союз объективно обусловлен сохраняющимся цивилизационным единством, которое является самой общей детерминантой политического поведения этносоциальных общностей в современной России и других постсоветских стран. Сущность политического процесса в цивилизационном контексте определяется ценностно-детерминированным образом действий людей в политической сфере в определенных естественно-географических, общественно-политических и культурно-конфессиональных условиях. Типы и формы политического поведения означают конкретизацию цивилизационной детерминации в историческом времени соответствующих ценностей, стереотипов поведения.

В политологической литературе дебатруется концепция «русской православной цивилизации», которая при всей своей ограниченности и устарелости способствует некоторому пониманию исторических особенностей российского социума. М. Барусков видит сценарии развития ЕАС: 1. Развал проекта на ранней стадии и втягивание России в региональную войну. 2. Реализация проекта в либерально-олигархическом русле в качестве сырьевого придатка. 3. Превращение в оплот некоего Мирового правительства. 4. Консервативный Евразийский союз на базе системообразующей роли русского суперэтнуса¹. КПРФ настаивает на возрождении на этой основе советской федерации, которая является имманентной частью отечественной истории. Остальные постсоветские оппозиции пытаются развивать западную модели демократии, позаимствовав либеральную идеологию, де-факто ориентируясь на внешние центры силы. Это обусловлено отсутствием веры олигархических элит в национальные традиции, технологической отсталостью, необходимостью легитимации внутренней власти в поле зрения руководства США и Евросоюза, усвоением идеалов потребления и сверхпотребления.

¹ Перспективы евразийского союза Перспективы евразийского союза. Svargaman. Ноя. 3, 2012.

В этой связи уместно вспомнить концепцию Ю. А. Жданова «**комплекса Эрисихтона**», который предрекает печальную участь социума, основанного на антагонистической и паразитической парадигме. Ю. А. Жданов писал: «Всеохватывающая система финансового капитала высасывает из человечества не цифры на дисплеях, не зеленые бумажки или золотые кругляшки, а горячую человеческую кровь, которая омывает клеточки мышц и мозга работающего организма. Именно она составляет субстанцию стоимости, оседающую в швейцарских, парижских, лондонских банках, в Международном валютном фонде и питающую паразитический класс, народы-рантье. ...На заре формирования общества классовых антагонизмов гениальная интуиция греков уловила их коренные черты и фундаментальные характеристики: разрыв с освященными традицией нравственными, духовными ценностями народа, разлад с природой, насилие над человеком, хищническое потребление, продажа всех и вся, наконец, самоотчуждение, вплоть до самопожирания, самоозлобления и самоуничтожения. В этих условиях, тем не менее, формировалась и созидательная, утверждающая культура, творчески преобразующая прометеяво начало человека. Но всему наступает конец: «... производительные силы и формы общения развились настолько, что стали при господстве частной собственности разрушительными силами. Своей гениальной интуицией греки увидели эту перспективу и отразили ее в форме мифа, смысл которого где-то затеряли. Ныне этот смысл теоретически осознан. Роковой комплекс Эрисихтона должен быть преодолен. Здесь не помогут песнопения о постиндустриальном или информационном обществе. Выход заключен в смене исторического основания бытия общества»¹.

По мнению А. Зиновьева именно советская система интеграции наиболее адекватна российским условиям. Он не призывал к ее реанимации, тем более, что сам ее резко критиковал в книге «Коммунизм как реальность». Но он считал, что коммунизм предпочтительнее капитализма, так как он полнее воплощает идеалы прав и свобод человека, социальной справедливости и гуманизма. Советская история представляет собой особый экспериментальный тип развития, который оказал огромное влияние на все человечество. Ряд отечественных экспертов также осознает важность учета опыта истории, особенно социального и политического факторов. Политолог А. И. Подберезкин пишет, что экономическая интеграция, в ее чистом виде, — неосуществима, хотя по понятным причинам она должна быть главным приоритетом. Интеграция на уровне общественно-политическом и гуманитарном становится главной задачей. Именно общественная и информационная интеграционная политика

¹ См.: *Кислицын С. А.* Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым. М. 2013.

может преодолеть эгоизм национальных элит. Политолог С. Марков считает, что ЕАС нужны единые институты власти и гражданского общества. Уже создана межпарламентская Ассамблея ЕАС, но нужно создавать суд по правам человека, единые органы по наблюдению за выборами, общий валютный фонд и Банк реконструкции и развития. В рамках ЕАС между странами-участниками может быть сформировано единое образовательное пространство, учитывая, что русский язык является языком межнационального общения. Нужно создавать и единое научное пространство, чтобы не отставать от мировых тенденций в данном направлении. Необходимо и общее информационное пространство, поскольку это является не только вопросом взаимодействия СМИ, но и касается выстраивания общих моделей функционирования сообществ. Здесь речь идет о единстве судьбы и единстве идентичности. Необходимо, чтобы на территории всех стран-участниц соблюдалось единство гражданских прав и свобод. ЕАС создает условия для развития инновационной стратегии, альтернативной западной модели глобализации. В рамках ЕАС может быть более полно учтен положительный опыт стран-участников, особенности этнополитического развития стран при сохранении суверенности государств. На наш взгляд при всем при этом необходимо более четко и последовательно реализовывать социальную составляющую — прежде всего борьбу против олигархии и коррупции, экстремизма и терроризма, соблюдение в пределах сложившейся экономической системы принципа социальной справедливости. Ликвидация олигархической и коррупционной составляющих современной системы в ближайшей перспективе, вероятно, невозможна, так они являются имманентными факторами. Однако, именно эти общие для всех народов идеи, а не этнические и конфессиональные факторы, могут реально способствовать привлечению внимания к ЕАС украинского и других народов. На наш взгляд, они должны стать основными составляющими в политике государств по взаимному сотрудничеству в рамках нового интеграционного проекта. Президент РФ В. В. Путин при обосновании концепции ЕАС подчеркнул, что речь идет не о восстановлении советской империи, а о создании на новых условиях экономического пространства и единой зоны наднациональной безопасности. На наш взгляд, это только начало в разработке принципиально новой формы интеграции постсоветского пространства.

М. М. Кисляков
Кемерово

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ — СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Маркетизация политической сферы в современной России — это фундаментальный и многосторонний процесс, предполагающий распространение по всей политике и обществу рыночных отношений, основанных на политическом обмене и прагматичном выборе. Это процесс, предполагающий развитие политического рынка, политической конкуренции, политического маркетинга как философии политического поведения, как теории, как концепции политического управления, как совокупности методов и технологий проведения политических кампаний.

Своеобразно этот процесс протекает на региональном уровне. Сегодня регионы России существенно отличаются друг от друга по многим параметрам, в частности, по уровню социально-экономического, политического и культурного развития. При этом регионы становятся основными субъектами не только в экономической, но и в политической, культурной жизни, и от них в полной мере зависит, как в нашей стране будут проходить процессы системной модернизации всех сфер жизни общества, формирование правового государства и гражданского общества, реализация приоритетных национальных проектов. Исследование региональных аспектов процесса маркетизации политической жизни российского общества приобретает особую значимость и актуальность.

В современной российской политологической литературе сложилось два подхода к изучению политического рынка и политического маркетинга — это редукционистский и холистский. На это указывают исследователи Г. В. Пушкарева и С. Н. Пшизова¹. Однако каждый из этих подходов имеет свои преимущества и недостатки. Недостатки этих подходов позволяют преодолеть системно-синергодеятельностный подход, обоснованный в работах И. Н. Гомерова. По его мнению, в недрах политологии формируются мировоззренческо-методологические ориентиры, которые могут стать основой новой концепции проведения исследований. К таким ориентирам, считает И. Н. Гомеров можно отнести, *во-первых*, системный подход (об-

¹ Пушкарева Г. В. Политический маркетинг // Политология: лексикон / Под ред. А. И. Соловьева. М., 2007. С. 554–566; Пшизова С. Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе (I, II) // Полис. 2000. № 2, 3.

чая теория систем), *во-вторых*, синергетический подход (общая теория самоорганизации), *в-третьих*, деятельностный и бихевиористский подходы (общая теория деятельности и поведения)¹.

В 90-е годы прошлого столетия в качестве самостоятельной научной дисциплины в постсоветской России сформировалась и получила развитие политическая регионалистика. Основные этапы ее возникновения, становления и развития в нашей стране проанализированы в работе В. Гельмана и С. Рыженкова «Политическая регионалистика в России: история и современное развитие»². В числе исследователей, стоявших у истоков политической регионалистики в современной России, авторы называют, выпускников географического факультета МГУ Л. Смирнягина, Н. Петрова, В. Колосова, А. Березкина.

По мере развития политической регионалистики в современной России возникли и достаточно успешно работают несколько научных школ в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Нижнем Новгороде, Саранске. В последние пять лет проблемы политики в региональном измерении активно изучаются исследователями городов Новосибирска, Томска, Барнаула, Кемерово. Это говорит о том, что расширяется география исследований в рамках политической регионалистики и эта дисциплина занимает достойное место в системе политических наук.

Существенный вклад в развитие политической регионалистики в России как науки и учебной дисциплины внесли Р. Туровский, И. Бусыгина, Н. Медведев, М. Фарукшин, О. Зазнаев и другие исследователи³.

Политическая регионалистика в современной России базируется, как отмечают В. Гельман и С. Рыженков, на трех источниках, а именно — на политической географии зарубежных стран, на советском государственном строительстве и на территориальном управлении экономикой. А в качестве трех составных частей политической регионалистики в России они выделяют:

- анализ региональных электоральных процессов;
- изучение региональных элит;
- исследование федеративных отношений.

На взгляд автора данной статьи, все эти аспекты региональной политической жизни, составляющие три составные части политической региона-

листики, учитываются и анализируются при исследовании проблем регионального политического маркетинга.

На сегодняшний день в российской политологической литературе существуют разные взгляды на процесс изучения политического маркетинга. Так, исследователь Е. Г. Морозова осуществляет комплексный подход к анализу политического маркетинга, рассматривая его как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Она считает, что политический маркетинг можно анализировать в четырех аспектах: как философию политического поведения, как концепцию, как теоретико-прикладное знание и как набор технических приемов по проведению политической и прежде всего избирательной кампании.

Исследователь И. Л. Недяк утверждает, политический маркетинг — это феномен, который требует междисциплинарного подхода.

Другие авторы видят в политическом маркетинге средство управления электоральным поведением. Такой позиции придерживаются М. Л. Гунаре, Е. В. Наумова.

На современном этапе обозначились *три основных подхода* к изучению проблем политического маркетинга в России, в том числе и регионально-го: **технологический, управленческий, коммуникативный**.

В числе сторонников технологического подхода — В. Ф. Халипов, Ф. Н. Ильясов. Они считают, что политический маркетинг — это одна из разновидностей политических технологий, это наука и искусство побеждать на выборах. Такой же позиции придерживается политолог Д. И. Выдрин. Более того он считает, что «...без маркетинга любой лидер обречен»¹. Д. И. Выдрин провел эксперимент по политическому маркетингу в Москве и пришел к выводу, что маркетинговая деятельность повышает шансы претендента в 1,7 раза².

Управленческий подход осуществляют Е. Г. Морозова и ряд других авторов, рассматривающие политический маркетинг как важную составляющую процесса политического управления.

Коммуникативный подход присущ работам А. Б. Белоусова, В. С. Комаровского, А. П. Ситникова, А. И. Соловьева, А. М. Цуладзе. По мнению данных авторов, политический маркетинг — это средство общения между органами власти и населением.

В последние годы возникают новые подходы к исследованию проблем политического маркетинга. Это точка зрения И. Л. Недяк о необходимости междисциплинарного подхода. В работе «Политический маркетинг. Основы теории»³ автор указывает на то, что политический маркетинг — это

¹ Выдрин Д. И. Политические технологии лидеров. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.smartpolitic.ru/smapos-210-1.html>.

² Там же.

³ Недяк И. Л. Политический маркетинг. Основы теории. М.: Весь мир, 2008. 352 с.

междисциплинарная область знаний, набор инструментов политического маркетинг-микса. При этом политический маркетинг-микс рассматривается как политический маркетинг-менеджмент и как политический маркетинг-микс отношений. Такой подход сочетает в себе элементы всех трех приведенных выше подходов, т.е. политический маркетинг — это и технология, и управление маркетинговыми технологиями, и формирование отношений сотрудничества.

Представляет определенный научный интерес и позиция новосибирского исследователя И. Н. Гомерова. По мнению которого, принципиально новым в политологических исследованиях может стать системно-синергодеятельностный подход¹. Этот подход позволяет дать комплексный анализ регионального политического маркетинга.

Позиция автора данной статьи состоит в том, что исследование проблем регионального политического маркетинга может успешно проводиться при сочетании как междисциплинарного, так и системно-синергодеятельностного подходов. Это позволит преодолеть описательный подход, дать всесторонний анализ всех процессов, связанных с развитием регионального политического маркетинга, а также выявить как позитивные, так и негативные его аспекты, определить основные направления развития в будущем.

В. А. Ковалёв
Сыктывкар

КРИЗИС, НЕРАВЕНСТВО И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Одной из главных жертв разворачивающегося сейчас кризиса является российская провинция. Напряжение с исполнением региональных и местных бюджетов нарастает, а возможности федерального центра.

В этой ситуации плохо то, что на региональном уровне у региональных властей (не говоря уже о региональных сообществах) связаны руки по поиску адаптации регионов своими силами; они политически беспомощны (а, значит, ограничены в функции целеполагания, задаваемого лишь «Центром»). По сути, когда произошла замена политических режимов чисто административным порядком с доминированием федерального Центра, субъекты федерации лишились возможности самостоятельного маневрирования.

¹ Гомеров И. Н. Структура и свойства власти. Новосибирск, 2000. С. 54.

В своем докладе мы предполагаем рассмотреть на конкретных примерах различные аспекты подобной ситуации. В тезисах стоит сделать несколько замечаний принципиального характера.

Если же иметь в виду «региональную политику», проводимую Москвой с «нулевых годов», то здесь впору скорее говорить о некоем курсе государственного управления, направленного на попытки сгладить региональное неравенство, (в основном за счет перераспределения доходов от экспорта углеводородов). Эта «политика выравнивания» и имеет порой заметные аномалии, в основном связанные с перераспределением денег в пользу республик Северного Кавказа, или, ситуационно, с масштабными инвестициями в Краснодарский край в связи с проведением зимней олимпиады 2014 г. Но, в основном «путинская региональная политика» — это политика одного политического субъекта, где регионы выстраиваются по определенному Центром ранжиру. «Выравнивание», помимо экономической составляющей, имеет целью «равенство» в отсутствии именно политических возможностей для регионов влиять на федеральное правительство.

Понятно, что такого рода политический курс имеет важные причины в прошлом страны и доставшейся России в наследство от СССР—РСФСР порядок административно-территориального деления (прежде всего, с учетом его этно-территориальной части).

Вопросы регионального неравенства в РФ накладываются на более общие проблемы социальных диспропорций, огромного разрыва в уровне доходов, то есть проблемы *социальной несправедливости*, в свою очередь, усугубляя ее. Управленческим абсурдом (который возможно сгладить лишь административно-волюнтаристическими методами) является административно-территориальное деление РФ, доставшееся от прошлой эпохи. Существующее деление имеет следствиями экономические диспропорции (иногда более чем на два порядка) и постоянное политическое напряжение.

Возможно, поэтому стоит рассмотреть варианты преодоления советского наследия в виде «ассиметричной федерации». Возможно, стоит подумать о переводе этнотерриториальных образований с уровня республик и автономных округов (при укрупнении ряда регионов) на уровень национальных муниципальных районов, с ведением делопроизводства на национальных языках, соответствующей символикой и т.д., при условии их экономического самообеспечения. Это потребует также изменения существующей в России экономической модели.

Пока подобные рекомендации представляются абстрактным теоретизированием и даже утопией, но поздно или рано это понадобится, ведь часто авторитарные режимы рушатся в короткий срок, и это влечет за собой проблемы дальнейшего реформирования политической системы, которые стоит обсуждать активно уже сейчас.

Принципиально важно, чтобы в стране отношения «Центр — регионы» были переведены из плоскости «бюрократия — угроза сепаратизма» в новое политическое качество, связанное с развитием демократических выборов, реального федерализма с реализацией принципа субсидиарности, развития регионализма, то есть возможности для регионов раскрыть и приумножить свой экономический и культурный потенциал. Без этого, а также без действенного местного самоуправления и стимулирования регионального развития, когда власти субъектов федерации и муниципальных образований отвечают не перед Центром или зависят от олигархов, а стараются ради того, чтобы быть переизбранными населением своего региона, проблему несправедливости региональных диспропорций решить не удастся. Эта проблема не имеет чисто административно-управленческого решения. Российской политике требуется политическая воля, для того чтобы перейти на путь реальной демократизации и «сверху», и «снизу».

Пока неясно, как это можно сделать, при существующих ныне в РФ обстоятельствах. Возможно, это станет необходимостью при восстановлении страны после крупных потрясений, вероятных уже в ближайшее время.

*Л. Г. Коваленко
Барнаул*

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ, ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

На протяжении истории одной из «вечных» ценностей была и есть справедливость, что определяет многогранность ее сущностных интерпретаций и практических воплощений. Первые представления о справедливости соотносят ее с законом, добродетелью, собственностью, последнее присутствует в большинстве интерпретаций справедливости прошлого и настоящего. Либеральная система ценностей XVII—XVIII вв. связывает справедливость и с формой организации власти. Ш. Монтескье считал, что справедлива лишь та форма власти, которая обеспечивает гарантию свободы и право собственности, справедливость одна из основных ценностей индивидов, стремящихся к самореализации. В современном мире о справедливости или несправедливости политического режима свидетельствует возможность реализации права на создание политических партий, свободы печати, общественных акций, участия граждан в принятии политических решений посредством избирательного права, проведения референдумов. В политическом процессе проблема справедливости в ее ценностном аспекте активно используется политическими силами, особенно в избиратель-

ных кампаниях, акцентируя внимание на содержательных составляющих справедливости (свобода, законность, честные и справедливые выборы, их прозрачность, соблюдение прав человека и гражданина). Справедливость в психологическом и поведенческом аспектах формируется в сознании и культуре личности, общества посредством различных механизмов: социальных и институциональных, то есть политика государства (властные институты) в различных сферах воздействуют на жизненное пространство и жизненные силы человека, формируя чувство справедливости в ценностной шкале личности, граждане оценивают действия власти с точки зрения справедливости — несправедливости. Политические партии используют термин «справедливость» не только в названии, но активно включают в свои программы, акцентируя внимание на соблюдении прав и свобод, принятии справедливых законов, равенстве, подчеркивая значимость этих ценностей в жизни общества и каждого гражданина. Но в настоящее время есть еще один аспект, который выражается термином «справедливая несправедливость», что отражает изменения в современном мире: в системе экономических отношений, политических ценностей, в законодательстве — внутригосударственном и международном праве, что направлено на обеспечение равных условий для всех, но способности людей разные (физические, интеллектуальные), поэтому обозначенный тезис выражает новый ценностный нюанс справедливости, что вписывает в идеологию либерализма. Современный политический процесс во многих странах и в России отличается активностью оппозиции, которая широко использует справедливость как ценностный механизм вовлечения граждан в протестные акции, особенно молодежь (Украина). Власть должна бы обратить внимание на проблемы, волнующие эту часть общества, которые очень значимы с точки зрения справедливости (образование, здравоохранение, трудоустройство, безопасность). Проблема справедливости, равенства (неравенства) очень значима и в межгосударственных отношениях, в мировом политическом процессе, так как в конце XX — начале XXI вв. происходят существенные изменения на политической карте мира: исчезло огромное государство — СССР, возникли новые суверенные государства на постсоветском пространстве, происходит пересмотр границ в Африке, Азии, обозначилась опасная тенденция — пересмотр истории. Следует в связи с этим подчеркнуть, что нет абсолютно справедливых границ и стремление к их изменению нарушает стабильность как внутригосударственных, так и международных систем. Все чаще в высказываниях политиков звучат слова о том, Россия должна поделиться своими природными богатствами с другими странами, то есть несправедливо единоличное владение Россией этими ресурсами. Эта тенденция очень опасна и может в будущем привести к новой мировой войне, как наихудшему варианту установления справедливых границ. Поэтому решать столь актуальную проблему необходимо

сегодня посредством дипломатии, опираясь на принципы справедливости: равенство государств в системе международных отношений на основе международного права, свободы волеизъявления граждан, отказ от двойных стандартов (именно этот механизм в настоящее время широко используется в отношении Запада к России и некоторым странам, не вписывающимся в ценностную систему Запада). Автор считает, что в ценностной системе граждан и сегодня справедливость является приоритетной, поэтому ее нарушения в различных проявлениях будут определять политическое поведение личности, общества, степень доверия к власти, что естественно влияет на протекание политического процесса и определяет его направленность. Чувство несправедливости, усугубляющееся ростом социального неравенства, побуждает граждан к участию в протестных акциях, создающих угрозу социальной и политической стабильности, в том числе и в межгосударственных отношениях.

Д. М. Ковба
Екатеринбург

СТРУКТУРНАЯ ДЕКОМПОЗИЦИЯ КОНЦЕПТА «МЯГКОЙ СИЛЫ»: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Теория «мягкой силы» Дж. Най появилась на свет в 1990 г., когда ученые, занимающиеся вопросами международных отношений, искали новые модели, способные объяснить процессы, происходящие в мире. Этот период стимулировал развитие новых областей неореализма, неолиберализма, конструктивизма и других теорий международных отношений.

Дж. Най определил «мягкую силу» как способность достигать необходимых результатов посредством притяжения, а не принуждения или платежей¹. Теорию «мягкой силы» можно отнести к неолиберализму, так как в ней большое внимание уделяется процессам глобализации, становлению единого информационного, экономического, социального и культурного пространства, распространению демократических ценностей и внедрению их в социальные структуры и жизнь общества.

Идеи, выдвинутые Дж. Наем, оказались востребованы политиками, увидевшими в «мягкой силе» инструментарий для решения внешнеполитических задач с опорой на альтернативные классической дипломатии методы, а также научным сообществом, в котором заметно оживились

¹ *Mye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, 1990. P. 10.

дебаты об определении силы, ее источников и новых способах властвования. Теория была принята многими представителями постмодернизма. Так, З. Бауман утверждает: «Най перевернул с ног на голову известную рекомендацию Макиавелли о том, что лучше, когда правителя боятся, чем любят. Люди больше не так покорны, как в прошлом, и не так опасаются наказания, однако, они становятся более восприимчивыми к соблазнам. От принудительной твердой власти отнюдь не отказались, но регулярные войска вряд ли встретятся лицом к лицу»¹. Концепт «мягкой силы» вписался и в феминистскую стратегию: И. Эднен связывает его с количеством женщин в органах власти. Власть в руках женщин, по мнению представительниц феминистской теории, более кооптивно-ориентированная и менее конфронтационная, чем в руках мужчин².

Изначально понятие «мягкая сила» не было основано на развитой теоретической базе. Концепция была использована как инструмент для описания аномалии власти США. В дальнейшем теория развилась и преодолела часть своих недостатков. Однако данное понятие до сих пор не было адекватно определено. Даже в своих поздних работах Дж. Най дает негативное определение «мягкой силы» (т.е. через противопоставление) — это нечто, отличное от жесткой силы. Он пытается внести ясность в определение с помощью обсуждения понятия привлекательности, определения источников «мягкой силы», спектра власти, описания конкретных примеров действия сил. Тем не менее, постановка «жесткой» и «мягкой силы» на разные концы спектра подчеркивает их противопоставление.

Для того чтобы идея спектра стала работоспособной, необходимо применять ее к каждому типу власти (военной, экономической и «мягкой»). В этом случае снимается противоречие, при котором «мягкая сила» вызывает сопротивление (например, в случае агрессивной культурной политики и страха перед культурной гегемонией), а «жесткая» — привлечение (когда успешная экономическая модель страны рассматривается как модель для подражания, или когда в определенных культурах очень высоко ценится сильная армия). Состав «жесткости» и «мягкости» в разных типах силы может отличаться. Так, военная сила, преимущественно, жесткая, однако может включать в себя «мягкие» компоненты.

Необходимо дальнейшее и более тщательное исследование категории «притяжения», которое, согласно Дж. Наю, лежит в основе механизма действия «мягкой силы». Создатель теории рассматривает запасы «мягкой силы», преимущественно, как предварительно данные и концентрируется на способах, с помощью которых Соединенные Штаты могут их использо-

¹ *Bauman Z.* Soft power and hard facts // Social Europe. URL: <http://www.socialeurope.eu/2012/05/soft-power-and-hard-facts/>. Дата обращения: 16.03.2015.

² *Cannon J.* Archive Sunday: Power Matters // Feminist mormon housewives. URL: <http://www.feministmormonhousewives.org/?p=3217>. Дата обращения: 16.03.2015.

вать. Дж. Най не заинтересован в исследовании источников притяжения США и предполагает, что ценности и интересы мира совпадают с универсальными ценностями и интересами США, т.е. выражение «мягкой силы» США происходит в соответствие с реальными интересами других.

*О. И. Коврикова
Тамбов*

ПОЛИТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ АПЕЛЛЯЦИИ К МИФОЛОГЕМАМ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мощный подъем национальной солидарности российского общества, сподвигнутый крымскими событиями 2014 г., продолжает демонстрировать высокий уровень массовой поддержки по отношению не только к первому лицу, но и к другим политическим институтам. Реанимация патриотических настроений как предшествующего механизма организации консолидации общества происходит не смотря на резкое обострение общей ситуации в стране, углубляющийся финансово-экономический кризис и уже весьма явно ощутимое снижение материального положения населения. В условиях архаической системы государственного патернализма при усилении авторитарного консерватизма такая ситуация интересна для анализа новых феноменов проявления сущности, роли, функций общественного мнения как с позиций теоретического познания, так и с позиций прагматических задач.

Феноменальность общественного мнения проявляется в его сущностных основаниях, прежде всего потому, что независимо от политического режима оно представляет собой единство социальной оценки и социальной воли. Мнение как оценка отражает интерес, существование которого объективно для любой общественной субстанции. Не менее значимую часть «территории» общественного мнения являют собой волевые действия. Изучение феномена общественного мнения усложняется также тем, что единство оценочно-поведенческой компоненты реализуется так сказать в двух «системах координат». Эта сущностная черта общественного мнения выражается в двойственном присутствии — как среда, в которой функционирует политическая система (экстернальное качество, широкий смысл) и как элемент этой системы (интернальное качество, узкий смысл). Утвердившаяся парадоксальность конструкта общественного мнения диктует необходимость отслеживания не только интернального мнения (внутрисистемного), но и максимального учета всей ситуации для нивелирования прогнозных ошибок в политике.

Кроме того, парадоксальная природа общественного мнения сопровождается процессами формирования мифов. Прежде всего считаем, что в отношении концепта общественного мнения сложилась утопическое суждение, предполагающее стремление общества к ситуации, когда будет достигнуто некое общественное мнение большинства и вот тогда-то и настанет та самая гармония в отношениях с властью преобладающими. Миф о доминирующей роли общественного мнения в отношениях с управляющей системой рождает целый ряд мифов о гражданском обществе, о демократии как универсальном пути достижения социального консенсуса и торжества всеобщего счастья. Кроме того, в отношении качества самого общественного мнения также возникают представления как о «высоком» мнении — справедливом, отражающем надежды и чаяния народа, а значит «знающем», компетентном мнении, способном к руководящей роли «вести за собой».

Тем не менее результаты целого ряда исследований утверждают, что современное общество характеризуется как раз некомпетентностью, низкой информированностью, пассивностью и отсутствием интереса к общественно-политической сфере, что привело к поиску наилучшего обустройства общества не к обществу равенства, а к обществу элит. Элиты управляют общественным мнением, поскольку необходимость построения эффективных институтов не должна обращаться к уровню развития граждан, а общественное мнение не всегда имеет качество рациональности. По свидетельству В. Путина (фильм А. Кондрашова «Крым. Путь на Родину»), апелляция к общественному мнению крымчан по поводу их самоопределения стала последним и решающим основанием, когда президент принял окончательное решение о начале операции присоединения Крыма к РФ. Разумеется, политические риски этого решения были беспрецедентно высоки, а последствия имели и будут иметь уровни 2-ого, 3-ого и т.д. порядков.

Исходя из выше обозначенных тезисов о сложности конструкта политического общественного мнения, сохраняется способность общественно-го мнения быть и управляемой и управляющей системой одновременно при усилении мифологем о тотальном манипулировании общественным мнением со стороны элит и о политической мощи общественного мнения в современном мире. Думается, что сущность общественного мнения не в признании за одной из них истинности, а в понимании эффекта «зеркального наложения», который трудно уловить и уложить в строгий алгоритм будущих инструкций. В этом смысле российская ситуация соответствует общемировым трендам (неуклонно подтверждаем вектор движения от общества равенства к обществу элит). Суть особенного заключается в осознании своей государственно-национальной специфики в целях обоснования исключительности настоящего момента «нестабильности путинской стабильности». Важно помнить о высокой степени непредсказуемости «бумеранговых отражений» мнений и реакций на них, в том числе в це-

лях использования знаний об архетипических источниках общественного мнения, распознавания примитивных форм и структур сознания, связанного и с мотивами сохранения патерналистского государства, и с определением коллективной идентичности и в целом политического самоопределения российского общества.

А. С. Кожемяков
Москва

МИР ПОЛИТИКИ И МИР ПОЛИТОЛОГИИ: НЕКОТОРЫЕ УРОКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Особенности «свидетельства о рождении» российской политической науки, как выражение традиционной специфики отношений общественных наук и политики в России.

Когда и в каких условиях пошел отсчет современной политической науки в Российской Федерации? «Освоение зарубежного опыта» — основное содержание российской политической науки в 90-е годы. Что дальше?

О пользе и опасности периода «первоначального накопления знаний» в российской политической науке (к вопросу о соотношении теории, методологии и практического политического анализа — российские особенности извечной темы).

Политика внутренняя и политика внешняя — две системообразующие темы в политической науке. Их соотношение в научных исследованиях и медийном пространстве, как существенный показатель состояния общества и международного положения страны.

Востребованность продукта политической науки: кто и в каких целях является сегодня пользователем продукции отечественной политологии? (заметки «внешнего наблюдателя»).

Политическая наука и политическое комментаторство — объективное требование времени или способ персональной реализации? Последствия лавинной медиатизации политической тематики для российской политической науки (о науке описывающей события, науке анализирующей события, и науке формирующей события).

Кризис на Украине — первый опыт политического диалога основных участников в духе постмодерна (к вопросу о пределах «рационального» в политическом действии и его информационном покрытии).

«В ожидании отмены санкций», или «вперед к многополюсному миру»: ситуационный кризис, или качественно новый этап в развитии мировой системы (решена ли эта дилемма в российской политической науке)?

В. Н. Колесников
Санкт-Петербург

МОДЕРНИЗАЦИЯ ФОРМАТОВ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ: ГЕРМЕНЕВТИКА ПРОТИВ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

30-летие Перестройки совпало с масштабным кризисом геополитического и внутреннего характера, что поставило нашу страну перед вызовами цивилизационного, судьбоносного масштаба. Одновременно это высвечивает до того невидимые или плохо видимые социально политические тренды современного развития страны, что представляет собой благодатную почву для политологического анализа. Вместе с тем, решение этой задачи существенно затрудняется заполнившим практически все публичное пространство страны валом пропагандистско-манипуляционной информации, в рамках которой искусство толкования актуальной ситуации подменяет собой научный анализ. В этом контексте исторический опыт перестройки дает нам поучительный материал для кросс-темпорального анализа с выходом на актуальные проблемы сегодняшней российской политики.

В настоящее время коммуникация власти и общества нередко реализуется в формате герменевтики. При этом складывается впечатление, что появление новых форм коммуникации власти и общества имплементировано в общую систему политико-административного управления и ориентировано на достижение чисто управленческих задач сиюминутного характера.

В условиях нарастания остроты внешних и внутренних вывозов, стоящих перед российским государством и обществом отчетливо проявляется тенденция упреждающего воздействия государства на коммуникационные процессы в сфере общественных отношений.

В рамках продолжающегося кризиса существенно трансформировалось коммуникационное пространство внутри и вовне страны. Мы наблюдаем перекося в картине мира, которую создают в настоящее время наиболее действенные акторы коммуникационного пространства, прежде всего государственно-ориентированные масс-медиа.

В отношениях с зарубежным миром мы стали терять общий язык аналитики: вместо дискуссии — смысловая несовместимость. Противоположные концепты и системы образов практически не стыкуются в едином научно-аналитическом пространстве. Ускоряющаяся динамика геополитических и региональных ментальных разрывов с трудом находит интерфейсы взаимопонимания.

Имеются все основания говорить об утверждении особого стиля коммуникационного взаимодействия государства и общества, который может быть описан следующим образом: тотальное упреждение любых возможных общественных и научных инициатив как реакцию на внешние и внутренние вызовы, замена научно-аналитического дискурса непрерывным информационным потоком экспрессивного характера, призванного воздействовать не на разум человека, а на его чувство. Навязывается повестка дня, отвлекающая внимание и интерес общества от нарастающих внутренних проблем социально-экономического характера. Вместо того, чтобы анализировать объективную реальность — экономику, социальные отношения, политику внимание сосредотачивается на обсуждении того, что и как сказано противной стороной. Смещение повестки дня в сторону от острых проблем внутреннего развития компенсируется трактовкой исторических событий на базе бытовой массовой психологии. В этих условиях объективно востребован поворот в сторону усиления объективного анализа, активизации научного поиска ответов на современные вызовы. Развивающиеся коммуникационные технологии в сфере взаимосвязи общества и власти могут дать общественно значимый эффект только в том случае, если будут базироваться на базе объективного анализа реальных процессов общественного развития. Для нашей страны это связано с решением фундаментальной проблемы: сочетания специфики исторического развития России с эволюционной демократизацией общества и государства. Основными узлами такой демократизации выступают прорыв к инновационному типу развития, требующий подъема роли и престижа науки и образования; утверждение приоритета публичных ценностей и профессионализации в функционировании государственного аппарата; расширение функций гражданского общества, вовлечение его в сферу властных отношений, выдвижение на первый план социальной справедливости как стратегической цели общественного развития. Ощущается необходимость разработки философии и формирования реальных механизмов смены отечественных элит на принципиально иных качественных, прежде всего ценностных, основаниях, без чего в нашей стране практически невозможно обеспечить реальные цивилизационные перспективы развития общества и государства.

В развязке этих проблемных узлов — возможность обретения нашим обществом новой идентичности, органически включающей в себя наш традиционализм и реалии мирового развития XXI-го века.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Специфику создания и функционирования российских государственных корпораций (далее — ГК) можно анализировать только в контексте политических условий, сложившихся в России с начала 2000-х годов.

Российские ГК значительно различаются по сфере деятельности, наличию властных полномочий, задачам, функциям, имущественному положению, управляющей структуре, срокам функционирования и др. Объединяющей характеристикой ГК является политическая мотивация их создания. 6 корпораций были созданы в сжатые сроки — с мая по декабрь 2007 г. Создание ГК стало в некотором роде расширением системы государственного управления, процессом перехода отдельных государственных решений с уровня органов исполнительной власти на уровень корпораций.

Полагаем, что существующие проблемы функционирования ГК обусловлены действиями самого государства, имеют политическую природу.

Во-первых, по существу ГК использовались государством как инструмент перераспределения собственности. С их образованием формально государственная доля в экономике сократилась, однако государственный сектор значительно вырос за счет расширения масштабов хозяйственной деятельности ГК, приобретения ими непрофильных активов через разветвленную сеть дочерних и зависимых компаний.

Во-вторых, решение о создании ГК было сугубо политическим и закрытым для обсуждения, его принятию не предшествовали ни экономическое, ни юридическое, ни организационное обоснования. Это обстоятельство породило многочисленные правовые коллизии и несогласованность действий государственных органов, причастных к созданию ГК. Проблемы функционирования ГК обнаружили практически сразу: так, в силу низкого уровня законодательной регламентации, большинство корпораций смогло приступить к реализации своих функций лишь по истечении определенного времени, потраченного на согласование необходимых документов.

Существенные проблемы скоропалительного политического решения о создании ГК заключаются в том, что остались несформированными системы взаимодействия и разрешения конфликта интересов новых субъектов государственного управления с существующими органами исполнительной власти и бизнес-сообществом. Поэтому создание ГК не привело

ни к ожидаемому повышению качества государственного управления, ни к улучшению делового климата. Представители бизнеса отмечали, что создание ГК способствовало росту монополизма, коррупции и несправедливой конкуренции — вместо сокращения государственного участия в экономике состоялась экспансия государства в конкурентные сферы экономики.

В-третьих, государством не сформулированы критерии эффективности ГК как новых механизмов регулирования отдельных сфер экономики (банковской, инвестиционной, промышленной и т.д.). Полагаем, что экономическая целесообразность не являлась ключевой, так как законом предусмотрен некоммерческий характер госкорпораций. А социально-политическая значимость этих дорогостоящих государственных проектов, заключающаяся в качественном изменении экономики как объекта регулирования, не была очевидной.

В-четвертых, принципиально важным политическим вопросом является процесс управления собственностью, переданной государством в собственность ГК. Проблема собственности является центральной темой при анализе деятельности ГК. Изначально источником имущества ГК была государственная собственность и в случае неудачного опыта по внедрению института ГК в социально-экономическую жизнь государства Российская Федерация несет риски, связанные с уменьшением имущества, его перехода к иным собственникам. Фактически ГК стали альтернативой приватизации государственного имущества весьма значительной стоимости (более 2 трлн рублей).

В-пятых, государство должно нести ответственность за эффективность управления собственно ГК, так как механизм формирования органов управления корпораций определяется политико-правовыми механизмами — соответствующими федеральными законами, и предполагает непосредственное участие в этом процессе Президента РФ и Правительства РФ. Однако проблемы корпоративного управления в ГК в значительной степени определяются общими недостатками в представлении государственных интересов и во многом повторяют проблемы корпоративного управления в акционерных обществах.

В-шестых, явной проблемой является отсутствие политического контроля за деятельностью ГК. Законодательством не разрешены вопросы как контроля за деятельностью ГК, так и ответственности за действия, причиняющие вред собственно государству. Имущество, переданное Российской Федерацией ГК, перестало быть государственной собственностью, тем самым контроль за финансовой деятельностью ГК выведен из поля зрения Счетной палаты РФ (за исключением Росатома). В этих условиях чрезвычайно велик риск бесконтрольного использования бывшего государственного имущества и невыгодного для государства распоряжения этим имуществом.

АБСОЛЮТИЗМ И СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ В РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СПОРАХ XV–XIV ВВ.

Период Московской Руси породил множество фундаментальных политических дискуссий, некоторые из которых можно считать актуальными и по сей день. Стоит отметить, что этот исторический промежуток стал своего рода предтечей долгого противостояния между сторонниками абсолютизма как оплота русской государственности и теми, кто видел истинную природу власти в допущении диалога государя с подданными.

Одной из наиболее важных дискуссий в церковных кругах московского периода является полемика между «нестяжателями» и «иосифлянами». Спор между ними был посвящен вопросам церковного имущества, сущности церкви как религиозного института, отношениям между церковью, светской властью и обществом. Необходимо заметить, что похожие по тематике споры велись в это время в Европе, положив основу реформаторским течениям в католическом направлении христианства.

«Заволжских старцев» или «нестяжателей» духовно возглавлял Нил Сорский, а «иосифлян» — настоятель Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий. Содержание идей «нестяжателей» сводилось к тому, что монахи должны жить духовной жизнью, а не «стяжать» богатство, которое отвлекает служителей церкви от их первостепенных задач — общению с Богом и стремлению к душевной чистоте. «Нестяжатели» выступали также и против богатого церковного убранства. Эти идеи резко критиковал Иосиф Волоцкий, считавший, что имуществом не должны владеть только монахи, а сами монастыри наоборот должны осуществлять накопительную функцию, поскольку тем самым они накапливают ресурсы для помощи малоимущим. Как писал Иосиф Волоцкий: «Церковное бо богатство — нищих богатство».

Из этого принципиального различия во взглядах на отношение церкви к материальным благам вытекали два противоположных подхода к пониманию церкви и ее роли в обществе, а также к пониманию сущности государственной власти. «Иосифляне» выступали за сильную церковь, как влиятельный социальный институт, а «нестяжатели» — за разделение государства и церкви. Последние же выступали за ограничение власти князя коллективными органами — «вселенским советом» и «советом разумных мужей», в чем просматривается архаичное представление об устройстве

ГРАЖДАНСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

современного парламента. И если первоначальные представления Иосифа Волоцкого о природе власти были еще не предельно абсолютистскими, то после начала кампании против «жидовской ереси» в Новгородской республике и церковного собора 1504 г., где Иван III принял сторону «иосифлян» в вопросах церковного имущества, его абсолютистская позиция укрепилась. Светская же власть приняла эту абсолютистскую трактовку, в которой цари не только признавались в человеческом естестве богоподобными, но и практически уподоблялись богам. Идеологическую победу Иосифа Волоцкого продолжил Филофей Псковский, развивший идею «Москва—Третий Рим».

Другим примером может служить полемика Ивана IV с Андреем Курбским или дискуссия о направлении вектора государственного развития между «славянофилами» и «западниками». Еще в XVI в. предтечей реформ Ивана Грозного стали наставления публициста и писателя Ивана Пересветова о необходимости централизованного государства под управлением сильного монарха, обладающего неограниченной властью. Пересветов призывал монарха поддерживать военную мощь государства и военных, обличая царское окружение в лице бояр («Сами вельможи русского царя богатеют и в лени пребывают, а царство его в скудость приводят»). В оппозиции находился бежавший из Московского государства в Литву недавний советник Ивана Грозного Андрей Курбский, упрекавший царя в преследовании так называемой Избранной рады — близкого самодержцу круга влиятельных людей, ратующих за постепенное и последовательное проведение государственных реформ и наделения дворянского сословия правовыми привилегиями. Попав в немилость, Курбский осуждал прямолинейную и силовую политику Ивана Грозного, призывал «искать доброго и полезного совета не токмо у советников, но и у всенародных человек», а также пересылал царю избранные главы из произведений Цицерона, апеллируя к мудрости древнеримского сторонника идеи правового государства.

Таким образом в развитии российской политической мысли политический дискурс неминуемо распадался на два направления, которые в общих чертах можно охарактеризовать, как индивидуалистское (либеральное, демократическое) и общественное (консервативное, охранительное). Колебания дуалистической системы «личность-общество» в российском политическом пространстве чаще всего приводили к появлению набора идей или ценностей, объединяющих общество и правящий класс. Исторически это происходило в опасные для государства периоды; угроза внешнего вторжения или приход к власти сильного реформатора катализировали риторику солидарности.

Если вспомнить, что в немецком языке «гражданское» и «буржуазное» общество выражается одним и тем же словом («*burgerliche gesellschaft*»), то восстановление или формирование гражданского общества означает одно: начало процесса обуржуазивания или буржуазной социализации.

Термин «буржуазная социализация» принадлежит венгерскому философу Иштвану Балогу, который употребляет термин «процесс буржуазной социализации» через запятую с такими, как «создание гражданского общества», «формирование буржуазии»¹.

Аналогичным по содержанию будет употребление в данной работе термина «гражданская социализация». В то же время гражданская социализация будет являться основой, базовым условием и предпосылкой конструирования гражданской идентичности.

Как известно, основной клеточкой гражданского состояния в эпоху Нового времени становится собственник («человек» *burger, bourgeois* (буржуа)).

Как отмечает Манфред Ридель в известном «Словаре основных исторических понятий»: «Правовая конструкция гражданского общества, выстроенная в течение XVII—XVIII вв., была неразрывно связана с понятием о договоре, основанном на «собственности»... Договорное право было правом собственности человека в отношении собственных поступков, свобода была собственностью, которую можно было отчуждать, утрачивать и вновь приобретать. Правоспособность человека вытекала не из того, что он являлся человеком, а из того, что он был собственником прав, поступков, вещей»².

Переход в состояние свободы, как считал один из основоположников теории общественного договора Руссо, предполагает заключение подлинного общественного договора. Общественный договор — это не соглашение между двумя правовыми лицами, подданными и правителями, т.е. честный договор, а такой, каким он может и должен быть. Договор является соглашением равных между собой субъектов.

¹ Балог И. Буржуазная социализация и шансы на модернизацию // Венгерский меридиан. 1992. № 1.

² Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2-х т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2014, с. 126–127.

Свободу и равенство участников общественного договора обеспечивает коллективная личность — суверен, или народ в целом, чьи интересы не могут противопоставляться интересам частных лиц.

Налицо четкая постановка проблемы: как должны взаимодействовать две стороны частный интерес, персонифицированный в человеке — собственнике, хозяйственном субъекте, производителе и потребителе материальных благ, и общественный интерес, воплощенный в государственной власти, в политическом государстве, органической частью которого является гражданин (*citoyen* как член политического государства) со своим пониманием гражданского долга.

Гражданином по Руссо, становится тот, кто преодолел «своеволие», свой эгоистический интерес, поставил собственные интересы на службу «разумного» государства. В этом собственно и заключается необходимость гражданской социализации: достижение, выражаясь кантовским языком, «всеобщего правового гражданского общества».

И. Кант в этом пункте не расходится с взглядами своих либеральных предшественников по просветительству. Гражданское состояние объединяет изолированных друг от друга и юридически незащищенных индивидов в систему некоего правопорядка и сообщает им некое политическое устройство. Договорные отношения базируются на определенном правовом принципе, который только и позволяет понять необходимость договора, соединение свободы и принуждения («власти»): это принцип «права человечества» Понятия свободы и принуждения связаны друг с другом в понятии правомерной принуждающей власти.

Важно отметить гегелевское положение об учете различия и единства: если в гражданском обществе (и соответственно, в государстве) особенность и всеобщность распались, они остаются взаимосвязанными и взаимно обусловленными.

Каким образом преодолеваются сущностные противоречия между государством, всеобщим и гражданским обществом, определенными экономическим «особенностями». Как же «непосредственность» и «единичность» обретает форму «всеобщности» и «рассудочности»?

Человек как собственник, буржуа для преодоления «голой субъективности поведения», своего эгоизма, произвола желания и другого, для того, чтобы достичь статуса гражданина, должен приложить колоссальные усилия в «тяжком труде», связанным в том числе и с образованием. Только тогда, пишет Гегель, «форма всеобщности, до которой особенность поднимается посредством труда и образования, составляет объяснение того, что особенность становится истинным для-себя-бытием единичности»¹. В этом и предполагается смысл и содержание гражданской социализации.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Электоральные предпочтения избирателей чрезвычайно тесно связаны с политической культурой, ожиданиями и установками, существующими в обществе. Несмотря на большое многообразие ее трактовок наиболее точным является рассмотрение политической культуры как некоего синтеза политических ориентаций, знания и поведения. В подтверждение данной позиции приведем слова польского социолога Е. Вятра: «Нельзя сводить понятие политической культуры исключительно к психическим состояниям. Нужно включить в него также определенные образцы поведения»¹.

Под электоральными предпочтениями понимаются факторы восприятия действительности и деятельности граждан, создающие основания для того, чтобы в момент голосования избиратель принял то или иное решение.

Для того чтобы понять особенности электоральных предпочтений, необходимо изучить идеальные образы массового сознания, особенности того, как на них реагируют различные слои населения. Электоральные предпочтения, будучи продуктом коммуникации, определяются не только идеологией, господствующей в обществе, но и аудиторией, воспринимающей эту идеологию. Выявление социокультурных оснований отображающих электоральные предпочтения в сознании позволяет понять скрытые основы предпочтений одних лидеров, партий и их программных установок другим. Что же является определяющим в электоральных предпочтениях россиян?

Восприятие электоральных предпочтений, прежде всего, обусловлено рациональными требованиями, интересами, но в еще большей степени неосознаваемыми социокультурными схемами, стереотипами, установками массового сознания. Говоря о социокультурных основаниях восприятия региональных электоральных предпочтений, будем подразумевать глубоко укорененные причины, принципы, связанные с особенностями места обитания, жизни, быта, исторического опыта, культурного предметного мира, поведения, характера, идеалов и ценностей избирателей. Это означает, что без обращения к глубинным пластам общественного сознания, религии, мифологии, региональной истории народа эффективно исследовать электоральные предпочтения не удастся. Прежде всего, речь идет об архетипах и этностереотипах.

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 233.

¹ Вятр Е. *Социология политических отношений*. М., «Наука». 1992. С. 260.

Архетипы — это неосознанные базовые схемы представлений, общие для всех людей, они всегда тесно переплетаются с этностереотипами — схематизированными моделями, программами поведения, упрощенными устойчивыми эмоционально окрашенными образами этнической группы.

Стереотипы, как правило, выражают идеалы этноса в отношении самого себя, подчеркивают оригинальные национальные черты своего народа, а также задают особенности восприятия других наций. Они напрямую связаны с этническими особенностями, возникшими в результате длительного исторического пути этноса, или того, что принято называть менталитетом, национальными чувствами и предпочтениями.

Однако важный вклад в формирование электоральных предпочтений российских граждан сегодня вносит не только менталитет нации, но и современная социально-экономическая и политическая обстановка в стране.

Подобные обстоятельства заставляют обратить особое внимание на то, что все те установки, которые воздействуют на поведение гражданина, мотивируют его электоральные предпочтения, помимо всего прочего разнородны и, что особенно важно, различны по масштабам и уровням.

Электоральные предпочтения создаются в процессе коммуникации и определяются социокультурными основаниями. Чем больше политики появляются на экране, проявляют себя в своей сфере, экономике или в социальной сфере, тем больше о них информации как о политических деятелях, а, следовательно, тем выше оценка общественности к результатам их работы. Именно сила и активность как основополагающие черты политических лидеров определяют в восприятии масс их привлекательность. При этом особенно важны такие факторы, как здоровье, возраст, физические и интеллектуальные ресурсы, способность защищать интересы страны, бороться с коррупцией, но особенно — умение организовать дело и выйти победителем из экстремальных ситуаций. Сила, понятая таким образом, не исключает насилия, борьбы, авторитаризма и героического восприятия жизни.

Согласно данной точке зрения власть должна идти впереди общества, она сама должна проводить реформы, иногда навязывая их народу. Подобные установки не всегда согласуются с либерально-демократическими ценностями, и даже те, кто пытаются их внедрить, часто прибегают к насилию.

Таким образом, истоки восприятия электоральных предпочтений лежат в этнокультурной сфере. Российское общество сегодня является поликультурным обществом, где существуют взаимоисключающие установки и ценности, поэтому электоральные предпочтения заметно варьируются в различных группах населения.

ФАШИЗМ: ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРИЗНАКОВ

В последние месяцы в публицистике, в СМИ, в сети Интернет все чаще можно встретить термин «фашистский», который используется для характеристики политических оппонентов. В таком контексте этот термин скорее выступает в роли инвективы, чем содержательной характеристики. Содержание понятия «фашизм» и критерии его идентификации остаются дискуссионными и используются спекулятивно. Если в западных исследованиях после публикаций работ Роджера Гриффина, Стэнли Дж. Пейна, Роджера Итуэлла и др. удалось достичь некоторого консенсуса в трактовке данного понятия, то в отечественной науке эта проблема до сих пор не решена. Отсутствие четких критериев квалификации того или иного комплекса идей в качестве фашистской идеологии затрудняет проведение конкретных социологических исследований, которые позволили бы выявить степень распространения этих идей и социальную базу потенциального фашистского движения.

Решение поставленной задачи осложняется пресловутой «гибкостью» фашистских идеологий, нередко способных сочетать несовместимые идеи. На «беспрецедентный эклектизм» фашизма обращал внимание, в частности, авторитетный отечественный исследователь А. А. Галкин: он отметил, что в этой идеологии сочетаются идеи аристократизма и «народности», национализма и наднациональной общности фашистов, антикапитализма и созидательного характера капитала, автаркии и единого европейского рынка, расистской кастовости и народной общности, презрения к массе и воспевание человека труда и т.д.¹ Этот эклектизм усложняет задачу экспликации некоего общего ядра фашистской идеологии. Методологически эту проблему очень емко выразил Стэнли Джордж Пейн: «...Сведение всех возможных фашизмов к одному-единственному родовому феномену с полностью совпадающими характеристиками неточно, в то время как совершенно номиналистический подход, настаивающий на существенных отличиях между радикальными националистическими движениями в межвоенной Европе, хотя и верен в узко техническом смысле..., имеет противоположный дефект игнорирования характерных отличительных черт»². В связи с этим в исследованиях фашизма получила распростране-

¹ Галкин А. А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. С. 283.

² Payne S. G. A History of Fascism, 1914–1945. L.: Routledge, 1995. P. 462.

ние методология идеальных типов М. Вебера, позволяющая фиксировать «родовые» признаки фашизма, независимо от многообразия конкретных его проявлений.

В сочетании с концепцией «идеологической морфологии» Майкла Фридена, такой методологический ход позволяет операционализировать основные понятия, которые выполняют роль индикаторов фашистской идеологии. Анализ классических работ Р. Гриффина, А. А. Галкина, Ст. Дж. Пейна, Р. Итуэлла и др. показывает, что базовыми компонентами фашистской идеологии являются два концепта:

- радикальный ультранационализм;
- идея посткризисного революционного возрождения (палингенез).

Гораздо более вариативными являются смежные понятия:

- крайне негативное отношение к либеральному индивидуализму, космополитизму и моральной нейтральности;
- критическое отношение к консерватизму за его неприятие революционных изменений;
- «творческий нигилизм» как основа создания новой политической культуры;
- подчеркнутый антиэлитаризм;
- пренебрежительное отношение к личности, подчинение ее интересов и ценностей интересам коллектива;
- поиск «третьего пути» между капитализмом и социализмом;
- акцент на действии, превознесение воли и мужских принципов героизма, милитаризма и дисциплины;
- мистицизм как основа культуры.

Менее значимыми представляются периферийные концепты, такие как:

- культ личности и вождистский принцип;
- ритуальный, театральный стиль политики;
- парамилитаризм, акцентирующий молодежные движения, власть и моральные достоинства армии;
- масштабные собрания, шествия, стремление демонстрировать единство;
- шовинизм;
- антисемитизм, евгеника и др.

Можно сделать вывод, что перечисленные признаки могут быть положены в основу программы социологического исследования, с целью выявления профашистских настроений, способных эволюционировать в массовое фашистское движение.

А. В. Коротаев
Москва

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЛНА 2013–2014 гг.: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ. ИЛИ — ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ПРЕЗИДЕНТОМ МУРСИ И ПРЕЗИДЕНТОМ ЯНУКОВИЧЕМ?

В 2013–2014 гг. мир столкнулся с новой довольно слабой (но при этом и достаточно своеобразной) революционной волной. Волна протестов в Каире, Киеве и Бангкоке привели к падению режимов (в первом и третьем случае при прямом участии военных); волны протестов в Тунисе, Каракасе, Стамбуле — Анкаре и Сараево бросили серьезный вызов соответствующим режимам, но не привели к их актуальному свержению. Есть ли что-то общее между этими волнами дестабилизации, произошедшими хоть и синхронно в столь далеких на первый взгляд (и географически, и цивилизационно) странах, как, скажем, Венесуэла, Украина и Таиланд? Как выясняется есть. И неожиданно много.

В данном исследовании особое внимание уделяется такому «общему знаменателю» всех событий данной серии, как явление, названное нами «центр-периферийным диссонансом».

Как известно модернизационные процессы, что в современном мире в очень высокой степени коррелирует с процессами вестернизационными [Хантингтон, 2003; Поляков, 1997], в сколько-нибудь крупных странах идут неравномерно в разных их частях. При этом в столицах они обычно идут быстрее, чем на периферии, в результате чего настроения населения столиц совершенно закономерно могут начинать существенно отличаться от настроения периферии. Предельно упрощая, в столицах модернизирующихся систем обычно преобладают более «либеральные» / «вестернизированные» (в исламских странах — более «секуляристские») настроения, а на периферии — более «консервативные» / менее «вестернизированные» (в исламских странах — более «исламистские»).

В подобной ситуации установление демократии в подобного рода странах систематически ведет к такой ситуации, когда при проведении демократических выборов к власти приходит партия, пользующаяся поддержкой большинства страны, но не пользующаяся поддержкой большинства населения столиц.

В XIX в. одним из самых характерных примеров здесь может служить история Франции 1848–1871 гг. В 1848 г. парижане свергают французскую мо-

нархию и 10 декабря того же года во Франции проходят первые в ее истории прямые президентские выборы¹. К удивлению парижских либералов на выборах тогда победил Шарль Луи Наполеон Бонапарт. Затем всефранцузский референдум 21 декабря 1851 г. увеличивает срок его президентских полномочий с 4 до 10 лет. А еще один всефранцузский референдум (21 ноября 1852 г.) санкционирует превращение Франции из республики в империю, открывая демократическим путем дорогу к провозглашению 2 декабря 1852 г. Шарля Луи Наполеона Бонапарта Императором Франции Наполеоном III.

3–4 сентября 1870 г. парижане снова свергают французскую монархию и провозглашают республику еще раз. На последовавших после этого 8 февраля 1871 г. выборах в первую Национальную ассамблею Третьей республики республиканцы побеждают в Париже. Однако в целом по Франции большинство мест в новом парижском парламенте получают консервативные монархические партии [Lejeune, 1994: 8–11], что послужило одним из факторов начала парижского восстания, известного у нас как Парижская коммуна.

Имеются основания утверждать, что подобный фактор центр-периферийного диссонанса сыграл важную роль и в генерировании дестабилизационной волны 2013–2014 гг. Ввиду чего рассмотрим произошедшие в семи рассматриваемых нами странах — Таиланде, Тунисе, Венесуэле, Турции, Боснии и Герцеговине, Египте и Украине — события подробнее.

В Таиланде правившая там до событий 2014 г. партия «Пхья Тхай» (Для Таиланда) на всеобщих выборах 2011 г. получила почти половину голосов избирателей, что позволило ей получить 265 мест в парламенте из 500. Ее главный соперник, Демократическая партия, получила 35% голосов, проведя в парламент только 159 своих депутатов. Однако в Бангкоке «Пхья Тхай» получила только 30% голосов, значительно меньше Демократической партии; в результате, от Бангкока в парламент пошло 23 представителя Демократической партии и только 10 — от «Пхья Тхай» [Elections, 2011]. При этом оппозиция одержала победу почти во всех округах центрального Бангкока. То, что большинство жителей тайской столицы поддерживает оппозицию, а не правящую партию убедительно продемонстрировали и губернаторские выборы 2013 г. в Бангкоке, на которых уверенную победу одержал представитель именно оппозиционной Демократической партии — Сухумханд Парибатра, заменивший на посту главы Бангкока Понгсапата Понгчароена [Bangkok Metropolitan... 2013]. Именно Бангкок стал эпицентром начавшейся в ноябре 2013 г. протестной волны, завершившейся в 2014 г. смещением правящего режима военными.

В октябре 2011 г. в Тунисе на выборах в Учредительное собрание достаточно уверенную победу одержала умеренная исламистская партия «ан-

Нахда» (Возрождение), которая далеко обогнала своих основных секуляристских соперников, набрав 37% голосов. Однако в столице она получила лишь 29,9% голосов, что является одним из самых низких результатов по стране. Именно в городе Тунисе наблюдались главные события, начавшейся в феврале 2013 г. протестной волны, направленной против исламистов и поставившей под серьезную угрозу выживание правящего умеренно исламистского режима [см.: Исаев, 2013; Долгов, 2014].

В Венесуэле на президентских выборах 2013 г. приемник Уго Чавеса лидер Единой социалистической партии Николас Мадуро набрал больше половины голосов в целом по стране. Однако в Каракасе в принципиально значимых центральных районах за Мадуро проголосовало лишь меньшинство избирателей, большинство же поддержало его соперника — лидера Круглого стола демократического единства Энрике Каприлеса [Consejo National Electoral, 2013]. Именно эти районы Каракаса стали важнейшей базой начавшейся в январе–феврале 2014 г. протестной волны.

В Турции в 2011 г. правящая Партия справедливости и развития во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом одержала вполне убедительную победу на парламентских выборах как в целом по стране, так и в Стамбуле. Однако опрос, проведенный исследовательским центром *Pew Research* в марте 2013 г., т.е. за два месяца до начала в Стамбуле на Таксима мощной протестной волны, показал, что хотя в целом по стране почти две трети турков поддерживало Эрдогана, в Стамбуле он пользовался поддержкой лишь меньшинства его обитателей [Fisher, 2013]¹.

Ситуацию в Боснии и Герцеговине анализировать особенно трудно из-за чрезвычайно сложной административной системы этой страны. Главой государства здесь является не отдельный человек, а коллективный орган — Президиум, включающий в себя представителей трех основных народов страны — хорватов, сербов и боснийцев-муслиман. С другой стороны, страна делится на хорватско-боснийскую Федерацию Боснии и Герцеговины, Республику Сербскую и де-факто контролируемого последней Округа Брчко [Политические системы... 2009]. Наиболее масштабные протесты 2014 г. в Боснии наблюдались в ее столице, Сараево, но затронули они прежде всего хорватско-муслиманскую Федерацию Боснии и Герцего-

¹ Интересно, что муниципальные выборы 30 марта 2014 г. показали, что партия Эрдогана снова пользуется поддержкой большинства обитателей Стамбула — при этом уровень этой поддержки оказался даже выше, чем в 2011 г., что, по-видимому, отражает усталость многих стамбульцев от таксимовских эксцессов. Парадоксальным образом таксимовские беспорядки привели не к падению, а к восстановлению популярности Эрдогана в Стамбуле — во многом из-за занятой им последовательной жесткой позиции по отношению к попыткам псевдодемократического свержения демократически избранных властей.

¹ Интересно, что следующие, кстати, прошли только в 1965 г.

вины (при этом 73% ее населения составляют именно муслиманы). На этом фоне примечательно, что лидер боснийской общины, Бакир Изетбегович, получил на предыдущих президентских выборах большинство голосов муслиман (боснийцев) в целом по стране, и лишь откровенное меньшинство — в столице [Centralna Izborna... 2010].

В Египте на конституционном референдуме 2012 г. «Братья-мусульмане» (*ал-Ихван ал-муслимун*) в целом по стране смогли добиться одобрения проталкивавшейся ими конституции вполне уверенным (в почти две трети) большинством голосов — 63,8%. Однако в Каире конституцию «Братьев» поддержало лишь меньшинство принявших участие в референдуме — 43,2% [Истифта Миср, 2012]. Через полгода после этого именно Каир стал эпицентром волны протестов, завершившихся 3 июля 2013 г. смещением военными администрации «Братьев мусульман» во главе с президентом Мурси при массовой поддержке жителей Каира [см.: Васильев, Виницкий 2013; Исаев, 2014]. При этом проведенный нами математический анализ результатов президентских выборов мая 2014 года показал, что, скажем, в Среднем Египте «Братьев-мусульман» до сих пор поддерживает абсолютное большинство его обитателей [Коротаев, Исаев, 2014].

Сходная ситуация наблюдалась и на Украине. Во втором туре президентских выборов 2010 г. Янукович вышел на первое место, набрав 48,95% голосов [Центральна виборча... 2010]. Однако в Киеве он получил почти в два раза меньший процент голосов. На парламентских выборах 2012 г. Партия регионов получила значительно больше голосов, чем любая другая партия — около 30%. Но те же самые выборы показали, что в Киеве партию власти поддерживало лишь незначительное меньшинство (12,6%) столичных жителей [Центральна виборча... 2012]. Как мы хорошо помним, именно Киев стал в ноябре 2013 г. эпицентром волны протестов, завершившихся в феврале 2014 г. свержением администрации президента Януковича.

Таким образом, можно выделить еще один предиктор социально-политической дестабилизации для высоко коррумпированных средне-развитых обществ — то, что мы назвали «центр-периферийным диссонансом».

Проведенный нами количественный тест данной гипотезы с использованием кросс-национальных данных подтвердил, что «центр-периферийный диссонанс» является статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ УНИВЕРСИТЕТА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Категория идентичности оформилась в качестве важнейшей в рамках осмысления современных социокультурных процессов. Однако, несмотря на обилие теоретических и эмпирических исследований, она до сих пор является одной из самых сложных и теоретически многозначных. В зависимости от того, в какой области человеческого знания используется термин «идентичность», он приобретает свое значение и смысл.

Исследование проблемы гражданской идентичности носит междисциплинарный характер, широко представлено в работах социологов и психологов, но недостаточно разработано в рамках политической науки.

Несомненно, огромную роль в процессе формирования гражданской идентичности молодежи, в частности — студентов принадлежит преподавателю.

Рассматривая гражданскую идентичность современного преподавателя, важно определить его идеальный образ гражданина России. Мы видим (Рис. 1), что все предложенные в психосемантической методике качества идеального гражданина оценены в максимальных категориях, то есть преподаватель считает, что это и есть образ «идеального гражданина России». В то же время, на рисунке показано представление преподавателя о «типичном гражданине России», оно противоположно идеалу по всем предложенным качествам, то есть типичный житель нашей страны далек от того идеального образа гражданина, который есть у преподавателя вуза.

Важно отметить, что молодежь, по мнению преподавателя вуза, со своей гражданской позицией далека от идеального гражданина и приближена к типичному гражданину, а по таким качествам как «принятие ответственности за судьбу своей страны», «ответственность за собственные действия» имеет более низкий результат в представлении преподавателя, чем типичный гражданин (рис. 2).

В свою очередь, преподаватель видит себя ближе к идеалу, чем типичному гражданину России, при этом он оценивает себя по всем качествам выше типичного гражданина (рис. 3).

Еще необходимо обратить внимание и на то, что преподаватель вуза не видит перспектив своего гражданского развития, он считает, что все каче-

ства гражданина, которые у него представлены относительно его развития как гражданина максимально развиты, а его гражданская идентичность не изменится (рис. 4).

На представленной ниже диаграмме интересно соотношение представлений преподавателя о себе как гражданине и о гражданине — студенте, преподаватель ставит студента практически по всем качествам ниже себя, лишь два качества «готовность участвовать в общественно-политической жизни страны», «желание участвовать в общественно-политической жизни страны» у них практически совпадает (рис. 5).

Продолжая анализ представлений преподавателей вуза о современной молодежи, считаем важным отметить, что преподаватель не видит перспектив развития современной молодежи в области гражданственности (Рис. 6).

Гражданская идентичность современного преподавателя представлена на графике (рис. 7)

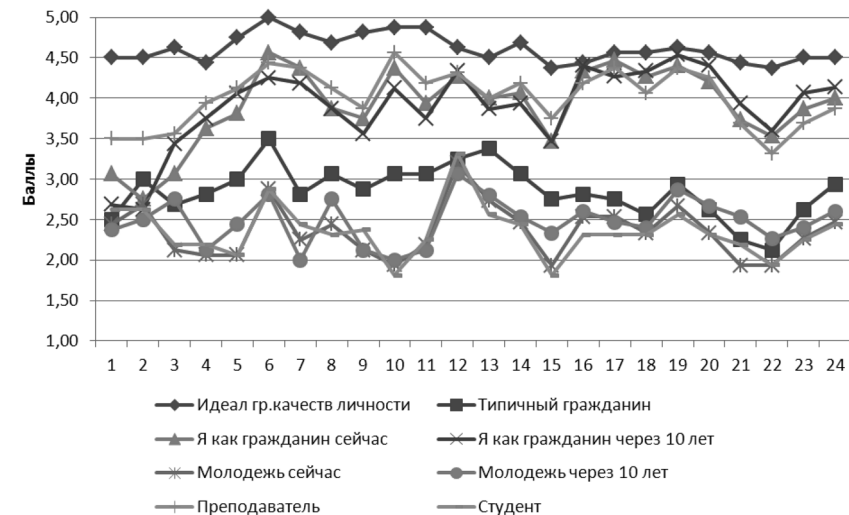
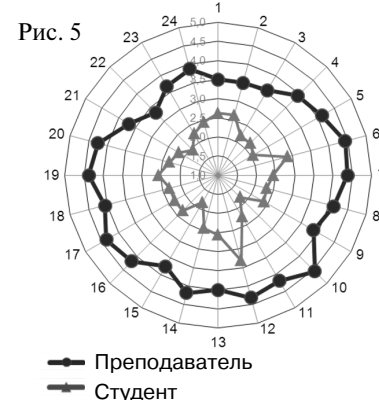
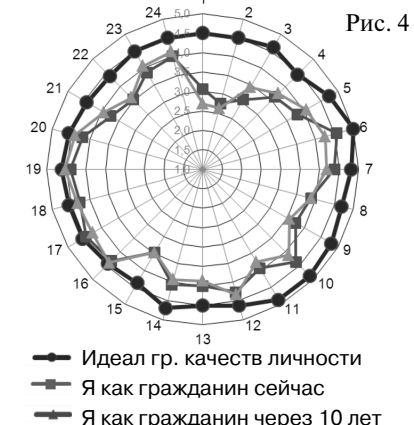

Рис.7

Таким образом, можно говорить о необходимости целенаправленного управления формированием гражданской идентичности через учебно-воспитательный процесс в вузе/ Придание формированию гражданской идентичности молодежи определенной направленности является особенно актуальным, поскольку может оказать прямое влияние на решение таких важных социальных задач, как формирование относительно гомогенного патриотического сознания молодежи, легитимация государственной власти и формирование институтов гражданского общества.

Важно способствовать решению данной проблемы через выявление эффективных технологий, которые можно использовать в образовательном процессе вуза и повышение профессиональной компетентности преподавателей высшей школы.

Г. В. Косов
Пятигорск

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ КАК ЗЕРКАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (на примере выборов губернатора Ставропольского края)

Как для современной России в целом, так и отдельных регионов до сих пор актуальными являются проблемы развития гражданского общества, формирования активистской политической культуры особенно у молодого поколения, участи населения в демократических практиках. Данные проблемы выкристаллизовываются в ходе предвыборной гонки и самом процессе выборов. Рассмотрим более подробно сформулированные проблемы в контексте выборов губернатора в Ставропольском крае 14 сентября 2014 г.

В конце августа — начале сентября 2014 г. ряд российских экспертов сформулировали прогнозы по поводу избирательной кампании в регионах РФ, процедуре выборов и их результатов. По их мнению, в России должны были реализоваться несколько видов выборов — это конкурентные и референдумные. Выборы в Ставропольском крае были отнесены к выборам референдумного типа: явный фаворит был уже намечен и избиратели должны были его одобрить или не одобрить. В случае неодобрения они могли отдать свой голос другому кандидату, но реально, даже отдав свой голос за другого кандидата, это не могло сильно повлиять на результаты выборов. Интрига возникла по поводу трех моментов: процент явки избирателей; сколько голосов наберет лидирующий претендент на пост губернатора; кто займет 2-е место. Именно оно позволит занявшему ему кандидату претендовать на звание главного оппозиционного политика, а иногда, и на весьма ощутимые коалиционные договоренности с победителем. Отметим, что на примере Выборов в Ставропольском крае, низкий процент голосов у второго номера, близость по количеству набранных голосов у третьего номера при колоссальном отрыве от них претендента под номером один говорит

о том, что политик № 2, в данном случае, не такой уж почетный статус. Для того, чтобы «политику № 2» использовать второе место в качестве трамплина на региональных парламентских выборах и думских выборах необходимо, чтобы началась реальная партийная работа, нужны новые кадры, лица, неординарные личности и поступки, нужно, чтобы люди реально почувствовали улучшение своей жизни, работу о них.

Результаты выборов Губернатора Ставропольского края продемонстрировали победу В. В. Владимирова 84,22% от принявших участие в выборах. Отрыв от ближайшего конкурента — представителя партии КПРФ В. И. Гончарова — значительный 6,10%. Далее идут представитель ЛДПР Дроздова О. П. — 5,31% и Кузьмин А. С. (представитель Справедливой России) — 2,29%. Еще один претендент — Нартов К.Г. от «Партии свободных граждан» набрал менее 1% голосов. И Нартов, и Гончаров, и Кузьмин, и Дроздова оказались малознакомыми, малоузнаваемыми. Этим и объясняются их низкие проценты. Кроме этого, низкий процент голосов у СР, ЛДПР, КПРФ — объективный показатель того, что не только региональные партийные лидеры, но и партийные программы парламентских партий малознакомы населению. А на вопрос, который звучит из уст некоторых политологов: Куда делись десятки тысяч сторонников той или иной партии (и, следовательно, столько же голосов)?, — можно ответить — без московских «локомотивов» — партии в регионе мало узнаваемы.

Ходившие слухи перед выборами 14 сентября 2014 г. в Ставропольском крае о решенности претендента на второе места в пользу представителя от ЛДПР были опровергнуты самими выборами. Как и прогнозировалось, гендерных момент, слабая узнаваемость кандидата от ЛДПР, стойкий электорат КПРФ — привели на второе место Гончарова, а не Дроздову.

Считаем, что в рамках общественного консенсуса, общественной коалиции, которая в элитах сложилась вокруг вопросов по Крыму, торговой войны с Западом, вопросов самосохранения России, в условиях, которые сейчас сложились, существенных разногласий между партиями нет. В силу этого на первый план выходит не глобальная повестка дня, а повестка дня приближенная к обычным людям. Провал «оппозиционных партий» на выборах зачастую связан с тем, что они не смогли сформулировать максимально приближенную к избирателям муниципальную, региональную проблематику.

Сильных политиков не вырастишь в пробирке. Одной из партийных функций является рекрутинг, подготовка, выдвижение, сопровождение, защита сильного политика — партийного деятеля. Еще одна функция — «добиваться власти на различных уровнях и обеспечивать народное представительство во власти».

Чтобы реализовать свой функционал современные политические партии должны: обладать эффективной системой по привлечению и выдвиже-

нию новых политиков. Это не возможно без целенаправленной, активной работы с молодежью; выйти из «спящего» состояния. Т.е. работать с избирателем не только перед выборами, раздавая нереализуемые обещания и используя «черные» технологии, а каждый день доказывая, свою состоятельность через решение конкретных проблем; предложить обществу «соответственные модели развития и обновления».

Е. А. Коханская
Москва

РЕНЕССАНС «ПАТРИАРХАТА» И АРХАИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ

Законодательные инициативы и правительственные программы последних лет в России беспокоят гендерных исследователей и активистов ярко выраженной акцентуацией традиционалистских сюжетов и риторики в своих текстах. Немаловажными являются заявления потенциальных представителей политической власти о возрождении «традиционных» ценностей. Резонансным оказалось интервью российской «селебрити» Ю. Михалковой, которая одновременно является помощником вице-спикера Законодательного Собрания Свердловской области и секретаря регионального отделения «Единой России» Виктора Шептия. Ее последние заявления о губернаторе Свердловской области: «Это же не просто человек — это наш губернатор. Мы должны его поддерживать, его любить, не должны создавать таких ситуаций, чтобы он нервничал, потому что он работает на благо нашей области». И также о храмах: «Храмы на каждом шагу должны быть. Все должны молиться». Подводя итог ее политическим предпочтениям, мы получаем персонифицированное почитание представителей власти и принудительную религиозность для граждан. Особого внимания заслуживает дискурс председателя комитета Государственной Думы РФ по вопросам семьи, женщин и детей Е. Б. Мизулиной, также поддерживающей «традиционные» ценности в семье. Исследователи полагают, что «традиционалистские» тенденции, поддерживаемые женщинами-политиками, ведут к архаизации современной российской политики.

Согласно определению российского политолога и философа А. С. Ахиезера, архаизация — «результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей». В современном

российском политическом процессе, многие авторы выделяют следующие черты архаизации политики: акцент на религиозной нравственности, законодательство, ограничивающее деятельность НКО, показательные преследования оппозиционеров и критиков, контроль над медийными ресурсами, включая Интернет, отключения независимых электронных ресурсов. К этому необходимо добавить личную лояльность политическому лидеру, как способ вхождения в политическую элиту. Ярко иллюстрирует данный тезис появление уже упоминавшейся Ю. Михалковой в платье с портретом Свердловского губернатора Е. Куйвашева. Это искусное использование гендерного стереотипа, что женщина добивается политического влияния, благодаря своей внешности и личной благосклонности вышестоящего лица, а не профессиональными качествами. Санкционированный обществом «универсальный» принцип восприятия гендерных ролей и процесса социализации, по мнению Пьера Бурдьё, приписывает (и предписывает) мужчинам любить «игры власти», а женщинам — любить мужчин, которые в них играют.

Позиционирование первого лица государства как «отца» нации и постоянная демонстрация его маскулинных качеств, с одной стороны, и традиционалистская риторика в современной российской гендерной политике, с другой, приводит нас к ситуации возвращения «патриархата», и следовательно к архаизации политического поля. И как демонстрирует проведенный автором анализ интервью действующих региональных и федеральных женщин политиков, они поддерживают складывающуюся «патриархальную» гендерную политику. Вероятно, их поддержка предоставляется в обмен на привилегии и доступ к источникам ресурсов. Российское общество с начала нынешнего столетия все более явно движется в направлении доминирования ценностей выживания и традиционализма, а не свободной самореализации.

А. Л. Кочурова
Москва

ДОВЕРИЕ К ИНСТИТУТАМ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Аннотация. В условиях активного поиска эффективной национальной модели развития политической системы, а также возрастающим напряжением на внешнеполитической арене (давлением на Россию зару-

бежных партнеров, их попытками влиять на позицию России посредством «санкционной политики», а также развернутой агрессивной информационной борьбе против России) — в этой ситуации как никогда актуально выглядит необходимость повышения уровня доверия граждан к деятельности политических институтов, чему косвенно способствует усиление взаимосвязи между институтами политической культуры на базе консолидирующих ценностей.

Проблема доверия государственным и общественным институтам представляется одним из важнейших факторов, способствующих структуризации социально-политической жизни. Доверие — сложный социальный феномен, социальный механизм, характеризующий эффективность, значимость различных институтов общества. Категория «доверие» обозначает самое общее, а потому и самое неопределенное позитивное отношение человека к социальным феноменам. Доверие может быть рассмотрено и как лояльность к существующему порядку, и как надежда на изменение. Именно доверие предстает показателем востребованности гражданами конкретных институтов. В настоящее время наблюдается нарушение сбалансированности, рассогласованности действий институтов, они нередко выступают как конкурирующие или вовсе не связанные между собой, к тому же они находятся в неравных условиях для распространения своего воздействия. Некоторые из институтов находятся в процессе непрерывной трансформации, что усиливает кризисные явления, а это оказывает влияние на качество реализации ими функций, особенно это сказывается на функции политической социализации. В таких условиях необходимо переходить к созданию устойчивых связей институтов, налаживанию взаимодействия между ними, что может обеспечить реальное движение в направлении правового государства и гражданского общества.

Итоги исследования свидетельствуют, что наибольшее доверие у респондентов вызывает семья и Президент, остальные институты заслуживают лишь частичного доверия, в категории «совсем не заслуживает доверия» не оказался ни один институт. В качестве вывода предлагается повысить интенсивность взаимодействия институтов на базе единой общенациональной системы ценностей, в которой особую роль играли патриотизм и другие коренные ценности (например, любовь и уважение к семейным ценностям, к истории своей страны).

П. Л. Крупкин
Москва

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XXI ВЕКА

В 2011 г. на основе варианта институционального обществоведения автор предложил при анализе трендов развития страны опираться на следующие качества политического и социального порядков, которые слабо меняются во времени:

- 1) Политическая система РФ является идентично негетерогенной политией¹.
- 2) Правовая система РФ обеспечивает несогласованность институционального поля страны².
- 3) Российский социум в основной своей массе сильно фрагментирован — вплоть до полной неспособности формировать публичный интерес, продвигать и отстаивать его.

Данные качества могут быть дополнены следующим:

- 4) Вклад в изменение институционального поля страны «социальной механики» общего блага пренебрежимо мал; социальные институты эволюционируют в основном под действием «механики», которую моно определить как «воля суверена»³.

Прошедшие четыре года в общем-то уложились в средний сценарий из указанной работы с элементами худшего, вызванными к жизни социальным движением 2011–2012 гг. и событиями на Украине, и элементами лучшего, появившимися вследствие украинских событий.

Сформулируем тренды изменения РФ «из сегодняшнего дня»:

■ «Вертикаль» будет удерживать свою гегемонию в рамках «мягкой власти», продолжая эксплуатировать социальные низы и контролировать

¹ Идентично негетерогенные политии — это политические системы, в которых правящий класс достаточно сильно отделяет себя от управляемых «низов» общества в идентичностном плане — вплоть до утверждения своего биологического отличия. Детали — см. [3, 5].

² Несогласованное институциональное поле — это такая система социальных институтов, в которой формальные нормы писаного законодательства страны зачастую сильно отличаются от социальных норм, связываемых с обычаями населения. Детали — см. [2].

³ Общее благо и воля суверена — две полярных системы принципов формирования институционального поля страны. Детали — см. [6].

ЗНАЧЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ И СИНЕРГЕТИКИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

политическое поле вместе с крупным и средним бизнесом. Основная масса населения будет оставаться в десубъективированном состоянии, неугодные политические силы будут «зачищаться» как на политическом поле, так и на уровне экономических основ. В то же время будет сохраняться наличествующий уровень личных свобод, наслаждаться которыми может каждый при выполнении главного требования к населению со стороны правящей команды — «Дома сидеть надо!»

■ Основной риск данного сценария связан с нарастающим неприятием основной массой жителей страны сложившегося социального порядка — его несправедливости в части расслоения граждан, как имущественного, так и правового, его цинизма и безнравственности, его террора со стороны как криминальных структур, так и разнообразнейших начальников «вертикали». Это может привести к потере легитимности властного положения правящей группы со всеми исходящими отсюда последствиями.

■ В настоящее время следует отметить уменьшение риска, описанного в предыдущем пункте, связанное с консолидацией страны на основе поддержки людьми своего воссоединения с жителями Крыма. Другой фактор редукции данного риска — достаточно высокий уровень жизни, достигнутый к настоящему времени в РФ.

■ Переход к худшему сценарию связан с усилением властного насилия — как физического, так и дискурсивного — в целях сохранения наличествующего политического и социального порядков, что будет связано с уменьшением уровня личных свобод населения.

■ Хороший сценарий: Правящая команда, озаботившись повышением своей легитимности, начнет реализацию в стране национального проекта, т.е. трансформации имеющейся политики в таковую, которая характерна для национального государства. Обычно данный процесс протекает через формирование классического западного полицейского государства, когда суверен по каким-то соображениям ограничивает себя следованием какой-то четко артикулируемой модели общего блага, чем стимулирует порождение соответствующей «социальной машинерии» низового уровня.

В прошедшие десятилетия синергетические методы с применением некоторых диалектических закономерностей активно внедрялись в социально-гуманитарные науки: в экономике, системном подходе к социальной сфере, теории самоорганизующихся систем, анализе цивилизационных кризисов, когнитивной психологии. Опора на синергетику дала возможность использовать методы математического моделирования общественных трендов; так, например, была разработана динамика исторического роста численности населения Земли. Вошло в научный оборот понятие «социосинергетика», содержание которого не противоречит диалектике. Использование диалектики и синергетики предлагалось в отдельных прикладных, пограничных с политикой вопросах: политико-экологическая проблематика, социально-политическая история, элементы динамики политического сознания, специфические политико-управленческие процессы. Наконец, описание политики исключительно в синергетических терминах предлагалось А. В. Венгеровым.

В политической сфере можно выделить центральную часть, в которой ярко проявляется качество политического; ее можно условно назвать «чистой» политикой. Периферийная область, пересекающаяся с экономической, социальной, культурной, коммуникационной и др. сферами, в большинстве случаев адекватно описывается традиционными общегуманитарными методами. «Чистая» политика возникает в периоды нестабильности, когда время «сжимается», т.е. плотно наполняется событиями, а пространство также «свертывается» каким-то странным образом или становится более многомерным и искривленным. Поэтому линейные предсказания, которые просматривались в «нормальном» пространственно-временном континууме, здесь становятся непонятными и неисполнимыми. Причинно-следственные зависимости охватываются нелинейными обратными связями, проявляются резонансные явления, многовекторность, многовариантность или ощущение тупика и мн. др., свойственное политике.

Для описания чистой политики приемлемы классические представления, как диалектики (законы единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество, отрицания отрицания), так и синергетики (гомеостатичность, нелинейность, открытость, неустойчивость, динами-

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЛИТОЛОГА В УСЛОВИЯХ ВУЗА

ческая иерархичность). Если исследуется поведение сложных нелинейных моделей политики, то диалектика развития может внести уточнения параметров и связей в модели на основе привлечения категориальных рядов всеобщей связи явлений (например, «мера») и организованности бытия (например, «сущность/явление») политики. Синергетические подходы позволяют достроить модель при помощи принципов самоорганизации, коэволюции, холизма, соотношения микро- и макроуровней и т.д. Математический расчет даст траектории поведения акторов, позволит выбрать момент, когда можно сделать выбор аттрактора или малозатратно «перескочить» на другой путь развития. Диалектика и синергетика позволят интерпретировать этот шаг в формате политического действия.

Политика — это способность предвидеть необходимость случайного и использовать случай как ресурс. Случайности бывают закономерными, основанными на нашем текущем незнании причинно-следственных связей, и вероятностными. Проявление закономерных случайностей проявляется в угадывании, чутье лидера на неизвестность, что позволяет лидеру правильно определить ситуацию и принять решение. Политика рассматривается как необходимое движение материи, выраженное субъектом политики, в условиях переходов хаос/порядок; случайное — это и помеха проведения политики, и самоорганизатор необходимых политических процессов.

Причинность. Для получения качественного исследования политики применяется нелинейная обратная связь между входом и выходом. Ее можно определить диалектически и дополнить модель новыми причинно-следственными связями, что следует из перехода периферийных процессов в базовые. Особенно актуальна диалектика и синергетика при исследовании фазовых переходов. Чем глубже политик ситуационно анализирует, чем лучше поймет общую динамику, тем точнее будет предсказание и осознание того, что в данный момент надо сделать.

Режимы с обострением. При приближении к кризису возникает многовариантность решений, хорошая модель системы становится неадекватной. Но затем, при вхождении в кризис система упрощается, становится более однородной, количество аттракторов — выборов перспективы сокращается («политическое» по К. Шмитту). Синергетика раскрывает сущность и механизм диалектического скачка, как диалектически одномоментного явления. Состояние сложной среды в режиме с обострением сильно зависит от случайностей и внешних воздействий: оно может стабилизироваться, распаться, перескочить на другой уровень сложности. В использовании этих возможностей состоит искусство политического управления сложностями.

Применение диалектических и синергетических методов в политологии позволит уточнять модели, привлечь математический аппарат и интерпретировать результаты в предложения конкретные политические действия.

Профессиональная культура политолога один из малоисследованных феноменов, требующий внимания и анализа.

Авторами предпринимается попытка ценностного анализа процесса становления профессиональной культуры политолога в условиях вуза.

Основная рабочая гипотеза. Авторы высказывают предположение, что процесс становления профессиональной культуры студентов будущих политологов содержит ряд противоречий ценностно-культурологического характера. В связи с этим, выдвигается гипотеза, что одной из актуальных задач является вскрытие этих противоречий, что откроет возможность по-новому проанализировать и взглянуть на факторы формирования профессиональной культуры как единства профессионализма и развитых личностных нравственно-духовных качеств специалиста.

В основе нижеизложенного лежат аналитические материалы, полученные в ходе анкетного опроса студентов философского факультета (специальность — политология) очной формы обучения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в 2013, 2014 гг. Всего опрошено свыше 90% обучающихся по специальности «Политология». В статье используется метод анализа отношения студентов к самому учебному процессу, к различным видам учебной деятельности. Проведены также беседы со студентами о ценностных предпочтениях выбора профессии политолога, противоречиях и издержках образовательного процесса в вузе.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы и предложения.

1. Социокультурному миру студентов свойственны следующие черты: незавершенность ценностного самоопределения личности; присутствие, а в некоторых случаях и преобладание (чаще всего среди студентов 1, 2 курсов) идеалистических представлений в сознании образа профессии политолога; низкий уровень сформированности у части студентов (в зависимости от курса обучения от 20–22% — до 30%) потребности активно-деятельностного отношения к собственному профессиональному становлению.

2. Выявлен ряд противоречий, свойственных образовательному процессу, требующих осмысления и разрешения. К этим противоречиям можно отнести: а) противоречие между заявленным в анкетах и беседах со студентами интересе к профессии политолога и реальной учебной деятельностью по ее овладению. Следствием этого противоречия являются: поверхностные знания у 25–30% студентов категориально-понятийного аппарата политической науки; слабые знания истории политической науки; неустойчивые умения у части студентов работать с политическим текстом, поиска его смысла, внимательного восприятия аргументов и контраргументов; отсутствие потребности общения с новейшими российскими и зарубежными разработками по политической теории и практике; б) противоречие между потребностью активно творческого отношения студентов к деятельности по освоению профессии и низким уровнем культуры труда обучаемых; в) противоречие между местом и ролью учебных занятий в формировании профессиональной культуры и невысокой оценкой студентами их профессиональной направленности; г) противоречие между ролью практик в становлении профессиональной культуры и невысокой оценкой студентами уровня их организации и содержания; д) противоречие между ориентацией студентов на творческий характер деятельности политолога и низким уровнем их вовлеченности в научно-исследовательскую работу.

3. Разрешение этих противоречий связано с осуществлением в вузе комплекса мер организационного, кадрового, учебно-методического характера, направленного на создание благоприятной социокультурной среды, способствующей: а) обеспечению рационального отбора абитуриентов, желающих и способных обучаться по специальности «Политология»; б) вести подготовку специалистов-политологов, сочетающих современный профессионализм и развитые социально-нравственные качества.

4. Практика убеждает, что успех в закладывании основ профессиональной культуры во многом определяется тем, насколько быстро происходит социально-психологическая адаптация личности к условиям обучения в вузе, «настройка» на каждодневный труд. В этот период, как впрочем и в последующее время, тема труда как ценности духовного мира человека и неперемного условия его культуры должна убедительно словом и делом вноситься в сознание юношей и девушек. Одним из средств формирования ценностных ориентаций на труд является обеспечение объективной оценки различных видов работы студентов, в т. ч. неуклонное соблюдение всеми преподавателями единых критериев оценивания знаний студентов во время экзаменационных сессий.

5. Актуальной задачей, как это видно из проведенного исследования, является повышение уровня профессиональной направленности учебно-воспитательного процесса. Другими словами, можно сказать, студенты должны ощущать содержание и специфику своей будущей профессии

на всех занятиях, на проводимых практиках, конференциях, конкурсах, встречах с политиками и политологами.

Ключевая роль в решении этой задачи отводится профессорско-преподавательскому составу. Нам представляется к этой задаче причастны все педагоги, работающие с будущими политологами. Педагог, читая дисциплину, включенную в учебный план по специальности «Политология», должен убедить студентов, прежде всего содержанием материала, что данная дисциплина нужна и важна для подготовки политолога, формирования у него профессиональной культуры.

А. Н. Курюкин
Москва

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА «ВОСТОК—ЗАПАД—РОССИЯ»

Если мы будем рассматривать цивилизационный подход к выяснению вопроса оснований общественно-политической консолидации, то мы будем вынуждены сказать, что на Востоке и Западе они серьезно разнятся. Эта разница вытекает из генезиса и основных этапов исторического и социального развития этих цивилизационных центров. Хотя, в конечном итоге, представляет две стороны одной медали. И, хотя сегодня востоковеды выделяют китайский, индийский, ближневосточный центры восточной цивилизации, которые также могут внутри подразделяться по географическому и этническому принципу, мы можем констатировать тот факт, что на Востоке, особенно на Ближнем, основания консолидации могут быть представлены в виде модели концентрических кругов, где каждый последующий круг более широк, чем предыдущий, и в этот процесс глобальной консолидации, соответственно, вовлекается все большее и большее количество людей.

Самый узкий внутренний круг — это родственные связи, когда люди происходят из одной семьи, из одного клана. И поэтому для родственников по крови будет всегда оказан режим наибольшего благоприятствования, даже в том случае, если он противоречит объективно установленному позитивному государственному праву. Второй, более широкий круг — земляческий, когда речь идет о том, что определенная часть общества происходит из одного региона. Пример этому можно было часто слышать в России в 1996–1997 гг., когда выходцы из кавказских республик часто говорили

«Мы не россияне, мы кавказцы!». И, наконец, третий и самый широкий уровень обобщения — религиозный.

Такие основания консолидации, ярко представленные сегодня на Востоке, были свойственны и для западной цивилизации, но очень давно — примерно на этапе еще пока не разложившегося родоплеменного строя. С эпохи формирования государств раннесредневекового типа — примерно с империи Карла Великого — такие субъективные основания для Европы стали постепенно сглаживаться, уступая место иным — объективным. Если говорить об общественной консолидации в Западной Европе, то наиболее мощную ее идеологическую основу заложил император Константин Великий, который принял христианство в качестве государственной религии и государственной идеологии. Он же создал на его основе законодательство, базировавшееся на преобразованных десяти заповедях, которое включало все те идейные компоненты, которые на сегодняшний день мы имеем в уголовном кодексе любой цивилизованной страны: это запрещение убивать, красть, обманывать (мошенничать, лжесвидетельствовать) и т.п.

В установленной, таким образом, социально-правовой системе координат, роли не играет, из какого ты рода, где ты родился и каково твоё вероисповедание, играет роль только то — насколько ты придерживаешься объективно установленных правил и законов. В сущности, если мы скажем, что право — это связующее звено в обществе и достаточно мощный инструмент управления им, то в восточных странах имеется собственная правовая традиция, основанная на соотношении шариата и фикха, то есть сложного комплекса религиозных социальных установок, но которые достаточно серьёзно корректируются с точки зрения адатов, местных народных традиций, верований, традиционных естественных правил этикета и прочего.

То есть основания консолидации, в итоге, таковы: тройная концентрическая круговая система на Востоке, где, в конечном счете, все сводится к субъективной консолидации, в пиковом выражение это можно выразить как «Мы с тобой одной крови — ты и я!». И совершенно, с внешнего вида, объективная консолидация Запада, где есть объективные, позитивно установленные правила, и если ты их придерживаешься, и непосредственно ведешь себя в очерченных ими рамках и границах то ты с нами.

Если говорить о нашей ситуации, я хочу здесь вспомнить знаменитые слова П. Я. Чаадаева, которые он написал в своих философических письмах. Он говорил о том, что Петр I «набросил на Россию плащ западничества». И, к сожалению, можно по очень многим параметрам констатировать, что все это так плащом и осталось: внешне мы выглядим совершенно по-западному — у нас есть парламент, выборы и многое свойственное именно западной цивилизации. За это страна очень долгое время боролась, к примеру, с каким трудом удалось добиться отмены крепостного права в 1861 г. Но по многим параметрам наше общество осталось в определенной степени

восточным — с достаточно жесткой вертикальной иерархической системой правления, — то, что в свое время Владимир Путин называл вертикалью власти — с ручным управлением в огромной массе случаев, с достаточно слабыми горизонтальными связями. Поэтому можно констатировать одну достаточно интересную вещь: по внешнему виду общество у нас западное, а по содержанию — восточное, причем с нашими собственными вариациями, что закономерно. Также можно констатировать, что даже при внешней западной форме наших политических институтов, их содержание — оно наше, российское. Однако нельзя сказать, что это чисто восточные параметры, это все-таки достаточно уникально.

А. А. Лаврикова, О. Е. Шумилова
Тула

ОСОБЕННОСТИ САМООРГАНИЗАЦИИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

В отечественной литературе вопрос участия граждан в решении проблем муниципальных образований рассматриваются через призму теорий гражданского общества и теорий демократии. Основной вектор исследований направляется на выявление взаимоотношений формализованных структур гражданского общества и государства, определение легитимных механизмов их взаимодействия и участия в управлении. В рамках исследования в регионах ЦФО, реализованного на базе лаборатории социально-политических исследований ТулГУ при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-03-00786), акцент был сделан на различных формах самоорганизации граждан, отличительными чертами которых являются отсутствие жесткой иерархической структуры, значимость неформальных норм и правил, относительная подвижность процедур гражданских практик, значительный потенциал обустройства жизни местных сообществ.

На основе сочетания неинституционального, структурно-функционального, синергетического, бихевиоралистского, конфликтологического, социетально-деятельностного, социокультурного подходов разработана операционализация, раскрывающая нормативный, организационный и субъективный аспекты институционального оформления гражданских практик, первый из которых включает совокупность правил, норм и санкций (как неформального, так и формального характера), образующих политические, социокультурные и юридические рамки взаимодействий; второй — выбор организационных форм, определяемых существующей

институциональной средой (государственные структуры, политические партии, некоммерческие / неправительственные организации и т.д.); третий — особенности реализации акторами институциональных соглашений в данной институциональной среде.

В процессе реализации комплексного исследования авторский коллектив пришел к выводу, что в условиях актуального развития регионов основным способом институционализации самоорганизации местных сообществ выступает представительский (причем представительство интересов реализуется по схеме: сверху — вниз, от лидера к последователям). Инициатором процесса делегирования полномочий выступает сам лидер, обладающий достаточным уровнем гражданской компетентности, необходимыми ресурсами, гражданской волей. Использование технологического способа институционализации (посредством разработки технологий реализации гражданских инициатив) весьма ограничено, так как для его реализации требуется наличие экспертного знания у значительного числа представителей местного сообщества, как следствие зрелость общественного мнения; типизация ситуации, что невозможно в силу дифференциации как региональных сообществ в целом, так и локальных территорий; высокий уровень гражданской активности, поддержанный необходимым объемом ресурсов.

В современных условиях деятельность различных форм самоорганизации граждан в рамках решения социальных проблем местных сообществ сопровождается рядом трудностей, характерных для всех общественных объединений и оказывающих негативное влияние на устойчивость этих организаций, а, следовательно, и на процесс их институционализации в местном самоуправлении: недостаточный уровень финансовой обеспеченности бюджетов, не позволяющий им удовлетворять потребности населения муниципальных образований на оптимальном уровне или вести работу по социально-экономическому развитию соответствующих территорий, вынуждая решать вопросы собственного выживания; недостаточная компетентность сотрудников в общих вопросах ведения хозяйственной деятельности; неквалифицированный менеджмент в общественных объединениях; трудности формирования материально-вещественной базы; ограниченное распространение технологий вовлечения добровольцев; широкий спектр латентных источников конфликтов.

Среди проблем, препятствующих институционализации самоорганизации граждан также можно выделить: отсутствие устойчивых структур, обеспечивающих диалог между общественными объединениями и органами местного самоуправления по широкому спектру вопросов местного значения; продуктивной процедуры независимой общественной экспертизы для обеспечения участия общественных объединений в подготовке и контроле над реализацией бюджетного процесса, социально-экономи-

ческих и иных программ муниципалитетов; неопределенность критериев степени реализации права на информацию о деятельности и решениях органов местного самоуправления; низкий уровень проработанности технологий материальной поддержки социально значимых программ общественных объединений; недоверие со стороны отдельных чиновников по отношению к общественным объединениям, восприятие их как просителей или конкурентов; недоверие со стороны общественных объединений по отношению к органам власти из-за недостатка информации или наличия предубеждений, основанных на негативном опыте. Обозначенные проблемы имеют проявления и последствия, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, оказывая негативное влияние на достижение целей местного самоуправления.

В. С. Лебедев
Майкоп

РЕЛИГИЯ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ЧЕЧНИ И ДАГЕСТАНА¹

Высокая степень политизированности ислама на Северном Кавказе не является новостью для местных жителей, органов власти и научного сообщества. Тем не менее, практики взаимодействия государства и исламских общин в республиках СКФО неоднородны. Одним из ключевых способов, с помощью которого можно понять как и насколько религия укоренена в поле политического, является анализ дискурсивных практик политических лидеров. Политические лидеры обращаются к религиозным темам обычно в трех случаях: в связи с религиозным событием, желая использовать религиозность для поддержки своего авторитета, либо сознательно проводя свой политический курс в соответствии со своими религиозными представлениями. Можно говорить о двух типах проявления политизации ислама в речи политиков, они ярко продемонстрированы дискурсивными практиками лидеров Чечни и Дагестана: Рамзана Кадырова и Рамазана Абдулатипова. В случае Рамзана Кадырова мы сталкиваемся с политизацией религии сверху — Рамзан Кадыров активно апеллирует к религиозным ценностям, в то время как для Абдулатипова религия представляет собой ресурс и он выступает скорее комментатором, реагируя в своих высказываниях на религиозность масс.

¹ Доклад подготовлен при поддержке РГНФ (грант № 15-21-12001 а(м)).

Для исследования двух моделей автором был проведен дискурс-анализ на основе публичных обращений, выступлений и интервью двух последних лет, касающихся темы религии и взятых с официальных сайтов двух региональных лидеров. В итоге, была зафиксирована значительная разница в методах репрезентации религии в дискурсивных практиках по ряду пунктов.

1. Демонстрация своего образа.

И Рамзан Кадыров, и Рамазан Абдулатипов не избегают разговора о собственной религиозной идентичности. Но при этом важно подчеркнуть, что если Абдулатипов предпочитает говорить о себе, как о рядовом верующем, то Рамзан Кадыров, говоря о религии часто выглядит не столько политиком, сколько религиозным лидером. В его выступлениях можно найти тому характерные примеры. Он отзывается о своей политике, как о «Пути Аллаха», и говорит с позиции лидера, способного интерпретировать религиозные тексты и положения религии применительно к политической деятельности людей: «нам Аллах говорит...».

2. Отношение к религии.

Для Рамазана Абдулатипова религия является, прежде всего, не прямым руководством к действию, а скорее социальным феноменом, полезным обществу социальным институтом, поддерживающим традиции и уровень общественных нравов. В это же время Рамзан Кадыров, очевидно, относится к религии как практикующий мусульманин, для него ислам — не объект воздействия органов власти, и уж точно не проблема — это ключевой принцип, которым человек должен руководствоваться в своей жизни.

3. Взаимодействие религии и политики.

Как уже было сказано, для Рамзана Кадырова религия выступает не инструментом, а целью в политике. Государство и Конституция вторичны по отношению к исламу и исламским ценностям. Именно в силу того, что Россия дает возможность чеченцам жить в соответствии с нормами ислама, а значит сохранить свою идентичность — сосуществование с Россией оказывается для Чечни полезнее независимости. Принцип светскости Кадыров интерпретирует в рамках религиозно-традиционалистского дискурса, нивелируя тем самым его секулярный смысл государства. Лидер Дагестана куда более осторожен в своих оценках, его слова создают образ чиновника, стража социальной системы, для которого религия — одно из средств поддержания институционального порядка. Ислам важен, но не является определяющим в жизни индивидов. При этом стоит отметить, что Абдулатипов также не склонен употреблять понятие светскости в его изначально секуляризирующем смысле.

4. Используемые дискурсы.

Выступления Рамазана Абдулатипова, касающиеся религиозных вопросов, эклектичны по своей природе. Лидер Дагестана оперирует большим числом дискурсов, отчего его речь выглядит несколько эклектичной.

Он использует религиозно-традиционалистский дискурс (говоря о высокой роли религии в жизни общества, используя исламские понятия в политическом тексте), медицинский дискурс (в случаях, когда говорит о терроризме и безнравственности, как о болезни общества), либеральный и научный дискурс (идея гражданской нации). Для Рамзана Кадырова характерны два дискурса, которые доминируют в его высказываниях на религиозную тематику — религиозно-традиционалистский дискурс и дискурс «осажденной крепости» (в отношении внешнего врага — Запада, который поддерживает и исламофобские настроения, и терроризм одновременно).

Оба лидера безусловно склонны политизировать религию. Однако для Абдулатипова религия является частью социального уклада и объектом государственной политики, в то время как для Рамзана Кадырова религия выступает не как объект политики, а как цель и проверочный аппарат, которым определяется полезность и правильность государственного устройства и Конституции.

М. Л. Лебедева
Москва

МОДЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Отношения федерального центра и регионов являются одной из самых сложных проблем федерализма, решение которой в углублении теоретических знаний о моделях политико-правового регулирования государственно-территориального развития. Интерес представляет опыт унитаризма, а именно, французской модели организации властных технологий на уровнях: государство-регион; регион-регион. Для Франции характерен регионализм на грани федерализма. Возможна ли трансформация этой модели в условия российского федерализма? Каков политический сценарий подобной трансформации?

Политический регион — это территория, обладающая системным единством институциональных особенностей¹. Политические сообщества субнационального уровня (27 регионов — 22 в метрополии и 5 заморских регионов, каждый из которых включает по 3–8 департамента, всего

¹ Лебедева М. Л. Опыт политического развития французского региона // Управление в XXI веке: материалы IV международной научно-практической конференции. 17 мая 2010., г. Киров / Под ред. В. Т. Юнгблуда, Е. А. Юшиной. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. С. 86.

101 департамент)¹ являются самой крупной территориальной единицей Франции.

Представленную модель регионализма характеризует высокая степень централизации власти. В тоже время, региональное управление французского государства строится на основе государственного управления от лица назначаемых чиновников и самоуправления, предоставленного выборным органам², сочетаются функции государственного управления на местах и функции местного самоуправления в органах власти³.

Региональная политика должна соответствовать определенной стратегии — единым, концептуально проработанным положениям политики государства применительно к регионам, стратегии, основывающейся на выборе способов решения двух проблем: эффективной интеграции территорий (здесь сталкиваются унитаризм и федерализм) и контроля над зонами геополитического риска⁴. Вопрос стоит перед тактическими действиями, возможными акторами политического воздействия.

Возможным представляется политический сценарий, предполагающий трансформацию ценных властных технологий организации отношений «центр-регион» в российские реалии путем положительной рецепции выделяемой нами модели французской региональной политики (*Modèle français de «Intégration filiales» de la politique régionale* («Модель французской региональной политики «Субсидиарная интеграция»)).

Содержание принципа субсидиарности состоит в том, что центральная власть должна играть «субсидиарную» (вспомогательную), а не «субординативную» (подчинительную) или преобладающую роль, решая только те тактические задачи, которые не могут быть эффективно выполнены на региональном уровне. Принцип субсидиарности позволяет отнести принятие решений на допустимо низкий уровень управления, что является гарантией наибольшей эффективности, т.к. низовые структуры власти более информативны в отношении специфических условий своей территории. Модель французской региональной политики представляет собой некую иерархию, где на центральную власть активно работают акторы местного уровня управления.

¹ Лебедева М. Л. Модель региональной политики Французской Республики: проблемы применения в России. М.: ФГБОУ ВПО МГУП, 2013. С. 122.

² Ravanel Jean. La réforme des collectivités locales et des régions. Paris, Éditeur Dalloz, 1984. 447 p.

³ Лебедева М. Л. Проблемы взаимоотношений центральной власти с местными территориальными образованиями (на примере Франции) // Правовая система европейских стран: современное состояние и актуальные проблемы. Материалы I Всероссийской научно-практической (заочной) конференции (г. Москва, 20–22 сентября 2010 г.). М.: Издательско-полиграфический комплекс НИИРРР, 2010. С. 56.

⁴ Лебедева М. Л. Модель региональной политики Французской Республики: проблемы применения в России. М.: ФГБОУ ВПО МГУП, 2013. С. 72.

Федерализация России в рамках трансформации положительного опыта Французской республики должна строиться по трем направлениям: законодательное разделение уровней компетенции по вертикали; максимальный учет интересов регионов в общегосударственной политике; повышение экономической самостоятельности регионов в пределах, ограниченных только конституцией; выравнивание статуса всех субъектов федерации. Властные структуры регионов должны стать реальными субъектами преобразований¹, основная политическая цель которых — обеспечение общефедеральных и региональных задач посредством интеграции при соблюдении принципа «субсидиарности».

И. Я. Левяш
Минск, Беларусь

ПОСТДИСЦИПЛИНАРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЙНЫ

Цель доклада — постижение антропологических оснований и феномена логики войны, ее особенностей в контексте современных глобальных реалий и вероятностных перспектив эволюции от абстрактного к практическому гуманизму. Комплекс производных задач решается в докладе как оппозиция междисциплинарному знанию в духе суммативной «теории факторов», или максимы К. Ясперса: современность — это «смысловая действительность, которая ... является предметом не одной, а многих наук»².

Среди них очевиден реванш цивилизационной *geopolitik* над еще недавно доминирующей концепцией культурных *universalis*. Этот маятник впечатляет все более угрожающими или, напротив, обнадеживающими артефактами, но не достигает постижения сущностных оснований проблемы.

Конструктивный исход из такого эпистемологического тупика возможен путем преодоления междисциплинарного подхода и освоения его синтеза и синергии. Фундаторы синергетики писали, что междисциплинарный подход в известной мере ограничен и является необходимым, но все же промежуточным этапом объединения знания, которое «приведет к формированию следующей стадии — общедисциплинарной, когда взаи-

¹ Лебедева М. Л. Региональный политический процесс современной Франции // Materialy V Mezinarodni vedecko-prakticka konference «Aktualni vymoznosti vedy — 2009». Praha. Publishing Hous «Education and Science» s.r.o, 2009. Dil. 5. Pravní vedy. Politické vedy. С. 66–70.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. М.: Республика, 1994. С. 257.

мопроникновение специальных областей науки создает новое качество — интегральное знание без профессиональных перегородок, так сказать, знание постдисциплинарного уровня»¹.

В таком контексте библейская констатация: «Время войне и время миру» уже недостаточно. Война — это не «равновесный» миру феномен. Мировая история по сути — это распятие абстрактного гуманизма, история все более масштабных войн и кратких межвоенных периодов.

Экономические, политические и идеологические причины войн как будто известны. Сложнее — с постижением антропологии войны. Труднее всего признать отрезвляющую мысль: «Уже самый факт происхождения человека из животного царства, обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному, и... речь может идти только о различной степени животности и человечности»². Русский Екклесиаст Ф. Достоевский также полагал, что человек — это «бездна над нами и бездна под нами». В итоге — *bellum omnium contra omnes* (лат. войны всех против всех). Ковчег мира остается прекрасной утопией.

Культурно-цивилизационные основания войны — в абсолютизации неравномерности бытия и антагонизмов между акторами международных отношений. «Жили в разных веках, на разных планетах» (Бердяев). Субъекты — на «планете людей» contra объектов или «дубъектов» (А. Платонов). Крах абстрактного гуманизма. Гете Человек человеку — не цель, а средство.

Один из первых пророков Нового времени Гете предвидел, что это будет *милитаристская эпоха*: ему «довелось впервые ощутить приближение нескончаемых войн»³. Давно достигнут критический рубеж: масштабы вооружений на порядки превосходят способность самоуничтожения человечества (1820 г. Ж. Ламарк, затем — Эйнштейн, Вернадский) «...война — *преддверие смерти* — уравнивает всех людей, упраздняет все различия и порой грозит бедами и гибелью даже самому венценосцу»⁴.

Переходный характер современной эпохи. Ее противоречия — не только между-народные (внешние), а внутренние, единого и неделимого глобального мира. Альтернатива: или неоимперская глобализация, или альтерглобализация «с человеческим лицом». Но пока «мертвые хватают живых». Основной тренд: коренная ревизия глобальной безопасности, и ее архитектуру взламывает стратегия «управляемого хаоса»⁵. Войны, развя-

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. С. 16.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 102.

³ Гете И. В. Собрание сочинений. Т. 9. М.: Худож. литература, 1980. С. 353.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Самсонов В. Иная трактовка понятия войны: время требует внести коррективы в классическую формулу Карла фон Клаузевица // Независимое военное обозрение. 26.12.1996.

занные на Ближнем Востоке, в Африке и в «славянском треугольнике», это свидетельства *ре-банализации* войны. Человечество фактически вовлечено в «ползучую» Третью мировую войну, замечая лишь ее «грязную» экстрему. Известный мыслитель современности У. Эко даже полагает, что война не только не противоречит эре глобализации, но *предполагает* ее.

Реальная перспектива — не о полном избавлении от зла войны, а его *минимизации*. В противостоянии абсолютному злу войны абсолютное добро мира *должно быть* — и лучше рано, чем поздно, — с надежными «кулаками». Б. Шоу: «Мир не только лучше, но бесконечно труднее войны». Если силы альтерглобализма переломят деформацию глобализации и придадут ей действительно человеческое, демократическое «лицо», Ковчег мира, в конечном счете, станет объективной реальностью.

С. Ю. Лисова
Иваново

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА: ИНТЕГРИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИЛИ КРИЗИС ДУХОВНОСТИ?

Начало исследований в области текстовой политической коммуникации заложено еще в трактатах древнегреческих авторов. Простейшая (линейная) модель коммуникации, включавшая такие компоненты как оратор — речь — аудитория, была разработана Аристотелем, который в своих работах особо останавливался на рекомендациях по выбору средств, используемых для убеждения воспринимающей аудитории. Модус, в котором рассматривается политическая коммуникация в рамках предлагаемого исследования концентрирует внимание на речевых характеристиках (т.е. образование кодовых конструкций и их понимание). Характеристика политической риторики в контексте коммуникативных процессов не только обеспечивает полноту описания, но и актуализирует общетеоретические проблемы концептуализации языка.

В данном исследовании автор ограничивается анализом лингвистического аппарата, используемого в политической риторике для воздействия на когнитивно-эмоциональную деятельность сознания. Исследование проводилось по двум направлениям: 1) мониторинг публичных выступлений политиков (официальные заявления, выступления на съездах и собраниях, личные встречи с избирателями, телевизионные интервью) в целях выявления их структуры, скрытых смыслов и приемов, механизмов образования значений высказываемых суждений; 2) контент-анализ полити-

ческих текстов (в печатных СМИ) по проблемам экологии как политического фактора.

Анализ словесного компонента поведения политиков позволяет сделать вывод о том, что политическая риторика, *во-первых*, ориентирована на лингвистические возможности языка; *во-вторых*, связана с социально-экономическим и культурно-историческим контекстами. В речах политиков можно проследить и глубокие социальные оценки, формулирующие глобальные исторические задачи, и оценки, связанные с краткими явлениями жизни социума. Обозначенные оценки диалектически связаны: эпохальные задачи реализуются посредством отдельных действий и высказываний, например, каждое послание Президента Федеральному Собранию концентрируется вокруг отдельных проблем, вопросов, интересов. То или иное явление становится предметом обсуждения и, следовательно, концентрирует на себе социальную энергию, только в той степени, в какой это диктуется потребностями данной эпохи или социальной группы.

Форма подачи политического высказывания также социально ориентирована. Анализ текстов выявил несложную фонетическую структуру слов; исключение из речи варваризмов, специальных терминов, диалектов; отсутствие придаточных предложений, причастных и деепричастных оборотов; использование строгих, сильных существительных и глаголов. На протяжении всего выступления соблюдается ритм и баланс текста, подчиненные одной идеи и цели. Современные политические тексты, в большей части, не представляют собой развернутые метаповествования, а стремятся к лаконичности и новой семантике — эссе, слоганы, метафоры, клеше. Подобный подход вполне оправдывается объективной логикой развития капитала, основу которой составляет стремление к минимизации затрат и приводит к доминированию систем, обеспечивающих эффективность экономического и социального управления.

Необходимо отметить, что в последнее время в политическую риторику все активнее проникают просторечие, жаргон и арго. Учитывая типы речевого общения и языковой арсенал, используемые основной массой населения, деформация политической речи может быть расценена как особый PR-ход, направленный на отождествление политика с населением. Также особой характеристикой современной риторики выступают взаимные обвинения и порой оскорбления политиков даже на международном уровне.

Анализ выступлений политиков позволил автору вычленив идею минимизации и информационной оптимальности. Это наглядно проявляется при обсуждении политиками проблем экологии. Проведенный по заданному направлению контент-анализ интервью политиков, размещенных в печатных СМИ, показал следующие результаты: 1) упоминания об экологических проблемах редки в выступлениях политиков: в основном данная тема приобретает актуальность либо в связи с чрезвычайными си-

туациями, либо в период предвыборной гонки; 2) часто политики проявляют крайнюю степень некомпетентности в вопросах экологии: незнание основных процессов; путаница понятий; негативное, пренебрежительное отношение (например, Г. Греф, возглавляя министерство экономического развития, заявлял, что «экология — это тормоз экономики»); 3) отсутствие активности в решении экологических проблем: в основной массе политики только обсуждают проблемы экологии, не представляя результатов конкретных действий.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в политической риторике актуализируется проблема вербального фетишизма: поскольку слова обозначают не предметы, а идеи, отождествление слов с референтами ведет к ошибкам в познании. Политические тексты обретают форму пастиша, где общечеловеческие ценности повисают в воздухе, не составляя основы проводимой политики.

Б. С. Литовченко
Томилино

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

На сегодняшний момент одной из значимых категорий поддержки существующей власти является молодежь, так как ее представители — будущий фундамент электората. Ввиду того, что телевидение и периодические издания не пользуются доверием и спросом, современное поколение получает необходимую информацию, в том числе и политического характера, из сети *Internet*. Подавляющее большинство пользователей зарегистрированы в социальных сетях¹, где они имеют возможность поделиться собственными взглядами на политический курс страны и ознакомиться с позицией друзей и даже совсем незнакомых людей.

Лет 5 назад социальные сети не были политизированы и действительно служили для развлечения, общения, поиска старых товарищей. Внимание на их эффективность власти обратили лишь после декабрьских событий 2010 г. на Манежной площади. Именно посредством социальных сетей (в частности «ВКонтакте») удалось собрать немалое количество митингующих и из агрессивно настроенной толпы создать организованную протестную акцию. Впоследствии таким же способом был собран митинг в поддержку будущего Президента на Воробьевых Горах.

¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/138255>.

Социальные сети можно смело обозначить термином «мягкая сила», так как с их помощью трансформируется сознание и идеология молодых людей, еще до конца не определившихся с собственной точкой зрения. Мало кто из представителей молодежи активно интересовался украинским конфликтом, до той поры, пока эта проблема не стала обсуждаться в социальных сетях. Причем, вектор настроений по данному вопросу был мононаправлен — есть «свои» (граждане Донбасса и Луганска), а есть «чужие» — новое Правительство Украины и их патрон в лице США. Границы объективности были размыты, и людям дали на поверку ту информацию, которая была выгодна действующей российской власти. Ксенофобия, антиамериканизм, поддержка догматов православной церкви — это явления не метафизические, и из воздуха они не происходят. Всегда есть частица подоплеки, а социальные сети служат ее катализатором, разогревая эти темы, как доменная печь.

Технологии манипуляции в социальных сетях тоже варьируются в зависимости от объекта воздействия: кому-то достаточно яркой патриотической картинкой с хлестким лапидарным текстом, а для кого-то в специальных сообществах третьи лица составляют небольшие тексты, содержащие (на первый взгляд) глубокий и серьезный анализ ситуации. Есть и третий тип влияния — полуправильный. В более-менее серьезные дискуссии на острые политические темы включаются пользователи, которые одобряют или осуждают общий ход темы, при этом убеждая участников в собственной правоте. Мало кто, знает, что большинство таких аккаунтов вымышленны, и они создаются только лишь для того, чтобы снизить градус антиправительственных настроений в социальных сетях.

Политические лидеры регистрируют свои аккаунты не для прямого общения с народом, а ради собственных амбиций, доказывая, что они ближе к народу, к молодежи непосредственно. Не стоит винить стремление властителей, ведь по закону мы им делегировали решение всех своих проблем. Для них социальные сети — очередная PR-акция, направленная на привлечение большего числа сторонников. То же самое касается и оппозиции, которая пользуется возникающим недоверием к власти и всячески старается привлечь настроенных радикально национал-патриотов и других недовольных.

В действительности, социальные сети находятся под контролем государства и их можно, по праву считать квазиправительственным институтом. В советское время верили в торжество социализма, равенство и устав партии. Сейчас верят лишь в то, что напишет знакомый-незнакомый человек из социальной сети, если он, конечно, будет достаточно убедителен.

На взгляд автора, не нужно избегать социальных сетей, как источника информации, так как во всем этом интернет-металлоломе проскальзывают

адекватные и рациональные предложения по благоустройству нашего с Вами государства. Но и усугублять полученными данными не стоит — стоит выслушать иные источники с альтернативной точкой зрения. Только взвесив обе стороны медали, можно прийти, если не к абсолютно объективному результату, то хотя бы приблизиться к нему.

Л. В. Логинова
Саратов

МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЗАДАЧИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Современный мир характеризуется нарастанием угроз, вызванных ростом миграционной открытости стран и миграционной подвижности населения. В России согласно прогнозу к 2030 г. трудоспособное население сократится на 18 млн (20%), что приведет к экономическому спаду и снижению уровня жизни. Для возмещения естественных потерь населения в трудоспособном возрасте необходимо будет привлечь около 25 млн мигрантов¹. В этих условиях оценка миграционных вызовов для современной России приобретает все большую актуальность.

Среди российских ученых ведутся дискуссии по вопросу о необходимости привлечения трудовых мигрантов.

Сторонники активизации политики привлечения иностранных рабочих объясняют эту необходимость естественной убылью российского населения. Так, А. Вишневецкий, отмечает, что «при всей важности повышения рождаемости и снижения смертности, иммиграция — единственный реальный ресурс, который может стать источником сбережения и приращения народа². Действительно, если до 2006 г. в силу сложившейся на тот момент времени демографической структуры на фоне снижения общей численности населения происходил рост трудоспособной его части, то после 2006 г. началось быстрое сокращение трудоспособного населения. Работодатели нехватку рабочих рук стали компенсировать привлечением иностранных рабочих, как правило, низкой квалификации.

Ученые, выдвигая аргументы за открытую миграционную политику, подчеркивают, что «без иммиграции не может быть обеспечен экономи-

¹ Зайончковская Ж. Чем нам грозит «демографическая яма»? // Миграция XXI век: информационно-аналитический журнал. 2010. № 1. С. 3.

² Вишневецкий А. Величие государства — «не в обширности тщетной без обитателей...» // Миграция XXI век: информационно-аналитический журнал. 2010. № 1. С. 25.

ческий рост России, а значит и улучшение жизни людей»¹. Если не привлекать мигрантов произойдет сужение заселенного пространства нашей страны. Поэтому, проблема иммиграционной политики для России связана с угрозой потери части территории.

Противники активной политики привлечения иностранных рабочих считают, что Россия может обойтись собственными силами за счет внедрения трудосберегающих технологий. Они обращают внимание на риски масштабного привлечения мигрантов. Прежде всего, отмечается высокая доля нелегальных мигрантов, свидетельствующая о слабом государственном контроле над миграционными процессами.

Рост миграционной открытости приводит к снижению инвестиций работодателей в развитие собственного человеческого капитала. Российские компании повышение конкурентоспособности стараются обеспечить с помощью уменьшения издержек, связанных с оплатой труда. Особенно это заметно в строительстве, торговле, транспорте, где наблюдается наибольшая концентрация мигрантов (72,1% всех официально работающих мигрантов).

В современном мире обостряется конкуренция между странами за высококвалифицированные трудовые ресурсы. Экономически развитые страны Западной Европы, Северной Америки, Япония, а в последнее время Китай, создают благоприятные условия труда и жизни для специалистов с высокой квалификацией, переманивая лучшие умы из других стран. Россия данную конкуренцию проигрывает. Низкий уровень оплаты труда в научной сфере, отсутствие нормальных условий для плодотворной научно-исследовательской деятельности являются факторами вымывания из страны ученых из прорывных направлений современной науки. За 10 лет (1990–2000-е гг.) из страны выехало 70–80% ведущих математиков и 50% ведущих физиков-теоретиков².

В настоящее время эмиграционные настроения сохраняются. Итоги исследования, осуществленного центром Ю. Левады в 2013 г., показывают, что многие россияне (22%) имеют желание эмигрировать из страны. При этом данное желание проявляется наиболее активная часть российского общества: 45% студентов и учащихся; 38% предпринимателей; 33% служащих; 28% специалистов. Главная причина, побуждающая к эмиграции, — лучшие условия для жизни за границей (49%)³.

Миграционные вызовы диктуют необходимость проведения сбалансированной миграционной политики. Но прежде всего для того, чтобы вернуть тех, кто уже уехал и не потерять тех, кто может уехать в будущем

¹ Зайончковская Ж. Чем нам грозит «демографическая яма»? // Миграция XXI век: информационно-аналитический журнал. 2010. № 1. С. 7.

² Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 27.

³ Опрос: 45% студентов хотят эмигрировать из России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://top.rbc.ru/society/06/06/2013/860837.shtml>. Дата обращения: 19.03.2015.

необходимо ликвидировать «вытесняющие» факторы эмиграции, создав нормальные условия для трудовой деятельности самим россиянам.

Г. В. Лукьянова
Санкт-Петербург

СТРАТЕГИИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (на примере *Instagram*)

Проблема конструирования, трансляции, восприятия, оценки образа политиков и политических организаций принадлежит к числу наиболее актуальных проблем политической науки и находится в постоянном поле зрения ученых. В рамках данной проблемной сферы важное место принадлежит анализу стратегий позиционирования политиков в трансформирующемся информационном пространстве современной России, и в социальных сетях в частности. Развитие информационно-коммуникативных технологий, с одной стороны, способствует увеличению вовлеченности граждан в политический процесс, развитию диалога между властью и обществом, упрощает получение обратной связи, а с другой, вынуждает политическую элиту переосмысливать стратегии формирования своего имиджа, использовать новые инструменты для поддержания или изменения общественного мнения.

В настоящее время концепция «позиционирования» все чаще используется в социологических и политологических исследованиях, авторы которых трактуют это явление в столь различных научных системах, что можно говорить о полисемии этой терминологической единицы. Изначально термин «позиционирование» был употреблен Э. Райсом и Дж. Траутом в 1972 г, и окончательно сформулирован в 1981 г. в работе «Позиционирование. Битва за узнаваемость» («*Positioning: a battle for your mind*»)¹. По мнению авторов, позиционирование — это «инструмент, используя который можно быть услышанным в сверх коммуникативном обществе»². С позиции политической науки, позиционирование можно определить как конструирование определенной позиции, отношения к тем или иным политическим событиям, политическим институтам или процессам, которые

¹ Траут Дж., Райс Э. Позиционирование. Битва за узнаваемость. Библия маркетолога и рекламиста, СПб: Питер, 2004.

² Там же. С. 3

должны найти отражение в иерархии ценностей, созданной в сознании потенциальных потребителей информации.

Необходимость в позиционировании базируется на ограниченной способности человеческой психики осваивать огромный информационный поток, которая инстинктивно защищает, блокируя сообщения, не соответствующие имеющимся знаниям или опыту. В этих условиях «позиционирование» оказывается тем инструментом, который позволяет сведениям «прорваться» к сознанию потребителей¹.

Материалом исследования служат фотографии, опубликованные российскими политиками в *Instagram* (в приложении для обмена фотографиями и видеозаписями с элементами социальной сети). Для анализа выбраны аккаунты представителей различных органов власти: Д. Медведева (председатель Правительства РФ), А. Дворковича (Заместитель председателя правительства РФ), Н. Никифорова (министр связи и массовых коммуникаций РФ), Ю. Евкурова (глава Республики Ингушетия), Р. Абдулатипова (глава Республики Дагестан), Т. Мамсурова (глава Республики Северная Осетия-Алания), Р. Минниханова (Президент Республики Татарстан), Р. Кадырова (глава Чеченской республики), Е. Куйвашева (губернатор Свердловской области), А. Аршиновой (депутат ГД РФ), М. Кожевниковой (депутат ГД РФ), А. Аксакова (депутат ГД РФ), В. Бурматова (депутат ГД РФ) и др.

Целью исследования является выявление стратегий позиционирования российских политиков. Основным методом исследования — анализ визуального ряда. На этапе интерпретации конкретного изображения отдельные элементы содержания сначала разделяются, затем сопоставляются в их взаимоотношениях: «некодированный и кодированный изобразительный посыл», «денотативное значение...», общий смысл повседневно сознания и коннотативное значение, которое трансформирует посыл денотативного значения в единицу культурного дискурса»².

Анализ материала показывает, что с помощью *Instagram* политики имеют возможность донести до своей аудитории быстро декодируемые сообщения и сформировать необходимую для коммуникатора оценку своих действий. Особо следует отметить, что в ряде случаев *Instagram* используется как открытая площадка для обращений и просьб подписчиков.

В результате выявлены следующие стратегии позиционирования российских политиков:

- стратегия демонстрации своих профессиональных качеств (фотографии официальных встреч, деловых поездок, саммитов);

¹ Там же.

² Рожественская Е. Ю. Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 29.

- стратегия солидаризации с адресатом («я такой же, как и вы, делаю то же, что и вы»);
- стратегия апологизации Президента РФ (фотографии В. Путина или с В. Путиным, комментирование в положительном ключе действий Президента);
- стратегия единения (фотографии с акцентом на культурные особенности региона, демонстрация индивидуальности и самобытности населения, его традиций);
- стратегия фокусирования внимания на положительной информации о себе (хобби, занятия спортом, семья);

С. И. Лунев
Москва

ИНДИЯ КАК ОДИН ИЗ НОВЫХ МИРОВЫХ ЦЕНТРОВ

Крах биполярного мира в конце второго тысячелетия, изменение общего мироустройства, появление новых глобальных тенденций в сфере социально-экономического, политического и культурного развития поставили все современное общество в положение переходности. Первоначальной реакцией на распад социалистической системы было возобладание мнения, что мир из биполярного превратился в однополюсный, в котором решающую роль стали играть США. Поиски новой «миросистемной» парадигмы сразу обозначились в теориях, жаждущих объяснить настоящее и будущее мироздания как прогрессирующую унификацию экономических и политических изменений в направлении заранее заданной европоцентристской «идеальной модели». Лидерство США, в частности, и всего Севера, в целом, вызвало появление на свет, помимо теории об однополюсном мире, концепции о создании моноцивилизационного мира. По существу обе эти гипотезы очень близки друг к другу, учитывая переплетение экономики, политики и культурологических параметров, особенно усилившееся в современном обществе. Однако практика показала, что, напротив, ведущей тенденцией стало образование многополярного мира.

Особую роль в новой мировой системе стали играть крупнейшие периферийные страны, среди которых особо следует выделить Индию. Наряду с Китаем, азиатская держава превращается, по-видимому, в особую подсистему международных отношений, и оба азиатских гиганта в не очень отдаленном будущем могут стать соперниками США в борьбе за лидерство (в этом смысле история повторяется — соперники появляются на

периферии, но сможет ли кто-либо из них стать лидером, зависит от взаимодействия очень многих факторов).

Изучение политического, экономического, военно-политического и культурно-цивилизационного параметров — во всех их взаимосвязях показывает, что Индия действительно превратилась в новую великую державу.

Анализ единичного, особенного и общего в парастратегии Индии позволяет получить и новое знание в выявлении потенциала витальности России, в оценке направленности ее геоэкономических и геополитических интересов, в выделении эндогенных и экзогенных измерений, способствующих / ограничивающих реализацию этих интересов.

А. А. Лысак
Москва

СПОРТ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС АКТОРОВ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В современном мире спорт обладает серьезным потенциалом и широким набором функций. Он играет важную роль в современной мировой политике и активно используется в качестве политического инструмента для достижения различных целей как государствами, так и негосударственными акторами мировой политики.

Для государств, принимающих у себя глобальные спортивные соревнования, открываются особые возможности. Они получают шанс не только продемонстрировать свою способность эффективно организовывать проведение мероприятий такого уровня, но и использовать данные события для достижения таких политических целей, как информирование мировой общественности о позициях своей страны по тем или иным вопросам, продвижение интересов и налаживание контактов с лидерами других государств путем «спортивной дипломатии», развитие политики «мягкой силы» в целях формирования успешного международного имиджа страны. Спорт может выступать и внутривнутриполитическим ресурсом страны-реципиента, используемым в процессах укрепления внутренней легитимности власти, повышения инвестиционной привлекательности государства, формирования прочного внутривнутриполитического «спортивного наследия», которое, в свою очередь, будет влиять и на международные позиции страны. Особого внимания заслуживает факт того, что политизация спорта и глобальных спортивных соревнований в XX и XXI в. достигла небывалого уровня и привела к тому, что спорт начал активно использоваться в качестве инструмента санкций и политической борьбы.

Отдельное место в предполагаемом докладе займет рассмотрение спорта как политического ресурса негосударственных акторов мировой политики. Спорт здесь может использоваться как с благими целями (например, в борьбе против расизма, ксенофобии, антисемитизма и нетерпимости, защита окружающей среды), так и в деструктивном ключе (например, использование спорта террористическими организациями в политической борьбе).

Многообразие акторов мировой политики, использующих спорт в качестве политического ресурса, широкий круг целей, а также серьезный потенциал спорта в современном мире обуславливают актуальность данного исследования.

Особую важность тематика политического ресурса спорта имеет для Российской Федерации. В свете проведения зимних XXII Олимпийских игр и XI Паралимпийских игр 2014 г. в городе Сочи и преддверии таких крупнейших международных соревнований, как Чемпионат мира по хоккею с шайбой в 2016 г. и Чемпионат мира по футболу в 2018 г., которые пройдут в России, в экспертном сообществе возрастает интерес к тематике использования спорта в качестве внешнеполитического ресурса при формировании образа государства, что, в свою очередь, требуют от политической науки более глубокого и комплексного исследования спорта как политического инструмента, а также анализа политики «мягкой силы» Российской Федерации и ее курса на укрепление международного имиджа страны в целом.

Проведение XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи открыло для нашей страны целый ряд возможностей и позволило использовать спорт как важный ресурс и инструмент для наращивания «мягкой силы» России и развития ее имиджевой политики. Однако достижение максимальной эффективности использования подобного ресурса при формировании международного образа страны требует детальной проработки «слабых мест» в политике «мягкой силы» России. Среди них — отсутствие «национальной идеи», включающей в себя представления о месте и роли нашей страны в мировом сообществе, ее ценностях и стремлениях, которые она хотела бы донести миру; высокая роль государства в процессах формирования образа страны, что зачастую превращает меры публичной дипломатии в обычную пропаганду; частое расхождение политических действий лидеров государства с продвигаемым имиджем и др. В случае позитивных изменений в решении вышеупомянутых вопросов внешнеполитический ресурс спорта можно будет использовать с максимальной эффективностью.

Практическая ценность результатов исследования заключается в том, что выводы и материалы диссертации могут быть использованы странами (в т.ч. Российской Федерацией), принимающими глобальные спортив-

ные события, в вопросе выработки наиболее эффективной стратегии по превращению подобных мероприятий в важный ресурс внутри- и внешнеполитического развития государства, а также негосударственными акторами мировой политики для максимально эффективного задействования потенциала спорта в своей деятельности. Кроме того, результаты исследования могут быть полезными для исследователей, занимающихся вопросами использования спорта в качестве политического инструмента в современном мире.

В. П. Любин
Москва

ДВИЖЕНИЕ 5 ЗВЕЗД: НОВЫЙ ФЕНОМЕН ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Во многих европейских странах, и Италия тут не исключение, политические системы подверглись в последние годы значительным изменениям в связи с выходом на сцену новых политических сил. Итальянское Движение 5 звезд бывшего комика и актера Б. Грилло, созданное с использованием Интернета, это особое явление.

Получение движением на выборах 2013 г. 25,6% мест в нижней палате парламента представляется беспрецедентным. Движение не имеет ни устава, ни программы. «Движение 5 звезд не является политической партией и в будущем не собирается ею быть». Роль определения линии движения предоставлена всем пользователям Интернета. Вступление производится онлайн, условия вступления — итальянское гражданство и совершеннолетний возраст. Несовместимым с членством в движении 5 звезд названо участие в какой-либо партии или организации, которые противоречат целям движения. Постоянное членство не предусмотрено. Отдельные акции и выборы финансируются путем пожертвований на эти конкретные цели.

Программа движения содержит в себе элементы защиты окружающей среды, свободы информации, прямой демократии на основе Интернета (*E-Democracy*). Принятая во Флоренции 4 октября 2009 г. программа насчитывает 11 страниц и состоит из семи тематических разделов: Государство и граждане, Энергетика, Информация, Экономика, Транспорт, Здравоохранение, Образование.

Движение 5 звезд сформировалось в обстановке острого кризиса политической системы Италии. Оно стало следствием нерешенных проблем итальянской политики.

А. Х. Мавликасов
Санкт-Петербург

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

Сегодня в условиях длительной практики свободных выборов в странах западной демократии существует три классических подхода к изучению электорального поведения: социологический, социально-психологический и рационально-инструментальный.

Российское государство, как и любое другое, имеет свои особенности. Объективно корень этих особенностей необходимо искать в истории и культуре страны. Поскольку объектом нашего внимания является электоральное поведение российских граждан, то будет правильным обращение к истории политической культуры как к обобщенной характеристике отношения граждан к политической системе своего общества и к участию в политической жизни¹. Данный подход обозначим, вслед за исследователем А. П. Страховым, социокультурным и попытаемся, применяя его, разобраться в электоральной специфике России. Тезисно его можно сформулировать так: выбор избирателя осуществляется под воздействием ценностей и норм политической культуры сообщества, к которому он принадлежит. Воспроизводство политической культуры происходит в процессе социализации индивида, когда человек усваивает ценности и нормы своей социальной среды; у него формируются установки, которые и определяют характер его действий в конкретных ситуациях².

В российской политической культуре имеются две традиции осуществления власти: авторитарная и демократическая. Выделим два содержательных аспекта проявления этих традиций:

1) Общероссийский уровень. Российские демократические традиции зародились очень давно. Воплощением этих традиций были народные собрания, Земский собор, Государственная Дума. Авторитарные традиции наиболее ярко проявлялись в период правления Ивана Грозного, Петра I, Сталина. Спецификой России является одновременное взаимообусловленное сосуществование автократии и демократии. В основном преобладала

¹ Политическая социология / Под. ред. В. Д. Виноградова, Н. А. Головина. М.: РГ-Пресс, 2013. 424 с. С. 381.

² Страхов А. П. Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // Политические исследования. 2000. № 3. С. 91.

авторитарная традиция, однако в короткие периоды истории доминирование переходило к демократической. Данные традиции проявились и в самом российском обществе. Российское общество всегда состояло и состоит из разных индивидов. Традиции определенных групп, прежде всего интеллигенции, основываются на ценностях демократии¹, традиции большинства на ценностях авторитарии. Таким образом, если даже электоральная история в России началась в 1989 г., у нашей страны была предыстория электорального поведения, включающая и демократические, и авторитарные традиции. Происходило формирование сегодняшнего электорального поведения.

2) Региональный уровень. Российская специфика в ее многоэтничности, многокультурности и разнородности. Одним регионам больше присущи авторитарные традиции, другим — демократические. С точки зрения электоральной культуры, Российская Федерация состоит из двух неравных по размеру частей: «русской России» и «России национальных образований». Электоральные процедуры в «русской России» гораздо ближе к общеевропейским представлениям о смысле и сути демократических выборов. В «России национальных образований» доминирует иная электоральная культура, более всего схожая с советской концепцией выборов: минимум самостоятельности для избирателя при максимуме льгот для правящей номенклатуры². Внутри регионов также имеются особенности, связанные с сельской и городской местностью.

Социокультурный подход — прослеживание истории политической культуры, условий, в которых она формировалась. Социокультурный подход — единый подход, но в то же время включает в себя все классические подходы к изучению электорального поведения. Выявив особенности политической культуры, можно определить, какая из теорий больше применима к стране или региону. Например, для северокавказских регионов России, которым более присущи авторитарные традиции, применим социально-психологический подход. К регионам «модернистской» направленности можно применить рационально-инструментальный подход. Социологический подход применяется в любом случае и включает в себя в российских условиях такие важнейшие характеристики как тип поселения и религиозная принадлежность.

Особенности социокультурного подхода к изучению электорального поведения:

- является макроподходом, при помощи которого исследуется электоральное поведение граждан государства и/или конкретных его регионов;

¹ Политическая социология / Под. ред. В. Д. Виноградова, Н. А. Головина. М.: РГ-Пресс, 2013. 424 с. С. 278.

² Орешкин Д. Б. География электоральной культуры и цельность России // Политические исследования. 2001. № 1. С. 91.

- особенности политической культуры учитываются на первоначальном этапе исследования как наиболее вероятные поведенческие модели;
- благодаря данному подходу возможен прогноз динамики предпочтений россиян на долгосрочный период.

С. А. Магарил
Москва

СМЫСЛЫ ПАТРИОТИЗМА — ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Патриотизм — одна из базовых конструкций национального сознания. Нередко он становится объектом недобросовестных спекуляций, либо поверхностно-идеологических интерпретаций. Один из типичных приемов идеологов консервативно-охранительного толка — призыв вернуться к исконным российским ценностям и в.ч. к традиции отечественного патриотизма, что адресовано массовому профанному сознанию.

Патриотизм обычно понимается как нравственный принцип — любовь человека к своей стране. Словарь В.Даля определяет патриота как «любителя отечества, ревнителя о благе его...»². Ключевое слово в этом определении — ревнитель, т.е. усердный защитник, поборник национальных интересов. Но их важно отличать от корпоративных интересов правящего класса, которые он стремится выдать за общенациональные. И, кроме того, смыслы понятия «патриотизм» многозначны, отчасти противоречивы и с течением времени модифицируются.

И потому важно: какую исторически-традиционную версию патриотизма предлагают воспроизводить традиционалисты-государственники; возможно ли воспитать действенный российский патриотизм XXI в., обращаясь только к имперскому или советскому героическому прошлому?

Массовые слои населения России приняли самое активное участие в разрушении самодержавной имперской государственности и не стали защищать советскую тоталитарную форму государства в период распада СССР 1991 г. Это вынуждает признать традиционные версии патриотизма исчерпанными и неадекватными реалиям новейшего времени.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-03-0044.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М., Русский язык. 1978. Т. 3. С. 24.

Могут быть выделены три основные исторические версии патриотизма, в разных пропорциях реально присутствующие в массовом сознании нынешней России.

Имперская, державно-святоотеческая — доминируя в дореволюционный период, отчетливо присутствует и в сознании общества XXI в. Опорные смыслы: единая и неделимая; Святая Русь, хранительница истинной православной веры, мощная держава; ее боялись соседние государства, которым она диктовала свою волю. Державную компоненту патриотизма, широко и последовательно стремятся использовать околотовластные творцы мифологем.

Советский военизированный патриотизм — доминировал в коммунистический период. Опорные смыслы: СССР/РФ — наследники великих исторических побед; народ России — народ-победитель, внесший решающий вклад в победу во Второй мировой войне. Характерные компоненты советской версии патриотизма:

- в довоенный период — массовая сдача нормативов «Будь готов к труду и обороне», подготовка молодежи в военизированных клубах и других учебно-тренировочных организаций;
- в послевоенный период — допризывная подготовка; обучение молодежи в системе ДОСААФ; всесоюзная военная игра «Зарница» для подростков, отфильтрованные государственной цензурой учебники истории, кинофильмы о войне, где наряду с высокохудожественными выпускались откровенные поделки.

Послевоенная практика формирования государственного патриотизма характерна и для постсоветского периода. Ее компоненты:

- заслуженное чествование ветеранов;
- имидж власти как наследницы победных традиций прошлого;
- все более милитаризованный бюджет;
- при показном уважении — реальное забвение немногих, еще живых ветеранов войны — их убогие пенсии; отсутствие благоустроенного жилья; отсутствие личного транспорта, приспособленного для передвижения инвалидов...

Постсоветский гражданский патриотизм. Его носителем в начале XXI в. являются лишь относительно небольшие, локальные группы российского общества. Опорные смыслы — правовое государство; гражданские права и политические свободы; демократия, честные конкурентные выборы, сменяемость власти, социальная экономика, ориентированная на интересы и нужды массовых слоев населения.

Но правящий класс постсоветской России стремится вновь и вновь воспроизводить исторически тупиковый политический режим авторита-

ризма, основанный на сырьевой модели экономики, приносящей этому классу баснословное обогащение. И потому его представители заблаговременно вывозят из России сколоченные капиталы, семьи, приобретают за рубежом дорогостоящую недвижимость. Эти «патриоты» отчетливо демонстрируют: свое будущее они видят вне России и без России, ведь они вывозят из России капиталы, покупают недвижимость за рубежом, устраивают там свои семьи.

Решающим фактором формирования гражданского патриотизма и развития страны все больше становится способность российской высшей школы воспитать высоко-интеллектуальную и национально-ответственную элиту России, как в XIX в. отечественные университеты воспитали выдающихся государственных деятелей, осуществивших Великие реформы 1860–1870 гг.

В. П. Макаренко
Ростов-на-Дону

ВНЕКОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗОВАННОЙ ЛЖИ

Во введении к эссе «Истина и политика» Ханна Арендт пишет, что она хочет обсудить два вопроса: всегда ли надо говорить правду? почему в «дебатах» по поводу ее репортажей о процессе в Иерусалиме над нацистским военным преступником Эйхманом звучало много лжи о ее репортажах и фактах, которые она сообщала? По мнению Арендт, данные вопросы важны вне контекста, поскольку помешают вечно живую и злободневную тему в «бреешь между прошлым и будущим». Цель доклада: вычленив и прокомментировать внеконтекстуальные проблемы, содержащиеся в ее трудах.

Среди прочего Арендт обвиняет собственных соплеменников за то, что они сами подготовили Холокост, предоставляя свои денежные мешки в распоряжение власти различных стран Европы в период становления современного государства. Напомню, что Карл Маркс с младых ногтей презирал банкиров и ставил их ниже промышленников. Означает ли этот факт, что Арендт развивала данную идею Маркса? В любом случае далеко не у каждого человека найдется мужество подвергать критике народ, к которому принадлежишь. Пример Ханны Арендт остается универсальным и значимым до сих пор. Его можно и нужно распространить на индивидов всех наций. К своей собственной нации и государству надо относиться наиболее критически! — так звучит урок Ханны Арендт.

Социологические данные свидетельствуют, что до сих пор около 50% населения России все еще видит в Сталине «великого человека» и «выдающегося государственного деятеля». Согласно оценке Ханны Арендт, Гитлер и Сталин незаслуженно удостоились канонических биографий. Они не являются историческими личностями. Взгляд на историю через призму их биографий ведет к фальсификации и к более тонкому искажению событий.

К внешним мотивам доклада следует отнести систему тотальной лжи, которую пропагандирует нынешнее правительство страны в связи с событиями в отношениях между Россией и другими постсоветскими странами. Он особенно значим при использовании этнических сюжетов во внутренней и внешней политике. Работы Ханны Арендт образуют базис концепта когнитивного сопротивления. В ее трудах содержится система критериев для описания и оценки социальных и политических процессов XXI в. Главная правда XX в. — технический прогресс в создании средств насилия сделал преступную войну неизбежной. Устарели различия между солдатом и гражданским лицом, армией и мирным населением, военными объектами и мирными городами, на которых покоились дефиниции военных преступлений Гаагской конференции. Военные преступления ознаменовали политику продолжения систематических убийств в мирное время. Двусмысленность Нюрнбергского процесса до сих пор не преодолена. Понятие агрессии как тягчайшего международного преступления забыто. Для оценки современных событий в отношениях России с сопредельными странами надо учитывать множество внеконтекстуальных объектов анализа, истин и аргументов.

Прежде всего необходимо описание противоположности между политическим и юридическим подходом к устройству судебных процессов и выявление конкретных мер индивидуального, группового, социального, национального и институционального коллаборационизма во множестве постсоветских государств. Эта мера определяет когнитивно-социальные предпосылки цепи всеобщей лжи, на которой базируется коллаборационизм по отношению к «своей чужой» власти. Мера законопослушности граждан зависит от степени их противодействия любой персонификации законов и власти.

По отношению к любой системе власти надо ставить неудобные вопросы для выявления конкретной противоположности между истиной и политикой в условиях данного места и времени. Выживание мира не следует предпочитать справедливости. Государство не обязано признавать собственное самосохранение высшим законом, которому должна служить политика. Выживание мира и государства невозможно без истины. В конкретно-исторических обстоятельствах данного государства надо выявлять меру конфликта между истиной и политикой, а также объяснить причины любви людей ко лжи и обману. При этом можно исходить из различия

между истинами разума и истинами факта и выявлять меру вреда, который нанесла истине конкретная система политической власти. Участие государства в написании истории всегда связано с деформацией реального исторического процесса. У истины факта до сих пор было мало шансов пережить натиск со стороны власти.

В политике значимы истины фактов. В XX в. сложилась система организованной лжи как оружия в борьбе с истиной. Большинство религий не включают ложь в перечень смертных грехов. Поэтому религии (за исключением зороастризма) не помогают установить истину. Этому способствуют только пуританская мораль и организованная наука. В человеческих делах любое притязание на абсолютную истину наносит вред политике и правлению. Ложно представление о том, что истина не может быть ни усвоена, ни сообщена большинству людей.

В нынешнюю эпоху расширился и обострился конфликт между политикой и истинами факта. Истину факта, если она стоит на пути у выгоды, удовольствия и власти, воспринимают сегодня враждебнее, чем в прошлом. Этот феномен расцвел в тиранических и идеологических странах, а в свободных странах неудобные истины факта превратили в мнения. Поэтому в каждой конкретной стране надо заново проблематизировать противоположность истины и мнения.

Природа политики — отрицание или извращение любых истин. Свобода мнения — фарс, если не дается адекватная информация о фактах, а сами факты остаются предметом спора. Право каждого поколения писать собственную историю не дает права прикасаться к фактическому материалу. Государственные и общественные интересы противостоят истине. Политика в силу своей природы противоборствует всем формам истины.

Идеи Ханны Арендт требуют обдумывания для применения ко всем сферам истории и политики всех государств, включая Россию.

М. В. Мамонов
Москва

НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В РОССИИ: НОВЫЕ МАСШТАБЫ И УГРОЗЫ

Затухание протестного движения 2011–2012 гг. создало иллюзию успокоения общественно-политической ситуации в стране. Протестные акции если и проходили, то были малочисленными. Этот процесс лишь усилился в 2014 г., причина чего состояла не только в «крымской» мобилизации общества, но и в повышении легитимности всей вертикали власти. Об

этом свидетельствуют данные опросов общенациональных измерителей. Но эта успокоенность оказалась иллюзией. События весны 2015 показали, что глубинные причины протестных действий зимы 2011–2012 гг. лишь были нивелированы ситуативными факторами и антипротестной активностью власти, но наряду с политическим протестом стал набирать силу неполитический. Речь, прежде всего, о протестных акциях медиков зимы 2014 г. Как минимум три фактора заставляют пристально анализировать данное движение. *Во-первых*, медики, как и все бюджетники традиционно считались группой особого внимания власти, они составляли основу ее социальной базы, *во-вторых*, речь идет о серии, а не одиночных акциях И, *в-третьих*, протестные акции были хорошо организованными, в числе их организаторов оказались новые профсоюзы. Все это привлекает интерес к данному протестному действию, ставит задачи его детального анализа.

Актуальность исследования определяется тем, что по нашему мнению в условиях крайней ограниченности возможностей для политического протеста, именно неполитический, гражданский протест станет наиболее распространенным. Он в состоянии охватывать большие социальные группы и формировать ощущение необходимости перемен, которое сегодня не может быть выражено в сфере политики.

В основу предлагаемого анализа положены результаты исследования мнения медицинских работников как участников акции протеста, так и не являющихся таковыми. Исследования проводились Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

В ходе проведенных исследований были получены выводы, позволяющие понять вектор развития протестного движения медиков. Некоторые из выводов представлены ниже.

Протестное движение медицинских работников на сегодняшний день является преимущественно отраслевым. Политические мотивы выражены слабо, что, однако, не исключает риск их усиления уже в среднесрочной перспективе.

Подавляющее большинство медицинских работников недовольны основными параметрами новой формирующейся системы оказания медицинской помощи населению. По их мнению, доминантный вектор реформирования не может качественно улучшить систему медобслуживания по причине бессистемности самих попыток и направлений деятельности. Переориентация медицинского обслуживания с заботы о здоровье на преодоление последствий конкретных заболеваний разрушит саму систему.

Медицинские работники крайне болезненно воспринимают отказ государства от своей доминантной роли в функционировании системы здравоохранения. По их мнению, забота о здоровье человека является ключевой государственной задачей. Перевод медицины на страховой путь развития не легендирован, не понятен.

Повышение зарплат слабо рефлексруется медицинскими работниками и скорее является причиной массового раздражения работников. В основе этого — две причины: депривационный разрыв и неготовность перестраиваться под новые правила работы. Многочисленные заявления о повышении зарплаты, фиксация средней зарплаты по отрасли привело к существенному завышению ожиданий как в части уровня зарплаты, так и ее динамики. В итоге — разочарование, оценка сложившегося уровня зарплаты как недостойного для данного вида работников и недостаточного в целом. Кроме того, новая система организации медицинского обслуживания населения, предполагающая интенсификацию труда медперсонала, привела к невозможности сохранения ранее существовавшей адаптивной модели, в основе которой было внутреннее совместительство, фактическое совмещение нескольких ставок. При переходе на новые условия работы у части работников зарплата реально снизилась, так как возможностей для внутреннего совместительства практически не стало.

Один из ключевых факторов формирования протестных настроений и общего недовольства врачей — резкая и масштабная девальвация статуса медицинского работника. Медицинские работники традиционно занимали особое положение в обществе. Профессия медицинского работника в обществе, и, прежде всего, самими медиками, воспринимается с точки зрения служения социуму, поскольку она тесно связана с оказанием непосредственной помощи, пользы человеку, выполнением особой социально-значимой функции. Сегодня из служителей обществу медицинские работники превратились в людей предоставляющих услуги, что приводит к резкому ухудшению статусных позиций.

Важным дестабилизирующим фактором становится ролевой конфликт. Ролевой конфликт является относительно новой протестоемкой проблемой системного уровня и, соответственно, одним из факторов формирования протестных настроений среди медработников. До проведения реформы профессия врача была ориентирована на творчество, работа выстраивалась на основе личного подхода, где провозглашалась ценность каждого больного. Однако реформа здравоохранения технологизировала процесс медицинского обслуживания, превратив, в частности, поликлиники в «сортировочные пункты». Из «вершителя судеб» врач превратился в «диспетчера по болячкам». Медицинские работники не согласны с такой трансформацией.

Определенные выше лишь некоторые причины формирования протестных настроений носят универсальный для социальной сферы характер, а это значит, что именно социальная сфера становится сегодня одной из проблемных зон власти, таким образом, власть теряет свою социальную базу. Ситуация в социальной сфере уже в среднесрочной перспективе будет детерминировать новые векторы общественных настроений.

Т. З. Мансуров
Казань

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Южный Кавказ является стратегически важным регионом для Российской Федерации. Рассматривая нормативно-правовые документы, формирующие систему национальной безопасности государства, стоит отметить, что в ней недостаточное внимание уделено проблеме ее обеспечения в странах Южного Кавказа. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., в которой в наиболее полном виде сформулированы важнейшие направления государственной политики в сфере безопасности, страдает изъянами по вопросу о формах и способах обеспечения безопасности страны в данном регионе, о задачах, которые необходимо решить для предотвращения реальных и потенциальных угроз в отношении стабильности политических систем государств региона и собственно России. Однако утверждать, что никакой политики безопасности Россия как региональная держава не проводит, было бы ошибкой.

Россия преследует и выстраивает на Южном Кавказе следующую систему национальных интересов. *Во-первых*, выработка эффективных мер и способов урегулирования этнополитических конфликтов, предотвращение и борьба с «новыми» или «нетрадиционными» угрозами безопасности (экстремизм и терроризм, незаконная миграция, наркотрафик, организованная преступность и др.) с привлечением третьих стран и международных организаций. *Во-вторых*, укрепление стратегических позиций на каспийском рынке сырьевых ресурсов. *В-третьих*, занятие позиции экономического лидера в регионе через такие организации, как СНГ, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный Союз, Евразийский Союз, Шанхайская организация сотрудничества. *В-четвертых*, Россия стремится не допустить появления военных баз на территории стран Южного Кавказа в связи с расширением НАТО на Восток. *В-пятых*, осуществляется развитие и активный поиск оптимальных моделей взаимодействия между Россией и Южным Кавказом на постсоветском пространстве.

Есть и другие направления развития политики безопасности России на Южном Кавказе. Национальная безопасность Российской Федерации предполагает формирование равноправных и взаимовыгодных отношений со странами и интеграционными объединениями в регионе, в повсеместном соблюдении прав и свобод человека, развитии демократии и рыноч-

ной экономики¹. Без всеобъемлющего учета интересов политико-экономического развития народов Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии, а также без вложения значительных ресурсов в урегулирование региональных конфликтов невозможно реализовать перечисленные выше национальные интересы России.

Несмотря на рассмотренные выше основные компоненты национальной безопасности российского государства в отношении региона Южного Кавказа, можно констатировать, что не все они реализуемы на сегодняшний день, что во многом связано не только с наличием политико-этнических конфликтов, способов и методов их разрешения, устраивающих все стороны, но и достаточной противоречивой политикой России в отношении постсоветских стран, направленной на насильственный пересмотр их границ. В этой связи, как мне кажется, такая ситуация всегда будет представлять потенциальную угрозу национальной безопасности страны.

На сегодняшний день Россия имеет в целом достаточно сбалансированную систему национальных интересов и механизмы их реализации, не считая некоторых изъянов. Россия стремится проводить взаимовыгодную политику в отношении всех трех государств Южного Кавказа. Россия развивает стратегические отношения с Арменией, являющейся единственным военно-политическим союзником в регионе. Россия выстраивает дружественные отношения с Азербайджаном, который, как и Армения, проводит многовекторную политику. Наиболее сложными на сегодняшний день являются отношения России с Грузией, которая после вооруженного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. и признания независимости Абхазии и Южной Осетии Россией, не имеет дипломатических отношений с последней.

Безусловно, урегулирование или разрешение этнополитических конфликтов будет способствовать развитию культурных, социально-экономических, политических отношений государств региона и каждого из них с Россией. Определение государственно-административного статуса непризнанных образований (Абхазии, Нагорного Карабаха, Южной Осетии) приведет к интенсификации торгово-экономических связей, развитию и укреплению существующих региональных организаций, а также реализации различных экономических проектов. Разрешение межэтнических противоборств способствует развитию политических отношений Грузии, Азербайджана и Армении, а также выхода последней из экономической изоляции. Вместе с тем, разрешение этнополитических конфликтов еще не означает устранение реальных или потенциальных угроз безопасности

¹ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>. Дата обращения: 28.04.2015.

Российской Федерации. Однако развитие всесторонних отношений, а также желание и политическая воля урегулировать межэтнические конфликты будет способствовать стабильному и устойчивому развитию региона.

Е. А. Марков
Череповец

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ЗАПАДНОГО МИРА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ СМИ

В условиях развития России как сильного и самостоятельного государства, вынужденного к тому же играть роль центра защиты интересов целого ряда стран, значительно возрастает значение использования возможностей информационной сферы. Эти возможности должны быть в наиболее полной мере использованы государством при выработке и реализации стратегии дальнейшего развития страны. При решении этой глобальной задачи, от которой зависит будущее нации, должен сыграть свою важнейшую роль и такой общественный институт как средства массовой информации. И речь идет не о подчинении (подавлении) государством права свободной деятельности СМИ, а об эффективном использовании ресурса масс-медиа государством для решения важнейшей общественной задачи — формирования общественного сознания, нацеленного на развитие страны в качестве сильного государства.

Россия — страна, обладающая огромнейшими запасами полезных ископаемых. Пока еще нетронутые кладовые Восточной Сибири и Дальнего Востока являются весьма лакомым куском для возрастающих appetитов западных стран, наиболее влиятельной из которых являются США. Так что нынешнее положение России, столкнувшейся с решением различного рода угроз и вызовов, дает западным странам, которых устраивает такое положение вещей, надежду на использование в недалеком будущем огромнейших российских ресурсов, которые обеспечат передовым странам дальнейшее развитие. Вопрос стоит даже так, что использование российских природных ископаемых — мощное средство развития (если не спасение от кризиса) глобализующейся экономики западного мира. Вполне показательным в этом смысле является заявление бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер, прозвучавшее лет 15 назад, о том, что богатства Сибири и Дальнего Востока — это достояние всего мира. Ослабленная Россия будет вынуждена позволить развитым странам воспользоваться гигантскими запасами ценнейших полезных ископаемых. Тем более, что, как говорится, плод может сам упасть в руки, потому что Россия

столкнулась с последствиями демографических, экономических, политических и социальных проблем. Но те же США не только ждут, когда плод сам упадет в руки, но и стараются сорвать его с ветки. В качестве средств ослабления России США используют свои СМИ (предлагая не только их продукцию, но и методы, формы подачи, жанры и т.д.), продукцию Голливуда, музыку, литературу, и даже идеи.

В России очень велико влияние американской идеологии, которое проявляется в продукции нашего телевидения, политике газет («желтая пресса») и журналов («глянец и гламур», специализированные журналы для женщин — наиболее наглядный пример роли масс-медиа в распространении ценностей консюмеризма), производстве кинофильмов, перенесенных на русскую почву «мыльных опер», музыкальном творчестве, литературе и т.д. и т.д.

Наиболее значительного эффекта в идеологическом воздействии достигла реклама¹. Из средства продвижения товаров на рынке она превратилась в средство распространения ценностей американского образа жизни, в инструмент формирования личности.

Реклама способствует и распространению идеологии глобализма. Экспансия транснациональной «глобальной» экономики происходит с помощью рекламных роликов и слоганов (а также кино, музыки и т.д.)².

Можно сказать, что глобальный консюмеризм — это лекарство, предлагаемое населению политической и бизнес-элитой, предупреждающее выбросы пассионарности.

Если эти ценности будут восприниматься нашим населением и дальше (если оно не выработает своего рода иммунитет к такой продукции), то наши СМИ не только полностью скопируют опыт развития американских СМИ, но и изберут такой же тип развития. Если национальное самосознание одержит верх, то наши СМИ пойдут своим, самостоятельным путем.

Россия исторически была страной, жизнь которой определяли высокие нравственные и духовные принципы. Русский народ — носитель высоких духовных ценностей, стремление к справедливости у русских всегда стояло выше стремления к наживе. Сегодня наша страна переживает очередное трудное время, но, пройдя через своеобразный катарсис преодоления смуты, она обязана выйти сильной, набирающей быстрые темпы развития державой. Но нельзя забывать, что фундаментом будущего развития являются по-прежнему духовные ценности, значение которых народ вновь осознает, пережив увлечение продукцией (и материальной, и духовной) общества потребления западного типа. Вот тогда и средства массовой информации поставят в своей деятельности превыше всего духовные ценности.

¹ Тузиков А. Р. Идеология видимая и невидимая. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.politstudies.ru/fulltext/2002/5/14.htm/.

² Там же.

Т. В. Мармونتова
Астана, Казахстан

ПОЛИЭТНИЧЕСКИЙ СОЦИУМ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

В течение последних десятилетий вопросы, связанные с оценкой места этноса в политической и социальной реальности занимают все большее и большее место, причем не только в научной риторике. Необходимо признать, что большинство современных государств полиэтничны. Причем полиэтничность имеет место на всех континентах. Самым ярким примером полиэтничного государства в Новом Свете является Канада. Примером полиэтничного образования Старого Света является Швейцария. Всех швейцарцев объединяет принадлежность к одному геосоциальному организму, который все они в равной степени считают своим отечеством¹. Сегодняшняя Франция объединяет в одном геосоциальном организме собственно французов, бретонцев, корсиканцев, эльзас-лотарингцев и массу эмигрантов. Причем именно вопросы взаимодействия эмигрантов с местным населением являют собой ключевую проблему французской этнополитики. Говоря о традициях полиэтничности в Европе необходимо заметить, что часть государств восприняли эту ситуацию как данность, другие регионы стали местом серьезной конфликтности (Шотландия, Баскония, Корсика и пр.).

Полиэтничность это нормальное явление для большей части государств в современной Азии. В современной Индии насчитывается в районе двух тысяч народностей и этнических групп. На территории Французского Индокитая возникли полиэтничный Лаос, Вьетнам (87% — вьетнамцы-кинх) и Камбоджа (80% — кхмеры). На территории нидерландских владений в Индии и Новой Гвинее создана полиэтничная Индонезия².

После распада СССР на его территории образовались 15 новых независимых государств, причем 13 из них полиэтничны. Относительно высокая степень моноэтничности имеет место лишь в Азербайджане (83% азербайджанцев), Армении (93% армяне). На постсоветской пространстве Российская Федерация и Центральная Азия являются регионами с наиболее выраженной степенью полиэтничности.

¹ Семенов Ю. И. Философия истории. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bookzie.com/book_217_glava_52_5.7.2._VESHHNYE_PRAVA.html.

² Торбасов О. Становление национальных государств в XX веке. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://komsomol.narod.ru/national/national_states.htm.

Став независимыми молодые республики Центральной Азии встали перед сложным выбором, не только как позиционировать себя на международной арене как субъекты мировой политики, но и о том, как из «советских людей», которые населяли государства сформировать нацию «нового» государства. Решать эту задачу необходимо было быстро, так как от того, как население новых государств будет себя осознавать зависела жизнестойкость нового политического образования. В этой ситуации акцент на культуре титульного этноса вовсе не связан с желанием власти сосредоточиться на создании неких этнических государств. Сравнивая этнополитические процессы в постсоветской Центральной Азии можно найти несколько явных параллелей. Главной характерной особенностью процесса нациостроительства является, то, что этот процесс протекает в мультикультурных и полиэтничных обществах. И вопросов здесь больше чем ответов — потому, что с одной стороны пойти по пути построения этнократического государства, значит ущемить права всех других этносов кроме, титульной. Мультикультурализм в его классическом виде то же не выход. Сегодня европейские государства одно за другим отказываются от идей мультикультурализма из-за страха потерять собственную идентичность под напором культуры мигрантов. Можно предположить, что действенным путем в конструировании гражданской идентичности постсоветской Центральной Азии станет некий «третий» путь — который будет сочетать черты мультикультурализма и этноцентризма.

Таким образом, говоря о глобальных этнических процессах, можно выделить такие факторы влияния как: территориальная контрастность, неоднородность естественного движения населения; процессы консолидации и ассимиляции этносов определяют основные тенденции внутренней ситуации в государстве¹.

В региональном плане имеет место четкое различие между этническими процессами в европейских странах, США и Канаде и постколониальных странах (Азия, Африка). Европейские страны США и Канада являют собой государства с устойчивым этнонациональным составом населения, развитой индустриальной экономикой и правовой системой. В современной Азии продолжает интенсивно развиваться процесс консолидации доминирующих этносов и ассимиляции небольших этнических групп и меньшинств как коренного, так и иммигрантского происхождения. Рыночная экономика и индустриализация большинства стран Азии существенно меняют ее этническую карту. Она становится более однообразной в тех областях, где бурно развиваются процессы модернизации, и сохраняет свое разнообразие на окраинах, труднодоступных и экономически ма-

¹ Национальный состав населения мира и этнические процессы. Демография в РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://naciarrussia.ru/vosproizvodstvo_i_sostav_naseleniya_mira-nacionalnyi_sostav_naseleniya_mira_i_etnicheskie_processy.html.

лоперспективных территориях, где и по сей день проживают этнические группы, еще не достигшие в своем развитии уровня народностей¹.

Р. А. Матвиенко
Ульяновск

АМЕРИКАНСКИЙ НЕОКОНСЕРВАТИЗМ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Идеи, представления и предубеждения влияют на восприятие и интерпретацию мира субъектами политики. Поэтому важно не только обращаться к идеологическим явлениям как к совокупностям идей, предписывающим субъектам те или иные точки зрения, но и исследовать содержание и развитие актуальных идеологических феноменов.

Американский неоконсерватизм стал одним из наиболее успешных идеологических проектов второй половины XX — начала XXI вв. Неоконсерваторы занимали весомые позиции в идеологической клиентуре президентов США Р. Рейгана² и Дж. Буша-мл.³ В первом случае неоконсерваторы приписывали себе в заслугу подрыв позиций либеральных и радикальных интеллектуалов в 1970 г., во втором с неоконсерватизмом ассоциировался внешнеполитический курс США после терактов 11 сентября 2001 г., апогеем которого стала иракская кампания.

С момента вхождения понятия «неоконсерватизм» в политический оборот в 1970 г., его легитимность неоднократно оспаривалась⁴, прежде всего, из-за неоднородности и дискретности «неоконсервативных» тем и подходов. Наиболее успешная попытка изучения неоконсерватизма⁵

¹ Садохин А. П. Этнология: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2004. 287 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.istmira.com/yetnologiya/1366-93-yetnicheskije-processy-v-sovremennom-mire.html>.

² Хабермас Ю. Критика неоконсервативных взглядов на культуру в США и ФРГ // Политические работы / сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С. 55–86. (Новая наука политики). С. 50.

³ High B. The Recent Historiography of American Neoconservatism // The Historical Journal. 2009. Vol. 52, no. 2. P. 475–491. P. 475.

⁴ Steinfels P. The Neoconservatives: The Origins of a Movement: With a New Foreword, From Dissent to Political Power. Simon, Schuster, 2013. 460 p. P. 10.

⁵ Vaïsse J. Neoconservatism: The Biography of a Movement / trans. by A. Goldhammer. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 366 p.

связана с различием трех периодов его развития. Этот подход позволяет указать на соотношение идеологических и политических феноменов в современном мире.

Точки зрения, позднее охарактеризованные критиками как «неоконсервативные», возникли в среде публицистов и ученых, недовольных реалиями 1960 годов. В основе этого недовольства лежало сомнение в способности демократического порядка противостоять политическим и экономическим вызовам текущего периода: кризису государства всеобщего благосостояния, студенческим волнениям, активизму «новых левых», контркультуре.

Возникновение неоконсерватизма было реакцией на «левый поворот» американского либерализма, который до того три десятилетия удерживался на центристских позициях. Вслед за изменениями в идеологической сфере последовали изменения в политической. В 1972 г. кандидатом в президенты от Демократической партии стал Джордж Макговерн, представлявший ее левое крыло.

Во внутренней политике Макговерн настаивал на расширении социальных программ и обеспечении равноправия по расовому признаку через систему квот. Во внешней политике он выступал за свертывание вьетнамской кампании и сокращение расходов на оборону.

Взгляды Макговерна критиковали сторонники сенатора Г. Джексона, которые наследовали принципам «либерализма холодной войны», отличавшегося резким антикоммунизмом. С их деятельностью связан второй период развития неоконсерватизма.

Первое поколение неоконсерваторов было представлено интеллектуалами — видными публицистами и социальными учеными. Их деятельность была сосредоточена вокруг интеллектуальных журналов, среди которых прежде всего нужно отметить «Комментари» (*Commentary*) и «Паблик интерес» (*Public Interest*).

Второе поколение было организационно оформлено как группы интересов — Коалиция за демократическое большинство (*Coalition for Democratic Majority*) и Комитет по существующей опасности (*Committee for Present Danger*).

В итоге, сторонники Джексона установили связи с правыми республиканцами Р. Рейгана, а впоследствии обеспечили идеологическое сопровождение его внешней политики.

После окончания холодной войны неоконсерватизм исчез с политической сцены и дал знать о себе только в середине 1990-х. Неоконсерваторы третьего периода ассоциировали себя с Республиканской партией; в отличие от своих предшественников, они никогда не были не только бывшими троцкистами (как неоконсерваторы первой волны), но даже бывшими демократами. Как и неоконсерваторы второго периода, они фокусировались на внешней политике, но отличались большим интервенционизмом и радикализмом.

Таким образом, неоконсерватизм за свою недолгую историю претерпел существенные изменения. Из университетских аудиторий он переместился в аналитические центры и кабинеты важнейших американских чиновников. Неоконсервативная аргументация оставила мир академической дискуссии, литературной и философской критики и перекочевала в сферу жесткого политического противостояния. Фокус внимания неоконсерваторов сместился с проблем внутренней политики на проблемы внешнеполитического курса Соединенных Штатов.

И. В. Мирошниченко
Краснодар

СЕТЕВОЙ ЛАНДШАФТ КАК ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Изучение пространственного измерения современной публичной политики невозможно вне контекста обращения к более обширному социальному пространству. В политическом пространстве происходит «создание (закрепление) и поддержание (сохранение) целостности субъекта политики при объективно обусловленном многообразии»¹. В нем интегрируются взаимосвязанные и взаимообусловленные социальные структуры объективного (данные в форме распределения ресурсов практик, средств и механизмов их присвоения) и субъективного (легитимные практические схемы и эксплицитные понятия) порядка. Пространство публичной политики рассматривается как действительность объективного порядка, которая «оформляется» легитимными практическими схемами, составляющими действительность субъективного порядка»². Использование категории «сетевой ландшафт» позволяет исследовать сетевую проекцию современного политического пространства.

Современные практики публичной политики и возможности их распространения и развития возникают в пределах сетевого ландшафта. Категория «сетевой ландшафт» позволяет оценить новые сетевые качества современного публичного пространства и определить их роль в трансформации институциональных характеристик публичной политики современных государств.

¹ Прохоренко И. Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Полис. 2012. № 6. С. 70.

² Шматко Н. А. Феномен публичной политики // Социс. 2001. № 7. С. 110.

Сетевой ландшафт публичной политики представляет собой гетерогенную и динамическую структуру, интегрирующую все многообразие сетей в публичной политике, которые характеризуются плюралистичными основаниями самоорганизации и различными темпоральными характеристиками, обеспечивая преемственность социокультурной эволюции политической действительности. Сетевой ландшафт привязан к политическому пространству и отражает институциональные (формальные и неформальные) и коммуникативные (публичные и латентные) характеристики сетевых конфигураций из разных слоев публичной политики.

Появление и развитие новых разнообразных ландшафтных звеньев в структуре сетевого ландшафта являются результатом проникновения сетевого общества в публичную политику.

Категория сетевого ландшафта позволяет комплексно исследовать сетевые ресурсы развития публичной политики, связанные с логикой сетевого общества, и оценить жизнеспособность традиционных для политической практики социальных сетей в условиях новых цивилизационных трансформаций. Важно, что сетевой ландшафт публичной политики объединяет в себе различные ландшафтные звенья (традиционного общества, модерна, постмодерна), представленные сетевыми структурами и сетевыми сообществами разной степени устойчивости, связанными между собой коммуникативными связями различной плотности и интенсивности и существующими в определенной социокультурной среде. В сетевом ландшафте современной публичной политики актуализируются разнообразные по своим темпоральным характеристикам социальные сети: «старые» (традиционные кланово-родовые, местнические, патрон-клиентарные сетевые отношения) и «новые» (сети солидарностей, дискурсивные сети, сети новых социальных движений), а также наблюдаются причудливые формы их конвергенции.

Сетевой ландшафт российской публичной политики объединяет множество ландшафтных звеньев, образуя гетерогенную структуру общества с разнонаправленными векторами эволюции, в которой точки роста систем гражданских отношений, основанных на солидарности и взаимных интересах в решении общих проблем, являются анклавными образованиями в домодерной и квазимодерной сетевой среде. Развитие конструктивного потенциала сетевых точек роста гражданской активности и их интегрирование в сообщество граждан возможно с помощью целенаправленной деятельности государства и общества по формированию институционализированной системы гражданского партнерства.

Изменения сетевого ландшафта могут быть обусловлены как трансформацией сетевых конфигураций, так и характером коммуникации между ними. Возникновение сетевых ландшафтных звеньев «постмодерна» способствует усложнению сетевого ландшафта современной публичной политики,

где все ландшафтные звенья, существующие в различных темпоральных режимах, начинают взаимодействовать на основе сетевой коммуникации, что способствует разгерметизации закрытых сетевых структур и их включению в производство общественных благ и гражданское партнерство.

Сетевой ландшафт публичной политики характеризуется открытым множеством практик и практических схем, связанных определенной сетевой структурой или «местом» коммуникации акторов. Сетевые ландшафтные звенья трансформируют политическое пространство, деятельность акторов публичной политики и спектр их возможностей участия в принятии публичных решений. Сетевое структурированием пространства публичной политики позволяет в каждом конкретном случае не только выявлять и характеризовать дискурсивные практики и схемы выработки и реализации политических решений различными акторами, но и определять социальные условия их возникновения.

*А. А. Морозова
Иваново*

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ РАЗВОРОТА К ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Отношения между Россией и странами Латинской Америки развиваются по нарастающей, что находит отражение в расширении политических контактов, увеличении товарооборота и инвестиционного обмена, наращивании культурных связей.

«Точкой отсчета» активизации российско-латиноамериканского сотрудничества стала середина 90-х годов, когда большинство стран ЛАКБ вступили в стадию экономического роста и стали проявлять большую внешнеполитическую активность, а Россия с приходом на пост мининдел Е. М. Примакова скорректировала внешнюю политику в пользу многопрофильной вовлеченности страны в международные отношения.

В начале 2000-х годов продолжали расти интенсивность как политического диалога, в т.ч. на высшем уровне (наглядный пример — регулярные контакты с главой Венесуэлы У. Чавесом), так и взаимодействия с государствами ЛАКБ в торгово-экономической (в частности, энергетической) и гуманитарной сферах, что позволяет говорить о выстраивании с рядом из них партнерских отношений. Помимо контактов в двустороннем формате

Россия сотрудничает с латиноамериканцами в ООН и на других международных площадках (БРИКС, АТЭС, «Группа двадцати» и др.).

В условиях обострения отношений нашей страны с Западом связи с Латинской Америкой, превращающейся в один из центров формирующегося многополярного мира, приобретают для нас особое значение как в торгово-экономическом (источник импорта ряда попавших под контрсанкции товаров), так и в политическом плане — подходы многих стран ЛАКБ к сирийскому и украинскому кризисам свидетельствуют о том, что они не намерены идти в фарватере внешней политики Запада и готовы отстаивать собственную точку зрения, согласно которой западные страны спровоцировали острый кризис и акты насилия, как в Сирии, так и на Украине. Страны ЛАКБ, в первую очередь, отстаивают принципы территориальной целостности, суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела других государств, в приверженности международного права, в соблюдении принципов неприменения силы и применении инструментария мирного разрешения споров, что совпадает с позицией России.

*О. С. Морозова
Рязань*

ПРАКТИКА КВОТИРОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА¹

В избирательном процессе квоты появились сравнительно недавно, и за два десятилетия применения затронули различные стороны представительства интересов избирателей². В настоящее время накоплен определенный исследовательский материал практики квотирования, применяемой в отдельных странах мира, однако эти данные нуждаются в дальнейшем изучении и оценке необходимости, динамики и итогов воздействия избирательных квот.

Анализируя работы, посвященные исследованию квот, можно отметить, что в научной литературе сложилось два направления, оценивающих возможности квотирования в избирательном процессе. Как сторонники,

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00153 «Государственная политика и управление в сфере избирательного процесса: концептуализация научного направления»

² Гришин Н. В. Избирательная система как институт артикуляции политических интересов общества Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 42–49.

так и противники квот предполагают, что квотирование влияет, положительно или негативно, на качество выборных должностных лиц, возможности для продвижения групповых интересов в политику, формирование взглядов социальных групп, в отношении которых применяется квотирование, и политическое участие членов этих групп¹.

В целом, в литературе предлагается несколько типологий квот, а также факторов, влияющих на их введение².

Квотирование может быть основано на гендерной, этнической, конфессиональной, расовой принадлежности, возрасту, профессии, месту жительства и пр.³, при этом наиболее распространенной практикой является установление гендерных квот⁴. Они же являются в настоящее время наиболее изученными⁵.

Публикаций, затрагивающих темы квотирования для групп меньшинств, в отличие от гендерных исследований, гораздо меньше. По-разному, в зависимости от политического контекста, определяется и понятие «меньшинства»: по признаку расы⁶, национальности⁷, религии⁸, языка⁹, касты¹⁰, возраста¹¹.

В углубленных тематических исследованиях представлены различные факторы, способствующие внедрению квот в избирательную практику. Так, в исследованиях М. Киттилсона¹² решающее значение для введения гендерных квот приобретают как феминистские, так и нефеминистские причины, обусловленные задачей мобилизации женского электората по-

литическими партиями. Другими факторами называют стратегические стимулы политической элиты¹, а также давление со стороны международных организаций и транснациональных сетей².

Отдельным блоком представлены исследования, посвященные изучению влияния квот на последующую работу законодательного органа, принятию политических решений, общественное мнение и массовую мобилизацию³.

Можно констатировать, что в подавляющем большинстве этих научных работ речь идет об изучении только одного вида квот, и, как правило, на примере только одной конкретной страны. Весь массив данных о практике применения квотирования нуждается в дальнейшей систематизации и оценке, как с точки зрения функционирования избирательных систем, так и для анализа возможностей и границ государственного управления в этой сфере.

А. В. Назаренко
Москва

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА: СУВЕРЕНИТЕТ БЕЗ ИДЕНТИЧНОСТИ ИЛИ НАОБОРОТ

Ни одно понятие не рождает так много противоположных точек зрения и не вызывает столько споров, как понятия «суверенитета» и «идентичности», характеризующие качественное состояние политического субъекта.

Возникает закономерный вопрос — какое из этих понятий можно полагать «более фундаментальным» с точки зрения политики, а значит «определяющим» ее суть и перспективы.

Общепринятое понимание политики как субъективированной деятельности, направленной на достижение предустановленных целей, само по себе заключает в себе интригу — будет ли меняться идентичность политического субъекта по мере реализации генерального замысла и если будет, то под воздействием чего, и каким образом это будет сказываться на рефлексии его суверенитета.

Поскольку идентичность — это не что иное как способность политического субъекта в максимально концентрированном виде выражать свою принадлежность к политическим, национальным, языковым, конфесси-

¹ *Franceschet S., Krook M. L., Piscopo J.* The Impact of Gender Quotas. New York, N.Y.: Oxford University Press. 2012.

² *Krook M. L.* Quotas for Women in Politics. New York, N.Y.: Oxford University Press. 2009.

³ *Krook M. L., O'Brien D.* The politics of group representation: Quotas for women and minorities worldwide. *Comparative Politics*. 2010. 42 (3). P. 253–272.

⁴ *Морозова О. С.* Проблема гендерного баланса при формировании органов власти // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой международной конференции РАИНЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: В 2-х томах. 2014. Т. 2. С. 289–292.

⁵ *Dahlerup D.* Women, Quotas, and Politics. New York, N.Y.: Routledge. 2006.

⁶ *Van C., Lee D.* Building inclusive democracies: Indigenous peoples and ethnic minorities in Latin America. *Democratization*. 2005. 12(5). P. 820–837.

⁷ *Alionescu C.-C.* Parliamentary representation of minorities in Romania. *Southeast European Politics* 5(1). 2004. P. 60–75.

⁸ *Salloukh B. F.* The limits of electoral engineering in divided societies. *Canadian Journal of Political Science* 39(3). 2006. P. 635–655.

⁹ *O'Neill M.* Re-imagining Belgium: New federalism and the political management of cultural diversity. *Parliamentary Affairs* 51(2). 1998. P. 241–258.

¹⁰ *Galanter M.* Competing Equalities. Berkeley, CA: University of California Press. 1984.

¹¹ *Darhour H., Dahlerup D.* Sustainable representation of women through gender quotas. *Women's Studies International Forum* 41. 2013. P. 132–142.

¹² *Kittilson M. C.* Challenging Parties, Changing Parliaments. Columbus, OH: Ohio State University Press. 2006.

¹ *Meier P.* The mutual contagion effect of legal and party quotas. *Party Politics* 10(5). 2004. P. 583–600.

² *Krook M. L.* Reforming representation: The diffusion of candidate gender quotas worldwide. *Politics & Gender* 2(3). 2006. P. 303–327.

³ *Krook M. L., Messing-Mathie A.* Gender quotas and comparative politics. *Politics & Gender* 9(3). 2013. P. 299–303.

ональным, социальным и другим общностям, отождествляя себя с теми, кто воплощает присущую этим группам общность свойств, в противовес иным, нельзя не заметить ее близкого схождения с другой не менее сложной комплексной абсолютной категорией — категорией политического.

Идентичность предполагает осознание субъектом «тождественности» самому себе, но на определенном временном интервале. Надо заметить, что изначально осознание как саморефлексия равно как внутренняя или внешняя рефлексия допускает различную степень «свободы» или суверенности политического субъекта.

Очевидно, что речь всегда идет о неких условных рамках «суверенности», в которых политический субъект ощущает непрерывность своего бытия в избранном им качестве, отличном от бытия других политических субъектов.

Утрата «суверенности» политическим субъектом, в конечном счете может приводить к утрате идентичности. Кардинально меняется восприятие действительности, что становится причиной политического кризиса идентичности. По сути речь идет об утрате его монолитности, что само по себе предполагает «нетождественность» политического субъекта самому себе, приводя его к его гибели.

Можно условно разделить идентичности на естественные — эволюционные, не требующие целенаправленных усилий для их воспроизводства и поддержания, и искусственные — революционные, постоянно нуждающиеся в переутверждении, что заставляет задуматься о суверенитете политических субъектов в том или ином случае.

Суверенитет способствует формированию, поддержанию и защите идентичности субъекта, делая его политическим, давая тем самым возможность оказывать влияние на свое окружение. Изначальная «отдельность» и «уникальность» идентичности предполагает некое базовое качество его обладателя, свидетельствующее в пользу того, что вся сущность политической власти — это ее монадность и неделимость, как и сама личность суверена — личности или государства.

Рассуждая о политическом сообществе с предопределенной идентичностью и его политике, интересно обратиться к конституции того или иного государства, полагаемой как своеобразный «учредительный документ», призванный ответить на два ключевых вопроса — «для чего» и «как». Ответы на эти вопросы позволяют выявить миссию государства, за которой начинается «просматриваться» и его идентичность — как декларируемая, так и рефлекслируемая.

Миссия американского государства указана в его Конституции — «совершенный союз, правосудие, внутреннее спокойствие, совместная оборона, всеобщее благоденствие и закрепление права свободы», аналогичную государственную направленность можно наблюдать и при обращении к большинству

конституций европейских государств. В то же самое время миссия демократического российского государства оказывается «спрятанной» в статье 18 — права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Изложенные, как правило, в преамбуле и в первых главах конституции «ключевые определения и сюжеты», демонстрирует приверженность государственной власти определенной дискурсивной идеологии, задавая тем самым идентичность государственной модели и границы ее суверенитета. Возникающая при этом нарративная структура, которая обладает определенной жанровой и риторической спецификой, определяет все остальные «производные» конституционного текста в контексте значимых для государства ценностей и степени их иерархии. Налагаемая на внешние и внутренние события она, таким образом становится базовой основой государственного «политического концепта».

Из конституции Российской империи ясно видно, что идентичность явно превалирует над государственным суверенитетом. Это и позволяло идентифицировать государственную политику России как имперскую. В первой ленинской конституции можно наблюдать аналогичную ситуацию, благодаря чему становится возможной потенциальная внешняя экспансия ее модели — установление социалистической организации общества не только в стране, но и «во всех странах», в полном согласии с манихейским восприятием мира в абсолютных категориях добро-зло. Все это позволяет говорить о том, что наблюдается определенная преемственность советской политики российской имперской политике.

Во всех последующих редакциях советской конституции продолжает сохраняться приоритет идентичности над суверенитетом, но за одним существенным исключением — границы суверенитета начинают «сужаться». Поскольку пространство добра и «сказки» замыкается в государственных границах, меняется и политический нарратив власти — стоять на страже «сказочного» пространства добра.

Можно говорить о том, что декларируемая идентичность наряду с ограниченностью суверенитета фактически «закрывает» государственное развитие в дискуссионном и политическом плане, поскольку идеал уже изначально строго регламентирован. Допускается лишь небольшая «временная» коррекция идентичности, по мере эволюции социума от «диктатуры пролетариата» до «советского народа» и далее.

Учитывая положения российской конституции и пытаясь рассуждать о современной российской идентичности и связанным с ней суверенитетом мы, вполне закономерно, попадаем в ограниченную государственнымными границами «ловушку» со всеми вытекающими отсюда последствиями. В результате связанные с российской государственностью политические

дефиниции получают некое дополнительное качественное «суверенное» расширение, будь то декларируемая российской конституцией демократия, социальность, федерализм и республиканское устройство.

Комплекс политико-исторических, политико-экономических, политико-культурных, политико-религиозных и иных парадигм, зафиксированных в концентрированном виде в российской идентичности на протяжении достаточно длительного времени, формирует, на мой взгляд, устойчивую российскую рефлексию — попытку обеспечить существование уникального гипотезированного государства в открытом мире постмодерна.

В результате можно констатировать возникновение известной системной ошибки, когда наряду с предустановленной идентичностью социальной общности, уже содержащейся в понятии государства, благодаря дополнительному акценту на суверенитете, она начинает обретать и некое дополнительное расширение — авторитарная, демократическая, суверенная и не очень, а также — гегемон, лидер или, наоборот, падающее и несостоявшееся.

С одной стороны, любая идентичность «идентичности» существенным образом «сужает» поле для политических дискурсов и маневров, из-за возможного кризиса предустановленной государственной идентичности, а с другой стороны, дает возможность для широкой манипуляции любой из связанных с ней качественных характеристик, вплоть до «границ» суверенитета, воспринимаемого как свобода выбора исходя из политической целесообразности.

На этом фоне интересно обратиться к американской конституции, в которой изначально фиксируется свобода выбора народа и его права, что определяет американскую идентичность, хотя и не именуется конкретно — «земля свободных и дом храбрых». В этом случае идентичность действительно воспринимается в качестве «производной» народного суверенитета. Демократия по своей сути не предполагает предустановленной модели, а значит не может быть «отягощена» дополнительной идеологической нагрузкой. С точки зрения здравого смысла это гораздо правильной.

Свобода выбора изначально предполагает «выбор» идентичности, в то время как декларируемая идентичность в сочетании с суверенитетом, не предполагает свободы политического дискурса. Поставить знак равенства между государственным и народным суверенитетом в этом случае будет весьма проблематично, но еще более проблематичным в этом случае становится определение миссии государства.

Следствием «предустановленности» идентичности — демократическое государство, наряду с неоднозначностью акцентов в соотношении идентичность-суверенитет, является последовательное «размывание» обеих понятий, затрудняющее рефлексию российской государственности и ее политики изнутри и во вне, вызывая тем самым бесконечные дискуссии о ее модели

и цели. Это в свою очередь весьма пагубно отражается на характере российской политики, и политических перспективах российского государства.

Преодоление столь существенных для развития России негативных последствий, будет зависеть от политической воли российского руководства обратиться к истокам, а значит способностью реально подойти к расстановке акцентов с учетом современного и перспективного состояния мирового политического сообщества.

С. Ф. Некрасов
Новосибирск

ЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ БУДУЩИХ ГОССЛУЖАЩИХ

В России чиновники всегда обладали отрицательным имиджем, их не любили во все времена. Даже в литературе по истории России рассказывается как цари и князья обворовывали бедный, покорный народ. Как отметила в заочной дискуссии в рамках «Экспертного совета» журнала «Пресс—служба» член гильдии корпоративных СМИ Н. С. Красноперова, «...русская классическая литература еще в школе закладывает в нас негативное отношение как в целом к бюрократии, так и конкретно к чиновникам. Таким образом, отрицательную сторону чиновничества мы познаем еще в детстве и проносим через всю жизнь. Практически каждый опыт общения с представителями данного сословия лишь подтверждает проницательность русских классиков»¹. Именно это и приводит к тому, что у людей складывается некоторый стереотип, образ, который не предполагает хороших поступков или действий со стороны государственных служащих.

Очень часто мы слышим в новостях о том, что арестован очередной взяточник или потерял доверие один из высоких чинов. Сплошной негатив. Почему так мало говорят о хороших делах власти? Достойные люди не получают позитивной оценки своей деятельности и, в конце концов, покидают должность. А на смену им приходят эгоистичные и жадные, те, о которых обязательно что-нибудь скажут, но уже отрицательное. В таком случае, и не удивительно, что народ отзывается о власти плохо. Он просто не получает должной информации. Конечно, необходимо знать всю правду о чиновниках, и, если оглашать, то не только новости со знаком минус, но и со знаком плюс.

¹ Образы чиновника и чиновничества в СМИ и в массовом сознании // Пресс-служба. №1. 2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gradient-alpha.ru/press-center/articles/2007/01/22/statya-254/>.

Можно допустить, что иногда эту ситуацию излишне драматизируют. Но обратимся к результатам исследования «Государственные служащие: мотивы поступления на службу и профессиональный рост», проведенного доктором социологических наук, профессором кафедры государственной службы и кадровой политики РАНХиГС Н. Н. Коростылевой и кандидатом социологических наук, доцентом кафедры социологии управления этой же академии О. А. Ефановой. Данные этого исследования показывают, что 52,1% «респондентов из народа» считают, что мотивом для поступления на государственную службу является стремление повысить свое материальное благополучие¹.

Если спросить сегодня у студентов факультета государственного и муниципального управления, какие цели они преследуют, получая свою профессию именно на этом факультете, то они, не задумываясь, ответят о большой заработной плате, полезных связях и прочем, и только единицы скажут, что в будущем они хотят служить обществу. Студентов привлекает в будущей работе возможность обладать властью, стабильность, деньги и престиж. Такие мотивы характеризуют молодое поколение не с лучшей стороны. Молодежь рассматривает материальные ценности в качестве главных жизненных ориентиров: дорогие машины, дома и пр. Взгляды на жизнь у будущих госслужащих соответствуют «перевернутой» пословице «в деньгах счастье». А атрибуты богатой жизни они хотят приобрести благодаря своей должности.

Почему молодые люди, которым следует жить и радоваться, идти по жизни, так сказать, по зову сердца, на самом деле преследуют совершенно другие цели? В обществе в настоящее время сложился стереотип, что при отсутствии богатых и влиятельных родителей и «связей», устроиться на работу в государственные структуры не получится. Часто становись свидетелем использования именно такого подхода в решении кадровых вопросов.

Необходимо ломать сложившиеся стереотипы, воспитывать будущее поколение государственных служащих, беря за основу высоконравственные личностные качества людей. В основе воспитания государственных служащих должны лежать такие качества как честность, принципиальность и неподверженность коррупционным влияниям. Новое поколение государственных служащих должно доказать, что их работа благородна и помогает людям.

Начинающие чиновники не должны стать жертвами алчности и не пополнять ряды непрофессиональных служащих, подрывающих доверие к государственным менеджерам. Важно принимать на высокие должности

¹ Коростылева Н. Н., Ефанова О. А. Государственные служащие: мотивы поступления на службу и профессиональный рост. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/gr2014/presentations/10/Grushin-2014_Korostyleva_Efanova.pdf.

людей с опытом, с определенным багажом знаний, высококвалифицированных и образованных.

У студентов, а в последующем и у госслужащих должны быть сформированы такие качества как профессиональная гибкость, мобильность, способность быстро пополнять и обновлять знания, а также развивать умения и навыки. Только при таком условии специалисты не только получившие необходимые знания, но и научившиеся их правильно применять, могут стать профессионалами. В сознании людей необходимо менять преобладающий негативный психологический портрет чиновника.

Е. Н. Никитина
Сызрань

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ КАК СТИМУЛЯТОР ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сформулированная в начале прошлого века академиком В. И. Вернадским идея формирования ноосферы в интересах позитивного развития человеческой цивилизации, получила продолжение в концепции *sustainable development* спустя несколько десятилетий. Ноосферное сознание предполагает разумное управление процессами взаимодействия общества с окружающей средой с учетом интересов будущих поколений. Однако такое сознание необходимо создавать совместными усилиями, привлекая для этого все здоровые силы, как на национальном, так и на международном уровнях. Формирование ноосферы — не акт, а длительный процесс, направленный на структурную перестройку общественного сознания, этики, образования, экономики.

В словарях развитых западноевропейских стран, являющихся в настоящее время лидерами в продвижении идеи экологического развития, до середины 70-х годов прошлого века термины, связанные с природоохранной деятельностью, отсутствовали, соответственно, отсутствовала и сама экологическая деятельность. Современная же риторика нагружена экологической терминологией, что свидетельствует о развитии ноосферного процесса, который реализуется на политическом и юридическом уровне, но пока не охватил в полной мере сферу материального производства. Темпы экологизации экономики не соответствуют масштабу накопленных проблем.

Беды XX-го века связаны не только с войнами и революциями, но и с грубым нарушением законов природы при промышленном строительстве. Отсутствие экологических требований и ограничений при проектиро-

вании и эксплуатации крупных техносферных объектов привело к тому, что часто производственные процессы сопровождаются гигантскими выбросами загрязняющих веществ в атмосферу, образованием крупнотоннажных опасных отходов, сбросом загрязненных сточных вод в водоемы. До сих пор в различных отраслях промышленности, а также в теплоэнергетике применяются «грязные» технологии, изобретенные в конце XIX-го и первой половине XX-го в. В итоге, многие промышленно-развитые территории фактически стали зонами экологического бедствия. Нельзя сказать, что данная проблема полностью игнорируется. Более 5 лет назад в Правительстве РФ обсуждался вопрос ликвидации накопленного экологического ущерба прошлых лет. Определен перечень техногенно-загрязненных промышленных зон, их 194. Однако технологии экологической реабилитации до сих пор не отработаны, оздоровление территорий не проводится.

По данным государственных докладов «О состоянии и охране окружающей среды в Российской Федерации» в течение десятилетий практически не снижается негативное техногенное давление на окружающую среду от крупнейших объектов теплоэнергетики, металлургии, химии и нефтехимии. В целом по России целевые показатели по снижению эмиссии загрязняющих веществ в атмосферу также не достигаются. Более 66 млн граждан проживают в городах, воздух которых не соответствует гигиеническим нормативам.

Самым крупным загрязнителем окружающей среды в РФ является ОАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель», ведущий производитель ряда цветных и драгоценных металлов. При этом, технологии производства таковы, что ежегодно от производственных процессов в атмосферу выбрасывается около 2 млн тонн загрязняющих веществ. Воздействие производства на природу Заполярья и жителей Норильска губительно. Природоохранные мероприятия, позволяющие значительно снизить экологический след, компанией запланированы, технические решения имеются, но темпы их внедрения не позволяют быть низкими.

Ранее считалось, что экологические ограничения являются тормозом развития экономики. В современных же условиях природоохранные требования могут и должны стать стимулом новой, экологически ориентированной экономики, способствовать модернизации производственных процессов. Очевидно, что в промышленности назрела технологическая революция, которая позволит преодолеть экологический кризис. Ноосферный подход к развитию требует коренной модернизации производства, пересмотра имеющихся технологических процессов, оптимизации использования материальных и энергетических ресурсов.

Экологические проблемы характерны не только для России, они однотипны для всех стран, имеющих реальный сектор экономики. Однако пути и темпы решения этих проблем в каждой стране имеют свои

особенности. С серьезнейшими проблемами загрязнения окружающей среды, вызванными массовым использованием «грязных» технологий при индустриализации и наращивании производственных мощностей, столкнулся Китай, который еще не встал на путь экологизации. В связи с этим, экологическое сотрудничество на международном уровне имеет большие перспективы как с развитыми, так и с развивающимися странами. Совместное решение однотипных экологических проблем, взаимнообмен опытом в области ликвидации накопленного экологического ущерба и перехода на чистое производство будет не только способствовать укреплению международных связей, но и позволит найти выход из экологического кризиса.

Л. И. Никовская
Москва

ОСОБЕННОСТИ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА УРОВНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Общественно-политическая трансформация российского общества в своей динамике все больше демонстрирует рост гетерогенности идейно-политического спектра состояния общественного сознания. Это подтверждают и исследования Института социологии РАН за последние годы: процессы социокультурной динамики движутся в направлении усиления дифференциации и плюрализации сосуществующих нормативно-ценностных систем¹. В этом отношении актуальной становится потребность в выявлении возможностей и ограничений в консолидации российского общества. Логично предположить, что таким основанием может быть признание верховенства общественных интересов над личными. Однако, в оценке значимости соотношения личных и общественных интересов российское население более склоняется к значимости личных интересов и личного благополучия — 56%². Только чуть более трети населения (36%) готовы пожертвовать своим собственным благополучием ради об-

¹ См.: Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумм, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010; Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков и др. // Под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2015.

² Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков и др. // Под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2015. С. 129.

ественных целей. Соотношение «личное-общественное» в интерпретации направленности социальной активности не изменилось за последние 5 лет. В 2009 г. оно составляло 45% к 55%. Это коррелирует с полученными данными о состоянии гражданского сознания Центра по исследованию некоммерческого сектора НИУ ВШЭ¹. Выявляя зависимость формирования гражданского сознания от роста качества социальной базы гражданского общества, исследование показало, что только 37% можно отнести к той категории людей, в деятельности которых проявляется ориентация на гражданские интересы и публичные ценности. Дифференциация по принципу «личное-общественное» весьма сильно влияет на интерпретацию тех идейно-смысловых доминант, которые стали сегодня общими для всего российского общества. Таких доминант можно выделить несколько. Это — справедливость, патриотизм, возврат к национальным традициям, свобода. Но в содержательном отношении их наполнение зависит от принадлежности к выделенным двум типам. Так, для россиян активного (общественного) типа социальная справедливость достигается через обеспечение прав человека, демократию и свободу самовыражения личности, а Россия интерпретируется как держава, объединяющая разные народы. Для представителей инертного (личного) типа более характерен запрос на твердую власть, которая сможет обеспечить порядок, а также возврат к традиционным ценностям.

Но еще более дифференцирующим моментом является выделение групп по критерию «позиционирования страны в мире» и модели ее развития. Полярные группы характеризуются «этатистко-державной» ориентацией и либеральной². В целом, распределение этих групп в современном российском обществе таково: этатисты-державники составили 59%, группа либералов — 8%, смешанный тип — 33%³. Интерпретация представлений о желаемом векторе развития страны в этих группах значительно отличается. Социальная справедливость интерпретируется «этатистами-державниками» через возвращение к национальным традициям, православию, к пониманию России как державы, объединяющей разные народы,

¹ Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества — CIVICUS» / Л. И. Якобсон, И. В. Мерсиянова, О. Н. Кононыхина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 1–60.

² Под либералами в данном случае понимают тех россиян, которые ориентированы, прежде всего, на политические свободы, новые реформы и смену власти, союз с западными странами и антидержавность страны. Такие ориентации не вполне отражают либеральную суть умонастроений, но для простоты интерпретации удобно использовать именно этот термин.

³ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков и др. // Под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2015. С. 140.

влияющей на все политические процессы в мире. Либералы трактуют ее через идеи прав человека, демократию и сближение с Западом, вхождение в общеевропейский дом.

Таким образом, нарастающий плюрализм общественного сознания выделяет устойчивые доминанты, которые позволяют принимать их в качестве объединяющих пунктов консолидации российского общества. Но эти доминанты всегда будут иметь определенные особенности в своем наполнении, которые тесно коррелируют с размежеванием людей по типу общественной ориентации: на активизм или инертность и пр. Видимо, конвергентные тенденции мышления, представленные в смешанном типе, только и могут привести к компромиссу и на этой основе консолидации.

А. Г. Савойский
Москва

РОССИЯ В НОВОМ ИЗМЕРЕНИИ ПОЛИТИКИ, ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Россия, как и современная глобальная цивилизация, находится теперь на Переходном этапе своего развития. Старая эпоха уже закончилась, а Новая — пока еще не началась. Данный исторический момент эксперты, политологи и геополитики называют по-разному, сравнивая даже с физическим явлением «излет», как последней фазой движения летящего тела перед падением (по Эрнесту Кочетову).

Именно теперь, на завершающем этапе текущего периода идет активное формирование новой системы международных отношений, вне зависимости от политической воли лидеров мировых держав. Приближается момент, когда будет заключен новый Мировой договор о реальных территориальных границах и четких международных правилах XXI в. без двойных стандартов. Новая, приближающаяся эра настоятельно требует и пересмотра устаревших договоров об установлении дипломатических отношений России с другими государствами планеты.

Маятник истории и политико-экономического развития качнулся с Запада на Восток. В наши дни именно там, на Востоке Европы, а также в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии зарождается новая экономическая и политическая архитектура системы международных отношений с новой мировой валютой и новыми экономическими центрами. На своем начальном этапе эта система будет развиваться альтернативно Западу.

Основные принципы Нового современного миропорядка продиктованы необходимостью их признания, повсеместного внедрения и соблюдения. Это:

- **Мир** вместо конфликта (как экономических санкций, революций и войн).
- **Диалог** вместо конфронтации.
- **Экономика** впереди политики.
- **Социально ориентированное и стабильное развитие** вместо кризиса.
- **Сотрудничество** вместо эксплуатации.
- **Справедливость** вместо двойных стандартов.
- **Равенство** вместо дискриминации.
- **Демократия** вместо контроля, лишения независимости и выбора.

Согласно новейшим исследованиям по цикличности, с **21 марта 2017 г., в День весеннего равноденствия, на планете наступает Новая Эра в развитии Человечества — 1-й (условно) век Новой в истории Современной Эры (1 в. н.с.э.). Это будет Эра Созидания, Всеобщего Мира и Сотрудничества. Новая Эра непременно будет связана с идеей единого целого в системе «Космос, Природа, Человек и Общество», с необходимостью развития цивилизации на основе познаний о Человеке, Обществе и обо всем мире в цикличности мироздания. Человеку необходимо будет вернуться к опыту далеких предков и развиваться циклично вместе с планетарной системой во Времени и в Пространстве, с учетом циклов развития: «зарождение», «становление», «расцвет» и «кризис как упадок». Попасть Человеку в циклы развития своей страны и мироздания и развиваться всем вместе в системе «Космос, Природа и Общество» — вот она, новая и достойная философская Политика для наступающей Эры созидания.**

На российской Повестке дня — индустриально-технологический и социально-экономический прорыв, самодостаточность и создание Нового современного миропорядка в Евразии. Однако вместо самой России этого никто делать не станет.

России необходима в наши дни смена непрофессиональных кадров, усовершенствование многих направлений в развитии государства на основе своей собственной, а не западной концепции.

Всему когда-то наступает конец и Новое начало. На горизонте уже маячит *встреча конца и начала эпох*.

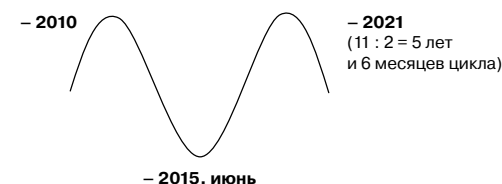
Сама **политическая наука** тоже развивается циклично, и 60 лет Российской Ассоциации Политической Науки — тому яркое подтверждение.

Развиваясь по спирали с циклом в 11 лет, как и любое Общество, политическая наука в России находится в наши дни на стадии становления и в Большом, и в Малом цикле (табл. 3)

Первый Большой цикл	(зарождение)	Второй Большой цикл (становление)
1955 – 1966	(зарождение)	1999 – 2010
1966 – 1977	(становление)	2010 – 2021
1977 – 1988	(расцвет)	2021 – 2032
1988 – 1999	(закат)	2032 – 2043

С 2010 г. отечественная **политическая наука** находилась, как бы, на распутье.

Предел нисходящей волны циклов отечественной **политической науки** завершился в июне 2015 г.:

Теперь до 2021 г. начался подъем. Потом на целых 11 лет наступит **расцвет политической науки** со всеми своими подъемами и спадами.

Совсем скоро активное развитие получают в России все политические науки вместе взятые.

Восьмой Всероссийский конгресс политологов через три года, в 2018 г., будет проходить уже в Новой исторической эре.

А. Н. Окара
Москва

МОДЕРНИЗАЦИЯ ДЛЯ ВСЕХ. ВОЗМОЖЕН ЛИ В РОССИИ СОЛИДАРИСТСКИЙ ПРОЕКТ РАЗВИТИЯ?

Необходимость полноценной социально-экономической и политической модернизации инновационного типа рассматривается экспертным сообществом и ядром гражданского общества России как критическое условие сохранения и полноценного развития страны.

При этом российский политический класс, особенно его ядро, участвующее в формировании внутренней и внешней политики, а также «сы-

рьевая» олигархия, придерживаются в своей массе иной точки зрения, хотя используют модернизационную тематику и риторику для легитимации собственного статуса (существенное уменьшение модернизационной тематики во властном дискурсе фиксируется с весны 2014 г.).

При этом сторонники модернизации существенно расходятся в выборе стратегии, идеологии, онтологических предпосылок и в целеполагании. Так, достаточно широко распространены различные проекты (и «проекты») модернизации на основе либеральных, либертарианских, социал-демократических, либерально-консервативных, консервативных, консервативно-революционных идеологических приоритетов. Однако, как представляется, в большинстве подобных стратегий не учитывают структурные изменения в общественных отношениях, связанные с переходом к постиндустриальному информационному обществу.

Как представляется, природа российского общества и государства такова, что главным и единственным полноценным политическим актором политической системы является «Русская Власть» (по Фурсову и Пивоварову), т.е. жестко интегрированный авторитарный властный моносубъект, который, тем не менее, может считаться единственным гарантом сохранения российской территории.

Однако следует учесть, что наличие подобного политического актора делает невозможными успешную модернизацию и модернизационный тип развития — за исключением тех модернизаций, в которых кровно заинтересована сама «Русская Власть». А ее интерес связан с угрозой утраты монопольного права на «моносубъектность». В случае успеха, модернизация перераспределяет выгодоприобретателей от модернизационного развития, вытесняя из этого круга и «Русскую Власть» как актора, и ее персональный состав.

Как представляется, значительным эвристическим и практическим значением для идеологий и стратегий российской модернизации обладает концепт солидаризма и близких по структуре учений.

Солидаризм рассматривается одновременно как социальная этика, основанная на взаимодополнении индивидуального и всеобщего, эгоизма и альтруизма, как политическая идеология, ориентированная на модель властной полиархии, как тип социальной интеграции, основанный на выстраивании мощных горизонтальных связей, как политэкономическое учение, основанное на представлении о совместном участии работодателей и наемных рабочих в прибыли предприятия, как специфическая информационная политика, культивирующая в обществе идеалы братства, взаимопомощи, самоорганизации.

Солидаризм основывается на принципе согласования индивидуальных и общих интересов, поэтому он отвергает и либеральный индивидуалистический эгоизм, и тоталитаристский коллективистский альтруизм.

Ключевой проблематикой для солидаризма является соотношение «я» и «мы». Фактически, это единственная идеология, которая пытается уравновесить индивидуализм личности и интерес общества как целого.

Ключевой вопрос для этики солидаризма заключается в возможности объединения ресурсов и возможностей субъектов отношений для достижения общих целей, при этом интересы каждого из субъектов находятся в равновесии с интересами общности и не приносятся в жертву ни абстрактному общему интересу, ни индивидуальному эгоизму.

Казалось бы, большинство этих ценностей и явлений не только не вписываются в российский политический контекст, но и прямо противоречат условиям существования «Русской Власти».

Политическая идеология классического солидаризма, а также доктрины близких к солидаризму течений (христианской демократии, неокорпоративизма, анархо-синдикализма), исходя из приоритета «органической» (по Дюркгейму) социальной солидарности, сотрудничества, свободной лояльности, самоорганизации, социального братства, взаимного доверия между различными стратами, группами интересов, сообществами с противоположным целеполаганием.

Особенно важен эффект солидарности в условиях постиндустриального общества, поскольку критерии конкурентоспособности государства зависят от эффективности реализации человеческого и социального капиталов, что, в свою очередь, зависит от солидаризации креативных сообществ и иных амбициозных социальных субъектов.

Оказывается, что в XXI в. среди качеств, обеспечивающих политическим акторам социальную успешность, эффективность, элитный статус и чувство самореализации, оказываются не «жесткая сила», способность к доминированию и конкурентоспособность, а способность к синергетическому взаимодействию и поиску равновесия между индивидуальным и всеобщим благом.

Поэтому в постиндустриальном можно наблюдать иной тип интеграции, чем в индустриальном, — не на основе жестких статусов и «вертикальной» субординации, а на основе осознанной свободной лояльности.

Общества, выстроенные на приоритетах «жесткой силы», патернализма, культа иерархии, эффективности насилия не являются привлекательными для классов, создающих конкурентоспособность страны в XXI в. — в условиях глобализации и открытых границ.

Соответственно, успех страны и ее место в международном балансе, устойчивость ее развития, уровень жизнеспособности зависит от того, насколько сбалансированы факторы внутреннего развития страны — экономическая модель развития, способность к модернизации, открытость политической системы, господствующие ценности и т.д.

Несмотря на то, что именно в контексте русской философии и политической мысли на протяжении, как минимум, двух веков вызревали идеи,

которые в той или иной степени созвучны солидаризму или легли в его основу (славянофилы, Соловьев, «религиозный ренессанс», Вернадский, «космисты», идеологи НТС), современная Россия — страна, далекая от идеалов солидаризма, а многие параметры российского развития — диаметрально ему противоположны (моносубъектность власти, отсутствие конкурентного политического процесса, неразрывность власти и собственности, доминирование мобилизационного типа развития, культивирование государством идентичности «осажденной крепости»).

Однако, как представляется, в современной России возможна успешная модернизация на этических началах и принципах солидаризма. Однако неотъемлемым условием этого является создание нового субъекта, способного быть гарантом и выгодоприобретателем инновационного развития страны.

И. Ю. Окунев
Москва

РОЛЬ СТОЛИЦЫ В ПРОЦЕССЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Столица представляется одним из ключевых элементов политико-территориальной структуры государства. Это не только место размещения центральных органов власти, центр управления суверенитетом страны, но и важнейший элемент формирующий, воспроизводящий и трансформирующий ее государственность, в первую очередь, оказывающий влияние на административно-территориальное устройство, систему взаимоотношений «центр-регионы» и региональную политику государства. Номинация столицы это процесс познания нацией самой себя, эссенция представлений народа об их прошлом, геополитическом позиционировании и образе желаемого завтра.

Традиционно выделяется два ведущих территориальных основания формирования государственности: национальное строительство и угрозы безопасности или, другими словами, маркирование ментальных границ сообщества «Мы» и актуализация «Других». Эриксен противопоставлял эти два механизма как «мы-признак» («*we-hood*», общая идентичность и общая миссия) и «нас-признак» («*us-hood*», противопоставление внешнему реальному или воображаемому врагу).

И все же два описанных механизма не могут в достаточной степени адекватно объяснить процессы государственного строительства. Исходя из описанных принципов, должны формироваться исключительно гомогенные нации, основанные на понимании своей общности (в первую оче-

редь, территориальной) и инаковости по отношению к внешним силам. Наличие в каждой стране стойких «центр-периферических» отношений наводит на мысль о существовании третьего механизма государственного строительства — внутреннего «Другого». Процесс межрегиональной дифференциации внутри государства через создание и поддержание внутренних ментальных границ между центром и периферией является механизмом, позволяющим выявлять территории, нуждающиеся в поддержке для сохранения соответствия национальным нормам и, соответственно, поддержания государственности.

Для доказательства роли межрегиональной дифференциации в качестве механизма национального строительства возможны две стратегии. Логичным был бы анализ различных дискурсивных и институциональных практик маргинализации регионов. Тем не менее, такой путь выводит нас на огромное количество кейсов, различающихся по множеству параметров и, как следствие, не допускающих генерализацию в выводах. В этой связи нам представляется возможным обращение к другой стратегии — поиску доказательств целенаправленного противопоставления центра периферии, наделяния за столичным центром не только административных, но и символических национальных и центробежных функций. Существование одного полюса дихотомии должно подтверждать существование и противоположного.

Столицы можно считать одним из видов центра, наиболее типичным институциональным закреплением функции политического центра в противовес «периферии». Вадим Россман отмечает, что столицы являются не только местом расположения органов государственной власти, но в их функции входит «представление нации себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре».

Данное предположение можно подтвердить следующими фактами и рассуждениями.

Во-первых, название столицы часто совпадает с названием страны. В древнем мире государства возникали вокруг городов (Вавилонское царство, Римская империя и т.д.) и переносили название города-метрополии на всю страну. Однако в XX в. особенно в процессе деколонизации новые столицы стали называть в честь государства, олицетворяя в ней идеальных образ нации. Бразилиа строилась как символ новой Бразилии, Гитлер планировал построить столицу мира город Германия.

Во-вторых, контроль над столицей часто приравнивается к победе в международной войне. В последних военных конфликтах мы часто следим за положением дел в столице (Багдаде, Триполи, Дамаске), пытаясь понять состояние противостояния в стране в целом. Исторические события, знаменующие гибель государств и, соответственно, их столиц (разрушение,

упадок или просто утрата статуса), либо кардинальные государственные и политические трансформации, включающие в себя и перенос столиц, оказываются феноменальным «двигателем», «мотором», с помощью которого формируется, становится, развивается динамичная историческая география столиц.

В третьих, столичность, начиная с древности, связана, как правило, с ритуалами сакрализации властного пространства как центра. Особенно такая сакрализация чувствуется в образе бывших столиц. Вокруг них формируется особый образ прошлого величия нации, ее второго отражения (сравните, например, Москву и Санкт-Петербург). В столицах также размещаются национальный музей, театр, архив, что символически подтверждает символическую значимость города для нации.

Наконец, иллюстрацией данной тенденции может служить дипломатический жаргон, при котором название страны заменяется именем столицы: «Москва заявила», «Вашингтон ответил».

Е. С. Оленицкая
Ярославль

ИНСТРУМЕНТЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

С возрастом роли Интернета в политических и социальных процессах актуализируются вопросы анализа происходящих в Сети процессов. Учитывая огромные объемы информации, транслирующиеся через интернет-ресурсы и ограниченные возможности человека в анализе больших объемов данных, необходимо использование профессиональных систем обработки информации.

Без помощи компьютерных систем невозможно проанализировать аудиторию различных социальных сетей. В частности, у *Twitter* она составляет 8,4 млн человек, у «ВКонтакте» — 54,6 млн пользователей. Невозможна «ручная» обработка информации об авторах сообщений соцмедиа (количество которых, например, в *Twitter* достигает 23,8 тысяч), о количестве опубликованных ими сообщений (количество которых, например, в «ВКонтакте» достигает 244 тысяч)¹. Затруднена и обработка направленных запросов, таких, как анализ присутствия политических партий в социальных сетях, для которого необходима обработка около 45 млн сообщений.

Автоматический сбор и обработку больших объемов информации из соцмедиа производят такие системы, как «Медialogия», «*BrandAnalytics*», «Интегрум», «Семантический архив», *Wobot*. Принцип их работы похож — сбор информации об объектах мониторинга за определенный период и обработка полученной информации по ряду показателей: аудитория сообщений, вовлеченность аудитории (показатель, рассчитываемый из количества лайков, репостов и комментариев к сообщению). Системы самостоятельно регулярно выгружают все сообщения на заданную тему, выделяют наиболее активных авторов, характеризует их по социально-демографическим, географическим показателям, а также суммируют потенциальную аудиторию сообщений. Некоторые имеют возможность автоматического определения тональности сообщения — позитивной или негативной, однако этот инструмент не всегда работает объективно в силу особенностей русского языка и отсутствия возможности увидеть в тексте интонационную, эмоциональную составляющие. Подобные сервисы помогают и в визуализации данных с помощью построения графиков активности авторов и аудитории, в том числе — почасовой.

Для исследователей-политологов наибольший интерес представляют направленные запросы информации. Например, для анализа интереса реакция российского интернет-сообщества на убийство Бориса Немцова: за первые дни после публикации первого сообщения об убийстве политика в Сети было опубликовано более 429 472 сообщений, а суммарная аудитория этих сообщений составила 197,5 млн человек, из которых вовлеченных пользователей — более 350 980. Сбор таких данных без помощи специализированных систем был бы невозможен.

Указанные сервисы не дают исследователю окончательного продукта анализа, а лишь собирают данные, получение которых затруднено или невозможно без автоматических систем. При этом они могут быть непригодными для оперативного мониторинга, где необходима поминутная выгрузка сообщений или сбора данных по расширенному запросу. Например, по объекту мониторинга «Ярославская область» системы выгружают порядка 6 тыс. сообщений за сутки, часть из которых — перепечатка сообщений СМИ или спам. Такие сообщения часто не имеют смысловой нагрузки и интересны только с точки зрения анализа аудитории сообщения или вовлеченности аудитории в его обсуждение.

Более детальный анализ сообщений соцмедиа позволяют выполнить такие инструменты, как *Popsters*, предназначенный для анализа сообществ пяти социальных сетей: «ВКонтакте», *Facebook*, «Одноклассники», *Instagram*, *Twitter*. Сервис позволяет проанализировать эффективность публикуемого контента через автоматический расчет индекса вовлеченности аудитории, а также фильтровать сообщения по лайкам, репостам, комментариям. *Popsters* выстраивает графики активности пользователей за нужный период

¹ Социальные сети в России зима 2014–2015. Цифры и тренды // Brand Analytics, 13.11.2015. URL: <http://www.slideshare.net/Taylli01/2014-43472028>.

и составляет список основных характеристик сообщества. Сервис не имеет возможности анализа страниц пользователей социальных сетей. Инструмент позволяет провести сравнительный анализ сообществ СМИ, политических, государственных организаций в социальных сетях. Например, анализ сообщений страницы оппозиционера Алексея Навального в *Facebook* позволяет увидеть, что с начала 2015 г. наибольшее количество лайков собрал пост-инфографика «Сколько зарабатывают главы госкорпораций» — 9055. Это же сообщение является самым распространяемым — им поделились 3010 раз. Самое большое количество комментариев — 818 — собрало мнение Навального о видео «Мальчик поет про Путина!..». Всего с начала года суммарное количество лайков сообщений политика составило 545 228, перепостов — 91 743, комментариев — 37 511, а их первичная аудитория — 214 761 пользователь. За анализируемый период доля участников сообщества, проявляющих активность в публикациях политика — 2,8813%. Таким образом, можно сделать вывод, что аудитория Навального больше предпочитает оценивать сообщения политика, нежели чем делиться ими или комментировать их.

О. М. Орлинская
Нижний Новгород

МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ В ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Федерация не представляет собой раз и навсегда застывшую институциональную иерархию. Напротив, одно из коренных преимуществ этой сложной (по сравнению с унитарным порядком) формы государственного устройства заключается в ее адаптивности, способности быстро и гибко реагировать на новые внутренние и внешние вызовы: со стороны национализма, глобализации, региональной интеграции, новых форм самоорганизации общества, его публичной политики.

Опыт развития парламентской демократии с учетом специфики исследовательского фокуса свидетельствует. Парламент в федеративном государстве более предрасположен к тому, чтобы политические институты этих начал «мирно сосуществовали» и в силу надлежущего исполнения своей миссии (ведущего в балансе властей и связующего звена центра-перифе-

рии), гибче реагировали на требования граждан в обеспечении равновесия властных отношений в стране.

Стабилизирующие и интегрирующие функции (механизмы) органов представительной власти особенно востребованы в ходе демократических трансформаций политических систем, так как само осуществление радикальных экономических, политических и социальных реформ невозможно без соответствующего обеспечения. «Формирование такого, как правило, качественно нового законодательства, отражающего цели и задачи, закрепляющего методы и механизмы проведения реформ и одновременно используемого как властно-принудительный инструмент для их реализации, происходит непосредственно в самом процессе преобразований, являясь одним из ключевых факторов»¹.

В кризисных, переломных условиях именно поэтому парламенты становятся ареной жесткого противостояния новых и старых элит, лидеров реформаторских и антиреформаторских сил, стремящихся закрепить в законодательных актах свои стратегические интересы. Путь же к политическому влиянию парламента пролегает через выражение *общегруппового* интереса, договорной характер которого и диктует преобладание соглашения, консенсуса как главного метода достижения политических целей и результатов.

Парламент возник в Англии в XIII в., но воспроизведение его структуры, функций, порядка выборов и взаимодействия с иными государственными и общественными институтами в отдельных странах до сих пор находится в стадии становления и развития. В результате институты парламентской демократии приобретают гибкость и адаптивность, которые необходимы для того, чтобы выжить в условиях роста требований, идущих от общества к политической системе, преимущественно за счет вдумчивого отношения к политическим традициям.

Всякая попытка радикального разрыва с политической традицией ведет, как правило, к спонтанному и субъективно нежелательному ее воспроизводству; изменение политической традиции возможно только в результате ее осторожного и сознательного воспроизведения, однако в отличном от прежнего, модифицированном виде, приспособленном к новым жизненным реалиям². Эволюция институтов парламентской демократии, как и теоретических представлений о них самым непосредственным образом определяется условиями и отношениями, в которых идет накопление и научных знаний, и практического опыта. Возможности адаптации такого уникального синте-

¹ Нисневия Ю. А., Платонов В. М., Слизовский Д. Е. Законодательная деятельность: Политико-правовой анализ. М., 2011. С. 25–26.

² Грызов Б. В. Парламенты в условиях общественных трансформаций: исторический опыт стран Запада и России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС Т. 4. № 3. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2008. С. 10.

за формируются прежде всего как способ саморефлексии конкретного общества, переживающего и описывающего свое состояние.

Такая палитра суждений и фактов находит объяснение в общем признании, что любые попытки навязать какую-то одну, идеальную модель демократических институтов, игнорируя жизненные реалии той или иной страны, обречены (даже при разнице вариантов следования) на провал. Отчасти и поэтому в современной науке, исследующей проблемы политических трансформаций, предпочтительным считается эволюционный срез институционального развития и изменений, который «предполагает, что институты возникают не на пустом месте, а в процессе трансформации уже существующих неформальных»¹.

Возрастающий интерес к федеративной форме государственного устройства и специфике эволюции институтов парламентаризма в ней обусловлен во многом его сущностью, обеспечивающей единство и целостность государства, устойчивое функционирование через разнообразие экономического, социального, политического и культурно-этнического развития территориальных образований его составляющих.

*И. В. Орлова
Москва*

УЧАСТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ

В России в июле 2014 г. был принят закон «Об основах общественного контроля»². Данный закон не имеет прямых аналогов с зарубежными странами³. Принятие такого закона в России значительно расширяет возможности участия граждан и общественных объединений в управлении делами государства, закон обеспечивает прозрачность и открытость деятельности органов публичной власти. Увеличивает число граждан и организаций, осуществляющих различные виды общественных экспертиз, расширяет формы и методы общественного контроля.

¹ Олейник А. Н. Институциональная экономика. М., 2001. С. 190.

² Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля».

³ Доклад организации по экономическому сотрудничеству и развитию. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.oecd.org/mena/governance/36785341.pdf.

В результате введения в действие данного закона в сферу государственного управления должно произойти повышение эффективности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления¹. В результате действия общественного контроля прогнозируется снижение рисков принятия и реализации противоправных и (или) противоречащих общественным интересам решений.

Введение в практику закона «Об основах общественного контроля» позволит вовлечь широкие массы населения и институты гражданского общества, в частности реальные некоммерческие организации (далее — НКО) в осуществление общественного контроля за деятельностью государственных органов власти и местного самоуправления.

До настоящего времени общественный контроль в большинстве случаев реализовался через обращения граждан (общественных объединений) об известных им нарушениях законодательства. Однако процедура получения таких сведений и обеспечение ответной реакции органов власти в виде принятия конкретных решений, нормами права практически не регулировалась. По действующим правилам вся помощь сводилась к предоставлению информации, что регламентировано Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»² и Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»³.

В России на данный момент механизмы институализированного гражданского участия в общественном контроле представлены довольно широко на федеральном уровне и на уровне субъектов федерации: общественные палаты, институты уполномоченных по правам человека и по правам детей, молодежные парламенты и т.д. Как видим, наиболее развиты те формы, которые больше всего связаны с властью, формируется ею, интегрированы во властные структуры.

Относительно новой формой общественного контроля являются общественные советы, учреждаемые при федеральных органах исполнительной власти. Причем, нынешняя компетенция советов укладывается все так же в сферу регулирования законов об обращениях и порядке информирования о деятельности органов государственной власти. В то же время, по данным социологов, в России более половины представителей НКО считает: в деятельности общественно-консультативных советов участвуют «карманные» НКО либо НКО,

¹ Федеральный закон от 21 апреля 2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

² Федеральный закон от 9 февраля 2009 # 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

³ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 # 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

отобранные по неясному принципу¹. Международная практика общественного контроля свидетельствует — контролером государства должно выступать все общество, в котором каждый гражданин мог участвовать в работе институтов осуществляющих общественный контроль. Принятый закон «Об основах общественного контроля» предоставляет такую возможность.

Стремление власти привлечь население через конструктивное взаимодействие к вопросам осуществления общественного контроля должно найти поддержку общества. Со своей стороны общественные организации могут создать систему общественных связей для участия в контроле за деятельностью органов публичной власти, разработать методики осуществления общественного контроля, обобщив зарубежный опыт, развивать международное сотрудничество в сфере общественного контроля.

Защитить свои права и интересы население может только в том случае, если будет принимать активное участие в разработке нормативных правовых актов, формировании различных социальных программ и планов развития общества.

*Н. В. Отческа
Москва*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

В представленном докладе автор рассматривает основные факторы перехода от авторитарных режимов правления к демократии в странах Латинской Америки и делает вывод относительно перспектив дальнейшей политической эволюции.

В конце XX в. по всему миру прокатилась волна политических изменений, связанных с демократическими преобразованиями. Свое конкретное воплощение они нашли в революционных и эволюционных процессах отказа от авторитарных режимов. Тенденции перехода от авторитарного правления к демократии оказали существенное воздействие на региональные политические события.

¹ Орлова И. В. Институты гражданского общества как субъекты социальной модернизации / Стратегия поиска баланса между стабильностью и развитием: соотношение властного и общественного выбора // Сборник тезисов III Всероссийского научно-практического Симпозиума с международным участием (9–12 апреля 2013). М. 1913. С. 10–11.

Подобные процессы охватили и Латинскую Америку. Под напором широкого демократического движения, в котором участвовали не только народные массы, но и различные буржуазно-демократические, христианско-либеральные движения и партии, католическая церковь и демократические армейские круги, произошел крах военно-диктаторских режимов, стоявших у власти во многих странах континента. Отошли в прошлое диктаторы-каудильо и элитарные олигархические режимы¹.

Все эти изменения явились итогом борьбы левых и демократических сил, революционных партий за социальное, политическое и экономическое обновление латиноамериканского региона. Они проходили не изолированно, а являлись составной частью сложного процесса глобального поворота к демократизации.

Почти два десятилетия осуществления неолиберальных реформ в странах Латинской и следования стратегии «Вашингтонского консенсуса» привели к следующим результатам: по данным американского Центра глобального развития в Латинской Америке за десятилетие реформ число бедных достигло шокирующей цифры в 200 млн человек². Таким образом, почва для роста протестного электората была подготовлена.

На сегодняшний день более чем в половине стран Латинской Америки у власти находятся политики левой ориентации. К. Л. Майданик называет главным содержанием «левого поворота» обращение к «социальности» как сугубо социальным мотивам и требованиям, которые выдвигают беднейшие слои населения новым левым лидерам³. Все они выступали за альтернативную неолиберализму парадигму социально-экономического развития.

Но не во всем левые руководители едины. Чилийский исследователь Ф. Рохас дает ряд критериев, позволяющих глубже понять латиноамериканскую действительность: характер отношений латиноамериканских стран к северному соседу — к США и их геополитике; отношение к модели открытой рыночной экономики; место и роль в «левом повороте»; степень остроты внутренних и социальных проблем и различия в подходах к их решению⁴.

Современный этап развития региона связан с двумя главными факторами: мировыми процессами глобализации и внутренними экономическими и социально-политическими трансформациями. В условиях глобализации страны Латинской Америки значительно интенсифицировали финансовые, торгово-экономические и инвестиционные связи с осталь-

¹ Стрганов А. И. Латинская Америка в XX веке. Дрофа, 2002, с. 398.

² URL: <http://foreignaffairs.house.gov/110/bir032807/htm>.

³ Круглый стол «Латинская Америка: возвращение на авансцену мировой политики» // Мировая экономика и международные отношения. 2007, № 2, с. 90–94.

⁴ Rojas F. La gobernabilidad en América Latina. Balance reciente y las tendencias a futuro, Flacso, San José de Costa Rica, 2005, p. 14–27.

ным миром, включились в систему международных интеграционных отношений, стали неотъемлемой частью глобальной экономики¹. Но здесь совершенно справедливо возникают следующие вопросы: как в новых условиях совместить два императива — социальный и экономический курс на искоренение бедности, с одной стороны, и учет реалий глобализированной экономики — с другой; как сочетать демократические, мирные, эволюционные формы реформаторского процесса и категорический характер борьбы с коррупцией; как избежать глубокого, «диагонального» раскола в преобразующемся обществе?

Говоря о дальнейших перспективах политической эволюции, можно с уверенностью утверждать, что в обозримом будущем сохранятся существенные различия между странами как в плане избранных ими моделей развития, так и типов политических лидеров. Социальное неравенство, политические и этносоциальные противоречия, безусловно повлияют на дальнейший ход политической эволюции. Успех демократического развития региона будет зависеть от того, удастся ли нынешнему поколению лидеров найти адекватные решения на эти актуальные проблемы и другие вызовы современности.

А. А. Очеретяный
Севастополь

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕРЕ ПОЛИТОЛОГИИ (методологические аспекты)

Развитие любой науки предопределяется потребностью практики и ее методологическими основаниями. В той степени, в которой автор научного исследования, учебника или учебного пособия руководствуется существующей методологией, в той же мере тот, или иной труд, то или иное издание выполняет свою социальную функцию, служит интересам общества, его развитию.

Политическая наука должна выполнять, в этом плане, важную, если не особую роль. Эта роль обусловлена тем, что политология призвана выступать теоретической основой политической деятельности, быть органически связанной с **политикой, как комплексной программой развития общества** во всех его сферах. Функционирование науки о политике в значительной мере определяется степенью ее научности, методологической обоснованностью ее законов и категорий, четкостью выбора и определения ее пред-

¹ Романова З. «Латинская Америка: региональная интеграция на новом витке развития», МЭиМО, 2005, № 10, с. 101–108.

мета исследования. Учебников и учебных пособий по политологии в стране вполне достаточно. Только в интернете их выставлено более 50. Они, вполне естественно, отличаются достаточным однообразием. И вполне естественно, наука-то одна. В них, в определенной степени, и общие трактовки предмета исследования. Но признавая право ученых на собственные трактовки теоретических проблем, следует заметить, что имеющееся однообразие (в разнообразии) не вписываются, на взгляд автора, в круг требований методологических основ политической науки. И это, к сожалению, относится к основным структурным элементам науки: к объекту и предмету исследования.

Какова их трактовка в современной учебной литературе?

В учебнике «Введение в политологию» Пугачев В. П., Соловьев А. И. понимают вопрос о «предмете политологии». Но вместо определения предмета политологии дают определение самой политологии как науки: «Политология — наука, традиционно занимающаяся исследованием государства, партий и других институтов, осуществляющих власть в обществе...»¹. При этом авторы в одном определении политическую философию включают в политологию, как «интегральную науку о политике»², то не включают в «единую науку о политике»³.

Мухаев Р. Т. утверждает, что «предметом политической науки является совокупность понятий, посредством которых она описывает политику и политическую реальность»⁴. Конечно, ученый (наука) может описать только то, что находится в его сознании в виде понятий. Но он анализирует информацию поиском объективного, закономерного не в сознании, а в реальном мире.

Раскрытие сути предмета и объекта политологии должно быть основано на ряде принципов. Основными из них можно назвать:

Во-первых, предмет науки невозможно исследовать и трактовать вне объекта. Объект науки представляет собой систему, в пределах которой следует осуществлять поиск предмета науки.

Во-вторых, объект и предмет политологии в их изложении и трактовке должны выступать, относиться один к другому как целое и часть.

Объект — целое, предмет — его часть. Объект (целое) — то, что познается, предмет (часть) — то, что исследуется в целях познания.

В-третьих, формирование предмета науки осуществляется в процессе абстрагирования, выделения из объекта тех закономерностей, которые обеспечивают формирование, функционирование и развитие объекта науки.

¹ Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию: учебник / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. 5-е изд. М.: КНОРУС, 2015. С.40.

² Там же, с. 42.

³ Там же, с. 41.

⁴ Мухаев Р. Т. Политология: учебник. М.: Проспект, 2010г. С. 12.

В-четвертых, формирование представлений и изложение сущности объекта и предмета науки невозможно без той методологической основы, на которой базируется наука.

В-пятых, наука существует не только для того, чтобы ученые упражнялись в риторике, удовлетворяли свои личные познавательные интересы. Наука существует для практики. Посему, поиск, определение сущности, структуры, функций, предмета науки должны преследовать цели методологического и практикологического характера.

И последнее: Выделение предмета политологии из ее объекта не является, по всей вероятности, окончательным шагом в уяснении того, что же исследует наша наука. Необходимым шагом на этом пути является определение основного звена системы «объект-предмет», как факта реальности, и основной категории науки, как факта научного, в которой отражено это основное звено.

Такой категорией является понятие «политика». Но эта категория не охватывает всю систему, исследуемую политологией. Не можем же мы вносить в понятие «политика» политическую элиту. Но система «объект-предмет» должна охватывать всю совокупность политических явлений и процессов. Эту совокупность можно обозначить понятием «**политическая культура общества**», которая выступает в логической структуре политологии как ее объект. **Предмет**, в таком случае, можно определить как «**закономерности политической культуры общества**».

Наука стремится изучать то, что закономерно (закономерности). И задача политологии состоит в том, чтобы эти закономерности в политических явлениях и процессах изучить.

И. С. Палитай
Москва

ВОЗМОЖНОСТИ ЛИЧНОСТНОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

В условиях политической культуры нашей страны рядовые граждане не очень интересуются политикой. Однако политические лидеры привлекают к себе повышенное внимание в связи с тем, что именно с ними связываются все текущие события на политической арене¹. Более того, если мы как исследователи захотим разобраться в причинах тех или иных политиче-

¹ Гражданин. Общество. Государство: Россия в 21 веке / Под ред. В. М. Капицына. М.: РОССПЭН, 2014. С. 46.

ских событий или спрогнозировать их, нам придется обращаться не только к политическому контексту, ролевым и функциональным особенностям политического лидера, но и к его личности.

Обращаясь к личности политика, в первую очередь встает вопрос относительно тех параметров, которые нам необходимо изучить для получения ответов на все интересующие нас вопросы. Попытаемся выделить необходимые нам структурные элементы через анализ основных направлений деятельности политического лидера.

В первую очередь выделим мотивы, которые в политической психологии подразделяют на мотив власти, аффилиации и достижения¹. Превалирование каждого из них в структуре личности политического лидера будет диктовать те или иные «оттенки» в его поведении.

Следующие параметры, который мы считаем необходимым отметить — это стиль поведения и межличностных отношений, поскольку именно эти компоненты личности помимо того, что являются наиболее видимыми и доступными для наблюдателя, представляют собой привычные для политика виды и формы исполнения своих служебных обязанностей.

Согласно типологии Л. Этериджа существует 4 стиля межличностных отношений, которые связаны с уровнем экстравертированности и доминирования личности.

Политические лидеры, в мотивационном профиле которых превалирует мотив власти, как правило, обладают высоким уровнем доминирования. В случае экстравертированности эти люди проявляют уверенность в общении, своих действиях, склонны к широкому, разнообразному социальным контактам и проявляют активность в изменении существующих отношений. Интроверты с высоким уровнем доминирования, напротив, проявляют сдержанность и ставят довольно жесткие барьеры. В политике эти люди стремятся создавать различного рода блоки, исключая из них своих противников.

Преобладание мотива достижения и аффилиации обычно сопутствуют низкому уровню доминирования. Такого рода политические лидеры не проявляют выраженного стремления к власти, легко устанавливают новые связи и доверяют миру в случае экстравертированности их личности. Если же политик обладает чертами интроверта, то ему будет характерно сохранение дистанции, нерешительность, планирование своих действий на фоне затруднительной связи с миром.

Говоря о типах поведенческого стиля, мы остановимся на классификации Г. Лассвелла, который выделил политиков-агитаторов, администраторов и теоретиков. Как понятно из названия, первые из них склонны к произнесению речей и активной деятельности. Этот тип политиков, в отличие от «администраторов» испытывают фрустрацию при необходимости вы-

¹ Подробнее см.: *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб., 2000.

полнения организационных задач. Политики-теоретики, в свою очередь, склонны делать обобщения происходящих событий, а также абстрагироваться и ставить перед собой высокорационализированные цели.

Следующий немаловажный личностный компонент, который проявляет себя в скорости реакции политического лидера на социальные стимулы — его самооценка. Понимаемый как отношение успеха к уровню притязания, этот параметр может быть завышенным или заниженным. В первом случае человек имеет достаточно высокие внутренние стандарты, на которые он опирается, когда принимает решение, что, в свою очередь, зачастую ведет к недостаточно быстрой реакции на изменения в социальной реальности. В случае, когда самооценка политика занижена он становится более внимательным, что влечет за собой достаточно высокий уровень реактивности.

Описанный параметр довольно хорошо дополняет Я-концепция политического лидера, которая будучи простой или сложной, позволяет оценить способность и желание политического лидера собирать и воспринимать сведения по поводу тех или иных событий¹. Так, следствием сложной Я-концепции является стремление человека получить всестороннюю информацию по интересующему его вопросу. Невысокий уровень сложности описываемого параметра, напротив, ведет к нарушению обратной связи между последствиями политического действия и субъектом, а также к отсутствию интереса к реакции на свой курс.

Описанные элементы структуры личности политического лидера позволяют, пусть не в полной мере, но в достаточной степени описать того или иного политика с тем, чтобы проанализировать его действия на политической арене, либо дать оценку его возможностей в дальнейшем продвижении по служебной лестнице.

¹ Подробнее см.: *Ракитянский Н. М.* Личность политика: теория и методология психологического портретирования. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 73, 79; *Шестопал Е. Б.* Политическая психология: Учебник для студентов вузов. М., 2010.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ВОЛГОГРАДСКОМ РЕГИОНЕ: СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ¹

Одним из важнейших факторов дестабилизации региональных политических систем на современном этапе модернизационных преобразований, выступает угроза неэффективного управления, не в последнюю очередь, связанная с фактами «тотальной коррумпированности» в органах государственной власти и местного самоуправления. Несмотря на целый ряд принимаемых мер, согласно опросам общественного мнения, 51% респондентов считают, что за последние годы масштабы коррупции увеличились, 34% — что не изменились, и лишь 7% полагают, что она снизилась. Около 8% не сформировали собственного мнения по данному вопросу и затруднились ответить. Это послужило появлению термина «бюрократическая революция», характеризующего состояние системы управления в России.

В Волгоградской области в 2014 г. было выявлено 1001 преступление коррупционной направленности. Судами на территории региона рассмотрено 307 уголовных дел связанных с коррупционными практиками. За взятки, хищения и другие злоупотребления служебным положением осуждено 320 лиц. К уголовной ответственности привлечены 15 сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления, в том числе главы поселений, депутаты, работники правоохранительных органов и т.д. При этом реальное лишение свободы назначено 55 осужденным, что составляет 17,2% от общего количества правонарушителей².

«Очагами коррупции» назвал глава региона А. Бочаров областной центр г. Волгоград, а также Волжский и Городище. В региональных средствах массовой информации широко обсуждается ситуация, сложившаяся в Городищенском районе Волгоградской области. В открытом письме на имя губернатора (без подписей, т.к. бояться «лишиться работы. И это не

¹ Работа выполнена в рамках реализации Гранта РГНФ № 14-13-34008 на тему «Инновационные ресурсы и технологии противодействия коррупционным практикам в административно-политическом пространстве Волгоградской области: региональная специфика минимизации модернизационных рисков и угроз». Региональный конкурс РГНФ «Волжские земли в истории и культуре России» 2014 — Волгоградская область.

² *Волошин С.* О коррупции волгоградцы предпочитают сообщать губернатору // Волгоградская правда. 2015. 18 марта.

самое худшее, что может случиться») жители района описали «как жируют наши местные начальники, депутаты, их приближенные, родственники, дети, жены и любовницы. Их роскошную жизнь наблюдает весь район». При этом местные начальники «всегда уверены в своей безнаказанности, в том, что у них все всегда было схвачено, прикрыто судами, силовиками». В качестве «крика отчаянья» можно воспринимать выводы жителей о том, что именно «такие граждане правят сегодня бал на нашей земле и найти управу на них в самом районе невозможно»¹.

Сложная антикоррупционная обстановка в регионе складывалась долгие годы, что подтверждают досрочные отставки с должности губернатора А. Бровко (2012 г.), а затем С. Баженова и назначение Указом Президента РФ В. В. Путина (от 2 апреля 2014 г.) временно исполняющим обязанности главы Волгоградской области А. Бочарова². На встрече с руководством региональных силовых структур был очерчен комплекс задач по проведению эффективной антикоррупционной работы. Избавившись от «приставки и.о.», избранный населением Волгоградской области губернатором (сентябрь 2014 г.), А. Бочаров старается сдержать данное ранее обещание по последовательной реализации антикоррупционной политики. Однако «коррупционная гидра» живуча. Более того, ряд чиновников в органах власти, старается не отделять обращения граждан на коррупционные действия от других жалоб. Как следствие около 80% жалоб жителей Волгоградского региона на коррупцию прошло через аппарат главы области³.

Масштабы распространения коррупции в регионе еще раньше побудили Областную Думу создать антикоррупционную комиссию, основными задачами которой являются: выявление коррупциогенных факторов, разработка рекомендаций, направленных на устранение или ограничение действия таких факторов; устранение условий, порождающих коррупцию; предупреждение коррупционных правонарушений; обеспечение ответственности за коррупционные правонарушения во всех случаях, прямо предусмотренных нормативными правовыми актами; обеспечение защиты прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства от угроз, связанных с коррупцией; формирование нетерпимости по отношению к коррупционным действиям»⁴.

¹ Волошин С. Городищенский район внесли в черный список очагов коррупции // Волгоградская правда. 2015. 20 марта.

² См.: Петров В. Андрей Бочаров назначен временно исполняющим обязанности губернатора Волгоградской области // Волгоградская правда. 2014. 3 апреля.

³ Волошин С. О коррупции волгоградцы предпочитают сообщать губернатору // Волгоградская правда. 2015. 18 марта.

⁴ Положение о комиссии по противодействию коррупции. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://volgoduma.ru/konsultativnye-organy/komissiya-po-protivodejstviyu-korrupczii/1455-2010-05-18-06-52-37.html>.

По мимо создания антикоррупционной комиссии за последние годы Волгоградской областной Думой было принято 14 законов и 12 постановлений, открыт интернет-сайт, создающих политико-правовую основу реализации антикоррупционной политики в регионе. К основным мероприятиям, осуществляемыми волгоградскими законодателями по минимизации проявления коррупции в регионе, следует отнести: разработку и принятие ряда нормативных правовых актов, направленных на совершенствование законодательства о противодействии коррупции; осуществление мер по повышению профессионального уровня и правовому просвещению государственных гражданских служащих аппарата Волгоградской областной Думы; регулярный анализ результатов внутреннего мониторинга декларирования государственным гражданскими служащими аппарата Думы сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера членов их семей; систематическую работу с обращениями граждан, юридических лиц, содержащими сведения о коррупционных правонарушениях, о фактах совершения коррупционных действий должностными лицами и др.¹

При этом по ежегодным опросам ВЦИОМ, каждый третий россиянин требует введения смертной казни за коррупцию и экономическое преступление. Почти 40% респондентов предлагают сделать нормой конфискацию имущества не только коррупционеров, но и членов их семей. Количество граждан, выступающих за ужесточение наказания коррупционерам, неуклонно возрастает². Типичными становятся рассуждения о способах минимизации коррупции: «Только ужесточение наказания. По-другому наш человек не понимает... Украл миллион, заплати штраф — отдай два и будь свободен... С коррупционерами надо бороться китайскими методами. Тогда система заработает: и налоги пойдут в казну, и благосостояние будет расти»³.

Подобные умонастроения еще требуют своего научного осмысления. Вместе с тем эффективность реализации антикоррупционной политики, с нашей точки зрения, может быть достигнута лишь при объединении усилий органов власти различных уровней, институтов гражданского общества и каждого гражданина.

¹ Отчет о проведенных мероприятиях в рамках исполнения плана противодействия коррупции в Волгоградской областной Думе в 2013 году (распоряжение председателя Волгоградской областной Думы от 28.12.2012 г. № 166). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://volgoduma.ru/kadrovoe-obespechenie/protivodeystvie-korrupczii/12391-ispolnenie-plana-protivodeystviya-korrupczii-v-volgogradskoy-oblastnoy-dume-v-2013-godu.html>.

² ВЦИОМ узнал способы борьбы с коррупцией. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.transactional-analysis.ru/materials/Rossiyane-ocenili-meri-protiv>.

³ Победить зло китайскими методами // Волгоградская правда. 2015. 20 января.

ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

В 2005 г. вышла совместная работа Р. Скотта и Д. Макадама, посвященная исследованию опыта и перспектив конвергенции разработок институционализма и теорий поля исследования социальных движений¹. Авторы пришли к выводу, что исследовательские инструменты, сформировавшиеся в обоих направлениях, могут компенсировать недостатки друг друга. Их синтез поможет пролить свет на, выпадающие из поля внимания ученых, аспекты объектов исследования. При этом материалы, собранные авторами показывают, что институционалисты охотнее воспринимают исследовательский инструментарий «партнеров»: они смогли ввести измерение политического соревнования в анализ механизмов и процессов институциональных изменений.

В этой связи, мы видим потребность в том, чтобы определить способы понимания институционализации, сложившиеся в основных подходах области исследования социальных движений, а также очертить круг проблем, которые элементы институционального подхода могут помочь разрешить.

1. Теории «коллективного поведения» противопоставляли социальное движение институциональному порядку и поведению, основанному на социальных нормах. Участие акторов в движении было обусловлено состоянием социального беспокойства, в котором пребывали индивиды неспособностью действовать рационально. Однако, рано или поздно состояние изменяется, и протестующие возвращаются к обыденной социальной жизни. Элементом парадигмы «коллективного поведения стала концепция “Вебера-Михельса”», которая утверждала, что каждое движение неизбежно приходит к формализации, бюрократизации, централизации управления и олигархизации.

2. Теории «мобилизации ресурсов» исходят из убеждения в рациональности действий протестующих. Они эксплицитно не формулируют проблемы институционализации, но рассматривают действия движений, как отдельные образцы действий и тактики, которые могут воспроизводиться

¹ McAdam D., Scott W. R. Organizations and movements // Social movements and organization theory. 2005. С. 4–40.

и передаваться. Кроме этого, приверженцы подход рассматривают организационные структуры не как альтернативу движению, а как ресурс, которые позволяют добиться целей движения.

3. Подход «структура политической возможности» сосредоточил внимание исследователей на обстоятельства политического состязания, которое разворачивается между протестной группой и государственным актором. Социальное движение стало восприниматься как доступный для граждан способ воздействия на политический процесс. И институционализация в этой связи понимается как получение доступа в среду институциональной политики: признание со стороны институциональных акторов, отказ от радикальных форм борьбы, принятие более умеренных целей и идеологии.

4. Концепция «общество социальных движений» во многом обобщила наработки предшественников в области институционализации движений. Авторы сделали вывод, что распространенность, частота и многообразие протестов в современных западных обществах позволяют утверждать, что протест стал их постоянным устойчивым элементом. Многие, когда-то «подрывные» протестные тактики стали конвенциональными, их легитимность была признана институциональными акторами, а социальное движение стало институтом участия, потенциально способным потеснить группы интересов и политические партии. И кроме этого, авторы отметили профессионализацию деятельности организаций социальных движений.

5. В последние годы, американским исследователем Джеффом Ларсоном разрабатывается концепция «поля социальных движений», в которой автор предпринимает попытку применить актуальные разработки институционализма для исследования социальных движений¹. Автор считает, что деятельность организаций социальных движений подвержена влиянию институциональных процессов и институциональных механизмов обеспечения устойчивости, в том числе тех, воздействие которых актор не осознает, но испытывает. Некоторые из этих механизмов и процессов активируются при условии регулярных взаимодействий акторов по определенному вопросу — в определенной области деятельности. Так возникают регулятивные структуры, которые определяют и следят за соблюдением правил, появляются нормы, соблюдение которых основывается на стремлении избежать осуждения и приобрести легитимность, вырабатываются общие представления, закладываемые в основу практик представления о том, что представляет собой деятельность социальных движений, каковы допустимые способы деятельности, критерии ее оценки.

¹ Larson J. A. From Mobilization to Institutionalization. URL: http://www.allacademic.com/meta/p184920_index.html. 2007.

В социологии социальных движений сложился ряд убеждений, которые порождают сомнения в возможности институционального исследования феноменов данного типа. Это убеждения: 1) в иррациональности и импульсивности действий протестующих; 2) в том, что организации действуют всегда стратегически и инновационно; 3) в том, что деятельность движений нерегулярна, а ограничена протестными циклами; 4) в том, что мобилизационные возможности ограничены лишь факторами внешней среды, преимущественно — политической системы.

Действие институциональных механизмов может объяснить может раскрыть причины воспроизводства неэффективных тактик, причины устойчивости организаций, позволят обнаружить скрытые сдерживающие механизмы и представления, предопределившие формирования существующих практик. Современные концепции институционализма, позволяют преодолеть существующие противоречия и открывают новые перспективы изучения социальных движений. Так, мы сможем обнаружить скрытые механизмы, предопределяющие динамику и тактические выборы, совершаемые организациями, сможем обнаружить общие для многих организаций движений нормы, лежащие в их основе убеждения.

*Ю. Ю. Паршкова
Москва*

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ США В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ: ПРИЧИНЫ, ХОД И ПОСЛЕДСТВИЯ

Азиатско-Тихоокеанский регион становится ведущим регионом мира в XXI в. В конце 2011 — начале 2012 г. президент США Б. Обама объявил о повышении роли Азиатско-Тихоокеанского региона для Америки в военной, экономической и внешнеполитической сфере.

Основная стратегия во внешней политики Соединенных Штатов — расширение своего влияния практически по всему миру, в том числе и в АТР, а Китай является одной из мощных региональных держав¹, что существенно подрывает возможности установления полного влияния США

¹ Китай создает такие финансово-экономические интеграционные структуры (например, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и банк развития БРИКС), которые практически дублируют МВФ, Всемирный Банк, Азиатский Банк развития — США, ЕС, Япония.

в АТР. Таким образом, военная политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе имеет несколько основных приоритетов:

- 1) защита союзников и партнеров Соединенных Штатов путем укрепления военных союзов и усиления военно-технического сотрудничества со странами-партнерами;
- 2) сдерживание военной мощи Китая в регионе;
- 3) становление Индии «лидирующей и стабилизирующей силы в Южной Азии»;
- 4) Северная Корея — угроза Южной Кореи и Японии. Северокорейские ракеты способны поражать некоторые американские военные базы, расположенные в этих странах.
- 5) трансграничные угрозы.

Сегодня США располагают в зоне Тихого океана значительной группировкой вооруженных сил, которая занимает практически преобладающие позиции в регионе. Особенно это касается морского компонента системы ПРО США в АТР, которая в 1,6 раза больше, чем развернутый вокруг Европы.

После успешной реализации первого этапа противоракетного плана Европейского Поэтапного Адаптивного Подхода (ЕПАП), принятом в сентябре 2009 г., США стали разрабатывать аналогичный план ПРО для Азиатско-Тихоокеанского региона. В 2010 г. США публично подтвердили, что Южная Корея, Австралия, Япония и другие страны, находящиеся под «ядерным зонтиком» Соединенных Штатов, будут прикрыты американской ПРО¹.

Как заявлено в официальных документах², Республика Корея является значимым партнером по строительству совместной региональной системы ПРО от ракетной угрозы со стороны Северной Кореи. Таким образом, Южной Корея вынуждена балансировать между своим союзником — США, и своим крупнейшим торговым партнером — Китаем — в сфере безопасности.

У Японии имеется своя собственная многоуровневая система, которая включает американские системы ПРО, РЛС раннего предупреждения и систему оперативного управления.

¹ The Joint Communiqué of the October 2010 U.S. South Korean Security Consultative Meeting describes extended deterrence as «the full range of military capabilities, to include the U.S. nuclear umbrella, conventional strike, and missile defense capabilities.» URL: <http://www.defense.gov/news/d20101008usrok.pdf>.

² Ballistic Missile Defense Review Report. February, 2010. U.S. Department of Defense website. URL: http://www.defense.gov/bmdr/docs/BMDR_101_MASTER_2_Feb.pdf. Statement of M. Elaine Bunn Deputy Assistant Secretary of Defense for Nuclear and Missile Defense Policy Before the House Armed Services Committee. March 25, 2014. U.S. House of Representatives Document Repository website. URL: <http://docs.house.gov/meetings/AS/AS29/20140325/101945/HHRG-113-AS29-TTF-BunnM-20140325.pdf>.

Соединенные Штаты и Австралия наладили долгосрочное партнерство в области ПРО, в первую очередь по размещению систем обнаружения на территории Австралии¹.

Вместе с тем Соединенные Штаты развертывают элементы глобальной противоракетной обороны в Европе, направленной, как считает российское руководство, на подрыв стратегической стабильности в российско-американских отношениях.

Ситуация, когда Соединенные Штаты развивают военное сотрудничество со своими союзниками и странами-партнерами в АТР, без учета интересов Китая и России, только лишь обострит борьбу за власть между тремя крупнейшими странами мира и приведет к негативным последствиям — ненужной гонки вооружений и усилению военной мощи всех государств.

В скором времени, США, Россия и Китай придут в конфликт друг с другом, который вызван несоответствием интересов всех государств: российская сторона выступает против размещения элементов ПРО в Европе и Азии, китайская сторона никогда не смирится с военным присутствием нерегиональных держав в АТР, а американская сторона крайне заинтересована в установлении контроля в АТР, мотивировав это тем, что для суверенного государства не существует серьезных ограничителей в проведении внешней политики. Поэтому проблема возникновения масштабного вооруженного столкновения остается актуальной и сегодня.

О. В. Паслер
Ставрополь

ТЕХНОЛОГИИ РЕАЛИЗАЦИИ «КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА» В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

В бытовом контексте слово «хаос» означает «быть в состоянии беспорядка». Однако первоначальное значение слова «хаос» отличается от его обычного понимания. Данный термин берет начало в древнегреческой мифологии, где им обозначалось состояние мира как некой «разверзшейся бездны». В XIX в. значение слова «хаос» дополнилось естественнонаучным пониманием в связи с изучением поведения нелинейных

¹ Ballistic Missile Defense Review Report. February, 2010. U.S. Department of Defense website. URL: http://www.defense.gov/bmdr/docs/BMDR_101_MASTER_2_Feb.pdf.

динамических систем в математике и физике, где обычно принято использовать название — «теория динамического хаоса». Сегодня теория хаоса применяется во многих научных областях, где изучается неустойчивость сложных систем: математике, биологии, информатике, психологии, экономике и политике.

Представляется, что любой эволюционный процесс выражен чередой смен противоположных состояний системы — порядка и хаоса, которые соединены фазами перехода к хаосу и выхода из него. Оба эти процесса возможны лишь при условии, что в системе существуют специфические «зародыши» хаоса или порядка, называемые аттракторами. Причем переход порядка в хаос и, наоборот, в таких системах, как правило, происходит очень быстро, что определяют выражением «падение системы на аттрактор».

Аттракторами могут стать некоторые свойства системной среды, условия на границах системы, внешние импульсы и пр. Важное свойство скачков «порядок—хаос—порядок» в таких системах — то, что аттракторов может быть несколько, и на какой из них «упадет» система — предсказать очень сложно или почти невозможно¹.

Главная цель технологии управляемого хаоса в политике — разрушение существующего порядка развития сложных систем в интересах узкой группы лиц или отдельных акторов международной политики. Особенность технологии хаоса — это спровоцированное и контролируемое извне разрушение внутри самой системы за счет собственных же «болевых точек» (аттракторов).

В основу организации управляемого хаоса положены перестройка массового сознания и вытеснение национальных ценностей и идеологии посредством особых технологий, относящихся в основном к идеологической сфере и системе образования. При этом имеет место совмещение «мягких», латентных технологий управляемого хаоса с прямыми военными агрессиями.

Проведенный нами анализ современной политической практики позволил выявить следующие базовые принципы создания управляемого хаоса:

- 1) разрушение сложившегося политического режима и свержение его лидера за счет внедрения «агентов влияния» из числа представителей силовых структур, оппозиционеров, олигархов, которые, стремятся к деньгам и власти;
- 2) создание мифа о массовости, самостоятельности и мирном характере протестных движений;

¹ Бялый Ю. Управляемый хаос. Концепт Стивена Манна и его проекции на мировую политику // Суть времени. — № 6 от 28 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gazeta.eot.su/article/управляемый-хаос>.

- 3) использование, наряду с традиционными информационными каналами, современных виртуальных средств медиа-коммуникаций (телефоны, Интернет, социальные сети);
- 4) наличие политической, экономической и информационной поддержки со стороны отдельных государств и военно-политических объединений, международных финансовых институтов и СМИ;
- 5) использование разрушительного потенциала радикально настроенной молодежи с применением националистской или этноконфессиональной риторики;
- 6) разрыв связей между поколениями через внедрение новых ценностей и идеологии в систему отечественной науки и образования.

Надо сказать, что сама по себе теория управляемого хаоса достаточно универсальна, а негативные последствия от ее реализации по масштабам вполне соизмеримы с ущербом от применения оружия массового поражения. При этом ответственность «заказчиков управляемого хаоса» находится за пределами институтов международных и национальных правовых норм.

Парадоксы развития мировой политической системы последних лет отчетливо свидетельствуют о практическом повсеместном использовании парадигмы «управляемого хаоса» как механизма геополитических манипуляций. «Майданный переворот» на Украине, свержение режима М. Кадафи в Ливии, «оранжевые революции» в Восточной Европе, развал Югославии и распад СССР. Эти глобальные перемены произошли слишком быстро, что заставляет относиться к политическим идеям «управляемого хаоса» с полной серьезностью. И как следствие, требует тщательного изучения и научного анализа.

А. В. Пересада
Стерлитамак

МУНИЦИПАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА УЧАСТИЯ КАК ФАКТОР СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Исторический опыт становления института местного самоуправления в России показывает, что этот процесс осуществлялся сверху вниз путем навязанных из центра административных преобразований.

Известный дореволюционный государствовед И. И. Дитятин, оценивая развитие русского дореформенного города в контексте подготовки «Городового положения» 1870 г., пришел к мнению, что оно было обусловлено

политикой верховной власти. Так он утверждал, что «в сущности, история нашего города есть не что иное, как история регламентации, преобразований торгово-промышленного городского населения со стороны верховной власти. Ход этих преобразований определяется воззрениями, какие верховная власть имела на государственные интересы»¹.

Такой административно управленческий подход при всех благих намерениях реформаторов на практике сталкивался с одной важной проблемой. Ее суть состоит в неразвитости муниципальной культуры участия местных сообществ.

Муниципальная культура представляет собой исторически, социально и политически обусловленную форму субкультуры, присущей местным сообществам. Следует отметить, что муниципальная культура составляет важный элемент политической культуры общества в целом. Алексис де Токвиль отмечал в своей работе «Демократия в Америке», что местное самоуправление является «школой политического воспитания народа»².

Без активного участия местного сообщества невозможно построение эффективной системы местного самоуправления.

К важным отличительным качествам муниципальной культуры участия следует отнести такие нормы, ценности и поведенческие установки, как: малая родина, гражданственность, самоуправления, участие в решении вопросов местного значения, демократичность, солидаризм, самоорганизация, ответственность, общинность, коллективизм.

Таким образом, муниципальная культура участия является важным фактором субъектности местного сообщества, а ее формирование — стратегической задачей реформирования местного самоуправления и становления эффективной системы муниципального управления.

Процесс становления эффективной системы муниципального управления имеет ряд важных аспектов: политический, социальный, правовой, экономический, культурный, кадровый, ресурсный.

Как показывает практика муниципального строительства последних двадцати лет, эффективность системы муниципального управления во многом определяется способностью к обеспечению устойчивого развития муниципального образования в условиях трансформации и кризиса экономической системы. Большинство муниципалитетов в современной России испытывают значительные социально-экономические проблемы, которые обусловлены целым рядом факторов.

Во-первых, индифферентностью населения муниципальных образований и низким уровнем вовлечения местных сообществ в работу по стратегическому управлению городским развитием.

¹ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. СПб: Тип. П. П. Меркулева, 1875. С. 109.

² Токвиль, Алексис де Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 158.

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ

Во-вторых, неоднородностью социально-экономического развития территорий. Точками социально-экономического роста на данный момент выступают мегаполисы и крупные агломерации. Провинция в этих условиях обрекается на деградацию и ресурсное истощение.

В-третьих, нереализованностью социально-экономического и человеческого потенциала развития муниципалитетов.

В-четвертых, управленческой инертностью муниципальных властей и доминированием бюрократических стереотипов управленческой культуры.

В-пятых, концептуальной и практической непроработанностью муниципальной социально-экономической политики и доминированием краткосрочных целевых установок над стратегическими и инновационными.

Таким образом, в действительности, местное самоуправление не реализует весь свой потенциал самоорганизации, устойчивого и инновационного территориального развития.

К основным инструментам реализации данного развития российских муниципалитетов следует отнести социокультурные, правовые, теоретико-концептуальные, институционально-организационные механизмы

Социокультурный механизм муниципального развития должен быть основан на формировании муниципальной культуры участия и эффективном управлении человеческим и социальным капиталом муниципального образования.

Реализация на основе культуры участия методов и принципов стратегического развития на уровне муниципального образования как муниципального инновационного социально-производственного комплекса¹ позволит эффективно и системно решать проблемы развития производственного блока, социального блока и блока, связанного с развитием и реализацией человеческого и социального капитала в муниципальном образовании.

¹ Глазырин М. В. Инновационный социально-производственный комплекс на уровне муниципального образования / М. В. Глазырин. М.: Наука, 2007. 310 с.

В эпоху, когда математическое моделирование и компьютерные технологии стали катализатором прогресса во многих областях научного знания, их использование в политической науке остается достаточно ограниченным, особенно в транзитных странах. Математические методы активно задействованы, по сути, лишь для статистической обработки и анализа исторических и социологических данных, а также в клиометрических и социометрических исследованиях. Математические модели, столь широко применяемые в естествознании, в политических изысканиях являются не столько редкостью, сколько «неопривыченной» реальностью¹.

Однако, не смотря на сложность моделирования социальных и политических процессов, слабую формализуемость понятий и факторов их составляющих, в последние годы достигнуты определенные успехи в области создания моделей социальной и политической реальности. Имеющиеся к настоящему времени, можно условно разделить на три группы:

1. модели — концепции, основанные на выявлении и анализе общих исторических и политических закономерностей. Их представление в виде когнитивных схем, описывающих взаимосвязи между различными факторами, влияющими на исторические процессы (Дж. Голдстейн, И. Валлерстайн, Л. Н. Гумилев, Н. С. Розов и др.). Данные модели обладают высокой степенью обобщения, но большей частью имеют не математический, а чисто логический, концептуальный характер;

2. частные математические модели имитационного типа. Они нацелены на описание конкретных исторических, политических событий и явлений (Л. И. Бородин, Ю. Н. Павловский, Д. Медоуз, Дж. Форрестер и др.) Применимость таких моделей, как правило, ограничена нешироким пространственно-временным интервалом. Они «привязаны» к конкретному событию и их невозможно экстраполировать на достаточно протяженные периоды времени;

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 92.

3. математические модели, являющиеся промежуточными между двумя указанными типами. Эти конструкции охватывают некоторый класс социальных процессов без претензии на детальное описание особенностей каждого конкретного случая. Их задачей выступает выявление базовых значений, характеризующих протекание процессов рассматриваемого вида. В соответствии с этим, данные математические модели называются базовыми¹ и представляют наибольший интерес к моделированию тенденций и векторов эволюции современных явлений, поскольку обладают способностью к обобщению и вместе с тем позволяют учесть разноплановую конкретику.

При разработке и обосновании логико-математических моделей современных политических процессов возникает немало преград и трудностей, поскольку моделирование социодинамики, которая лежит в основе этих процессов, одна из сложносоставных задач науки и техники.

С точки зрения логико-математического моделирования социальные и политические системы относятся к широкому классу многокомпонентных нелинейных динамических систем распределенного типа. Такие системы успешно изучаются в биологии, физике, химической кинетике, физической географии, экологии, популяционной динамике, информатике и т.д. Но значительно позже по времени (с учетом вклада Г. Ф. Гегеля, Э. Канта, К. Маркса, К. Линнея и Ч. Дарвина) и с переменным успехом используются в политической науке.

Если в естественных науках к текущему периоду получено достаточное количество результатов, позволяющих понять базовые, наиболее общие свойства подобных систем и, несмотря на частные различия — прогнозировать особенности их поведения в различных условиях. То в сфере гуманитарных наук лишь с начала 70-х гг. XX столетия стали появляться оригинальные работы отечественных и преимущественно американских математиков по моделированию общественных процессов, с учетом их предьстории. Это труды советских ученых: В. М. Глушкова, Т. Н. Блауберга, Э. Г. Юдина. Из зарубежных ученых можно выделить Т. Л. Саати, Л. Блумфильд и других.

Безусловно, научно-технический прогресс в области компьютерных технологий сыграл большую роль в создании новых методик на стыке математического моделирования и социальных наук. В 90-х гг. прошлого столетия появляется значительно большее количество работ по данной тематике, позволивших значительно расширить и углубить эту область научного знания. Среди исследователей, внесших заметный вклад в развитие современного моделирования социальных процессов, можно выделить: В. В. Василькову, Т. И. Заславскую, Ю. М. Плотинского, А. А. Самарского и А. П. Михайлова, В. А. Шведовского, Е. В. Шишкина и А. Г. Чхарташвилли и др.

¹ Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001.

Автор предлагает рассмотреть сильные и слабые стороны и основных используемых моделей на сегодня, а также предлагает варианты развития и возможные наиболее эффективные типы моделей способные дать новое знание в политической науке.

Так, например, математический аппарат нелинейной динамики достаточно успешно применяется в США и имеет существенный потенциал для использования его в вопросах прогнозирования разнообразных социальных и политических процессов¹.

Е. В. Пинюгина
Москва

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В СТРАНОВЕДЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ РАН

Онтологически возникновение разных существующих в наши дни страноведческих институтов РАН связано с разными причинами — в некоторых случаях внешнеполитическими, в некоторых — необходимостью создать условия для исследований региона, а порой — возникновение стало следствием трансформации, модернизации или аккумуляции существующих научных ресурсов.

Политическая наука, таким образом, лишь в некоторых из них стала онтологически обусловленной предметной областью в систематической деятельности института. Однако в зависимости от личных исследовательских интересов ученых сотрудников, независимо от этого предельно, в стенах всех страноведческих институтов более или менее регулярно появлялись качественные исследования политического профиля. Разница заключается в том, какой удельный вес исследования, затрагивающие политическое поле, занимают в общем НИР института, а также в объеме выпускаемых страноведческими институтами публикаций, которые могут быть отнесены к политическому профилю, ее можно измерить.

Компетентные страноведческие институты, занятые изучением западных регионов мира, пока не перешли к этапу концептуальной переработке своих исследований по истории, культуре, философии западных стран в объемный и системный формат, представляющий новое знание

¹ Petukhov A. Y., Krasnitskiy N. V. 2014. Comparison of models of Russian state quality management system. Global Journal of Pure and Applied Mathematics, Volume 10, Number 6 (2014), p. 895–904; Petukhov A. Y., Komarov I. 2013. Processes of incorporation of Taiwan. Prediction using mathematical models. World Applied Sciences Journal, Issue 27, 13, p. 469–473 DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.96.

об особенностях политической философии, политической культуры, политической теории незападного мира. Попытки издания трудов такого типа наблюдаются в ВУЗах (напр., МГИМО) и, следовательно, «под брэндами» ВУЗов, хотя часть авторов одновременно являются и сотрудниками институтов РАН.

С учетом возрастания роли стран незападной политической и научной традиции в мировой политике и во внешней политике России, целесообразно привлечение политологов к работе страноведческих институтов. В тех случаях, когда страноведческим институтам ставятся государственные задания в области политических исследований, совещательное участие коллег-политологов могло бы способствовать тому, что при постановке и выполнении прикладных задач и обсуждении их результатов, одновременно вносился бы вклад в накопление «незападного» материала для политических исследований, а возможно и для расширения арсенала традиционно западно-ориентированной российской политической науки.

В. С. Авдониин
Москва

ИНСТИТУТ СИТИ-МЕНЕДЖЕРА В РЯЗАНИ: КОНФЛИКТЫ И ЭВОЛЮЦИЯ НА ФОНЕ РЕФОРМЫ МСУ¹

Выбрать в исследовании реформы МСУ в России форму «кейс-стади» — в данном случае анализа введения и эволюции института сити-менеджера в городском управлении Рязани — побуждает, прежде всего, опыт уже более чем 10-летнего функционирования этого института, введенного на «заре» реформы, еще в 2004 г. На фоне нынешнего обвального отказа от прямых выборов «мэров» и перехода к их фактическим назначениям данный опыт мог бы быть достаточно интересным.

Что же в этой связи подсказывает рязанский опыт? Прежде всего, он демонстрирует чрезвычайную конфликтность включения в городское управление этого института. В Рязани он был принят на начальном этапе реформы как некий инновационный и многообещающий институт, повышающий роль городского представительного органа. Но на практи-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) научного проекта №13-03-00392 «Влияние муниципальной реформы на современный процесс политических трансформаций в России».

ке это сразу породило целый «букет» конфликтов, постоянно сотрясавших городское управление. Это и конфликты между группами депутатов, и конфликты между сити-менеджером и главой города, и между региональным и городским уровнем власти, и между властями и гражданами и др. При этом некоторые из них при смене персон не прекращались, а возобновлялись с новой силой, что явно свидетельствовало об их институциональном характере.

Среди всех особенностей института сити-менеджера рязанский опыт позволяет выделить его главную черту: он вносит раскол в систему муниципальной власти в областной столице, которая становится «двухголовой». Глава города и сити-менеджер, имея похожую легитимность (от городской ассамблеи), так или иначе, начинают делить власть и конкурировать между собой. Это открывает возможности для губернатора манипулировать их конфликтом, ослабляя городскую власть и подчиняя ее региональному уровню. В прежней системе прямых выборов мэра, имея в городе однозначный приоритет, выступал автономным партнером губернатора, что побуждало к компромиссной политике. В системе с сити-менеджером эта однозначность пропадает, городская власть дробится и губернатор начинает этим манипулировать.

В рязанском случае это делали оба губернатора: и Шпак (до 2008 г.), и Ковалев. У Шпака это не очень получилось, так как в тот период система с сити-менеджером была еще не вполне отработана. В ней еще весьма важную роль играли депутаты городской ассамблеи, а сама процедура понималась, в первоначальном духе реформы, как заключение контракта сити-менеджера, прежде всего, с городской властью в лице депутатов. В 2005 г. они голосовали по кандидатурам сити-менеджера в рейтинговом режиме, а самих кандидатов было около десятка. Губернатор мог влиять на процесс, только воздействуя на депутатов (убеждением либо угрозами), что, собственно, Шпак и делал. Но не преуспел в этом, и сити-менеджером был утвержден автономный от него кандидат.

Второй цикл утверждения сити-менеджера (2008 г.) проходил уже по другой процедуре, которая была усовершенствована в ходе реформы в духе строительства «вертикали власти». В ней ключевым звеном стали конкурсные комиссии, а депутаты могли рассматривать лишь того, кто прошел через этот фильтр. В комиссиях же основную роль играли представители региона (губернатора и областной думы), которые получили рычаг влияния на этот муниципальный институт. Правда, в рязанском случае весной 2008 г. этот механизм в полной мере не был использован, так как утверждение сити-менеджера в Рязани по времени совпало с другим компонентом строительства «вертикали» — сменой из центра губернатора области. Вместо Шпака губернатором был назначен Олег Ковалев. Будучи для области человеком новым, он только входил в курс дел и не смог оказать существен-

ного влияния на назначение сити-менеджера. На этот пост был назначен один из депутатов Гордумы, связанный с ее председателем (главой города).

Но уже вскоре стало ясно, что институциональная структура городского управления вновь породила соперничество между главой города и сити-менеджером, и губернатор стал это использовать. Доработать срок своего контракта сити-менеджер Рязани не смог. В сентябре 2010 г. по инициативе губернатора, ссылавшегося на срыв администрацией отопительного сезона, депутаты одобрили его увольнение. Новый кандидат на эту должность уже пришел из областной администрации, а процедура его назначения полностью контролировалась губернатором через механизм конкурсной комиссии и давление на депутатов.

К этому времени на фронте реформы МСУ в области произошли существенные изменения. Укрепившийся у власти губернатор активно внедрял модель глав администрации по контракту (в городском варианте — сити-менеджера) в районах. Для работы с муниципалитетами было создано специальное Министерство по делам территориальных образований. В основном оно занималось выборами в районах. Но в сентябре 2009 г. на прямых выборах глав двух крупных районов произошли громкие скандалы (потребовалось 5 судов, чтобы снять с выборов всех неугодных кандидатов). На этом фоне назначение главы по контракту в другом районе выглядело просто идеальным (там всех неугодных отсекали конкурсные комиссии). После этого усилия по переводу районов на модель назначений глав по контракту были удвоены.

Утверждение сити-менеджера в Рязани после выборов Гордумы в 2013 г. выглядело уже совершенно рутинной процедурой. По рекомендации губернатора действующий на тот момент сити-менеджер был безропотно утвержден на новый срок. Все говорило о том, что контроль стал полным. Но через год (осенью 2014 г.) этот сити-менеджер неожиданно, без видимых причин подал в отставку и был заменен еще более зависимой и тесно связанной с губернатором фигурой — одним из его начинающих молодых замов по экономическим вопросам. На официальном уровне эта замена вразумительных объяснений не получила. Пресса писала о якобы возникших между губернатором и сити-менеджером разногласиях по вопросу о приватизации городских коммуникаций, упоминалось о неких губернаторских амбициях сити-менеджера и о его сближении с местными группами. В этом случае замену можно было интерпретировать как акцию губернатора по усилению контроля над муниципальным уровнем в условиях его дальнейшего финансового и политического ослабления. Косвенно это подтверждают события начала 2015 г.: с подачи центра и при поддержке губернатора на городском уровне стал внедряться проект приватизации (концессии) сетей коммуникаций, что может повлечь за собой дальнейшее изменение муниципальных мандатов в сфере ЖКХ и ресурсной базы городского муниципалитета.

Остается добавить, что отношение горожан к введению института сити-менеджера на протяжении всего рассматриваемого периода оставалось негативным, что подтверждали различные социологические замеры. Большинство выступало за прямые выборы «мэров». В этот же период в Рязани было около 10 попыток инициировать референдум за введение таких выборов. Но все они были заблокированы на стадии принятия документов.

Н. П. Поливаева
Воронеж

ПОЛИТИКОКУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМся МИРЕ

Какие тренды «переживает» глобализирующееся или так называемое планетарное сознание? В чем выражается его единство, а в чем гетерогенность? Способно ли оно найти адекватные решения обостряющихся проблем глобализации? Способно ли человечество повысить с этой целью «управляемость» общественных процессов, обеспечить достижение разумных компромиссов, гармонизировать отношения между разными государствами и регионами мира? Это лишь небольшая часть тех актуальных вопросов, на которые так или иначе пытаются дать ответы современные исследователи, специально занимающиеся данной проблематикой.

Политологические дискурсы по данной проблематике (условно говоря, «мир в сознании — сознание в мире») пока крайне немногочисленны. Их отличает преобладание «приблизительности» и крайней прогнозной осторожности. И это вполне понятно, поскольку в теориях глобализации вопросы политической культуры и сознания имеют маргинальное значение, а мир сегодня чрезвычайно многолик, противоречив, «многоярусен», конфликтен и отличается системной неустойчивостью.

Парадигмой анализа политикокультурных тенденций в современном мире может выступать, на наш взгляд, новая классификация политических культур, разработанная известным российским политологом А. С. Панариным¹. Она носит «темпоральный характер», предметно и вместе с тем емко фиксирует политикокультурные типы, «отличающиеся разными способами сборок трех типов времени (прошлого, настоящего и будущего) и разными стратегиями освоения будущего». По сути, стержнем, системообразующим признаком предложенной автором трехсекторной идеалтипической «сетки» выступает

¹ *Панарин А. С.* Политология: учеб. / А. С. Панарин. М.: Алгоритм, 2004. С. 327–378.

доминирующее политическое сознание, определяющее политическое поведение элиты и масс, их «ценностный выбор в альтернативной ситуации».

Обозначим данную координатную матрицу и попытаемся с ее помощью сжато рассмотреть типичные политикокультурные тренды, характерные для современной эпохи. Первый тип «глобальной» политической культуры — экономикоцентризм. В его рамках проект глобализации «обещает миру неслыханную поляризацию нового типа: меньшинство призвано войти в сверхсовременный мир, сочетающий предельную планетарную мобильность с технически обеспеченным комфортом; большинство — вернуться в запредельную архаику, сочетающую изолированность и неподвижность с отсутствием каких бы то ни было гарантий нормального существования»¹. Носителями и последовательными сторонниками данного типа культуры выступают прежде всего известные проповедники глобализма (например, Ж. Аттали, З. Бжезинский). Они жестко стоят на страже интересов «золотого миллиарда», отстаивая право обитателей мировых столиц бесконтрольно потреблять ресурсы периферии, т.е. фактически выступать в роли хозяев Земли.

Второй тип — этноцентристская политическая культура. Мотивирующей ценностью здесь является не столько развитость или проекты будущего, сколько этническая «самостийность». Авангардные функции по отношению к реальным или потенциальным носителям данного политикокультурного «комплекса» выполняют политизированные лидеры, «поднимающие проблемы чистоты национального языка, засоряемого «информационными империалистами», поруганных святынь и ценностей, забытых, но сегодня заново востребованных национальных ритуалов и традиций. Вся эта политизированная этнография наскоро превращается в идеологию, назначение которой состоит в том, чтобы смоделировать «большое общество» по модели «общности»². Последняя, в отличие от общества, обычно отгораживается от современного конкурентного мира разного рода протекционистскими барьерами или, что происходит гораздо чаще, ищет защитников и покровителей.

Сегодня это ярко проявляется в отношениях молодых этнократий, образовавшихся на постсоветском пространстве, со своими более мощными соседями из дальнего зарубежья. Одни из них выбирают Запад, главным образом Америку или Германию, другие — Восток, в частности, Турцию, Саудовскую Аравию или Иран.

Итак, первый тип политической культуры в глобализирующемся мире — это «сверхсовременность», а второй — архаика. Выступая за новейшее вопло-

¹ Панарин А. С. Указ. соч. С. 346; См., также об этом: Закат империи США: Кризисы и конфликты / С предисловием Бориса Кагарлицкого; И. Валлерстайн, С. Амин, С. Джорж, и др. Институт глобализации и социальных движений. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 161–176.

² См.: Панарин А. С. Политология: учеб. для студентов вузов / А. С. Панарин. М.: Алгоритм, 2004. С. 352.

щение современности, глобалисты на деле, желая того или нет, как отмечает А. С. Панарин, стимулируют локализм и реванш религиозно-племенного «обособленного» сознания. Поэтому политическая культура экономикоцентристского толка, по сути, направлена против современности.

Третий тип политической культуры — социоцентрический (или постэкономический) — «снимает» крайности первых двух типов политического сознания и политического поведения в современном мире. Он «требует» от экономики помнить о своих культурных предпосылках и не разрушать их; от культуры — помнить о приоритетах развития и не жертвовать ими ради преемственности и «монолитности», когда «культура является узницей общественной ответственности»¹. Приверженцы социоцентрической «системы ценностей» устремлены к тому, чтобы общественные связи носили не племенной, сугубо этно-религиозный, а социальный характер, но при этом отнюдь не были бы нейтральными в ценностном и нравственном отношении.

Политическая культура социоцентризма зарождается в логике драматического диалога и борьбы разнородных сил современного мира, мобилизуется в ответ на становящиеся все более откровенными вызовы гуманизму. Она находит свое яркое выражение в выступлениях противников глобализма. С манифестации 1999 г. в Сиэтле по поводу проводившейся там сессии ВТО практически ни одно заседание таких наднациональных учреждений, как ВТО, МВФ, ВБ, Всемирный (Давосский) экономический форум, ФАО, «большая восьмерка» и т.д., не обходится без массовых шествий и митингов протеста. Авторитетные исследователи Лондонской школы экономики (ЛШЭ) во главе с Э. Гидденсом склоняются к тому, что активно протестующих противников глобализма следует рассматривать как прообраз глобального гражданского общества².

Движение анти- или, что точнее, альтерглобалистов — принципиально новое явление, ставшее едва ли не самым заметным социальным феноменом XXI в. По мнению отечественного политолога А. В. Бузгалина, второе название выступает более адекватным, поскольку эти люди — противники не интеграции, а нынешней модели глобализации, и выступают не против открытого общества вообще, но против конкретного типа этого общества³. Говорить о теоретическом осмыслении данного феномена пока преждев-

¹ Турен А. Способны ли мы жить вместе? / А. Турен // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 472.

² См.: Anheier H., Glasius M., Kaldor M. (eds). Global Civil Society. L, 2002; Anheier H., Themudo N. Organisational Forms of Global Civil Society. 2002; О современных трактовках гражданского общества см.: Гражданское общество в России: структуры и сознание. М.: Наука, 1998. С. 20–23.

³ См. подробнее: Бузгалин А. В. Альтерглобализм как феномен современного мира / А. В. Бузгалин // Полис. 2003. № 2. С. 71–85; Бузгалин А. В. Критический марксизм. Продолжение дискуссий / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. М.: Олма-Пресс, 2001.

ременно. Собранные исследователями факты и эмпирические данные позволяют высказать лишь весьма общие, предварительные позиции и оценки. В частности, предлагается с целью уточнения смысла «антиглобализма» именовать его Движением за альтернативную глобализацию (ДАГ)¹. Безусловно, активность альтерглобалистов приносит свои результаты. Но открытым остается вопрос о том, смогут ли они изменить саму нынешнюю неолиберальную модель глобализации.

Предложенная А. С. Панариным классификация современных политических культур, в общем, позволяет определить ключевые, базовые тенденции политических установок, ценностных ориентаций современного человечества. Хотя распределение трех типов политической культуры имеет свою специфику в разных регионах планеты, в целом все же не столько исторический и географический факторы, сколько логика современного политического бытия и глобальных вызовов определяет распространенность этих типов и характер их взаимоотношений. Вместе с тем любую типологию не стоит, конечно, переоценивать. Ценность типологии лишь в том, что она охватывает некие «качества», позволяющие упорядочить определенные знания и представления о том или ином «предмете». С ее помощью вводятся точки ориентира в действительность, которая становится более понятной.

Таким образом, состояние современного разнородного, разнонаправленного, крайне противоречивого мира проявляется в трех рассмотренных политических культурах и, наоборот, последние так или иначе воспроизводят долгосрочные, масштабные общественно-политические мегатренды. Социоцентрический тип политической культуры созвучен демократическому, гуманистическому вектору трансформации политических ценностей человечества. Наряду с этим экономикоцентризм и этнократизм могут быть объединены в «общую» недемократическую тенденцию трансформации политического сознания. Иначе говоря, преобладающими тенденциями эволюции политического сознания в современном мире выступают два ее взаимоисключающих (и вместе с тем взаимовлияющих) вектора — демократический (интегрирующий мир на соответствующих принципах и ценностях) и недемократический (дезинтегрирующий). Соотношение и взаимосвязь этих траекторий в значительной, если не решающей, степени определяют характер политикокультурного контекста мирового развития, его чрезвычайную неоднозначность, альтернативность, «взрывоопасность».

Вывод о все большем объединении и взаимозависимости мира постоянно сталкивается с противоположным тезисом о его все большей дифференциации, раздробленности, хаотизации и т.п. В обоих подходах содержится абсолютизация ключевых форм мирового развития: в первом — интеграции, во втором — дезинтеграции. Какая из них и где одержит

¹ См.: Левин И. Б. Глобализация и демократия / И. Б. Левин // Полис. 2003. № 2. С. 55.

победу, определить нельзя. Но попытки насильственного объединения мира в долгосрочной перспективе вызовут сначала фрагментацию мирового рынка и политических союзов, а затем региональную контринтеграцию как сопротивление такому объединению

Современное «коллективное» политическое сознание, как и само мировое «движение», варибельно. Вероятны, по-видимому, две альтернативы: нивелирующая (унифицирующая развитие макрорегиональных и локальных цивилизаций) глобализация и глобализация, построенная на принципах равноразличий всех ее участников. Резонно предположить, что политическое сознание как элит, так и масс будет иметь несколько точек роста и изменяться одновременно в нескольких направлениях, в том числе взаимоисключающих.

Е. М. Поляков
Воронеж

ТЕРРОРИЗМ И СТРУКТУРНОЕ НАСИЛИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Концепт «структурного насилия» был введен в научный оборот Йоханом Галтунгом 45 лет назад¹. Два года спустя в соавторстве с Тордом Хейвиком он предложил способ измерения структурного насилия с опорой на статистические данные об ожидаемой продолжительности жизни (далее — ОПЖ)². В 1976 г. другие исследователи, Гернот Келлер и Норманн Алкок, разработали базовую модель измерения «магнитуды структурного насилия» (*magnitude of structural violence*). Они же предложили базовое определение самому концепту: «Мы можем вести речь о структурном насилии всякий раз, когда люди гибнут, получают ранения или испытывают иные лишения из-за бедности и несправедливости социальных, экономических и политических институтов, систем или структур»³.

Модель Алкока-Келлера позволяет описать гипотетическое состояние дел в обществе, лишенном структурного насилия и/или вычислить количество «потерянных» от него жизней по формуле:

¹ Haltung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research, 1969. No 6. P. 168–187.

² Haltung J., Hoivik T. Structural and Direct Violence: A Note on Operationalization // Journal of Peace Research, 1971. No 1. P. 73–76.

³ Köhler G., Alcock N. An Empirical Table of Structural Violence // Journal of Peace Research, 1976. No 4. P. 343.

$$VI = Pn / En - Pn / Es \quad (1),$$

где Pn — численность населения страны N , En — ОПЖ для страны N , Es — ОПЖ в Швеции.

Отметим, что на момент написания данной статьи продолжительность жизни в Швеции была самой высокой в мире, так что, по сути, вместо Швеции нужно ставить ту страну, которая удовлетворяет данному критерию. Опираясь на данную методологию и официальные статистические данные о продолжительности жизни¹, попытаемся рассчитать потери от структурного насилия в регионах Северного Кавказа.

В качестве модельного региона, в нашем исследовании играющей роль Швеции, возьмем республику Ингушетию. Незначительное отклонение от данной тенденции, а именно второе место у Ингушетии после Дагестана в 2005 г. с отставанием на 0,2 года можно списать на статистическую погрешность, ибо в остальные годы первого десятилетия нового века разница была около года и более в пользу Ингушетии.

Итак, для сравнения были выбраны регионы СКФО: Дагестан (РД), Чечня (ЧР), Северная Осетия (РСОА), Карачаево-Черкесия (КЧР), Кабардино-Балкария (КБР) и Ставропольский край (СК), а также Россия в целом. Результаты расчета представлены ниже, в табл. 1. Данные показатели каждый читатель может проверить сам, подставив в уравнение 1 данные официальной статистики. Мы же здесь приведем в качестве примера расчет для Кабардино-Балкарии за 2010 год: $893.819/72,1 - 893.819/74,7 = 12396,93 - 11965,45 = 431$.

Таблица 1

Магнитуа структурного насилия в регионах СКФО, 2002–2011 гг.

Год/ регион	РД	ЧР	РСОА	КЧР	КБР	СК	РФ
2002	1185	н.д.	776	490	922	4001	283 107
2003	1008	1140	806	536	986	4117	285 210
2004	961	784	859	402	866	3665	275 233
2005	195	302	537	331	815	3109	241 765
2006	н.д.	199	313	192	598	2555	184 705
2007	573	474	455	262	772	2890	212 624
2008	953	429	608	303	684	3208	222 283
2009	199	511	290	144	455	1920	147 524
2010	397	735	258	182	431	1891	159 924
2011	1044	964	476	295	599	2408	173 241

¹ Здесь и далее данные об ожидаемой продолжительности жизни в регионах России взяты с сайта Росстата. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru>. Дата обращения: 21.01.2015.

Диаграмма 1

Мы видим, что если в целом по стране и СКФО структурное насилие имеет нечеткую тенденцию к снижению, то в республиках, на которых приходится львиная доля жертв террористического, а точнее — прямого вооруженного насилия (*direct armed violence, DAV* по терминологии Алкока–Келлера), колеблется то снижаясь, то увеличиваясь, вокруг одной цифры. Для Дагестана это около 1000 жертв в год, для Чечни — 800, для КБР (в которой со второй половины 2000-х, после «Нальчикского мятежа» число терактов растет) — 600. Эти цифры, как в сумме, так и по отдельности, существенно (в 3–4 раза) превышают количество погибших от вооруженного противоборства на Северном Кавказе¹.

Но гораздо важнее другая закономерность: всплески структурного насилия в России, если судить по количеству жертв, имеют обратную корреляционную взаимосвязь с террористической активностью. В частности, из представленной диаграммы 1 видно, что наименьшее соотношение численности населения РФ и жертв от структурного насилия (в расчете на одну тысячу человек) было в середине 1990-х годов и в начале 2000-х, то есть в периоды первой и второй военных кампаний в Чечне. В середине 1990-х и первой половине 2000-х соотношение потерь от структурного насилия и общей численности населения РФ (в расчете на 1000 жителей) было существенно меньше 1. Наоборот, на периоды относительного «затишья» (в начале 1990-х, в конце 1990-х после Хасавюртовского мира и в конце 2000-х, после окончания КТО

¹ Вооруженный конфликт на Северном Кавказе URL: <http://dagestan.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/2415>. Дата обращения: 21.01.2014.

в Чечне), пришлось пики структурного насилия: показатель достигает 1,2, 1,4 и 1,0 соответственно.

Таким образом, мы можем с известной степенью уверенности предполагать всплеск террористического (и иного рода нелегитимного) насилия на Северном Кавказе в ближайшие два-три года, что совпадет с электро-ральным циклом 2016–2018 гг., но не будет вызвано им, что бы ни писали на этот счет различные публицисты. Также представляется маловероятным, что отмеченную тенденцию сможет переломить наблюдаемый в последнее время отъезд «моджахедов» в ИГИЛ.

Ю. М. Почта
Москва

ИНТЕГРАЦИЯ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ВЫЗОВ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ФЕДЕРАЛИЗМА

Современная российская государственность возникла на рубеже 80–90-х гг. XX в. и процесс становления ее федеративного устройства продолжается. Из-за асимметричного характера российского федеративного устройства, а также из-за сочетания в российской модели федерации конституционного и договорного подходов, среди российских и западных исследователей идет оживленная дискуссия о природе российского федерализма: истинный он или имитационный¹, не наблюдается ли его кризис² или же существующая модель федерализма (по степени децентрализации) адекватна уровню развитию общества³. В 2014 г. в связи с вхождением Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации проблематика российского федерализма становится еще более актуальной. Возникает целый ряд вопросов о характере эволюции российского федерализма, о возможности органичной интеграции двух новых субъектов в состав федерации.

¹ Туровский Р. Российский квазифедерализм: состояние и перспективы // К новой модели российского федерализма / Под общ. редакцией А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. М.: Изд-во «Весь мир», 2013. С. 120.

² Умнова И. Конституционные основы современного российского федерализма: модель и реальность // К новой модели российского федерализма / Под общ. редакцией А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. М.: Изд-во «Весь мир», 2013. С. 81.

³ Вардомский Л. Федеративные отношения и проблемы пространства России // К новой модели российского федерализма / Под общ. редакцией А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. М.: Изд-во «Весь мир», 2013. С. 101.

В отличие от большинства российских регионов, Крым и Севастополь имеют достаточно развитую за годы существования в рамках независимого украинского государства в 1991–2014 гг. локальную идентичность граждан и неоднократный опыт ее эффективной реализации в сфере публичной политики (существование Республики Крым и Автономной Республики Крым в составе Украины). Это происходило в условиях, когда центральная украинская власть неоднократно давала и нарушала свои обещания «возродить и расширять полномочия Крыма»¹. Так, в 2010 г. лидер крымской партии «Русское единство» Сергей Аксенов в качестве важнейших проблем называл необходимость сохранения традиционной для Крыма парламентской республики, наделение регионов большими полномочиями при одновременном усилении централизации как средстве восстановления управляемости страной. В частности, он поддерживал необходимость отмены содержавшегося в Конституции Крыма 1998 г. принципа верховенства Конституции Украины и законов Украины над положениями нормативно-правовых актов Верховной Рады Автономной Республики Крым и актов Совета министров Автономной Республики Крым².

Указом Президента РФ 31 марта 2014 г. было создано региональное федеральное министерство — по делам Крыма, отвечающее за развитие Крыма и Севастополя.

Уже имеются примеры специфического решения политических проблем в Крыму как субъекте РФ. В марте 2014 г. в Республике Крым было принято решение о том, что глава республики будет избираться не прямым голосованием, а парламентом республики по представлению Президента РФ аналогично решению ряда северокавказских республик. 9 октября 2014 г. главой Республики Крым и председателем Совета министров на заседании Государственного Совета Республики Крым был избран Сергей Аксенов. В новой Конституции Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г.) содержится принцип верховенства Конституции РФ над конституцией Крыма. Статья 10.1 Конституции Республики Крым говорит о том, что «государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки».

Подводя итоги нашего исследования, можно утверждать, что интеграция новых субъектов в российское общество возможна. Но она потребует

¹ См.: Городецкая Н., Горяшко С., Нагорных И., Юнусов Л., Никифоров В., Соколова Н. Субъект необычной формы // Коммерсант, № 53 (5326), 31.03.14 г.; Штепа В. Новые субъекты — новый федерализм // Известия, 17 апреля 2014 г.

² Ст. 2, п. 2 Конституции Автономной Республики Крым (принята на второй сессии Верховной Рады Автономной Республики Крым 21 октября 1998 года; Конституция АРК утверждена Законом Украины № 350-XIV от 23.12.98). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/krym/show/rb239k002-98>.

повышенного внимания к общероссийским задачам совершенствования федеративного устройства, ограничения «ручного управления» из центра, усиления регионального представительства в органах федеральной власти (прежде всего, в Совете Федерации), достижения финансовой автономии регионов, последовательного решения имеющихся этнорелигиозных конфликтов, распределения компетенции центра и регионов, возможности существования региональных политических партий, а также существенно усиления значения местного самоуправления.

Е. Д. Пронякина
Санкт-Петербург

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК ФАКТОР МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Двадцать первый век по праву можно назвать эпохой межкультурных конфликтов. Сама идея столкновения цивилизаций и ценностных ориентаций в поликультурных обществах и многонациональных государствах не нова, однако в эпоху глобализации она приобретает особое значение для формирования системы международных отношений нового типа, основанной на принципах сетевой дипломатии, плюрализма и взаимного уважения.

Как показывает практика, межкультурные конфликты сегодня существуют почти в каждой стране. Их легко спровоцировать, сложно разрешить и фактически невозможно предотвратить в силу целого ряда причин. *Во-первых*, межкультурные конфликты — это, прежде всего, конфликты ценностей и идентичностей, то есть причины их возникновения лежат не в общественных реалиях, а в сознании каждого отдельного человека. *Во-вторых*, межкультурные конфликты сложно отнести к какой-то конкретной группе конфликтов, например, социальным, религиозным или этническим. Как отмечает Специальный докладчик ООН по вопросам меньшинств, Рита Ижак, «наличие более широких социальных, экономических и политических проблем или раскола в обществе создает для человека ненавистнической риторики благодатную почву. Глубинные причины ненависти часто лежат за рамками чисто этнических или религиозных различий»¹. Постоянный рост миграционных потоков и формирование «глобальной» системы ценностей усложняют социокультурную структу-

ру современных обществ и, следовательно, способствуют усилению напряженности между этническими группами и религиозными общинами. Постоянное присутствие «Другого», причем «Другого», претендующего на равные с ними политические и социальные права, заставляет людей острее ощущать и активнее отстаивать свою культурную самобытность. В этой ситуации носители других ценностей начинают восприниматься как потенциальные конкуренты или даже захватчики. И, наконец, на данный момент не существует эффективных методов выявления и искоренения так называемых «человеконенавистнических» настроений, так как демократические принципы, признаваемые сегодня большинством стран, отвергают саму возможность идеологического воздействия государства на сознание своих граждан. В силу перечисленных выше особенностей, межкультурные конфликты представляют реальную угрозу для международной безопасности и стабильности.

Возможность управления межкультурными конфликтами сегодня рассматривается как высокоэффективный инструмент внешней и внутренней политики. Провоцируя и подогревая неприязнь и противоречия между различными этническими, религиозными и национальными группами, одно государство может оказывать существенное влияние на политическую ситуацию в другом. Здесь возможно как непосредственное участие «третьей стороны» в конфликтах (т.е. финансирование различных группировок или поставки вооружений конфликтующим сторонам), так и косвенное влияние (т.е. провоцирование конфликтов посредством риторики в СМИ или оказание «моральной» и правовой поддержки различным группам). В эпоху развития глобальных коммуникационных технологий (прежде всего, сети Интернет) второй способ становится опасным оружием в информационных войнах между государствами.

Данная тенденция нашла отражение во внешнеполитической концепции Российской Федерации за 2013 г.: «Оборотной стороной процессов глобализации становится тенденция повышения значения фактора цивилизационной идентичности... что выводит в разряд первоочередных приоритетов мировой политики задачу предотвращения межцивилизационных разломов, наращивания усилий в интересах формирования партнерства культур, религий и цивилизаций, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества. В этих условиях попытки навязывания другим собственной шкалы ценностей чреваты усилением ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах, а в конечном итоге — сползанием к хаосу и неуправляемости в международных отношениях»¹.

¹ МИД России (18.02.2013) Концепция внешней политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED BF7DA644257B160051BF7F.

¹ Доклад Специального докладчика по вопросам меньшинств Риты Ижак // Совет по правам человека (28 сессия Генеральной Ассамблеи ООН), 5 января 2015 г. П. 30. С. 9.

Сегодня в мировом сообществе идет активный поиск способов управления межкультурными конфликтами — как с целью их предотвращения, так и с целью эффективного использования для ослабления потенциального противника. Впрочем, на данный момент единственным доступным средством предотвращения межкультурных конфликтов является их «деполитизация» и «деидеологизация» — то есть сознательное выведение вопросов культурной принадлежности за рамки политического дискурса.

И. М. Прядкина
Воронеж

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

В российской политической повестке тема модернизации появилась не так давно. Стремительное выдвижение и избрание президентом Российской Федерации В. В. Путина в 2000 г. ознаменовало начало политической модернизации в нашей стране.

Будучи президентом России, Д. А. Медведев видел необходимость полномасштабной и радикальной модернизации и назвал это вопросом «выживания нашей страны в современном мире»¹.

Здесь бесспорно одно обстоятельство: современная модернизация — это реальная проблема, которая вырастает из нынешней мировой действительности и которая по многим причинам имеет для России судьбоносное значение.

Сегодня под политической модернизацией в политическом дискурсе понимается процесс создания эффективных властных институтов, формирование компетентной бюрократии, расширение участия масс в политике, становление правового государства гражданского общества².

Член-корреспондент РАН Н.И. Лапин определяет модернизацию как переход цивилизованного общества к новым способам создания основных средств жизнедеятельности с новыми их качествами³. Модернизация в этом определении представляется самоповышающей эволюцией цивили-

зации и благополучия людей. В нее ученый включает четыре главные компоненты: технико-технологическую, социо-экономическую, социокультурную, институционно-регулятивную. Все компоненты модернизации как составляющие цивилизационного процесса взаимосвязаны и в совокупности образуют интегративную целостность. Для нас встает вопрос, в какую из четырех компонент, указанных Н. И. Лапиным, встраивается политическая модернизация? В институционно-регулятивную? Или, в зависимости от социально-политических, экономических и иных условий, определенных целей, способов и сроков реформирования политическая модернизация встраивается в каждую из компонент.

Осмысление модернизационных процессов в России связано с поисками концептов и моделей, опирающихся на своеобразие российской модернизации в рамках политического процесса.

Предстоит постоянно разрешать основное противоречие трансформационного периода — противоречие между необходимостью сохранения политико-властной стабильности и управляемости общества и потребностью демократической модернизации политической системы и государственной власти. Противоречие состоит и в том, что реформы не завершены, глубокие общественные трансформации по-прежнему востребованы¹.

Осуществление политической модернизации в современном обществе предполагает целенаправленное воздействие со стороны государства и других политических сил общества. Спонтанное развитие политической модернизации, как это показывает историческая ретроспектива трех российских революций в начале прошлого века, октябрьского переворота 1993 г., цветных революций в Грузии, Египте, Ливии, Тунисе, Киргизии, в настоящее время в Украине, как правило, сопровождаются революционными потрясениями.

Политическая модернизация для России — это исторический вызов, во многом определяющий цивилизационный выбор. Это, либо продолжение легитимизации политических и социальных практик вседозволенно разрушать и растаскивать народное хозяйство, когда даже американский президент радостно восклицает, что «российская экономика разорвана в клочья», или преодоление низкого качества жизни людей, сырьевого вектора экономики, непрозрачности управления, повсеместной коррупции. Пока по значительным ключевым параметрам, таким, как укрепление безопасности и целостности государства, устойчивое улучшение благополучия населения, наблюдается, если не отсутствие, то существенная заторможенность модернизационного движения.

¹ *Никовская Л. И.* Гражданские инициативы и модернизация России: [сборник статей] / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец, М. А. Молокова. М.: Ключ-С, 2011.

¹ *Медведев Д. А.* Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. 30 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.

² *Никовская Л. И.* Гражданские инициативы и модернизация России: [сборник статей] / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец, М. А. Молокова. М.: Ключ-С, 2011.

³ *Лапин Н. И.* Актуальные теоретико-методологические аспекты исследования российской модернизации // Социс. 2015. № 1. С. 6.

Решить проблемы политической модернизации «одним махом» сразу во всероссийском масштабе по всем субъектам Российской Федерации и одновременно по всем направлениям: и в развитии парламентаризма, и в становлении гражданского общества, и в совершенствовании местного самоуправления, во многом другом, не представляется возможным.

И. В. Радиков
Санкт-Петербург

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ГРАЖДАНСКУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ

За последние годы существенно вырос теоретико — методологический инструментарий изучения повседневности, критически переосмыслено ее понимание. Взяв в качестве ориентира определения А. Шюца¹, П. Бергера и Т. Лукмана, рассматривающих повседневный жизненный мир как область реальности, которую индивид принимает как данность, как само собой разумеющееся, как мир рутинной работы, особую форму восприятия и осмысления этого мира, возникающую на основе трудовой деятельности², российские исследователи гуманитарного направления, соглашаясь с такими существенными характеристиками повседневности как «бодრствующее внимание», привязанность к практической деятельности, коммуникативность, дополнили его разнообразным содержанием. Например, культурологу Л. Г. Ионину повседневная жизнь представляется как процесс жизнедеятельности индивидов, «развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий»³. В отличие от него, А. В. Ахутин подчеркивает, что повседневностью является искусственно созданный мир, который потом превращается в культуру. Он говорит о двойственности человеческого мира повседневности: целесообразном мире практической деятельности, где правит здравый смысл и

¹ Использованный А. Шюцем термин *Alltaglichkeit* означал и повседневность, и будничность, и обыденность, и заурядность.

² Шюц А. Структура повседневного мышления « СоцИс» 1988, № 2, с. 129; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания, Москва 1995, с. 52.

³ Ионин Л. Г. Повседневная культура/ Культурология XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб. 1998, с. 122–123.

о фантастическом, избыточном мире формул понимания мира¹. Философ Б. В. Марков утверждает, что повседневность — это привычки, стереотипы, правила, мышление и переживания людей, их поведение, деятельность, регулируемая нормами и социальными институтами². На аксиологическом смысле повседневности акцентирует особое внимание Г. С. Кнабе. Он обращает наше внимание на то, что абсолютизация повседневности как ценности превращается в абсолютизацию ее практицистской стороны. По его мнению, «комфортно ориентированный современный быт начинает монополизировать, подчинять себе, начинает судить все явления духовной жизни по своим критериям»³. Вместе с тем, повседневность — это не просто рутинная и бесконечная череда дней, это, прежде всего становление ценностей, обретение навыков, выработка смысла существования и действий человека⁴.

Основываясь на этих и других представлениях, под повседневностью мы будем понимать совокупность привычных, рутинных, повторяющихся форм и стереотипов жизнедеятельности человека, специфический круг социальных отношений, в котором проявляются социокультурные противоречия и конфликты, происходит столкновение ценностей, присущих различным типам сознания и осуществляется тот или иной выбор индивида, его линия поведения.

Повседневность — открытая система, имеющая подвижные, проницаемые границы, пронизана массой сложных взаимосвязей с окружающим миром: с одной стороны, повседневность определяется воздействующими извне идеями, ценностями, а с другой, сама повседневность становится причиной и источником инноваций, лежащих в развитии общества, является основой его институционализации. Повседневность существенным образом влияет на гражданскую и политическую активность.

Всесторонний анализ повседневного мира позволяет выделить три важнейших его характеристики:

1. В силу своего рутинного характера повседневность в большей мере, чем другие социальные сферы, обеспечивает преемственность социокультурных форм, позволяет «сохранить в изменениях неизменность, а неизменность делать формой изменений»⁵.

¹ Ахутин А. В. Мир повседневности/ Теоретическая культурология, Москва, Екатеринбург 2005, с. 371.

² Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры, СПб 1999, с. 129–130.

³ Кнабе Г. С. Диалектика повседневности / Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима, Москва 1993, с. 52.

⁴ Фролова С. М. Повседневность как основа институционализации общества, «Известия Саратовского университета», Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2012. Выпуск № 3. Т. 12, с. 60.

⁵ Лотман Ю. М., Культура и взрыв, М.: Гнозис 1992, с. 268.

2. Чем устойчивее повседневность общества, тем более оно жизнеспособно, прочно и стабильно, тем менее болезненно происходят в нем различные трансформации. Устойчивость и стабильность повседневности не исключает изменений.
3. Повседневность постоянно меняется. Все изменения повседневности носят системный характер и затрагивают одновременно как объективные структуры, так и интерпретационные схемы, накладываемые на них людьми.

Помимо этих характеристик, для выявления значимости повседневности в политическом мире, обозначим также несколько важных методологических позиций:

1. Изменение структуры повседневности детерминировано воздействием быстро развивающихся информационных процессов и коммуникативных технологий, других культур в условиях глобализации и усиливающейся миграции, быстрых и непредсказуемых трансформаций социальных институтов общества. В свою очередь изменяющаяся структура повседневности может детерминировать политические изменения. Основатель социогенетической теории цивилизаций Н. Элиас в своей статье «О понятии повседневности» показал, что «структура повседневности не обладает характером более или менее автономной структуры, но является частью структуры определенного социального строя. Поскольку один слой нельзя рассматривать изолированно, повседневность является также частью властных структур всего общества»¹.
2. Характер повседневности может определяться идеологией. Напомним вывод Г. Маркузе, который показал, как современная западная культура с ее достоинствами комфорта, технической оснащенности, удобства бытия, безопасности существования — может рождать репрессивную терпимость всех членов общества и их «одномерность»².
3. Важно видеть не только действия индивидов в социальных процессах, но и роль их переживаний и мыслей³.

Современная российская система повседневного мира, по сравнению с предыдущим историческим периодом, существенно изменилась: значительно расширилась номенклатура используемых вещей и предостав-

¹ Элиас Н., Понятие повседневного / О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования, СПб 2001, с. 24.

² Маркузе Г., Репрессивная толерантность, <http://coolib.com/b/277449/read.12.07.2015>.

³ Гарфинкель Г., Исследования по этнометодологии, СПб 2007, с. 47–86.

ляемых услуг: имущество россиян, составляющее предметную среду их повседневной жизни, меняется довольно быстро и в целом, безусловно, нарастает, причем преимущественно за счет высокотехнологичных товаров. Признавая, что современное российское государство, практически отказалось от организации, планирования и контроля над системой повседневного мира, что, естественно, сказывается на обыденной жизни россиян, отметим все же, что оно опосредованно, через модернизацию экономической жизни, управления, социальную политику инициирует соответствующие процессы и в повседневной жизни. Вызывают изменения в структурах повседневности и независимые от государства институты, фирмы, общественные организации, включенные в экономику общества потребления.

Исходя из вышерассмотренных положений, сформулируем основные направления воздействия изменения повседневности на российскую политическую жизнь.

- а) влияние изменяющихся норм и правил повседневного бытия на институциональность общества;
- б) влияние изменения физических границ повседневного пространства;
- в) влияние потребительства, культа вещей на политическое поведение;
- г) изменение коммуникативного пространства повседневного бытия.

По сравнению с советским периодом в повседневности россиян «произошла инверсия стандартов повседневного поведения и связанных с ними инструментальных ценностей. В современном российском обществе распалось единое нормативно-ценностное ядро, представленное базовыми для всех культур, называющими себя цивилизованными, нормами и традиционными для русской культуры ценностями»¹.

В результате стала формироваться повседневная среда обитания, насыщенная конфликтами, агрессией, тревогой, неуверенностью в будущем, сложная для выживания большинства социальных групп.

С другой стороны, в результате «реабилитации» повседневности произошло изменение жизненных приоритетов в сознании россиян. Сфера «малого мира» — мира повседневности — семья, родственные и дружеские отношения выдвинулись на первый план². Уход большинства населения в «малый мир» повседневности означал его нежелание принимать на себя ответственность за происходящее в большой политике, в экономике. Одновременно с неверием в возможности очередного рационального переустройства росло недоверие к социальным и политическим институтам.

¹ Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений, Москва 2009, с. 49.

² Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. Москва 2010, с. 13, 54.

Таким образом, теоретический анализ имеющихся представлений о повседневности дает основания рассматривать ее не просто как обыденность, каждодневную повторяемость во времени тех или иных фактов, но и как действенный фактор формирования гражданской и политической активности.

А. А. Реан
Москва

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

I. Философская традиция Платона и Аристотеля как теоретико-методологическая основа теории инноваций.

Проблема поиска сущности инноваций всегда интересовала ученых из большинства развитых и развивающихся стран. В чем заключается сущность инноваций? Как выявить предметную специфику инноваций? Какие стадии инновация проходит в своем становления? Какие существуют требования к инновационному процессу? Поиску ответов на эти вопросы посвятили свои размышления и труды философы, рассматривающие инновационную деятельность в контекст мировых проблем бытия, сознания, мышления, творчества и общественной жизни.

Античная философия, как и античная культура в целом, выступила одной из важнейших предпосылок формирования теории инновационного процесса.

При определении влияния философии Платона и Аристотеля на теорию инновационной деятельности нужно избегать двух крайностей. Первая крайность заключается в полном отрицании какого-либо влияния философской традиции Платона и Аристотеля на теорию инновационной деятельности. Вторая крайность — это абсолютизация значения мышления античных философов в формировании теории инновационной деятельности.

Из всех античных философов Платон (427–347 гг. до Р. Х.) оказал наибольшее влияние на теорию инноваций, поскольку именно он ввел в античную философию проблематику инновационных идеи как источников любых инноваций.

Платон выступил предшественником развития идеи инновационности как качества любой цивилизации и любой культуры. В русле платоновской парадигмы мышления развивалась вся западная и русская философская мысль, в том числе философия инноваций.

Инновационной идеей Платона стало разделение всего сотворенного мира бытия на эмпирический мир вещей и надэмпирический, ноуменальный мир идей.

Идеи являются источником любой инновационной деятельности. Инновация в современном контексте рассматривается как приносящий доход результат вложения инвестиций в идею.

Находясь в контексте философского мышления Платона, следуя его философским координатам, инновацию мы можем определить как результат воплощения ноуменальной идеи в материальном мире посредством вложения финансовых инвестиций в реализацию данной идеи.

Аристотель не сколько пытался найти Первопричину бытия, столько, опираясь на всю предшествующую античную традицию, выявил основные условия бытия, к которым относятся материя, форма, причина и цель. Бытие по Аристотелю обуславливается четырьмя основными началами: материальная, движущая, формальная и целевое начало, или первооснова¹.

Аристотель как первый методолог науки разработал структуру научного знания, которое включает в себя теоретические, практические и «поэтические» (творческие) науки. Теоретические науки направлены на наращиваний знании ради умножения знаний. К ним относятся физика, математика и «первая философия». Этика и политика входят в раздел практических наук. Творческий (поэтический) подраздел научного знания включает риторику и поэтику².

Творческий раздел научных знаний предполагает собственно творческое создание инноваций. Инновации относят не к практическому, а к творческому мышлению, поскольку непосредственной целью любого творчества является создание принципиально нового и его реализация в материальном мире.

II. Философская методология инновационного процесса. Характеристики инновационного процесса.

Методологическое смешение приводит к ложному отождествлению требований к принципиально разным инфраструктурным средам, в которых развиваются инновационные и научные структуры и институты³.

Итак, научные результаты и инновации тесно связаны друг с другом, но нетождественны. Подобное положение характерно и для экономической сферы жизни общества, выступающей как одно из наиболее важных сфер применения результатов инновационной деятельности.

Внедрение инноваций в различные экономические отрасли приводит к росту экономических показателей при условии большой масштабности, охвата многих секторов экономики и универсальности применения данных инноваций.

¹ См.: *Аристотель*. Соч. В 4 т. Т. 1, 4. М., 1975. С. 181.

² Там же. С. 201.

³ См.: *Колосов В. Г.* Основы инноватики: учебное пособие. М., 2009. С. 56.

Яркина Т. В., например, рассматривает инновационный процесс как процесс использования новшества, связанный с его получением, воспроизводством и реализацией в материальной сфере общества¹.

Целенаправленность инновационного процесса является фактором его системности, поэтому все элементы инновационного процесса подчинены принципу баланса целей и интересов, определяющего общую направленность развития².

Экономический инновационный проект фактически ставит задачу повышения производительности и повышение других показателей работы коммерческой организации.

Таким образом, инновационные процессы обладают теми общенаучными характеристиками, которые позволяют говорить об интеграции теории инноваций с другими областями научного знания, а также инкорпорированности практики инновационной деятельности в систему общенаучной прикладной деятельности.

В. В. Регнацкий
Москва

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Формирование национально-государственной идентичности молодежи является сегодня одной из наиболее актуальных проблем, как для науки, так и для российской политики. Недаром эту проблему так часто в последнее время затрагивает в своих выступлениях Президент В. В. Путин, акцентируя внимание на необходимости обретенная национальной идентичности как условия сохранения единства страны³.

На первый взгляд может показаться, что ничего сложного в решении этой задачи нет: необходимо осуществлять гражданское воспитание подрастающих поколений и формировать у россиян чувство патриотизма. И все.

¹ См.: Яркина Т. В. Основы экономики предприятия. М., 2005. С. 8.

² Закономерности процесса инноваций последней четверти XX века. М., 2007. С. 5.

³ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» / «Российская газета», 19.09.2013; Выступление В. В. Путина на пленарном заседании X съезда Российского союза ректоров 30.10.2014 // Президент России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46892>. Дата обращения: 15.12.2014.

Но на самом деле общероссийская идентичность национально-государственного типа представляет собой сложную и многоуровневую конструкцию, включающую в себя несколько разнородных элементов, конструирование которой возможно только комплексными усилиями государства, общественных организаций и российских граждан «в создании коллективного общенационального «образа будущего», выстраивании ценностных и социокультурных оснований развития России в XXI в.»¹

Если попытаться дать определение термину «национально-государственная идентичность», то на наш взгляд наиболее удачным является то, которое используют политические психологи: это «исторически и культурно обусловленная психологическая само-ассоциация личности с геополитическим образом (образами) определенной национально-государственной общности, имеющая в своем основании личностные мотивы и социальные ценности, закрепляющаяся и проявляющаяся через символические репрезентации»².

Процесс формирования национально-государственной идентичности определяется динамическим взаимодействием триады «образы — ценности — символы», центральным и смыслообразующим компонентом которой являются политические ценности. Они определяются исследователями как «политические убеждения и цели индивидуума или общества, отражающие в их сознании устойчивую положительную значимость тех или иных смыслов, принципов и явлений и являющиеся ориентирами в мире политики»³ и являют собой фундаментальные психологические основания для идентификации. Политические ценности опосредуют восприятие России и формирование представлений о ней как стране и государстве: они «с одной стороны, влияют на субъективную оценку личностью различных элементов воспринимаемого объекта — границ, прошлого, настоящего и будущего, друзей и врагов России. С другой стороны, политические ценности определяют ожидания, предъявляемые российскими гражданами к этому объекту»⁴.

Политические ценности составляют смыслообразующее ядро, вокруг которого формируется система политических представлений моло-

¹ Евгеньева Т. В., Нечаев В. Д. Проблема формирования национально-государственной идентичности российских школьников. Анализ результатов исследования гражданской и национальной самоидентификации старшеклассников // Ценности и смыслы, 2014. № 1. С. 21.

² Титов В. В. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. М.: МАКС Пресс. 2012. С. 62.

³ Селезнева А. В. Методология исследования политических представлений и ценностей // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 2. С. 42–43.

⁴ Селезнева А. В. Политико-психологический подход к исследованию политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 58.

дежи. Считается, что наиболее значимыми ценностями, обладающими консолидирующим и идентификационным потенциалом, являются мир, законность, патриотизм, солидарность, гуманизм и демократия¹. Однако, в сознании молодежи они часто занимают периферийное положение. Например, в системе ценностей московских школьников доминируют базовые универсальные ценности — семья (20,5%), любовь (13,9%), творчество (16,4%), здоровье (9,8%) и мир (9,0%). Преобладание этих ценностей обусловлено, на наш взгляд, их общечеловеческой значимостью, а также возрастом и малым социальным опытом школьников. Данное обстоятельство представляется чрезвычайно важным, поскольку определяет задачу их постепенного формирования.

Е. Ю. Редькина
Москва

МЕХАНИЗМЫ КОНСОЦИАЦИИ В НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Проблемы современного мира, включающих в себя как неравенство доходов, так весь спектр межнациональных, религиозных или этнических конфликтов, в значительной степени определяют лицо этого мира и становятся предметом изучения социальных наук. Некоторые из этих проблем в большей степени характерны для развивающихся обществ с относительной недолгой историей самостоятельной государственности. Однако некоторые проблемы (наиболее важной из которых мы считаем проблему сообществ, разделенных этническими противоречиями) в равной степени характеризуют и развитые западные демократии, которые тем не менее предприняли удачную попытку выработать механизмы решения этих проблем и улаживания конфликтов на институциональном уровне. Традиционно вслед за Арендом Лейпхартом такие механизмы называются консоциативными.

Однако вопрос о возможности применения этих механизмов в недемократических странах, находящихся за пределами Европы, все еще остается открытым. Следуя идеям Лейпхарта, многие исследователи измеряли консоциализм с помощью переменной, описывающей наличие системы

¹ Селезнева А. В. Роль образовательных организаций в становлении национального и гражданского самосознания школьников // Ценности и смыслы. 2014. № 1.

пропорционального представительства¹. Однако подобное измерение не соответствует понятию «пропорциональность», которое Лейпхарт описывает как «метод распределения позиций государственной службы и дефицитных финансовых ресурсов в форме государственных субсидий среди различных сегментов»². К примеру, представительство этнических групп в государственной службе может иметь различные источники, а не только механизм пропорционального представительства.

В связи с этим, в данной работе будет предпринята попытка проанализировать разделенные сообщества, в которых этничность является политически значимой категорией. Среди других линий разделения в обществе, этническое разделение представляется наиболее сильным, поскольку провоцирует плохое обеспечение социальными благами³ и высокую вероятность возникновения гражданских войн на этнической почве⁴. Если этничность становится политически мобилизованной величиной, а легитимность правящих групп основывается на их этническом происхождении, то этнический национализм становится основой для насильственной борьбы за власть⁵. Актуальность данного исследования можно рассматривать как с теоретической, так и с прикладной точки зрения. С теоретической точки зрения, возможность приложения консоциативной теории для анализа недемократических режимов исследователями, в основном, не рассматривалась. Это обусловлено тем фактом, что теория консоциации изначально разрабатывалась для анализа европейских и неевропейских демократий. Однако необходимо отметить, что такой признак консоциативного сообщества, как большая коалиция, может также существовать и в авторитарных режимах. Разумеется, недемократические режимы характеризуются более низким уровнем включения этнических групп, чем демократии. Однако необходимо изучить как именно и в какой мере в недемократических режимах реализуется принцип этнического паритета, чтобы понять, способствует ли его применение стабильности некоторых автократий.

¹ Reynal-Querol M. Ethnicity, political systems, and civil wars // Journal of Conflict Resolution. 2002. Т. 46. № 1. P. 29–54.; Brancati D., Snyder J. L. Time to Kill The Impact of Election Timing on Postconflict Stability // Journal of Conflict Resolution. 2013. Т. 57. № 5. P. 822–853.; Schneider G., Wiesehomeier N. Rules that matter: Political institutions and the diversity-conflict nexus // Journal of Peace Research. 2008. Т. 45. № 2. P. 183–203.

² Lijphart A. Democracy in plural societies: A comparative exploration. Yale University Press, 1977. P. 38.

³ Alesina A., Baqir R., Easterly W. Redistributive public employment // Journal of Urban Economics. 2000. Т. 48. № 2. P. 219–241.

⁴ Buhaug H. Relative capability and rebel objective in civil war // Journal of Peace Research. 2006. Т. 43. № 6. С. 691–708.

⁵ Wimmer A. Nationalist exclusion and ethnic conflict: shadows of modernity. Cambridge University Press, 2002. 321 p.; Cederman L. E., Wimmer A., Min B. Why do ethnic groups rebel? New data and analysis // World Politics. 2010. Т. 62. № 1. С. 87–119.

С практической точки зрения, необходимо сформулировать конкретные механизмы, благодаря которым обеспечивается стабильность и мирное существование некоторых этнически сегментированных автократий. Хотя такой принцип консоциализма, как автономия сегментов, в недемократических режимах не выполняется, этничности получают представительство в органах исполнительной власти, которые могут быть различными институтами: королевской семьей, командующими армией или революционными советами¹. Таким образом, интересно посмотреть, является ли представительство этнических групп органами исполнительной власти в недемократических режимах механизмом, помогающим урегулировать межэтнические конфликты и сохранять стабильность режима, и возможно ли применение других консоциативных практик в данном случае. Целью данной работы является рассмотрение применения консоциативной теории в условиях функционирования недемократических режимов и выявление возникающих в связи с этим ограничений.

О. В. Репинская
Ростов-на-Дону

КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Отсутствие внутреннего душевного стержня как у отдельно взятого человека, так и в любой общности делает их уязвимыми перед негативными факторами различного рода. Упущения в области культурного, духовного развития нации могут усугубить центробежные тенденции в обществе и государстве. Социальная напряженность в подобных условиях может только усиливаться.

Рост социального неравенства в обществе все усугубляется, вопросы социальной справедливости выходят на первый план, их неразрешенность провоцирует конфликты, трансформирующиеся уже из социально-экономической в политическую плоскость.

После развала СССР на постсоветском пространстве активно стали внедряться западные идеалы, основанные на демократизации общества. Советское прошлое и практически все, что с ним связано, перелистывалось как постыдная страница истории. Прежние морально-этические ценности, причем как советские, так и российские вообще стали признаваться

¹ *Bormann N. C. Conditional Consociationalism: Electoral Systems and Grand Coalitions // Inequality, Grievances and Civil War workshop, Zurich, November. 2011. T. 4. P. 18.*

либо наивными, либо неприемлемыми, либо устаревшими. Даже приверженность большей части населения России традиционным семейным ценностям, продвинутыми западными «ценителями» трактуется как сексуальная отсталость России от ведущих стран как минимум на пятьдесят лет¹.

Духовные ориентиры, высокие моральные ценности россиян, тех, кто вне зависимости от концессий и национальностей много столетий мирно сосуществовали в общем для всех доме — России, их культура всегда были предметом восхищения в мире, служили своеобразными и уникальными канонами. После развала СССР особо остро встал вопрос формирования и выработки новой национальной государственной идентичности и обеспечения национального единства, пусть и с актуальными современными корректировками. Задачи эти до сих пор полностью не решены. Власть, прочувствовав разрушительные последствия первых кризисных десятилетий, когда после развала Союза культурная отрасль оказалась в забвении, зачастую предпринимала весьма спорные попытки восстановления духовных ориентиров. Поиск новой культурной идентичности иной раз граничит с абсурдом, и реально свидетельствует не только о духовной нищете, но и о по-сути первобытном примитивизме. Так явное негодование вызывает, например, выбор победителей 2010 г. Всероссийского конкурса «Инновация»². Подобная поддержка «передовой» молодежи не только не способствует развитию духовности, а скорее наоборот, ускоряет процессы социо-культурной деградации, способствует дезадаптации населения.

Указом Президента РФ Путина В. В. от 22 апреля 2013 г. № 375³, в России 2014 г. объявлен Годом культуры. Их итоги покажет время, вместе с тем, факт того, что на проблему в данной области обратило внимание высшее политическое руководство страны, свидетельствует о реальном осознании рисков и угроз с далеко идущими последствиями от невнимания к казалось бы не столь значимым аспектам существования государства и общества. Для выравнивания политико-социальной и экономической ситуации в России необходимы комплексные подходы, и культурный, далеко не последний.

Среди вербовщиков террористов зачастую используется религиозный фактор, при этом истинные исламские ценности перевираются, искажаются, порождая крайние радикальные течения.

¹ Подавляющее меньшинство. Специальный корреспондент. Мамонтов А. Телеканал Россия 1. 23:30. 18.06.2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.youtube.com/watch?v=mhtzMaA. Дата обращения: 03.07.2013.

² URL: www.migalki.org/forum/showthread.php. Дата обращения: 16.02.2013. URL: www.semerka.info/forum/viewtopic.php. Дата обращения: 16.02.2013.

³ Указ Президента РФ от 22.04.2013 года № 375 «О проведении в Российской Федерации Года культуры» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: kuglib.ru. Дата обращения: 17.05.2013.

Умышленные искажения истории, в том числе Великой Отечественной Войны, позволяют пополнять национал-фашистские группировки, вносить раскол между нациями, народностями.

Все эти факторы как стимуляторы террористической активности имеют тенденцию к наращиванию в современном обществе. Вопрос уже ставится, таким образом, когда количество имеет опасную тенденцию перерастания в качество.

Таким образом, противодействуя терроризму, как политико-социальному феномену, необходимо, прежде всего, устранять факторы-стимуляторы террористической активности, в том числе за счет подъема культурной отрасли.

В. Л. Римский
Москва

СОДЕЙСТВУЮТ ЛИ ОРГАНЫ ВЛАСТИ РОСТУ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И АГРЕССИВНОСТИ В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ?

Органы российской власти, как правило, описывают в законах и других нормативно-правовых актах те понимания и способы решений различных социальных проблем, которые соответствуют их бюрократическим пониманиям, основанным на содержании тех или иных документов, а также на решениях вышестоящих органов. Получается, что органы власти скорее не анализируют реальные социальные процессы и явления, а ориентируются на их модели, простые и понятные должностным лицам органов власти. Но эти простые модели нередко неадекватны высокому уровню сложности современных социальных процессов и явлений. А потому неадекватными для реальных решений имеющихся и постоянно возникающих социальных проблем являются те простые методы таких решений, которые на основании признаваемых ими моделей, предлагают органы власти. Чаще всего, в качестве таких методов решений социальных проблем современные российские органы власти вводят запреты, штрафы, усиливают те или иные наказания за неисполнение принятых ими решений. Но эти методы не включают позитивных способов решений социальных проблем, того, что необходимо для этого делать, а не только, что делать нельзя.

В результате запреты и наказания не решают социальных проблем, потому что не предоставляют для граждан и социальных групп легальные, закон-

ные способы их решений, таких, которые были бы удобны и реально исполнимы гражданами. Возникает противоречие: легальные решения социальных проблем предлагают нормы законов, издаваемые и применяемые органами власти, но эти нормы не позволяют реально эти проблемы решать. Это противоречие ведет к возникновению и росту чувства безысходности у большинства граждан, у большинства социальных групп российского социума. Чувство безысходности определяется осознанием того, что социальные проблемы не решаются, но существуют, более того, их с развитием страны, экономики, социальной сферы, государственного управления и политики, становится не меньше, а больше, они становятся не проще, а сложнее.

Чувство безысходности, как правило, сопровождается переживанием разнообразных чувств: социального одиночества, неустраиваемости в социуме, разочарований в жизни, личностных кризисов и других. При этом безысходность нередко оценивается как значимая проблема, которую невозможно решить, что, в свою очередь, приводит индивидов в депрессивные состояния.

Такая безысходность и соответствующее ей депрессивное состояние некоторыми индивидами переживается более или менее спокойно, как должное. Но активные граждане, чаще всего, не могут спокойно переживать безысходность и депрессивность своего состояния и состояния других социальных групп. Их понимание того, что от этих состояний вряд ли можно избавиться легальными, законными методами приводит таких активных граждан к желаниям менять социальную реальность иными методами. Некоторые из них в качестве таких методов используют погружение в личную или семейную жизнь, некоторые — уезжают из России в другие страны для временного или постоянного проживания, другие — пытаются изменить социальную реальность через свое участие в политике.

При этом практически во всех этих и других сферах своей социальной активности такие граждане стремятся разрушить, уничтожить те социальные объекты и условия, которые мешают им избавиться от безысходности своего состояния. Это стремление к разрушительности нередко реализуется в агрессивности в отношении к таким социальным объектам и условиям, фактически, к представителям чужих социальных групп, к незнакомым индивидам. Для индивидов такая агрессивность субъективно воспринимается как средство защиты от разрушения их личной и семейной жизни воздействиями окружающей социальной реальности.

Одновременно, распространение безысходности и депрессивных состояний в социуме способствует росту социальной напряженности в современной России, если социальную напряженность понимать как состояние взаимоотношений на разных уровнях — межличностном, межгрупповом, социетальном, т.е. на уровне всего социума, — характеризующегося необходимостью и одновременно невозможностью решений значимых социальных проблем, реализации значимых социальных потребностей.

Социальная напряженность, чаще всего, сопровождается ростом конфликтности в социуме, агрессивности в их разрешении, неудовлетворенности окружающей социальной реальностью. Поэтому длительное сохранение социальной напряженности существенно способствует развитию кризисных явлений в социуме.

Следовательно, органы власти в современной России, не обеспечивая решения значимых для граждан социальных проблем и способствуя росту в социуме безысходности и депрессивных состояний, во многом не препятствуют, а способствуют росту социальной напряженности и агрессивности в российском социуме.

А. И. Рогозарь
Москва

ОБРАЗ ВЛАСТИ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Успешное проведение Олимпиады, а также вхождение в состав России Республики Крым и города Севастополя повлияло на неуклонный рост оптимизма граждан в отношении правильности политического пути, выбранного властью. Об этом свидетельствовал и резкий рост рейтинга доверия россиян Президенту РФ. Однако с середины 2014 г. в связи с рядом новых экономических и социальных вызовов количество позитивно настроенных граждан постепенно начало уменьшаться. В данном контексте актуальным является вопрос о смысловых характеристиках образа власти, сформировавшегося в сознании россиян. Понимание ожиданий населения является одним из ключевых аспектов в выстраивании успешной внутренней политики.

В рамках исследования, проведенного кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова в октябре—ноябре 2014 г., респондентам был задан вопрос: «Как бы вы могли охарактеризовать власть в современной России?». (Научно-теоретической базой нашего исследования стали работы коллектива кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Е. Б. Шестопал)¹. В ходе качественного анализа

¹ См.: Образы российской власти: от Ельцина до Путина / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009; Психология политического восприятия в современной России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012; и др.

ответов и их группировки методом снежного кома нам удалось выявить смысловые компоненты образа власти, который сложился в сознании граждан (см. табл.).

Таблица

Основные параметры в оценках власти российскими гражданами

Авторитарная («единовластие»)	23,1
Сильная	11,5
Неэффективная	9,6
Эффективна	5,8
Стабильная	7,7
Нестабильная	3,8
Застой	5,8
Коррупция	5,8
Власть олигархов или групп	5,8
Ограничение прав, давление	5,8
Другое	15,4

Большая часть респондентов называет власть в России *авторитарной*, указывая на отсутствие политических игроков, которые могли бы составить конкуренцию Владимиру Путину. Примечательно, что «авторитаризм» в глазах опрашиваемых не является однозначно негативной характеристикой, тем не менее, наблюдается нарастание политической усталости граждан от «бессменного правления» одного человека и запрос на новых политических лидеров. Помимо этого, власть, по мнению респондентов, слишком отстранена от населения и не реагирует на его требования.

Кроме того, одним из значимых критериев оценки власти является *эффективность*. Негативные оценки в основном связаны с отсутствием изменений в лучшую сторону, неустойчивостью экономики к внешним влияниям и ее сырьевой зависимостью. Некоторые респонденты акцентируют внимание на профессиональных качествах политиков, считая, что те или иные должности достаются им из-за личных связей. Наблюдается также спад эйфории после присоединения Крыма: респонденты указывают на негативные последствия санкционной политики США и ЕС против России, а также рост цен на продовольствие и другие товары. Тем не менее, звучат и одобрительные отзывы в отношении общего политического курса страны («идем в правильном направлении», «общий подъем»).

Термин *«стабильность»*, довольно часто фигурировавший в ответах граждан и в другие годы президентства В. Путина, приобретает иное значе-

ние. Если несколько лет назад стабильность была синонимом благополучного развития, то сейчас ее часто расценивают как препятствие развитию. Часть респондентов оперирует понятием «застой», отмечая в первую очередь несменяемость власти в России.

Помимо этого, часто используемой характеристикой при описании власти является *сила*. Однако данный параметр выглядит довольно амбивалентно: с одной стороны, сила российской власти, по мнению опрошенных, заключается в проведении успешной внешней политики, но в то же время нерешенными остаются многие внутренние проблемы («коррупция», «низкий уровень жизни населения», «манипуляция законодательством», «власть бандитских клик», «контроль над СМИ» и т.д.), что препятствует однозначно позитивному восприятию силы власти.

В целом, качественный анализ ответов респондентов позволил выделить определенные смысловые блоки в восприятии образа власти на современном этапе. При том, что граждане считают власть достаточно сильной и способной поддерживать стабильную обстановку в стране, в обществе также присутствует запрос на новые лица в политике и большее внимание властей к социальным и экономическим проблемам.

А. Э. Руденкова
Москва

МОДЕЛИ ЛЕГИТИМНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В политологии дебаты относительно легитимности, как правило, разворачиваются вокруг конфликта демократического участия (легитимность «на входе» — *input legitimacy*) и направленности на результат / эффективность (легитимность «на выходе» — *output legitimacy*)¹. С одной стороны, стремление повысить легитимность на выходе может спровоцировать рост демократического дефицита из-за недостаточного участия граждан в процессе принятия решений. С другой стороны, излишнее внимание к легитимности на входе закономерно снижает эффективность проводимой политики, так как, *во-первых*, процесс принятия решений становится затянутым, *во-вторых*, выбор граждан не всегда согласуется с общим благом. Однако такая модель легитимности, которая накладывается на концепцию

политической системы Д. Истона¹, весьма ограничена и не способна объяснить процессы, происходящие внутри «черного ящика», то есть в самой многоуровневой политической системе Европейского союза (ЕС).

Другой взгляд на легитимность политической системы предложил немецкий социолог Н. Луман, последователь структурно-функциональной теории Т. Парсонса. Он выдвинул концепцию *процедурной легитимности*², согласно которой легитимность решений зависит не оттого, насколько они необходимы, корректны или справедливы в глазах тех, кого они затрагивают. Легитимность законодательных и судебных решений обеспечивается функциями процедур, которые предусмотрены системой. Самая важная функция — это улаживание конфликтов внутри общества, путем наделения противоречащих сторон специальным «оружием» (процедурами) для разрешения конфликтов. Как следствие, участие в конкретных процедурах (выборы, судебные тяжбы) в определенной роли свидетельствует о том, что все стороны принимают ожидаемый результат процедуры и расценивают его как легитимный и обязательный к исполнению³. Таким образом, процедуры сами по себе имеют легитимизирующую роль и обладают важной функцией поддержания стабильности политической системы. Луман полагал, что в правовой системе не столько результат, сколько сами процедуры являются центральным элементом легитимности⁴.

Взяв за основу разработки теоретиков немецкой школы, профессор Бостонского университета В. Шмидт, представила модель «сквозной» легитимности (*throughput legitimacy*), позаимствовав данное понятие из системных теорий и расширив концепцию Д. Истона. Взгляд на легитимность в таком ракурсе позволяет преодолеть противоречие между легитимностью «на входе — выходе». Введение промежуточного понятия сквозной легитимности проливает свет на то, что происходит внутри «черного ящика», на те процессы в политической системе, которые разворачиваются между легитимностью на входе и выходе. Концепция сквозной легитимности охватывает не только внутренние процессы, методы управления и систему комитологии ЕС, но и привлечение гражданского общества и групп интересов⁵.

Как отмечает В. Шмидт, сквозная легитимность основывается как на легитимности через участие («на входе»), так и на легитимности, ориентированной на эффективность решений («на выходе»), но при этом уделяется

¹ Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York: Wiley, 1965.

² Luhmann N. La Légitimation par la Procédure. Les Presses de l'Université Laval, 2001.

³ Luhmann N. A Sociological Theory of Law. London: Routledge, 1985.

⁴ Luhmann N. Law as a Social System. Oxford: Oxford University Press, 2004; Luhmann N. Trust and Power. Chichester: John Wiley and Sons, 1975.

⁵ Schmidt V. Democracy in Europe: The EU and National Politics. Oxford: Oxford University Press, 2006.

¹ Dahl R. A. A Democratic Dilemma: System Effectiveness versus Citizen Participation // Political Science Quarterly, 1994. No. 109(1). P. 23–34.

больше внимания качественному взаимодействию и процедурам. В соответствии с этим, сквозная легитимность определяется следующим:

1. Сквозная легитимность может быть соотнесена с демократической подотчетностью (то есть демократическими процедурами). В западноевропейской традиции это проявляется в иерархической структуре либеральных демократических политических систем, где муниципальный уровень власти подотчетен органам государственной власти и федеральным властям. Соблюдается принцип «те, кто действуют от лица других, обязаны действовать в их интересах».
2. Сквозная легитимность также соотносится с процедурами, ориентированными на результат, то есть эффективность становится превыше, чем поиски всеобщего одобрения. Если говорить точнее, происходит взвешивание затраченных усилий (время, деньги) и результата (эффективность исполнения).

Несмотря на то, что до сегодняшнего дня концепция сквозной легитимности не получала должного внимания в политологической литературе, она представляется наиболее перспективной в объяснении многомерных процессов политической системы ЕС, для которой вопрос легитимности в настоящий момент стоит довольно остро.

А. П. Рудницкая, К. В. Сагакова
Москва

ОБРАЗ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ МИРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В условиях современных требований и глобальных вызовов мировое развитие на протяжении более чем полувека символизирует собой интенсификацию всех общественных и государственных процессов, происходящих как в отдельных регионах, так и мире в целом.

На основе позитивных и негативных факторов развития глобальных процессов формируются определенные тенденции, создаются новые пространства, охватывающие различные сферы жизнедеятельности общества — экономическую, политическую, культурную, военную, социальную, сферы коммуникации и информатизации, которые оказывают непосред-

ственное влияние не только на развитие общества, государства в целом, но и на становление образа государства в современном мире.

С развитием процесса глобализации все сложнее становится государствам удерживать высокий уровень конкурентоспособности, не только в стремлении стать мировой державой, но и в стремлении быть самодостаточной и независимой страной. Стоит отметить, что формирование образа государства — это многоуровневый и длительный процесс, учитывающий особенности построения территориального пространства, комплекс политических и экономических факторов, вектор внешнеполитического развития и многое другое.

В этой связи представляется возможным также указать на важную роль СМИ в данном процессе. Средства массовой информации являются одним из основных компонентов политических механизмов формирования имиджа государства.

В зависимости от того, является ли образ позитивным или негативным, формируется внешнеполитическая концепция государства, а также анализируется развитие взаимоотношений с другими странами.

Подписанный договор стран Казахстана, Белоруссии и России о взаимном сотрудничестве в рамках организации ЕврАзЭС (Евразийский экономический союз), доказывает необходимость объединения в экономических и торговых отношениях стран бывшего СССР. Общий макроэкономический эффект от интеграции постсоветских стран может повлиять на экономические ресурсы стран ЕС и США. Для России это не шаг противопоставления или превосходства над этими странами, это политический инструмент повышения уровня качества жизни населения и решения последствий экономического кризиса.

Для повышения эффективности воздействия мягкой силы России на страны постсоветского пространства необходимо обращение к:

- общей истории и общей судьбе, которая объединяла их на протяжении столетий;
- общим традициям, которые сложились в эпоху совместной жизни в рамках единой многонациональной страны «пятнадцати республик»;
- общему духовному опыту и пережитым тяготам и страданиям в годы Великой Отечественной войны.

Несомненно, Россия подчеркивает уважение к статусу этих стран как суверенных независимых государств, уважение к их культуре и понимание специфических особенностей выбранных ими моделей развития.

Мягкая сила России может быть воспринята во всех дружественных и нейтральных странах, которых, например, немало в Африке. Особое внимание следует уделить Азиатско-Тихоокеанскому региону, куда сегодня смещается экономический центр, а также Латинской Америке.

Создание положительного образа России в ее границах и за пределами страны — задача потенциально разрешимая. Решение — не только в радикальных изменениях в стране, но и в долговременной, системной организационной и коммуникационной деятельности¹. Образ страны должен быть аргументирован и структурирован так, чтобы виртуальное воспринималось как реальность. Для эффективного использования в публикациях и мероприятиях, формирующих положительный бренд-имидж России, должна быть создана «система координат» — система четко определенных и удобных для целевого использования визуальных, вербальных и аудиальных решений. Информация, создающая бренд-имидж, обязана нести энергетический заряд, стимулировать мыслительный процесс, заставлять индивидуумов соотносить ее со своими нуждами и чаяниями, вовлекать их в заинтересованный диалог, деятельное участие.

В качестве рабочей формулы имиджа бренда «Россия» может быть принят следующий вариант: «Нужная миру, богатейшая по своим ресурсам, быстро набирающая силу и уникальная по своей культуре и возможностям евразийская страна, достойная понимания, уважения и плодотворного сотрудничества»². Однако вряд ли следует все возлагать только на государство. Общество также призвано заботиться, чтобы формируемая личность усвоила выработанную им совокупность требований и норм, восприняла основы накопленных мировоззренческих знаний. Механизм овладения ценностями культуры и гражданственности носит избирательный характер, отталкиваясь от особенностей, способностей, наклонностей и дарований каждой конкретной личности. Отношение к имиджу России обусловлено именно уровнем культуры, патриотизма, гражданственности.

Российское государство должно утвердить свою национальную идентичность в том числе через свою структуру. Необходима также совместимость внутренней системы с цивилизационной. Это означает поиск наиболее эффективных способов вовлечения граждан и увеличения степени влияния общественного мнения на политические решения. Поскольку Россия — крупнейшая и неоднородная по социальному и региональному составу страна, это сложная, но выполнимая задача.

¹ См.: *Безотосный И. А.* Факторы формирования и репрезентации позитивного имиджа России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/positivnyi-imidzh-rossii>. Дата обращения: 01.02.2015.

² *Рожков И. Я.* Проблема формирования сильного бренда «Россия» и технологии брендинга в ее решении // *Имидж государства / региона в современном информационном пространстве: материалы симпозиума 23–24 марта 2009 г.* / Отв. ред. А. Д. Кривоносов. СПб., 2010. С. 302–306.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РФ В ОБЛАСТИ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АВИАЦИОННОЙ ОТРАСЛИ

Уровень международной конкурентоспособности авиационной отрасли России сейчас далеко не по всем параметрам адекватен современным требованиям мирового авиарынка, не соответствует накопленному в стране научно-техническому потенциалу, масштабу трудовых и природных ресурсов. Повышение конкурентоспособности авиационной отрасли России становится одной из главных проблем, решение которой позволит не только повысить эффективность участия страны в международном разделении труда, но и правильно определить стратегические направления социально-экономического развития страны. Хотя отдельные сегменты этой важнейшей проблемы уже нашли свое отражение в ряде отраслевых программ и нормативных документах, достаточно острой остается потребность в разработке единой государственной стратегии повышения конкурентоспособности авиационной отрасли России.

В условиях обострения международной конкуренции государство должно создавать условия для повышения эффективности и конкурентоспособности авиационной отрасли России. Это достигается, в первую очередь, проведением сбалансированной макроэкономической политики. Прежде всего, это относится к показателям инфляции, дефицита бюджета, колебаний курса национальной валюты, безработицы, диспропорций во внешнем секторе. Должен быть найден оптимальный компромисс между темпами роста инвестиций в реальный сектор экономики (как основы экономического роста) и развитием социального сектора. Актуальность и острота этой проблемы обуславливает важность и необходимость усиления государством своей функции экономического регулирования, увеличения эффективности государственного управления как фактора экономического роста.

Повышение уровня конкурентоспособности авиационной отрасли России и совершенствование механизмов защиты интересов национальных авиапроизводителей и авиаперевозчиков должны стать важнейшими приоритетами государственной политики. Основные положения конкурентной стратегии развития авиационной отрасли России обеспечивают

АКЦИДЕНЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Детище современного мира — институт прав человека приобретает новую логику звучания. Однако, в научной среде не утихают дискуссии относительно того, чему отдавать в реальной жизни предпочтение: этнической или гражданской идентичности. Сторонники идей неолиберализма, утверждая превосходство индивидуализма, тем самым выступают против любого вида идентичности — этнической идентичности; коллективной идентичности; гендерной; социальной; сексуальной; антропологической¹ и т.д. Логическим продолжением этого процесса может стать отказ от идентичности человека², потому что человек — это коллективная идентичность, требующая взвешенных межэтнических отношений, способная обеспечить и «единство в многообразии» и «многообразие в единстве»³.

¹ В противовес позиции объективности идентичности некоторые американские социологи, опираясь на последние исследования палеонтологов, уходят от признания рас, разделения людей по этническим признакам или иным признакам. Основной тезис неолиберальной социологии: «нет рас — нет этничности — нет национальных меньшинств и национального большинства — нет проблем...», базируется на том, что конкуренция по показателю «богатство социальных функций» ведет к резкому снижению разнообразия этносоциальных видов (*примеч. автора*). (См. подробнее: Patterns of Change in the Plio-Pleistocene Carvinorans of Eastern Africa: Implications for Hominin Evolution. Margaret E. Lewis. Springer Verlag. 2007).

² Так некоторые политики объединенной Европы заявляют о полном провале своей национальной политики. «...европейский проект по созданию «мультикультуралистического общества», основанного на толерантности, гармонии культур, религий и наций, провалился...» — с таким заявлением на Мюнхенской конференции по безопасности выступил британский премьер Д. Кэмерон. См.: Чупина М. Европа собирается «задрать люки»? // Ежедневное интернет-радио «Голос России» от 8 февраля 2011 г.

³ Современная либеральная идеология дает право человеку самому определять свою идентичность или отказаться от нее, сочетаясь с множеством идентичностей, но тогда сама категория «идентичности» в таких условиях является чем-то вроде «никнэйма» в социальных сетях, где принадлежность к определенному этническому сообществу, его нормам, ценностям и культуре уже больше не важны. Так появляются «русские», ненавидящие все русское и прославляющие только западные ценности или «лица кавказкой национальности» (термин, который долгое время был предметом медийного и общественного дискурса — *примечание автора*), «забывающие» ценности своей культуры. Однако, при этом, «русский» не становится «британцем», получив паспорт гражданина Великобритании. Для них любая этническая идентичность является препятствием для превращения России в нормативное национальное государство и создания «единой политической российской

основу для оценки любой ситуации, связанной с конкуренцией. При этом успех международной стратегии повышения конкурентоспособности авиационной отрасли России во многом зависит от избранной концепции развития. Представляется, что здесь могут быть задействованы теоретические разработки ряда известных специалистов в области экономической деятельности компаний на локальных и международных рынках. В частности, целесообразно обратиться к работам авторитетного теоретика и эксперта по вопросам конкурентной стратегии и международной конкурентоспособности — М. Портера. По мнению М. Портера успех международной стратегии требует практической реализации двух концепций. Соответственно, первая будет связана с определением роли и места авиационной отрасли России в структуре конкурентного мирового авиарынка. В условиях расширения конкуренции в международных масштабах авиационная отрасль России должна стремиться поддерживать свою деятельность на самых разных рынках. В связи с этим международная стратегия должна быть основана на понимании того, как это влияет на конкурентное преимущество. Вторая концепция теории международной конкуренции связана с возможностью достижения конкурентного преимущества авиационной отрасли России с помощью координации деятельности за рубежом путем организации региональной или глобальной сети¹. Речь идет не только об авиаперевозках, но сервисном и техническом обслуживании авиапарка. При этом отсутствие общенациональных, региональных, отраслевых и корпоративных стратегий развития авиационной отрасли России сужает выбор приоритетов, формирование конкурентных преимуществ и конкурентных стратегий.

В условиях активизации процессов интеграции в мировую экономику стране придется столкнуться с обострением конкурентной борьбы как на внутреннем авиарынке, так и на мировых рынках авиатоваров и авиауслуг. В таких условиях концентрация усилий на укреплении позиций и повышении конкурентоспособности авиационной отрасли России требует немалых ресурсов.

Это касается создания и поддержания макроэкономических условий, способствующих развитию конкурентоспособности авиационной отрасли Украины, государственной поддержки авиационной отрасли России на мировом авиарынке. Этому могла бы эффективно способствовать общенациональная программа повышения конкурентоспособности авиационной отрасли, которая объединила бы наиболее существенные элементы государственной политики в различных секторах экономики страны и усилия частного авиабизнеса.

¹ Портер М. Конкуренция. М.: изд. дом «Вильямс». 2005. 608 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/19192641/>.

Российское общество, уникальное своим этническим разнообразием, накопило богатый опытом мирного сосуществования и сотрудничества народов и этносов, отличающихся по своей культуре, языку, расе, традициям, истории, религии, на века сохраняя этот цивилизационный багаж, поэтому, когда происходит глобальное насаждение гуманистически-либеральной толерантности и универсальности народов через «мультикультурную концепцию демократии», ставит вопросы этнического различия попросту акцидентальны¹.

Таким образом, в свете космополитических ценностей², которые навязывают для объединения народов России в своей значимости по сравнению

нации». Государства, где конституционно закреплено, и где происходит стирание всех видов идентичностей, традиций и культур для создания на месте исторического многообразия этносов, массы унифицированных сограждан, объединенных политической принадлежностью к государству, то есть гражданством. А. Дугин называет этот проект «этноцидом». Опасность этноцида в том, что он имеет как общероссийский, так и международный аспект, когда, например, внутри субъектов России, полноправные граждане Российской Федерации, представители «нетитульных этносов» превращаются в «граждан второго сорта». Доказательством этого является, не искоренившееся из российского общественного дискурса понятие «лицо кавказкой внешности». Любая националистическая идея разрушает не только единство страны, но является смертельной угрозой для тех этносов, которые националисты стремятся защищать, «поднять» их до уровня наций. Нация — это искусственный конструкт, созданный капитализирующей полномочия и ресурсы элитой и обслуживаемый интеллигенцией, которая мобилизует массы на строительство «национального проекта», используя весь свой интеллектуальный потенциал для мифологизации роли этноса в истории или исторической солидаризации для борьбы с «завоевателями». Национализм изобретает нацию, создает — симулякр, выхолащивая реальное содержание истории и культур этносов. Альтернатива либеральному «российскому национализму» и региональным национализмам лежит в придание этносам, но национально-территориальным образованиям, особого конституционно статуса (Дугин А. Г. О Десуверенизации республик, русской и якутской идентичности, великой идее и тотальном бесстыдстве элит / Статья от 19 декабря 2012 г.). Переход на принципиально новую модель российского федерализма — многоэтническая федерация, где — это та «цветущая сложность» о которой писал русский философ К. Леонтьев. «...межнациональное согласие — это не один раз достигнутое и на века предопределенное состояние общества. Это постоянная динамика, это кропотливая работа государства и общества, требующая взвешенной политики межэтнических отношений, способной обеспечить и «единство в многообразии» и «многообразие в единстве»...». (См. Глушкова Т. М. Боюсь, как бы история не оправдала меня // К. Н. Леонтьев. Цветущая сложность. М., 1992. С. 6–67.).

¹ Ослабление институтов национального государства (раскол нации на этнические общности, клерикализация и архаизация социальных структур и общественного сознания и т.д.), акцидентально с точки зрения глобализации, но детерминировано с точки зрения мультиполяризации или утраты монополии государства на власть. См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. М.: Мысль, 2010. С. 69.

² На фоне нарастания массовых этнопсихологических чувств россиян в последние годы, заметно проявляться этносциальная поляризации по оси «толерантность — права

с тем, что их разъединяет¹, вопрос сохранения этнической идентичности будет зависеть от того, насколько эффективно гражданская российскость будет сочетаться с этнической русскостью, татарскостью, башкирскостью, и т.д.²

И. А. Савченко
Егорьевск

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рассматривая законодательные способы противодействию терроризму, следует акцентировать внимание на комплексном характере этой деятельности, которая должна осуществляться во взаимодействии всех государственно-властных субъектов с общественными институтами. При этом, безусловно, необходима выработка реальных и эффективных мер по реа-

человека». Ключевыми в этой поляризации являются два вопроса. Вопрос об отношении к религии, вокруг которого власть пытается выстроить ценностную систему гражданско-го самосознания россиян и второй вопрос — демаркация понятия «права человека». Согласно Н. Луману общество представляет собой оперативно закрытую аутопойетическую систему, охватывающую, включающую в себя предыдущие уровни организации: системы интеракции, образованные коммуникациями между непосредственно присутствующими, и системы организации, основанные на формальных правилах членств. Общество описывает само себя, оно единственная «точка зрения» для себя самого, а потому должно включать описание этой точки зрения в само описание: «Совершенно очевидно, что общество является самоописывающимся объектом. Общественные теории являются теориями общества в обществе. Иначе говоря: понятие общества должно быть образовано автологично. Оно должно содержать и само себя». См. подробнее: Луман Н. Понятие общества. Проблемы теоретической социологии / СПб.: 1994. С. 25–42.

¹ Ignatieff M. Nationalism and Toleration // S. Mendus, ed. The Politics of Toleration. Edinburgh University Press, 1999. P. 83.

² Академик В. А. Тишков отмечал: «...ни в коем случае не надо из чувашей, русских, евреев, татар и других «делать новых людей», формировать единую российскую нацию. Причем под словом «единая» часто понимается «единственная». Это глубокое заблуждение. Чуваши, русские, евреи, татары, якуты — уже давно многонародная российская нация. Для них принадлежность к стране намного важнее, чем принадлежность к этнической группе. Кроме тех, кто болен этническим национализмом и отвергает российскость». См.: Тишков В. А. 20 лет российской этнополитики // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году: Ежегодный доклад Сети этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 9–12.

лизации такой деятельности, которую целесообразно осуществлять, как минимум, по трем направлениям.

Во-первых, в деле противостояния терроризму следует разрабатывать и внедрять направление технологий социально-экономического мониторинга¹, которые представляют собой процесс постоянного и непрерывного оперативного сбора, анализа и обобщения сведений о явлениях и процессах, оказывающих влияние на формирование и развитие оперативной обстановки в регионе, ее социальной и экономической составляющей.

При использовании мониторинговой формы исследования, как правило, проводятся обязательные ежемесячные (ежеквартальные) экспресс-опросы по наиболее актуальным проблемам, позволяя, таким образом, отследить происходящие изменения в оценках различных аспектов экстремизма и терроризма.

Во-вторых, в законодательные способы противодействию терроризму следует включить направление организационно-правовых технологий, которые обусловлены межведомственным взаимодействием и координацией; совершенствованием правового обеспечения системы профилактики ваххабизма; организационно-управленческим обеспечением превентивных мер противодействия экстремизму (терроризму).

Организация межведомственного взаимодействия с участием представителей Госдумы РФ целесообразно проводить при разработке и реализации в законе комплексных программ профилактики; на стадии регулирования в законе организации управления и координации взаимодействия в рамках региональной (местной) системы предупреждения проявлений терроризма; при совместном участии в разработке инфраструктуры ответственных за данную работу служб.

В указанном секторе, безусловно, с активным участием Госдумы РФ должны формироваться механизмы взаимодействия конфессий, этносов, народностей с представителями власти, общественности, науки и образования, а также внедряться средства, позволяющие уголовно-правовой норме выполнять возложенные на нее функции, включая повышение эффективности профилактических, оперативно-розыскных и специальных контртеррористических мероприятий.

Кроме того, целесообразно создать правовые основы для существования регионального законодательства в сфере противодействия терроризму, например, следует ускорить принятие федерального закона о принципах участия граждан России в охране общественного порядка, который позволит урегулировать следующие вопросы на региональном (местном) уровне.

В-третьих, в систему законодательного противодействия терроризму целесообразно включить направление информационно-воспитательных

¹ *Леонов В. М.* Профилактика экстремистских проявлений в молодежной среде // Вестник НАК РФ, 2012. № 1 (06). С. 23–27.

технологий, поскольку произошедшая научно-техническая революция имела не только позитивную сторону. Появились технологии воздействия и управления массовым сознанием и отдельными личностями (социумами) с использованием электронных средств коммуникаций.

В этой связи должна законодательно регламентироваться работа с воздействием как служб правоохранительных органов, уполномоченных на проведение оперативно-технических мероприятий, так и государственных и общественных организаций (объединений) и СМИ, осуществляющих в пределах компетенции информационно-пропагандистские мероприятия¹.

Кроме того, законодательные средства информационно-воспитательных технологий противодействия терроризму (экстремизму) должны охватывать механизмы эффективного межгосударственного и межпарламентского информационного взаимодействия; разработку технических, организационных и международно-правовых возможностей для внедрения принципиально новых решений, которые позволили бы в максимальной мере защитить Интернет от экстремистского содержания, не нанося при этом ущерба его полезному информационному контенту; средства минимизации чрезвычайно большого количества материалов, содержащих публичное оправдание терроризма и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, размещенных в сети Интернет, в первую очередь, на террористических Интернет-сайтах и Интернет-форумах; механизмы противодействия распространению террористической пропаганды в сети Интернет.

Д. Р. Сагатаева
Челябинск

РАЗВИТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ УСПЕШНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

На современном этапе, когда процессы глобализации пронизывают все сферы общественной жизни, становится труднее дать определение толерантности как качеству широкого масштаба. Ведь из рамок качеств,

¹ *Еремينا С. С., Мартыненко А. В., Надькин Т. Д., Подмарев Е. А.* Всероссийский молодежный Слет «Молодежь против терроризма, экстремизма и ксенофобии» в контексте формирования концепции информационной безопасности // Вестник НАК РФ, 2012. № 1 (06). С. 14–26.

присущих исключительно индивиду, оно выходит на глобальный уровень, когда объектом рассмотрения становятся отношения между целыми группами, этносами и нациями. В приоритет здесь возносится не просто мирное сосуществование с другими традициями и культурой, но также уважение и принятие чужого мнения¹.

В последнее время общественность все чаще обращается к проблеме толерантности. Заголовки ведущих изданий Европы бьют тревогу о проблеме гуманного отношения людей друг к другу, которая глубоко уходит корнями в историю. Возникшая еще в эпоху Просвещения относительно устойчивая этническая однородность европейских стран сохранялась несколько веков. Большая часть европейских стран — однонациональные, в которых подавляющая часть населения приходится на людей одной национальности. Так, именно в Европе впервые заговорили о толерантности как о значимом факторе «успешной социальной интеграции». Но какую картину мы видим сегодня?

Существует проблема негативного отношения к религиозному мировоззрению в целом. В последнее время нетерпимость и дискриминация в отношении христиан, наряду с антисемитизмом и исламофобией, все чаще становятся предметом обсуждения в международных организациях. «Гости» приносят с собой свои порядки и воспринимают любое сопротивление общественности принимающей страны как оскорбление и унижение их культурной самобытности². Показатели налицо — мусульманские мигранты составляют 85% тюремных заключенных в Бельгии и во Франции, в этих же странах растет число так называемых мусульманских поселений. Все усилия правительства потерпели крах. В итоге ситуация вышла из-под контроля: очаги социальной нестабильности вспыхивают в Европе все ярче.

В России также заметно напряжены социальная и межнациональная сферы. Усиливаются миграционные потоки из Средней Азии и Закавказья. В различных регионах вспыхивают выступления против ущемления прав русских³. Но проблема толерантности России абсолютно обратна европейской: как две цивилизации с разными в корне, исторически сложившимися традициями и менталитетом, Россия и Европа стоят перед лицом разных угроз, но общего — национального — масштаба. Если Европа сейчас пересматривает вопрос о толерантном отношении к мигрантам, то Россия пока находится на стадии поиска компромиссов и путей успешной

¹ Самохвалова В. И. О содержании понятия «толерантность», Журнальный клуб «Интелпрос» Философский журнал » № 1. 2008.

² Шрейдер Ю. А. «Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности»: пер. с англ. и фр. / Сост. Л. И. Василенко, В. Е. Ермолаева. М.: Прогресс, 1990.

³ Чудинова Е. «Похищение Европы. Исламизация и капкан толерантности». М.: Вече, 2012.

интеграции православной и мусульманской культур как на региональном, так и на национальном уровнях¹.

Хотелось бы привести несколько интересных точек зрения современников относительно толерантного отношения в обществе. Писатель Валерий Железнов в своей статье «Толерантность как орудие геноцида» («Самиздат») достаточно остро раскритиковал толерантность современного народа во всех ее проявлениях, называя ее главной причиной гибели прежде всего самих «терпящих», а не тех, кого терпят. Он также отмечает, что именно воспитание толерантности закладывает основы процветания в современном мире таких социальных изъянов, как коррупция и мошенничество в чиновничьем аппарате, необоснованное вмешательство и интервенция западных государств во внутренние дела стран с шаткой и неустойчивой экономической и политической структурой а также и упомянутое выше развитие исламского экстремизма². Современный российский философ и аналитик Владимир Вестник в своей книге «Правда обманутому человечеству» говорит о том, что нынешняя толерантность фактически представляет собой терпимость ко лжи и злу, называя ее «извращенной Западом». Автор подчеркивает также, что адекватная толерантность должна иметь четкие границы: она должна заканчиваться там, где начинается зло и ложь³.

Анализируя ход событий, хочется сделать вывод о том, что толерантность — достаточно важное «ограничение» в современном обществе, которое таковым и должно оставаться. Ядерная угроза, слепая ярость терроризма, а также растущая напряженность на политической арене должны заставить человечество осознать бессмысленность противоборства и признать право на существование множества культур и народов. Опыт Евросоюза, несомненно, бесценный урок, который должны извлечь для себя другие страны, в том числе и Россия, чтобы не повторять ошибок на пути своего развития.

¹ «Толерантность к себе и к другим», Фестиваль педагогических идей. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/528962/>.

² Железнов В. «Толерантность как орудие геноцида» («Самиздат», Размещен: 01/10/2013).

³ В. Вестник «Правда обманутому человечеству», М.: ЛитРес, 2014.

Д. Н. Салыков
Москва

ХАРАКТЕР РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВАЦИИ ЗА ПЕРИОД 2010–2015 ГГ.

Федеральный Закон Российской Федерации «О политических партиях» определяет их как общественные объединения, созданные с целью участия граждан РФ «в политической жизни общества посредством выражения их политической воли и участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, для представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления»¹.

В статье 3, пункте 2 этого же Закона политическим партиям вменяется в обязанность наличие не менее 500 членов в партиях, а также региональных отделений как минимум в половине субъектов РФ.

На конец 2014 г. зарегистрировано в Российской Федерации 77 политических партий и 60 действующих оргкомитетов².

Законодательные новации периода 2010–2015 гг. внесли заметные изменения в состав и количество российских партий: до 2011 г. их добавилось всего 7, с 2012 г. было зарегистрировано 43 новых партии, с 2013 — 19, с 2014 — 6, а вот в текущем 2015 г. — пока добавилось 2 партии. Это политические партии «Возрождение аграрной России» и «Свежий Взгляд России», которые Минюст России уже зарегистрировал, но они еще не обладают правом на участие в выборах³.

Федеральный закон, изданный 11.07.2001 «О политических партиях» отмечен Президентом РФ В. В. Путиным как первый закон в процессе «цивилизованного строительства политической структуры общества».

Федеральным законом, изданным 28.04.2009 № 75-ФЗ, еще больше ужесточались требования на приобретение статуса политической партии.

Жесткие требования к числу членов политических партий отразилось на общем их количестве в стране, — произошло резкое сокращение.

В 2010 г. с 1 января и включая 2012 г. — по 1 января Федеральным законом «О политических партиях» предусматривалось снижение требований

¹ Пункт 1 статьи 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях».

² Стенограмма презентации справочного издания «Политические партии в Российской Федерации. 2014 год» Вып. 3. М., 4 июня 2014 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cikrf.ru/politparty/sten_04062014.html.

³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [Избираем.ру \(http://izbiraem.ru/party\)](http://izbiraem.ru/party).

к числу членов политических партий. С 2010 г. требовалось вместо 50 тыс., 45 тыс. членов партий, а с 2012 г. это число составило 40 тыс., но это не дало желаемых результатов.

Дмитрием Медведевым был отмечен еще в 2009 г. в послании, обращенном Федеральному Собранию, низкий уровень общей политической культуры и активности российского населения. Им был предложен ряд инициатив для дальнейшего развития политической системы РФ. Им указана необходимость расширения в избиркомах представительства политических партий и предоставления партиям при необходимости досрочного права отзыва их представителей из комиссий¹.

Резкое изменение количества партий именно в 2011 г. можно объяснить их демократизацией после массовых акций протеста, проведенных в этот год.

Президентом РФ В. И. Путиным в Послании Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. демократия рассматривается как возможность выбора и контроля власти, для осуществления которой необходима добросовестная политическая конкуренция. Чтобы она стала благом для страны, нужен своеобразный свод правил конкуренции².

Федеральным законом Российской Федерации, вступившим в силу 4 апреля 2012 г., № 28-ФЗ были внесены изменения в Федеральный закон РФ «О политических партиях», значительно упростившие процедуру регистрации и создания политических партий, обязательной отчетности и последующей деятельности в целом³.

Рост политических партий к июлю 2012 г. привел к частой смене не только партийного, но и выборного законодательства. В решении Европейского суда по правам человека от 2011 г. в деле о Республиканской партии России отмечено, что постоянные изменения законов могут свидетельствовать о производимых в пользу правящей партии манипуляциях.

Проведение политической реформы 2012 г. имело побочный эффект возрождения бизнеса по созданию партий и их последующей перепродажи: упрощение порядка регистрации политических партий привело к их массовому созданию.

Итак, если исходить из того, что многопартийность в РФ — это принцип, закрепленный Конституцией, то нужно отметить и то, что он отражен и в изменениях, внесенных в 2012 г. Федеральным законом «О политиче-

¹ Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 22 декабря 2011 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru>.

² Послание Президента РФ В. И. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>.

³ Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2012 г. N 28-ФЗ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/04/04/partii-dok.html>.

ских партиях». В течение 2010–2015-го годов неоднократно отмечалось, что увеличение количества политических партий является путем к развитию здоровой конкуренции в политических силах и укреплению демократических институтов власти.

Н. А. Самохвалов
Балаково

УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время основные детерминанты, определяющие модернизация российского социума и государства ставят на повестку вопросы по продуктивной работе с молодежью, в контексте эффективной практической реализации федеральной, региональной и местной молодежной политики в Российской Федерации.

Государственная молодежная политика в России представляет собой структурированную совокупность мер юридического, административно-управленческого, экономико-финансового, научно-информационного, кадрового характера для разработки необходимых фундаментальных основ самореализации и саморазвития молодежи, целенаправленной поддержки молодежных инноваций и молодежных общественных организаций¹. В условиях трансформационно-глобализационных процессах мирового политического ландшафта именно молодежь призвана выступить основным проводником идеологии толерантности, развития российской культуры и укрепления межпоколенческих и межнациональных отношений.

Приоритетным индикатором, свидетельствующим о природе взаимоотношений молодежи с властными структурами, общественными организациями, СМИ является уровень поддержки молодежью той или иной структуры².

Эксперты считают, что молодежь большинством разделяет ценность приоритета личных интересов над общественными, и вольность, как клю-

чевую ценность. Условия толерантности к политическим оппонентам обращают к уровню политической культуры и не только отдельных социальных групп, но и всех граждан: к грамотной молодежной политике, профессиональной этике политических лидеров. Условия, от которых зависит уровень толерантности молодежи друг к другу, можно свести в целом к проблемам социальной политики государства, построению открытого диалога молодежи и власти, культурного и воспитательного уровня молодежи, социализации личности. Эти же условия определяют и отношения молодежи друг к другу (табл.)¹.

Таблица

Способы повышения уровня толерантности в молодежной среде

Институты государственной власти	%
социализация личности	31,6
повышение уровня жизни	63,2
социальная мобильность	21,1
повышение культурного уровня	10,5
повышение уровня воспитания	15,8
готовность власти к диалогу, открытость власти	57,9
повышение восприимчивости политической системы к инициативам молодежи	47,4
социализация личности	10,5
повышение уровня жизни	21,1
социальная мобильность	21,1
повышение культурного уровня	31,6
повышение уровня воспитания	31,6
готовность власти к диалогу, открытость власти	59,1
повышение восприимчивости политической системы к инициативам молодежи	26,3
социализация личности	44,4
повышение уровня жизни	26,3
социальная мобильность	26,3
повышение культурного уровня	68,4
повышение уровня воспитания	42,1

По результатам проведенного анализа мы с полной уверенностью можем констатировать тот факт, что уровень толерантности в молодежной среде находится на достаточно высоком уровне как в настоящий момент времени, так и на среднесрочную перспективу. Однако, не стоит забывать, что повышение как уровня толерантности молодежи, так и повышение степени ее политической культуры, а также уровня участия представите-

¹ Там же. С. 54.

¹ Самохвалов Н. А. Попытка концептуального осмысления государственной молодежной политики в Российской Федерации: проблемы и пути решения // European Social Science Journal. 2014. № 9. Т. 1. С.

² Беловицкая А. А., Соловьева Л. А., Зозуля А. В., Мунина О. В., Сайганова Е. В., Ситникова С. В., Арефьева Е. О., Марунова Т. Р. «Информация об основных результатах реализации молодежной политики в Саратовской области» / Под. ред. проф. С. Г. Ивченкова. Саратов: 2014. С. 53.

лей российской молодежи в политических процессах нашего государства не является естественным процессом развития, а, напротив, требуют обязательного вмешательства политико-социальных институтов. В большой степени молодежь нуждается в построении, действительно открытого диалога с властью на различных ее уровнях (федеральном, региональном и местном). Открытый диалог между молодежью и властью выступает по сути своего рода попыткой для уяснения и принятия для начала желания молодежи принимать активное и непосредственное участие в политических процессах, происходящих в их государстве а в последствие учитывать ориентиры, потребности и взгляды основной массы молодежи. Представляется, что это есть приоритетный способ избежания возможных реальных конфликтов и их профилактики.

А. В. Глухова
Воронеж

СОВРЕМЕННЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И ЕГО НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ

Современный этап мирового развития с трудом поддается выверенным определениям и точным дефинициям по причине исключительной сложности протекающих социально-экономических, политических и социокультурных процессов. Объяснительная модель глобализации — при всей неопределенности этого понятия — оказывается эвристически ценной, поскольку дает возможность воспринимать происходящее в неких концептуальных рамках, а именно учитывать взаимозависимость, неопределенность и беспокойство, порождаемые глобализацией как типичные характеристики современного мира. Возрастают риски непредвиденных вызовов и неожиданных решений. Под угрозой оказывается свобода — главное историческое достижение человечества. По словам Р. Дарендорфа, «рука об руку с глобализацией мы переживаем распад права и порядка, как в отдельной стране, так и повсеместно. Это могло бы стать определяющей темой нашего времени и является уже сегодня труднейшим экзаменом для всякой политики свободы»¹. Возникают факторы риска, с которыми еще никому и никогда не приходилось сталкиваться, затрагивающие людей независимо от того, где они находятся и к каким слоям общества — привилегированным или обездоленным — принадлежат. Они связаны с глобализацией — этим своеобразным «пакетом» перемен, протекающих

далеко не синхронно в различных областях, что лишь усиливает ощущение ускользающего порядка. Резко возросла эвристическая значимость категории «риск», связанной с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. По словам Э. Гидденса, риск как простое, на первый взгляд, понятие «является ключом к разгадке некоторых базовых характеристик мира, в котором мы сегодня живем»¹.

В XIX в. характеристику мира, столкнувшегося с похожими, но куда менее масштабными последствиями промышленной революции, ставшей прологом революции социальной, дал в своих работах К. Маркс. Одновременно он предложил в качестве методологического инструмента анализа тогдашних реалий прием *доминантного размежевания*, т.е. определение основного конфликта, характеризующего суть происходящих процессов. По общему признанию, как сторонников, так и оппонентов К. Маркса в прошлом и настоящем, доминантным размежеванием, т.е. основным конфликтом современного ему XIX в. был классовый конфликт между буржуазией и пролетариатом. При этом сохранялись и прочие конфликтные размежевания, включая религиозные, этнические, региональные и иные кливажи, однако основным был конфликт, детально исследованный К. Марксом. Разрешение последнего давало возможность, по мнению автора, овладеть будущим, освободиться от привычек и предрассудков прошлого и создать новое, принципиально иное общество.

В современных условиях разработанный К. Марксом методологический прием приобретает особое значение. Фиксируемая исследователями повышенная конфликтность на глобальном, региональном и — в ряде случаев — национальном уровнях не может не вселять тревогу. По мнению Э. Гидденса, главным сражением XXI в. станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью. Причина в том, что глобализация способствует возникновению стрессов и напряженности, затрагивающих традиционный образ жизни (семью, религию) и культуру в большинстве регионов мира. Мир рушащихся традиций порождает фундаментализм, адепты которого считают культурное разнообразие тревожным и опасным явлением. Идет ли речь о религии, этнической идентичности или национализме — они ищут прибежище в обновленной и «очищенной» традиции, а зачастую и в насилии.

Аналогичной точки зрения придерживался Р. Дарендорф. По его мнению, «национализм и фундаментализм — два великих соблазна современности; в конце XX в. они встают перед нами во всей своей красе»². Различая их умеренные и крайние (абсолютные) версии, ученый напоминал, что

¹ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004. С. 38.

² Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 68.

¹ Dahrendorf R. Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Vorlesungen zur Politik der Freiheit im 21. Jahrhundert. Muenchen: Verlag C. H. Beck oHG, 2003. S. 38.

последние противоречат всем элементам жизненных шансов и недвусмысленно вступают с ними в борьбу. Крайний национализм и воинствующий фундаментализм не терпят ни многообразия, ни автономии гражданского общества, не говоря уже об его цивилизности. Все права для них заслоняет религиозная или националистическая химера. А главное — они нисколько не заботятся об экономических последствиях своих действий, поэтому с ними нельзя бороться методами открытого общества¹.

Доминантное размежевание на глобальном уровне резонирует и в национальные «домены», порождая и в них противостояние между модерном и архаикой, демократией и различными разновидностями авторитаризма, открытостью внешнему миру и автаркией (режимом закрытого доступа). Стирание границ между внутренней и внешней политикой приводит к трансляции внутренних противоречий во внешнеполитическую сферу, отказу от сотрудничества и выбору конфронтации с окружающим миром в качестве технологии общенациональной консолидации и мобилизации. Сценарий возврата к временам «холодной войны» и риск прямого вооруженного столкновения перестает быть утопическим. Надежда Э. Гидденса на победу космополитической точки зрения, напрямую связанной с распространением демократии, сегодня звучит не столь уверенно, как полтора десятилетия назад. К тому же сама демократия нуждается в серьезном обновлении в соответствии с требованиями глобальной эпохи и защите от надвигающихся угроз.

Д. Г. Сельцер
Тамбов

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В МАЛЫХ ГОРОДАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ЭЛИТ

В 1991–2014 гг. руководство МСУ районно-городского звена формировалось посредством назначений (1991–1994/1996 гг.) и выборов (пять электоральных циклов: 1994–1996 гг.; 1998–2001 гг.; 2003–2005 гг.; 2006–2011 гг., с 2011 г.).

Период назначений. Б. Н. Ельцин не прибег к практике организации исполнительной власти через выборы. Президент назначал глав администраций регионов, а те назначали глав администраций городов и районов. Субрегиональную иерархию возглавила главным образом советская номенклатура (бывшие председатели гор- и райисполкомов). Они не казались

новой власти политически опасными. Это были в основном хозяйственники советской поры, ставшие председателями исполкомов Советов в ходе кампании 1990 г., когда председателями Советов на их организационных сессиях избирались первые секретари соответствующих комитетов КПСС. Доминирующий тип карьеры этих людей — *хозяйственник с опытом работы в советских органах*.

Первый электоральный цикл. В середине 1990 гг. были организованы первые в истории новой России выборы органов местного самоуправления — городских/районных Советов и глав администраций. Центральная власть была слаба и не укоренена в субрегионах. Победила хозяйственная номенклатура (директора заводов, строительных организаций и совхозов, председатели колхозов). Они накопили вполне определенные ресурсы, став собственниками предприятий, где прежде были директорами. Одновременно они выступали с резкой критикой Б. Н. Ельцина, его назначенцев в регионе и, особенно, собственном городе/районе, заручились поддержкой в тот момент влиятельной КПРФ и оттого победили. Доминирующий тип карьеры победителей первого электорального цикла — *хозяйственник советской поры*.

Второй электоральный цикл. На рубеже 1990–2000 гг. из-за спин элит советской карьеры (парт- и совработников, хозяйственников) вышли люди, в СССР не входившие в номенклатуру. В 1999–2000 гг. резко поменялась электоральная практика: на губернаторских выборах стали повсеместно проигрывать креатуры КПРФ. Неофиты объединялись в кланы и у руля регионального руководства ставили на своих. В субрегионах складывающиеся локальные сообщества ставили кого-нибудь из своего круга. На него возлагалась миссия бережения общих и частных интересов. Победителями второго электорального цикла стали *«вненоменклатурные хозяйственники»* — *самые богатые бизнесмены субрегиона*.

Третий электоральный цикл. Победу одержали «вненоменклатурные» хозяйственники и менеджеры — профессиональные муниципальные служащие, нанятые «вненоменклатурными» хозяйственниками. Последние — это, по сути, уже новая номенклатура, закрепившаяся в системе муниципального управления на профессиональной основе. Губернаторы к выбору местных кланов относились благосклонно. Победители третьего электорального цикла — *«вненоменклатурные хозяйственники»* и *менеджеры*.

Четвертый электоральный цикл. В ходе четвертого цикла произошли принципиальные политические изменения. Решенческая функция была «выдернута» из рук местных кланов и оказалась у руководителей регионов, прежде снисходительно и вполне терпимо относившихся к практике подбора локальными сообществами первых лиц субрегиона с их легализацией через выборы. Полагаем, «вертикаль власти» изменила условия бытования самих губернаторов, потребовав от них проявления вполне определенных мобилизационных качеств. *Во-первых*, им надо жестко и последовательно

¹ Дарендорф Р. Указ. соч. С. 69.

проводить решения Центра. *Во-вторых*, они обязаны обеспечивать победу В. В. Путина, Д. А. Медведева и «Единой России». *В-третьих*, в регионах «должно быть тихо». *В-четвертых*, они совместно с силовыми структурами должны исключить влияние неподконтрольных государству политических практик. В таких условиях губернаторы попросту обязаны достроить «властную вертикаль» до «малой формы» — субрегионов. Они не могут более полагаться на выбор местных кланов, у которых есть свои интересы, чаще всего не совпадающие ни с интересами дела, ни с буквой закона. Тип главы субрегиона этого периода — *региональный бизнесмен и силовик*.

Пятый электоральный цикл (процедурные назначения/выборы). Пятый электоральный цикл закрепил прежнюю тенденцию, но и добавил новую. С переходом на практику сити-менеджеров стали приниматься изменения в уставы городских округов и муниципальных районов. Сити-менеджер по объему контролируемых ресурсов выше главы представительного органа — главы муниципального образования. На эти позиции стали присылать креатур первых лиц регионов. Если в уставах субрегионов не предусмотрено такой возможности, то креатуры руководителей регионов обретают ключевые позиции по-прежнему через выборы. Досрочные отставки глав районов в последние годы — заурядная практика. После этого либо назначается сити-менеджер, присланный из региональной столицы, либо назначаются выборы, где побеждает варяг. Итак, новый руководитель — *любой варяг, близкий губернатору*.

А. В. Семенов, В. Д. Бедерсон
Пермь

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ИЗОМОРФИЗМ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛУЧАЕВ ПЕРМСКОГО КРАЯ И ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В данном докладе излагаются результаты исследования организационных форм гражданской активности на локальном уровне. Опираясь на социологический институционализм и организационную теорию социальных движений на примере Пермского края и Тюменской области мы пытаемся проанализировать факторы и динамику эволюции организационных

форм низового активизма, включая роль «институциональных предпринимателей» и организационных заимствований (изоморфизма). Эмпирическим материалом исследования служат интервью с лидерами и активистами гражданских (автономных от государства) объединений, документы объединений и сообщения СМИ, а также база данных протестных событий, собранная коллективом Центра сравнительных исторических и политических исследований (ПГНИУ). Данный проект также опирается на разработки ИК по институциональным исследованиям, в частности, разделение на гражданское участие и гражданское действие. Нас интересует, каким образом лидеры и активисты гражданских движений организуют коллективное действие на локальном уровне, в каком случае они полагаются на уже существующие организационные шаблоны, а в каких — выступают «институциональными предпринимателями». Другой вопрос исследования заключается в том, как организационные инновации закрепляются и воспроизводятся в дальнейшем, какие условия являются необходимыми и достаточными для институционализации гражданского действия.

Е. В. Сергеева
Саратов

РИСКИ ДЕЛИГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ «ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ» В РОССИИ

Современная демократия, как и ее исторические предшественники, это единственный режим власти, который строится на интерактивной основе, требующей постоянной двухсторонней связи между государством, политическими институтами и гражданским обществом. Коллегиальность, открытость и публичность обсуждения проблем общества, максимальный учет мнений заинтересованных групп общества в процессе принятия решения, четкое следование правовой норме создают главные основы для легитимации и нормального функционирования демократического строя. Все это требует тщательной организации, высоких ресурсных затрат, развитой политической и правовой культуры общества.

Одним из механизмов повышения легитимности власти сегодня считается использование информационных технологий и реализации идей «электронной демократии». В связи с этим на теоретическом уровне активно разрабатывается несколько взаимосвязанных концептов — «электронное

государство», «электронное правительство» и «электронная демократия». С нашей точки зрения, «электронная демократия» — понятие более широкое, определяющее характер взаимосвязей и отношений в политической системе на основе внедрения информационно-коммуникативных технологий, чем «электронное государство» и «электронное правительство», тогда как последние характеризуют механизм государственного управления и публичного администрирования. Электронная демократия, с нашей точки зрения, — это системная характеристика политической сферы, а электронное государство и правительство — институциональная. Оба этих концепта нельзя рассматривать как полностью разработанные и теоретически осмысленные по причине того, что развитие компьютерных и информационных технологий в политической сфере стало использоваться относительно недавно.

Развитие интернет-ресурсов и мобильной связи очень динамично, а возможности и риски их применения в сфере политики не являются на сегодняшний день абсолютно осознанными. Часть рисков потери доверия к политической власти носит чисто технологический характер. Они предопределены переходным периодом — многие ресурсы находятся в тестовом режиме, их возможности, достоинства и недостатки апробируются в онлайн-среде. В значительной мере они характерны для сервисов электронного правительства. Всевозможные технологические сбои и угроза компьютерной безопасности способны серьезно подорвать доверие граждан к разнообразным государственным онлайн-услугам и сервисам.

Следующая группа рисков связана с количеством людей, непосредственно имеющих доступ к данным сервисам и умеющих использовать их возможности. Задача ликвидации цифрового неравенства сегодня называется в качестве приоритетных, но пока она не решена, поэтому грамотно пользоваться данными сервисами для ряда социальных групп проблематично. При этом постоянная актуализация власти электронных сервисов и услуг, которыми не может пользоваться часть населения, усиливает фрустрацию в российском обществе.

Если проанализировать статистические данные по конкретным сайтам, можно увидеть, что большинство из них также не пользуется большой популярностью среди интернет-пользователей, активность проявляет лишь небольшое количество граждан. Можно предположить, что как и традиционными каналами обращения в органы государственной власти, так и информационными с максимальной эффективностью пользуется очень небольшое число наиболее активных граждан. С нашей точки, проблема участия граждан в политике имеет политико-культурный характер, обусловлена комплексом традиционных и конъюнктурных факторов. Решить ее посредством одних лишь информационных технологий невозможно, но разрушить определенные негативные стереотипы восприятия государственной власти с помощью интернет-ресурсов реально. Из-за незначительного количества

граждан, которые их используют, а также единичности реализуемых проектов и фрагментированности информационного пространства эти процессы носят периферийный характер и говорить о качественном обновлении системы взаимодействия между государством и обществом еще рано.

При этом как традиционное политическое участие, так и общественное обсуждение законопроектов, подача петиций, голосование в онлайн-режиме с ресурсной точки зрения весьма затратны для обывателя и требуют высокой компетенции, наличия свободного времени, заинтересованности и мотивации. С момента своего появления многие интернет-платформы вызвали волну энтузиазма, но впоследствии интерес к ним стал падать. Это явление можно обозначить как эффект усталания от всевозможных требований «лайкнуть», «кликнуть», «оценить», «проголосовать», «прокомментировать» и т.д.

Отдельно стоит рассмотреть особенности проведения онлайн-плебисцитов и обращений. Легитимация принятых решений посредством проведения электронных опросов выглядит сомнительной по причине нарушения ряда демократических принципов: абсолютной непрозрачности подсчета голосов, некомпетентности большинства граждан в принимаемых решениях, участия абсолютного меньшинства в данных опросах с учетом цифрового неравенства, невозможности учитывать позиции заинтересованного меньшинства и т.д.

Таким образом, использование данных опросов выглядит скорее как популистский шаг, нежели как действительно эффективная технология. Таким образом, на сегодняшний день электронная демократия в России — это демократия для избранных, которая действительно позволяет решать индивидуальные проблемы, но во многом недоступна для массового участия. Она более или менее эффективна в так называемых точках роста, а технологически, культурно и экономически развитых территориях России, поэтому на сегодняшний день можно говорить лишь о ее фрагментированном и локальном характере, и считать ее полноценным ресурсом по легитимации политической власти можно лишь отчасти.

У. И. Сересова
Москва

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАТРОНАТ КАК НЕЗАКОНЧЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА

В настоящей работе предлагается политологический взгляд на социальную политику по профилактике социального сиротства в России с по-

зиции *policy analysis*; рассмотрено также влияние политического режима¹ и политической идеологии на социальные реформы в России.

Публичная политика как наука предлагает процессуальный подход как методологическую модель изучения социальной политики². Политический процесс включает в себя: 1) идентификацию проблемы, 2) вынесение ее на повестку дня, 3) формулирование политических альтернатив, 4) выбор наилучшей и ее легитимация через превращение в закон, 5) реализация политики и 6) ее оценку.

В 1990–2000-е годы проблема социального сиротства решалась на основании Семейного Кодекса³ и закона о профилактике безнадзорности⁴. Уже здесь была ориентация на семейные формы устройства детей, что заметно в статистике уменьшения количества детских домов и увеличения численности усыновленных и переданных под опеку детей⁵. Однако вопрос о детях-сиротах был на периферии общественного внимания, в дискуссиях специалистов в области социальной работы, юриспруденции и педагогики.

«Детский» вопрос стал частью политической повестки дня осенью 2012 г. после принятия Госдумой законопроекта о социальном патронате⁶ (в первом чтении) и особенно т.н. «Закона Димы Яковлева»⁷ о запрете усыновления сирот в США и президентского указа о мерах по защите детей-сирот⁸. Законопроект предлагал перенести западный опыт размещения детей из проблемных семей в фостерных семьях или социальных учрежде-

¹ См. обзор: *Стародубцев А. В.* Социальные реформы в авторитарных режимах: state of art: Препринт М-33/13. СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2013. 20 с.

² *Dye Th. R.* Understanding Public Policy: 11th ed. Upper Saddle River, New Jersey, 2008. P. 14–15.

³ Семейный Кодекс № 223-ФЗ от 29.12.1995 г. (с доп. и изм.).

⁴ Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» № 120-ФЗ от 24.06.1999 г. (с доп. и изм.).

⁵ Интернатные учреждения для детей // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/i-obr1.htm; Устройство детей и подростков, оставшихся без попечения родителей // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/i-obr2.htm.

⁶ Законопроект № 42197-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления социального патроната и деятельности органов опеки и попечительства». В Москве как субъекте Российской Федерации действует Закон г. Москвы «Об организации опеки, попечительства и патронажа в г. Москве» №12 от 14.04.2010 г., статистика о ходе его реализации доступна.

⁷ Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» № 272-ФЗ от 28.12.2012 г.

⁸ Указ Президента РФ «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» № 1688-ФЗ от 28.12.2012 г.

ниях. Социальный патронат рассматривался как механизм контроля социально неблагополучных семей: государство «наказывает» «неправильных» родителей изъятием ребенка, а социальная защита начинает выполнять не «защитную», а контрольную функцию.

Наиболее спорной оказалась статья Законопроекта № 42197-6 о социальном патронате в отношении семьи, где родители «своими действиями (бездействием) создают условия, препятствующие нормальному воспитанию и развитию [ребенка], и (или) отрицательно влияют на его поведение, и при этом отсутствуют достаточные основания для ограничения или лишения родителей (одного из них) родительских прав».

Значимыми акторами в политическом протесте против реформы стали родительские общественные организации православно-консервативной направленности, которые консолидировались вокруг «Ассоциации родительских комитетов и сообществ». Они предлагают патерналистскую модель семейной политики — государство обеспечивает семью, а «проблемных» берут на поруки общественные организации. При этом в риторике этих родительских НКО наблюдается смешение идеологий: законопроект критикуется с позиций либеральной идеологии (невмешательство государства в частную жизнь), идеальным вариантом для семейной политики считается социал-демократическое социальное государство (по Г. Эспинг-Андерсену), пропагандируются консервативные семейные ценности (многодетность, борьба с абортами, религиозность). С одной стороны, развернута широкая протестная кампания против законопроекта, с другой стороны, именно этими же заинтересованными группами декларируется поддержка действующей политической элиты. Этот двойственный статус стал одним из важных факторов, предопределивших результат реформы. В. В. Путин заявил, что «ряд положений ... неоднозначны в трактовке, содержат явные социальные риски, и, главное, в них далеко не в полной мере учтены российские семейные традиции»¹. Либеральная оппозиция также критиковала власть за угрозы отобрать детей у матерей, открыто критикующих политический режим в России². Раздавалась критика социального патроната и в СМИ.

¹ В. Путин выступил на проходящем в Москве съезде родителей России. Стенограмма выступления В. В. Путина на съезде родителей России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17469>. Дата обращения: 09.02.2013.

² Один день — одно имя. Мария Баронова // Алексей Навальный [Блог]. 13 апреля 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://navalny.livejournal.com/788340.html>; Как ко мне приходили органы опеки // Мария Баронова [Блог]. 25 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ponny1.livejournal.com/702101.html>; *Егорова А., Полякова Е.* Кто пугает Евгению Чирикову // Радио «Свобода». 22 февраля 2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/2317245.html>; Маше Алехиной угрожают отнять ребенка // Ярослав Никитенко [Блог]. 16 марта 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://yaroslavn.livejournal.com/88751.html>.

ПРАВЫЙ СЕКТОР В ФРГ И ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ

В феврале 2013 г. в Госдуму был внесен новый законопроект, где под социальным патронатом подразумевалась «форма оказания патронатным воспитателем необходимой помощи ребенку [не семье!], в случае его признания в установленном порядке нуждающимся в государственной поддержке»¹. Однако, этот законопроект не дошел до стадии первого чтения. В январе 2014 г. первый законопроект во время второго чтения был отклонен и снят с дальнейшего рассмотрения «в связи с утратой актуальности»².

Таким образом, социальный патронат как целенаправленный политический курс находится на этапе формулировки политических альтернатив и легитимации через закон. Очевидно, что социальный патронат, вызвавший бурную общественную реакцию, не мог стать фактором, консолидирующим российское общество (что с точки зрения теории должно быть одной из важнейших функций социальной политики). А в случае его реализации — на федеральном уровне — мог стать угрозой легитимности политической власти. Тем не менее, зарубежный опыт рассматривает социальный патронат как эффективную технологию социальной работы с семьей. В 2013 г. он фактически был легитимирован в других формулировках виде социально-педагогических услуг для семей с детьми и их социального сопровождения³, а сам термин «социальный патронат» выведен за границы общественного дискурса.

В статье ставится цель проследить влияние и перспективы развития правого сектора в Германии и во Франции. В работе представлен сравнительный анализ идеологического развития и социальной базы правых организаций.

Деятельность движений рассматривается через призму возросшего значения правых течений в Европе, их электоральных успехов на местном, региональном, национальном и общеевропейском уровнях. В контексте новой роли правых сил в Европе автор анализирует актуальные вызовы для развития многонациональных государств ЕС.

Германия и Франция неизменно привлекают большое количество иммигрантов. При этом процесс их адаптации может быть довольно сложным, что в настоящее время не позволяет говорить об успешной реализации политики мультикультурализма. Принадлежа к странам, положившим начало евроинтеграции, Германия и Франция являются объектами пристального внимания, так как ход социально-политических процессов, происходящих в этих странах и связанных с мультикультурными аспектами, имеет особое значение. Быть может, от того насколько успешно эти страны смогут устранить препятствия гармоничному сосуществованию многонациональных и многоконфессиональных обществ, будет зависеть вера мировой общественности в возможность осуществления политики мультикультурализма. Несмотря на то, что толерантность и терпимое отношение к окружающим декларируются общепризнанными ценностями, некоторые европейцы скептически относятся к евроинтеграции и положительному потенциалу иммиграции в их страну, что находит отражение в формировании ряда политических партий и движений.

В виду фашистского режима Гитлера, который привел ко второй мировой войне и трагедии многих народов, публичное изложение правых идей в Германии находится за гранью приличия, а двусмысленные высказывания или неудачные шутки могут поставить крест на карьере политика. И при том, что в целом немецкое общество стесняется проявлений межнациональной нетерпимости, все равно есть правые партии и течения,

¹ Законопроект № 217944-6 «О патронате в Российской Федерации» от 07.02.2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=217944-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=217944-6).

² Заключение по проекту федерального закона № 42197-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления социального патроната и деятельности органов опеки и попечительства». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=42197-6&02>.

³ Ст. 21–22 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» № 442-ФЗ от 28.12.2013 г.

которые получают развитие. Более того, эти партии имеют определенное влияние на политический процесс. Национал-демократическая партия Германии, выступающая с позиций национал-социализма и пангерманизма, периодически преодолевает пятипроцентный барьер на некоторых региональных выборах и получает места в отдельных региональных парламентах.

В 2014 г. движение «ПЕГИДА» — «Патриотические европейцы против исламизации Запада», организовавшее ряд крупных манифестаций и шествий, институционализировалось в качестве партии. Несмотря на вызывающие плакаты, лозунги и резкие высказывания движение «ПЕГИДА» пытается завуалировать праворадикальные идеи и делает акцент на актуальных проблемах, вызванных исламизацией, нарушении иммигрантами миграционного и иного законодательства, необходимости перехода к другой модели иммиграционной политики. Численность демонстраций «ПЕГИДА» проиллюстрировала существенный потенциал недовольства, который ранее находился в латентном состоянии, но за последнее время выявил, какое большое количество людей обеспокоено иммиграционным вопросом.

Среди правых партий во Франции наиболее влиятельной силой является Национальный фронт, который с момента своего образования до настоящего времени значительно продвинулся в попытках скорректировать свой имидж в сторону более умеренной и терпимой партии. При этом партия, выступая за ужесточение требований при получении французского гражданства, сохранение французской культуры, протекционистскую политику, критическое отношение к евроинтеграции, объединяет внушительное число радикально-настроенных людей. И если в случае с «ПЕГИДА» правомерно лишь делать прогнозы о том, что это движение, обладая широкой социальной базой, может существенно влиять на политическую систему страны, то влияние Национального фронта — свершившийся факт. В 2002 г. на выборах президента Франции Жан-Мари Ле Пен вышел во второй тур, заручившись поддержкой более 16% населения. На президентских выборах 2012 г. нынешний лидер партии Марин Ле Пен набрала почти 20% голосов. Можно ожидать, что и на следующих выборах президента Марин Ле Пен пройдет во второй тур. На региональных выборах 2010 г. «Национальному фронту» удалось собрать около 2 млн голосов и получить представительство в ряде регионов. В результате последних выборов в Европарламент «Национальный фронт» сумел увеличить здесь свое присутствие в с 3 до 22 депутатов.

В итоге, рассмотрев наиболее влиятельные правые силы в Германии и Франции можно сделать выводы о том, что правые силы имеют довольно широкую социальную базу и, соответственно, потенциал для влияния на политическую систему страны. Исходя из этого, от полити-

ческих элит требуется ряд мер, призванных снять напряжение в обществе и обеспечить соблюдение интересов, как коренного населения, так и иммигрантов. Представляется, что достижение такого общественного консенсуса играет огромное морально-психологическое значение для граждан стран ЕС, для которых прозрачные границы и попытки создать подлинно единое и целостное европейское общество стали частью их жизни и менталитета.

*Н. А. Скобелина
Волгоград*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Успешность деятельности движений во многом зависит от того, какие возможности предоставляются им институциональной средой, формальными правилами, принятыми в данном обществе неформальными ограничениями, механизмом социального контроля. Преобразуя институциональное пространство, представители власти обозначают форму и поле деятельности общественным объединениям. Они меняют нормативную среду участникам, очерчивают область их прав и свобод. Правила игры, которые закрепляются в системе правовых норм, определяют движениям возможности развития. Общие нормы, регламентации подтверждают законный и легитимный характер деятельности движений. На их основе в процессе коммуникации происходит институционализация, которая напрямую зависит от формальных правил, регулирующих политическую систему. С помощью законодательных актов государство определяет возможности, согласно которым происходит становление движения и его формализация.

В ходе анализа сектора российских движений четко прослеживается их институциональная зависимость («зависимость от тропы»). Если в 1990-е гг. российские общественные движения и политические партии развивались по единым правилам и формальные ограничения способствовали развитию политического сектора движений, то с начала XXI в. их деятельность направляется в социальную сферу. В рамках теории «зависимости от тропы» этот факт можно интерпретировать как переход от политической на социальную тропу. В российском обществе в результате институциональных трансформаций замораживается развитие третьего сектора.

Например, принятие закона «О некоммерческих организациях» в 2006 г. способствовало усилению контроля над общественными организациями и движениями со стороны государства и снижению их активности. Это привело к закрытию 2,3 тыс. общественных организаций и движений по России в целом. Но с марта 2012 г., когда вступили в силу изменения в законе о политических партиях, появились новые институциональные условия, выдвигающие общественные движения с обочины политической жизни в самый ее центр.

Для эффективного функционирования необходим благоприятный политический контекст, в котором вынуждены действовать социальные субъекты. Под политическими возможностями автор понимает способность участников движений обладать ресурсами для эффективной общественно-политической деятельности. Политические возможности, которые предоставляются движениям российской институциональной средой, ограничены. В России активную деятельность ведут те движения, которые поддерживаются органами власти. Если объединение не имеет такой поддержки, оно, возникнув, завершает свой цикл существования. Отсутствие регулярного источника финансирования лишает общественные организации материальной базы, заставляет их руководителей тратить время на выбивание денег в ущерб благотворительности. Для эффективной деятельности они пытаются приобрести властную поддержку, что в определенных ситуациях ограничивает инициативу участников. Власть поддерживает объединения в выгодных для нее контекстах. В связи с тем, что современные объединения имеют неравные возможности для своего развития, по уровню институционализации следует выделить три группы российских общественных движений.

1. Движения, основанные на инициативе, идущей снизу, определяемые реальной общностью интересов людей, проводившие деятельность с целью решения актуальных проблем. Как правило, они не имеют достаточно ресурсов для эффективной деятельности («Гражданская инициатива», «Национальное единство», «Поволжье», «Россия молодая», «Оборона»).

2. В отдельную группу следует отнести движения, сформированные сверху, вокруг организационного ядра, с финансовой вербовкой сторонников, созданные определенными группами политических элит. Такие движения не нуждаются в ресурсах и имеют достаточно возможностей для достижения поставленной цели («Молодая гвардия», «Наши», «Молодежный центр ЛДПР», «Родина»).

3. Третью группу составляют объединения смешанного типа. Они организовываются как снизу, на основе гражданской инициативы, так и сверху, каким-либо политическим лидером. Движения ведут реальную деятельность благодаря грантам, выделенным государством (либо иными спонсорами). Деятельность участников направлена на актуализацию определенных проб-

лем, создание и реализацию социальных проектов. Однако она носит нерегулярный характер и зависима от внешних факторов («Деловая женщина», «Матери за социальную справедливость», «Боевое братство»).

Таким образом, одной группе российских движений институциональная среда предоставляет возможность для выживания и развития, а другие прекращают свою деятельность из-за неблагоприятных условий. В переходные этапы общественного развития, как это имеет место в современной России, особая роль в институционализации движений принадлежит органам власти. В такие периоды государство выступает в качестве главного актора реформационного процесса и модернизации общества в целом. Во многом процесс становления и развития движений зависит от усилий политической элиты.

Российское государство предоставляет общественным объединениям институциональный выбор, возможность конструировать социальные сети. Участники самостоятельно разрабатывают институциональные нормы (устав, программу, инструкции). В то же время движения, поддерживающие политический режим, получают ресурсы для эффективного функционирования, а другие объединения не имеют шансов для дальнейшей деятельности. Иными словами, развитие социальных сетей российских движений напрямую зависит от институциональной среды.

*Е. А. Слинько
Воронеж*

ФЕНОМЕН ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ УКРАИНЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Проблема правого радикализма на Украине связана с целым рядом противоречий, обусловленных объективными факторами.

В первую очередь, нужно рассмотреть исторический фактор, так как он является основополагающим и определяет природу украинского национализма. Феномен украинской нации не имеет единого содержания, и определяется в зависимости от контекста или конъюнктуры. В ходе исторического развития территория, на настоящий момент занимаемая Украиной, принадлежала целому ряду государств. Формирование нации на Левобережной Украине, в районе Запорожья и частично на Правобережной Украине произошло под воздействием казачества и национально-освободительной борьбы против Польши. Юг современной Украины находился в зоне влияния Османской империи, тогда как роль Речи Посполитой была

различна для разных регионов¹. Если Галиция входила в состав Польши с середины XIV в. до 1772 г., то значительная часть Украины окончательно присоединилась к Речи Посполитой лишь после Люблинской унии 1569 г.² Впоследствии, Левобережная, а затем и Правобережная Украина вошли в состав Российского государства, тогда как Галиция оставалась под контролем стран Запада вплоть до 1939 г. Украинская нация складывалась, таким образом, медленно, вследствие отсутствия у Украины политической независимости и опыта государственности, и в определенной степени искусственно, так как украинизация в Галиции поддерживалась империей Габсбургов, а советская украинизация — аппаратом управления СССР. Отсутствие единой консолидированной нации приводит к невозможности сформировать непротигоречивую националистическую политическую программу, отвечающую интересам широких слоев населения, что затрудняет работу праворадикальных партий.

Первый из рассмотренных факторов логически обуславливает следующие. Географическое положение, геополитическая ценность, этническое и конфессиональное разнообразие и специфический исторический опыт страны приводит к невозможности выбора внешнеполитического вектора. Для удовлетворения потребностей всего населения государство должно ориентироваться на страны Запада в той же степени, что и на Россию. Выбор пророссийского направления неизбежно приводит к всплеску националистических настроений в Галиции и к проявлениям правого экстремизма. Выбор западных ценностей, сделанный Украиной в 2014 г., привел к возрастанию сепаратистских настроений на юго-востоке страны.

Однако спектр крайне правых сил не ограничивается их разделением по территориальному и этнически-языковому признакам. Единой украинской нации не существует, что лишает радикальные силы Украины возможности выработать общую политическую идеологию. Крайне правые силы за годы независимости государства сосредотачивались в целом ряде партий, движений и группировок, которые не смогли заложить единую идеологическую платформу. Более того, многообразие групп правонационалистического спектра приводит к попыткам построения на их основе манипулятивных схем с целью использования угрозы радикализации политической системы страны в интересах правящих партий.

Отдельным дискуссионным вопросом современного украинского правого радикализма являются возможные последствия его доминирования на политической арене страны. За годы украинской независимости на-

ционалистические силы находились у власти после «оранжевой» революции 2004 г. до 2010–2012 гг. и вновь, начиная с 2014 г. В обоих указанных случаях внешняя политика Украины была направлена не на укрепление суверенитета, консолидацию украинского этноса и распространение национального влияния за пределы государства, а, напротив, на интеграцию в европейские структуры и признание решающей роли западных партнеров в определении политического курса страны. Таким образом, происходило ослабление государственной власти и «размывание» суверенитета, что приводило к закономерному обострению территориальных споров и претензий иностранных государств на части украинской территории. В 2008 г. Украина проиграла Румынии территориальный спор по поводу острова Змеиный, что привело к возрастанию румынских геополитических запросов. В 2014 г. Украина допустила потерю Крыма в пользу России. Из вышесказанного следует вывод, что занимая положение государственной идеологии, национализм не укрепляет, а ослабляет украинское государство и подрывает интересы всех этнических групп, проживающих на его территории.

Следовательно, феномен правого радикализма на Украине содержит ряд противоречий и нуждается в тщательном и всестороннем исследовании.

Н. А. Слук
Москва

«АРХИПЕЛАГ ГОРОДОВ» КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Зародившийся в 60–70-е гг. XX в. мир-системный подход существенно расширил горизонты в изучении социальной макроэволюции. В работах его основоположников отмечается главенствующая роль мирового хозяйства (МХ) как элемента Мир-Системы. МХ обычно определяется как: а) система международных экономических отношений; б) система секторов национального хозяйства, участвующих в международном разделении труда (МРТ), без учета степени их мирохозяйственной «открытости»; в) совокупность всех национальных экономик без учета степени «открытости» хозяйства страны и огромных размеров транснационализированных производительных сил, вынесенных за пределы государства¹.

¹ *Мироненко Н. С.* Введение в географию мирового хозяйства. (Международное разделение труда). М.: Аспект-пресс, 2006. М. 239 с.

¹ *Грушевский М.* Иллюстрированная история Украины с приложениями и дополнениями / Сост. И. И. Брояк, В. Ф. Верстюк. Донецк ООО ПКФ «БАО», 2004.

² *Rak K.* Federalism or Force: A Sixteenth-Century Project for Eastern and Central Europe. URL: <http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/106/261rak.html>. Дата обращения: 15.03.2015.

Глобализация и инновационное развитие глубоко изменили отраслевую структуру МХ, привели к сервисизации экономики. Доля сферы обращения и услуг в мировом ВВП уже превысила 67%. По прогнозам, к 2020 г. удельный вес отраслей промышленности в ВВП составит менее $\frac{1}{4}$ для развитых стран, и 30% в развивающихся странах¹. Преобразования отраслевого состава МХ привели к трансформации его пространственной структуры, которая все в большей степени приобретает анклавный характер. В МРТ вовлекаются выборочные ареалы и центры с выгодным ЭГП, институциональными и инфраструктурными преимуществами, высоким качеством трудовых ресурсов. МХ под влиянием транснационализации и глобализации строится на сетевых структурах, нивелирующих выраженную ранее пространственную иерархию. Соответственно, должны развиваться адекватные происходящим изменениям методологические подходы.

Ныне градоцентрическая концепция МХ² относится к числу инновационных, наиболее разработанных в географическом аспекте силами российских специалистов. Синтез результатов отечественных междисциплинарных исследований и последних достижений западных школ в изучении тенденций развития МХ и крупнейших городов дает целостное представление о закономерностях и существенных (структурных, функциональных, каузальных, генетических) взаимосвязях Мир-Системного и Мир-Городского развития в условиях углубления процесса глобализации. Концепция еще не имеет окончательно сложившихся рамок и полностью развернутой структуры, но сформулирована в целом ее фундаментальная теоретическая схема.

Главная идея концепции заключается в прогрессирующей пространственной организации МХ в форме т.н. «архипелага городов» и контролируемых его центров — глобальных городов, без разделения труда с промежуточными зонами, не участвующими в процессах глобализации. «Архипелаг городов» — это совокупность разных по людности, функциям, но тесно взаимодействующих в общепланетарном масштабе центров. Именно сетевой принцип строения обеспечивает возможность наиболее широкого охвата и полного доступа к информации в любой территориальной системе. Другой принцип экономического эффективного построения сетевых структур — соподчиненности — реализуется через концентрацию в ведущих глобальных городах властных функций и стратегического управления в сети. Образуется своего рода корпорация, по признакам соответствующая оли-

¹ Хесин Е. С. Меняющийся глобальный экономический ландшафт // География мирового развития. Вып. 2. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 22–43.

² Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, Н. А. Слуки. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 448 с.; Слука Н. А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Союз, 2005. 168 с.; Слука Н. А. Геодемографические феномены глобальных городов. М.-Смоленск: Ойкумена, 2009. 317 с.

гополистической системе. Итак, пространственной проекцией глобализационных процессов является обособление «архипелага городов» как опорно-узлового каркаса МХ.

Крупные города выступают как самостоятельные действующие лица на мировой арене. Как ядра сосредоточения геополитического, демоэкономического и социокультурного капитала планеты, инноваций и информации, они формируют современный «быстрый мир», простирающийся от системы ведущих центров Мировой Триады к узлам аккумуляции капитала и иных ресурсов в развивающихся странах. Быстрому миру противопоставлен «медленный мир» типичных сельских поселений, умирающих старопромышленных районов и трущоб, которые оторваны от культуры и стиля жизни передовых регионов мира. Но медленный мир не отделен от глобального влияния ведущих мировых центров¹. Складывается новая обстановка: все глобальные процессы осуществляются в малом мире, сформированном большими городами. Можно говорить если не о новой эре, то, по крайней мере, о начальной фазе формирования транснациональных урбанистических систем.

Д. К. Смагулова
Москва

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Со второй половины XX в. человечество часто сталкивается с такими понятиями как «глобализация» и «регионализация». Оба эти феномена представляют собой два противоположных формата, которые с одной стороны, являются взаимодополняющими, а с другой стороны, противоречащими друг другу. Для того, чтобы понять суть этих терминов необходимо раскрыть их специфику.

На сегодняшний день существуют различные трактовки в восприятии глобализации и регионализации, и как такового единого определения этих терминов не существует. Если начать с глобализации, то наиболее ясным объяснением этого понятия, на мой взгляд, является следующая трактовка: *глобализация* — это качественно определенный этап развертывания тенденции усиления взаимосвязанности и взаимозависимости стран друг от друга. *Регионализация*, в свою очередь, представляет собой — развитие, укрепление экономических, политических и иных связей между областями и государствами, входящих в один регион, возникновение региональ-

¹ Knox P. World cities and the organization of global space // GaWC Research Bulletin. 2002. № 32.

ных объединений государств. Как видно, эти два понятия с одной стороны противоречат друг другу, ввиду того, что глобализация представляет собой всеобъемлющий процесс, эгидой, которого является объединение всех государств в единое целое, т.е. взаимопроникновение и переплетение экономик, культур всех стран, а регионализация, наоборот, призывает государства объединяться по региональному принципу. Что касается, их общности, то здесь, пожалуй, нужно отметить, что регионализация является составным элементом глобализации. Глобализация усиливает и ускоряет процессы регионализации и как не парадоксально, оттягивает само скоротечное глобальное поглощение региональных объединений.

Несомненно, в настоящее время трудно представить, современное общество без признаков глобализации. Международные экономические отношения предусматривают активную поддержку многими странами разносторонних деловых связей друг с другом. Большинство из них имеют либеральный режим, они достаточно открыты и доступны для иностранных посетителей, как в плане прямого контакта, так и с использованием мировой интернет-паутины. Таким образом, люди становятся прямыми участниками глобальных явлений, охватывающими всю жизнь, центральным звеном которой, является экономическая интеграция. Вместе с тем существует ошибочное мнение, что глобализация и регионализация являются новыми феноменами. Если обратиться к истории, то из нее следует, что они существовали всегда, но, не в таких масштабах. Так, согласно утверждениям ученых—экономистов Комаренко Г. и Ефимова В., существуют следующие виды экономической глобализации: *вялотекущая* (до периода великих географических открытий); *медленно прогрессирующая* в форме межгосударственных отношений на основе развития мировой торговли и колонизации остальных стран (вплоть до середины XIX в.); *структурная*, связанная с переделом мира, сфер влияния, консолидацией и распадом противостоящих социально-экономических систем, их единоборством (до середины 80-х гг. XX в.); *последовательная*, выступающая уже как самостоятельный надгосударственный фактор. Примером регионализации является создание Ганзы — союза немецких свободных городов в XIII—XVII вв. в Северной Европе, для защиты торговли и купечества.

Развитие большинства национальных экономик не может ограничиваться масштабами одной или нескольких стран, что неизбежно влечет за собой глобальный пересмотр внешних экономических ориентиров. Зарубежный бизнес стремится найти себе новые рынки сбыта, источники сырья, кооперирует свои возможности с целью создания крупных транснациональных корпораций, завоевывающих себе место на различных континентах. Однако не стоит забывать, что глобализация таит в себе «подводные камни», т.к. подразумевает под собой ужесточение конкуренции. К примеру, если крупные компании или даже целые страны не смогут

приспособиться, к нынешним жестким обстоятельствам, находящимся на грани неприкрытого соперничества, то они с экономической точки зрения не получат ничего, за исключением огромных долгов и зависимости от более сильных конкурентов. Такую картину можно наблюдать в современном мире, когда развивающиеся страны становятся «сырьевыми придатками» наиболее развитых и передовых государств. Взять хотя бы республики постсоветского пространства, которые на протяжении более двух десятилетий никак «не вклинятся» в мировую экономическую систему как равноправные партнеры. Поэтому с их стороны, предпринимаются попытки создания региональных и субрегиональных интеграционных объединений. Например, создание Таможенного Союза (ТС) в ответ на Всемирную торговую организацию (ВТО).

Однако, у жесточайшей конкуренции, как известно, есть и свои плюсы: она заставляет людей совершенствоваться, развивать свои навыки, создавать какие-либо нано-технологии. Вследствие чего происходит модернизация производства и производственной деятельности, воспитываются и формируются высококвалифицированные кадры, внедряются новые навыки управления, выпускается конкурентоспособная продукция и повышается уровень жизни. Проблема в другом — как гармонично соблюсти столь непростое дифференцированное сосуществование.

Понятно, что глобализация не ограничивается сплошной экономикой являющейся фундаментальной основой для полноценного бытия. Она также охватывает и социальную сферу. Люди все активнее используют достижения международной коммуникации, в частности, глобальной сети, посредством которой имеют доступ почти ко всем уголкам планеты. Общаясь, они осуществляют не только информационные контакты, но обмениваются своими последними научными разработками и передовой методикой, знакомят с многогранной этнокультурой и народными традициями. Но не все так безоблачно. В силу развития новых коммуникационных средств и их доступности присутствует риск вымывания национальной идентичности государств, молодежь начинает забывать свои истоки и корни. Исходная традиционность порой становится немодной. На смену ей через ту же виртуальность насаждается «вестернизация» и «англизация» общества. Тупое подражание сменяется надменностью и вседозволенностью. Конечно, у иностранцев есть чему-то поучиться, но только тому, что не противоречит своей духовности и не искажает общечеловеческие ценности. Без них, в общем-то, трудно иметь идейную платформу для плодотворного экономического созидания.

Каждый человек, являясь носителем своей определенной этнокультуры, должен бережно хранить и развивать свои национальные особенности. Ведь глобализация формируется не спонтанно, а из мельчайших элементов такого огромного и многогранного мира с его экономической, политиче-

ской составляющей, а также культурным разнообразием. Другое дело, что в самой системе глобализации постоянно присутствует борьба за сферы влияния в ней. Одна группа транснациональных компаний или же межгосударственных блоков стремится занять лидирующие позиции с одной лишь единственной целью — утвердить монополию на распределение мировых ресурсов и диктат своих корпоративных желаний другим участникам экономико-политического и гуманитарного процесса. Опять же для извлечения большей выгоды и получения соответствующих дивидендов. Отсюда противоречия, кризисные явления, изоляция и даже настоящие вооруженные конфликты.

В этой связи становится очевидным то, что навязываемая глобализация, прежде чем добьется тотального триумфа, неминуемо столкнется с региональным сопротивлением. И не факт, что в этом противостоянии у сторонников глобализации появятся безоговорочное преимущество перед «регионалистами». Заметим, что последние тоже отвергают изолированность и также как «глобалисты» создают свои региональные объединения, формируемые вне рамок пресловутой глобальной концепции «золотого миллиарда». Как показывает жизнь, приверженцев у региональной интеграции все-таки значительно больше, поскольку сегодня — это оптимальный путь далеко неоднородного мирового социально-экономического развития. Избежать всеобщей деградации, которую способны спровоцировать именно «глобалисты», для «зачистки» своего жизненного пространства и утверждения своей единоличной монополии, покаудается за счет существования таких наднациональных образований как СНГ, ЕС, АТЭС, БРИК, ШОС, ОДКБ и другие. А недавнее появление Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС) лишь подтверждает необратимость наличия альтернативной интеграции.

Консолидируя свои возможности, региональные новообразования пытаются наладить действенный комплексный механизм по производству высококачественных товаров и услуг, новейших технологий, создание общего рынка сбыта с учетом насущных потребностей. Особое место в их программных документах отводится сохранению историко-культурного наследия и экологии. При этом образуя такие объединения в ответ на агрессивную глобализацию, «регионалисты» одновременно осознают, что волей-неволей являются составными элементами глобализирующего мира, поскольку все равно, они вступают в широкомасштабные политико-экономические отношения с субъектами иной формации.

Сложный характер взаимодействия этих процессов часто вызывают у исследователей различные их оценки. Так, некоторые считают, что глобализация и регионализация — явные антогонисты, находящиеся в непримиримой конфронтации. По мнению других, наоборот, они взаимодополняют друг друга и являются единым целым. Если рассмотреть подробнее

эти две точки зрения, то согласно, первому утверждению, глобализация создается для стирания внешних границ, а регионализация, в противовес — этому, более того, они полагают, что глобализация является порождением регионализации, только более совершенным. И, по всей видимости, они недалеки от истины.

Судите сами, «глобалисты» отличаются своей нетерпимостью и стремятся форсировать этапы своего доминирования во времени и пространстве. При этом они не считаются ни со здоровой диалектикой, ни с устоявшимися тысячелетними традиционными ценностями человеческой цивилизации, ни с желанием большинства землян жить в соответствии с имеющимся арсеналом духовных и материальных средств, достаточных для приемлемой производственно-потребительской размеренной жизни. В отличие от них, «регионалисты» отстаивают свое право на региональное и межрегиональное развитие в границах территориальной актуальности и исторической общности. Так как понимают, что конечная цель «глобалистов» — однополярный мир с искаженными представлениями о достоинстве, справедливости и гуманности. И то, как это происходит сейчас в различных частях земного шара, видно воочию. Разве глобализация формируется из не откуда? Отнюдь. Она сплошь и рядом будет сформирована из региональных фрагментов, но только после добровольного изъявления его коренных обитателей через естественное осознание необратимости глобализации как таковой.

Может быть, это покажется кому-то странным, но наличие глобализации и регионализации, стимулирует обоюдное развитие двух разных явлений, функционирующих в одном, к счастью, современном многополярном мире. Отчего человечество движется все-таки по пути прогресса. Идет монотонное интегрирование друг друга с сохранением определенного баланса интересов. Поскольку без отсутствия кого-либо из них это было бы невозможно. Без регионализации ритм жизни в условиях глобализации напоминал бы лицу с лабиринтами, где имеется лишь одно хаотичное одностороннее движение без конечного пункта назначения.

Резюмируя данную тему, можно сделать следующие выводы:

- У глобализации и регионализации есть определенные различия, заключающиеся в масштабах охвата границ.
- Схожесть их заключается в эффективном достижении высоких результатов.
- Глобализация и регионализация, несмотря на определенные противоречия, взаимодополняют друг друга и являются отдельными элементами единого целого.

Завершить свои рассуждения, хотелось бы словами известного датского физика Н. Бора: «Противоположности — не противоречия, они — дополнения».

Р. Г. Смирнов
Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Практические правовые и организационные последствия использования политического права, в том числе:

- отказ в регистрации кандидату;
- отмена регистрации кандидата;
- необходимость отбиваться от активных юридических атак оппонентов в судах, прокуратуре, полиции, причем, силами значительной части избирательного штаба;
- невозможность ведения своей активной юридической наступательной стратегии;
- невозможность получения оперативной и проверенной информации;
- необходимость дополнительных затрат на повторное выдвижение и регистрацию, повторный сбор подписей, повторное изготовление агитационных материалов, ведение специального избирательного счета;
- снижение эффективности взаимодействия с избирательной комиссией;
- снижение контроля дня голосования.

Сложность работы с постоянно меняющимся избирательным законодательством, нестабильность судебной практикой и правоприменения, значительное количество подзаконных нормативных актов, сжатые сроки ведения избирательной кампании, большое количество отраслей права, используемых в рамках избирательной кампании.

В избирательной кампании стоит вопрос о выживании кандидата, о возможности участия в избирательной кампании от а до я, а не отмены его регистрации или отказа в регистрации на первой же стадии.

Примеры снятия кандидата в электоральный цикл 2014 г.:

- сокрытие сведений о судимости;
- незаконное использование партийной символики, как объекта авторского права;
- нарушение порядка финансирования сбора подписей;
- нарушение порядка оформления выхода из партии и т.д.

Примером роковой невнимательности может послужить ситуация с бывшим губернатором одного из регионов, который в комиссию представил документы, подтверждающие лишь неплную оплату подписных листов. В дальнейшем им был привлечен хороший, процессуально подготовленный адвокат, который, при всем желании, мало что мог сделать, при существующей фактуре и против хорошего политического юриста. Соответственно ему было отказано в регистрации.

Аналогичная ситуация возникла и в близлежащем регионе, где только электоральный юрист, приглашенный в последний момент, несмотря на проигранные до его приглашения суды, смог развернуть ситуацию в свою пользу, совершенно неожиданно для оппонентов и выборы прошли совсем не так как ожидал оппонент.

Но это скорее исключение из практики, чем практика. Чем меньше у конкретного специалиста остается времени для анализа ситуации и поиска оптимального из нее выхода — тем меньше возможности ее оперативно и качественно решить.

Характерным примером грамотного использования сроков могут послужить те примеры, где электоральные юристы работают, не с ситуацией созданной оппонентами, а готовят ее задолго до этого. Например, используя все богатство арсенала законотворческой деятельности, в том числе создавая лакуны, новеллы, неточности, с целью внедрения в нормативный акт массы «мин» и «ловушек» на пути оппонента.

Изготовление и распространение агитационных печатных материалов с использованием объектов авторского права так же получило новые толкования в судебной практике. Это связано, в том числе, с активным использованием международно-правовых актов, изменением состава коллегии Верховного суда и иными факторами. Возникают такие ситуации, когда заявителю совсем не обязательно доказывать свои права на объект авторского права, достаточно сослаться на общедоступный авторитетный источник, где эта информация имеется и доказать отсутствие у другой стороны согласия на использования объекта авторского права.

Надо понимать, что примеры приведенные мной — это лишь отдельные случаи. Примеров отказа/отмены регистрации значительно больше и каждый электоральный цикл приносит с собой новые, интересные основания и новую практику.

Безусловно, находиться в позиции той стороны которая нападает на оппонента, а не защищается значительно приятнее и эффективнее, да и на кампанию остается больше сил, времени и финансов.

И, как показывает практика, статус действующего губернатора и члена ЕР тоже не является спасением от атак профессионалов. Политическая конъюнктура быстро меняется и, если у Вас нет надежного тыла в лице политического юриста, Ваши шансы добиться желаемого

кресла снижаются пропорционально креативности электорального юриста оппонента.

Очередной электоральный цикл лишь подтвердил наметившуюся более 10 лет назад тенденцию усиления роли электорального юриста в сопровождении избирательной кампании, связанную с использованием практики систематического изменения избирательного законодательства перед самой датой назначения очередных выборов.

В наше время, в нашей стране бывают такие ситуации, когда выборы выигрывают только благодаря юридическим инструментам и все меньше становится случаев, когда их можно выиграть без надежной юридической защиты и нападения.

*Д. А. Сорокина
Санкт-Петербург*

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В РОССИИ

Для наиболее эффективного решения возникающих проблем важным инструментом дипломатической деятельности является публичная дипломатия. С развитием межгосударственных отношений в XXI в. публичная дипломатия, наряду с традиционной, приобретает особое значение как инструмент, который на сегодняшний день используют множество государств с целью продвижения благоприятного имиджа и реализации своих интересов.

Становление и развитие публичной дипломатии России происходит в условиях постоянных изменений на мировой арене, с учетом происходящих процессов и изменений в инструментальной составляющей дипломатии.

В период 2004/2005 г., когда Россия в рейтинге «Индекса национальных брендов» С. Анхольта заняла предпоследнее место среди оцениваемых стран¹, началось оформление полноценной и эффективной публичной дипломатии в России.

Основополагающими документами, декларирующими необходимость развития сферы публичной дипломатии в России, являются: Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г.², Концепция внешней

¹ Anholt Nation Brands Index Q2 2005 // Публикации Саймона Анхольта. URL: <http://www.simonanholt.com/Publications/publications-other-articles.aspx>. Дата обращения: 10.05.2014.

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 г. // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/785>. Дата обращения: 18.12.2013.

политики Российской Федерации 2013 г.¹, Стратегия национальной безопасности до 2020 г.², Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.³, Концепция федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 гг.)», «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества»⁴, Государственная программа Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность»⁵.

В последние годы на государственном уровне произошло осознание проблематики развития внешнеполитической деятельности с применением публичной дипломатии и стали предприниматься конкретные шаги для эффективного продвижения деятельности в данном направлении. Проекты реализации публичной дипломатии по формированию благоприятного имиджа России задействуют различные сферы деятельности государства, привлекают к своей деятельности различные организации, разнообразные слои гражданского общества и региональные власти.

Развитие публичной дипломатии Российской Федерации включает в себя создание различных структур, направленных на применение инструментов публичной дипломатии и осуществление ее функций, а также расширение деятельности уже существующих структур. Среди крупнейших организаций, задействованных в сфере публичной дипломатии, следует выделить Российский совет по международным делам; Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество); Фонд «Русский мир»; Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова. Кроме того, важной частью деятельности является успешное осуществление медиа-проектов, таких

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. // Сайт МИД РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F. Дата обращения: 18.12.2013.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (от 12 мая 2009 г.) // Сайт Совета Безопасности РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/99.html>. Дата обращения: 18.12.2013.

³ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ifar.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>. Дата обращения: 18.12.2013.

⁴ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества от 18 декабря 2010 года // Официальный сайт МИД РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/fd3aa5ccb0c5f96b442579ec004ec849!OpenDocument>. Дата обращения: 18.12.2013.

⁵ Государственная программа «Внешнеполитическая деятельность» от 15 апреля 2014 года // Сайт МИД РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/activity.nsf/f0db584a1b1a32b54425793b004185a0/44257b100055db3244257cc90040cc14!OpenDocument>. Дата обращения: 30.05.2014.

как «Валдайский дискуссионный клуб», канал *Russia Today* (и интернет-портал RT.com) и Международное информационное агентство «Россия сегодня» (ФГУП МИА «Россия сегодня»), заменившее ФГУМ РАМИ «РИА Новости».

Инструменты публичной дипломатии Российской Федерации отличаются широким охватом различных сфер деятельности и многообразием. Они охватывают различные сферы общественной жизни и нацелены на различных получателей информации — от общества зарубежных стран до ее элиты. Тем не менее, многие из подобных инструментов реализуются не в полной мере эффективно, что говорит о необходимости поддержки и развития структур публичной дипломатии как со стороны государства, так и со стороны внесударственных акторов, заинтересованных в успешности страны на мировой арене и ее положительном имидже.

П. А. Софронов
Якутск

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

Малочисленные народы обладают особым конституционным статусом защиты своих прав для сохранения собственного этноса. Согласно статье 1 Федерального закона от 20.07.2000 г. №104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» общины малочисленных народов создаются в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры.

Таким образом, для реализации своих прав представителям малочисленных народов необходимо создавать общины — некоммерческие организации с правами юридических лиц. Правовой статус таких организаций определен в статье 6.1 Федерального закона от 12.01.1996 г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Статья была введена Федеральным законом от 01.12.2007 № 300-ФЗ в целях устранения пробела в определении правового статуса общин.

На начало 2015 г. в Якутии насчитывалось 138 кочевых родовых общин (данные Управления Министерства юстиции РФ по РС(Я)). В 2013 г. их было 119, на начало 2014 г. — 134. Как видно, число общин растет.

В экономике одним из стратегических планов является масштабное промышленное освоение районов Арктики. Северные районы Якутии богаты месторождениями алмазов, золота, олова и других полезных ископаемых. В 2014 г. в России принята программа развития промышленности редкоземельных металлов¹. В Правительстве делают ставку на уникальное сверхкрупное Томторское месторождение редкоземельных металлов, которое расположено в Оленекском национальном эвенкийском районе.

Важным шагом в сохранении малочисленных народов станет их политическая социализация. Именно усиление деятельности институтов политической социализации должно стать толчком в развитии политического самосознания и политической активности представителей малочисленных этносов, которые находятся в более уязвимом положении.

В работе А. В. Мудрик «Социализация и смутное время» рассматриваются работы таких ученых, как И. С. Кон и М. Мид, где приводятся три группы факторов, влияющих на политическую социализацию личности, его интеграцию в общество².

Мезофакторы — этнокультурные условия, этнос и тип поселения. Более 65% малочисленных народов России проживают в сельской местности, где нет круглогодичных дорог, ограниченный доступ к СМИ, отсутствие Интернета. Традиционный образ жизни, порой кочевой, низкая адаптивность этноса к новым социально-экономическим условиям также накладывают своеобразный отпечаток на политическую социализацию малочисленных народов.

Следует обратить внимание на исследование, проведенное Ю. Д. Петровым в работе «Народы Севера: власть и политика»³. Для политической традиции народов Севера характерна их общая отчужденность от политики и политический абсентеизм. На протяжении всей своей истории они стояли как бы вне политики.

Институты политической социализации малочисленных народов — семья, кочевые школы, община, трудовые коллективы, СМИ, органы власти, местного самоуправления и прочие институты. С 2014 г. в Якутии начали работу новые институты — уполномоченный по правам КМНС и Госкомитет по делам Арктики.

Меры по усилению политической социализации:

- экологическая и этнологическая экспертиза перед началом реализации промышленных проектов;

¹ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»».

² Мудрик А. В. Социализация и «смутное время»: сборник / А. В. Мудрик. М.: Знаныне, 1991. 80 с. (Новое в жизни, науке, технике; 3. Серия «Педагогика и психология»).

³ Петров Ю. Д. Народы Севера: власть и политика. М., 2009. С. 45—47.

- обязательность вхождения членов общин в советы директоров промышленных предприятий;
- реализация программ социально-экономического партнерства;
- экологический контроль с привлечением общественности и СМИ.

Знание своих прав, умение отстаивать их через институт общин должны сформировать цивилизованный механизм взаимодействия бизнеса с малочисленными народами. Не закрыться, установив границы и законы, а наладить полноценный диалог, взаимовыгодное сотрудничество направленное на развитие — в этом должен заключаться смысл политической социализации.

М. В. Стрежнева
Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ¹

Тезисы доклада на круглом столе²

В общем контексте обсуждения проблемы дефицита демократии в глобальном и региональном хозяйственном управлении настоящий доклад предполагается посвятить потенциальному вкладу в его демократизацию парламентских институтов и сетей. На примерах **Европейского союза (ЕС), Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Всемирной торговой организации (ВТО)** особое внимание будет уделено вопросу о том, насколько наднациональная и/или транснациональная парламентаризация может способствовать укреплению демократической легитимности подобного управления.

1. Высший (среди возможных) уровень демократической легитимности достигается при учреждении международного или транснационального парламента. Он состоит из депутатов, специально избранных демократическим путем, и имеет существенное влияние при принятии решений и бюджета соответствующей организации. В настоящее время таким стандартам в наибольшей мере отвечает Европейский парламент в системе ЕС.

¹ На круглый стол к пятилетнему юбилею журнала «Сравнительная политика» по теме: «Глобальное и локальное в мировом пространстве регионов».

² Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 14-07-00050.

2. Другим вариантом может являться создание парламентской ассамблеи. Парламентские ассамблеи, создаваемые в качестве одного из органов международной (региональной) организации, преимущественно служат как институт транснациональной делиберации и, как правило, не имеют формальных либо сколько-нибудь серьезных полномочий в том, что касается процесса принятия общих решений.

3. В качестве третьей возможной альтернативы упомянем транснациональные сети по определенным вопросам, которые формируют национальные парламенты (например, Парламентская сеть по вопросам ядерного разоружения или Парламентская сеть по вопросам деятельности Всемирного банка {ВБ}). Наконец, на регулярной основе либо *ad hoc* проводятся такие транснациональные встречи депутатов национальных парламентов, как Всемирный социальный форум и Парламентская конференция по вопросам деятельности ВТО.

4. Хотя решения ВТО, МВФ и ВБ (как институтов глобального управления) различаются между собой с юридической точки зрения, они схожи в том, что могут убедительно требовать своего соблюдения от тех правительств, которые они затрагивают, и одновременно нарушают правовую и регуляторную автономию соответствующих государств. Таким образом, с одной стороны, некоторые глобальные решения должны признаваться государствами, даже если они противоречат их национальным законам или принятому национальным правительством курсу. С другой стороны, содержание этих решений серьезно сказывается на национальной системе регулирования. Такого рода решения нужно признать функционально равноценными решениям наднациональным, и потому они могут потребовать демократической легитимации.

5. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в его нынешнем виде не предусматривает наличия какого-либо парламентского элемента, хотя на предварительных стадиях проработки проекта соответствующая идея активно обсуждалась и даже продвигалась российской стороной. Отказ от нее ряд стран-участниц объясняют своим стремлением обезопасить национальный суверенитет от политических рисков. Однако подобный подход представляется не лишенным противоречий — тем более ввиду зафиксированного в соглашении о ЕАЭС принципа наднациональности.

6. Как свидетельствует опыт ЕС, даже при наличии сильного наднационального парламента — такого, как ЕП, нельзя говорить о перетекании суверенитета с национального на наднациональный уровень. Напротив, признание принципа наднациональности представляет собой специфичную форму реализации суверенитета государств в условиях разворачивающейся глобализации. Действуя через ЕС, государства-члены сохраняют свой суверенитет, действуя не автономно, но совместно.

7. Создание в ЕАЭС единого экономического пространства подразумевает переход к гармонизированным или даже унифицированным правовым нормам, установление идентичного механизма правового регулирования в отдельных сферах, что влечет к присутствию в его системе законодательного (парламентского) измерения.

8. Национальные парламенты должны реагировать на появление структур регионального хозяйственного управления новыми формами транснационального парламентаризма. На начальных стадиях интеграции они могут ограничиваться консультативными функциями либо просто служить площадками транснациональной делиберации. Это не исключает возможности укрепления полномочий транснациональных парламентских сетей либо ассамблей в перспективе — и даже трансформацию их в наднациональные парламенты — в случае успешного развития интеграционного объединения.

И. Э. Стрелец
Москва

ПЕРСОНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: В. В. ПУТИН, Б. ОБАМА, А. МЕРКЕЛЬ, Ф. ОЛЛАНД, Д. КЕМЕРОН

Персонология лидерства¹ позволяет определять степень влияния личностных особенностей политических деятелей на исполнение ими должностных полномочий, что облегчает понимание и прогнозирование международного взаимодействия. Каковы результаты дистантных исследований наиболее влиятельных мировых лидеров?

В. В. Путин обнаруживает мотивационный профиль с устойчивым равновесием мотивов власти и достижения при доминировании мотива аффилиации. Российский лидер обладает сложно-структурированной Я-концепцией. Его самооценка за время работы на высших государственных постах повысилась благодаря успеху проводимой им политики. Операциональный код демонстрирует волю качества, оптимизм, глобальные цели, дружелюбность к внешнему миру, не исключая враждебность. В риторике превалирует этатизм и патриотизм в сочетании с идеями демократии, равенства, космополитизма. Его лидерский тип отражает

¹ *Стрелец И. Э.* Современные концепции политико-психологического исследования президентства с точки зрения персонологии президентского лидерства // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2014. Т. 11. № 4. С. 158–162.

стиль «администратора», в межличностных отношениях он проявляет себя как экстраверт с высоким уровнем доминирования¹.

Для Б. Обамы характерен мотивационный профиль с доминирующим мотивом власти при развитом мотиве достижения и средних значениях мотива аффилиации. У него проявляются признаки чаще низкой сложности Я-концепции, реже — высокой сложности при самооценке, колеблющейся между заниженной и адекватной. В его операциональном коде отмечается оптимизм, развитая воля, высокий контроль над происходящим, чаще всего — дружелюбность политического мира, долгосрочные и глобальные цели. В риторике превалирует антиэтатизм, патриотизм в сочетании с космополитизмом, демократия, примат равенства над индивидуальной свободой. Лидерский тип отражает стиль «администратора». Он проявляет себя как экстраверт, который чаще демонстрирует высокий уровень доминирования, хотя неожиданные ситуации снижают этот показатель.

В мотивационном профиле А. Меркель проявляется развитый мотив достижения, средние значения мотива власти, сниженный мотив аффилиации. У нее средние показатели сложности Я-концепции при изначально заниженной самооценке, которая за время работы на посту лидера ФРГ повысилась. Ее операциональный код демонстрирует ограниченность прогнозов и избирательность оценок: признание враждебности политического мира и необходимости усилий для снижения напряженности, пессимизм по отношению к реальности и оптимизм по отношению к будущему, волевые качества, высокий контроль над происходящим, постановку глобальных целей в долгосрочной перспективе. В риторике превалирует этатизм, примат равенства над индивидуальной свободой, патриотизм. Ее лидерский тип сочетает стиль «администратора» с элементами «агитатора», когда она отстаивает интересы и перспективы Евросоюза, и «теоретика», когда она пытается определять векторы развития Германии и стран-членов ЕС. Ее стиль межличностных отношений зависит от партнеров и контекста: с единомышленниками — экстраверсия с низким уровнем доминирования, с оппонентами — интроверсия с высоким уровнем доминирования.

Ф. Олланд проявляет мотивационный профиль с доминирующим мотивом аффилиации при умеренном мотиве власти и сниженном мотиве достижения. У него сложная Я-концепция и заниженная самооценка, хотя он пытается продемонстрировать упрощенную Я-концепцию и адекватную самооценку на встречах с простыми французами. В его операциональном коде заметно сочетание дружелюбности и враждебности политического мира, воля, оптимизм, постановка глобальных целей в краткосрочной перспективе. В риторике — антиэтатизм, патриотизм, демократия, равенство

¹ *Стрелец И. Э.* Влияние личностных особенностей политических лидеров на исполнение роли Президента РФ: Автореф. дисс. ... канд. полит. н. М., 2014.

в сочетании с индивидуальной свободой. Его лидерский тип отражает характеристики «агитатора» и «теоретика», стилю межличностных отношений присуща интроверсия с высоким уровнем доминирования.

В мотивационном профиле Д. Кемерона отражается баланс мотивов власти и достижения при невыраженном мотиве аффилиации. Он проявляет признаки невысокой сложности Я-концепции и заниженную самооценку, закамуфлированную под завышенную. Операциональный код демонстрирует волю, оптимизм, постановку глобальных и конкретных целей, враждебный настрой к политическому миру при готовности прилагать усилия для его гуманизации. В риторике — этатизм, когда говорит об эффективности госаппарата, и антиэтатизм, когда критикует брюссельскую бюрократию, а также баланс между равенством и индивидуальной свободой, патриотизмом и демократией. Его лидерский тип отражает стиль «администратора». По стилю межличностных отношений он является экстравертом, стремящемся к доминированию.

Таким образом, персонологическая теория обладает объяснительным и прогностическим потенциалом, существенным для понимания особенностей взаимодействия лидеров России и стран Запада.

*В. М. Теребихин
Сыктывкар*

АНТРОПОПОЛИТИКА — ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ КОНЦЕПЦИИ

Причинный комплекс, детерминирующий актуальность проектирования и реализации концепции антропополитики, как структурного компонента общей стратегии гуманитарного развития страны, ее социо-гуманитарного (антропологического) преобразования, имеет «множественную каузацию» (П. Сорокин).

Прежде всего, проектирование и практическая реализация концепции детерминируется необходимостью преодоления сложившегося противоречия между кризисностью антропологической ситуации в России и отсутствием в российском законодательном пространстве и системе государственного управления интегральной концепции стратегии гуманитарного развития, развития человеческого потенциала, доктрины антропологического преобразования России, а также, концепции и стратегии формирования российского человеко-ориентированного государства.

С начала 90-х годов страна устойчиво находится в пространстве «гуманитарной неуспешности». Интегральной, интегративной оценкой современного уровня гуманитарного развития страны, ее социо-гуманитарной жизнеспособности, является социо-гуманитарный (антропологический) кризис.

Антропологический кризис, как, многоаспектный, поликомпонентный, интегральный антропофеномен — современная антропогенная реальность, форма отражения современной антропоситуации и интегративная оценка антропологического состояния России, интегральная характеристика кризиса человеческого развития, концептуализируется автором, как системная целостность синхронизированных по времени возникновения и протекания, относительно самостоятельных, но при этом, когерентных, всесторонне взаимозависимых антропокризисов: «демографического кризиса», кризиса популяционного здоровья, духовного кризиса (как единства когерентных, всесторонне взаимозависимых кризисов: духовно-нравственного и духовно-аксиолого-экзистенциального), «тяжелого психологического кризиса» (А. Л. Журавлев, А. В. Юревич), комплекса кризисов идентичности, телеологического кризиса (кризиса цели), аксиологического, «экзистенциального кризиса» (В. В. Пастухов), «рефлексивной катастрофы» (В. Е. Лепский), кризиса межпоколенческой солидарности, кризиса системы фидуциарных институтов — субъектов, которые призваны генерализировать ценности и создавать условия для процесса устойчивого человеческого развития: институционального кризиса традиционной семьи и семейных отношений (П. А. Сорокин), системы воспитания граждан, морального контроля, кризиса массовой культуры (Святейший митрополит Кирилл), кризиса современной модели массового образования, здравоохранения, СМИ, и целого ряда других, доминирование негативных антропотенденций.

Еще одним стимулирующим фактором социопроектирования и реализации концепции государственной гуманитарной политики (антропополитики), является необходимость принципиальной реконструкции существующей в России «экономикоцентристской» модели государственной политики и формирование гуманистической, социо-гуманитарной, «человекоцентрированной» парадигмы и человекоориентированной модели политико-административного управления, обеспечивающей переход от «человекопотребляющего» типа развития к «человекопроизводству», формированию, развитию и повышению качества человеческого потенциала, становлению человекоцентричной модели человеко-ориентированного государства.

Архитектоника и институциональный дизайн концепции антропополитики имеют сложный системный комплекс, включающий: каузальный, теоретико-методологический, аксиологический, телеологический комплексы а также, принципы, основные направления, институты, механизмы и процедуры реализации концепции антропополитики, комплекс высоких социо-гуманитарных «человекоориентированных» технологий и критериаль-

но — индикативный комплекс (система квалиметрии и квантификации) оценки эффективности реализации концепции и, в целом, гуманитарной успешности страны, успешности процессов формирования человеко-ориентированного государства, антропологического преобразования России.

Категория «антропополитика», являющаяся объектом рефлексии доклада не институционализована и не номинирована в политологическом дискурсе, теории и практике политико-административного управления.

В государственно-управленческом контексте антропополитика — это целенаправленная, планомерная, непрерывная и скоординированная система совместной деятельности федеральных, региональных органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества по интегрированному и синхронному осуществлению комплекса (более 30) гуманитарных, человекоориентированных политик (в их единстве, взаимосвязи и взаимодополняемости) в целях практической реализации ее стратегической цели — создания условий для свободного развития человека, повышения «качества качеств населения», развития человеческого потенциала, антропологического преобразования России, формирования основ социогуманитарного, человекоориентированного государства.

М. И. Тисленко
Москва

МОЛДАВИЯ НА РАСПУТЬЕ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА

Крымский кризис в системе международных отношений 2014 г. стал проявлением системного противостояния России и Запада. В ходе кризиса в глобальном идейно-информационном соперничестве одно из ключевых мест занял дискурс о цивилизационных различиях России и Европы, который можно обобщить как «Россия — это не Европа» (и наоборот). Таким образом, международный политический конфликт оказался интерпретирован через антагонизм пространственных образов Европы и России/Евразии, а следовательно, стал конструктивно геополитическим. Рассматриваемый дискурс породил два следующих факта: *во-первых*, формирование мифа о конфликте двух противоположных цивилизационных типов, осмысление которого и происходит сейчас в таких государствах, как Украина, Грузия, Армения и Молдавия; *во-вторых*, новый инструмент для

маркирования внутривнутриполитических расколов в странах российско-европейского пограничья. Именно такой раскол оказался в центре внимания клуба геополитических исследований.

Исследовательский вопрос: насколько четко маркирован геополитический раскол в Молдавии как стране российско-европейского пограничья?

Гипотеза: В контексте дискурса противопоставления России и Запада Молдавия стала интерпретироваться как арена столкновения антагонистических интересов, однако на деле внутренний геополитический дискурс Молдавии не так однороден.

Для проверки гипотезы была организована экспедиция с 29 января по 2 февраля 2015 г., в ходе которой были посещены Приднестровье, Гагаузия, Тараклийский уезд республики Молдавия и Кишинев с целью рассмотрения дискурсивных практик по данной проблеме, далее собранные материалы были систематизированы и обработаны. В исследовании использовалась следующая методология:

1. Глубинные и фокусированные интервью с работниками музеев и учебных заведений, а также местными жителями;
2. Сбор и интерпретация национальной символики;
3. Дискурс-анализ письменных источников (туристические путеводители, историко-культурные артефакты в музеях, книги по краеведению, материалы предвыборной агитации).

Согласно проведенному исследованию, можно констатировать, что в Молдавии сложилась несколько типов национальных идентичностей: официальная молдавская, продвигаемая властями, собственно молдавская, приднестровская, гагаузская и болгарская. Данные идентичности способны породить собственные пространственные мифы и обладают геополитическими кодами, подчас не совпадающими друг с другом. В случае с официальной и автохтонной моделями, можно выделить следующие типические черты:

Официальный дискурс

- Ориентация на Евросоюз и на Румынию как часть Европы;
- Негативная оценка советского прошлого;
- Молдавский язык как инструмент формирования идентичности;
- Ориентация на молодежь.

Бытовой дискурс

- Отождествление себя с Европой, но наличие коллективной памяти о связях с Россией;
- Оценки СССР разнятся;
- Бытовая билингвальность;
- Носитель — старшее поколение.

Приднестровская идентичность представляет отдельный интерес, так как была сконструирована за 25 лет и показала свою жизнеспособность. Ее основными характеристиками являются: частичный отход от советского прошлого; создание качественно новой модели самоидентификации, вобравшей в себя в том числе духовные символы имперской России; восприятие категории «приднестровец» населением как реального инструмента самоидентификации; ориентация на гармоничное существование молдавского, русского и украинского населения непризнанной республики; а также выстраивания мифа о России как гаранта безопасности в регионе.

Еще одним объектом исследования стали гагаузская и болгарская идентичности, в основе которых, как показал дискурс-анализ, лежит миф о «государстве в государстве», что демонстрируется данными ниже факторами:

- Их идентичности носят этнический характер в отличие от сконструированных молдавской и приднестровской;
- Имеют общее историческое прошлое, трудно делимое до XX в.;
- Единая православная вера и мультилингвальность;
- Приходилось отстаивать свое право на сохранение национальной культуры.

Вышеизложенные характеристики помогают прояснить специфику геополитических кодов каждой из идентичностей: на самом деле их не два, как принято рассматривать в дискурсе «Россия — не Европа», а гораздо больше, что создает многомерную картинку геополитических стратегий Молдавии. Таким образом, были сделаны следующие выводы:

- Национальные идентичности различных этносов на территории Молдавии не являются жесткими конструктами и подвергаются модификациям до сих пор.
- То, что выглядит для Кишинева угрозой для стабильности и единства страны, на самом деле имеет большой потенциал для построения качественно новой национальной идентичности, которая могла бы консолидировать Молдавию;
- Геополитический дискурс Молдавии крайне неоднороден, что создает определенные трудности во взаимопонимании и диалоге молдавских этносов, что, однако, не подтверждает интерпретацию Молдавии как поле битвы «деспотической России» и «свободной Европы».

ДИНАМИКА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В последнее время в России оживилась общественно-политическая дискуссия относительно идейных оснований существования государства. В 2012 г. российские политические элиты втянулись в обсуждение «основополагающих принципов» российской национальной идентичности, начатое знаменитой фразой В. Путина из Послания Федеральному собранию: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: ... — дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились»¹. Актеры социально-политического процесса, в том числе партии, активно откликнулись на запрос власти.

Политические партии являются одними из главных «производителей смыслов»: именно в этом заключается их основная функция с точки зрения нормативной демократии. Данный подход, безусловно, апеллирует, прежде всего, к «идеальному типу», однако идеологии по-прежнему остаются обязательным атрибутом политических партий.

В современной российской политике роль партийной идеологии оценивается неоднозначно. Направление дискуссии часто зависит от того, каким образом определяется политическая идеология. Если понимать ее как систему оформленных идеологических позиций и представлений, то существование партийных идеологий в постсоветской России может оказаться под вопросом.

Однако данная проблема не относится к числу специфически российских, а отражает универсальные тенденции современного мира. В интерпретации *политической идеологии* мы будем опираться на концепцию «*belief systems*», предложенную Ф. Конверсом. В соответствии с ней идеология может пониматься как «конфигурация идей и установок, элементы которой связаны той или иной формой ограничений или функциональной взаимозависимости»². Данное определение позволяет, с одной стороны, уйти от понимания идеологии как связанной системы элементов (идей, кон-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. Владимир Путин огласил ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Президент России. М., 2012. 12 декабря. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118>. Дата обращения: 9.11.2014.

² *Converse Ph.* The nature of belief system // Ideology and discontent / Apter D. (ed.). N.Y.: Free press, 1964. P. 37.

цептов и т.д.), а с другой — открывает возможности для выявления связей и отношений между идеями даже тогда, когда они не выстраиваются в законченные конструкции.

Придерживаясь точки зрения, что современные российские политические партии являются производителями политических идей и смыслов, мы опираемся на комплекс исследований партийной идеологии, основанных на самых разных теоретико-методологических подходах. Эти исследования указывают на различие партийных идеологий (в т.ч. на уровне программных документов); на их изменчивость (например, под воздействием политической ситуации или изменения общественных настроений), на то, что они транслируются через медийный дискурс (во время дебатов и предвыборных кампаний) и таким образом становятся предметом общественного обсуждения.

Цель доклада — рассмотреть, какое влияние на идеологическую функцию партий оказывают экзогенные факторы (характер политического режима и его институциональный дизайн), а также проследить динамику развития этой функции в политической системе современной России.

Основные тезисы доклада:

1. Партийные идеологии являются важным партийным ресурсом.

Результаты идеологической деятельности партий мы рассматриваем как своего рода ресурс — предмет «обмена» и «торга» между политическими партиями и теми агентами, которые по тем или иным причинам заинтересованы в партиях и их идеологических «услугах».

2. На идеологическую функцию партий существенно влияет экзогенный контекст, под которым понимаются, *во-первых*, режимные характеристики политической системы, а *во-вторых*, его институциональный дизайн.

В России указанные характеристики не являются константой. За более чем двадцатилетнюю постсоветскую историю они неоднократно претерпевали существенные изменения.

3. Роль партийных идеологий существенно трансформировалась в 1990–2000-х годы.

В 1990-е годы на рынке политических идей присутствовало большое, хотя и хаотическое, «предложение». И хотя уже тогда роль политических партий была институционально ограниченной, тем не менее многопартийность в тот период сыграла свою позитивную роль.

В 2000-е годы, в ситуации снижения политической неопределенности спрос на идеологии на российском электоральном рынке резко снизился, о чем свидетельствовала начавшаяся в тот период конвергенция партийных позиций.

Таким образом, контекстуальные факторы, т.е. режимные характеристики и институциональный дизайн российской политической системы не способствуют развитию идеологической функции партий, сокращая поле

возможного предложения и ограничивая идеологическое творчество одобрением властных инициатив.

Возможны ли изменения в этой области? Смогут ли партии в краткосрочной или долгосрочной перспективе переориентироваться на «нестатусного потребителя»? Это, по всей видимости, в большей степени зависит от состояния среды, нарастания или спада общественной инициативы (аналитики прогнозируют как первое, так и второе), равно как и от способности самих партий к генерированию новых идей.

О. В. Троицкая
Москва

ТЕОРИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: К СИНТЕЗУ ПОЗИТИВИСТСКОГО И ИНТЕРПРЕТАТИВНОГО ПОДХОДОВ

Систематизация данных о вооруженных конфликтах за прошедшие два столетия позволила заключить, что преобладающей формой конфликта в мире со второй половины XX в. стали внутригосударственные конфликты — противостояние двух и более групп за власть с целью смены политического режима или государственного переустройства (образования нового государства посредством отделения)¹.

В настоящее время в науке существуют несколько теорий внутригосударственных конфликтов, которые условно можно поделить на социологические (интерпретативные) и материалистические (позитивистские). Сторонники социологического подхода считают, что первопричиной конфликтов являются специфические социальные установки, которые мобилизуют индивидов на межгрупповое противостояние². Сторонники

¹ См. базы данных: «Correlates of War» War data 1816–2007. URL: <http://www.correlatesofwar.org/data-sets/COW-war>; UCDF/PRIО Armed Conflict Dataset 1946–2013 URL: http://www.pcg.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_prio_armed_conflict_dataset/; или исследования Holsti, Kal (1996) *The State, War, and the State of War*. Cambridge Studies in International Relations.

² Donald L. Horowitz, *Ethnic Groups in Conflict*, University California Press, 1985; Gurr, Ted Robert, *Why Men Rebel*, Princeton University Press, 1970; Gurr, Ted Robert, *Why Minorities Rebel: A Global Analysis of Communal Mobilization and Conflict Since 1945*, International Political Science Review, Vol. 14, No. 2 (Apr., 1993); Tilly, Charles. *From Mobilization to Revolution*, Addison-Wesley, 1978; Stuart Kaufman, *Modern Hatreds: The Symbolic Politics of Ethnic War*, Cornell University Press, 2001; Stuart J. Kaufman, *Symbolic Politics or Rational Choice? Testing Theories of Extreme Ethnic Violence*, International Security, Vol. 30, No. 4 (Spring 2006), p. 45–86, p. 47.

позитивистского подхода полагают, что первопричиной конфликтов являются структурные условия — объективные проблемы государственного устройства, которые закладывают основу для формирования и продвижения групповых интересов¹. Если интерпретивисты опираются в своих исследованиях на качественные методы, то позитивисты предпочитают использовать количественные методы.

К настоящему времени накоплено много знаний о причинах и сущности конфликтов в рамках обоих подходов, однако, эти знания достаточно слабо связаны между собой. Это препятствует формированию системного видения всей совокупности факторов конфликта, что снижает не только научную значимость полученных результатов, но и ценность этих знаний для практического анализа. Цель доклада — представить синтезированную теорию внутригосударственного конфликта с учетом последних научных достижений.

Предпосылки для внутригосударственного конфликта складываются тогда, когда индивиды или группы закрепляют за собой привилегированный доступ к власти и уменьшают способность других индивидов и групп участвовать в открытом процессе перераспределения. Среди наиболее распространенных инструментов используются: ужесточение правил выборов для оппозиции, этническая или религиозная дискриминация при приеме на высшие государственные должности, монополизация экономических активов членами правящей элиты и др.²

Масштаб потенциального конфликта определяется масштабом объективных социально-экономических проблем в государстве. Наличие структурных и долгосрочных проблем для широких масс населения (перенаселенность, безработица, инфляция, нехватка продовольствия, неразвитость социальной инфраструктуры и проч) закладывает основу для широкомасштабных волнений в форме гражданского конфликта или войны. В отсутствие масштабных социально-экономических проблем протест против структурного неравенства может произойти только со стороны элит и вылиться в форму государственного переворота³.

Внутригосударственный конфликт начинается тогда, когда возникает идеология конфликта, увязывающая привилегии одной группы с источником

проблем другой группы. Идеология конфликта может принимать формы межэтнического или межрелигиозного противостояния, классовой борьбы и проч. Структурное неравенство и объективное ухудшение жизни могут существовать параллельно довольно длительное время, не вызывая конфликтов, если индивиды не связывают свои проблемы с особенностями политического режима¹.

Динамика конфликта будет обуславливаться двумя факторами: способностью непривилегированной группы мобилизовать достаточно ресурсов для давления на привилегированную группу; готовностью привилегированной группы изменить правила игры или повысить ставки.

Порог перехода к активным действиям, в том числе к вооруженному сопротивлению, лежит в определенном количестве материальных ресурсов, которые могут поддержать прежде всего непривилегированную группу в противостоянии с привилегированной (контроль над источниками финансов, возможность получать помощь от диаспоры или внешних сил, наличие незанятого молодого населения, и др.)².

Формирование группы сопротивления и демонстрация ею своих интересов ставит перед привилегированной группой вопрос о стратегии поведения. В этот момент группа может решить, что ей выгоднее поделить власть — и тогда идет деэскалация конфликта и его перевод в нормальное русло. Второй и наиболее вероятный вариант — когда привилегированная группа считает, что ей выгоднее закрепить за собой неравенство и сломить сопротивление — тогда конфликт вступает в открытую фазу.

Ригидная позиция привилегированной группы имеет два важных последствия. *Во-первых*, она подрывает доверие к текущей системе институтов, поскольку они воспринимаются как инструменты закрепления существующего неравенства. Институты теряют легитимность и сдерживающую силу, связь между управляющими и управляемыми разрывается. *Во-вторых*, она трансформирует цели и интересы протестующих: вместо фреймирования ситуации в терминах выигрыша или проигрыша от ситуации, группа начинает формулировать свои цели и интересы в терминах безопасности — т.е. воспринимать сохранение текущей ситуации в терминах гибели или выживания — что оправдывает применение насилия в отношении другой группы³.

¹ Bertrand Lacina, Explaining the Severity of Civil Wars, Journal of Conflict Resolution, Vol. 50, No. 2, April 2006, p. 276–289; Greed and grievance: economic agendas in civil wars / edited by Mats Berdal and David M. Malone. Lynne Rienner Publishers, 2000; Paul Collier, Anke Hoeffler and Nicholas Sambanis, The Collier-Hoeffler Model of Civil War Onset and the Case Study Project Research Design, Understanding civil war: evidence and analysis. Ed. by Paul Collier & Nicholas Sambanis, The World bank 2005, pp. 1–34; James D. Fearon and David D. Laitin, “Ethnicity, Insurgency, and Civil War” American Political Science Review 97, 1 (Feb 2003): p. 75–90.

² Jack A. Goldstone, Robert H. Bates et al. A Global Model for Forecasting Political Instability, American Journal of Political Science, Vol. 54, No. 1 (Jan., 2010), p. 190–208.

³ Ted Robert Gurr, Why Men Rebel, Princeton University Press, 1970.

¹ Jack Goldstone, Revolution: A Short Introduction, Oxford University Press, 2000.

² Paul Collier, Anke Hoeffler and Nicholas Sambanis. The Collier-Hoeffler Model of Civil War Onset and the Case Study Project Research Design, Understanding civil war: evidence and analysis. Ed. by Paul Collier & Nicholas Sambanis, The World bank 2005, p. 1–34. James D. Fearon and David D. Laitin, “Ethnicity, Insurgency, and Civil War” American Political Science Review 97, 1 (Feb 2003): p. 75–90.

³ Barry R. Posen, The Security Dilemma and Ethnic Conflict, Survival, Vol. 35, No. 1, Spring 1993, p. 27–47. Paul Roe. The Intrastate Security Dilemma: Ethnic Conflict as a «Tragedy»? Journal of Peace Research, Vol. 36, No. 2 (Mar. 1999), p. 183–202.

Рис. 1. Теория внутригосударственного конфликта

Е. А. Трофимов
Благовещенск

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Крах советского государства явился следствием его неэффективного функционирования, сопровождаемого деинтеллектуализацией партийного руководства, его ориентацией на сохранение собственного властного потенциала при утрате взаимосвязи с населением, экономической несостоятельности исполнения партией-государством выполнения негласного договора по причине политических и экономических просчетов.

Принятие Конституции 12 декабря 1993 г., проходившее в условиях жесткого идейно-политического противостояния и последовавшей силовой «стабилизации» привело лишь к формальной демократизации в организации российского государства, сохранив систему неформальных отношений, характерных для российской политической традиции.

Проблемы функционирования российского государства наблюдаются на всех стадиях политического процесса.

Конституционный статус Президента России не согласуется с концепцией «разделения властей», ведет к фактической нуллификации системы «сдержек и противовесов», предоставляет возможность главе государства выходить за рамки конституционного поля, превращая его в «диктатора», «единоличного верховного правителя», от которого зависит функционирование всей политической системы. Политико-правовой статус Президента России способствует автократизации политического режима, реанимации культурных архетипов в воспроизводстве политических институтов; ведет к широкому использованию современных технологий манипулирования в политической практике, генерации клиентарно-патронажных отношений, механизмов «мягкой» дискредитации органов государственной власти, использованию сомнительных и неконституционных практик политико-правового и экономического диктата, вплоть до лишения свободы неloyальных к главе государства лиц, слиянию государственной власти и собственности.

Процесс принятия государственных решений характеризуется жесткой внутренней «вертикалью» во главе с Президентом России. Президент РФ имеет полномочия классически находящиеся в сфере органов законодательной, исполнительной и судебной ветви власти, и определяет направленность развития политической системы России.

С целью сохранения президентского авторитета и обеспечения контроля за функционированием политической системы генерируются формальные и неформальные институты и практики, обеспечивающие политическую безопасность главы российского государства. Предполагаемые полномочия как конституционных, так и квазиконституционных органов, не имеют четкой определенности или *de-facto* ограничены, что позволяет главе государства обеспечивать межэлитный баланс в процессе принятия политических решений и стабильность моноцентрической конструкции; но ведет к ее «перегруженности» и снижению эффективности функционирования, неспособности выполнения основных задач, предъявляемых современным усложняющимся социумом.

Принятие Президентом России решений осуществляется при использовании механизма конкурирующей законодательной компетенции, оперативного или кризисного управления, часто сопровождается различными символическими практиками.

Государство остается основным субъектом контроля за реализацией властно-политических решений. Ключевую роль в данном процессе также играет глава государства и близкие к нему политические структуры, прежде всего Администрация Президента РФ (Главное контрольное управление Администрацию Президента РФ) и полномочных представителей Президента России в федеральных округах. Иные государственные контрольные

учреждения, de-facto являются объектами контроля со стороны российского Президента и выполняют в политической системе инструментальную функцию, направленную на поддержание авторитета главы государства в социуме.

Технологией контроля за функционированием системы является широкое использование избирательных механизмов: пропорциональной избирательной системы, избирательных цензов, «фильтров», высоких барьеров и т.д.; а также поддержание определенного социокультурного и психологического режимов в политической системе.

Будущее российского государства во многом зависит от смены приоритета кратологической парадигмы. Российская моноцентрическая система организации государства в условиях Постмодерна, не способна отвечать запросам населения. В современных условиях должен быть реализован вектор в направлении отказа государства от доминирующего положения в политической системе, государство должно стать не более чем «вспомогательным механизмом» удовлетворения интересов широкого спектра общественных институтов.

Первоочередными задачами на пути «осовременивания» и обеспечения функционирования государственного конструкта является практическая реализация принципа «разделения властей» как по вертикали, так и по горизонтали; субсидиарное распределение полномочий, основанное в большей мере на договоре, а не на федеральном законодательстве; развитием институтов гражданского общества, существенно влияющих на эффективность функционирования государства.

В. А. Труханов
Саратов

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Актуальность данной темы обусловлена существованием проблемы Асоздания устойчивых и эффективных институтов, норм, принципов, установок, призванных оказывать положительное воздействие на судьбу граждан и в целом государства. Не удивительно поэтому, что дискуссии о роли, которую играет политическая элита в процессе разработки, принятия и проведения в жизнь политических решений, равно как и о влиянии, которое они оказывают на развитие гражданского общества, продолжают привлекать внимание как специалистов, представляющих различные области знания, так и тех, кто осуществляет практическую политику.

Вынесенное в название словосочетание «ответственность политической элиты» может вызвать неоднозначные суждения, так как оно несет в себе метафизическое противоречие. Ведь «элита» означает «лучшее», «отборное», «избранное». Поэтому «лучшее» уже подразумевает «ответственное». К сожалению, политическая практика последних лет в России показала, что находящиеся у власти люди зачастую идентифицируются научным сообществом как не самые ответственные и лучшие.

Ответственность понятие философско-социологическое, отражающее характер взаимоотношений между личностью, коллективом, обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований. Посмотрев социологическую энциклопедию, найдем, что *ответственность* это качество социального субъекта, организующее его социальное взаимодействие на основе сознательного творческого осуществления предъявляемых требований¹.

Термин «элита» в прошлом применялся к той части общества, в которой состояли наиболее богатые, авторитетные, почитаемые представители различных социальных групп. Особенностью современного политического положения в России является то, что на формирование политической элиты существенное влияние оказывают деструктивные социальные и экономические факторы, и, можно с уверенностью констатировать, что сейчас в политическую элиту входят представители криминально-олигархических группировок. Таковую элиту даже центральная власть в лице В. В. Путина называет полукриминальная².

Один из факторов, повлиявший на феномен неответственности — отсутствие гражданского общества, в том смысле, который в него вкладывает западное ученое сообщество. Дело в том, что гражданское общество это система самоорганизующихся посреднических групп, которые относительно независимы как от органов государственной власти, так и от внесударственных единиц производства и воспроизводства — от корпораций и семей; способны планировать и осуществлять коллективные акции по защите и достижению своих интересов или устремлений; не стремясь при этом подменять ни государственные структуры, ни частных производителей; согласны действовать в рамках сложившихся правовых норм. Социальная сущность гражданского общества — быть прослойкой, амортизировать взаимодействие между властью и народом, правительством и людьми. При наличии гражданского общества нет наследуемой власти, существуют ограничения абсолютизма, ротация эшелонов власти, передача управленческого статуса и правления согласно заявлению народной воли. Граждан-

¹ Социологическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль. 2003. С. 129.

² Путин сумел удивить на прямой линии, предложив странные реформы, решила российская пресса. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://newsru.com/russia/16dec2011/putin.htm>. Дата обращения: 18.12.2013.

ское общество формирует питательную среду соязательности в политической сфере, обеспечивает передачу эстафеты полномочий по вердикту народа. Поэтому современное цивилизованное общество характеризуется развитым гражданским обществом, способным существенно влиять на властную политическую элиту.

Как нам представляется, в России, в свете модернистских изменений последних лет, роль гражданского общества должна существенно возрасти. Связано это с тем, что у политической элиты, с целью ускорения модернизационных процессов, появляется искушение использования практики силового продавливания законов и политических решений, прикрываясь фразеологией о политической целесообразности, пренебрегая мнением гражданского общества, нормами морали, а зачастую и права, что ведет в тупик во взаимоотношениях гражданского общества и государства.

Возможный путь решения проблемы в сторону демократизации отношений может быть в создании института ответственности политической элиты в сфере взаимодействия власти и гражданского общества, а так же воспитании гражданской инициативы, создании развитой инфраструктуры гражданского общества. Под инфраструктурой гражданского общества нами понимается комплекс взаимодействующих между собой институтов, ролей, связей, норм и традиций.

Ответственность политической элиты закрепляется контролем со стороны гражданского общества. С одной стороны, механизмы контроля гражданского общества за политической элитой должны быть направлены на постоянную и широкую общественную экспертизу действий элиты, при необходимости — на их корректировку. С другой стороны, действия элиты должны вписываться в контекст гражданственности, патриотизма, системы национальных интересов и приоритетов конкретной страны и региона, конкретного социума. Иными словами, действия элиты, в современных условиях должны быть, помимо всего прочего, соотнесены с общепризнанными ценностями и целями развития общества.

В заключение можно отметить, что основной путь появления ответственной политической элиты лежит в создании механизмов выдвижения политических лидеров из гражданского общества и в системе непрерывного контроля со стороны институтов гражданского общества. В основе такого механизма лежит уверенность рядовых граждан в том, что политическая элита это не привилегированная и не закрытая группа, способная манипулировать административным аппаратом для собственной выгоды.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ С 1991 ПО 2014 ГОД

Проблема исследования национально-государственной идентичности является одной из ключевых в спектре проблематики социально-гуманитарных дисциплин в России и за рубежом. Традиция исследования идентичности окончательно сложилась в XX-ом столетии и лежит на пересечении таких дисциплин как политология, социология и психология.

Начиная с 90-х гг. XX в. в России начинает остро ощущаться кризис идентичности, обусловленный сломом СССР и последующей дезинтеграцией всех ключевых институтов общества. Обращение к достаточно четко очерченным с политико-исторической точки зрения периодам истории России, таким как Российская Империя и Советский Союз, позволяет увидеть соответственно два сменявших друг друга вида идентичности.

Если говорить об эпохе Российской Империи, то речь идет о формировании национальной идентичности по принципу идеологической формулировки графа Уварова «Православие, самодержавие, народность» или о так называемой теории официальной народности. Теория, кристаллизовавшаяся в первой половине XIX в. определяла народность как свойство, присущее населению России и выражающееся в приверженности традициям и определенному укладу жизни.

Крах Российской Империи и возникновение СССР поставили перед государством задачу по формированию новой идентичности. Степень достижения этой задачи можно оценивать по-разному, но говорить о том, что она была выполнена, и на пространстве бывшей империи появилась крупнейшая наднациональная идентичность, можно однозначно. Эта идентичность получила название советский человек. В 1977 г. в новую Конституцию СССР были включены положения о создании «новой исторической общности людей — советского народа». Конституция утверждала, что завершено построение «развитого социалистического общества».

Развал СССР оставил множество вопросов в сознании населения о том, кто мы, куда теперь движемся. Серьезной представляется проблема динамики самоидентификации российских граждан, которая может быть решена только за счет мониторинговых исследований. Благодаря измене-

нию идеологической обстановки в современной России стали возможны обширные исследовательские проекты по изучению политологических, социологических, психологических аспектов жизни граждан. Одним из таких аспектов является и национально-государственная идентичность. С 1991 г. на кафедрах факультетов вышеназванных специальностей и в научных центрах проведено множество исследований, посвященных процессам формирования, развития и изменения идентичности постсоветской России.

В. А. Тишков, будучи ярким представителем конструктивизма в этнонациональных исследованиях, считает, что идентичность — это «ощущение принадлежности или связи с той или иной общностью (народ, страна, коллектив, национальность, раса, языковая группа, партия и т.п.) или культурой, традицией, идеологией (религиозная вера, местоположение, общественное движение и т.п.)»¹.

Л. М. Дробизева использует понятия «национально-гражданская идентичность» и «государственно-гражданская идентичность», которые, по ее мнению, «включают в себя отождествление с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим чувства (гордость, обиды, разочарование или энтузиазм и готовность к рефлексии)»².

Ю. В. Арутюнян определяет национально-государственную идентичность как имеющую как формально-правовое, так и реальное наполнение³.

Исследователь Е. Н. Данилова указывает, что «динамика идентификационных побуждений может служить своеобразным индикатором социального самочувствия и показателем состояния общества»⁴.

Исследователь Н. Н. Седова раскрывает понятие национально-государственной идентичности через отношение россиян к символам государственной власти⁵.

Вопросы изучения национально-государственной идентичности россиян являются предметом научного интереса множества современных

¹ Старые и новые идентичности // <http://valerytishkov.ru>. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_obrazy_rossii/starie-i-novie-i.html. Дата обращения: 23.02.2015.

² Дробизева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49–58.

³ Арутюнян Ю. В. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // Общественные науки и современность. 2009. №4. С. 91–97.

⁴ Данилова Е. Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 120–130.

⁵ Национально-государственная идентичность россиян и отношение к государственной символике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 3(75). С. 29–35.

исследователей. Методики подобных исследований разнообразны и позволяют всесторонне рассмотреть проблематику идентичности в условиях современной России.

Д. А. Ульянова
Санкт-Петербург

МЕЖСЕКТОРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ С СУБЪЕКТАМИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА (на примере г. Санкт-Петербург)

В современной ситуации, когда экономические и политические события заставляют власть и бизнес вынужденно переориентироваться на процесс импортозамещения, государственная политика России принимает курс на построение диалога с внутренними игроками рынка, где одним из важнейших секторов экономики являются малые и средние формы бизнеса.

Актуализация данной темы в политическом дискурсе обусловлена отнюдь не только санкционной политикой международного сообщества, введением ответных санкций со стороны России, и как следствие обращением к сельскохозяйственным микро-предприятиям, но также и с возросшим интересом в последние 5 лет к механизму партнерства публичной власти и бизнеса. Это выражается в разработке государственных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства (далее СМСП), программ поддержки, развитию публичного обсуждения проблем субъектов бизнеса, в распространении некоммерческих организаций, занимающихся лоббированием интересов бизнеса, также в возникновении новых форм сотрудничества и повышении интереса к ним.

Круг изученных проблем в научной литературе касается региональной политики в целом, исследований взаимодействия власти и бизнеса без разделения на малые и средние предприятия, или исследований, ориентированных на изучение межсекторного партнерства между тремя субъектами: государством, некоммерческими организациями и бизнесом, а также частных примеров государственной поддержки: целевого финансирования, программ развития, субсидирования. В представляемой автором работе выявлены основные факторы межсекторного взаимодействия региональной власти с СМСП, проанализирована эффективность основных форм

сотрудничества власти и малого и среднего бизнеса и определены основные тенденции в партнерстве. В данном исследовании также уделяется внимание изучению заинтересованности в сотрудничестве бизнеса с властью, определяет степень удовлетворенности бизнеса проводимой политической государственной и региональной.

Сегодня взаимодействие осуществляется на разных уровнях власти, на федеральном, региональном, муниципальном. Используя новые формы сотрудничества, отказываясь от всеобщего контроля, государство и общество выступают как равные партнеры процесса. Государство, выполняя свои социально-экономические обязательства, ориентировано также и на оказание поддержки на разных уровнях власти такому институту как малый и средний бизнес, являющийся наиболее гибкой и мобильной формой организации. Муниципальные образования, основной приоритет которых в возможности реального учета национальных, местных социально-экономических и экологических особенностей территории, имеют возможность построения наиболее эффективной политики взаимодействия. В работе сделан акцент на необходимость взаимодействия власти и малого и среднего бизнеса на региональном и муниципальном уровне с учетом близости власти и предприятия, учетом особенностей территории и как следствие в целевом подходе к удовлетворению потребностей субъектов бизнеса, а значит разработке эффективных стратегий развития и программ поддержки.

В частности, в ходе анализа взаимодействия муниципальных образований внутригородских территорий г. Санкт-Петербург и СМСП были выявлены следующие формы: а) Сотрудничество в рамках муниципальных закупок; одна из самых популярных форм взаимодействия, представители МО отмечают, что другие возможности отсутствуют; б) Представительство интересов в Комитете по развитию предпринимательства и потребительского рынка (частные примеры); в) Благотворительная деятельность СМСП; г) Административный контроль со стороны МО, также выявлены основные проблемы взаимодействия.

Понимание механизмов взаимодействия малого и среднего бизнеса с региональной и муниципальной властью будет способствовать построению эффективного процесса коммуникации, дальнейшему развитию различных форм сотрудничества.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ: ОТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО К МОНАРХИЧЕСКОМУ?

Реализации идеи демократического представительства в истории России не вполне повезло. Формально идея представительства получила свое выражение в Конституции РФ, федеральном и региональном законодательстве. Регулярно формируются и действуют представительные органы государственной власти. Однако то, как эти органы формируются (специфика выборов в России), а также то, как осуществляется их повседневная, рутинная деятельность — количество законопроектов, разработанных преимущественно по инициативе администрации президента и правительства, а не других субъектов политики, характер и качество законов, принятых Государственной думой за последние 15 лет, недоверие населения к парламенту — все это свидетельствует о том, что законодательные органы не выполняют функции представительства интересов общества и не выражают «общую волю». Стало очевидно, что парламент проводит интересы более узкой группы людей — верхушки государственно аппарата, силовых структур, крупного бизнеса, их интересы принимают форму политических решений, воплощенных в законах.

Исследователи констатируют имитационный характер российского парламента, партийной системы и других политических институтов. Анализу законотворческой деятельности российского парламента посвящена работа Е. Шульман¹. Начиная с 2003 г. развитию российского парламентаризма препятствовали и формально-правовые, и неформальные ограничения. Среди симптомов деградации законотворчества Е. Шульман называет следующие: элитистский, закрытый характер парламентской работы, монополизация процесса выработки и принятия политических решений исключительно властными группами и акторами. Законы публично лишь утверждаются, решения на самом деле принимаются путем согласования интересов внутри элитных групп. При этом правительство и президентская администрация внутренне разделены, министерства зачастую противостоят одно другому, конфликтность пронизывает процесс выработки решений. «Единая Россия», составляющая большинство в государственной Думе РФ, не столько реализует определенную программу, сколько «служит

¹ Шульман Е. Законотворчество как политический процесс. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. 184 с.

механизмом, работающим на властное и ресурсное обеспечение политической элиты в обмен на полную поддержку цели Путина — концентрации власти в руках президента»¹. Вся совокупность межэлитных согласований происходит в непубличной сфере — на закрытых заседаниях комиссий или рабочих групп. Политический смысл данного процесса состоит в том, что внутриэлитная дискуссия о формулировках того или иного закона в нынешних условиях становится обсуждением вопроса о перераспределении власти и ее основных ресурсов. Введение президентской системы правления и отсутствие процедурного консенсуса привело к «полному подчинению представительной власти властью исполнительной»². Политико-правовые реформы в России 2000–2008 гг. внесли существенные изменения не только в процедуры формирования политических институтов, но и в значения понятий «демократия», «выборы», «представительство». Произошла подмена демократического (плюралистического) представительства «представительством» президентским. Исполнительная власть осуществила контрреформы: экспроприировала функции законодательной власти, отняла полномочия местного самоуправления, то есть сконцентрировала власть и по вертикали, и функционально.

Ф. Манов осмысливает переход от монархического правления к демократии и рассматривает французский парламент как политическое тело, символически представляющее народ, в качестве демократической фикции³. Он выявляет истоки демократического представительства в представительстве монархическом, и критикует несовершенства современных демократий. Интересна типология представительства этого автора, а также рассмотрение автором планов расположения мест в европейских парламентах. Расположение мест в российском парламенте свидетельствует, что законодательная власть в России выполняет функции «соборная холопов при самодержце» (В. О. Ключевский). Мало значащая роль парламента выявляется даже в архитектуре и расстановке мебели: президиум (место спикера как «местоблюстителя», временно замещающего царя) и напротив ряды депутатских мест, фиксирующие роль депутатов как слушателей и исполнителей монаршей воли. Все это следует традициям российской политической культуры, задает параметры политического поведения депутатов, степени их самостоятельности при принятии политических решений. Возникает вопрос об укорененности парламентаризма и системы демократического представительства в российской политической истории и культуре и о перспективах их развития.

¹ Там же. С. 49.

² Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Агентство «Издательский сервис», 2004. С. 472.

³ Манов Ф. В тени королей: Политическая анатомия демократического представительства / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 125.

РАЗВИТИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ КИТАЯ И ЕГО РЕШИМОСТИ К ЗАЩИТЕ СУВЕРЕНИТЕТА

С 1840 до 1949 г., в течение ста лет китайский народ испытывал агрессию со стороны западных держав, Китай был полуколонией империалистических стран, испытывая опасность окончания государственного и национального существования. Китайцы пострадали от огромных потерь и национального унижения. Поэтому каждый китаец запоминает такую мысль: если одна страна хочет жить в благополучии и мире, прежде всего надо иметь сильные и передовые вооруженные силы для защиты от захватчиков.

С момента образования Китайской Народной Республики до сих пор в развитии Народно-освободительной армии Китая постоянно соблюдается этот принцип. В особенности, в последние годы, можно отметить устойчивую тенденцию развития китайских вооруженных сил.

1. Причины развития оборонной мощи Китая в последние годы

Стремительное развитие китайской экономики. Модернизация обороны — исследование и разработка новейшей техники и высоких технологий в военной сфере, производство закупка и обслуживание боевой техники — все это требует привлечения значительных средств.

Китайская экономика в период «политикой реформ и открытости» с 1979 г., особенно в последние двадцать лет, бурно развивается.

На фоне глобализации, Китай долго называли «мировой фабрикой», Источник сырья и рынок сбыта уже давно имеются во всех уголках мира.

Одновременно, Китай поддерживает традиционные дружественные отношения со странами третьего мира, и развивает торговлю, инвестиции и экономическую поддержку этих стран.

Но общеизвестно, что для многих из этих регионов характерна военно-политическая нестабильность. Эти проблемы сильно влияют на безопасность зарубежных экономических интересов Китая. Поэтому для обеспечения безопасности жизни и собственности граждан и экономических интересов Китая за рубежом нужно обладать значительным военным потенциалом.

2. Внешние и внутренние проблемы безопасности Китая

Внешние проблемы: территориальные споры. Китай еще не может достичь общего понимания с некоторыми соседями. Главные территориальные споры ведутся относительно акваторий Южно-Китайского и Вос-

точно-Китайского моря, а также территорий в Южном Тибете. В XXI в., споры в Южно-Китайском море и об островах Дяоюйдао в Восточно-Китайском море уже превратились в горячие проблемы в Восточной Азии.

Внутренние проблемы: «Три силы зла». Терроризм, сепаратизм и экстремизм серьезно влияют на безопасность и стабильность Китая, России и стран Центральной Азии. Китайское правительство называет их «три силы зла». Их уничтожение является общей целью Китая, России и стран Центральной Азии. Это было одной из главных целей при создании Шанхайской организации сотрудничества.

3. События, стимулирующие китайскую военную модернизацию

4. Развитие обороноспособности Китая — военная модернизация

Модернизация обороны является основной целью, которым преследуют государственные руководители после создания нового Китая.

Важный шаг на пути к военной модернизации — военное сотрудничество между Китаем и Россией. От периода улучшения отношений между КНР и СССР в конце 80-х годов XX в., Китай и Россия унаследовали тесное стратегическое сотрудничество, в том числе и в военно-технической сфере.

Самостоятельные инновации в области развития китайской военной техники. Китайцы знают, что военную модернизацию невозможно купить, и потому радикальное решение проблемы — независимые и самостоятельные инновации.

5. Проявления развивающейся китайской военной мощи в кризисных событиях недавнего времени

Военно-морской флот НОАК из прибрежного флота превращается в океанский.

Военное сотрудничество в рамках ШОС. Совместные антитеррористические военные учения в рамках Шанхайской организации сотрудничества становятся постоянным механизмом. Непрерывно углубляется взаимное китайско-российское военно-стратегическое доверие и прагматичное сотрудничество.

Территориальные споры на море в 2012 г. Главные территориальные споры между Китаем и соседними странами в 2012 г. — события вокруг острова Хуанъяньдао (Скарборо) с Филиппинами и вокруг островов Дяоюйдао (Сенкаку) с Японией.

Цели развития обороноспособности Китая. Цели и задачи оборонной политики Китая в новый период заключаются в следующем:

- защищать интересы государственного суверенитета, безопасности и развития.
- обеспечивать общественную гармонию и стабильность.
- содействовать модернизации национальной обороны и армии.
- защищать мир и стабильность на планете.

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА КАК РЕАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Сегодня России предоставляется историческая возможность осознать дальнейший вектор своего развития и сформировать стратегические цели и решение актуальных задач для их достижения. В ст. 1 Конституции Российской Федерации декларировано, что Российская Федерация — есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Однако вопросы примата права, верховенства закона приобретают все большую актуальность и находят свое отражение в различных формах гражданской инициативы. Нам необходимо осознать и выработать такую государственную политику, которая была бы способна:

- *во-первых*, гарантировать права и свободы граждан (политические, социальные и экономические);
- *во-вторых*, реализовать демократические принципы разделения властей и подчиненности власти народу (прозрачность выборов, устранение коррупции и казуистичности закона, обеспечение независимости судебной системы);
- *в-третьих*, обеспечить государственный суверенитет и обороноспособность страны.

Концептуальная новизна правового государства по сравнению с предыдущими государствами заключается в том, что правовое государство — это учреждаемая государствообразующим народом и подконтрольная гражданскому обществу власть. Правовое государство — это институт общества, созданный им для оптимального управления делами гражданского общества¹. В Германии правовое государство понимается как ограничение деятельности государства правом, прежде всего демократической конституцией и правовыми законами, изданными на основе этой конституции². Такой подход к политико-правовому укладу государства подразумевает абсолютный примат права в обществе и признание индивидуальных, гражданских прав и свобод над общегосударственными. Это концепция, согласно которой общественно-политическое обустройство жизни опи-

¹ Раянов Ф. М. Правовое государство — судьба России. Уфа. 2007. С. 132.

² Соколов А. Н. Правовое государство: от идеи до ее материализации. Калининград. 2002. С. 10.

рается на решение конкретных вопросов политико-правового характера, и призывающая к оптимизации взаимоотношений гражданского общества и государственной власти.

Фактические данные свидетельствуют о том, что граждане ожидают и от государства, и от гражданского общества гораздо большей активности и эффективности, считая необходимым их равноправное партнерство. По результатам опросов Левада-Центр выявлено, что в период с 1997 по 2008 гг. наблюдается рост гражданского интереса к вопросам соблюдения прав и свобод. Так, если в 1997 г. 27% опрошенных отдали предпочтение этому аспекту, 60% — порядку в государстве, 13% затруднились ответить, то уже в 2008 г. эти предпочтения составили 39%, 53% и 10% соответственно. Рост гражданской активности в вопросах соблюдения прав человека свидетельствует о продолжающемся трансформационном процессе построения именно правового демократического государства с главенствующей ролью закона и права.

К сожалению, существующая государственная политика направлена в основном на решение социальных вопросов и достижение гуманной цели — роста благосостояния населения. Мы несколько не умаляем такие взгляды, но, как нам кажется, движимые решением сегодняшних, да, важных задач, мы забываем о будущем. Более того, уже сегодня мы сталкиваемся с фактами принятия политических решений не всегда и не в полной степени отражающих права и свободы граждан.

Согласимся с выводами Дорожкина Ю. Н. о том, что правовым государством следует по праву считать государство, которое с помощью правовых норм создает или работает над созданием условий для нормального существования и полноценного развития гражданского общества, более того «оно в определенной мере продукт времени и часть всего политико — правового пространства государства, часть политической системы»¹.

Сегодня наша задача — осознать, что дальнейшее развитие России как демократического государства возможно только с практическим акцентом на его правовые принципы. Необходимо формировать государственную политику как регионального, так и федерального масштаба с акцентом на верховенство права и закона. Именно в обществе, в котором и государство, и граждане в равной степени ответственны перед законом, возможна реализация социальных программ и рост благосостояния народа.

ПРОБЛЕМЫ СУВЕРЕНИТЕТА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Качество суверенности в обязательном порядке должно быть присуще любому политико-правовому образованию, которое претендует на государственный статус. Именно оно определяет уровень политической субъектности данного образования и его способность, *во-первых*, отражать суверенные интересы государства; *во-вторых*, выстраивать эффективную линию их реализации; *в-третьих*, быть готовым применять крайние формы принуждения для их защиты, как за рубежом, так и внутри страны.

Однако, категория суверенитета при кажущейся определенности при попытке выстроить на ее основе государственную систему управления сразу теряет свою однозначность, и возникает масса проблем различного характера, которые, в первую очередь, касаются сферы права как основного инструмента регулирования общественных отношений.

Правовая система является несущей конструкцией любого государственного образования. Государство может существовать только в правовых формах, которые и объективизируют данное политико-правовое образование как собственно государство. Единственным субъектом правотворчества, правоприменения и правового принуждения вплоть до крайних форм также является государство в лице своих органов, которые собственно и являются публичной властью.

В России выстроена достаточно стройная система властеотношений с четким указанием основного носителя государственной власти, а так же обозначен субъект ее реализации. В соответствии со ст. 3 Конституции РФ единственным источником власти в России является ее многонациональный народ, и именно он является носителем суверенитета. Народ может осуществлять ее как непосредственно, так и через органы государственной власти и местного самоуправления. В ст. 4 Конституции прямо подчеркнуто, что Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации, кроме того, правовой приоритет Высшего закона презюмирует и ч. 1 ст. 15 Конституции РФ. В Конституции последовательно отражен принцип разделения властей, в рамках которого и должна реализовываться суверенная власть народа России. Причем, как носитель власти, так и субъект реализации, находятся внутри государства.

¹ Дорожкин Ю. Н. Становление правового государства в современной России: политологический аспект // Правовое государство: теория и практика общественно-политический и научно-правовой журнал. 2013. № 2 (32). С. 19.

Однако, далее в тексте Конституции РФ возникают определенные допущения, которые наносят серьезный правовой удар по объему суверенной государственной власти России. Так в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Здесь сразу возникает ряд вопросов:

1. Если допускается, что принципы и нормы международного права являются частью нашей правовой системы, то это означает умаление суверенных властных прерогатив многонационального народа России, так как он не является субъектом международного права и, соответственно, не участвует в их принятии; а государственные органы, им формируемые, данной нормой просто лишаются властной субъектности, что совершенно недопустимо.

2. Что имеется в виду под категорией общепризнанности? В практике российского судопроизводства данная категория отдана на усмотрение суда, который вправе сам решать, что является общепризнанным, а что нет. В рамках же международного права не понятен субъект трактовки, что позволяет бесконечно «растягивать» объем данной категории и неограниченно вторгаться в сферу правового суверенитета России.

Далее в тексте Конституции РФ данный подход находит свою реализацию в прямом нарушении принципа верховенства национальной юрисдикции на всей территории государства. Ч. 3 ст. 46 Конституции РФ вводит иностранного субъекта в судебную систему, признавая за ним верховенство судебных решений, которые обязательны для исполнения на всей территории России всеми органами, включая судебные. Таким органом является Европейский Суд по правам человека. Причем, ответчиком в случае рассмотрения дела в данном суде является само государство в лице его органов, то есть прямо признается подсудность Российской Федерации как государства иностранным судебным инстанциям, что низводит степень национальной суверенности России до минимума.

Поэтому в настоящее время крайне необходимо:

1. выстроить стройную, непротиворечивую и последовательную правовую систему России с четким определением порядка «введения» международных норм и принципов в рамки национальной права исключительно через принятия соответствующих законов национальным законодательным органом. При этом однозначно исключить возможность прямого действия любых норм, не отраженных в национальном законодательстве.

2. вернуть абсолютный приоритет национальной юрисдикции на всей территории России, где высшая судебная власть должна принадлежать исключительно Верховному суду РФ и более никому.

ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: СТРАХОВОЙ СТАТУС ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ И В США

Исследование здоровья трудовых мигрантов и определение эффективной здравоохранительной политики имеет как гуманистический, так и сугубо прагматичный экономический аспект.

В России доступность услуг в связи с туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями, беременностью и другими потребностями, не относящимися к сфере первичной медико — санитарной помощи, является серьезной проблемой для трудовых мигрантов.

Хотя мигранты имеют легальный доступ к бесплатным услугам неотложной помощи, даже если они не имеют документов, некоторые центры неотложной помощи могут отказать их принимать. Чтобы получить помощь, мигранты могут использовать социальные сети, врачей из своей диаспоры и частные учреждения, дружественные по отношению к мигрантам. Только три неправительственные организации (по примеру мегаполиса Москвы) предоставляют услуги мигрантам с детьми, нуждающимся в помощи, предлагая при этом недостаточно услуг для потребностей этого сообщества. Кроме того, существуют барьеры для получения помощи среди мужчин, имеющих половые контакты с мужчинами (МСМ), которые могут уклоняться от обследования на ВИЧ или приобретать поддельные результаты обследований, так как в России предусмотрена процедура депортации ВИЧ — инфицированных.

В США среди самых значительных препятствий при получении услуг здравоохранения исследователями выявлены: стоимость услуг, транспортные и языковые аспекты, отсутствие страхования, правовой статус, отсутствие знаний об услугах, расписание приема в клинике, а также опасения дискриминации. Институциональное насилие и лишение прав общин мигрантов и латиноамериканцев ведут к росту проблемы названных барьеров при получении помощи, несмотря на то, что эти общины имеют более высокие риски травматизма и заболеваемости. В связи с наличием барьеров при получении помощи, многие мигранты обращаются почти исключительно в экстренные медицинские службы и не имеют доступа к профилактической помощи.

Россия и США сходны в том, что медицинское страхование мигрантов не является обязательным, хотя работодатели имеют возможность пред-

лагать им включение в программы медицинского страхования. Менее 20% трудовых мигрантов охвачены медицинским страхованием в России, а те мигранты, кто имеют медицинское страхование, часто не в полной мере пользуются своей страховой программой. По мнению ряда представителей органов государственного управления здравоохранения России, предоставление дополнительного медицинского страхования пока является недостаточным в процессе интеграции трудовых мигрантов в российскую систему здравоохранения. С требованием введения обязательного платного медицинского страхования для работающих в России иностранцев выступают общественность, средства массовой информации и ведущие политические силы, и совсем недавно стала осуществляться процедура приобретения медицинских полисов кандидатами на получение разрешения на работу.

В США семьи мигрантов — сельскохозяйственных работников имеют непропорционально низкий охват страхованием, даже при сравнении с другими низкодоходными семьями. В отличие от низкодоходных семей лиц, не являющихся мигрантами, мигранты — сельскохозяйственные работники часто не имеют и доступа к программе Медикейд (*Medicaid*) и другим программам, финансируемым из бюджета. Это объясняется перемещениями мигрантов из одной местности в другую, тогда как годовой доход, важный критерий для включения в программу Медикейд, определяется на основе самых последних платежных документов, без учета сезонной или частичной занятости. Даже при наличии охвата некоторых рабочих мест страхованием, его нельзя признать эффективным. Без оказания услуг, характерных для потребностей мигрантов, в частности, мигрантов — сельскохозяйственных работников, ситуация вряд ли улучшится, так как трудовые мигранты, скорее всего, не будут охвачены новым законодательством в области медицинского страхования.

Таким образом, для разрешения возникающих медико-социальных проблем требуется реформирование идеологии медицинского страхования трудовых мигрантов в сторону доступности и востребованности.

А. М. Халбаева
Москва

МНОГОУРОВНЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В современном мире в условиях глобализации происходит интенсификация миграционных потоков, создающая как положительные эффекты, так и негативные вызовы и угрозы, в том числе и для национальной безопасности государства. Особый интерес представляет опыт управления миграцией в США и Германии, где миграционные процессы отличаются масштабностью и противоречивостью. Для анализа были выбраны следующие критерии: многоуровневое и полисубъектное управление миграционными процессами; наличие инфраструктуры для интеграции и адаптации мигрантов; отношение к мигрантам со стороны принимающего населения.

К основным направлениям миграционной политики США относятся пресечение нелегальной миграции; защита коренного населения в области труда; приток высококвалифицированных специалистов и др.¹. Интеграция мигрантов не заявлена в качестве приоритетного направления, но при этом в государстве функционируют специальные интеграционные службы. Помимо государственных структур в управлении миграционными процессами принимают участие неправительственные организации. В настоящее время в США интеграцию мигрантов рассматривают как самостоятельное и необходимое направление во внутригосударственной политике, значительная часть чиновников и экспертов считают, что вопросы интеграции и адаптации мигрантов должны реализовываться на региональном и локальном уровнях.

Согласно результатам опросов, организованных *Pew Research Center* в 2013—2014 гг., большинство американцев считает, что миграционная политика государства нуждается в радикальных изменениях. Общественное мнение по отношению к мигрантам достаточно благосклонно, что связано с иммиграционным прошлым государства и отсутствием титульной нации. Слабая координация между федеральными, региональными и локальными ведомствами является серьезной проблемой, для устранения которой требуется масштабная иммиграционная реформа.

Германия благодаря высокому уровню жизни привлекает значительное количество мигрантов. К основным направлениям миграционной по-

¹ Законодательство и политика в области интеграции иммигрантов. Сборник законодательства, политики и практики 19 государств в области интеграции иммигрантов. М., 2011. 196 с.

литики ФРГ относятся: усиление борьбы с нарушениями миграционного законодательства; повышение требований к квалификации въезжающих мигрантов; сокращение «социального туризма»; интеграция иммигрантов путем включения их в жизнь общества; снижение числа межэтнических конфликтов. Как можно видеть, интеграция и адаптация мигрантов, селективный отбор являются приоритетами в управлении миграционными процессами в Германии.

Особого внимания требует многосубъектность интеграционных процессов, всесторонне поощряется вовлечение германских граждан, что, по мнению экспертов, должно способствовать межкультурной и межэтнической открытости в обществе. Говоря об участии мигрантов в жизни принимающего сообщества, следует отметить низкую репрезентативность людей с мигрантским прошлым в органах государственной власти.

Немецкое население зачастую воспроизводит негативные установки по отношению к иммигрантам в связи со значительной нагрузкой на бюджет, возросшим уровнем преступности. Но официальные опросы общественного мнения свидетельствуют о противоположных тенденциях, так, исследование *TNSE* показало, что 85% жителей Германии в возрасте от 14 до 29 лет считают, что миграция делает жизнь в Германии интереснее и насыщеннее. Во многих сферах жизни немцы даже нуждаются в увеличении количества мигрантов, что позволяет расценить отношение как в целом благосклонное. Опрос выявил и негативные тренды: 70% всех опрошенных требуют, чтобы органы власти уделяли больше внимания развитию толерантности в мигрантской среде¹. Из этого следует, что наличие конфликтов между коренными жителями и иммигрантами в Германии — современная реальность, требующая вмешательства со стороны государства и иных политических акторов.

Итак, общие тенденции и региональная специфика процесса управления миграцией в развитых странах, схожи по отношению к различным группам иммигрантов, что свидетельствует о закономерном характере миграционного процесса.

В США и Германии осуществляется тесное взаимодействие всех акторов политического управления миграционными процессами, функционирует модель многоуровневого управления миграционными процессами, доказавшая свою эффективность в силу многомерности самой миграции. Специфическое в политике управления миграцией обусловлено историческими особенностями развития государств, географическим положением, социально-экономическим развитием, особенностями национального законодательства.

¹ Deutsche skeptisch gegenüber Migranten? Von wegen! // Die Welt. URL: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article112088080/Deutsche-skeptisch-gegenueber-Migranten-Von-wegen.html>.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОНА?

До настоящего времени социологи и политологи крайне редко обращались к теме жизнедеятельности приграничных сообществ и политики приграничных областей. Однако сейчас, особенно в связи с событиями на Украине, такие исследования приобретают суперактуальное значение. Особое внимание следует уделить новым границам, образовавшимся при распаде СССР.

Хотя ученые приграничных регионов в последние годы тему старались осмысливать и даже искать теоретические подходы для ее анализа [см., например: *Образы России и Белоруссии... 2013*]. Исследования в основном посвящались анализу геополитики, безопасности государства и международным отношениям [см., например: *Безопасность и международное сотрудничество... 2002*]. В них рассматривались также проблемы создания и функционирования такой формы международного приграничного сотрудничества, как «еврорегион».

Доклад основан на исследованиях, проведенных в 2014 г. в трех регионах: Смоленская область с фактически спокойной границей союзного государства Беларусь; Псковская область, соседствующая с тремя Прибалтийскими государствами Эстонией, Латвией и Литвой, входящими в Евросоюз; Курская область, граничащая с Сумской областью Украины, где ситуация не обременена близостью военного конфликта и исходом беженцев.

Новое приграничье: общие сведения. Мы с удивлением обнаружили, что современные западные границы нашего государства располагаются в непосредственной близости от Москвы, (удивились не потому, что не знали географии, но потому, что никогда не задумывались об этом, привыкнув к тому, что в советские времена они были все же очень далеко).

Обнаружили также, что границы, возникшие в результате трансформаций, почти полностью открыты. Конечно, степень открытости различна — от полного отсутствия приграничных служб в Смоленской области до полупрозрачной границы в Курской и более прикрытой в Псковской областях. Однако следует отметить слабую оборудованность границ (также в различной степени) и отсутствие пространственной непрерывности их охраны.

Выявилась и другая проблема: далеко не на всем протяжении границы присутствуют не только пограничные службы, но, что дополняет риски, и населенные пункты не представляют собой непрерывного континуума. Более того, разрушающиеся и вследствие этого исчезающие деревни, а также отток молодежи из приграничных районов создают возможности для дальнейшего развития процесса обезлюдивания российского приграничья.

Все это сопряжено с социально-психологической открытостью местных жителей.

Политика приграничья. Федеральная государственная политика до сих пор не была нацелена на укрепление всего периметра границы. Имеется в виду, в первую очередь, не ее оборудование и военная охрана, но именно политический аспект обеспечения безопасности границы в форме специфических установок, транслируемых «сверху» федеральным и местным властям: определение их функций в связи со спецификой приграничья. Как представляется, такие функции должны бы заключаться в следующем: повышенная забота о социально-экономическом состоянии приграничных районов, морально-психологическом состоянии местных сообществ, их культурном уровне, в связи с чем должно уделяться специальное внимание методам образования и воспитания детей; развитию и охране транспортной инфраструктуры.

Под влиянием украинских событий некоторые тенденции осуществления подобной политики сегодня можно обнаружить. Но складываются они скорее стихийно, чем целенаправленно, и реализуются большей частью именно местными властями и без дополнительных материальных ресурсов.

Единственное, что пришлось наблюдать непосредственно в ходе полевых исследований, это появившийся практически еженедельный контроль ситуации на приграничных территориях со стороны федеральных властей в форме требования постоянной отчетности региональных администраций о происходящем на границе и в области в целом. Региональные власти также настроены на контроль, особенно это заметно в районах, располагающихся на границе с Украиной. На уровне приграничных районов специальной охранительной политики в социальной сфере не обнаруживается. Здесь продолжают действовать устоявшиеся, традиционные способы управления, нацеленные, в первую очередь, на формирование у жителей чувства любви к «малой родине» и повышение уровня комфорта проживания. Как показали интервью, эта стратегия не связана (даже на мыслительном уровне) с положением приграничья. Но сегодня такая деятельность приобретает особый смысл и функцию формирования приграничного социального сознания.

К этой же стратегии стоит отнести повышенное внимание местных властей к учреждениям образования (как основного, так и дополнительного). Впрочем, это свойственно большинству районов России (конечно,

там, где власти честно работают). Но в приграничных населенных пунктах это чрезвычайно важно, хотя и приводит не только к тому, что способствует повышению культурного уровня жителей, противостоит бессмысленному, а то и девиантному времяпрепровождению молодежи, но и к оттоку последней в связи со стремлением продолжать обучение после школы.

К политике приграничья можно отнести и запущенный с 2003 г. процесс создания международных горизонтальных структур в виде «еврорегионов».

О. Г. Харитонов
Москва

ЧТО МЫ ЗНАЕМ И НЕ ЗНАЕМ О СПОСОБАХ СМЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ?

Политические режимы могут меняться вследствие гражданских войн и повстанческих действий, переворотов, революций, реформ (включая демократизацию и де-демократизацию) и действий внешних акторов. Причем в течение длительного времени перевороты были главным инструментом смещения диктатора, поэтому их приравнивали к регулярной смене власти в авторитарном режиме, который не предоставляет других возможностей для замены лидера.

Политологи, занимающиеся политическими режимами, изучают влияние этих событий на выживаемость авторитарных лидеров и прогнозируют вероятность распада режима через анализ рисков (переворотов, революций и пр.). Эти события могут быть взаимосвязаны. Так, реформы могут привести к революциям и переворотам, перевороты могут стимулировать гражданские войны и революции, а конфликты — могут стать катализаторами реформ или войн, провоцировать нестабильность и нарушать основы государственной состоятельности. Одни режимные изменения приводят к демократизации, другие — останавливают процесс транзита.

В данном докладе автор анализирует уровень научного знания о режимных изменениях, о связи между политическими режимами и режимными изменениями, о факторах, увеличивающих риск распада режимов.

Несмотря на большой интерес и огромное число исследований, ученые так и не смогли решить проблемы концептуализации и операционализации режимных изменений. Еще одной методологической проблемой является разграничение между успешными и неуспешными режимными изменениями. Так, если целью переворота является смена действующего режима, успешным будет переворот, приведший к достижению именно этой цели.

Среди глобальных и региональных сравнительных исследований режимных изменений преобладает структурный подход, в рамках которого рассматриваются различные предпосылки, факторы и условия, которые способствуют попыткам режимных изменений. Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между социальными, экономическими и иными контекстуальными переменными и риском переворотов. Такие связи понимаются как структурные предпосылки, обусловленные влиянием определенных структур, а не намерениями и действиями акторов. Статистическая значимость становится главным критерием для оценки влияния независимых переменных, в основном социально-экономических. Результатом количественных исследований обычно становится набор объективных социально-экономических условий, делающих вероятным ключевые события режимных изменений (революции, перевороты и пр.). Однако структурный подход исключает индивидуальные и коллективные мотивы акторов, которые могут использовать структурный потенциал и осуществить переворот.

Методологически структурные исследования представляются корректными, так как большое число режимных изменений в XX в. позволяет исследователям избежать проблемы «слишком много переменных, слишком мало казусов». Однако сложности в концептуализации, в определении успешных и неуспешных ключевых событий и использование разных данных делают результаты исследований несравнимыми между собой. Несмотря на большое число исследуемых событий, они являются «редкими событиями». Махони и Герц считают, что для достижения лучших результатов (при изучении редких событий) необходимо использовать принцип возможности, и включить в исследование казусы, релевантные по значению хотя бы одной независимой переменной, и исключить казусы, которые имеют значение переменной, которое делает исследуемый результат невозможным. Такой метод позволит увеличить число наблюдений, отделить негативные наблюдения (в которых редкое событие теоретически могло бы произойти) от иррелевантных и возможно прийти к более достоверным результатам [Mahoney and Goertz, p. 657]. С целью преодоления проблем количественных исследований некоторые авторы используют новый сравнительный метод — качественный (конфигурационный) сравнительный анализ (QCA), позволяющий выделить сочетания необходимых и достаточных условий, однако пока результаты анализа выделяют уже известные конфигурации социально-экономических факторов.

Представители процедурного подхода объясняют режимные изменения через мотивы и возможности ключевых акторов и стратегию их проведения независимо от контекста. В результате они фокусируются на объяснении отдельных казусов, либо сравнении нескольких казусов региона, что придает их исследованиям описательный характер. Однако без определения контекста сложно оценить потенциал акторов и проанализировать

невозможность реализации намерений, причем поведение других акторов также становится важным контекстуальным фактором.

Режимные изменения изучались в рамках структурного, процедурного, институционального подходов, на сегодняшний день проведено огромное число количественных и качественных исследований, однако исследователи так и не определились относительно оптимальных способов смен режима.

В. Е. Хвощев
Челябинск

ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОЛИТИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Любая наука, в том числе политическая, отражает действительность — явления и процессы, происходящие в реальной жизни. При этом окружающий человека мир развивается по свойственным ему закономерностям, оставляя место для случайностей, а общий миропорядок не лишен изрядной доли хаоса. Порядок и закономерность в конечном итоге определяют содержание и формы всякого движения и составляют основу развития. В социально-гуманитарной сфере бытия движение предстает как деятельность, преследующих свои интересы индивидов и групп. Разнообразие человеческих интересов и связанных с ними целей деятельности людей не исключает наличия в них однородных образований, задающих основные параметры развития. Так возникает объективное социальное движение, заслуживающее научного осмысления.

Социальное развитие содержит в себе основу политической деятельности и предмет политики. По этой причине многие исследователи с удивлением отмечают политизированность современной жизни, проникновение политики во все ее сферы, однако, социальное и политическое нераздельны по своей сути и составляют естественное и неразрывное единство.

Очевидно, что наука не может обходиться без общих представлений о полнотном ей знании — методологии. И беспристрастный исследователь должен заняться разработкой или подбором такого инструмента. На деле все оказывается сложнее.

Социально-политическая деятельность граждан в государстве направляется не столько их интересами или рекомендациями науки, сколько властными субъектами под видом государственной политики. Нередко государственная политика навязывает обществу правила жизнедеятельно-

сти, не совпадающие или даже противоречащие интересам большинства населения. По этой причине возникает социальная конфронтация, представляющая угрозу для политической стабильности общества. При таких обстоятельствах возрастает роль научной методологии социально-политического развития, способной объяснить происходящее, а вместе с ней методологии наукообразной, оправдывающей сложившуюся ситуацию. Разумеется, что обе методологии могут различаться не только в деталях, но и в принципиальных позициях.

Научная политическая методология является незавершенным продуктом, производным от анализа и индуктивного синтеза. Ее незавершенность определяется конечным числом исследуемых политических событий, явлений, процессов. Научная политическая методология не стремится за рамки опыта и рождается в лоне теории. Она всегда находится в развитии и готова для преодоления внутренних противоречий к модернизации и даже саморазрушению.

В противоположность научной политической методологии выступает теологическая по природе, дедуктивная по способу мышления, догматическая по характеру защиты собственных канонов методология политики, избегающая презентации и самоопределения. Она критична и, на первый взгляд, аморфна. У нее множество обликов и разновидностей, но общая суть — скрытые экономический и политический интересы той или иной группы общества.

Несмотря на качественные различия, обе методологии в настоящее время представляют собой сложный конгломерат объяснений политических явлений и процессов в обществе, требующий дифференциации компонентов и поиска сущностных основ политической деятельности.

Е. В. Храмова
Казань

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ (на примере современной российской высшей школы)

Современное российское государство за двадцатилетний период своей новейшей истории (конца XX — начала XXI вв.) прошло несколько этапов коренных изменений в общественно-политической жизни: от слова командно-административной бюрократической системы государствен-

ного управления к созданию новой, демократической, учитывающей лучшие образцы мирового управленческого опыта. Важное место в процессе формирования качественно новой российской государственности занимает высшая школа.

Сегодня изучение означенной проблематики представляется интересным с точки зрения участия в процессе формирования государственной политики в данной сфере такими ее субъектами, как: органы государственного управления системой высшего образования РФ (институты законодательной и исполнительной ветвей власти, непосредственно задействованные в этом процессе); негосударственные организации и лица, осуществляющие управленческую деятельность в сфере высшего образования Российской Федерации (Общероссийская общественная организация «Российский Союз ректоров», представители академического сообщества Российской Федерации).

По мнению многих аналитиков, большую роль в стабилизации политических процессов современной России, в формировании ее государственной политики сыграла личность лидера. Несмотря на полярность оценок деятельности этого вполне конкретного лидера эксперты сходятся во мнении, что «управляться» страна начала лишь с приходом в 2000 г. В. В. Путина¹. Ведущими представителями науки обосновывается следующий тезис: признаки того, что политический курс страны начинает выстраиваться с учетом национальных интересов России, появились одновременно с вхождением к вершинам государственной власти новой генерации прагматиков во главе с В. В. Путиным². На наш взгляд, данное утверждение несколько категорично, но вполне приемлемо с тем условием, что политика государства с начала XXI в. представляется вполне рациональной, имеющей инновационную направленность, в отличие предыдущего реформистского этапа развития с его с ощутимыми социальными недостатками, особенно в сфере высшего образования.

Современная Россия стоит перед необходимостью преодолеть тяжелый комплексный кризис, глубоко проникший в политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. Необходимо объединить

¹ См.: *Атаманчук Г. В.* Управление в жизнедеятельности людей. Очерки проблем. М.: Издательство РАГС, 2008, 397 с.; *Balzer Harley.* Управляемый плюрализм В. Путина / Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 46–59; *Бызов Л. Г.* Бюрократия при В. Путине — субъект развития или его тормоз? / Социологические исследования. 2006. №3. С. 21–28; *Зудин А. Ю.* Режим В. Путина: контуры новой политической системы / Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 67–83; *Согрин В. В.* Противоречивые итоги президентства В. Путина / Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 69–87.

² *Жуков В. И.* Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. Изд. 2-е, перераб. и доп. В 3 т. Т. 3. Философия и социология образования и культуры. М.: Издательство РГСУ, 2007. С. 159.

МОЛОДЕЖЬ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

усилия государства и общества, прекратить их противостояние и дальнейшее дистанцирование. Для этого нужны специальные технологии и проекты формирования и соорганизации стратегических субъектов российского развития¹. Как показал отечественный опыт, успех в реализации национальных проектов находится в прямой зависимости от экономического и политического состояния государства. Стоящие перед мировым и российским сообществом проблемы интеграции в различных общественных сферах все более и более усложняются, усложняя процесс формирования государственной политики.

Вузы России, ректорский корпус и научно-педагогическая общественность всецело способствуют конструктивному диалогу с властью в решении текущих и стратегических проблем. То есть, четко формулируя свои интересы на открытых научных площадках (съезды Российского союза ректоров, СМИ и т.д.), российское академическое сообщество фактически сформировало и запустило дискурсивную площадку решения проблем высшей школы посредством научно обоснованного образовательного дискурса, однозначным закреплением которого стал 7 Съезд Российского союза ректоров. В его работе приняли участие представители всех ветвей государственной власти РФ. На одну площадку с ними вышли: представители академической науки, делегации ведущих университетов СНГ и Европы.

Новый виток в развитии дискурса высшего образования начался в 2006 г. с Послания Президента РФ к Федеральному Собранию: «России нужна конкурентоспособная образовательная система. В противном случае мы столкнемся с реальной угрозой отрыва качества образования от современных требований»². Была выявлена потребность в механизме взаимодействия российской власти и общества в решении проблемы управления системой высшего образования на научной основе в рамках дискурсивной площадки, что само по себе является новой технологией формирования государственной политики в данной сфере. Дискурс по проблемам российской высшей школы наполнился технологической составляющей, а внедрение новых технологий в управленческие практики сегодня является показателем наличия взаимодействия всех субъектов формирования государственной политики в высшей школе современной России.

¹ На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В. И. Аршинова и В. Е. Лепского. М.: Институт философии РАН, 2005. С. 8.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 10.05.2006 // «Российская газета», № 97, 11.05.2006.

Сложное и противоречивое переплетение в современной России модернизационных и глобализационных процессов обострило и без того непростую проблему — управления молодежным социумом и его эффективного взаимодействия с основными структурными элементами политической системы и с обществом в целом. Анализ российской и зарубежной практики показывает, что многие ошибки в модернизационных преобразованиях нередко связаны с игнорированием важнейшей составляющей человеческого капитала — молодежи. Невнимание к проблемам молодежи чревато губительными последствиями для национальной безопасности страны, ее стабильности и поступательного развития. Волны молодежного бунтарства, прокатившиеся в последние годы во Франции, Греции, Испании, Турции и ставка на молодежь в стратегии больших дел в Китае и Вьетнаме, подтверждают необходимость создания адекватной системы включения молодых людей в созидательно-полезную инновационную деятельность современной России.

Каковы же основания возможного участия молодежи в современном инновационном развитии России? Основные рассуждения в рамках заявленной темы можно сгруппировать по четырем блокам: влияние политической модернизации на формирование молодежного ресурса, изменения в политической ресурсности молодежи, молодежная политика и пути ее совершенствования, региональные аспекты повышения роли молодежи в политической и социально-экономической модернизации.

Сложность и противоречивость процессов модернизации в России была обусловлена целым рядом факторов объективного и субъективного характера. Молодежь начала 90-х годов оказалась свидетелем модернизаторской, антимодернизаторской, центристской, прозападной и проамериканской, антизападной тенденций в общественно-политической жизни России, что в определенной степени стимулировало ее политический интерес наблюдателя. Что же касается реального политического действия, то без соответствующих институтов, идеологического вектора и поддержки государства оно приобретало либо протестный, либо «тусовочно-амбициозный» характер.

Влияние политической модернизации на формирование молодежного ресурса проявилось в ломке политических стереотипов, жизненных ори-

ентаций, политико-правовых гарантий включения молодых людей в политику. Однако властные структуры и политические партии длительное время не замечали или игнорировали эту объективную тенденцию, побуждая молодежь лишь к участию в избирательных кампаниях, не утруждая себя разработкой новой стратегии работы с молодежью.

Государственная и общественная молодежная политика не всегда адекватно отражали политическое, деятельностное и нравственное взросление молодежи. Значительная часть молодых людей, обладающих организаторскими способностями, оказалось невостребованной. Поэтому показатели политического и экономического участия молодежи оказались заметно ниже, чем это ожидалось как властью, так и обществом.

Государственная молодежная политика на протяжении всего рассматриваемого периода носила характер запаздывания, непостоянства, неоднократно подвергалась преобразованиям, нередко ухудшающим общую ситуацию как в молодежном социуме, так и среди кадров, призванных обеспечить ее реализацию. Бесконечные реорганизации ведомства, отвечающего за молодежную политику, сузили функции государственного контроля за ходом выполнения принятых решений, снизили степень ответственности за состояние воспитания и социализации подрастающего поколения.

В конкурентной борьбе современных цивилизаций возможно развитие лишь тех стран, в которых и общество и государство способствуют раскрытию творческого потенциала, инновационного подхода к делу и ответственности молодежи за решение политико-правовых, социальных и экономических задач.

Изучение региональных аспектов повышения роли молодежи в политической модернизации подтвердило рабочую гипотезу о том, что основы молодежной политики закладывались прежде всего в регионах. Положительным моментом модернизационных преобразований является выстраивание партнерских отношений между региональной властью и молодежью. Это и совместная выработка решений, и механизмы подготовки кадрового резерва, и меры по формированию правовой и политической культуры, участие молодых людей в добровольческом движении. К числу негативных моментов осуществления модернизации следует отнести разрушение про-ориентационной системы.

В целом считаем возможным отметить следующее:

- В отношении к молодежи, требуется соответствующая трансформация экономической политики с тем, чтобы молодые люди пополняли ряды среднего класса, поскольку его представители как показывает зарубежный и отечественный опыт, законопослушны, исправно платят налоги, они ценят труд и считают, что материальное положение зависит не от государства, а от него самого.

- Учитывая, что экономический кризис в стране вряд ли закончится в ближайшее время, следовало бы по отношению к молодежи, проявить большую озабоченность, с точки зрения ее материальных интересов. В связи с чем было бы целесообразно усилить ответственность муниципальных органов власти за создание рабочих мест для трудоустройства молодежи как в муниципальном, так и частном секторе производства и, прежде всего — в промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг.

- Новейшие тенденции регионализации как процесса перераспределения полномочий между центром и регионами в пользу последних способствуют сокращению дистанции между региональной политической элитой и рядовыми гражданами и тем самым создают дополнительные каналы вовлечения молодых людей в политическую жизнь.

- В масштабах страны целесообразно создать независимый научно-исследовательский центр, призванный мобилизовать интеллектуальный потенциал ученых, политиков, партий и молодежных организаций для изучения опыта работы в регионах и разработки приоритетных проектов развития молодежного социума.

С. Л. Чепель
Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСОЛИДАЦИИ «НОВЫХ ДЕМОКРАТИЙ» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сущность и формы глобализации, характер воздействия глобальных структур и процессов на принятие решений национальными правительствами относятся к числу тех проблем, без осмысления которых невозможно выявить особенности функционирования современных политических систем. Воздействие глобализации на функционирование политических систем стран «новой демократии», возникших в последней трети XX в. в ходе «третьей волны» демократизации, носит весьма противоречивый характер. Глобализация, первоначально способствовавшая переходу значительного числа стран от авторитаризма и тоталитаризма к демократии, в дальнейшем стала в большинстве из них препятствием на пути консолидации демократии.

Современная эпоха радикально отличается от предшествующих исторических этапов с точки зрения расширения политического участия и распространения демократических политических институтов. Однако уже с середины 1990-х гг. стали проявляться признаки спада демократической

волны, выразившиеся в снижении темпов роста доли свободных стран и, что особенно показательно, в расширении к началу 2000-х гг. доли частично свободных стран.

На первый взгляд подобная ситуация «демократического тупика» означает то, что для стран, оказавшихся в ней, консолидация демократии становится менее вероятной в ближайшей перспективе лишь в силу их разнообразных национальных особенностей. Однако масштабы этого политического феномена говорят о более долгосрочной тенденции, в основе которой лежат глобальные, а не национальные причины и факторы.

С точки зрения процедурного подхода установление «нелиберальной демократии» в большинстве государств «третьей волны» может трактоваться как вынужденная реакция правящих элит на вызовы экономической глобализации. Осуществляя политику реформ, правительства поставторитарных и особенно посткоммунистических государств сосредоточились не только на политической демократизации, но и на экономической либерализации. В основу экономической политики большинства переходных обществ в той или иной степени были положены рекомендации МВФ и Всемирного банка. Эти рекомендации сводились, в частности, к минимизации государственного субсидирования национальных предприятий, свертыванию социальных программ, борьбе с инфляцией за счет налоговой дисциплины, отказу от государственного вмешательства в финансовую сферу. Столь жесткие условия глобальной рыночной экономики сужают пространство демократического разрешения политических конфликтов, ведь поддержание инвестиционной привлекательности за счет минимизации внутренних социальных издержек имеет своим неизбежным результатом рост протестных настроений и массовой политической активности.

С точки зрения структурного подхода торможение процесса консолидации «новых демократий» следует рассматривать как результат проявления той системы ценностных ориентаций, которая сформировалась в поставторитарных и посткоммунистических обществах не только в силу особенностей исторического развития, но и во многом вследствие включения в процессы глобализации. Закрепиться в числе либеральных демократий удалось только тем странам, где спрос на политическую свободу превышал ее институциональное предложение, в силу преобладания в массовом общественном сознании устойчивого конгломерата секулярно-рациональных ценностей и ценностей самовыражения. Те же страны, где отход от диктатур предпринимался в условиях доминирования в массовом общественном сознании секулярно-рациональных ценностей в совокупности с ценностями выживания, обусловивших низкий спрос на политическую свободу, пополнили группу нелиберальных демократий.

Значимым фактором, определяющим тяготение обществ к разным системам ценностей, представляется воздействие процессов глобализа-

ции. Включение стран «третьей волны» в глобальную экономику не стало мощным механизмом догоняющего развития. Обострив конкуренцию между странами, глобализация лишь укрепила экономическую стратификацию мира и ограничила перспективы стран «полупериферии» и «периферии» преодолеть свое нынешнее социально-экономическое состояние индустриальных и индустриализирующихся обществ. Только некоторым участникам «третьей волны» удалось войти в группу т. н. «новых индустриальных стран». Глобализация содействовала распространению секулярно-рациональных ценностей в культуре большинства переходных обществ, стимулируя тем самым интерес к политике, но в то же время блокировала возможность проникновения в культуру этих обществ ценностей самовыражения, объективно ослабляя спрос на политическую свободу.

Как показала история вхождения стран «третьей волны» в глобальную экономику, успех в деле социально-экономического развития и наращивания доли носителей ценностей самовыражения в составе населения сопутствовал тем обществам, которые продуманно комбинировали рыночное и государственное регулирование, а не строго придерживались неолиберальных рекомендаций. Для большей же части стран «новой демократии» консолидация представляется отдаленной перспективой.

М. И. Черников
Воронеж

ТРАНЗИТ К ПОСТЛИБЕРАЛЬНОЙ РОССИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Сегодня в научных и экспертных кругах активно обсуждается вопрос о возможности перехода России к т. н. постлиберальной экономической модели. Построенная в 1990-е годы либеральная экономическая модель, де факто превратившая Россию в страну периферийного капитализма со всеми вытекающими отсюда последствиями, уже доказала свою неэффективность в российских условиях. Транзит к постлиберализму в России, можно сказать, назрел. Он предполагает целый ряд конкретных шагов, к которым, в частности, относятся:

- монетизация российской экономики до уровня 100–150% от ВВП через создание внебюджетного инвестиционно-кредитного фонда и снижение ставки ЦБ до 2–3%;
- полное самообеспечение потребностей внутренним производством через поддержку отечественной обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, реиндустриализация;

- производство высоконаучной продукции, сокращение сырьевого компонента в структуре экспорта, смена специализации страны в мировом разделении труда;
- суверенизация отечественной экономики, обеспечивающая снижение зависимости от иностранного сектора. Необходимые меры: создание собственной платежной системы, вывод средств из западных ценных бумаг, выход из долларовой ловушки за счет расчетов с партнерами в рублях и др.;
- отраслевое и территориальное планирование, предполагающее сокращение депрессивных районов, выравнивание уровня жизни, использование потенциала регионов с целью наиболее оптимального использования географических, природных, трудовых и капитальных ресурсов;
- возвращение к модели социального государства через увеличение государственных расходов на образование, здравоохранение, спорт, культуру, введение прогрессивной шкалы налогообложения с целью использования сверхдоходов наиболее состоятельных для инвестирования в человеческий капитал;
- пересмотр итогов приватизации. Возвращение в государственную собственность сырьевых компаний, координация политики привлечения иностранных инвестиций в строго определенные отрасли, государственное субсидирование стратегических наукоемких отраслей производства;
- повышение доли оплаты труда в ВВП, стимулирование производительности через материальный и ценностный компоненты;
- пересмотр международных торгово-экономических договоров, не отвечающих интересам страны: приостановка договора о присоединении к ВТО, отказ от политики свободно плавающего курса рубля, навязанной МВФ.

Есть ли, однако, в нынешней России политические условия для перехода к постлиберальной модели? Вопрос весьма неоднозначный.

Можно отметить, что транзит России к постлиберализму имеет сегодня серьезную внешнеполитическую детерминанту, но внутренняя политическая диспозиция этому отнюдь не способствует. И хотя внешнеполитические угрозы России, предельно обострившиеся после февральского 2014 г. государственного переворота на Украине, вызвали, в качестве ответа со стороны российской власти, ряд политических действий постлиберального толка, сфера экономики была последними практически не затронута.

Так в 2014 г. вместо ремонетизации из оборота были изъяты 1,1 трлн руб., ставка выросла на 11,5% за год до 17%. Отечественная промышленность вынуждена была сворачивать производство. Постоянно

заявлялось о необходимости импортозамещения, создании собственной платежной системы. Однако достаточных средств на импортозамещение выделено не было, льготное кредитование для промышленности не реализовывалось. Структурная перестройка и диверсификация товарной номенклатуры экспорта была подменена диверсификацией торговых партнеров. Промышленность не получила обещанного из ФНБ инвестирования, которое вероятнее всего пойдет на перекредитование нефтяных компаний и финансирование газпромовского проекта — строительство трубопроводов в Китай. Альтернативной платежной системы разработано не было.

Российская власть, если говорить не о декларациях, но о реалиях проводимой политики, еще не взяла курс на качественную трансформацию и изменение модели страны, а осуществляет пролонгацию существующей. Это подтверждает сохранение всех структурных элементов либеральной модели, следование рекомендациям МВФ (введение плавающего курса рубля, повышение ключевой ставки, инвестирование из ФНБ только в наиболее стабильные проекты, то есть нефтегазовые), сохранение чрезмерной открытости экономики. В России продолжает реализовываться модель либерального управления (в первую очередь через денежно-кредитную политику), масштаб ущерба от которого в долгосрочной перспективе может превысить экономические последствия санкций. Постлиберальная Россия, таким образом, остается (пока?) проектом, не находящем действенной политической поддержки. Что должно измениться, чтобы такая поддержка появилась? Об этом пойдет речь в предлагаемом для выступления докладе.

А. Г. Чернышов
Москва

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В ТИСКАХ ПРЕЖНИХ СТЕРЕОТИПОВ И НОВЫХ МИФОВ: ПАРАДОКСЫ ВЗАИМНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Сегодня политическая практика во многом оторвана от фундаментальных научных разработок. Политики, находящиеся в плену собственных представлений по обустройству «вверенного» ему политического пространства, подчас игнорируют элементарные правила человеческого общежития, пользуясь услугами лишь «придворных» экспертов. Сама научная сфера, в том числе и политическая наука, оказываются заложниками

прежних стереотипов и продолжают формировать новые мифы и трафареты как для собственного воспроизводства, так и для подпитки политических решений.

Если мы хотим понять реалии современного мира, разобраться в его хитросплетениях и нарождающихся трансформациях, то обязаны провести самую тщательную ревизию всех существующих понятий и определений, которыми мы в настоящее время пользуемся. Такие понятия, как «власть», «демократия», «государство», «выборы», «элиты», «партии», «лидер» и т.д. нуждаются в переосмыслении и «привязке» к существующим условиям развития социума с учетом их родовых базовых значений.

Понятие «государство». Из множества определений приведем два. Государство — это властно-политическая организация, обладающая суверенитетом, специальным аппаратом управления и принуждения, и устанавливающая правовой порядок на определенной территории. Государство — это совокупность политических институтов, главной целью которых является защита и поддержание целостности общества на определенной территории. Все вроде бы понятно и общепринято. Но задумаемся над фактом, что до настоящего времени в международном праве практически не существует единой юридической расшифровки термина «государство», которое было бы безоговорочно и единообразно признано наукой и всеми странами мира. Равно как и ООН не имеет соответствующих полномочий определять, является ли то либо иное образование государством или нет. Признание суверенитета и территориальной целостности конкретного образования — предмет договоренностей между рядом государств и правительств. О чем мы должны сегодня вести речь? Об упадке государства¹ или поддерживать теорию объективной политической динамики государства² и его основных институтов? В противном случае, благие намерения государства приводят к нарушению органического характера социальной жизни и игнорированию реального опыта³.

Понятие «власть». Сегодня также должно рассматриваться применительно к текущему моменту. Только в случае глубинного понимания сути происходящих процессов мы сможем сделать фундаментальные выводы о том, почему современные политические построения зачастую ведут к превращению власти в самодовлеющую силу, не несущую в себе законного с точки зрения нравственного императива начала, и тем самым не дают развиваться самоуправляющимся элементам общества. Существует ли сегодня власть именно как непреходящая ценность⁴, или же это сегодня

лишь элемент, поддерживающий управленческую и политическую конструкцию путем элементов подавления и подчинения?

В век экономической детерминации и построения «денежной цивилизации», очень важно разобраться в возрождении и закреплении этических принципов как в политической практике, так и в самой науке, ибо для многих политиков они перестают быть существенным и сущностным началом, а для ученых — неважным атрибутом. В противном случае беспринципно-циничные конструкции, закладываемые для формирования того или иного политического пространства, могут вообще обрушить весь существующий социум.

Очевидна необходимость в переосмыслении и выстраивании ценностных оснований политической науки и практики, соединения социально-политических дискурсов на междисциплинарном уровне. Требуется стыковка и соединение грани с естественными науками, ибо важно понимание доли социального и биологического в самом человеке и создаваемом им мире. В существующей развилке общество может еще более погрязнуть в собственном ненасытном потреблении денежно-рационального мира и усилить биологическое начало в человеке. Саму глобализацию подчинить формированию мирового господства через доминирование кибертоталитарзма. Можно попытаться понять и предложить сконструировать новую человеческую, гуманистическую, меритократическую социальность с акцентом на интеллектуальный и культурно-нравственный императив.

Стать реальными творцами мироустройства — значит взглянуть на формирующийся парадоксальный мир со стороны, на незримые происходящие изменения, в самом человеке, и согласно этому выстраивать политическую модель развития. Это под силу экспертному сообществу, которое сумеет критически осмыслить происходящие процессы и предложить гражданам и власти эффективные модели настоящего и будущего жизнеустройства.

А. В. Чичкова
Москва

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПЕКУЛЯЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКОГО ИРРЕДЕНТИЗМА

Наиболее часто употребляемое понятие, используемое Западом и США в отношении того, что произошло с Крымом — аннексия. Ведущий признак, свойственный для аннексированной территории — **насильственное** присоединение территории с характерной **односторонней** в этом заинтересо-

¹ Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.

² Ясаи Э. Государство. М.: ИРИСЭН, 2008. 410 с.

³ Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2010. 576 с.

⁴ Чернышов А. Г. Власть как ценность // «Власть», 2014, № 9, с. 42–49.

ванностью, отсутствует. Этот факт можно подтвердить, проанализировав исследования, проведенные учеными из Канады, Германии, Украины и России.

Результаты исследований доказывают, что присоединение Крыма было процессом, в котором были заинтересованы обе стороны. Толкование событий, происходящих весной 2014 г. в Крыму, как пример односторонней заинтересованности, а также употребление термина аннексия — вариант лингвистической политической спекуляции.

Учитывая географические, этнокультурные, исторические особенности развития Крымского полуострова, для трактовки процесса, произошедшего в Крыму 2014 г., уместно использовать термин **ирредентизм**.

Политическая Информационно-Образовательная Социальная Сеть (ПИОСС) определяет ирредентизм как «этническое общественно-политическое движение за присоединение всех групп так называемого разделенного народа вокруг единого национального государственного ядра, то есть воссоединение всех сопредельных этнических земель народа»¹.

Согласно анализу качественно-количественного состава населения полуострова Крым в 2014 г., 68% — русские и 15,7% — украинцы². Этот показатель в совокупности с другими особенностями дает повод говорить об образовании ирреденты.

Ирредента — это часть этноса, составляющая меньшинство населения в пределах одного государства, но компактно проживающая в непосредственной близости к другому государству, в котором близкий или идентичный ей народ оставляет большинство³.

О возможном возникновении крымского ирредентизма еще в 2009 г. писал директор Центра этно-социальных исследований при ТНУ им. В. И. Вернадского А. С. Филатов. Данное предположение он выдвинул на основании интерпретации результатов исследования, которое было проведено его Центром 1–2 марта 2008 г.

Согласно полученным результатам, предпочтение крымчан в выборе формы и способа социального устройства и организации своего общества отдается варианту **автономной республики в составе Российской Федерации (37%)**, а приоритетным языком для обучения детей, использования в повседневной жизни, как приличных контактах, так и при деловых, отдается русскому языку⁴.

¹ Ирредентизм. Политические режимы и идеологии / ПИОСС. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pioss.net/blog/ideologies/840.html>.

² Росстат: большинство крымчан считают себя русскими / РИА Новости, 19 марта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/society/20150319/1053370183.html>.

³ Ирредентизм / Википедия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%F0%E5%E4%E5%ED%F2%E8%E7%EC.

⁴ Крым: этнокультурные ориентиры и политические установки / А. С. Филатов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=3798&phrase_id=1545420.

В 2008 г., когда проводилось данное исследование, были видны предпосылки к тем действиям, которые произошли в Крыму через 6 лет. Язык — это фундаментальная основа гражданского и культурного единства страны. Психологическая готовность населения к отказу от него — следствие уже возникшей в те годы дистанцированности крымского общества от украинского государства.

Значимое место в причинном ряду ирредентистских явлений вообще и в Крыму в частности играет исторический фактор. Историческая память о когда-либо существовавшей единой нации, которая жила под «крышей» одного государства, стала мощным побудительным мотивом последующих событий.

Данный мотив был актуализирован, в том числе, сложной экономической и политической ситуацией на Украине, вследствие которой, уровень социальной напряженности резко пошел вверх, а также развернувшейся политико-пропагандистской кампанией, которая была проведена в Крыму.

На фоне яркой «языковой отторгаемости», географической обособленности, исторических особенностей, этнического состава населения полуострова Крым, о возможной мобилизации населения вполне можно было предполагать. Тот факт, что во время данной мобилизации поднялся вопрос о воссоединении полуострова, на котором проживает ирредента, с титульным государством, говорит о правомерности толкования данного процесса как «крымский ирредентизм».

Введенный же Америкой и Западной Европой термин «аннексия» по отношению к Крыму, уже разлетелся по всему миру и теперь ежедневно выходит большое количество статей и научных работ с применением данного понятия не только зарубежными, но уже и российскими учеными и журналистами. Целенаправленная спекуляция лингвистически неверными терминами подрывает авторитет не только авторов, их использовавших, но и стран в целом.

Необходимость правильного толкования процессов, происходящих в нашем обществе, несет в себе огромную смысловую нагрузку, ведь на основании тех сценариев, которые происходят с нами в настоящем, в будущем будет написана история России.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Основной причиной социальных протестов в российском обществе традиционно являлось ухудшение материальное положение массовых слоев населения. Обвал рубля, рост цен, инфляции заметно ударили по уровню потребления россиян, все индикаторы социальных настроений, по данным Левада-центра, идут вниз. Но при этом в стране не фиксируется никаких активных социальных протестов.

Уровень социального протеста в современном российском обществе определяется взаимодействием двух групп разнонаправленных факторов: 1) факторов, обуславливающих и стимулирующих социальное недовольство и готовность к протесту; 2) факторов, стабилизирующего характера, блокирующих (или консервирующих) протестный потенциал.

1. Факторы, дестабилизирующего характера:

- рост цен, неудовлетворенность значительных групп населения снижением уровня материального благосостояния, что всегда являлось основной причиной социального недовольства;
- экономическая стагнация не только препятствует решению социальных проблем, но и порождает чувство неуверенности перед будущим, усиливает социальную напряженность в обществе;
- рост социального неравенства, блокирование каналов социальной мобильности, формирование застойной бедности и признание большинством граждан социально несправедливым существующего положения;
- внутренняя политика правительства остается неизменной, идет воспроизводство отчуждения властных институтов, правящих групп по отношению к массовым слоям населения;
- блокирование партией власти и ее дублерами механизма обратной связи между обществом и государством, что имеет следствием аккумуляцию протестного потенциала в скрытой форме;
- все более очевидной становится стратегическая некомпетентность правящих групп, не способных совместить стабильность с модернизацией российского общества, стремящихся к сохранению своего господствующего положения любой ценой;
- разрыв между ожиданиями и жизненными шансами значительных слоев населения (особенно это касается молодежи, по данным Фе-

деральная служба госстатистики в начале 2015 г. безработица среди молодых людей в возрасте 15–24 года составила 21,98% от экономически активного населения).

2. Факторы, стабилизирующего характера:

- укрепление легитимности власти в результате присоединения Крыма. «Правильная» внешняя политика привела к массовому одобрению деятельности Президента, к усилению доверия к «партии власти» и другим властным структурам;
- сплочение общества в противостоянии «коллективному Западу», вектор социального недовольства в значительной мере повернут на «внешнего врага. По данным Левада-центра в марте 2015 г. 63% опрошенных считали, что стране угрожают многочисленные внутренние и внешние враги;
- за предшествующие годы население смогла накопить некоторые материальные запасы и социальные ресурсы, что на какой-то период смягчило воздействие экономического кризиса;
- население имеет опыт адаптации к сложным экономическим ситуациям (90-е годы, кризис 2008–2009 гг.) В случае ухудшения экономической ситуации, граждане предпочитают коллективным формам социального действия индивидуальные стратегии выживания;
- боязнь «российского Майдана», тяга к «порядку» как элитных групп, так и массовых слоев населения;
- низкий уровень самоорганизации массовых групп, распыление протеста по разным линиям социальной напряженности;
- отсутствие консолидирующей силы протеста; соглашательская политика партий системной оппозиции, слабость несистемной оппозиции.

Многие из названных факторов стабильности, содержат в себе деструктивный потенциал, который может проявиться в недалекой перспективе.

Незавершенность процессов социальной самоидентификации в российском обществе затрудняет осознание общности интересов массовых социальных групп. В этих условиях социальное недовольство принимает форму предельно широкого стихийного протеста против несправедливости существующего положения. Объектом недовольства оказывается власть «вообще». Недовольство, направленное на все — распылено, а значит, нерезультативно.

На протяжении последних десятилетий такой силой, организующей и использующей «распыленное» социальное недовольство в своих интересах, были элитные группы. В. Лапкиным и В. Пантиним была сформули-

рована гипотеза о коэволюции политических институтов и массовых политических настроений в современной России. Они показали, что существует обратная зависимость между консолидацией элит и процессом сближения власти и народа. Сближение позиций элитных групп с настроениями массовых слоев задается состоянием максимального раскола элит, чем выше «раздрай» в «верхах», тем сильнее протестные настроения в «низах».

Сохраняющиеся различие политических и корпоративных интересов элитных групп, не исключают в случае нарастания экономических проблем внутриэлитный раскол и инициирование частью элиты массового недовольства для достижения своих целей.

В отсутствии политических сил, способных к артикуляции и консолидации протеста, социальное недовольство будет прорываться в виде локальных акций социально-экономического протеста, в управлении и подавлении которых у власти накоплен большой опыт.

Г. И. Шаймерден
Кустанай, Казахстан

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: PRO ET CONTRA

1. Итоги предшествующего этапа движения к Евразийскому экономическому союзу — трехлетнее членство РК в Таможенном союзе — ясно показали неподготовленность отечественной экономики к такому пути развития. Из года в год существенно ухудшается сальдо торговли РК с Россией и Беларуссией. Во многом по причине участия Казахстана в ТС увеличивается дефицит бюджета, усиливается процесс разорения малого и среднего бизнеса, происходит опережающий рост цен и тарифов.

2. Надежды на то, что ЕАЭС откроет нам необъятный российский рынок не оправдались по элементарной причине. Наши производственные мощности не рассчитаны на то, чтобы завалить российского соседа своей продукцией. Ряд отечественных аналитиков уверены в том, что в составе союза мы уже никогда не сможем развить собственное производство.

3. Казахстан в ЕАЭС останется сырьевым придатком, и в конечном итоге, потеряет экономическую, а затем и политическую независимость. России не нужен союзник, ей нужен жестко зависящий от нее подчиненный, и она не даст Казахстану создать свою обрабатывающую промышленность и выйти с ней на экспорт. Если бы речь шла о равноправном партнерстве, то Россия помогла бы создать такую промышленность в Казахстане — хотя бы в виде дочерних структур своих производителей и своих технологий. Последний пример — самый красноречивый. В марте текущего года Аста-

на предложила Москве вариант транзита российского газа в Китай через трубопроводы Казахстана. В России решили строить новый газопровод «Силу Сибири» через Алтай, не считаясь с огромными затратами. Из чего следует вывод — Москва не доверяет даже самому лояльному своему союзнику. Комментарии излишни.

4. Казахстан в этой евразийской игре — всего лишь пассивный наблюдатель. Он как импортировал 80% продукции, так и будет импортировать — теперь, правда, в основном из России. Цены вырастут, а качество товаров упадет, так как закупаться будут в основном российские товары — в рамках Таможенного союза. Но. Как известно, российские товары не выдерживают конкуренции с аналогами из Европы, а теперь уже уступают по качеству китайской продукции. Для России — Казахстан пусть маленький, но все же рынок сбыта своих товаров!¹

5. С другой стороны, стоит ли нам покупать продукцию низкого качества? Что в России есть такого, чего мы с таким же успехом не можем купить в Китае, или в Европе, причем гораздо лучшего качества. Стоит ли нам строить и развивать отсталые российские технологии на своей территории?

6. Современный мир, и Казахстан не исключение, ориентируется на западные ценности. Не только в плане уровня жизни и материальных благ, но и в смысле демократических ценностей. Только такой путь позволяет развиваться стране. Выбирая ЕАЭС, мы отказываемся от интеграции с Западом, с которым у нас была специальная программа «Путь в Европу». По данным аналитиков Агентства по статистике РК, Казахстану выгоднее торговать с Европой и Китаем, чем с Россией. Объем торговли Казахстана с ЕС в первом полугодии 2014 г. составил **28,4 млрд долл.**, а за весь прошлый год — **53,4 млрд долл.**, что составляет **свыше 60% от всего товарооборота**. Эти цифры говорят о том, что, несмотря на партнерство с Россией в рамках ТС, Казахстан не собирается ограничивать свои экономические связи ни с ЕС, ни с США².

7. Создание ЕАЭС по сути символизирует крах казахстанской многовекторной политики. Для России создание ТС и ЕАЭС — это не столько экономический, сколько геополитический проект, который должен закрепить за ней роль региональной державы. Кроме того, Россия создала опасный прецедент, нарушив Будапештское соглашение 1994. которое гарантировало территориальную целостность Украины в случае отказа от ядерного оружия.

¹ Кошанов А. К., Барсуков Ю. В. Казахстан в глобальном мире // Мысль, республиканский общественно-политический журнал. 2014. № 1. С. 36–39. С. 38.

² Самнаев Д. Казахстан как зал тревожного ожидания. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://forbes.kz/process/expertise/dosyim_satpaev_kazahstan_ak_zal_trevojnogoojidaniya?utm_campaign=3919680&utm_medium=banner&utm_content=13067976&utm_source=news.mail.ru. Дата обращения: 12.12.2014.

Именно поэтому поддержание Казахстаном геополитического баланса не должно прекращаться даже после вступления в ЕАЭС.

8. ЕАЭС — это союз трех авторитарных лидеров. Единственный политический плюс этого союза — это то, что Путин, Лукашенко и Назарбаев не захотят делить власть с партнерами по союзу. Тем самым, тесной политической интеграции в ближайшее время не предвидится. По этой причине слова Ш. де Голля применимы к ЕАЭС: «Мечта о единой Европе — это утопия: невозможно приготовить омлет из яиц, сваренных вкрутую».

Со своей стороны, Россия ничего не сделала для того, чтобы стать притягательным центром для бывшего постсоветского пространства. Концепты «евразийства» и «Русского мира» никому не интересны. Особенно если принять во внимание современную внешнюю политику Кремля, которая, откровенно говоря, уже давно вышла за пределы добра и зла¹.

9. Вопрос вступления в ТС и ЕАЭС необходимо было провести путем всенародного референдума. На деле все прошло без обсуждения и дискуссии, без участия самого народа. Процесс интеграции оказался не подкреплен снизу за счет движения гражданского общества трех стран. Это опять же порождает риски для интеграционного объединения в случае естественной смены политических элит².

10. В настоящее время в мире идет образование новых политических и экономических полюсов. В условиях глобализации без интеграции не может просуществовать ни одно государство, включая такую мировую державу, как США. Все страны экономически и финансово зависят друг от друга. Изначально евразийская интеграция задумывалась как способ совместного противостояния стран Евразии мировым экономическим катаклизмам, Но как считают отечественные аналитики, евразийский вектор интеграционных проектов приобрел слишком стремительный характер³.

Мы рано или поздно придем к пониманию и желанию строить с Россией интеграционные проекты. Но, видимо, и Казахстан, и Россия еще слишком мало пережили врозь. Надо еще пройти очень длинную историко-культурную, политическую дистанцию, прожить и преодолеть прошлое, чтобы говорить о чем-то большем. Пока же все интеграционные проекты Казахстана с Россией — это продолжающийся распад СССР, затянувшийся во времени развод. Оказалось, что для постсоветских стран есть только

¹ Сарым А. Кто мы для России — Мексика или Канада? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ratel.kz/outlook/aydos_saryim_kto_myi_dlya_rossii_meksika_ili_kanada/. Дата обращения: 26.01.2014.

² Жусупов С. Т. Геополитическое измерение национальной безопасности Казахстана в контексте евразийской интеграции // «Казакстандағы парламентаризм», международный научно-аналитический журнал. 2012. № 3 (17). С. 52.

³ Там же. С. 51.

два формата расставания с прошлым: первый — конфликтный, как в случае с Грузией и Украиной, второй — наш. Быть может, наш путь, наш формат и не самый плохой?¹

В. Н. Шамшина
Москва

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ КНР В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАСЕЙНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Рост экономической мощи КНР способствовал расширению его политических интересов. В частности, с начала XXI в. новый импульс развития получили отношения Китая со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. КНР впервые открыто обозначил свои интересы в регионе в 2008 г., опубликовав Белую книгу «Политика Китая в Латинской Америке и Карибском бассейне». Документ определил общие положения для углубления сотрудничества в области экономики, науки, сельского хозяйства, в социальной, культурной и военно-технической сферах². Усиление влияния Пекина в Южной Америке, а также возрастание значимости стран континента во внешней политике Китая на современном этапе требуют проведения переоценки их взаимодействия.

Китайские эксперты по-разному определяют факторы формирования политики КНР в Латинской Америке и Карибском бассейне. Заместитель директора Института Латинской Америки китайской Академии социальных наук Цзян Шисюэ выделяет три стратегические области интереса Китая в регионе: «1) политические интересы: укрепление дружбы и сотрудничества с развивающимися странами является основополагающим принципом мирной внешней политики КНР; 2) экономические интересы: Китай заинтересован в развитии торговых связей с регионом, в расширении рынков сбыта китайской продукции и источников импорта природных ресурсов; 3) необходимость отстаивания принципа одного Китая: 12

¹ Сарым А. Кто мы для России — Мексика или Канада? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ratel.kz/outlook/aydos_saryim_kto_myi_dlya_rossii_meksika_ili_kanada/. Дата обращения: 26.01.2014.

² China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean / The Central People's Government of the People's Republic of China. URL: http://www.gov.cn/english/official/2008-11/05/content_1140347.htm, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. кит., англ.

из 23 стран, поддерживающих официальные дипломатические отношения с Тайванем, находятся в Латинской Америке и Карибском бассейне»¹. Заведующий кафедрой политологии Городского университета Гонконга Джозеф Ченг считает, что «развивая сотрудничество со странами Южной и Центральной Америки, Китай стремится заручиться их поддержкой в ООН и других международных организациях в борьбе за установление справедливого международного порядка»².

Однако некоторые специалисты, отмечая высокую динамику наращивания товарооборота между сторонами³, утверждают, что повышение интереса Пекина к региону вызвано сугубо экономическими причинами, последовало за стремительным ростом экономики Китая и провозглашением им политики «выхода за рубеж». Воспользовавшись ослаблением традиционных торговых партнеров латиноамериканских стран в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008 г., Пекин сумел стать ключевым партнером ряда государств Южной Америки и вторым по значимости торговым партнером региона в целом. Параллельно «КНР наращивает инвестиции в страны Латинской Америки и предоставляет им помощь развитию, которая как один из компонентов “мягкой силы” способствует расширению экономического и политического присутствия Китая на континенте.»⁴

Растущая экономическая зависимость латиноамериканских государств от КНР открывает перед ним возможности использования экономических рычагов для решения внешнеполитических задач. «Так, например, методами экономической дипломатии Пекин сумел добиться того, что Содружество Багамских островов (1997 г.), Коста-Рика (2004 г.), Доминиканская Республика (2004 г.), Гренада (2005 г.) признали, что в мире существует только один Китай, разорвав дипломатические отношения с Тайванем.»⁵

Увеличивается доля латиноамериканских государств в общем объеме импорта природных ресурсов КНР. Возрастает значение стран Южной Америки в обеспечении энергетической безопасности Китая в части снабжения страны углеводородами. Интерес Пекина к закупкам латиноамери-

канской нефти связан с возможностью транспортировать ее через Тихий океан в обход Малаккского пролива — главной транспортной артерии КНР, зависимость Китая от которого — ахиллесова пята его энергетической безопасности. Пиратство, террористические атаки в проливе, уязвимость перед США, окружившего его цепью военных баз, могут привести к нефтяной блокаде КНР. В целом, с начала XXI в. Пекин сумел интегрироваться во все этапы формирования цен на нефтересурсы в регионе: участвует в разработке нефтяных месторождений и в строительстве нефтеперерабатывающих заводов, арендует нефтехранилища на континенте. Вместе с тем, необходимо отметить асимметричный характер партнерства сторон. Латинская Америка не является основным поставщиком нефти в КНР, в то время, как нефтяной экспорт южноамериканских государств постепенно переориентируется на Поднебесную: Китай стал ведущим покупателем нефти для Бразилии, третьим для Венесуэлы, Колумбии, экономики которых зависят от экспорта углеводородов¹.

Усиление влияния КНР в Центральной и Южной Америке вызывает обеспокоенность Вашингтона. «Несмотря на то, что США продолжает оставаться крупнейшим торговым партнером и источником инвестиций латиноамериканских государств, наблюдается устойчивая тенденция сокращения доли Вашингтона во внешней торговле стран региона на фоне возрастания значимости Пекина в системе их внешнеэкономических связей»². В Сенате США проходят слушания о возможных последствиях расширения присутствия Китая в Латинской Америке. КНР в свою очередь стремится не противопоставлять себя Вашингтону, не поддерживает региональные антиамериканские коалиции.

Проведенное исследование показало, что за последние пятнадцать лет Китай превратился в одного из центральных игроков на латиноамериканской арене.

¹ Jiang Shixue. A New Look at the Chinese Relations With Latin America // Nueva Sociedad no. 203, Mayo / Junio 2006.

² Joseph Cheng. Latin America in China's Contemporary Foreign Policy // Journal of Contemporary Asia, Vol. 36. No. 4, 2006.

³ С 2001г. по 2013г. объем торговли между КНР и регионом увеличился более чем в 22 раза (установлено на основании данных [8][9]).

⁴ Попова Л. В. Внешнеэкономическая стратегия Китая. Проблемы формирования и реализации, СПбГУ. 2012.

⁵ Jorge I. Dominguez. China's Relations With Latin America: Shared Gains, Asymmetric Hopes, Harvard University, June 2006.

¹ Brazil, Venezuela, Argentina, Colombia Country Profiles / U.S. Energy Information Administration. URL: <http://www.eia.gov/countries/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. англ.

² China's foreign policy and «soft power» in South America, Asia and Africa, a study prepared for the Committee on foreign relations US Senate by the Congressional service library of Congress, 110th Congress, 2d Session, April 2008.

ДЕЛИБЕРАТИВНЫЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Постановка вопроса. Согласно последнему отчету *Freedom House* «Выборка демократии: возвращение железного кулака»¹ (2015) за последний год в России снизился уровень гражданских свобод. Эксперты отмечают усиление контроля за медиа (законы о платной рекламе и экстремистском контенте), подавление критики и альтернативных мнений, ограничения в путешествиях за границу и др. В то же время исследование ФОМ показывает, что россияне считают современный режим наиболее демократичным за всю историю². При этом под демократией понимаются, в первую очередь, демократические права и свободы (43%). Мы наблюдаем расхождение между внешней и внутренней оценкой уровня свободы.

В связи с этим возникает ряд сложных вопросов: как определить критический уровень прав и свобод, ниже которого общество начинает деградировать? Нужно ли России стремиться к свободам демократического общества или достаточно тех свобод, которые сохраняются в рамках авторитарной модели управления? И, наконец, каким образом двигаться к свободе в сложившихся общественно-политических условиях?

Поиск ответов на поставленные вопросы можно вести в логике делиберативной теории:

1. Понятие свободы принципиально открыто и не может быть окончательно определено посредством некоторой либеральной теории. Границы свободы в социальном взаимодействии задаются рефлексией и дискуссией между конкретными людьми, а не абстрактными схемами. В рамках делиберативного подхода ценность демократии состоит не в том, чтобы защищать заданный набор индивидуальных свобод, но, как отмечает Х. Ростболл, «в ее гносеологической ценности развивать, определять и оправдывать те свободы, которые мы должны гарантировать друг другу»³. Делиберативная концепция не идеализирует негативные свободы, проистекающие из логики есте-

¹ Discarding Democracy: Return to the Iron Fist. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/01152015_FIW_2015_final.pdf.

² Представления о демократии: Нужна ли демократия в России? И есть ли она в нашей стране? // Исследование Фонда «Общественное мнение». 24.09.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/11741>.

³ *Rostboll C.* Deliberative Freedom: Deliberative Democracy as Critical Theory.-State University of New York Press. 2008. P. 211.

ственного права, а ставит их в зависимость от исторических, социальных и культурных условий применения. *Freedom House* в своей оценке уровня гражданских и политических свобод в стране исходит из нормативного понимания Конвенции по правам человека, но является ли это понимание релевантным современному российскому обществу? Возможно, «хомячкам» не так уж важны общественные СМИ, а прекариат в последнюю очередь задумается о свободе выезда за границу?

2. Понимание свободы как возможности делать что-то без оглядки на окружение не отражает ее реальной сущности. Свобода — это скорее мера дозволенного в некоторой системе отношений. Делиберативное понимание свободы как личной автономии, в отличие от других концепций предполагает учет и оценку воздействия социальных условий и политических институтов на свободное формирование мнения. Согласно Д. Элстеру, индивидуальная, внутренняя автономия может быть обеспечена за счет формирования независимого характера человека. С делиберативной перспективы возникает вопрос, как автономные характеры будут уравниваться в условиях решения коллективных задач? Многие публичные российские политики имеют большой арсенал свобод, но при этом не могут конвертировать его в реальные решения, поскольку слабо работает механизм взаимного приспособления, поиска самовыражения в рамках сообщества, а не за его рамками. Авторитарная свобода в политике проявляется в избытке личных свобод при полной зависимости в области принятия «коллективных решений».

3. Деформации в гражданских свободах могут быть преодолены, если сохраняется коммуникативная свобода. Отсутствие последней ставит гражданские свободы в зависимость от политической конъюнктуры. Понимание свободы как дискурсивного статуса предполагает, что для всех участников той или иной социальной интеракции гарантируются равные коммуникативные права вне зависимости от их положения в обществе. Если социальный статус, как отмечает Х. Ростболл, фиксируется законодательными установлениями или неписанными общественными соглашениями, изменение которых требует особых процедур и практик, то коммуникативный статус определяется еще психологическими и лингвокогнитивными качествами участников. Многомерность коммуникативного взаимодействия создает большие трудности на пути четкой фиксации коммуникативного статуса, но в то же время обеспечивает участников ресурсами для компенсации или для формирования вызова существующим структурным общественно-политическим отношениям. В настоящее время в России наблюдается острый дефицит коммуникативных свобод, который постепенно ведет к нивелированию гражданских свобод и, вероятно, взрыву политической активности. Наиболее мягкий путь выхода из сложившейся ситуации — в восстановлении некоторого минимума коммуникативных свобод.

УСТОЙЧИВОСТЬ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

Иntenсивные изменения, которые происходят в партийно-политической системе нашей страны в последние годы, ставят перед политологами новые вопросы. Среди них — необходимость оценки масштабов происходящих изменений, их значения для стабильности, как партийной системы, так и всей политической системы общества. Так как любая оценка требует адекватных инструментов, логичен и вопрос об использовании средств количественного анализа этой стабильности.

Одним из главных показателей стабильности партийной системы является степень устойчивости показателей поддержки партий на выборах. Для измерения этого параметра в сравнительной политологии используется так называемый индекс волатильности, предложенный в конце 1970-х гг. норвежским политологом М. Педерсеном. Этот индекс равен половине суммы абсолютных величин разностей между процентами голосов, полученных каждой партией на текущих и предыдущих выборах¹:

$$V_t = \frac{\sum_{i=1}^n |\Delta p_{i,t}|}{2}$$

где $|\Delta p_{i,t}|$ — разность между процентами голосов, поданных за партию i на текущих выборах t и на предыдущих $t-1$, а n указывает общее количество партий, принимавших участие в двух выборах. Сумма абсолютных величин изменения доли голосов всех партий от выборов к выборам дает возможность количественной оценки масштабов изменений, которые произошли за это время в партийной системе страны.

Для стабильных партийных систем, характеризующихся относительно неизменным набором игроков, индекс волатильности М. Педерсена представляет собой достаточно эффективный инструмент подтверждения их устойчивости. Проблемы с его применением начинаются тогда, когда этот показатель используется по отношению к партийным системам стран, находящихся в состоянии политического кризиса или поставторитарной трансформации режима. Масштабы изменения уровня поддержки устойчивых избирательных объединений и партий в таких политических систе-

мах могут оказаться небольшими, однако это совсем не свидетельствует о стабильности соответствующих партийных систем. Как правило, такие этапы политического развития сопровождаются значительными изменениями политической идентификации граждан и структурными реорганизациями партий. А ведь возникновение, слияние, разделение или ликвидация партий свидетельствует о нестабильности партийной системы ничуть не меньше, чем изменение уровня электоральной поддержки. К сожалению, индекс электоральной волатильности фиксирует общую динамику силы лишь тех более или менее стабильных партий, которые участвуют как минимум в двух выборах подряд. Вновь образованные, реорганизованные и исчезнувшие к следующим выборам политические организации оказываются за рамками внимания. Как же быть, если их количество столь значительно, что выходит за рамки статистической погрешности?

В качестве одного из возможных вариантов решения этой задачи предлагается использовать для оценки устойчивости партийных систем скорректированную версию индекса М. Педерсена — индекс общей волатильности. Он образуется при дополнении приведенной выше формулы показателем неэлекторальной волатильности, который вычисляется для каждых выборов путем деления пополам суммы результатов в процентах всех избирательных объединений и партий, впервые участвующих в данных выборах, и всех, участвовавших в предыдущих выборах, но не принимающих участие в данных.

$$V_t = \frac{\sum_{i=1}^n |\Delta p_{i,t}|}{2} + \frac{\sum_{i=1}^n L_{i,t-1} + \sum_{i=1}^n M_{i,t}}{2} = \frac{1}{2} \times \left(\sum_{i=1}^n |\Delta p_{i,t}| + \sum_{k=1}^l L_{k,t-1} + \sum_{s=1}^m M_{s,t} \right)$$

где $L_{k,t-1}$ — доля голосов, поданных на предыдущих выборах $t-1$ за партию k , не принимающую участия в нынешних выборах t , l — общее количество таких партий, $M_{s,t}$ — доля голосов за партию s , участвующую в выборах t , но не выдвигавшую своих кандидатов на прошлых выборах.

Естественно, что в менее стабильных партийных системах количество и удельный вес вновь создаваемых, ликвидируемых и реорганизуемых партий составит вполне ощутимую величину, и за счет этого уровень общей волатильности там окажется существенно выше, чем в государствах с устойчивейшей партийной системой. Можно также предположить, что в устойчивых демократиях доля партий, претерпевающих радикальные организационные изменения в период между выборами, будет меньше, чем сумма перепадов уровня электоральной поддержки стабильно действующих партий. Поэтому для стабильных партийных систем первое слагаемое обновленной формулы окажется, скорее всего, больше второго. И наоборот, доминирование показателя неэлекторальной волатильности в формуле можно рассматривать как индикатор нестабильности партийной системы. Однако эти гипотезы еще нуждаются в эмпирическом подтверждении.

¹ Pedersen M. N. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // European Journal of Political Research. Vol. 7. 1979. № 1. P. 9.

Д. В. Щеглова
Воронеж

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЗОР РАБОТ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ ЗА 2007–2015 ГГ.

Проблема функционирования партийной системы, представительства интересов граждан политическими партиями, трансформация партийного дизайна — актуальная тема среди отечественных политологов. Интерес к ней вызван, прежде всего, глубокими противоречиями, с которыми сопряжены в России процессы становления гражданского общества. В публикациях отечественных авторов не часто можно встретить ссылки на современные публикации зарубежных авторов. Чаще всего они встречаются в тех работах, которые были выполнены при участии иностранных коллег в рамках совместных проектов. Указанная проблематика в публикациях иностранных политологов всегда сопрягается с другими феноменами российской политической системы: проблемами конкуренции, рационального голосования, политической культуры, гражданского общества, прав человека и т.п. В связи с этим, при описании работ, неизбежны реверансы в смежные предметные поля.

Так, в работе Стефана Уайта и Яна МакАлистера, посвященной выборам в Государственную думу 2007 г., отмечается роль «внесистемной оппозиции», которая требовала кардинальных перемен в партийной системе¹. Авторами также отмечается, что внутри партийной элиты нет единства, и это было видно по дискуссиям вокруг стратегии 2020 г. Также они обращают внимание на то, что в России есть «корни», из которых может вырасти реальная оппозиция, и эта оппозиция не будет либерально демократической, а трансформируется из таких экстремистских движений, как ДПНИ, выступающее с лозунгом «Россия для русских».

Иностранные авторы возлагали надежды на либерально-демократическую оппозицию, которая в то время не была оформлена партийно. К таким движениям относились «Гражданский фронт» Гарри Каспаров (*Garry Kasparov's United Civil Front*), Народная демократическая партия бывшего премьер-министра М. Касьянова (*former Prime Minister Mikhail Kasyanov's People's Democratic Party*).

¹ McAllister I., White S. It's the economy, comrade! Parties and voters in the 2007 Russian Duma election // *Europe-Asia Studies* № 6. August 2008. P. 931–957.

Сценарные прогнозы периода на 2008–2012 гг. можно обобщить в несколько пунктов: 1. С целью снижения уровня радикальных настроений, правящая элита «пустит» представителей оппозиции в конкурентное поле политики посредством трансформации партийной системы. 2. Трансформация партий «Единая Россия» и «Справедливая Россия» и создание двухпартийной системы. 3. Альтернативный сценарий управления либерализацией: никакой либерализации вообще. Правда, последний сценарий, с точки зрения исследователей, возможен, при сохранении стабильной ситуации, то есть не в условиях кризиса, которого подобная система может и не выдержать¹. Причина этого кроется также в том, что партийная элита не однородна, а экономический кризис может привести к тому, что «кусоч пирога» уменьшится, что приведет к внутриэлитным противоречиям.

В 2013–2014 гг. в аналитических отчетах о состоянии политической системы в РФ внимание начало уделяться проблемам национальной и государственной идентичности (*State identity*). По мнению аналитиков именно это вкупе с обращением к национально-консервативной риторике, а не дисфункция партийной системы может привести к кризису в современной РФ².

В иностранных публикациях подчеркивается и факт ограничения сферы масс-медиа при освещении деятельности политических партий³.

С 2012 г. часто встречаются сюжеты о функционировании «новых партий», которые были зарегистрированы после изменений в ФЗ «О политических партиях». Западные исследователи отмечают, что новые партии должны были «вырасти» из общественных организаций, то есть «снизу». В России же НКО оказались жестко ограничены законом об иностранных агентах⁴. В результате этого — в условиях либерализации партийного законодательства реализуется механизм создания партии «под ключ», то есть с сохранением той же — чисто инструментальной — функции партий (часто — партий для личных целей), «завязанных» на интересах элитных групп и, по сути, никак не связанные с интересами сегментов электората (разве что только через популистские заявления).

В качестве итога, можно сказать, что зарубежные авторы за указанные период рассматривали, как общие для всех проблемы функционирования партийной системы (формирование каналов коммуникации с маргиналь-

¹ Cannady S., Kubicek P. Nationalism and legitimation for authoritarianism: A comparison of Nicholas I and Vladimir Putin // *Journal of Eurasian Studies*. 2014. Vol. 5. № 1. P. 1–9.

² Research Centre for East European Studies / Forschungsstelle Osteuropa at the University of Bremen. URL: www.forschungsstelle.uni-bremen.de.

³ Tüür K., Morozov V. RUSSIAN FEDERATION 2014 Short-term prognosis, University Press of Estonia. 2014. 224 p.

⁴ Russia's Foreign Agent law: Violating human rights and attacking civil society. URL: <http://www.hrw.org/world-report/2014/country-chapters/russia>.

ными группами, включение их в институциональные рамки политического процесса, разрешение социальных кливажей, релевантность электоральных процедур реальному выбору различных сегментов электората и т.д.), так и специфические. Последние можно разделить на свойственные всему постсоветскому пространству (популизм, идеологическая и программная «размытость», высокий потенциал административной мобилизации даже в конкурентных условиях) и уникальные российские (институт выборов никак не влияет на расстановку сил в парламенте, который не смог стать почвой формирования структур гражданского общества).

Е. А. Щербина
Черкесск

ИМИДЖЕВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В настоящее время активно развивается новое направление отечественной политологии — политическая имиджелогия, в рамках которой рассматриваются механизмы формирования политического имиджа государства и имиджа политической власти. Ее развитие вызвано объективными социально — политическими факторами, в первую очередь, необходимостью роста престижа Российского государства на международном уровне, особенно в связи со сложившейся геополитической обстановкой. С другой стороны, у населения России уже сформирована твердая потребность в желании гордиться страной не только внутри ее территориальных границ, но и за их пределами.

Расширяется предметное поле политической имиджелогии за счет включения в нее таких категорий как политический имидж региона, региональная имиджевая политика и других. На наш взгляд, позитивный имидж страны складывается из позитивных имиджей регионов. Отсюда возникает реальная потребность в разработке и практической реализации федеральной концепции имиджевой политики с аналогичными разработками региональных концепций. Примеры таких концепций уже существуют — в Республике Саха, Карелии, на Камчатке. Имиджевая составляющая присутствует в новых политических доктринах, в частности, в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.», в стратегиях регионального развития, в концепциях национальной политики субъектов РФ.

Проблемы реинтеграции Северного Кавказа в общероссийское политическое, социально- экономическое и культурное пространство России

в последние годы стало важнейшим вектором политики федерального центра. Создание в 2010 г. Северо — Кавказского федерального округа можно связать не только с реализацией чисто политических или управленческих задач, но и со стремлением государственных органов власти представить Северный Кавказ как единую территорию стабильности, поликультурного и этнического разнообразия, территории перспектив для реализации инновационных проектов в экономике. Так, по мнению одного из ведущих северокавказских политологов М. Аствацатуровой, инновационным направлением стабилизации ситуации в Северо-Кавказском регионе является поиск и популяризация во внутрироссийском и международном масштабе эффективного бренда региона как территории безопасности, благополучия и социальных перспектив¹.

На наш взгляд, на Северном Кавказе достаточно успешно реализуется имиджевая политика федерального центра. Если попытаться разложить ее на структурные компоненты, то можно выделить: создание позитивного политического образа субъектов РФ СКФО; формирование имиджа экономически готового к инновациям региона и выделение этнокультурной составляющей, как той особенности, которая привлекательна для россиян, живущих в других регионах России. Эти компоненты в той или иной степени заложены в основных стратегических документах федерального уровня: «Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 г.», «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.».

В контексте создания позитивного политического образа республик Северного Кавказа реализуются усилия, направленные на укрепление общественной и личной безопасности жителей региона, на укрепление общероссийской гражданской идентичности и формирования российской цивилизационной идентичности.

Дальнейшая реализация инвестиционных проектов в субъектах СКФО, презентация имеющихся условий для импортозамещения и перехода на собственные экономические ресурсы развития — неотъемлемая часть имиджевой политики, которая реализуется в настоящее время центром на Северном Кавказе. Экономически сильный и инвестиционно привлекательный регион — это важнейшие компоненты привлекательного образа региона.

Позитивный этнокультурный бренд Северного Кавказа — это возвращение к его восприятию россиянами и жителями других стран как региона гостеприимства, туризма, этнического разнообразия. И это тоже элемент политической имиджелогии в его региональном измерении.

¹ Аствацатурова М. А. Креативные возможности региона Кавказских Минеральных Вод. Культура и пространство. Кн. 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. М.: ИЭА РАН. 2010. С. 97.

Диаграмма 1¹

Диаграмма 2²

Таким образом, развитие политической имиджологии в региональном аспекте представляется перспективным научным проектом, а разработка концепций имиджевой политики на федеральном и региональном уровне — важным политическим шагом. В качестве достаточно успешного проекта по формированию позитивного имиджа, реализуемого федеральным центром, можно рассматривать Северный Кавказ.

В. М. Юрченко
Краснодар

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ: РОССИЙСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Мировой терроризм сегодня является одним из наиболее опасных вызовов современной цивилизации, что требует от международного сообщества солидарных, продуманных и тщательно выверенных действий по разработке и обеспечению системы глобальной и региональной безопасности. Концепция многополярного мира, с множеством полюсов влияния, учитывающая новые типы угроз, формируется в процессе жесткого конфликтного взаимодействия политических игроков ориентирующихся на различные центры силы.

На сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ в Душанбе (сентябрь 2015 г.), В. В. Путин, анализируя все возрастающую активность ИГИЛ, обратил внимание на то, что здравый смысл и ответственность за глобальную и региональную безопасность требуют объединить усилия мирового сообщества против этой угрозы. Необходимо отложить в сторону геополитические амбиции, отказаться от практики двойных стандартов, от существующей политики прямого или косвенного использования отдельных террористических группировок для достижения собственных конъюнктурных целей, в число которых входит политика смены неудобных правительств и режимов»¹.

Президент РФ В. В. Путин вновь обратил внимание на необходимость безотлагательно создать широкую коалицию противодействия экстремизму с участием законного правительства Сирии.

¹ Саммит ОДКБ // Президент России — 2015. 15 сент. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50291>.

¹ Сайт газеты Известия [Электронный ресурс] / URL: <http://izvestia.ru/news/584415>.

² Там же.

Для России участие в борьбе с терроризмом в Сирии также носит характер предупреждения конфликтов в самой РФ. В выступлении В. В. Путина на 70-й Генассамблее ООН было отмечено, что по данным Совбеза РФ, в рядах ИГИЛ воюют около 2 тыс. выходцев из РФ. Нетрудно предположить, чем они займутся, вернувшись в Россию.

Со стороны мирового сообщества, западных и ряда российских СМИ наблюдаются различные толкования действий России в Сирии. По мнению Федора Лукьянова, председателя президиума Совета по внешней и оборонной политике, профессора-исследователя НИУ ВШЭ, Москва не только призывает к международной коалиции против террора, но и дает понять, что готова действовать самостоятельно. Запрещенный в России ИГИЛ несомненный враг страны и ее граждан. Ф. Лукьянов обращает внимание на очевидные риски российской позиции — участие государства в военных действиях на стороне шиитского меньшинства мусульманского мира, против суннитского большинства. Что требует тщательно выверенной политики Кремля. Налицо также начавшаяся ожесточенная информационная война. Отличием российского участия является также не попытка сменить действующую власть, а в ходе контртеррористической операции — сохранить и укрепить ее¹.

Нельзя также не обратить внимание на последовательную позицию России в антитеррористической деятельности, которая опирается на соблюдение основных принципов Устава ООН. Только таким образом международное сообщество может выработать стратегию политической стабилизации и социально-экономического восстановления Ближнего Востока. Тогда и лагеря для беженцев строить не придется, — подчеркнул В. В. Путин².

По нашему мнению, российское политологическое сообщество призвано сыграть немаловажную роль в анализе Российской политики на Ближнем Востоке, международных и внутривосточных аспектов этой политики, возможных угроз, рисков и мер их предупреждающих. Всей российской стратегии по борьбе с экстремизмом и терроризмом, которые сегодня существенно поменяли свои характеристики и являются угрозой существования как отдельных стран и народов, так и глобальным вызовом всему человеческому сообществу.

¹ Лукьянов Ф. А. РФ в Сирии заставила Запад реагировать на свою инициативу / Федор Лукьянов // Российская газета. Федеральный выпуск № 6796 (225). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/10/07/kolonka.html>.

² 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН // Президент России — 2015. 28 сент. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

«НАЧАЛА» ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Думаю, что современному исследователю политических и социальных наук достаточно сложно задать вопрос, не имеющий определенного и ясного решения. Как правило, даже такие сложные феномены, которые мы именуем «обществом», «властью», «порядком», «правом», «пространством», «насилием», «элитой» (*etc.*) имеют достаточно четкие и сравнительно точные определения, разница между которыми состоит только в разной степени согласия с той или иной формулировкой того или иного понятия. Но настоящие трудности возникают тогда, когда все данные феномены сливаются воедино в один большой и непонятный конгломерат под названием «государство». Вот, например, определения государства по данным «новой философской энциклопедии»:

«Государство — политическая *целостность*, созданная национальной или многонациональной *общностью* на определенной *территории*, где с помощью политической *элиты*, монополизирующей *власть*, поддерживается юридический *порядок*, включая законное *право* применения *насилия*.»¹ (курсив мой — автор).

Как видно из данного синтетического определения государства исследователи выразили лишь формальное описание феномена, просто перечислив его знаковые признаки и характерные черты. Так или иначе, подобное определение было сделано на основании простого сложения главных акторов, участвующих в формировании и происхождении государства. Вопрос «С чего начинается государство?» конечно же является центральным во многих теориях и концептах о его происхождении и определении, что однако не дает возможности декларировать, что именно все в совокупности и рождает государство. Я считаю, что подобное описание не дает нам никакой действительной информации о том *что* такое государство, так как сущностного ядра, жестко фиксирующий смысл явления в вышеуказанном определении просто отсутствует. Более того, подобное описание вбирает в себя все, теряя всякое отличие от понятия «политическое». Простое перечисление никогда не даст в своей сумме сложное явление, которое не сводимо к составляющим его элементам. Потому, я считаю, для выявле-

¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/0828.html>.

ния сущностного содержания понятия «государство» необходимо введение следующих начальных положений¹:

1. Феномен государства — первая известная форма сложной социальной организации человека, и единственная форма масштабной коллективизации индивидуального начала. Данное утверждение основано на том простом факте, что вся человеческая цивилизация была рождена в границах, условиях и контексте государства. Не существовало высокого развития и цивилизации вне контекста государства;

2. Будучи феноменом, государство является абстрактным конструктом, продуктом разума, призванным зафиксировать и объединить в одну единую и целостную структуру многочисленные разнородные связи и явления социальной организации;

3. Государство невыразимо посредством апелляции к обществу, власти, насилию, территории (*etc.*), т.е. не является их прямой и зависимой производной, напротив, является, скорее, их прямым и непосредственным источником, конституирующим фундамент и средой (контекстом) их разверстки;

4. Под государством в данном случае не следует понимать какое-то строгое научное понятие или объект. С тем же успехом слово «государство» можно заменить словом «политическая система» или «политическое». Возведенные в абсолюты и выражающие данный абсолюты «государство» и «политическая система» и «политическое» (*etc.*) являются даже не столько синонимами, сколько такими же, как и сам вопрос, глобальными метафорами, теряющими свои первоначальные референты и теперь обозначающее нечто, что дает начало всем им одновременно. В границах данной темы это возможно и неизбежно. В данном случае «государство» — максимально общее выражение **политической реальности** вообще.

5. Под «началом» следует понимать не происхождение феномена «государство», но фундаментальное основание данного феномена («начала»), своего рода, онтологическую причину его существования. Иначе говоря, вопрос о «начале» государства — вопрос о том, каким образом (по какой причине или почему) возможно «государство» и как «оно» осуществляется и поддерживается.

6. Очевидно, что «конкретного начала» государства, строго говоря, выявить не представляется возможным, а все подобные операции выглядят лишь наивными предположениями. Началом в случае государства не может быть что-то простое и конкретное. Началом будет являться нечто, *во-первых*, не менее сложное, чем «государство», *во-вторых*, возможно, не обязательно являющееся меньшей, составной и более простой его частью.

¹ Подобные декларативные допущения нужны только для того, чтобы обнаружить те неизвестные переменные, которые и делают (если можно так выразиться) государство государством.

Таким образом, вводя вышеперечисленные условия (основания), я концентрирую внимание не на поверхностных признаках государства, но на его глубинных и центральных свойствах, что позволяет по-новому взглянуть на сам феномен и обнажить ранее неизвестные его черты.

О. Ю. Яхшиян
Москва

ШИРОКОЕ ПОНИМАНИЕ «РУССКОСТИ»: ДИАЛЕКТИКА ЭТНИЧЕСКОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО В РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию 2014 г. обратили на себя внимание формулировки о «многоликости, но монолитной русской нации» и о «единой русской нации», причем как в современном, так и в далеком от современности контексте¹. В СМИ это расценили как «постепенное нащупывание тематики национальной идентичности и ее популяризацию в широких массах» и как попытку сформулировать государственный подход к «русскому вопросу»². Незадолго до этого XVIII Всемирный русский народный собор предложил обществу Декларацию русской идентичности и акцентировал неуместность противопоставления русской национальной и российской общегражданской идентичности.

Конечно, имеется в виду широкое понимание «русскости» — по культуре, языку, исторической лояльности — в противовес пониманию национальности (этничности) как «состава крови»³. Речь идет о цивилизационном понимании «русскости» как причастности к многовековому историко-культурному и геополитическому проекту мирового значения⁴. Понимаемая таким образом русская идентичность далеко выходит за

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>.

² См., напр.: Петр Скоробогатый «Мобилизация свободных» // Эксперт. 8–14 декабря 2014. № 50. С. 18.

³ Михаил Ремизов «Реставрация “русского”» // Эксперт. 24–30 ноября 2014. № 48. С. 58, 60.

⁴ Аксюмов Б. Формирование цивилизационной идентичности как социальный капитал современной России // Вестник российской нации. 2013. № 5. С. 60.

рамки сугубо этнической и приобретает качество идентичности цивилизационной.

Сформированные земледелием как основным занятием, территориальной общиной и православием, закаленные в многочисленных войнах за выживание и за веру (идентичность), русские, объединяясь на равных с соседними народами, веками создавали великую государственность (империю), великую цивилизацию и великую культуру. Идентичность народа воплощается в его главном историческом деле, вне этого дела не может быть выявлена и понята, не может быть от него отделена и, тем более — противопоставлена. Цивилизационная идентичность русского народа не только не противоречит, а практически совпадает с его этнокультурной идентичностью. Этническая идентичность так или иначе имеется у всех народов, но история знает не так уж много народов, у которых эта идентичность одновременно имеет цивилизационный масштаб и характер. Так, например, А. Н. Окара справедливо отмечает, что в советскую эпоху русские идентифицировали себя прежде всего с большим имперским проектом: «Поэтому в великорусской советской идентичности на первом месте стояли универсальные символы, лишённые этнокультурной привязки, их «маркерами» были такие понятия, как «космос», «Гагарин», «победа в Великой Отечественной войне», «строительство светлого будущего»... Факторы же народной культуры, любви к «малой родине», родному краю (ареалу традиционного обитания этноса), национального уклада и традиционных ценностей были вытеснены в конец перечня этнодифференцирующих признаков. Даже русский язык, став языком межнационального общения народов СССР, утратил свою исключительность в качестве атрибута великорусской идентичности»¹. Органичность цивилизационной составляющей именно в русской этнокультурной идентичности политолог подметил верно. Неверно, на наш взгляд, утверждать, что приводимые им т.н. «универсальные» маркеры для русских якобы лишены этнокультурной привязки. В том-то и заключается исторически обусловленная специфика русской этнической идентичности — ее маркеры (и русский язык в том числе) сразу переходят в разряд универсальных для всех, кто вместе с русскими вовлечен в общий цивилизационный проект.

Сверхэтничность, цивилизационный характер русской идентичности позволяет в определенных контекстах отождествлять ее с российской гражданской (национально-государственной) идентичностью, что и продемонстрировал В. В. Путин в Послании 2014 г. Известная конвенция относительно допустимости и правомерности такого отождествления по-

¹ Окара А. Н. «О национальной гордости великорусов» // Политика. 2008. № 1 (48). С. 87–88.

степенно формируется — а точнее, восстанавливается — в кругах политиков, экспертов, деятелей культуры. Академик РАН В. А. Тишков отмечает: «Различие между русским и российским, кастильским и испанским, английским и британским, ханьским и китайским трудно определить по причинам не только исторического, но также демографического и культурно-языкового характера... Во всех перечисленных случаях первое служит референтной культурно-исторической основой второго»¹. Формирование и воспроизводство общественного согласия относительно широкого понимания «русскости» объективно становится важнейшим содержанием государственной политики идентичности, которая проводится в Российской Федерации.

А. В. Яшина
Санкт-Петербург

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В ГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Развитие и расширение городов, а также низкая эффективность органов власти при решении городских проблем привели к росту гражданской активности, а появление новых сетевых технологий принятия и коррекции решений (например, краудсорсинг, краудмэппинг, бенчмаркинг и прочие), представили широкий спектр возможностей для обеспечения их эффективного участия. Это, в свою очередь, привело к включению в публичную сферу большого количества негосударственных акторов и вызвало ее усложнение. В связи с этим возникла потребность в переосмыслении моделей коммуникации и координации взаимодействия различных акторов публичной сферы и их коммуникативной успешности и эффективности.

В качестве предмета исследования была выбрана деятельность локальных сообществ Санкт-Петербурга, которые используют социальные сети и различные сетевые технологии для решения местных проблем, например, «Красивый Петербург.рф», «Мусора.Больше.Нет», «Раздельный сбор», «Информационный портал Фрунзенского района» и их взаимодействие с органами власти. Приоритетным полем была выбрана городская жилая среда, которая, *во-первых*, отражает такие необходимые для успешного

¹ Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с. С. 114.

развития человека, общества и государства элементы, как инфраструктура, экология, безопасность и, *во-вторых*, насыщена новыми гражданскими инициативами.

В связи с этим целью исследования был анализ существующих моделей взаимодействия локальных общественных объединений (некоммерческих организаций и гражданских инициатив) и органов власти, бизнеса, а также в выявлении наиболее эффективных моделей коммуникации и координации сетевого взаимодействия различных акторов, включенных в городскую политику. Под эффективностью в проекте понимается функция минимизации транзакционных издержек, рассматриваемых здесь в более широком значении, как издержки обеспечения беспрепятственных коммуникаций в процессе социальных, политических и экономических обменов.

Особенность проекта заключается в междисциплинарном подходе к исследованию. Деятельность локальных сообществ и их взаимодействие с органами власти анализировались сквозь призму не только социальной и политической науки, но использовались математические методы моделирования.

В качестве методологической базы исследования была выбрана теория общественного выбора, неоинституциональный подход и теория постиндустриального общества. В рамках последней, особо выделяется концепция сетевого информационного общества, разработанная М. Кастельсом¹. Неоинституциональный подход и теория общественного выбора использованы в исследовании особенностей различных моделей и «коммуникативная эффективность». Теория сетевого общества М. Кастельса использована в качестве ключевой концепции, определяющей специфику социальной структуры современного общества, его социокультурных, политических и экономических институтов, а также диагностирующей наиболее важные вызовы со стороны различных подсистем сетевого общества и информационной экономики. Работы Марио Диони², посвященные

¹ *Кастельс М.* Информационная эпоха. М., 2000; *Кастельс М.* Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. 2004; *Кастельс М., Алексеева А.* Кастельс: наша жизнь—гибрид виртуального и физического пространства // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. // Отв. ред. Верченков Л. Н., Ефременко Д. В., Тищенко В. И. М.: 2013. С. 43–55; *Castells M.* The rise of the network society: The information age: Economy, society, and culture. John Wiley & Sons, 2011. Т. 1; *Castells M.* Communication power. Oxford University Press, 2013; *Castells M.* Networks of outrage and hope: Social movements in the Internet age. John Wiley & Sons, 2013.

² *Diani M.* Networks and social movements // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements. 2013; *Diani M., McAdam D.* (ed.). Social movements and networks: Relational approaches to collective action: Relational approaches to collective action. Oxford University Press, 2003; *Diani M.* Social movement networks virtual and real // Information, Communication & Society. 2000. Т. 3. № 3. С. 386–401.

политическому активизму и социальным движениям. А также математическая теория сетей: случайные модели с предпочтительным присоединением связей — модель Барабаши-Альберт¹, модели пространственных сетей — *M. Barthelemy*² и др.

На момент написания тезисов исследование не завершено. Оно осуществляется в несколько этапов. На первом этапе была собрана теоретико-методологическая база для изучения локальных сообществ, а также разработана методика для кейс-стади анализа деятельности локальных сообществ и их взаимодействия с органами власти. А также проведено кейс-стади исследование на примере деятельности сообщества «КрасивыйПетербург.рф». В дальнейшем планируется проведение еще 3 кейс-стади, а также анализ результатов взаимодействия сообществ с местными/городскими органами власти и выявлены наилучшие пути коммуникации и координации.

В завершении исследовательского проекта планируется построение модели сетевой структуры взаимодействия акторов в процессе принятия решений в городской политике, анализ ее эффективности сетевой структуры взаимодействия акторов в процессе принятия решений и разработка рекомендаций для совершенствования городской политики.

В рамках доклада предполагается предоставить результаты первого и второго этапа: отчет по кейс-стади исследованиям, а также первоначальные модели коммуникации.

¹ Barabasi, Albert-Laszlo and Albert, Reka. «Emergence of scaling in random networks». Science, 286:509–12, October 15, 1999; *Райгородский А. М.* Модели случайных графов и их применения // Труды. 2010. Т. 2. № 4. С. 131.

² *Barthelemy M.* Spatial networks // Physics Reports. 2011. Т. 499. № 1. С. 1–101; *Kivela M.* et al. Multilayer networks // Journal of Complex Networks. 2014. Т. 2. № 3. С. 203–271.

Т. А. Яшкова
Москва

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Начало XXI в. демонстрирует нарастание противостояния по прежним геополитическим осям: Запад — Восток, Север — Юг, но в новом качестве и в более крупных масштабах. «Холодная война» усилиями США и мирового финансового капитала трансформировалась в войну нового типа — геополитическую. Ее цель — разрушить национально-государственную систему мира и установить новый миропорядок. Содержанием новой войны являются геополитические операции¹:

- информационно-психологические для деформации сознания национально-культурной идентичности населения;
- финансово-экономические с целью подрыва экономики, организации финансово-экономических кризисов и установления контроля над экономикой и политикой страны-объекта;
- провоцирующие тупиковый путь развития и деградацию;
- демократические с задачей смены режимов, продвижения в институты власти и формирования класса корыстных, малоспособных людей и создания сетевой агентуры;
- военно-стратегические и специальные, завершающие разрушение страны и установление полного контроля.

Геополитический статус современной России, вследствие влияния Западных сил, может быть подорван, что в перспективе может привести к дальнейшему снижению геополитического потенциала.

Коренные изменения геополитической ситуации в мире, распад Восточного блока и ряда государств, входивших в него, нарастание сепаратизма и экстремизма, наличие территориальных претензий к нашей стране со стороны ее соседей, неблагоприятные демографические тенденции, экономические проблемы делают актуальным вопрос о территориальной целостности и о самом сохранении Российской Федерации. Следует учитывать и то, что ареной геополитической борьбы в XXI столетии становится культурно-цивилизационная среда и духовная сфера.

В ряде регионов обостряются национальные и социально-экономические проблемы, в результате возникает опасность расшатывания междуна-

¹ *Ивашов Л. Г.* Евразийский союз: проблемы, перспективы. Построение такой континентальной цивилизационной модели создаст определенную устойчивость миропорядка XXI столетия // Военно-промышленный курьер. 2012. № 18.

родной стабильности из-за региональных конфликтов, гонки вооружений на региональном уровне, распространения оружия массового поражения, терроризма, наркобизнеса и других видов преступности. В Европе поднимается вторая волна мирового финансового кризиса. На Ближнем Востоке и в Центральной Азии зреет «угрожаемый период» большой войны. В Тихоокеанской зоне растет противостояние Китая и США.

О существовании геополитических вызовов и угроз могут свидетельствовать следующие признаки¹:

- наличие острых противоречий или возможное появление у государств претензий друг к другу, разрешение которых возможно лишь с применением военной силы;
- наличие у одной из сторон достаточного количества военных сил и средств, которые по своему составу и состоянию способны вести наступательные боевые действия, а также содействующей инфраструктуры, для обеспечения их эффективного применения и для разрешения противоречия в свою пользу или способность государства (другого субъекта межгосударственных или внутригосударственных отношений) создать такие силы в перспективе;
- наличие уверенности у возможного противника (у его лидеров или правительств) в рациональности вооруженного насилия как средства достижения своих целей;
- наличие политической воли или решимости пойти на применение военной силы для разрешения накопившихся противоречий;
- наличие надежных союзников среди государств, их коалиций или иных субъектов военно-политических отношений;
- благоприятные геополитические условия и реальная (либо прогнозируемая) военно-политическая обстановка, способствующая осуществлению военных акций и другие.

Вызовы и угрозы России — это вызовы для страны в сфере мировой геополитики, социально-политического развития, научного развития, вызовы экономико-технологическому развитию, монетарной системе, демографической политике, российскому культурному пространству, усилиям в сфере укрепления обороноспособности России, а также вызовы ментальности русского человека и многому другому, что входит в понятия Россия и русский мир.

Хотелось бы рассмотреть классификацию вызовов для России, разделив их на внешние и внутренние, реальные и мнимые, что отражено на схеме 1.

¹ *Ивашов Л. Г., Яшкова Т. А.* Глобальные вызовы XXI века — геополитический ответ России: монография / Под ред. академика Халеевой И. И. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 123.

Схема 1

Россия сталкивается с политическими, военными, террористическими, действиями и природными катастрофами. Основными геополитическими соперниками РФ являются: США, ЕС, НАТО, Украина и другие.

Касательно внутренних вызовов, то они напрямую связаны с социально-экономической политикой государства, а именно: социальное обеспечение граждан, борьба с безработицей, антикризисные меры и т.д.

Реальные вызовы обусловлены фактической угрозой со стороны других государств или альянсов (военный конфликт, гуманитарная катастрофа).

Мнимые вызовы определяются иллюзорным видением ситуации в том или ином регионе, провоцируемым политическими силами заинтересованных государств.

Обращаясь к данным социологических опросов, можно сделать вывод об отношении коренного населения к статусу Российской Федерации на мировой арене. 68% опрошенных считают, что Россия сегодня является великой державой, при этом почти треть населения (27%) придерживается иной точки зрения. Данные предыдущих опросов показывают, что вера россиян в величие Родины за 15 лет заметно выросла (диаграмма 1).

Данные социологического опроса «Левада-центра» говорят о том, что каждый третий россиянин (35%) считает, что за последние полгода нашу страну стали больше бояться за рубежом. В то же время, по мнению населения, и внешних, и внутренних врагов у страны тоже прибавилось — в их наличии уверены 63% респондентов (диаграмма 2).

В настоящее время Российская Федерация в геополитическом плане является достаточно уязвимой, что представляется особенно опасным в условиях, когда происходит очередной передел мира, а ряд глобальных субъектов проводит эгоистическую политику, направленную на удовлетво-

рение своих потребностей за счет других. В результате названного, а также других обстоятельств, для России актуализируется ряд геополитических вызовов и угроз, наличие которых требует взвешенного и адекватного реагирования.

Планируя и осуществляя такое реагирование, Российской Федерации предстоит четко определиться в отношении своих геополитических союзников и противников и выработать линию поведения с ними.

Тем не менее, несмотря на все сложности, Россия имеет необходимые возможности для того, чтобы занять достойное место в мире и придать новое качество процессу глобального развития.

Однако абсолютно ясно, что ни запугать, ни надавить на нашу страну ни у кого не получилось и не получится. На все внешние и внутренние угрозы национальной безопасности у нас всегда был и всегда будет адекватный ответ.

*Eymeri-Douzans Jean-Michel
Toulouse, France*

TITLE OF THE COMMUNICATION: «IS A MINISTER STILL AN INDIVIDUAL? INSIGHTS FROM THE CASE OF FRANCE»

Abstract:

In the recent years, the author has coordinated a vast collective editorial project, involving 30 colleagues from various disciplines — History, Public Law, Sociology, Political science — whose focus was on the organization of political-and-policy advice to ministers, Prime Ministers and Presidents. The title of the book is *Le Règne des Entourages. Cabinets et conseillers de l'Exécutif The Reign of Entourages. Ministerial Cabinets and collaborators of the Executive*, Paris, Presses de Sciences Po, forthcoming Fall 2015. This collective undertaking is mainly dedicated to studying the French system of politically appointed vast teams of direct collaborators named «cabinets ministériels». However, the introduction and a latest part of that huge book dedicated to chapters considering relevant foreign examples — such as the United States, Germany, the United Kingdom, Italy, Belgium... and the cabinets of the European Commissioners — allow to draw some comparisons with other «private offices» of ministers, «special advisors» and «staffs».

Concentrating on the French case, and basing our thoughts on a long-term ethnographic familiarity with the politico-administrative elites which are active

at the top of the Core Executive, this including many sociological semi-structured interviews with ministers, heads of cabinet and «*conseillers de cabinet*», and top bureaucrats, this communication would like to develop, and empirically substantiate, the following thesis: the mission and the role entrusted to ministers, according to the Constitution and to the French political traditions, are nowadays exerted in practice by a collective body, the *ministerial cabinet*. Moreover, far from being a staff of personal advisors whose loyalty and fidelity to the minister in person is guaranteed, the forms of the recruitment, mainly among career civil servants, of these special advisors, and their likely professional future, all along with their daily life in which they work for and with the head of cabinet (chief of staff) much more than for and with the minister, draws a very complex picture of French Executive entourages. Our ministerial cabinet are not that much of an instrument of “politicization” of public administration by ministers, but paradoxically one of the key features involved into the process of «administratification» or «technocratization» of politics and policies in nowadays France.

Ф. П. Казула
Цюрих, Швейцария

RUSSIA'S FOREIGN POLICY AFTER THE CRIMEAN CRISIS: SOVEREIGNTY OR SECURITY?

Abstract:

The Crimea Crisis of 2014 has brought to the fore the already troubled relations between contemporary Russia and the West. It has also emphasised the western lack of understanding regarding Russia's foreign policy. Observers have been oscillating between disbelief and alarm, trying to figure out Russia's conduct in foreign affairs by referring to imperialism, the Cold War, or to an alleged inherently autocratic character of Russia. Instead, this paper investigates Russia's foreign policy along three key types of power in political history — sovereignty, reason of state, and biopolitics — highlighting how their respective instruments are fielded by contemporary Russia, especially during the Crimean Crisis. The aim of the paper is not to explain the reasons behind Russia's foreign policy conduct but rather to advance a formal analysis of its mechanisms, ultimately showing that Russia uses all modern technologies of power at her disposal.

Keywords: Russia, Ukraine, foreign policy, biopolitics, sovereignty.

Introduction: The Russian occupation and annexation of Crimea has puzzled Western politicians and scholars. The European Union and the United States have

slowly reacted by imposing sanctions on selected individuals of the current regime and continued to expand them to different sectors of Russia's economy. Analysts have reacted by drawing comparisons to a new Cold War, by identifying a neo-imperialist course in Russia's foreign policy, or by referring to expansionism as means to secure popularity.

In the following, I will scrutinize Russia's foreign policy focussing on how in recent years it, different forms of power have been wielded by adopting different technologies. The paper follows the basic tenets of political theory as discussed in Michel Foucault's *Security, Territory, Population* in order to highlight the changing preferences in the choice of foreign policy tools adopted by contemporary Russia¹. It particularly discusses the Russian mimicry of “humanitarian interventions” in 2008 (Georgia) and 2014 (Ukraine). The paper hence locates itself in the realm of the growing literature of International Governmentality Studies (IGS), which includes «a whole series of investigations that are putting Foucault's hypotheses to work across full spectrum of concerns and topics that animate IR»². IGS do not aim at developing grand theories but rather at answering detailed questions about the *functioning* of IR phenomena.

Analysing how Russia put into practice sovereignty, reason of state, and biopolitics, the paper shows that Russia's military intervention in Crimea neither represents a break with previously professed tenets of Russian foreign policy, nor a relapse into an archaic, backward or irrational foreign policy. Rather, Russia adopts the entire repertoire of means available to modern states. This exercise of power is not free of tensions and contradictions and puts at risks the long-term relations with Western partners, suggesting that the Kremlin turned its back on the West, at least for the time being. The analysis of Russian foreign policies in these terms, most obviously, does not represent in any way a justification for any policies. However, such an analysis suggests that Russia disposes of the same toolkit of foreign policy instruments as other modern states do — and is willing to use it. Furthermore, the analysis suggests that Russia engages in a conflict that conforms in many ways much more to the model of a New War rather than to the model of traditional conflict.³

¹ Foucault M. (2007) *Security, Territory, Population*. New York: Palgrave.

² Walters W. (2012) *Governmentality. Critical Encounters*. London: Routledge, p. 83.

³ Kaldor M. (1999) *New and Old Wars*. Stanford: Stanford UP, p. 1–24, 69–89.

Pogacian Adrian
Moscow

EUROPEAN UNION'S UNCERTAIN FUTURE. THE STATE OF ROMANIAN — RUSSIAN RELATIONS AND THE IMPORTANCE OF A BILATERAL DIALOGUE

Romania and Russia have a long, common and, sometimes, cold history; this is the starting point for every analysis or debate regarding the bilateral relations. Romania is an European Union member, with who Russia also has an historical relation. But, nowadays, I can argue that, there are no political relations between these two countries and there are no prospects to have some in the future, even though, the Ukrainian crisis carried forth the necessity of a minimal dialogue. Therefore, the first aim of this paper is to inquiry if, the Ukrainian crisis might be the reset of Romanian — Russian talks, both parts beeing involved, differently, into the conflict. This conflict pointed out the lack of cohesion of the European Union decision making process and, moreover, proved that the Union can't be a single voice. Hence, the second aim of the paper is to answer at the following key question: in this conditions, should Romania consider, in the nearest future, Russia a possible partner on a new regional architecture? If yes, what should be done?

Key words: Romania, Russia, European Union, Ukraine, regional architecture

*К. Г. Шерьяданова
Астана, Казахстан*

CENTRAL ASIA AND THE WORLD COMMUNITY: INTERESTS OF THE EUROPEAN UNION

Five countries of Central Asian Region (CAR) are the main territorial center of southeast part of Eurasia which area is 4 million km², and the population is more 50 million people. The states of CAR at the beginning of the 90th of the XX century entered a new stage of development. Finding of independence and an exit to the international scene as independent subjects of the international relations changed status and political value of the region.

Today the CAR is in focus of attention of the leading powers and the international organizations, as well became a cooperation field wide on the range and structure of participants and at the same time it is the arena of rivalry of various

forces for the influence. First of all, it is caused by the geostrategic importance of the region, its powerful oil and gas and other mineral raw material resources. The existing asymmetry of geopolitical fields of various powers in the region bears a threat to security. The largest powers border on the CAR. Geoeconomic and geopolitical vulnerability of the CAR predetermines a tendency of increase of political and geoeconomic presence of interests of these powers in the region.

The Central Asia is a place where interests of the world powers, in particular, the EU, China, Iran, and Turkey are crossed, and these interests are not always coincided. Taking it into account, it would be useful to consider interrelation between efforts of the regional and extra regional states in creation of regional system of interaction of the world powers' sometimes competing interests.

It should be noted that the European Union as the priority purpose of the policy in the east considered, first of all, support of democratic institutes. The Concept of the EU concerning the CIS was based on idea that the technical and financial aid from Europe will help economic stabilization of the new independent states, strengthening of democracy and will reduce to a minimum risk of destabilization by that. For the European Union as the result of the policy it was necessary to have a politically and economically stable, cut-out according to the European standards of parliamentary mode, predictable space in the neighborhood, consisting from the states organized on model of the EU and cooperating among themselves.

The commission defined three main lines of conduct in the relations with the CIS:

- a) Strengthening of economic cooperation and addition it with other types of multilateral cooperation and long-term programs; as industrial partners the EU chose only Russia and Ukraine;
- b) Further strengthening of political cooperation; Russia and CIS ha to understand meaning of «joint foreign and defensive policy» of the EU;

It is necessary to consider strategy of the EU not only in relation to the CIS in general, but also to Central Asia. It was based on the following postulates:

- transition of the former Soviet Republics to independence was especially difficult for the states of Central Asia;
- The EU had important interests in Central Asia which were connected with geopolitics and economy, development in the region of the energy sector was especially important for the EU;
- The EU saw achievement of the purposes in the region through development of democratic institutes, reduction of conflict potential, implementation of economic reforms;
- The EU connected the safety with opportunity to influence decision-making in an energy and production of mineral resources.

For the republics of the Central Asia, in our opinion, it is advisable strengthen the European activity on the Caspian Sea for a number of reasons. The reasons are the following:

1. Within the integration concept of the CAR and multi vectored foreign policy strengthening of positions of the European Union would be desirable in the context of creation of a counterbalance to excessive influence of the USA and Russia, and China — in the long term perspective.
2. Economic involvement of the European states in the Caspian region would promote an intensification of the economic relations between the CAR and the EU in general, fuller implementation of economic programs of the EU for assistance to the local republics and their further expansion.
3. The CAR states, in the person of EU countries, as well as other producers of energy resources in the region, would receive the guaranteed consumer of the production for some decades ahead within creation of the United European Power System that is provided by the Power Charter Contract.
4. Connection of power systems of the EU and the Caspian region can be well reflected in development of communications and the general economic level of the countries of CAR.
5. Active cooperation with the European countries will promote strengthening of stability in the former Soviet Union, on the one hand, and on another — sharp reduction of confrontation risk.

IV ФОРУМ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

К. А. Акимова
Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ КАТЕГОРИИ ДОВЕРИЯ В НАУКЕ: ОТ ФИЛОСОФИИ — К ПОЛИТИКЕ: ОТ ВЕРЫ — К ДОВЕРИЮ

Исследования проблематики доверия играют важную роль сразу в нескольких направлениях мировой и отечественной науки. В категории общественных наук данная тема востребована в философии, психологии, социологии и политологии, а также в качестве важного направления — в экономических науках и других смежных дисциплинах.

В рамках этической парадигмы первые зачатки формулирования проблематики доверия можно наблюдать, начиная с V–IV в. до н.э. в трудах Аристотеля, Сократа, Платона. Затем, в основном в ракурсе исследования и попыток интерпретации догматов веры, возникает система христианской философии, где вопросы доверия рассматриваются преимущественно именно с позиций проблематики веры и ее религиозных аспектов (представлены известнейшими философами Средневековья Августином Блаженным и Фомой Аквинским). Эпоха Нового времени вместе с идеями выдающихся мыслителей (Д. Локк, Д. Юм, Т. Гоббс и др.) несет трансформацию взглядов и на изучение доверия. Авторы, используя категории «разум» и «знание», делают важный шаг в отделении понятий религиозная вера и вера обыденная, что в дальнейшем позволит разграничить и сами категории доверия и веры.

Категория доверия получает более субъективную направленность ближе к XX в., когда актуализируется в социологии, и, во многом именно через социологию, проявляется в политической науке в первую очередь в трудах классиков социологии: Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса, М. Вебера, Т. Парсонса, которые обращались в своих работах к проблеме доверия в контексте анализа современных обществ. Но наследие более ранних парадигм религиозной этики в исследовании доверия имело существенное влияние и на родоначальников социологии. Это можно проследить в работах Вебера, который

утверждает ведущую роль протестантской Реформации. Также и Э. Дюркгейм, проанализировав в числе первостепенных функциональные основы религиозного наследия различных обществ, находит посыл к человеческим объединениям в движущей силе их поведения — социальной солидарности (с этой точки зрения он и рассматривает категорию доверия). Опираясь на классические концепции Дюркгейма, основоположник структурного функционализма Т. Парсонс рассматривает доверие на стыке социологии и политологии. У него доверие — одно из условий, обеспечивающих общественную стабильность¹. С этого времени наука стремится к четкому разграничению веры и доверия, в том числе появляются работы, в фокусе которых — признаки, позволяющие эти две категории обоснованно различать.

В дальнейшем доверие уже не просто рассматривается в качестве сопутствующего явления в числе прочих составляющих других глобальных проблематик, а получает одно из центральных мест и оказывается в непосредственном фокусе исследований. Само понятие подвергается расщеплению и классификации. Так, например известные социологи и политологи Э. Гидденс, Н. Луман, А. Селигман, Ф. Фукуяма, П. Штомпка рассматривают особенности понимания категории «социальное доверие».

В условиях современной действительности постоянных социально-политических изменений, в политологии на первый план выходит проблематика исследования доверия в общественно-государственном взаимодействии, где один из центральных вопросов — доверие граждан к власти. Здесь большой интерес вызывают работы представителей неoinституционализма: концепции легитимизма Дж. М. Бьюкенена и Дж. Б. Ролза, рассматривающие проблематику доверия к власти в контексте «общественного договора» как основы справедливого, и как следствие — легитимного политического порядка.

В российской науке проблематика доверия представлена целым рядом отечественных трудов и исследований, однако большинство из них тяготеет к социально-психологическому направлению (А. Б. Купрейченко, Т. П. Скрипкина, Е. П. Ильин, Г. М. Заболотная).

Таким образом, мировая практика научного анализа доверия трансформировалась во взаимовлиянии с различными факторами как историко-культурного, так и политического характера развития социальных обществ. Истоки данной проблематики — еще во времена зарождения философской мысли в контексте межличностных отношений, затем является важнейшая дилемма разграничения или отождествления доверия и веры, появляются вопросы доверия и недоверия, постепенно акцент рассмотрения проблематики доверия переходит на кризис доверия в процес-

сах общественно-государственного взаимодействия, в том числе и в вопросах глобального мироустройства.

Однако в настоящее время, несмотря на большое количество работ, посвященных проблематике интерпретации понятий веры и доверия, данный вопрос не теряет своей актуальности и, несмотря на семантическую схожесть, и частое отождествление этих двух явлений в обыденном общении, крайне важно исследовать эти понятия в их самостоятельных значениях.

Д. В. Алексеев
Москва

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС В КОНТЕКСТЕ ОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКИМИ СМИ (на примере «Российской газеты», «Независимой газеты», «Новой газеты»)

В XXI в. СМИ являются главным источником создания и формирования политического дискурса. Их роль растет прямо пропорционально развитию новых технологий и усложнению структуры общественных отношений. Н. Луман писал: «Можно говорить о втором смысле реальности массмедиа. А именно о смысле того, что для нее или благодаря ей для других выглядит как реальность. Если использовать кантовскую терминологию, массмедиа производят трансцендентальную иллюзию»¹. Таким образом, СМИ могут представить лишь интерпретацию текущих событий. Однако дело в том, что подавляющее большинство людей воспринимают ее как трансляцию истинного положения вещей. Так происходит из-за того, что СМИ являются практически безальтернативным источником информации об окружающем нас мире. По этой причине авторитет СМИ как политического института, несмотря на все происходящие события, незыблем. Это подтверждают социологические исследования. Так, на вопрос о том, изменился ли уровень беспристрастности отечественных СМИ за последние 2–3 года лишь 15% респондентов ответили, что СМИ стали менее объективны².

Очевидно, что рынок СМИ при демократическом режиме неоднороден. Вопреки распространенному мнению, и в России векторы освещения текущей повестки дня у различных СМИ совершенно разные, а зачастую и противоположные. Хорошей иллюстрацией плюрализма в среде СМИ

¹ Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005, с. 13.

² Доверие российским СМИ. Объективны ли СМИ в освещении событий? И стоит ли им быть более критичными к властям? // ФОМ / 30.04.2015 / <http://fom.ru/SMI-i-internet/12140>.

¹ Заболотная Г. М. Феномен доверия и его социальные функции. Вестник РУДН, М., 2003. № 4–5. С. 79–85.

служит то, как они освещают украинские события. Украинский кризис — ключевая тема повестки дня уже на протяжении полутора лет. Ее освещают СМИ всех политических и идейных взглядов. В качестве объекта для анализа были выбраны материалы «Российской газеты», «Независимой газеты» и «Новой газеты» по причине их разного отношения к текущей политической действительности. При таком подходе, с точки зрения автора, картина будет намного яснее и репрезентативнее.

В качестве примера рассмотрим крымский кейс. «Российская газета» рассматривает присоединение Крыма как несомненно радостное событие («Крымская весна») и окончательное возвращение Россией статуса мировой державы. В материалах газеты обширно представлена поддержка этого исторического события со стороны российских регионов. Да и крымчане сделали вполне однозначный выбор: «Ровно в 20:00, когда все избирательные участки закрылись, а площадь уже не вмещала народ, в кафе началось ликование. Казалось, крики «Россия!!!» вышли через узкие двери на площадь, вернулись многократно усиленные и раскололи бокал на соседнем столике»¹. В то же время «Независимая газета» позиционирует себя как аналитическое СМИ. Кроме того, издание часто лавирует: в одном и том же номере могут появляться материалы, которые присущи совершенно разным позициям относительно власти. Однако несомненным достоинством представляется присутствие различных точек зрения на проблему в рамках одного материала (черта аналитической прессы). Отношение к присоединению Крыма довольно неоднозначно: «Но когда дело касается Крыма, рушатся все традиции и устои. И вот любой желающий может почитать, как глава МИДа спрашивает у президента разрешения на ответные меры по санкциям США и Евросоюза и позволения жестко реагировать на различные украинские инициативы»². «Новая газета» предстает в рамках крымской темы как оппозиционное издание (впрочем, это традиционно для этого СМИ). Издание критикует позицию руководства страны относительно Крыма и, в частности, Президента РФ В. Путина: «Вполне очевидно, что в персоналистской политической системе отмашку дает один человек. И мы его знаем. Решение по вводу войск в Крым — абсолютно иррациональное. Даже эмоций здесь было бы недостаточно. Это неадекватность»³. Присоединение Крыма воспринимается именно как захват. Показательны и заголовки по обозначенной тематике: «Крым поставлен на карту России», «Крым пока не наш» и др.

¹ *Снегирев Ю.* В Россию. Российская газета. № 6333 от 18.03.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/03/18/krym.html>.

² *Родин И.* В политике. Крымские хлопоты Москвы. Независимая газета. 23.03.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ng.ru/week/2014-03-23/8_politics.html.

³ *Колесников А.* Президент сжигает мосты. Новая газета. № 23 от 3 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/columns/62492.html>.

Таким образом, политическая повестка дня, которая формируется СМИ весьма многообразна. Разные СМИ могут формировать противоположные точки зрения относительно одних и тех же событий. В конечном итоге, именно подобное разнообразие во многом позволяет реализовывать гражданам свои права на свободу слова, самовыражения и мнений. Однако получить картину событий, приближенную к объективной, можно лишь путем всестороннего ознакомления с общественно-политическими изданиями разной идеологической направленности, применяя знания в области социальных наук.

А. Е. Антипова
Московская область

ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Работа посвящена анализу внедрения Единого государственного экзамена (ЕГЭ) как одной из мер реформы образования в России. Отправной точкой для исследования является рассмотрение реформы ЕГЭ с точки зрения теории политического управления (теории политического цикла), что позволяет делать выводы о влиянии структурных условий и стратегий политических акторов на разработку, реализацию и оценку ЕГЭ.

Система образования является той сферой, общественное обсуждение которой чаще всего заостряется на сравнении с другими странами. В общественном сознании ЕГЭ в целом и тестирование как форма контроля знаний в частности рассматриваются в качестве «инновации» и «западного влияния»¹. Наконец, реформа российского образования, включающая в себя введение ЕГЭ, стартовала 13 лет назад, что позволяет проанализировать весь политический цикл, связанный с институциональными изменениями. Самое поверхностное знакомство с историей внедрения ЕГЭ в нашей стране порождает вопрос о том, почему при все большем нарастании волны критики в отношении ЕГЭ правительство не только не отказывается от нового института, но и не исправляет его наиболее очевидные недостатки? Все эти вопросы были разобраны в данной работе.

Теория политического цикла подразумевает анализ государственной политики по этапам: 1 — формирование повестки дня, 2 — рассмотрение альтернативных вариантов, 3 — выбор и легитимизация, 4 — внедрение принятых политических решений, 5 — контроль за реализацией и обратная связь².

¹ *Стародубцев А. В.* История одной реформы: ЕГЭ как пример институционального переноса. Препринт М. 24/11. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 6.

² *Dye Th. R.* Understanding Public Policy: 11th ed. Upper Saddle River, New Jersey, 2008. P. 14–15.

Первый этап политического цикла, когда социальная проблема выносится на повестку дня, применительно к ЕГЭ соответствовал концу 1990-х — началу 2000-х гг., когда профессиональные круги и общество в целом обсуждало необходимость реформирования школьного образования. Эта необходимость была обусловлена следующим¹. Первый фактор — это то, что экзамены принимались учителями школ, в которых проходили обучение сдающие эти экзамены школьники, поэтому объективность оценки знаний стояла под вопросом. Второй фактор — признанная коррупция, существующая сразу на двух уровнях — и в школах, и в вузах. Третий фактор — низкий уровень мобильности выпускников и абитуриентов. По самым разным причинам вуз в России выбирался исходя не столько из уровня подготовки абитуриента, сколько из финансового положения семьи и удаленности региона от учебного заведения. Новая система должна была минимизировать возможности для коррупции во всех ее видах и повысить объективность оценки знаний.

2 и 3 этапа политического цикла не были преданы широкой огласке. Поэтому после 1 этапа сразу шел 4 — внедрение принятых политических решений. Были выбраны экспериментальные регионы, где впервые по восьми предметам прошел ЕГЭ.

Последний, 5 этап теории политического цикла подразумевает изучение результатов реформы и отношения населения к проводимой реформе и корректировку политического процесса в соответствии с этим. Процедура сдачи ЕГЭ подвергается критике и постоянно реформируется. Так, в 2015 г. Рособрнадзор проводит ряд мероприятий, которые помогут избежать утечек контрольно-измерительных материалов (КИМов) — увеличивает количество экзаменационных материалов и количества вариантов, для каждого часового пояса разрабатывает свои варианты контрольно-измерительных материалов. Президент России Владимир Путин поручил кабинету министров обеспечить повышение минимального количества баллов ЕГЭ, и заявил что необходимо прекратить зачисление абитуриентов с низким уровнем знаний (и на бюджетные, и на коммерческие места), поскольку такие абитуриенты не способны в будущем стать высококачественными специалистами. По словам Путина, подобная гонка за абитуриентами, а значит за финансированием, подчас размывает репутацию вуза и высшего образования².

В целом ЕГЭ в обществе воспринимается негативно: неодобренных высказываний о нем втрое больше, чем одобренных (57% опрошенных

¹ Стародубцев А. В. История одной реформы: ЕГЭ как пример институционального переноса. Препринт М. 24/11. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 7–8.

² Путин поручил повысить минимальный балл ЕГЭ для приема в вузы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gia.ru/education/20141129/1035768247.html>. Дата обращения: 10.09.2015.

относятся к ЕГЭ негативно, 25% одобряют и 18% затрудняются ответить.)¹ Но те, у кого свои или знакомые дети сдавали ЕГЭ, настроены более позитивно. Они чаще считают, что этот экзамен позволяет объективнее оценить знания учащихся и облегчает процесс поступления в вузы. Интересными оказались ответы на вопрос: «Как, по вашему мнению, введение ЕГЭ повлияет на коррупцию в российском образовании?». Лишь 10% опрошенных посчитали, что ЕГЭ коррупцию уменьшит. Остальные думают, что она либо перераспределится (17%), либо увеличится (20%), либо вообще ничего не изменится (38%). Кроме того, большинство опрошенных уверены, что занятия в школе недостаточны для подготовки к ЕГЭ. Так считают около 80% родителей. ЕГЭ, таким образом, можно рассматривать не только как образовательную реформу, но и как политическую — со своими преимуществами и недостатками. ЕГЭ стал важным институтом, который воспринимается как элемент модернизации системы образования, и шире — политической системы в целом. И отказ от ЕГЭ, по мнению А. В. Стародубцева, «может быть воспринят как... провал всей политики модернизации»².

Н. А. Антюшин
Санкт-Петербург

ФАШИСТСКИЙ ЭЛИТАРИЗМ: БУДЕТ ЛИ ЗАПРОС НА КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРИОЩЕНИЕ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ?

Российская политическая наука не склонна рассматривать *фашистский элитаризм как отдельную концепцию*. Во-первых, необходимо «осторожно» затрагивать данный теоретический раздел, который нередко оказывался табуированным; во-вторых, достаточно часто исследователи рассматривают фашистские элиты через другие категории, например, как аграрно-авторитарные формы. Исчерпывающим такой подход считать не приходится.

В России не много исследователей занималось проблемой фашистского элитизма, но мы можем обнаружить ее у Ашина Г. К., Дуки А. В., Кутарева О. Ю. Западная наука часто затрагивала фашистские элиты как объект политической науки, социологии, экономики, истории³. Более того,

¹ Добрынина Е. Россияне относятся к ЕГЭ с опаской // Российская газета. 28.05.2012.

² Стародубцев А. В. История одной реформы: ЕГЭ как пример институционального переноса. Препринт М. 24/11. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 24.

³ Ашин Г. К., Охотский Е. В. Курс Элитологии. М.: ЗАО «Спортакадемпресс», 1999. С. 53.

существуют работы сравнительного фашизма и неофашизма, в частности интерес представляет работа В. Виппермана¹.

Причина необходимости выделения фашистской концепции элитизма, по мнению автора, в том, что фашизм — явление XX в., и имеющиеся подходы к изучению элит, особенно классические, не в состоянии это объяснить. Фашизм как идеология крайне изменчив — его нужно анализировать в конкретный момент, он текуч, не имеет постоянной базы. В то же время достаточно широк и неоднороден круг приверженцев данной идеологии, каналы рекрутирования элиты и коммуникации.

Мы имеем «эталонную» модель в виде итальянского фашизма, в то же время он черпал свои идеи, организацию и принципы у французского праворадикального «Аксъон франсез», существовавшего с конца XIX в. до середины Первой Мировой войны². Есть вариации фашизма Англии, Хорватии, Румынии, подражание итало-немецкой модели во Франции, Австрии, Норвегии, Бельгии, секты в Дании, Голландии, Финляндии, Швеции и Швейцарии и ошибочно приводимые модели Испании, Португалии. Нельзя обходить стороной Германию, национал-социальный вариант которой отождествляют с фашистским.

Фашистские движения чаще возникали вокруг военнослужащих (и у «победителей», и у «проигравших» в Первой Мировой войне), как правило — офицеров и младших командиров, формировавших союзы ветеранов (пример «Огненных крестов» во Франции, «Стального шлема» в Германии), «Национального союза бойцов» в Италии) с подобием армейской иерархии. Партийные или околопартийные отряды, позже претендовавшие на статус партийной военной организации, не подчинялись силовым институтам государства. Членов движения единила доктринально оформленная идеология, дисциплина часто армейского образца, иерархия, клятвы и символы. Одним из гласных или негласных положений была борьба с большевизмом (а где-то и с капитализмом), быстрое решение вопросов национального благосостояния с акцентом именно на *национальном* аспекте. Также это старые поиски врага внутреннего и внешнего — вот объяснение антисемитских лозунгов и акций.

Фашистский элитаризм не есть власть избранных, умных, богатых или обладающих иными видами капитала, чаще это власть силы (опора на «силовиков»), совмещенная с национальным или расовым фактором. Образование или навыки управления не имели первостепенного значения. Интеллигенция и мыслители приветствовались, они могли стоять у истоков движения, но долго не удерживались в составе элиты. Есть пример французских интеллектуалов и послевоенный вопрос «Может ли интеллигент

¹ Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982. Новосибирск.: «Сибирский хронограф», 2000.

² Там же. С. 114.

быть фашистом?»¹ Значимо было знание истории, национальных традиций и аспектов, влиявших на психологическое восприятие и идентификацию своей-чужой. Члену фашистской политической элиты должны быть присущи неуловимые элементы (но не харизма), прежде всего честолюбие и обман, помогающие людям из низов подняться до верхних эшелонов власти. Одной из привилегий должна быть лояльность — это залог мобильности². Фашистская элита — дискурсивная, оперирующая острыми и легко воспринимаемыми лозунгами. Нельзя также отбрасывать гендерный вопрос. Данный аспект отдельно не изучался, однако мы едва ли вспомним женщин среди фашистских элит, обладавших возможностью весомого участия в политической жизни.

Приращение политической теории должно заключаться в том, что исследователям нельзя фокусироваться на фашизме как историческом этапе, идеологии, экономической или социальной модели. Безусловно, мы не можем подходить к любой национальной элите с позиций фашистского элитизма. Но существующих концепций не достаточно для анализа авторитарных режимов, и стоит задавать вопрос «на сколько соответствует данная элита критериям фашистского элитаризма?» Это должно распространяться и на неофашистов если они оказываются в составе административно-политической элиты, и на гибридные режимы.

А. В. Артемов
Челябинск

ПЕРЕСТРОЙКА В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ М. С. ГОРБАЧЕВА С 1985 ПО 1991 ГОДЫ

Автором была предпринята попытка комплексного исторического и политологического исследования официального дискурса периода перестройки. В настоящих тезисах мы ставим перед собой задачу предложить методологию и инструментарий для указанного исследования и представить некоторые его результаты. Для анализа и сравнения динамики изменения образа социально-политических и экономических изменений в Советском Союзе балы использована традиционная периодизация «перестройки»: первый период включает в себя годы с 1985 по 1987, второй

¹ Кайзер Б. Еврофашизм и буржуазный декаданс. Концепция Европы и критика общества у Пьера Дриё ла Рошеля. Киль: Регин-Ферлаг, 2011. С. 4–12.

² Дриё Ла Рошель П. Фашистский социализм. СПб.: «Владимир Даль», 2001. С. 114.

период с 1987 по 1989 и третий период с 1989 по 1991 гг. Для каждого из указанных периодов предлагается провести анализ вербальных образов в рамках официального дискурса формулируемым первым лицом государства — М. С. Горбачевым.

Одним из первых этапов исследования является формирования выборки текстов для проведения анализа. Выборка требует подобрать тексты определенным образом, чтобы сохранить репрезентативность всего текстового массива относительно контекста выполняемого исследования — официального дискурса периода перестройки. Согласно обозначенной цели исследования мы ориентировались на тексты, которые были озвучены М. С. Горбачевым, как актором (представленным в период с 1985 по 1991 гг. в разных статусах), который формирует представление и предает смыслы социально-политическим изменениям. После отбора текстов по указанному набору критериев был сформирован массив из 23 текстов. Для каждого из них был проведен анализ по описанной ниже методике.

Одним из способов деятельности политических акторов, «направленной на производство и продвижение / навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих»¹ выступает язык, порождающий официальный дискурс. Обладая монополией на распределение властных ресурсов, придания символам особого статуса, а также репрезентации на международном уровне, государство формирует образы (символы) особого значения, которые становятся объектами для соотнесения для других участников коммуникации, а также позволяющих рассматривать историю как процесс производства не только социальных и прочих интересов, но и коллективных смыслов².

Первый этап. Для выявления образной составляющей выступлений тексты сравниваются по определенным показателям на основе контент-анализа. Политический дискурс конституируется на совокупности тем, инициированных как предмет обсуждения и сложившимися языковыми способами обсуждения этих тем (дискурсивными практиками)³. Поскольку мы в нашем анализе исходим из риторики первого лица государства, то и акцент будет делаться на текстах входящих в контекст официального дискурса и характерных для него языковых способах и сравниваются в рамках по трем темам, характеризующие наиболее важные, на наш взгляд, социально-политические и экономические изменения в период перестройки: 1) внутренняя политика и роль Коммунистической партии Советского Союза в публичном пространстве; 2) преобразования

¹ *Малинова О. Ю.* Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3–4. С. 106–122.

² Там же.

³ Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафоры / Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. С. 7–8.

в экономической сфере; 3) отношения СССР — США и международная репрезентация Советского Союза.

Второй этап. Важным этапом комплексного контент-анализа является проведение частотного анализа с целью выяснения значимых слов (лексических единиц) в образной системе. Ключевые слова позволяют выяснить систему взглядов и идей политических акторов. Состав и функции, используемых в тексте ключевых слов, определяется политическими реалиями и задачами, характерными для исследуемого исторического периода.

Третий этап. Семантический анализ. Одной из тенденций развития политического дискурса заключается в различном семантическом наполнении слов, выражающих ценности социума и основные политические термины.

Таким образом, предложенная методологическая модель позволит рассмотреть эволюцию официального дискурса периода перестройки на основе центральных понятий, введенных в языковую политическую практику М. С. Горбачевым. Элементы этого языка неизбежно заимствуются историками, социологами, политологами и другими представителями общественных и гуманитарных наук непосредственно из лексикона, формируемого происходившими в тот или иной период социальными процессами, имевшими значение для развития общества и государства.

Е. С. Афанасьева
Владимир

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ С. ХАНТИНГТОНА И ПРИМЕНИМОСТЬ ЕЕ К ИССЛЕДОВАНИЯМ РОССИИ

Проблема национальной идентичности в современном мире является весьма актуальной. Идентичность важна с различных точек зрения, начиная с психологической, так как именно она определяет поведение каждого человека, и, заканчивая политической точкой зрения — так как в условиях глобализации важнейшим процессом становится совершенствования и развития национальной политики, на которой основывается национальное самосознание. Теоретической основой исследования является концепция национальной идентичности, предложенная в начале XXI в. известным американским политологом Самюэлем Хантингтоном. Мето-

дологию своей концепции он описал в книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности»¹.

Хантингтон предложил следующее довольно простое понимание идентичности — самосознание индивида или группы. Идентичность представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что мы обладаем особыми качествами, отличающими нас друг от друга.

Важнейшими элементами национальной идентичности, в соответствии с концепцией Хантингтона, являются: этнический элемент, расовый, культурный и политический. Причем развитие национальной идентичности в конкретном государстве предполагает сложную динамику сочетания и взаимодействия указанных элементов.

В вопросе применимости методологии С. Хантингтона для России, я попробую взять за основу данное им определение понятия «идентичности», а также входящих в нее компонентов, но с небольшой корректировкой. Среди выделенных Хантингтоном четырех элементов идентичности, наименьшим влиянием в современном мире обладает расовый, этот элемент также не является определяющим и для России. Поэтому, в своей работе я исключю его из набора элементов национальной идентичности.

Имеющиеся статистические данные и результаты многочисленных исследований в России позволяют сделать некоторые выводы о степени применимости концепции Хантингтона для изучения российской национальной идентичности.

Говоря об этническом элементе, следует привести результаты Всероссийской переписи населения (2010). В соответствии с этими результатами, в России преобладающее большинство, 81% (более 111 млн из 137 млн опрошенных), являются русскими.

Оценку культурного (религиозного) элемента можно произвести на основе многочисленных социологических исследований, изучавших религиозную структуру российского общества. Например, в августе 2011 г. был проведен общероссийский опрос Левада-Центра², одним из вопросов которого был следующий: «Относитесь ли Вы себя к какому-либо вероисповеданию? Если да, то к какому именно?» Результаты опроса показывают, что среди населения РФ преобладает число православных (69%). Что касается других конфессий, то 5% опрошенных относят себя к исламу и по 1% приходится на католиков, протестантов, иудеев и последователей буддизма.

Оценивая значимость политического элемента в структуре российской национальной идентичности, следует отметить, что многие российские исследователи характеризуют ценностное состояние российского общества

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

² Религиозный состав населения России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0477/opros01.php>.

термином «аномия». Аномия — это ценностная рассогласованность между разными уровнями существования политических ценностей: уровнем производителей ценностей и смыслов (политическими партиями, элитой в целом) и уровнем потребителей ценностно-идеологических продуктов (рядовыми гражданами)¹.

Подводя итог о применимости методологии С. Хантингтона к России, можно сделать вывод о том, что первые два элемента не несут в себе больших проблем для российской национальной идентичности. А вот третий элемент — политическая идентичность, показывает, что именно в нем сосредоточена основная проблема современно российского общества, в котором преобладает состояние аномии и нет согласия относительно основных политических ценностей. Таким образом, применение методологии Хантингтона позволяет сделать вывод, что для формирования и развития российской национальной идентичности необходимо развитие общих для всех россиян политических ценностей.

А. А. Ашмарина
Нижний Новгород

РЕСУРСНЫЕ ВОЙНЫ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Одной из центральных проблем в международных отношениях являются конфликты между государствами. Корень подобных столкновений акторов мировой политики кроется в различных подоплеках. Одной из таких причин может служить стремление к «чужим» природным ресурсам как одно из направлений так называемой «внешней экополитики» государства. Конфликты между странами, имеющие первопричиной насильственный захват ресурсов, принято называть «ресурсными войнами». Данная работа посвящена характеристике феномена ресурсных войн и причин их возникновения.

Быстрорастущее потребление и стремление держав к мировому господству или, хотя бы, к контролю других государств с помощью военного потенциала, повышает ценность мировых природных ресурсов, создавая из них стратегически важный инструмент для обеспечения мирового господства и влияния на международные процессы. Озоновые дыры, гло-

¹ Селезнева А. В. Политические ценности в современном российском массовом сознании: психологический анализ // Человек. Сообщество. Управление, 2014, № 2. С. 15.

бальное потепление и природные катаклизмы — все это означает нарушение природного баланса, который, в отличие от социально-экономической составляющей жизнедеятельности человека, не поддается восстановлению вследствие безграничного и бездумного использования природных запасов для искусственного ускорения социальных и экономических процессов¹.

Если учесть, что ресурсы Земли достаточно ограничены и уже давно распределены, то становится ясно, что стремление к насильственному их перераспределению неизбежно. Для сохранения собственных ресурсов или во избежание экологических проблем вследствие их разработки, государства устремляются к «чужим» запасам. Подобная ситуация становится одной из главных тенденций в мире, и этому способствовал ряд причин. *Во-первых*, уменьшился международный контроль действий государств в тех регионах, где существует наибольшая вероятность возникновения ресурсных конфликтов. Данные государства пользуются большой свободой действий и, в случае неспособности к самостоятельному выживанию, нередко прибегают к конфликтному решению ресурсных проблем. *Во-вторых*, рост экономической деятельности многих стран вызывает увеличение спроса на природные ресурсы. *В-третьих*, потребность в природных запасах повышает также и демографический взрыв, происходящий в развивающихся странах.

Следует различать два типа ресурсных войн. Цель первого — захватить ресурсы и воспрепятствовать получению их кем-либо еще. Суть второго типа заключается в выводе захваченных ресурсов на мировой рынок. В этой ситуации природные запасы превращаются в объект купли-продажи и становятся доступными всем за установленную цену.

Одним из главных ресурсов, являющихся предметом международных конфликтов, является нефть. Запасы ее в развитых странах по большей части уже исчерпаны: география мировой нефтедобычи переместилась от государств так называемого Севера к развивающимся странам Юга, характеризующимся напряженной политической обстановкой, этническими и религиозными конфликтами, и экстремистскими движениями. В результате начала добычи нефти в странах Юга, ситуация дестабилизируется еще сильнее — увеличивается разрыв между богатыми и бедными слоями населения этих государств, появляется враждебность к странам Севера как к бывшим эксплуататорам колоний. Все эти факторы увеличивают вероятность возникновения ресурсных войн.

В качестве примера второго типа ресурсной войны можно привести военную операцию США в Ираке 2003 г. Целью этого конфликта для Соединенных Штатов являлось открытие нефтяных месторождений для частных инвестиций, что позволило бы увеличить поступление данного ресурса на

¹ «Ресурсные войны XXI века» — Яницкий О. Н. Социологические исследования, № 6, Июнь 2007, С. 139–144.

мировой рынок, обеспечить контроль цен на нефть и спрос на нее в мире. Эту же точку зрения разделяли Европа, Китай и Индия, занявшие позиции наблюдателей в этом конфликте. Так как мировая экономика в большей степени зависит от Ближневосточной нефти, которая, в свою очередь, является национализированным бизнесом, то намного проще обеспечить доступ к нефти путем конфликта. В результате большие объемы нефти вышли на мировой рынок, и этот процесс удержал цены в разумных пределах.

Мировая борьба за ресурсы, главными участниками которых являются США, Китай и Россия, приобретает характер гонки за природными запасами. Почти вся нефть, находящаяся в руках у Соединенных Штатов, заставляет КНР озаботиться закупкой предприятий переработки дорожающего минерального сырья, а также алюминия и меди, с тем, чтобы иметь свою долю власти на мировой арене. Россия в течение 2006 г. вела ресурсные войны не только с Западом, но и со своими союзниками — Грузией, Украиной, Молдавией и Белоруссией¹. Все это заставляет задуматься о важности тщательной проработки ресурсной политики, поскольку борьба за природные запасы вскоре обернется борьбой за выживание, и ресурсные войны станут неотъемлемой частью глобального мирового процесса.

Я. В. Барский
Череповец
А. В. Соколов
Ярославль

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Гражданская активность в современной России — это динамично развивающееся явление, которое зависит от множества факторов внешней и внутренней среды, которое требует изучения не только самого понятия, но и его результатов, и форм проявления.

Гражданское общество можно понимать с точки зрения нескольких подходов. Ценностный подход определяет гражданское общество как наделенное качественными признаками общество, характеризующее его правовую, социальную или экономическую природу, например, как либерально-демократическое, правовое или плюралистическое общество. Пространственный подход использует метафоры, обозначающие области

¹ Кьеза Дж. Война империй: Восток — Запад. Раздел сфер влияния М.: Эксмо, 2006. 320 с.

и пространства, например как социокультурное и социальное пространство существования и развития общества. Субъективный подход определяет понятие через субъектов: индивидов, социальных групп и добровольных объединений граждан.

Определения понятия также неоднозначно, на наш взгляд, одним из наиболее корректных подходов является разделение определения гражданского общества в рамках традиций Локка (живущее по естественным законам и находясь вне политики этическое общество) и Монтескье (опосредующая отношение между индивидом и государством набор независимых ассоциаций граждан, защищающих интересы граждан от незаконного государственного вмешательства). Традиция Монтескье в России оказалась более популярной, в том числе из-за внедрения восточноевропейских типов гражданских ассоциаций российское общество конца 80-х годов XX в.

Внимание к изучению понимания гражданского общества не было случайным, так как понимание гражданского общества дает ясность определения гражданской активности. Гражданскую активность можно рассматривать в узком, как деятельность профессиональных правозащитных организаций, и в широком смысле, как специфическую форму свободного взаимодействия граждан. Выводя собственное определение гражданской активности, можно прийти к следующей формулировке: гражданское общество можно определить как свободное, добровольное объединение граждан по различным принципам, предметом деятельности которых является общественно значимая проблема, предполагающее вовлечение значительного числа граждан в процесс ее разрешения. Гражданское общество в таком случае выступает в качестве ключевого условия проявления гражданской активности.

По результатам проведения исследования гражданских кампаний в Ярославской области, условиями проявления гражданской активности, можно назвать общественную значимость проблемы гражданских кампаний: строительство ЦБК на крупной реке или ненадлежащий контроль со стороны органов опеки и попечительства, приведший к гибели ребенка. Факторами проявления гражданской кампании являются ресурсы наиболее активных и влиятельных акторов общественно-политического процесса. Можно выделить три основных ресурса, оказывающих наибольшее влияние на деятельность гражданских кампаний: информационный, финансовый и административный ресурсы. Информационный ресурс выступает как фактор увеличения общественной значимости проблемы гражданской кампании и является наиболее существенным. Применение административного ресурса наиболее ярко прослеживалось в протестной гражданской кампании, где акторы общественного процесса находились в оппозиции относительно друг друга. В информационной гражданской кампании можно говорить об административном ресурсе, как о механизме

давления на органы власти. Эффективность применения финансового ресурса выявлена в протестной гражданской кампании.

Можно говорить об особенностях проявления гражданской активности, заключающихся в активном использовании ресурсов сети интернет в деятельности гражданских активистов, в характере проводимых массовых мероприятий: автомобильные пробеги и митинги, подписи петиций, в изменении структуры общественно-политических процессов и технологий взаимодействия с их субъектами. Общероссийские особенности гражданской активности заключаются в преимущественно неинституциональной форме проявления и социальному расслоению общества на две основные части: «стремящихся» — граждан, проживающих в крупных городах России, имеющих, как правило, высшее образование и занятых интеллектуальным трудом, и «лояльных» — граждан, проживающих в средних и малых городах, имеющих среднее образование и занятых, как правило, физическим трудом. Это ведет к различному пониманию, оцениванию и действиями в общественно-политических процессах этих групп граждан.

А. Т. Батов
Ростов-на-Дону

АНТИИСЛАМСКИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И ЭКСТРЕМИЗМ

Век глобализации экономики и все большей социальной мобильности, быстрого развития систем коммуникации, интеграции и взаимозависимости, в век крупномасштабных миграций и перемещения населения, урбанизации и преобразования социальных структур — экстремизм выступает как одно из наиболее разрушительных явлений. Признаваясь процессом эволюционным и создающим совершенно новую картину многополярности поликультурного пространства, нередко происходит эскалация социальной напряженности, на фоне межнациональных и межэтнических конфликтов, что приводит к этноконфессиональной нетерпимости, и в следствие конфронтации. Религиозная нетерпимость, прогрессирующая в религиозно-политический экстремизм, представляет наибольшую угрозу.

Среди множества современных геополитических проектов наиболее мощным экстремистским потенциалом обладает глобальный антиисламский проект. Причиной, из-за которой происходит радикализация современного исламского учения, является сопротивление религии влиянию глобализационных процессов. Исламское сознание с большим трудом поддается модернизации. Так, С. Ф. Хантингтон пишет: «Основная проб-

лема Запада — вовсе не исламский фундаментализм. Это — ислам, иная цивилизация, народы которой убеждены в превосходстве своей культуры, и которых терзает мысль о неполноценности их могущества. Для ислама проблема — вовсе не ЦРУ и не министерство обороны США. Это — Запад, иная цивилизация, народы которой убеждены во всемирном, универсалистском характере своей культуры и которые верят, что их превосходящая прочих, пусть и клонящаяся к упадку мощь возлагает на них обязательство распространять свою культуру по всему миру. Вот главные компоненты того топлива, которое подпитывает огонь конфликта между исламом и Западом»¹.

На фоне частых разоблачений «преимуществ» западной демократии, которая особенно активно реализуется во внешнеполитической деятельности США и сводится к установлению политически выгодной власти, захвату сырьевых и иных ресурсов, и формировании однополярного глобального мира, ислам обретает новое дыхание. Исламское возрождение является адекватным ответом на вызовы западной цивилизации². «Это — широкое интеллектуальное, культурное, социальное и политическое движение, распространившееся на весь исламский мир. Исламский «фундаментализм», который часто воспринимается как политический ислам, является всего лишь одной из составляющих в намного более всестороннем процессе возрождения исламских идей, обычаев и риторики, а также возвращения мусульманского населения к исламу. Исламское возрождение — это основное направление, а не экстремизм, всеобъемлющий, а не изолированный процесс», — замечает С. Ф. Хантингтон³.

Реакцией глобальных менеджеров на возрождение ислама являются провокации, направленные на получение политических дивидендов. В мире уже не первое десятилетие реализуется глобальный антиисламский проект под наименованием «исламский терроризм». Ислам назначен ответственным за международный терроризм, основной целью которого является дискредитация ислама как мировой религии и его демонизация в виде доказывания генетической склонности к терроризму. В этих целях извращается понимание джихада, вольно трактуются суры и аяты Корана, и за всеми этими процессами просматривается зловещая роль глобальных акторов, которые поощряют зверства «фанатиков-исламистов» в виде отрезания голов, сжиганий людей заживо, разрушения исторических памят-

ников. В данном контексте, считаем актуальным акцентировать внимание на развернувшей свою активную разрушительную деятельность, террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта». Западные страны способствовали усилению «ИГИЛ» как самого радикального исламистского движения, создавая джихадистские анклавные территории Сирии, и способствовали беспрепятственному проникновению молодых исламистов из Европы в Сирию для участия в боевых действиях. «ИГИЛ», камуфлируя свои античеловеческие преступления исламом, используется Западом в своих грязных политических целях, навешивая на ислам ярлык экстремизма и терроризма. Главной же целью «ИГИЛ» является узурпация права управления, захват власти и политический диктат своей модели видения будущего государственно-политического и социально-экономического устройства.

В заключении, отметим, что глобальные менеджеры проявляют активность по многим направлениям. Потому жизненно важно понимать и осознать, что у любого народа, государственного образования на политической карте мира существуют собственные цели, которые весьма далеки от целей международных глобалистов, а иногда диаметрально им противоположны.

А. В. Брянцев
Саранск

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ (по результатам выборов 2011–2012 гг.)

Актуальность. Богатейший материал для изучения территориальной расстановки политических сил дает анализ выборов в представительные органы власти. Именно этим занимается ветвь политической географии, получившая название **электоральная география** (от лат. *elector* — избиратель). В ее основе лежит исследование политико-географической дифференциации территории, анализ различий в политических ориентациях населения. Такой анализ включает в себя изучение географии голосований, географических факторов, влияющих на голосование, и географического представительства партий в выборных органах власти.

Цель работы: проанализировать влияние географических факторов на политический выбор электората на территории Российской Федерации, а также рассмотреть электоральные предпочтения народа Украины

Задачи:

- 1) познакомиться с понятием электоральная география;

¹ Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 342.

² Клейменов М. П., Клейменов И. М. Экстремизм в контексте геополитики. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://elib.omsu.ru/file.php?id=1333423966271738>. Дата обращения: 06.03.2015.

³ Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 162.

- 2) рассмотреть политический выбор электората России в Государственную Думу Российской Федерации 6 созыва (на примере 4 партий);
- 3) рассмотреть политический выбор электората России на президентских выборах Российской Федерации в 2012 г.;
- 4) определить причины, повлиявшие на политический выбор населения России.

Объект исследования: избирательный процесс в Государственную думу Российской Федерации 6 созыва и выборы президента Российской Федерации 2012 г.

Предмет исследования: электоральные ориентации населения Российской Федерации.

Методы исследования: теоретический, статистический, эмпирический.

Результаты выборов 2011–2012 гг. показали, что в стране сформировались территории с устойчивыми политическими предпочтениями, где на федеральных выборах определенные политические силы всякий раз получают голосов больше (или меньше), чем в среднем по стране. В зависимости от географии региона количество голосов отданных за кандидата или партию меняются. Мы видим, как география влияет на избирательный процесс, является объектом изучения политологов и социологов.

В одной части страны люди голосуют за консерваторов, в другой, где велика доля сельского населения за коммунистов. Множество факторов определяют выбор, возрастной, профессиональный, уровень дохода населения данного региона, уровень образования и другие. Электоральная география призвана собрать результаты выборов, проанализировать их, выявить различия при голосовании в разных регионах, выявить факторы, которые сказались на этих различиях, сделать прогноз.

Выборы 2011 и 2012 г. дали почву для новых исследований в электоральной географии, по результатам выборов можно видеть как меняется социальная, экономическая политика в географии страны. После анализа выборов, их результатов, можно сделать выводы о том, что влияет на выбор президента или партии.

Основными географическими факторами, влияющими на политический выбор электората по территории Российской Федерации являются:

- Социально-экономические условия жизни населения нашей страны
- Политические условия
- Этнический состав населения субъекта Российской Федерации
- Степень урбанизации региона
- Профессиональный состав населения
- Возрастной состав населения

Проведя анализ выборов, мы можем разбить все субъекты РФ, по типу голосования: среднерусский, южнорусский и «национальный» тип голосования.

Исследования в электоральной географии проводятся не только в масштабах страны, но и отдельно взятого региона. Например, проанализировав результаты выборов в Республике Мордовия можно сделать вывод, что основную роль при голосовании здесь играет урбанистический фактор. В районах города, партия власти набирает меньше голосов, чем в сельской местности.

М. Ю. Волков
Москва

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО- КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЦИОНАЛИЗМА

В последние десятилетия отмечается увеличение значимости национализма. Более того, можно констатировать тенденцию к разрыву эквиваленции между государством и национальностью, которая приводит не только к фрагментации и снижению значимости национальной идентичности как механизма легитимации политической власти и формированию иных, более сложных форм идентичности, но и стимулирует развитие старых и возникновение новых национальных конфликтов. В связи с этим большое значение приобретает свободное от идеологических рамок академическое исследование национализма.

Как отмечает Э. Хобсбаум, в период с 1968 по 1988 г. произошел лавинообразный рост работ, посвященных тематике национализма¹. Действительно, именно в этот период произошли кардинальные перемены в теоретическом осмыслении этой проблемы.

Ведущей школой в современном исследовании национализма является социальный конструктивизм. Он оформился к середине 1980-х гг. в результате продолжительных дискуссий в научном сообществе. Несмотря на существование альтернативных подходов, конструктивизм по-прежнему преобладает, но реакция на сильные социально-политические изменения последних лет привела к его существенной внутренней трансформации.

Социальный конструктивизм позволил преодолеть ограниченность предшествующих ему теорий, часто носящих эссенциалистский характер

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетей, 1998. С. 9.

(с акцентом на естественности национализма) и не позволяющих адекватно оценить характер и условия оформления феномена национализма. Безусловно, критика этих теорий осуществлялась и ранее (одним из первых подобных случаев можно считать доклад Э. Ренана «Что такое нация?», прочитанный в Сорбонне в 1882 г.). Но формирование полноценной концепции, в рамках которой делается акцент на конструктивном характере феномена национализма, произошло лишь после 1983 г., когда вышли классические работы теории социального конструктивизма: «Нации и национализм» Э. Геллнера, «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона и сборник статей под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера «Изобретение традиции»¹.

Первое время социальный конструктивизм был тесно связан с модернистским подходом, в рамках которого предполагалось, что нации являются продуктом эпохи модерна.

С течением времени в рамках конструктивистской парадигмы сформировались позиции, критикующие модернистский подход. Таким образом, помимо модернизма, можно также говорить о *постмодернистском* и *метамодернистском* измерениях социального конструктивизма в исследованиях национализма.

В *постмодернистском* измерении основной акцент сделан на фрагментации национальных идентичностей в современных плюральных обществах в условиях глобализации². Оно тесно связано с изучением транснационализма, глобальных миграций и изменений в структуре индивидуальной (на чем реже делался акцент у классиков конструктивизма) и групповой идентичности в локальных сообществах в свете глобализационных процессов. Подобная проблематика затрагивается, например, в работах Р. Брубейкера.

Исследователи, которых можно отнести к *метамодернистскому* направлению, пытаются выявить более широкую генеалогию национализма, продлевая процесс оформления этого социального феномена в более ранние времена и выстраивая альтернативную классикам социального конструктивизма хронологию.

Благодаря этим уточняющим позициям становится возможным радикальное обновление конструктивистской парадигмы. Социальный конструктивизм, существовавший изначально в неразрывной связи с модернизмом, ныне начинает дифференцироваться на несколько направлений, представители которых, сохраняя общую методологическую позицию, подвергают друг друга критике по ряду существенных вопросов.

¹ Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. М.: КДУ, 2010. С. 41.

² Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. С. 407.

Следует отметить, что доминирование конструктивизма в академическом изучении национализма никоим образом не вызывает исчезновение эссенциалистских категорий из политического и быденного дискурсов. В современный период наполнение националистической риторики эссенциалистским содержанием является обыденностью, которую очень сложно устранить, поскольку оно находит поддержку в националистической идеологии.

А. Е. Волкова
Воронеж

ДИХОТОМИЯ В ВЫБОРЕ «ДРУЗЕЙ»: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИЙНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Возросшая напряженность после событий на Украине между Российской Федерацией и западными партнерами, установление баланса между национальными интересами государства и международным сотрудничеством, поиск оптимальной модели партийной системы с трансформацией ключевых игроков, формирование эффективной внешней и внутренней политической повестки стали приоритетными направлениями деятельности для представителей российских органов власти и управления на федеральном уровне. В данном контексте, с теоретической и прикладной точек зрения представляются интересными шаги, предпринятые к сближению с некоторыми политическими силами в странах Западной Европы и, вместе с тем, весьма сдержанное отношение к определенному спектру организаций внутри самой Российской Федерации.

Внешнеполитический аспект. Как известно, официальное вхождение полуострова Крым в состав РФ состоялось 17 марта 2014 г. Данное событие, в связке с военным противостоянием на Украине, не получило поддержки в странах Запада. Однако однозначно о легитимности проведенного референдума заявили представители европейских «правых» партий: французский «Национальный фронт», венгерская партия «Йоббик», греческая «Золотая заря» и ряд других. Была ли случайной подобная реакция со стороны консервативно ориентированных политиков? Ответ следует искать во внешней политике РФ в 2012–2013 гг.

Зарубежные СМИ обратили внимание мировой общественности на построение все более доверительных отношений РФ с отдельными политическими игроками за рубежом¹. Так, журналисты издания «*Foreign Affairs*» сделали акцент на том, что за указанный период времени РФ посетили несколько раз Марин Ле Пен, Габор Вона и активисты партии «Золотая заря». Построение сотрудничества происходило в рамках выбора консервативного курса развития для РФ в социальной, экономической и политической сферах. Что принесло свои плоды, в том числе и поддержку упомянутыми партиями присоединения полуострова Крым. Однако, в июне 2014 г. стало известно, что депутат Европарламента Б. Ковач был обвинен в шпионаже². 23 ноября 2014 г. в российских и зарубежных СМИ появилась информация о том, что партия «Национальный фронт» получила кредит в размере 9 млн евро от Первого Чешско-российского банка³. По словам лидера партии Марин Ле Пен, данной структурой не раз подавались заявки на получение кредита во все французские банки, но «...ни один не дал согласия». Последним примером, подтверждающим консолидацию правых сил в Европе под эгидой РФ — проведение Международного русского консервативного форума в Санкт-Петербурге в марте 2015 г., участниками которого стали не только указанные выше политические партии, но и представители из Италии, Германии, Болгарии. Данные события, в свою очередь, послужили поводом для появления реплик о нарушении общемирового баланса и стремлении РФ устанавливать международные законы⁴.

Внутриполитический аспект. При очевидной поддержке правого спектра партий Западной Европе финансовыми и нефинансовыми методами («мягкая сила»), в самой РФ движения и незарегистрированные партии ее не ощущают. Выражается это, *во-первых*, в отсутствии легальных партий правого толка, участвующих в выборах в федеральные, региональные и муниципальные органы власти. Так, «Народно-демократическая партия» К. Крылова, несмотря на множественные попытки, не получила разрешения в Минюсте на осуществление политической деятельности. Та же судьба постигла и партию «Новая сила». *Во-вторых*, идея формирования «Русского мира» была сразу отвергнута представителями ряда национальных республик, назвавшими труды идеологов русского консерватизма не-

уместными в рамках современной политической системы РФ. *В-третьих*, существующие в РФ политические партии, декларируемо отстаивающие консервативные ценности («Российский общенародный союз»), являются карликовыми. Кроме того, очевидной для экспертов является поддержка внутри страны «левых» партий.

В этой связи и возникает дихотомия, выведенная в названии: какой путь (в рамках идеологии, социально-экономического развития) является оптимальным для России? При тенденции к поддержке организаций консервативного спектра в Европе, отрицание, недопущение в рамках РФ их коллег к серьезным электоральным процедурам наводит на мысль о концептуально усовершенствованной системе, соединяющей в себе как «правые», так и «левые» установки.

А. И. Гимранова
Ульяновск

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОФСОЮЗОВ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЕ

Взаимодействие с Общественной палатой имеет стратегическое значение для профсоюзов, поскольку с помощью этого органа они могут публично поднимать острые вопросы в сфере социального обеспечения и влиять на принятие политических решений. Общественная палата осуществляет экспертизу проектов законов, поэтому члены ОП РФ могут участвовать в работе комитетов Государственной думы и Совета Федерации, коллегий федеральных органов исполнительной власти. Заключение ОП РФ рассматривает Президент РФ, Правительство РФ и Федеральное Собрание РФ, поэтому позиция представителей профсоюзов будет услышана высшим руководством страны. Общественная палата может выступать и в роли промежуточного агента, который оказывает опосредованное влияние на политический процесс.

Для анализа были использованы данные о представителях профсоюзов в общественной палате Российской Федерации и в общественной палате Ульяновской области.

Общественная палата Российской Федерации была сформирована в соответствии с федеральным законом «Об Общественной палате Российской Федерации». Согласно Закону, Общественная палата избирается каждые три года и осуществляет взаимодействие граждан с органами государственной власти и местного самоуправления в целях учета потреб-

¹ Putin's Western Allies. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/141067/mitchell-aorenstein/putins-western-allies>. Дата обращения: 21.03.2015.

² Депутата Европарламента уличили в связях с ФСБ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://theins.ru/politika/906>. Дата обращения: 21.03.2015.

³ Партия Марин Ле Пен получила кредит в российском банке. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/11/23/credit/>. Дата обращения: 21.03.2015.

⁴ Премьер Финляндии обвинил Россию в желании устанавливать международные законы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vz.ru/news/2015/3/22/735773.html>. Дата обращения: 21.03.2015.

ностей и интересов граждан, защиты их прав и свобод при формировании и реализации государственной политики, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью органов власти¹.

Ульяновская общественная палата составляет и выполняет такие же функции на уровне субъекта.

После проведенного анализа участников общественной палаты можно сказать точное количество профсоюзных деятелей, причем количество в каждом созыве почти на одном уровне.

Таблица

Представители профсоюзов в общественных палатах	
Общественная палата Российской Федерации	Общественная палата Ульяновской области ²
2006 г.	
6 представителей от профсоюзов из 126 членов ОП — 4,7%	3 представителя от профсоюзов из 40 членов ОП — 7,5%
2008 г.	
6 представителей от профсоюзов из 126 членов ОП — 4,7%	4 представителя от профсоюзов из 40 членов ОП — 10%
2010 г.	
5 представителей от профсоюзов из 126 членов ОП — 3,9%	5 представителей от профсоюзов из 40 членов ОП — 12,5%
2012 г.	
7 представителей от профсоюзов из 126 членов ОП — 5,5%	5 представителей от профсоюзов из 40 членов ОП — 12,5%
2014 г.	
7 представителей от профсоюзов из 168 членов ОП — 4,1%	8 представителей от профсоюзов из 58 членов ОП — 12,06%

Как можно видеть по таблице, распределение членов профсоюзов в общественных палатах меняется в сторону относительного увеличения.

В общественную палату можно попасть тремя способами: указом президента, после избрания от межрегиональных и региональных общественных объединений, либо быть выдвинутым от общероссийских общественных объединений. В 2014 г. добавляется новый способ выдвижения в общественную палату, а именно от общественной палаты субъекта, таким образом были избраны Андрейченко В. В. и Хаджимурадов М. М.³

Каждый член общественной палаты является членом одной комиссии и имеет право совещательного голоса в других комиссиях, по анализу ко-

миссий общественной палаты РФ за 2014 г., можно сказать, что члены профсоюзов в основном сконцентрированы в комиссиях по общественному контролю, общественной экспертизе и взаимодействию с общественными советами (3 члена комиссии и 3 члена с правом совещательного голоса). Комиссия по развитию реального сектора экономики (3 члена комиссии). В комиссии по социальной политике, трудовым отношениям и качеству жизни граждан представлен лишь Андрейченко В. В. как член комиссии, а остальные 3 члена с правом совещательного голоса.

Можно сделать вывод из первой части таблицы, что количество участников относительно не изменилось, а стабильное, хотя в 2013 г. президент подписал закон о новом порядке формирования Общественной палаты РФ, предусматривающий увеличение в ее составе числа представителей профсоюзов. Стоит заметить, что в этом же году увеличился состав самой палаты от 126 до 168, так что пока говорить о реальном увеличении членов профсоюзов в составе общественной палаты рано. В Общественной палате Ульяновской области так же произошли изменения, увеличилось число членов в общественной палате до 58. Увеличение числа членов в общественных палатах, в процентном соотношении не увеличила числа представителей от профсоюзов, наблюдается на данный момент даже определенный спад, хотя благодаря указу президента 2013 должно было измениться их представительство в сторону увеличения, возможно это случится в будущем.

И. Ю. Гнатышин
Краснодар

КОНСТРУКТИВИСТСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТИВАЦИИ

Политический субъект обычно определяется как актор коллективный или индивидуальный политической активности. Однако подобная трактовка обычно упускает из виду проблематичность субъекта философского, который в последнее столетие был значительно релятивизирован. Классический картезианский субъект, на основе которого появилась господствующая политико-философская традиция, легитимированный божественным началом, становится проблематичным в ключе самодетерминированности субъекта, его возможности во всем иметь свое мнение, что эпоха Просвещения взяла фактически за аксиому. Здесь наличествует и альтернативный Декарту подход Канта. Кроме того, стоит учитывать и более поздние версии субъекта Гуссерля, Хайдеггера, Хабермаса, Лакана, Делеза и др. Согласно этим теориям субъект не представляет собой органичную целостность.

¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.oprf.ru/about/>.

² Там же.

³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.oprf.ru/ru/about/chambermembers/members2014/>.

Однако стоит вопрос о том, как субъект философский становится субъектом политическим? Трактовки «метафизики» субъекта весьма широки, как и критика этих проектов. Однако «физика» субъекта есть большой вопрос, который восходит к фундаментальному разрыву, который выделил еще Гегель. Этот разрыв между пустотой Всеобщего (всякого рода теоретизирующих нарративов) и Особным. Здесь смыкаются субъект политический и субъект познания. Субъективация становится некой нулевой точкой пресечения осей, где происходит полагание субъекта относительно того круга феноменов, в который он заключен. Здесь становится вопрос фигуры Бога, которую вводит Декарт. Что же занимает место этого Бога сейчас? Ответ может лежать в сфере гегемонии и коммуникации. Становление политического субъекта требует некоторой гегемонии, иначе нельзя говорить о политическом интересе, артикуляции требований и т.д.

Здесь становится еще одна проблема. Это проблема общности, инерсубъективности реальности, в которую включен субъект. Политический субъект всегда включен в поле коллективности, посредством обращенности друг к другу (события в терминологии Ж.-Л. Нанси). Политический субъект, в итоге, есть выражение воли сообщества. В теории политического Карла Шмитта политика представляется как противопоставление «друга» и «врага», «своего» и «чужого»¹. Подобную трактовку может вырисовать теория Д. Г. Мида, основателя теории символического интеракционизма, где автором были выделены два типа «другого»: значимый и обобщенный². В итоге маркирование различий становится основанием для политизации сообществ, функционирующих на одних основаниях. Эти основания есть опыт предшествующий и институционализированный. Человек оказывается заброшенным в некоторые заданные предыдущим опытом структуры. По мнению Бергера и Лукмана, структуры опыта, становящиеся рутинной, типизируются и кристаллизуются в институты, которые реифицируются для неопита сообщества (становятся недостижимой данностью). Избыточность опыта по отношению к реифицированным структурам приводит к политике, которая противопоставляет сообщества друг другу. Сообщество, заключенное в череду отношений с другими сообществами, есть некоторый род политики.

Однако общественный и интересубъективный характер субъекта должен учитывать динамическую часть. Некристаллизованные формы опыта становятся катализатором политизации сообщества. Здесь стоит понимать, что всякого рода означающие, служащие для именованья сообщества

(например, «левые», «жители города Краснодара, требующие смены губернатора»), выполняют функцию фиксации, сборки, репрезентации субъекта в рамках институтов. В этом ключе чрезвычайно важен тезис Ж. Рансьера о «политике» и «полиции». «Полицией» он именуется отношения, возникающие у сообщества с институтами государственной власти, прежде всего, зафиксированные. А под «политикой» он понимает неучтенные отношения, складывающиеся между сообществами и внутри них. Политический субъект склонен меняться и очень скоротечен. Зависимость субъекта от опыта выражает его скоротечность. Субъект, находясь в рамках сообщества, совершает определенные практики (например, совершение намаза, молеба; хождение в школу, университет), которые позволяют некоторому опыту повторяться. Подобное состояние характеризуется определенным набором нарративов, которые актуализируются в субъекте, приобретая мифологический характер, типизируясь. Миф есть, в одном из своих свойств, повторяемость. Фигура Бога есть нечто подобное метанарративу (в том числе в мысли Декарта), которая позволяет миру «повторяться».

К. М. Горожанова
Владимир

ДИНАМИКА МЕСТА РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНДЕКСАХ ИЗМЕРЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ

Актуальность данной темы заключается в том, что в настоящее время в России существует определенная дистанция между заявленной Конституцией РФ демократической моделью и реальной политической жизнью. Эта дистанция связана со сложной научной проблемой оценки уровней демократичности современных политических процессов.

Одним из средств получения информации об уровне демократичности страны могут стать международные индексы измерения демократии. Сегодня в мире используется большое количество таких индексов. Наиболее известными и популярными являются следующие индексы: индекс демократии журнала «*The Economist*»¹, индекс трансформации фонда Бертельсмана (*BTI*)², *Polity 4*³, *Democracy Ranking Association*⁴, *Freedom House*⁵.

¹ URL: <http://www.economist.com/>.

² URL: <http://www.bti-project.org/index>.

³ URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.

⁴ URL: http://democracyranking.org/wordpress/?page_id=8.

⁵ URL: <https://www.freedomhouse.org/>.

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии, 1992 №1. С. 39.

² Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. СПб.: Издательство «Алетейя», 2000. С. 29.

Учитывая, что все эти исследования не представлены в сети Интернет на русском языке, определенной научной ценностью будет обладать попытка их интерпретации и сравнения с точки зрения места, которое в них занимает Россия.

Индекс журнала «*The Economist*» основан на экспертных оценках и результатах опросов общественного мнения населения 167 стран. Демократичность каждого государства оценивается по шкале от 0 до 10 (полная демократия). Выделяются четыре категории государств по типу режима власти: полная демократия, недостаточная демократия, гибридный режим и авторитарный режим.

Индекс трансформации фонда Бертельсмана строится на основе данных экспертных оценок в странах и измеряет как состояние базовых институтов общества с точки зрения их движения к либеральной демократии и рыночной экономике, так и качество политического управления в переходных обществах. Страны распределяются по кластерам: консолидированная демократия, неполноценная демократия, чрезвычайно неполноценная демократия, умеренная автократия, жесткая автократия.

Международный проект *Polity 4* направлен на сбор и анализ данных о политических институтах и режимах независимых государств мира. Индекс демократии проекта *Polity 4* изменяется по шкале от -10 (самый высокий уровень автократии) до +10 (самый высокий уровень демократии). Государства разделяются по типу власти на 5 групп: полная демократия, демократия, открытая анократия¹, закрытая анократия, автократия.

Организация *Democracy Ranking Association* ежегодно ранжирует 115 государств, оценивая качество демократии. *DRA* изучает государства по шести переменным, имеющим в общем рейтинге следующий вес: 50% — политическая система и по 10% — гендерное равенство, экономическая система, образование, здравоохранение и окружающая среда.

Методология международной правозащитной организации *Freedom House* основывается на экспертных оценках уровня политических прав и гражданских свобод. Ранг: от 1 (наивысший балл) до 7. Затем государства помещаются в три кластера: свободные, частично свободные и несвободные государства.

В итоге, с точки зрения индекса журнала «*The Economist*», динамика уровня демократичности России прослеживается следующая: от гибридного режима в 2010 г. (4,26 баллов из 10, 107 место в рейтинге из 167), до авторитарного режима в 2014 г. (3,39 баллов, 132 место).

ВТІ зафиксировал следующие данные: снижение демократического статуса с 5,4 балла в 2012 г. до 4,4 балла в 2014 г. В результате, политический режим в России — умеренная автократия.

¹ Тип режима, переходный между демократическим и авторитарным режимами.

Согласно исследованиям *Polity 4*, с 2010 г. до 2014 г. в России наблюдается открытая анократия (4 б.).

Democracy Ranking Association зафиксировала, что в 2009–2010 гг. у России — 43,5 б. (из 100 — полная демократия), в 2012–2013 гг. — 44,4 б. На 2014 г. страна потеряла 4 позиции в рейтинге и находится на 97 месте из 112.

По мнению *Freedom House*, состояние демократии в стране характеризуется снижением общих индексов. В 2014 г., по мнению организации, — Россия несвободная страна с индексом 6 из 7 (самый низкий уровень демократии). По прогнозам *Freedom House* в будущем продолжится снижение уровня демократии в стране.

Таким образом, во всех изученных индексах динамика развития демократичности в России представлена в целом одинаково: уровень демократичности постепенно снижается. Однако, следует отметить, что в изучении уровней демократии стран индексы, *во-первых*, не охватывают всех измерений, которые могли бы повлиять на динамику развития данного феномена, а *во-вторых*, ощущается явное доминирование количественных данных. Тогда как сложный и комплексный характер демократического развития требует качественных оценок. Полагаем, что для более объективной оценки уровня демократичности в России необходима разработка методологии, учитывающей как количественные, так и качественные данные.

А. Е. Денисов
Казань

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И ГОРОДА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Вызывает интерес рассмотреть именно эти две РПК, так как они принадлежат переселенческому региону.

Проведем сравнение по компонентам (отношение к власти, отношение к политическим ценностям, политическое участие и конфликтная часть).

1. Отношение к власти.

Население Кубани, как до революции, так и в советское время было настроено консервативно. Губернатор Н. Кондратенко отстаивал идею

«ойкоса», т.е. самодостаточного региона, максимально защищенного от внешнего влияния (в том числе и от Москвы).

В политической культуре региона наглядно прослеживается такая черта, как локальный патернализм.

Исторически движущей силой Санкт-Петербурга является интеллигенция и Университет. Любое вмешательство министерства в то, что профессура и студенты считали и считают своей неразрывной компетенцией, встречало предельно жесткий отпор.

Благодаря проведенным социологическим опросам¹, можно сказать, что отношение к федеральной власти у населения города выше, чем к региональным властям.

Вывод. В Краснодарском крае отношение к местным властям лучше, чем к центральным, в Петербурге наоборот. Это объясняется тем, что в первом случае население возлагает надежды на местных лидеров (локальный патернализм), а во втором на верховную (центральную) власть — государственный патернализм.

2. Отношение к различным политическим ценностям.

Колонизационный характер переселения в Краснодарский край нельзя не учитывать. Переселенцы привнесли с собой на новые для России территории свои ценности, стереотипы и установки поведения. До сих пор некоторое сакральное понимание Юга России прослеживается в так называемом «мифе границы». Из-за этого в РПК Кубани есть склонность к «охранительным» ориентациям.

Политическая культура Краснодарского края нацелена на взаимодействие с другими культурами, но при этом у нее есть сильные охранительные ориентации, направленные на внедрение стереотипов поведения в другие культуры.

Санкт-Петербург постоянно контактирует с представителями разных культур, что влияет на развитие «открытой» политической культуры, нацеленной на сотрудничество.

Благодаря опросу В. В. Сафронова² можно сказать, что в городе на Неве положительно относятся к демократии.

Выводы. РПК регионов открыта к взаимодействию, но в Краснодарском крае — принудительное внедрение стереотипов поведения в другие культуры, а в Петербурге — проявление черт мультикультурализма.

¹ Сравнительные оценки деятельности Медведева, Путина, Собянина, Матвиенко — опрос в 6 крупных городах России. Левада-Центр. 22-25 августа 2011 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/01-09-2011/sravnitelnye-otsenki-deyatelnosti-medvedeva-putina-sobyanina-matvienko-opros-v-6-krupnykh>. Дата обращения: 13.04.2015.

² Сафронов В. В. Политическая культура Санкт-Петербурга: поддержка демократии элитой и массовой публикой // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 6. С. 22.

3. Политическое участие.

Политическая культура Кубани не располагает к созданию развитого гражданского общества. Это объясняется многими причинами, в том числе политической неграмотностью населения и особым регионально-пограничным сознанием.

В политической культуре северной столицы достаточно сильно развито гражданское общество. Сегодня количество общественных организаций несколько сотен, причем активно работающих несколько десятков. Например, проект «Пушкинская, 10».

Вывод. В культуре Кубани больше проявляется акцент на подданнические элементы, а в Санкт-Петербурге — на участническую культуру.

4. Конфликтная часть

Военный характер колонизации обусловил конфликтную составляющую данного региона. На Кубани существует раскол между «городом» и «деревней». Это выражается в противоречиях между богатыми городами Черноморского побережья с с/х, территориями по поводу политических и экономических ресурсов. Конфликтный аспект в РПК Краснодарского края так же вносит вопрос с мигрантами.

Культура Петербурга тоже не лишена конфликтного элемента. В Петербурге встречается феномен «пересекающихся противоречий». Под пересекающимися противоречиями понимается принадлежность к нескольким группам (социальным, религиозным, этническим, культурным, политическим и географическим) с различными интересами и взглядами, тогда мировоззрение и действия человека в реальной жизни будут более умеренными¹.

Вывод. Выше перечисленным РПК присуща значительная конфликтная составляющая. Но есть значительные отличия — в Краснодарском крае конфликтность выражена более жестко, а в Петербурге более мягко.

Переселенческие регионы могут достаточно сильно отличаться друг от друга, но в тоже время и иметь общие черты. Например, политическая культура Санкт-Петербурга больше ориентирована на европейские ценности, а РПК Кубани все же тяготеет к традиционализму. Эти различия проявляются буквально во всем от отношения к власти до степени конфликтности.

¹ Лейнхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейнхарт; пер. с англ. // Под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 45.

В. О. Деткина
Казань

ФЕНОМЕН ПОЛИТИКИ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

На сегодняшний день такое явление, как политика двойных стандартов в международных отношениях, является весьма распространенным. Отечественные и зарубежные политологи ведут жаркую полемику касательно действий тех или иных государств, которые прибегли к использованию механизмов двойственной, непоследовательной политики.

В связи с особым интересом к данной проблематике как со стороны СМИ, так и международной общественности становится актуальным изучение теоретических аспектов, лежащих в основе данного явления. Также возникает необходимость ответить на вопрос, почему политика двойных стандартов становится неотъемлемым элементом международных отношений на современном этапе.

Сам термин «двойные стандарты» в современном значении возник в английском языке в середине XIX в. Первоначально его использовали для обозначения неравных моральных требований к мужчинам и женщинам. Само явление имеет глубокие корни, в современном же значении оно чаще всего употребляется в политтехнологических целях; широко применяется как средство давления на противников через общественное мнение и служит способом оправдания собственных действий в адрес какого-либо субъекта международных отношений. Таким образом, дается лояльная оценка действий «своих», при том, что аналогичные действия «чужих» порицаются и считаются недопустимыми¹.

В международных отношениях, как правило, политика двойных стандартов принимает форму обвинения «неудобных» субъектов международного права в нарушении, попрании тех или иных норм международного права, при демонстративном игнорировании аналогичных собственных действий, либо действий союзников².

Ни одно из известных определений не раскрывает в полной мере особенности происхождения и практического использования данного понятия, а множество современных дефиниций политики двойных стандартов,

¹ Тимощук А. С. Онтология двойного стандарта // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1. С. 218–221.

² Тузова А. Ф. «Двойные стандарты» в массмедийной практике (социально-политический анализ). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук. СПб, 2010.

как несимметричного поведения в аналогичных ситуациях, не выделяет данный термин из плотного дискурса современной политической и правовой науки, а наоборот — растворяет его в разнообразных понятиях вплоть до потери идентичности¹.

Так, например, Оксфордский словарь английского языка дает следующее определение данного термина: политика двойных стандартов есть правило, принцип, суждение и т.п. с точки зрения более строгого применения в отношении одной группы людей, обстоятельств и т.п., чем к другой. Интернет-справочник «Глоссарий.ру» определяет двойные стандарты или двойную мораль как критический термин для обозначения применяемых на практике и широко распространенных (но официально отрицаемых) дискриминационных подходов к оценке действий и прав групп населения, стран, рас.²

Политика двойных стандартов проявляется в ситуации, когда оценка одних и тех же действий субъектов варьируется в зависимости от того, в каких отношениях каждый из этих субъектов находится с оценивающим.

К причинам возникновения данного явления можно отнести как коллизии в международном праве (право народа на самоопределение при приоритете территориальной целостности государства), а также естественное желание субъектов международных отношений добиться максимально выгодного для них исхода той или иной спорной ситуации³.

В мировой истории достаточно примеров проявления политики двойных стандартов. В качестве одного из наиболее ярких можно привести ситуацию вокруг самопровозглашенной республики Косово, Абхазии и Южной Осетии, и позиции в отношении этих территориальных единиц США и России. Данный пример был изучен в работе при помощи концепции теории игр. Исследование показало, что игроки, в лице России и США, в каждом конкретном случае выбирали для себя наиболее выигрышный вариант, руководствуясь, прежде всего, собственными интересами.

Современные реалии таковы, что правом толковать нормы и правила обладает более сильный и влиятельный субъект международных отношений. Политика двойных стандартов становится инструментом непоследовательной политики влиятельных держав и приводит к кризису доверия по отношению к международным организациям. Данное обстоятельство обуславливают необходимость в дальнейшем более детального изучения сути данного явления.

¹ Булинопова Е. В. Двойные стандарты: проблема и понятие в дискурсивном пространстве современной политической теории // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 112–118.

² Тузова А. Ф. «Двойные стандарты» в массмедийной практике (социально-политический анализ). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук. СПб, 2010.

³ Буханова А. С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // Право и управление: XXI век. 2011. № 4 (21). С. 67–71.

Д. Б. Ефимов
Одинцово

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТИПОЛОГИИ, ПРИЧИНЫ, ФАКТОРЫ

Уход лидеров стран с политического Олимпа, а также приобретение ими новой власти может происходить разными путями, как законными, так и не очень. Свержение власти или незаконное ее расширение — государственный переворот — продолжает быть фактором политической динамики.

Государственные перевороты окружают человечество на протяжении всей его истории — от первых обществ и государств вплоть до современности. О. Бланки, Л. Троцкий, К. Малапарте¹ и Э. Люттвак² за последние II в. провели большую работу над теоретическим осмыслением тактических и стратегических аспектов переворотов. Сегодня исследователи понимают под ними явления со следующими признаками:

- Иррегулярный переход власти;
- Наличие группы заговорщиков в составе госаппарата/армии;
- Отсутствие ярко выраженной роли политического насилия;
- Отсутствие корреляции с волей общественных масс;
- Отсутствие желания значимых изменений как решающей мотивации акторов переворота.

Существует множество исследований, посвященных различным аспектам переворотов. Часть исследователей (Хантингтон³, Мур⁴) сформировали свои собственные типологии. Соотношения *structure & agency* находилась в центре внимания других (Малапарте⁵, Люттвак⁶). Различные предпосылки переворотов рассматривались О'Кэйн⁷, Трейс-

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

² Малапарте К. Техника государственного переворота // М., Аграф. 1998.

³ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

⁴ Moore C. Political and military coups // Ishiyama J. T., Breuning M. (ed.). 21st century political science: a reference handbook. Sage, 2010. Т. 1. P. 124–132.

⁵ Малапарте К. Техника государственного переворота // М., Аграф. 1998.

⁶ Люттвак Э. Государственный переворот: практическое пособие. М., 2012. 326 с.

⁷ O'Kane R. H. T. The likelihood of coups. Aldershot: Avebury, 1987.

маном¹, Своликом². Есть и примеры комплексных исследований переворотов — Белкина и Шуфера³.

В одних государствах перевороты существенно менее распространены, чем в других. В одних случаях власть не подвергается риску быть свергнутой, а в других мы наблюдаем перевороты. В чем причина этого?

В рамках данного исследования тестируются различные гипотезы о факторах, влияющих на вероятность переворота: политическая нестабильность, авторитаризм, гибридность, фундамент режима, эффективность власти, глобальное противостояние, экс-колониальность, благосостояние общества, текущая экономическая динамика, уровень неравенства, степень фракционализации общества. Исследование выполнено в рамках нового институционализма: анализируется роль различного институционального дизайна и связанных с ним факторов в продуцировании шансов попыток переворота. Логит- и пробит- регрессионные модели бинарного выбора на панельных данных по послевоенному периоду показывают, что большая часть гипотез, за исключением факторов социальной динамики (фракционализация и неравенство), подтверждается.

Целью исследования являлось и построение типологий моделей переворотов. Были построены классификации переворотов по производящим их акторам (само-переворот, военные, госаппарат, хунта, повстанцы) и по стратегическим характеристикам страны в период переворота (кластерный анализ, *k*-медианы). Для исследования связей полученных классификаций между собой используется анализ таблиц сопряженности (работа с χ^2 -критерием, использование *V*-меры Крамера и λ -мер Гудмана и Краскелла, анализ скорректированных остатков). Таблицы сопряженности классификаций (табл. 1) и статистик связей (табл. 2) показывают наличие связей только между некоторыми элементами классификаций.

Была также сформирована методология построения Индекса риска переворотов (ИРП), основанная на теории нечетких множеств и оценке принадлежности стран к множествам, характеризующим повышенными значениями факторов, увеличивающих вероятность переворота. Произведены оценки риска переворотов на 2014–2015 гг. 10 первых и последних стран ИРП со значениями (в теоретическом диапазоне от 0 до 10) приведены в табл. 3.

Исследование может быть продолжено путем подробных *case-study* по выделенным моделям переворотов с целью осмысления характеристики и связей данных моделей, а также путем применения иной методологии, позволяющей учесть разнообразие факторов и их сочетаний, приводящих

¹ Treisman D. Income, Democracy, and Leader Turnover. 2013.

² Svobik M. W. Power sharing and leadership dynamics in authoritarian regimes // American Journal of Political Science. 2009. Т. 53. № 2. P. 477–494.

³ Belkin A., Schofer E. Toward a structural understanding of coup risk // Journal of Conflict Resolution. 2003. Т. 47. № 5. С. 594–620.

к перевороту — перехода от линейных эффектов регрессионного анализа к множественной причинности качественного сравнительного анализа.

Таблица 1

Сопряженность классификаций

Акторно-ориентированные модели						
Структурные модели	Self-coup	Повстанцы	Военные	Внутр. акторы	Внутри хунты	Всего
1	10 (2,2)	1 (-1,4)	29 (-0,2)	3 (-1)	3 (0,1)	46
2	3 (-0,5)	2 (0)	21 (0,4)	4 (0,5)	1 (-0,7)	31
3	2 (1,1)	3 (3,6)	2 (-2,4)	1 (0,2)	0 (-0,7)	8
4	5 (-0,1)	4 (0,8)	30 (1,1)	2 (-1,3)	1 (-1,1)	42
5	1 (-2)	1 (-1,1)	27 (1,2)	4 (0,1)	4 (1,3)	37
6	2 (-0,8)	1 (-0,7)	19 (0,7)	3 (0,1)	2 (0,3)	27
7	3 (0,4)	2 (0,6)	8 (-2,4)	5 (2,2)	2 (0,8)	20
Всего	26	14	136	22	13	211

Скорректированные остатки в скобках.

Таблица 2

Статистики связи классификаций

Статистика	Значение	Примечание
χ^2	37,67	p-value = 0,037
V Крамера	0,211	-
λ_a	0,0424	95%-й интервал (-0,061; 0,146)
λ_b	0,0133	95%-й интервал (-0,045; 0,071)
λ	0,0333	-

Таблица 3

10 первых и последних стран по ИРП

Страна	Индекс	Страна	Индекс
ЦАР	9,64	Британия	0,13
Гвинея-Бисау	9,59	Германия	0,1
Дем. Республика Конго	9,55	Норвегия	0,06
Южный Судан	9,54	Канада	0,03
Чад	9,39	Дания	0
Судан	9,31	Финляндия	0
Афганистан	9,3	Люксембург	0
Ирак	9,07	Нидерланды	0
Бурунди	8,99	Швеция	0
Гвинея	8,97	Швейцария	0

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА

Современные подходы к рассмотрению политического маркетинга рождаются на стыке предметных полей политической экономики, политического управления и других поведенческих дисциплин. Трансформация политического рынка стимулирует развитие новых взглядов на природу и цели политического маркетинга как инструмента. В данном докладе рассматриваются современный подход к пониманию политического маркетинга.

Цель данного доклада заключается в анализе современных концепций политического маркетинга. Задачи исследования, которые способны помочь в достижении цели работы, можно определить следующим образом. *Во-первых*, проанализировать основные идеи политического маркетинга-микс. *Во-вторых*, изучить процесс трансформации политического маркетинга в маркетинг услуг.

Концепция маркетинга-микс оформилась в 90-х годах XX в., но сам термин появился еще в 1940-х годах в США. Основателем данного направления в его современном виде можно считать известного специалиста Д. Шульца. Он рассматривает понятие интегрированных маркетинговых коммуникаций как новый метод восприятия «целого», которое состоит из различных элементов, таких как связи с общественностью, реклама, продвижение товара и других составляющих одного процесса¹. Первоначально данный термин рассматривался в контексте коммерческого маркетинга как вид деятельности маркетологов, цель которого раскрыть потребительскую способность путем побуждения к приобретению той или иной услуги. Сегодня данная концепция также развивается в области GR и в политической сфере. Развития данного понятия в области PR связывают с концепцией стратегического маркетинга. Данное направление можно определить как набор управляемых инструментов маркетинга. Филип Котлер включает в основные инструменты четыре элемента рынка: товар, цена, способ распространения и продвижения товара². Для развития данной модели в политической поле особенно важным является элемент продвижения товара. Здесь важную роль играет развитие интегративных марке-

¹ Шульц Д., Танненбаум С., Лаутерборн Р. Новая парадигма маркетинга. Интегрируемые маркетинговые коммуникации. М.: ИНФРА-М, 2004.

² Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: Издательский дом «Вильямс». 2007.

ОБРАЗОВАНИЕ В УКРАИНЕ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНИНА

тинговых коммуникаций. Существуют различные подходы к определению данного концепта, основываясь на которых можно выделить основные характеристики интегративных маркетинговых коммуникаций: 1) относятся к стратегическому маркетингу; 2) потребитель — определяющий элемент; 3) осуществляет интеграцию и управление коммуникативных сред; 4) направлен на улучшение репутации или поддержание бренда. Концепцию маркетинга-микс нельзя однозначно отнести ни к технологиям *PR*, ни к политическому маркетингу: сложно сказать, что преобладает в большей степени — ориентация на потребителя или поддержание значимых связей. Определить интегративную модель следующим образом: объединение технологий по продвижению товаров с рекламой в общий коммуникативный поток, который посредством всех видов представления массовой информации направлен на потребителя.

Рост сферы услуг в экономическом поле повлиял на развитие концепций продвижения политических товаров. В современных условиях политический продукт может быть рассмотрен как некое сервисное предложение. Здесь в качестве сервисного предложения выступает любая политическая деятельность, которую может предложить один из участников обмена. Филип Котлер выделяет некоторые значимые характеристики услуги, которые позволяют ей оставаться объектом маркетинга: 1) неосвязаемость; 2) неотделимость от источника; 3) несохраняемость; 4) непостоянство качества¹. Таким образом, политическая практика может быть определена как деятельность по предоставлению общественных благ. Отличия политического маркетинга от коммерческого в данном подходе обуславливается необходимостью более высокого уровня общественной открытости, транспарентности; возрастает роль инструментов маркетинга.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что построение современных концепций политического маркетинга базируется на экономической модели рационального выбора. Представление политического продукта как некой услуги определяет рыночное поведение игроков в политическом поле; возрастает роль политических коммуникаций. В подобной ситуации определяющими критериями для избирателя становится субъективная оценка качества, личное доверие, а также возможность беспрепятственной коммуникации.

Как известно, распад СССР стал причиной не только для образования ряда государств, но и формирования новых культурных полей, очерченных границами новообразовавшихся стран. Поддержание культурных полей осуществляется путем трансляции общественного дискурса, который содержит национальные традиции и особенности, а также историко-политическую составляющую, которая обосновывает существование данного социума. Включение новых членов в рамки определенного культурного поля происходит путем процесса социализации. Немаловажную роль в данном процессе играет институт образования.

В возрасте 14–16 лет проходит наиболее интенсивный этап становления личности. Именно в этот период происходит усвоение общественного дискурса в ходе процесса обучения. Государство, в свою очередь, регулирует процесс социализации, деформируя личность в сторону более выгодной для него модели. Украина в данном случае не является исключением.

Так, национальная доктрина развития образования прямо указывает, что образование является стратегическим ресурсом для улучшения благосостояния людей, обеспечения национальных интересов, укрепления авторитета и конкурентоспособности государства¹. Основными принципами, которые декларирует доктрина, являются национальный характер образования и национальное воспитание, которое «строится на культурно-исторических ценностях Украинского народа, его традициях и духовности»². Данные высказывания свидетельствуют о построении дискурсивной модели, в которой центральная роль отводится украинскому народу, с учетом интересов всех коренных народов и национальных меньшинств проживающих на территории Украины.

Содержание учебных программ для общеобразовательных учреждений по истории Украины и всемирной истории также свидетельствует о раз-

¹ Указ президента Украины о национальной доктрине развития образования. Раздел 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/347/2002>. Дата обращения: 11.05.2015.

² Указ президента Украины о национальной доктрине развития образования. Раздел 3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/347/2002>. Дата обращения: 11.05.2015.

¹ Там же. С. 547–549.

витии тенденции. История подается как непрерывный процесс формирования, развития и консолидации украинского народа на территории, очерченной государственными границами. С другой стороны, процесс развития вписан в общеевропейский контекст, тем самым показывая, что украинцы — часть европейского сообщества.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что люди, освоившие образовательную программу на высоком уровне, лучше социализировались в современное культурное поле Украины. В пользу данного утверждения выступает факт массовых протестов студентов, процесс социализации которых происходил полностью на этапе независимой Украины.

Образование в этом ключе выступает одним из мобилизующих факторов для реализации нового политического курса государства. А поколение, которое усвоило новый дискурс, выступает в качестве его реализатора. Отражение сегодняшней действительности четко показывает это.

Начиная с 1992 г., образование в Украине начинает формировать новый тип личности, который соответствует потребностям современного украинского государства. Между тем, созданная дискурсивная модель противоречит советской модели, которая была усвоена в ходе процесса образования гражданами бывшего СССР. Это создает конфликт мировоззрений между современным украинским поколением и частью населения, прошедшего социализацию во времена советского союза. Однако, при сохранении данной тенденции, общественно-культурная политика государства будет воспринята подавляющей частью украинского общества. Внутренними факторами, тормозящими развитие данного сценария, выступает наличие педагогов, прошедших процесс социализации в СССР, а так же людей, не поддерживающих парадигму развития современного украинского государства. Внешним фактором можно считать влияние Российской Федерации, которой не выгодна украинизация лояльно настроенного по отношению к ней населения.

Таким образом, можно сделать вывод, что изменения в украинском образовании способствовали смене модели политической социализации, что повлекло за собой изменения в политическом дискурсе и культурном поле государства.

О. Е. Комаров
Ярославль

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАУДСОРСИНГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В период развития информационно-коммуникационных технологий стало существенно более доступным объединение людей и их совместная работа над одним проектом. Краудсорсинг позволяет объединить большие массы людей в единый элемент системы, с целью поиска необходимых решений существующих проблем.

Политический краудсорсинг в качестве интерактивного механизма развития государственной политики сочетает в себе набор форм и технологий общественного участия граждан, основанный на коллективном производстве социально-политических идей и политической практики. Таким образом, краудсорсинг облегчает инициирование и внедрение политических инноваций, рассматриваемых в качестве направленного изменения конкретных характеристик политической системы, с целью повышения эффективности деятельности политические институты и политических процессов.

Краудсорсинг основан на базовых принципах эгалитаризма: общество, члены которого обладают равными возможностями управления и доступа к материальным благам. Каждый человек имеет знания и таланты, которые могут понадобиться другим людям. Краудсорсинг в интернете — это деятельность, которая включает в себя создание сетевых сообществ, позволяющих использовать «политику разнообразия» отдельных субъектов сети для разработки и реализации коллективных идей или проектов. Краудсорсинг определяется как комплекс решений, генерируемых для привлечения интеллектуальных, информационных и организационных усилий открытого сетевого сообщества.

Ключевой принцип, лежащий в основе функционирования краудсорсинга, звучит так: у отдельного человека знаний меньше, чем у группы людей.

Коллективный интеллект является основным инструментом в технологии краудсорсинга. Он представляет собой способ использования знаний людей для разрешения определенных проблем. Если над решением проблемы будет работать большой круг лиц, то никакая проблема не будет казаться неразрешимой. Хитрость заключается в том, чтобы создать необходимые условия для реализации данных знаний. Разнообразный и значительный резерв добровольцев способен предложить новые

и более эффективные вариации разрешения конфликтов, в сравнении с группой штатных специалистов. Человек, больше всего желающий выполнить работу, наиболее мотивирован и эффективен. Применение коллективного интеллекта наиболее эффективно для разрешения рутинных и творческих проблем. Коллектив отлично понимает поставленную задачу, а уже через обсуждение проблемы отдельные участники обычно находят оптимальное и наиболее эффективное решение. Управление же коллективным интеллектом чаще всего происходит при помощи корпоративных информационных систем, которые поддерживают режим совместной деятельности.

Краудсорсинг является инновационным методом разрешения проблем, которые стоят перед организацией, основанный на применении возможностей современных информационно-коммуникационных механизмов и коллективного интеллекта. Краудсорсинг представляет собой модель управления информацией, основанная на передаче работы одного человека большому кругу лиц, при этом многие из них не обязательно могут быть профессионалами в данной области. Координация и взаимодействие субъектов краудсорсинга происходят в рамках сети Интернет, что позволяет в значительной мере сократить временные и финансовые издержки. При помощи краудсорсинга организация способна получить новые эффективные идеи от абсолютно разного круга лиц. Существует определенное сходство с аутсорсингом, но в отличие от него использование технологий краудсорсинга не предполагает оплату работы участников, либо вознаграждается символическими маленькими суммами. Опыт, сотрудничество, признание являются в контексте краудсорсинга наилучшими наградами. Помимо всего, краудсорсинг не предполагает значительных изменений в штатном расписании компании и ей ключевых процессах.

Краудсорсинговый проект — это постоянно работающий информационный ресурс. Информация предоставляется в сеть общего пользования неравнодушными гражданами и экспертами. Будучи заинтересованными в постоянной работе ресурса они, в то же время, являются и потребителями, и авторами контента.

Общественные сети, созданные с использованием интерактивных технологий, превратились в инновационный инструмент позиционирования и обслуживания местных общин интересов, результатом которого служит расширение смысла и формата общественной деятельности граждан. Краудсорсинговый проект ориентирован на «рост» сильного сетевого сообщества, членами которого являются люди, глубоко и серьезно интегрированные друг с другом. Краудсорсинг позволяет избежать традиционных форм финансовой компенсации.

А. И. Конюхова (Руденкина)
Екатеринбург

«ИНОСТРАННЫЙ АГЕНТ ВЛИЯНИЯ»: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В современном российском обществе все чаще звучат слова об «иностранных агентах». Но кто они, чем занимаются и кого представляют, до сих пор никто не может объяснить.

Дискуссия об «иностранных агентах влияния» обострилась в обществе после митингов в конце 2011 — начале 2013 г., когда Юрий Чайка, в одном из интервью заявил, что к организации и проведению протестов в России имеют отношение НКО, которые финансируются из-за рубежа¹. И затем, когда собственно и был принят Федеральный закон №121 — «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». В данном законе дается следующее определение иностранного агента: «Под некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, в настоящем Федеральном законе понимается российская некоммерческая организация, которая получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ) (далее — иностранные источники), и которая участвует, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации»².

После введения этого понятия в юридическое поле и «реальную жизнь» дискуссии относительно истинного его смысла лишь усилились.

¹ См.: Дел — много. Юрий Чайка о наказании продажных чиновников, скрытых преступлениях и мониторинге Интернета. 12.01.2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/01/12/procuror.html>. Дата обращения: 18.04.2015.

² См.: Федеральный закон Российской Федерации от 20 июля 2012 г. N 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/07/23/nko-dok.html>. Дата обращения: 18.04.2015.

ЭЛЕМЕНТЫ АНАЛИЗА ОБЩЕСТВА СОСТОЯНИЯ ПОСТМОДЕРНА В РОССИИ: ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Часть общественных деятелей и политиков начали говорить о том, что данное определение ущемляет права некоммерческих организаций, вызывает негативные ассоциации с советским прошлым, когда «иностранным агентом» было принято называть шпионов. Другая часть утверждала, что данный закон лишь восполнил пробел в законодательстве и что в тех же Соединенных Штатах Америки аналогичный закон существует давно и некоторые российские организации зарегистрированы там именно в статусе иностранных агентов.

Закон ФАРА¹ — тот закон, который в США регулирует деятельность иностранных агентов в стране. В данном законе есть такое определение иностранного агента: «иностранным агентом является (по состоянию на 2013 г.) лицо (физическое или юридическое), которое действует «по приказу, по просьбе, под руководством или под контролем иностранного принципала» и при этом занимается «политической деятельностью в интересах иностранного принципала». При этом, «иностранный принципал» — это «правительство иностранной страны и иностранная политическая партия; лицо за пределами Соединенных Штатов, ...; партнерство, ассоциация, корпорация, организация или другое объединение лиц, организованное согласно закону или имеющее основное место ведения бизнеса в зарубежной стране»².

Как мы можем видеть, данные определения (российское и американское) отличаются даже на первый взгляд. Если юристы посмотрят на эти определения более внимательно, то смогут найти несколько существенных отличий. Но поиск данных отличий не является нашей целью в этой работе.

Мы хотели бы обратить внимание на то, что в политологическом категориальном аппарате нет общепринятого определения «иностранный агент». Когда мы изучали различные источники, мы не смогли вообще найти какого бы то ни было политологического определения. Некоторые руководствуются понятиями, данными в том или ином законе. Кто-то говорит о лексическом смысле данного понятия, но мы не увидели попытки объяснить данный феномен с точки зрения политологии.

Поэтому в наших дальнейших исследованиях мы постараемся разобраться в данной категории, которую, пока, называли для себя «агентами иностранного влияния». Нам кажется, что данная категория шире тех определений, которые даются в законах различных государств. А ее конфликтность делает ее чрезвычайно важной для определения и объяснения.

Политические элиты — это действующие субъекты, оказывающие прямое или косвенное влияние на принятие важнейших политических решений, благодаря чему, они и занимают соответствующее положение в политическом поле. Политическая элита — это главный актор формирования политического пространства.

Представляется, что Россия живет в смешении эпох и парадигм. Поэтому рассуждать о состоянии Постмодерна применительно к России можно только в нескольких областях. Таких как виртуальное пространство (интернет), научно-культурная среда, дискурс принятия политических решений. Что касается первого, то по данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенного в октябре 2014 г., интернетом пользуются 66% граждан России от 18 лет и старше или 76,3 млн человек. Ежедневно выходят в Сеть — 46% или 53,6 млн взрослых россиян¹. То есть, две трети взрослого населения имеют доступ к виртуальному пространству. Интернет становится местом латентной борьбы идеологий и парадигм, где преимущество получает Постмодерн с его иронией, гротеском, смешением форм. О контроле интернет пространства на высшем политическом уровне заговорили зимой 2015 г.

Рассмотрение научно-культурной области пересекается с дискурсом принятия политических решений (или вовсе остается за пределами данной темы). Поэтому к исследованию последнего целесообразно перейти. Зафиксируем несколько положений:

- Стремление поддержки роли официальных религиозных организаций. Особенную роль играет Русская Православная Церковь². Вместе с этим такая политика проводится на фоне официального дискурса светского государства. Смешение парадигм (Модерновская светскость и Премодерновская религиозность) приводит к диссонансу политического сознания населения.

¹ URL: [http:// http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151](http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151). Дата обращения: 11.04.2015.

² Религия и конфликт / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 15.

¹ Foreign Agents Registration Act (FARA).

² Закон США об иностранных агентах (ФАРА). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=9756>. Дата обращения: 18.04.2015.

- Виртуализация политики. Конструирование готовых стереотипов относительно реальности. С этой точки зрения население предстает в виде «шизомассы». Концепция «шизоанализа» была предложена Жилем Делезом в работе «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения»¹. Шизомассы как субъект, стремятся слиться с объектом (в данном случае с теми событиями, которые представлены в СМИ). Что представляется, попыткой легитимации политики, проводимой по поводу Украины. Потребность такой легитимации диктуется диспозицией внутриэлитного взаимодействия по этому поводу. По мнению, исследования постсоветской российской политической элиты О. Крыштановской, для Путина (являющегося консолидирующим фактором) наступило трудное время, так как его критикуют «и либералы, и ястребы» из-за политики и ее следствий в отношении Украины².
- На местном уровне происходит распад политики. Существование микрополитических взаимодействий характеризуется несвязностью с тем, что является объектом политической деятельности с тем, что формально должно являться. Проведя эмпирическое исследование, социолог А. Чирикова пришла к выводу, что отсутствие стратегических коалиций между двумя ветвями власти (законодательной и исполнительной) приводит к тому, что поле городской политики, как правило, формируется под влиянием сиюминутных интересов, и, несмотря на всю инерционность действующих политических институтов, может быть весьма турбулентным³. Эта сиюминутность схожа с концепцией ризомы Ж. Делеза⁴. Что характеризует распад политики. Жак Рансьер, французский философ, говорит о конце метаполитики (постдемократии), тогда, когда народ перестает быть наблюдателем. Не говоря уже об участии в осуществлении власти⁵.

Таким образом, представляется, что функционирование российской политической элиты в современной России осуществляется по пути легитимации и преодоления преград, мешающих (угрожающих) существо-

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина, науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

² Bloomberg сообщил о резком сокращении окружения Путина из-за Украины: URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/01/23/bloomberg-soobschil-o-rezkom-sokrascheni-okruzheniya-putina>. Дата обращения: 11.04.2015.

³ Чирикова А. Е. Модели взаимодействия органов власти на местном уровне: давление, манипулирование, торг? // Вестник Института социологии. 2014. № 9. С. 81–100.

⁴ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина, науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

⁵ Рансьер Ж. На краю политического. М., 2006.

ванию политического истеблишмента. Это функционирование обнажает, а затем проявляет на свет черты общества Постмодерна, несмотря на, зачастую, несознаваемую взаимосвязь политической практики и постмодернистских установок.

Т. А. Латыпов
Казань

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛОББИЗМА И ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на примере Республики Татарстан)

Понимание публичной политики как процесса принятия решений и арены взаимодействия общества и власти ставит явление лоббизма в центр социально-политической жизни общества. Возникает вопрос: как происходит трансформация отношений между основными акторами публичной политики — властными структурами, бизнесом, СМИ, структурами гражданского общества и научным, экспертным сообществом? Без ответов на эти вопросы сложно оценить перспективы становления полноценного демократического общества в России. Институт лоббизма есть неотъемлемая часть публичной политики, который отражает взаимодействие ключевых политических акторов, представителей бизнес элит и публичной прессы. Именно поэтому, проблема статуса института лоббизма занимает такое важное место в проблематике изучения Российской политической системы.

Изначально необходимо понять, что лоббистская деятельность — это важнейшее политическое явление не только для Запада, но и для России. В настоящее время лоббизм является уникальным феноменом в политической практике любой страны. В нашей стране нет четкой границы в вопросе легальности и легитимности лоббизма, в то время как на Западе в основном сформирован легальный политический институт лоббизма, который обладает конкретным юридическим статусом.

В настоящее время существуют различные трактовки лоббизма. Это зависит от сферы его применения, от страны, в которой данный институт функционирует и множества других факторов. В профессиональном словаре лоббистской деятельности, лоббизмом называют «институт политической системы, представляющий собой процесс по продвижению интересов частных лиц, корпоративных структур, а также представляющие их профессиональные лоббистские фирмы и общественные организаций

в органах государственной власти, с целью добиться принятия выгодного для них политического решения»¹.

Лоббирование содержит различные методы, посредством которых оказывается влияние на власть. Выделяют два основных метода — это прямое и косвенное воздействие. Прямое лоббирование предусматривает открытый контакт с объектами, то есть лоббисты пытаются влиять на власть, не скрывая этого. При рассмотрении косвенного лоббирования мы видим, что субъекты лоббизма не афишируют свои действия.

В Российской Федерации нет ни закона, ни подзаконных актов, которые бы регулировали отношения между заинтересованными группами и ветвями власти. В обществе нет единого мнения по вопросу — нужен ли закон, который будет регулировать лоббистскую деятельность в России. «Закон о лоббизме в России пока что принимать рано»². При встрече с представителями бизнес-сообщества из «Единой России» премьер Дмитрий Медведев заявил, что уровень правосознания парламентариев не достиг того показателя, при котором можно было бы законодательно оформить структуру и функциональную деятельность пока неформального института лоббизма.

Законопроект «О регулировании лоббистской деятельности» прорабатывался еще в 1993 г. в Верховном Совете, а в 1995 г. рассматривался в Государственной Думе РФ. Однако, данные инициативы не получили широкой поддержки парламентариев и рядовых граждан.

Лоббизм — одна из самых актуальных политико-правовых проблем в современном мире, неотъемлемая составная часть политической жизни любого государства и демократического общества, исключения не составляют и регионы Российской Федерации.

Многу были изучены практические аспекты лоббизма в Республике Татарстан с помощью интервью среди экспертов. Опрошенные специалисты утверждают, что все успешные проекты в республике — это история успешного лоббирования интересов на различных уровнях. В настоящее время можно выделить три основных этапа лоббирования интересов:

Первый этап — это лоббирование внутри республики со стороны местной администрации в адрес республиканских министерств, ведомств. Тем самым доказывают, что именно их проект необходим республике.

На втором этапе, работают в тесной связке наши региональные и федеральные министерства, для вхождения в федеральные программы. Этот этап предполагает собой полную детализацию всех аспектов проекта.

¹ См.: Толстых П. А. Профессиональный словарь лоббистской деятельности. / П. А. Толстых. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lobbying.ru/dictionary_word.php?id=1. Дата обращения: 09.03.2015.

² Петров В. Российская газета [Электронный ресурс] / В. Петров // Российская газета. 22.12.2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/22/lobbizm-site-anons.html>. Дата обращения: 09.03.2015.

Третий этап — это лоббирование приоритетных проектов республики на федеральном уровне депутатами от РТ, так как финальное утверждение инвестиционной программы проходит в Государственной думе РФ.

В настоящее время весь этот процесс стал определенной системой, которая подтверждается своей эффективностью, уже реализованных в нашей республике многих проектов. Примерами являются все реализованные крупные проекты: программа тысячелетия Казани, Универсиада 2013, особые экономические зоны, IT-парки. Однако, республика в большинстве своих случаев работает на перспективное развитие — это реализуемые проекты: Иннополис, Смарт сити Казань, чемпионат водных видов спорта в 2015, чемпионат мира по футболу в 2018 г., возможное проведение в Казани фестивалей «Новая волна», «Голосящий Кивин» и др.

Республика Татарстан является одним из самых эффективных регионов продвижения интересов в Российской Федерации. Основная причина успешного развития любого региона — это результат сплоченной работы всех ключевых ведомств в поле лоббирования интересов и авторитет региональных руководителей. В любом случае, составляется список полезных стейкхолдеров, которые, в свою очередь, заинтересованы в продвижении и реализации данного проекта. Поэтому лоббирование идет не только по линии вертикали власти, но и по линии экспертного сообщества тех организаций, которые будут полезными в процессе принятия решений.

Таким образом, лоббистская деятельность предоставляет огромную возможность вести диалог со всеми ветвями власти. Не будь такого диалога, множество положительных идей, отражающих насущный интерес различных групп общества, так и не смогли бы реализоваться на практике.

А. О. Лепехина
Москва

КОНЦЕПЦИИ ГИБРИДНЫХ РЕЖИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Гибридные политические режимы — феномен, возникший в результате процессов массовой демократизации во второй половине XX в. Падение диктатур в Южной Европе и Латинской Америке, распад СССР, а затем и всего коммунистического мира привели к распространению демократических принципов на политическую жизнь большой группы стран, что впоследствии получило название «третьей волны демократизации».

Но результатом переходов от авторитарно-тоталитарного правления далеко не всегда становилась демократическая консолидация и стабильное функционирование демократии. В связи с этим исследователи стали говорить о «затухании» третьей «волны», связанном с беспрецедентным ростом числа режимов, которые характеризуются наличием демократических начал в общественной жизни и отсутствием или ограничением большинства либеральных свобод, присущих традиционным западным демократиям.

Проблематика гибридных режимов с момента их появления находилась в фокусе исследовательского интереса. Среди множества концепций переходных режимов можно выделить выделить три, претендующие на всеобъемлющий анализ внутренних факторов демократического транзита. Это концепция «делегативной» демократии Гильермо О’Доннела, концепция «нелиберальной» демократии Фаарида Закарии и концепция «псевдодемократии» Ларри Даймонда.

Для выяснения природы и логики функционирования гибридных режимов О’Доннел вводит понятие «делегативной демократии». Одной из ключевых особенностей делегативной демократии является то, что глава государства управляет страной практически без ограничений, потому что, будучи избранным большинством населения, он в данном случае рассматривается как воплощение нации, главный представитель ее интересов¹. Как правило, эта фигура стоит выше политических партий и интересов отдельных групп, что делает излишними механизмы горизонтальной подотчетности, препятствующие полноте осуществления президентской власти. Делегированная демократия у О’Доннела противопоставляется представительной, базируется на подотчетности, а именно, на ответственности представителей за действия, осуществляемые от имени других.

Два вида демократии противопоставляются и у Закарии, который выделяет понятия «нелиберальной демократии» как власти народа, не ограниченной конституционными рамками, и «демократии либеральной», защищающей автономию индивида перед волей демократического большинства. Проанализировав процесс исторического развития стран, Закария приходит к выводу, что корни нелиберальных демократий кроются в противоречии между конституционным либерализмом и демократией как системой². Конституционный либерализм возник и развивался как течение, направленное на защиту прав человека на жизнь, собственность, гражданские свободы, поэтому он всегда выступает за различные ограничения, накладываемые на власть, для обеспечения этих прав и свобод. Напротив, демократически избранное правительство зачастую склонно считать, что оно обладает абсолютным суверенитетом, и игнорировать

¹ О’Доннел Г. Делегативная демократия. Пределы власти. 1994. № 2/3. С. 54–57.

² Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий. Логос. 2004. № 2. С. 56–60.

налагаемые на власть конституционные ограничения. При полной демократии без конституционно-правового самоограничения отсутствуют механизмы необходимые для защиты от деспотического господства демократически легитимированных правителей.

Другой известный исследователь Ларри Даймонд также наблюдает современном мире беспрецедентный рост числа режимов, в которых различные демократические институты маскируют реалии авторитарной власти. Для подобных режимов он вводит понятие «электоральной демократии» и «псевдодемократии». В качестве главного отличия псевдодемократий он называет отсутствие возможности для честного электорального соперничества и для исключения из власти правящей партии, даже если она больше не поддерживается большинством. Выясняя причины того, почему сегодня с поразительной частотой авторитарные режимы называют себя последователями демократических идеалов, Даймонд приходит к выводу, что демократия в современном мире считается единственным легитимной системой¹. Поэтому авторитарные режимы чувствуют на себе давление как внутригосударственное, так и международное, которое заставляет их принять демократическую модель, или хотя бы имитировать ее.

Таким образом, все представленные авторы отталкиваются от эволюционного характера демократизации, обозначают траекторию развития гибридных режимов как движение по направлению от авторитаризма к демократии и оценивают изученные ими типы переходных состояний в терминах «демократии с прилагательными».

Дальнейшая разработка концепции гибридных политических режимов на основе анализа новых случаев является одним из основных направлений современной политической науки.

С. С. Монгуш
Москва

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В РФ

В современных демократических государствах партии являются теми участниками политического процесса, которые связывают государство и гражданское общество и непосредственно выражают политические интересы различных групп населения.

¹ Diamond Larry Jay. Thinking About Hybrid Regimes. Journal of Democracy. Johns Hopkins University Press. 13. № 2. 2002. P. 21–35.

Согласно части 3 статьи 13 Конституции Российской Федерации в современной России «признаются политическое многообразие, многопартийность». Вместе с тем существование политического плюрализма предполагает конкуренцию, однако, реальная конкуренция на политической арене практически отсутствует. И, несомненно, отсутствие сильной оппозиции показывает, насколько серьезен этот вопрос на сегодняшний день.

Данная работа представляет собой попытку ответить на вопрос о том, возможно ли перерождение существующего относительно демократического режима в более авторитарный посредством дальнейшего укрепления партии власти при отсутствии реальной конкуренции на политической арене.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа и синтеза в сочетании с конкретно-историческим методом, позволяющие выявить особенности генезиса, становления и развития исследуемого объекта. Сопоставление и сравнение точек зрения разных авторов на проблему партотгенеза и трансформацию российской партийной системы обусловили обращение к компаративистскому методу исследования.

Грачев М. Н. и Ирхин Ю. В. подчеркивают, что институционализация прежде неформальных организаций произошла в 1991 г., что означало появление многопартийности сначала в СССР, а затем в России¹. Однако период долгого существования однопартийности породил на первом этапе трансформации протопартийных организаций своего рода «антипартийный эффект». Поскольку иного опыта просто не существовало, возникавшие организации зачастую копировали принципы деятельности КПСС, сложившиеся в условиях отсутствия политической конкуренции, что не подходило для настоящей многопартийной системы².

Становление и развитие партий в России произошло за несколько лет. Так, Ю. Г. Коргунок и С. Е. Заславский делят историю генезиса партий на шесть периодов, начиная с 1986 и заканчивая 1995 гг., с чем нельзя не согласиться³.

В силу скоротечности партотгенеза партии не успели стать необходимым элементом политической системы, играющим роль связующего звена между государством и гражданским обществом. Поэтому в период двух электоральных циклов (1993–1995) партии стали утрачивать начавшие формироваться функции представительства интересов общества и превра-

¹ Грачев М. Н., Ирхин Ю. В. Актуальные проблемы политической науки. М., 1996. С. 77–78.

² Михалева Г. М. Эволюция административных партий в современной России // Вестник РГГУ. 2009. № 1. С. 93.

³ Коргунок Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М., 1996. С. 34–35.

щались в механизм самоорганизации элит и сохранения *status quo* за правящей элитой¹.

На протяжении 1990-х элитные группы пытались внедрить в парламент подконтрольную партию, однако усилия не приносили ожидаемого результата. Возможность установления партийной системы с доминированием одной партии появилась после 2001 г., когда в результате слияния движений «Единство», «Отечество» и «Вся Россия» образовалась политическая партия «Единая Россия».

Для предотвращения возможной конкуренции был принят Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», который имел противоречивый характер.

С одной стороны, данный закон был призван укрепить положение партий, ставших единственными участниками избирательного процесса. С другой, закон был выгоден только крупным партиям, которые уже имели определенную социальную базу и относительно постоянный электорат.

В последнее время наблюдаются тенденции к тому, что партия власти в ее нынешнем состоянии перестает отвечать политическим интересам и потребностям правящей группы. В частности, это проявилось в создании нового общественно-политического объединения «Общественный фронт», напрямую ориентированного на действующего Президента. В этой связи возникает предположение, что сменяемость партий власти приобретает циклический характер.

Приходится констатировать, что усиление или ослабление партии власти не влияет на трансформацию режима, поскольку партии не являются самостоятельными акторами политической жизни, являясь лишь инструментом самоорганизации элит.

А. А. Новосельцева
Тверь

ПАТРИОТИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ

В современном российском политическом дискурсе категория патриотизма используется в качестве приоритетного компонента национальной идеологии. В связи с этим, актуальность изучения патриотизма обосновывается потребностью в понимании фундаментальных основ, которые формируют коллективную идентичность в дискурсивном про-

¹ Михалева Г. М. Когда был выбран путь? (Российские партии в ходе двух электоральных циклов, 1993–2000 гг.) // Полис. 2009. № 2. С. 164.

странстве. Проблематика данного исследования заключается в рассмотрении подходов к пониманию патриотизма, изучении специфических черт российского патриотизма и форм его проявления. Целью данной работы является поиск ответа на следующий вопрос: что понимается под патриотизмом в России сегодня?

1. Английский исследователь Андерсон Б.¹ рассматривает нацию как продукт воображаемого сообщества, а истоки политической любви, по его мнению, проистекают из способов ее описания языком. Используемая при описании и выражении национальных чувств лексика родства/родного дома служит для обозначения нечего такого, с чем человек связан от природы (цвет кожи, национальность, пол, родословная). Феномен патриотизма легитимизирует себя тем, что естественные, неотчуждаемые признаки, которые лежат в основе формирования сообщества, социально не программируемы, и поэтому они окружены ореолом бескорыстной преданности. Иной точки зрения придерживается представительница американского анархизма Эмма Гольдман², в соответствии с которой, в сущности патриотизма заложена угроза свободе. По мнению, мыслительницы, патриотизм является категорией политической мифологии, которая формирует практики по сплочению нации за счет формирования коллективной идентичности в противопоставлении себя Другому.

2. Французский социолог Патрик Шампань³ предлагает рассматривать политику как форму символической борьбы, в пространстве которой каждый политический актер стремится монополизировать публичное слово или добиться признания истинности его представлений о мире. Практики конструирования символического порядка предполагают установление контроля над идеологической категорией и формирование ее смысловых границ. С 2012 г. патриотизм выступает в качестве понятия — проекта конструирования национального самосознания граждан РФ. Эксперт ИСР Борис Брук⁴ придерживается мнения о том, что сегодня в публичном дискурсивном пространстве прослеживается тенденция монополизации идеи патриотизма со стороны официальной власти, которая может спровоцировать доминирование негативных черт национализма в форме ксенофобии и неприятия к «чужим». Принимая во внимание результаты опроса

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества как социологический феномен. Электронный ресурс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/intro.php.

² Гольдман Э. Патриотизм — угроза свободе. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aitrus.info/node/1924>.

³ Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1093.html.

⁴ Брук Б. Подмена понятий: патриотизм в России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/27-05-2014/podmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii>.

ВЦИОМ, согласно которым 35% россиян воспринимают легальную/незаконную деятельность мигрантов как потенциальную угрозу будущего России, Борис Брук приходит к мнению о том, что консолидация современного российского общества осуществляется на основе негативных факторов, которые влекут за собой рост ксенофобских настроений. Однако результаты опросов «Левада-центр» показывают, что для 68% россиян быть патриотом значит любить свою страну, для 27% работать во благо страны, для 22% обеспечивать достойное будущее своей стране. Также, согласно опросам, для 84% россиян патриотизм означает глубокое личное чувство. Таким образом, патриотизм в восприятии официальной российской власти и граждан обладает разной символической нагрузкой.

Итак, категория патриотизм является открытым полем для конструирования смыслов и формирования национальной идентичности. Официальная власть монополизировала идеологию патриотизма с целью обеспечения символического порядка и производит практики по созданию образа врага в коллективном сознании. Опросы общественного мнения показывают, что россияне понимают под патриотизмом чувство любви к родине, однако сегодня в стране отмечается рост нетерпимости и ксенофобии, что свидетельствует о том, что категория Другого, которую формирует патриотизм, вызывает угрозу свободе.

Ю. М. Ноздрякова
Санкт-Петербург

БУДУЩЕЕ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ: «ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ 3.0.»

В данной работе объект исследования — цифровая дипломатия. Исследования в этой области политической науки актуальны в связи с тем, что на сегодняшнее время нет фундаментальных работ и точного определения этого феномена. Среди предпосылок, позволяющих автору сформулировать определение цифровой дипломатии, следующие:

— концепция «smart power» американского политолога Джозефа Ная («*In today's information age, success is the result not merely of whose army wins but also of whose story wins*»¹ — инструмент создания победной «истории» — дипломатия, а в связи с информатизацией общества — один из ее видов — цифровая дипломатия, *digital diplomacy*);

¹ Josef S. Nye, Jr *Get Smart*. Combining hard and soft power. Foreign Affairs. 2009 URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/65163/joseph-s-nye-jr/get-smart>. Дата обращения: 08.04.2015.

- феномен киберпространства, как искусственно созданной конструкции, имеющей связь с геополитикой, и его структура, уложенная в схему американским ученым Дэвидом Кларком. Согласно его теории, киберпространство существует на четырех уровнях: физическом, логическом, контента и социальном¹.

Таким образом, цифровая дипломатия — один из способов влияния на зарубежную аудиторию в сети Интернет, осуществляющийся в киберпространстве и имеющий отношение к проведению успешной стратегии внешней политики — к умной силе. Считаем необходимым не обозначать в определении субъекта или актора, непосредственно осуществляющего дипломатию. Для обоснования позиции апеллируем к концепции сетевой коммуникации, выделяющей технологии *Web 2.0* (характерная черта — интеракция), как способа коммуникации XXI в.², на которой базируется концепция «дипломатия 2.0». На наш взгляд, понятие интерактивности указывает на отсутствие доминирующего актора. Тем не менее, сегодня в работах, связанных с исследованием цифровой дипломатии, очевиден акцент на доминирующую роль государства (органы государственной власти) в формировании и осуществлении дипломатической деятельности, например, в сети Интернет: подготовка активистов, цифровая пропаганда, разработка программного обеспечения³. Имеет смысл уйти от статистического понимания цифровой дипломатии. Государство является одним из основных акторов, наряду с той совокупностью граждан-пользователей сети Интернет (не пассивных), на которых направлено его влияние посредством цифровой дипломатии.

Данное понимание цифровой дипломатии возникло благодаря материалу статьи «*Diplomacy 3.0 Starts in Stockholm*» Андреаса Сандре на сайте издательства *The World Post* от 15 января 2014 г.⁴ В тексте статьи озвучивается предположение: не наступил ли период «дипломатии 3.0.»? Рассуждая о будущем цифровой дипломатии, Сандре упоминает о Стокгольмской Инициативе цифровой дипломатии или *SIDD*, в рамках кото-

рой 16–17 января 2014 г. состоялись мероприятия под общей темой «дипломатия будущего», разделенные на две сессии: «каждый — дипломат» и «творческая дипломатия»¹. Отметим, что двумя годами ранее, в 2012 г. Пол Левинсон опубликовал статью на сайте издательства *PD magazine* «*Everyone is a Diplomat in the Digital Age*» (Каждый — дипломат в цифровую эпоху), где также сделал акцент на наличии множества акторов в сети Интернет и несостоятельности государственных секретных документов, которые могут быть «мгновенно переданы кем угодно кому угодно в мире»². Стоит добавить, что, участвуя в коммуникации «дипломат-гражданин», государство, встав в один ряд с другими акторами, «спустится» до микроуровня политики и нивелирует свой статус официального источника информации.

Исследование — попытка сформулировать новую проблему для научных дискуссий — будущее цифровой дипломатии, возможности выделения нового этапа «цифровой дипломатии 3.0.»

А. В. Огурцова
Ярославль

МЯГКАЯ СИЛА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

В современном мире политика принуждения и угроз ведет к войнам и конфликтам. Таким образом, в мировой политике актуальной темой стала проблема оказания «мягкого влияния» с помощью собственной привлекательности государства, без применения угроз и насилия. Поэтому, для эффективной реализации «мягкой силы» государства важно действовать во всех направлениях мягкой силы, используя инструменты «мягкого влияния». Для этих целей необходимо привлекать официальные структуры и неправительственные организации.

Мягкая сила — это возможность оказывать влияние за счет привлекательности страны, института или иного субъекта на основе экономических, культурных, технологических и иных внутри политических и внешнеполитических факторов. В результате наличия этой привлекательности

¹ Stockholm Initiative for Digital Diplomacy // Ministry for Foreign Affairs // Government and ministries // Regeringskansliet. URL: <http://www.government.se/sb/d/18138>. Дата обращения: 26.04.2015.

² Levinson P. Everyone is a Diplomat in the Digital Age // PD magazine. University of Southern California URL: <http://publicdiplomacymagazine.com/everyone-is-a-diplomat-in-the-digital-age/>. Дата обращения: 26.04.2015.

¹ Савин Л. Введение в кибергеополитику // Кибер. Геополитика XXII. С. 6–7. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.geopolitica.ru/sites/default/files/geopolitikan22.pdf>. Дата обращения: 08.04.2015.

² Tim O'Reilly. What Is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software // O'Reilly URL: <http://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html>. Дата обращения: 18.04.2015.

³ Попов Д. Цифровая дипломатия США. Об использовании Госдепартаментом сети Интернет // Аналитика // Российский институт стратегических исследований. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://riss.ru/analitics/7003/>. Дата обращения: 08.04.2015.

⁴ Sandre A. Diplomacy 3.0 Starts in Stockholm // The World Post. A partnership of The Huffington Post and Berggruen Institute. URL: http://www.huffingtonpost.com/andreas-sandre/digital-diplomacy-stockholm_b_4592691.html. Дата обращения: 26.04.2015.

и притягательности субъект может решать стоящие перед ним задачи без конфликтов, насилия и воин.

Можно выделить целый ряд инструментов осуществления мягкой силы.

Одним из них является — формирование информационного пространства. *Сообщения СМИ* — источник инфопотока, так как именно СМИ формируют новое видение мира не только информационные материалы, но и публицистические или научно-популярные программы, а также через художественные произведения, соответствующим образом, представляющие определенные исторические факты¹.

Не менее важным инструментом мягкой силы является — народная (публичная) дипломатия. Она вмещает в себя международные связи и контакты посредством реализации культурных, научных, образовательных, программ (обмены делегациями, художественные выставки, музыкальные фестивали, праздники искусств и т.п.) — многообразии форм взаимодействия с гражданским обществом и аудиториями зарубежных стран².

Мягкая сила — это способность государства привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно — нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов³.

Неотъемлемой частью мягкой силы в образовательной системе является предоставление образовательных услуг иностранным студентам. В студенческую пору у молодых людей формируется мировоззрение и взгляд на мир, его реальность. Активные и любознательные студенты из других стран с удовольствием изучают язык принимающей стороны и знакомятся с достижениями науки и культуры.

Деятельность НКО в нужном направлении — это еще один из способов мягкого влияния. Рассматривая НКО, как инструмент мягкой силы, мы можем отметить, что это организации, которые работают в русле идеологических и социокультурных ориентиров других государств, зачастую, играющие большую роль в защите прав человека, человеческого достоинства⁴.

¹ Пономарева Е. Железная хватка «мягкой силы». // МГИМО. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document238257.phtml>.

² Мухаметшин Ф. Народная дипломатия: взаимопонимание во имя развития // Литературные известия № 37 (67), 2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=2520>.

³ Торкунов А. В. Образование как инструмент « мягкой силы» во внешней политике России. // Вестник МГИМО Университета № 4 (25) / 2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-instrument-myagkoj-sily-vo-vneshney-politike-rossii>.

⁴ Серая А. НКО, как инструмент «мягкой силы». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/node/28787>.

Важным инструментом мягкой силы может стать государственная миграционная политика, как целенаправленная деятельность государства по регулированию процессов экспорта и импорта рабочей силы в данную страну или из нее. Государство призвано защищать интересы трудящихся-мигрантов, национальных работников, а также должно обеспечивать взаимную защиту интересов самих стран-экспортеров и импортеров рабочей силы¹.

Страна, принимающая трудовых мигрантов, становится привлекательной страной, и эта привлекательность может служить эффективным инструментом мягкой силы. Именно трудовые мигранты как наиболее активная и мобильная часть общества могут стать проводниками влияния принимающей страны в своих странах². Экспорт людей — это также влияние на положение дел в другой стране, куда они экспортируются.

Таким образом, мягкая сила позволяет достигать поставленных целей и задач без насилия, формируя привлекательность транслируемых образов, идей, институтов.

Ж. Ю. Орешкина
Ростов-на-Дону

ОБЩЕРОССИЙСКИЙ НАРОДНЫЙ ФРОНТ КАК НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА

Возрастающая роль общественных организаций в жизни российского общества обусловлена современной политической системой, в рамках которой свобода объединений является конституционно закрепленной. Данный аспект стимулирует создание не только политических партий, но и гражданских организаций, объединяющих людей с общими целями. Примером становления гражданского общества в России являются неправительственные общественные организации, дающие широкие возможности для проявления гражданской активности россиян³. В процессе своей деятельности общественные организации могут начать действовать как политические. Стоит отметить, что некоторые из них изначально создаются

¹ Государственная миграционная политика: сущность, виды и инструменты. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://studopedia.net/11_54847_gosudarstvennaya-migratsionnaya-politika-sushchnost-vidi-i-instrumenti.html.

² Адясов И. Возможна ли российская «мягкая сила»? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/51200.html>.

³ Россия-2020: сценарии развития / Под ред. М. Липман и Н. Петрова; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 511–512.

как политический проект, который на первоначальном этапе своего развития всячески подчеркивает свой неполитический характер¹.

Коалиция общественно-политических организаций «Общероссийский Народный Фронт» (ОНФ), созданная в 2011 г. по инициативе Владимира Путина, занимавшего на тот момент пост председателя правительства, имела все шансы стать фланкирующей организацией, союзной или даже управляемой партией «Единая Россия». Об этом свидетельствует обязательное на тот момент условие вступления в ряды ОНФ: «участники коалиции должны разделять тактические и стратегические цели партии «Единая Россия»². Данное требование объясняется тем, что представители ОНФ пошли на выборы в парламент по спискам партии ЕР и заняли мандаты единороссов в Государственной думе VI созыва. Однако, с течением времени ситуация несколько изменилась. Вероятно, это связано с корректировкой планов создателей «фронта»: вместо потенциальной кузницы кадров для Единой России ОНФ стал независимой организацией, поддерживающей конкретную личность — Владимира Путина, ставшим президентом в 2012 г.

Деятельность ОНФ в период с 2011 до 2013 г. фактически не имела конкретного выражения и не является актуальной и значимой в сегодняшнем функционировании организации. ОНФ оформился как Общероссийское общественное движение «Народный Фронт «За Россию» в июне 2013 г. На учредительном съезде делегаты единогласно поддержали избрание лидером В. В. Путина. Организационная структура в виде Штаба, возглавляемого тремя сопредседателями, и Исполнительного комитета, в течение 2013–2014 гг. была применена во всех 85 субъектах РФ, включая Крым и Севастополь.

В настоящее время основной задачей региональных отделений ОНФ является мониторинг исполнения и реализации на местах, так называемых, «майских» указов Президента, являющимися по своей сути предвыборными обещаниями Владимира Путина. На сегодняшний день взаимодействие общества, в лице представителей ОНФ, и власти, в лице Президента, происходит через участие в масштабных федеральных мероприятиях: ежегодный «Форум действий», форум по образованию, здравоохранению, медиафорум. Безусловно, данные мероприятия несут в себе позитивное продуктивное зерно, благодаря которому чиновники на местах под влиянием ОНФ вынуждены работать более эффективно. Однако, есть несколько «подводных камней».

¹ Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. 3-е (8-е) изд. М.: НП ИД «Русская панорама», 2012. С. 484–486.

² Росбалт: «Песков: В «Общероссийский народный фронт» не войдут представители несистемной оппозиции». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rosbal.ru/federal/2011/05/06/846575.html>.

Во-первых, общественники, входящие в состав Региональных штабов, зачастую ангажированы властью. На момент возникновения ОНФ региональные политические элиты собирали штаб из «своих» людей, чтобы быть «в тренде». Сегодня это затрудняет возникновение конструктивной критики и реальное воздействие на ситуацию с целью исправления недоработок исполнительной власти.

Во-вторых, постоянно возрастающая бюрократия внутри организации. Заседания, голосования, ведение протоколов, отчетность, согласование участников движения с федеральным центром — все это делает ОНФ похожим, если не на орган власти, то на политическую партию.

И, в-третьих, непонимание участниками движения конечной цели организации. Многие из числа вошедших в региональные Штабы, воспринимают ОНФ как ступень на пути к реальной политике и власти. Однако в настоящий момент Народный Фронт никак не поддерживает своих представителей в данном направлении. Несмотря на это, члены Региональных штабов не высказывают намерений покинуть движение и находятся в «режиме ожидания» изменения ситуации, по сути занимая те места, на которые могли бы прийти активные люди, готовые уделять большое количество времени общественной работе.

Грядущие в 2016 г. выборы в Государственную Думу и выборы Президента в 2018 г. должны более ярко представить место, занимаемое ОНФ в политической системе России. Учитывая широкую сеть региональных отделений, идеологию, построенную на доверии Президенту РФ, можно предположить, что на основе ОНФ может быть создана новая политическая партия.

Г. С. Попов
Тюмень

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Факторы, связывающие политику и экологию в Тюменской области:

1. Политика промышленного развития в ТО;
2. Интенсивность добычи сырья (нефть, газ, древесина);
3. Наличие экологической тематики в предвыборных компаниях политиков
4. Финансирование охраны окружающей среды в Тюменской области.

Политика промышленного развития в ТО

Задачи государственной программы Тюменской области «Развитие промышленности, инвестиционной и внешнеэкономической деятельности» до 2020 г.:

1. Содействие модернизации и расширению производственных мощностей, повышению технологического уровня предприятий, обеспечению производств квалифицированными кадрами;
2. Содействие в продвижении промышленной продукции на внутреннем и внешнем рынках;
3. Поиск и привлечение инвесторов для реализации инвестиционных проектов и содействие реализации инвестиционных проектов в Тюменской области;
4. Укрепление внешнеэкономического потенциала региона и содействие установлению взаимовыгодных связей с регионами России и зарубежными странами.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что политика направлена на интенсивное развитие промышленности и напрямую не угрожает экологической ситуации области.

Интенсивность развития добычи и переработки сырья

На данный момент, в Тюменской области интенсивно добывают нефть занимают: ОАО «Роснефть», ОАО «Сургутнефтегаз», ОАО «Лукойл», ОАО «ТНК — ВР — Холдинг», ОАО «Газпром Нефть», ОАО «Славнефть», ОАО «Русс Нефть», «Салым Петролеум Девелопмент Н.В.», ОАО «НОВА-ТЭК», ООО «ИТЕРА».

Государственная программа Тюменской области «Развитие промышленности, инвестиционной и внешнеэкономической деятельности» до 2020 г. подразумевает поиск инвестиций в следующие объекты:

- ООО «Тюменский фанерный завод»;
- ООО «Загрос» (деревообрабатывающая промышленность);
- ООО «Шаттдекор» (деревообрабатывающая промышленность);
- Проект компании «РН Менеджмент»;
- ЗАО «Антипинский НПЗ»;
- Проект «Комплексное развитие Тобольской промышленной площадки»;
- Группа «ПОЛИПЛАСТИК»;

Общая сумма затрат: 896 320 400 000 руб.

Общая сумма затрат на государственную программу Тюменской области «Основные направления охраны окружающей среды» до 2020 г.: 1 537 283 600 руб.

Можно отметить, интенсификация промышленного развития идет быстрыми темпами, что создает угрозу экологической безопасности. А также можно заметить, что сумма затрат, направленных на охрану окружающей среды несоизмеримо меньше, чем планируемые инвестиции в промышленность.

Наличие экологической тематики в предвыборных компаниях политиков

Предвыборные программы кандидатов в губернаторы Тюменской области 2014:

- ЛДПР: Чистую воду в каждую квартиру и каждый дом! Должна быть принята новая программа по очистке воды и модернизации всей системы снабжения граждан водой.
- Реки и озера должны быть очищены от бытового и промышленного мусора.
- Города и поселки в области должны быть цветущими и зелеными. Высадка многолетних растений для озеленения должна осуществляться комплексно и продуманно. Все действующие парки должны быть благоустроены!
- Облагородить зоны отдыха и детских игровых площадок в парковых зонах и около водоемов в спальных районах населенных пунктов области. Территории парков и скверов должны быть разделены на четкие тематические зоны: развлечения и прогулка¹.

Единая Россия:

- Реконструировать и построить новое полотно дороги сообщением Тюмень—Тобольск—Ханты-Мансийск—Сургут. Достроить объездную дорогу вокруг Тюмени, построить в областном центре три новых моста через реку Тура.
- Ввести в ближайшие пять лет не менее восьми современных транспортных развязок в городах Тюменской области (3 развязки строятся, по 5 ведутся проектно-изыскательские работы)².

Экологическая тематика непопулярна во время выборов и всегда тесно связана с социальными проблемами. Однако, как можно заметить, партия «Единая Россия» планирует увеличить количество транспортных развязок

¹ Программа избирательного объединения «Тюменское региональное отделение политической партии ЛДПР — либерально-демократической партии России». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ldpr89.ru/page/programma-izbiratel'nogo-obedinenija-tjumenskoe-regionalnoe-otdelenie-politicheskoy-partii-ldpr-liberalno-demokraticeskoy-partii-rossii>.

² Предвыборная программа Тюменского регионального отделения Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» на выборах губернатора Тюменской области. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tyumen.er.ru/party/election2014/>.

на территории области, что может привести к увеличению количества автомобилей и создать еще одну угрозу окружающей среде.

Финансирование охраны окружающей среды в Тюменской области

Затраты на охрану окружающей среды в 2015 составляют лишь 1,52% от остального бюджета. Затраты на охрану окружающей среды в 2016 и 2017 гг. планируют составить лишь 0,22% от остального бюджета. Подобное финансирование может впоследствии вызвать экологический кризис в регионе.

Таким образом, можно отметить, что увеличивающиеся темпы интенсификации роста промышленности, отсутствие приемлемого финансирования проектов по охране окружающей среды и отношение к экологической ситуации со стороны политических лидеров региона могут привести к серьезному ухудшению экологической ситуации в Тюменской области.

С. В. Путицев
Красноуральск

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НА МЕСТАХ

Социально-политическая рефлексия в современной России на тему гражданского общества сегодня находится либо на элитарном уровне, либо на уровне крупных региональных центров. Прежде всего, это выражается в том, что реализация идеи гражданского общества в России на данный момент показывает собственную ограниченность, которая выражается в масштабах распространения политико-правовой идеи гражданского общества на всех граждан указанной страны.

Необходимо отметить тот факт, что некоторые политические и правовые практики из Европы и США слепо переносятся на действительность России, без какого-либо анализа исторических, этнических и экономических аспектов. Гражданское общество является именно подобной «практикой», которую искусственно перенесли на российскую действительность, не проведя изначально качественных социологических исследований.

Обращая свой взгляд на историю развития политико-правовой мысли, обнаруживается, что уже Аристотель в «Политике» употребил равноценное словосочетание понятию «гражданское общество», которое преобладало среди философов до Нового времени.

После Аристотеля были такие великие мыслители, как Макиавелли и Гоббс. Через собственные труды они утвердили понятие «суверен» и вне-

сли корректировки в сущность «гражданского общества». С этого момента, государство формирует собственные рычаги давления на общество. Другими словами, «гражданское общество» переходит в «управляемое общество», что характерно для монархической формы правления, где «общество» переходит в «государство».

С того момента в ряде государств сменилась лишь форма правления, а эволюция гражданского общества проходила исключительно на уровне крупнейших городов различных стран, которые сегодня являются так же и политическими центрами определенных регионов.

Концептуальная идея данной работы находится в надобности выяснения существования оснований для того, чтобы утверждать об отсутствии гражданского общества там, где начинается глубинка страны.

Было проведено социологическое исследование посредством методов анкетного опроса и интервьюирования в рамках населенного пункта Свердловской области, в городе Красноуральск. Целью исследования была попытка подтверждения теории, утверждающей о полном или частичном отсутствии условий для формирования гражданского общества, а, следовательно, и механизмов его функционирования в глубинке России. Данное исследование позволило выявить ту самую ограниченность концепции гражданского общества, о которой говорилось выше.

Выяснилось, что историческое прошлое по-прежнему влияет на гражданскую активность в российской глубинке. Проявление этого можно заметить в нежелании формирования каких-либо гражданских платформ у населения, которое обосновывается боязнью или страхом перед критикой деятельности тех предприятий, в структуре которых работают опрошенные. Здесь же прослеживается взаимосвязь между материальным достатком и готовностью продвижения общественных интересов. Был замечен интересный факт, который подтверждает готовность граждан на осуществление активной общественной деятельности при существовании экономической выгоды для индивида.

На данном этапе исследования стало возможно выдвижение тезиса о том, что консолидация общества в глубинке России будет возможна при развитии следующих факторов:

1. Поколение граждан, рожденных в период существования СССР (1970–1980 гг.), будет естественным образом сменено поколением граждан, рожденных в период начального развития Российской Федерации (1992–1999 гг.);

2. Государство через программы выдачи грантов будет спонсировать развитие условий и механизмов «гражданского общества» в отдаленных от региональных центров городах.

Сегодня в России существует конкурсная программа президентских грантов по поддержке некоммерческих неправительственных организаций,

участвующих в развитии институтов гражданского общества и реализующих социально значимые проекты. Данный факт можно охарактеризовать как положительную черту развития «гражданского общества» в России, но опять же, конкурсный отбор по определению кандидатов на получение грантов производится государственной конкурсной комиссией. То есть, можно сказать, что государство через собственные механизмы отбора произведет выбор в пользу тех, кто будет наиболее эффективен. А подобная эффективность будет хорошо проявляться в региональных центрах, особенно в городах «миллионниках», поскольку инерционный эффект развития данного института будет получен скорее в указанных населенных пунктах с колоссальным количеством населения, нежели в отдаленных от них «миллиоников» городах, где население редко превышает 100 тыс. человек.

А. В. Садилова
Пермь

РОЛЬ СЕРВИСОВ-САТЕЛЛИТОВ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

Процесс развития сетевых практик в рамках нашего государства можно условно разделить на 3 этапа. Первый этап (2000–2008 гг.) характеризуется как использование Сети для установления межличностных коммуникаций и бытового общения. Во второй период (до 2013 г.) ознаменовался всплеском политической направленности сетевых практик, сложились отдельные направления сетевого участия¹. Наряду с государственными шагами по строительству электронного правительства в РФ², представители гражданского общества и оппозиционные силы давали старт различного рода электронным ресурсам, начиная с социальных сетей, делиберативных площадок и платформ электронной демократии до сайтов по борьбе с коррупцией («РосПил»)³.

¹ Портал грантов. Распоряжение Президента о грантах НКО в 2015 году. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://grants.oprf.ru/news/portal/p470/>. Дата обращения: 10.05.2015.

² Москва — наш город. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gorod.mos.ru/?show=about>. Дата обращения: 07.03.2015.

³ Дьякова Е. Г. Переход к электронному правительству как процесс институциональной адаптации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/58844888.pdf>. Дата обращения: 21.02.2014.

Однако с после масштабной электоральной волны, закончившейся президентскими выборами в 2012 г., наметился явный спад гражданско-политического участия в Сети, а большинство проектов оппозиции прекратили фактически свое существование. С этого момента в РФ гражданско-политический сегмент Сети вошел в период легкой стагнации¹, а тема электронного правительства вновь начинает актуализироваться.

На третьем этапе появляются так называемые «электронные сервисы-сателлиты». К ним автор относит совокупность сетевых ресурсов, появление и функционирование которых было инициировано властью или прогосударственными институтами. В общем виде ресурсы-сателлиты представляют собой дополнительные информационно-коммуникационные элементы существующего в России электронного правительства, которые функционируют с целью вовлечения гражданского населения в решение вопросов местного значения и поддержания общественного порядка, контроля над исполнительной властью. В качестве примеров обозначим следующие сервисы: геоинформационный ресурс «Москва — наш город»², социальная сеть «Взятке.НЕТ.рф»³, виртуальные приемные на сайтах органов власти. Необходимо подчеркнуть, что это лишь малая часть появившихся ресурсов.

Обобщенно говоря, подобные электронные сервисы предоставляют возможность гражданам РФ принимать участие в управлении городом путем проявления инициативы в решении проблем по благоустройству и жилищно-коммунальному хозяйству⁴, а также осуществлять общественный контроль над поддержанием необходимого уровня комфорта среды проживания, создают основу механизма оповещения на предмет коррупционной составляющей в государственных и муниципальных структурах.

В настоящее время во многих крупных городах действуют обозначенные сервисы-сателлиты, что позволяет иначе посмотреть на вопрос формирования гражданской активности. Дело в том, что широкое политически ориентированное участие населения является угрозой для стабильности нашей государственной архитектуры с авторитарным фундаментом⁵. По-

¹ Has the Russian opposition lost its way? URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/ben-judah/has-russian-opposition-lost-its-way>. Дата обращения: 06.03.2015.

² Москва — наш город. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gorod.mos.ru/?show=about>. Дата обращения: 07.03.2015.

³ ВзяткеНЕТ.рф [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://xn--b1agapgt6ae5i.xn--p1ai/>. Дата обращения: 28.03.2015.

⁴ 5 самых эффективных сайтов для решения городских проблем. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mn.ru/society_civil/20130902/355503286.html. Дата обращения: 06.05.2015.

⁵ Песков Д. Н. Интернет в российской политике: утопия и реальность // Полис. 2002. № 1. С. 43–44.

этому перед властью стоит задача направить энергию и желание партиципации существующего гражданского общества и растущего молодого поколения в нужное русло — безопасное для функционирования политических институтов¹.

С помощью новых электронных ресурсов власть получает сразу две категории бенефиций: общественный контроль над прозрачностью, качеством деятельности политических структур и лояльную гражданскую активность. Таким образом, данные ресурсы являются одним из ключей переключения активности граждан на неполитическую деятельность, но носящую конструктивный характер. Путем дальнейшего расширения сервисов-спутников в РФ государство делает попытки найти универсальную формулу формирования гражданского общества. Однако нужно учитывать, что этот подход (помимо названных плюсов) имеет множество сопутствующих им нестыковок и коренных гражданско-политических дилемм.

А. В. Соболев
Москва

ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ, БЕЛОРУССИИ, УКРАИНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В XX–XXI вв. «демократия» стала самым популярным понятием. Сегодня нет ни одного влиятельного политического движения или политического лидера, которые бы не прибегали бы к этому явлению и не использовали бы его в реальном, а подчас и популистском аспектах.

Учеными давно отмечено различие в становлении демократий на Западе и на Востоке. Причиной этому является тот факт, что в странах Европы и США демократия развивалась эволюционно в контексте социально-культурных особенностей этих стран на протяжении 150–200 лет, в то время как в остальные страны она была привнесена 25–50 лет назад, и ее развитие шло ускоренным догоняющим путем, вразрез с культурными и историческими особенностям.

Ниже приводится таблица, где на основании кросс-национального исследования сравнивается развитость признаков демократии в трех странах, не так давно вступивших на путь либеральной демократизации: Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Украины. Для анализа использована совокупность признаков этого процесса, раскрывающих его

¹ *Перегудов С. П.* Гражданское общество как субъект публичной политики. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/2/11.htm>.

сущность. Их балльные показатели позволяют оценить уровень и направленность демократических преобразований.

Таблица 10 (авторская таблица)

Признаки демократии	Россия	Белоруссия	Украина
Права, свободы	4	4	2
Выборность власти	5	5	5
Сменяемость власти	3	2	3
Альтернативность	4	1	2
Гражданская активность	2	1	5
Гражданские обязанности	4	4	3
Отчетность власти	4	3	1
Гласность	4	3	2
Политический плюрализм	5	1	2
Идеологический плюрализм	5	1	1
Коллективизм	2	3	1
Признание и сотрудничество с оппозицией	4	1	1
Развитость общественного мнения	3	2	3
Признание и защита прав меньшинств	4	4	1
Уважение законов	3	5	1
Развитость критики	4	2	1
Самоуправление и самоорганизация	3	3	2
Итого	63	47	36
Максимальный балл — 85			

Аналитика позволила выявить степень развитости демократии:

- **Российская Федерация** — 63 балла (74,1%);
- **Республика Беларусь** — 47 баллов (55,3%);
- **Республика Украина** — 36 баллов (42,3%).

Исходя из полученных результатов можно сделать следующие выводы:

- в Российской Федерации среднеразвитая демократия;
- Республика Беларусь имеет низкий уровень демократии;
- демократия в Республике Украина имеет низкий уровень развития.

Политический режим в **Российской Федерации** по всем формальным признакам считается демократическим. В РФ созданы для этого все необходимые условия: соблюдаются права и свободы граждан; декларируется построение правового и социального государства; функционируют демократические институты общества, законодательно закреплены основные демократические принципы и др.

Но в то же самое время реальное положение дел в стране не соответствует формально декларированной развитости демократии в РФ.

Это проявляется в следующем:

- нет сменяемости власти;
- низкая гражданская активность населения;
- отсутствует объективный инструмент выражения мнения различных слоев, групп граждан;
- в России отсутствует уважение к закону;
- низок уровень самоуправления и самоорганизации граждан;
- не развиты институты гражданского общества.

Демократия в России находится на среднем уровне развития, тем не менее просматривается положительная динамика ее дальнейшего совершенствования.

Республика Беларусь в настоящее время является формально демократическим государством, но политический режим — авторитарный.

По многим из представленных показателей Белоруссия отстает от России:

- сменяемость власти;
- альтернативность;
- гражданская активность;
- политический плюрализм;
- идеологический плюрализм;
- признание и сотрудничество с оппозицией;
- развитость общественного мнения;
- развитость критики.

Бессменный руководитель Белоруссии с момента распада СССР — А. Г. Лукашенко — лидер-харизматик, «хозяин своей земли». Он имеет жесткий бескомпромиссный стиль руководства, склонен подчинять себе всех в стране. Его власть, харизма, сила воли — важный фактор стабильности Белоруссии. Политическая система выстроена так, что Президенту удастся эффективно управлять страной.

Республика Украина — расколота страна, раздираемая внутренними противоречиями, гражданской войной. Социальная и политическая турбулентность, начавшаяся в конце ноября 2013 г. продолжается, несмотря на принимаемые меры внешнего характера («Минские соглашения»).

По событиям, которые происходят в стране, можно считать Украину антидемократическим государством. Пришедшее к власти после государственного переворота руководство разожгло кровопролитие в стране, привело население к нищете, разорению, а экономику к грани дефолта. Оно не способно адекватно реагировать на происходящие события как внутри страны, так и на международной арене, опасно заигрывает с национали-

стическими настроениями, что прямо противоположно основным демократическим устоям. Украина демократична только на бумаге, в документах, но реально она недемократична.

Е. М. Степовенко
Санкт-Петербург

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НОВЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Доклад посвящен анализу феномена символической политики в контексте трансформации российской партийной системы. Актуальность темы обуславливается усилением влияния политического дискурса на массовое сознание. Особую важность обретает вопрос, связанный с феноменом «символической политики». Символическая политика в различные исторические периоды использовалась властью для поддержания и укрепления своего влияния, выхода из кризисных ситуаций. В процессе трансформации символической политики произошли изменения способов политической легитимации, обусловленные массовым переходом большинства стран к демократии. Поддержание идеи целостности и единства населения в условиях демократии требует серьезной работы над системой символов, мифов и ритуалов, которые должны оказывать воздействие на эмоциональную сторону жизни населения: чувства и переживания. Преимущество современных коммуникационных средств заключается в охвате большой аудитории, возможности оперативного реагирования на возникающие вызовы. Рост электронной информации, развитие визуальных и аудиальных средств позволяют усилить степень влияния символической политики¹.

Целью исследования является определение степени эффективности стратегии символической репрезентации новых российских политических партий. Рассматривая способы символической репрезентации политических акторов, нельзя не обратить внимание на средства массовой информации как инструмент конструирования социальной реальности². Подобная символическая репрезентация трансформирует восприятие политической действительности реципиентов, сокращая степень их осмысленного участия в политической жизни. Символическая политика, инициированная

¹ Поцелуев С. П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация // Полис. 1999. № 5. С. 64.

² Кубрякова Е. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // М: Академический проект. 2008. С. 184.

политическими акторами, воздействуя на массовое сознание, может быть направлена на привитие важных и правильных идей, необходимых для мировой безопасности и стабильности, однако ее воздействие неизбежно создает проблему отчуждения политического населения.

Формирование при помощи символической политики нового «иллюзорного» мира является одним из средств символической репрезентации властных акторов. Подобные средства нивелируют необходимость аргументации, являясь эффективным инструментом политического управления. Несмотря на существование части критически настроенных граждан, считающих проверку потребляемой информации необходимой, символическая политика тем не менее оказывает прямое воздействие на сознание большинства реципиентов. Это связано с тем, что в рамках межличностной коммуникации получаемая информация не анализируется, а только воспроизводится и передается, причем под ее воздействием в большинстве своем попадают представители наиболее социально незащищенных слоев общества, имеющие низкий уровень образования и дохода¹. «Иллюзорная» действительность становится для них чем-то сродни ток-шоу, сериалу или кинофильму и воспринимается отстраненно. Причинами такого восприятия являются: непроверяемость данной реальности и, как следствие, меньшее число разочарований; иррациональность, что позволяет воспринимать «иллюзорный» мир как данность, не имеющую альтернатив; гармоничность и непротиворечивость; иллюзия выбора и управления (переключение телеканалов, выбор передач); направленность на человека, что вызывает эмоциональный отклик. Существование в «иллюзорной» реальности позволяет не испытывать необходимости выбора и ответственности, достаточно просто следовать уже установленным шаблонам поведения.

Доклад включает актуальную информацию по новым российским политическим партиям, относительно трансформации вербальной и семиотической символической репрезентации. Она проявляется в постепенном уменьшении степени значимости смысла, заложенного в слова. Слова теряют свое сакральное значение, «замыливаются», сливаются с повседневностью. Одновременно слова, принадлежащие бытовой жизни приобретают пафос, что является свидетельством воздействия символической политики: возвеличение бытового как попытка продемонстрировать значимость каждого члена общества вне зависимости от его личного вклада. Сакральные и глобальные категории нивелируются. Их сменяют «близкие» вопросы, решение которых возводится в ранг вклада в мировую стабильность, заботу о будущих поколениях. Подобные изменения могут быть восприняты положительно, однако именно в них через символическую репрезентацию отражается воздействие

¹ Кисилев К. В. Предвыборный слоган в проблемном поле семантической политике // Политология и социология. 2001. С. 217.

символической политики. Занятость частными проблемами приводит к отчуждению от глобальных политических вопросов, которые проникая в повседневность нивелируются вместе с глобальными категориями, приобретая значение пустых и бессмысленных.

Е. А. Филиппова
Саратов

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ

В современном обществе используется такой термин как электронное правительство. В России данным термином зачастую обозначают процесс «электронизации» государственного управления.

Первым этапом создания электронного правительства является программа «Электронная Россия 2002–2010»¹, которая направлена в основном на внутреннюю информатизацию органов власти. В ходе исполнения программы «Электронная Россия 2002–2010» была создана базовая ИТ-инфраструктура, заключаются контракты на использование единой инфраструктуры с «Ростелекомом».

Следующим этапом в развитии электронного правительства стала государственная программа «Информационное общество (2011–2020 гг.)»² — это первая госпрограмма, утвержденная Правительством в рамках перехода к программным принципам формирования бюджета страны. В данной программе основной акцент сделан на обслуживание граждан, а проект электронного правительства развернут лицом к жителям страны. Это принципиальное отличие между программами «Информационное общество (2011–2020 гг.)» и «Электронная Россия (2002–2010 гг.)».

Для успешного развития электронного правительства в рамках программ, либо отдельных пунктов предпринимались не только информационно-технические доработки, но и реформирование нормативно-правовой базы.

Для того чтобы стало возможным рассмотреть функционирование электронного правительства, мною были выбраны следующие объекты работы: УЭК и процедура получения загранпаспорта, через портал госуслуг.

¹ Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 гг.)» // Собр. законодательства РФ. 2002. № 5. С. 531.

² Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 21.02.2015) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.)». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175827/. Дата обращения: 15.05.2015.

Универсальная электронная карта — это материальный носитель, содержащий зафиксированную на нем в визуальной и электронной формах информацию о пользователе картой и обеспечивающий доступ к этой информации. Информация может быть использована для удостоверения прав пользователя картой на получение государственных и муниципальных услуг, в том числе для совершения юридически значимых действий в электронной форме в случаях, предусмотренных законодательством РФ.

В работе был проведен контент-анализ статей «Российская газета», посвященных электронному правительству, за 6 месяцев, с августа 2014 г. по январь 2015 г. Он показал, что наиболее часто встречается термин «УЭК» начал с октября 2014 г. До этого встречались такие термины как «удостоверение личности», «персональные данные». Это говорит о том, что данная система по сравнению с прошлым годом, когда о ней мало кто говорил, сейчас уже пользуется спросом.

Данный контент-анализ помог спрогнозировать краткосрочный прогноз развития УЭК. *Во-первых*, простота и удобство в использовании государственных и муниципальных услуг. *Во-вторых*, данная карта бесплатна при получении ее гражданином Российской Федерации. Средства на изготовление УЭК берутся из федерального бюджета, и на 2015 г. не предвидится каких-либо изменений. *В-третьих*, создание инфраструктуры для доставки гражданам государственных, муниципальных и коммерческих услуг в электронном виде, уменьшение бюрократических процедур. *В-четвертых*, подписание соглашений и протоколов с ООО «УЭК» ряда субъектов Российской Федерации, а также банков. *В-пятых*, предполагается внедрение в проект УЭК транспортного проекта, предусматривающего внедрение электронного проездного и широкое использование национальной платежной системы ПРО100.

Вторым шагом в данной работе был анализ получения логина и пароля для идентификации на портале госуслуг, получение такой услуги как приобретение загранпаспорта через портал.

Для получения услуги была выбрана одна из предложенных возможностей активации карты с помощью кода активации лично в центре продаж и обслуживания ОАО «Ростелеком». Данный способ оказался наиболее выгодным и занимающим наименьшее количество времени.

Для практической части работы, была выбрана государственная электронная услуга по выдаче, замене паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющего личность на территории Российской Федерации. На получение паспорта был затрачен месяц. Все документы были поданы через портал госуслуг, а паспорт я получала по месту прописки. В результате паспорт гражданина Российской Федерации был выдан 05.04.2014.

Так на данный момент электронное правительство активно проводит свою деятельность, количество россиян, зарегистрированных в Единой

системе идентификации и аутентификации составляет 14,8 млн человек. Использование УЭК приобретает все больший спектр использования, происходит увеличение количества пользователей портала госуслуг, продолжается международное сотрудничество в сфере обмена опытом и навыками. А это значит, что у электронного правительства есть большое будущее.

К. В. Шамиев
Санкт-Петербург

РОЛЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРЕДЕЛЫ ЛОЯЛЬНОСТИ (на примере Западного военного округа)

Существует мнение, что российские военнослужащие не склонны участвовать в политической борьбе: если происходит смена власти, то армия занимает сторону победившей стороны и продолжает исполнять свои обязанности¹. Но так ли это на самом деле? В настоящем исследовании дается ответ на вопрос: имеется ли у представителей Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ) политическая субъектность и, если да, то насколько она согласуется с установившимся в стране политическим *status quo*?

Гипотезой исследования является предположение, что российские офицеры обладают своими взглядами на политическую обстановку в стране и в случае стечения определенных факторов могут влиять на ее изменение.

Данная тема требует научного анализа в связи с определенной недоступностью для изучения военнослужащих РФ и продолжающимися изменениями ВС РФ. В научном дискурсе существуют различные точки зрения на роль армии в политике. Одни ученые заявляют о возможности участия ВС в политике, а иногда и о необходимости определенных действий со стороны армии (например, случай Чили)², тогда как другие отрицают возможность участия военных в политике, заявляя о негативных последствиях

¹ Коновалов А. А. Безопасность России: угрозы внешние и внутренние. Семинар «Я — думаю!», фонд Либеральная миссия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.liberal.ru/seminars/cat/6265>. Дата обращения: 28.11.14.

² Копылов И. А. Армия и политика в современном мире // Армия и общество. 2011. № 2. С. 80.

такого явления¹. Однако каких-либо глубоких исследований о потенциях российских военнослужащих участвовать в сфере политики не проводилось, что составляет научную актуальность моей работы.

Цель работы состоит в определении политических взглядов российских военнослужащих (на примере исследования военных офицеров Западного военного округа) и оценке того, насколько они согласуются с установившимся политическим режимом в стране.

Методом сбора данных для работы является анкетный опрос действующих офицеров Западного военного округа. При помощи исторического неинституционализма и логики *path dependency*² были интерпретированы полученные результаты.

Дуглас Норт определяет институты как набор правил, процедур их выполнения и морально-этических норм, созданных для ограничения поведения индивидов в интересах максимизации эффективности или благосостояния³. Вивьен Шмидт показывает, что при помощи исторического неинституционализма можно исследовать последовательность развития институтов, происхождения политических событий, фаз политических изменений. Данный подход позволяет проследить становление тех или иных институтов, асимметрию распределения власти и выделить определенные последствия такого исторического развития⁴. Термин «разрушение институтов» сформулировал Золтан Бараны: это процесс, отмечающийся размыванием и крушением прежде принятых норм и правил управления поведением организаций⁵.

Теоретическая часть исследования основана на работах *Zoltan Barany, Bettina Renz, Deale R. Herspring, Deborah L. Norden, Samuel Finer, Olga Kryshianovskaya, Steven White, Stepan, Alfred, Taylor, B. D.*, И. А. Копылова, Т. А. Узакбаева.

В заключении работы были сделаны выводы, что с точки зрения исторического неинституционализма, процесс «разрушения институтов» в армии остался. Несмотря на внешний образ политического абсентеизма ВС, в опросах заметно, что офицерский корпус потенциально готов выступить в качестве силы в определенных политических ситуациях. Эти данные по-

казывают, что ВС РФ не является однородным институтом, таким образом, разные представители ВС РФ могут выступать за различные политические повестки. Институт армии в настоящий момент не обеспечивает работу с личным составом по формированию единой позиции по политическому участию военнослужащих, чтобы указанное ранее распространенное мнение о том, что военнослужащие не готовы участвовать в политике, подтвердилось. В условиях российского политического режима институт армии может использоваться в качестве инструмента различных политических сил. Роль ВС РФ в контексте российского политического режима определенно нельзя сводить только к указанным в законе «Об обороне» функциям¹.

Б. Н. Шестов
Саратов

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ МЕДИАТЕКСТОВ

В современном обществе все больший интерес для исследователей начинает представлять вопрос о влиянии средств массовой информации на политические взгляды людей. Понимание того, какое воздействие окажет та или иная транслируемая массмедиа информация на избирателей и как эффективнее преподнести то или иное сообщение, представляется довольно заманчивым. В данном контексте в политической коммуникативистике все чаще начинают рассматриваться различные вопросы, так или иначе связанные с установлением повестки дня, фреймингом и праймингом². Для нас же особенно важным представляется то, что все большее число ученых-коммуникативистов проверяют свои гипотезы относительно установления повестки дня с помощью количественных методов³.

В качестве методологической основы для использования обозначенных выше теорий зачастую выступает регрессионный анализ (в том или

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 1995 № 61-ФЗ «Об обороне» // СЗ РФ. 1996. № 23, ст. 2750.

² См., напр.: *Scheufele D.* Agenda-setting, priming, and framing revisited: Another look at cognitive effects of political communication // *Mass Communication & Society*. 2000. Vol. 3. P. 297–316; *McCombs M.* Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion. Malden, MA: Blackwell, 2004. 198 p.

³ См. напр.: *Sheafar T.* How to evaluate it: The role of story-evaluative tone in agenda setting and priming // *Journal of Communication*. 2007. Vol. 57. P. 21–39.

¹ *Finer S. E.* The Retreat to the Barracks: notes on the practice and the theory of military withdrawal from the seats of power // *Third World Quarterly*. Vol. 7. № 1. P. 17.

² *Peter Hall, Rosemary Taylor.* Political Science and Three New Institutionalism // *Political Studies*. 1996. P. 937.

³ *Douglass North.* Structure and Change in Economic History. N.Y. 1981. P. 149–159.

⁴ *Vivien A. Schmidt.* Give Peace a Chance: Reconciling Four (not Three) “New Institutionalisms. Ideas and Politics in Social Science Research. URL: http://citation.allacademic.com/meta/p152814_index.html. Дата обращения: 01.04.2015.

⁵ *Zoltan Barany.* Civil–Military Relations and Institutional Decay: Explaining Russian Military Politics // *Europe-Asia Studies*. Vol. 60. No. 4. 2008. P. 589.

ином его виде). Это связано с удобством обработки большого количества данных, что является неизбежным при анализе материалов СМИ, опубликованных за значительный промежуток времени, и данных социологических опросов, а также с тем, что для получения точных результатов и снижения вероятности принятия неверной гипотезы (или отклонения верной) необходимо учитывать некоторое количество немедийных факторов, оказывающих влияние на итоговый результат. Ведь, помимо новостей, влияние на оценку аудиторией различных сфер жизни также оказывает благосостояние респондентов, их возраст, пол, образование, приверженность к определенной партии, уровень безработицы, объем ВВП на душу населения и прочие факторы.

В этой связи предметом нашего внимания в данном случае является специфика применения регрессионного анализа и те исследовательские возможности, которые дает его использование. Полагаем, что регрессионный анализ позволяет исследователю с относительно малыми временными затратами рассмотреть большое число немедийных факторов, выбрать из них те, что оказывают наибольшее воздействие, и — тем самым — более точно интерпретировать результаты анализа влияния материалов СМИ и сформулировать более корректное теоретическое обоснование собственных положений.

Для лучшего понимания основных принципов анализируемого количественного метода рассмотрим множественный регрессионный анализ в терминологии математики. Мы ищем зависимость между зависимой переменной и некоторым набором независимых переменных. Эта зависимость является статистической. Мы можем получить зависимость в виде

$$y = b_0 + b_1x_1 + b_2x_2 + b_3x_3 + \dots + b_nx_n + \varepsilon$$

где ε — случайная ошибка, обусловленная неточностями в измерениях и неучтенными факторами, y — объясняемая переменная, x_1, x_2, \dots, x_n — набор объясняющих переменных, b_0 — пересечение (или константа), а b_1, b_2, \dots, b_n — регрессионные коэффициенты, показывающие степень влияния соответствующего фактора на зависимую переменную, т.е., иными словами, иллюстрирующие то, насколько изменится зависимая переменная (в единицах измерения этой переменной) при изменении значения соответствующей независимой переменной (в единицах измерения этой переменной) на 1. Именно эти коэффициенты (в том или ином их виде), как правило, представляются в результатах анализа. Кроме этого, в таблицах результатов зачастую присутствуют значения R^2 и χ^2 — эти параметры характеризуют качество модели. В частности, R^2 показывает, какая доля вариации функции объясняется влиянием факторов x_1, x_2, \dots, x_n .

Таким образом, на наш взгляд, регрессионный анализ представляет собой комплекс статистических методик, на сегодняшний день не имеющих себе равных по широте применения в современной политической

науке. Принципиально важной его особенностью является возможность определить влияние нескольких независимых переменных на одну зависимую. Это преимущество является ключевым, так как в политике, как правило, явления обусловлены влиянием множества одновременно действующих причин.

Резюмируя, заметим, что количественные методы и, в частности, регрессионный анализ, достаточно часто применяются в зарубежных исследованиях и все активнее используются отечественными учеными. Они дают исследователю возможность решить сложную задачу — при работе с большими массивами данных о состояниях объектов и процессов, каждый из которых в отдельности обладает трудно уловимой качественной спецификой и не менее трудно улавливаемым качественным сходством с другими ему подобными объектами и процессами, сделать эту качественную специфику и качественное сходство максимально очевидными. Иначе говоря, то, что прежде ощущалось лишь интуитивно, теперь, используя численные методы, становится возможным подкрепить точными расчетами.

Н. А. Манжина
Москва

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО ГОРОДА БЛАГОВЕЩЕНСК

Пространственная идентичность является важным элементом самосознания как отдельной личности, так и населенных пунктов в целом. Способствуя формированию определенного самовосприятия, она закладывает основы не только личного, но и культурного, экономического и даже политического развития исследуемых территориальных единиц.

В данной работе исследовано влияние соседства китайского города Хэйхэ на формирование пространственной идентичности российского приграничного города Благовещенск.

Данный кейс представляет собой особый интерес, поскольку расстояние между этими городами разных государств составляет менее 1 километра, что само по себе достаточно редкое территориальное явление и единственное на российско-китайской границе.

Серьезное внимание здесь было уделено характеристике типа границы между городами — одному из основных показателей, позволяющих оценить взаимопроникновение экономических и культурных элементов исследуемых территорий.

Что касается методологической основы работы, то в качестве метода исследования пространственной идентичности использовался анализ неформальных источников, а именно анализ архитектурных единиц, названий улиц, кафе, ресторанов, закусочных, и т.д. Данный метод интересен тем, что он позволяет выявить несознательную самоидентификацию населенного пункта.

Объектом исследования является город Благовещенск.

Предмет — названия улиц и предприятий общественного питания, городская архитектура.

Несмотря на то, что изучение пространственных идентичностей уже сформировалось в отдельную нишу геополитических исследований, в основном массиве работ упор делается на анализ торговых взаимосвязей, организации политического и правового пространства, социальных и культурных контактов. В данном же предмете заключается особенность исследования — в фокусе работы находятся визуальные городские ориентиры, а не письменные источники.

Актуальность исследования данного феномена носит вполне прикладной, практический характер. Знание особенностей идентичности жителей исследуемой территориальной единицы позволяет обоснованно предполагать, а в некоторых случаях даже предсказывать, какой выбор в той или иной сфере они будут совершать, какие товары будут использовать, каким политическим силам будут симпатизировать, какую политическую партию будут поддерживать на выборах. Результаты исследования могут также представить интерес и федеральному правительству при выстраивании отношений со всем регионом, Амурской областью, административным центром которой является Благовещенск.

*А. С. Фасюра
Москва*

FACTORS THAT CAN INFLUENCE ON DYNAMIC OF CHILDREN PLACEMENT IN FOSTER CARE FAMILIES

Children are very important for each society, because they are its future. How we grow up them, that future we would have. Child's future is very dependent on parental education and control. Almost all the habits of the child inherit from their parents. Often, looking at his parents, he chooses a profession, is very often a life partner also choose according to the familiarity on his\her parents. But, there are children, who have not or leave without parental care.

Such children need in more care than other, because they are very vulnerable due to the lack of personal defender, for whom in priority would be the interests of the child, not the state or society.

Although the problem of orphanhood primarily is in the sphere of attention of state and non-profit organizations for over ten years, the extent of child abandonment and institutional placement of orphans and children left without parental care in Russia is still very significant. Socio-psychological theories emphasize the importance of family education, the formation of a close relationship and affection for successful socialization of children. The world has gained extensive experience in the development of various forms of family placement of different categories of children outside their families. However, the development of temporary family placement of orphans in Russia is slow and difficult. In this task, as well as in the development of regulatory tools for family placement of orphaned children in Russia might benefit from the experience of countries with a long history of development foster (foster) parenthood, such as the UK, USA.

However, the experience of reforms in the social sphere in Russia and other countries shows that the direct copying of foreign experience is rarely effective. Moreover, in quite successful countries, there are many examples of problems with raising children and foster care. It is therefore important, along with the studying of positive and negative experience in the organization of various forms of children-orphan placement in foreign countries, to understand the Russian specifics — orphanhood and functioning of existing institutions, and the special needs of national factors working in this field.

The priority of family form of placement is confirmed in the Report of President of the Russian Federation to the Federal Assembly in 2011 and 2012.

June 1, 2012 the President of Russia signed a Decree on the National strategy of action for children for 2012–2017, according to which the protection of rights and legitimate interests of minors, without parental care, and, above all, the creation of conditions for the realization of the right of every child to live and grow up in the family, is one of the priorities in state policy in the field of childhood at the Federal, regional and municipal levels. Principled innovation strategy is an emphasis on the prevention of the removal of children from the family and child abandonment.

The framework of the contemporary Russian policy towards orphans and children left without parental care, primarily determined by the legislation and normative acts establishing the priority primary measures (prevention of cases of child abandonment) and secondary prevention (placement of children without parental care).

Primary prevention of social orphanhood is aimed at preventing social and biological orphans, methods of early intervention for the prevention of family problems. Secondary prevention occurs when the fact of social or biological

orphans has already taken place, and is aimed at creating opportunities for the device-orphaned child in the family.

The system, which was successfully developed during the Russia Impair period, gradually begins to develop at the present time, thus, the preconditions for the development remain the same.

For the analyze of factors which can influence on the dynamic of children placement in foster care families, there were used the information from other researches, scientist books as well as results from the expert interviews carried out during internship.

Using mentioned methods, there were stressed several main groups of factors, such as:

- Legal factors;
- Factors of the development of supporting system, including compensation (salary) for the parents;
- Information support of this field
- The attitude of the people around to taking a child into care.

The results of the study allow stress the number of mandatory criteria professional foster parenthood in Russia following:

- 1) the Presence of potential surrogate parents for special education/ professional under-cooking.
- 2) the Presence of the necessary conditions for the maintenance of children.
- 3) Ensuring adequate professional social, pedagogical and psychological support foster (Deputy) of the family.
- 4) the Existence of a legally binding contract with the guardianship or other special agencies.

Results of new State policy we can see on the example of one orphanage, where for 2014 from about 40 children:

- 25 children placed in foster care families, 5 of them are in one family;
- 1 child was returned;
- In school for foster parents in one group studied more than 15 persons.